

442
Т584

В.Н.ТОПОРОВ

ПРУССКИЙ ЯЗЫК

СЛОВАРЬ

Л

«НАУКА»

440.4921
ББК 81.2-4
Т584

С. ЛИТЕРАТУРА (ДОПОЛНЕНИЕ)

Рецензенты:

доктор филологических наук Т.В. БУЛЫГИНА

доктор филологических наук А.А. ЗАЛИЗНЯК

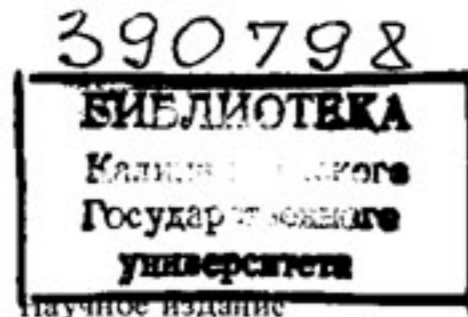
Топоров В.Н.
Т58 Прусский язык. Словарь: L (laydis — *lut- & *mod-). — М.:
Наука, 1990. — 424 с.
ISBN 5-02-010994-0

Этот том словаря прусского языка продолжает исследование лексики и этимологии вымершего древнебалтийского языка, обнаруживающего особенно ранние и далеко идущие родственные связи со славянскими языками. Состав словаря образуют как прусские слова из уцелевших текстов, так и реконструкции прусской лексики по данным топонимии и ономастики и по прусским заимствованиям в смежных языках.

Для специалистов в области балтийского языкознания, славистов, лексикологов, историков языка и культуры.

4602030000-273
Т 042(02)-90 688-90 II полугодие

ББК 81.2-4

Топоров Владимир Николаевич

ПРУССКИЙ ЯЗЫК

Словарь: L (laydis — *lut- & *mod-).

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т.М. Скрипова. Художник А.Г. Кобрин

Художественный редактор А.В. Здрилько. Технический редактор О.В. Аредова
Корректор Л.А. Агеева

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ № 46327

Подписано к печати 22.08.90. Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 26,5. Усл.кр.-отт. 26,5. Уч.-изд.л. 31,2
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 466. Цена бр. 70к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-010994-0

© Издательство "Наука", 1990

- Алт. яз. — Баскаков Н.А. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958.
- Altpr. Geschl. — Altpreußische Geschlechterkunde.
- Amer. Contrib. VIII Congr. — American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Zagreb and Ljubljana. September 3—9, 1978. Vol. 1. Linguistics and Poetics. Columbus (Ohio), 1978.
- Analecta IE — Puhvel J. Analecta Indoeuropaea. Innsbruck, 1981.
- Англ. средневек. — Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Ann. Arm. Ling. — Annual of Armenian Linguistics. Cleveland (Ohio).
- Ант. балк. 6 — Международный симпозиум "Античная балканистика". 6. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18—22 октября 1988. Тез. докл. М., 1988.
- Анти. балк. Карп.-балк. — Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии: Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984.
- Античн. балкан. — Античная балканистика. М., 1987.
- Anthrop. — Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968.
- Apie diev. — Greimas A. Apie dievus ir žmones. Lietuvių mitologijos studijos. Chicago, 1979.
- Arier u. Ugrofinn. — Jacobsohn A. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
- Atti VII Conv. Int. Ling. — Atti del VII Convegno Internazionale di Linguisti (Milano, 12—15 Settembre 1984). Ed. Giancarlo Bolognesi. Brescia, 1987.
- Augst. gudr. grām. — Stenders G.F. Augstas gudribas grāmata no pasaules un dabas. Rīgā, 1988.
- Augšz. dial. — Augšzemnieku dialekta teksti. Latgaliskās izloksnes. Rīgā, 1983.
- Background — Pulleyblank E.G. The background of the rebellion of An Lu-schan. London, 1955 (= London Oriental Series, vol. 4).
- Балк. в конт. Средиз. — Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.
- Balt. — Gimbutas M. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius, 1985.
- Балт.-слав.-итал. изогл. — Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия. Минск, 1978.
- Baltu val. sen. un tag. — Baltu valodu senāk un tagad. Rīgā, 1985.
- Bau- u. Kunstdenk. Ostpreuss. — Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreussen Königsberg. H. 1: Das Samland, 1891; H. 2: Natangen, 1898; H. 3: Das Oberland, 1898; H. 5: Litauen, 1895.
- Белар. лінгв. — Беларуская лінгвістыка. Мінск.
- Белор. песни — Бессонов П. Белорусские песни. М., 1871.
- Bemerk. — Bezzenberger A. Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über die ethnologische Geographie des Lettlandes. SPt. 1895 (= Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Nouvelle Série IV [XXXVI]).
- Ber. Forsch. Inst. — Berichte des Forschung-Instituts für Osten und Orient in Wien. Wien.
- Besiedl. Ostpreuss. — Mortensen H. und G. Die Besiedlung des nord-östlichsten Ostpreussens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. Teil II. Leipzig, 1938.
- Bezeichn. Wald — Söll L. Die Bezeichnungen für den Wald in dem romanischen Sprachen. München, 1967.
- BFĪ — Kabelka J. Baltų filologijos ivadas. Vilnius, 1982.
- B. kalb. bendr. — Karaliūnas S. Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1987.
- Boden u. landw. Verh. Preuss. — Meitzen A., Grossmann F. Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates. Bd. VI. B., 1901.

- Б.-сл. древн. Погр. обр. — Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985.
- Б.-сл. этнояз. отн. — Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов 2-ой балто-славянской конференции. М., 1983.
- Булах. и совр. яз. — Л.А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения: Сборник научных трудов. Киев, 1987.
- Хлеб — Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1881.
- Chton. pasaul. — *Vėlius N.* Chtoniskas lietuviu mitologijos pasaulis. Folklorinio velnio analizė. Vilnius, 1987.
- Collect. ling. Heinz. — *Collectanea linguistica in honorem Adami Heinz.* Wrocław, etc., 1986.
- Cultiv. plants — *Hehn V.* Cultivated plants and domesticated animals in their migration from Asia to Europe. Amsterdam, 1979 (= Amsterdam Studies in the theory and history of Linguistic Science. Ser. I, vol. 7).
- Curr. progr. — Current progress in historical linguistics. Amsterdam, 1976.
- Deutsche Altert. — *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. 1—6. В., 1870—1892.
- Deutsch. Haus — *Henning R.* Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung. Strassburg, 1882.
- Deutsch. PN — *Bach A.* Die deutschen Personennamen. Berlin, 1943 (= Grundriss der germanischen Philologie. Bd. XVIII).
- Dial. Anc. Gaul. — *Whitnough J.* The Dialects of Ancient Gaul. Cambridge, Massachusetts, 1970.
- Диалектогр. русск. яз. — Диалектография русского языка. М., 1986.
- Dial. leks. — *Dialektālās leksikas jautājumi.* Rīgā, 1 — 1986, 2 — 1987.
- Dial. slov. chod. — *Hruška J.F.* Dialektický slovník chodský. Pr. 1907.
- Dign. izl. — *Indāne I.* Dignājas izloksne. Rīgā, 1986.
- DJbfVolksk. — Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Berlin.
- Dobra ostr.-golub. — *Powierski J.* Dobra ostrowicko-golubskie biskupstwa włocławskiego na tle stosunków polsko-krzyżackich w latach 1235—1308. Gdańsk, 1977.
- Донсторич. Евр. — *Кларк Дж. Г.Д.* Донсторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.
- Домашн. утварь — *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в обиходах и поверьях Полесья (XIX — начало XX в.): Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1986.
- Donum idg. Festg. Scherer — *Donum Indogermanicum.* Festgabe für Anton Scherer zum 70 Geburtstag. Heidelberg, 1971.
- D.-Pr. Vocab. — *Nesselmann G.H.F.* Ein deutsch-preußisches Vocabularium. Königsberg, 1868.
- Др. пам. ирл. — *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.
- Drusk. žod. — *Naktienė G., Paulauskienė A., Vitkauskas V.* Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.
- Dtsch. Namenkunde — *Schröder E.* Deutsche Namenkunde. Göttingen, 1938.
- Dzenn. Warsz. — *Dziennik Warszawski.* W-wa.
- Elem. bałt. — *Kondratiuk M.* Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu Białostockiego. Wrocław, etc., 1985.
- Encykl. Starop. — *Encyklopedia staropolska ilustrowana,* 1—4. W-wa, 1958.
- Engl. RN — *Ekwall E.* English River Names. Oxford, 1928.
- Engl. St. — *Englische Studien.*
- Эпигр. пам. М. Аз. — Эпиграфические памятники Древней Малой Азии и Античного северного и западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.
- Erklär. Tiernam. — *Edlinger A.* Erklärung der Tiernamen aus allem Sprachgebieten. Landshut, 1886.
- Erlebn. — *Böttiger H. von.* Erlebnisse aus Freiheit und Gefangenschaft. В., 1919.
- Erml. Stell. — *Bender J.* Ermlands politische und nationale Stellung innerhalb Preussen's. Braunsberg, 1872.
- Erober. Preuss. — *Ewald A.L.* Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. Halle. — Buch 1 — 1872; 2 — 1875; 3 — 1884; 4 — 1886.
- Et. FOu. — *Etudes Finno-Ougriennes.*
- Ethnol. Beitr. — *Ethnologische Beiträge zur germanisch-slavischen Altertumskunde.* 1910.

- Этноген. слав. — Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.
- Этнол. текста — Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. I—II. М., 1988.
- Этым. белар. — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1. Мінск, 1978 и сл.
- Euroas. — *Euroasiatica.* Napoli.
- Evol. IE Salm. — *Diebold A.R., Jr.* The Evolution of Indo-European Nomenclature for Salmonid Fish: the Case of 'Huchen' (*Hucho SPP*). Washington, 1985.
- Feste u. Volksbr. — *Schneeweis E.* Feste und Volksbräuche der Sorben vergleichend dargestellt. В., 1955.
- Festschr. Hoenigswald — *Festschrift for Henry Hoenigswald on the occasion of his Seventieth Birthday.* Tübingen, 1987.
- Filol. mater. — *Filologias materiāli profesoram J. Endzelinam.* Rīgā, 1933.
- Филол. зап. — *Филологические записки.* Воронеж.
- Ф.-угры и балты — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Fischerleb. Kur. Nehr. — *Pietsch R.* Fischerleben auf der Kurischen Nehrung. Dargestellt in kurischer und deutscher Sprache. В., 1982.
- Folk Life — *Folk Life.* Cardiff.
- Gaul PN — *Evans D. Ellis.* Gaulish Personal Names. Oxford, 1967.
- Gedenkschr. Kronasser — *Investigationes philologicae et comparativae.* Gedenkschrift für Heinz Kronasser. Wiesbaden, 1982.
- Geogr. metr. — *Geografijos metraštis.* Vilnius.
- Germ. u Kelt. — *Birkhan H.* Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Wien, 1970.
- Germ. Tacit — *Much R.* Die Germanen des Tacitus. Heidelberg, 1937.
- Gesch. Allenst. — *Bonk H.* Geschichte der Stadt Allenstein. Allenstein. T. 2 — 1930; T. 3 — 1910.
- Gesch. d. Stämme — *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1941.
- Geschichtl. kult. Masur. — *Gollub H.* Die geschichtliche und kulturelle Einrichtung Masurens/Masuren/ Hrsg. von H. Gollub. Königsberg, 1926.
- Gimt. Krāst. — *Gimtasai kraštas.* Vilnius.
- Gloss. Fish. — *Thompson D'A. W.* A Glossary of Greek Fishes. London, 1947.
- Goth. ED — *A Gothic Etymological Dictionary,* by W.P. Lehmann. Leiden, 1986.
- Graph. OP Enchir. — *Toshikazu Inoue.* A Graphology of Old Prussian Enchiridion. Tokyo, 1982.
- Graph. phonol. study — *Toshikazu Inoue.* A graphological and phonological study of Old Prussian Enchiridion with the critical text. Tokyo, 1984.
- Gr. lat. Wortst. — *Petersson H.* Griechische und lateinische Wortstudien. Lund, 1922.
- Grundz. griech. Etym. — *Curtius G.* Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig. 1879 (5. Aufl.).
- Gwara Łop. — *Tomaszewski A.* Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. Kraków, 1930.
- HEGL. — *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. I. Innsbruck, 1977 и сл.
- Himml. Götterfam. — *Biezais H.* Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972.
- Hist.-Alb.-Engl. — *Mann S.E.* An historical Albanian-English Dictionary. London; etc., 1948.
- Huron Myth. — *Barbeau C.* Huron and Wyandot Mythology//Geological Survey. Memoirs. Vol. 80, Ottawa, 1915.
- Idg. — *Hirt H.* Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. I—II. Strassburg, 1905—1907.
- Idg. -jā/-jo-St. — *Sommer F.* Die indogermanischen -jā/-jo- Stämme im Baltischen. Leipzig. 1914.
- ИИ — *Иванов В.В., Гамкрелидзе Т.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I—II. Тбилиси, 1984.
- Illyr. FN Serb. — *Duridanov I.* Illyrische Flußnamen in Serbien. Sofia, 1963.
- Indogerm. min. Infl. — *Cop B.* Indogermanica minora. I. Ljubljana, 1971.
- Infl. — *Rosetti A.* Influența limbilor slave meridionale asupra limbii romine (sec. 6—12). București, 1954.

- Iran Südrußl. — *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923.
- Иссл. карийск. — *Шеворошкин В.В.* Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
- Истор. связи б.-финн. — Исторические и культурные связи балтов и прибалтийских финнов: Тезисы докладов республиканской научной конференции. 22—23 ноября 1984. Вильнюс, 1984.
- Ист. соц. терм. — *Карацейс Ю.П.* История социальных терминов литовского языка (на материале письменных памятников XVI—XVIII вв.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Вильнюс, 1987.
- Is liet. istor. — Is lietuviu kultūros istorijos. T. 1. Vilnius, 1958.
- Избр. труды — *Вавилов Н.И.* Избранные труды Т. I—V. М.; Л., 1959—1965.
- Изв. сем. слав. фил. — Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. София.
- ЯККельт. — Язык и культура кельтов: Материалы рабочего совещания. М., 1988.
- Jān. Reiters — *Karulis K.* Janis Reiters un viņa tulkojums. Rīgā, 1986.
- Язык и мышл. — Язык и мышление. М.; Л.
- Яз. простр. — *Мартинов В.В.* Язык в пространстве и времени: К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983.
- Языч. и Др. Русь — *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Jęz. asp. porówn. — Język i jego odmiany w aspekcie porównawczym. Wrocław, etc., 1986.
- Języki ieur. — Języki indoeuropejskie. Pod red. L. Bednarczuka. T. II. W-wa, 1988.
- Jidd. Spr. — *Mieses M.* Die jiddische Sprache. Berlin, Wien, 1924.
- Kalend. Nadbaft. — Kalendarz Nadbałtycki. W-wa.
- Кельты — Кельты и кельтские языки. М., 1974.
- Kleinas. Hydr. — *Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Wien, 1977.
- Konf. Pom. — Konferencja Pomorska (1978). Wrocław, etc., 1979.
- Kr. Oster. — *Hartmann E.* Der Kreis Osterode. Daten zur Geschichte seiner Ortsschaften. Würzburg, 1958.
- Kult. Prapolska — *Kostrzewski J.* Kultura Prapolska. Poznań, 1949.
- Kulturhist. lex. nord. — Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid. Malmö.
- Kur. Nehrung — *Bezenberger A.* Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner. Stuttgart, 1889.
- LAG — Lauksaimnieku un citu zemes īpašnieku adresu grāmata. Red. V. Salnais un A. Maldupis. Rīgā, 1931.
- Lalies — Lalies. Actes des sessions de linguistique et de littérature. P.
- Landb. Brand. — *Fidicin, Kaiser Karls IV* Landbuch. Berlin, 1856.
- Latv. kont. — Latviešu valodas kontaktu pētījumi. Rīgā, 1987.
- Latv. mitol. — *Smits P.* Latviešu mitoloģija. Rīgā, 1926.
- Latv. rakst. attist. — *Bergmane A., Blinkena A.* Latviešu rakstības attīstība. Rīgā, 1986.
- Latv. Tautasdz. — Latviešu Tautasdziesmas. 1—5. Rīgā, 1979—1984.
- Laum. dovan. — Laumių dovanos. Lietuvių mitologinės sakmes. Paruošė N. Vėlius. Vilnius, 1979.
- Laz. tarm. žod. — *Petrauskas J., Vidujiris A.* Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.
- Лекс. балт. — Лексичная балтызма ў беларускай мове. Мінск, 1969.
- Лекс. фраз. Сиб. — Лексическая и фразеологическая семантика народов Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1987.
- Лекс. русск. нар. говор. — Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966.
- Лекс. слав.-лат. Славян.-Корещк. — Лексикон словено-латинський Э. Славиньського та А. Корещького-Сатановського, Київ, 1973.
- Lex. Lith. — Lexicon Lithuanicum. Rankraštiniis XVII a. vokiečių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1987.
- Liet. būd. — *Daukantas S.* Lietuvių būdas. Kaunas, 1935.
- Liet. fraz. žod. — *Paulauskas J.* Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1977.
- Liet. kalb. kilm. — *Pilypas Ruigys.* Lietuvių kalbos kilmės, būdo ir savybių tyrinėjimas. Vilnius, 1986.
- Liet. k. istor. — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. II. Vilnius, 1987.

- Liet. k. kilmė. — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos kilmė. I. Vilnius, 1984.
- Liet. KT — *Jonikas P.* Lietuvių kalba ir tauta amžių būvyje. Visuomeniniai lietuvių kalbos istorijos bruožai. Chicago, 1987.
- Liet. latv. prūs. myth. — *Šliūpas J.* Lietuvių, latvių bei prūsų arba baltų ir jų prosenių mythologija. Šiauliai, 1932.
- Liet. liaud. dain. — Lietuvių liaudies dainos. Paruošė J. Čiurlionytė. Vilnius, 1955.
- Liet. liaud. dainyn. — Lietuvių liaudies dainynas. I. Vaikų dainos. Vilnius, 1980.
- Liet. pavardž. — Lietuvių pavardžių žodynas. A-K. Ats. red. A. Vanagas. Vilnius, 1985.
- Liet.taut.apybr. — Lietuvių tautosakos apybraiža. Vilnius, 1963.
- Liet.tautosaka — Lietuvių tautosaka. I—V. Vilnius, 1962—1968.
- Liet.Taut.Senov. — *Šliūpas J.* Lietuvių Tauta Senovėje ir Šiandien. Plymouth, 1904.
- Liet.zuv. — *Ivanauskas T., Mačionis A., Maniukas J., Krotas R.* Lietuvių gėlųjų vandenų žuvys. Vilnius, 1956.
- Ling. — Linguistica. Ljubljana.
- Ling.fal. — *Giacomelli G.* La lingua falisca. Firenze, 1963.
- Лит.фамил — *Рамонене М.В.* Литовские фамилии конца XVIII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1987.
- Litt.Slav.Mareš. — Litterae Slavicae Medii Aevi. Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae. München, 1985.
- Lit.u.leit.Götternamen — *Usener H., Solmsen F.* Litauische und lettische Götternamen. Bonn, 1894 (sp. *Usener H.* Götternamen. Versuch einer Lehre über religiöse Begriffsbildung. Bonn, 1929; 2. unveränd. Aufl.).
- Litvanica — *Kossarzewski A.* Litvanica czyli Wiadomości o Litwie zebrane przez... Ambrożejo Kossarzewskiego (рукопись).
- Lit. Wegeber. — Die litauischen Wegeberichten (см. SRP 2. Leipzig, 1863).
- Ljud. geogr. — *Badjura R.* Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.
- LN — *Sundwall J.* Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. Leipzig, 1913 (= Klio XI. Beiheft).
- Loka — *Gonda J.* Loda, World and Heaven in the Veda. Amsterdam, 1966 (= Transactions of Royal Dutch Academy).
- Lopkop.Latv. — *Dumpe L.* Lopkopība Latvijā 19 gs. — 20 gs. sākuma. Etnogrāfisks apcerējums. Rīgā, 1985.
- LVKŽ — *Kuzavinis K., Savukynas B.* Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius, 1987.
- Mat.ses.nauk. — Materiały sesji naukowej p.t. "Świat bajek, baśni i legend kaszubskich" (7—8 VI 1976). Wejherowo, 1979.
- Medieval Russ.Cult. — Medieval Russian Culture. Ed. H. Birnbaum and M.S. Flier. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.
- Mél.Dussaud — Mélanges Dussaud. P.
- Месяцослов 1861 — Месяцослов хозяйственный на 1861 год. Вильно, 1860.
- Межд.коф.балт. — Международная конференция балтистов 9—12 октября 1985: Тезисы докладов. Вильнюс, 1985.
- Межд.сим.арм. — Международный симпозиум по армянскому языкознанию 21—25 сентября 1982: Доклады. Ереван, 1984.
- Межд.симп.этим. — Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984.
- Mickiewicz.Univ. — Adam Mickiewicz. University Poznań. Poland Institute of Linguistics. Working Papers, 15. Poznań, 1985.
- Mitteil.Inst.Orientforsch. — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin.
- Mittelländ.Palast. — *Meringer R.* Mittelländischer Palast, Apsidenhaus und Megaron // Sitz.-ber. Öst. Ak.d.Wiss. 181/5. Wien. 1916.
- MKLO — Mikolaja Kopernika lokacje tanów opuszczonych, wyd. M. Biskup. Olsztyn, 1970.
- Mutter Erde — *Dieterich A.* Mutter Erde. Leipzig; Berlin, 1913 (2. Aufl.).
- Mythol. — *Lévi-Strauss C.* Mythologiques. IV L'homme nu. Paris, 1971.
- Nachb. — Die Nachbarn. Göttingen.
- Names fishes — Names of fishes in the different languages together with their scientific names // Bulletin Statistique des Pêches maritimes. Vol. 25, 1953.
- Назви хреб.тварин — *Шарлемань Н., Татарко К.* Назви хребетних тварин. Словник зоологічної номенклатури. Київ, 1927.

- Nazw. polsk. — *Bystroń J.* Nazwiska polskie. Lwów; Warszawa, 1936.
- Nazw., przew. — *Kozierowski S.* Nazwiska, przewiska, przydomki, imiona polskie niektórych typów słowotwórczych. Poznań, 1938.
- Nazwy miejsc. Prus. — *Ketrzyński W.* Nazwy miejscowe polskie Prus Zachodnich, Wschodnich i Pomorza wraz z przydomkami niemieckimi. Lwów, 1879.
- Nazwy rzecz. Pom. — *Rzetelska-Feleszko E., Duma J.* Nazwy rzeczne Pomorza między dolną Wartą a dolną Odrą Wrocław, 1977.
- Neuere Liter. — *Havers W.* Neuere Literatur zum Sprachtabu Wien, 1946.
- Nord. LW — *Qvigstad J.K.* Nordische Lehnwörter im Lappischen. Christiania, 1893.
- Новг.грам.берест. — *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.
- Образ.лит.гидр. — *Ванагас А.П.* Образование, происхождение и семантика литовских гидронимов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Вильнюс, 1989.
- Образ.назв. озер Латвии — *Бальде Л.В.* Образование названий озер Латвии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рига, 1985.
- Обряд.употр. хлеба — *Сумцов Н.Ф.* Обрядовое употребление хлеба. Харьков, 1885.
- Охота — Охота и охотничье хозяйство. М.
- О лютном звере — *Миллер В.Ф.* О лютном звере народных песен. М., 1877.
- Оном.арсег. — *Ономастика арсегėjуми. Rīgā, 1987.*
- О роц.Слов. — *Lehr-Splawiński T.* О pochodzeniu i praoczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
- OPr.in comp. Vilent. — *Inoue T.* Old Prussian "Parallel Text" im comparison with Vilentas' Enchiridion [s.v. et s.a].
- Opusc. Pol.-Slav. — *Opuscula Polono-Slavica.* Wrocław, etc., 1979.
- Opusc.Slav. — *Nalepa J.* Opuscula slavica, 1—2. Lund, 1971—1973.
- Опыт — *Аникин А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.
- Опыт ностр. — *Илич-Сейтыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (р — q). М., 1984.
- Ostpr. — *Clasen K.H.* Ostpreußen. München.
- О свад.обряд. — *Сумцов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
- Памяти Щербы — Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951.
- Pinsker Jidd. — *Beranek F.J.* Das Pinsker Jiddisch und seine Stellung im gesamtjiddischen Sprachraum. В., 1958.
- PKEŽ — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I. A — H. Vilnius, 1988.
- PN Latg. — *Zeps V.J.* The Placenames of Latgola. A. Dictionary of East Latvian Toponyms. Madison (Wisconsin), 1984.
- Południowosłow.*-itj- — *Rospond S.* Południowosłowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-. Kraków, 1958.
- Pomorze Polskie — Słownik geograficzny państwa polskiego i ziem historycznie z Polską związanych, pod red. S. Arnolda. T. I: Pomorze Polskie. Pomorze Zachodnie, Prusy Wschodnie. W-wa, 1936—1939.
- Pomorze średniow. — Pomorze średinowieczne. W-wa, 1958.
- Pop.bulės — *Popiežių bulės dėl kryžiaus žygių prieš prūsus ir lietuvius XIII a.* Sudarė P. Pakarklis. Vilnius, 1987.
- PPr. — Метрыка княства Mazowieckiego z XV—XVI w. T. I. Warszawa, 1918. Pomniki prawa wydawane przez Warszawskie Archiwum Główne. T. V.
- Pradzieje ziem. prusk — *Okulicz J.* Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław etc., 1973.
- Praerom. — *Hubschmid J.* Praeromanica. Studien zum vorromanischen Wortschatz der Romania, mit besonderer Berücksichtigung der franko-provenzalischen und provenzalischen Mundarten der Westalpen. Bern, 1949.
- Прасл.зап.-балт. — *Мартынов В.В.* Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме. Минск, 1988.
- Предм.слов.греч. — Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Сост. В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский, Л., 1986.

- Preussen — *Weber L.* Preussen vor 500 Jahren. Danzig, 1878.
- Preuß. Lit. — *Lepner T.* Der Preusche Littauer. Danzig, 1744.
- Природа — *Берг Л.С.* Природа СССР. М., 1955.
- Пробл.б.-сл.отн. — *Ванагас А.П.* Проблема древнейших балто-славянских языковых отношений в свете балтийских гидронимических лексем. Вильнюс, 1983 (репринт).
- Пробл.этноист.-балт. — Проблемы этнической истории балтов: Тезисы докладов межреспубликанской конференции. Рига, 1985.
- Пробл.ист.яз. Инд. — Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
- Proceed.13.Onom. — Proceedings of 13th International Congress of Onomastic Sciences. Vol. II. Craców, 1982.
- Проект СРНГ — *Филин Ф.П.* Проект "Словаря русских народных говоров". М.; Л., 1961.
- Пронсх. — *Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
- Пронсх.назв. рыб — *Коломиец В.Т.* Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.
- Пронсх.землед. — *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Pruß. Siedl. — *Brauer W.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Siegen, 1983.
- Prus.z.kron. — *Peiras Dusburgietis.* Prūsijos žemės kronika. Vilnius, 1985.
- Przewodn.Pom.Gdańsk. — *Chrzanowski F.* Przewodnik po wodach Pomorza Gdańskiego. W-wa, 1959.
- Ранне-и.-евр. — *Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.
- Raštai — *Salys A.* Raštai T. I, II, III. Roma, 1979, 1983, 1985.
- Rech.sanscr.lat. — *Manessy-Guitton J.* Recherches sur les dérivés nominaux à bases sigmatiques en sanscrit et en latin. P., 1963.
- Rech.vocab.sacrif. — *Casabona J.* Recherches sur le vocabulaire des sacrifices en grec des origines à la fin de l'époque classique. Aix-en-Provence, 1967.
- REGr. — Revue des Etudes Grecques. Paris.
- Reiters un tulk. — *Karulis K.* Jānis Reiters un viņa tulkojums. Rīgā, 1986.
- Relig.alt.Preuss. — *Bertuleit H.* Das Religionswesen der alten Preussen mit litauisch-lettischen Parallelen // Sitz.-ber. Altert. Ges Prussia. Hf. 25. Königsberg, 1924.
- Königsberg, 1924.
- Rel.rom.arch. — *Dumézil G.* La religion romaine archaïque. P. 1966.
- Rev.Fac.Letr. — Revista da Faculdade de Letras. Lisboa.
- Rev.Int.Onom. — Revue Internationale d'Onomastique. Paris.
- Rev.Philol. — Revue de Philologie. Paris.
- Rīgas Latv.biedr.Zin.Rkr. — Rīgas Latviešu biedrības komisijas rakstu krājums. Rīgā.
- Rinkt.rāt. — *Jonas Bretkūnas.* Rinktiniai raštai. Vilnius, 1983.
- Roczn.Olszt. — Rocznik Olsztyński. Olsztyn.
- Родов.строй — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Рось — *Железняк И.М.* Рось і етнолінгвістичні процеси Середньо-наддніпряньського правобережжя. Київ, 1987.
- РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, I. 1959 и сл.
- Runen.Futhark. — *Krause W.* Die Runeninschriften im älteren Futhark. I—II. Göttingen, 1966.
- Russ.-byz.Gesprächbuch — *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Leipzig, 1922.
- Russ.Volksk. — *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927.
- Ryby Polski — *Staff F.* Ryby słodkowodne Polski i krajów óściennych. W-wa, 1950.
- Рыбы пресн. вод. — *Берг Л.С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. I—III. М.; Л., 1948—1949.
- Sagen — *Balys J.* Die Sagen von den litauischen Feen (Deivės, Laumės) // Die Nachbarn I. Göttingen, 1948.
- Samlede Afhandl. — *Thomsen V.* Samlede Afhandlinger. 2. Bd. København, 1920.
- Сб. Валк — Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С.И. Валка. Л., 1964.
- Schlesw.-H.Regest. — Urkundensammlung der Schleswig-Holstein-Lauenburgischen Gesellschaft für vaterländische Geschichte. I—IV. Kiel, 1839—1875.
- Senov.balt. — *Vėlius N.* Senovės baltų pasauležiūra. Vilnius, 1983.

- Senov.pasaulež. — См. Senov.balt.
 Serbokr.Volksk. — Schneewis E. Serbokroatische Volkskunde. Erster Teil. Volksglaube und Volksbrauch. В., 1961.
 СЭтн. — Советская этнография. М.
 Siedl.Samland. — Mortensen H. Siedlungsgeographie des Samlandes. — Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde 22, 1923.
 Sitte u.Brauch. — Krauss F.S. Sitte und Brauch der Südslaven. Wien, 1885.
 Слав.древн. — Нудерле Л. Славянские древности. М., 1956.
 Slaw.Hinterpomm. — Lorentz F. Slawische Namen Hinterpommern, Berlin, 1964.
 Слав. и их соседи — Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М., 1988.
 Слав.языкозн.Х — Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
 Slaw.Stud.Slawski — Slawistyczne studia językoznawcze. Wrocław, etc., 1987.
 Слоун.назв.Гродз. — Рапанович Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці. Мінск, 1982.
 Słowiańszcz.wcz.-średn. — Hensel W. Słowiańszczyzna wczesno-średniowieczna. Zarys kultury materialnej. W-wa, 1956.
 Слов.мовозн. IX. Допов. — Слов'янське мовознавство. IX Міжнародний з'їзд славистів. Доповіді. Київ, 1983.
 Slov.nazv.ryb. — Ferianc O. Slovenské názvoslovie ryb Československej republiky a susediacich krajov. Turčiansky sv. Martin, 1948.
 Słown.kociew. — Sychta B. Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. I—II. Wrocław etc., 1980.
 Снимки грамот — Соболевский А., Пташицкий С. Снимки грамот XIV в. СПб., 1903.
 Согд.докум. — Согдийские документы с горы Муг. Вып. I—III. М., 1962—1963.
 Список Куршю Марес — Гуделис В. Список географических названий залива Куршю Марес и прилегающей к нему территории // Куршю Марес. Вильнюс, 1959.
 Сравн.язык. — Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
 Staroż.Litwa — Brückner A. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Olsztyn, 1985.
 Структ.текста — Структура текста-81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
 Stud.Cowgill. — Studies in Memory of Warren Cowgill (1929—1985). Papers from the Fourth East Coast Indo-European Conference. Cornell University, June 6—9, 1985. Ed. by C. Watkins. Berlin; New York, 1987.
 Stud.gw.Białost. — Studia nad gwarami Białostoczczyzny. Morfologia i słownictwo. W-wa, 1984.
 Stud.idg.Heterokl. — Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklise. Lund, 1921.
 Stud.in hon.Detschtew — См. в чест Дечев.
 Stud.kinsh.term. — Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European Languages. Leiden, 1977 (= Textes et Mémoires. Vol. VII. Varia. Acta Iranica).
 Stud.ling.Mastrelli — Studi linguistici e filologici per Carlo Alberto Mastrelli. Pisa, 1985.
 Stud.Pers.-gesch.Ord. — Wojtecki D. Studien zur Personengeschichte des Deutschen Ordens im 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1971.
 Study lex.corr. — Toshikazu Inoue. A Study on lexical correspondences of Balto-Slavic. Tokyo, 1986.
 Tarpt.balt.konf. — Tarptautinė baltistų konferencija 1985 m. spalio 9—12d Pranešimų tezės. Vilnius, 1985.
 Thes.Drav.-Polab. — Oiesch R. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. I. Köln; Wien, 1983.
 Tochar. — Krause W. Tocharisch // Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler. IV. Iranistik, 3. Leiden, 1955.
 Toch.Elem. — Krause W. Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1960.
 Top.Gd.Tcz. — Bugalska H. Toponimia byłych powiatów Gdańskiego i Tczewskiego. Wrocław, etc., 1985.
 Top.Kośc. — Breza E. Toponimia powiatu kościerskiego. Gdańsk, 1974.
 Topogr.Übersicht — Wald S.G. Topographische Übersicht des Verwaltungs Bezirks der Königlichen Preussischen Regierung zu Königsberg in Preussen Königsberg, 1820.
 Top.Puck. — Treder J. Toponimia byłego powiatu Puckiego. Gdańsk, 1977.

- Top.Warm. — Pospiszylowa A. Toponimia południowej Warmii. Nazwy miejscowe. Olsztyn Pojezierze, 1987.
 TPStar. — Górniewicz H. Toponimia powiatu Starogardzkiego. Wrocław, etc., 1985.
 Труды III арх. съезда — Труды III Археологического съезда в России. Киев, 1870.
 Ural. u Idg. — Joki A.J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
 Urk.Bist.Lüb. — Urkundenbuch des Bistums Lübeck. I. Oldenburg, 1856.
 Urk.Bist.Saml. — Woelky C.P., Mendahl H. Urkundenbuch des Bistums Samland. Leipzig, 1891.
 Urtüml.Holzbearb.Ostsee — Rosenfeld H.-F. Urtümliche Holzbearbeitung nach Wort, Sache und Brauchtum diesseits und jenseits der Ostsee / DJb. f.Volksk. 2, В., 1956.
 Ütü.konf.teesid — Ütü konferentsi teesid 1980 Ajalugu, Filologia. Tartu, 1981.
 Uwagi term.topogr. — Moszyński K. Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i ziograficznej oparte przeważnie na materiale białoruskopoleskim. Lwów; Warszawa, 1921.
 Val. — Blese E. Valoda un tautas gars. Rīgā, 1940.
 Valod.aktual. — Valodas aktualitātes. Rīgā, 1986.
 Varang. — Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.
 В чест Дечев — Изследвания в чест на акад. Д.Дечев. София, 1958.
 В чест Георгиев — В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания. София, 1980.
 Versuch — Fischer I.L. Versuch einer Naturgeschichte von Livland. Leipzig, 1778.
 Вестн.МГУ — Вестник Московского Государственного Университета. Серия 9. Филология.
 Vestür.atz. — Vestūres atzinas un tēlojumi. Rīgā.
 Vorgesch.Sprachbez. — Krahe H. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. Wiesbaden, 1957.
 Wald.u.Kulturpfl. — Hoops J. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum. Strassburg, 1905.
 Wb.altgerm.Pers.Völk.Nam. — Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911.
 Wielkop. w pradz. — Kostrzewski J. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa Wrocław, 1955.
 Zagadn.roli norm. — Lowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. W-wa, 1957 (= Русь и норманны. М., 1985).
 Z badań — Byczko T. Z badań nad genezą rozplanowania przestrzennego zamku krzyżackiego. — Rocznik Olsztyński 1964.
 Zborn. Skok — Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rodenja (1881—1956). Zagreb, 1985.
 ZdGesellsch.Schlesw.-Holst. — Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte.
 ZfdPh. — Zeitschrift für deutsche Philologie.
 Zfosteur.Gesch. — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte.
 Зоол.журн. — Зоологический журнал. М.
 Z polsk.stud.slav. — Z polskich studiów slawistycznych. Seria 6. Językoznawstwo. W-wa, 1983.
 Zur Gesch.lat. EN — Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. В., 1904.
 Zur Gesch.volkst. Haus. — Murko M. Zur Geschichte des volkstümlichen Hauses bei den Südslaven Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. 35—36, 1906.
 Zur ländl. Verfass.Samland. — Plümcke R. Zur ländlichen Verfassung des Samlandes. Leipzig, 1912.
 Zvejv.nosauk. — Laumane B. Zvejvietu nosaukumi Latvijas PSR piekrastē. Rīgā, 1987.
 Źródła dz.Polski — Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski [s.l.], 1961.
 Źródła skand. — Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. W-wa, 1961.
 Žem.leks. — Grinaveckis V. Žemaičių leksikos pagrindai. Vilnius, 1985.
 Жизнь преснов. рыб — Сабанев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1976 (5-ое изд.).

L

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

laydis 'глина'. Э 25 ('Leym' = *Lehm*, с $\bar{e}$ в м. в.-нем. *ei*), ср. Э 24: *Same* ('Erde'), Э 26: *Sixdo* ('Sant'), Э 27: *Layso* ('Let') и т.п. Nom.Sg. masc. (?); к роду ср. нем. masc. *Lehm* (и *Leim*), *Ton*, лит. *mólis*, лтш. *māls* и т.д. — Уместны два предварительных замечания. Если придавать значение последовательности элементов в данном микрофрагменте (земля, глина, песок...), то глина как нечто вязко-клейкое, связывающее противопоставлена песку как чему-то сыпучему, рассыпающемуся (на песке ничего не построить, не основать, а из глины сделан-слеплен человек, согласно библейской и ряду иных версий); глина, действительно, промежуточна между твердой землей и рассыпающимся песком: противостоят им обоим, она одновременно обладает, хотя и частично, их свойствами; и в этом смысле тоже глина выступает как связывающее, "склеивающее" начало (ср. генетическую связь обозначений глины и клея в нем. *Lehm* и *Leim*); но, будучи соотносительной с "маргинальными" членами рассматриваемой триады, глина при сравнении с песком выступает как соединяюще-связывающее начало, а при сравнении с землей как то, что характеризуется ослаблением связей, распусканием, уступчивостью-неустойчивостью. И другое. Нельзя пройти мимо разъединенных лишь одним элементом *laydis* и *layso* (Э 25, 27), обнаруживающих и внешнее и внутреннее (смысловое) сходство, на основании которых для обоих слов предлагается обычно единая этимология при наличии расходящихся деталей. Во всяком случае *d* в одном случае и *s* в другом изображены в Э столь отчетливо, что нет оснований думать о каких-либо конъектурах, которые еще более унифицировали бы эти два слова. — Существует несколько попыток этимологического объяснения прусск. *laydis*; предлагаемые решения довольно однообразны, "кучны". В целом они страдают приблизительностью и недостаточным вниманием к семантической мотивировке слова. Поэтому предлагаемые решения трудно признать вполне удовлетворительными. Настораживающим обстоятельством является и отсутствие точных внутрибалтийских параллелей при том, что к прусск. *laydis* есть общебалтийское (и очень точное) гидронимическое (в основном) соответствие, о котором см. Пр. яз. IV, 436—437: {**laid-*}, {**laid-en-av-*}, {**laid-en-ik-*}, {**laid-ik-*}, {**laid-* & **garb-*}, ср. пр. *Layde*, лит. *Laĩdė*, лтш. *Laiðes*, ср. лтг. *Laiðes*, *Laiði*, *Лайды*, *Лайдес-Пурвс*; *Laiðs*; *Laiðeņš* (PN Latg. 259); к прусск. *Laydegarbe* см. дополнительно Pospiszilowa Top. Warm. 1987, 85, 183 и т.п. Недавно на эту диспропорцию между исключительно прусским

апеллятивом и общебалтийским характером соответствующей гидронимии было обращено внимание, см. Vanagas LKK 21, 1981, 138 (ср. LNEŽ 177); к соотношению *Laid-* и *Lais-* в топонимии и гидронимии см. Schall Baltist. 2, 1966, 21 (в контексте балто-"мекленбургских" связей; о дакийских параллелях см. Duridanov Thr.-Dak. 1969, 94). Траутман APSpr. 367, 368 этимологически не отделял *laydis* от *layso*, которое сравнивал с др.-исл. *leira*, о глинистом морском берегу (ср. *leir* 'глина') и далее с др.-в.-нем. *leimo* 'глина' и лат. *linō* 'мазать', 'обмазывать', 'марать'. Существенным было привлечение в связи с *laydis* лит. *laistaiū* 'обмазываю', *lydau* (Wood KZ 45, 1913, 61). Эндзелин SPV 201 привлек к сравнению алб. *leth* 'глина' (на основании которого позже было восстановлено дак. **laid-*Thr.-Dak. 1969, 94) и, следовательно, обнаружил вариант того же корня с расширителем *-d/h-* (ср. Pisani Saggi di ling. stor. 1959, 123; Порциг Член. и.-евр. 1964, 260); Широков IV Viss. balt. konf. 1980, 204 присоединил сюда алб. *ledh* 'ил', 'глина' (в тексте описки — *legh*) и — под знаком вопроса — ср.-в.-нем. *sluot* 'слякоть'; несколько позже к сравнению было подключено кимр. *llys* 'ил', 'грязь' (Fowkes LPosn. 6, 1957, 108). Две попытки заслуживают более пристального внимания. Одна из них принадлежит Шпехту Urspr. 1947, 220, 228, 234, где *laydis* как продолжение корня с расширением *-d-* включается в широкую "wurzel-determinativ"-ную панораму — расширитель *-t-*: лит. *laĩdas* 'комки глины', др.-греч. $\lambda\omicron\iota\tau\eta\text{-}\tau\acute{\alpha}\phi\omicron\varsigma$. Нес.; *-s-*: прусск. *layso*, др.-исл. *leirr*, *leira*; *-men*: др.-в.-нем. *leimo* 'глина'. Этот ряд может быть пополнен и другими конкретными примерами и даже еще одним расширителем того же корня — *-n-*: лат. *linō*, *liniō*, *litus* 'намазывание', др.-ирл. *lenaid* 'следовать' (собств. — 'прилепиться', 'примазываться', ср. ирл. *glенаid* 'steckenbleiben', 'anfaten'), *lenomnaib* 'lituris', *as-lenaim* 'обмазывать', др.-брет. *linom* 'litura', кимр. *can-lyn* 'следовать'; др.-греч. $\alpha\lambda\iota\upsilon\omega$ 'обмазывать'; др.-инд. *lināti* (у грамматиков), *layatē*, *liyatē*, *-ti* 'льнуть' и т.п. (Рок. 1, 662; LEW 334). Другая попытка, напротив, носит в основном семантический характер и касается *laydis* лишь походя (Jēgers KZ 80, 1966, 88). Прусское слово включается в один ряд с лит. *laistyti* (не с *laistyti* ли, *glaistyti*? — В.Т.), др.-греч. $\lambda\iota\tau\acute{\eta}$ 'просьба', 'мольба', 'молитва', $\lambda\iota\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\lambda\iota\tau\omicron\mu\alpha\iota$ 'упрашивать', 'умолять' (по Егерсу, *'unter Streicheln von jemand etwas erflehen'), лат. *litāre* 'совершать жертвоприношение при благих предзнаменованиях' и т.п.; сюда же лтш. *laiītīt* 'растирать', 'намазывать', лит. *lytėti*, *liēsti* 'трогать' и т.п. Все эти слова восходят к и.-евр. **lei-t-*, к которому, по мнению Егерса, можно отнести и лтш. *lieta* 'вещь', лит. *lytis* 'форма', 'внешность' и под.; делается и другое допущение: к реконструируемому и.-евр. **lē(i)-*, к варианту без *i*, возводятся и ст.-слав. лѣть(ѣсть)ѣжесті . Супр., ст.-чеш. *letenstvie* 'добродушие', 'благожелательность' и т.п., др.-исл. *lād*, др.-англ. *lād* 'земельная собственность', др.-инд. *rāti-* 'дар', *rāti* 'жалованье', 'предоставлять' и т.п., причем корню **lē(i)-* приписывается значение 'давать', 'предоставлять', 'удовлетворять' и др. и, следовательно, делается вывод, что значение 'вещь', 'предмет' возникло вто-

рично в результате развития из более раннего — 'цена', 'годность', 'способность' и т.п. Вместе с тем оказывается, что и лтш. *lēts* 'дешевый', лит. *lėtas* 'медленный', 'спокойный' и под. (ср. о них МЕ 2, 463) могли бы быть возведены к тому же **lē(i)-*, толкуемому, однако, как 'оставлять' (после себя), 'ослабевать', 'унимать(ся)', 'уступать'. — Последняя по времени попытка (Mažiulis РКР II, 290—291) характеризуется вниманием и к многообразию производных от и.-евр. **lēi-*, и к проблеме семантической мотивировки. Мажюлис считает, что *laydis* произведено от **laidas* (значение 'глина' мотивируется как "glaistalas", "glaistas", от *glaistyti* 'обмазывать') и в конечном счете восходит к **leid-* 'обмазывать', 'замазывать' и под. Наряду с этим корнем **leid-* выступала и более старая форма **lei-*, расширенная элементами *-ta-*, *-sa-* и др. (ср. лит. *laĩtas*, прусск. *layso* — fem., как относящееся к **zemē* 'земля'), причем *layso* трактуется как "glaistomoji žemė", т.е. в связи с той же идеей "мазания—обмазывания". Это балт. **lei-/lei-d-* выделилось из и.-евр. **lēi-/lī-*, которое наряду с более ранним значением 'лить', 'наливать' имело уже и более новое, специализированное в соответствии с возникшей "технологией" литья, — 'ляя (разливая) нечто выравнивать его мазиением, размазыванием', откуда лит. *liėti* 'отливать' (о плавке, растоплении), 'schmelzen' при метатоническом *lėti* 'лить', 'выливать'. Из и.-евр. **lēi-/lī-* возникли слова не только со значением 'лить', но и 'мазать', 'размазывать'. По Мажюлису, последнее значение как исходное предполагается в прусск. *po-līg-u*, лит. *lygus*, гот. *ga-leik-s* с идеей равенства, подобия — из **lī-g-* (как результат уничтожения неровностей путем размазывания глины); в лтш. *liēls* 'большой' (из **lei-l-*, как результат наращивания, увеличения слоя размазываемой глины; сюда же и прусск. *laimis*, лит. *laimė*, лтш. *laĩme* с идеей обилия; не из **laid-mē!*); в лит. *liesas* 'худой', 'тощий', лтш. *liēss*, ср. прусск. *liso* и др. (**leis-*, как результат утончения слоя размазываемой глины; сюда же — лит. *laibas* < **lēibh-*; прусск. *likuts* < **līk-*) и т.п. — В этих наблюдениях и выводах многое заслуживает признания, и тем не менее предлагаемое основное решение экстенсивно и, как кажется, затрагивает суть дела по касательной. Прежде всего нужно подчеркнуть, что представляется несомненной связь прусск. *laydis* с глаголом, корень которого восходит к и.-евр. **leid-*. Но если это так, то *laydis* приобретает себе "двойника" в виде отглагольного (тоже от **leid-*) образования — лит. *laidis* 'корытце, желобок, с помощью которого наливают пиво в бочку', *laĩdas* 4, то же (ср. и связи обозначения этого корытца и мотива наливания: *Gėrimas liejamas pag laidą į bačką*. LKŽ 7, 16, ср. 19), т.е. *leid-* (*lēisti*): *laidis*, *laĩdas*. Речь не идет, конечно, о непременно едином и тем более прабалтийском образовании, но о безусловно едином морфо-словообразовательном и лексико-семантическом типе, который нуждается в дальнейшем истолковании. Эти литовские примеры могут быть дополнены семантически более далекими, но в принципе принадлежащими к тому же типу, ср. *laĩdis* 'могильщик', 'гробокопатель' (ср.: *Laidžiai, kurie laidoj anabašnikus*. LKŽ 7, 19) при *laĩdyti*

(ср. *laĩdojimas* 'погребение', 'похороны'): *lēisti*, с одной стороны, и, с другой, лит. *laĩdas* в иных значениях ('поруча', 'залог', 'гарантия'; 'провод'; 'проводник', 'провожаемый' и т.п., но и 'могильщик'). То же можно сказать и о ряде латышских примеров, ср. *laidis* I, *laidi* "die Seitenbretter oder -hölzer am Boote [Bielenstein Holzb. 609]; die zu beiden Seiten eines aus einem Stamme gehauenen Bootes angebrachten Bretter., welche das Boot vor dem Umfallen behüten sollen" и др.; *laidis* II 'ленивый', 'косный' (ср. выше лтш. *lėss*, лит. *lėtas*); *laĩds* III 'стройный'; *laidns* то же; *laĩda*, о ленивом, опустившемся человеке; *laĩda* 'полоса', 'черта', 'штрих' и т.п.; *laide*, о легкой, веселой жизни; *laĩdenis* 'ein hölzerner Behälter mit durchlöchernten Wänden zum Aufbewahren gefangener Fische'; *laĩdenš* 'мягкий', 'кроткий'; *laidiņš* и т.п. и даже *laĩdis* 'слон' (в шахматах, ср. *laidnis*), см. МЕ 2, 401—404, — все к *laĩst* 'пустить', 'отпустить' и т.п. (< **laid-*). Чтобы понять некоторые дополнительные основания связи прусск. *laydis* и лит. *laidis* 'корытце', лтш. *laidis* I, уместно напомнить, что вообще нередки примеры, когда одно и то же слово обозначает и некую искусственную конструкцию и естественный топографический объект (ср., напр., лит. *latākas* 'водосточный желоб', 'водосточная струя', далее — 'ров', 'канал', но и 'поток', 'струя', 'лужа', 'топкое болото', 'болотистый лесок', 'полоска земли' и т.п., см. LKŽ 7, 172; Невская Балт. геогр. терм. 1977, 47 и др.). Нередки и случаи, когда один и тот же корень кодирует название некоей полужидкой пищевой субстанции (суп, похлебка, каша и т.п.) и сходного в отношении консистенции природного объекта (вязь, трясина, болото и т.п.); в связи с этой ситуацией характерно, что наряду с прусск. *laydis* существует лит. *laidynė* 'sriuba su skystos, šaukštu leidžiamos tešlos kukuliukais' (Ded miltus į duonos įmaišą ir sulaido į verdantį vandenį, vadinamas rūgšta laidynė. LKŽ 7, 17) и др. В этом контексте напрашивается мысль о том, что первоначальным семантическим мотивом прусского обозначения глины как *laydis* была именно идея ее "промежуточной" связывающе-развязывающей консистенции. Известная максима, согласно которой человек из глины сделан при своем появлении и в глину обращается по своей смерти, собственно, и должна толковаться на "операционно-техническом" уровне, как то, что человек вяжется-связывается из глины в начале и "развязывается" в глину в конце, т.е. что сама глина как раз и определяется свойствами противоположного характера — связывать, соединять и развязывать, разъединять, распускать. Первое способствует укреплению, усилению, второе — ослаблению, опустошению. Названия этих свойств нередко применяются при обозначении соответствующей субстанции и места, ею характеризуемого (ср. связь — рзвязь, ср. праслав. **vez-men-*, русск. *вязуга* 'вязкая красная глина'. СРНГ 6, 77, *вязуха*, "особый вид глины, крепко связывающий кирпичи" 6, 77; русск. диал. *вязель*, *вязина* 2, *вязовец*, *вязовня*, *вязотина*, *вязун* 3, *вязуче*. СРНГ 6, 73—77, как разные обозначения "вязких" урочищ). Кстати, в специфическом употреблении варианты корня **leid-* отмечены и в балтийских языках: помимо

местных названий (см. {*laid-} и др.) ср. лтш. *līdums*, лит. *lūdimas*, *lyda*, в основном о месте, "освобожденном" от леса (ср. лит. *lūdyti*, лтш. *līst/līžu*, *līdu* — к лит. *lēisti*, лтш. *laist*. LEW 364). Таким образом, исходной мотивировкой значения *laydis* нужно, видимо, считать не связь с глаголами, обозначающими литье или мазание, но с "породившим" их амбивалентным глаголом *lē(i)- 'связывать'; 'развязывать', 'распускать', 'ослабевать', 'уступать' и под., о котором см. Пр. яз. IV, 415, результатом специализации которого они являются. Разумеется, учет отношений с глаголами "лить" (как и "мазать") необходим, но все-таки эти отношения являются более поздними и затрагивают в основном несколько иной круг фактов (среди них важное балто-слав. образование — лит. *lytis* 'форма' при русск. *лѣтница*, "деревянная, состоящая из двух половин форма для отливки секуш". СРНГ 17, 72, *лѣтка*, *лѣтѣк*, *лѣтѣ* и т.п.). Более того, можно думать, что сам глагол "лить" (как и "мазать") представляет собой своего рода компрессию сочетания со значением "пускать, освобождать, развязывать воду", представленного в лтш. *ūdeni laist* "Wasser lassen, abschlagen" (ср. *melderis laiž ūdeni*, "der Müller lässt durch die Freischleuse Wasser fließen". ME 2, 441) или лит. *vandenį leisti* (Čelna/*valtis*/ *leidžia vandenį /išisunkia į vidų vanduo/*; Ežeras sproginėjo, vanduo leidos /sukėsi/, negalėjo beiti. LKŽ 7, 247). Интересно, что и сам глагол лит. *lēisti*, лтш. *laist* (даже без слова, обозначающего воду) может обозначать разные виды "проливания", ср. *lēisti* II — 'tekėti, sunktis, praleisti skystį, nelaikyti skysčio ar oro dėl nesandarumo' (LKŽ 7, 247). И вообще исключительно широкое употребление этого глагола объясняет возникновение многих существенных в связи с темой *laydis* значений, которые не требуют обращения (во всяком случае преимущественного) к глаголам "лить" или "мазать". Ср. лишь несколько примеров — *lēisti* — 'редеть', 'разрываться', 'растрепаться', 'разрыхляться'; 'смягчаться', 'разжижаться', 'увлажняться'; 'растопливаться', 'плавиться', 'таять' (LKŽ 7, 247); 'слабеть', 'сжиматься' (7, 246), но и 'соединять', 'связывать', 'уравнивать', 'сглаживать', 'согласовывать', 'улаживать' и т.п. (см. *sulėisti*. LKŽ 7, 290 и др.).

— Лит.: Thes. 1873, 87, 88; APSpr. 367; Wood KZ 45, 1913, 61; SPV 201; EWD s.v. *Letten*; Specht Urspr. 1947, 220, 228, 234; Fowkes LPosn. 6, 1957, 108; Pok. 1, 662; Pisani Saggi ling. stor. 1959; 123; Порциг Член. и.-евр. 1964, 260; LEW 334; Jēgers KZ 80, 1966, 88; Schall Baltist. 2, 1966, 21; Altnord. EWb. 351; Duridanov Thr.-Dak. 1969, 94; Vanagas LKK 21, 1981, 138; Широков IV Viss. Balt. konf. 1980, 204; PKP II, 290—291. — [*laidis].

{*laig-}, ср. Nom. pr. *Layge* (APN 50); *Laygayne*, 1305, *Lageyne*, 1305, *Laygeen*, 1331, *Legeen*, *Leygeen*, позже — *Legehnen*; *Lageyn*, 1396, *Legeyn Layeinen*; *Layeuen*, 1430, позже — *Legehnen*; *Laygegarbs*, 1310; *Laigekaim* 1352 (APON 80—81), где в первом члене — элемент *Laig-*, едва ли отделимый от соответствующего элемента в Nom. pr.; см. {*laig- & *ged- (?)}, {*laig-et-} и {*laig-ain-}, {*laig-ein-}, {*laig- & *garb-}, {*laig- & *kaim-}, м.б., {*leig-ut-}. — С прусск. *Laig-* сопоставимы лит. *Laigà*,

Laigis; *Laigė*, *Laigiai*, *Laigis* (LUEV 86; Liet. hidr. 58; LHEŽ 177—178; LATSŽ 151); лтш. *Laiga* (*Laig-māja*), *Laiga-vigs*, *Laigaļa-kalns* (?), *Laigēs pgl.*, *Laig-upē*; *Laidze*, *Laidzes-ēzers*, *Laidžu-ciems*, *Laidz-ēzers*, *Laidz-ciems*, *Laidzi*, *Laidž-kalns*, *Laidziņi*, *Laidziņš* (LV I, 2, 248); лтг. *Laigava*; *Лайголы*, 1784, *Лайгоны*, 1792, *Laigolova*, *Laigalava* (?) (PN Latg. 259); куршск. *Laydze*, 1253, *Layzen* (UB I, 1, 321; *to Laydsen*, *de Laydsen see*). KF 115—116. — Из других балт. личных имен ср. куршск. *Jhann Laysden*, ок. 1585 (KF 116). — Скорее всего связано с лит. *laigyti* 'бегать', 'прыгать', 'резвиться', 'скакать' и т.п., *laigoti* 'плясать' и др. (ср.: *laigu žirgužėlis po žālę lanką*. Jušk. Svotb. 172, 8); отношения с лтш. *laiguōt*, *laigāt* 'лгать', 'отрицать', 'отрекаться' и т.п. (ME 2, 404; EH 712), *laiga* далеки от ясности (Эндзелин связывает с этими словами лтш. *liēgt* и далее укр. *залігати*, лат. *ligāre* и т.п. с общей идеей связывания, см. ME 2, 494). Высказывалось мнение, что в лтш. *liuguōt* (*liegot*) 'петь песни лиго', но и 'колыхать(ся)', 'колебать(ся)', 'покачивать(ся)' и т.п. совпали два разных корня, один из которых связан с *laig-* (Petersson Gr. lat. Wortst. 1922, 17—19), см. LEW 330—331. Можно думать, что балт. апеллятивные примеры объединяются идеей некоего отклонения от нормы, кривизны, нарушения, изгиба (ср., однако, лит. *laigis* 'стройный', 'статный'. LKŽ 7, 29). В связи с топонимическими примерами интересно обращение к таким апеллятивам, как лит. *laigmėnė*, о плохой мокрой почве (7, 27) и др. О возможном иллир. соответствии см. Duridanov Illyr. FN Serb, 1963, 107.

{*laig-ain-}, см. *laig-.

{*laig-āt(-ōt-)}, ср. Nom. pr. *Laygoth* (APN 50); см. {*laig-}.

{*laig-ein-}, ср. {*laig-ain-}, {*laig-}.

{*laig-et-}, ср. Nom. pr. *Laygeto* (APN 50); см. {*laig-}.

{*laig- & *garb-}, см. {*laig-}.

{*laig- & *ged- (?)}, ср. Nom. pr. *Laygede* (APN 50: = *Laygoth*), см. {*laig-}. — Эта реконструкция остается чисто потенциальной, но имеющей в случае ее отвержения альтернативную — {*lai- & *ged-}. В таком духе объясняются литовские Nom. pr. *Laigedà*, *Laigeda*, *Laigedė* и *Laigedas* — из *lai* 'пусть' и *ged-* (см. лит. *gėdauti* 'искать', 'тосковать', 'скупать', 'скупать', *gėdėti* 'быть в трауре'). Речь идет о литуанизированных прусских именах (LVKŽ 1987, 239). Интересно, что употребительны сокращенные варианты имен: женское — *Laigė*, мужское — *Laigas*, *Laigys*, образованные по старому и.-евр. принципу, — первый элемент & начальный согласный второго элемента. Если это действительно так, то и прусск. *Layge* могло бы пониматься как сокращение *Lai-ged-. В таком случае элемент {*laig-} для этого имени реконструируется условно, в качестве вторичного, возникшего в результате переразложения. Нужно отметить, что Траутман, соотносящий элемент *lai-* с *li-* в лит. Nom. pr. *Li-gowdis* (APN 143), реконструирует для *Layge*, *Laygeto*, *Laygede*, *Laygoth* — *Lai-(*)Li- & *ged-.

{*lai- & *ged-}, см. {*laig- & *ged-}.

laygnan 'щека'. Э 98 ('Wange'), в микроконтексте "конструк-

тивных" частей выше туловища: Э 96: *cosy* 'Kele'; Э 97: *Gurcle* 'Gurgel'; Э 99: *Scalus* 'Kinne'. Nom. Sg. neut (?). — Очень рано в качестве основных параллелей к *laygnan* стали выступать слав. **likъ*, **lice*, засвидетельствованные в разных славянских языках, и др.-ирл. *lecco* 'щека' (ср. Schmidt Vocal. I, 1871, 91; Thes. 1873, 87; Windisch BVS 8, 1876, 439; Stokes Urkelt. 1894, 251; IF 2, 172 и др.). Во всяком случае этот круг параллелей отмечен уже в APSrg. 367; SPV 201 и других авторитетных трудах. Следует пояснить, что в качестве праформы др.-ирл. *lecco* восстанавливалось **liknōn*. Эти соответствия продолжают выступать как основные и сейчас, хотя уже долгое время раздаются голоса, подчеркивающие два слабых места в этих сопоставлениях — "двусмысленность" кельтск. *cc* (Hamp BSL 68, 1973, 87) и признаваемое "серьезным" семантическое расхождение между "лицом" и "щекой" (Brückner KZ 44, 1911, 334; Hamp 87—88 и др.). В настоящее время о некоторых из былых неясностей можно говорить с большей уверенностью. Прежде всего нужно заметить, что прусск. *laygnan* должно трактоваться как **laiknan* (написание в этом случае *gn* вм. *kn* не является исключительным, ср. *sagnis* вм. **saknis*, лит. *šaknis*). Относительно вокалического центра слова существует три разные точки зрения. Большинство считает, что исходным является дифтонг *ai*; другие считают его непервичным, но объясняют это *ai* двояко — или из *ei* (Būga RR III, 109: **leiknan* > **laiknan* > *laygnan*; РКР II, 311: от корня **leik-* 'гнуть(ся)', 'изгибать(ся)' и под.), или из дифтонгизации *i* (Мартынов Прасл. зап.-балт. 1988, 30: **liknan* > **leiknan* > **laiknan* > *laygnan*). Этот же исследователь предлагает свое объяснение *gn*: оно, по его мнению, возникло вместо интервокального *g* под влиянием последующего *n*, подобно прусск. *nagnan* из **nagan*. Если это так, то сходство прусского слова со славянскими **likъ*, **lice* становится еще большим; возможно, это же можно сказать и об ирландском слове, если *cc* не восходило к **kn* (для др.-ирл. *lecco*, ирл. *leaca* Мартынов восстанавливает **lēk-* из **leik-*). Впрочем, в большинстве опытов этимологического объяснения *laygnan* исходят из исконности *n*, хотя и объясняют его различно: Шпехт Urspr. 1947, 339 видит здесь результат мены *s* и *n* внутри парадигмы (*layg-n-an*: слав. **lice-s-e*); Зейлер KZ 75, 1957, 16 исходит из связи корня родственного *laik-* (*laygnan*) с корнем **link-* (см. ниже), отраженном, видимо, и в др.-греч. ἀλίγκιος 'похожий', 'подобный' (уже у Гомера — II. 6, 401; Od. 8, 174), ср. ἐναλίγκιος, хотя проблема протетического *a* остается, и "l'étymologie du mot n'était pas sentie". Dict. étym. I, 61. В связи с б.-сл. **leik-*, расширенным суф. *-na-*, Мажюлис приводит лит. диал. *líeknas* 'болотистый лесок, кустарник', 'gaistas' < **(i)linkimas*. Та же мотивировка определяет и названия щеки в других балт. языках, в нем. *Wange* и т.п. (РКР II, 311). Впрочем, и эти объяснения не исчерпывают сути дела. В резерве, в частности, остаются и другие гипотезы: одна из них состоит в давно отмеченном параллелизме между "расширителями" корня и соответствующими суф-

фиксами; в этом случае прусск. **laik-n-* сопоставимо с суффиксальными образованиями от **lik-*, столь распространенными в слав., ср. **lič-ъn-* (с префиксами **ot-*, **orz-*, **na-*, **pri-* и т.п.): **lič-ъn-ostъ*; не исключено, что на более глубоком уровне могло бы быть привлечено к сравнению и лит. *lyknaī*, *lyknaī*, выступающее как Adv. в значении 'подобно', 'как будто' и т.д. (см. LKŽ 7, 495: 'tartum', 'lyg' — *Lyknaī tu matei, kad pasakoji*; ср. полаб. *lik* 'равно', 'подобно' < ср.-нем. *lik/līch* и под.) и, главное, сосуществующее с *lygnai* с теми же значением и функцией (ср.: *Lýgnai aš jā ir dar kaip gyveną regiu*. LKŽ 7, 478), ср. связь значения подобия с мотивом на-личия (ср. русск. диал. *лик* — не только 'лицо', 'вид' и т.п., но и 'похожий'. СРНГ 17, 45, к мотивировке — *лик в лик, в один лик*, "об очень похожих друг на друга людях, на одно лицо"); во всяком случае в литовском формы с *gn* и *kn* оказываются сосуществующими. К вопросу о связи *laygnan* с лит. *lygnus* ср. Güntert WS 11, 1928, 134. — Как бы то ни было, ближайшее родство прусск. *laygnan* (во всяком случае пока) обнаруживает не с вост.-балт. языками, в которых щека обозначается иначе (ср. лит. *skruostas*, лтш. *vaīgs*, между прочим, и 'щека' и 'лицо', любопытно соотношение лит. *vėidas* 'лицо': *veidaī* 'щеки'), а со славянскими. Их сходство между собой не исчерпывается наличием общего корня, но распространяется и на семантическую близость, обычно игнорируемую исследователями (семантическое сходство, как и морфологическое /и в прусск. и в слав. сопоставляемые слова ср. рода/, подчеркнул недавно Мартынов, восстановивший общий б.-сл. источник этого слова в виде **likan/*likom*, хотя и не настаивающий на деталях этой реконструкции). в самом деле, слав. **lice* обозначает не только лицо, но и щеку. Ср. уже в Супр.; аще *тꙋ кто оударитъ по лицу, обрати емоу друугѣ* в соответствии с *τῷ τύπτοντί σε ἐπὶ τὴν σιαγόνα πάρεχε καὶ τὴν ἄλλην* Lc. 6, 29. Характерен ареал, где слав. **lice* еще удерживает значение 'щека' (наряду с 'лицо' и некоторыми другими): ст.-сл. лице, с.-хорв. лице (редко, ср. Rječn. JAZU, s.v.), словен. *lice* (ср. *różnatih lic* 'розовощекий'); слов. *lice* (ср. *jamky na llcach*, "čast' tváre medzi uchom, okom a ústami". Slovn. slov. jaz. II, 41), чеш. *lice* (ср. *přiložiti pušku k lici*), польск. *lice* 'ланыты' (ср. ст.-польск. *Lycze ye svyczyly /pro svyczylo/ y bylo gvmuone [candidae ac rubicundae genae speciosae fuerunt] yako roza z lylya*. Rozm. 22. Słown. Staropolsk. IV, z. 1(20), 36—37), ср. также *policzki* 'щеки', каш. *lico* (со one najo za lica ... Červone jak jabluška! Słown. gwar kasz. 7, 153), словинц. *lice, lico, lica* (Ром. Wb. 1, 458: *Trq̄wōč rōg do čust p̄řasazī, nad tē līca j̄ zadm̄ūxhē*), в.-луж., н.-луж. *lico* 'щека' ('Wange', 'Backe'), но не 'лицо'. Интересно, что и в русских диалектах слово иногда сохраняет значение 'щека', ср.: *Говорил де Добрыня таково слово: / — Да помнишь ли, мать, спамятуешь ли, / Да у Добрыни на правом лице три знамени было. Онеж. Гильфердинг; также — ліцко 'щека' (Красны лицьки, как у тебя, это щечки будут. Медвежьегор.), лічико 'щека' (Личики у ней красные. Ряз.), СРНГ 17, 87, 88. — Есть*

все основания видеть в этом балто-славянском ареале (с выпадением вост.-балт. и некоторой части вост. территории славян — болгарск., украинск., белорусск., отчасти русск.) отражение более ранней картины и согласиться с мнением об отмеченности этого пруско-славянского соответствия. Правда, его не обязательно, видимо, следует толковать как "общую инновацию" (Прасл. зап.-балт. 31): если *laugnan* и слав. *lice* восходят к и.-евр. **leik-* с идеей изгиба (выгнутости-вогнутости), см. Рок. 1,669, что очень вероятно, то нельзя исключать, что в этом случае перед нами общий диалектный архаизм некогда единого б.-сл. ареала.

— Лит.: Thes. 1873, 87; Windisch BVS 8, 1876, 439; Stokes Urkelt. 1894, 251; IF 2, 172; APSpr. 367; Brückner KZ 44, 1911, 334; SEJP 298; Būga RR III, 109; BSW 154; Güntert WS 11, 1928, 134; WP II, 395—396; SPV 201; Specht Urspr. 1947, 339; ЭСР 2, 495; HWASl. 1955, 262; Seiler KZ 75, 1957, 16; Etym. sl. č. 331; Hamp BSL 68, 1973, 87—88; Etim. Sloven. 2, 140; Этим. речн. 3, 398; PKP II, 311; Мартынов Прасл. зап.-балт. 1983, 30—31. — {*laiknan; *laignan (?)}.

{**laig-* & **kaim-*}, см. {**laig-*}, {**kaim-*}, *caymis*.

łajcha 'свет', *światło*, слово из польско-являжского словарика, 159 (см. БСл. Иссл. 1983. 1984, 14). — Это предположительно являжское слово отличается от обозначения света в других балт. языках (ср. лит. *šviesa*, лтш. *gaisma*, прусск. *swāigstan*). Слово, которое Зинквичюс считает неясным, предлагая, однако, выводить его из балт. *plaika, ср. лит. *pliėksti* 'сильно светить', лтш. *plāksnīties* 'осветить' (к анлауту ср. ятв. *laugi* — лит. *plaukai*) или из балт. *lauka (ср. *u > i*: *lauma* вм. *laima*), восходящего к и.-евр. **leuk-* 'светить', 'блестеть', 'сиять', ср. *λευκός*, лит. *laikas*, о животных с белой отметиной на лбу. Карулис БСл. Иссл. 1985. 1987, 137 полагает, что если *łajcha* из *laika, то уместно обратить внимание на лтш. *laiks* 'погода': ведь *laiks* заменило слово *gaiss* в значении погода, а *gaiss* '(светлое) небесное пространство' (<'свет') и Adj. *gaiss* 'светлый' остались неизменными. В являжском же лексико-семантические изменения могли охватить весь комплекс слов. Шмид IF 91, 1986, 278, 284 с основанием говорит как об источнике *łajcha* о вост.-идиш. *laixtn* (см. Mieses Die jidd. Spr. 1924, 35; Berganek Pinsk. Jidd. 1958, 34, 75), соответствующем нем. *leuchten*. По его предположению, *łajcha* — "Verschreibung" вместо ожидаемого *łajchta. Ауслут в таком случае определяется из *laichter.

{**laik-* (?)}, см. *łajcha*.

{**laik-*}, см. {**laik-ik-*}, {**laik-āt(-ōt-)*}.

lāika, см. *lāikt*, *laikūt*, *islāika*, *islāiku* (Пр. яз. III, 79—80).

{**laik-āt(-ōt-)*}, ср. Nom. рг. *Laykoth* (APN 51), а также *Leycotin* (SU 226; 1338). — См. {**laik-*}, {**laik-ik-*}. Буга RR I, 163 к имени жителя Самбии, засвидетельствованному в 1360 г., приводит видземское *Laiciene*.

{**laik-ik-*}, ср. Nom. рг. *Laykicke* (APN 51; в 110, 14 исправлено на *Laylicke*); тот же корневой элемент в *Laykoth*, а с вокализмом *e* в *Ley-*

ke, шалавское личное имя, *Leykawte*, *Leycotin* (APN 51), а также в ряде местных названий, см. {**leik-*} и др. APON 86. Корень *laik представлен в куршск. Nom. рг. *Layke*, 1355—1362 (KF 299). Связь с топонимическим *laik-/leik-* (ср. лтш. *Laiki*, *Lāik-upē*, *Laik-pļava*, *Lai-kes*, *Laikas-purvs*, *Laika-jānītis* и т.п. и *Leikas*. LV 1, 2, 248—249, 290; лтг. *Laiki* и др. PN Latg. 259; лит. *Laikiškiai*. LATSŽ 151; *Leikiškiai*. 156; *Leikā*, *Leikupis*, м.б., *Liėkė*, *Liekāitis*, *Liekupis*. LUEV 89, 91; Liet. hidr. 46, 76, 241; LHEŽ 185, 189—190) не вполне ясна. Можно строить предположения о том, каково было значение и.-евр. **laik/leik-*, легшего в основу этих имен и названий.

lāikings, см. *aulāikings* (Пр. яз. I, 154), *lāikt*, *laikūt*.

lāikt, см. *polāikt*.

lāiku, см. *laikū*, *erlāiku* (Пр. яз. II, 78—79), *islāiku* (Пр. яз. III, 79—80), *polāiku*.

laikūmai, см. *enlaikūmai* (Пр. яз. II, 50—51), *polāikumai*, *laikūt*.

lāikusin, см. *etlāikusin* (Пр. яз. II, 106), *laikūt*.

laikūt 'исполнить', 'совершить'; реже — 'держат', 'соблюдать' (IIIb). Inf. K III, 67, 18 (*Quoitēti ious teinu stawijdan Ausaudisnan bhe skallisnan ains antersmu laikūt Tīt dāiti ains antersmu stans prēipirstans bhe rānkans 'Wolt jr nun solche Trew vnd Pflicht einander leisten, so gebt...'*); — *laikūts*. K III, 19, 21 (*Preistesmu stas Lūbi bhe Cixtisnā-laiskas kāigi stas subs en stesmu kirkis teikūsnan tēnti en Prūsiskan tautan laikūts wīrst '...im Land zu Preussen gehalten wirdt'*). Nom. Sg. masc. Part. Praet. pass.; — *lāiku*. K III, 29, 7 (*Adder stēimans quai mien mile bhe maians pallaipsans lāiku segge as labban en tūsimtons streipstoos '...vnd meine Gebot halten...'*); 29, 15 (*...Quai stawidans pallaipsans lāiku... '...die solche Gebot halten...'*); 55, 16 (*kas nostan wirdan lāiku... 'Der halte ob dem wort...'*). 3. Sg. Praes. (*lāiku* в K III, 55, 16 APSpr. 367 определяет как 3. Sg. Conj.); — *lāikumai*. K III, 23, 26 (*... kai mes stan preddikausnan bhe swaian wirdan ni perweckammai schlāit stansubban Swintan lāikumai... '...Sondern dasselbig heilig halten...'*); 25, 9—10 (*...Schlāit stans en smūnin lāikumai bhe stēimans schlūsimai poklusmai mijlan bhe teisīgi lāikumai '...Sondern sie in Ehren halten vnd ihn dienen gehorsam sein vnd alle lieb vnd trew erzeygen'*). 1. Pl. Praes.; — *lāikutei*. K III, 55, 29 (*Stans Vraisans quai labbai perstalle lāikutei dwigubbus teisis werts... 'Die Eltesten die wol fūrstehen die halte man zwifacher Ehren werdt...'*). 2. Pl. Imper. — См. также префиксальные формы этого глагола *enlaikūmai*, *erlaikūt*, *etlāikusin*, *islāiku*, *polāikūt*, *preilaikūt*, с одной стороны, и глаголы *polāikt*, *polinka*, *polijcki*, связанные с только что названными, с другой. — Что касается акцентной парадигмы этого глагола, то обращает на себя внимание накоренное ударение в *lāiku*, *lāikumai*, *lāikutei* в противоположность *laikūt*, *laikūts*; по Стангу, подобные примеры, кажется, говорят в пользу актуальности закона де Соссюра во внутренних слогах в прусском (Vgl. Gr. 1966, 174, 473) и о том, что

в двусложных основах инфинитив не всегда совпадал по месту ударения с презенсом. Прусс. *laikūt* принадлежит к т. наз. "полутематическим" *ā*-основам. Дифтонгическое окончание *-tei* вм. *-ti* характерно для тех императивных форм, которые исторически не были оптатами. В инфинитиве на *ūt* проявляется по аналогии влияние презентной основы (*lāiku*). О морфонологических и морфологических особенностях *laikūt* см. APSpr. 277; van Weik Apr. St. 1918, 21; Skardžius APhil. 2, 1931, 198; Milewski Sl. Occ. 15, 1936, 111; SPV 107; BVSF 24, 183; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 144; Vgl. Gr. 1966, 3.6, 174, 323, 352, 396, 418, 454, 473, 475; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 349; Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 5, 13, 15, 21, 105; Schmalstieg BL 1970, 147; OP. 19, 23, 118, 154, 206; St. OP. 5, 800; Erhart IF 89, 1984(1985), 226; Palmaitis Baltist. 21, 1985, 161; Kortlandt Baltist. 23, 1987, 104. — Нуждаются также в уточнении некоторые семантические детали, относящиеся к *laikūt* тем более, что этим глаголом в К III переводятся три разные немецкие глагола, а само общее значение 'исполнить', 'совершить' ('leisten') нуждается в более точном и интенсивном определении. Что касается последнего, то и это общее значение выигрывает в точности, если его сформулировать как 'держат что', 'держаться чего', 'придерживаться чего'. Учитывая несомненную этимологическую связь *laikūt* с прусск. *polāikt* 'оставаться' (как и с лит. *laikyti* 'держат', *laikytis* 'держаться', 'придерживаться' — *likti/liekti* 'оставаться' — *palikti* 'оставить', 'оставлять' и т.п.), целесообразно обратить внимание на то, что все частные примеры этого *laik-/lik-* комплекса (отвлекаясь от различий между простым и каузативным, активным и пассивным "оставлять" — "быть оставленным", "оставаться"/ и т.п. глаголами) могли бы быть описанными в том, что касается их семантики, с помощью значения 'держат плюс-минус': 'держат-плюс' реализуется как держать, продолжать держать, удерживать (т.е. "оставлять" держимое при субъекте действия, вступать в обладание им); 'держат-минус' реализуется противоположным образом — перестать держать, оставить держимое (т.е. выйти из обладания им); иначе говоря, полярное развитие исходного значения глагола с корнем **laik-* приводит к ситуации "иметь—не иметь", принятия как необходимого и отказа от излишнего, оставления его. — Прусс. *laikūt* и родственные ему слова восходят, несомненно, к и.-евр. **lik-/loik-* (см. Pok. 1, 669—670) и имеют многочисленные соответствия в разных языках. Среди балт. примеров ср. лит. *laikyti*, *laikas* 'время', *atlaikaī* 'остатки', *palaikaī* 'наследие', 'останки'; *likti*, *liktas* 'лишний', *likūtis* 'остаток', *likimas* 'судьба'; *lūkius* 'остаток', *atlykis*, *lūkyti* 'сберегать', 'оставлять' и т.п.; лтш. *laicīt*, 1) 'streichen', 'massieren'; 2) 'hütten', 'aufsparen', 'länger erhalten', 'verschieben'; 3) 'Zeit geben', 'warten' (ср. *laicīgs* 'временный', *laīks* 'время'), *likt* (*lieku*, *liku*) 'lassen' и т.п., *liktenis* 'судьба' (возможно и иное объяснение), *liku likām* 'с избытком', 'в изобилии'; *lieks* 'излишний', *liekans* и т.д. Долгое время славянские параллели к балт. *laik-* сводились в основном к ст.-сл. отълъкъ 'остаток' (Синайск. Псалт.).

На самом деле их существенно больше. Ст.-сл. отълъкъ, считавшееся изолированной лексемой, в настоящее время должно трактоваться как праславянское наследие, отраженное во всех группах слав. языков. Ср. хорв. *odlek* у хорватских писателей XVI в. (и *odlik*) и в деловых документах, в частности, в Истрии и на о-ве Крк; с.-хорв. *odulak* 'потомство' (1445, Крк, см. Crnčić Rad JAZU XXIII, 1873, 18—19), *odulik* (Врбник); словен. *ólik*, *ólih* (Etim. Sloven. 2, 132); польск. *okiek*, бортнический термин, обозначающий верхнюю часть пчелиной борти, где начинаются соты, и соответствующий глагол *okleczyć*, *kleczyć* (Sławski Zborn. fil. lingv. IV—V, 1961—1962, 309—312; SEP II, 196—198; Boryś Slaw. Stud. Sławski 1987, 69—73); блр. диал. *аталёк* (Вицебскі слоўн., s.v.: 'пакой', 'адбой'; Трубачев Слав. языкозн. 5, 176; Этым. белар. 1, 192), *волек*, *волеко* 'частка пустой прасторы борці, якая выдзёўбаецца коса ўверх' (Этым. белар. 2, 189); русск. диал. *олек*, *олёк*, часть борти (СРНГ 23, 183; ЭСР III, 134, ср. др.-русс. *олёкъ* в "Русской Правде") при *отлечиться* (?) 'отстать', 'отклеиться' (Даль 2, 1902), укр. *олик* и т.п. Но известны и беспрефиксальные слова этого корня, восходящие к праслав. **lěkь* (< **loik-*: лит. *laikas*) и обозначающие остаток: словен. *lék* (Etim. Sloven. 2, 132: 'troha, neznatna količina'): *odlěkniti* 'umakniti', 'izmuzniti se'; с.-хорв. *лёк* (*лијек*) 'очень мало' (ср. *до лека* и др. PCA XI, 315, 395, 396): *олијечити*; русск. диал. *лек* 'участок хлебного поля; нива' (СРНГ 16, 341): *отлечиться*. В связи с глаголами корня **loik-/leik-/lik-* уместно напомнить о цсл. оуслѣкнжти 'relinqui' (а, м.б., и об остающемся не вполне ясным соулакнжти. Lex. PSGL 1066: прусск. *polinka* (?). Недавно было предложено связать с этим же корнем русск. диал. *ликоваться*, видимо, 'расставаться', 'разлучаться' (ср. в похоронном плаче из собрания Барсова I, 1872, 94: *Как душа да с белым телом ликовалася...*). Меркулова Этимол. 1976, 1978, 91—92 (: лит. *likti* 'оставлять'). Вероятно, сюда же в конечном счете нужно отнести и словен. *lihniti* 'omittere', чеш. *liknovati se*, *liknavý*. Праслав. **lixъ*, **lišiti* также возводятся к **lik-s-* < **lei-kʷso-*. Таким образом, теперь есть все основания говорить о праслав. глаголах типа **lěčiti* (ср. *отлечиться* и т.п.), сопоставимого с лит. *laikyti* (впрочем, Смочинский Slaw. Stud. Sławski 1987, 355—356 считает возможным и **lěčiti*, в медицинском смысле, объяснять не заимствованием, а общим происхождением с лит. *laikyti*), **lěknqti*, **likovati*. Другие и.-евр. языки также сохраняют глаголы этого корня и соответствующие именные образования. Ср. готск. *leiþan* др.-исл. *ljā*, др.-англ. *on-lēon*, др.-фриз. *liā*, др.-сакс. *far-lihan*, др.-в.-нем. *lihan*; др.-исл. *leiga*, *lān*, др.-англ. *lān*, др.-в.-нем., *lēhan* и т.п. (Goth. ED 230); — др.-ирл., *leicid* 'оставляет', (из **linkʷ-*); — Аог. и Fut. от основы **leikʷ-s-*; — лат. *linguō*, но *liqui* (**loikʷ-*); — арм. *lkʷanem*. Аог. *elikʷ*; — др.-греч. *λείπω* (: *λοιπός* 'лишний', собств. — 'остающийся'); — др.-инд. *riṅákti*, *atiréka-* 'остаток'; авест. *irinaxti*, *raexnah-* 'добро', 'имение', 'наследство' и т.п. (Pok. 1, 669—670).

— Лит.: Thes. 1973, 87—88; APSpr. 277, 367; BSW 154—155; van

Wijk Apr. St. 1918, 21; Skardžius APhil, 2, 1931, 198; SPV 107, 201; BVSF 24, 183; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 349; Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 5, 13, 15, 21, 105; LEW 372—373; Pok. 1, 669—670; Schmalstieg BL 1970, 147; OP. 19, 23, 118, 154, 206—207; St. OP. 5.800; Erhart IF 89, 1984(1985), 226; Palmaitis Baltist. 21, 1985, 161; Kortlandt Baltist. 23, 1987, 104. — {*laikāt, *laikūt (?); *laikāts, *laikūts (?); *lāikā, *lāikū (?); *lāikāma, *lāikāmai, **laikuma/i* (?); *lāikāte, *lāikātei, **lāikute/i* (?).

lāikutei, см. *laikūt*.

-lāikuti, см. *laikūt*, *enlāikuti*.

laikūts, см. *laikūt*, *erlaikūts*, *polaikūts*.

-laikūns, см. *laikūt*, *erlaikūns*, *islaikūns*.

{**lail-*}, см. {**lail-ik-*}, {**lail-īt-*}. М.б., сюда же относится Nom. pr. *Loyle*, 1387 (вар. — *Lole*, *Lolo*). APN 53; ср. с другим корневым гласным — *Leylla*, 1312 (APN 51).

{**lail-ik-*}, ср. Nom. pr. *Lailicke*, 1393, шалав (SRP 2, 673). APN 51; Steponavičienė Baltist. 10, 1974, 164. — См. {**lail-*}, {**lail-īt-*}. — Скорее всего это имя обозначает такие качества, как тонкость (худоба), стройность или высокий рост (вытянутость), ср. лит. *leīlas* 'тонкий', 'стройный', лтш. *liēls* 'большой'. Подробнее о семантической мотивировке см. *lailisnan*.

lailisnan 'мучение'. К III, 45, 42 (Stas niturri surgaut adder tāls grijkans laukīt adder ermīrit bhe sen stawijdsnu ainan lailisnan esse stesmu Grikausnan tickint '...und damit ein marter auß der Beicht machen'). Acc. Sg. fem. — Nomen act. от глагола со значением 'мучить', который не засвидетельствован, но достаточно надежно реконструируется в виде *lailitvei или *lailit. В свою очередь этот глагол имеет в своей основе Adj., восстанавливаемый как **lail(a)s* [ср. лит. *leīlas* (и *nuleilinti*), лтш. *liēls*, которые в этой связи были привлечены уже Бернекером Pr. Spr. 145; сюда же следует добавить лит. *liēlas* 'большой' (:лтш. *liēls*), встречающиеся у Даукантаса и в JD 1022 (LKŽ 7, 420)]. Мажюлис РКР II, 277 (ср. и 290), говоря об отглагольном происхождении слова (из *laili-tvei 'мучить' < *leiī-tvei), указывает и производящий этот глагол Adj. **lei-* 'узкий', 'тонкий' (из **lei-l-*, от глагола **lei-* 'сужать', 'уточнить' < 'мазать' и под., см. выше *laydis*); им же предлагается серия семантических переходов — 'мучить' < 'жать', 'давить' < 'сужать', 'уточнить'. Эндзелин еще ранее предлагал в качестве объяснения семантическое развитие 'dünn (schlank) machen' > 'in die Länge ziehen' > 'recken', в частности в значении 'пытать', 'мучить' ('auf die Folter spannen'), см. ZfslPh. 18, 1942, 122; SPV. 201. — Сейчас, вероятно, можно уточнить ряд деталей, приведя, некоторые ранее не приводившиеся факты. Прежде всего нет необходимости для объяснения *lailisnan* принимать корневой вокализм *e*: в литовском существует глагол *lailėti* с значением 'препятствовать росту', 'заглушать' и под. (LKŽ 7, 51: 'trukdyti augti', 'stelbti', 'smelkti', 'gožti'; 'dagyti pematoma', 'užstoti'. В семантическом плане интереснее и ярче профиксальные глаголы; ср. *išlailėti* 'вырастать тонким и слабым',

'вытянуться', 'растягиваться' (Po medžiais gėlės išlailėja) или *nulailėti* то же и 'суживаться' (Anksčiau bulvienojai dar nieko sau buvo, o dabar visai nulailėjo; Pradžioj buvo geras kelias, toliau pradėjo siaurėti ir gale visai nulailėjo. 7, 51). Впрочем, и бесприставочный глагол того же корня, но иной основы — *lailóti* — обнаруживает значение того же круга ('augti laibam'), как *išlailóti* (Mūsų ramidorai, negaudami saulės, visai išlailojo); это же относится к глаголу с корневым вокализмом *e* — *leilėti*, *iš-*, *nu-*, *pa-*, *už-* *leilėti* с идеей ослабления, уменьшения, утончения, захирения (LKŽ 7, 240). Эти примеры проясняют семантическую мотивировку глагола (и соответствующего отименного слова): мучить (мучение) первоначально предполагало такое воздействие на жертву — вытягивание, растяжение, сжатие, давление и т.п., — в результате которого он соответственно действию менял свои физические характеристики. Архаичные традиции довольно долго удерживали набор старых пенитенциарных пыток (мифопоэтические тексты хорошо документируют такие операции в отношении героя — расчленение, растягивание, сжатие, расплющивание и т.п.), и растягивание — на дыбе, на колесе и иными способами — было одним из наиболее распространенных наказаний-мучений. "Когда Дельбеген бил мальчика на широком камне, то мальчик рос в ширину (букв. расплющивался). Когда бил его на длинном камне, мальчик рос в длину (букв. вытягивался). Когда бил его на остром камне, то мальчик рос в высоту (букв. заострялся)" (Баскаков. Алт. яз. 1958, 78). Разумеется, сходного типа операции практиковались и при инициациях. К связи *lail-* именно с мучением, страданием, терпением ср.: Sitokio lailėjimo aš nerakenčiu (LKŽ 7, 51). Однако в вилентовском переводе Энхиридиона в месте, соответствующем К III, 45, 32, употреблено другое (заимствованное) слово: ...ir tū mūka isch pasiβinima dariti. Обращение к литовским лексемам с корнем *lail-* (следует напомнить, что литовский, как и прусский, знает словообразовательный тип pomen actionis на *-na*, см. LKŽD 219—200; Otrębski GLit. II, 1965, 169 и др.; при толковании *lailisnan* как {*lailėsnan}, см. OP. 68, и соответствующий прусский глагол должен был реконструироваться как **lailēt/vei*, что в точности отвечало бы лит. *lailėti*), позволяет, следовательно, понять, каким образом складывались условия для возникновения именного типа, подобного прусск. *lailisnan*. — Элемент *lail-*, видимо, восходит к и.-евр. **lei-*, определяемому как 'отнимать', 'убывать', 'исчезать'; 'худой', 'тощий', 'стройный', 'слабый' и т.п. (Pok. 1, 661-662), с расширением *-l-*. Впрочем, последовательность **lail-*, видимо, не избежала влияния звуко-символических ассоциаций. Пожалуй, наиболее близкие параллели прусск. *lailisnan* и особенно лежащему в его основе глаголу **lail-īt-* обнаруживаются в слав. языках, хотя и здесь они относятся к числу раритетов. Ср. словен. *liliti* (*se*) 'сбрасывать кожу (с себя)', *lilek* "kačji lev, mehka jajčna lupina, buba, rak med levitvijo", *lilitėv*; с.-хорв. *лила* 'хора', 'луб' при *лилати* 'трясти', 'качать'; болг. диал. *лилам*, то же; польск. *lilać* 'качать', 'колы-

хать'; ср. с другим вокализмом с.-хорв. *lelijati se*, *leljati* и даже *ljubati* то же (Etim. Sloven. 2, 141). В русск. диал. *лялеть* 'холить', 'нежить' и т.п.; *лелэять*; *лелэкать*, *лелэкать* 'нежить', 'лелеять' и т.п. (СРНГ 16, 343; 17, 273), несомненно, в целом ономотопенческих, обозначается мотив нежности, едва ли отделимой от мягкости, слабости-малости. Но именно этот семантический элемент особенно устойчив в продолжениях и.-евр. *lei-, ср. лишь несколько примеров: лит. *láibas*; исл. *либивь*, *либьвь* 'gracilis', русск. *либивый*, чеш. *libivý*, *liběvú*; др.-англ., др.-сакс. *lēf*, др.-исл. *linr* 'нежный', 'мягкий', 'слабый', слова, обозначающие малость, — готск. *leitils*, др.-исл. *litill*, др.-сакс. *luttill*, др.-в.-нем. *luzzil* и др.; ср.-ирл. *Ilan* (< *lei-no-) 'sanft' и т.п.; особенно внимания заслуживают редуцированные тохарские лексемы — тох. А *lalamsk-*, тох. В *lalamške* 'tener', 'нежный', 'мягкий' (ср. van Windekens Tokh. confr., s.v.). Разумеется, нужно иметь в виду и более широкий фон, в частности, и слова с несколько иным кругом значений, прежде всего в балт.: лит. *láibas*, *láinas*, *leinas*, *leitas*, *lebas*, лтш. *laibs* и т.п. — Ср. лит. *Lailínai* (LATSŽ 151); *Lailūpė* (LHEŽ 178).

— Лит.: Thes. 1873, 88; Pr. Spr. 1896, 145; APSpr. 367; Endzelin ZfSIPh. 18, 1942, 122; SPV 201; OP 68; PKP II, 277. — {*lailisnan; *lailēsnan}.

{*lail-it-}, ср. Nom. pr. *Laylithe*, *Miclos Loylite*, ср. *Loyle*. — см. {*lail-}, {*lail-ik-}, *lailisnan*.

{*laim-}, ср. Nom. pr. *Petir Layme* (APN 51). См. *laeims*, *laims, *laimiskan* и др. — Использование элемента *laim-* в личных именах хорошо известно и в других балт. традициях. Помимо лтш. *Peter Laimyns*, 1588 (то же имя, что и в прусском!) и, возможно, *Clawes Laem*, 1453 (LPV I, 201: к *laime* ? или, м.б., к *lāma*), ср. совр. лтш. Nom. pr. *Laima*, *Laimona*, *Laimonis*; лит. *Láima*, *Láimė*, *Láimintas*, *Laimintà*, *Láimis* (как перевод лат. *Felix*), *Laimūtis* (сокращ. *Láimas*, *Láimis*), *Laimūtė* (сокращ. *Láima*), *Láimona*, *Láimonė*, *Láimonas* (три последних примера — литуанизированные латышские имена). LVKŽ 239—240. Разумеется, в большинстве случаев речь идет об ономототетическом узусе, возникшем относительно недавно, но имеющем прочные исторические корни, во-первых, и получившем чрезвычайно широкое распространение (особенно женское литовское имя *Láima*), во-вторых. — Заслуживают внимания топонимические примеры использования корня **laim-*, ср. лит. *Laimėnai*, *Láimiškė*, *Láimiškiai*, *Laimūčiai* (LATSŽ 151); *Laimiškis* (LUEV 86; Liet. hidr. 174; LHEŽ 178; тут же лит. *Laiminė*, *Laimiškė*); лтш. *Laīmas*, *Laīms*, *Laīmesalas*, *Laīme*, *Laīmes*, *Laīmesleja*, *Laīmes-muiža*, *Lāimes-purvs* pl., *Laīmes-straits*, *Laīms-māja*, *Laimu-kaļns*; *Lāim-dūotas-mežs*; *Lāimiņa*, *Laīmiņas*, *Laīmiņi*, *Laīmites*, *Laīmieki*, *Lāimīgais-pāris* (LV I, 2, 249); лтг. *Laimas*, *Laimė*, *Lāimes-purvs*, *Lāimiņa*, *Laīmiņas*, *Lāimiņi*, *Lāimnieki*, *Lāimaņi*, *Laimdotas* (ср. имя невесты Лачплесиса: *Meitiņi kuru par Laimdotu sauc*, ... "Lačplēsis" II, 765; букв. — 'дарованная Лаймой' — *Laimas dotā*, возможно, по

образцу *Dievdots* у Ауссклиса), *lāimes-purvs* (PN Latg. 259—260). — Наконец, есть достаточно веские основания утверждать, что пруссы знали мифологическое имя с корнем **laim-*, которым они обозначали судьбу, долю-счастье в персонифицированной женской ипостаси. К внутренним свидетельствам можно отнести слово *laeims* 'богатый' и ряд данных из старых источников, относящихся к пруссам или к ситуации генетически и типологически совпадающей (практически) с прусской. Уже в ранних источниках встречаются понятия, которые скорее всего кодировались корнем *laim-*. Ср. в "Булле" папы Гонория III от 15 июня 1218 г. (в фрагменте о вере и обычаях пруссов): ... *immolant diis suis, intingentes gladios et lanceas, ut prosperam fortunam habeant in sanguine predictorum* (LPG 38). *Prospera fortuna*, собственно говоря, и образует точное соответствие особой ипостаси персонифицированной судьбы — доли у литовцев — *Laimė-Dalia* (ср. у Бродовского — *Fortuna Laimė*, 597). Определением двух главных значений-результатов, доли — недоли, *Laimė* — *Nelaimė* занимались прусские жрецы. В мирном договоре Ордена с пруссами от 7 февраля 1249 г. говорится о жрецах, "dicentes malum et bonum" (LPG 42). Когда в источниках в подобных ситуациях выступает латинское слово *sors*, оно скорее всего обозначает то же, что и реконструируемое прусск. *laima — *Laima (это же можно сказать и о других балт. традициях, ср. LPG 31, 36 и др.). Как определение выбора, сделанного судьбой, надо понимать и процедуру бросания "буртинками" трех маленьких деревянных предметов, о чем писал Преториус: "nachdem sie nun fallen, die rechte oder unrechte Seite oben, darnach geben sie antwort" (LPG 115). Ряд данных этого рода, относящихся к Малой Литве, по сути дела, свидетельствует о практически единой в этих местах традиции. Поэтому, когда тот же Преториус пишет, что "Zu den Himmels-Göttern gehören Occorignus, Laume, Perkunas", это с высоким вероятием относится и к прусской традиции (тем более, что первое из имен исключительно прусское) или, по меньшей мере, к рецепции прусских данных западнолитовской традицией (LPG 531). Так же обстоит дело и с описанием верований и обычаев населения Надравии: "Leumele ist die Göttin der Geburt, die sie anrufen, wenn eine Kinderbetterin hat oder sol eines Kindes genesen..." [LPG 544: конъектура — *Laimėle* (эта форма есть у Руига Litt.-D. 1747, s.v.; ср. *Laimėlea* в "Ad plebem Lituanicam"); вариант текста совпадает с формой — *lauma* как переводом польск. *szczęście* в польско-явтяжском словаре; то же практически написание и далее — *pogańske* — *Pjarkuſ* | *laume*, см. Зинквичюс БСл. Иссл. 1983. 1984, 6 (№№ 31, 70), 14: предполагается смешение с лаумой (ср. лтш. *laūma*, лит. *laūmė*); однако бесспорность реконструкции *Laima в этих случаях определяется значением слова ('счастье') и соседством с именем *Pjarkuſ*, т.е. Перкунас, что подтверждается и другими свидетельствами, согласно которым Лайме выступает в качестве жены Перкунаса; ср. еще: "einige beten noch die Laimė an, der sie auch was auf die Erde giessen" (LPG 599). Интересно,

что у этого же автора (Preuss. Schaubühne VI, Kap. IX, §§ 11—12) Лайме отождествляется в описании религиозно-мифологических представлений надравов, судахов, шалавов с Девой Марией, матерью бога: "... und die Panna Maria (oder die Laime) um Hilfe anruft ... und betet nun ebenfalls zu Gott und Panna Maria (Laime)..."; "Darauf dankt die Pribuweje Gott und der Jungfrau Maria (Laime)..." (LPG 600, 601). — Внешние свидетельства несравненно обширнее, разнообразнее и надежнее. При частных отличиях и наличии некоторых специфических связей у одноименных женских персонажей литовской и латышской традиций подавляющее большинство их характеристик, относящихся к самой сути этих образов составляют их общее, несомненно, общебалтийское наследие. Главное в нем то, что это персонафицированный женский образ судьбы, которая решает, судит, предопределяет. Этой ее функцией объясняется и общая вост.-балт. традиция поэтическая формула с высокой степенью звуковой организации, ср. уже у Рунга Litt.-D. 1747, s.v.: *Taip laima leme* или же *O tai duok, dievai, laimužei lemti bent par mylelę mergytei augti* (Jušk. Liet. dain. 218); *Laimė lėmė saulužės dienaitę ...* (Rėza. Dain. 3); *Ką čia lemi kai laimė* и даже *Laumės laimę lėmė man jaunai* (С. Нерис) и др. (LKŽ7, 324); лтш. *Vēl, Dieviņ, lem, Laimiņ...* BW 9486, 1, ср. 28600 и др.; *Laima lemj mūžu jaunpiedzimušam bērniņam*. BW 1, 116; *gudrāks Laimes lēmumiņš par visiem raduomiem*. BW 9167, 1 и др. (ME 2, 450), ср. особый мотив, формулируемый как "Laima polemj meitai precinieku". Восстанавливаемая вост.-балт. формула **Laima & *lem-*, возможно, имела общебалтийское распространение, поскольку в прусском известны обе эти лексемы — *laim-* и *lem-*. — О *Laim-* как имени мифологического персонажа см. LPG (passim); Šmits Latv. mitol. 1926; Latv. taut. tic. 2, 1002—1003; Adamovičs Vēstur. atz. 1937, 70—71; Latv. Univ. Raksti. Teolog. fakult. ser. I sējums, N 5—6, 1940, 394—407; Schmittlein Rev. Int. Onom. 1971, N 2, 123—138; Biezais Himml. Götterfam. 1972 (passim); Vēlius Mitin. būtyb. 1977, 56—82; Gimbutas Balt. 1985, 155—157; Greimas Apie diev. 1979, 185—217. В дополнение к сказанному нужно заметить, что отсутствие имени **Laim-* как обозначения судьбы в самых ранних источниках по прусской мифологии объясняется предвзятой концепцией, согласно которой пруссам было недоступно понятие богов ("Prutheni noticiam dei non habuerunt". Dusburg Cronica, De ydolatr. — SRP 1, 53), а отсутствие этого женского мифологического имени в более поздних и наиболее подробных и авторитетных источниках можно объяснить тем, что внимание описателей прежде всего обращалось к пантеону, а именно он был практически полностью (на высшем уровне) "маскулинизирован" чрезвычайно влиятельным прусским жречеством. Поэтому в известной степени отсутствие имени *Laim-* (fem.) среди теофорных прусских имен в источниках не должно вызывать особого удивления.

laimintiskai 'богато', 'обильно'. К III, 33, 14 (En kawijdsmu Christiāniskan tāns mennei bhe wissamans drowiņgins deinenisku wissans grikans

laimintiskai etwiērpei '...alle sünde reichlich vergibt'). Adv. — Траутман APSpr. 367 ввел конъектуру **laimingiskai*. Впрочем, в этом он шел за Нессельманом (ср. в Thes. 1873, 88: "im Texte steht gegen alle Sprachanalogie *laimintiskai*"), исходившим с уверенностью из **laimingiskai*. Эта форма принималась многими исследователями как единственно верная, вопреки явному свидетельству текста. Аналогия с лит. *laimingas*, лтш. *laīmīgs*, оказалась более влиятельной (ср. и сейчас ОР 119). Этот случай, имеющий немаловажное значение для осознания решающих стимулов при толковании прусских текстов, поучителен для целой категории примеров, относящихся к конъектурам. На правильное решение указал Эндзелин: от Adj. *laims* производный глагол должен был иметь вид **laimint*, а Part. Praet. pass. — **laimints*; именно от него с помощью суф. *-isk-* и было образовано наречие на *-ai* — *laimintiskai* 'счастливо', букв. — 'обогащенно' (Endzelīns FBR 12, 1932, 173; SPV 201, ср. Jonval BSL 33, 1932, 163). То же образование на *-isk-* засвидетельствовано от этого корня в прусск. *laimiskai* (см.). Подкреплением взгляду Эндзелина может служить лит. *laiminti* 'сделать счастливым' и т.п. (ср. также *laimintas*. Part. Praet. pass.), но Adv. — *laimintai* (ср. у Ширвида: *Nieszczęśliwie*. Infeliciter, improspere, inauspicato. *Ne laymintay*. Pirm. žod. 3, 218) или *laimintinai* (Kurs ganai mus laimintinai. Giesm. Tik. Katol. 1646, I, 153. LKŽ 7, 56), ср. также лтш. *laimīties* 'gelingen', 'gedeihen'. Für. I (ME 2,409). Несмотря на эти сходства с литовским в соответствующем месте в переводе Вилента избрано другое слово, ср.: ...wissus ghriekus dauhingai atleidz. — См. *laeims*, **laims*, *laimiskai*.

— Лит.: Thes. 1873, 88; APSpr. 367; Endzelīns FBR 12, 1932, 173; SPV 201; LEW 333; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 40; ОР 119. — **{*laimintiskai}**.

laimiskai 'богато', 'обильно'. К III, 31, 1 (...Laimiskai bhe deineiskai persurgai '... Reichlich vnd Täglich versorget'). Adv. — У Вилента в соответствующем месте *dauxingai*. — Произведено от Adj. **laimiskas*. См. *laimiskan*, *laeims*, **laims*, *laimintiskai*.

— Лит.: Thes. 1873, 88; APSpr. 367; SPV 201; Schmid IF 73 1968, 360; ОР 118. — **{*laimiskai}**.

laimiskan 'богатый', 'обильный'. Adj. К III, 75, 7 (... bhe laimiskan aumūsnan stēisan grijkan swintinninuns bhe ensaddinnons '... vnnnd reichlichen Abwaschung der Sünden geheyliget vnnnd eingesetzt'). Acc. Sg. fem. — Образовано с помощью суф. *-isk-* от *laim-*. Способ образования этого Adj. иной, нежели в вост.-балт. (ср. лтш. *laīmīgs*, лит. *laimingas*, *laimūs*). — См. *laeims*, **laims*, *laimiskai*, *laimisku* и др.

— Лит.: см. к статьям **laims*, *laimintiskai*, а также ОР 95; Vgl. Gr. 8; LEW 333.

laimisku 'богато', 'обильно'. К III, 41, 28 (...Kawīdan tāns islīuns ast no mans laimisku pra Jesum Christum... '...welchen er ausgossen hat vber vns reichlich durch Jesum Christ...'). Adv. Образовано от Adj., см. *laimiskan*; к соотношению двух вариантов *laimiskai* и *laimisku* ср. *as-*

mai и *asmu*, *malnijkai* и *malnijkiku* и под., см. Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 9; IF 73, 1968, 359—360; Schmalstieg Stud. slav. ling. in honor of Unbegaun 1968, 189—193; St. OP 5.200.

— Лит.: см. к статьям **laims*, *laimintiskai*, а также OP 118; St. OP 5.200; 6.01. — *{*laimisku *laimiskai}*.

*laims, о значении, как и о принадлежности к грамматическому классу слов, см. ниже. К I, 7, 5 (Pergeis twais laeims 'Zukomme dein Reich'). Nom. Sg. masc. — Написание в тексте *laeims* предполагает реально **laims*, ср. *etnistislaims* 'богатый милостью', 'gnadenreich' (К III, 41, 24). — В данном месте прусского текста должно быть *rijks* (*rīks*) 'царствие', точно переводящее нем. *Reich* (ср. Papeysey poumans twayia гукку. К II, 13, 3; Perēit twais Rijks. К III, 35, 11, а также Ateik Karalista tawa у Вилента и epakas mums touwe walstibe в латышском "Катехизисе" 1586 г. соответствующем месте). В соответствии с единогласным мнением специалистов появление здесь *laeims* объясняется тем, что *Reich* 'царство', 'государство' немецкого текста было спутано с нем. *reich* 'богатый'. Соответственно принималось, что *laeims* является Adj. с значением 'богатый', 'обильный', подобно *laimiskan*, **laimintiskas*. Разумеется, при переводе нем. *reich* сыграло предательскую роль и исказило семантику прусского текста в этом месте, что и привело к неверному лексическому выбору. При всем этом пределы путаницы и масштаб ошибки, кажется, понимаются неправильно. Уместно предложить иное объяснение. При переводе на прусский нем. *Reich*, действительно, было понято по аналогии с *reich* 'богатый', но все-таки не как Adj., а как Subst. — 'богатство' (шире — 'благо', 'благополучие' и т.п.), возможно, через стадию субстантивизированного Adj. типа *das Reiche* (ср. русск. *добро* 'имение'). Иначе говоря, при лексико-семантической ошибке грамматическая правильность немецкой фразы была полностью сохранена. Из сказанного следует, что **laims* предпочтительнее понимать как Subst. — Такая форма находит себе соответствие в некоторых реально засвидетельствованных фактах литовск. языка. Ср., напр., у Ширвида Dict. trium lingv.: *kondycya* aliter. Sors, fatū *laymas/laymimas*. Pirm. žod. 3, 117. Но это слово выступает не только в значении 'судьба', но и 'успех' ('*laimėjimas*'), 'доля', 'приобретение', 'выигрыш' и т.п. Ср. соответственно: *Katras nuois į sodą, tai tam laimas: obuolių pilna žemė!*; *Didžiausias laimas gali būti milijonas!* или *Doringam žmogui dosnus yra laimas* (LKŽ 7, 52) — при том, что есть и Adj. *laimas* (Turime... *laimą gyvatą, kuryji šimtą metų pateks. Daukša Post. 579; = laimūs*, употребляющемуся в той же "Постилле" — 24, 25, 32, 57, 410 и др., см. Index Daukš. I, 406; LKŽ 7, 57), с одной стороны, и Subst. *laimė* (*laimė, laimė*), передающий те же значения, что и Subst. *laimas*, — с другой. — Ближайшими и единственно надежными соответствиями к прусск. **laims* являются вост.-балт. факты — лит. *laimas*, *laimė*, *laima* и Adj. *laimūs*, *laimingas* и под.; лтш. *laīma*, *laīme*, *laīmība* (уже у Лангия LVV 132) и Adj. *laīmīgs* и др. не считая не вполне ясного ятв. *lauma* как перевод польск. "*szczęście*" в польско-ятвяжск. словаре (см. Зинкяви-

чюс Б.Сл.Иссл. 1983. 1984, 6 (№№31, 70), 14, а также *{*laim-}*). В польских говорах в окрестностях Сейн отмечен литуанизм *laīma*, *loīma* 'судьба', 'участь', 'доля' (Zdancewicz LPosn.8, 1960, 343; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 80). Другие и.-евр. соответствия практически не указываются, во всяком случае с расширением *-m-*. В самом деле, одни примеры, допускающие в качестве источника и.-евр. **loim-/*leim-/*lim-* единичны и поэтому не могут считаться надежными (ср. русск. диал. *лимáнь* "о хорошей, полной удовольствий, беззаботной жизни": ...рыбы и всякой дичи так сколько душе угодно — прямо не жизнь, лимань там и одно удовольствие. Ворон. СРНГ 17, 48), другие же объясняются иначе и, к тому же, имеют значения, нуждающиеся в дополнительном объяснении; ср. и.-евр. **lei-m:* лат. *līmus* 'косой', 'поперечный', *līmes* 'поперечная дорога', 'рубеж', 'граница', *līmen* 'порог', 'вход', 'граница' и т.п., см. Рок. 1, 309; др.-исл. *limr* 'член', 'ветвь', *lim* 'тонкие ветви, несущие листву', др.-англ. *lim* и т.п.: скорее к **lei-* 'сгибать', 'гнуть', 'искривляться' и т.п., хотя, следует отметить, судьба нередко обозначается по принципу кривизны, изгибчивости (в этом случае заслуживает внимания и этимологически неясное /GEW 2, 72—73; Dict. étym. 3—4, 613—614/ др.-греч. λαϊός 'горло', 'глотка', 'шея' и 'прожорливый', 'жадный'; 'дерзкий', 'наглый', но и 'капризный', 'шаловливый', ср. возможное наличие здесь семантического элемента "изломанности", непрямоты"). Правда, продолжения корня **lē(i)-* без расширителя *-m-* нередко обнаруживают близкие параллели к прусск. **laims*. Речь идет о примерах, реализующих такие значения, как 'то, что оставлено', 'наследие', 'имение', 'имущество', 'выигрыш', 'милость' (ср. *etnistislaims* 'gnadenreich': 'Gnade'). Ср.: цсл. *лѣть* (: лит. *lėta*, лтш. *lėta: laim-*), др.-инд. *rātī-* и *rāti-*, др.-греч. *λάτρον* 'плата за службу', 'вознаграждение', др.-исл. *lād*, др.-англ. *lād* 'земельная собственность' и т.п. — все к и.-евр. **lē(i)-2* 'gewähren, Besitz'; *med.* 'erwerben', 'gewinnen', первонач. — 'überlassen', ср. **lē(i)-3*. 'nachlassen'. Этот круг примеров, собственно, и составляет опору наиболее распространенного этимологического объяснения балт. *laim-*, в частности, и прусск. **laims*. Подробнее всего эта точка зрения была выражена Френкелем IF 49, 1931, 235ff; LEW 333, но ср. также Gonda IF 50, 1932, 273ff.; Blese Val. 1940, 230; Hauzenberga—Sturta FBR 20, 1940, 133; Gätters KZ 73, 1955—1956, 52; Vgl. Gr. 1966, 8 и др. Суть этой точки зрения — в установлении связи между лит. *laimė*, лтш. *laīme*, прусск. **laims* и соответствующими балт. глаголами — лит. *lēisti* '(от)пускать', 'разрешать', 'оставлять' и т.п., лтш. *laīst*, то же из **leid-/*laid-*. Из этого следует, что балт. **laimė* и под. должно объясняться из **laid-m-e*, во-первых, и, во-вторых, что для прусского вероятна реконструкция глагола того же типа, что и для вост.-балт. — **leid-* или **laid-*, отдельные намеки на который существуют и вне **laims* и этой семьи слов. Правда, эта точка зрения в последнее время была оспорена Мажюлисом РКР II, 291, который предлагает выводить прусск. **laims* из **lēim-*, от **lēi-* 'мазать' (< 'лить') с расширением *-m-*; к семантике: 'намазывать', 'обмазывать' > 'нара-

щивать слой' > 'увеличивать' > 'делать обильным, богатым' (ср. лтш. *liēls* 'большой'). Представляется, что объяснение *laimis и под. из **lē(i)-* 'nachlassen' надежнее и — в том, что касается обозначения судьбы-доли, — семантически "сильнее". — См. *etnistislaimis*, *laimiskan*, *laiminiskai*, {**laim-*}.

— Лит.: Thes. 1873, 88; Pr. Spr. 1896, s.v.; Bezzenberger BB 26, 1901, 187; APSpr. 367; SPV 201; LEW 333; OP 84; PKP II, 74, 291. — {**laim(a)s*}.

{**laip-*}, ср. *Lauro*, 1330 (APON 81), *Leupein*, 1383, позже — *Leipen*; ср. также *Leypiten*. — Наиболее убедительные параллели в латышской топонимии, ср.: *Laipa*, *Lāipas-atvars*, *Lāipas-dīķis*, *Laip-ezers*, *Laipas-lāmas pl.*, *Lāipu-ceļš*, *Lāipu-purvs*, *Laipu-kalns*, *Laipu-gale pl.*, *Laipene*, *Laipenes-purvs*, *Laipenīca pl.*, *Lāipenieki*, *Laipiņas*, *Laipiņi* и др. (LV I, 2, 249—250); лтг. *Laipa*, *Loipa*, 1784, Лайпа, 1784, *Laipas*, *Lairauka*, *Laipiņas*, *Lāipiņ-āksna*, *Lāip-gals*, *Lāipenieki*, *Lāip-plaveņa*, *Lāipu-ceļš*, *Laipu-solu pl.* и др. (PN Latg. 260); ср. лит. *Laiuškieiai* (LATSŽ 151), лтш. *Laipiškis* (LV I, 2, 250). Эндзелин сравнивает эти названия с лтш. *lāipa* 'мостки', 'лава', 'перекладина' и т.п. Характерно употребление слова в песнях: *es pārsviedu šauru laipu pār tēkuošu ūdentiņu*. BW 13445, 1; ср. также лтш. *laipajas*, *lāipāja*, *lāipāji* 'unfahrbare Stellen, wo man zu Fuss gehen muss' (по другим источникам — 'Fusspfad', 'Fussweg'), *laipenis* 'weg vorsichtig geht', *laipināt*, *laipuot* и т.п. (ME 2, 409—410); лит. *laipa* (LKŽ 7, 58), но и *laiptas* 'ступень', 'уступ', *laiptai* 'лестница', *laipta*, *laipsnis* и т.п. (LEW 333), к *laipioti*, *laipinėti*, *laipioti* (ср. *pālaipu elti*, *palaipestais*, *-omis*), производным от *lipiti* 'лезть', 'взбираться'. К этой же семье слов, естественно, относится и прусск. *laipto* (см.). Буга RR III, 106 выводит *Lauro* из *leipō 'липа'; следовательно, меняется и круг параллелей: теперь он должен состоять из "липовых" названий типа лит. *Léipalingis* (вокализм корня объясняется из ятвяжского).

{**laip-ein-* (?)}, см. {**laip-*}, {**leip-ein-*}.

laipinna 'приказывать', 'велеть' (Ig). К III, 65, 27 (as tebbei laipinna bhe billai Tu niturei esse stesmu ist... 'Ich dir gebot und sprach: ...'). I. Sg. Praet.; — *laipinna*. Гр-Г. 84 ('Gebott'); — *lapinna*. Гр-Кип. ('Praeceptum'), см. Baltist. 6, 1970, 221; — *lapynna*. Гр. 37, ср. ркп. А (Bezzenberger GGA 1874, 1230); — *laipinna* в *polaipinna* (см.) с известными оговорками также относятся сюда; — *laipinne* в *enlaipinne*. 3. Praes.; — *laipinnans*. К III, 39, 21 (Beggi tans sups ast noūmas laipinnans titat prei madlitwei... 'Demer selbs hat vns geboten also zu beten...'). Nom. Sg. masc. Part. Praet. act., см. *-laipinnons* в *polaipinnons*; — *laipinnons*. К III, 45, 13 (Beggi schan bhe stwen asmu as ni seggīuns ka stai mennei laipinnons '...was sie mich hiessen'). Nom. Pl. (по смыслу) masc. Part. Praet. act.; — *-laipints* в *enlaipints* (см.). Part. Praet. pass. Nom. Sg. masc.; — *-laipinton* в *polaipinton* (см.). Part. Praet. pass. Acc. Sg. masc. — В соответствии с *laipinna*. К III, 65, 27 — у Вилента: *asz taw vschdraudziau bilodams ...*; в латышском "Катехизисе" 1586: *es thōw aysledte ze vnde batcy... — ...* — В отношении *laipinna* выс-

казывалось предположение, что это форма 3. Sg. Praes., выступающая в функции I. Sg. Praet. (Schmalstieg BL 1970, 141; OP 187; ср. SPV 201); конечное *-a* в этой форме из *-ā* (PKP II, 286). — В качестве наиболее очевидного соответствия обычно приводят лит. *liēpti* 'велеть', 'предписывать' и т.п. (из балт. **leip-*), а из других и.-евр. языков др.-греч. *λίπτομαι* 'сильно желать', 'жаждать', *λίπτω* (к значению ср. прусск. *pa-lloipsitwei* 'желать', 'жаждать'/'begehren'/'приказ'). Но есть возможность отыскать параллели с точностью до корневого вокализма. В этой связи уже приводился глагол лтш. *laipudīt* II 'helfen', 'aushelfen', 'behilflich sein mit Ratschlägen' (ср. *šis šim laipuo*, при игре в карты). Эндзелин (ME 2, 410) в свое время высказал мнение, что, если исходить из значения *laipudīt* 'советовать', 'давать указания' (это представляется весьма вероятным), то этот глагол должен быть связан с лит. *liēpti* и, значит, с прусск. *pallaips* (идея приказа). Нет сомнений, что и в литовском есть формы генетически, на глубоком уровне, связанные с *laip-* в прусском и латышском, но сильно разошедшиеся между собой семантически. Речь идет прежде всего о производных глаголах (каузативах, итеративах и т.п.) от *lipiti* 'лезть', 'в(з)лезать', 'взбираться', ср. *laipinti*, *laipioti*, *laipoti* и под. (LKŽ 7, 58—59). Как уже было показано (LEW 376), *lipiti* I 'лезть', неотделимо от *lipiti* 2 'липнуть', 'прилипать' и под. (ср., напр., алб. *ngjitem* 'лезть' и 'липнуть' /ср. *k'epem/* или соотношение др.-в.-нем. *kliban* 'прилипать' и др.-исл. *klífa* 'влезать' и т.п.) — влезание как "прилипание", "приклеивание", "приставание", "прильнутие" (*pri-lipniti), а *lipiti* 2 'липнуть', 'льнуть' типологически часто совмещается в одной и той же лексеме с такими значениями, как "сильно желать" (из *'цспляться'), 'жаждать', 'привязываться' (ср. *pallaipsitwei* /!/ при словц. *lipiet'*, *lipnūt'*, подобно ст.-сл. велѣти 'велеть' и ст.-лит. *velmi* 'хочу', лтш. *pa-vēlēt* 'велеть', 'приказывать' и *vēlēt* 'желать' и т.п., см. Karaliūnas B. *kalb. bendr.* 1987, 31—32). Этот же исследователь (33—34) показал связь между значениями 'липнуть', 'прилипать', 'приклеиваться' и т.п. и кругом значений, связанных с неким побуждением — 'велеть', 'приказывать', 'просить', 'молить' и другими видами подобного воздействия, причем эта связь была продемонстрирована, в частности, на примере слов с корнем *lip-* и под. В этом контексте не придется удивляться, что и слав. *lěpiti (< **loip-*: балт. **laip-*, *laipinna*, *pallaipsitwei* и под.) находит свое место в этой системе связей: продолжатели этого глагола обнаруживают не только "основное" значение — 'делать нечто из липкой субстанции' ('заставлять липнуть'), 'замазывать' и т.п., но и как, напр., русск. диал. *лепуть* — "говорить прямо, откровенно, резко" (Прямо лепят в глаза посланному, лепить правду), см. СРНГ 16, 364 (тут же *лепуть* 'болтать чепуху, вздор'), ср. в совр. речи *влепить выговор*, *лепить приказ*, *дело* и т.п. (в этом отношении заслуживает внимания связь др.-греч. *λίψ* 'влага', 'жидкость' и *λίψ'επιθυμία*. Hesych. объясняемые (каждое слово порознь) Шантреном в ином плане (Dict. étym. 3—4, 626—627, 642). Некоторая "головкружительность" предполагаемых здесь се-

мантических связей может показаться традиционному "этимологическому" сознанию чрезмерной, но, кажется, каждая пара значений связана между собою достаточно надежно, что, конечно, не означает необходимости корректирования отношений внутри целого, дополнения и исправления отдельных деталей. Ядром же этого целого являются балто-слав. параллели, а его идеей то, что выражается пословицей про слово *лѣпко*.

— Лит.: Thes. 1873, 88; APSpr. 367; BSW 155; ME 2, 410; SPV 201; Specht KZ 55, 1928, 162; LEW 367, 375—376; Pok. 1,671; Vgl. Gr. 8; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 162, 187; Пр. яз. II, 51; PKP II, 271, 286; Karaliūnas B. kalb. bendr. 1987, 31—33. — {*laipina; *laipinans; *laipinuns; *-laipints; *laipintan.

laipinnans, см. laipinna.

-laipinne, см. laipinna, enlaipinne.

laipinnons, см. laipinna.

-laipinsnan, см. laipinna, polaipinsnan.

-laipints, см. laipinna, enlaipints.

{*laip-īt- (?)}, ср. {*laip-}, {*laip-ein- (?)}, {*leip-}, {*leip-īt}.

-laips, см. laipinna, pallaips.

-la(i)psaey, см. laipinna, pallapsaey.

-laipsai, см. laipinna, pallaips, pallaipsai.

-laipsans, см. laipinna, pallaips, pallaipsans.

-laipsitwei, см. laipinna, pallaipsitwei.

-laipsittwei, см. laipinna, pallaipsittwei.

-laipsnan, см. laipinna, pallaips, pallaipsnan.

laipto 'рукоятка плуга'. Э 248 ('Stercz' /'Pflugsterz'/). Nom. Sg. fem. — В довольно подробном контексте плуга и его частей, ср. Э 243: *Plugis* 'Pflug', Э 244: *Wagnis* 'Sech', Э 245: *Pedan* 'Schar', Э 246: *Miskilis* (= *Nuskilis*) 'Schene', Э 247: *Gleuptene* 'Strichbrett', Э 249: *Preartue* 'Reutel', Э 250: *Wadule* 'Pflugbom', Э 251: *Graudis* (= *Grandis*) 'Rincke', Э 252: *Walis* 'Orschyt'. — О *laipto* как детали прусск. плуга в плане реалий см. Hein ZfEthn. 22, 187 (ср. также Schrader Reallex. idg. Alt. I, 7; II, 185, 653); Fischer EDP 1939, 9—10. — В словообразовательном отношении выделяется *-ta-*: *laip-to* при *laip-o*, см. {*laip-}. — Точное соответствие в литовском, правда, с иным значением. Ср. лит. *láipta* 'ступень', 'уступ', 'полок', 'поперечно приделанная дощечка, чтобы поставить ногу при влезании' ("...kojai padėti lipant, lipynė". LKŽ 7, 61, где *lipant*, *lipynė* мотивируют внутренний смысл *láipta*), ср.: *Skeksai ratų pririša láiptą įlipti į ratus; Ant tako jis padirbo laiptą (lipinę), kad būtų geriau laiptoti per tvorą* (ср. также *Siaur. ryt dūn. 1976, 166; Drusk. žod. 1988, 182*, ср. также *laiptukùs padāro*). Сюда же лит. *láiptas*, *láiptai* с тем же кругом значений и далее *laipsnis*, *lipynė* (7, 563—564), *liēptas* (7, 430), к значению ср. {*laip-}; кстати, доска для перехода через канаву или ручей может обозначаться и словом *láipta* 3. Заслуживает особого внимания ареал этого слова. Согласно Li-et. k atlas. 1977 (карта № 18, ср. коммент. к № 18 — там же, 59), *láiptai* (и *laipčiùkaì*) как обозначение банного полка встречается в узкой

диагональной полосе, идущей от сев.-зап. угла Литвы (*Žemýtė*, Скуод. р-н) на юго-вост. почти до Расяйняй. Не исключено, что это сев.-вост. периферия некогда более обширного ареала, включавшего и Вост. Пруссию. Во всяком случае такие образования за пределами этого ареала, кажется, отсутствуют (если не считать отдельных исключений). В частности, их нет в лтш. и лтг., хотя и отмечены лексемы того же корня, но без *-ta-*, ср. лтш. *làipa* 'мостики, доски через канаву, поток', 'лестница' (примитивного типа), *laipina* (ME 2, 409; EH 713; Ērg'. izl. vārdn. 2, 189), лтг. *laipa*, *laipēja*, ср. и лит. *láipa* (= *láiptas*), *laipės* (LKŽ 7, 58). Зато в латышск. дайнах отмечено образование на *-t-* от корня *lip-* 'лигнуть', 'прилеплять' в изошренном с точки зрения фонетической организации контексте — *liptin* (вар.: *lipin*) *lipa liepu lapra pie manām villainēm*. BW 10199 и, что важнее, *lipts*, аналогичное по значению *làipa* и произведенное от *lipt* 'в(з)лезать', 'взбираться' (ME 2, 475; Plāķis Kursen. val. 1927, 66; Kuršu folk. 1933, 32, 39, 41; др.-инд. *lip-ta-*, но от *lip-/limp-* 'обмазывать', 'начкать'). Это лтш. *lipts* соответствует лит. *liptas* 'доска для перехода через ров' и т.п., ср. *liēptas* в тех же значениях (LKŽ 7, 430, 569). В свою очередь эти литовские слова очень широко употреблялись в письменном "западнорусском" и польском языках в Великом Княжестве Литовском (ср.: *За сенох ти... отдали есмо им... там же Шлапеи и Упис под липтом...*, 1605; *Вывезли... вежу з липятами, з нумокголом...* 1637 (1638); *Wieżę z lipiatami u z niumogalem ... zapisuję ...*, 1660 и т.п.), см. Jablonskis Liet. žodžiai 1, 1941, 117—121, 314—315, 332; ср. Слов. балтизм. 1982, 95—96. — Встает вопрос о внебалт. соответствиях прусск. *laipto*, т.е. об именах от корня **leip-/loip-/lip-* с суф. *-t-*. Помня о связи значений 'в(з)лезать', 'взбираться' и 'лигнуть', 'мазать', 'прилепляться' и под. (см. {*laip-}, *laipinna* и др.), ассоциируемых с этим корням, и о наличии у него значения 'сильно желать', 'жаждать' (ср. *pallaipsitwei*), можно, несмотря на существенную семантическую отдаленность, сопоставить с прусск. *laipto* (и особенно с глаголом лит. *laiptuoti* 'skirstyti laiptais'. LKŽ 7, 62) др.-греч. λίπτομαι 'сильно желать', 'желать' (о нем. см. Dict. étym. 3—4, 643; GEW 2, s.v.). Нельзя исключать, что в сильно ономотопеизированном слав. **liptati*, подвергшемся влиянию со стороны **xliptati*, кроется соответствие и к др.-греч. λίπτομαι и к лит. *laiptuoti*, ср. словен. *liptati* 'зевать от жажды', 'томиться', 'стремиться к чему' (Etim. Sloven. 2, 143), с.-хорв. *lìntmati*, *lìntmumu* 'течь', 'вытекать' (еще раньше как с λίπτομαι, так и с прусск. *pallaips* и лит. *liēpti* было сопоставлено слов. *lipiet'*, *lipnút'* 'страстно желать', без *-t-*; см. Machek Studia in hon. Dečev 50 сл.); ср. не вполне ясные случаи типа ст.-чеш. *leptati*, о жадной еде и т.п. (Etim. sl.č. 327), слов. *leptat'*. Зато бесспорно русск. диал. *лентяк* 'комоч снега или грязи' (СРНГ 16, 366: из **lēp-t-*). То же можно сказать о др.-инд. *ripta-*, *lip-tá-*. Part. Praet. pass. от *rip-*, *lip-* 'прилепляться' и т.п. (ср. *riprá-*, *rip-*, *répas-*, о грязи, измазанном, липком и т.п. Согласно Bailey BSOAS 21, 1958, 44, лит. *láiptai*, *liēptas* помогает определить семантическую мотивировку вед. *rip-*. объясняемого Саяной как "bhūmi". "orthivi" (ср.

pāti priyām гирó ágram. RV III, 5, 5 'он стережет милую вершину земли', ср. *ripá upásthe*, о лоне земли /RV X, 79, 3/, идеей возвышения, приподнятости ("ступеньки"). Тем не менее, формально довольно точные параллели в других и.-евр. языках далеки в целом семантически от балт. примеров, и, более того прусск. *laipto* тоже нуждается в объяснении его смысловой связи с лит. *láipta*, *láiptas*. По-видимому, общее между этими двумя предметами, обозначаемыми одинаково, в том, что они представляют собою некую конструкцию, не являющуюся самоцелью, но позволяющую как взойти на следующую "ступень" для достижения главной своей цели (*laipto* дает возможность взять плуг и начать им работу, *láipta* — подняться выше или перейти через препятствие). Последнее подробное этимологическое объяснение прусск. *laipto*, данное Мажюлисом (PKP II, 306), актуализирует две идеи — вспомогательности — "сделанности" (*laipto*, возможно, из **leiptā*, это то, что "приделано, прилажено, приложено, как бы прилеплено") и уже отмечавшейся связи значений 'в(з)лезать' и 'прилепляться', 'приставать', 'приклеиваться' ("цепляться" > "лезть") и 'прилепляться' и под. и 'сильно желать', 'жаждать' ("цепляться" > "стремиться к чему" > "сильно желать"). В силу этого круг параллелей к *laipto* составляют как слова, восходящие к и.-евр. **leip-* 'прилепляться' (ср. к указанному гот. *laiba* : *bi-leiban* и т.п., тох. А *lip-* 'оставаться': *lyipār* 'остаток', хеттск. *lippāi-* и т.п.), так и к и.-евр. **leip-* 'сильно желать' (см. выше).

— Лит.: Thes. 1873, 88; Pr. Spr. 1896, s.v.; APSpr. 368; SPV 201; LKŽD 222; WP II, 104; Pok. 1, 671; LEW 376; PKP II, 306. — *{*laiptā}*. *{*lais-}*, ср. *Laysen*, луг, 1296 (SU 90); *Leyse*, 1362 (в Самбии); *Laysen*, 1304, *Leyse*, деревня; *Laysen*, 1315; *Loysis*, 1334, позже — *Layß* (APON 81). — См. *{*lais-ij-}*, *{*lais-ōn-}*, *{*lais-en-ik-}*, *layso*. — Видимо, сюда же относится *Laysen*, озеро, 1468 (APON 87: **Laysen* ?). — Польск. гидро- и топонимия хранит следы этих прусских названий; ср. мазур. *Łajs*, *Łajsk*, *Łajskie Jezioro* (на зап. от деревни *Łajs*) и предшествующие ему формы — *Layson*, ок. 1400, *Laysing*, 1418 (Kętrzyński O ludn. polsk w Prus. 1882, 344), *Layson*, ок. 1420, *Laysenig*, 1428 (Cod. dipl. Warm. IV, 290), *Lais*, 1595 (Hennenberger Ercler. I, 3, 14), *Laysser See*; *Laysser Eichwald*, *Laysser Heide*, *Łajsowski Borek* (около деревни *Łajsa*); ср., м.б., *Leisen*, 1860, *Leysek*, 1823 (но *Lejsko*, *Lisko*, *Leisken See*; *Laysen*, 1362 (но *Lešne Jezioro*, *Wald See*); *Lejsek* (но *Lešne Bagno*). *Słown. nazw Mazur* II, 76, 190, 322, 328, 329; польск. *Łajs* (*Layss*), *Łajskie Jezioro* (*Laysser See*), *Łajsy* (*Layss*), *Łajsy* (*Leissen*). *Słown. nazw. geogr. PZP* I, 171; *Leysek*, *Leisen* (но *Lisko*, *Leisken See*, *Lejsko*). HW 628. Вероятно, сюда же ю.-варм. *Łajsy* (*Luysen*, 1378. Cod. dipl. Warm. III, 54; *Leissen*, 1625, 1656; *Laisen*, 1755; *Leissen*, 1785, ок. 1790; *Laysen*, 1820; *Leissen*, 1868; *Lajsy*, 1884. *Słown. geogr.* 5,65; *Lejsy*, 1947, *Łajsy*, 1951, 1968; диал. *Łajs(y)*. Pospiszyłowa. Top. Warm. 1987, 90—91, 209 (к прусск. *luysis* 'рысь'; **Luisai*/**Luisens*). — Ср. к зап. от Вислы, в юго-вост. Мекленбурге — *Laysowe*, 1270 (Mekl. Urk. II, 1199, 390), *Loysowe*, 1273 (ibid., 1285), *Laysowe*, 1304 (ibid. XXV, 13 828, 54), *Loysowe*,

1305 (ibid. 58), совр. *Der Loissow See* (Schmettau), см. Schall Baltist. 2, 1966, 21 (прабалт. **Laisava* 'Tonsee'); Gimbutas Balt. 1985, 17—18. — Ср. лит. *Laiskuri* (LV I, 2, 250; Dambe Baltist. I priedas 1972, 59. — От прусск. *layso* 'глинозем', 'глинчак' и/или прусск. *luysis*.

{*lais-enik-}, ср. *Layszenick*, озеро, 1374 (APON 81). — См. *{*lais-}*, *{*lais-ij-}*, *{*lais-ōn-}*, *layso*.

{*lais-ij-}, ср. *Laysyen*, 1277; *Laysen*, 1285 (APON 81). — См. *{*lais-}*, *{*lais-enik-}*, *{*lais-ōn-}*, *layso*.

laiskas, *laiskas* 'книга'. Выступает в качестве второго члена сложных слов. К III, 69, 11—12 (Stas Cixti *Lāiskas* 'Das Tauffbüchlein'); III, 19, 19 (Preistesmu stas *Lūbi bhe Cixtislāiskas*... 'Darneben das Trew- vnd Tauffbüchlein...'); III, 61, 31—32 (Ains Sallūbs *Laiskas* 'Ein Trawbüchlein'). Nom. Sg. masc.; — *laisken*. К III, 63, 16 (Tit peisai Moises en pirmannien *laisken* '...im ersten Buch'). Acc. Sg. — *Lāiskas* в *cixti lāiskas*, несмотря на раздельное написание, объясняемое разделенностью нем. *Das Tauff | büchlein* на две строки (см. Пр. яз. IV, 189), выступает как второй член сложного слова. То же надо сказать и о *cixtislāiskas*, представляющем собою сложное слово на грани аппозитивного сочетания (Пр. яз. IV, 191). В отношении *Sallūbs Laiskas* Эндзелин предлагает конъектуру — **sallūbas*, т.е. Gen. Sg. (FBR 11, 1931, 181; SPV 242). При ее принятии указанный сегмент текста не сложное слово, а элементарная синтаксическая конструкция, и, следовательно, перед нами единственный пример, когда *laiskas* выступает в Nom. Sg. как самостоятельное слово. — Сохранение *a* во втором слоге (при том, что перед конечным *-s-* в самландском диалекте *-a-* обычно выпадает) объясняется тем, что при его выпадении образовалось бы неудобопроизносимое сочетание. Гласный *e* в *laisken* — результат редукции *a* в безударном положении в ауслaute (Vgl. Gr. 1966, 27, 119). Согласно St. OP 5.804, слово 4-го акцентного типа (циркумфлексная подвижная парадигма). — Ближайшие параллели в вост.-балт. и слав. Ср. прежде всего лит. *laiškas*, *laiškas* 'стебель', 'перо' (о растениях, напр., о луке, злаках и т.п.), но и, главным образом, 'письмо', 'лист', 'страница' (книги), 'нечто написанное' ('записка', 'сочинение' и под., ср.: Pradėjo išeidinėti lietuviški laiškai. LKŽ 7, 71). Именно в этом последнем значении лит. *laiškas* более всего приближается к прусск. *laiskas* 'книга'; ср. также и значение 'письмо' в контексте польск. *Pismo* (*Święte*), обозначающего Книгу, книгу по преимуществу. Наконец, нельзя полностью исключать и того, что *laiskas* в прусском означало (по крайней мере, изначально) именно 'лист', а книга понималась как "листы", их собрание. В латышск. слова этого корня не выработали "культурного", с письмом и книгой связанного значения (но ср. все-таки латг. *laiška*. Augšz. dial. 1983, 165, ср. 157: *brāktuva*): ср. *laiska* 'das Blatt am Flachsstengel, am Getreidehalm', *laiška* 'die Seerose (nymphaea)', 'die Teichrose (nuphar)', *laiksne*, *laiksnis*, то же и т.п. (ME 2, 407, 410—411, 413—414: *laiška*, возможно, литуанизм: EH 715). Обращает на себя внимание частое сочетание этих слов с обозначением листа

(*laišku lapas, laikšņu lapa* и т.п.). Впрочем, и старые литовские тексты показывают ситуацию, свидетельствующую о большей распространенности "растительных" значений, ср. *Kiūtų žolių sėmenes tiekiai ing lapus ir ing laiškus išauga ...* Daukš. Post. 90. 17; у Ширвида — *layβkas* (nac a žioł /jarzyn/, Folium, vel thersus olerū), *layβkas* (βczypior, Thallus tener'), *layβkas swagunu* (piogo ábo pierze a cybule, Stylus, thallus cæparū). Pirm. liet. žod. 3, 185, 296, 435, но, когда речь идет о письме, *Raβau lakβtu* (piše, Scribo aliquid, exago epistolam, literas do ad aliquem, appello literis). 3, 297; ср. *laiβkai* (о перьях лука). Lex. Lith. 113a, *laiβkas*. 109a. В фольклорных текстах также преобладают "растительные" значения: *lšmynė rūtą iš šaknų ir lelijėlę iš laišku. Ožkab. dain.* 46 и др. Подобное положение фиксируется и в ряде говоров, ср. жем. *laiškas* (Grinaveckis Žem. leks. 1985, 26—27). — Из сказанного напрашиваются два заключения: во-первых, велико вероятно, что и в прусском *laiskas* обозначало часть растения, "лист" (тем более, что в текстах отсутствует нем. слово *Blatt*, которое дало бы возможность проверить это предположение); во-вторых, параллели к прусск. *laiskas* в других языках должны иметь прежде всего "растительное" значение и лишь потом "культурное", которое в данном случае вторично и, надо думать, представляет собой результат аналогического развития. Во всяком случае прусск. *laiskas* как обозначение книги слово, возникшее незадолго до текста, в котором оно зафиксировано, и, возможно, еще носившее окказиональный, условный характер. — С этим прусским словом (как и с лит. *laiškas*) обычно сопоставляют продолжения праслав. **listь*. Эта связь несомненна (**lais-k-: *lis-t- /ср. *leis-t- / и под.*), и поэтому слав. данные кое-что проясняют и в балт. ситуации. Так, характерно, что в зап.-слав. языках проявилось сильное развитие в сторону "культурных" значений, как в прусск. и литовск. Ср. польск. *list* 'письмо', 'послание', 'грамота' и т.д., *lista* 'список', 'журнал' при *liść* 'лист' (на дереве), *listek* и под., хотя ст.-польск. *list* еще означало листову, *folium* (ср.: *A bødze /sc. mąż/ iąco drzewo, iesz szczepono iesz podlog czekocyh wod ..., a list iego ne spadne /folium eius non defluet/.* Fl. 1, 4, также и в Пулавск. Псалт.) при том, что более распространенными были значения 'письмо', 'послание', 'юридический документ' (т.е. текст, который мог совпадать и с книгой), 'лист' (бумаги), 'страница' (см. Słown. Staropolsk. IV, 1(20), 52—57). Кашуб. *lëst* наряду с "растительным" значением относится также к письму, листу бумаги (Słown. gwar kasz. 2, 358—359 (*Napřie the lëst*). Сходное положение в словинско-поморских говорах с одним важным исключением: слово *läst* 'лист' (древесный), 'письмо' в множ.ч. обозначает книгу — *lästə* 'Buch' (ср. *Çon sezwł přa twfli ws läzwł v svax ləscəx.* Pom. Wb. 1, 457); ср. *läst* 'Blatt', 'Brief'. Полаб. *laįst* (< **listь*) обозначало и лист-листву, и лист бумаги, и письмо, причем и такое, которое состоит более чем из одного листа (ср. у Геннига: *Leist* 'Brieff, weil er aus einem oder mehregen Blättern besteht'; последнее условие, собственно, и предполагает возможность обозначения этим словом книги). Słown. etym. Drz. 2, 312. Ср. далее чеш. *list*

'лист' (древесный)' но и 'лист' (бумаги), 'документ', 'текст' (ср. применительно к газете, журналу и т.п.), слвц. *list*, то же; в.-луж. *list* 'лист' (древесный), но и 'лист' (бумаги), 'письмо', н.-луж. *list*, то же. В той или иной степени сходные семантические тенденции обнаруживаются в южнослав. языках (ср. болг. *лист*, но и *листа*, макед. *лист*, *листа*, с.-хорв. *lišt*, словен. *lišt*, но ст.-сл. листъ φύλλον). Вост.-слав. языки, сохраняя старое значение ("растительное"), хорошо свидетельствует и новые ("культурные"), ср. др.-русск. *листь* 'лист', 'письмо', 'грамота' и т.п. (ср.: *Книзь и листовъ съкровения.* Муч. Хион. апр. 16. Срезн. 2, 23—24; Слов. р.я. XI—XVII вв. 8, 238—239), русск. *лист*, диал. *лист* (СРНГ 17, 62—63, в основном в "растительных" значениях); блр. *ліст* 'лист' (древесный и бумажный), 'письмо', 'документ'; укр. *лист* 'лист' (древесный), во множ.ч. *лісти*, *лістí* — 'письмо'. Таким образом, и блр. и укр. объединяются с лит. *laiškas* в развитии "нового" значения — 'письмо'. — Вообще балт. и слав. языки в отношении этих слов образуют достаточно сплоченное целое, весьма сильно отделенное от других языков, возможные параллели к которым остаются в высшей степени гадательными. Вместе с тем не исключено, что в слав. языках есть факты, еще ближе стоящие к балтийским (ср. русск. диал. *лискі* 'ботва свеклы' при *лист* 'свекольная ботва'. СРНГ 17, 62, 63, если только первое слово не из **лискі*, или праслав. **lěska* в сопоставлении с русск. диал. *лист* 'ветви' /*Листу надо принести на веники*/. СРНГ 17, 62 — из **loisk-* и т.п.? — в свою очередь с *lěska* сопоставляют праслав. **lěsь*, для которого, судя по зап.-слав. данным, исходным значением могло быть 'листва', 'побеги', ср. др.-чеш. *les*, *lesy*. Marvan Inform. Bulet. 5, 1964, 30—31. Трубочев ЭСР 2, 485 /дополн./ наиболее вероятной считает связь **lěsь* с лит. *laiškas*), однако вопрос о дополнительных и более "сильных" параллелях из слав. языков требует специального исследования. — Более далеко идущие объяснения прусск. *laiskas* и соответствующих вост.-балт. и слав. фактов пока не отличались особой надежностью. Попытка объяснить балт. и слав. примеры из "единой" формы заставила реконструировать исходное **laiškas* (Schmidt KZ 33, 158; Solmsen KZ 37, 585; Pedersen IF 5, 79). Вместе с тем Педерсен (там же) и Петерссон *Ag.Arm. Stud.* 1920, 91—92 (ср. KEWAi. Lief. 18, 61) и др. предлагали связывать балт. слова с др.-инд. *riśati* 'отщеплять', 'отрывать' (ср. *liś-*) и иранскими словами типа н.-перс. *rištan*, белудж. *rēsag*, осет. дигор. *ælvesun*, пушту *wrēšal* и др., что вызывает сомнения и возражения по разным поводам (ср. также Scheftlowitz KZ 56, 1929, 196: из н.-евр. **lik'-to-*). Вайян *Gr. comp.* 2, 1, 120 сопоставлял слав. и балт. слова с лит. *lysti* 'худеть', 'тошкать', лтш. *liēst* 'слабеть'. Мажюлис РКР II, 212, подчеркнув полное совпадение прусск. *laiskas* с лит. диал. *laiškas* (даже в интонации), исходит из того, что первоначально эти слова обозначали нечто тонкое, слабое (ср. лит. *lėsas* 'тощий', лтш. *liēss*) и восходили к **leis-* с суф. *-k-* (ср. **liš-* : лит. *lysti* 'тошкать'). Отмечая некоторую странность превращения названия листа в ед.ч. в слово для книги, исследова-

тель высказывает предположение о том, что *laiskas* 'лист' (не ср.р.) могло бы пониматься как Nom. Pl. *ā*-основ: *laiskas* '(rašto) lapai' > 'книга' (ср. лит. *knūgos* Pl. 'книга'. LKŽ 6, 242, с одной стороны, и fem. *laiška*. LKŽ 7, 71, лтш. *laiska*, с другой). Предположение о том, что противоречащее этому мнению *laisken* могло быть переделано Абелем Виллем, вносит элемент ad hoc. Таким же необязательным могло бы быть толкование *laiskas* как лист ("крещальный" лист, "венчальный" лист), вопреки нем. *Buch* (ср. распространенную практику пользования при этих церемониях отдельными листами, подшиваемыми по мере их заполнения к книге; в таком случае речь шла бы о "листе книги, из книги"). Но и при таком толковании *laisken* оказалось бы препятствием. Поэтому лучше, видимо, исходить из противоречивости самих прусских данных и/или из результатов самой практики перевода текста Энхиридиона. — Вопрос остается не вполне ясным. К рассмотрению можно предложить следующее объяснение. Исходя из первоначального значения слова ('лист' как широкий, так и узкий, подобный перу) и учитывая некоторые вторичные значения ('ветки' и т.п.), приходится поставить под сомнение типологически частую мотивировку названия листа — "широкий", "плоский" и под. (*разлапистый лист* при лит. *lāpas* 'лист': слав. *lapa). Скорее, видимо, понятие листа, побега, ветви, выражаемое балт. *laisk-*, слав. *list-*, мотивируется идеей выпуска растения зелени весной, ср. нем. *sprießen* 'пускать ростки': *Sproß* 'побег', 'росток', 'отпрыск' и т.п. (см. применительно к *laiskas*, *list Būga RR II, 287 = KS 252). Этот тип мотивировки также принадлежит к числу распространенных. Если эти соображения верны, то балто-слав. название листа проще всего было бы возводить к и.-евр. **lē(i)-* 'от-пускать', 'вы-пускать', 'оставлять' и т.п. (см. Рок. 1, 666), ср. лит. *lēisti*, лтш. *laist* 'пускать' (**lei-d-/lai-d-*). Отглагольное балт. имя с вокализмом корня *-o-* образовано с помощью форманта *-sk-*, а слав. имя с помощью *-st-*, но при ином вокализме (если продолжения праслав. **lēs-* относятся сюда, то они полностью тождественны балт. **laisk-*). Тот же вокализм *-o-* (но при форманте *-st-*) в русск. *лестовка* (*лѣстовка*), если прав Ильинский ИОРЯС 23, 1, 1918, 171 сл. (ср. возражения Фасмера ЭСР 2, 487).

— Лит.: Miklosich Lex. PSGL 338; Thes. 1873, 88; Leskien Bild, 1891, 504; Pr. Spr. 1896, s.v.; Pedersen IF 5, 1897, 79; Schmidt KZ 33, 1899, 158; Solmsen KZ 37, 1903, 585; Meillet Etudes sur l'étym. 1, 301; SEW 1, 724; Būga KS 1908, 252 сл. (= RR II, 287 сл.); RR II, 387; RR III, 81; APSpr. 368; BSW 148; Эндзелин СБЭ. 1911, 54 сл.; ME 2, 407, 410; FBR 11, 1931, 181; ZfslPh. 16, 1939, 112; SPV 201; BVSF 95; Ильинский ИОРЯС 23, 1, 1918, 171 сл.; Petersson Ar. Arm. Stud. 1920, 91—92; Scheftelovitz KZ 56, 1929, 196; Skardžius LKŽD 121; Specht Urspr. 243; ЭСР 2, 500—501; HWASl. 1955, 262; LEW 333—334; Vgl. Gr. 8, 27, 119; Karaliūnas Baltist. 1, 1966, 117; Vaillant Gr. comp. 2, 1, 120; SEP 4, 280—282; Etim. rječn. hrv. 2, 307—308; Etim. Sloven. 2, 144; Machek Etym.

sl. ž. 335; Българ. етим. речн. 3, 425; OP 45—46, 59, 311; St. OP 5. 402; 5.804; 335; PKP II, 212, 280. — [*laiskas, *laiskas; *laiskan].

{**laisk-in-*}, ср. *Layskynen*, 1409 (APON 81: к *laisken* 'книга', лит. *laiškas*, с суф. *-in-*). — М.б., сюда *Leiskewangen* (APON 86: к лит. *Leškiaī* и прусск. *wangus*). — См. [**lais-*], *laiskas*. О мазурск. формах типа *Lajsk*, *Łojsk* см. Słown. nazw. Mazur II, 190, 213. — Ср. лтш. *Laiškini*, *Laiškiniu-ežers*, *Laišku-sala* (LV I, 2, 250. м.б., *Lėiskini*, 291); лтг. *Laiszki* (PN Latg. 272); лит. *Laiškoniai* (LATSŽ 151). Nom. рг. типа лтш. *Layske*, 1459, *Layzeke*, 1510, *Layseke*, 1511, ср. *Laysse*, 1512 (LPV I, 201); куршск. *Lotte Layske*, 1502 (UB II, 2, 463). KF 299, вероятно сюда, не относятся (по Блесе, от лтш. *laisks* 'ленивый', *laiška*). Семантика не вполне ясна, но, конечно, предположение Герулиса едва ли верно. Наиболее вероятен выбор между "растительным" (стебель, лист) и "почвенным" (глина) принципами названия. К словообразовательному типу ср. лит. *laiškinė*, *laiškinis*, *laiškiningas* и т.п. (LKŽ 7, 71—72).

layso 'глинозем', 'глинище', 'глинчак'. Э 27 ('Let'), ср.: Э 25: *Laydis* ('Leym' = 'Lehm'), Э 26: *Sixdo* ('Sant') и т.д. Nom. Sg. fem. — См. [**lais-*], *laydis*. — Это слово обладает очень нетривиальной характеристикой — наиболее точные соответствия ему обнаруживаются в германских языках, тогда как в вост.-балт. их очень мало и они весьма приблизительны. Собственно говоря, вост.-балт. параллели исчерпываются несколькими литовскими примерами того же корня, но принадлежащими к иным словообразовательным типам. Ср. лит. *laistas* 'замазка' (из глины), ср. также *glaitas* с тем же значением (*Laistas padirbtas iš molio... dėl užlaistymo skylių aruodo*); *laistai*, то же (*Su laistais užlaistyk kubilą graižus*); *laitas* 'замазка', 'клей', 'глиняный под' и т.п. (*Iškepė duoną kaip laitą ... suklekusią ...; Paprastūsius laitus įdėti į vandenį dėl išminkstėjimo*), *luistas*, *luitas* (LKŽ 7, 62—63, 72, 675, 676; Būga RR I, 299; LEW 334), связанные с соответствующими глаголами *laistyti* 'за-, об-мазывать', *laituoti*, *laītinti*, *luituoti* (LKŽ 7, 72, 676). Надежных примеров в латышском, кажется, нет. Зато в германских языках существуют довольно точные соответствия именно прусск. *layso*, ср. др.-исл. *leir* neut. 'глина', *leirr* masc. 'глиняный пол', *leira* fem. 'глинистая почва', исл. *leir*, *leira*, фарер. *leir*, датск. *ler*, шведск. *lera*, *ler*, норв. *leir*, *lere* и т.п. (Altnord. EWb. 351: из прасев. *laiRa). Различия касаются только типа именных основ: *layso* принадлежит к *ā*-основам; для *leir* обычно реконструируют *laizā, **lajiz-* из **lojes-*, основа на *-es-*. Существенно, что этой близости слов соответствует близость ареалов — северная часть германского и западная балтийского, между которыми издавна поддерживались связи, хотя — и это тоже очень важно — в данном случае речь о заимствовании не идет. Другие и.-евр. параллели представлены примерами с другими расширителями корня, ср. *-m-* лат. *limus* 'ил', 'грязь', 'тина' (из *loimos), др.-в.-нем. *leim*, нем. *Lehm*, др.-англ. *lām*, др.-исл., др.-англ., др.-в.-нем. *lim*; *-d-*: прусск. *laydis*, алб. *leth*; ср. *-v-*, *-n-* (Рок. 1, 662). — О семантических мотивировках, выдвигаемых для объяснения *layso*, см. *laydis*.

— Лит.: Thes. 1873, 88; APSpr. 368; BSW 148; Mayer Glotta 24, 1936, 165—166; SPV 201; Urspr. 220, 228, 234; LEW 334; Pok. 1, 662. Ср. грамм. герм. яз. I, 1962, 55; Порциг Член и.-евр. 217; Schall Baltist. 2, 1966, 21; Vgl. Gr 13, 39; Lex. 1972, 31, 71, 78; Dambe Baltist. I priedas 1972, 59; Altnord. EWb. 351; Merlingen IF 83, 1978, 58—59; PKP II, 291—292; Леле Вестн. МГУ, сер. 9. филол. 2, 1982, 82—83; Laučiūtė Tarpt. balt. konf. 1985, 70; Gimbutas Balt. 1985, 17—18; Мельничук Этимол. 1984, 1986, 145. — {*laisā}.

{*lais-ōn-}, ср. *Layson*, озеро, ок. 1420, позже — *Laißer See* (APON 81, 154). — Реконструкция гласного *ō* в суф. *ōn-* сугубо условна и связана с неясностями, существующими при истолковании прусск. *-on-*, ср. *Kympone*, *Pylon*, *Dingone* (и *Dyngvn*), *Noron* (и *Norune*) и т.п., см. APN 169—170; APON 154; SPV 46. — Обычно связывают с прусск. *layso* 'глинозем', см. {*lais-}, *layso*. Впрочем, нельзя полностью исключать, что *Layson* могло бы отражать иной корень — *Laiz-*; ср. лтг. *Laizāni*, *Latzāni* (*Gluzņova*), Лайзины, *Lajzany*, *Làizēna-pļaviņa*, Лайзина, Лайзан (при оз. Большом и Малом Лайзанах), Лойжаны, Лазины, Глайзаны и др.; ср. Nom. рг. (*po Jurze Layzanie*, 1712; *Matys Atka Layzan*, 1738; *Anta Layzanowa* и др.). PN Latg. 260—261; лтш. *Làizēna-pļaviņa*, *Laizēni*, *Làizītis ez.*, *Laizēni* (LV I, 2, 251 : лтш. *laizā*); лит. *Laizuva* (LAPSŽ 151); *Liežys* (LUEV 92; Liet. hidr. 66, 134; LHEŽ 190; сюда же *Ležėnas* < *Ležėnas*, к *ližyti* 'лизать', ср. *laizyti*). Если принять это предположение, то восстанавливается прусско-лтш.-лтг. **Laiz-an-*.

laitian 'колбаса'. Э 381 ('Wurst'), в ряду — Э 376: *Saltan* ('Spek'), Э 377: *Juse* ('Juche'), Э 378: *taukis* ('Smalcz'), Э 379: *Sloyo* ('Vnlit'), Э 380: *mysis* ('Smer'). Nom. Sg. neut. — Трудное с этимологической точки зрения слово, хотя основная идея его этимологии, сформулированная впервые более века назад, и сейчас продолжает, пожалуй, быть наиболее авторитетной. Сложности объясняются прежде всего изолированностью прусского слова внутри балт. языков и невольной зависимостью исследователей от соответствующих (вероятно) славянских данных, которыми, кажется, и исчерпывается фонд и.-евр. фактов, относящихся сюда. Этой ситуацией объясняются неоднократные попытки эмендации чтения этого слова, хотя в дошедшем тексте Э нет реально никаких неясностей и *laitian* читается достаточно четко. В свое время Эндзелин предложил "условную" конъектуру, единственным основанием которой было стремление сохранить связь со славянскими продолжениями **elito* (ZfslPh 18, 1942, 122; SPV 201—202). Суть конъектуры сводится к перестановке двух первых букв: вместо *laitian* предлагается читать **alitan* (сходная ситуация в инлауте — *gelatynan* вм. правильного **geltaynan*). Другая попытка исправить чтение слова принадлежит Левину (SEEV 1974, 102): вм. *laitian* рекомендуется *ialitan*, и здесь основанием является сохранение славянских параллелей, к которым "подгоняется" прусское слово; возможность же такой конъектуры объясняется типичными для Э "графическими" ошибками: написанием *l* вм. *i* и *t* вм. *i* и наоборот. Наконец, совсем недавно Кольбушевский Tarpt. balt. konf. 1985, 64 предложил

читать прусское слово как **lalitan*, которое в таком случае получило бы поддержку со стороны польск. диал. *lelito*, *lalito* (ср. подобную же ассимиляцию в *leleń* < **jeleni*), ср. *leloski* (мазов.), *lelochy* и и.п. — Таким образом, большинство исследователей, начиная с Burda BV 6, 1874, 397, так или иначе связывает *laitian* с славянскими фактами и расходятся лишь в деталях (исключение ЭССЯ 6, 1979, 22: "Традиционное сравнение слав. **elito* с неясным др.-прусс. *laitian* 'колбаса' дает мало..."). Этот славянский круг родства прусск. *laitian* составляют продолжения праслав. **elito* : польск. *jelito* 'кишка', 'колбаса' (ср. в ст.-польск. *Przethne yelito lyen*, ок. 1455; *Yelytho viscus*, ок. 1500; *Kathne yelytho omentum*. Słown. Staropolsk. III, z. 2(15), 159), *jelita* 'внутренности', диал. *lelito*; словинц. *älëta* (Pom. Wb. 1, 10: 'Glieder und Eingeweide'), в.-луж. *jelito* 'колбаса', *jëlto* 'внутренности', 'котомка', н.-луж. *jelito* 'кишки', 'потроха', 'брюхо', 'пузо'; 'котомка из бычьего пузыря' (Muka Słown. dolnoserb. I, 543), *jëlito* 'пузо', 'брюхо', 'желудочная колбаса'; чеш. *jelito* 'сорт кровяной колбасы' (в диал. — 'кровоподтек'. Hruška Dial. slovn. chod. 38), словц. *jelito* 'колбаса', 'желудок', 'кишка'; с.-хорв. *jelito* 'колбаса', диал. *olito* (Rječn. JAZU 8, 894), *jalito* 'кровяная колбаса из самой толстой кишки', *olita* Pl. tant. 'кишки', 'кишечник', словен. *jelita* 'сорт колбасы', *olito* 'кишка', *jelitnica* 'начинка', 'мешанина', *jeluta*; укр. *ялиту* 'внутренности', блр. *ялуты* 'яйца у самца животных, ядра'; русск. диал. *литóка* 'третий желудок жвачных животных', *литóха* 'кишка с калом', *литóха* 'большое брюхо'; 'обжора', *литóшка* 'малый желудок жвачных животных' (ср. *литóшки*, о не употребляемых в пищу частях требухи и мяса животных), *литóнья* 'третий желудок', 'первый желудок', 'брюхо', *литóмия* 'книжка, второй желудок у жвачных' (СРНГ 17, 73, 74), но и *литúшка* 'второй желудок у жвачных' (17, 26). — Естественно, что при поиске ближайших слав. параллелей к *laitian* привлекают особое внимание русские примеры, поскольку только они лишены начального *je-/o-* (в свое время Брюкнер говорил о ст.-польск. **lito*, но эта лексема, как известно, не засвидетельствована). К сожалению, эта преимущественная близость пока не поддается убедительному истолкованию: с одной стороны, неясна природа начального **e-*, если оно не относится к корню (Бернекер полагал, что здесь и.-евр. предлог того же типа, что в др.-греч. *ἐ-θέλω* и под. SEW 1, 452—453); с другой, сами русские слова слишком выделяются среди всех соответствующих слов славянских языков своей сильной "переработанностью" и экспрессивностью, чтобы быть уверенным в том, что их анлаут всегда открывало *l-*. Вопрос стоит так: если отношение **lit-* : **elit-* внутри слав. языков исконно, то последняя форма, действительно, должна пониматься как **e-lit-*; если же это не так, то в центре внимания должно оказаться общеслав. **elit-*, а русские формы отходят на периферию как результат позднейшего преобразования. Последняя позиция, по сути дела, занята ЭССЯ 6, 21—22, где **el-* рассматривается как корень, а *-ito* как суф.; само же **el-* сопоставляется с нем. *Aal* 'угорь' (из и.-евр. **ēlo-*) и более древними значениями этого слова

(‘полоска’, напр., в ткани); в качестве семантической аналогии приводится лит. *žárna* ‘кишка’, которое имеет соответствия со словами других и.-евр. языков, имеющими такие значения, как ‘лента’, ‘полоса’, ‘жила’, ‘струна’ и т.п. (см. LEW 1291). При всей оригинальности эта этимология носит, пожалуй, слишком исключительный (отчасти ad hoc) характер. Примерно так же следует расценить и попытку Брюкнера связать слав. слово с лат. *ilia* (KZ 46, 1914, 197; SEW 1, 206; а также WP I, 163—164; Pok. 1, 499; Lat. etym. Wb. 678; SEP 1, 558), которое само скорее всего заимствовано из др.-греч. ἰλία (Dict. étym. 1—2, 463) и само весьма далеко от ясности; во всяком случае реконструкция и.-евр. **ili-* у Покорного обоснована очень слабо. — Обращаясь к слав. словам, восходящим условно к *elito, приходится констатировать, что самой яркой смысловой характеристикой их является не определенная форма и даже не идея объема, вместимости, а, пожалуй, идея предельной заполненности, набитости. Во всяком случае “колбасные” употребления слова демонстрируют это достаточно ясно, а прусск. *laitian* обозначает как раз колбасу. Более того, как известно, колбасы с тех пор, как они появились в этом регионе, изготовлялись, грубо говоря, двумя способами — набиванием кишки соответствующей колбасной смесью или наливанием в нее смеси, когда она жидка (случай т. наз. кровяных колбас, ср. приведенные выше случаи, когда продолжения слав. *elito относятся к обозначению именно кровяной колбасы). Не случайно поэтому, что уже одно из самых первых этимологических объяснений *laitian* исходило из связи этого слова с глаголом “лить” (прусск. *pralieiton*, лит. *lieti* и под.), см. Pierson AM 8, 1871, 363. Эндзелин (ZfslPh. 18, 1942, 122; SPV 201—202) отчасти поддержал это объяснение, напомнив о лтш. *dēsas liēt* ‘изготавливать колбасу’, букв. — ‘лить’ ее, а также о примерах типа чеш. *livanec* ‘litý dolek’ (об оладьях), которые легко могут быть увеличены (причем речь идет не только о кушаньях / ср. русск. диал. *литóвка*. СРНГ 17, 73/, ср. *литые яйца, ядра, брюхо*, если оставаться в кругу значений *elito, или *литóк*, литая свинцовая бабка, при *литóка*, о желудке и т.п.; любопытно словен. *jélič* ‘глупец’, ‘дурак’ на фоне чеш. *jelito, jelimán, jeliňanek* то же. Etim. Sloven. 1, 225; к “набитому” дураку ср. словен. *bútec, bútelj* при *bútati* ‘бить’ и т.п.). При этом допущении отношение прусск. *laitian* : *-lieiton* отвечало бы таковому в лит. *laĩtas* — *liėti* (см. Būga RR I, 299), к вокализму ср. русск. *лой* и др. Между прочим, сюда можно было бы подключить примеры со значением “мазать” (др.-греч. ἄλτνω, λιτός, лат. *linō* и т.п.), в конечном счете связанные с глаголом в значении ‘лить’ (из и.-евр. **lei-*/**loi-*/**li-*) и связывавшиеся уже Бернекером SEW 1, 452 как с прусск. *laitian*, так и со слав. продолжениями *elito. Но и это решение скорее предлагает некую возможность, которая, прежде чем осуществиться, должна была бы объяснить ряд трудностей и, в частности, проблему *je-/o-* в анлауте слав. слов (кроме русских). Как бы то ни было, каждое из предлагавшихся в отношении *laitian* решений связывает его прежде всего с слав. фактами. Одна из крайних позиций, вытекаю-

щих из подобной связи, — предположение о заимствовании *laitian* из слав., ср. Brückner AfslPh. 20, 1898, 498; KZ 46, 1914, 147; SEJP 296; Levin SEEV 102.

— Лит.: Pierson AM 8, 1871, 363; Thes. 1873, 88; Burda BVS 6, 1874, 397; Miklosich EW 425; Matzenauer Lfil. 8, 28; Stokes Urkelt. 1894, 252; Brückner AfslPh. 20, 1898, 498; KZ 45, 1913, 301; KZ 46, 1914, 147; SEJP 206; APSpr. 368; SEW 452; WP I, 163—164; Lat. etym. Wb. 678; Endzelin ZfslPh. 18, 1942, 122; SPV 201—202; BVSF 41; ЭСР 2, 503; LEW 368; SEP 558; Etym. sl.č. 222; Etim. Sloven. 1, 225; SEEV 102; Kolbuszewski Tarpt. balt. konf. 1985, 64. — {**lait'an*; *laitjan}.

{**lait-* & **kalm-* (?)}, ср. *Laitkayme*, 1331, *Leytkayme* (SU 186), позже — *Ladtkeim* (APON 31). — Pierson AM 7, 1870, 599 связывал первую часть этого сложного имени с прусск. *laydis* ‘глина’. Буга RR I, 423 и Герулис — с лит. *Laičiai, Laitiečiai* (ср. также RR I, 421; II, 384). Ср. также лит. *Laĩškis, Laitėliai* (LATSŽ 151; но и *Laičiai*, ср. *Leičiai, Leĩškiai, Leĩškės*, 156, 157); с вокализмом *e* ср. также *Leitā, Leitupalis, Leitē, Leitālē* (LUEV 89; Liet. hidr. 86, 89, 102; LHEŽ 185), ср. Būga RR I, 421, 423; II, 384; Otrębski LPosn. 9, 1963, 27; Kuzavinis Kalbot. 10, 1964, 15 (с литературой); лтш. *Laites* (?) (LV I, 2, 250; м.б., *Leitis pl., Lēiša-kalns, Leitene* и т.п., 291—292), лтг. *Leitine, Leitāni, Leitanīški, Leitānīški* и др. (PN Latg. 270—271). — Ср. мазур. *Łajty*. Słown. nazw. Mazur. II, 88 (спорно из-за параллельных форм *Hajtus, Heyte Bruch*). — К второй части см. {**kaim-*}, *caymis*.

{**laksd-*}, ср. ятв. *Laksde*, ок. 1384 (... das nunde nachtleger wirt vff cyme flize, das heisz Laksde... Lit. Wegeber. = SRR 2, 1863, 690), далее *Lazdijai, Łózdzieje* на дороге к Мерече, ср. *Lazdijai* в юго-вост. углу Литвы при лит. *Lazdėnai, Lazdėniai, Lazdėnai, Lazdėnė, Lazdėnė, Lazdėnėliai, Lazdėniai, Lazdėniškai, Lazdėniškiai, Lazdėniškis, Lazdėnkos, Lazdėnupis, Lazduonėnai, Lazduoniai* (LATSŽ 156); *Lazda, Lazdija, Lazdauja, Lazduoja, Lazdinga, Lazdinis, Lazdinka, Lazdinių ežeras, Lazdėnupis, Lazdėnų upėlis, Lazdėrius, Lazduona, Lazdūna, Lazduonaitis, Lāzdūpis, Lazdūpė, Lazūotė* (из *Lazduotė). LUEV 89; Liet. hidr. 76, 98, 123, 147, 160, 168, 189, 203, 204, 207, 227, 235, 263, 272; LHEŽ 184; лтш. *Lazda, Lazdas-kalns, Lazdas-lēcis, Lazdas-mežs, Lazdas-muiža, Lazdas-pļava, Lazdas-purviņš, Lazda-grāvis, Лаздакална, Лозды, Lazdu-pļava, Lazdu-mežs, Lazdu-sala, Lazd-apara, Lazd-āres, Lazd-kalns, Lazdupji, Lazdauski, Lazdava, Lazdāja-pļava, Lazdeļa-laūks, Lazdēni, Lazdenīca, Lazdenieki, Lazdienieki, Lazdenīte, Lazdiņas, Lazdiņš, Lazdiņi, Lazdiens, Lazdiena, Lazdiens, Lazduona, Lazdieši, Lazdulājs (Lazdu-leja), Lazdūnieki, Lazdaga-ežers* и др. (LV I, 2, 276—278); лтг. *Lazdāni, Лаздань, Łazdanu, Лозданишки, Лаздан, Лаздена, Lazdēni, Lazdaņi, Лазданик, Лаздена, Lauzdauniški; Lazdeņi, Lazdiņi, Lazdenieki, Lazdinīki, Lazdanauska, Lazdaga az.* и др. (PN Latg. 265—266); куршк. *Lessede*, 1253 (*ambo Lessede; beide Lesseden*. UB I, 1, 321), *Laxdiene*, 1280 (UB I, 1, 582), ср. еще: *Land zu Lesscheden*, 1470; *dem Lesschen olden hewschlage*, 1495; *by Leßdenn*, 1544 (KF 116). — Ср. также мазур. *Łazduny, Łascedum*, озеро; *Łasdun See, Laxdun See, Łascdun See (Laxdeinen*, 1539, *Laxdoy*, 1468. Słown. nazw.

Mazur II, 283; *Lazdoje (Laxdoyen)*. Słown. geogr. PZP 1, 282; *Lazduny*. NW 483. Ср. также распространение названий с этим корнем в северных частях Белоруссии, примыкающих к Литве, т.е. на бывшей ятвяжской территории: *Лаздуны, Лаздунский, Лаздунскі* (Кратк. топон. слов. Белор. 194; Слоўн. назв. Гродз. 134), ср. микропонимы *Лаздзіна, поле, Лаздзін, Лаздзіны* (Яшкин Мікратап. Белар. 136) — все в Гродненск. обл., преимущественно в Ивьевск. р-не). Нельзя не отметить использования этого корня в личных именах, ср. белор. *Лаздан, Лаздзін, Лаздоўскі* (Белар. антрап. 2, 242); лтш. *Lakstan; Laxtepite, Laxterpith, Laxtopupe* (вм. -yte), из **Lagzdupite*, и т.п. (LPV 1, 201). Ласицкий в "De diis Samagitarum" (LPG 357) сообщает о жемайтском женском божестве: *Lasdona avellanarum, Babilos arum dii sunt* (ср.: *Buvo girių deivė lazdona*. Ivinskis Kalendor. 1864, 8. LKŽ 7, 214). Соседство этих двух мифологических персонажей не является случайным (Greimas Apie diev. 1979, 260—261, 273—274): орех и мед в обряде сватовства выступают как средства приманивания — пассивное и активное. В течение всего времени сватовства, — сообщает Даукантас, — "motyna jaun-ajį ir piršlį riešutais maitino". Это кормление-угощение орехами, несомненно, не чуждо и сексуальной символики (ср. такую же роль самой палки — *lazdà*, прута, хлыста и т.п.) и служит также условием процветания в потомстве, в богатстве и т.п. Тот же автор свидетельствует, что только при обручении молодые съедали "keimerį riešutą" (Būdas, 42); о символике "двойного" ореха в этом контексте немало писалось в последнее время (ср. латышские народные приметы: *Kad lazdiem daudz riekstu, to gadu dzimst daudz bērnu; Kad lazdām daudz riekstu, tad tanī gadā meitām daudz bērnu*. Smits Latv. taut. tic. II, 1026, №№ 16684, 16685 и др. — о связи урожая орехов и количества детей, которые должны родиться). Подобные данные, относящиеся к смежному ареалу и к близкому культурному типу, делают правдоподобным предположение о сходной картине в ритуальной практике пруссов — тем более, что прусский язык располагал словами этого же корня и тем же суф. (ср. *Kuprone* и под. или лтш. *Lazduone*; о лит. *Lazduona* см. Būga RR I, 467, 516). — Ятвяжский характер вышеприведенных названий Налепы Acta B.-sl. 3, 1966, 129—133 определяет по смычному согласному перед *s/z* (ср. прусск. *laxde* при лит. *lazdà*) и по территориально-этническим соображениям. Первый критерий не абсолютен, ср. куршск. *Laxdiene* или лтш. *Lagzdas, Lagzdas-kalns; Lagžg'i, Lagzdaiņi, Lagzdene, Lagzdiņš, Lagzdiņi, Lagzdone, Lagzduoņas* и др. (LV I, 2, 246—247); все эти названия, как и апеллятив *lagzda*, отмечены только в Курземе и Земгале (Dambė Baltist. I priedas, 1972, 58). Надежнее второй критерий, который в значительной мере определяет и приводимые примеры, к которым, видимо, нужно присоединить и ряд литуанизированных ятвяжских названий (*Lazd-*). Ятвяжская принадлежность *Laksde* (Налепы Acta B.-sl. 3, 1966, 130 допускает, что эта форма могла быть и собственно прусской, попавшей в орденские "Wegeberichte" от пруссов-проводников) подтверждается, возможно, некоторыми другими примерами, подоз-

реваемыми в принадлежности к тому же корню. Среди них, по мнению Фалька Acta B.-Sl. 10, 1976, 151—152, название озера *Leszczewik* [lescevek], к сев.-зап. от Вигерского оз.; предлагаемая исследователем реконструкция исходной формы — **Lagzdinis* (: прусск. *laxde* 'лещина'), подвергшаяся ряду субституций под слав. влиянием: *-inis* > *-ovo* (ср. *Liesczowo*, 1569) > *-uvko* (ср. *Leszczuwko*, 1668) > *-evko* (ср. *Leszczewko*, 1715) > *-evok* (ср. *Leszczewek*, совр.), ср. также Ze stud. 1973, 23; Wig.-Huc. 1, 1941, 196—199 (разумеется, возможна и другая трактовка этого названия). Относимое к словам этого же корня *Lichsdune* ("von dem see vort uff eyn flis das heysset die Lichsdune..."), см. Налепы Acta B.-sl. 3, 1966, 131—132, сюда, конечно, не принадлежит (ср. Kazlauskas Baltist. 3, 1967, 243: к лит. *lizdas*; ср. St. OP 2, 302). Наличие прусск. топонимов, производных от *laxde*, подтверждается рядом примеров: *Laxdenen*, 1419; *Laxdogen*, 1419, *Laxdoen*, *Laxduy*, 1467, позже — *Laxdoyen; Laxeniekaym* (?), 1419 (ср. Nom. pr. *Laxenne, Laxanis*, 1367. APN 51), см. APON 83. — См. *laxde, kellaxde, {*laksd-en-}, {*laksd-uj-}, {*laks(d)-en- & *kaim-}*. — Фонетически элемент *laksd-* мог отражать [*lagzd-*].

laxde 'орешник'. Э 607 ('Hasele' [= 'Haselstrauch']). Nom. Sg. fem., среди названий растений, ср. Э 608: *Kadegis* ('Eynholcz'), Э 609: *Kaulles* ('Dorn') и т.п. — См. также *{*laksd-}, {*laksd-en-}, {*laksd-uj-}, kellaxde*. — Возможно, значение *laxde* можно уточнить. Исходя из *kellaxde* 'древко копья' (*kelian* 'копье') и значений родственных слов (ср. лит. *lazdà* 'палка', 'стебель', но и 'куст орешника' /*Corylus avellana*/, ср. у Шиврида Dict.: *lazda* в соответствии с *leszczyna, drzewo leszczynowe, Corylus*. 3, 152 /но тут же и *lazdinas* в этом же значении/; *Rieszutis lazdos* — *Orzech laskowy, Auellana nux*. 3, 270 или прусск. *lozá* как обозначение куста, но и *lozá, lozína*, 'прут', 'хлыст', 'розга', т.е. часть куста, отличающаяся самостоятельностью и относительной прямоотой), можно предполагать, что и прусск. *laxde*, засвидетельствованное в Э (и, видимо, в топонимах) в значении 'орешник', могло вместе с тем значить 'палка', 'рукоятка-древко', 'стебель' и под. (к значению 'рукоятка' ср. лит. *lazdà* как название этой части пса: ср. обозначение мутовки, мешалки *lazdà, lazdele* наряду с *kotas, rankenèle* и т.п. Liet. k. atlas. 1, 117, 143 и др.). — Ближайшие параллели в вост.-балт. и слав. языках, далее — в албанском, вероятно, в армянском. Впрочем, часть балт. и слав. языков предлагает соответствия двух типов — более точные (с *z*) и менее точные (без *z*), не говоря о других деталях. Ср. лит. *lazdà* 'палка', 'стебель'; 'удар палкой'; 'орешник' (Ant *lazdōs auga riešutai; Visa lazda arkerus kekēm*), 'ботва' и т.п. LKŽ 7, 211—214 (ср. *lazdýnas* 'орешник', *lazdijà* 'место, где растет орешник', *lazdìnė* и т.п.), но и *lazà* (ср. *Drūta lazà*, но и Ant *lazōs auga riešutai*. 7, 211), ср. *lazà, lazýnas*, но и *lazdýnas* (Siaur. ryt. dūn. 170), *lazà* и *lazdà, lazdýnas* (Laz. tarm. žod. 141), но *lazdà, lazdýnas* (Drusk. žod. 186); — лтш. *lazda* 'орешник' (но и 'палка', видимо, судя по месту распространения, под литовским влиянием), *lazds, lagzda, lagzde* 'Haselnusstrauch' (: прусск. *laxde* !), *lagzds, lagzdājs, lagzdene, lagzdiens, lazda-*

ine, lazdiens; legzda, legzds (ME 2, 399—400, 433, 445; EH 731), диал. *ležda*, наряду с *lazda* (Erg'em. izl. vārdn. 2, 205—206, 207); *lo:zda* (Dign. izl. 1986, 152). На основании ятвяжских и куршских топонимов с вероятием восстанавливаются апеллятивы с корнем **lagzd-*. Некоторые из этих слов проникли в качестве балтизмов в соседние слав. говоры. Ср. польск. сейн. *kazgan* 'длинный, толстый стебель', переносно — о выросшем сверх меры мужчине (Zdancewicz LPosp. 8, 1960, 344); блр. *ляжджай*, *лягджай*, болотная трава из семьи осоковых, ср. лит. *lazdaitė* 'болотное растение' (Весці АН Белар. Сер. грам. навук 1969, № 4, 125), см. Лаучюте Слов. балтизм. 80, 119—120 (в качестве "недостаточно аргументированных" балтизмов выступает смоленск. *лазбѣн(ь)*, 144, с литературой вопроса; иначе Вūga RR I, 412; Чефранов Филол. зап. 5. 1911, 778 и др.). — Слав. параллели, приводимые обычно в связи с этим балт. словами, оказываются слишком монолитными, восходящими к праслав. *loza, ср. ст.-сл. лоза ѱπελος, болг. лоза, макед. лоза, с.-хорв. лѡза, словен. lōza; слвц. loza, ст.-чеш. loza, польск. loza; укр. лоза, блр. лаза, русск. лоза. В целом эти слова обозначают и определенного вида куст (особенно винограда, ивняка, тальника и т.п.), но и прут, розгу, стебель, хворостину и т.д. Сомнения в связи этих славянских слов с балт. *la(g)zd-*, изредка высказываемые, нельзя признать основательными (ср. варианты *lazdā* и *lagzdā* в литовском) — тем более, что в слав. языках существуют и более разнообразные варианты этого слова — и по форме и по значению. Уместно ограничиться лишь несколькими примерами. В русских диалектах встречается слово *лоск*, которое в словарях обычно определяется экстенсивно, не по основному (во всяком случае в истории развития) признаку — 'ложбина', 'лощина', 'небольшая балка', 'плоская низменность', 'низинка' и т.п. (см. СРНГ 17, 151). На самом деле такие обозначения являются результатом переноса значения (характер растительности /кустарниковой, густой, распушенной, как бы разнонаправленной/→место, где эта растительность преобладает). Достоевский в "Мужике Марее", вспоминая детские впечатления, полученные в Даровом, пишет: "Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой роши. И вот я забился гуще в кусты...". Таково же первоначальное значение слова *лозг*, часто выступающего как вариант слова *лоск*, а значения 'небольшой глубокий овраг', 'ров', 'низменность, изрезанная рвами и ручьями в разных направлениях' (СРНГ 17, 111) вторичны в указанном смысле, и это отчасти подтверждается значениями других слов этого корня, ср. *лѡзгать* 'возиться', *лѡзгом*, *лозгѡм* 'беспорядочной грудой', *лозг-лѡзгом*, о беспорядке, *лозготливый* 'болтливый' и т.п.; ср. в этой связи лит. *lazgėti* 'громко говорить', 'галдеть', 'гомонить'; 'развешаться', *lazgesys* и т.п. (LKŽ 7, 214), *lėzginti*, *lėzgis* и др. (7, 388—389), ср. *laskuoti* 2 'много говорить', *laskatuoti* и др. (7, 162—163), *lesketuoti* 'plakti', 'skalanduoti', *leskinti* 'judinti', 'lezginti' и др. (7, 378); лтш. *leşkāt* 'verschleppen', 'vertragen (Kleider)'; 'ungeschickt, mit grossen Schritten

gehen', 'bei schmutzigen Weter gehen', 'watend sich beschmutzen', *leşka* и др. (ME 2, 453); русск. *лѣскать*, в частности, 'производить шум', *лескотать* 'говорить громко', 'болтать', *лескотун* (СРНГ 16, 371—372), *лезготать* 'болтать', *лезгать*, *лезгун* и др. (16, 338), *лазготать* 'болтать', 'тараторить', *лазготня*, м.б., *ласкотать* (16, 242—243), *лоскотать* 'болтать', 'говорить вздор' и др., *лоскота*, *лоскотень*, *лоскотун* (17, 151—152), *лозгать* (17, 111); *лязгать*, *лязга*, *лязгун*, *лязжать*, *лязжать* (17, 270—272) и т.п. Таким образом, и балт. и слав. языки, по сути дела, едины в наборе разнообразных типов основы у слов этого корня, используемых особенно часто в экспрессивных образованиях (помимо отмеченных значений, связанных с хаотической речевой деятельностью, ср. значения 'хлопать', 'стучать', 'бить', 'ударять' и т.п.). Ср. *лоск-/лазг-*, *леск-/лезг-*, *лоск-/лозг-*, *ляск-/лязг-*, в конечном счете соотносящиеся с внутренней смысловой идеей слова *лоза* (*лозга); балт. *lask-/lazg-*, *lesk-/lezg-*, но и *lagzd-*, *legzd-*, *lazd-*, и также соотнесенные в своих основах с *laxde*, *lazdā*, *lagzda*, *legzda*, родственно связанных со славянскими словами. Глаголы, хотя в общем и произведены от соответствующих существительных, в целом лучше сохраняют семантическую мотивировку слов этого корня, тогда как существительные уточняют самое сферу применения этой мотивировки. Но слав. данные обнаруживают свое разнообразие не только в связи с указанными глаголами. "Монолитность" оказывается мнимой и в связи со словами, соответствующими прусск. *laxde*. В этом контексте особое внимание должно быть уделено слав. *leşka, которое как раз полнее всего сохраняет старое значение, обозначая *Corylus avellana*, орешник (в отличие от *loza). Ср. словен. *leşka* 'орешник', но и 'палка' (к сочетанию значений ср. лит. *lazdā*), *leşka* '*Corylus tignum*' (Мегисер, XVI в.), ср. *leşnik* 'орех'; *leşnik* 'avellana' (Мегисер), *lieshnik* (Гутсман) и значительное количество топонимов, начиная с XIII в. (Etim. Sloven. 2, 135); с.-хорв. *leşka* 'орешник', 'куст орешника', *liska*, *lijėška*, макед. *leşka*, диал. *l'ășka*, болг. *leşka*, *leşka*, *leşka* '*Corylus avellana*', диал. *лѣскѣ*; чеш. *liska*, слвц. *lieska*, в.-луж., н.-луж. *leşka*, польск. диал. *leşka*, *laska* при обычном *leszczyna*, кашуб. *leşčėna*, редко *leşč* (Słown. gwar. kasz. 2, 359), словинц. *leşčėna* (Pom. Wb. 1, 448), полаб. *leşajėca* (Lēsteicia, lesteitzia) 'лещина' (< *leşčica), *leşėvajėca* (Lūstūwoicia, Loistpłicia), *leşėvajėna* (Lūstūwoina). Sł. et. Drz. 2, 322—324; укр. *leşka*, *leşčina*, диал. *leşka*, блр. *leşевина*, диал. *leşka*, русск. *leşčina* и т.д. (SEW 1, 713; ЭСР 2, 486; SEJP 290—291; SEP 4, 60; Etym. sl. č. 335; Etim. gječn. hrv. 2, 298—299; Etim. Sloven. 2, 135; Българ. етим. речн. 3, 370—371). В большинстве случаев значения 'орешник' и 'палка', 'прут' совмещаются в этих лексемах. В этой же связи уместно напомнить об Adj. ц.-сл.-др.-русс. *leşковъ* στυράκινοϛ (ср. *leşль* *leşковъ*. Иоанн Злат., Срезн. 2, 75; ср. и *leşль* *стуракынень*). Поскольку греч. στυράξ, στυράχιον обозначает 'древко', то и переводящее στυράχιον слово *leşковъ* не может не быть соотнесено с прусск. обозначением древка копья *kellaxde*, и это соответствие образует еще один узел связей между балт. и слав. словами этого корня. Общее значение *kellax-*

de и *жэзьль лѣсковъ* — оружие (копье, жезл), древко которого из орешины. Но этот же Adj. отмечен в клишированном сочетании со словом *орех*, ср. *лесковий орех*, обыкновенный орех (т.е. орех орешника, лещины), *лезговий орех* 'лесной орех' (Vasmer Russ.-byz. Gesprächsbuch 1922, 176; ср. ЭСР 2, 476, 486; см. также Слов.р.яз. XI—XVII вв. 8, 199: *лезговий, лезга*). К адъективному суф. *-ов-* ср. польск. *laskowy*, чеш. диал. *lískovice* 'палка из орешины', словен. *lěščevka* 'die Haselruthe', *lěščevina*, полаб. *lestěvajčā* (*lěščevica) и т.п. Показательно, что польск. *orzeczek laskowy* (: *лесковий, лезговий орех*) как раз и переводится с помощью лит. *lazda* у Ширвида. — Rieszutis *lazdos* (3, 270). В силу приведенных фактов реконструкция праславянского названия орешника в воде *lēska (sic!), см. Etim. gječn. hgv. 2, 298, ошибочна: правильно — *lēska (: *lězga) при возможных вариантах с кратким *e* (если только это не ошибка или вторичное образование, ср. ст.-русск. *лезга*. — При учете всего разнообразия относящихся сюда балт. и слав. фактов, в частности, и вариантов с расширением и без него (ср. *laxde, lazda*, но *loza), можно предложить объяснять *laxde* и подобные образования из и.-евр. **log'h-to/-tā* (см. **lēg'h-* 'лезть'. Рок. 1, 660; 'am Boden kriechen', 'niedrig'), а слав. *loza из того же корня, но без суф. — **log'h-* *-o/-ā*. К вокализму *o* ср. слав. *laziti; — к суф. *-to-* ср. прусск. *anctan, meltan, ructan, salta* и под., см. SPV 51, или слав. **bersta, *bersto, *berstь*. ЭССЯ 1, 197—200; Słown. prasłow. 1, 207—210: русск. *береста*, польск. *brzesta, brzosta* и под., в конечном счете из **berg'h-to/-tā* при *berza (русск. *береза*, болг. *брезá*, польск. *brzoza* и т.п.) без элемента *-to/-tā*; — к семантике именно этого словообразовательного типа ср. *береста* — 'верхний слой березовой коры', сдираемый для разных хозяйственных нужд, при ст.-русск. *лезга* 'шелуха', 'лузга' (*Лезга верхняя ...облуплена*. Травник Любч., 129, см. Слов. р.яз. XI—XVII вв. 8, 199). Что же касается общей семантики и.-евр. **lēg'h-*, представленного на глагольном уровне надежными примерами, строго говоря, только в слав. и отчасти балт. языках (ср. прусск. *līse* 'ползет', лтш. *lėžēt, lėžāt*, слав. *lězti 'ползать', 'лезть'), то как раз эти глаголы часто используются для характеристики роста и распространения растений — по горизонтали и по вертикали (ср. *лезть, вылезать* о траве, грибах, ростках и т.п.; русск. *лѣзом лезть* означает 'буйно, обильно расти, прорасти' /о растениях/, ср. *Дождь прошел — не успеваю полоть: трава лезом лезет*. СРНГ 16, 339). Типичная ситуация — распространение, как бы взлезание—всползание орешника (лещины) с более низкого места (лощина) или во всяком случае ровного, по склону на взгорок, более возвышенное место. Неслучайно поэтому, что одним из важнейших семантических компонентов и.-евр. **lēg'h-* и его продолжателей является мотив "низко находящегося, низменного, плоского", ср. др.-исл. *lāgr* 'низкий' (< герм. *lēga), н.-исл., фарер. *lágur*, норв. *laag*, швед. *låg*, датск. *lav* (ср. др.-англ. *lāh*, англ. *low*), лтш. *lėžns* 'плоский', лит. *lėkštis* и под. В свете сказанного получают объяснение балт. и слав. дублеты (**lazd-*: **loz-*) и увеличиваются возможности объяснения смычного соглас-

ного перед *s/z* (*la-k-sda : *la-g-zda) — типичной для балт. языков вставкой в сходных условиях (ср. прусск. *klexto* при лит. *kľėsti* или *sixdo* при *žiēzdros*, но и *žiēgzdros* и т.п. Endzelīns BVSF 55; ИОРЯС 17, кн. 4, 1913, 111, 120; Шпехт Ursprg. 56 объясняет *laxde*, лтш. *lagzda* из *laz-g-da; ср. Vgl.Gr. 1966, 108) или более сложными причинами (напр., несостоявшейся сатемизацией **g'h* [*g'h-t-* > *gt* > *gd* или *g'h-st* > *gst/gzd*] и т.п.). — Это балто-славянское лексическое соответствие имеет продолжение на Балканах (при этом важно подчеркнуть, что такие продолжения, как уже отмечалось, особенно часто относятся к сфере обозначения растений и элементов рельефа /см. Acta. B.-sl. 17, 1986, 279 сл. и др./: рассматриваемые здесь слова имеют прямое отношение к этим двум областям). Прежде всего существенно в этом отношении алб. *lajthl, ledhi* 'лесной орешник', ср. *lajthishtë* 'заросли орешника' (Jokl Ling.-kult. Unters. 1923, 203 сл. и др.). В последнее время как будто наметилась возможность еще одного "балканского" соответствия. Речь идет о словах с корнем *λαχ-* в др.-греч., ср. *λάχανον* 'овощи', 'зелень', т.е. в принципе культивируемые растения (но ср. и *λάχανα ἄγρια*), в основе которого лежит и.-евр. **lag'h-*. После того как было показано, что в истолковании гомеровского "гапакса" ἀμφὶ-λαχαίνω исследователи опирались не неверную точку зрения александрийских ученых (Lamberterie Rev. Philol. 49, 1975, 232—240; Nyman KZ 97, 1984, 81—87), φυτόν ἀμφελάχαινον (Od. 24, 242) стало аргументом в пользу связи его с и.-евр. **lēg'h-* и слав.-балт. глаголом **lěz-* в "растительном" значении (для производного от этого глагола и.-евр. **lag'h-ā* реконструируется, следовательно, значение 'побег', 'росток', 'отрасль'). С этим кругом слов оказалось возможным связать и др.-греч. *λάχεια*, эпитет к *νήσος* (Od. 9, 166) и *ἀκτὴ* (Od. 10, 509), обозначающий нечто низкое (та же ситуация в русск. *лозг, лоск*, ср. также др.-исл. *lāgr* 'низкий'; более того, и значение 'ров', 'яма', характеризующее *λαχί* отсылает к тем же значениям в только что приведенных русских словах). Наконец, нельзя сбрасывать со счета формы, которые, как будто, продолжают и.-евр. **log'h-* 'прут', 'хлыст' (Рок. 1, 691) и, по мнению некоторых, связаны с слав. *loza. Речь идет о др.-греч. "растительном" корне *λογ-* засвидетельствованном в двух глоссах Гесихия: *ὁ-λόγινον ὀζῶδες, συμπεφυκῶς* (ср. снова связь с *φύω* : *φυτόν*) и *κατά-λογον το μύρτον*. Значения 'росток', 'отрасль', 'побег' снова отсылают к сказанному относительно *lazda* = *loza и глагола **lěz-*. Учитывая, что оба эти др.-греч. слова "глоссовые", нельзя исключать, что по происхождению они принадлежали какому-то иному древнебалканскому языку; в таком случае объяснилось бы и аномальное *λογ-* (загадку представляет дак. *λάξ* 'портулак' < **log'h-* /?/. Detschew Thr. 553—554; ср. дак. *lad 'орешник' < **lag(h)-*, согласно Thr.—Dak. 94). В этот же круг параллелей к балт. и слав. словам обычно вводят и арм. *last* 'плот' и под. (: *lastem* 'плотничаю', 'строю'), предполагая первоначальное значение 'ствол', а также *lasteni* 'ольха' (см. Lidén IF 18, 1905—1906, 487—488; Solta Stell. Arm. 1960, 421 и др.). — Другие этимологические объяснения *laxde*

и тех связанных с ним вост.-балт. и слав. слов, которые могли бы пролить свет на решение проблемы, пожалуй, реального интереса не представляют. Так, Махек, отождествивший слав. *loza с лит. *lasà* 'корм для птиц' (Recherches 1934, 25—26), предположил позже, что в основе слав. *lēska лежит форма *loska, представляющая собой метатезу зап.-и.-евр. названия орешника — *kosl- (Etym. sl. č. 335), ср. ст.-в.-нем. *hasal(a)*, лат. *corulus, corylus*, ср.-ирл. *coll* (< *kosl-), ср.-валл. *collen*, ст.-брет. *limn-collin*, ср., кстати, лит. *kasūlas* (см. Friedrich PIET 1970, 76). Чоп Indogerm. min. 1971, 30—31 попытался связать *laxde* и родственные ему балт. слова с хеттск. *alkišta(n)*- 'ветвь' (ср., однако, Tischler HEGl. 1, 17—18; Puhvel HED, s.v.). Особое место занимает ведущая последние полвека дискуссия об авест. *razura*- 'лес', 'дрова', ср. *roezun, roezin* 'расти', *roezoe* 'плоды', 'овощи', 'фрукты', др.-перс. *raza 'виноградник' (*ra-ša-* в эламской передаче), перс. *raz* 'виноградная лоза', пхл. *raz*, парф. *raz*, -*раc* (как обозначение виноградника в Авроманском пергаменте), вандж. *raz* 'молодая роща', курд. *rāz, rez* 'сад' и т.п. (см. Tedesco JAOS 63, 1943, 150—151; Hauschild Mitteil. Inst. Orientforsch. 7, 1959, 48—56; Абаев Ист.-этим. слов. II, 398—399; Nyman KZ 97, 1984, 84 сл.; ср. Söll Bezeichn. Wald. 1967). Но результаты этой дискуссии для прусск. *laxde* или слав. *loza целиком зависят от того, возводится ли иран. **raza-* к и.-евр. **lēg'h-* или нет (альтернатива — из и.-евр. **reg'*- 'давать расти'. Pok. 1, 854—857). Попытка возведения балт. и слав. слов, обозначающих 'орешник', 'палка' и т.п., к формам с утраченным *u* в анлауте (ср. и.-евр. *uloiskā, др.-ирл. *flesc* 'прут' / < *uliskā /, др.-инд. *bleška-* из **vleška-* и т.п., см. Lidén Anlautsges, 1899, 25 сл.; Stud. zur ai. Spr. 1897, 48; ср. также Vgl. Gr. kelt. Spr. 1, 367; 2, 19; LEW 348) едва ли состоятельна.

— Лит.: Thes. 1873, 88; Pr. Spr. 1896, s.v.; Lidén IF 18, 1904, 487; Lewy KZ 40, 1907, 422; APSpr. 370; BSW 153; SEW 1, 736; Jokl Ling.-kult. Unters. 1923, 203 сл.; Scheftelowitz KZ 54, 1926—1927, 247; KZ 56, 1928—1929, 177; WP II, 387, 442; Эндзелин ИОРЯС 17, кн. 4, 1913, 111, 120; ME 2, 433; SPV 203; BVSF 55; Būga RR II, 138, 247; Machek Recherches 1934, 25; Slavia 13, 1935, 412; Specht Urspr. 1947, 56; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 65; LEW 348; SEJP 313; ЭСР 2, 476, 512; Solta Stell. Arm. 1960, 421; Порциг Член 1964, 260; Pok. 1, 660; Nalepa Acta V.-sl. 3, 1966, 129—130; Duridanov Thr. 1969, 94; Friedrich PIET 1970, 76; Chop Indogerm. min. 1971, 30—31; St. OP 2, 302; 10.058; Vgl. Gr. 108; Etym. sl. č. 335; Etim. rječn. hrv. 2, 322; Etim. Sloven. 2, 135, 153; SEP 5, 239—242; Българ. етим. речн. 3, 371, 457; Nyman KZ 97, 1984, 86; Широков Baltist, 20, 1984, 17; Acta V.-sl. 17, 1986 (1987), 269; Топоров Acta V.-sl. 17, 1986 (1987), 287. — {*lagzdē}.

{**laksd-en-*}, ср. *Laxdenen*, 1419 (APON 85). — См. {**laksd-*}, *laxde*.

{**laksd-uj-*}, ср. *Laxdogen*, 1419, *Laxdoen*; *Laxduy*, 1467, позже — *Laxdoyen* (APON 85). — См. {**laksd-*}, *laxde*.

{**laks-en-*}, ср. Nom. pr. *Laxenne*, *Llaxanis* (APN 51). — Ср. Nom. pr. куршск. *Laxutt*, 1579—1596 (KF 299). — См. {**laks-en-* & **kaim-*}.

{**laks-en-* & **kaim-*}, ср. *Laxeniekaym*, 1419 (APON 85). — См.

{**laks-en-*}. — Сложное название. В первом члене элемент **laks(-en-)*; связан ли он с лтш. *laksis* 'das Stück', 'das Scheit', 'Holzscheit' (ME 2, 416), сказать трудно; то же следует принять относительно названий типа лтш. *Laksis*; *Lakši*, *Lakšu-dīķis*, *Lakšu-čzērs*, *Lakš-čzērs*, *Lakšu-sala*, *Lakšu-valks*, *Lakš-leja* pl., *Lakš-purvs*, *Lakšine*, *Lakšines* pl. (LV 1, 2, 252—253); лтг. *Лакша*, *Lakši*, *Lakšine*, *Lakšiniķi*, *Lakšenieķi*, *Локшаниķи*, *Лякшимежа*, *Lakšu-sala*, *Лакша-Сола* и др. (PN Latg. 261). Во втором члене прусск. название деревни, см. *caymis*, {**kaim-*}.

lactye, род меховой одежды, см. далее. Э 476 ('Kurse'). Nom. Sg. fem., в ряду Э 475: *Pelkis* ('Mantel'), Э 477: *Wilnis* ('Roc'), Э 478: *Kisses* ('Pelz'), — Нем. *kurse* трактуется как 'Pelzrock'. DWört. V, 2820 или 'Pelzkleid'. Lexer Mittelhochd. Wb. 119. Мажюлис РКР II, 276 переводит *lactye* литовским словом *kailinukai* (*trumpi kailiniai*), т.е. 'полушубок'. Очевидно, что в иерархии верхней, рассчитанной на пребывание на улице, вне дома, одежды, *lactye* занимает место посередине между *wilnis* 'Rock', сюртук, и *kisses* 'Pelz', шуба. С *wilnis* то, что обозначается как *lactye*, объединяется принадлежностью к классу "сюртуков-курток", но отличается материалом: *wilnis* из шерсти, *lactye* из меха. С *kisses* у *lactye*, напротив, общее то, что оба они из меха, а разница в длине: *kisses* длинная, *lactye* короткая. Для верхней одежды пруссов оба эти параметра (материал и длина) оказываются существенными, и, видимо, *lactye* характеризовалась "максимумом-материалом" и "минимумом-длиной". Промежуточность *lactye* между верхней ("уличной") шерстяной и меховой одеждой определяет ее, так сказать, менее официальный статус. Это отчасти следует из более старых этнографических данных, относящихся к одежде, у литовцев Малой Литвы. Характерно, что короткая меховая одежда типа *lactye* не упоминается Донелайтисом, весьма внимательным к одежде, хотя он описывает и *sermėgà* и *kailiniai*. Ср. о *sermėga* — "Metai". Pavas. linksm. 115; Lapes ... čėsnis 38; Aužuols gyropeln. 34; о *kailiniai* — *Įrgi sėnystę jau graudėna kailiniūs imtis* ("Metai". Rud. geryb 8); ... *Sztaī, tūjaūs wilnóną sāv ir kailīniūs imam* (Ibid. Žiem. rūpesč. 70); *Ir, i kailīniūs iszwerstus tūjaūs įsinėres* (Ibid. Žiem. rūpesč. 412), см. Donelaitis Raštai; Kabelka Donel. leks. 1964, 103, 202. Можно высказать предположение, что разница между *lactye* и *kisses* (соответственно между литовской "полудлинной" /*kailinukai*/ и "длинной" /*kailiniai*/ зимней одеждой, ср. Liet. etn. bruož. 1964, 359 и др.) не исчерпывалась длиной (кстати, конкретный материал свидетельствует, что и *kailiniai* были различными по длине в относительном масштабе, то ниже, то выше колен; ср. Liet. etn. bruož. 358, pav. 198, 3, 4). Существенным признаком могла быть и функция меховой одежды: *lactye*, возможно, использовалась "на всякий случай", при необходимости выйти на двор или куда-то неподалеку от дома, иногда неожиданно и на минуту; поэтому она должна была быть удобной и легкой в обращении, требующей для надевания ее минимума времени. Эта функция и определила короткую длину (в сочетании с качествами, предохраняющими от мороза). Этимология слова *lactye* (см. ниже), воз-

можно, подтверждает сказанное и заключение из него — *lactye* скорее всего принадлежала к жанру "меховых (выражаясь по-современному) курток" (ср. польск. *kurta, kurtka*, источник соответствующего русского слова, при лат. *curtus* 'короткий'), "сильная" позиция которого — удобство при "всяком случае" (ср. русск. *сюртук* из франц. *surtout* 'верхняя одежда', букв. — 'на всякий /scil. случай/, или *му-журка* при франц. *tout jour*). Эта функция, предполагаемая как основная для *lactye*, получила в дальнейшем широкое развитие в истории верхней зимней одежды, в частности, у немецких и литовских крестьян Вост. Пруссии и Литвы (ср. и "немеховые" виды одежды типа лит. *striukė*, разного вида полупальто, ватники и т.п.). — Ранее были предложены две этимологии прусск. *lactye*, которые были спорными. Во всяком случае Эндзелин охарактеризовал это слово как не имеющее надежной этимологии (SPV 202). Согласно первой точке зрения (APSpr. 368), *lactye* образовано с помощью суф. *-lā* (как лтш. *sagša* 'сагна', тканый шерстяной платок в латышской традиции) от корня, который, может быть, кроется в прусск. *lagno* (см.) или лат. *lacerna* 'верхнее платье', 'дорожный плащ'). Согласно второй точке зрения, *lactye* могло бы оказаться в родстве с лтш. *lākats* 'платок', 'шаль' (SPV 202, с знаком вопроса), ср. лит. *lākatas* 'тряпка', 'лоскут', в Pl. 'лохмотья' (ср. LEW 336). Оригинальное объяснение предложено Мажюлисом РКР II, 276: *lactye* образовано с помощью суф. *-tē* от корня **lek-*, который представлен, напр., в лит. *lėkti (lėkia)* 'лететь', 'бежать'; к вокализму *-o-* ср. лит. диал. *lāktė* 'шест, где садятся птицы', *laktà, lāktas* и т.п. (LKŽ 7, 99), ср. *lākas, lakà* (LEW 337); к эволюции значения ср. 'шест для птиц' < 'место, на которое слетаются'; применительно к использованию этого корня *lek-/lak-* для обозначения одежды указывается, что названиям одежды не чужда подобная семантическая мотивировка ('двигаться', 'бежать', 'лететь'): в качестве примера приводится лит. *skreistė* 'плащ' и т.п. (: *skrėti* 'лететь'), ср. LKŽ 12, 1049—1050. Можно привести и поучительный русский пример: *разлетайка*, род женской епанечки (Даль 3, 1519) при *разлетай* 'расстегай', 'кто ходит нараспашку', *расстегай* 'шелковый распашной сарафан' (3, 1566). Здесь важен мотив раз-летающейся (: *летать*) на обе стороны одежды, что возможно при незастегнутом положении (оно, предполагается, нередко для ряда ситуаций). Эти наблюдения могли бы бросить дополнительный свет на характер пользования такой одеждой, как *lactye*.

— Лит.: Thes. 1873, 88; APSpr. 368; SPV 202; BVSF 41; РКР II, 276, 279. — *{*laktē}*.

{*lal-}, реконструируемый на основании субстратного кашубск. *la-la* 'отверстие посреди верхнего камня в ручной мельнице, в которое сыплот зерно для помола' (ср. *Ne sęp tak v'ele naröz v lała, bye ni tyeqg docignac*. Słown. kasz. gwar 3,6) прусский корневого элемент, см. Labuda Kofn. Pomorska (1978), 1979, 27.

{*lal-ik- (?)}, ср. Nom. pr. *Lolike* (APN 53). Сюда же, вероятно, *Loliken*, 1308 (APON 91; к лит. Nom. pr. *Lúola*). — См. *{*lal-ut-}*.

{*lal-ut-}, ср. Nom. pr. *Lalutte*, 1398 (APN 51). — Точное совпадение в лит. Nom. pr. *Lalūtis*; ср. также *Lalys, Lālas*, ст.-лит. *Łaly* (Gen. Sg.), *Łali* (Zinkevičius Liet. antrop. 1977, 163, 235); куршск. *Lale*, 1355—1362 (*Pekame, filius Lale*). KF 300: лит. *lalys* 'arprimulgus europaeus'. Сюда же, вероятно, следует отнести топонимы типа лит. *Lalūčiai* (: прусск. *Lalutte*), *Lalėnai, Lalāi* (LATSŽ 152); лтш. *Lalas* (LV I, 253). Поразительно висл. *Laluta* (вар. *Leluta, Luluta*, ср. *Lelutka*). HW 250 в басс. Сана, которое все-таки едва ли сюда относится, как и другие названия с мягким начальным *L-* (ср. *Lal/ka*. Słown. nazw. Mazur II, 211; *Lalka, Lalok*. Słown. geogr. PZP 1, 155. Также неясны связи с лтш. *Lālas, Lālis, Lāłani* (но и *Lāłāni*). LV I, 2, 285 и лит. *Lōlyčia, Lōlytis* (LUEV 94; Liet. hidr. 142, 180; LHEŽ 195), ср. *Būga*, III, 878. — Заслуживает внимания белор. Nom. pr. *Лалай, Лалаеў, Лалаев; Лалóха, Лалóшка; Лалыка, Лалыкин* (Белар. антрап. 248) — тем более, что они связаны с русск. *лалы* 'болтовня', как и литовские имена (ср. *lālėti* 'громко говорить' и т.п., *lālūti* — по основному действию участников языческого по происхождению весеннего обряда "lalāvimas", поющих песни с повторами *lalai* и под.). Очевидно, ономастического происхождения. Отсюда — широкое употребление подобных имен, в частности, на Балканах, и шире — в средиземноморском ареале. Ср. фрак. *Λαλλης, Λαλος*, masc., *Λαλα, Λαλοα*, fem., антропонимы (Thr. 275). Тот же тип представлен и в М.Азии, ср. исавр. Nom. pr. *Λαλ/λ/ας*, лик.-писид. *Λαλλα, Λαλλη* (Sundwall LN 133; Kretschmer Einleit. 108; Zgusta Kleinas. PN 265—266); этр. *lalu, lalus*, откуда, видимо, лат. *Lal/lius, Lallo* и др. (Schulze Zur Gesch. lat. EN 266—267, 358), кельтск. *Lal/ius, Lalla* и др. (Holder Altz. Spr. 2, 127—128), см. также Топоров Балт.-слав. сб. 1977, 60. В свете прежде сказанного ср. лид. *lalē* 'говорить' и под.

{*lam-āt-(ōt-)?}, ср. Nom. pr. *Lamothe*, 1349, *Lomothe* (APN 51). Сюда же *Lammoten*, 1450 (APON 81). — См. *{*lam-ein-}*, *{*lam-en-/in-}*, *{*lam- & *garb-}*, *{*lam- & *sil-}*; *{*prei- & *lam-}*. Основа **Lam-āt-* отсылает к важной, хотя и очень неясной странице истории прусско-литовского пограничья. Речь идет о земле *Lamata, Lamotina*, несколько упоминаний о которой дошло до нас от XIII—XIV вв.; после этого никаких сведений об этой земле не появляется, да и в имеющихся упоминаниях их почти нет ("Über dies Ländchen wissen wir so gut wie nichts", — справедливо писал в свое время Салис. TŽ 6, 1930, 187). Тем не менее кое-что все-таки можно извлечь из этих упоминаний. Одно из первых содержится в "Liber censuum Daniae" (составлена между 1249 и 1269 гг.), где сообщается, что к северу от реки *Lipz* (Прегель) находятся пять земель ("terrae"): "Zambia, Scalewo, Lam-mato, Curlandia, Semigallia" (SPR 1, 737). Второе упоминание — в "Хронике" Дусбурга, где говорится о брате Людвиге из Либенцелле, бывшем тогда комтуром Рагнита, который в результате шестилетней войны вынудил замирииться с "христианами" литовцев, живших по берегам Немана от Нериса до земли Ламата: "infra sex annos [1294—1300. — B.T.] ...coegit omnes Lethowinos, qui supra litus Me-

mele habitabant, a fluvio Nare [Нерис. — *B. T.*] usque ad terram Lamotinam, ut pacem cum Cristianis haberent sub hiis pactis, ut certum censum annis singulis darent" (SRP 1, 159); ср. у Николая из Ерошина — *an daz leindil Lamot?n* (рифмованная "Kronike von Pruzinlant"). Для определения местоположения земли Ламата главными являются два указания — ее место в цепи земель от Самбии до Земгалии и — уже — ее положение между Шалавией (Скальва) и Курляндией. Билленштейн (Grenzen, 1892, 248—249) пытался поместить землю Ламата в Мегове, территория к сев. и сев.-вост' от Паланги. При этом он опирался на грамоту 1252 г. о строительстве мемельского "бурга", а также на название *Lampsahen*, которое он, как и Буга RR III, 212 и Беценбергер *Bemerk.* 1895, 492, понимал как составное имя из *Lam*- и лтш. *šāta* 'усадьба'. Салис (TŽ 6, 188) находит этот вывод ошибочным, но соглашается с тем, что *Lamata* была "nur ein kleineres Gebiet". Сам он помещает ее на подробнейшей карте, приложенной к *Žemait. Md.*, в углу между Минией и Шишей, притоком Немана в самых его низовьях. Бергольц (см. *Bielenstein Grenzen* 148) полагал, что *Lammato* испорченное написание вместо *Sammato*, однако это предположение несостоятельно (у Дусбурга 159 *Lamotina* и *Samethia* четко различаются). Помимо указ. соч. о Ламата см. *Łowniański Stud. rocz. lit.* 2, 100, 105; KF 116; комментарии Батуры к *Prūs. ž. kron.* 1985, 419 и др. Проблема Ламаты и ее обитателей представляется особенно важной, поскольку к югу от них сидели шалавы, а к северу курши, и, следовательно, именно это звено оказывается неясным как в плане этноязыковом (в частности, принадлежности языка к зап.-балт. или вост.-балт.), так и в плане реальных связей самбийских пруссов с куршами. Во всяком случае в земле куршей хорошо знали о своем южном соседе, и не случайно, что именно "курляндские" источники полнее всего свидетельствуют о *terra Lammato*. Ср.: *terra Lammato*, 1231; *de Lammethin et aliis terris nondum subjugatis*, 1252 (UB I, 1, 296); *de Lammantin; von Lammantin und anderen landen* (UB I, 1, 298); *Terra, quae vocatur Samentie (Lamenan)*, 1291 (UB I, 1, 674; согласно *Grenzen* 442, надо: *Lamatene*), 1291 год считается последней датой, когда появляется это имя (разумеется, не считая вторичных источников). Возможно, оно принадлежит к тем бесспорным архаизмам, которые, подобно названиям других земель и народов (*Galind-, Sudav-/Sudin-*), восходят к началу нашей эры. Недавно была выдвинута гипотеза (*Gudavičius Iš liet. etnog.* 1981, 75—83), согласно которой название земли Ламата могло бы быть связано с германским племенем лемовиев (*Lemovii* или *Lemonii*), упоминаемых Тацитом (*Ger. 44*) как народ, живущий у самого океана и отличающийся от других, между прочим, круглыми щитами и короткими мечами: *Trans Lugios Gotones regnantur... protinus ab Oceano Rugii et Lemovii omniumque harum rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium*. Кое-какие археологические данные доставляют параллели к этому описанию, но, конечно, все это в целом далеко от ясности. Существуют разные предположения и об исторических продолжениях лемовиев.

Иногда с ними сравнивают более позднее зап.-слав. племя гломачей (или далеминцев), обитавших к вост. от Мульды (ср. о лемовнях или об их связи с гломачами [ср. версию *Glemovii* при норв. *Glommen*, река] *Müllenhoff Deutsche Altert.* IV, 621; *Much ZfdAlt.* 57, 1920, 151—155; *Germ. Tacit.* 1937, 389—390; *Schmidt. Gesch. d. Stämme* 1941, 118; *Łowniański Pocz. Pol.* 1, 236—239); к уточнению их территории в связи с описанием короля Альфреда см. *Labuda Źródła dz. Polski* 1961, 43—46; *Źródła skand.* 1961, 94—96 и др. Но, видимо, альтернатива должна быть сформулирована иначе (и сложнее), если исходить из связи *Lamato* с этнонимом лемовиев: или это германское слово, унаследованное в топоантропонимическом употреблении балтами, или это балтийское (исконно) слово, и тогда тацитовские *lemovii* скорее всего какое-то раннебалтийское племя. Как бы то ни было на самом деле, но в контексте языковой ситуации основа *Lamat-* должна толковаться как балтийская, а в контексте этногеографии — земля Ламата и ее население (лит. *lamatiečiai*) тоже балтийские, хотя полностью исключать присутствия здесь, в стратегически очень важном месте при впадении Немана в море, какого-то германского племени, по крайней мере, в более раннее время, видимо, нельзя. Во всяком случае более позднее сосуществование в этой части Мемельского края балтийского и германского элемента и контактов между ними не вызывает сомнения. И предположение еще об одном этноязыковом, но теперь уже внутривосточном контакте, напрашивается в связи с землей Ламата. Ее географическое положение почти автоматически предопределяло исключительную роль для этой земли в устье Немана Куршской косы (Неринги), по крайней мере в ее северной половине. В связи с этим нужно напомнить о доминирующем положении куршского элемента на Неринге, оставившего по себе и языковые и этнографические следы (ср. *Mortensen Besiedl. Ostpreuss.* 1938, 222; позже, уже в начале XVII в. ряд деревень на косе в противоположность более поздним поселениям еще обозначались как "chuerischen". *Forstretter Arg. Forsch.* 1931, 53). Но там же, несомненно, присутствовал и прусский элемент. Возможно даже, что по мере германизации пруссов Самбии часть прусского населения переправлялась на Нерингу, где дольше сохранялись условия, гарантировавшие относительную изоляцию от немецкого элемента, и здесь необходимо должна была непосредственно встретиться с куршами. По крайней мере, до конца XVII в. такие прусско-куршские контакты были бесспорной реальностью (отчасти именно они объясняют прусско-куршские параллели не только в языке, но и в этнографии, возможно, вплоть до некоторых переключек или прусских реминисценций уже в "городской" культуре Курляндии XVII в., о которых автору не раз сообщал М. Линде из Айзпите /письменно/). Глубоко символически выглядит то обстоятельство, что последний (по документальным данным) прусс, о котором известно, умер именно на Куршской косе. Во всяком случае на титульном листе 2-го прусского Катехизиса, хранившегося в Публичной библиотеке в Петербурге, находится следующая (по Ку-

нику, "eher wohl vor als nach 1700 aufgezeichnete") запись — "Diese alte Preussische Sprache ist nunmehr gantz und gar vergangen worden. Anno 1677 ein einziger Alter Mann auf der Curischen Nahrung wonend, der sie noch gekont, gestorben, doch sollen noch solche daselbst sein" (Bezenberger GGA 1874, 1233—1234; 1875, 1142; Bull. de l'Acad. Impér. des Sciences de St. Pétersb. 36, 1895, 505; APSpr. VIII; ср. Prellwitz Bestandteile 1891, 4). В этом контексте очень показательна география Nom. гр. *Lam-at-*. Кипарский, отметивший, что это имя "heute noch" (т.е. до начала 2-ой мировой войны) употребительно на Куршской косе (KF 116, ср. 69), которая удивительным образом "In den Teilungsurkunden nie besonders erwähnt wird", но, возможно, принадлежала Куронии, высказывает, видимо, правдоподобное предположение о том, что именно Неринга и обозначалась как *Terra Lammato*. К прусск. *Lamtothe*, личному имени из Кг. Heilsberg (тут же отмечен и соответствующий топоним), ср. обильные куршские параллели — 1. *Lammathe*, 1355—1362 (Palanga); 2. *Lammathe*, 1352—1362; 3. *Lammathe*, 1355—1362; 4. *Lam(m)ath*, 1540—1542 (Nida, на Куршской косе); 5. *Jhan Lamath*, 1541 (там же); 6. *Michell Lammath* (там же); 7. *Herman Lammath* (там же); 8. *Lammate Hincke*, 1582—1585 (KF 300: ср. также лтш. **lam-āt/i/s*, но не *lāmatis, как думает Blese LPV 1, 110; ср. удвоенное *mm* и прусск. *o* в этом имени, свидетельствующие о краткости первого слога); корневой элемент *Lam-* присутствует и в других куршских Nom. гр., ср. *de Curoribus nostris... Laminghe de Dartzuben, ... Laminghe ... de Uppesde*, 1310 (UB I, 2, 49); *Martin Lamine*, 1582—1585; *Nodeline Lamine*, а также сложные Nom. гр. *Pawll Lams zatt*, 1540; *Pauell Lamszatt*, 1541; *Paul Lambsaath*, 1591 (KF 300: из лтш. **lam-* и зап.-куршск. *sāts, sāta*, ср. лит. топоним *Ломсатишки*. Спрогис). Среди латышских личных имен из Курземе Блесе приводит уже упоминавшееся *Lammate Hincke*, а также *Martin, Nodeline Lamine* (LPV 1, 294). Из литовских ср. Nom. гр. *Lomaucis (Lamaitis)*, XVII в., совр. *Lamaitis, Lamáuskas, Lám-sargis*, м.б., и *Lom-* (Liet. antrop. 163, 234: лит. *lāmis* 'pastumdėlis', 'ištižėlis'; к *Lom-* ср. *lomūs* 'низкий'); ср. белор. *Ламоцька*, уменьш. от *Ламота* (Белар. антр. 2, 1969, 244: также *Ламейка, Ламец, Ламека, Ламнёў, Ламаш, Ламака* и др., 243—244). — Образования типа *Lam-at-*, совпадающие с названием земли в устье Немана, помимо уже перечисленных куршских примеров, отмечены среди топонимов и вне этой "узкой" полосы. Ср. лит. *Lāmatos*, дважды в Вост. Литве (1), в Кунишск. и Швенч. р-нах. Это распределение согласуется и с ареалом других примеров с корнем *Lam-*, ср. *Lamėstas* (Утенск. р-н), *Lamōkai, Lamokėliai* (оба Бирж. р-н), *Lamaninà* (Швенч. р-н); ср. название луга *Lamōčiai* (Варенск. р-н), ср. *Lāmai* (Меркине). Но не менее показательны подобные примеры с территории исторической Ламаты, ср. *Lam̃sodiš* (Клайпедск. р-н), *Lam̃sočiai* (Шилутск. р-н), из **Lam-sod-*, см. LATSŽ 152; — лтш. *Lamatas-mežs, Lamat-mežs, Lamat-ruōžas-mežs, Lamat-ruōzis, Lamārtiņi* (с вставным *r*?), см. LV 1, 2, 253 (к *lamata* 'slazdi'); м.б., сюда же и *Lami, Lamenš, Lamenieki; Lamiki; Lamiņu-muiža, Lamiņi* (Baltist. 1 priedas 1972, 60), *La-*

maši, для которого Эндзелин предполагает (с знаком вопроса) *lę > > la-*; лтг. *Lamaši, Lamači, Ламыши, Ламашу*, ср. прозвище *Lamašs; Lomaši, Lomoši, Ломаши, Ломыши, Łomysze*, ср. также *Lomi, Ломы* и под. (PN Latg. 261, 285). Нужно отметить и водные названия — лит. *Lamėstas*, река и озеро, *Lamėstėlis* (Линкм. Игнал. р-на). LUEV 86; Liet. hidr. 114, 138; LHEŽ 179; но, вероятно, сюда же и названия с корнем *Lom-*, ср. лит. *Lomà, Lomenà* (LUEV 94; Liet. hidr. 36, 59, 184; LHEŽ 196; LKK 4, 1961, 228), но и топонимы *Lomà, Lomėniai, Lomiāi, Lomeikiškiai* (LATSŽ 165). — Тип *Lam-at-* засвидетельствован и мазурскими фактами, отчасти продолжающими зафиксированные старые прусские топонимы, ср. *Lamot, Lamoska Góra (Lamter Berg*, к прусск. *Lamothēn*); *Lamot, Lamockie Jeriōro (Lamter See*, к прусск. *Lamp-ten*, 1349). Słown. nazw Mazur II, 126 (но ср. и *Łomskie Jezioro, Steinberger See*. II, 221), ср. *Lamen* HW 793 (к образованиям типа *Łomza, Łomsza*, к *łom, łomić* см. Halicka Nazwy Biał. 1978, 47—48, ср. лит. *lām-žyti*). В гданьском Повислинье отмечено **Łonno (Lamensee* и под. TPG 253—254; здесь же об идентификации названия; согласно Nalera Opusc. slav. 2, 117—118, здесь слав. название **Lom-*), ср. то же Górniewicz Topon. starogardz. 1985, 103, 151; *Łomy. Pospiszylowa Top. Warm.* 1987, 66, 150, 227; *Lamenstein. Bugalska Top. Gd. Tez.* 1975, 57. — К западу от Вислы, у полабск. и поморск. славян, в Мекленбурге и Голштинии — *Lom, Lome, Lomen, Lomene, Lomenitce* (EOSON II, 95; MH 96); днепр. *Ломна, Ломня, Ломенка* (ЛАВП 193); окск. *Ламенка, Ламенная, Ламенской, Ламенцы* и др. (Гидр. басс. Оки 26, 30, 58, 66 и др. [ср. Топоров Б-сл. этнояз. отн. 1983, 50; Этн. и лингв. асп. 1980, 135], но и *Ломенка, Ломля, Ломна* и др., 16 и т.п.); подмоск. *Лама* (Топоров. Балто-слав. сб. 1972, 233; Baltist. 1 priedas 1972, 199), не говоря здесь о широком ареале бесспорно славянских названий с корнем *Lom-*, ср. Duridanov Hydr. Vardarsyst. 1975, 44 (*Lomnica); Българ. ез. 30, 1987, 44. — В средиземноморском ареале, наряду с не вполне ясными названиями типа фрак. *Λαμνεϊς* (Thg. 274, ср. Топоров Балто-слав. сб. 1976, 60—61), ср. *Lamos*, река в Киликии (Strab., Ptol., Steph. Byz.), ландшафт *Λαμουσία*, соответственно *Λαμώτις* (: балт. *Lam-at-*), см. Tischler Kleinas. Hydr. 1977, 87—88 (вероятно, к др.-греч. *λάμος* 'пасть', 'жерло', ср. слав. *lomь). Было обращено внимание на изобилие названий этого корня в северной половине Пиренейского п-ва — *Lama, Lamas* (и производные типа *Lameira, Lamacaes, Lamego* в южной половине), в Южной Франции, в венецко-иллирийской области, *Lama* отмечено в Апулии, где и сейчас существует апеллятив *lama* 'болото', ср. лат. *lāma* 'болото', 'топь', 'трясина', известное у поэтов, происходящих из мессапско-япигской области (Энний Paul. ex Fest. 117; ср. *lamatus* 'lufatus'. CGL 5. 469,37; 508.1; Гораций Epist. 1.13.10: к балт. *Lam-at-*), см. Menendez Pidal Rev. Fac. Letr. X. 1943, 2. serie. Обращает на себя внимание отсутствие названий на *Lam-* в лигурийской зоне, выглядящее неслучайным. Зато в иллирийском ареале отмечена форма *Lamatis* (: балт. *Lam-at-*), ср. Tab. Peut.; Rav. IV, 19 (217, 17), которую, однако, иногда подозревают в ошибочности и предла-

гают видеть в ней *Aematis* (см. Meyer Spr. alt. Illyr. 33—34). Форма с *Ae-*, действительно, поддержана рядом иллирийских примеров, но и *Lamatis* могло бы, м.б., быть подкреплено примерами типа *Lamic...* (CIL III, 10184, 28) или *Lamud*, совр. *Lopata* (< **Lam-at-*?). Spr. alt. Illyr. 205; об иллирийском происхождении лат. *lama*, *lamatus*(?) ср. *Balmori Emerita* 4, 1936, 74—85; *Whatmough Dial. Anc. Gaul* 1970, 1191 : глосса. Иллирийским считается название реки в Бруциуме Λάμντος, совр. *Lamato* (: балт. *Lam-at-*). — Понятно, что вся эта мозаика примеров названий с корнем **Lam-* (: **Lom-*), вероятно, включает в себя и инородные по происхождению элементы. Тем не менее, кажется, не вызывает сомнения единство названий этого рода в балт. и слав. ареалах, во-первых, и связи балт. и средиземноморск. топонимов в тех (по крайней мере) случаях, когда им соответствуют сходные апеллятивы, их мотивирующее (как лат. *lāma*). В ряде примеров единству не мешают некоторые расхождения (или скорее специализация) значений, ср. лит. *lomà* 'лог', 'низина', лтш. *lāma* 'низина', 'лужа' при алб. гегск. *lamë* 'площадка для молотыбы', 'гумно' (см. *Merlingen IF* 83, 1978, 51; *Десницкая Сравн. язык.* 1984, 204; *ZfSl.* 29, 1984, 729; *Baltist.* 19, 1983, 19; *Топоров Acta V.-sl.* 17, 1986 /1987/, 285—286 и др.). Поэтому прежде всего встает вопрос об этимологическом объяснении балт. названий на *Lam-*. Последний по времени исследователь этого вопроса Ванагас LHEŽ 179 приходит к выводу, что "этимология неясна". Думается, что это мнение слишком пессимистично, и для основного массива фактов проблема решается без особых сложностей. Кажется, что отчасти это понимает и Ванагас, который несмотря на свою гиперкритичность в этом вопросе готов сблизить лит. *Lamēstas* с лит. *Lomà* и далее с лит. *lomà* 'долина', 'ложбина', 'лог' (сюда же лтш. *lāma*. ME 2, 438, ср. *Rag'e Dial. leks.* 1, 1986, 53; об использовании в топографическом аспекте см. *Невская. Балт. географ. терм.* 1977, 50), слав. *lomь с широким кругом значений, ср. 'то, что сломано', 'излом', 'разлом', 'валежник', 'яма', 'ров', 'болото' и т.п. (см. ЭССЯ 15, s.v.), к совмещению значений 'ломка' и под. и 'болото' ср. нем. *Bruch* : *brechen* (см. *Vūga RR* I, 451; II, 255; *BSW* 162; ME 2, 438; *Куркина Этимол.* 1967, 1969, 132). Это сближение совершенно верно, но оно никак не исключает предложенного Бугой RR I, 454 сближения балт. *Lam-* с лит. *lamātas* 'кусок' ('обломок'), *lāmas*, *lamaitas* и т.п. (ср. русск. диал. *лом* 'кусок хлеба', 'ломоть'; *ломоть* СРНГ 17, 115 сл.). Что касается личных имен, то и здесь использование слов этого корня не вызывает трудностей, ср. ст.-русс. *Ломак(а)*, *Ломачко*, *Ломоть*. *Веселовский Ономаст.* 1974, 183, *Ломов* и др.; ст.-польск. *Łomazga* (*Lomasga*, 1390, 1391, 1392), *Łomaździć* (*Lomaszdicz*, 1401), *Łomieński* (*Lomiensky*, 1497), *Łomik* (*Lomik*, 1445), *Łomikowic* (*Lomycowycz*, 1419), *Łomża* (*Lomsza*, 1470, *Lomza*, 1478), *Łomżycza* (*Lomsiczza*, 1424) и т.п. *Słown. starop. nazw* III, z. 2, 331—332 и др. (в качестве личных имен и прозвищ с этим корнем нередко выступают слова, обозначающие физический дефект /или опасность его для другого/, ср. *Ломоносов*, *Ломинос* (Ономаст. 183), *Ломиголова*, польск. *Łomi-*

koń, *Łomilas* /III, 2, 332/ и т.п.; ср. такие продолжения этого корня, как др.-исл. *lami* 'хромой', 'искалеченный', др.-в.-нем., др.-сакс. *lam-*, др.-в.-нем. *lemmen* 'хромать' и т.п.). — Названия, восходящие к и.-евр. **lom-* (: **lem-*, см. *Рок.* 1, 674) и/или *lām (*Рок.* 1, 653—654) образуют важнейший топографический индекс, характеризующий весь балтославянский ареал.

{**lam-ein-*}, ср. *Lameynen*, 1419; *Lamaynen*, 1423 (APON 81). — Ср. {**lam-en-/in-*}, {**lam-āt-*}, {**lam- & *garb-*}, {**lam- & *sil-*}.

{**lam-en-/in-*}, ср. *Lamen-se*, 1294, озеро; *Lamyn*, место, 1419 (APON 81). — См. {**lam-ein-*}, {**lam-āt-*}, {**lam- & *garb-*}, {**lam- & *sil-*}.

{**lam- & *garb-*}, ср. *Lamegarben*, 1419, позже — *Lamgarben* (APON 81). — Сложное слово; к первому члену см. {**lam-āt-*}, {**lam-ein-*}, {**lam-en-/in-*} и под.; ко второму см. *garbis* 'гора', см. *Пр. яз.* 2, 158—161; учитывая связь слов для обозначения горы и горба (*garbis* при слав. *gъrbъ или лит. *kuprà* : *kupròtas* и т.п.), можно думать, что на достаточно глубоком уровне прусск. *Lamegarben* и русск. *наломать горб*, т.е. 'надавать по шее' (ср. *горб* 'шея', 'затылок'. СРНГ 7, 20; ср. лит. *Kam lām dai apykaklę* ? LKŽ 7, 108 и др.), восходят к единому источнику, хотя мотивировка наименования *Lamegarben* была, конечно, иной.

{**lam- & *sil-*}, ср. *Lamasila*, пустошь на прусско-мазурском пограничье (APON 81). — Сложное слово; к первой части ср. {**lam-āt-*}, {**lam-ein-*}, {**lam-en-/in-*}, {**lam- & *garb-*}; ко второй ср. прусск. *sylo* 'пустошь', 'лесная пустошь'. Ср. русск. *лом*, *ломь* и под. 'валежник', 'сухие ветки в лесу', 'бурелом', ср. *ломно*, безл., "о месте в лесу: покрыто, завалено валежником, буреломом" (СРНГ 115, 121, 126 и др.). Учитывая это значение русск. *лом* и лит. *šilas* 'бог', лтш. *sils* 'большой лес', 'пустошь', можно восстановить и для прусск. {**lam-*} значение лесного лома, валежника.

{**lamp-* (?)}, ср. *Lompi*, 1569 ("Regestr spisania iezior ... 1569 roku"), см. *Falk Acta V.-sl.* 10, 1976, 95, 131—132. Это *Ieziorko Lompi* находится на юго-вост. от Сейн, на территории, где позже литовский этноязычный элемент наслонился на ятвяжский. Поэтому и название *Lompi*, хотя и весьма условно, могло бы подозреваться в ятвяжском происхождении. Однако оснований для сомнений больше, чем для того, чтобы утверждать верность этой точки. Во-первых, современное название озера — *Lempis*, а самое раннее свидетельство фиксирует форму *Lympia*, 1558. Поэтому Фальк с основанием видит в *Lompi* славизированную форму южноаукштайтского варианта *Lampis, где *a* возникло вторично из *e* после отвердевшего *l* (ср. *Zinkevičius Liet.dial.* 158 и карту № 74). Форма корня *Lemp-* получает подтверждение в названиях типа *Лемпишки*, 1598, *сгножать Лемпи*, 1557 (Спрогис, 165), *Leñp-ravis*; *Pá-lempis*, *Leñpiai* (LHEŽ 185, 241); *Lempju-ežers*, *Leñpji* (LV I, 2, 298) и др., которые Фальк как и *Lompi*, *Lempis*, связывает с обозначением вязкости-клейкости, ср. лит. *limpūs* (= *lipūs*), *liñpalas* и т.п. (ср. *leñpis*, лтш. *lempis*) — от корня *lip-* (*limp-*, *lemp-*), который в балт. языках, кажется, не имеет варианта с вокализмом *o* при

инфиксе *m*. Во вторых, нельзя исключать, что формы *Lamp-/Lemp* вообще не являются по происхождению балтийскими, но принадлежат финноязычному слою, подобно лит. *Lámbis* или *Leĩmp-ravis* (LHEŽ 179, 185) при финск. *lampis* 'лесное озеро', *Lomb-ozero* и под., подробнее см. Vanagas Питание гидрон. 1971, 149. Ср. также лтш. *Lamps-kalns, Lampu-mežs, Lampēni, Laĩpuži, Laĩpuors* (< *Laĩb-purvs); *Laĩbas, Laĩbene, Laĩbiņa pļ.* и др. (LV I, 2, 254—255; Rudzīte Latv. leks. attīst. 1968, 186). В целом предположение о ятвяжском происхождении {**lamp-*}, пожалуй, маловероятно.

{**land-*}, см. {**land-es-* (?)}, {**land-ij-*}, {**nag-* & **land-* (?)}.

landan 'еда'. К III, 53, 15 (... bhe tu dāse stēimans tennēison landan prei swaian kerdan '...vnd du gibst jnen jre Speyse zu seiner zeit'); — *landen*. К III, 53, 26 (kas wismu mensen landen dāst 'Der allem Fleish speise gibe'). Acc. Sg. — Старые этимологические объяснения слова, как правило, не были удачными: не определяя семантической мотивировки слова и не касаясь внутрибалтийских параллелей, они обычно сразу же отсылали к довольно случайным параллелям (ср. APSpr. 368: к ирл. *longaim* 'esse', др.-исл. *anga* 'riechen', норв. *anda*; SPV 202: ирл. *lann* 'сковорода', др.-инд. *randhana-* 'варка' [ср. *randhayati*. Mānava-GṛS. 2, 9, 7, о приготовлении еды, *randhi-* 'Garwerden' и т.п. KEWAi. Licf. 18, 40], см. WP II, 439; Джаукян Очерки 1967, 173: к арм. *alanj* 'жареная пшеница', *alanjel* 'жарить', др.-греч. λάσανα 'кухонная тренога'). Более перспективной и, главное, реалистичной была попытка Буги RR I, 311, к сожалению, в дальнейшем оказавшаяся не учтенной. Согласно Буге, прусск. *landan* находится в родстве с лит. *landuonis* 'ногтоеда', 'zanogscica'; в семантическом отношении *landuonis* тождественно лит. *ėduō* 'ногтоеда' (Gen. *ėduoniēs*) или *ėduonis* (Юшкевич Лит. слов. I, 634). В самом балт. *land-* Буги выделяет расширитель *-d-* на основании сопоставления с др.-ирл. *longaim*, о котором см. Pedersen. Vgl. Gr. kelt. Spr. 1, 197, 184. Наиболее важное звено в этом решении — лит. *landuonis*, ср. *landuonė* (LKŽ 7, 120). К сожалению, Буга не указал внутрилитовских связей этого слова, хотя, возможно, они казались ему очевидными. Если это так, то *landuonis*, семантически близкое к прусск. *landan*, отсылает к формально более точному соответствию, но с другим значением, — к лит. *landà, landas* 'щель', 'лаз' и т.п. (LKŽ 7, 117—118, ср. *laĩdė, landūs* и т.п.), связанным с глаголами — как *landyti* 'лазить', *landėti, landžioti, lindėti*, так и с исходным *lįsti (leĩda, liĩdo)* 'лезть'. Этот напрашивающийся, но не сформулированный Бугой вывод, повторил, по сути дела, Егерс KZ 80, 1966, 52, хотя в корне **lendh-* он скорее склонен был видеть не вариант с значением 'лезть', но инфиксальную форму корня **leid-* 'nachlassen' (Pok. 1, 666). Однако в отношении выбора исходного глагола исследователь не был вполне уверен, и в связи с прусск. *landan* он (правда, с знаком вопроса) предложил сравнение с лтш. *lįst* 'kriechen': 'hineindringen', 'schmecken', 'gefallen', сопроводив его примером — *pēc darba maize lien* (eig. 'kriecht', 'gleitet'). В более далекой перспективе *landan* объединялось им и с прусск. *lindan* (см.). Наиболее убедительное

объяснение слова *landan*, опирающееся на семантический анализ его, принадлежит Мажюлису РКР II, 169. Отметив, что в прусском было три синонима для обозначения еды — *īdis, maitasnan* (Acc. Sg.) и *landan* (Acc. Sg.), — он выделил из них по принципу экспрессивности прусск. *landan*, считая его производным от **lend-* 'начинаться', 'напихиваться' (ср. *lindan*. РКР II, 138), реализующимся в лит. *lįsti*, одно из значений которого 'хорошо наесться' ('būti gerai valgomam'), ср. параллель в виде *kiĩštī* 'начинать', 'запихивать' при *kiĩštīs* 'сытно есть', т.е. 'начинаться'. В самом деле, уместно отметить, с одной стороны, "пищевые" употребления *lįsti* (ср.: *Tas kumpis labia lenda — kaip tas medus; Sausas valgis nė lįst nėlenda; Man šian die kažkodėl valgymas visiškai nelenda* и т.п. LKŽ 7, 579), а с другой стороны, сочетания производного от *lįsti* слова *landà* и под. с глаголом *kiĩštī* (ср. *Reikia žiūrėti, kad neužsikimštų landos negyvos bitelėms; Rūšio landą gerai užkimšau...; Žiemai lafidės visai užkišti negalima, nes bitys užtrokš* и т.п. LKŽ 7, 117, 118). Ср. к "пищевой" семантике родственного слав. глагола — *Кусок в горло не лезет* (Даль 2, 603), где кусок, не лезущий в горло, собственно и есть еда, пища, которая, когда она лезет в горло, могла бы быть обозначена тем же корнем, что и в прусск. *landan*, — "лезущая", "то, что лезет" и т.п. Возможно, что русск. диал. *лэзя*, "прозвище крестьянина с большим животом; брюхан" (СРНГ 16, 340) нужно отнести сюда же. К фразеологизмам с ядром "лезет" или "не лезет" (о пище) ср. лит. *kiĩštī*, в одном из значений — 'жрать', 'лопачь' при *kiĩšoti* 'торчать' (ср. *нажрался, еда торчит из горла* и под.).

Лит.: APSpr. 368; Būga RR I, 311; SPV 202; WP II, 439; Jēgers KZ 80, 1966, 52; Джаукян Очерки 1967, 173; OP 79; St. OP. 10.057; РКР II, 169. — {*landan}.

{*land-av}, ср. прусск. *Landavs, реконструируемое на основании таких топонимов, как *ville nomina Landow*, 1378 (Cod. dipl. Warm. III, 48); *Landaw* bei Bischofstein, 1430 (Ibid. IV, 317); *pagum Landau*, 1585, 1656, 1755, ок. 1790, 1820, 1868; польс. диал. *Lądek, Lądowo, Lóndek*; нем. *Landau* (см. Pospiszylowa Топон. połudn. Warm. 1987, 86; однако APON 82 не фиксирует этого типа). — См. {**land-es-*}, {**land-ij-*} и др.

landen, см. *landan*.

{**land-es-* (?)}, ср. *Landesen*, 1268; *Landesan*, 1312; *Lentzen*, 1298; позже — *Lenzen*; самая ранняя форма — *Lausania*, которую в свете последующих примеров следует понимать как *Lansania, 1216 (PU I, 7), что подтверждается и следующей по времени фиксацией — *Lanzania*, 1246 (APON 82). Возможно, сюда же *Lanlania*, 1231, между *Pomizania* и *Ermelandia* (APON 82). — Трудный случай. Элемент *-es-* можно было бы толковать как суфф., в частности, распространенный в топонимии (ср. лит. *Bradesà, Gubesà, Lankesà, Laukesà, Pelesà* и т.п., ср. *-esas, -esė, -esis, -esys*; но и *-esė*: *Upesė, Kapesė*, см. Liet. hidr. 136—138; LKŽD 311—314). Герулис такого суфф. в прусской топонимии не указывает, но приводит примеры с суфф. *-īs-* (или *-iž-* или даже *-iž*): *Idissie* при лит. *Indaus upė* и *Kirmys* при лит. *Kirmijà* (APON 254—255), но ср.

Kermesse; к суф. *-is-*, *-īs-* ср. Liet. hidr. 171 (*Vilpīsis, Juodisā; Dubýsa*); LKŽD 314 и др. Корневая часть *-Land-*, параллели к которой — в прусск. *Landa, Landyo*, см. {*land-}, {*land-ij-}; в лит. *Lāndė, Lāndis, Landžiupys, Landynė, Landžiūravis* (LUEV 86; Liet. hidr. 43, 60, 252; LHEŽ 180); *Lañdiškės, Lañdziai*, трижды (LATSŽ 152), *Lāndeniai*, нива (Гелвонай, Ширвинтск. р-н); в лтш. *Lānda, Lāndes-kalns, Landiņi* (LV I, 2, 256); в лтг. *Lānda* (PN Latg. 285). Ср. также мазур. *Landen See* (Słown. nazw. Mazur. II, 341). Если реконструкция {*land-es-} верна, то предлагается следующее развитие этой формы — *Land-es- > *Lānt-s- > *Lenz-*, ср. *Lenzen*; *Lansania — из *Land-(e)s-an-. Но можно исходить и из *Land-ij- > *Landz-/Lants- (см. *lans/z-an-/?/), ср. лит. *Lañdziai*. Наконец, эти прусские формы можно толковать и иначе, исходя из корня *Lang- (см. {*lang-}) : *Lang-e- ... > *Landz-/ *Lants > *Lenz-, ср. лтш. *Landze, Landz, Landzens, Lāndzāni* (*Lēndzēni : прусск. *Lansania*) и т.п. при *Lañga, Lānga* уре и т.п. (ср. лат. *Laghena*, нем. *Lange. Grenzen* 40). LV I, 2, 256; лтг. *Landzani, Ландзан(ы), Ленцей/Лонца, 1784, Lāndzāni*, ср. *Lendzeneņi* (PN Latg. 262); куршск. *Langis, 1230* (UB I, 1, 134), *Lanze, 1253* (*Lanze ex utraque parte Windae; Lanzen, op beident siden der Winda. UB I, 1, 321*); *ym kerspele to Lanszen, 1465; zu Lanßen, 1502; Kerspell Lansentz, 1572; zu Lansen, 1621* (=Landsen =lañdz /muiž/). KF 194, здесь же о хронологии *g > dz*; лит. *Lāngas, Langinė* и т.п. (LUEV 86; LHEŽ 180); ср. лит. Nom. рг. *Landziun* (= *Landžiūnas*), *Lañdzius* (Liet. antr. 163: 'лезун') при лтш. *Lande, Landeke, 1459* (LPV I, 201: сравнение с ливск. *land* 'грязь' в первом случае и с *landāt/= luodāt/ ?* во втором). — Если прусские формы из *Land-, то они, видимо, родственны лит. *landà* 'лаз', 'лазейка', 'нора', 'пещера' и т.п., ср. *lande, landė, lāndė* (LKŽ 7, 117-118), см. LHEŽ 180.

{*land-es-an- (?)}, см. {*land-es- (?)}, {*land-}.

{*land-ij-}, ср. *Landyo, 1423; Landa, 1508* (APON 82 : едва ли к прусск. *landan* 'еда', скорее к лит. *Lañdziai*). — К суф. ср. прусск. *Laysyen* (: *layso*), *Warnye* (: *warne*), *Willekye* (: *wilkis*). APON 248. — см. {*land-}, {*land-es- (?)}.

{*lang-}, ср. Nom. рг. *Lange, 1344* (APN 51); — см. {*lang- & *dab-}, {*land- & *ven-}; — ср. также топонимы *Langene, Langodis, Langoditen* (APON 82), — см. {*lang-ain- (?)}, {*lang-en-}, {*lang-ād-}, {*lang-ād-īt-}. — К Nom. рг. ср. прусск. *Ko-lange, Quei-lang* (см. {*ko- & *lang-} и {*kvei- & *lang-}), а также лит. *Langas. Lāngas, -is, -a, -ė, -āitis, -evičius*; ст.-лит. *Longina* (Gen. Sg.), т.е. *Lunginas из *Langinas, ср. *Lungelis* (Liet. antr. 168: к *Lēnga* Nom. рг., ср. *lēngti* 'слабеть', 'чахнуть' и т.п.); лтш. *Lange* (?) (LPV I, 294: к mv. *lañgas*); *Jakob Lang, 331*; куршск. *Paul Langis, 1584* (KF 383: м.б., нем. *Lange* ?). — К топонимам с корнем *Lang- в прусском ср. лит. *Lāngas, Langabalė, Langai, Langiarāistis, Langine, Lāngo šaltinis; Langakiaĩ; Pa-langà* (LUEV 86; LHEŽ 180; LATSŽ 152, 220); лтш. *Lañga, Lānga, ure, Lāngas-grāvis, Lange, Lañgas, Langa-purvs; Lañgacis* и др. (LV I, 2, 256); *Lañdze, Landzens, Lāndzāni* (м.б., из *Lēndzēni) и др. I, 2, 256; лтг. *Lāngi; Landzāni, Ландзан(ы), Лонзай, 1784, Лонза,*

Ленза и др. (PN Latg. 262); куршск. *Langis, 1230* (UB I, 1, 134); *Lanze, 1253; Lanzen* (UB I, 1, 321); *to Lanszen, 1465; zu Lanßen, 1502; Kerspell Lansentz, 1621; zu Lansen, 1621* (KF 194; Endzelīns Druva 1912, 628; Būga RR III, 170; длительное сохранение *an* в этой позиции в латышских примерах иногда приписывается ливскому влиянию; органические формы имели бы вид **Luog-/ *Luodz-*, ср. лтш. *luōgs* (logs) 'окно', 'отверстие', 'дыра'). В связи с топонимическим *Lang-* ср. лит. *lāngas* 'окно' (: прусск. *lanxto*, то же), но и 'щель', 'отверстие', 'очко' и т.п. (LKŽ 7, 122—123); праслав. *lqgъ — ст.-сл. *лжъ*, болг. *лъг*, с.-хорв. *луг*, словен. *lōg*; чеш., слвц. *luh*, в.-луж. *luh*, н.-луж. *lug*, польск. *lqg, łęg* и т.п. с такими значениями, как 'низкое место', 'луг', 'болото', 'топь', но и 'лес' (на болоте, в низине) и т.п. К вокализму *e* ср. лит. *lēngė* 'лужок между двух холмов'. Скорее всего это *Lang-* и его апофонические варианты связаны с идеей искривления, изгиба, колебания, нестандартного движения (ср. BSW 157-158 и др.), присутствующей в лит. *lingūoti, langoti*, лтш. *līguōt*, русск. *лягать* и т.п. — Ср. *er-lāngi* (?) и др.

{*lang-ād}, ср. *Langodis, топь, 1336* (APON 81); сюда же *Langoditen, 1405; Langeditten, 1468* (в Самландии). APON 82. — К суф. ср. *Keytyode, Nom. рг. Анкад* (Ипат. летоп.) (см. BSW 158; Рок. 1, 676; ЭСР 2, 527). Смочиньский Tarpt. balt. konf. 1985, 107 сопоставляет прусск. *Langodis* с лит. *langūtis*. См. {*lang-}, {*lang-ād-it-} и др.

{*lang-ād-īt-}, см. {*lang-ād-}, {*lang-}.

{*lang-ain-}, см. {*lang-ein-}, {*lang-}.

{*lang- & dab-}, ср. Nom. рг. *Langedabe, Langedab., Langedap* (APN 51). — Сложное имя; к первому члену см. {*lang-}, к второму — см. {*dab-}. Пр. яз. I, 281; APN 135, ср. лит. *dabà* 'нарав', 'характер', *dābas, dabnūs* 'нарядный', *dabinys* 'украшение', *dabinti* 'украшать', 'наряжать' и т.п. (ср. Fraenkel ZfslPh. 6, 1929, 96; Endzelīns FBR 14, 1934, 20). Общее значение этого имени неясно; во всяком случае пока допустимы разные варианты толкования ('простонравный?').

{*lang-ein-}, ср. *Langeyn, 1388* (Cod. dipl. Warm. III, 218, p. 178), позже — *Lengainen* (APON 83); из более поздних свидетельств ср. также *Lengeinen, 1656* (Kolberg ZfGesch. Alt. ErmI. 7, 1880, 215); *Lengainen, 1688*; польск. *Łegajny* (Słown. geogr. PZP 1, 174, ср. *Łegajńskie Jezioro, Legojskie Jezioro* при *Lengainer See, Lageiner* (Słown. nazw. Mazur II, 213), см. Pospiszyłowa Acta B.-sl- 15, 1983, 261; Торон. роудн. Warm. 1987, 86. Суф. этого имени трудно определить однозначно: помимо *-ein-* можно думать об *-ain-*, но особенно об *-en-* (см. Trautmann AfslPh 38, 1923, 132; Būga RR I, 423; III, 170). — См. {*lang-}, {*lang-en} и др.

{*lang-en-}, ср. *Langene, 1364; Langeyn, 1388*; позже — *Lengainen; Langehnen, 1405*, позже — *Langehnen* (APON 82). — Формы, образованные этим же корнем с суф. *-en-*, возможно, представлены в латгальском и куршском. См. Zabrocki Międz. konf. onom. 1, 1961, 216; Ванагас Пробл. б.-сл. отн. 1983, 11; Dambe Onom. arser. 1987, 40. — См. {*lang-} и др.

{*lang-en-ik-}, ср. *Longnik*, ок. 1405; *Langenicken*, 1464 (APON 91). — См. {*lang-}, {*lang-en-} и др.

lāngewingiskai, см. *uckcelāngewingiskai*.

lāngewingiskān, см. *ukalāngewingiskān*.

-lāngi, см. *erlāngi*, *-lāngus*, *lāngiseilings* и т.д.

lāngiseilingins 'простодушный', к значению см. далее Adj. K III, 19, 14 (Stas Likuts Catechismus... prastans Predickerins no tautan Stans Lāngiseilingins prei Powaidint... '...die Einfeltigen daraus zu vnterweisen...'); 43, 15 (Kāigi Stans Lāngiseilingins turri mukint Grikaut 'Wie man die einfeltigen soll leren Beichten'); 47, 26-27 (Sta turri ter ains aina perōnisku enteikūsna steison Grikausnan boūt pērstans Lāngiseilingins '... für die einfeltigen'). Acc. Pl. masc. — Сложное по составу прилагательное: *lāng-* и *seil-*. Учитывая, что прусск. *noseilis* обозначает душу, а *seilin* наряду со значением 'прилежность' передает и такие значения, как 'чувство', 'мысль' ('Sinn'), ср. *seilisku* в соответствии с нем. *Andacht*, можно сделать вывод о том, что *seil-* связано скорее со сферой чувства, сердца, помысла как порождения именно "чувствующе-сердечного" начала, чем со сферой разума и его продукта — мысли. Это *seil-*, взятое в функции Adj., само определяется элементом *lāng-*, которое, конечно, естественно понимать тоже как Adj. Собственно говоря, так это и делалось, уже начиная с Пирсона AM 7, 1870, 592, который сравнил этот компонент с лит. *leņgvas* 'легкий' и т.п. Принимая во внимание лит. *lengvaširdystė* 'кротость', 'смирненность', 'умягченность' и т.п., *lengvaširdiškas*, *lengvaširdis*, *lengvaširdingas* и т.п. (LKŽ 7, 335; Klausyk vargdienį meilingai ir atsakyk jam su geru bei lengvaširdingai. Bibl. Sir. 4.8; Didę malonę ir lengvaširdingystę išrodė и т.п.), смысл Adj. *lāngiseilingins* можно понимать как ту простоту души, сердца, помыслов, которая первична, естественна, не подвержена расколу и сомнениям, лишена ущербности и потому, как соответствие первичности и всему тому, что связано с первотворением, хороша. Это простота Иова (ср. др.-евр. *tam*), благодаря которой он праведен, богобоязнен и далек от зла (Иов I, 1). И поэтому "легкость", которая имеется в виду в *lāngiseilingins*, не имеет ничего общего с легковесностью, легкомыслием, поверхностностью, но предполагает естественность и первородность, дающиеся человеку даром. Ручаться за то, что слово понималось так и только так, конечно, нельзя; скорее это предельная идея слова, но ее реальность, возможно, подтверждается именно тем, что переводчик с немецкого пошел по пути "максимального" задания, отказавшись от калькирования нем. *eifältig*, но глубоко поняв внутренний смысл этого слова в данном контексте. Ср. предлагаемую Мажюлисом РКР II, 100 серию семантических уравнений, бросающих свет и на предполагаемую эволюцию значений: "lengvajausmis" = "negiliai galvojančis žmogus" = "lengvamānis" = patiklus, neišlavintas, prastuolis", ср. 187. — Если *lāngi-* в этом сложном Adj., действительно, связано с идеей "легкости", то оно сопоставимо с лит. *leņgvas*, *lengvūs* (ср.: Ar ne lengva, ne

linksma tavo širdelis? Rēza Dainos 83; Jam lengviau esą širdžiai; lengvā širdimī и т.п. LKŽ 7, 333), лтш. *liēgs* 'легкий', 'нежный', 'мягкий', 'кроткий' и т.п. 'ср. *liegvas* с Неринги, см. ВВ 28. 272); праслав. *lbgъkъ: ст.-сл. *льгъкъ*, болг. *лек*, макед. *лек*, с.-хорв. *lāk*, словен. *láhek*; чеш. *lehký*, слвц. *ľahký*, в.-луж. *lohki*, н.-луж. *lekki*, *letki*, польск. *lekki*; русск. *лёгкий*, блр. *лёхкі*, укр. *лехкий* и т.п. (см. ЭССЯ, s.v.); лат. *levis*, др.-ирл. *laigiu* Comrag. 'меньше', 'хуже', готск. *leihts* (< *lenhtaz), иллир. *lembus* (< **leng^unos*) 'leichtes Fahrzeug'; др.-греч. ε'λαχύς, ελαφρός; др.-инд. *raghú-*, *laghú-*, авест. *rayu*, fem. *ravi-* (< *ragvī) и, вероятно, некоторые другие формы (см. BSW 158-159; Pok. I, 660—661 и др.). Нельзя исключать, что внутри самого прусского языка *lāng-* связано с некоторыми другими лексемами. В Пр. яз. II, 85—86 предлагается сопоставление с *erlāngi*, *preitlāngus*. Помимо приведенных там семантических параллелей к *erlāngi*: *lāng-* (в *lāngiseilingins* и под.) типа лат. *levāre* 'поднимать': *levis* 'легкий', можно было бы и здесь указать, что *preitlāngus* 'gelinde' (см. РКР II, 174) вполне подключается к этой же схеме. Наконец, нужно напомнить и о том, что антоним к слову "легкий", т.е. "тяжелый" предполагающий ряд сходных контекстов, но с противоположным значением (*тяжело на душе, на сердце* и т.п.), имплицитно содержит идею движения вниз (в отличие от *erlāngi*), тяготения, опускания и т.п., ср. продолжения и.-евр. **tengh-* (Pok. I, 1067), в частности, слав. *teǵъkъ, *teǰъkъ и т.п.; ср. также лат. *gravis* 'тяжелый', но и 'низкий' (*sonus*, *vox* и под.). — Предложенное Мажюлисом РКЕЖ I, 285—286 новое объяснение элемента *-lang-* в *erlāngi* (прусс. *langīvei 'supinēti' [> 'kilnoti' > 'kelti'] : лит. *langóti* 'suptis ore', 'sklandyti', *linguóti* и т.п.) или нуждается в обосновании связи этого *-lang-* с подобным элементом в *lāngiseilingins* и т.п., или вынуждает говорить о двух омонимах и, следовательно, выбирать более легкий путь. Кроме того, состав статей **leng^h-* (**leg^h-*) 'легкий' и **leng-* 'изгибаться', 'колебаться', 'качаться' (тох. АВ *lānk-* 'висеть', 'быть подвешенным', возможно, приоткрывает новые возможности, см. Windekens Tokh. confr. 1976, 260) в словаре Покорного весьма неполон и слабо разработан, что препятствует более определенным и надежным заключениям.

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 592; Thes. 1873, 88; APSpr. 368; WP II, 426—427; Endzelīns FBR 14, 1934, 20; SPV 202; LEW 355—356; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 47; OP 93, 181; РКР II, 100, 174, 187; РКЕЖ I, 285—286. — {*lāngiseilingins; *lānga-seilingans. OP 93}.

lāngiseiliskan 'простодушие'. K III, 59, 32 (Jous Waikai seiti poklusmai iouson kermeniskans Rikijans sen biāsnan bhe dirbinsnan bhe Lāngiseiliskan iousai sīras '... mit furcht vnd zittern in einfeltigkeit ewers hertzen'). Acc. Sg. fem. в функции Instr. — Сложное слово. В первой части **lāngi-*, см. *lāngiseilingins*, во второй — *seiliska*, ср. *seilisku* 'Andacht' от *seilin*. В *-seiliskan* выделяется адъективный суф. *-isk-* (ср. *prūsiskan*, *laimiskan* и т.п.). От реконструируемого Adj. **seilisk(a)s* образовано по характерной для прусского языка модели (ср. *labbisku*, *swintiskan*, *teisiskan* и под., см. SPV 50) существительное женск.р.

с абстрактным значением — "простодушие" (в сочетании с *lāngi-*), ср. *seilisku*. К пониманию значения и употребления слова ср. *Lāngiseiliskan... sīras* в связи с лит. *lengvaširdystė*, но лтш. *valširdība, valširdīgums*.

— Лит.: см. статью *lāngiseilingins*. — {*lāngiseiliskan, *lāngiseiliskan}, *lāngwingiskai*, см. *uckalāngwingiskai*.

-*lāngus*, см. *preitlāngus*.

{**lang-& *ven-*}, ср. Nom. рг. *Langwenne*, 1339, ср. *Llagwene*, 1401 (APN 51). — Сложное двучленное название. К первому элементу см. {**lang-*}, к второму — {**ven-*}, ср. *Radwen* (APN 81), *Weniko* (APN 116), а также топонимы типа *Wene*, *Wene-garbis*, *Wene-lauken* и под. — Пожалуй, лишь теоретически возможно предполагать **langv-en-* (: лит. *leņgvas*).

{**lank-*}, см. {**lank-& *sob-/*sav-*}, {**lank-en-ik-*} {**lank-en-īt-(?)*}, {**lank-ein-(?)*}, {**lank-īt-*}, {**lank-& *kaim-*}, {**barb & *lank-*}.

lānkei, см. *perlānkei*.

{**lank-ein-(?)*}, ср. *Lankeine*, 1331; *Lankaynis*, 1336; *Lankayne*, 1397, но *Lankayme* (I), 1372, позже — *Landkeim* (APON 82: см. *Lankaym / *Lank-kaym/* и суф. *-ain*). См. {**lank-*}, {**lank-en-*}, {**lank-en-ik-*}, {**lank-en-īt-(?)*}, {**lank-& *kaim-*}, {**lank-& *sob-/*sav-*}, *Barbalenx*, 1331, *Barbalanca*, *Barbalanke* "via ad mare" (SU 183). APON 16: к пр. *lonki* 'Steig', 'Pfad'; см. {**barb-& *lank-*}, а также {**lank-ūt-*}, Nom. рг. — На территории прежнего Острудзкого повета зафиксированы в нередко измененной форме отдельные прусские названия, восходящие чаще всего к *Lankūtis, совр. *Łeguty*; ср. *Langengute*, 1352 (PUrk. 5, 13); *ville Langindorf*, 1352 (Ibid., 13) и т.п. — вплоть до *Langut*, 1775; *Langguth*, 1796 (Srt. XVI), *Łeguty* и проч. (Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290). — От названия луга, низменного места, заливаемого водой, лужи, болота и т.п. Один из важнейших топографических индексов в балт.-слав. ареале. К реконструируемой прусской форме *lanka ср. лит. *Lankà, Lānkaičiai, Lañkakiemis, Lankālės, Lankėlės, Lankėliai, Lankėliškiai, Lankiniñkai, Lañkos, Lañkos Laukas, Lankūčiai, Lañkupėnai, Lañkupiai, Lankupkà* (LATSŽ 152); *Lankà*, (6 рек), *Lankdītė, Lankaupelis, Lankavà, Lankuvà, Lankėlė, Lankėlės, Lankėlės rāvas, Lankėlės upeliukas, Lañkenas, Lankesà, Lankóji* (*Lunkoja*), *Lañkos, Lankōs rāvas, Lankōs upėlis, Lankupà, Lankupė, Lañkupelis, Lañkupis* (3 реки), *Lankūtė* (LUEV 86-87; Liet hidr. 35, 56, 78, 102, 105, 118, 123, 132, 136, 185, 210, 211, 224, 233, 270, 272; LHEŽ 180); лтш. *Lañka* р[.], *Lañkas, Lañki, Lañka, Lanku-pe, Lankas-dīķis, Lañkas-kalns, Lañkas-pļava, Lañkas-purvs, Lañkas-upe, Lanku-upe, Lank-kalns, Lañk-mežs, Lañk-pļavas, Lañkupis; Lankaiši, Lañkaīzis, Lankale, Lañkuči, Lañkutis; Lance, Lañcene, Lañcenieki, Lañciņa, Lañciņas-bedre, Lanciņu-kalns, Lañciņi* и т.п. (LV I, 2, 255-258; о названиях с корнем *Lank-* в Сарканмуйже, регион на сев.-зап. Курземе, см. Hirša Оном. арсег. 1987, 62—65, 67 и особенно карту 3 о распространении подобных названий на территории Латвии: основная масса густо покрывает Курземе; к сев. от Даугавы несколько более десятка разрозненных примеров; отсутствие их в Латгалии; о названиях этого типа в Леяскурземе см. Laumane Оном.

арсег. 1987, 189—190; ср. также Laumane Zvejv. nosauk 1987, 90 и др); ср. также Dambe Dial. 1eks. 2, 1986, 115-118 и особенно карту № 2, где показано распределение топонимов с корнем *lank-* на территории Латвии и состав словообразовательных типов: *lañce, lañcis, lañcu-; lañcene(s)-; lañcenieka-, lañcenieki, lañcenieku-, lañc(e)niek-; lañciņa(s)-, lañciņi, lañciņu-; lañka(s)-, lañku-, lañk(-); lañkaīši; lañkaīzi; lankale; lañkins// -a; lañkmanis, lañkmaņi; lañkuti(s), lañkuči*; лтг. *Lanka* (PN Latg. 262); куршск. *Lankepurwe*, 1508; *Lancsedon*, 1290 (*vorwarck... dat Lancsedon hetet*. UB I, 1, 667); *Lancksethen*, 1495 (UB II, 1, 197); *Langkseden*, 1505 (UB II, 2, 639); *Langsehden*, 1442 (UB I, 9, 591 (KF 194-195; Bielenstein Grenzen, 286; Endzelīns Druva 1912, 629; Būga III, 170 = LKŽod. XCV : из лтш. /куршск./ *lañka* и *sēdis, поселение, к лтш. *sēdēt*). — Ср. мазур. *Lankiejmski Las* (*Langheimer Forst*); *Langken* (*Łączka*, ср. тут же озеро *Łąka; Klein Lonken See*); *Lanken Vliesz, Lanszen Vliz, Lonken Fliess, Łąkowa Struga; Lonken, Langken, Gross Lonkensee, Lonken See, Łąka; Langsee*, 1595 (Hennenb.), ср. *Lanxobe*, ок. 1400, *Grosser Lenks See, Łęsk, Duży Łęnsk* (Słown. nazw Mazur II, 112, 321, 322, 341); *Lankiejmy* (Słown. geogr. PZP 1, 171), ср. HW 535, 627. — К зап. от Вислы, на территории полабских и поморских славян, вплоть до Мекленбурга и Голштинии отмечен целый ряд названий сходного типа. Ср. *Lancken* (aqua), 1348 (Mekl. Urk. 10,210, теперь — *Lanke*); *Lanke*, 1215 (Urk. Bist. Lüb. 1, 35. Ольденбург); *Lanke*, 1232 (Schlesw.-H. Regest. 1, 233, ср. *Lanker-See*); *Lanken*, 1229 (Mekl. Urk. 1,356, теперь — *Lancken*. Пархим); *Lanken*, 1278 (Schlesw.-H. Regest. 2,217. Лауэнбург), ср. *lacus Lanke*, 1375 (Landb. Brand.), *lacus Lanke*, 1313 (PUrk. 5,149) и др. — вплоть до *Krumme Lanke*, озеро под Берлином, см. EOSON I, 24; II, 22, 24, 29; MH 16, 90; Slav. Prag. VIII, 1966, 260—261. — Ср. в Белосточчизме название болот *Lankà* (неоднократно), *Lankė, Lankėlė, Lañkos, Lankos Kalnas* (взгорок), *Lankōs Upėlis* (речка), *Lasotlankė, Lončanka* (речка), *Mašnialankė, Rudzalankė, Tadalankė* и др. (Zdancewicz Stud. gwar. Białost. 1984 129 : наряду с *balà, rałstas, brastà*), а также на территории Белоруссии — *Ланки*, сеножать, Гродн. обл. (Мікратап. Белар. 137), *Ланка*, урочище, Гомельск. обл. (там же, 137); подмоск. *Ланка* (Гидр. басс. Оки 107; Топоров Балто-слав. сб. 1972, 241; Baltist. 1 priedas, 1972, 196); укр. *Лонку* (?), в басс. Припяти, Ровенск. обл. (СГУ 325). С зап., юга и вост. к балт. зоне *Lank-* примыкает ареал органических продолжений праслав. **Lqk-*. Это, однако, не означает, что внутри объединенного ареала нет специфических сгущений и разреженностей и даже изоглосс. Так, в связи с указанным корнем в словах-апеллятивах Мажюлис ZfSl. 29, 1984, 167 предпочитает говорить об особой прусско-куршско-славянской изоглоссе, входящей в целый пучок подобных параллелей. Топономастическое использование слов с корнем **Lonk-/*Lank-* продолжается, хотя и в существенно более ограниченных масштабах, к юго-западу. Прежде всего речь идет о зоне, охватывающей южную Францию, западную часть Швейцарии, северную Италию, т.е. там, где реконструируется дороманск. (кельтск.) форма *lankā, подтверждаемая данными

итальянских диалектов, ср. также швейц. *lauch* 'лощина', 'углубление'. Примерно такой же круг значений (включая и 'речная долина') восстанавливается для **lankā* (<**lonkā*) в этой полосе. Конечно, нельзя исключать, что подобные названия могут оказаться и доиндоевропейскими ("альпийскими"); см. Meyer—Lübke Rom. EW s.v.; Hubschmid Praegom. 1949, 34-35; Bonfante BSL 36, 1935, 142; Kurylowicz Stud. in Greek Palmer 1976, 127—133 (принадлежность к реликтам ā-языка); Pok. 1,677 и др. Из формы **Lonqā* исходит и Краз BNF 7, 1956, 217—220 (: к **lenk-* 'изгибать' и т.п.), относящий к ее продолжениям иллир. Nom. рг. *Loncium, Laianci*. — К апеллятивам, ближайшерадственным реконструируемому прусск. **lanka*, ср. лит. *lankà* (: *leĩkti*), лтш. *laĩka*, куронизм (: *liekt*, ср. собственно латышские формы типа *lùokāns, lùokāns, lùoks, luòks, lùoksne* и т.п. с идеей изгиба, согнутости: *lùokāt*, фреквент. к *liekt*, см. ME 2, 524—526), ср. *lanks* 'Reusenbügel' (Kurisches Wb. 1977,47). Праслав. **lqka* (**lqčiti, *sь-lqkь*) продолжают ст.-сл. лжка δόλος, ц.-сл. лжка χόλος, болг. *лъка*, макед. *лака*, с.-хорв. *лука*, словен. *lóka* (ср. рано засвидетельствованные топонимы: *Loke*, 1090 *Luca, Loka*, 1067 *Lounca, Loče*, 1165 *Lonke*, 1215 *Lonka*, 1341 *ze Lank* и т.п.); чеш. *louka*, слов. *lúka*, в.-луж., н.-луж. *huka*, польск. *łąka*, кашуб. *łąka* и др. (сюда же, естественно, относятся и продолжения праслав. **lqkь*, оружие для стрельбы: лит. *laĩkas* 'дуга', 'обруч', лтш. *lùoks* 'изгиб', 'дуга' и т.п.; **lqkavь* и пр., см. Напр. RSlaw. 45, 1985, 83—84: о польск. *łəkawa, łek, łeczny* и др.), см. SEW 1, 739—740; SEJP 308; ЭСР 2, 531—532; Etim. Sloven. 2, 148; Etym. sl. č. 341; Българ. етим. речн. 3, 551—552; SEP 5, 83—85; ЭССЯ, s.v.; Куркина Этимол. 1967, 1969, 135 и др., ср. BSW 160; LEW 339; LKK 8, 1966, 30; Амбразас Baltist. 23, 1987, 174. Слав. **lqka* стало источником многочисленных заимствований в соседних языках, ср. румын. *lúncă*, арум. *lúncă*, мегл.-рум. топонимы типа *Lundzi, Lundziñ* (из **lqk-*, см. Rosetti Infl. 1954, 68), н.-греч. *λαγγός, λάγγος, λόγγος*, венг. *lanka, lonka* (Kniezsa Magyar nyelv szláv 1955, 303—304 и др.) и т.п. Об использовании апеллятивов этого корня в балт. и слав. ареалах см. Невская Балт. географ. терм. 1977, 46; Толстой Слав. географ. терм. 1969, 114—116 и др. Балт. слово этого корня было заимствовано в белорусский, ср. *ланкаваты* 'вышуклый', 'вогнутый' (Станкевич Калосье IV, 1938 и др.) при лит. *lankúotas*, от *laĩkas* 'дуга', 'лук' (Urbutis Baltist. 5, 1969, 64; Вяржбоўскі Белар.-літ. лекс. 1960, 471—472; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 69). Ср. также *лонкеля, ланкеля* в языке старых текстов времен Великого Княжества Литовского: ...*другая ланкеля называема в Дубурах*, 1602; ...*и з лонкелею над рекою Ежерупею...*, 1585 (Jablonskis Liet. žodžiai 1, 1941, 123 : лит. *lankelė*). — Из других и.-евр. языков ср. герм. **lanha* — др.-англ. *lōh* 'ремень' или образование на *-ja* : др.-исл. *lengja*, фарер. *leignja*, норв. *lengja*, шведск. *länga*, датск. *længe* и под. (Altnord. EWb. 352-353). Из герм. (согласно Karsten Germ.-Finn. LW 1915, 144) были заимство-

ваны финск. *lanka*, эст., вепсск. *lang*, ливск. *langa*, хотя в ряде случаев, видимо, источником мог оказаться балтийский.

lankenān, см. *lānkinan*.

{**lank-en-ik-*}, ср. *Lankenike*, 1331; *Lenkenytin* (SU 188); *Lenckeniken*, 1405; позже — *Lengniethen* (APON 82; Pierson AM 7, 1870, 60 : лит. *lėnkė* 'углубление', 'долина' и суфф. *-enik*). — Ср. лит. *Lankiniñkai* (LATSŽ 152), лтш. *Laĩcenieki* (LV I, 2, 255) и т.п. — См. {**lank-*}, {**lank-ein-(?)*}, {**lank-en-īt-*}, {**lank-īt*}, {**lank-ut-*} и др.

{**lank-en-īt-(?)*}, ср. *Lenkenytin*, позже — *Lengniethen* (APON 82), но при наличии, пожалуй, более достоверных вариантов типа *Lankenike*, 1331, см. {**lank-en-ik-*}, {**lank-*} и др.

lankinan, см. *lānkinan*.

lānkinan 'праздничный'. Adj. К III, 23, 22 (Tou turri stan Lānkinan Deinan Swintint 'Gedenck des Sabbaths das du jhn heyligest'); — *lankinan*. К II, 11, 7 (*lankinan deynan* в том же контексте); — *lankenān*. К I, 5, 8 (*lankenān deinān* в том же контексте). Acc. Sg. fem. (по **deina*, ср. *deinan*). — В двух последних случаях прусск. слово переводит нем. *feiertag* (: *lankinan deynan*). Несомненно, что в том едином контексте, восходящем к известному месту из Библии и трижды повторенном в прусских катехизисах, *lānkinan deinān* обозначает реально субботу. Вместе с тем для обозначения субботы существовало, конечно, и другое, специально к ней и только к ней относящееся слово (в частности, *sabatico*. Э 23, являющееся славянским заимствованием). Поэтому суббота ("день субботний") обозначается как *lānkinan deinān* только потому, что она, согласно традиции, восходящей к ветхозаветной традиции, действительно, праздничный день ("И благословил Бог седьмой день, и освятил его..." Бытие 2, 3) и, что существенно, один среди других праздников. Следовательно, наиболее подходящее "словарное" значение *lānkinan* — 'праздничный'. Такой день чтут, "празднуют", святят: *Lānkinan Deinān Swintint* имеет более неуклюжее соответствие у Вилента: *Atmink idant diena Schwenta schwenstumbei* или в основном сходно в латышском Катехизисе 1586 г.: *Thoew buus to sweete dene sweetyt*; ср. лит. *šventadienis* 'праздничный день' и лтш. *svētdiena* 'воскресенье'; едва ли можно сомневаться, что в прусском существовало сочетание **swint-* & **deina* и что оно, вероятно, тоже использовалось для обозначения праздника, возможно, воскресенья (ср. *nadele*. Э 17). Тот факт, что нем. *Sabbath* или *feiertag*, которые должно почитать как священные (*heyligen*), переведены с помощью *lānkinan* (а не слова с корнем **swint-*), во-первых, не может быть случайным, а, во-вторых, свидетельствует о том, что в *lānkinan* сохраняется древний, несомненно, к языческой эпохе восходящий термин, позволяющий вскрыть характерную семантическую мотивировку слова и стоящую за нею религиозно-ритуальную реальность. — Определение круга соответствий прусск. *lānkinan* дает возможность установить этимологию этого слова и тем самым эксплицировать семантическую мотивировку слова.

Уже в ранних опытах было указано на связь слова с глаголом, реконструируемым как *lānkit 'надлежать', 'следовать', 'принадлежать' (ср. *per-lānkei*), и на то, как нужно понимать все выражение — "der (dem Herrn) gebührende, der (der Feier, der Heiligung, dem Gottesdienst) bestimmte Tag"; "du sollst den gebührenden, den dazu bestimmten, festgesetzten Tag heiligen" (Thes. 1873, 89; ср. Pierson AM 7, 1870, 592). Толкование Лескина Bild. 1891, 404 — *lānkinan deinan* как 'Besuchstag' (ср. лит. *lankýti* 'посещать') — на этом фоне означало отступление в сторону, хотя ориентация на исходный глагол была шагом вперед. Эндзелин (ME 2, 471, SPV 202 и Мажюлис РКР II, 83 в качестве ближайшей параллели привлекли латышский куронизм *lincēt* 'feiern und ehren', образующий ядро поучительных контекстов; ср. уже у Фюрекера: *svētdienas lincēšana* как обозначение празднования-почитания святого дня (воскресенья) или *pirmuo svētku dienu vėl gan puslīdz linc, bet nākuošās dienas veļnam tuop svinētas* (из одной книги 1852 г.); ср. *lincamas ir arī... 7 brāļu un gulētāju dienas* и др. (ME 2, 471; EH 742), ср. также *linzāht* 'feiern v. ehren', *linzāhschana* 'das Feiern, die Feyer', *swāhdeenas-linzāhschana* у Лангия LVV 145; Laumane Dial. leks. 2, 1986, 145; помимо значения 'праздновать' ср. также 'наблюдать', 'следить', 'пытаться'. Этот "куршский" по происхождению глагол, как и родственный ему лит. *linkėti* 'желать' (ср. *Aš linkėčiau jums metų geriausių* и т.п.), 'быть предопределенным' ('būti likimo skirtam', ср. *Kas tau syki liŋkiasi, tai ir pasidaro*. LKŽ 7, 535), делают очень вероятной реконструкцию прусского глагола с корнем *link-, для которого Мажюлис определяет значение 'švēsti', 'праздновать'. Но можно пойти еще дальше. *Lānkinan deinan* был определен, установлен и освящен Богом, и поэтому уместно предположить, что семантический момент определения как выделения этого дня из череды других обычных дней, как отделения его от них мог составлять смысловое содержание *lānkinan*, его мотивировку. В этих условиях целесообразно напомнить не только о "предопределятельном" значении лит. *linkėti* (см. выше), но и о праслав. *lqčati/*lqčiti, которое обозначало как 'отделение', 'разлучение', 'удаление', так и 'определение' ср. ц.-сл. *лжчити Ѡриѡ* (ср. такие контексты, как *вѡѡв Ѡриѡ; Ѡриѡ тѡв ѡрѡнов*. Plat. и т.п., т.е. 'устанавливать', 'назначать', 'определять' при 'определять границу', 'граничить', 'рассекать', 'удалять', 'изгонять' и т.п.). см. Lex. PSGL 358. Значение 'определять', 'устанавливать' в продолжениях этого глагола сохраняется как реликт; основным же стало "отделительное" значение, обязанное своим происхождением префиксальным формам с *orz-, *otъ и под. (ср. сходным образом возникшее противоположное значение — 'соединять', с помощью префикса съ: *случать* / 'животных и под./, ср. СРНГ 17, 209: *лучить* 'соединять', включенное в статью с продолжениями другого глагола — *lučiti, ср. *Коли Бог лучит; случать, случать, случать, улучить* и т.п., см. ЭСР 2, 538; ЭССЯ, s.v. и др.) Поэтому прусск. *lānkinan* и соответствующий глагол сопоставим с ст.-сл. *лжчити* (Lex. linguae palaeoslov. 17, 1968,

171), болг. *лъча*, с.-хорв. *лучити*, словен. *lōčiti*; чеш. *loučiti*, слов. *lučit*, польск. *łączyć* ('соединять' l); блр. *лучыць* и др. Следует подчеркнуть, что взаимоотношения между продолжателями праслав. *lqčiti/*lqčati и *lučiti/*lučati (< и.-евр. *louk-), особенно в языках, где о дало и, очень сложны и иногда переплетены между собой до неузнаваемости. Отчасти в таких случаях на направление различия указывает семантика. Так, русск. диал. *лучаться, лучиться* обозначает не только 'случиться', 'приключиться' (*louč-), но и 'присоединяться', 'давать обещание', 'обещать', 'намереваться', которые отсылают к *lqč- и перекликаются со сходными значениями лит. *linkėti* и лтш. *lincēt*. Очень вероятно, что праслав. *lqčьнь (< *lonk-in-; балт. *lank-in-*) могло означать нечто вроде 'обетованный', 'данный по обету', 'обещанный', и в таком случае *lqčьнь & *dьнь точно отвечало бы прусск. *lānkinan deinan* и отсылало бы к старому представлению об урочных и неурочных днях (*rēk-/*rok-, с темой судьбы, предопределения и соответствующего слова). Идея "соединения", связанная с слав. *lqč; и далее "схождения", "встречи", "свидания" отвечала бы вполне точно соответствующему слав. *lqčiti литовск. глаголу *lankýti* с такими его значениями, как 'посещать', 'навещать', в частности, для выражения благопожелания, почести, сочувствия (ср. LKŽ 7, 130: — 1. "ateidinėti pas ką nors [ppr. reiškiant palankumą, pagarbą, užuojautą]", ср. уже Daukš. Post. 526; ср. характерный в свете сказанного ранее пример: Sugrišk, *lankykie mane, dukrele, nors kas šventa dienele /!/:* но и : Mus... *dievas lanko badu ir magu*, Daukš. Post. 587; — 2. 'присматривать', 'наблюдать', 'проверять' и т.п.). Таким образом, значение 'посещать' у лит. *lankýti*, привлеченного к сравнению с прусск. *lānkinan* еще Лескином, обретает свой полнокровный контекст. Понятно, что эти слова связаны с балт. *lank-/*lenk-/*link- и слав. *lqk/*lqč- с идеей изгиба, кривизны, отклонения, ср. лит. *lankoti (lañkoti), lankuoti, lankstýti, lankiauti* и т.п.; в иных случаях глагол сочетает в себе эти значения с такими, как 'gerbti', 'gerintis' и под., ср. *lankioti*, 2 (LKŽ 7, 130). Вероятно, эта ситуация отсылает к той роли, которую играло понятие "кривизны" — изгиба в представлениях древних балтов, прежде всего у пруссов. Данные о "кривом" жреце (*Kriv-*), "кривом" символе его власти, "кривых" (т.е. более сложных, чем возможно при обычных средствах) предсказаниях, т.е. сакрально запутанных ("витиеватых") речах см. Пр. яз. IV, 196—205. Криве у пруссов понимался как "gottis muntt" (Божьи уста), и речь Бога или богов тоже была "непрямой" ("излучной", изогнутой). И ее можно было, вероятно, определить как *lank-in-. Но именно эта кривизна, "излучность" и гарантировала то благо, благополучие, удачу, которые на обычных путях были недостижимы; то, что плохо по разумению простых людей, может быть хорошо с точки зрения богов и "их уст" — жрецов. В этом смысле балт. (и в частности, прусск.) соотношение *lenk-/lank-* как обозначения изогнутого, отклоняющегося от нормы в плохую сторону, и *lank-* в положительном

смысле (ср. *lānkinan deinan* как праздник, определенный Богом) едва ли отличается от лат. *sinus* 'изогнутость', 'кривизна', 'изгиб' (в частности, *draconis, serpentis* и под.), *sinister* 'левый', 'неправильный', 'неверный', 'неблагоприятный', 'несчастный', 'пагубный' (ср. поговорку *sinistro pede* 'с левой ноги', т.е. в недобрый час), 'дурной' (ср. *omen*) и т.п. в соотношении с *sinister* 'благоприятный', 'счастливый' (*avis*) и т.п. у римских авгуров, получавших счастливые предзнаменования слева, т.е. с востока (при положении их лицом на юг). Такой широкий контекст позволяет — через значительное разъединение в семантическом пространстве — соотнести прусск. *lānkinan* с лит. Adj. *lankinis* в разных его значениях (ср. LKŽ 7, 129—130).

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 592; Thes. 1873, 89; Leskien Bild. 1891, 404; Pr. Spr. 1896, s.v.; APSpr. 368; Būga RR I, 532; ME 2, 471; SPV 202; LEW 357; OP 89; PKP II, 83, 317; Laumane Dial. leks. 2, 1986, 145; Schmid Baltist. 23, 1987, 10. — {*lānkinan; *lankinan}.

{**lank-īt-*}, ср. *Lanncithenn*, озеро, 1497 (APON 82). — См. {**lank-*}, {**lank-ein-*}, {**lank-en-ik-*}, {**lank-en-īt-(?)*} и др.

{**lank- & *kaim-*}, ср. *Lankaum*, 1430; *Lankam*, 1482, позже — *Langheim* (APON 82); относятся ли сюда формы типа *Lankaume*, 1372, позже — *Landkeim* (учитывая другие варианты названия — *Lankeine*, 1331; *Lankaynis*, 1336 и др.), сказать с уверенностью трудно. — Двучленный топоним; к первому члену см. {**lank-*} и др.; ко второму — {**kaim-*}, *caumis*. Ближайшее соответствие — лит. *Lañkakiemis* (LATSŽ 152), ср. также лтш. *Lañcenieku-* или *Lañciņu-ciems* (LV I, 2, 255) или семантически близкие образования типа лтш. *Lañk-sēde*, *Lañksēži* (I, 2, 258), куршск. *Lancseden*, 1290 (vogwarck ...dat Lancseden hetet. UB I, 1, 667); *Lancksethen*, 1495 (UB II, 1, 197); *Langkseden*, 1505 (UB II, 2, 639); *Langsehden*, 1442 (UB I, 9,591), см. Grenzen 286; Endzelīns Druva 1912, 629; Būga RR III, 169; KF 194—195).

{**lank- & *sav- v *sob-*}, ср. *Lanxobe*, ок. 1420 (озеро), позже — *Lenks-See*, т.е. сокращенная форма (= *Lank-s...*). APON 82. — Двучленное название; в первом члене — *Lank-* см. {**lank-*}, {**lank- & *kaim-*} и т.п.; мнения относительно второго члена расходятся: Герулис отсылает к *Soben*, озеро, 1352; *Schowen*, река, 1385, позже — *Schoben-See*; ср. *Sobis* (APON 167 и др.), а также composita с вторым членом *-sob-*: *Galinczeschobe*, *Malsobe*, *Markxebe*, *Ranxowe*, см. {**sob-*}; согласно другой точке зрения, во втором члене тот же корень, что и в ятв. *Sowik*, лит. *Savėlis*, *Savėnė*, лтш. *Sava*, *Savīte* и т.п., и, следовательно, речь идет о балт. **Sav-* (< и.-евр. **seu-/sou-* и под.), см. Falk Acta B.-sl- 10, 1976, 149; Daubaras Baltist 19, 1983, 187—188. Иной точки зрения придерживается Буга RR III, 677.

lanxto 'окно'. Э. 213 ('Fenster'). Nom. Sg. fem., в ряду Э 211: *Dauris* ('Grothor'), Э 212: *Lapiwarto* ('Phorte'), Э 214: *Accodis* ('Rochloch'), Э 215: *Perstlanstan* ('Fensterleit') и т.п. — Сопоставление *lanxto* с *perstlanstan* 'ставни' ('Fensterleit'), из *pirzd-lankstan, т.е. то, что перед окном (PKP II, 285), удостоверяя надежность формы для обозначения

окна, дает представление об этой детали структуры прусского дома, а весь фрагмент Э 211 — Э 215 перечисляет части дома, с помощью которых осуществляется связь между "внутри" и "вне". Мажюлис РКР II, 284—285 правильно указывает, что в старое время окна в жилых домах у балт. народов были невелики по размеру и, по сути дела, представляли собой род отверстия, которое затягивалось левой пузыря домашнего животного (обычно свиньи). Эта плева была важной частью старинного окна у балтов, и по ее основной особенности — 'дрожать', 'колебаться', 'качаться', 'вибрировать' (*plėvė*: 'plėvėnti', 'plazdėti', 'linguoti') — было названо окно, собственно, составляющая его плева. Следовательно, по Мажюлису, название окна произведено от корня **leng-/ling-* и оказывается в связи с другими прусскими словами того же корня, ср. *lingo*, *nolingo* (см.), обозначающими соответственно стремя, повод-узду. Понятно, что прусское слово (*lang-sta, к суф. ср. *saxtis*, *trumpstis* и т.п.) оказывается в родстве с лит. *lāngas*, лтш. *luōgs* 'окно'. Это оригинальное объяснение (его источник — аблаутные отношения между лит. *lāngas* и *linguoti* 'качать/ся', см. Leskien Abl. 1894, 334, а также Buck Dict. Select. Syn., 470: окно первоначально как "swinging" window /back and forth/) представляется и достаточно простым и вместе с тем эффектным. Тем не менее эта этимология обнаруживает и ряд уязвимых мест. Прежде всего нужно заметить, что окно как таковое, т.е. институализированная архитектурная деталь жилища, вообще возникло поздно и притом в средиземноморском ареале, и, хотя со временем "романский" тип окна (лат. *fenestra*) получил широкое распространение, в северную и сев.-вост. Европу он пришел совсем поздно (в Скандинавии не раньше XVI в.). См. Ebert Reallex. d. Vorgesch.; Schrader Reallex. Ldg. Alt., s.v. *Fenster*; Топоров БСл.Иссл. 1983. 1984, 164—168. И хотя в начале II тысячел. н.э. в районах смежных с землями пруссов (в частности, в Польше) в богатых домах окна уже вошли в моду и запирались деревянными засовами или завешивались тонкими звериными шкурами или толстыми пузырями ("błonami"), см. Hensel Słow. wczesnośredn. 1956, 370—371 и др., едва ли целесообразно предполагать, что слова типа лит. *lāngas* или лтш. *luōgs*, как и прусск. *lanxto*, были созданы именно для обозначения этого новшества. Далее, слова *lāngas* и *luōgs*, известные во всем объеме своих значений, обнаруживают при рассмотрении их с точки зрения исторической эволюции такую структуру, в которой исходными оказываются не значение 'окно', но другие значения — 'дыра', 'очко', 'щель' и т.п. Кстати, типология окна в этом ареале и соседних с ним, т.е. удаленных от явных влияний средиземноморских образцов, свидетельствует, что окну с "błonami", действительно, предшествовали такие формы "предокна", как щель, дыра, очко (см. Нидерле Слав. древн. 1956, 262; Murko Zur Gesch. volkst. Haus 1906, 35—36; Rhamm Ethnol. Beitr. 1910, II; Henning Deutsch. Haus 1882 и др.), которые, строго говоря, не предполагали завешивания их, но в лучшем случае чем-либо затыкались. А так

как лит. *lángas* или лтш. *luđgs* обозначают еще (а исторически — прежде всего) 'отверстие', 'дыру', 'очко', 'щель' (см. LKŽ 7, 122—123; ME 2, 524), то правдоподобно заключить, что *lángas*, *luđgs* 'окно' — результат ряда последовательных переносов значений, начиная с 'очко' и под., а не наоборот. В частности, одна из стадий в эволюции значений этих слов — отверстие для дыма (ср. прусск. *accodis*, лтш. *dūmu luogs* 'das Rauchloch'). Наконец, лексическая типология обозначений окна в разных традициях показывает, что в их основе, как правило, лежат функциональные признаки, чаще всего — очищение воздуха внутри жилища (выведение дыма наружу или впускание свежего воздуха, ветра), освещение помещения, возможность наблюдения, высматривания того, что снаружи, проникновение в дом (вход-выход, подобно дверям), см. Dict. Select. Syn. 469—470. В этой ситуации нельзя исключить, что понятие "окно" (*lángas*, *luđgs*, *lanxto*) сформировалось на основе топографически-ландшафтного понятия "очко", небольшой просвет в болоте, кружок чистой воды, лунка, бочажина и т.п. (см. {**lang-*} и, в частности, многочисленные болотные наименования). Собственно говоря, таким же образом возникло и русск. *окно* (при *о́ко* 'глаз' и *о́ко*, *о́чко* как топографический термин) при том, что семантическая мотивировка в балтийских языках была иной: **lang-*, болотное очко и т.п., несло в своем названии идею изгиба, известной скругленности, как и в славянских словах этого корня, ср. **lqg-* и его продолжения и **leg-* (см. русск. диал. *ля́га* 'болотистое место', 'лощина', 'впадина', но и 'дырка', 'лунка' и даже, наоборот, 'сухое место среди болота', см. СРНГ 17, 253—254 и др.). Френкель LEW 339 как раз и связывал балтийские слова для окна с лит. *lingúoti*, *langóti* и т.п., слав. **lqgъ*, словинц. *lagāc* и т.п., но не проанализировал семантическую мотивировку обозначения окна и вынужден был признать этимологию этого слова неясной. В заключение нужно отметить, что идея смотра-видения, естественно возникающая в связи с окном (см. лит. *Maņo akys vis lange* т.е. все вижу через окно. LKŽ 7, 122 или лтш. *skatu luogi* 'Schaufenster' и под.), находит поддержку и в истории развития и.-евр. **leng-/long-*: размахивание-раскачивание как зрительный знак, а затем и знак вообще (ср. др.-инд. *liṅga-*), см. Топоров Этимол. 1982. 1985, 132—136. Ряд исследователей с этим и.-евр. корнем связывали тох. А *lāk-*, В *lak-* 'смотреть', (см. LEW 339), которые в таком случае скорее всего связаны с тох. АВ *lānk-* 'висеть', 'pendere' (< и.-евр. **leng-*).

— Лит.: Thes. 1873, 89; Pr. Spr. 1896, s.v.; APSpr. 368; Būga RR II, 164; ME 2, 524; SPV 202; Buck Dict. Select. Syn. 1949, 470; LEV 339; Schmid IF 63, 1958, 222; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 34; PKP II, 284—285. — {*lankstā}

lanctis 'ухват', Э 360 ('Creugel', см. Grimm DWb. V, 2083: "Kräuel, Gabel mit hakenförmigen Spitzen"). Nom. Sg., в характерном контексте кухонно-столовой утвари ("то, чем что-то из съедобного берется, на чем оно держится"): *Birgakarkis*. Э 358 ('Kelle'), *Lapinis*. Э 359 ('Leffel'), *Trumpstis*. Э 361 ('Vuerschene'), *Pagaptis*. Э 362

('Brotspis'), *Aysmis*, Э 363 ('Spis'). — Бецценбургер ВВ 23, 1898, 317 ошибочно сопоставлял с ст.-сл. лжша 'копье', *λόγχη*. Супр. (ср. ст.-русск. *луча*, *лушма*), представляющим собою старое заимствование из лат. *lancea*; позднее из итальянск. *lancia*, *lanza* были заимствованы слова для обозначения копья в ряде новых слав. языков, ср. словен. *lânca* (стар. *lanzha*, XVI в., Далматин, Мегисер; *lonzha*, 1607), с.-хорв. *lânca*, *lanca*, *lonča*, укр. *ланча*, *ланца*, польск. *lanca* (ср. ст.-чеш. *lanče*), а также в венг., румынск., н.-греч. (см. Etim. gječn. hrv. 2, 266-267; Etim. Sloven. 2, 123 и др.). — О *lanctis* в связи с проблематикой *i*-основ см. Eckert ZfSl. 19, 1974, 223. В словообразовательном отношении выделяется суф. *-ti-*, использующийся для образования названий инструментов, ср. прусск. *pagaptis*, *passortis* и т.п., лит. *sagtis*, *sámtis*, *svirtis*, соотв. лтш. *sagts*, *saŋts*, *svirtis* и т.п. (Амбразас Baltist. 23, 1987, 181). — Ближайшие параллели в вост.-балт. и слав.; они определяются принадлежностью к и.-евр. **lenk-* 'гнуть', 'изгибать'; орудие определенной конструкции, в которой главное — изгиб, благодаря чему оно и может выполнять свое назначение, обозначается тем же корнем с вокализмом *o*. Ухват, с помощью которого можно передвигать горшки в печи, как раз и относится к такого рода орудиям (другое нередкое его обозначение типа русск. *рогáч* акцентирует внимание на конечных частях дуги-изгиба). Но следует помнить, что подобная конструкция, разумеется, не ограничивается ухватом. С учетом сказанного наиболее точным соответствием прусскому слову является лит. *lañktis* (ср. *lánktis*), которое, однако, означает не ухват (лит. *piuodšakės*, лтш. *poda dakšas* при *dakšas* 'вилы'), а мотовило, ворот, лебедку, гашпиль и т.п. Интересно, что словарные объяснения этого слова эксплицируют мотив рогатости, существенный для ухвата. Ср. лит. *lañktis*, "vertikaliai sukamos sukryžiuotos lentelės su ragučiais galuose siūlams iš ritės lenkti, lenktuvas" или "rankoje laikoma lazdelė su rageliais galuose siūlams lenkti" (LKŽ 7, 138): лит. *leñkti* 'изгибать', 'искривлять' и т.п. По данным Liet. k. atlas. 1, 118 карта № 57, этим же словом *lañktis* обозначается соединительная деталь ("фланец") цепа или била в Сейрняй (известны и другие обозначения с этим корнем — *lankėtas*, *lenkėtas* и производные от него, *lankėlis*, *lankiukas*, *liñkstė*, *linktė* и др. при обычном *jungėlis*, *-iai*). Характерно, что и другие обозначения цепа с корнем *lank-* известны на самом западе Литвы, между Кретингой и Шилале, а также южнее Шилуте и в р-не Таураге. Сходным образом (записано *loñkte/~lañktai*) обозначается гнутая передняя часть саней (при обычном *gaktà*) в Радвилишкск. р-не при наличии других лексем того же корня в варианте *lenk-/link-* (Liet. k. atlas. 1, 102); ср. также Grinaveckis Žem. leks. 1985, 27. В связи с такой географией подобных названий привлекает к себе внимание лтш. куронизм *lañktis* 'мотовило', ср. *lanktes* 'Garnwinde' (ср. Bielenstein Holzb. 645), 'Garnhaspel' (ME 2, 421); собственно лтш. форма *lūoks* 'дуга', 'арка' и т.п., но и 'Haspel', лишена суф. *-ti-* (ME 2, 525); впрочем, лтш. *likste* 'гибкий шест, жердь для подвешивания колыбелей" (= *lūociņš*) предполагает **lenk-st-*; видимо,

куронизмом нужно считать и *lañcene* 'die langstielige Sense' (ср. *lanciti*). ME 2, 419; наконец, ср. с другим вокализмом лтш. *leñca, leñce, leñcis* 'лямка', 'бретелька', 'возжа', 'упряжка' и т.п. (ME 2, 450), также, вероятно, представляющие собой реликты куршского языка. Во всяком случае и здесь прослеживается прусско-куршская (-литовская) изоглосса. — Славянские параллели, кажется, не фиксируют примеров с суф. *-ti-* (**lqk-ti-*), хотя нужно помнить, что подобные примеры должны были бы сильно трансформироваться фонетически. Но зато "инструментальное" значение у слов корня **lqk-* сохраняется достаточно хорошо. Речь идет прежде всего о праслав. **lqkь*, приспособление для стрельбы, но и 'дуга', 'арка', 'лука' и т.п., ср.: ст.-сл. лжъ тоѡов. Супр., болг. лѡк, с.-хорв. лѡк, словен. *lōk*; чеш. *luk*; польск. *łęk*; русск., укр., блр. *лук* и др. (ЭССЯ, s.v.); к мотиву "рогатости", объединяющему лук и ухват (прусс. *lanctis*) ср. ст.-русск. *Лукъ къ земи рогами*. Писц. кн. Изв. Арх. II, 108 (Слов. р. яз. XI—XVII вв. 8, 295). Некоторые лексемы, встречающиеся в диалектах, очень близки к балт. примерам; ср., напр. русск. диал. *лук* в таких значениях, как 'орудие для обмолота хлеба' (*Овес бывало били луком, еще машин-то ниче не было, луком изобьют* СРНГ 17, 186), 'приспособление для битья шерсти', 'приспособление для катания валенок', 'дуга у бороны', 'ловушка на зверя' и т.п.; ср. ст.-русск. *лукъ* 'изгиб седла', русск. *лукá* в этом же значении и др. Особенно полную информацию дает слово *лучок*, для которого СРНГ 17, 212—214 фиксирует 24 значения; среди них — 'согнутый в дугу прут', 'изогнутый прут, которым обведена корма лодки', 'переднее сидение в санях', 'изогнутая деталь капкана', 'приспособление для ловли птиц', 'деревянный ободок крыги', 'приспособление для битья шерсти', 'короткая ручка на косовище', 'деталь бороны', 'род земледельческого орудия' (косуля), 'оглобли сохи, бороны', 'прут, дужка для крепления колыбели', 'челнок', 'часть прялки' и т.п. Данные других славянских языков увеличивают число подобных примеров и позволяют говорить о значительном по объему и едином по лежащему в его основе принципу балто-слав. ядра локального "инструментального" словарика лексем, восходящих к **lank-/lqk-*, **lenk-/leġk-*. — Ряд параллелей имеется в герм. языках, но они существенно малочисленнее славянских данных и, главное, представляют гораздо более узкую и специальную семантическую сферу — 'ремень', 'лямка', 'штрипка' и под., ср. др.-исл. *lengja*, фарер. *leignja*, норв. *lengja*, шведск. *länga*, датск. *længe*; др.-англ. *lōh*, ср. н.-нем. *lenge* 'длинный канат' и т.п.; из герм. слова этого корня проникли в финноязычную среду, ср. финск. *lanka*, эст., вепсск. *lang*, ливск. *langa* и под. (см. Karsten Germ. — Finn. LW 1915, 352—353). Пости Balt. konf. III, 1975, 45; Baltist. 13, 1977, 267—268 считает, что формы типа прусск. *lanctis*, лтш. (-куршск.) *lanctis*, лит. *lañktis* могли быть источником протофинск. **lakte*, из которого, по его мнению, объясняются финск. *lahti* 'залив', карельск. *lakši, lahti* (олон.), вепсск. *laht*, эст. *laht* и др. — Об отнесении к этой семье лат. *lanx* 'миска', 'чашка' (в частности, весов), о

чем писали Persson Beitr. z. idg. Wortf. 1912, 478 (ср. также 340, 345), Osten — Sacken IF 33, 1912-1913, 221 сл. (ср. Lat. etym. Wb., s.v.), судить трудно. — См. *lunkis, lonki*.

— Лит.: Thes. 1873, 89; Bezenberger BB 23, 1898, 317; APSpr. 368; BSW 159—160; ME 2, 496; SPV 202; LEW 357; Pok. 1, 676; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 52; Kazlauskas Liet istor. 1968, 121; Eckert ZfSl. 19, 1974, 223; Posti Balt. konf. III, 1975, 45; Baltist. 13, 1977, 267—268; Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290; Grinaveckis Žem. leks. 1985, 27; Амбразас Baltist. 23, 1987, 181. — *{*lanctis}*.

{*lank-ut-}, ср. Nom. pr. *Lankut* (APN 51). — Ближайшие параллели — куршск. Nom. pr. *Jacob Langkuth*, 1542; *Lancut*, 1579—1596 (KF 383); среди топонимов ср. лит. *Lankūčiai, Lankūtė*, лтш. *Lañkuči*. — В острудзском повете совр. топоним *Łeguty*, по мнению Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290, позволяет реконструировать прусск. **Lankūtis*. Однако все исторически засвидетельствованные формы названия содержат корень *Lang-*, ср. *Langengute*, 1352 (PU V, 13); *ville Langindorf*, 1352 (Ibid., 13), *langen gute*, 1352 (Ibid., 578), *langingute*, 1414, *langen gutte*, 1448, *lange guth*, 1554, *Langut*, 1775, *Langguth*, 1796, *Langgut*, 1820, лес, *Langguth, Łeguty*, 1879, нем. *Langguth* и др. (см. Słown. nazw. Mazur. II, 76; Słown. geogr. PZP 1, 174). — См. *{*lank-ein-(?)}* и др.

{*lans/z-an- (?)}, ср. *Lansania*, 1216 (в тексте — *Lausania*), PU I, 7; *Lanzania*, 1246; *Landesen*, 1268; *Lentzen*, 1298; *Landesan*, 1312, позже — *Lenzen*; — *Lanlania*, 1231 (SRP 1, 737, ср.: Hec sunt nomina terrarum Pruzie : Pomizania, Lanlania, Ermelandia, Notangia... "Liber censuum Daniae..." /1202—1241/). APON 82 : "Wohl identisch mit Lansania". — Очень трудный случай (см. *{*land-es- (?)}*), и его можно было бы оставить в стороне, если бы не важность названия *Lanlania* (**Lansania*), относящегося к обозначению одной из прусских земель. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, дающее хотя бы малую надежду на успех: судя по положению этого названия в списке прусских земель, оно почти несомненно относится к Погезании (ср. *Pogusania*, 1287; *Pogozania*, 1310 /SRP 1, 678/, *Pogyzonia*, 1315; *Pogzania*, 1331; *Pogesania*, 1326; *Pogazania*, 1346; *terra Pagudinensis*, XV в. /SRP 2, 404/. APON 127—128), перечисляемой и в других списках между Помезанией и Вармией (*Ermelandt*, 1299. PU II, *Wormeland*, 1262. PU II, 164; *Warmia*, 1249. APON 196), ср. у Петра Дусбурга со сдвигом: *Secunda Pomesania, in qua Pomesani. Tercia Pogesania, in qua Pogesani. Quarta Warmia, in qua Warmienses...* (SRP 1, 51). То, что *Lansania*, 1216 преемственно связана целой цепью промежуточных данных с нем. *Lenzen*, находящимся в Кг. Elbing, т.е. на старой прусской земле Погезании, отчасти говорит в пользу того, что *Lansania* (и *Lanlania* = **Lansania*) могла быть неким "запасным" вариантом обозначения Погезании. Если учесть, что *Lanzania* могло звучать как [*Lanzania*], то оказывается, что ряд названий, относящихся к этому региону, формально весьма похож на указанное название; ср., напр. *Langsee*, 1595 (Hennenb. II, 14), оно же *Grosser Lansk See, Lenz See, Łesk, Duży Łéńsk* (ср. тут же *Łezek*, но и *Łeczek*), или *Lang See*, оно

же *Dhugie Jezioro, Langza* (тут же *Langseewald*, тянущийся от Олыштына на сев.-зап. вдоль Лыны (Słown. nazw Mazur. II, 213, 341). Во всяком случае подобные формы могли как-то имитировать нечто вроде **Lanz(an)-/*Lenz(an)-*. А эти формы в свою очередь могли отражать более старые типы, напр., **Land-/*Lend-* с формантом *-jan* и под. Сам же элемент **Land-/*Lend-* в этих случаях в принципе может быть разного происхождения — и балтийского (см. *{*land-}*, *lindan*), и славянского и германского. Во всяком случае важно отметить, что в отношении этого корня и его значения и топографического использования прусский объединяется со слав. и герм. языками, противостоя вост.-балт. языкам. Праслав. **lędo, *lęda, -ina* обозначали, видимо, не просто необработанную землю, но такую, которая никогда до тех пор не обрабатывалась, т.е. пустошь (в смысле прусск. Adj. *pausto*). Такие значения, как 'пар', 'поле под паром', 'новь', 'целина', с одной стороны, и 'место, поросшее лесом, деревьями, кустарником' и т.п., с другой скорее результат трактовки понятия "terra inculta", как в ст. — сл. ладина (но не "ager incultus"). Но, естественно, специализация в использовании этих слов началась рано, сильно зависела от реальных ландшафтных условий, и поэтому уже в и.-евр. древности разные языки (ср. еще готск. *land*, нем. *Land*, др.-ирл. *land, lann*, ср. франц. "ланды" как разновидность степи) свидетельствуют разнообразие значений. В частности, в условиях прусских лесных пустошей, столь характерных для этого ареала (см. хотя бы описания Дусбурга) элемент **Land-* мог означать именно пространство, заросшее лесом (подобно укр. *лядо* 'место в лесу, заросшее сосной', русск. диал. *ляда* 'лес', 'лесные заросли', 'ельник', 'участок леса' и т.п. СРНГ 17, 261 и др.). В таком случае **Land-* в составе **Lanzania — Lansania* могло реально соотноситься с лесом и, следовательно, дублировать корень *gud-* (ср. прусск. *gudde* 'куст', 'лес'/?/), содержащийся в названии лесной земли Пруссии — Погезании (из **Pa-gud-*). При всей сугубой гипотетичности предлагаемых возможностей объяснения твердо установленным можно считать факт большой важности названия *Lansania* для разысканий в области истории, географии и топографии этой части прусской территории. Предлагаемые здесь объяснения в основном альтернативны по отношению к тем, что даны в статье *{*land-es-??}*.

{*lap-}, см. *{*lap-ain-}*, *{lap-al-??}*, *{*lap-ask-??}*, *{*lap-in-??}*, *{*lap- & *garb-}*, *{*lap- & *kaim-}*, *{*lap- & *sal-av-??}*, а также *lape*.

{*lap-ain-}, ср. *Lapaunen*, 1405 (в Самландии). APON 82; см. Trautmann AfsIPh. 34, 1913, 593. — От прусск. *lape* 'лиса', как принято считать, хотя теоретически нельзя исключать и связи с обозначением листа (ср. лит. *lāpas*, лтш. *lapa* и под.) — тем более, что слово для него в прусском не засвидетельствовано. Поэтому в дальнейших статьях, посвященных лексемам с корнем *{*lap-}*, приходится допускать две (по крайней мере) возможности, хотя первая для прусск. *Lap-* предпочтительнее (кстати, соответствующие немецкие названия нередко содержат элемент *Fuchs*). О

сложностях этого рода см. LHEŽ 180—181. Одна из них состоит в том, что непрерывности *Lap-*ареала в Прибалтике и его единству вплоть до целого набора словообразовательных типов противостоит различие в обозначении лисы в литовском (*lāpė*) и латышском (*lapsa*). Далее следующие примеры должны оцениваться с учетом этой ситуации. — Из топонимических параллелей ср. в первую очередь лит. *Lapainià* (LATSŽ 152); *Lapainià, Lapainė* (LUEV 87; Liet. hidr. 74, 144, 171, 185; LHEŽ 180—181); лтш. *Lapaine* pl., *Lapain, Lapaines, Lapainis, Lapaini, Lapainiša* pl (LV I, 2, 260); лтг. *Lapaini* (PN Latg. 262); куршск. *Lappaine, beke Lappeyne*, 1338, *die Lappeine* (UB I, 2, 315); *in rivo dicto Lappeyne*, 1377; *becke Lappaen* (UB I, 11, 478); *an der Lapeyne; beke Lappeyne*, 1506 (UB II, 3, 42); *fluvium Lappein nominatum; lap(u) up(e)*. LVVP 164, 10; см. KF 116—117 (согласно Grenzen 299, 480, к лтш. *lapa* 'лист', *lapdīns* 'лиственный', 'обильный листвою', ср. Endzelin ZfsIPh. 11, 1934, 133; Кипарский упоминает здесь же и *lapene* 'гриб (*agaricus*)'. К этому ядру точных параллелей примыкает широкий круг названий, в отношении которых иногда трудно сказать об их апеллятивных связях. Ср. лит. *Lapiai, Lapiėniai, Lapynai, Lapynė, Lapynišké, Lāpiškiai, Lapiškiai, Lapiškės, Lapūčiai, Laputėnai, Lapāliai, Lapėikiai, Lāpelės, Lapėlės, Lapelīškiai, Lāpės; Lāpiakalnis, Lāpkalnis, Lapkalnys, Lapkāsės, Lāpkasiai, Lapvarčidai, Lāplėgiai, Lapakrità, Lapgaūdžiai, Lapgīriai, Lapgirys* и др. (LATSŽ 152—153); *Lapiėnė, Lāpymas, Lapirda, Lapišė, Lapišikė, Lapšius, Lāpiškė, Lapavdinė, Lapojà, Lapūigis, Lapūkas, Lapūkis, Lāpravis, Lāpupis, Lapūpis, Lāpavartė, Lapgardys, Lāpkasis, Lapdōciažalis, Lapskōjis, Lāpių upėlis, Lāpurvis* (LUEV 87; Liet. hidr. 65, 74, 144, 149, 154, 171, 172, 177, 185, 192, 199, 231, 255, 272; LHEŽ 180—181); лтш. *Lapa, Lapas-ēzērs, Lapas-mežs, Lapa(s)-plāva, Lapas, Lapis, Lapa-līcis, Lapji, Lapu-birze, Lapu-dīkis, Lapu-ēzērs, Lapu-kalns, Lapu-laīka, Lap-āre, Lap-ēzērs, Lap-kasis, Lap-mežs, Lap-plāviņa, Lap-rags, Lapāja-purys, Lapēni, Lapene, Lapēlis, Lapēns* pl., *Lapenišķe, Lapenieki, Lapijas-kalva; Lapiņa, Lapiņš, Lapiņi, Lapiņu-dīks, Lapiņ-āre; Lapišķe, Lapiški, Lapiena-mežs, Lapiene* pl., *Lapūksne, Lapūksu-plāva, Lapūlis, Lapuote* pl.; *Lapaliņa* и др. (LV I, 2, 259—262, но и *Lapsa, Lapsaiši, Lapseles, Lapsenīca* pl., *Lapsēni, Lapsenieki, Lapsiņa, Lapsene* и т.п., 262—264: *lapsa* 'лиса'); лтг. *Lapēni, Lapiņš, Lapiņas, Lapiņi, Lapi, Lapas, Ланы, Ланунка, Lapiši, Lapēlis, Lap-kasis* и др. (PN Latg. 262, но и *Lopsas, Lapsas, Lapsas-kalns, Lapsu-ceļš, Lopsu-kolns, Lapsu-tīgums* и т.п., 286); куршск. *dem berge Lappekalsten* (*Lappekalwen*), 1422; *dem dorpe Lappemes; fenicidium Lappizenne dictum*, 1340; *höslach Lappyzenne genandt; Heuschag genannt Lappasynne*, 1503 (UB II, 2, 463); *ein stücke landes Lapszen genomt*, 1521); *Lapsmesenn*, 1560, *Lapsemeddien*, ок. 1560; *Lappes mesen*, 1571; *Lapsmesen*, 1576; *Lapssmesenn*, 1581—1582; *Lapsmesse*, 1632; *Lapsmezen*, 1637 (KF 117). Ср. также куршск. Nom. pr. *Lappatt*, 1579—1596: пожалуй, от лтш. *lapa* с суф. *-at-* (KF 300); лтш. Nom. pr. *Jacob Lappe*, 1512, *Agata Lappe*, 1509, *Margaret Lappes*, 1515; *Aghata Lappene*, 1512, *Anna Lappensche*, 1530, *Lappen Kaspar*, 1607; *Lappeyn syne hoischlege*, 1535, м.б., *Lappan;*

Hinxte Lapen. LPV 1, 201—252, 294; лит. Nom. рг. *Łape, Łapiowa* (совр. *Lāpė*); *Łopieyko, Łopieyki, Łopieykowicz, Łopieykowa* (совр. *Lapeikà*); *Łopieykis, Łopiekis* (совр. *Lapėikis*); *Lopelis, Łopelis* (совр. *Lapėlis*); *Lapeniowa* (совр. *Lapenis*); *Lopinis* (совр. *Lāpinis, Lapinaitis, Lapiniāuskas*, м.б., *Lopinys*); *Łapuc* (совр. *Lāpas, -ūnas, -ėnas, -ėni/u/s, -ūkas, -āvičius, -āuskas*; м.б., *Lōpas*, ср. ст.-лит. *Loputha* и т.п.). Liet antrop. 163—164, 231, 236, 239, 240. Более широкий ономастический фон (ср. *Słown. starop. nazw III*, z. 2, 310—311; Беларус. антрап. 2, 244—246) как оттеняет специфику балт. имен, так и дает представление, если не о едином, то о достаточно выровненном ономастическом континууме, в котором отчасти как бы переплавляются лексические элементы разного происхождения. — Указанные выше балт. топонимы могут, видимо, хотя бы отчасти быть пополнены или бесспорно балтийскими элементами с польских земель (ср. *Lapkeijmy : Lapkeim. Słown. geogr. PZP 1*, 172) или подозреваемыми в их балт. происхождении, ср. *Łapino; Łopień, Łopienica, Łopieniczka, Łopienko, Łopiennik, Łopianów, Łopianka, Łopianowskie Jezioro* (Ibid. 1, 172, 176); *Lappinszken, 1651—1652; Lapimoszken, 1595 Hennenb. II*, 14) при *Lappaschken, Lapask* (APON 82), позже — *Lampasz, Lampasch See, Łapinóżka* и т.п., *Lampackie Jezioro, Lampaskie Jezioro; Łopian, Łopian See* (*Słown. nazw. Mazur II*, 169, 168, 177); HW 499, 500, 817; ср. также *Łopian, Łopian See* (511) в непосредственном соседстве с *Lisunka, Lisuńskie Jezioro, Lisunie* и т.п. (?); но названия типа *Łopa, Łopień, Łopienka* отмечены и существенно южнее (HW 176, 305) и, видимо, могут объясниться иначе. Нельзя не обратить внимания на то, что во всем этом ранее прусском (или ближайше с ним связанном) ареале "лисьи" названия исключительно многочисленны, что между прочим, подтверждается и старыми сведениями о фауне этих мест (количество же "лиственных" названий весьма невелико). К "лисьим" названиям см. *Słown. geogr. PZP 1*, 165—166 *Słown. nazw. Mazur II*, 464—465 (индекс); HW 354 (индекс); TPG 92—93, 205—206, 252; TPStar. 46, 101—102, 150; Bugalska Top. Gd. Tcz. 59—60, 126; *Halicka Nazwy Biał.* 1976, 105 и др.; характерно резкое падение подобных названий по мере продвижения на юг и на восток (ср. только одно название в Гродн. обл. Слоун. назв. Гродз. 139; семь названий в Брестск. обл. Слоун. назв. Брэсц. 75—76; восемь в Минск. обл. Слоун. назв. Минск. 155); но к западу от Вислы "лисьи" названия достаточно многочисленны и в ряде случаев близки прусским; см. *Słown. gwar. kasz.* 2, 357; 7, 152, отчасти EOSON III, 42 (индекс). — Таким образом, прусско-куршско-литовско-латышский ареал отличается и наибольшим сгущением "лисьих" названий, и тем, что они передаются корнем **Lap-*. На соседних территориях эти названия идут на спад, но появляются топонимы с не "лисьим" (кажется) **Lap-*. Возможно, они разного происхождения (в частности, иногда указывают на их связь с блр. *лапы, лапеницы, "пробелы, пятна на пашне, посевах, неправильной формы поляны, выгари, мочежины"*, см. Жучкевич. Кратк. топон. слов. Белор. 195); среди этих названий есть и такие, которые напоминают балтийские формы с "лисьей" семанти-

кой, ср. *Лапéйки, Лапéнки* (Слоун. назв. Гродз. 135); *Лапакальнь, Лапéлы, Лапéнская* и др. (Микратап. Беларус. 137) и т.п. Ср. еще *Łapa, Pod Łape, Pod Łapowu Róg* (Falk Wig.-Huc. 1, 104—105); белостоцк. *Łapy, *Łapice, *Łapki* и т.п. /*Halicka Nazwy Białost.* 1976, 106). О названиях, образованных от личных имен, типа *Лапишки, Лапьяны, Лапуны, Лопуци* (все Витебск. обл.), *Ланейки* (Гродн. обл.) см. Литоуск. элем. блр. 1968, 24, 45, 63, 70, 87; ср. о кашуб. *Łapino* как прутенизме Labuda Konf. Rom. 1978, 26. — См. {**lap-*}, {**lap-al-(?)*}, {**lap-ask-(?)*}, {**lap-in-*}, {**lap- & *garb-*}, {**lap- & *kaim-*}, {**lap- & *sal-av-*}, *lapre*.

{**lap-al-(?)*}, восстанавливается на основании польск. топонима *Łapalice*, нем. *Lappalitz*, в 5 км к зап. от Картуз (см. Brauer Pruß. Siedl. 1983, 58: *Lap-al-ike как 'Fuchsort'). Эта реконструкция в основной своей части (без суф. *-ik-*) может быть поддержана лит. *Lapāliai* (дважды, в Шилутск. и Тельш. р-нах, т.е. на зап. Литвы и даже в ближайшем /Шилуте/ соседстве с прусск. Надравией, не говоря о Скалавии - Шалавии). LATSŽ 152 (ср. также *Lapėlės, Ąapėlės*); лтш. *Lapaliņa, Lappelin*, 1811 (LV I, 2, 261); ср. лтг. *Lapėlis* (Př Latg. 262). — См. {**lap-*}, {**lap-ein-*}, {**lap-in-*} и под., а также *lapre*.

{**lap-ask-(?)*}, ср. *Lapask*, воны, 1388; *Lappaschken*, 1388, позже — *Lampatzki-See; Lapaschke*, 1508 (место), позже — *Lampasch* (APON 82): "polnisch?". — Ср. мазур. *Lampasz, Lampasch See* и "испорченные" формы с вторичным осмыслением типа *Łapinóżka, Łapsinóżka* и др. (*Słown. nazw. Mazur II*, 168); *Lampackie Jezioro, Lampaskie Jezioro, Sorquitter See Lampatzki, Lapaszken*, 1651—1652 и др. (Ibid. II, 177, ср. также *Słown. geogr. PZP 1*, 156; HW 499, 500). — Скорее всего испорченная форма трудная для объяснения. Принадлежность к кругу "лисьих" (*lap-*) названий возможна, но в объяснении нуждаются формы на *Lamp-*, вообще говоря, неизвестные прусскому и литовскому (ср. лит. *Lāmbis* как финский элемент [: финск. *lampi* 'лесное озеро'], *Leĩpiai*; лтш. *Laĩbas*, но и *Laĩpuži*. LV I, 2, 255) и суф. *-ask-*, также практически неизвестный балт. языкам (ср. лит. *-aškas* в *Apāškas*. Liet. hidr. 97, м.б., *-aša*: *Šavaša*. Ibid. 96 ?). Ср. *-ask* в иранских обозначениях лисы, см. *lapre*. Правда, варианты с *Lamp-* появляются позже и, возможно, обязаны своим происхождением ассоциациям, возможным в кругу немецких культурных образов; среди многочисленных в этих местах "заячьих" наименований, — причем как в прусском (*Sasniten, Sassenpile, Saslauken, Sassyn, Sassow*. APON 152: *sasins* 'заяц'), так и в польском (*Zajęcza Góra, Zajęczy Borek, Zajęczy Kąt, Zajęcznik* и т.п.), — мог вспомниться знаменитый заяц немецких сказок и басен — *Lampe (Meister Lampe)*, ср. немецкие названия с элементом *Hase* в этом же регионе. Разумеется, это не более чем указание возможного разворота одной из гипотез. *Lapask - Lampasch* — лесное озеро, и в этом отношении трудно совсем игнорировать финск. *lampi* с тем же самым значением, но и эта связь пока представляется весьма гипотетичной.

lapre 'лиса'. Э 658 ('Vochz'). Nom. Sg. fem., в длинном ряду диких животных; узкий контекст — Э 657: *Wilkis* ('Wulf'), Э 659: *Sasins*

(Hase'). — О "лисных" топонимах см. {*lap-}, {lap-ein-(?)}, {*lap-ask-(?)}, {*lap-in-}, {*lap- & *garb-}, {*lap- & *kaim-}, {*lap- & *sal-av-}. — Совершенно точное соответствие в лит. *lāpė* 'лиса' (Vulpes), см. LKŽ 7, 145—146; уже в ранних текстах, ср. Daukš. Post. 488, 25; Szygv. Dict. 153; Donel. и др., а также в диалектах (Laz. tarm. žod. 140; Drusk. žod. 185). Все другие параллели существенно дальше отстоят от русско-литовского обозначения, однако с достаточным вероятно они могут быть выстроены в некую цепочку, где связь каждых двух "смежных" форм не вызывает особого сомнения. Сразу же следует подчеркнуть, что общая картина истории развития и.-евр. слова для лисы очень сложна, запутана, предполагает самые различные табуистические ходы и деформации, вторичные смысловые притяжения. В значительной степени это объясняется особенностями этого вида хищных лесных животных, какими они рисовались мифопоэтическому сознанию, и обыгрыванием этих особенностей в народной словесности, особенно в аллегорических, дидактических и т.п. жанрах (ср. басню, притчу, аполог, но и животный эпос — сказка /Лиса Патрикеевна и др./, поэма и т.п., включая и литературную традицию от н.-нем. "Reinke de Vos" до гетевского "Reineke Fuchs"; о значении этих текстов и их образов можно судить и по тому факту, что в ряде случаев они мотивируют даже языковую форму обозначения лисы, ср. франц. *renard* из др.-в.-нем. *Reginhard*, имя лиса в фавлио, 'сильный в совете'). Предрасположенность образа лисы к вхождению в сферу "поэтического" объясняет и то, что и.-евр. обозначение лисы, из которого обычно выводится большинство слов для лисы в конкретных и.-евр. языках, отчетливо изобразительно и представляет собой своего рода и.-евр. "кёнинг". — Такая ситуация делает, видимо, целесообразным, помимо поиска "подлинной" и хронологически наиболее глубокой этимологии на ранне-и.-евр. горизонте, определение возможных более поздних и, если угодно, "народно-этимологических" связей внутри данного языка. Предварительно, однако, надо заметить, что прусск. *lapre* принадлежит к распространенному типу названий животных женск. рода на *ē* (ср. *alne*, *glumbe*, *weware*, *kaune*, *wosee* и т.п.; то же и в литовском — *lāpė*, подобно *kālė*, *katė*, *kiaulė*, *gyvātė*, *kidunė*, *musė*, *stumbrė* и т.п.). Прусск. *lapre* и лит. *lāpė* не могут, кажется, непосредственно восходить к и.-евр. типу склонения *ā*-основ, но отражают и.-евр. *iā, см. Bammesberger *Donum balt.* 1970, 38—39, 43. Эти данные имеют некоторое отношение к возможности трактовки этих слов на балтийском (а не и.-евр.) горизонте. В частности, старые образования на *-jo-* и *-jā* в принципе являются адъективными (см. Kuryłowicz BSL 41, 1940, 14) и соотносятся друг с другом как *masc.* и *fem.*, ср. лит. *vilkas* 'волк': *vilkė* 'волчица' (о развитии *-ijo-s* > *-īs*, см. Vgl. Gr. 1966, 188—192; Endzelin Lett. Gr. 1922, 302, и др., там же об *-ijā* > *ē* и, конечно, Sommer Idg. *iā*-/*-jo-* St. 1914, 23 сл.). Следовательно, прусск. и литовское слово для лисы по происхождению представляет собой субстантивизированный *Adj. fem.*, обозначающий некий признак (свойство), приписываемый лисе как основной. Если

оставаться в пределах балт. языков, то, пожалуй, наиболее правдоподобной была бы связь обозначения лисы (*lapre*, *lāpė*) с балт. **lapa/s/* 'лист' (ср. лит. *lāpas* и т.п.), ср. *lapūnas* 'лиственный лес' и т.п. Особенно показательно по словообразовательному типу лит. *lapija* 'листва' и 'место, где много листьев' (LKŽ 7, 148, ср. *lapije*, 149), где сохраняется суф. *-ija* в отличие от старого *iā*, перешедшего в *ē*, поскольку он появился здесь хронологически позднее, после указанного перехода. В таком случае лиса обозначалась бы как 'лиственная', 'лиственнолесная' и под. или, в формулировке Баммесбергера, "das zum Blatt (*lāpas*), d.h. zum Laub des Waldes, gehörige Tier" (Op. cit. 40), — подобно тому, как лит. *arklys* — "zum Pflug (*árklas*) gehörig". В этой связи можно напомнить о сходном принципе мотивировки праславянского названия дикой кошки (*Felis sylvestris*) — *stbbjь: ст.-сл. *стбль*, *стпыль*, ст.-польск. *step*, *zdeb*, польск. *źbik*, *źbik*. Эта форма *stbbjь, как показал Трубачев *Пронсх. назв. жив.* 1960, 93—94, представляет собой *Adj.* от **stbb-* 'стебель', 'камыш' (: лтш. *stiba* 'прут', 'палка', лит. *stiebas* и др.) и, следовательно, *Felis sylvestris* обозначался как, "камышовый" (кот). Подобный принцип мотивировки название лисы известен и в других языках, ср. валл. *llwynog* 'лиса', от *llwyn* 'куст'. Эта параллель представляется тем более важной, что название этого вида в литовском (*vilpišys*), несомненно, родственно балт. и и.-евр. обозначениям лисы (см. далее). Разумеется, конкретный вариант применения названного принципа в обозначении лисы мог быть и несколько иным. Между прочим, существенной и броской одновременно характеристикой лисы (в частности, в народных представлениях) является ее хвост. Помимо его роли в известной сказке о лисе и волке (откуда и литовский фразеологизм *lāpės uodegą rodyti*. *Liet. fraz. žod.* 148; ср. *Imk laputės uodegaitę, gink muses nuo lopšio; Iki išgavo, tai jis buvo kaip lāpė su uodega, o paskui ne susišnekėt negali*. LKŽ 7, 145), можно напомнить русск. диал. *хвостуха*, лиса (Даль 2, 655—656) и особую роль мотива хвоста в поговорках, ср.: *У лисицы хвост долог, а на свой не сядет; Лиса своего хвоста не замазает; Лиса все хвостом прикроет; Лиса хвостом замыкает* и т.п. (Даль и др.), а также *лисохвост*, *лисий хвост*, растение *Alopecurus* и т.п. По латышскому народному представлению, "Senos laikos lapsai bijusi tik gaŗa un gluma aste kā kvekšķim, bet zvēru kaŗā, žagaros slēpdamās, viņa dabūjusi žagaru saujaī līdzīgu asti" (Latv. taut. tic. II, 1009, N 16443; ср. тут же и другие поверья о лисе — "Ja redz sapnī, ka lapsa ieskrien mājās, tad būs ugunsgrēks", N 16451 и др.). Хотя и говорят, что у лисы хвост трубой, а у медведя — лопатой, лисий хвост пушистый (Buck Dict. Select. Syn. 187 указывает, что валийское обозначение лисы как кустистой или кустарниковой связано именно с видом хвоста; кстати, и герм. названия лисы — готск. *fauhō*, др.-исл. *fōa*, др.-англ. *fox*, др.-в.-нем. *fuhs* и т.д. — обычно трактуются как содержащие идею "хвостатости", ср. др.-инд. *puscha-* 'хвост', авест. *pusā* 'haarbusch' /русск. *пух*/, см. Vgl. Wb. d.got. Spr. 144; Goth. ED 110;

Altnord. EWb. 136, ср. KEWAi 2, 298—299 и др.), а вещи, обладающие этим свойством нередко обозначаются, как "широкий лист", ср. русск. диал. *лопух(a)*, *лапуха* при *лопушить* 'распушать', *разлапистый*; *лапа* с "животным" определением (бобра, собаки, кошки, курицы, сороки, вороны и т.п.) в отнесении к растениям, см. СРНГ s. vv.; лапа и хвост нередко выступают в одном и том же контексте и оказываются взаимозаменяемыми ("Этот цветок кто как называет: кто медвежья лапа, кто — сорочий хвост". СРНГ 16, 259); тенденция к притяжению *lāpē* и *lāpas* обнаруживается и в ряде литовских фольклорных контекстов. Все эти рассуждения относятся, впрочем, не только к тому, как "народная этимология" могла осваивать некогда прусск. *lape* или лит. *lāpė*, но и к отбору подлинных параллелей в сравнительно-историческом плане: балт. *lap-* 'лист' оказывается, несомненно, сопоставимым с слав. **lapa* (широкое × плоское), русск. и т.п. *лапа* и его производными — *лапасть*, *лопасть*, *лопáта*, *лопу́х* и т.п. (ср.: "Светло-зеленый, с большими лапами-листьями каштан на коричневом фоне дома". Матюшина. Песнь о жизни. Л., 1975, 38 и под.), сопоставимыми с лит. *lōpa*, *lopeta*, лтш. *lēpa*, *lepata*, *ļepata* и т.п., и если, действительно, лит. *lāpė* — "лиственная", то и слав. **lapa* оказывается практически близким соответствием. Применительно к хвосту — "широкая, как лист". — Но уже сопоставление прусск. *lape*, лит. *lāpė* с лтш. *lapsa* 'лиса' (*lapsis*/?/ Fürecker), *lapse* (ср. у Лангия: *Lapsa* и специально — *Lapsaste*. LVV 134/68a/, *laps/as/aste*. Erg. izl. vārdn. 2, 198), *lāps* (Kurisches Wb. 47), ср. лтг. *lapsine*, dimin. и т.п. (ср. теперь *lapf* 'лиса' из ятвяжск. словарика 78. БСл. Иссл. 1983, 1984, 6, 14), вводит мотив, нарушающий гармонию ранее нарисованной картины, поскольку элемент *s*, отсутствующий в *lape* — *lāpė*, что сильно примитивизирует ситуацию, перебрасывает связи к "лисьим" словам в других и.-евр. языках, где ему отвечают *s*, *ś*, *š* или *k*, что позволяет видеть в этом случае рефлекс и.-евр. **k'*. Забегая несколько вперед, целесообразно вспомнить здесь о праслав. **lisa* (**lišь*): ст.-сл. лиса, болг. *liša*, *lišica*, макед. *liša*, с.-хорв. *liš*, *lišica*, словен. *liš*, *lišica*; др.-чеш. *liša*, чеш. *liška*, слов. *liška* в.-луж., н.-луж. *liška*, польск. *lis*, *lisica* (*liszka*), кашуб. *lēs*, словинц. *lās*, *lāsca*, полаб. *lajskə* (*Leiska*); укр. *лис*, *ли́сиця*, блр. *ліс*, *лі́са*, *лі́сіця* и т.п. При рассмотрении праслав. **lišь*, **lisa* и их рефлексов бросается в глаза сохранение *s* после *i*, что объяснимо — в свете и других данных — предположением о наличии некогда между этими звуками третьего, впоследствии исчезнувшего. Данные других языков говорят в пользу предположения источника праслав. **lisa* по меньшей мере такой формы, как **leipsa* (**lipsa*), но скорее всего **uleips-*. Исходя из подобных соображений, Трубачев Этимол. 1973, 1975, 178—179 отвел формы типа польск. *liszka*, признав их не продолжением слав. **lis-*, но поздними переделками-осмыслениями в связи с **lišь* и под. в духе отрицательных представлений о лисе. Источник, реконструируемый для праслав. в виде **leips-/*uleips-* является очень важным аргументом как в установлении связей с балт. формами

(**leips-*: лтш. *laps*), так и в увязке балт. и слав. форм с соответствующими лексемами других и.-евр. языков. Особенно существенно, что благодаря праслав. **leips-* и особенно **uleips-* и слав. формы и балт. *lape*, *lāpė*, *lapsa* обретают надежное основание для сопоставления с лит. *vilpišys*. Эта балто-слав. картина уже позволяет непосредственно обратиться к данным других и.-евр. языков, сохранивших соответствующую лексему. Нужно только предварительно заметить, что исходная и.-евр. форма могла обозначать не только лису, но и другого мелкого хищника — шакала, реже, видимо, собаку (Иванов, Гамкрелидзе ИИ II, 1984, 513—514), а также особую близость обозначений этих хищников со словом для волка. Приходится различать среди параллелей к балт. **lape* примеры, не обнаруживающие начального *v-* (и.-евр. **u-*), во всяком случае первичного, и примеры, где это *v-* или есть или могло быть. К первым относятся прежде всего индо-иранские факты. С. др.-инд. *lopāśā-* 'лиса', 'шакал' (RV X, 28, 4) и более поздние формы, отмеченные иногда только лексикографами и обнаруживающие в ряде случаев тенденцию подстроиться к словам *lūma-* 'хвост' или *lōman-* 'волосы': *lopāka-*, *lopāpaka-*, *lomaṭaka-*, *lomaśā*, *lomāśā-*, *lomālikā* и т.п. (см. KEWAi 3, 115—116; Turner Comp. Dict. I.-Aryan 649 a, b); из **laupāśā-*; иранские примеры восходят практически к такому же источнику — **raupasa-*, ср. др.-перс. Nom. рг. *Raubasa*, известное в эламской передаче (Mayrhofer Opom. Persepol. 1973, 226), пехл. *rōpāh*, *rōpās* и др., перс. *rūbāh*, *rōbāh* и др., вандж.-тадж. *rubiz*, белудж. *rōpask* (ср. прусск. *Lappask*/?/), курд. *rūwi*, *rūwās*, орм. *rawas*, парачи *rūyasok*; сангл. *vərvēs*, ишкаш. *urvēs*, *urvēsok*, мундж. *rəwsa*, *rūsa*, шугн. *rūpc*, *rupsak*, рушан. *rupc*, сарык. *rapc*, язгул. *rəpc*, зебаки *ərvēs*, ягнобск. *rūpas* (в топоним., при *rubā*, из тадж.); осет. *rūvas*, *robās* и т.д. (исключая пушту), в ср.-иранск. — х.-сакск. *rrūvāsa-*, согд. *rwps* (**rōbas*), парф. *rōbās*, хорезм. *rūbas* (менее ясны авест. *spā-urupi-*, какая-то порода собак, *raopi-*, *raoša-* [**raub^asa-*? с выпадением губного, подобно праслав. **lisa* < **leips-*] и под.), а также иранские заимствования в финно-угорск., ср. венг. *ravasz*, морд. *riveš*, мара *rəvəž*, финск. *repo* (ср. также сев.-герм. — др.-исл. *refr*, швед. *räf*, датск., норв. *ræv* 'лиса'); впрочем, некоторые объясняют эти примеры не из иранск. Важно отметить "лисьи" иранизмы в топонимии — *Ропша*, *Лисичка*, *Лопанка* как переводы одного и того же названия на скифск., русск. и балт. (см. Vasmer Iran. Südrußl. 75—76; ЛАВП 225 и др.). Иранские данные см. Абаев Ист.-этим. слов. II, 433—434. Существенно название лисы в кафирск., ср. вайгали *liwāšā* (к первому гласному ср. слав. **lis-*), *lāwāšā-*, но и 'шакал' (Morgenstierne NTS 17, 1954, 274). Особое место занимают формы с *a-* в анлауте, ср. др.-греч. *ἄλωπηξ* 'лиса' (из **Fαλωπηξ* ?) и арм. *aluēs* 'лиса' с вторичным удлинением (из **alopes*; есть мнение, что др. греч. и арм. слова восходят к одной форме — **alōipek-* и что др.-греч. слово заимствовано из армянского, см. Solta Stell. Arm 1960, 119; несколько иначе. Туманян ВЯ 1968, № 5, 59: **alopekú/s*). Шантрен Dict. étym. 1, 68 при толковании др.-греч. слова ссылается на "déformations volontaires",

обязанные табуистическим требованиям. В отношении названий лисы они, действительно, серьезны (ср. Havers *Neuere Liter.* 1946, 16, 47—49; GEW, s.v. и др.). — Наиболее авторитетной формой, свидетельствующей о начальном *v-* в этом слове, выступает лат. *vulpēs* 'лиса' (*vulpēs*). Хеттск. *ulippana-* 'волк' (хотя есть и другие точки зрения о значении слова), лувийск. *ulipna-*, *walipna-* (Laroche *Dict. louv.* 101, 106: "nom d'animal") при *walip-* 'enveloppe' (?), 105, *walipatt(a)-* несколько менее показательны; согласно ИИ II, 492, оба варианта названия волка (*ulip-/walip-*, готск. *wulfs*, лат. *lupus*, с одной стороны, и др.-инд. *vṛka-*, авест. *vəhrka*, др.-греч. λύκος, алб. *ulk*, лит. *vilkas*, слав. *vьlkъ, с другой) состоят из корня **uel-* 'раздирать', 'рвать', 'убивать': лат. *vellō*, *volnus/vulnus* 'рана', *voltur/vultur* 'коршун', переносно — 'хищник'; др.-греч. οὐλή 'рана', ср.-ирл. *fuili* 'кровавые раны' (при др.-ирл. *fuil* 'кровь'), готск. *wilwan* 'грабить' и т.п. — Из всей этой мозаики форм для и.-евр. восстанавливается сложное слово, опирающееся на сочетание двух лексем — **uel-* & **pek'-*, передающих мотив "N раздирает скот" или "раздиратель скота" (ср. образ *Лиса-потрошителя*). Естественно, что этот "кёнинг" мог расшифровываться не только как лиса, но и как какой-либо другой хищник. Учитывая всю историю образа лисы в мировой мифопоэтической традиции, приходится отметить исключительную расположенность этого образа к персонификации, к его проекции на определенный тип человеческого поведения. В этом контексте нельзя не обратить внимания на то, что сочетание **uel-* & **pek'-*, как и сложное слово **ulopek'ā*, из которого объясняются перечисленные выше формы (WPI, 316—317; Lat. *etym. Wb.* 1, 836—837; 2, 830; Pok. 1, 1179; ИИ II, 513 и др.), фиксирует одну из важнейших смысловых конструкций т. наз. "основного" мифа, допускающую несколько интерпретационных проекций — мифологический персонаж (божественный или хтонический) и скот (и.-евр. **pekū-*), который он пасет (ср. Велеса-Волоса, Варуну и т.п.); повелитель царства смерти (ср. тох. А *wāl-* 'умирать', лувийск. *u/ya/lanti-* 'мертвый', иерогл. лув. *wal(a)-* 'умирать') и мертвые, находящиеся на загробном лугу, подобно скоту (ср. лтш. *Veļu māte* и других балт. и слав. персонажей, причастных к смерти и имеющих имя с корнем *Vel-*, и т.п.), не говоря о других более сложных, но не менее достоверных интерпретациях, отсылающих к сфере богатства, владения-обладания, власти; к убийству, жертвоприношению и искуплению и т.п. Лишь позже складываются более "мягкие" представления о лисе — льстивая ласковость, обходительность, изобретательность, хитрость. В этих условиях лиса начинает противопоставляться волку, с которым она разделяет сходное имя, как умная хищница глупому хищнику. Сказки Литвы, Латвии, Пруссии (немецкие тексты), Польши, Белоруссии отражают эту новую ситуацию и новые возможности осмысления имени лисы. Исходя из этих соображений общего характера, пожалуй, нельзя сомневаться в том, что примерно так понимался мифопоэтизированный образ лисы и пруссами, реально хорошо знавшими лесного хищника *lapre* (ср. известия более позднего

времени о лисьих охотах на бывших прусских землях). О лисе в приметах пруссов ср.: Item und einer fert abir reitet, und eid fox im uber dem wegk leufft, so sol im ein schade entstehen (Grunau Cron., см. LPG 203). — См. *lapiwarto*.

— Лит.: Thes. 1873, 89; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 368; BSW 149; Schulze KZ 45, 1912, 287 = Kl. Schr. 1933, 218; Būga Aist. stud. 1908, 61, 142; ME 2, 422; SPV 202; WP 1, 317; Pok. 1, 1179; ЭСР 2 500; LEW 340; KZ 63, 1936, 189 сл.; Specht Urspr. 36; KEWAi. 3, 116; Solta Stell. Arm. 1960, 119; Туманян ВЯ 1968, № 5, 59; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 17; Bammesberger *Dōnum balt.* 1970, 38—41; Eckert Zflsl. 19, 1974, 231; SEP 4, 277—279; Etim. Sloven. 2, 144; ЭССЯ 15, s.v.; Българ. етим. речн. 3, 420; Duridanov *Pulpud.* 1978, 222; ОР 6.976; Euler KZ 98, 1985, 92. — {**lapē-*}.

{**lap-* & **garb-*}, ср. *Lappegarbe*, 1331; *Lappengarbe*, *Lappogarwe* (APON 83). — Сложный топоним. К первой части см. {**lap-*}, {**lap-ain-*}, {**lap-al-(?)*}, {**lap-ask(?)*}, {**lap-in-*}, {**lap-* & **kaim-*}, {**lap-* & **sal-av-(?)*}, *lapre*; ко второй части см. {**garb-*}, *garbis*. К всему слову ср. такие названия, как лит. *Lāpkalnis*, *Lapkalnys*, *Lāpiakalnis*, лтш. *Lapu-kalns*, куршск. *dem berge Lappekalsten (Lappekalwen)* и т.п., а также славянские названия на старых прусских землях — *Lisia Góra* (многократно, часто с немецк. вар. *Fuchs Berg* и под.), *Lisie Góry*, *Lisowa Góra* (Słown. nazw Mazur II 40, 45, 58, 73, 109, 122, 185, 204, 259, 274, 316, 365, 366), ср. также Słown. Geogr. PZP 1, 165 и др.; *Lisia Góra* (Top. Gd. Tcz, 126), *Lisowa Góra* (TPStar. 102), м.б., *Lisia Góra* (TPG 205, ср., однако, вариант *Łysa Góra*); *Lėsa Góra* в Кашубах (Słown. gwar kasz. 2, 357).

{**lap-in-*}, ср. *Lopino*, 1312; *Loppino*; *Lapynas*, 1411—1419 (APON 91). — См. {**lap-*}, {**lap-ain-*}, {**lap-al-(?)*}, {**lap-ask-(?)*}, {**lap-* & **garb-*}, {**lap-* & **kaim-*}, {**lap-* & **sal-av-*}, *lapre*. — Ср. лит. *Lapynāi*, *Lapūnė*, *Lapūniškė*, лтш. *Lapiņa*, *Lapiņš*, *Lapiņi*, *Lapiņu-dīķis*, *Lapiņ-āre*, лтг. *Lapiņš*, *Lapiņas*, *Lapiņi*, *Ланинка*, а также Nom. рг. типа лит. *Lāpinis* (*Lopinis*, XVII в.). Слав. топонимы типа *Łapino*, *Ланино* и под., зафиксированные на смежных с пруссами и ятвягами территориях Польши и Белоруссии, в ряде случаев могут подозреваться в прусском (или — шире — балтийском) происхождении.

lapynna, см. *laipinna*.

lapinis 'ложка'. Э 359 ('Leffel'). Nom. Sg. masc., в перечне столово-кухонной утвари, ср. Э 358: *Birgakarkis* ('Kelle'), Э 360: *Lanctis* ('Creugel'), Э 361: *Trumpstis* ('Vuerschene') и т.п. — С этим словом, которое отличается и от лит. *šaukštas* и от лтш. *karote (karuote, karuôte)*, выступающих как обозначения ложки, в этимологических исследованиях связано заблуждение, ставшее общим мнением до самого последнего времени. Причина этого заблуждения — в преувеличении значения готских заимствований в прусском и в игнорировании сферы "Sachen" при решении проблемы "Wörter und Sachen". Лишь первая попытка этимологического объяснения прусск. *lapinis* исходила из внутрибалтийских источников. Нессельман Thes. 1873, 90 (ср. ранее D.-Pr. Vocab. 1868, 498), рассматривая это слово и

сопровождая его определением значения, строго говоря, ни на чем не основанном (кроме интуиции и, может быть, некоторых представлений об этом предмете в быту немецких крестьян Вост. Пруссии) — “kleiner flachbauchiger Löffel”, — сопоставил его с лит. Adj. *liep̃inis* ‘aus Lindenholz gemacht’ (?). Это мнение, несомненно, ошибочно, и прусск. *lapinis* никак не связано с названием липы, реконструируемым на основании “липовых” топонимов в виде **leipo* (< **leipā*) или же известным в форме *līpe* (ср. Э 601), являющейся славянским заимствованием. Дальнейшая история изучения этого прусского слова полностью игнорировала эту попытку. Вскоре Фик Vgl. Wb. idg. Spr. сопоставил *lapinis* с др.-греч. λάπ-τω ‘лакать’, ‘жадно пить’, ‘всасывать’, λέ-лафа, лат. *lambo* ‘лизать’, др.-исл. *lepja*, др.-в.-нем. *laffan* и т.д. вплоть до ср.-н.-нем. *leffel* (см. в 4-м изд. стр. 751). Курциус Grundz. griech. Etym. 1879, 363 присоединяется к этому мнению, ставя акцент на др.-греч. λάπ-, а Бернекер Pr. Spr. 1896, 303 также ориентируется на др.-греч. параллели, выбирая среди них, однако, λολάς ‘чаша’, ‘миска’ (ср. λολίς ‘кожица’, ‘скорлупа’, λολός), λέπω ‘сдирать оболочку’, ‘очищать от скорлупы’ и т.п. То, что уже было намечено Фиком и содержалось в ряду приведенных им параллелей как один из генетически связанных примеров, стало тем пунктом, который повернул всю проблему *lapinis* в другом направлении. Ключе IF 21, 1907, 361, очевидно, под сильным влиянием статьи Хирта (BGDS 23, 1898, 344—349) о древних германских заимствованиях в балтийских языках, в которой германский вклад был явно преувеличен (как показали последующие исследования этого вопроса), высказал предположение, что прусск. *lapinis* было заимствовано из готского (и следовательно, это произошло в начале нашей эры), для которого на основании прусского заимствования и др.-герм. слов, обозначающих ложку, он реконструировал незасвидетельствованную форму **lapins*. Учитывая, что зап.-герм. языки в этом слове свидетельствуют суфф. *-il-*, предполагалось, что *-n-* появилось в силу диссимиляции (**lapil-* > **lapin-*). В дальнейшем эту точку зрения повторяли практически все интересовавшиеся этим словом — и балтисты (ср. Trautmann KZ 43, 1909, 175; APSpr. 368; Bezzenberger KZ 44, 1911, 293; Būga RR II, 85, 86, 98; III, 496, 896; SPV 202 и др.), и индоевропейцы, если только они касались этой темы (Рок. 1, 654, с добавлением: “schallmalend”). Разногласия внутри этого единого общего мнения касались частностей. Так, Шпехт Urspr. 1947, 351 предпочитал объяснять готск. **lapinis*, давшее прусск. *lapinis*, при др.-в.-нем. *leffel* не диссимиляцией, а меной *l/n*; Беценбергер KZ 44, 1911, 293 полагал, что это заимствованное прусское слово вошло не через готский, а через скандинавские языки и т.п. Лишь в 1985 было предложено совершенно новое объяснение прусск. *lapinis*, исходящее из собственно балт. данных (см. Falk Zborn. Skok 137—141) и, видимо, в принципе окончательное (автор Пр. яз. разделял подобный взгляд и ранее). Следует, впрочем, заметить, что многие объяснения прусских слов из готского постепенно стали обнаруживать

свою исчерпанность и внутреннюю порочность из-за возрастающего числа противоречий. Исследователь этого вопроса именно в связи с этой проблемой на материале Эльбинского словаря писал: “In order to explain these discrepancies, one to recourse to Gothic loans, often from nonexistant Gothic words (и тут же в качестве примера приводится *lapinis* — **lapins*). Although it is interesting to speculate on such things, we can only use loan word evidence directly if we know the time of the borrowing and the language and/or dialect from which the borrowing took place” (Marchand BL 1970, 110). Основные положения новой точки зрения Фалька — неоспоримое формальное подобие прусск. *lapinis* и лит. Adj. *lap̃inis*; последнее слово понимается как производное от *lāpas* ‘лист’ и обозначающее не только ‘лиственный’, ‘к листу (листьям) относящийся’, но и ‘имеющий форму листа’ (*‘blattförmig’*); подобным образом прусск. *lapinis* восходит к Subst., который реконструируется как **lapis* ‘лист’; такая семантическая мотивировка слова подтверждается примерами из других языков и находится подтверждение в реалиях. Нужно добавить, что в Э есть и другие случаи слов с суфф. *-in-* (*aulinis*, *balsinis*), выступающих в функции субстантивизированных прилагательных. Существенно подчеркнуть, что этот суфф. *-inja-* (*-inē*) в литовском обозначает, в частности, слова, описывающие внешность вещи, ее вид sub specie подобия (“paviršutini daikto panašumą arba jo pavidalą /formą/”. LKŽD 246). Прусс. *lapinis* как раз из этого разряда случаев, во-первых, и с синхронной точки зрения уже вполне Subst., во-вторых. Следовательно, оно, действительно, отвечает лит. *lap̃inis* в значении 4 (по LKŽ, 7, 149; ‘lapo išvaizdos’, ср. Kai kurių kaktusų skilčialapiai turi plokščią lapinę formą. NB плоскую форму листа), но, конечно, и этому же Adj. в других значениях (ср. у Ширвида *lapinis*, из *lapu* как перевод польск. *liściany*, *liściowy*, z *liścia*. Pirm. žod. 3. 153 и др.), не говоря уже о Subst. типа *lap̃inis* ‘табак в листьях’ или *lap̃inis* ‘lapės pyragas’, *lap̃inė* ‘шалаш’, ‘род шапки’ (‘lapės kailio kerurė’). LKŽ 7, 149. Сюда же и лтш. *lapāins*, *lapainis* как Adj. и *lapāine* как Subst. (ME 2, 421—422). Не менее очевидны и слав. соответствия, ср. Adj. **lap-ьнь*: русск. *лапный* (СРНГ 16, 264) и *лапник*, *лопник*, *лапняк* и т.п. (Даль s.v. *лапа*); Adj. от того же корня в исландском (ср. *lófi* ‘ладонь’), как, видимо, и в готском (ср. *lofa*), имеет другой суфф. Следовательно, именно вост.-балт. и слав. языки доставляют наиболее точные примеры соответствий прусск. *lapinis*, хотя они нуждаются в разъяснениях семантического характера, которые в свою очередь предполагают обращение к реалиям. — Прежде всего нужно подчеркнуть, что нет оснований удивляться тому, что ложка обозначается по принципу листа — “листовая”, “листочная”. Достаточно напомнить, что в ряде этнокультурных традиций толстый и плотный лист с загнутыми краями, действительно, выполняет роль ложки, черпака, совка, лопатки. Пруссские археологические древности очень скудны столово-кухонной утварью, и о ложках (в отличие от ножей, которые могли иметь и функцию оружия и изго-

товлялись из железа) почти ничего не известно — тем более, что их материалом было, как можно думать, дерево, глина (реже рог, кость), т.е. чаще всего легко разрушимые субстанции. Тем не менее некоторые основания вещеведчески-типологического и конкретно-исторического характера, которые с определенной вероятностью позволяют судить о том, какой была или, точнее, могла быть ложка и близкие ей по функции предметы утвари у пруссов. И те и другие данные говорят о том, что в быту крестьянина пользовались (или отдавали предпочтение) ложками, состоящими из черенка (рукоятки) и собственно "хлебалки", предназначенной для пищи, основной "рабочей" части ложки, которая, как правило, и дает название всей ложке, причем "хлебалка" обычно имела широкую и плоскую форму со слегка загнутыми краями (собственно, настолько, чтобы успеть донести жидкую или полужидкую, рассыпчатую пищу от горшка до рта). Исторически и генетически такая форма диктовалась первыми естественными вариантами ложки — "предложки" — лист растения, кусок коры, часть рога (при условии его "развернутости"), кость слегка вогнутой формы и т.п. (питье, напротив, предполагало более закрытые и непроницаемые формы, ср. из "природных" — рог, череп и т.п.). Собственно говоря, эти конструктивные формы "предложки" и были образчиком для имитирования "перволожек" в дереве, в глине, в кости, когда ложка выделялась, вырезалась, вытачивалась, вылеплялась. Крестьянские ложки в Вост. Пруссии и прилегающих районах Польши и Литвы, настолько о них можно судить по старым (практически XVII—XVIII вв.) источникам, в своем "консервативном" варианте как раз и были еще близки к листообразной "хлебалке" на черенке. Археологические данные, относящиеся к смежным или контактировавшим с землей пруссов регионам, еще более показательны. К рубежу 1-го и 2-го тысячелетия н.э. относятся образцы ложек и "веселок" (лопаточек для замешивания теста, сбивания масла, размешивания), найденных совсем неподалеку от юго-зап. пределов прусского ареала в это время, а именно в Гнезно. Сделанные из дерева или из рога, эти предметы утвари, действительно, в высокой степени подобны листу на черенке — довольно широкая, овальная форма, поражающая современного homo edens своей плоскостью и ставящей перед ним проблемы, почти сопоставимые с теми, что возникают в связи с китайскими "палочками" для еды (см. Kostrzewski Kult. Prapolska, 1949, 146—147, 162, ср. рис. 74 a-e; Wielkop. w prad. 1955, 41, 153, 161, 301, 305; Hensel Słowiańszcz. wcz.-średn. 1956, 214, 251, рис. 182, 234 и др.; ср. описание польских ложек XVI—XVII стол.: "Czerpaki miały one szerokie a płytke... Na łyżkę taką można było nabrać bigosu i kaszy dużo, ale polewki niewiele". Encykl. Starop. I, 172). Бросается в глаза при анализе этих предметов их внутренне-функциональная и формальная связь с "большими" вариантами, прежде всего с деревянными лопатами для сажания хлеба в печь (см. там же рис. 75) и с коньками, полозьями и т.п., воспроизводящими ту же в принципе конструкцию, что и

ложка, и обозначаемыми сходным образом — *łyżwa*, *łyżwu* при *łyżka* (ср. и русск. диал. *лыжва*, вид судна /СРНГ 17, 218/, видимо, плоскодонного, как и польск. *łyżwa* 'плоскодонная лодка', 'понтон'; *лыжи* 'лыжи', но и 'коньки'; ср. др. — русск. *лыжа*, *лыжи*, скользящий полоз, укр. *ліжі*, *лижва*, *лежва* и т.п., но и диал. *лыжка* 'ложка'. СРНГ 17, 219). Об этимологической связи **lyžka* и **lyža* см. Mikkoła Berühr. 1894, 37; Jakobson Word 11, 1955, 613 (= Select. Writ. II, 1971, 634), где семантическая параллель — норв. *skje* : *ski*; ЭССЯ 17, s.v. **lyža* и др. Можно напомнить, что прообраз лыжи и конька — плоская доска, плаха, расколота пополам (ср. лит. *laužti* 'ломать' и под., к **lyža*, но и **lyžka* : **lyža* < **lyz-ja* от и.-евр. **lug'h-/*leug'h-* 'ломать', ср. Трубачев Ремесл. терминолог. 1966, 169—170). Мотив плоскости, столь чуждый современным представлениям о ложке, не раз актуализируется в словах, восходящих к праслав. **lyžka*; ср. др.-русс. *ложка* 'широкая лопасть бурава'; 'нижний конец грудной кости, ложечка' (Слов. р. яз. XI—XVII вв. 8, 274), русск. диал. *ложка*, в последнем значении (СРНГ 17, 109); кашуб. *łężka* 'ложка', но и 'дощечка, по которой голуби попадают в голубятню, а пчелы в улей' (Słown. gwar. kasz. 3, 18—19; ср. то же слово в значении 'дощечка при улье'. Lorentz Slovinsz. Wb. I, 469 и т.п.); о слав. **lyžka* помимо этимологических словарей ср. еще Otrębski Welt. Slav. 19, 1965, 271—272; Hamp Baltist. 3, 1967, 107—108; RSlaw. 41, 1981, 63 и др. Другой круг данных, отсылающих к плоскостному типу архаичных ложек, связан со Скандинавией эпохи железа и времени викингов, когда влияние скандинавских мод отчетливо прослеживается в прусских землях. Железная ложка из Брики (могильник 644, о-в Bjöğkö) описывается как длинный, плоский с заострением лист. Ложка из могильника 817 (Бирка), точнее "хлебалка" (Löffelschale) описывается публикатором находки так: "das Blatt fast ganz eben"; сходным образом описываются ложки из шведского города Сигтуны, из Бергена в Норвегии (XV в.), не говоря о более ранних (эпохи железа) роговых ложках, см. Stravanger Museum. Aarshefte 1909, 5, 8, 12, 14, 16, 17; Arbman Birka I, 294 и Tafel 151b; Kulturhist. lex. nord. medeltid. XV, 1970, s.v. *sked*; Falk. Zborn. Skok. 139. Лингвистические данные подтверждают идею сродства листа и ложки с точки зрения их конструкции, демонстрируемую связью прусск. *lapinis* с названием листа. Фальк напоминает, что в шведском "рабочая" часть ложки (Löffelschale) обозначается сложным словом *skedblad*, причем *sked-* — 'ложка', а *-blad* 'лист'; следует добавить, что англ. *blade* помимо лезвия и т.п. обозначает длинный узкий лист, лопасть и т.п. Ср. определение одного из значений англ. *spoon* (ср. нем. *Span* 'щепка'): "3. A kind of shovel with a long handle and a small oval inclined blade" (для копания). Webster's New Intern. Dict. of English Lang. Second edit., 1958, 2435 (ср. англ. *blade* : нем. *Blatt*). Шведск. *sked* 'ложка', включенное в сеть этимологических связей, снова отсылает к мотиву полена, расколотаго куска дерева, лыжи и т.п. (о чем говорилось выше в связи с лав. **lyžka* : **lyža*), ср. др.-исл. *skíð* 'полено', 'лыжа', др.-англ. *scīd*, др.-фриз. *skīd*, др.-в.-нем. *scīt* и т.п. — Весь этот языковой и

"реальный" контекст, разворачивающийся в связи с уравнением "ложка" = "лист", поучителен дополнительно и в том отношении, что позволяет внушительно расширить круг параллелей как внутри балтийских и славянских языков, так и в более широком круге и.-евр. языков. Кроме исходной для этимологии прусск. *lapinis* связи с названием листа (прусск. *lapis, лит. *lāpas* и т.п.) это слово внутри самого прусского оказывается в родстве с *lopto* 'лопата', которое в свою очередь включается в серию надежных соответствий — лит. *lōpeta*, *lopeta* — не только 'лопата' (или даже специальная лопата, ср.: *Spatas — žemėms kasti*, о *lōpeta — kug sniegą kasa*. LKŽ 7, 648), но и совок ("хлебная" лопата) для помещения хлеба в печь (*Duona deda an lōpetos ir kiša in pečiū*; к связи с мотивом "сования" /лит. *šauti*/ ср.: *Mūs lopetā jau visai susibaigė — nė duonos po pečių negali rašaut*), мешалка и даже разного вида доски для определенных хозяйственных целей (ср.: *Mano stoginė lopetā tai bent; aš ja tai dailiai ardengiu ir sulyginu šiaudus*), ср. *lōpa* как в значении 'лапа', так и 'бревно для подпорки стены', 'дощечка с колышками, прикрепляемая к стене' и т.п., *lopė* и др. (7, 647—648), к элементу *t* при вокализме *e* ср. также *lepeta*, о лапе животного (ср. *lepėža*, то же, но и *lėpis* 'calla palustris' и др.). Очень показательны данные, относящиеся к словам этого корня, в "Атласе литовского языка". Ср. названия хлебной лопаты (*ližė*) — *lopeta*, *lōpeta*, *lapōta* (: блр. *лопата*) в основном в южной половине Литвы (Liet. k. atlas. I, 21j); инструмента для смешивания, взбивания — *lopeta*, *lopečkė*, *lopetaite*, *lopetėlė*, *lopetūkė* (I, 21 l₂); рассохи у плуга — *lōpeta*, *lopeta* (I, 26a и карта № 45: сев.-вост. Литвы, но в одном случае на крайнем юго-западе, около Шилуте); отвала у плуга — *lopetėlė*, *lopeta* (I, 26c и карта № 46: недалеко от Расейняй); трепалки в льномялке — *lōpetos* (I, 30e и карта № 59: на юго-вост. Литвы); бруска-перекладины (*klapatė*) в жернове — *lopeta*, *lopetaite*, *lopetėlė* (I, 33f); шпинделя (*sukutis*) в жернове — *lopėtė*, *lopetėlė*, но и *lopėlė*, *lapėlė* (I, 33h); лопаточки, соединяющей педаль с колесом в прялке — *lopeitėlė*, *lopečiūtė*, *lopeta*, *lopetaite*, *lopetūkė*, *lapotaitė*; *lapėlė*, *lapūkė*, *lāpė*, *lapytė*, *lapiūkė*, *lapūtė* (I, 31e и карта № 61: отчетливая концентрация на вост. и сев.-вост. Литвы) и т.п. — Сходные с лит. *lepeta* образования с вокализмом *e* и с несколько иным кругом значений известны и латышскому; ср. *lepata* 'лоскут', 'тряпка', 'заплата' (м.б., к *lepa*, хотя возможно и иное объяснение), *lepata* 'ein abgerissenes Stück Haut mit dem daranhängenden Fleisch' (см. LEW 339—340), *lėpes*, *lėpene*, *lėpe* и т.п. (ME 2, 461, 537, 539; EH 738, 771; Erg. izl. vārdu. 2, 212—213, 258 и др.), но и с вокализмом *a* — *lāpsta* 'лопата', 'лопатка' (анатом.), 'лопасть' (широкий конец весла) и т.п. (ср. русск. *ласт* < **lapst-*, но *лāпость* 'ступня'), *lāpstiņa* 'ein Brettchen für die Brandweberei' (среди других значений), *lāpusta* = *lāpsta* и др. (ME 2, 440—441). Славянские примеры не менее многочисленны, а в ряде случаев и даже более точны. Ср. праслав. *lopata: ст.-сл. лопата лѣтов (Супр.), болг. *лопата*, макед. *лопата*, с.-хорв. *лопата*, словен. *lorāta*; чеш., слвц. *lorata*, в.-луж., н.-луж. польск. *lorata*; русск., укр. блр.

лопата и т.п.; *лапта*, *лōптá*; *лопасть*, *лāпость*, *лāпось*, *лопастьень*, *лопастина*; *лāпоть*, *лōпоть*; *лāпик*, *лāпин*, *лāпина* 'кусок материи', 'лоскут'; 'полоска земли'; 'плешина на поле' (слово распространено в русск. говорах Прибалтики и на соседних территориях, ср. Грек-Пабисова Acta V.-sl. 18, 1987, 12: островные деревни в сувалкско-сейненск. земле; кстати, блр. *лапóник* 'разливательная ложка'/Виц. краёвы слоўн. 1927, s.v./ в свое время объяснялось из балт., с упоминанием прусск. *lapinis*, см. Blese Stud. balt. 5, 1935—1936, 23—24; ср. Слов. балтизм. 145), но и *лēпест*, *лēпестень*, *лепестина*, *лēпесть*, *лепесток*, *лēпет* 'лоскут', *лēпестень*, *лепетина*, *лепеток*, *лēпеть*; *лопух* и многие другие (см. СРНГ 16, 17, s. v.), не говоря уж о большой группе слов, этимологическое отнесение которых к этой группе или к производным от **lep-* 'лепить' не вполне ясно (ср. *лепёшка*), и тем более о сходного типа образованиях, восходящих к **lop-/lap-/lep-* в других славянских языках. — Алб. *lopētē* 'лопата' обычно рассматривают как слав. заимствование. Зато германские параллели бесспорны, хотя и не столь близки в словообразовательном плане к балт., как славянские. Ср. готск. *lofa 'ладонь' (Dat. Sg. *lofin*, Dat. Pl. *lofam*), др.-исл. *lofi*, др.-в.-нем. *laffa* 'ладонь', 'лопасть', др.-фриз. *lappē* 'лопата', ср.-англ. *lof* и т.п. (Altnord. etym. Wb. 363; Goth. ED 237; Pok. 1,679; Stang Lex. 1972, 33 и др.); из герм. это слово проникло в лапландск. язык. Иногда ирл. *lue* 'рулевое весло' возводят к форме **lopet-*, сопоставимой с балт. и слав. примерами. О более широких связях этих балт. и слав. слов в и.-евр. мире свидетельствуют анатолийские факты, ср. хеттск. *lappa-* 'лопата' (Иванов Этимол. 1983, 1985, 160—161 обращает внимание на возможность толкования формы Instr. *lappit* в *la-a-ap-pi-it da-a-aš* 'лопатой взял' как древнего нулевого падежа в локативной функции, что позволило бы и для хеттского восстановить основу **lopet-*); кстати, Зоммер OLZ 1939, 681 (ср. HWb. 127) предлагал перевод этого слова — 'щипцы', 'ложка' (?). Учитывая, что этот предмет выступает в архаичном похоронном ритуале (на него или с его помощью кладут кости покойного дара), можно думать о неслучайной связи между *lappa-* и *lap-* 'гореть', *lapni-* 'помещать в жар (в огонь)', *lappinai-* (ср. *lappija-* 'жар', 'пыл', 'Kienspan' /?/, а также лувийск. *lappi/ya-*. Dict. louv. 63), ср. лит. *žarstėklis* 'кочерга', т.е. то, чем загребают жар — *žarstyti žarijās* (при том, что и кочерга первоначально относилась к предметам ритуала кремации); кстати, если речь зашла о лувийском, то *lapana* 'alpage', 'яйла', кажется, могла бы быть сопоставлена с русск. диал. *лāпина* 'луг', 'плешина на поле' и под. Слав. и балт. материал, относящийся к ритуальному предмету с корнем **lap-*, проанализированный в другом месте (БСл. Исслед. 1985. 1987, 10—23), свидетельствует о роли этого предмета в акте сожжения покойника в похоронном обряде (ср. отзвуки этого мотива в сказке о Бабе-Яге, сажающей героя на лопату, чтобы поместить его в огонь, в печь, или легенду о Совии [к прусск. *schaut-*, лит. *šauti*, лтш. *šaut*, слав. *sovati: *suti(?)], первосожженном из умерших и жреце, руководящем обрядом кремации, см. Топоров БСл.

Исслед. 1984. 1986, 80—89). Языковые факты и данные, относящиеся к ритуалу сожжения мертвых в других и.-евр. традициях, подкрепляют картину, восстанавливаемую для балт. и слав. В связи с прусск. *lapinis* особенно важным оказывается как языковая сторона связи с обозначением лопаты, так и функционально-обрядовое сродство того, для чего предназначены ложка и лопата — еда и сожжение, за которыми стоит единая смысловая и ритуальная конструкция: уничтожение чего-то путем помещения его в то, что уничтожает, ради новой жизни, возрождения: человек "сует" ложку (*lap-*) с пищей в рот, где она уничтожается, исчезает, чтобы обеспечить человеку жизнь; покойника "суют" на лопате (**lap-*) в огонь, где он уничтожается, исчезает, чтобы обеспечить умершему возрождение. Образ огня как "едящего", "пожирающего" хорошо известен в разных, в том числе и в и.-евр. традициях, а сжигаемый и есть, по сути дела, та жертва (в этимологическом смысле слова — **žyrati*), вкушением которой живы боги. Нет сведений о наличии т. наз. "жертвенных" ложек у пруссов (наподобие *juhvas* в ведийском ритуале, ср., напр., RV I, 145, 3—4), но возможность их значительна: жертвенная ложка функционально стоит между обычной ("профанической") ложкой и ритуальной лопатой: она "кормит" огонь содержащимся в нем "жертвенным" маслом, чтобы разгорающийся от этого огонь "пожирал" покойников во время обряда кремации: *abhi svāntām mṛṣate...* 'она (жертвенная ложка) ласкает набухающего (огонь)', — говорится в RV I, 145, 4. Несомненный сексуальный оттенок в этом фрагменте вполне соответствует подобной символике ложки (ср. "мужские" и "женские" ложки при, м.б., неслучайном противопоставлении по роду — *lapinis* masc. : *lopto* fem.), использованию их в любовной магии и соответствующих ритуалах, в предсказаниях и гаданиях и т.п.; см. Топорков *Ūtū konf. tees.* 1980, 46—48; Б.-сл. погреб. обряд 1985, 87—88; Домашн. утварь 1986, 14—16; Топоров *Этимол.* 1987. 1989. Эти семиотические особенности ложки достаточно универсальны в балт. и слав. ареалах, и поэтому нельзя исключать, что и у пруссов они играли аналогичную роль. — Следовательно, сведения о жанре "ложек" у балтов и, в частности, у пруссов обширнее, чем обычно предполагают: помимо *lapinis* 'ложка' нужно помнить и об однокоренном названии лопаты — *lopto*, а также о разливательной ложке, или уполовнике — *birgakarkis*, сложном слове, вторая часть которого, несомненно, связана со слав. **koryсь*, ср. русск. *корец* 'поварешка для супа', 'совок для насыпания зерна', 'ковш' и т.п. (СРНГ 14, 326), что очень существенно в связи с архаичным типом ложек из коры (см. о них Kostrzewski *Kult. Prapolska* 228 и др.); о прусск. *-karkis* см. Пр. яз. I, 227—228; III, 232—233, где и об отношении этого слова с кашуб. *korzkiew*, полаб. *Tyērtge* и под. (**t'örkǫ < *korkǫ*); проблема связи этих слов с латышским названием ложки *kaṣote, kaṣuōte, karaūte* и даже вост.-лтш. *karute*, а последнего с слав. **koryto* обнаруживает расхождение во взглядах (ср. Трубачев *Ремесл. терминолог.* 169; ЭССЯ 11, 1984, 124—125 и др.). В связи с латышским словом для ложки см. Bielenstein *Holz.*, 279;

ME 2, 166; ЕН 590-591 (где также лтш. *kaṣūte, kaṣūta*); *Ērg'. izl. vārđn.* 2, 58, 66 и др. — Прусск. *lapinis* и *lopto* в Эльбингском словаре, конечно, обычные предметы быта, выступающие не как самоцель, но как средство, орудие достижения других целей. Но наличие у этих предметов обрядовых функций в сочетании с и.-евр. древностью соответствующих обозначений практически гарантирует, что и обозначаемые этими прусскими словами предметы употреблялись в языческие времена в ритуалах, а позже, вероятно, еще долгое время хранили следы ритуализированного применения. Укорененность этих предметов в балтийской культурной традиции не вызывает сомнений. Сейчас то же можно сказать и об исконно балтийских языковых источниках соответствующих слов (что, конечно, не исключает возможности некоего персеверирующего влияния германских обозначений ложки типа *lap-/lep-*, ср. ср.-н.-нем. *lepel*, др.-англ. *larian* 'пить', 'хлебать', — независимо от и.-евр. источника этих слов). — В заключение нужно напомнить о еще одном слове этого круга реалий — прусск. *pettis*, обозначающем не только лопатку (плечевую, анат., ср. нем. *Schulterblatt*), но лопатку, совок для печи (нем. *Ofenschaufel*), см.; любопытно, что и в этом случае существенны семантические мотивы широкости, плоскости, открытости (ср. др.-греч. *πετάνωπι, πέταλος*, лат. *pateo* и т.п.). Эти закономерности отраженным образом влияют и на понимание конструкции ложки в других этнокультурных традициях, а также на семантическую структуру слов, обозначающих, в частности, и ложку. Так, напр., лит. *šdukštas* (от *šauti* 'совать', см. Sabaliauskas *Baltist.* 1, 1965, 83—84) обозначает не только ложку, но и кельму каменщика; основное же слово для кельмы — *mentė* — еще обозначает и лопатку (анатом.), лопасть и т.п. Поддерживая друг друга, оба эти случая показывают актуальность плоскостного аспекта для ложки.

Лит.: Nesselmann D.-Pr. *Vocab.* 1868, 498; Thes. 1873, 90; Fick *Vgl. Wb. idg. Spr.*, 1890, 751; Curtius *Grundz. griech. Etym.* 1879, 363; Pr. *Spr.* 1896, 303; Kluge *IF* 21, 1907, 361; EWD, s.v.; Trautmann *KZ* 43, 1909, 175; *APSpr.* 368; Bezenberger *KZ* 44, 1911, 293; Būga *RR* II, 85, 86, 93; III, 496, 896; *SPV* 202; Marstrander *NTS* 13, 1945, 350; Specht *Urspr.* 1947, 351; Pok. I, 651; Otrębski *Welt. Slav.* 10, 1965, 271-272; Sabaliauskas *LKK* 8, 1966, 90; Marchand *BL* 1970, 110; St. *OP* 5. 600; Falk *Zborn. Skok* 1985, 137—141. — *{*lapinis}*.

lapiwarta 'калитка', 'воротца'. Э 212 ('Phorte'). Nom. Pl. neut., в ряду Э 210: *Warto* ('Thöre'), Э 211: *Dauris* ('Großthor'), Э 213: *Lanxto* ('Fenster') и т.п. — *APSpr.* 368, несколько расширяя объяснение Thes. 1873, 90, определяет эту реалию — "Pforte" как "die neben dem Hofstor im Zaune befindliche kleine Pforte zum Gebrauch für die Fußgänger". Это сложное двучленное слово буквально значит 'лисьи воротца', т.е. проход для как бы незаметного, крадучись, проникновения на двор, за ограду (ср. *пройти лисой: Где я лисой пройду, там три года куры не несутся.* Даль⁴ 2,656 или лит. *Taip slaptai vogčiom kę padarys, kad nei ruda la pė nesulos.* *LKŽ* 7, 145). В первой

части слова — обозначение лисы, см. *lape*, во второй — слово, значащее 'воротца', здесь скорее дверца, см. *warto*, поясняемое как дверь, *Thore* ("Haustüre"), что делает вероятным обозначение этим словом (*lapiwarto*) даже особого входа в дом; к семантике ср. Liet. k. kilmė II, 1987, 33. Об *i* как соединительной гласной см. Eckert ZfSl. 19, 1974, 231. — Точное соответствие в топониме лит. *Lapvarčidī* (LATSŽ 153) и в гидрониме *Lāpavartė* (LUEV 87; LHEŽ 181: из *lāpės vartai*, ср. название луга *Lāpavartės*), в ряду других сложных "лисьих" названий типа лит. *Lāpkalnis*, *-ys*, *Lapkāsės*, *-iai*, *Lāplėgiai* и т.п.; лтш. *Lapsu-kalns*, *Lapsu-pļava*, *Laps-aste*, *Lapsiņ-ciems*, *Lapsu-lidums* и т.п. (LV I, 2, 262—264); куршск. *Lapsmesenn*, 1560 (ср. *lapsu mežs*, ср. Bielenstein Grenzen 217; согласно Блесе Congr. archaeol. 1930, 310, речь здесь идет о прусском названии; KF 117: прутенизация исконно латышского названия); мазурск. *Lisia Góra*, *Lisia Jama*, *Lisie Bagno*, *Lisi Rów* и т.п. (Słown. nazw. Mazur II, 464—465: индекс; ср. также Słown. geogr. PZP 1, 165—166 и др.). Семантически близко к *lapiwarto* русск. *лисий лаз* (ср. *Стереги лису на лазу*. Даль⁴ 2, 603, ср. лтш. *lapsu taka*), отчасти — *лисьи норы* в терминологическом употреблении (о неправильных ходах при рудничной разработки или о хищнической разработке рудоносного слоя, жилы, см. Даль⁴ 2, 656—657).

Лит.: Nesselmann AM 6, 1869, 321; Thes. 1873, 90; APSpr. 368; SPV 202; LEW 1204; Eckert ZfSl. 19, 1974, 231; St. OP 6. 976. — [*lapivartā].

[*lap- & *kaim-], ср. *Lapkaumen*, 1419; *Lapkeum*, 1476; позже — *Lapkeim* (APON 82). — Сложное название; к первому члену см. [*lap-], [*lap-ain-], [*lap-al- (?)], [*lap-ask- (?)], [*lap-in-], [*lap- & *garb-], [*lap- & *sal-av- (?)], *lape*; к второму члену см. [*kaim-], *caymis*. В целом — "Лисья деревня", ср. *Łapkiejmy*, *Lapkeim* (Słown. geogr. PZP 1, 172).

[*lap- & *sal-av- (?)], ср. *Lapsalov*, 1322 (SU 149); *Lapselaw*, 1322; *Lapslow*, 1322; *Lapselen*, 1344; позже — *Lapsau* (APON 83). — Пирсон Altpr. NK 630 объяснял из *lape* 'лиса' и *salovo 'остров'. Герулис, ссылаясь на варианты *Lapselen* и *Lapsau*, не согласен с Пирсоном, и единственным надежно распознаваемым элементом ему представляется суф. -av-. Впрочем, он высказывает предположение о возможной связи с формами типа лит. *Lapšidī* и суф. -el- (?). Конечно, на основании лит. *Lapšidī*, *Lapšius* можно думать о возможных прусских формах типа *Laps-el-, но такая реконструкция едва ли предпочтительнее того, что было предложено Пирсоном. Прежде всего формы, из которых исходит Герулис, относятся к более позднему времени, чем те, на основании которых восстанавливается [*lap- & *sal-av-]. Кроме того, формы *Lapselen* и *Lapsau* сами по себе взаимно противоречивы, и *Lapsau* вполне естественно объясняется из *Lapsalov*, *Lapselaw* через диссимиляцию второго *l*. Наконец, балтийской топонимии известны "лисьи" названия сложного типа, составленные из тех же элементов, ср. лтш. *Lapsusala* или *Lapsala* (из *Lapsas-sala), *Lapsalas* (по Эндзелину, из *Lapsu-alas или *Lapu-salas). LV I, 2, 263, 254; ср. также мазур.

Lisowy Ostrów, *Fuchsinsel* на старых прусских землях, на озере *Kalwa*, засвидетельствованном в документах с конца XIV в. (*Calben*, 1388, *Kawe*, ок. 1400, *Kalve*, ок. 1420, *Kalben*, 1595, *Hennenb.* II, 12 и др.). Słown. nazw. Mazur II, 334; *Lisi Ostrów* (*Wielki i Mały*). TPStar. 102 и др. Ср. *Būga RR I*, 168.

largasaytan 'стременной ремень' Э 446 ('Sticledd'). Nom. Sg. neut., в микрословарике предметов конской упряжи (Э 440 — Э 453), ср. ближайшее окружение — Э 445: *Bugo* ('Satilbom'), Э 447: *Lingo* ('Stegerefe'). — В оригинале *Largayaytan* исправлено на *Largasaytan*. Уже Нессельманом Thes. 1873, 90 предложена конъектура — *Lingasaytan, которая всеми была принята. — См. *lingasaitan.

[*las-], ср. *Lassa*, 1322, *Lasse*, ручей (SU 148/55 в Самбии). APON 83 (с Пирсоном AM 7, 1870, 599 к лит. *lašėti* 'капать'; против AM 7, 598; сюда же Герулис добавляет лтш. *lasmenis* 'полынья'). — Этот же корень представлен в ряде прусских топонимов, см. [*las-in-īt-], [*las-an-], [*las-un- (?)], [*las- & *lauk-], [*las- & *vajos]. — Название, о происхождении которого трудно строить надежные заключения из-за сложности, а в отдельных случаях и невозможности отделения соответствующих примеров от "лососевых" названий. Поэтому далее приводимые параллели должны приниматься с осторожностью и рассматриваться скорее как тот круг фактов, среди которых, несомненно, есть и подлинные, несомненно сюда относящиеся. Ср. лит. *Lašdī*, *Lašiniai*, *Lašiniadī*, *Lašinskiai*, *Lašūpis*, *Lašménpatūšis* (LATSŽ 153), но и — как возможный резерв (?), нуждающийся в истолковании — *Lasiadī*, *Lasiškė*, *Lasiškiai*, *Lasūniškės*, *Lasóngalis* (153); *Lāšūpis*, *Lašūpēlis*, *Lāšiūpis*; *Lašu ēžeras*; *Lašmuō*; *Lašindaubė*, *Laštakōs upēlis* (LUEV 87; Liet. hidr. 39, 127, 235, 246, 263; LHEŽ 182: связи с лит. *lašas*, *lašėti* допускаются, как, впрочем, и с лит. *lašis*, *lašis*); лтш. *Laša-mežs*, *Laš-upīte*, *Lašu-ēžers*; *Laš-mežs*, *Laš-upe*, *Laš-upes-upe*, *Lašupji*; *Lašēni*, *Lašēns* [?] (LV I, 266: к *lasis* 'лосось?'), но и *Lasene*, *Lasenes pl.*, *Lasenes-vals*, *Lasiņi*; *Lasites*; *Lasmaņi*, *Lasmiena pl.* и др. (I, 2, 265: к прусск. *Lassa*?); лтг. *Lasans*, *Laseja*; *Lōs'u / Lōsu az.*, *Losu ez.*, *Лось*, *Лоси* и др. [?] (PN. Latg. 263, 286—287); куршск. *Lasen*, ок. 1290; *Lassenbeke*, 1397, согласно KF 118, сюда не относятся. Польск. *Łasin* (нем. *Lassehne*), *Łasiński Las* (нем. *Lassehner Holz*) в кошал. уезде не вполне ясны (Słown. geogr. PZP 1, 172). — Некоторые из этих названий (лит. *Lašmuō*, лтш. *Lasmaņi*, *Lasmiena pl.*) находят продолжение в басс. Днепра, ср. *Лосменка*, *Лосменная*; *Лосьмена*, *Лосмина*, *Лосьмонька* и др. (ЛАВП 164, 194): лтш. *lasmenis*; окск. *Лосьменка*, *Лосьминка*, *Лосьмянка* (Гидр. басс. Оки 44, сложнее с *Лосминской* и *Лосмы*, 254, 257, находящимися гораздо далее на восток, в басс. Мокши). Также, вероятно, можно говорить о едином ареале (*Las-/-Laš- Лош-*) и подозревать балтизмы в днепр. *Лоша* (трижды), вар. *Лош*, ср. еще *Лошница* (ЛАВП 194), м.б., сюда же отчасти окск. *Лоша*, *Лошка*, *Лошня*, *Лошутка* (Гидр. басс. Оки 82, 96, 116, 199 и др.); ср. блр. *Лашы*, *Лоша* (Слоун. назв. Гродз. 137, 141), *Лóша*, *Лóшница*, *Лóшыца* (Слоун. назв. Минск. 157), *Лóша*, *Лóшаны*, *Лóшница* (Кратк. топон. слов. Белор. 210), *Лóшынкi*, болото

(Микратап. Белар. 142) и др., но и *Лош*, *Лошенка*, *Лошница*, *Лошівка* (СГУ 327). Возможно, следует обратить внимание на топографический термин *ласа*, *ласица*, обозначающий узкую полосу между рекой и лесом и под. и используемый в топонимии, ср. *Ласица*, *Ласицк* в Пинском р-не (Кратк. топон. слов. Белор. 196); *Ласа́* (: *ласа́*, "гладкая ціхая паласа на вадзе". Белар. геогр. назвы, 105: в Понеманье). В связи с последним апеллятивом ср. русск. диал. *ласа* 'светлая или гладкая полоса' (ср. *ласа* 'лужа'), *ласа́* 'гладкая поверхность воды, освещенная солнцем', 'гладь и тишь на воде', 'штиль на море', "род различных свойств пелены, бывающей на воде", *ласо*, *ласо́* и т.п. (СРНГ 16, 273; 17, 149, 154), ср. блр. *ласицы*, *ласица* 'узор на стекле от мороза' (Тур. слоун. 3, 1984, 13) и др. Почти все русские примеры относятся к Крайнему Северу. Тем не менее наличие белорусских слов, словен. диал. *lasa* 'небольшое пространство или место другого цвета, пятно' (Badjuga Ljud. geogr. 265) позволяют говорить в данном случае о праславянском раритете, см. ЭССЯ 14, 34, с никак не комментируемой отсылкой к SEW 1, 691; ЭСР 2, 460—461; LEW 341, признающим родство с лит. *lašas* 'капля' (это обстоятельство, в частности, и препятствует четкому отделению от "лососевых" названий). Скорее всего балто-слав. образование: слав. **lasa*, лит. *lašas*, лтш. *lasa*, *lase* и т.п., вероятно, не отделимые от корня слова, обозначающего лосося (слав. **lososъ*: лит. *lašiša* и т.п., по цветовому признаку). Это мнение могло бы быть подкреплено наличием соответствующих глаголов: ср. лит. *lašėti* 'капать' (но и *lašėti* 2 'блестеть', 'сверкать', 'лосниться' (ср. *lašinidī* 'сало'), представляющее особый интерес в связи с русск. диал. фактами), *lašinti*, *lašnoti*, *laščiōti* и т.п., лтш. *lašēt*, *lasēt*, *lasināt*, *lasuōt* 'капать', 'сочиться', но и 'сверкать' и т.п. при русск. диал. *ласать* 'слегка пачкать', 'марать что-либо', *ласать* 'марать ногами', 'класть ласы на платье', но и *ласеть* 'быть гладким, ровным (о поверхности моря в период штиля)', "о появлении гладкой поверхности воды местами среди мелкой зыби"; 'стихать' (о ветре), см. СРНГ 16, 273; 17, 149, 150. Сходство в существительных с *laš-/las-* в балт. и *las-* в слав., сходство в структуре соответствующих глаголов (*lašėti*, *lašēt/lasēt*: *ласеть* [ср. русск. диал. *лошать*, об изменениях рыбы/семги, лосося/ во время нереста, в частности, связанных с изменением окраски. СРНГ 17, 167]; *lašūoti*, *lasuōt*: *ласать*), сходство в семантической поляризации — 'пачкать', 'пятнать', но 'блестеть', 'сверкать' и т.п. — все это скрепляет оба этих параллельных ряда и позволяет говорить о едином их источнике, а также о значительной изолированности от других аналогий в и.-евр. языках. — Об иллир. *Lasinius* (CIL III 8856 + 9297, ср. мессапск. *lasinna(o)ri*. CIM 30 = PID 438, *lasođih* CIM 40 = PID 408 и т.п.). В связи с перечисленными балт. и слав. фактами сказать что-либо определенное трудно (см. Mayer Spr. alt. Illyr. 205).

lasallis, см. *palasallis*.

{**las-an-*}, ср. *Lassanos*, 1331; *Lasonos*, *Lasinus* (SU 184), в Самбии. APON 83. — Суф. *-an-*, к корню см. **las-*. Наиболее точной параллелью

могло бы оказаться лтг. *Lasans* (PN Latg. 263). — См. также {**las-in-īt-*}, {**las-un-(?)*}, {**las- & *lauk-*}, {**las- & *vajos*}.

*lasasso 'лосось'. Э 563 ('Lachs'). Nom. Sg. fem., в длинной череде рыбных названий. — В тексте — *lalasso*. Конъектура **lasasso* не вызывает сомнения уже со времени Нессельмана (см. Thes. 1873, 90) и поддерживается как данными других балт. и и.-евр. языков, так и — в том, что касается второго *l*, — формой *palasallis*, подтверждающей фрагмент *lasa-*; впрочем, это слово и во втором случае стало камнем преткновения: вместо **lasas-* по ассимиляции — диссимиляции одновременно возникли два ошибочных варианта — *lalas-* и *lasal-*. — Хотя Брюкнер SEJP 312 высказал предположение, что прусск. **lasasso* заимствовано, как и литовское название лосося из польского, и что балто-слав.-герм. картина в отношении лосося такова, что "kto od kogo pożyczał, niepewne" (а сама идея заимствования мотивируется более чем слабо: "u nazw rybich pożyczki dawne częste a niejasne"), можно с достаточной надежностью говорить об исконности этого прусского слова: было бы, по меньшей мере, странно, если бы древние обитатели единственного в этом ареале "лососевого" бассейна (а пруссы оказались на берегах Балтики раньше и вост. балтов и славян) не знали названия для этой рыбы, засвидетельствованного у всех живущих в этом ареале народов — германских, славянских, вост.-балтийских, прибалтийско-финских. Кроме несомненной общей предвзятости Брюкнера в связи с темой славянских заимствований в балтийских языках, было, видимо, еще одно конкретное обстоятельство, давшее этому исследователю основание думать о заимствовании. Форма **lasasso*, конечно, отклоняется от вост.-балт. форм типа лит. *lašiša*, *lašis*, лтш. *lasis* и исключительно близка к слав. **lososъ*; можно сказать, тождественна ему во всем кроме исхода основы и рода; однако и это расхождение не может считаться решающим ввиду таких форм, как русск. диал. *ласоска* 'форель' (при *ласоська* 'лосось') или *ласосок* 'лосось недомерок' и даже *ласос* в фразеологизме *дам ласоса!* 'ударю' (ср. то же: *солью леща*, *дам леща* и под.), см. Даль⁴ 2, 694; СРНГ 17, 154. На основании этих и подобных им форм вполне вероятны и слав. диалектизмы типа **lososa*, **lososъ* (вместе с тем ср. очень редкую литовскую форму *lašaša*, о которой см. ниже; самой этой формы, в частности, нет в LKŽ). — Ближайшие параллели к **lasasso* — в славянских и вост.-балтийских языках. Обращает на себя внимание ареальное распределение слав. фактов. Строго говоря, они известны только зап.- и вост.-слав. языкам, а в южно-слав. они могут появляться только как книжные слова (ср. с.-хорв. *lbsos*, словен. *lbsos*); эта изоглосса вполне отвечает области распространения *Salmo salar* — бассейнам рек, впадающих в Балтийское море (разумеется, этот вид лосося атлантического, ср. о нем Линдберг, Герд Слов. назв. рыб 1972, 104—106, известен и в бассейнах рек, впадающих в Северное море [но здесь он носит кельтское по происхождению название, ср. галло-лат. *esox*, ирл. *éo* (Gen. *iach*), ср.-кипр. *ehawc*,

др.-корн. *ehos*, ср.-брет. *eheuc*], и в реках Севера России, впадающих в Ледовитый океан). Среди слав. соответствий ср. др.-русс. *лосось* (в частности, и женск. р. — *двѣ лососи*), *лососка* и т.п. (Слов. р. яз. XI—XVII вв. 8, 286); русск. *лосось*, *лососок*, *лососёк*, *лососка*, *лососька* и формы, которые можно рассматривать или как "краткие" типа *лох*, об отощавшем во время нереста лососе, *лохак*, *лахак*, *лохвина*, *лошок*, *лошалая рыба* (ср. *лошалая семга*), см. Слов. назв. рыб 102—103; СРНГ 17, 159—160, 163, 167; Коломиец Происх. назв. рыб 1983, 104 сл. (см. Трубачев Этимол. 1978. 1980, 182—183: экспрессивное суффиксирование *-х/сь-* в кратких и усеченных словах, от *лосось*; здесь же полемика с Славским SEP V, 212 относительно возможности выведения русск. *лох* из и.-евр. **lak's-o-*), или как заимствования из финноязычных языков русского Севера, где в свою очередь соответствующие слова взяты из балт., см. далее (ЭСР 2, 524). Факты, относящиеся к другим вост.-слав. языкам, скудны — блр. *ласось*; укр. *лосось*, но и *лак* /л/ (Шарлемань, Татарко. Назви хреб. тварин 1927, 95; Слов. назв. рыб. 104); ср. у украинских лексикографов XVII в.: *salm[o]*, *лосос(с) риба*; *Лосось*. *Salmo. Salar* (Лекс. лат. Славинецкого. Лекс. слов.-лат. Слав.-Корецьк. 1973, 360, 364; ср. Непокупный *Baltist.* 11, 1975, 141). Из зап.-слав. соответствий ср. польск. *łosoś*, диал. *łosos*, *łosoś*, *łosos*, *laususz* и др. (Benecke Fisch. OWPpreuß. 1881, 157; Staff *Ryby Polski* 1950, 90; *Names of fishes* 1953, 37; Слов. назв. рыб 104); кашуб. *łosos*, *łosok* (*Słown. gwar. kasz.* 3, 26; ср. *łososi* Adj., в частности, в значении 'напоминающий цвет мяса лосося', ср. *łososiowa róża*, один из видов рожистой болезни /7, 158/, что имеет отношение к семантической мотивировке исходного названия лосося); словинц.-поморск. *łosos* (*łosovi*, *łososi*, *łososevi*, *łososi* — все Adj.; *łososana*, *łososazna*, *łososovina*), *łqsos* (Lorentz *Pom. Wb.* 1, 477; *Slovinz. Wb.* 1, 592), *łosós* (дер. Kluki на юго-зап. от Лэбского озера, см. *Sobierajski Sl. Occ.* 31, 1974, 160); полаб. **las* (*Las*; Pfeffing.), заимствовано из ср.-нем. *las* 'лосось' (*Sl. et. Drz.* 2, 314; *Olesch. Thes. Dr.-Polab.* 1, 1983, 493); в.-луж., н.-луж. *łosos*; чеш. *losos*, словц. *losos*, *lososz*; ср. венг. *lazac*, тогда как румынск. и албанск. знают книжное употребление слова для лосося, заимствованного из романского (франц.) источника. В более широком круге "лососевых" в связи с озерным лососем (*Salmo salar sebago*), с ручьевой форелью (*Salmo trutta fagio*) и т.п. также встречаются названия типа русск. *лосось*, *лосось-пеструшка*, *лох*, *лошок* и т.п. В связи с обозначениями форели важно подчеркнуть большую распространенность в разных языках мотива пестроты (ср. русск. *пеструшка*, *пестряк*, укр. *пеструха*, *пеструшка*, *пестрюга*, *пструг*, *струг*, *стрюга*, блр. *пстронга*, *строна*, польск. *pstrąg*, *pstruch*, чеш. *pstruh* и т.п.), который играет существенную роль при определении этимологии лосося и лососевых. — И для балтов и для славян лосось был очень важной рыбой, рыбой по преимуществу: он выделялся по своему внешнему виду (величина, окраска, способность ее изменять в зависимости от разных причин, розовый цвет лососины, общая завер-

шенность формы, которую даже в ихтиологических описаниях нередко определяют как красоту; ср. Берг Рыбы пресн. вод /лосось/; *Природа* 1955, 335 и др.), по особенностям своего поведения во время нереста, которое производит большое впечатление своей масовостью и энергией (как и самоотверженностью, сверхвыдержкой), по высоким, обычно расцениваемым как наивысшие вкусовым качествам и, следовательно, по промысловой ценности и т.п., что и определяло в целом символическую, знаковую отмеченность самого образа этой рыбы (из реофильных "проходных" рыб в Прибалтике к лососю в этом отношении приближался только угорь). Эта отмеченность проявляется в значительном количестве "лососевых" названий (включая и обозначения людей), в языковых особенностях слова для лосося (его "изобразительность", примеры табуирования и т.п.), в мифопоэтических образах лосося в фольклоре, в промысловой магии и особых ритуалах, связанных с ловлей этой рыбы (помимо нередких, но разрозненных указаний в литературе автор может сослаться на личные впечатления /Крюкай на Немане, лето 1956 г./ от некоторых из этих "лососевых" тем). Естественно, что преимущественными носителями этого "salmon-lore" выступают профессиональные рыбаки. Сыхта говорит об особых "praktykach magicznych" в связи с лососем, практикуемых на Хеле, северной оконечности песчаной косы, отделяющей Гданьский залив от моря и как бы симметричной по отношению к юго-западному выступу Самбии (т.е. речь идет о прусских в определенную эпоху землях). "Перед ловлей лосося члены отдельных рыболовецких артелей собираются у своего шкипера и устраивают пенье, пляски вокруг невода, *żebě są losose dobře lovílě*. Также песок, окрашенный кровью лосося и взятый рыбаками в море, гарантирует им *bělni poldv* (хороший улов)" / *Słown. gwar. kasz.* 3, 26). Там же сообщается о кашубском обычае деления лосося: "Ястарнский ксэндз раньше удерживал четверть, или т. наз. *mqdel*, костел же два *mqdle*", в чем можно видеть следы известных обрядов распределения добычи в архаичных традициях, напр., у североамериканских индейцев, для которых лосось символизирует не только изобилие, но и знание и вдохновение (кстати, у них же, как и у некоторых финно-угорских народов, существует представление, что во внутренностях лосося скрыт огонь). Поэтому нередко встречаются мифопоэтические герои, так или иначе соотносимые с лососем: эмблемой героя фенианского цикла ирландских легенд Фингэла был именно лосось. Наконец, тема самоотверженности и целеустремленности лососей во время нереста исследовалась Леви-Строссом в связи с индейскими мифами об освобождении лососей, которым препятствуют возведенные Койотом речные пороги. Сами же пороги возникли как акт наказания купавшимся в реке женщинам, которых Койот соблазнял лососем; отказ женщин вызвал со стороны Койота действие, направленное против лососей. В связи с тем, что лососи, преодолевающие речные пороги, часто получают ранения и их кровь

окрашивает воду, уместно напомнить об ирокезско-гуронском мифе о преследовании носителя злого начала Тавискарона его братом-близнецом: во время своего бегства в подземное царство Тавискарон затрудняет путь преследователю, воздвигая перед ним пороги и образуя быстрины; когда он был ранен, каждая капля его крови превращалась в камень (ср. лит. *lāšas* 'капля': *lašišà* 'лосось' в связи с красными пятнами на чешуе лосося). См. Barbeau Huron Myth. 1915; Золотарев Родов. строй 1964, 162; Lévi-Strauss Mythol. IV, 1971, 231 сл., 332 сл.; Мифы II, 393 и др. Разумеется, этот широкий фон "лососевой" мифологии в таком виде не засвидетельствован ни у балтов, ни у славян и, строго говоря, сюда не относится. Но он образует ту явленную почву, на которой выросли некоторые "ослабленные" или трансформированные, но в принципе сходные мотивы, связанные с лососем, у старого населения юго-вост. Прибалтики. Впрочем, многое еще сохранялось перед последней войной и позволяло судить о более архаичном состоянии. Прежде всего в этом отношении заслуживают внимания данные о ловле лосося рыбаками-"курсниками" Куршской косы, симметричной в отношении самбийского выступа, косе, отделяющей Гданьский залив, на которой также сохраняются следы "лососевых" ритуалов и магии (см. выше). См. Pietsch Fischerleben Kur. Nehr. 1982, 201—217, с множеством интересных деталей (ловля лосося рассматривается здесь как главная, основная рыбная ловля). Ср., напр., обычай перед ловлей лосося, согласно которому рыбаки рассказывают свои сны и часто точно предсказывают место и время ловли, число выловленных лососей и т.п. "Ein Traum ging immer in Erfüllung" (215), но не все рыбаки обладают даром видеть и толковать подобные сны. — Балт. соответствия прусск. *lasasso бесспорны и достаточно многочисленны, но в точности (кроме одного примера) они уступают славянским фактам. Ср. лит. *lašišà* (ср.: *Lašišà yr spindinčioms žvynoms*, о блестящей чешуе лосося), *lāšišas*, *lašišius*, *lāšis*, *lašis*, *lāšė*; *lašišaitė*, *lašišaitis* (*Salmo fario*, ср. *Margoji lašišaitė*). LKŽ 7, 166, 170; особо должна быть выделена уникальная форма *lašāša* (= *lašaša*). Lex. Lith. 56a (XVII в.), точно отвечающая и прусск. *lassaso и слав. *lososa/**lososъ*. Показательно, что эта форма засвидетельствована в Вост. Пруссии, рукопись хранилась в Исрутисе, как следует из заглавия словаря (...Nactenūs in Bibliothecā Dñi : Danielis Friederici Werner Secret : Insterb. reservatum... Theodorus Siegmann. Insteropol : Boruss : Anno Salutis nostrae 1718, die 17 Sbr.). Не менее интересно, что еще более точное соответствие обнаружено недавно в друскинском говоре — *lasasà*, *Salmo salar* (*lasasō's nē'rà kō'k'à valakō'jasi tās pas mūs lasasō'm vadzinam*). Drusk. žod. 185. Похоже, что два эти примера (ср. *Lašašà*, река в Приенайск. р-не, т.е. примерно в той же полосе) относятся к общему "узкому" диалектному ареалу, по крайней мере, в части своей совпадающей с ятвяжской территорией (см., м.б., *Ласосна* "на раце Ласасянка". Гродн. обл., на самом западе ее). В латышском ситуация несравненно однооб-

разнее, практически приходится считаться только с формой *lasis* 'лосось' (: лит. *lāšis*), ср. свидетельства, начиная с XVII в., — у Манцеля Phras. 1638, 286, у Лангия LVV 135 (*Lassis*, ein Lachs, piscis. Pl. : *Lasschi*, lächse), в первых естественно-научных трудах по фауне Латвии (Fischer Versuch 1778, 121) и т.д., а также в дайнах (*lai sapuva lieli laši zilās jūras dibinā*. BW 30834). ME 2, 423; EH 721; Laumane Zivju posauk. 1973, 8, 12, 18, 34, 35, 115—116. Корень *las-/laš-* представлен зато и в названиях лосося-тайменя (*Salmo trutta*) и озерной форели (*Salmo trutta morpha lacustris*), обильных вариантами, ср. *lasvarde*, *lašvarde*, *lašvardis*, *lašveris*, *lasveris*, представляющие собой переделку н.-нем. *lassfare*, *lassför* (Schwers Spr. Unt. 1936, 69; EH 1, 722), но и *lasene*, *lasenis*, *lašēis*, о форели, но и о таймене (к различению лосося и тайменя ср.: *lašus grūti izšķift nuð taīmiņiēm, rēti dabū, mašs tēus agri pavasari zvejuōj ar āķiēm* (Zivju posauk. 115, ср. *taims jeb lasvarde...*), *laša bēns*, *lašu māte*, *lašu māīte*, *lašu forele*, *laša forele* (показательно название *lašainā līdaka*, о темно-пестрой щуке, ср. лтш. *lāsains* 'пестрый', *lāsēt* 'пестрить'), см. ME 2, 423—424; EH 721—722; Zivju posauk. 25—28, 47, 49, 92—93, 118, 120, 122, 228. Некоторые из этих названий проникли в соседние языки и диалекты. В частности, лит. *lašvāras*, *lašvoras* *Salmo fario* (LKŽ 7, 171—172) считаются заимствованиями из латышского. Вместе с тем балтийское название лосося проникло в финноязычную среду в Прибалтике (в ряде случаев роль латышского в этом проникновении была ведущей), ср. финск., карел., вотск., вепсск. *lohi*, эст. *lõhi*, ливск. *laš*, Pl. *laššid* (ливское название взято непосредственно из латышск., см. Kettunen Liv. Wb. 1938, 185, ср. Mäntylä Orbis 19, 1970, 172, о названиях лосося балт. происхождения в финском в связи с идеей кельтского "водного" слова *loch*, ср. английскую гидронимию), см. Thomsen Berög. 1891, 194; Jacobsohn Arier u. Ugrofinn. 1922, 167; Benveniste Festschr. Hirt. 1932, II, 236; Kalima Itäm. 1936, 133; Toivonen Suom. Etym. II, 300; Хакулинен Разв. Ф. II, 41; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 122; LKK 8, 1966, 64, 68; Laumane Zivju posauk. 18, 115—116 и др.; сюда же лапл. *luossa* 'лосось' (см. Jacobsohn Arier u. Ugrofinn. 1922, 167); некоторые финноязычные балтизмы проникли, видимо, и в русский, см. выше о слове *лох* (Kalima Ostseefinn. Lehnwört. 1919, 155; ЭСР 2, 524; Лаучюте Слов. балтизм. 88), хотя есть и иное мнение о его происхождении. Впрочем, подобно бумерангу это *лох*, русский "финнизм" балтийского происхождения, вернулся в балт. языки, ср. лтш. *lohs* 'lašu tēviņš' (ср. выше о *lašu māte*, *lašu māīte*), см. Zivju posauk. 120. На Куршской Неринге отмечено *lašs* 'лосось' (Kurisches Wb. 1977, 47) в языке рыбаков, для которых ловля лососей была основным промыслом и промысловым обрядом с элементом магии. — Наряду с балт. и слав. этноязыковым элементом общее обозначение лосося сохранили и герм. языки. Выделенность в этом отношении именно этих трех групп бесспорна: только они среди всех других и.-евр. языков имеют (или сохраняют) общее название **lak's-* применительно к лосою; только они непосредственно примыкают

к Балтийскому морю (речь идет об и.-евр. народах); только они входят в сплошной "окобалтийский" ареал этих лососевых обозначений. Германские факты показательны как значительным единством формы названия лосося, так и наличием свидетельств о лососе с северной стороны Балтики и даже вне ее, в ареале, открытом Атлантике, но исторически связанном с Балтикой как центром. Ср. др.-исл. *lax* 'лосось', н.-исл., швед. *lax*, норв., датск. *laks* (> шетл. *laks*, ср. мэнск. *Laxe*, см. Marstrander NTS 6, 1932, 281); др.-англ. *leax*, др.-сакс., др.-в.-нем. *lahs*, сн.-н.-нем. *las* (ср. полаб. *las*). — Впрочем, есть и четвертый кандидат на присоединение к языкам "лососевого" ареала. Речь идет о тох. В *laks* 'рыба' (Nom. pl. *läkši*, ср. Adj. *laksaiñe*, *läksaiñe*). Родство этого слова с балт., слав. и герм. названиями лосося было установлено с конца 20-х годов и подтверждено не раз в 30-е годы, ср. Schrader-Nehring Reallex. idg. Alt. II, 1929, 2; Pokorny Ber. Forsch.-Inst. 3, 50—51; Kretschmer Glotta 24, 1935, 55; Benveniste Festschr. Hirt. II, 1936 (= Тох. яз. 1959, 103); Schwentner KZ 64, 1937, 94 и далее van Windekens Lex. étym. tokh. 1941, 55; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 43; LEW 341; ЭСР 2, 522; Krause Tochar. 1955 (= Тох. яз. 77); Порциг Член. и.-евр. 1964, 272; Pok. 1, 653 и т.п. В связи с тохарским словом возникает ряд проблем, действительно, важных, но из которых иногда готовы были делать слишком, пожалуй, далекоидущие проблемы. Один полюс — причисление тохарского к балто-слав.-герм. комплексу в Европе, в южной Прибалтике; значение 'рыба' у тох. В *laks* — результат забвения первоначальной отнесенности слова именно к лососю в условиях, когда тохары достигли исторической своей родины на вост. окраине и.-евр. ареала, где лосось был неизвестен (впрочем, высказывалось и другое мнение, что исходное значение и.-евр. **lak's-* 'рыба', которое было специализировано как 'лосось' у балтов, славян и германцев; едва ли можно признать это мнение достаточно серьезным, учитывая единичность тохарского примера среди других и.-евр. фактов и наличие старых надежных и.-евр. диалектных названий для рыбы как таковой). Другой полюс — данные тохарского языка в значительной степени теряют свою ценность для решения проблемы исходной тохарской территории, поскольку не только тохарский, но и индо-иранские языки, хотя бы отчасти, сохранили рефлекс и.-евр. **lak's-*, и тохарский пример не может в таком случае считаться исключением. В 70-е годы Виндекенс внес ряд существенных уточнений в трактовку тох. В *laks* (ZDMG 120, 1970, 305—307; Tokh. confg. 254—255) как по сравнению с общепринятыми мнениями, так и по сравнению со своими прежними взглядами. Прежде всего уточнения касаются того, что тох. В *laks* само представляет собой заимствование из тох. А (где оно, строго говоря, не засвидетельствовано), в котором предполагаемая форма восходит к и.-евр. **lok'so-s*, т.е. выступает как masc., реализующий тот же прототип, что и герм. *laxsaz (предполагавшееся и.-евр. **lk's-* дало бы тох. **läks-*), ср. также Krause NAWG 1961, № 4, 89. Постулирование для и.-евр.

названия лосося вокализма *o* также является новым. К значению и.-евр. слова для лосося (в связи с значением этого слова 'рыба' в тохарском) ср. в последнее время Lane I.-Eur. 1970, 82, ср. 86: об устно высказанных соображениях Каугилла. — Данные других и.-евр. языков в отношении слова для лосося или, точнее, слова, продолжающего ту лексему, которая в балт., слав. и герм. сохранилась со значением 'лосось', довольно скудны и, главное, далеки от надежности. Тиме Heim. idg. Gem. 1953, 554 сл., 575 сл. (ср. KZ 69, 1948—1951, 209 сл.) предложил связывать с и.-евр. диалектным словом для лосося др.-инд. *lākṣá* 'лак' (красный), 'сургуч', *rākṣá* (у лексикографов), пали *lākkhā* и т.п., которым в иранских языках соответствуют согд. *raxš (*ryš*), х.-сакс. *rraša*, цветное обозначение, перс. *raxš* (ср. арм. *erašx* 'желтый с красноватым отливом' /о масти/ — из иранск.), ср. иранск. Nom. рг., восходящие к **Raxša-* 'красноватый' и под.: ср.-перс. *Lḥšy*, парф. *Rḥš* (= *Raxš*, см. Gignoux Gloss. Inscr. Pehl. 27a, 62b), н.-перс. *Raxš*, конское имя, но и персепол. Nom. рг. *Lak-ša* ([-диалект?]), см. Mayrhofer Onom. Persep. 1973, 185 (8.897); Gershevitch Stud. class. Pagliaro II, 1969, 202 и др. "Лососевые" ассоциации предполагаются не только для др.-инд. *lākṣá*, но и для, как предполагают иногда, связанных с ним других слов — др.-инд. *lakṣa-* '100 000' (как основа значения — представление о массе идущих на нерест лососей) и *lakṣá-* 'ставка в игре' (первоначально — 'часть улова'), см. Thieme KZ 69, 210—211; Heim. idg. Gem. 575. Но это мнение большинством специалистов или отвергается или ставится под сомнение, см. Mayrhofer ZDMG 105, 1955, 175—183; KEWAi. 3, 83, 96—97; Pok. 1, 653; Rudnicki BPTJ 15, 1956, 134; Diebold Current prog. 1976, 343, 355, 373—375; Evolut. IE Salm. 1985; Абаев Ист.-этим. слов. 2, 32 и др. — Точно так же разделяются мнения относительно толкования слова осет. дигор. *læsaeg* 'лосось'. Сближение этого названия с балт., слав. и герм. фактами, сделанное еще Morgenstjerne NTS 7, 1934, 120 (ср. Kopov NTS 13, 1945, 214 и др.), было поддержано Бенвенистом Очерки осет. яз. 134, по мнению которого *læsaeg* точно продолжает старую форму **lasa-* из и.-евр. **lak'so-*. "Нет никаких оснований полагать, что осет. *læsaeg* происходит из другого языка или оно заимствовано. В последнем случае это заимствование, очевидно, произошло в ту отдаленную эпоху, когда *læsaeg* должно было перенять непосредственно свою индоевропейскую форму. Это наименование имело хождение в скифском мире с глубокой древности; оно сохранило в осетинском языке **l-* и расширило сферу употребления и.-евр. **lak'so-* за счет части иранских языков". Абаев Ист.-этим. слов. 2, 32; Скиф.-евр. изогл. 1965, 7—8, напротив, отказывается от возведения этого осетинского слова к иран. или и.-евр. прототипу и рассматривает его как одну из специфических скифо-европейских изоглосс, не поддержанную данными других иранских языков. Причем главным аргументом этой точки зрения является "неорганическое" *l-* в анлауте вместо ожидаемого *r-*, требуемого в силу иранского ротацизма (отчасти сходная проблема возник-

кает и в связи с др.-инд. *lākṣā*, которое Абаев вслед за Майрхофером связывает с др.-инд. *raj-* 'красный'). Исконно арийское название лосося, по Абаеву, звучало бы приблизительно **ræxsæg*. Тем не менее, и в отношении осетинского слова проблему нельзя считать окончательно решенной (ср. еще Bailey JRAS 1953, 95; Krogmann KZ 72, 1955, 1—29; 76, 1960, 161—178; Krause NAWG Phil.-hist. Kl. 1961, N 4, 83—98; Lane IEur. 82—83; Adams IF 90, 1985, 72—78 и др.). — Запутанность проблемы обозначения лосося или, точнее, сохранения его (пусть даже с переменной денотата) там, где лосося нет, помимо объективных сложностей связана с неполнотой информации об ихтиологической стороне вопроса среди лингвистов. Первым, кто преодолел этот недостаток был Кругман (KZ 72, 1—29; 76, 161—178), совершенно справедливо и убедительно указавший на то, что *Salmo salar* отнюдь не единственный вид лосося, и поэтому нет смысла связывать всю проблему лосося с балто-слав.-герм. фактами и тем более решать проблему прародины в зависимости от т. наз. "Lachs-Argument". Не менее (а похоже, более) вероятно, что и.-евр. название лосося сложилось далеко на юго-восток от Балтики, в бассейне Каспийского моря (Волга, Урал, прикаспийские реки Кавказа), и при этом на основе знакомства не с *Salmo salar*, а с *Salmo trutta caspius*, т. е. с тайменем. Если это так, то прав Диболд, который считает, что и.-евр. **lok'sos* (именно такую праформу восстанавливает он вместо **lak'sos*) первоначально относилось к тайменю и что именно отсюда предки балтов и славян перенесли это название на сев.-зап. и применили его к *Salmo salar*, обитавшему в басс. Балтийского моря. Естественно, что в этой перспективе тохарские факты (а связь тохар с пространством между южными отрогами Урала и Каспием бесспорна) получают иную пространственно-временную интерпретацию; то же в известной мере можно сказать и о спорных индоиранских словах, связываемых с лососем. Уже Бранденштейн Erste idg. Wander. 1936, 58 высказал соображение о том, что балто-слав.-герм. "лососевая" картина может быть результатом более позднего развития. С тех пор подобная тенденция, по существу, становится преобладающей. Помимо работ Кругмана и Диболда, упомянутых выше, см. Lane IEur. 1970, 82—84; Mallory JIESt 11, 1983, 272 (о рыбной фауне "курганной" культуры в связи с прото-индоевропейцами). В этой новой перспективе, вероятно, менее удивительным покажется арм. *losdi* (*losti*) 'таймень', 'лосось', рассматриваемое как сложение из **los-* (**lok's-*) и *di* 'тело' (см. Diebold 1976; 1985; Mann Argm. 1963, 3 и др.). Но круг параллелей растет, и тем же Диболдом предложено отнести сюда и латинское название гольца (*Nemachilus*), также принадлежащего к лососевым (как *Salvelinus*), **locca*, реконструируемое на основании франц. *loche*, итал. *locca*, *locchia* и под. Оценить полностью это пополнение пока трудно — тем более, что и лат. *salmo* 'лосось' (уже у Плиния Старшего и Авзония) остается недостаточно объясненным; теоретически можно было бы думать о заимствовании некоей "сатемной" формы, подвергшейся метатезе (**las-m-* :

*sal-m-); нельзя при этом сбрасывать со счета и ориентацию на глагол *salio* 'прыгать', 'скакать' — тем более, что в ряде языков название лосося мотивируется именно так (и даже 'летать'), поскольку этот вид движений особенно характерен для идущих на нерест лососей, и некоторые из объяснений и.-евр. слова для лосося предполагают обращение к указанным мотивам (ср. Paul Exeget. Awesta 1939, 40; из и.-евр. **lek-* 'прыгать', ср. лит. *lekiù* 'летать', др.-греч. *λακτί(ζω)* 'бить(ся)', 'топтать', 'лягать(ся)' и т. п., с *πρὸς κέντρα* 'лезть на рожон', с *πρὸς κῆρα* 'плыть против течения', *λάξ* и т. д.). Однако в данном случае эту этимологию нельзя признать наиболее удачной из предложенных. Несомненно, что самое простое и обоснованное предложение было выдвинуто еще Левенталем KZ 52, 1924—1925, 98; WS 10, 1927, 140. В его основе — цветовая мотивировка — по красновато-коричневым пятнам на туловище лосося, которые в большей или меньшей мере напоминают разбрызганные капли или даже полосы, создающие впечатление цветовой неоднородности, некоторой (хотя и смягченной, умеренной) пестроты. В связи с подобной мотивировкой названия лосося нередко приводят другие названия рыб, основанные на том же принципе; особенно популярен он как раз среди наименований лососевых (см. *{*las-}*), ср. Diebold Evolut. IE Salm., 31 и др. Нагляднее всего такая мотивировка представлена в балт. и слав. языках, ср. выше о лит. *lašas* 'капля', русск. *ла́са* 'пятно', 'полоса', *ла́сина*, *лоса́* и т. п. и соответствующих глаголах, обозначающих капанье, брызганье, пятнанье и т. п. В других языках семантические мотивировки обозначения лосося завуалированы или предполагают выход за пределы данного языка. Объяснение Тиме (см. ранее) также исходит из цветового принципа, но не предполагает обращения к самому способу распределения цвета. Кроме того, оно связано с некоторыми чисто формальными трудностями, помимо тех, о которых уже говорилось выше. Впрочем, к естественным трудностям нередко присоединяются излишние переусложнения со стороны самих исследователей (ср. реконструкцию таких форм, как и.-евр. **lak'a-k'i-* и, видимо, **lak'a-k'a-* для слав. **lososъ* и прусск. **lasasso*; и.-евр. **lak'i-k'ā* для лит. *lašišà*, см. Specht Urspr. 1947, 31, ср. 245; **lak'sok'-s* наряду с **lak'so-s*, см. Loewenthal WS 10, 1927, 140; ср. **lók'o-s*. Diebold Evolut. IEur. Salm. 1985, 11 и др.). — К прусск. **lasasso* ср. также балт. гидронимы и топонимы: одни из них ближайшим образом ориентированы на обозначение капли, пятна и т. п., см. *{*las-}*, другие — непосредственно на слово для лосося. Этот второй случай выступает как основной. Ср. лит. *Lašašà*, *Lašišà*, *Lašišinė*, *Lašišupis* (LUEV 87; Liet. hidr. 31, 158, 229; LHEŽ 181, 182); *Lašiškė*, *Lašiškiai* (LATSŽ 153); лтш. *Lasīši* и др. (LV 1, 2, 265, 266); Гимбутас упоминает *Lassassa* (так!), приток Свислочи, и *Лошшша*, название нескольких рек около Мещовска, к юго-зап. от Калуги (JSLP 6, 1963, 68), нам неизвестные (есть *Нижн.* и *Верхн. Лошшшка*, отмеченные Фасмером); во всяком случае их нет в Гидр. басс. Оки. Зато есть *Лососина*, *Лососна* в басс. Немана, *Ласасянка*

и т.п. (Кратк. гидр. слов. Белор. 209; Слоўн. назв. Гродз. 136 и др.); под известным подозрением могут находиться белостоцк. *Las'iški* (*Łosiszki*), иначе трактуемые Кондратюком (Elem. balt. 1985, 140; ср. БСл. Иссл. 1980, 1981, 189).

— Лит.: Thes. 1873, 90; Pr. Spr. s.v.; SEW 1, 734; Kretschmer Einleit. 1896, 108; Glotta 24, 1935, 55; APSpr. 368; BSW 150; Būga RR II, 169, 299; III, 925; WP II, 381; Loewenthal KZ 52, 1924—1925, 98; WS 10, 1927, 140; Benveniste Festschr. Hirt 2, 1936 (= Тох яз. 1959, 103); Очерки осет. яз. 1965, 134; Schwentner KZ 64, 1937, 94; ME 2, 423; SPV 202; EWD, s.v.; Specht Urspr. 1947, 31; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 43; LEW 341—342; Thieme KZ 69, 1951, 209—216; Heim. idg. Gem. 1953, 575; Mayrhofer Stud. zur. idg. Grundspr. 1952, 45—46; ZDMG 105, 1955, 175—183; KEWAi. 3, 96—97; Krause Tochar. 1955 (= Тох. яз. 77); NAWG 1961, N 4, 89; Hamp KZ 74, 1956, 128; Rudnicki BPTJ 15, 1956, 134; Krogmann KZ 72, 1955, 1—29; KZ 76, 1960, 170; SEJP 312; ЭСР 2, 522; Pok. 1, 653; Ср. грамм. герм. яз. I, 1962, 111; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 122; LKK 8, 1966, 21, 64; Порциг Член. и.-евр. 1964, 272; Абаев Ист.-этим. слов. 2, 32; Скиф.-евр. изогл. 1965, 7—8; Lane IEur. 1970, 82—84; Laumane Zivju posauk. 1973, 18, 45, 115—116; Непокупный Baltist. 11, 1975, 141; Etym. sl. č. 340; SEP 5, 212—213; Diebold Current progr. 1976, 343, 355, 373—375; Evolut. IEur. Salm. 1985, 11—12, 16, 19—20, 23, 30—32, 34, 49; van Windekens Tokh. confr. 1976, 254—255; ZDMG 120, 1970, 305—307; Трубачев Этимол. 1978. 1980, 182—183; ЭССЯ 15, s.v.; Altnord. EW 348—349; Коломиец Происх. назв. рыб 1983, 104—106, 138; St. OP 10.104; РКР II, 37, 285; Mallory JIESt. 11, 1983, 272; Adams IF 90, 1985, 72—78; Иванов, Гамкрелидзе ИИ II, 1984, 536—537; Birnbaum JIESt. 13, 1985, 253. — {*lasasā}.

{**las-in-*}, ср. *Lasnisz*, ручей, 1330; *Lasinet*, 1510 (APON 83). — К корню см. {**las-*}, суф. *-in-īt-*. Ср. лтш. *Lasīņi* и *Lasītes*, где при корне *Las-* порознь выступает каждый из этих суффиксов; лит. *Lašiniai*, *Lašiniai*, *Lašindaubė*. *Лошница* в басс. Днепра, если это балтизм (ЛИАВП 194), предполагает в качестве исходной формы **Laš-in-īt-ja*, где та же последовательность суффиксов, что и в *Lasnicz*, *Lasinet*. — См. еще {**las-an-*}, {**las-un-(?)*}, {**las- & *lauk-*}, {**las- & *vajos*}, {**las-in-īt-*}, см. {**las-in-*}.

lasinna 'положить' (Ig.). К III, 69, 34 (...bhe tans poglabūdins bhe lasinna rānkan nodins bhe ebsgnādins '...vnd leget die hende auff sie...'). 3. Sg. Praet.; — *lassinnuns*. К III, 65, 19 (...kirdijti dijgi stan skrijsin kawīdan Deiws noschan bausennien lassinnuns ast 'hört auch das Creutze so Gott anff [= auff] disen Stand gelet hat'). Nom. Sg. masc. Part. Praet. act. — Ср. у Вилента: bei rānkas sawa vschdedams ant βegnoja anus и соответственно ...kury Ponas Diewas ant tō Sthana vschdeieš esti, а также в латышском Катехизисе 1586 г.: vnd lücke tās rokas wuerβon themš vnde sweetye thōš и соответственно ...kattre dews tai loulibe vs litczis gir. Следовательно, каждая из письменных раннебалтийских традиций избрала свой способ перевода этого гла-

гола в соответствующих местах Катехизиса. — Написание *lassinnuns* должно быть исправлено на *lassinnuns*. — Относительно формы *lasinna* ван Вейк Apr. St. 1918, 147 предположил возможность ее интерпретации как Praes., хотя это и нарушило бы параллелизм с предшествующим *glabūdins* 'hertzete sie'. Эндзелин SPV 202 не исключает предположения ван Вейка. Прусск. *lasinna* представляет собой каузативный глагол на *-in-* с ударением на суффиксе (подобно *auginnons*, *mukinna* и т.п. и в отличие от подобных образований с накоренным ударением, как то *līgint*, *smūnint*, *erkīnina* и под.), см. Stang Vgl. Gr. 370; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 162, 188; St. OP 10.055; 342. — В связи с значением и употреблением этого слова нужно заметить, что в обоих известных контекстах оно в семиотически отмеченной ситуации, когда с его помощью описывается некое значимое ритуальное движение — жест, производимое сакрально отмеченным персонажем и обозначающее утверждение чего-то нового, символом которого и является соответствующее движение руки в отношении как бы посвящаемого в это новое состояние объекта. В этом смысле *lasinna* принадлежит к "тетическим" глаголам, и каузативная функция его подтверждает это, намечая и направление движения — от сакрального субъекта к подлежащему сакрализации объекту. Обращает на себя внимание параллелизм с такой же формой *saddinna* 'ставить', которые вместе с *stānintei* 'стоять-ставить' образуют фрагмент и.-евр. триады с глубокими космологическими и специально "антропологическими" ассоциациями (три основные позиции и три действия, их объясняющие): лежать-ложить (полагать), сидеть-садить (усаживать), стоять-ставить. Разумеется, однако, что в прусском эти глаголы употреблялись и сугубо "профанически", о чем свидетельствует и прусск. *loase* (: *lasinna*), не говоря о ряде других фактов и соображений. — См. *loase*, *palasinsnon*, *polasinsnan*, а также вероятные реконструкции — **las-in-t-* Infin., **les-*, некаузативная основа (т.е. **laz-* : **lez-*). — Вначале было распространено мнение, что прусск. *lasinna* (как и *loase* и другие слова этого корня) представляет собой заимствование из польского (или — осторожнее — "Umgebildung"), см. Brückner AfslPh. 20, 1898, 490; APSpr. 369; впрочем, это мнение высказывается иногда и сейчас: ср. Vaillant. Gramm. comp. III, 183; OP 188; Levin SEEV 1974, 102—103 (но лишь отчасти, без достаточной уверенности и только в отношении *loase*). При этом заимствованным или, по меньшей мере, индуцирующим словом признается польск. *łożyć*, *z-łożyć* (: *lassinnuns*' см. Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 41). В настоящее время можно с достаточной надежностью говорить об исконно прусском характере этого слова, хотя, конечно, там, где была ситуация прусско-польского двуязычия или близкая к ней, соотношение прусск. *lasinna* с польск. *łożyć* было не только возможным, но и правдоподобным. — Подступом к наиболее трезвому объяснению прусского слова были предложенные с конца 20-х — начала 30-х годов варианты связи *lasinna* с и.-евр. **lēg'h-/*lōg'h-* 'класть', собств. — 'ложить' (к "тетического" аспекту ср. *за-ложить*, *осново-по-ложный*

и т.п.), см. Scheftelowitz KZ 56, 1928—1929, 196; ME 2, 434, 465; SPV 202; Skardžius Šviet. darb. 7, 1928, 801; APhil. 3, 1932, 51; 5, 1935, 165; WP II, 425—426; ср. Fraenkel Balt. Spr. 1950, 77; LEW 349. Следует отметить, что указанная связь с этим и.-евр. корнем прослеживалась и иллюстрировалась прежде всего на примере отглагольных существительных, причем не прусских, а вост.-балтийских. Однако именно эти факты оказались своеобразным наведением мостов и к прусск. *lasinna* и к связанным с этим глаголом существительным. Общей частью и одновременно ядром всей совокупности вост.-балт. фактов, выводимых из и.-евр. **leg'h/log'h-*, были лит. *laža*, чаще *lāžos* Pl., *lāžas* 'барщина' (ср. *lāžininkas* 'крепостной', *lāžinis* 'барщинный', *lāžintis*, *lāžintis*, *lažytis* 'заключать пари', *lažybos* 'пари' [ср. *sąlažas*, *-aī* 'заклад', 'залог': *gėidžiante sąlažų*. Dukš. Post. 484, 39; *sąlažus igitumbite*. 484, 40], с чем можно сравнить, напр., русск. диал. *залог*, *залогга*, 'заклад', 'пари'; 'спор', *заложиться* 'побиться об заклад', с одной стороны, и *заложиться* 'попасть в кабалу' [*К миру приложишься — головою заложиться*], *заложить* 'закрыть на замок, на ключ', *заложать*, то же [ср. *крепость — крепостной*], с другой стороны; см. СРНГ 10, 213—217), но и слова, более очевидно связанные с идеей лежания, полегания и соотносимых с этим состоянием характеристик: лит. *ložė*, о полегших хлебах (ср.: *'vieta, kur išgulę javai; išgulę javai'*. LKŽ 7, 668), *ložėti* 'полегать' (о хлебах), *ložinti*; *luožas*, о полегшем хлебе (Байсогала), *pālažas* 'tai, kas išvirte, sugulę, suklotą' (Ag, bra, šiandiej prigriovėm rugių : va, tik guli, guli pėdų pālažas an dirvos), 'вытопанное плоское место на зерновом поле'; 'жертва' (LKŽ 9, 245; примеры из старых текстов см. Skardžius APhil. 5, 165 : *Palaβai Diewui malonus ira*. Mažvyd. 540, 7, ср. 540, 15; *kiek dienas bulawa darams palaβas*. Вольфенб. Пост. 55b, ср. 72; 74, 2; 100, 25; 147b; 158b; ср. также лит. *išlėžti* 'išgulti /nuvytus/'. LKŽ 7, 389), ср. *lažoti* 'полечь' (о хлебах). LKŽ 7, 217; — лтш. *laža* 'ложе', 'постель', 'нары', 'полати' и т.п. (но и в связи с мотивом полегания зерновых — *bandas lini lažā krīt*, BW 28306; *lažā mieži, lažā rudzi*. BW 28165, 2; *lažās krita ābuoliņš; rudzi nuo lietus sakritruši lažā* и т.п.), ср. *lažinēt* 'sich lagern' (также *lažeji, lažņa* и др.). ME 2, 433—434; ЕН 725 и др., но и *lēzns, lēzns, lēzens, lēzains* 'плоский', 'пологий' (: *по-ложить*), *lēzums, lēznums, lēzenums* (ME 2, 465; ЕН 739—740). Как видно из этих примеров, они достаточно едины семантически, но относятся к двум близким по форме, но все-таки разным и.-евр. корням — **leg'h-/*log'h-* и **leg'h-/*log'h-* (ср. еще лит. *palėgys* и, м.б., даже лит. *lėgti*, о котором см. Otrębski Език.-етногр. изследв. 1960, 71; ЭССЯ 14, 165). Поэтому возникает альтернатива (по меньшей мере) — или довериться семантическим данным и признать дублетность корней с палатальным и велярным (ср. уже Meillet MSL 9, 1896, 374), или пренебречь показаниями семантики и в каждом случае строго разделять рефлексы каждого из этих корней. — Наиболее существенный вклад в этимологию прусск. *lasinna* был сделан Шми-

дом IF 63, 1958, 220—227. Ему удалось привести важные аргументы в пользу исконного характера прусск. *lasinna* и связанного с ним *lasto* (древность словообразовательного типа *lasto* в прусском; хронологическая несовместимость этих прусских слов с реконструируемыми слав. формами-источниками заимствования; противоречие между прусск. **las-int* и слав. **lož-iti* в том отношении, что слав. глаголы на *-iti*, кроме одного исключения, дают всегда *-i-*) и на основании *lasto* (см.) доказать наличие в прусском рефлекса и.-евр. **leg'h-/*log'h-* (с палатальным!) в значении 'лежать', 'ложе', и, следовательно, признать *lasinna* каузативом от этого корня и отвести от этого слова подозрения в заимствовании из слав. Связанное с этими выводами признание сосуществования двух и.-евр. корней с палатальным и велярным и наличия их рефлексов в едином (по всей видимости) семантическом гнезде в балт. языках пока представляется наименьшей жертвой — тем более, что при ее принятии получают объяснение и некоторые другие факты, см. *loase*. В последнее время, однако, в связи с попыткой установить связь между прусск. *lasto* и тох. В *lesto* 'гнездо', 'убежище' ван Виндекенс LPosn. 25, 1982, 13—15 предложил в этом случае (и, следовательно, в случае *lasinna*, которое он не отделяет от *lasto*) исходить из и.-евр. **los-* (**les-*) 'слабый', 'вялый', ср. готск. *lasiws*, др.-исл. *lasinn*, тох. В *leswi* 'слабость' и т.д.; значение 'ложе', 'постель' и значение 'слабый', 'слабость' связывались бы друг с другом через мотив сна, ср. нем. *schlafen* 'спать' из *schlaff sein*. Эта точка зрения не может быть признана надежной — ее начало (связь *lasto* с тох. В *lesto*, которое естественнее объяснять в духе лит. *lzdas* 'гнездо') и конец (разрыв связи между прусскими фактами, с одной стороны, и вост.-балт. и слав., с другой) образуют слабые пункты доказательства. Но в широком плане, таящем в себе и не вполне ясные детали, прусск. *lasinna* должно предполагать сравнение не столько с продолжениями и.-евр. **lēg'h-* типа прусск. *līse*, лтш. *lēzns*, лит. *ložė*, др.-исл. *lāgr* 'низкий', сколько (и, м.б., только) с рефлексами и.-евр. **leg'h-/*log'h-* (ср.: "Ist **lēg'h-* eine Variante von **leg'h-* 'liegen'?"). Pok. 1, 660); лит. *lėgti, palėgys*; слав. **ležati* : **ložiti*, ср. **lėgati*. Iterat.; готск. *ligan*, др.-англ. *liegan*, др.-сакс. *liggan*, др.-фриз. *lidza*, др.-в.-нем. *ligen*, но и Caus. готск. *lagjan*, др.-в.-нем. *leg(g)en*, др.-сакс. *leggian*, др.-фриз. *ledza*, др.-англ. *lecgan*, др.-исл. *leggja* и т.п.; тох. А *lake*, В *leke* при тох. А *lāk-* 'лежать' (ср. В *lyšalyŋe* 'лежание'); хеттск. *lag-* 'наклонять', 'склонять' (ср. *lāki*. 3. Sg. Praes. act., но *lagāri*. Med. 'лежать'), *laknu-*, то же; др.-греч. *λέχεται* *κοιμάται*. Hesych., *λέξομαι, λέκτο, ἐλέξάτο* 'ложиться' (спать), *λέχος* 'ложе' и т.п., *λέκτρον*; алб. *lagje* 'квартила', 'часть города'; лат. *lectus* 'ложе', *lectica*; др.-ирл. *lige* 'постель', 'могила' (**leghiom*), кимр. *lle*, корн. *le* 'место'; кимр. *gwe-ly*, брет. *gwele*, корн. *gueli* 'постель'; кимр. *gwal* и т.п. — при галльск. *legasit* 'posuit', ср.-ирл. *laigit*, др.-ирл. **luigim*. Caus. (< **logheio*), ср. *fo-ālgim* (< **fo-ad-log-*), см. Pok. 1, 658—669. К этому же и.-евр. корню возводились такие субстратные слова, как румын. *a legăná* 'качать', 'убаюкивать', *a tologi*

'вытоптать поле', *a se tolāni* 'разлечься' (**to-legh/logh-*), см. Reichenkron Dak. 1966, 137, 164. — Прусская реконструкция гнезда слов, в которое входит *lasinna*, с акцентом на морфонологическом аспекте дана Мажюлисом PKP II, 202. — См. *polasinsan*.

— Лит.: Thes. 1873, 90; Meillet MSL 9, 1896, 374; Pr. Spr., s.v.; Brückner AfsIPh. 20, 1898, 490; APSr. 369; van Wijk Apr. St. 1918, 147; ME 2, 434, 465; SPV 202; Scheftelowitz KZ 56, 1928—1929, 196; WP II, 425—426; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 41; Schmid. IF 63, 1958, 220—227; LEW 349; Pok. 1, 659, 660; Топоров Этимол. 1963. 1964, 258; Pisani Studia class. Pagliaro 1, 1969, 164—166; Levin SEEV 1974, 102; OP 162, 188; St. OP 10.055, 342; van Windekens LPosn. 25, 1982, 13—15; PKP II, 202, 271, 321; ЭССЯ 14, 165. — {*lazina, *lazinā; *lazinuns}.

lassinnuns, см. *lasinna*.

-lasinsnan, см. *polasinsnan*, *lasinna*.

{**lask-un-*}, реконструируется на основе гидронима *Loskune*, о котором см. Rzetelska, Duma. Nazwy rzeczne Pomorza między Wisł. i Odr. s.v.; Labuda Konfer. Pomor. (1978) 1979, 24.

{**las-* & **lauk-*}, ср. *Lasselaucken*, 1381, в Самландии (APON 83). — Сложное название; в первой части — *Las-*, см. {**las-*}, {**las-in-*}, {**las-in-īt-*}, {**las-an-*}, {**las-un-*} и др.; во второй — название поля, см. *lauks*, {**lauk-*}. Сходные двучленные названия с первым членом *las-* известны в латышском (ср. *Laša-mežs*, *Laš-upe*, *Lašupji*. LV I, 2, 266) и литовском (ср. *Lašūpis*, *Lašupėlis* и др. LATSŽ 153; LHEŽ 182). В целом, видимо, обозначает увлажненное поле (мокрое), поле, покрытое лужами, мокрыми пятнами и т.п.

{**lasm-et-* ?}, см. *Lasmet fluvius* (Mon. Hist. Warm. I). Thes. 1873, 90. — Ср. лтш. *Lasmats-puors pl* (LV I, 2, 265). Дальнейшие связи определяются правильностью выбора из нескольких вариантов объяснения.

lastan, см. *lasto*.

lastin, см. *lasto*.

lasto 'ложе', 'кровать'; 'постель'. Э 209 ('Bette'), в ряду слов, обозначающих части дома, комнаты, ср. Э 206: *Lubbo* ('Bret'), Э 207: *Talus* ('Bōne'), Э 208: *Kamerco* ('Kamer') и т.п.; — Э 492 ('Bette'), в ряду слов, обозначающих постель, ее 'мягкие' ('стелимые') части, а не самое строение, как в предыдущем случае, ср.: Э 488: *Plauxdine* ('Vederbette'), Э 489: *Pobalso* ('Pfōl'), Э 490: *Balsinis* ('Kussen'), Э 491: *Ploaste* ('Lylach'), Э 493: *Loase* ('Decke'), Э 494: *Pasto* ('Wepe') и др. Nom. Sg. fem.: — *lastan*. K III, 51, 29 (Bītai kaden tu prei lastan ēises turei tou tien Siggnat... '...wenn du zu Bette gehest...'); — *lastin*. K III, 51, 10 (Angstainai Kaden tou is twaiāsmu Lastin etskīσαι turri tou tien Siggnat... '...auß dem Bette fehrest...'). Acc. Sg. — Представляется существенным установление двух денотатов этого слова — кровать, ложе сами по себе (без постельных принадлежностей) и постель как совокупность стелимого, постельных принадлежностей. В прошлом невыделение этого последнего денотата и соответствующего значения явилось причиной ряда не-

точностей. — Этимологическое исследование слова выдвинуло ряд объяснений, которые сейчас представляются целиком или в главном, или, наконец, в решающей точке ошибочными. К последним надо отнести в принципе разумную попытку связать *lasto* с и.-евр. корнем **legh-*, который, забегая вперед (см. Pok. 1, 658), первоначально имел точечно-аористическое значение ('ложить/ся'), а позже дуративное ('лежать'), и отражен в словах близкого значения — лат. *lectus* 'постель', 'ложе'; 'смертный одр', *lectica* 'носилки', ср.-ирл. *lecht* 'могила', др.-греч. Λέκτων, юго-зап. отрог Иды в Троаде, упоминаемый Гомером, Геродотом, Фукидидом и др. (название толкуется как 'ложе', поскольку именно здесь Зевс сочетался с Герой — εἰς εὐνήν φοιτῶντε. II. 14, 296; ср. также у Гомера сочетание λέχος καὶ εὐνή 'кровать и постель'; еще одна любопытная деталь в том же отрывке — летящий по воздуху Сон (Ἔρνος), оказавшись над Лектоном, опускается на ель [εἰς ἐλάτην ἀναβάς...], подобно звонкой, сладкоголосой птице [δρνιθὶ λιγυρῆ ἑναλίγκτος], II. 14, 287, 290; таким образом, ель на Лектоне, по сути дела, и сам Лектон выступают как своего рода гнездо — понятие, часто входящее в круг параллелей в связи с прусским *lasto*) и т.д., см. Stokes Urkelt 1894, 245; сопоставление ср.-ирл. *lecht* (из др.-кельт. *lektos) с прусск. *lasto* удерживается и в Vocab. V. Celt. (Ogam 14, 1962, 516—517); здесь же отмечается распространенность этого ирландского слова в топонимии, ср. *Lecht in Abaic*, *Lecht Caelchon* и т.п. Слабым местом всей конструкции является то, что прусск. *lasto* нельзя сколько-нибудь надежно вывести из и.-евр. **legh-*. — Другое объяснение предполагало, что *lasto* заимствовано из польск. *łóżko* 'кровать', 'постель', а это предположение требовало конъектуры — *lasco, поддержанной нередкой меной *s* и *t* в прусской графике, но объясняемой в данном случае исключительно "этимологическими" соображениями (Бернекер, см. Walde Lat. etym. Wb. 1906, 708). Гораздо естественнее и, главное, надежнее объяснять *lasto* принадлежностью к регулярному словообразовательному типу, достаточно широко распространенному в балт. и слав., ср. соотношение прусск. *dalptan* — лит. *dálba*, прусск. *anctan* — др.-в.-нем. *ancho*, прусск. *kanxta* — лтш. *kuošs*, лит. *brastà* — *bradà*, лтш. *brads* и т.п. (см. SPV 51; LKŽD 319—325 и др.); этот тип хорошо представлен и в балт. топонимии — лит. *Afsé* — *Aistà*, *Dusà* — *Dūstas* и др. (см. Lief. hidr. 97, 139—141 и др.); наконец, нужно помнить и о сосуществовании формантов *-t/-st-*: прусск. *lopto* — лтш. *lapsta*, прусск. *lanxto* — лит. *lángas* и т.п. В этом контексте прусск. *lasto* не только оказывается исконным балт. словообразовательным типом, но и словом, соотносимым с соответствующим глаголом *lasinna*, также исконным: 'ложе' — '(по)ложить'. Такая трактовка *lasto* в словообразовательном плане, практически общепринятая в настоящее время, намечалась уже в 20-е годы, см. Scheftelowitz KZ 56, 1929, 196; ср. позже Vaillant BSL 57, 1962, 53—54, который возводил *lasto* к балт. *laž-tā. — Третий вариант объяснения *lasto* был предложен Бугой RR I, 308: имея в виду это слово

и лит. *lāstai* 'Gänsest' (Вилкомирск.у., с NB : без следов носового!), он исходил из формы с суф. *-tā*: **lat-tā*, корень которой сопоставлял с ср.-в.-нем. *lade* 'Brett', 'Bohle'. Впрочем, как один из возможных способов понимания происхождения прусского слова его уже упоминал Траутман APSpr. 369; BGDS 32, 151. Это объяснение также не имело особого успеха и практически оставлено, хотя, не исключено, что сейчас оно могло бы быть несколько усилено за счет таких слав. фактов, как русск. диал. *лѣста* 'вставка в рукаве под мышкой', 'ластовица'; 'часть весла, погружаемая в воду'; 'верхняя часть прялки'; 'рукоять бадьи' и т.п.; ср. еще *ласт* 'материал (дранка, лучина, рейка), которым прошивают просмоленные и законопаченные пазы судна, лодки; 'небольшая деревянная лопаточка, которой берут тесто из квашни' и т.п.; *лостá* 'костная лопатка', *лост*, то же, что *ласт* в первом значении, *лѣстина* то же, *лѣсты* 'дощечки в ткацком стане' и т.п. (СРНГ 16, 279—280; 17, 154), ср. *лѣстья* и под. 'лоскутья' и т.п., *ластѣнья* 'мелкие щепки', 'осколки' (16, 280, 284). При сопоставлении этих примеров с русск. *лѣта* 'заплата', имеющим соответствия и в других слав. языках (см. ЭССЯ 14, 47—48) напрашивается реконструкция **lat-ta* (> **lasta*, ср. **lastь*, см. 14, 42). Но, даже если принять для слав. **lat-* некое приблизительное значение ('нечто плоское, использующееся для покрытия, латания' и т.п.), которое могло бы как-то объяснить и прусск. *lasto*, то остается решающим другое препятствие: слав. **lat-/*last-* связано с **latati*, тогда как прусск. *lasto* — с *lasinna*. — Собственно говоря, установление этой последней внутрипрусской связи и сыграло главную роль в объяснении слова (см. отчасти *lasinna*), как и в реабилитации его и соответствующего глагола от подозрений в заимствовании. Шмид 63, 1958, 220—227 показал, что *lasto* не может быть результатом преобразования предполагаемого польского источника (то же относится и к *lasinna*), поскольку в хронологическом отрезке, когда такое заимствование могло иметь место, этот тип деривации уже был невозможен. Конструктивная часть объяснения прусск. *lasto* сводится к его связи с и.-евр. корнем **leg'h-* 'лежать', '(по)ложить' (с палатальным). Отношение *lasto* и лит. *lažà*, лтш. *laža* или тох. A *lake* таково же, как и отношение прусск. *dalptan* к лит. *dálba*; впрочем, прусский знает и образования, подобные лит. *lažà*, *ložė* и образованные от этого же корня, см. *loase*. Но, разумеется, остается сложность в соотнесении и.-евр. **leg'h-* и **legh-*, соответственно — **log'h-* и **logh-*. Сама же реконструкция **laz-tā* (> *lasto*) : **laz-in-* (*lasinna*) выглядит бесспорной, см. РКР II, 202, хотя круг параллелей к *lasto* в других языках может пополняться, причем иногда наиболее интересные из них вызывают особые сомнения. Само сгущение неясностей может быть сигналом того, что "частные" ключи к решению проблемы не найдены. Из числа таких не до конца ясных, но заманчивых параллелей к прусск. *lasto* можно привести праслав. **lěstva* 'лестница' (с.-хорв. *lěstve*, словен. *lěstva*, *lestve*), **lěstnica* и т.п. (см. ЭССЯ 14, 246—249), предполагающие **lěz-t-* < и.-евр.

*leg'h-t- (т.е. примерно ту же форму, которая реконструируется в качестве источника *lasto*; различия касаются в основном вокализма) и соотношение **lěz-ti* : **lěz-tva* и под. Но ЭССЯ 14, 247 напоминает, что ряд слав. названий лестницы восходит к **lěsa*, **lěska*, что отменяет реконструкцию **lěz-* и связь с соответствующим глаголом и отсылает к теме плетения (**lěsa* 'плетенка' и т.п.) и далее "плетеных" по своей конструкции предметов — боковых решеток воза, решетки в яслях, плетня и т.п. Но в архаических типах ложа-кровати несущая часть, по существу, тоже оказывается "решеткой", и в этом отношении и прусск. *lasto* и русск. *ласт* как дранка, лучина, рейка, прошивающие пазы, также могли бы претендовать на включение в этот круг. Даже праслав. **lěsta*, представленное единственным примером (русск. диал. *лѣсточка*, см. ЭССЯ 14, 246) и остающееся не до конца ясным, при некоторых вариантах объяснения могло бы быть связано с продолжениями **lastь* как обозначением полосы земли (СРНГ 16, 279). Но лит. *laštà* 'гнездо', 'клетка', 'лазейка', 'коробка' и т.п. (LKŽ 7, 163), сравниваемое несколько безоглядно с прусск. *lasto* (Posch WS 16, 1934, 4: к типологии совмещения значений 'кровать' и 'ложе диких зверей'), все-таки отсылает к идее "лазания" и этимологически (ср. лит. *lįsti*, *landyti* и т.п., лтш. *list* и др.), и фразеологически, в отмеченных текстовых ситуациях (ср. *Višta įlindo į lāstą*. LKŽ 7, 163); ср. к тому же приводимую Бугой форму без носового гласного *lāstai*. В этой же связи следует напомнить о гипотезе ван Виндекенса (LPosp. 25, 1982, 13—15). Согласно ей, тот же корень и тот же словообразовательный тип, что в прусск. *lasto*, представлен в тох. В *lesto* 'гнездо' (: лит. *lāstai*), 'убежище'. Анализ тохарского слова, по мнению исследователя, не только по-новому объясняет это слово, но и позволяет пересмотреть устоявшуюся точку зрения о связи *lasto* с и.-евр. **leg'h-/*log'h-*. Поскольку *e* в тох. В *lesto* (ср. *lestai*. Acc. Sg.) отражает в этом случае и.-евр. **o* (**ē* исключено), для *lesto* реконструируется источник в виде **los-*. При предположении связи тох. В *lesto* с тох. В *leki*, *leke* 'ложе', 'постель' (: *lyäk-*), тох. A *lake*, слово *lesto* могло бы восходить к **leksto* < **loksto*, которое в свою очередь допускало бы восстановление источника двучленного сложного слова **logh-st(h)o/ā* 'место' (букв. — 'лежать-стоять'). Но, придя к выводу об отсутствии связи между *lesto* и *lake*, *leki*, *lyäk*), ван Виндекенс тем самым снимает вопрос о том, что указанное сложное слово могло быть исходным как для тох. В *lesto*, так и для прусск. *lasto*. Поскольку *s* в *lesto* может восходить только к *s*, в качестве исходного элемента восстанавливается и.-евр. **los-*, которое присутствует и в тохарском и в прусском словах, восходящих к **los-to/ā* (по типу др.-греч. φόρτος : φέρω, νόστος : νέομαι и т.п.). Корень же **les-/*los-* обозначает слабость, расслабленность, ср. готск. *lasiws*, др.-исл. *lasinn*, ср.-в.-нем. *er-leswen*, тох. В *leswi* 'слабость' (Nom. Pl.) < **leswe* < и.-евр. **los-uo-*; герм. **laswa-*. Ссылаясь на семантическую связь мотивов слабости и сна (ср. нем. *schlaf* — *schlafen*, *Schlaf*), ван Виндекенс выстраивает

цепь: "слабый" > "сонный" > "кровать", допуская, что глагол *les- в прусском и тохарском мог употребляться и в значении 'спать'. В целом этой гипотезе можно поставить в упрек некоторую абстрактность и недостаточную трезвость: ценные данные внешнего сравнения в данном случае не столько помогают выяснению происхождения прусского слова, сколько затемняют его. Но, несомненно, что тох. В *lesto*, несмотря на категоричность исследователя в определении его происхождения, теперь должно быть привлечено при анализе прусск. *lasto*. Возможно, что это еще одно характерное балто-тохарское совпадение. В связи же с мотивировкой названия кровати через понятие сна можно напомнить об интересном хеттском обозначении кровати — *šašta-* 'кровать', 'ложе животного' (идеограмма ^{GIS} NÁ-ant-) при глаголе *šaš-/šeš-* 'спать', ср. *šešk-*, *šašant-* 'спящий' и т.п. (HWb. 188; Laroche BSL 57, 1962, 31), а также лувийск. *šašša(i)-* 'coucher', 'reposer' (Dict. louv. 87), др.-инд. *sas-* 'спать' (*sásti*), *sasá-* 'спящий', авест. *hahmī* 'schlafe' (? — ср. Y 34, 5, см. Humbach Gathas II, 1959, 44), ср. также ИИ I, 66, 96, 248 и др. Помимо семантической мотивировки заслуживают внимания наличие суфф. *-ta-* (и.-евр. **-to-/*tā*), и, видимо, удивительная внешняя близость с прусск. *sosto* 'скамья', 'лавка', лит. *sostas*, *sosta*, *sostė*, *sostinė* и под. с кругом значений 'сиденье', 'стул', 'трон', 'резиденция', 'столица' и т.п. — к и.-евр. **sēd-*/**sōd-* 'сидеть'. — См. *lasinna*, *loase* и др.

— Лит.: Thes. 1873, 91; Stokes Urkelt. 1894, 245; Pr. Spr., s.v.; Walde Lat. etym. Wb. 1906, 708; APSpr. 369; Scheftelowitz KZ 56, 1929, 196; Būga RR I, 308; SPV 202; Posch WS 16, 1934, 4; Schmid IF 63, 1958, 220—227; Vaillant BSL 57, 1961, 54; Vocab. V. Celt (Ogam 14, 1962, 517); OP 58, 128, 129, 215; St. OP 10.055; PKP II, 202, 287; van Windenkens LPosn. 25, 1982, 13—15. — {*lastā; *lastan, *lastin}.

{*las-un-(?)}, ср. *Lasun*, 1507; *Lasawnen*, 1508, позже — *Leysuhnen* (APON 83). — На основании последнего названия Герулис восстанавливает *Lais-un, с тем же корнем, что и в *Laysen*, *Laysyen*, *Layson*, *Layszenick* и т.п., см. {**lais-*} и др. Впрочем, нет, кажется, серьезных оснований выбирать из возможных объяснений именно это. Восстанавливаемая здесь форма **las-un-* отвечает, в частности, лтш. Nom. рг. *Daratte Lasune* (LPV 294), отчасти ст.-лит. *Łoβulis* (*Lašulis*). Liet. antrop. 164; блр. *Ласун* (Белар. антрап. 2, 247), ст.-польск. *Łasun*, 1439 (Słown. starop. nazw. III, z. 2, 313), русск. *Ласунский* и т.п.), которые ареально продолжая балт. названия, по существу, видимо, должны объясняться иначе (ср. польск. *łasun*, *łasun*, блр., укр. *ласун*, русск. *ласун*, см. ЭССЯ 14, 46), если только прусск. **las-un-* само не связано родственно со славянскими словами (как лит. *lokšnūs* < *lašknus и слав. *laskati) или не заимствовано из слав., наподобие лит. *lasūs* — из польск. *łasy*.

{**las-* & *vajos}, ср. *Laswagie*, луг. 1312 (APON 83). — Сложное двучленное название; к его первой части *Las-* см. {**las-*} и друг., включая и сложные названия типа *Lasselaucken*, см. {**las-* & **lauk-*};

к второй части см. *wayos* 'луг'. В целом что-то вроде — 'мокрый луг', 'луг, покрытый лужами' и т.п.

{**lat-*}, см. {**lat-ein-*}.

lattako 'подкова'. Э 543 ('Hufysen'). Nom. Sg. fem., в характерном ряду, связанном с конской темой, ср. Э 542: *Panto* ('Vesser'), Э 544: *Sagis* ('Hufnagil'), Э 545: *Lisytyos* ('Notstal'). — Уже на начальном этапе исследований в области прусской этимологии исходили из трактовки этого слова как сложного — *lad-takā (см. Pierson AM 7, 1870, 583; Bezzenberger—Fick GGA 1874, 1244; APSpr. 369 и др.; правда, Thes. 1873, 91 избегает обсуждения этимологии этого слова). Кажется, единственное исключение — Mikkola AfsIPh. 39, 1925, 40, который предлагал конъектуру *lactako (вм. *lattako*), ссылаясь на частую мену *t* и *c*, выделяя уменьшит. суфф. *-ako* и сопоставляя корень слова с лтш. *lakta* 'наковальня'. Согласно общепринятому мнению, первый член слова отсылает к прусск. *ladis* 'лед' и его вост.-балт. и слав. параллелям (см. Пр. яз. IV, 410—415), а второй член — *tackelis* 'шлифовальный камень' (кстати, слово находится неподалеку от *lattako* — Э 530), ср. лит. *tekėlas*, лтш. *tecelis*, *tecele* (: *tecēt*, ср. слав. *točiti и т.п.). В целом — общая структура слова и отчасти семантика — сопоставляют с литовским названием подковы *ledžygà* (ср. Arkiui lėdžygas pamušti), *ledzyga*, *ledžygas*, *ledžygis*, *lėdžega*, *ledžegà*, *ledžegė* и т.п. и *ledžingà*, *lėdžinga*, *ledžingas*, *lėdžingė*, *ledžinga*, *ledžinga*, *ledženga* и т.п. (LKŽ 7, 229), где во втором члене обозначение шага, шаганья (ср. лит. *žygis*, *žefgti*) и, следовательно, исходят из приблизительного значения 'ледовый шаг', 'шаг по льду' (ср. русск. *ледоход*, диал. *ледоходы*. СРНГ 16, 323 и др.) и предполагают, что подкова как раз и была приспособлением, делающим возможным передвижение лошади по льду. Но структурно более точным соответствием нужно считать лит. *lėdtakas*, *lėdtakis*, *lėdtėkas* 'ледяная сосулька', 'висюлька' (Ir kada pašala, tai ledtakiai randas kaip laibgaliai lazdu. Bibl. Sir. 43, 21. LKŽ 7, 227), ср. еще *letėkas*, *letėkis* (7, 383) из **led-tek-*; *lė(d)takis* (см. LEW 350), а также *lekėtas* 'сосулька' и т.д. (7, 300) из **led-tek-* > *lek-et-*. Столь же точное соответствие отмечается и в латышском, ср. *lėdteka* 'ледяная сосулька', *lėdsteka* (ME 2, 445). — Из этого сопоставления прусск. *lattako* с, казалось бы, наиболее точными и, не менее важное, естественно выстраиваемыми параллелями можно извлечь ряд уроков, которые весьма сильностораживают в отношении общепринятой этимологии. Первым из такихстораживающих фактов следует считать резкий, едва ли соединимый разрыв в значениях ('подкова' vice versa 'сосулька', — почти *лед* и *пламень*, по слову поэта) при совершенно одинаковом составе сравниваемых слов прусск. **lad-tak-* (из **led-tak-*) — вост.-балт. *led-tak-* (*tek-*). Разумеется, такая разница денотатов при едином десигнате и сигнификате в целом возможна, но в принципе обременительна для языка (см. несколько ниже), который обычно стремится избавиться от таких ситуаций. Во вся-

ком случае впечатление странности от этого ближайшего соседства и различия остается. Оно становится, пожалуй, еще большим при внимательном анализе пары переводящего (прусс.) и переводимого (немецк.) — *lattako* : *Hufysen*. Возникает подозрение, не понял ли прусский информант, как бы отвлекшись на минуту от всего ряда семантически связанных слов (примеры тому известны и в других случаях), нем. *Hufysen* ('копытное железо', 'подкова') как 'скопление льда', 'скупенный лед' (м.б., 'уплотненный', получивший особую форму лед), которое в ср.-в.-нем. также обозначалось бы как *hūf-ys-* (ср. *ladis*. Э 56: 'Is', ср.-в.-нем. *īs*), т.е. *Hauf- & eis*'куча' & 'лед', что могло бы объясняться квази-омонимичностью нем. *Eisen* и *Eis*, *Huf* (ср.-в.-нем. *huof*) и *Haufe(n)* (ср.-в.-нем. *hūfe*). Если это предположение верно, то прусск. *lattako* оказалось бы не переводом нем. *Hufeisen* (несмотря на наличие элемента со значением 'лед' в литовском "поэтическом" обозначении подковы *ledžygà* наряду с обычным *pasagà*), а таким фантомным, обязанным ошибке информанта переводом немецкого слова, которое выявило другое прусское слово, не предусмотренное списком, но, очевидно, вполне реально существовавшее в прусском и поддерживаемое вост.-балт. и слав. параллелями (в первую очередь). Можно предполагать, что это нововыявленное слово полнее всего определяется через соотнесение с такими словами, как лит. *latākas* (и *latekas*), которое помимо таких значений, как 'желоб', 'водосток', 'ров', 'канавка' (ср. Ширвид Dict. 3, 392; 3, 393 и др.); 'лужа', 'болото' и т.п., имеет и значение 'ледяная сосулька' (см. выше *lėdtakas*, то же и др.), ср.: *Pastogėj ledo lataikai žiba* (LKŽ 7, 172), *letėkas, letėkis, lėteka, letekà*, (7, 383, ср.; *Kokie tenai ilgi letėkai sušalę — siekia beveik žemę*); лтш. *latėka* (*visu dienu skrēja nuo jumtiem latėkas*), *lataka, lataga, letėka* (ME 2, 424, 425, 454; EH 722, 735), но и *lastagas, lāstakas, lastėgas, lāstėkas* (ME 2, 424; EH 721) и даже *lėdtėka* (*paspārnēs gažās lėdtėkas krikst vien par viņa galvu*. 2, 445, ср. и *lėdstėka*, то же), которое, как и лит. *lėdtakis, lėdtakas, ledtakēs* (LKŽ 7, 227), максимально выявляет семантическую мотивировку слова для сосульки — 'лед' × 'течь'. Собственно, этот же семантический комплекс в связи с тем же (только очень большим) денотатом реализуется в известном стихотворении Баратынского: *Так ярый ток, оледенев, / Над бездною висит, / Утратив прежний грозный рев, / Храня движенья вид* ("Надпись", 1825): *ток & оледенев* ⊃ *ледяной ток, ток льда, *ледоток* (подобно другим *composita*'м с первым членом *лед-*: *ледоход, ледостав, ледополье* и т.п.). Формы типа лит. *ledtėkas*, лтш. *lėd(s)tėka* иногда считают типичными примерами народной этимологии, "ибо из значения 'сосулька' едва ли можно вывести остальные значения балтийского слова, а из значения 'водосток' значение 'сосулька' выводится естественно (по месту образования)" (Откупщиков БСл. Иссл. 1984. 1986, 101). Если это так, то эти "ледяные" *composita* вторичны, хотя они и верно отражают общую тенденцию (ср. нередкое добавление слова "лед" к лит. *latākas* для обозначения сосульки —

ledo latākas и под.). Что же касается лит. *latākas*, лтш. *lataka* (*latėka* и т.п.), точно отвечающих прусскому слову, то они в свою очередь, несомненно, связаны с слав. *lotokъ (< и.-евр. *lotok-os), засвидетельствованном в языках, примыкающих непосредственно (по крайней мере, в своей истории) к балт. ареалу, ср. польск. *lotok*, блр. *латок* (характерен Ген. *латакá!*), укр. *лотік* (Pl. *лотіки*), русск. *лоток* (Ген. *лоткá*, Pl. *лоткі*). Но объяснения отношения между этими балт. и слав. формами предлагаются разные, хотя подавляющее большинство исследователей считают балт. слова заимствованными из слав., ср. Brückner Fremd. Wört. 1877, 102 (ср. AfsIPh. 20, 1898, s.v.); Verneker SEW 1, 735; Otrębski Narz. Twer. III, 1932, 30; Skardžius LKŽD 118; LEW 34; ср. ЭСР 2, 523 и др.; ЭССЯ 15, s.v. Однако уже Буга RR I, 457 показал, что нет оснований считать лит. *latākas* славянским заимствованием. В пользу своего мнения он указывал на отношения аблаута (*latākas* : *letėkas > *lekėtas*) и на то, что из балт. языков это слово было заимствовано в финск., ср. *lotakko, lätakkö* 'лужа', 'лужица', восходящие именно к балт. *lotākos и *letėkos. Откупщиков добавил ряд новых аргументов (мену *-e-* : *-a-* в суф., подобно лит. *vālketa* : *vālkata*; хронологические соображения, словообразовательную изолированность слав. слова в отличие от значительного количества словообразовательных типов в балт.). Одним из наиболее существенных нужно считать тот, что исходит из "ареальной" логики: слово засвидетельствовано в обоих балт. языках (сейчас можно, видимо, думать, что в трех, включая прусский), т.е. во всем балт. ареале, тогда как в слав. ареале только в тех его частях, которые примыкают к балт. ареалу. А это распределение типично не для балтийских славизмов, но, напротив, для славянских балтизмов. При таком предположении получили бы объяснение как унифицированность слова во всех знающих его слав. языках (ср., однако, *лотоко* 'корыто' /?/ СРНГ 17, 157), так и единый семантический принцип, лежащий в основе самых разных значений слова (СРНГ 17, 156—157 выделяет 25 значений, скорее разных денотатов), — выгнутая конструкция типа желобка, корыта и т.п.; характерно, что лишь в одном случае из 25 словом *лоток* обозначается природный физиографический объект — небольшой овраг с пологими склонами, ложбинка (ср., однако, *латакі* в фразе *Между оврагов латаки*. СРНГ 16, 286, при *латак* 'бревно с неглубоким желобом, выдолбленным по всей длине', ср. *латак на крыше* с примерами из русских говоров Латвии, но и *латочіна* 'долинка', 'овраг', м.б., морд. *latka* 'овраг', если оно из русского), тогда как в балт. языках соответствующие слова обозначают и поток, струю, лужу, топкое болото, болотистый лесок, полоску земли и т.п. (см. Невская Балт. геогр. термин. 1977, 47), не говоря уж о широком использовании элемента *lat-*, *latak-* в топо- и гидронимии, см. {**lat-*}, {**lat-ein-*}. Отсутствие перечисленных значений, относящихся к природным объектам, в слав. языках в этом контексте нужно признать очень показательным. Также нет в слав. *lotokъ

и значения 'сосулька' (в то же время нужно отметить, что Откупщиков ошибается, считая, что в балт. языках, в отличие от слав., не представлено значение 'корыто' в словах этого корня; ср. лит. диал. *lātakas* 'gelda ar lovys daržovėms smulkinti'. Laz. targm. žod. 140). Наконец, возможные параллели из других и.-евр. языков, как, напр., лат. *latex* 'жидкость' (если оно не заимствовано из др.-греч. *λάταξ*, ср. по этому поводу Chantraine Dict. etym. 3, 622), ср.-ирл. *laith* 'пиво', 'жидкость'; 'болото', ср. галльск. *Are-late*, город "восточнее болота"; корн. *lad*, др.-кимр. *llat*, кимр. *llaid* (**latjo-*), ср.-ирл. *lathach* и др. (Рок. 1, 654—655 добавляет сюда ряд герм. форм и балт. *Lat-* в гидронимии), также могут рассматриваться как некий дополнительный аргумент в пользу большей древности балт. картины (**lat-*, **lat-ak-*, *lat-ek, **lat-i-* и т.п.). Как бы ни был решен вопрос о соотношении балт. и слав. слов этого корня, сейчас наиболее правдоподобным и трезвым нужно считать мнение об исконном родстве этих слов при том важном факте, что балтийская картина в отношении этого слова не только полнее, дифференцированнее, но и архаичнее. — И все-таки проблема объяснения прусск. *lattako* и его связи с вост.-балт. формами остается не до конца ясной, и эта неясность, которая на следующем ходу исследования может оказаться как раз тем звеном цепи, который прояснит эту проблему, состоит сейчас, в частности, в том, что темы подковы и льда тем не менее сочетаются, и это нуждается в объяснении. Случай лит. *ledžingà* 'подкова' и 'коньки' (ср.: Koks gers leds su lėdžingoms daba važiuoti! LKŽ 7, 229; Šiaur. ryt. dūn. 171; ср. также *ledžingys* 'конькобежец', *ledžingūoti* 'подковать', но и 'кататься на коньках') прост из-за эксплицированности "ледяной" темы, конек, конькобежец "ходят" (*žingiūoti*) по льду, скользят, поэтому они, собственно, "ледоходы"; подкова лошади тоже позволяет ей "ходить" по льду, но по противоположной причине: подкова препятствует скольжению. Но случай с сочетанием сходных тем в словах с корнем балт. *lat-*, слав. *lot-* существенно сложнее. При допущении связи прусск. *lattako* с лит. *latākas* и под. (о чем см. выше) снова возникают два этих полюса — подкова и ледяная сосулька (*ledo lataikai*). Русск. диал. *лоток* в некоторых своих значениях — приспособление для передвижения по льду. Ср.: *лоток*, "приспособление для катания с гор зимой — выдолбленная посредине продолговатая доска с загнутым передком [т.е. тип коньковой конструкции. — В.Т.] (заостренным носком или специально приделанной ручкой) и плоским дном, которая обливается водой и подмораживается": *Каталися на санках, на лотках. Делали лотки из досочек или из тесницы... подморазживали снегом, льдом.* Доска, корзина с подмороженным дном, кусок льда [ср. 'сосулька' — *latākas!* — В.Т.] и под., приспособленные для катания с гор зимой; санки-ледянки; Приспособление для перевозки груза зимой. // Облитая водой и подмороженная доска, на которой перевозят грузы. *Как снег пал, стал на лотке дрова возить из лесу* (СРНГ 17, 157). Еще очевиднее о связи подковы

и льда могли бы говорить факты двух родов: с одной стороны, русск. *подковать* 'ставить подковы', но и 'замерзать', 'оледеневать' (ср. *подковало на дворе* безл., т.е. 'подморозило', 'подмерзло'. Даль⁴ 3, 453, ср. *подковка* 'прорубь'), а, с другой, *подлатать лошадь* 'поставить подковы', ср. *подбить подковы* (ср. *подбой, подбойка*, и о подковах) при том, что *латать* означает 'бить', 'колотить', но и 'прибивать латы', 'обрешечивать' и т.п. (СРНГ 16, 287 и др.). Можно добавить, что и реконструируемое праслав. *latiti (*se*), отраженное в ц.-сл. *latitimi* 'подстеречь', 'поймать', с.-хорв. *lātmiti* (*ce*) 'схватиться', 'взяться', 'приняться', словен. *lātiti se, lotiti se* (Pleteršn. I, 502), как и связанное с ним *latati (см. ЭССЯ 14, 48, 49), одним из основных своих значений отсылает к "ледяной" терминологии — *лед схватился*, т.е. замерзло. — Даже эти примеры, отсылающие так или иначе к мотиву льда, не говоря уж от других, рассмотренных ранее, создают впечатление, что для определенной эпохи б.-слав. **lat-* акцентировало не материал, субстанцию, но ее форму, подчеркивая особую конструктивную загнутость, желобчатость или — шире — другие виды выемчатости, благодаря которым эта форма могла использоваться как "несущая" — для жидкости, сыпучих тел, чего-то разделенного на куски и нуждающегося в ограничении по краям сосуда, чтобы не выпасть из него, даже людей. При этом, пожалуй, загнутость была далеко не полной, предполагая широкое открытое пространство сверху (по меньшей мере широкое отверстие, вход-выход), как у сковородки, противня, миски, плошки, крынки и т.п. Поэтому встает вопрос о связи между подобными формами, выражаемыми с помощью слав. *latьka (ц.-сл. *латька хўтра*, болг. диал. *латка*, макед. *латка*; ст.-чеш. *látka*, ст.-польск., польск. *latka*, диал. *lotka*; др.-русс., русск. *латка*, блр. *латка*, см. ЭССЯ 14, 51—52; сюда же *laty, *latьvica, *latuša, *-uška* и т.п.) и сходными формами (корыто, тарелка, сито, корзина, телега для навоза, лодка-плоскодонка и т.п.), выражаемыми с помощью слав. *lotokъ (возможно, сюда же и *лотать* 'резать, потрошить рыбу'. СРНГ 17, 155; м.б., *латать* 'сбивать кадку' (?) и проч. 16, 287 и т.п.), см. Трубачев Ремесл. термиол. 1966, 219 (сюда же и др.-русс. *ладька* 'горшок', *ладушка* 'миска' и др.); ЭССЯ, s.v. *lotokъ; возможно, сюда же и лит. *luōtas* 'челн-однодревка' (**lōt-*), см., начиная с Лидена, SEW 1, 694; ЭСР 2, 465; LEW 391; SEP 5, 39 и др., несмотря на возражения (или сомнения) Трубачева Ремесл. термиол. 219; ЭССЯ 14, 50. Более того, в виде дальнего резерва остаются, конечно, и некоторые другие примеры, когда семантика изогнутости, сгиба, кривизны передается близкими фонетическими комплексами (ср. и.-евр. **al-dh-* 'корыто', 'лодка'; др.-англ. *ealdop*, норв. диал. *olda* 'корыто' и т.п., н.-в.-нем. *alden* 'борозда' /на пашне/, но и лит. *aldijà, eldijà* 'челн', 'лодка', слав. *oldьja и т.п.; или б.-слав. /и и.-евр./ название локтя как изгиба — **al-k-* и др., предполагающие в таком случае что-то вроде двух бенвенистовских баз — **la...- : *al...-*; ср. Рок. 1, 308—309 : **el-* — вплоть до лат. *lituus*, искривленный жезл авгуров

или др.-исл. *liðr* 'изгиб', 'член' и т.п., с расширителем корня *-t-*). Нельзя исключать, что в основе обозначения такой изогнутой (точнее — вогнутой с точки зрения потребителя) формы лежало указание на характер самого материала, из которого изготавливалась эта форма — относительная гибкость, мягкость, податливость, способность к деформации именно как к изменению формы, а не ее уничтожению (разлому, разрыву, расчленению). В таком случае, конечно, возникает перспектива связи обозначений указанных форм с названием соответствующего материала типа глины (о чем см. Трубачев. Указ. соч., 219—221 : герм. **lapjon-*, др.-в.-нем. *letto*, нем. *Letten* 'глина', с указанием, правда, и некоторых трудностей). К сожалению, само и.-евр. название глины, кажется, не имеет соответствующего первичного глагола. Возможно, что в данном случае может нечто прояснить ностратическая перспектива. Ср. ностр. *L/a/ta-* 'влажный': картв. *lɔw-* 'смачивать' ~ и.-евр. **lat-* 'влажный, влажная почва': картв. // груз. *lɔ-* 'размягчать', 'смачивать' или ангас (зап.-чадск.) *lēt* 'таять', 'растоплять' (Иллич-Свитыч Опыт ностр. 1976, 31); последний пример (*lēt*) имеет, видимо, особое значение в связи с мотивом льда, неоднократно возникавшим ранее в связи с балт. *lat-*, и обычно игнорируемого физического сродства льда и глины (и то и другое может застывать и плавиться; лед вязок, как и глина, перед тем, как он "стал", и перед тем, как превратился в воду). — Цель предыдущих рассуждений — указание на возможные трудности и неожиданности, казалось бы, благополучного с этимологической точки зрения прусск. *lattako* и обозначение более широкого контекста проблемы и круга открывающихся возможностей. Проблемы хронологии формирования значения (значений) также являются не последними в этих рассуждениях. Если прусск. *lattako*, действительно, обозначало подкову, то скорее всего в период сложения этого слова ведущим семантическим мотивом было понятие изогнутости, т.е. формы, а не ее материала.

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 583; Thes. 1873, 91; Bezenberger-Fick GGA 1874, 1244; APSpr. 369; Būga RR I, 455—458; Mikkoła AfslPh. 39, 1925, 140; ME 2, 445; SPV 202; BVSF 67; LEW 342—343; PKP II, 299; Откупщиков БСл. Иссл. 1984. 1986, 100—102. — *{*latakā}*; согласно PKP II, 299, **la(d)takā*.

{*lat-ein-}, ср. *Latheynen*, 1405; *Latteynen*, ок. 1405, позже — *Lethenen* (APON 83). — См. *{*lat-}*, отчасти *lattako*. — Ср. лтш. *Lata* ("Latta" или "Lattawa"), *Latupe*, *Late*, *Lat-ciemieši*; м.б., *Latene*, *Latenieki*, *Latinieki*, *Lates-* и др. (LV I, 2, 266—267; названия типа *Lata*, *Latesbirze*, *Lates-leja* и др. Эндзелин готов выводить из нем. Nom. pr. *Charlotte*, с знаком ?; ME 2, 425; Dambe Onom. arser. 1987; 37—38), ср. *Lātacis pļ* (2, 287); лтг. *Latinieki* (PN Latg. 263); куршск. *Lathnicken*, 1582—1583; *Lathnicken*, 1585 (KF 118—119; к гидрониму *Lata*); лит. *Latavà*, *Latuvà*, *Latupys*, *Lātupis*, *Lātežeris*, но и *Lataka* (см. *lattako*), *Latekšna* (м.б., к *latekas*). LUEV 87—88; Liet. hidr. 81, 102, 105, 112, 212, 213, 254; LHEŽ 182. Буга RR I, 457—458 добавляет сюда же еще ряд

названий: *Lota* (из **Lata*), в Ашменск. у. (Słown. Geogr. V, 740), *Лотва*, приток Турии в Слуцк. у. Минск. губ. (V, 741; XII, 282), озеро в Вилейск. у. Виленск. губ. (V, 741), *Letówka*, *Letánka* (из **Leta*), приток Нериса (V, 180, XIII, 471), *Lėtausas*, приток Юры, *Letukiai*, деревня в Тельш. у. и др.; ср. еще *Latowice* (Słown. geogr. PZP 1, 157); Откупщиков БСл. Иссл. 1984. 1986, 101—102 специально останавливается на гидронимах, сопоставляемых с лит. *latākas*, лтш. *lataka* и расширяет перечень Буги за счет топонима *Latākiškiai* в ю.-вост. Литве (*Łotakiszkī*). Słown. Geogr. V, 740. Невская Балт. геогр. термин. 1977, 47 указывает физиографические термины с элементом *latak-*. Возможно, что апеллатив типа *lekėtas/*lekātas* скрывается в названии *Lekity*, деревня в южной Вармии, см. *Lekotyten*, 1351 (APON 87) и др., позднее *Lekitten*, см. реконструкцию **Lekōitai* (Pospiszylowa Top. Wagn. 1987, 87—88); название деревни *Łaty* в Гданьском Повислинье (ок. Постолина) объясняют иначе, см. Górniewicz TRG 94—95. Некоторые названия, происходящие от Nom. pr. с корнем *Lat-*, сюда не относятся. Перечисленные выше названия (некоторые из них представляют очень значительный исторический и этноязыковой интерес, поскольку легли в основание этнонимов, относящихся к латышам и латгалам, ср. ст.-русск. и диал. *лотва*; см. Непокупный Конт. лтш. яз. 1977, 96 сл.) обычно возводят к и.-евр. корню **lat-* (**let-*, см. Pok. 1, 654—655) 'мокрый', 'влажный', 'болото' и др., ср.: др.-греч. *λάταξ*, др.-кипр. *llat*, др.-в.-нем. *letto*, нем. *Letten* и т.п., см. *lattako* (Merlingen IF 83, 1978, 51—53). Буга постулирует глагол **let-/*lot-* 'течь', который отражен в названных гидронимах (для лит. *Latekšna* реконструировали даже **latekti* 'течь', см. БСл. Иссл. 1984. 1986, 102) и, м.б., в русск. диал. *лететь* 'течь' (о ручье, дожде, крови, см. Откупщиков. Указ. соч., 102). См. Būga RR I, 457; III, 530; LEW 342—343; LHEŽ 182. Однако для части примеров или во всяком случае для определенного периода в их эволюции уместно восстанавливать для корня **lat-/*let-* значение 'изгиба', 'выгнутости' и т.п. (применительно к речной долине, руслу, ложбине и т.п.).

{*lat-ün-(?)}, восстанавливается на основании польского топонима *Lotyń* (см. *Lotyń*, *Lottin*, щецинск. Słown. geogr. PZP 1, 166), в котором Гурнович находит прусский корень и польский словообразовательный формант (Studia Jęz. 1978, II, s.v.). Характерно, что эти названия фиксируются далеко к западу от устья Вислы — в нижнем течении Одры, ср. *Lottin* (Kr. Neustettin), *Lottyn* (Kr. Konitz), см. EOSON I, 127. — В качестве ближайшей параллели, м.б., следует назвать лтш. *Latūns* (LV I, 2, 267), окск. *Латунка* (Гидр. басс. Оки 85), в обильном балтизмами ареале (возможно, сюда же название правого притока Жиздры *Лотья* 32, если только он правильно записан: *Потья?*). Иные названия, в которых при сходном корне обнаружим суффиксальный элемент *-u/v-* (ср. *Лотовня*, *Латівня* в басс. Припяти, к югу от нее, см. Маштаков Спс. Днепр. 166; СГУ 310, или *Лотáва*, Черниг. губ. СГУ 327), нуждаются в дальнейшем исследовании.

{*laub-(?)}, ср. *Lawben*, 1507, позже — *Lauben* (APON 85). — Если не из немецкого (ср. *Laub* 'листва'), то может быть сопоставлено, вероятно, с мазурск. *Lauben* (Hennenberg II, 14), *Laubnische See*, 1572, позже — *Laubener See*, но также и *Lubian*, *Lubzion*, *Lubzionskie Jezioro*, около деревни *Lubiana* (Słown. nazw. Mazur II, 243; к *Lubiana*, *Lubian* см. Słown. geogr. PZP I, 167; Nazwy Pólnosp. Maz. 249), висл. *Laube See*, *Lubienko* (HW 623), ср. к зап. от Вислы *Laubnitz* (?). EOSON II, 147 и, м.б., названия на *Lüb-en* и под. (см. EOSON, индекс, s.vv.). Из вост.-балт. параллелей ср. лтш. *Laube*, *Làubes*, *Làubes-mežs*; *Làubes-pļava*, *Laubes-sala*; *Laubiš-kalns* (LV I, 2, 267). — М.б., к лит. *laūbti* 'рыть', 'копать' (LKŽ 7, 176 : išlaubk duobę), ср. *laubēnė* 'Malaxis monophyllos' и т.д., относящиеся к семье русск. луб, др.-исл. *laupr*, др.-англ. *léap*, др.-в.-нем. *louft* и т.п., см. LEW 343.

laud(?) 'ждать', в польско-являжском словаре, 74 ('czekać'). Зинквичюс (БСл. Иссл. 1983. 1984, 14) сравнивает это слово с лит. *laukti* 'ждать' (при прусск. *giēdi*, лтш. *gaidīt*, ср. слав. *žьdati); к написанию *d* вм. *kt* ср. *laudt* при лит. *plaūkti*. Карулис (БСл. Иссл. 1985. 1987, 137) осторожно предлагает проверить возможности связи с н.-свр. *lēu- 'nachlassen' (Рок. 1, 682), откуда лтш. *ļaut* 'позволить', лит. *liautis* 'перестать', 'прекратить', но также 'оставаться на месте' (→ 'ждать').

{*laud-}, ср. *Lawden*, 1379; *Lauden*, 1383, позже — *Lawden* (APON 85 : к Nom. рг. прусск. *Laudicke*, лит. *Laudžius*). — См. {*laud-ik-}, {*laud-īt-}. — Не исключена связь с лит. *laudaga* 'лентяй', 'опустившийся человек', *laudagas*, *luidaga* (см. LKŽ 7, 176; LKŽD 103), где *-aga* — суффикс; сюда же *liaudegoti* 'прихварывать', 'недомогать', *liaudagoti*, *liaūdakoti*, но и *liaudegiai*, *liaudega*, *liaudiga* (LKŽ 7, 390), ср. лит. Nom. рг. *Liūdginas* (Liet. antrop. 140). Семантика корня равным образом может определять и гидроним и антропоним. — Неясно русск. диал. (олонецк.) *лудега*, *лудога* СРНГ 17, 179, 180 (возможно, субстратное слово).

{*laud-ik-}, ср. Nom. рг. *Laudicke* (APN 51). — Ср. топонимы *Lawden*, *Lauditen*, см. {*laud-}, {*laud-īt-}. — Из ближайших параллелей ср. Nom. рг. лтш. *Laude* (LAG 25), лит. *Laudžius*. — В целом не вполне ясно, но в свете предлагаемой выше связи с *laud-*, не исключено, что семантика имени сродни русск. *Ленивец* и под.

{*laud-īt-}, ср. *Lauditen*, 1278 (SU 65); *Lauditten*, 1482, в Самландии (APON 83). — Возможно, связано с *Laudicke*, см. {*laud-ik-} и, конечно, с *Lawden*, см. {*laud-}, там же о семантике. Этимологически далеко от ясности, ср. русск. диал. *лудеть* 'затвердевать', 'засыхать коркой после дождя' (о почве), *лудá* 'синяя вязкая глина', 'твердая неплодородная (глинистая, суглинистая, каменистая) почва', 'неплодородная беловатая почва', 'верхний слой глинистой почвы', 'твердая глина на берегах или в русле реки, озера и т.п. (СРНГ 17, 178, ср. *лудик*, *лудище* и т.п.).

laudt(?) 'плавать', в польско-являжском словаре, 127. Зинквичюс (БСл. Иссл. 1983. 1984, 14) предполагает выпадение в анлауте *p-*

(как в *laugi* : лит. *plaukaĩ*) и, следовательно, сравнение с лит. *plaūkti* 'плавать', 'плыть' (при лтш. *peļdēt* и неизвестности прусского глагола с этим значением).

laugi (?) 'волосы', в польско-являжском словаре, 63 ('włosy'). Учитывая вероятное выпадение начального *p-* и появление звонкого *g* вм. глухого *k*, вероятно сопоставление с лит. *plaukaĩ* 'волосы' (при прусск. *scebelis*, лтш. *mati*), см. Зинквичюс БСл. Иссл. 1983. 1984, 14.

laucagerto 'куропатка'. Э 768 ('Rephun'). Nom. Sg. fem., среди других названий птиц, в частности, и таких, в имени которых содержится элемент *gert-*, ср. Э 763: *Gertis* ('Hane'); Э 764: *Gerto* ('Henne'), Э 765: *Gertistian* ('Küchel'), Э 766: *Medenixtaurw* ('Beerhun'), Э 767: *Tatarwis* ('Birghun'), Э 769: *Brunetto* ('Haselhun'), Э 770: *Penpalo* ('Wachtel') и др. — Сложное двучленное слово; в первом члене — название поля (см. *laucks*, {*lauk-}), во втором — название курицы, см. *gerto*; следовательно, буквально куропатка обозначается как полевая курица (лит. *lauko. višta*, лтш. *lauka vista*). Принцип обозначения куропатки в прусском существенно иной по сравнению с литовским и латышским (соответственно — *kurapkā*, *irbe*). Славянское название куропатки также представлено сложным словом, но принцип семантической мотивировки иной — курица-птица (т.е. летающая, в отличие от домашней "нелетающей" курицы), ср. праслав. *kuropty : ст.-с.-хорв. *kuroptva*, словен. *kurnprat* 'кулик', 'вальдшнеп'; ст.-чеш. *kurotva*, чеш. *koroptev*, диал. *kuropatva* и др., словц. *kuropta* (стар. *kuroptva*), в.-луж. *kurotwa*, н.-луж. *kurwota*, полаб. *t'aurēpotkă / t'airepotkă*, польск. *kuropatwa*, диал. *kuropatka*, словинц.-поморск. *kūrōpātka*, кашуб. *kuropatka*; др.-русск., русск. *куропатка*, диал. *куропáтва*, блр. *курапáтка*, *курапáтва*, ст.-укр., укр. *куропáтва* и др. (ЭССЯ 13, 127—128). — Не исключено, что прусское слово — калька с нем. *Feldhuhn* 'серая куропатка' (Perdix Briss.); нем. *Rebhuhn*, которое и переводится прусским *laucagerto*, обозначает тот же самый вид серой куропатки. Элемент *Reb-* скорее всего родственно связан с слав. *reǫbь, см. EWD, s.v.

— Лит. см. к статьям *gerto* и *laucks*, а также РКР II, 284; Euler KZ 98, 1985, 96. — {*laukagertā}.

{*lauk-}, ср. *Lauken*, озеро, 1306, последующие фиксации этого названия см. {*lauk- & *azar-}; — *Laucyn*, 1351—1382; *Laucke*, 1419, позже — *Lauk*; *Lawke*, 1411—1419; *Laucko*, 1469; *Lawckaw*, 1507, позже — *Lauck*; *Lachs*, 1491; *Laukenn*, 1497 (APON 83—84). Обращает на себя внимание сосуществование при обозначении одного и того же места бессуффиксальной и суффиксальной форм, ср. *Laucko* — *Lawckaw*, позже — *Lauck*. С известным вероятно можно думать, что среди этих примеров наличествует не только суф. *-av-*, но, м.б., и *-in-* (*Laucyn*) или даже *-en-* (*Laukenn*, *Lauken*), последнее, впрочем, сомнительно и скорее обязано своим происхождением немецкому способу фиксации прусских наименований. Герулис отмечал (APON 260—261) как характерную особенность прусской топонимии относительную "непрочность" суффиксов в том смысле, что наряду с суф-

фиксальным употреблением названия оно нередко выступает и без суффикса, что создает впечатление некоторой факультативности в употреблении суффиксальных форм. Особенно это относится к топонимам, образованным от личных имен, которые — во всяком случае при жизни "основателя" соответствующего поселения — фиксируют разные типы словообразовательных моделей. Лишь по смерти "основателя", через более или менее значительное время, происходил окончательный выбор формы названия и его закрепления. В данном случае название не связано с Nom. рг., но следы известной неупорядоченности существуют. — Кроме того, элемент *lauk-* представлен в целом ряде суффиксальных образований и в композитах, где он может выступать в качестве как первого, так и второго члена. К суффиксальным образованиям см. {**lauk-av-*}, {**lauk-en-(?)*}, {**lauk-en-ik-(?)*}, {**lauk-en-īt-*}, {**lauk-in-*}, {**lauk-isk-*}, {**lauk-īt-*}. К композитам, где *lauk-* образует первый член, см. {**lauk- & *ap-*}, {**lauk- & *azar-*}, {**lauk- & *ged-*}, {**lauk- & *lauk-*}, {**lauk- & *med-*}, {**lauk- & *sed-*}. Особенно многочисленны композиты, где элемент *lauk-* находится на втором месте (в этом случае он нередко выступает в функции "суффиксообразного", в значительной степени утрачивающего свою семантику детерминатива топонимических обозначений, ср. показательный пример "пустого" *lauk-* в названии *Laukoslauk*, букв. — 'поля поле'). См., помимо не до конца ясного *Alawken*, 1475 (APON 8), следующие примеры — {**ard- & *lauk-*}, {**az- & *lauk-*}, {**baid- & *lauk-*}, {**bais- & *lauk-*}, {**bars- & *lauk-*}, {**bebr- & *lauk-*}, {**bel- & *lauk-(?)*}, {**ber- & *lauk-*}, {**berz- & *lauk-*}, {**blend- & *lauk-*}, {**blund-/*blond- ?/ & *lauk-*}, {**bais-ik- & *lauk-*}, {**bal- & *lauk-*}, {**brand- & *lauk-*}, {**bug- & *lauk-*}, {**buks- & *lauk-*}, {**deiv- & *lauk-*}, {**div-an- & *lauk-*}, {**dob/*daub-?/ & *lauk-*}, {**drut- & *lauk-*}, {**friz-in- & *lauk-*}, {**gan-it/?/ & *lauk-*}, {**gaus- & *lauk-*}, {**geg- & *lauk-*}, {**geis/z- & *lauk-*}, {**genz- & *lauk-*}, {**gert- & *lauk-*}, {**girk- & *lauk-*}, {**git- & *lauk-*}, {**glamz- & *lauk-*}, {**graud- & *lauk-*}, {**gub- & *lauk-*}, {**gun- & *lauk-*}, {**gurd-/?/ (*gerd-) & *lauk-*}, {**/h/urt- & *lauk-*}, {**irg- & *lauk-*}, {**jak(un)- & *lauk-*}, {**jeg- & *lauk-*}, {**jon- & *lauk-*}, {**jurg- & *lauk-*}, {**kab- & *lauk-*}, {**kaim- & *lauk-*}, {**kamp- & *lauk-*}, {**kat- & *lauk-*}, {**kauk- & *lauk-*}, {**kelm- & *lauk-*}, {**klis- & *lauk-*}, {**koit-/*kait-/ & *lauk-*}, {**kolm- & *lauk-*}, {**kors-/*kars-/ & *lauk-*}, {**korv-/*karv-/*kurv- & *lauk-*}, {**koč/*kač-/ & *lauk-*}, {**krais- & *lauk-*}, {**krat- & *lauk-*}, {**kraus- & *lauk-*}, {**krem-/*krim-/ & *lauk-*}, {**kraup-/*krop-/ & *lauk-*}, {**kurk- & *lauk-*}, {**lab- & *lauk-*}, {**las- & *lauk-*}, {**lauk- & *lauk-*}, {**led-eik- & *lauk-*}, {**leil-/?/ & *lauk-*}, {**lek- & *lauk-*}, {**lind- & *lauk-*}, {**lus-/*luis-/ & *lauk-*}, {**mark- & *lauk-*}, {**med- & *lauk-*}, {**men- & *lauk-*}, {**mon-/*man-/ & *lauk-*}, {**mu-/*mav-/ & *lauk-*}, {**naid- & *lauk-*}, {**naud- & *lauk-*}, {**nep(?) & *lauk-*}, {**nev-/*naun-/ & *lauk-*}, {**nik- & *lauk-*}, {**num- & *lauk-*}, {**paist- & *lauk-*}, {**palus- & *lauk-*}, {**pap- & *lauk-*}, {**parst- & *lauk-*}, {**pasart-(?) & *lauk-*}, {**paus- & *lauk-*}, {**pel- & *lauk-*}, {**pent- & *lauk-*}, {**per- & *lauk-*}, {**peus- & *lauk-*},

{**pil- & *lauk-*}, {**pir-/?/ (*per-) & *lauk-*}, {**pis- & *lauk-*}, {**plin- & *lauk-*}, {**plik/s/- & *lauk-*}, {**plus- & *lauk-*}, {**plon/?/(*plaus-) & *lauk-*}, {**pod-/?/ & *lauk-*}, {**pog- & *lauk-*}, {**pogris- & *lauk-*}, {**polk/?/ & *lauk-*}, {**pomen- & *lauk-*}, {**pos-/*pus-/ & *lauk-*}, {**prant- & *lauk-*}, {**prei-/?/ & *lauk-*}, {**rang- & *lauk-*}, {**raud- & *lauk-*}, {**reg-ut- & *lauk-*}, {**rim- & *lauk-*}, {**roz-/?/ & *lauk-*}, {**rok-/?/ & *lauk-*}, {**sagrib- & *lauk-*}, {**samb- & *lauk-*}, {**sang- & *lauk-*}, {**sant- & *lauk-*}, {**sard-ut-/?/ & *lauk-*}, {**sas/in-/ & *lauk-*}, {**saug- & *lauk-*}, {**seim-(*zeim-) & *lauk-*}, {**set- & *lauk-*}, {**sig-(*zig-) & *lauk-*}, {**sirb- & *lauk-*}, {**sirg- & *lauk-*}, {**siksd- & *lauk-*}, {**sis- & *lauk-*}, {**skeid- & *lauk-*}, {**sker- & *lauk-*}, {**skerd-/t-/ & *lauk-*}, {**sket- & *lauk-*}, {**skir- & *lauk-*}, {**skup- & *lauk-*}, {**slak- & *lauk-*}, {**slank- & *lauk-*}, {**sligsd-/?/ & *lauk-*}, {**sod- (sad-) & *lauk-*}, {**sam-(*zam-) & *lauk-*}, {**sirg-(*zjrg-) & *lauk-*}, {**sper- & *lauk-*}, {**srud- & *lauk-*}, {**spurd- & *lauk-*}, {**spurg- & *lauk-*}, {**stab- & *lauk-*}, {**ster- & *lauk-*}, {**sterk- & *lauk-*}, {**stob-/cm. *stab-/ & *lauk-*}, {**stub- & *lauk-*}, {**surg- & *lauk-*}, {**tap- & *lauk-*}, {**tab-(*tub-) & *lauk-*}, {**tal- & *lauk-*}, {**tirb-(*trib-) & *lauk-*}, {**traup-(*trop-) & *lauk-*}, {**tunt- & *lauk-*}, {**vain- & *lauk-*}, {**valp- & *lauk-*}, {**vang- & *lauk-*}, {**vand-(*vant-) & *lauk-*}, {**varp- & *lauk-*}, {**veib-(*vib-) & *lauk-*}, {**ven- & *lauk-*}, {**vilk-en- & *lauk-*}, {**vip- & *lauk-*}, {**vir- & *lauk-*}, {**vop- & *lauk-*}, {**vor- & *lauk-*}, {**(v)und- & *lauk-*}, {**vos-(*vus-) & *lauk-*}, см. APON 8, 10—12, 14, 17—19, 21—23, 28—30, 32, 34, 36, 38—40, 42, 45—48, 50—53, 55, 57—60, 66, 68—74, 76, 79, 83—87, 89—90, 92, 94, 96—97, 101—102, 104, 106—108, 110, 112—113, 115—123, 125—127, 129—130, 134—135, 138—140, 142, 144—145, 148, 150, 151—154, 156—161, 164—165, 170—175, 177, 181, 183—189, 192—195, 197—199, 201, 203, 207—208, 210—211; ср. также APON 220, 226, 231, 240, 245, 263, 264.—Ср. также {**ilg- & *lauk-*}, реконструкция — *Ilgelauks* на основании названия деревни в острудзском повете, неизвестного Герулису, — совр. *Elgnowo*, ранее: *felde Ilgelaken* 1317—1324 (PUB II, 328); *Ylgelaken*, XIV в.; *Ylgenow*, 1359, *her Peter von Ilgenow*, 1407; *Elgenau*, 1551, *Elgnowo* и т.п. (см. Biolik Acta B-sl. 15, 1983, 289; Döhning Über Herk. Mazur. 1910, 76; Kętrzyński O ludn. polsk. w Prus. 1882, 200; Hartmann Kr. Oster. 1958, 95, 96; Słown. nazw. Mazur II, 74; Słown. geogr. PZP 1, 68), а также {*pa- & *lauk-*}, реконструкция — *Palauks* на основании названия деревни в том же повете — совр. *Podlejki*, ранее — *Poleckit*, 1576 (Hennenberg 1576), *Podlecken*, 1578, *Poleken*, 1775, *Podlajki*, *Pólko*, *Polejki* и т.п. (см. Biolik Acta B-sl. 15, 1983, 291; O ludn. polsk. w Prus. 1882, 205; Kr. Oster. 454; Schrötter Karte XVI; Słown. nazw. Mazur II, 78; Słown. geogr. PZP 1, 245).—См. *laucks* (там же этимология и литература вопроса), а также *laukinikis*, *laucagerto*. — Элемент *lauck-*, обозначающий 'поле', наряду с *kaim-* 'деревня', принадлежит к самым распространенным в прусской топонимии. По далеко не полным сведениям засвидетельствовано около 180 разных моделей наименования населенных пунктов и/или урочищ, с ними связанных, в которые входит этот элемент (число реально зафиксиро-

рованных примеров, разумеется, еще больше). Но распределение *lauk-* в этих типах названий очень неравномерно. Простых названий, в которых *lauk-* выступает как слово, оформленное суффиксом (или вообще без него), менее десятка. Сложных названий, где *lauk-* выступает в качестве первого члена, всего шесть. В одном случае, по сути дела вообще уникальном, *lauk-* выступает и в первом и во втором члене слова, ср. *Laukoslauk*, 1318 (APON 84); впрочем, первый элемент скорее всего нужно трактовать как Gen. Sg. от *laucks* — *Laukas*, и в таком случае это сложное слово (а оно довольно полно документировано) представляет собою петрифицированное синтаксическое сочетание двух лексически одинаковых элементов. Еще в одном случае в сочетании с элементом *med-* (ср. *median* 'лес') элемент *lauk-* выступает как в качестве первого, так и в качестве второго члена, ср. *Laukemedien*, 1326, но *Medelauke*, 1371; следует заметить, что оба эти названия носят, видимо, оксюморный характер — 'полевой лес' или 'лесное поле' — при том, что противопоставление поля и леса у пруссов, как и у других соседних народов (восточных балтов и славян), было весьма существенным (ср. лтш. *tev pieder purvi, meži, tan lauki, tūrumiņi*. ME 2, 427) и коренилось не только в мифопоэтических представлениях о принципах организации пространства, но и в хозяйственно-экономической практике, поддержанной соответствующими юридическими установлениями и особенностями в использовании этого противопоставления, отражающего, хотя бы и в общем виде, социальную стратификацию прусского общества. В этом отношении неслучайно решительное преобладание сложных названий с *lauk-* во втором члене над названиями с этим же элементом в первом члене (примерное соотношение их по доступным данным — 97% к 3%). Дело в том, что во втором (редком) случае *lauk-* выступает в качестве определения некоего другого природного объекта — реки, озера, леса, поля (тип **lauk-* & **lauk-*) и проч., а в первом (частом) случае именно поле стоит в центре внимания и определяющие его элементы первой части слова вносят существенную информацию относительно характеристики данного поля (*lauk-*); несколько иной характер носят названия, где в первом члене предлог, см. *{*pa-* & **lauk-*}, *{*per-* & **lauk-*}, *{*prei-* (?) & **lauk-*}. Сам набор определений поля в этих композитах очень показателен. В частности, он позволяет судить о демографическом и социально-экономическом аспектах проблемы. Показательно, что наиболее частые определения поля, резко превышающие все иные (между прочим, и "природные") типы определений, дают основание говорить о "владельческих" (в широком смысле слова) характеристиках. Когда *lauk-* определяется именем собственным владельца, воспроизводится ситуация, которая столь диагностична для широкого слоя литовской топонимики на *-išk-*. Поэтому прусск. *Jorgelauke*, 1419 оказывается в этом смысле практически эквивалентным лит. *Jūrgiškiai, Jūrgiškės, Jūrgiškis* и т.п. Исходя из интерпретаций таких сложных названий Герулисом в APON (следует сразу же оговориться, что не все они

доказательны, да и сам автор претендует, пожалуй, лишь на нахождение первых, иногда пробных объяснений), можно сказать, что немногим менее половины всех случаев реализуют модель Nom. pr. & *lauk-*. Ср. в первой части таких названий элементы, трактуемые как личные имена: *Bais-, Bel-, Brand-, Buks-, Gaut-, Gens/z-, Girk-, Glamz-, Graud-, Gub-, Jaku(n)-, Jeg-, Jon-, Jurg-, Kab-, Klis-, Koč-, Koit-, Krat-, Kraup-, Led-eik-, Lek-, Men-, Mon-, Naid-, Naud-, Nik-, Num-, Paist-, Palus-, Paus-, Pel-, Pis-, Pog-, Pogris-, Pomen-, Rang-, Reg-ut-, Rim-, Sam-, Samb-, Sang-, Sant-, Saug-, Seim-/Zeim-, Sig-, Sis-, Skerd-, Skir-, Slak-, Spurg-, Stub-, Surg-, Tab-/Tub-/Tob-, Traup-/Trop-, Vain-, Ven-, Vilk-, Vir-, Vop-* и др. Очень показательно "священниково поле" — *Pap-pelauken*, 1423 (: *paps*). Не вполне ясно название *Frizynlawken* (позже — *Fritschienen*); возможно, оно гибридного происхождения ("Фрицево поле"); если звуковое значение первой части было [*friz-in-*], то напрашивается предположение об этнониме фриз (как известно, связи фризского элемента с Пруссией засвидетельствованы исторически в связи с переселенческой волной; можно напомнить, что само имя пруссов сопоставлялось с названием фризов и для них реконструировался единый источник). В ряде определений прусских полей (*lauk-*) отчетливо отражены мотивы культурного характера — связь с деревней, крепостью, земледельческими и скотоводческими занятиями и соответствующими угожьями, с отдельными предметами, имуществом и т.п. Ср.: *Kaim-* (деревня), *Pil-* (крепость, бург), *Sod-/Sad-* (огород, сад), *Sard-* (загон для лошадей), *Mark-* (мочило для льна), *Naud-* (имущество, имение), *Nev-/Naun-* (девять, "девятислое"), *Pasart-* (шесть для раздвигания огня), *Paist-* (ступа), *Pod-* (?) (горшок), *Polk-* (?) (куча), *Kelm-* (шапка) и т.п. Небольшую, но важную группу образуют названия, где поле определяется в религиозно-мифологическом (возможно, и ритуальном) аспекте. *Dewslauks*, 1388, *Dewslauke* в Самбии — "Божье поле"; таким образом в целом ряде традиций называли или место захоронения, кладбище (ср. русск. *Божья нива, боженивка* и под.), или место судебных поединков, ордалий, где творится Божий суд над обвиняемым или тяжущимися, когда людской суд оказался бессильным. И в том и в другом случае речь идет о поле, как бы изъятом из хозяйственной деятельности людей и используемом для совершения ритуалов (ср. у Дусбурга: *Habuerunt esciam lucos* [слово того же происхождения, что и *laucks*. — В.Т.], *campus et aquas sacras, sic quod secare aut agros colere vel piscari ausi non fuerunt in eisdem*. SRP 1, 53, откуда, в частности, тоже следует, что священное, богам принадлежащее поле не обрабатывается). Сходных названий "божественных" природных угожий, отраженных в топонимии, немало и в вост.-балт. языках. Вместе с тем существенно противопоставление "Божьего поля" чертову, ср. *Kaukelawke*, 1394 или *Kawiclowkin*, 1332 (: *sawx* 'черт'). Заслуживает внимания и "поле Курке" — *Kurkelauk*, 1342, названное по "житному" духу, специально связанному с зерновыми (апеллятив *curche* понимался как залом на колосьях, делаемый вредоносной силой) и иногда возводимому в ранг божества (см. Пр. яз. IV, 309—321).

Ритуальным по преимуществу могло быть и поле, обозначаемое как *Stabelauken*, 1406 и др., поскольку на нем, возможно, находились каменные (*stab-*) идолы, ср. лит. *stab-meldystė* 'идолопоклонство', 'язычество', букв. — 'идоломоление' или — в прусском варианте — 'камнемоление' (ср. "Die ydololatria et ritu et moribus Pruthenogum" у Дусбурга). Многочисленна группа композитов на *-lauk* в топонимах, отсылающих к природной сфере (иногда с легкими следами человеческой деятельности), ср. *Az-* (межа), *Pent-* (дорога), *Bal-* (болото), *Daub-* (котловина, овраг), *Lind-* (долина, ложбина), *Med-* (лес), *Wang-* (лесосека, вырубка), *Kaup-* (угол, островок, заросший кустарником), *Vand-* (вода). В названии *Walppelawken*, 1396 в Самбии поле определяется, видимо, через название конкретной реки — *Walpis*. Мир природы отражен в двучленных топонимах с вторым элементом — *-lauk* не только в ландшафтной сфере, но и в его фауне и флоре. К первой ср. *Bebr-* (бобр), *Blus-* (блоха), *Geg-* (нырок или кукушка?), *Geiz-* (цапля), *Gert-* (курица, ср. *Gerlauken*, 1419 при *laucagerto* 'куропатка', т.е. *Gert- & lauk- : lauk- & gert-*), *Kat-* (кошка), *Kurv-/Karv-* (бык), *Lus-/Luis-* (рысь), *Parst-* (поросенок), *Rok-* (рак), *Sas(in)-* 'заяц', *Sirg-/Zirg-* (жеребец), *Slank-* (бекас), *Sterk-* (ант), *Vilk-* (волк). К флоре ср. *Berz*, *Bars-/Barz-* (береза), *Blend-* (бредина), *Kalm-* (пень), *Krais-* (сено), *Kraus-* (груша), *Krem-* (гриб/?/), *Peus-* (сосна), *Plus-* (камыш, тростник), *Roz-* (роза/?/), *Varp-* (колос), *Vip-* (сук, ветвь), *Vos-/Vus-* (бодяк, чертополох) и под. Как видно, кое-что в этом природном царстве, данном в топонимах, тоже отсылает к культуре (садоводство, заготовка сена и дров, домашние животные). Наконец, последнюю значительную группу двучленных топонимов с опорным элементом *lauk-* составляют такие, которые определяют *lauk-* со стороны основных его физических характеристик — формы, материала, цвета, оценки, других отмеченных качеств. Ср. *Drut-* (сильный, густой), *Gaus-* (обильный, богатый), *Ilg-* (длинный), *Lab-* (хороший, добрый), *Las-* (грязный, влажный, в пятнах), *Leil-* (стройный, тонкий или большой /?/), *Plin-* (ровный, безлесный), *Plik-* (голый, лысый), *Pos-/Pus-* (половинный), *Rang-* (кривой), *Raud-* (красный), *Siksd-/Zigzd-* (песчаный), *Sket-* (широкий, растопыренный), *Skup-* (скупой /?/), *Sam-/Zam-* (низкий), *Sper-* (спорый, быстрый), *Stab-* (каменный, см. выше), *Tap-* (теплый /?/), *Tal-* (далекий, удаленный), *Tunt-* (кучный, кучеобразный), *Vand-* (водный, водяной), *Vund-* (то же), *Vor-/Vur-* (старый) и под. — Эти простые и сложные топонимы с элементом *lauk-* будучи положены на карту (особенно в сочетании с такими же типами названий, содержащих *kaim-* 'деревня'), дают удивительно богатую (до четырех сотен пунктов) картину сельской жизни пруссов с многими подробностями, касающимися окружающей природы, быта, занятий, социально-экономического устройства. Они позволяют выяснить десятки неизвестных людей, чьи имена определяли принадлежность полей или какой-то иной вид их причастности к ним. Сгущения и разрежения *lauk-* топонимов на карте позволяют делать некоторые выводы о наиболее важных районах земледельческого

хозяйствования, о "слабых" зонах, возможно, о некоторых тенденциях развития и даже кое-что о демографических данных.

И в заключение еще один вопрос — о том, что значило для прусса поле и как оно отражено в юридических установлениях ранней поры Орденской экспансии, какие социальные реальности связывались с ним. Данные "Помезанской Правды" в этом случае оказываются наиболее полным и достоверным источником. Четыре кардинальных понятия определяли главное в жизни пруссов и накануне орденской экспансии и после ее начала — дом (как недвижимая собственность, жилище и хозяйственные постройки и как семья, проживающая "в четырех столбах" и являющаяся носителем домашнего мира, ср. статью 87 "Von hülfrede": In wes vier pfaelen die hülfrede gebrochen wirt, dem gebürt die helffte des hausfriedes), земледелие (как безусловно основное занятие пруссов в те периоды, когда сохраняется и "мир дома" и "мир мира-общины"; огородничество и скотоводство занимали определенное место, но все-таки носили вспомогательный, подсобный характер), поле (т.е. пахотная земля, находящаяся в частном владении семьи-дома, присваивающей себе урожай единолично; этим поле отличалось от общинной собственности, которую составляли луга-пастбища, леса и т.п.), зерно-хлеб, главный продукт, обеспечивающий жизнь пруссов, пища по преимуществу, "еда жизни" (ср. *geits* 'хлеб' при *giwan* 'жизнь', *giwas-si* 'жить', подобно русск. *жито* — *живот* /жизнь/ — *жить*). Роль хлеба исключительна в ряде отношений; здесь достаточно подчеркнуть, что сама семья-дом могут определяться как те, кто "живет на одном (т.е. общем) хлебе": Seint brüder in eyme brote miteinander vnd louckent einer, das er nit mit sey in eime brote, der verbussset eine halbe marck. 104. Те, кто владел землей в виде поля, имел особый социальный статус владельца недвижимого имущества (*gutt*), и этим он принципиально отличался не только от слуги (*Dienst*) или холопа (*Knecht*), но и от огородника (*Gerthner*), владеющего огородом, но не полем, и поэтому тоже зависимого от имущих людей, вещественно — от их зерна-хлеба. В определенные периоды, в частности при демографических взрывах, проблема зерна-хлеба и, следовательно, жизни становилась главной для всего населения, включая и имущих, тех, кто владел полем. Какие следствия вытекали из этого, известно из рассказа Дусбурга о галиндах, которые так умножились в своем числе и переполнили свою землю, что не могли прокормить себя ("поддержать"): Galindite creverunt et quasi germinantes multiplicati sunt, et roborati nimis, et impleverunt terram suam, sic quod eos non potuit ammodo sustinere (SRP 1, 52). В этих экстремальных условиях начинала действовать другая модель жизнеобеспечения — голодающие вторгались в благополучные земли, принадлежавшие уже крестоносцам, с целью грабежа ради поддержания своей жизни и обычно подвергались жестокому карам, а их собственная земля отдавалась на разорение, и запустение ее на долгое время становилось ее уделом: ...sicque terra illa usque in presentem diem

remanet desolata, — заканчивает Дусбург свой рассказ (I, 53). Поэтому в нормальных условиях забота о хлебе и об охране поля от потрав приобретали особое значение, и "Помезанская Правда" отражает его. Незаконное присвоение в полях (Pfundunge in Eckern), присвоение зерна (pfundunge im Korn) стало эталоном подобных присвоений на огородах или пастбищах, которое судилось так же, как и присвоение зерна (статья 37). Поэтому столь важным становится вопрос о границах земельных владений (статья 69 "Von der grenitze"), о полевой меже, название которой могло становиться топонимом (ср. *Aselawken*, 1495, с. одной стороны, и, с другой, имя божества межи *Ezagulis*, о котором сообщает Ласицкий: ...ad quod deum Ezagulis ita vocant... LPG 359, 386, имя которого толкуют как 'на меже лежащий'), о мерах против потрав (статья 43, III), особенно в поле (статья 113 — "Von schaden uffem felde": Ist das eume schade geschiet uff dem felde...; здесь существенна проблема оценки возмещения за потраву), о защите земледельца во время работы в поле (статья 123 — "Vom frevel": Ab einer den andern mit vortsatz frevelich sucht bey dem pfluge uff dem felde... и т.п.), ср. Помез. 34, 40, 89 и др. Эти установления "Помезанской Правды", обсужденные и принятые в 1340 г. на вечах помезанского населения, бесспорно, отражают вполне реальную картину. Они понимались как "право своей земли", как защита интересов пруссов, но сами эти установления, скрепленные, видимо, клятвой весьма архаичного типа, предполагали, конечно, прежде всего нужды и потребности свободных пруссов. Ср. в этом контексте характерную приписку на полях в списке "Помезанской Правда" (в связи со статьей I): Wie die preussen freien die hohensteinischen in landt dingk hegen. — Das brauchen sie noch heutiges tages. — Ich hege dieses unser Preussche dink tiff als Gilbing, hoch als ein Eichelbaum, fest als ein sten, es sey recht oder unrecht. "Свободные" пруссы (*freien*) как раз, видимо, и были владельцами полей (*lauk-*), и этим они отличались от лишенных полей крестьян, сидевших на т. наз. "крестьянском праве" (*gebawersrecht*) и признававшихся несвободными. Следовательно, первоначально свобода определялась цепью зависимостей — как поле оценивается получаемым с него зерном-хлебом, а земля наличием на ней поля, так и статус "свободного" прусса оценивается владением землей, конкретно полем и его урожаем зерна-хлеба. То, что "Помезанская Правда" фиксирует уже начало процесса обеднения "свободных" (ср. статью 22 — "Von wunden und freiheit": ...Ist das ein freyer verarmet, das er gewynnet gutt als ein gebawer, man richtet un als einen Freyen...), не отменяет в принципе и особенно в связи с предыдущим периодом указанной выше цепи зависимостей, где крайние звенья — зерно-хлеб поля и свободный статус владельца этого поля. Но, если говорить о предыдущем периоде и о тех реалиях, которые уже не могли найти себе отражения в "Помезанской Правде", то поле и права хозяина-владельца поля охранялись не только обычным правом в его довольно архаичной трактовке,

но и особыми духами-охранителями поля, его "сторожами". Эта разновидность охранителей поля получила особое развитие у балтийских народов, и в частности в Вост. Пруссии. В первой литовской книге у Мажвидаса дважды упоминаются "лаукосарги" как целый класс полевых божеств — первый раз в предисловии (Sunt qui Percupo uota faciunt, quibusdam ob rem frumentariam Laucosargus et propter pecuariam Semepates colitur), а второй — в стихотворном обращении "Книжечки к литовцам и жемайтам": *Kaukus Szemepatis ir laukasargus pameskiet / Visas welnuwas deiwes apleiskiet* (к *Kaukus* ср. выше *Kaukelawke*, 1394 и др.). Бреткунас в 1591 г., довольно близко воспроизводя эти строки (*Pameski... kaukus / Aitwara / Szemepaczius alba kitas Deiwes...*), опускает *Laukasargus* (Post. II, 101). У Ласицкого в "De Diis Samagitarum" в сходной функции выступает "господин поля" — *Laukpatimas* (= *Laūkpatis*): *Lauvkpatimo ituri aratum vel satum supplicant* (LPG 357). Этот мифологический персонаж образует "среднее" звено в представлениях о "господине поля": он конкретно заботится и печется о поле и его плодах, но он помещается на уровне мифологических духов и служит образцом для земного и человеческого хозяина поля — его владельца. Вместе с тем *Laūkpatis* сам выступает как оплотнение и конкретизация высшего небесного хранителя и господина урожая, плодородия и, следовательно, поля — Перкунаса. Соседство Перкунаса и "лаукосаргасов" в латинском предисловии к "Катехизису" Мажвидаса в этом отношении неслучайно. Перкунас — господин всей земной нивы, всего состава полей, и человек-владелец поля через *Laukpatis*'а-духа связан с верховным *Laukpatis*'ом-Перкунасом (как *Laukpatis* Перкунас владелец поля и даже творец его, так и человек, таким же образом связанный с полем, называется *laukinikis* 'владелец земли', *žemvaldys*. Э 407, букв. — 'полевик', ср. *полевик*, *полевичок* и т.п. как обозначение низших духов поля в русской народной демонологии; ср. мифологизированный образ стрекозы, которая наряду с обычными названиями *laūmžirgis*, *vėlnio arkljys* и т.п. может обозначаться и как *laūkžirgis*, см. Liet. k. atlas. I, 53, форма не отмечена в LKŽ). По-своему это отражено и у Даукантаса: *Vadino jį (Perkūną) Laukračiu nuo žodžiumis laukas ir pats, jog jis gyvena ne vien aukštybėse, bet ir lauke*. Собственно, такая же картина восстанавливается и в связи с *laūksargis*'ом: он не только языческий полевой дух, которого ранние христианские авторы предлагают отбросить, но и реальный сторож ("dvaro ar kaimo laukų pasėlių sargas, prižiūrintis, kad kas neganytų žalos nedarytų", по определению LKŽ 7, 184, ср., напр.: *Laūksargis buvo labai griežtas — niekam neleido eiti lauku, pieva*). Но наряду с мужскими охранителями поля известен и женский персонаж с той же функцией — *Lauki mātė*. Можно думать о двух уточнениях в связи с этой "матерью полей". Первое. Как "мать" она не столько охранительница поля, сколько "родительница", от которой зависит урожай. Эйнхорн в "Wiederlegung der Abgötterey", касаясь обычаев латышей, пишет: "wann sie

auffs Feld hinaus gehen, so ruffen sie die Laukemate, die Mutter oder Göttin der Felder oder der Acker an, wie sie denn auch derselben dancken, wann das Getreide wol stehet" (LPG 464). В "Reformatio Gentis Letticae in Ducatu Curlandiae" также говорится и о *Feld-Mutter*, и о призывах людей к *Laukamaat* (LPG 469—470, ср. 472), а позже ср. у Стендера — *Lauka mahte* Feldgöttin. И второе. Как мать и богиня, ведающая полем, точнее рождающая его плоды (поле — лоно ее), *Lauka māte* не может не быть супругой *Lauk-patis*'а (ср. лит. *pāts* 'сам', 'господин', но и 'супруг' при *patī* 'сама', 'госпожа', но и 'супруга'), т.е. Перконса-Перкунаса. И эта реконструкция подтверждается многими фактами, начиная с сообщения Тацита о том, что Aestii почитали *matrem deum*. См. LPG 280, 357, 386, 398, 400, 464, 469—470, 472, 622; Vēliūš Mitin. būtyb. 1977, 90, 130—131, 187 и др. Нужно полагать, что были и ритуальные предметы, выступавшие как своего рода охранители поля, обереги от вредоносных сил, наносящих полю урон. В этой связи обращает на себя внимание латышский вариант мирового дерева, сниженный до масштаба символа поля, его охраняющего, — *Lauka Dievkociņš*, букв. 'Божье деревцо поля' (ср.: Sarkanie un baltie dievkociņi jāgriež Jāņa vakarā... и т.д. Latv. taut. tic. 2, 1014, № 16491). Возможно, что прусск. *Koczlauken*, 1390 (позже — *Kotzlauken*), т.е. *koc- & *lauk- образует ближайшую параллель к лтш. *Lauka (Diev)kociņš*, т.е. *koc- & *lauk-, хотя Герулис в первом члене прусского названия видит Nom. рг. *Kacze* (APON 71). Такие растительные символы поля, его центра и связи с небом (или соответствующие искусственные сооружения с вертикальной доминантой) акцентируют идею открытости поля — вширь, вдаль, ввысь (ср. лтш. *klajā laukā*, т.е. в чистом, открытом поле, под открытым небом; впрочем, и само *lauks* обозначает, согласно ME 2, 426, "das Freie, das freie Feld, im Gegensatz des von der vier Wänden eingeschlossenen Raumes, auch des Waldes od. der Stadt"; visu dienu pa lauku skraidīt 'den ganzen Tag im Freien, draussen umherlaufen'; поле — свет, тогда как лес — звук, отсюда и пословица *mežam ausis, laukam acis*, ср. *lauks* Adj. с мотивом белизны, светлости). Одним словом, свободное поле — свободный хозяин его.

Прусс. {*lauk-} находит соответствие в многих десятках и даже сотнях вост.-балт. топонимов с тем же элементом и в целом тех же типов. Собственно, по данным, относящимся к Литве и Латвии, там таких названий больше, чем в старых прусских землях, и тем не менее прусская картина поучительней: на меньшей территории топонимы на *Lauk-*, заведомо очень неполно собранные (в отличие от данных по Литве и Латвии), расположены гуще, концентрированнее и, главное, наряду с топонимами на *Kaim-* оставляют далеко позади себя все прочие топонимические факты. Этот особый удельный вес *Lauk-* (как и *Kaim-*) топонимов важен не только сам по себе, но и в связи с несколько иной структурой прусского способа освоения земли, в силу исторических судеб не имевший продолжения (в отличие от вост.-балт. ареала): здесь "Landnahme" состояло прежде всего в соз-

дании полей и небольших (иногда из двух-трех дворов) поселений при них, как бы подчиненных стоящему в центре всего полю (характерна связь лтш. *lauks* 'поле' и *lauki* 'деревня', 'село', *uz laukiem* 'в деревне', 'в селе', *lauku mājas* 'усадебья', 'хутор', ср. *lauku ceļš* 'проселочная дорога', букв. — 'полевая', к связи *lauk*-поля и *lauk*-села). Ни городá, ни бургги-крепости не отвечали потребностям (по крайней мере, в доорденскую эпоху) этого земледельческого, "полевого" ("сельско-полевого") по преимуществу народа, что и было, конечно, одной из важнейших причин весьма слабого движения к объединению, к выработке необходимых в тех исторических условиях предгосударственных структур и соответствующих идеологических концепций. И в этом отношении материалы о распространении *lauk*-топонимов в прусских землях дают диагностически важные показания не только о ландшафте, земледелии, экономике, но и о заселении этих земель, формировании сети комплексов "поле — село" (деревня, хутор). Ловмянский Stud. рос. lit. I, 1931, 102—107 справедливо писал, что, несмотря на существующие неясности, "terytorium jednostki gospodarczej przedstawiało się współczesnym jako skupiona, zwarta całość topograficzna" (102). Свидетельством этому может служить сам факт обозначения этой хозяйственной единицы в латинских, немецких, польских источниках XIII—XVIII вв. как *campus*, *Feld*, *pole*, отражающих описываемое этими словами прусское понятие "laucks" (то же верно и в отношении лит. "laukas", тогда как латышской аналогией нужно считать "pagasts"). В большинстве случаев "лауками" называли заселенные местности (хотя есть и противоположное мнение, что лат. *campus* относилось к месту разоренной, опустевшей деревни, см. Weber Prcussen, 134), причем иногда предлагались и конкретизации этого общего мнения, напр., что *campus* представлял собой место, где находилось поселение высшего слоя прусского населения ("начальников"), и представлял собою площадь размером в несколько сот гектаров (Meitzen, Grossmann Boden u. landwirt. Verh. Preuss. St. VI, 1901, 136). Вместе с тем сильную позицию занимают и сторонники физиографического толкования понятия *campus-laucks*. По их мнению, это понятие относится к пространству, если не полностью, то в основном безлесному, характеризующемуся, видимо, целой совокупностью полей: *campus-laucks* как "Gefilde" (Plümcke Zur ländl. Verfass. Samland. 1912, 51; Mortensen Siedl. Samland. 307; Rousselle APr. Forsch. 3, 1926, 7 и др.). Видимо, верно соображение, согласно которому *campus* (и, следовательно, *laucks*) употреблялся в обычном бытовом и специализированном (как *terminus technici*) значениях. Ловмянский приводит характерный пример из документа 1284 г., где говорится, что епископ Вармии дал некоему "коморнику" Герману "са m p r i m qui Kirpa in vulgariter dicitur" со всем "quidquid infra dictas granicas ... continetur sive in silvis, sive in campis (Cod. dipl. Warm. I, N 57). На этом и подобных основаниях делается вывод, что в "техническом" смысле слова *campus-laucks* с физиографической точки зрения состоит из ряда "obszarów otwartych", разделенных лесными полоса-

ми. Но не менее важно и то, что эти "открытые территории" одновременно должны рассматриваться как "поселенческие" категории [показательно, что одни и те же категории выступают то как *campus*, то как *villa* (*lauk-* vice versa *kaim-*); иногда же название поля кончается на *-kaim*, а название деревни, усадьбы — на *-lauk-*], ср. Bender Erml. Stell. 1872, 41; Poschmann Stell. Kgr. Braunsberg. — ZfGesch. Alttert. Erml. 17, 1910, 523—524; Łowniański Op. cit. I, 104 и др. Ср. типичные объединения двух этих понятий: *eyn dorff, das do heysset Syreyn, mit seynen felden unde andern dazzu gehoren* (PU I, 2, N 204, 1263 г.); ... *villam et campum Lethen* (Ibid. I, 2, N 475, 1285 г.) и др. Поэтому нельзя не согласиться с Ловмянским, что понятия территории, занимаемой поселенческой единицей, и *campus-laucks* взаимно покрываются (такое же явление прослеживается в Литве и Латвии, хотя терминология и меняется). Общий вывод состоит в том, что *campus-laucks* представлял собой достаточно протяженную территорию, в целом замкнутую, а это, видимо, говорит за то, что обрабатываемые деревенскими жителями земли, разбросанные в виде отдельных островков в отдаленных пущах, в состав *campus-laucks'a* не входили. Следовательно, прусский *campus-laucks* охватывал только главный комплекс земель, обрабатываемых жителями данного поселения; остальные же земли (*grunty*) рассматривались лишь как относящиеся к *campus-laucks'у*.

В свете этих наблюдений и выводов уяснение конкретных обозначений прусских "лауков" в дошедших до нас источниках и типы их "классифицирующих" определений представляют большой интерес как с собственно прусской точки зрения (стоит только напомнить, что реально не всякий *laucks* равнозначен лат. *campus'у*; есть "лауки", которые равнозначны простому полю — лат. *ager*), так и с точки зрения общебалтийской перспективы "osadnictwa" балтийских народов в средние века. Поэтому сходства и различия в *lauk*-топонимах разных частей Прибалтики весьма существенны. Восточнобалтийские *lauk*-топонимы при обилии точных параллелей и близких прусским типов в целом все-таки входят (и сами образуют) в несколько иной контекст "osadnictwa". Ср. лит. *Laukėliai, Laukėlis, Laukėnai, Laukėnėliai, Laukiai, Laukiai, Laukinė Kubiliškė, Laukiniai, Laukiūčiai, Laukiniškai, Laukiniškė, Laukiškės, Laukiškiai, Laukuva, Laukūnai, Laukesà, Laukystà*; composita с *Lauk-* в первом члене — *Laukāgaliai, Laukagaliai, Laukāgalis, Lauāgalys,-is, Laukagaliai, Laukagalėliai, Laugiriškiai, Laukdvariai, Laukiāpušis, Laukminiškiai, Laukóduma, Laukodumikė, Lauksargiai, Lauksargis, Lauksodis, Laukūgalis, Laukžemė, Laukžemiai* и т.п. (LATSŽ 154—155); composita с *-lauk-* во втором члене: *Antlāukis, Aukštālaukiai, Aukštalaūkiai, Aukštalaukys, Ažūlaukė, Bāltalaukis, Baftlaukis, Býtlaukis, Bóblaukis, Brēdlaukis, Dāglaukis, Daūglaukis, Dīdlaukė, Dūdlaukis, Dulkių Laukas, Dvāralaukis, Dženčialauka, Galālaukis, Galilaukė, -is, Galūlaukis, Gīrlaukiai, Gūdlaukis, Jonālaukis, Jūodalaukis, Juodalaukiai, Kalnālaukis, Kūrpālaukis, Mēdlaukė, Róplaukiai, Rūdlaukis, Senālaukis, Taurālaukis, Visalaukė* и др. (LATSŽ 10, 17, 19, 25, 29, 37—39, 51, 56, 61, 67,

69—70, 76—77, 87, 95, 106, 109, 117, 149, 178, 265—266, 275, 314, 348 и др.; ср. в гидронимии лит. *Laūkė, Laukantė, Laukesà, Laukesas, Laukinė, Laukinės Grūšios upėlis, Laukinis, Laukinis, Laukystà, Laukojys, Lauko Pamargis, Laukbudis, Lauktakis, Laukupė, Laukupys, Laukupis, Laukupis, Laukū upėlis* (LUEV 88; Liet. hidr. 61, 93, 102, 136—137, 156—161, 172, 185, 233, 237—238, 256, 272—273; LHEŽ 183). Не менее многочисленны латышские топонимические и гидронимические примеры: *Laūks, Laūka, Laūkaiņi, Laukeine* (1811), *Laūkaiši, Laukuču* (Gen. Pl.), *Laukesa, Lauķese; Lāukis, Laūki, Lauķelis, Lauķene, Lauķenieks, Lauķins, Lauķiņi; Lāucis, Lauce* (1795), *Laūči; Laucīte upē, Laūces, Laūcinieki, Laucienes-, Lāucines, Lauciniškas, Lauciņas, Laūciņš, Laūciņi, Laucēsa, Lāucīte, Lāucese, Laucēsas-, Lāucene, Lauceenieki* и др.; composita с первым членом *Lauk-/Lauc-*: *Lāuka-gaļi, Lāuka-kalns, Laūka-ķīvjī, Laūka-lapsas, Lauk-lapses, Laūka-leja pļ., Laukumuiža, Lauka-priēkuļi, Lāuka-saŕgi, Lauk(a)-sargi, Lauku-lībjī, Lauku-meīri, Lauk-apara, Lauk-ēzara-kalns, Lauk-ērči, Lau(k)galas, Lauģaļi, Laukgaļi, Laukgalnieki, Lauk-gravas, Laukalēji (< Lauk(a)-kalēji), Lauk-laīdariņi, Laukmaļi, Laukmaņi, Lauk-muižas, Lauk-namiķi, Lauk-sargs, Lauk-sargi, Laukupis; Lauces-upē, Lauču-kalns, Lauces-upīte* и т.п.; composita с вторым членом *-lauk-/lauc-*: *Staba-laūks, Sudraba-laūks, Kaln-laūki, Kambarlauki, Liēl-laūki, Maz-laūki, Pus-lāuki, Kasparu-laūkmaļi; Mazais-laūciņš* и т.п. (LV I, 2, 267—272; Dambe Onom. arcer. 1987, 41—42); лтг. *Lāuki, Лауку, Lauki ez., Laūči, Lauciški, Lauciniškas, Lāucines, Lauciņi, Lāuciņi; Laugaļi* (PN Latg. 263—264); куршск. *Laukuppe*, 1566 (KF 119). Сюда же и Nom. pr. того же корня — ст.-лит. *Lawka* (Gen. Sg.); *Lowkiewicz; Łowkis, Łowkaycis*, совр. *Laūkis, Laukūnas, Laukiūnis, Laukūnas, Laukėlis, Laukūtis, Laukėvičius, Laukūtis* (Liet. antrop. 164); ст.-лтш. *Loutsyn*, 1473 (= *lauciņš*), *Lautze, Louke, Lauk* (?) (LPV 206, 294, 295, 331); куршск. *Gayl Lauk*, 1541, *Louke Matz*, 1582—1585; *Leveke Vese*, 1582—1583; *Loucke Vese*, 1585; *Laucke*, 1355—1362 (?); *Louwgall*, 1495; *Jorg Schneyder Laukengall*, 1541; *Jane Lougalle*, 1582—1583; *Jane Lougalle*, 1585; *Michel Laugallis*, 1591 (: *laukgalis* 'конец поля'). KF 301. Ряд названий перекликается с прусскими, приведенными выше; особенно показательны двучленные названия типа прусск. *Lawkaser, Locazar* — лтш. *Lauku-ēzers* или прусск. *Stabelauken* — лтш. *Staba-laūks*, или прусск. *Poslawcin* — лтш. *Pus-lāuki* и т.п. К поднятой выше теме охранителей поля (*lauk-sarg-*) ср. лтш. *Laūk-sārgi, Lauk(a)-sargi, Lāuka-saŕgi* и др. Ряд названий того же типа сохраняется в мазурской топонимии и гидронимии, где они продолжают прусское наследие, ср. *Lawke, Lokasir* и под. при совр. *Ławki*, озеро (нем. *Lockhäuser See*); *Laukappe* при совр. *Ławka*, ручей; *Laukemedien, Lackmedien*, 1595 (Hennenb. I, 246) при совр. *Lakmedy* (нем. *Lackmühl Wald*); *Ławki, Lawker See, Lauker See; Ławki, Laske* и др. (Słown. nazw. Mazur II, 91, 126, 302, 306, 307); *Ławka, Ławki* (Słown. geogr. PZP I, 172); висл. *Ławki, Lauker See, Ławki* (HW 487, 649); вармийские формы, восходящие к прусск. *Laukmedjan и *Laukogedē (Pospiszyłowa Top. Warm. 44, 87, 216). — О польских и немецких названиях, содержащих прусск. *lauk-* см. Zabrocki Atti VII Congr. Intern. Sc. Onom. 1961, 179—184. — Гидро-

нимы (реже топонимы), восходящие к и.-евр. *leuk-/*louk-, встречаются нередко и в других ареалах, прежде всего в Европе, ср. др.-греч. Λευκή, Λεῦκτρα, Λεῦκων, Λευκάς и т.п., иллир. Λεῦκαρος, венецк. (?) Λευκάριστος и т.п. (о кельтских топонимах см. Evans Gaul. PN 1967, 358—359; Birkhan Germ. u. Kelt. 1970, 42, 187, 327; о ср.-в.-нем. *Mein-löh* в связи с галльск. *Laucus* см. еще Much Deutsche Stammesk. 1905, 51—53 и др.), но в связи с ареалом балт. *Lauk-* они не очень информативны: балтийские названия с этим корнем (за очень редкими исключениями или немногими примерами, проверка которых затруднена) относятся именно к полю; небалтийские продолжения *leuk-/*louk- чаще всего оказываются цветовыми обозначениями, не связанными с полем; кроме того, они обычно обобщают ступень *e* корня и нередко расширяются за счет словообразовательных элементов, которые в подобных случаях в балт. языках не выступают. Как известно, названия с *leuk- отмечены и в зап. половине Малой Азии. — Очень характерна резкая граница между балт. *lauk-* ареалом и слав. *polje-* ареалом. Она отсылает к хронологии использования этих элементов для обозначения поля как противопоставления лесу (балт. и слав. названия расходятся и в этом случае) и поля как типично земледельческого угодья, появляющегося в определенный исторический период и в разных местах в разное время. Балтизмы же с этим корнем в гидронимии ныне славянских территорий хорошо известны, ср. днепр. *Лучеса, Лучесенка, Лучесьянка* (Būga RR I, 415—416, 462, 505—506, 513, 517—518, 526; II, 284, 297; III, 501—502, 530—531, 880 и др.; Vasmer SBPAW 1932, 652; LEW 345; ЛАВП 194—195); что касается *Лукавец, Лукавка* и под. в басс. Сожи, то наряду с слав. параллелями, восходящими к *lqkь, *lōka, *lqkavь (ср. польск. *Łęka, Łękawka* и под.), см. ЛАВП 218—219, можно, особенно учитывая этот ареал, богатый балтизмами, думать и о балт. происхождении названия, ср. прусск. *Lawckaw* (см. [*lauk-av-]), лит. *Laūkuva* и под. Из топонимов (ср. *Лаўкі, Лавки, Лаукенікі* (Гродн.). Слоун. назв. Гродз. 136; *Лаўкі*, поле, сеножать, часть деревни (Минск.); *Лоўк*, поле, *Лоўкішкі* (Гродн. Витебск.). Мікратап. Белар. 138, 142; из физиографической терминологии — *лаўка* 'лука', 'луг' (Бессонов Белор. песни 1871, 149, см. Белар. географ. назвы 105); к балт. *lauk-* как ландшафтному термину см. Невская Балт. геогр. термин. 47. Непокупный Балт.-сев.-слав. 1976, 182—183 сообщает блр. *лўкі, лаўкі* (Свирь, Мядельск. р-н, Минск. обл.), дублет, употребляемый информантом применительно к названиям тоней (*лаўкі* — в более непринужденной речи) и предполагающий, видимо, стилистическую дифференциацию; автор подчеркивает в данном случае контаминацию двух разных по происхождению форм, сопрягаемых тем не менее в одну лексему в силу сходства в значении и звучании (ср. Лаучюте Слов. балтизм. 69). Можно полагать, что и во многих других случаях в основе блр. *Лука* и под. лежало не слав. *lqka, но балт. *lauk-*. Слово того же корня, но иного употребления (о корове с белым пятном на лбу), заимствовано в польск. виленск.

говорах — *toykiata* (Turska, Вержбовский) и в идише литовских евреев — *lōuke* (Lemchenas Liet. įtaka žydų tam. 1970, 97), см. Слов. балтизм. 80.

laucka, см. *laucks*.

laukan, см. *laucks*.

{*lauk- & *ape}, ср. *Laukappe*, 1321 (APON 83). — См. [*lauk-], *laucks*, *ape*. — Ближайшие параллели — лит. *Laūkupė, Laukupė, Laūkupis, Laukupis* (ср. *Laukū upālis*); лтш. *Laūkupis, Laūk-upe, Lāuces-upīte, Lauces(e)s upe*; куршк. *Lauckuppe*, о которых см. выше. — Из *laucks* 'поле' и *ape* 'река', см. Daubaras Baltist. 19, 1983, 185.

{*lauk-av-}, ср. *Lawckaw*, 1507 — при *Lawke*, 1411—1419; 1469; *Laucke*, 1419 и т.п., позже — *Lauck* (APON 84).

{*lauk- & *azar-}, ср. *Lauken*, 1306, озеро; *Lacasar*, 1308; *Loucasir*, 1338; *Locaser*, 1354; *Lawkaser*; *Lawke*, 1395, позже — *Lockhäuser* (APON 83). — Сложное двучленное название; к первой части см. [*lauk-], *laucks* 'поле', ко второй — *assaran* (*azar-) 'озеро', см. Daubaras Baltist. 19, 1983, 185. — Ближайшие параллели — лтш. *Lauk-ęzarakalns, Lauku-ęzers*, лит. *Laukinis ęžeras* и под.

{*lauk-en-(?)}, ср. *Lauken*, озеро, 1306 (APON 83). — См. [*lauk-], *laucks*, [*lauk-en-īt], [*lauk-en-ik-]. — К параллелям ср. лит. *Laukėnai*, лтш. *Lāucene* и т.п.

{*lauk-en-/in-/ik-}, ср. *Leukeniken*, 1301; *Lawkeniken*, ок. 1405, позже — *Lauknicken* (APON 83: *laukinikis*). — Из параллелей ср. лит. *Laukėnai, Laukėnėliai* или *Laukiniai, Laukiniškai, Laukinis*; лтш. *Lāucene, Laūcenieki, Laūķenieks* или *Lāucines, Laūciņš, Lauciņi, Laūcinieki* и т.п. — См. [*lauk-], *laucks, laukinikis*.

{*lauk-en-īt-}, ср. *Lauknithe*, 1388; *Laukenithen*, 1427; *Lawkeniten*, 1427 (APON 84). — См. [*lauk-], *laucks*. — Ср. лтш. *Laūkene, Lāucene* и *Lāucīte*, где оба эти суффикса представлены порознь в названиях того же самого корня.

{*lauk- & *ged-}, ср. *Lauchogede*, лес, 1473 (APON 84: "anscheinend zweistämmiger Personennamen", ср. *Mili-gedo, Tuli-gedo, Wayni-gedo*). — Сложное двучленное название; к первой части см. [*lauk-], *laucks*; ко второй — [*ged-], широко употребительное как в топонимии, так и в ономастике.

{*lauk-in-}, ср. *Laucyn*, 1351—1382 — при *Laucke*, 1419, позже — *Lauk*; — *Laukins*, 1317 (APON 84: -in- или из *Laukints, ср. Nom. pr. лит. *Laukintas*). — Ближайшие параллели в лит. *Laukinis, Lāukinė*, лтш. *Lauciņas, Lauciņš, Lāucines*, лтг. *Lāuciņi, Lāucines*. — См. [*lauk-], *laucks, laukinikis*.

laukinikis 'землевладелец', см. ниже Э 407 ('Leman'). Nom. Sg. masc., в маленьком, но очень показательном "социальном" фрагменте словаря — Э. 404: *Rikis* ('Herre'), Э. 405: *Konagis* ('Konig'), Э. 406: *Waldwico* ('Ritter'), Э. 408: *Tallokinikis* ('Vrier'), Э. 409: *Kumetis* ('Gebuer') и т.п. — Значение 'землевладелец' (см. РКР II, 31) может дать повод к некоторым заблуждениям, поскольку в данном случае землевладельцем является ленник или, как определяет нем. *Lehnsman/Leman* DWb. VI, 538, 'wer vom Oberherrn ein Lehen erhalten'. Реаль-

ный комментарий сообщает, что в Пруссии орденских времен этим словом обозначался "Grundbesitzer jeder Art, da der Orden als Herr über Grund und Boden galt" (Lohmeyer Gesch. Ost- u. Westpreuß. 1908, 188—189). Но, с одной стороны, владение землей не всегда осуществлялось через ленника; с другой же, в прусских условиях Lehnsmann'ом, ленником фактически мог быть, видимо, и крестьянин-арендатор, испольтчик, обычно называемый *Lehnsbauer*. В этом контексте в определенных обстоятельствах "землевладельцем" могли быть и Lehnsherr, сеньор, сюзерен, и Lehnsmann, ленник, вассал, и Lehnsbauer, крестьянин-издольщик. Учитывая положение слова *laukinikis* в словаре между *waldwico* и *tallokinikis*, свободный от крепостной зависимости крестьянин (*laisvininkas*), следует думать, что Э 407 имеет в виду средний член землевладельческой номенклатуры — Lehnsmann'a, обладающего землей не "по наследственным жребиям" (*per sortes hereditarios*), как писал Галл Аноним на два с лишним века ранее, а по ленному праву. — Прусс. *laukinikis*, букв. 'владелец поля', содержит корень *lauk-* 'поле', расширенный двумя суффиксами (ср. SPV 45, 49; APON 249), нередко выступающими совместно, ср. здесь же *tallokinikis*, *schlūsinikai*, *balgninix* и т.п. — все обозначения социальной функции. — Наиболее близкие параллели в лит. *laukininkas*, в частности, 'крестьянин', 'земледелец' (ср.: Kol būsime laukininkai, tol būsime lietuvininkai; Laukininks laukia brangaus vaisiaus žemės. LKŽ 7, 181), но и просто 'житель полей', в отличие от лесных жителей (*Kurs be miško gyvena, vadinasi laukininkas*); лтш. *laucinieks* 'земледелец', 'надсмотрщик над земледельцами', но и тоже 'полевой житель', в отличие от лесного (*meženieks*) или приморского (*jūrmalnieks*). ME 2, 425. Эти же словообразовательные типы при том же корне используются и в топонимии, см. {**lauk-en(-in-)-ik-*}, а также {**lauk-*} и *laucks*.

— Лит.: Thes. 1873, 91; APSpr. 369; APON 87, 249; SPV 202; LEW 344; Būga RR I, 464; PKP II, 328. — {*laukininkis}.

{*laukis}, ср. лит. *aūlaukis* 'юго-западный ветер', 'марина'; 'юго-западная сторона'; слово распространено в Малой Литве и в говоре литовских рыбаков Куршского залива (см. Gerullis, Stang Liet. žv. tarm. 1933), ср. *aūlaukis vėjas* (у Куршата, s.v.); *Aūlaukis užvaro vandenį* (Клайп.); *Plauksiu aūlaukiu* (Клайп.); *Aūlaukis pučia atsiviepes* (Клайп.); *Pučia vėjas iš aūlaukiu* (Кинтай). LKŽ 1, 497; Clavis Germ.-Lith. II, 572 (конец XVII в.). Похоже, что это литовское слово, учитывая его характерную черту (*au-*) и распространение, заимствовано из прусского, см. Zinkevičius Liet. k. kilmė II, 1987, 33. — Для прусского реконструируется {*au-laukis}, префикс *au-*, корень *lauk-*, ср. *autūsnan*, *aūlaut* и др. (см. Пр. яз. I, 142—143) — Интригующе неясное название постоянного ветра у Даля — вондулук (I⁴, 820), без указания источников (*vand-lauk-* как ветер, связанный с ожиданием *lauk-* поднятия-нагона воды *vand-* (?)). Надо думать, что элемент *lauk-* здесь сродни русск. *лука* 'направление движения чего-либо' (ср. *aūlaukis* как обозначение стороны, направления), ср.: *Ветер*

третий день в одну луку дует (Симб.); *В одну луку* 'в одном смысле, в одном направлении' (Пенз.). СРНГ 17, 187, ср. русск. диал. *лука́ть*, *луки́уть* 'метать камни из пращи', 'попадать в цель', ср. *лука́ться*, *луки́уть* (СРНГ 17, 188), но и *лучи́ть* 'послать', *луча́ть* 'целиться', 'метить' (17, 209), *улучи́ть*, *улуча́ть* 'ища найти' (Даль 4, 1004: к прусск. *laukīt* 'искать'), ср. *улучи́ть* 'попасть в цель', 'удовольствие', 'споровить' (*Улучи́ла его калена стрела в правый глаз*) и отглагольное существительное *улу́ка*, довольно точно отвечающее прусск. *au-lauk-*; сюда же и *улу́чы* 'счастье', 'удача', 'спопутность' (4, 1005); как известно, для жителей юго-вост. побережья Балтийского моря юго-западный ветер — к *удаче*. Таким образом, *au-laukis* могло бы быть сопоставлено с праслав. **u-luk-jo-* < **ou-louk-jo-* и, следовательно, относится к тому же корню, что и прусск. *laukīt*, вост.-балт. *lauk-/lūk-* (ср. лтш. *nolūks* 'цель', 'намерение', *kādā nolūkā* 'с какой целью' и т.п.).

{**lauk-isk-*}, ср. *Laukiskin*, 1352; *Lawkischken*, 1517, позже — *Laukischken* (APON 84). — См. {**lauk-*}, *laucks* 'поле', суфф. Adj. *-isk-*. — Точные соответствия — лит. *Laukiškiai*, *Laūkiškės* (Герулис указывает *Laukiška*), ср. лит. *laukiškis*, *laūkiškas*.

{**lauk-īt-*}, ср. *Laukiten*, 1419, позже — *Laukitten* (APON 84). — См. {**lauk-*}, *laucks*, с суфф. *-īt-*. — Ближайшая параллель — лтш. *Lāucīte* ир. *laukijti*, см. *laukīt*.

laukīt 'искать' (II). К III, 45, 31 (Stas niturri surgaut adder tāls grijkans laukīt adder ermīrit... 'Der soll nicht sorgen oder weiter sūnde suchen...'). Infin.; — *laukijti*. К III, 73, 19 (*Laukijti tijt wīrstai ious aupallusis* 'Suchet so werdet jr finden'). 2. Pl. Imper. — В месте, соответствующем К III, 45, 31 у Вилента *alba toliaus ghrieku ieschkoti*. — К *laukīt* ср. также *aulaukis, (*kāima*)*luke* (Пр. яз. III, 147—149). — Этимологически точные параллели легко обнаруживаются в вост.-балт. и слав. языках, но требуют разъяснений семантического характера. — Прежде всего стоит обратить внимание на то, что два разных глагола, выражающих некое действие и его завершение, результат (*Laukijti ... wīrstai aupallusis*, соответственно *Suchet ... werdet finden*, т.е. 'искать' и 'найти'), семантически могут быть выражены одним элементом, но двояким способом в зависимости от того, исходить ли из первого или из второго глагола. В первом случае — 'искать' и "доискаться" (т.е. найти), во втором — "итти, ходить (ища)" и "найти, находить". Другое семантическое разъяснение связано с различием значений между прусск. *laukīt* 'искать' (из *laukēti) и лит. *laukėti* 'ждать' (ср. *Negaliu stovėti, nei tavę lauketi*. LKŽ 7, 179), формально точно ему соответствующим. Третье же различие выявляется из сопоставления таких глаголов того же корня, как лит. *tūkoti* 'ждать' и точным латышским соответствием ему *lūkāt* 'смотреть', 'осматриваться', но и 'пробовать', 'испытывать', 'пытаться' (ср. и *lūkiot*, *lukiot*). Исходным пунктом для развязывания этих семантических узлов надо считать исходное значение и.-евр. **leuk-* 'светить', 'сиять' и 'видеть', т.е. быть яркой метой и за-метить ее, т.е. увидеть, усмотреть.

Последовательное рассмотрение-осматривание с целью нахождения, собственно, и составляет суть поиска, искания. Примеров совмещения этих двух значений ('смотреть' и 'искать') немало в разных языках, ср., напр., лит. *veizdėti* 'смотреть' и 'искать' (*они в толпе смотрели /высматривали/ друг друга*, т.е. искали); *dairytis* 'осматриваться' и 'искать' (путем осматривания); лит. *mėklinti* 'всматриваться' при лтш. *meklēt* 'искать'; лтш. *glendēt* 'смотреть' и 'искать'; русск. *глядеть* 'смотреть' при чеш. *hledati* 'искать'; англ. *look* при *look about* и т.п. (см. Karaliūnas В. *kalb. bendr.* 1987, 90; Варбот *Этимол.* 1975, 32—34 и др.). Слав. *szrtati, проанализированное Варбот и совмещающее в себе такие разные значения, как с.-хорв. *szrtati* 'идти', 'ходить, как слепой', 'бродить', 'нестись' и т.д., болг. диал. *срѣта*, макед. *сртам* 'вглядываться', 'ожидать', русск. олон. *сёртать* 'ждать' и т.п., позволило исследовательнице построить приблизительно схему эволюции значений: 'двигаться взад и вперед' → 'топтаться на месте' → 'ждать' и т.п. или 'стремиться' → 'устраивать взгляд' → 'вглядываться' и т.д. Конкретные детали, начальный пункт эволюции, последовательность ее этапов могут меняться, но необходимо иметь в виду универсальные семантические импликации типа 'осматривать' → 'искать глазами' → 'искать', о чем уже говорилось, или же 'вглядываться' (т.е. еще не видеть ясно, но надеяться на "полное" видение) → 'ожидать' (пока не станет видно ясно и, следовательно, кончится ожидание, исчерпает свою цель). Мажюлис, имея в виду прусск. *laukīt* 'искать' и *luke*, справедливо заметил (РКР II, 172), что и лит. *laukti* еще сравнительно недавно означало не 'ждать', 'ожидать', но 'смотреть', 'рассматривать', 'осматриваться' (можно добавить, что следы старого значения обнаружимы как в отдельных употреблениях этого глагола в ряде контекстов, так и в метаязыковой сфере — в описаниях значений этого глагола: так, в LKŽ 7, 186 одно из значений *laukti* определяется как "būti kam prieš akis", быть перед глазами, на виду). Тем самым определяется место прусск. *laukīt* и лит. *laukėti*, *laukti* в схеме семантической эволюции: оно, по сути дела, общее, а различия лежат в сфере активности-пассивности. Прусский вариант: *laukīt* *'осматривать(ся)' → 'искать' (глазами) как активное целенаправленное действие, в котором ведущая роль принадлежит его субъекту. Литовский вариант: *laukėti*, *laukti* *'осматривать(ся)' → 'ожидать' как пассивное состояние субъекта, которое может быть снято только при вмешательстве объекта. — Выше практически были уже указаны основные литовские соответствия к прусск. *laukīt*. О них здесь стоит только напомнить, введя их в широкий круг глаголов того же корня, семантически близко связанных друг с другом и отсылающих к общему для них всех "первосмыслу": *laukėti* 'прежде всего, но и *laukti*; *lūkti*, *lūkurti*, *lūkurioti*, *lūksoti*, *lūkinėti*; *lukėti*, *luktel(ė)ti*, *lūkter(ė)ti* и т.п. (LKŽ, s. vv.; LEW 345). Среди латышских параллелей *lūkot* (*lūkuot*), *lūkat* (*lūkāt*) 'пытаться', 'стараться', но и 'смотреть' (*ņem, bāļņ, skaistu sievu, nelūkuo bagātības!* BW 12157; ср. *lūkuot* как terminus technici для смотрин: *lūkuo mani, tautu dēļ! tu lūkuoji, es*

lūkuoji: tu lūkuoji darbu manu, es tavu gudru paduomiņu. BW 10210), 'осматривать', 'искать' (как бы 'смотреть где', ср. *lūkuo cirvi dabūt!*), но и *lūkoties* (*lūkuoties*) 'смотреть', 'глядеть', 'осматривать(ся)' и соответствующие отглагольные имена — *lūkuošana*, *lūkuotājs*, *lūkātājs* и т.п. (ME 2, 518, 519), *noļūkoties* (*noļūkuot/ies/* и т.п.). Славянские параллели также очень точны и поучительны (прежде всего в семантическом отношении) и бросают луч света на прусск. *laukīt* и вост.-балт. примеры с новой стороны. Реконструируемый балт. глагол *laukēti находит полное соответствие в праслав. *lučati (< *loukēti), ср., напр., русск. диал. *лучать* (но и *лучить*, соверш. вид) 'целиться', 'метить', ср. *лучаться*, то же, но и 'иметь намерение', 'давать обещание' и др. (СРНГ 17, 207); ряд подобных значений ('попадать в цель' и т.п.) связывается и с другим глаголом того же корня *лукать* (17, 188). Следовательно, "активному" прусск. *laukīt* 'искать' вполне отвечает тот же "активный" аспект в *лучать(ся)*, *лукать* 'иметь намерение-цель' и 'достигать ее', т.е. попадать в цель, иначе говоря, не только искать, но и находить, причем эта активность принадлежит субъекту. Но вместе с тем на основании того же самого исходного материала формируется и пассивный аспект той же самой семантической ситуации. Праслав. *lučiti (но и *lučati) стали основой для языкового выражения категорий случая. "Случай" не ищут, он, строго говоря, не планируется, не входит в схему целевых установок (если не говорить о "низком" расчете на "авось"), но его могут ждать ("страдательный" аспект) или вовсе о нем не думать. В этой ситуации активен не человек, а сам случай или то, от чего он сам зависит, — рок, судьба, Бог; они или, если они не упоминаются, сам случай оказывается субъектом действия "делать так, чтобы случай имел место, чтобы случилось", а человек всего лишь объект неожиданно проявившегося действия. *Бог лучал (лучил); Коли Бог лучит, то зайду, сделаю, буду; Может, Бог зачем лучит [в Москву]; Бог не лучал туды мене, не за чем было идтить* и т.п. (СРНГ 17, 209) — характерные определения этой ситуации. И в таких обстоятельствах *лучать*, *лучить* означает 'случиться', 'очутиться', 'оказаться', 'попасться' и т.п. пассивные состояния, которые, однако, могут оцениваться и положительно — *sz-lucajъ: ст.-сл. сълоучаи сунтуча (Супр.) и то же слово в других слав. языках (впрочем, и само **luč-* без префикса могло тяготеть к обозначению положительного, даже максимально положительного: слав. *lučъžъ 'лучший' связано с *lučiti). Но слав. продолжения **luk-/luč-*, помимо активных действий ('метить', 'целить', 'бросать', 'попадать' и т.п.) и пассивных состояний, возникающих в результате "внешних" действий, отчетливо сохраняет и исходные "свето(цвето-)визуальные" значения, хотя связь между этими двумя кругами значений потеряна в большей степени, чем в балтийском. Ср. праслав. *lučъ, которое в отдельных слав. языках обозначает не только луч, свет, но и огонь, зажженную лучину, цвет и т.п. (ср. СРНГ 17, 209—211: *луч, луча, лучей, лучена, лучона, лучина* и т.п. — при прусск. *luckis* 'полено'). Тем не менее дальний рефлекс

семантического единства двух этих кругов ("светового" и "целевого", говоря условно), возможно, прослеживается в случае, когда *лучить* (*ся*), *лучевати* и под. обозначает ночную рыбную ловлю с помощью огня, луча от зажженной лучины (ср. русск. диал. *луч* 'огонь в лодке, при котором ловят рыбу'. 17, 209: *мастер был лучом рыбу ловить*). За этим "световым" мотивом можно угадать и "целевой": при таком способе ловли употребляли не невод, вершу, бредень и под. орудия, а другие, типа заостренной палки, копья, гарпуна, которые нацеливали на рыбу и метали или втыкали в отдельную, специально выбранную, лучом осветленную рыбу. В этом случае *лученье* или *лучба* рыбы могло бы, по крайней мере, пониматься и в ином смысле, ср. характерное описание: *Раньше лучевали с острогой, ночью с огнем щук били, вилы такие, палка на конце с головкой, в яну вбит гвозди и завернут концы их, это острога* (17, 209). Возможная вторичность такого "соединения" уже разных значений все-таки сохраняет поучительность этого примера применительно к типологии эволюции значений у слов этого корня в прошлом. К типологии ср. алб. *ruaj* 'беречь', 'охранять', 'наблюдать', 'присматривать' (алб. *rē*: лит. *regėti* 'видеть') и однокоренное алб. гегск. *resë* 'Neid; Ort, wo man die Fische erwartet, um sie zu fangen' (Jokl Stud, zur alban. Etym. 1911, 76). — Хотя некоторые другие и.-евр. языки сохраняют достаточно надежные параллели к прусск. *laukīt*, вост.-балт. и слав. соответствующим глаголам, все-таки различие оказывается значительным: в отличие от перечисленных языков и.-евр. **leuk-* и его продолжения сохраняют значение "светозрительного" комплекса. Ср., с одной стороны, др.-инд. *rōcatē* 'светить', 'сиять', *rōcāyati*, авест. *raoçayēiti*, арм. *lois* 'свет', *lusin* 'луна', др.-греч. *λευκός* 'светлый', 'белый' и т.п., лат. *lūceō*, *lūx*, *lūmen* (< *leuk-s-men), *lūna* (< *louksnā: прусск. *lauxnos*), пренест. *Losna*; др.-ирл. *luchair* 'блеск', кимр. *llyg*; готск. *liuhaþ* 'свет', *lauhatjan*; тох. АВ *luk-* 'светить'; хеттск. *luk(k)-* 'светить', 'зажигать', лувийск. *luḥa-* 'свет' (?) и т.п., и, с другой стороны, др.-инд. *lōkatē*, *lōcatē*, *lōcāyati*, *lōcāyati* 'замечать', 'рассматривать', *lōcana-* 'глаз', др.-греч. *λεύσσω* 'видеть', 'смотреть'; кимр. *am-lwg*, *cyf-lwg*, *eg-lwg* 'conspicuous', *llygad* 'глаз' (< *lukato) и др., см. Pok 1, 687—689; вероятно, из и.-евр. проникло в эламский слово *luk-* 'огонь' (Гамкрелидзе, Иванов ВДИ 1980, № 3, 18; ИИ II, 883). Наличие яркого светлого элемента и легкая воспринимаемость его определяют и ряд специфических названий животных или отмеченных особей среди них, в частности, и в балт. (см. Žukaitė Baltist. 16, 1980, 69 сл.); отчасти то же относится и к растениям.

— Лит.: Thes. 1873, 91; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 369; BSW 151—152; Osten-Sacken IF 33, 1914, 228; ME 2, 519; SPV 202; WP II, 411; Pok. 1, 689; ЭСР 2, 538; LEW 345; BL 1970, 144; OP 199, 228; Варбот Этимол. 1972. 1974, 48—49; РКР II, 172; Karaliūnas B. kalb. bendr. 1987, 90. — {*laukīt, *laukēt /?/: *laukīti, *laukīte; **lauk'iti*}.

{**lauk-* & **lauk-* (?)}, ср. *Laukoslauk*, 1318; *Loukauslauken*, 1340; *Locauslauken*, 1358; *Laukeslauken*, 1364; *Locauslauken*, 1365; *Lawkas-*

lauken, 1382; *Lokaslawen* (APON 84). — Видимо, вторично образовавшееся из синтаксического сочетания с Gen. Sg. в первом члене сложное слово, в котором в обеих частях элемент *lauk-*. Собственно, 'поля поле', 'поле поле'. — См. {**lauk-*}, *laucks*.

{**lauk-* & **med-* (?)}, ср. *Laukemedien*, 1326, позже — *Lackmedien*; *Laukemedie*, лес, 1400 (APON 83). — Сложное двучленное название оксюморного типа; к первому члену см. {**lauk-*}, *laucks* 'поле', ко второму см. {**med-*}, *median* 'лес'. Буквально, 'полевой лес' — при четком обычном противопоставлении поля и леса как в мифологической концепции пространства у древних балтов, так и в социально-экономических схемах: поле было в индивидуальном пользовании, лес — в общинном. Из параллелей ср. лит. *Mėdlaukė* (LATSŽ 178), с перестановкой элементов ('лесное поле'), как и в лтш. *Meža-?iuki* (LV I, 2, 424, ср. фамилию *Mežlauks*). — К соотношению *Laukemedē* en — *Lackmedien* в связи с транспозицией прусск. *au* см. Zabrocki — Międz konf. opom. 1961, 219. — Ср. мазур. *Lakmedy* (*Lackmühl Walde*) при *Lackmedien* у Генненберга, 1595 (I, 246).

{**lauks-* (?)}, см. {*lauks-jat-*}.

{**lauk-* & **sed-*}, ср. *Laucosedē*, 1295; *Luxeten*, 1339; *Luxten*, 1350; *Laucosedē*, 1385; *Lawxetin*, 1411—1419, позже — *Luxethen* (APON 84). — Герулис считает, что *Laucosedē* и *Luxeten* должны были бы трактоваться как разные названия, хотя они и локализируются в одной местности, если бы ни была засвидетельствована промежуточная, оба эти варианта связывающая форма *Lawxetin*. — Сложное двучленное название; к первому члену см. {**lauk-*}, *laucks*, ко второму — {**sed-*}, ср. *Sedunekaym*, *Garpseden* и под., *sidons*. В целом что-то вроде полевого поселения, "села" при поле и т.п. — Ср. лит. *Laūko Sodà* (LATSŽ 154).

laucks 'пашня', 'поле'. К III, 65, 28 (Tu niturei esse stesmu ist Perklan tīts bouse stas laucks twaise... '...Verflucht sey der Acker...'). Nom. Sg. masc.; — *laukan*. К III, 29, 34 (As druwē kai mien Deiwš Teikūnus ast ... Isspressenien bhe wissans seilins dāuns ast ... Prēistan rūkans bhe kurpins ist bhe pūton buttan bhe burwalkan Gannan bhe Malnijkans Laukan Pecku bhe wissans labbans... '...Acker vnd Viehe vnd alle Güter...'); 37, 14 (Wissan ka prei kermenēs maitāsnan prewerīsnan perlānkei kaigi stwi ast Ist Poūt Rūkai Kurpi Buttan Burwalkan Laukan Pecku Penningans Labbas... 'Acker vihe Gelt Gut...'); 65, 31 (...Bhe turei stan Sālin nostan laukan istwei 'vndnd solt das Kraut auff dem Felde Essen'). Acc. Sg. (в последнем случае точнее — Casus gen.); — *laucka*. Гр., ркп. С (копия, сделанная около 1750 г. Больцем и хранившаяся в Архиве Кенигсбергского университета), см. РКР II, 56 ('Felt'). Эта форма любопытна в ряде отношений. Во-первых, она сохраняет дифтонг *au*, тогда как в Гр. 29 *luncka*, в Гр.-Г. 68 *luncka*, в Гр.-Кип. 20 *Luncka* — как переводы или соответствия нем. *acker* или лат. *ager*. Во-вторых, эта форма, как и остальные ей соответствующие, должна, очевидно, пониматься как Nom. Sg. fem., что выходит за границы ожидаемого (ср. лит. *laūkė*, *laukė* 'плешь' или Adv. типа *laūka*/?/). В-третьих, при указанной морфологической неясности эта

форма отражает правильное других исходный тип. Наконец, еще одна "потенциальная" форма, обязанная своим происхождением Лескину (Dekl. 1876, 33—34): *laukã. Gen. Sg. masc., возникающая при трактовке прусск. *arrien tlãku* в духе лит. *ãria aĩt lauko* и не понятого "немецким пастором" (ср. St. OP 4.601). См. {*lauk-} и под., а также *laukinikis*, *laucagerto* и очень большое количество топонимов двучленного типа с вторым элементом -lauk-. — Ср. у Вилента ... *lauku pekumi ir wissu lobiu* (= К III, 29, 34); *Prakeikta buk ßeme dæl tawes ... bei ßoles lauka walgisi* (= К III, 65, 28, 31); ... *laukas pekus penigai turtas...* (= К III, 37, 14); в латышском Катехизисе 1586 г. ср. *tyrumte, lopes...* (= К III, 29, 34); *tyrumte lope* (= К III, 37, 14); ... *no ladeetcz gir tas tyrumis ... vnde thõw buhs to sale wuerson to louke ehst ...* (= К III, 65, 28, 31). Таким образом, всем этим местам прусского Энхиридиона отвечают у Вилента и в латышском Катехизисе 1586 разные способы передачи понятия поля-пашни, одинаково переводимым в Ъ. III словом *laucks*. У Вилента однажды появляется *ßeme*, в латышском Катехизисе, напротив, однажды встречается *louke*, а в остальных случаях *tyrumis*. — Контексты, в которых выступает в прусских текстах *laucks*, очень показательны: вчерашний язычник, прусс находил в тексте Катехизиса то, что он знал уже практически, — что поле (*laucks*) вместе со скотом и всем добром (имуществом) составляет основу его жизни, что оно необходимо "для питания (кормления) тела", что труд на поле скорбен ("труден") и что человек, ничего даром не получающий, должен питаться полевыми травами (*stan Sãlin nostan laukan*). Во всех этих случаях прусск. *laucks* передает нем. *Acker* 'пашня' (лишь однажды *Feld*), и поэтому здесь *laucks*, обычно понимаемое как поле, лучше переводить именно как пашня: поле — потенциально кормит человек, а пашня реально. — Название поля, кодируемое элементом *lauk-, является, несомненно, общебалтийским и восходит к и.-евр. *louk- (от *leuk- 'светить', 'сиять' и т.п.; как 'светлое' и, возможно, даже чистое, незаполненное, свободное, открытое как определения, внутренне связанные со светом-сиянием, поле противопоставлено лесу, обладающему в наиболее показательных описаниях в текстах народной словесности такими характеристикам, как темный, закрытый, заросший и т.п., хотя есть и исключения, см. ниже); поле и во многих других языках семантически мотивируется подобным же образом. Тем не менее корень *lauk- используется для обозначения определенных частей ландшафта, хотя бы в чем-то сопоставимых с полем, не только в балтийских языках. Наряду с прусск. *laucks*, лит. *laukas*, лтш. *lauks* (все — 'поле'; ср. *lauk* 'Gegend'. Kurisch. Wb. 1977, 47, здесь же *laukerpel* 'полевая мышь') и некоторыми другими словами, дополнительно выявляющими суть поля (ср. лтш. *laukums* как обозначение свободного ото всего плоского места и т.п.), нужно назвать и примеры из ряда других и.-евр. языков, где *louk-/*leuk- используются при обозначении места. Ср. др.-инд. *lõká-* 'мир' (ср. русск. *свет* как 'мир' и 'светлое пространство'), но и 'широкое свободное пространство' (Gonda Loka 1966, 7 сл.;

KEWAi. III, 113); венетск. *lo.u.ki*. Gen. 'lũci' (надпись № 148. Падуя: *e.n.t.o.l. lo.u.ki. 'intulit hĩc'* или скорее *e.n.t.o.s lo.u.ki 'intus lũci'*), которое, согласно Lejeune Manuel vénète 1974, 257, 336, означает 'à l'intérieur de l'enclos consacré'; лат. *lũcus* 'священная роща' (ср. *sacer lũcus*, ст.-лат. *louco-*) при *lũcus* 'свет', 'день', оск. *lũvkel* 'in luso'; др.-англ. *leah*, англ. *lea* 'луг', 'поле', 'открытое пространство', др.-в.-нем. *lõh* 'пространство, поросшее низким кустарником' и т.п. Эти "лесные" *louk-названия не должны вводить в особое заблуждение в связи с указанным выше противопоставлением "поле" — "лес". Дело в том прежде всего, что сама "темнота" леса относительна: в темном лесу есть светлые поляны, просеки, прогалы; именно они и обозначаются прежде всего корнем *louk-: лат. *lũcus*, несомненно, светлая, разреженная роща (в отличие от *silva densa*. Cicero. и т.п.), и обряды совершались в ней, конечно, на относительно открытом месте (род поляны). Уже Шульце SBPAW 1910, 798ff (= Kl. Schr. 1933, 121, ср. также BSW 151; Schröder Dtsch. Namenkunde 1938, 223 сл.; Fraenkel TŽ 3, 1925, 485; IF 50, 1932, 17; REI 1, 1938, 407; LEW 344 и др.) показал, что в качестве tertium comparationis в таких случаях выступают в связи с лесом такие значения, как 'Waldblöße', 'Lichtung'. В этом контексте Френкель вводит в этот ряд и немецкие топонимы типа *Luckenwalde* (южнее Берлина), *Kr. Luckau*, ср. также о слав. элементе *Luh* в топонимии определенных мест Германии (Trautmann MH 98 сл.). Эти последние примеры в целом двусмысленны, поскольку равным образом могут восходить и к праслав. *lqka и к праслав. *lukъ, *luka. Различение продолжений этих двух типов возможно лишь там, где рефлекс q отличен от u или в случае сохранения носового гласного. Сложность усугубляется еще и тем, что в определенных случаях засвидетельствованы дублиеты q : u; о них — применительно к *lqka и *lukъ, *luka и в связи с балт. *lauk-* — см. Brückner KZ 42, 1909, 355; Fraenkel Erg.-Hf. к KZ 14, 59 сл.; Sławski Sl. Occ. 18, 1947, 263; Jēgers Verk. Bedeut. 129 и др. Тем не менее нет особых оснований сомневаться, что слав. языки сохраняют рефлекс праслав. *lukъ, *luka, хотя они обычно и растворены среди слов, восходящих к *lqka (иногда и *lqkъ), и могут быть выявлены отчасти при лингвистическом анализе конкретного материала. Так, напр., среди данных русских народных говоров, относящихся к словам с корнем *лук-*, можно довольно надежно различить две категории случаев: одна связана с обозначением изгиба, излуины, некоей горизонтальной или даже вертикальной кривизны, выгнутости (ср. *лука* 'берег излуины реки', 'залив', 'дорога, огибающая залив', 'глубокое место в реке перед косою' и т.п., не говоря уж о *лук*, орудие для стрельбы стрелами, приспособление для битья шерсти, катания валенок, ловушка на зверя, дуга из дубового прута у бороны и т.п. СРНГ 17, 186—187) и восходит к *lqk-; другая же категория случаев, напротив, лишена указанного семантического мотива и даже нередко подчеркивает идею ровности, плосизны. В этом случае вполне вероятно думать о продолжениях праслав. *luka/*lukъ (< *louk-), сопоставимых

с прусск. *laucks* и подобными же вост.-балт. словами. Правда, и здесь существуют примеры "смазанности" исходной картины (ср., напр., *лука* 'поемный луг, огибаемый рекою', *круглая лука* 'луговое место, окаймленное изгибом реки' и т.п. при наличии и других значений, лишенных мотива изгиба, см. далее); иногда выступают формы, представляющие, по-видимому, результат компромисса между исходными элементами **luk-* и **lqg-* (ср. *лук* 'луг': *Ай на луци дворянин коня пасет. Луки — луга при реке.* Смол. СРНГ 17, 185). Но вместе с тем немало примеров, которые не только с достаточной достоверностью продолжают праслав. **luk-* (соотносимое с глаголом **lukati*, **lučati*, **lučiti*, подобно тому, как **lqk-* соотносено с **lqkati*, **lqčati*, **lqčiti*; эта же картина известна и в балт.), но и обозначают то же, что и балт. *lauk-*, т.е. поле, пашню, некое ровное место в лесу и т.п. Ср. *лука* 'пашня у реки', 'луг', 'луговина' (*Лука моя, ты, зеленая, трава моя, шелковая! Выведу коня на зеленую лугу*), 'травянистая лощина, луг' (*А лука это низкое место куль реки, травы там растут хорошие. На луках у нас косят, или пашня там*), 'ровный и сухой участок лиственного или смешанного леса, где обычно хорошо рождаются грибы' (т.е., видимо, и светлый лес /ср. лат. *lucus*/, ср.: *Вот лука, а вот бор, по бору грибы боровые, по луке — грибы моховые*), 'лес, участок леса, окаймленный с двух или трех сторон водою' (что, вероятно, уже отсылает к **lqk-*) и т.п. Такое же положение характерно и для ряда других слав. языков, ср. блр. *лўкі* 'поле, сенажаць і паша' (Мікратап. Белар. 144), ср. *Лука* (луг), *Лукавіна* (луг), *Лука* (паляна на лузе) и др. (Яшкін Белар. геаграф. назвы, 108) и т.п. Материалы, относящиеся к словам с корнем **lqk-*, используемым в географической терминологии (Толстой Слав. геогр. терм. 1969, 114—116), не только содержат ряд поучительных примеров в свете высказанных ранее соображений (ср. с.-хорв. *luka* 'лес', 'низменное место, поросшее лесом' в словарях XVII в. Габделича и Белостенца и т.п.), но и косвенным образом свидетельствуют о взаимодействии слов с корнями **lqk-* и **luk-* и о постепенной победе (хотя и не окончательной) первых. Один из ярких ее результатов — усвоение продолжателями праслав. **lqk-* первоначально не свойственного им значения — 'поле', 'пашня', вообще 'участок земли', не определяемый изгибом; ср. польск. диал. *ląka* 'пахотная земля', чеш. *louka*, *luka*, *loučka* 'пространство земли, поросшее травой', словц. *lúka*, *lúčka* и т.п. Обратная ситуация, м.б., наблюдается в Гр., где нем. *Acker*, лат. *Ager* передается не только правильным *laucka* (рпк. С), но и *lupcka*, исходно поле не обозначавшим (но, разумеется, здесь возможна ошибка). Наконец, нужно помнить, что бесспорность существования слав. **luka-/lukъ* в пространственном значении подтверждается проанализированным выше в связи с прусск. **au-laukis* русским диал. *лука* 'сторона', 'направление' и т.п. Учитывая все это, следует, пожалуй, признать слишком категоричным утверждение об отсутствии в слав. слова, соответствующего балт. *lauka-* 'поле' (см. Boryś Z *poisk. stud. slaw.* 6, 1983, 68). — В связи с пространственным

аспектом прусск. *laucks* и ближайше родственных ему слов и идей широкого-далекого пространства, открытого вовне, уместно напомнить о характерных наречных употреблениях слов этого корня, ср. лит. *lauk*, *laukaĩ* 'вон', 'вовне', 'наружу', 'в сторону', *laukè* 'снаружи', 'во дворе' (а не дома), последнее слово употребляется и как Пгаер. (Tas medis stov laukè daržo, т.е. за садом); ср. также *iš laũko pùsės* 'снаружи', *į laũko pùsę* 'наружу', и т.п. (LKŽ 7, 176—179); лтш. *laukā*, *lauku* 'вон', 'вовне', 'снаружи' (т.е. на дворе, на улице) и т.п., ср. *kad tu izpulēu laukā!*; *kad tevi jupis (piķis, velns) laukā!*, но и *laukā sala kumeliņš.* BW 14813; *vienu lauku* 'über und über, durchweg' (ME 2, 426—427); ср. *lauk* 'außen', 'draußen', *laukesān* 'außerhalb'. Kurisch. Wb. 47. Почти бесспорно, что такие же употребления корня *lauk-* были известны и прусскому, хотя сам характер дошедших до нас прусских материалов и текстов исключает возможность фиксации в них подобных примеров. Ближайшую из известных параллелей к подобным употреблениям балт. *lauk-* образуют тохарские языки — тох. В *lauke*, А *lauk* 'далеко', 'на далеком расстоянии', 'вовне', 'прочь', и т.п., ср. тох. В *laukaĩĩe* 'длительный', 'долгий' (о времени), *laukar* 'вдаль' (?) и даже тох. А *lokĩt* 'чужой', 'гость' (букв. — 'дальний'), от *lok-*, подобно лит. *svėčias* 'гость', *svėtimas* 'чужой', лтш. *svešs* 'чужой', 'посторонний', ср. русск. *посторонний* — *сторона* (в смысле — дальняя сторона, не своя, не дом). Это балто-тохарское соответствие, предложенное Френкелем (IF 50, 1932, 16—17; LEW 344) и поддержанное рядом специалистов (Lane Lang. 14, 1938, 25; Pedersen Toch. 1941, 227; Duchesne-Guillemin BSL 41, 1941, 164; Krause, Thomas Toch. Elem. 1, 1960, 57 и др.), было оспорено ван Виндекенсом дважды — Lex. étym. tokh. 1941, 54; Tokh.confr. 1976, 265—266. Суть этих возражений в том, что сами тох. В *lauke*, А *lok* не первичны, но связаны с более простыми и "фундаментальными" элементами — тох. В *lau* и А *lo*, Adv. с тем же значением, которые не имеют ничего общего с и.-евр. **louk-*, но объясняются в свете и.-евр. **lou-/leu-* 'отрезать', 'отделять', 'разъединять' (ср. лат. *so-lvere*, др.-исл. *lauss* и также тох. АВ *lu-/law-* 'посылать'). Согласно ван Виндекенсу, тох. В *lauke*, А *lok* восходят к и.-евр. **lougō-*, именному производному от **leu-g²* и в этом смысле могут быть сопоставлены с арм. *lucanem* 'löse los', 'breche auf', *loyc* 'отпущенный', 'свободный'. В результате балто-тохарское соответствие предлагается заменить армяно-тохарским (ср. Solta Stell. Argm. 1960, 252). Как альтернатива приведенному выше мнению и как призыв к более взвешенным заключениям точка зрения ван Виндекенса заслуживает безусловного внимания, но, строго говоря, она, пожалуй, не опровергает принципиальную сторону балто-тохарского сравнения, но переносит его окончательную оценку в слишком отдаленную эпоху, где неясности растут быстрее, чем возможности нахождения новых конструктивных элементов.— Балт. *lauk-* обнаруживает экспансию в языки, которые в своей истории оказывались соседями балтов. Уже указывалось на следы балт. *lauk-* в некоторых названиях в Белоруссии. Блр. *лаўка*

в значении 'лука' (1 — ср. обратное явление в случае рефлексов слав. *lqk- — 'поле'), отмеченное в песнях (*на лаўца*), указано Непокупным Балто-сев.-слав. 1976, 182—183 (см. Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 69). Балт. *lauk-* попало и в финноязычную среду, хотя до последнего времени оставались сложности в отдельных вопросах. Связь финск. *laukki*, о животных с белым пятном на лбу, о самом этом пятне и звезде, с лит. *laukas* см. Suomen kielen 1958, s.v. Не вполне ясными оставалось финск. *laukko* 'яма', 'отверстие', 'лужа' и т.п. Утила Euroas. 7, 1970, 1—13 доказал единство происхождения этого слова и *laukki*. В производных образованиях разрыв в значениях сильно сокращается (ср. *laukama*, *laukamo* 'a meadow in the wood, a glade, a bare spot on the cultivated ground, a path mown in the grass or corn, a bald spot on the head' и т.п.), и общим семантическим компонентом оказывается обозначение зоны на некоей поверхности, выделенной в цветовом отношении. То же с соответствующими поправками относится к этому балтизму и в других языках, ср. эст. *laugas*, *laukjas*, *lauk* и т.д., вепс. *loukuz* и др.

Лит: Thes. 1873, 91; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 369; BSW 151; Būga RR II, 257; WP II, 408; ME 2, 426; SPV 202; Fraenkel IF 50, 1932, 17; LEW 344; Zabrocki Atti VII Congr. Intern. Sc. Onom. 1961, 179—184; van Windemens Tokh. confr. 1976, 265—266; Sabaliuskas LKK 8, 1966, 30; Uotila Euroas. 7, 1970, 1—13; OP 46; St. OP 4, 601; 10.023; 10.076; 10.102; Merlingen IF 83, 1978, 68; PKP II, 56, 285; Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 289, 291; Laumane Onom. apcer. 1987, 190—191; Karaliūnas Baltų kalb. bend. 1987, 90. — {*lauks, *lauk(a)s; *laukan; *lauka(?) или все-таки *lauk(a)s (?)}. —

{*lauks-ĵāt-}, ср. *Lauxioto dompno*, 1384; *Luxioto dempno*, 1385; *Lanziote dempno* (APON 85). — По Герулицу, "Weiterbildung" к Nom. pr. *Luxis*. Это название представляет собой двучленное словосочетание. В первом слове выделяется корень *lauks-*, представленный в чистом виде в таких названиях, как *Lauchsen*, 1286 (PU II, 309); *Lauxen*, 1299 (PU II, 440); *Lauken*, 1405; *Lawsken*, ок. 1405, позже — *Lawsken* (APON 84); к суфф. ср. Nom. pr. *Cariote*. Прусск. *Lauks-* находит соответствие, пожалуй, в лит. Nom. pr. *Laukša(s)* (Liet. antrop. 249), а прусск. *Lauks-* (ср. *Lawsken*) — в лит. *Лавскас* (Спрогис Геогр. слов. 1888, 161) и др. Проблема выбора идентичной прусской формы остается неясной при том, что идентичность самого места, называемого двойко, не вызывает сомнений. О *Lauks-* см. {*lauks-}. Что касается *Lauks-*, то продолжение анализа мыслится в двух направлениях: не выводимо ли оно из **Laukst-* (см. {*laukst-}) с диссимилятивным выпадением *t* перед вторым *t* в суффиксе или не связано ли *Lauks-* с *Luks-* (ср. лит. *Lukš-*, которое может происходить как от Nom. pr. /ср. *Lukšā*, *Lukšys*/, так и от апеллятива /ср. *lūkšis* 'lukšta, pelkinė puriena' и т.п., см. LKŽ 7, 679—680; LHEŽ 198/)? Во всяком случае заслуживают внимания основы с исходом на *-kst-*, *-ks-* и *-kt-* при одном и том же корневом элементе. — Второе слово данного словосочетания *dompno*, *dempno* соотносится с прусск. *Domponow*, 1342; *Domponow*, 1419; *Dampnauw*, 1469,

позже — *Domnau* (APON 30, 85), ср. также *Dompnikaum*, 1400; *Domnykaum*, 1400; *Domenekaum*, 1400, позже — *Dommelkeim*; *Dompnikaum*. 1426, позже — *Dommelkeim* (из **dompn-* & **kaim-*), но и *Corwe dompne*, *Muntileitis dummis* (APON 30, 70, 103). Учитывая эволюцию группы согласных в ишлауте *-bn-* > *-mn-* > *-mm-*, надежнее всего реконструировать источник в виде **dubn-* и, следовательно, ввести его в ряд лтш. *dubens*, лит. *dūgnas* (< *dubnas) и т.п., см. Пр. яз. I, 390—391; IV, 134. В целом — 'Лаксиатова падь ('впадина, ложбина)'

lauksnos, см. *lauksnos*.

{*laukst-et- (?)}, ср. Nom. pr. *Laukstiete*, 1270 (SRP 1, 109). APN 51; — *Lochstete*, 1299 (SU 98); *Louchstete*, 1305; *Lochsteet* (SU 120); *Louckstet*, 1433; *Locstet*; *Lochstett*, 1519, позже — *Lochstädt* (APON 90). Согласно Дусбургу, в целях укрощения самбов был сооружен, в частности, укрепленный лагерь, ранее называвшийся Виклантсорт, а позже Лаукстетом по имени тамошнего самба (*Infra apostasiam secundam ... et in successu temporis castrum Wiclantsort, quod dicitur nunc Locstete, a nomine cujusdam Sambite, dicti Laukstiete, qui ibidem morabatur edificarunt, munientes ea, ut facilius compescerent maliciam Sambitarum*. SRP 1, 109), ср. еще: ...ubi nunc situm est castrum Lochstete ... (1, 89). Это укрепление находилось на юго-западном выступе Самбии, неподалеку от Фишгаузена. Предполагают, что оно было построено в 1270 г., т.е. после военных действий в Самбии в 1250-х гг. (к хронологии см. Ewald Erober. Preuss. 3, 1884, 3; Wojtecki Stud. Pers.-gesch. Ord. 1971, 147; Powierski Dobra ostr.-golub. 1977, 62—64; Prūs. ž. kron. 377), на месте прежнего прусского укрепления (Boeticher Bau- u. Kunstdenkm. Ostpreuss. 1, 1891, 73—79; Vyczko Z badań. — Roczn. Olszt. 1960, 4, 157; Prūs. ž. kron. 388). Указание Дусбурга о том, что ранее *Locstete* назывался (castrum) *Wiclantsort*, в этом контексте скорее запутывает вопрос, нежели проясняет его. Встает вопрос — почему более древнее название не является прусским, тогда как известно, что прусское укрепление предшествовало здесь немецкому? Другая сложность связана с тем, что название *Wiclantsort* (в "Kronike von Pruzinlant" Николая из Ерошина — *Witlandisort*), о нем см. Тоерпен Hist.-comp. Geogr. 1858, 21; Neue Preuss. Provinzialblätt. 10, 1850, 177 сл.; Voigt Gesch. Preuß. 1, 1827, 37; Woelky — Mendtahl Urk. Bist. Samland 1891, № 58, № 87 и др., упоминается уже у Вульфстана, т.е. в конце IX в. (*Seo Wisle is swyde mucel ea, hio tolið Witland Weonodland; þæt Witland belimpeð to Estum...*), причем в явно более широком смысле, чем Самбия, к которой Висла не имеет отношения. Вместе с тем не вызывает сомнений, что для ряда источников Витланд уже, чем Самбия: он составляет лишь часть ее (ср. источники XIII в. — Альберик де Труа Фонтэн, Герхард фон Хиртцберг, "Чудеса св. Варвары" [ср.: *terram Sambie, que tunc Weydelant vocabatur, subjugaverunt*. SRP 2, 404] и обзор проблемы — Labuda Żródła skand. 1961, 107—109, 113; ср. Матузова Англ. средневеков. ист. 1979, 34 и др.). Или *Wiclantsort* у Дусбурга нужно понимать как некое определенное место, расположенное на территории Витланда? Наконец, каково соотношение

Lochstete (**Laukstet-*) и *Wiclantsort* (*Witlantsort или *Witlandisort*, как у Николая из Ерошина)? Что касается последнего вопроса, то, помимо возможности понимания *Lochstete* как исконно прусского слова, можно думать и о других возможностях: *-ort* (нем. *Ort* 'место'), конечно, дает основания и в *-stete* (второй части *Lochstete*), увидеть нем. *Stätte* 'место' и, следовательно, понимать всё это название как двучленное слово, вторая часть которого немецкая, а первая *Loch-* (**Lauk-*) — балтийская, конкретно — прусская. Если принять это предложение, то следует реконструировать прусско-немецкий гибрид, где в первом члене прусск. *lauk-* 'поле', см. *laucks*, {**lauk-*}, и отказаться от {**laukst-* (i)et-(?)}, признав объяснение Дусбурга (от имени самба) народно-этимологической этимологией. Встает вопрос, как понимать в этом случае *Lauk-*; напрашивается несколько возможных объяснений — 1) в широком смысле *lauk-*, будучи сильно десемантизированным в композитах, где оно является вторым членом, почти суффиксом или локальным классификатором (*lauk-*: лат. *locus*), могло бы рассматриваться как приблизительный (а функционально — как достаточно надежный) эквивалент нем. *Stätte* (*-stete*), а все слово тем самым выступало бы как тавтологическое гибридное построение ('место' & 'место'); 2) *lauk-* могло бы пониматься в своем собственном значении как 'поле': площадь замка представляла собой обширное четырехугольное пространство; 3) само положение *Lochstete* было, действительно, ярко отмеченным — на узком мысе между Балтийским морем и Вислинским заливом, открытом вовне, — и в таком случае прусск. *lauk-* могло бы пониматься в духе вост.-балт. *lauk* и под. — как Adv. 'вовне', 'наружу' и под., а все название *Lochstete* — как 'открытое наружу место', *offene Stätte*, *Offenstätte*, ср. *offenstehen* (*die Welt steht ihm offen*) и т.п. Но возможность подобной трактовки, при которой как бы отождествляются вторые члены указанных названий одного и того же места, вынуждает поставить вопрос и о соотношении первых частей — *Lauk-* (*Loch-*) и *Witlant-*, конкретнее — об этимологии *Witlant*, что приобретает особую важность в связи с зафиксированным названием Самбии как *Weydelant* (SRP 2, 404), а м.б., и в связи с распространением на этой территории топонимов *Weyden*, *Waydey*, *Waidipelkis*, *Wayditen* и т.п. (APON 191, 198). Как бы ни обстояло дело реально, но для носителя немецкого языка самбийское *Weydelant* естественно было бы понимать как обозначение пастбищных угодий (ср. нем. *Weideland* именно с этим значением) — независимо от того, немецкое (или — шире — германское) это слово целиком (или хотя бы только во второй его части), или оно прусское (балтийское), естественно, только в первой его части (**Veid-*/**Vaid-*). Трактовка же *Weydelant* (*Witlant*) в духе нем. *Weideland* приводит к признанию исключительной семантической близости этого названия с *Lauk-stete, причем пространственные классификаторы относятся к одной сфере (*land:* *stete*), а первые члены отсылают к идее специализированного пространства как поля-пастбища. Эти рассуждения имеют целью очертить круг возможностей, открывавшихся перед народно-этимоло-

логическими опытами толкования двух этих названий, привязанных к одному и тому же месту. Но картина все-таки останется неясной без определения "подлинной" этимологии *Witlant*. Предлагавшиеся решения этого вопроса достаточно разнообразны, и нет даже единого взгляда на его языковую принадлежность. Балтийской (в данном случае прусской) признавал первую часть этого названия Мюлленгоф (*Deutsche Altert. II*, 347): в *Witlant* он видел "nur eine halbe Übersetzung" прусского *Widsemme*, которое, следовательно, в точности совпадает с *Vidzeme*, названием одной из частей Латвии, букв. 'срединная земля' (ср. *vidus* 'середина', *vidējs* 'средний', 'серединный', *vidū* 'посредине' и т.п.). Балтийским считают первый элемент этого названия и некоторые другие специалисты (ср. Schönfeld Wb. altgerm. Pers. Völk. Nam. 1911, 264; Stender - Petersen Varang. 1953, 51 и сл. [исходя из того, что *Witland* означало землю, находящуюся "внутри", он предполагал ее на юго-запад от Самбии, название которой толковал как 'земля, находящаяся ниже', и, значит, исходил из противопоставления "внутренняя" земля: "внешняя" земля]; Bach Deutsch. PN 1943, 175; Batūra Prus. ž. kron. 388 и др.). Не получило одобрения объяснение *Witland* из пралехитск. *vidis с значением 'поток', 'река'; 'влага', 'влажная земля' (Rudnicki Sl. Occ. 8, 1929, 412—419, ср. критику Milewski RSl. 10, 1931, 235). Наибольшее число сторонников у точки зрения, определяющей это название как германское. Нередко это слово оказывалось в зоне внимания в связи с названием *Vidivarii* у Иордана (*Vid-*). В обоих этих названиях с корнем *Vid-* предлагалось видеть обозначение "лесных" жителей, ср. герм. *vidu-* 'лес', 'дерево' и т.п. (Much Reallex. germ. Altertumsk. IV, 418), и вся ситуация относилась ко времени пребывания готов и гепидов в низовьях Вислы. Позднее о связях между названием *Witland* и именем видивариев писал Лябуда (Sl. Occ. 19, 1948, 63—81). Германскую, но существенно иную этимологию *Witland* предложил Гюбенер, анализируя географический кругозор короля Альфреда (Engl. Stud. 60, 1925—1926, 49; ср. Speculum 6, 1930, 428—434): Витланд как "Weißland", ср. др.-исл. *hvitr-*, др.-англ. *hvit*, готск. *heits* λευκός др.-в.-нем. (*h*)wīz и т.п. При этом подчеркивалось, что обозначение территории как *land* типично северное (скандинавское) употребление. Эта скандинавская перспектива *Witland* получила особенно подробную разработку в середине этого века (ср. Ekblom Ortnamns vittnesbörd. 169; Ludat Z. Gesellsch. Schlesw.-Holst. 76, 1952, 21—22), будучи связана с проблематикой присутствия викингов на территории Самбии. См. также Ekblom AfslPh. 39, 1925, 185—211; Vasmer ZfslPh. 6, 1929, 151—154; 7, 1930, 142—150; 10, 1933, 305—309; Zfosteur. Gesch. 2, 1932, 1—6; Łowmiański Zagadn. roli pogr. 1957 и др. "Викингская" этимология слав. *vidędzъ (Brückner AfslPh. 20, 485; ZfslPh. 2, 1925, 296; 6, 1929, 64 и др.) и следы прусск. **viting-* (см.) создают, казалось бы, дополнительные предпосылки для истолкования *Witland* из скандинавских источников. И все-таки следует согласиться с мнением, согласно которому необходима новая ревизия проблемы *Witland* (Żródła skand. 109). Помимо указан-

ных неясностей существенными могут оказаться и хронологические аспекты при истолковании этого названия. Наконец, следует помнить, что и балтоязычное и германоязычное население, имевшее дело с Витландом, вероятно, выстраивало каждое собственную этимологическую версию. Но сам факт семантической переклички разных версий, отчасти поддержанный и звуковой формой названия, говорит об активном этноязыковом процессе осмысления *Witland*, без понимания которого и прусск. *Lochstete*, возможно, останется далеким от ясности. — Но, конечно, помимо этих более далеких связей и попыток их истолкования, остается простейшее и ближайшее объяснение через сопоставление, которое и легло в основание реконструированной формы — **laukst-et-*. Эта основа **laukst-* могла бы быть сопоставлена с лит. *Laukstėnai, Laukstėniai, Laukstūčiai* (LATSŽ 154—155); *Laukstėnų ēžeras, Lauksčėžeris, Lauksčiótas* (LUEV 88; LHEŽ 183) и с Nom. рг. лит. *Laukstutis* (Liet. antrop. 249), *Laukstens* (APON 90); ср., м.б., лит. *laukstūs* 'боязливый', 'пугливый', 'трусливый'; 'тоскливый', 'неуютный', *laukstūmas* и даже *lauksčióti* 'забывать', 'отказываться', 'стесняться', 'уклоняться' и т.п. (LKŽ 7, 184—185), ср. прусск. *laustineiti*. Впрочем, не исключено, что *k* в этом сочетании согласных в середине слова является неорганическим "вставным" элементом (-*st-* > -*kst-*), и тогда **laukst-* может оказаться вариантом более "правильного" прусск. *laust-*, см. {**laust-i-*}, выступающее в сопровождении разных суффиксов, в частности, и -*iot-* (-*iat-*), ср. Nom. рг. *Lawstioth*, т.е. **Laust-iat-* при **Laukst-et-* (или даже *iet-*).

{**lauma, *laume*}, Nom. рг. мифологического персонажа. При строгом подходе речь идет о реконструкции имени для персонажа, реально засвидетельствованного в описаниях прусских божеств и духов. Но, по сути дела, связь этого имени (сомнения относительно его ограничиваются вопросом о выборе формы с -*a* или -*e* в ауслауте) с соответствующим персонажем не только и не столько результат реконструкции, сколько данность, реальный факт. Проблема состоит в другом — в экспликации сведений, относящихся к этому персонажу и содержащихся в источниках. Прежде всего имя Лаумы зафиксировано в топониме из Натангии *Laumygarbis*, 1339 (APON 85), букв. — 'Лаумы гора', см. {**laum & *garb-*}. Далее имя Лаумы упоминается у М. Преториуса в четвертой книге его "Preussische Schaubühne oder Deliciae Prussicae", называемой "Idolatria veterum Prussorum" и составлявшейся в основном в конце XVII в. Рассматривать этот важнейший труд только как источник сведений по литовскому язычеству значило бы существенно недооценивать его значение. Сам автор писал, что его труд "Historische Nachricht von den Abgötterey der alten Preussen", что к нему приложены данные о реликвиях язычества, еще сохраняемых в Пёфеле в Надравии, в Шалавии (Скалови) и других провинциях. Весь жизненный опыт Преториуса (рождение в Клайпедде, пребывание в Кенигсберге, теснейшая связь с Вост. Пруссией, где он был пастором), специальный интерес к прусскому языку и культуре, которые в конце XVII в. еще существовали, хотя это был

уже последний их период, занятия прусским языком по катехизисам (Преториус "conferierte insonderheit was die Altpreussische Sprache und der heutigen Litauer Aberglauben und Gebräuche anlangt", см. Hartknoch Erleut. Pr. I, 117), интерес к предшествующей литературе о пруссах и т.д. — всё это подтверждает мысль о роли "Schaubühne" как источника сведений и о пруссах. И еще два благоприятных в этом аспекте обстоятельства. Во-первых, для конца XVII в. (и даже раньше, поскольку Преториус родился скорее всего в начале 30-х годов) пространство от южной части Клайпедского края до Самбии было довольно единым в отношении народных мифо-ритуальных представлений, где, собственно, и сохранялись следы язычества и имена соответствующих персонажей, и поэтому сколько-нибудь резкое разделение "литовского" и "прусского" в этой зоне в указанной весьма консервативной сфере едва ли возможно. Во-вторых, в отличие от последующих писателей Преториус не столько компилятор, сколько еще свидетель или, в сложных случаях, передатчик сведений о прусской старине. Целые фрагменты "Идолатрии" это именно описание прусского пантеона и прусских ритуалов, а не интерполяции в более знакомую ему литовскую картину. Необходимость этих замечаний определяется недооценкой в науке значения труда Преториуса как источника по мифологии пруссов. В главе IV, § 3 Преториус пишет: "Nach dem, was uns die Preussischen Chronisten, wie auch was wir aus eigener Erfahrung und augenscheinlicher Gewahrsam bemerkt, könnte man die altpreussischen Götter einteilen in Himmels-Erde-Wasser-Viehe — Menschen-Arbeits- und Handels-Götter. Zu den Himmels-Göttern gehören Occopirmus, Laume, Perkunas. Unter den Erd-Göttern sind Zemperattys Zemune oder auch Zemele, Zemeluksztis, Pusszaitis. Wasser-Götter: Antrimpus, Laumes (LPG 531—532). Эти сведения очень ценны и сами по себе и в исторической перспективе. Уже Тацит сообщал, что "gentes Aestiorum" почитают "matrem deum", т.е. Богиню-Мать. Почти через полторы тысячи лет Ласицкий, сообщая о жемайтских богах и воспроизводя (во всяком случае в общих чертах) ту же схему, которая была характерна и для прусских богов, писал: "Nam praeter eum, qui illis est Deus Auxtheias Vissagistis, Deus omnipotens atque summus, permultos Zemporacios, id est terrestres ii venerantur, qui nondum verum Deum Christianorum cognoverunt. Percunos Deus tonitrus illis est [...] Percuna tete mater est fulminis atque tonitruum ... (LPG 356). Три важнейших факта отмечены в этом кратком отрывке; они помогают восстановить тот контекст, от которого уцелело тацитовское сообщение о *mater deus*, с одной стороны, и, с другой, осветить ведущей идеей более поздние описания структуры высшего уровня мифологической системы у балтов. Первое — связь Перкунаса с "земной" темой через соседство с тем, кто выступает как Господин земли (*Žem- & pat-*), и через обращенную к нему молитву: *Cohibe, te inquit Percune, neue im meum agrum calamitatem immittas...* Второе — связь Перкунаса с *Percuna tete*

mater, ведающей, как и сам Перкунас, громом и молнией, которую можно понимать только как супругу Перкунаса (существенна сама последовательность — *Percunos, Percuna tete*). Третье — классификатор "мать" (*mater*), относимый к жене Перкунаса, у которого подчеркивается и связь с землей, и позволяющий диахронически отождествить "мать" *Percuna tete* с *mater deus* Тацита и женскими балтийскими мифологическими персонажами, не только связанными с землей и земными заботами, но и носящими имя, производное от слова "земля" (*Žem-/Zem-*, ср. имя-функцию супруга таких женских персонажей — *Žem-/Zem- & pat-*). Немногим далее Ласицкий приводит это имя, причем связывает его как раз с земной богиней: *Sunt etiam deae Zemina terrestris ...* (LPG 357). Идет ли речь в этом случае о *Percuna tete* или произошло типичное для балтийской мифологии раздвоение функционально единого персонажа в зависимости от уровня пантеона, занимаемого данным персонажем, в этом случае не столь важно (кстати, тут же по соседству сообщается еще об одной богине-матери, связанной как с родовспомогательными функциями, так и с темой супружества, семьи: *Matergabiae deae offertur a fæmina ea placenta, quae prima e matra sumta digitoque notata, in furno coquitur; hanc post non alius quam paterfamilias, vel eius coniux comedit.* LPG 357—358). Сравнение со схемой данного фрагмента из Ласицкого в предлагаемой интерпретации отрывка из Преториуса, приведенного выше, позволяет обратить особое внимание на ряд важных деталей: 1) имени *Perkunas* предшествует имя *Laume*, носительница которого по положению (смежность) должна быть, во-первых, супругой Перкунаса; во-вторых, если верить имени, положительно—"счастливым" образом (ср. прусск. *laeims*, лит. *laimė*, лтш. *laimė* 'счастье'); в-третьих, скорее всего (практически почти несомненно) представлять собой позднюю эвентуальную замену ранее находившейся на этом месте или сразу же вслед за Перкунасом другой богини, чье имя *Lauma/Laume* (Лаума, судя по другим источникам и соображениям, здесь обычна, Лайма же — исключение); — 2) Перкунас как небесный бог четко отделен от следующих за ним "земных" богов, которые носят соответствующие земные имена — *Zemepatys, Zemune* и т.п.; эта пара в свете сказанного выше и есть результат транспонирования *Percunas*'а и *Percuna tete* в их "земной" функции и в аспекте "земного" плодородия; — 3) среди "водных" божеств, по сути дела, связанных уже с нижним миром, находится имя *Laumes*; оказывается, что жена Громовержца Перкунаса как бы раздвоилась на две ипостаси, каждая из которых обособилась в своей функции: первая (*Laume < *Laume*) — небесная и связанная со счастьем, долей; она актуальная жена Перкунаса; вторая (*Laume*) — водная, связанная с иным кругом функций и занятий; она жена Перкунаса в прошлом ("историческая" супруга), видимо, отвергнутая им и теперь переименованная божественный статус на "демонологический" (к проблеме смешения Лауме и Лайме ср. еще Акелевич Месяцослов на 1861 г., 58—59: о Перкунасе, Вельнясе и Лауме в связи с критикой

Нарбута; впрочем, нужно помнить, что и позже наряду с *laumė* представительницы соответствующего класса назывались и *laimė, deivė, ragana* и т.п.). — Хотя Преториус в указанном фрагменте как бы и объявляет этот пониженный статус Лауме ("хуже", чем земной), далее (глава IX, § 23) он, обращаясь к "земным" божествам, упоминает не только *Zemepatys*'а и *Zemune* и других персонажей, чье имя содержит *Zem-/Žem-*, но и *Gabjauja*, "ein Gott über das Getreydigt" и, главное, *Leumele* (LPG 544: не достаточно оправданное исправление — *Laimėle*), о которой сказано: "... die Göttin der Geburt, die sie anrufen, wenn eine Kindbetterin hat oder sol eines Kindes genesen, dabei sie auch sonderliche Ceremonien haben" (кстати, нет полной уверенности также и в том, что в списке богов в "Ad plebem Lituanicam" форма *Laimėle* бесспорна). Не перечисляя других относящихся сюда фактов, все-таки необходимо подчеркнуть более интимную и лучше подтверждаемую как внутренними, так и внешними источниками связь с землей и функцией рождения именно Лаумы, а не Лаймы. Лаума как "земная" теснее связана и с конкретными обрядами жертвоприношения земле, о которых (не называя имени Лаумы) сообщают старые источники по балтийской мифологии. Два примера. Христиан Кельх ("Liefländischen Historia", 1695) сообщает о таких обрядах: "Ich habe selbst noch welche gekannt, die gewisse Örter in ihrem Hause gehabt, dahin sie Bier, Milch, und von allen Speisen, so sie gekochet, etwas geworffen, und wie sie reden der Erden geopffert" (LPG 489; далее автор рассказывает, что ему показывали заброшенные колодцы, куда нечто бросали, когда хотели вызвать дождь; ср. выше о Лауме как "Wasser-Göttin"). Сходный обряд у литовцев описывает Преториус: "Die Kauszele wird allezeit rein und trocken auf den Tisch gebracht. Der Wirt giesst in sie allewege zuerst ein klein wenig Bier, das er bald wieder ausgiesst für die Zemunele d.i. die Erdgötter. Dann erst füllt er ein. Bei eingigen wird nach dem Gebet der Zemunele wieder gegossen. Ist aber schon aus der Kauszele getrunken, so bleibt das unterwegs" (LPG 561). Еще более поздние источники вносят немалую путаницу в исходную картину. Так, если у Бродовского (Lith. Wb., нем.-лит. часть, 597: "Götze") находим: *Ceres Zemynal Zemespati Göttin des Getreyds ... Fortuna Laime Glück Göttin .., Lucina Laume Göttin der Geburt ..*, то у Ф. Руига в лексиконе иначе — *Žiemia, Žempati M. die Erdgöttin der Heyden... Laima, -ōs die Geburts, Glücks, Lebensgöttin der Heyden ... Laume, -ēs f. eine Erdgöttin der Heyden, ein Gespenst, welches, wenn man am Donnerstage spinnt, in der Nacht nachspinnen soll und drauf Unglück machen. Laumēs jūsta der Regenbogen. Laumēs paras ein kleiner brauner, etwas holer Donnerstein an den Sandbergen* (LPG 611—612). Словарная статья *Laume* у Руига полностью подтверждает независимую реконструкцию образа этого женского персонажа как жены Громовержца в прошлом (ср. обозначение небесной радуги как "пояса Лаумы" и т.п.); интересно, что Бродовский определяет *Zemepatys*'а как *Aolus, der Gott der Winden* (бог ветров — особая ипостась Громовержца,

ср. прусск. *Bangputtis*, см. Пр. яз. I, 192—193; кстати, у Руи́га есть статья *Bang-puttys der Seegott Neptunus*, непосредственно перед статьей о Перкунасе). В отношении Лауме Руи́гу в основном следовали и другие исследователи того времени (Г. Остермейер, К. Мильке и др.). Наконец, очень характерна заметка Стендера о Лауме, где он выступает, пожалуй, не только как собиратель традиционных фактов и их компилятор, но и как исследователь: *Lauma Göttin der Erde, die über der Erde herrschte, welcher der Abend vor dem Freytage, der Peektswakars hiess, geheiligt war, an welchem kein Mägden spinnen durfte. Besonders soll sie Macht über Regen und Hagel gehabt haben. Heutzutage ist lauma soviel als eine Hexe*" (ср. Lange 2, 171: *Lauma eine Erdgöttin ... Diese herrschete über der Erde. In der Erde war die Semmes Mahte. Von dieser fragen sie noch jizzo noch im Schers, wenn etwas in die Erde versunken, oder verloren ist*). LPG 629. Мотивы пятницы, запрета пряденья, вызывания дождя, как и статус ведьмы-колдуньи в более позднее время, отсылают к Мокоши (ср. позже Параскеву-Пятницу), которая также в результате независимой реконструкции обнаруживает в своем прошлом образ жены Громовержца (см. Иванов, Топоров БСл. Иссл. 1982. 1983, 175—197 и др.). Трактовка же Лаумы как *Zemes Māte* у Ланге подтверждает тезис о связи ее с землей, с земным плодородием и, в конечном счете, с Перконсом, вегетативно-производительные функции которого теперь признаются всеми — и для балтийской древности, и для индоевропейской мифоритуальной теории и практики. Хотя большая часть этих данных, особенно поздних, относится к вост.-балт. традициям, нет никаких оснований сомневаться, что те же (или в основном те же) мифопоэтические ассоциации возникали и в прусской традиции в связи с Лаумой. Данные об этом персонаже, почерпнутые из источников XIX и XX вв. (вплоть до наших дней), еще более подкрепляют ту концепцию, которая лежала в основе всего развития этого образа.

Характерная особенность Лаумы — ее двойственность, противоречивость, объясняемая указанной выше переменой ее статуса. Особенно показателен в этом отношении материал литовской традиции. Для более позднего времени лауме здесь уже не индивидуальный персонаж пантеона или пандемониума, но рядовая представительница класса духов природы. Описания внешности лауме весьма различны: иногда они имеют вид обыкновенных женщин или молодых девиц, нередко подчеркивается гипертрофированность женских признаков (большие груди, длинные волосы, красота); в других случаях они безобразны или вовсе лишены человеческого обличья; их дети описываются как уродцы с большими головами и слабыми ногами, не умеющие ни ходить, ни говорить. В функции злого духа лауме летает ночью по небу, занимается вредоносной деятельностью — душит спящих, вызывает кошмары, крадет или подменяет у родителей детей, вредит домашним животным (заезживает лошадей, заплетает им гривы, стрижет овец и т.п.), работницам (у прях прячет конец нити и т.п.); они нарушают привычный рельеф (нагромож-

дают холмы, вырывают озера, воздвигают замки, запруживают реки), пристают к мужчинам (муж лауме — *laumakis*) и т.п. Вместе с тем подчеркиваются типично женские занятия — стирка белья, прядение, тканье (комплекс Мокоши и других персонажей этого типа) — и в таких случаях очевидны положительные черты лауме. Живет она при воде, но человеку чаще всего является в избушке, в бане, в овине, в хлеву; отмеченный день для лауме пятница (поэтому людям она показывается в канун ее, в четверг вечером; впрочем, в вырожденных вариантах — и вечером в субботу), отмеченное время суток — вечер, ночь. Даже среди этих отрицательных характеристик многое отсылает — с переменной знаков — к божественному прошлому Лаумы, жены Громовержца, богини родов, покровительницы женских занятий (ср. мотивы четверга—пятницы, воды—огня, маленьких детей, особых отношений с мужчинами, женских занятий и т.п.). Вокруг имени Лауме—лауме сложился разветвленный словарь — апеллятивы и топонимы (о последних см. {**laum-* & **garb-*}, отсылающие как к ее прошлому, так и к ее настоящему, причем иногда одновременно. Таков, например, мифопоэтически отмеченный образ стрекозы как "чертова" насекомого, противопоставленного "божьему" насекомому — *diēvo karvūtė* 'божья коровка'. В литовском стрекоза обозначается часто как "конь (или конек) Лаумы" — *laūmžirgis* (ср. прусск. *laum-* и *sirgis*), *laumėžirgis*, *laumiāžirgis*, *laūmės žirgas*, *laūmės žirgėlis* и т.д., но и *laūmės arklỹs* при таких других обозначениях, как *vėlnio žirgas* 'чертов конь', *vėlniažirgis*, *velniažirgis*, *vėlnio žirgiukas*, *vėlnio arklỹs*; *ragánžirgis* 'конь раганы', *rāganos arklīukas* и т.п., но и даже *diēvo arklỹs*, *diēvo arklāitis*, *diēvo arklūkas*, *šveñto Jūrgio arlkiukas*, не говоря уж о "сверхсовременных" *araplānas*, *raplānas* и т.п. (Liet. k. atlas. 1, № 53, стр. 158—159, и карта № 85; как и в ряде других случаев, исключительно показателен ареальный аспект: подавляющее большинство названий типа *laum-* & *žirg-* концентрируются на юго-западе Литвы, от Кретинги и Шилуте до Дубисы и в Занеманье /Вилкавикшис, Мариамполе/, за пределами этого ареала — лишь редкие исключения и небольшое, менее десятка случаев, сгущение вокруг Ионишкиса; иначе говоря, названия этого типа как бы развернуты в сторону Вост. Пруссии). Таким образом, Лаума через название стрекозы входит и в один ряд с чертом как в некотором смысле однородный с ним персонаж, но вместе с тем она через то же название как бы включается в "божественный" микроконтекст объединяюще-противопоставляющего типа, ср. инверсию по грамматическому роду и по полу: Бог (мужск.) & корова (женск.) при Лауме (женск.) & конь (мужск.), ср., кстати, особое вредносное отношение лауме-ведьмы к лошадям. Если напомнить о том, что животным Громовержца в балтийской традиции является конь (ср.: *Žmonės Perkūna įsivaizduoja seniu, sėdinčiu ant gražaus balto žirgo ...*; *Žmonės Perkūna įsivaizduoja ... sėdinti karietoje pasikinkusį du baltus arklius* и т.п., см. Balys Taut. darb. III, 1937, 169, № 348; 171, № 373 и др., см. 169—171) и что в Паюрис (около Шилале) отмечено название стрекозы *perkūno žirgėlis* 'Перкунаса конек' (см. Liet. k. atlas, I,

карта № 85, пункт 322), то связь Перкунаса и Лаумы в прошлом становится еще более убедительной и не оставляющей практически сомнений в ее брачном характере (БСЛ. Иссл. 1980. 1981, 296—297; Судник, Цивьян Структ. текста 1980, 253 сл.). Небесный характер Лаумы подтверждается и обозначением радуги — *laūmės juosta* 'пояс Лауме' (ср. *Laumės juosta* po lietaus pasirodė; *Laūmės juosta* pasirodė — stos liję. LKŽ 7, 190, ср. *laumjuostė*, 191; *laumes jūsta*. Lex. Lith. 70), но она обозначается и иначе — помимо общераспространенного *vaivorykštė*, букв. — 'бич (хлыст) Вайвы', отмечено и ее название с внутренней формой 'бич Бога' — *diėvo rūkštė* (ср. *Va, diėvo rūkštė - vaikai, geri būkit*. LKŽ 11, 611). В высшей степени интересно, что это обозначение радуги совпадает с наименованием Перкунаса в Волынской летописи (в составе Ипатьевской) *Диверикъзу* (Дат. п.), толкуемому как *Diėvo rūkštė* 'Божий бич', что подтверждается и близкими к нашему времени показаниями (*Perkūnų vadina... "Dievo rūkštė"*. Taut. darb. III, 1937, 160, № 137), см. Балто-слав. сб. 1972, 310—311 и др. (ср. также *laumarykštis* LKŽ 7, 189). Следовательно, и в этом случае через название радуги Лаума и Перкунас как бы сводятся воедино (впрочем, фразеологизм *diėvo rūkštė* имеет в виду и иной мотив — так традиционно обозначается орудие наказания людей за грехи, и наказание Лаумы естественно в этом контексте соотносится с бичом Бога, т.е. ее прежнего мужа Перкунаса). К "небесным" связям Лаумы отсылают и некоторые другие выражения, в частности, непосредственно относящиеся к теме Громовержца и его оружия — "громовых стрел", ср. *laūmės pištās* 'белемнит', считающийся в народных представлениях громовой стрелой, букв. 'палец Лаумы' (ср. *laumapištās* *Botrychium gamosum*), *laūmes spenŭs*, то же, букв. — 'сосок Лаумы', *laūmės pāpas/pāpai*, то же (ср.: *Po perkūnijos einam laumės parų rinkti*), но и растение *Melandrium album* (LKŽ 9, 350) — при *perkūno kulkā* 'чертов палец' (*Patrink perkūno kulkā araugā, naukz tai neaug*), 'старинный каменный топор', *perkūnkulkė* то же, *perkūno aktiū* 'чертов палец' как оружие Громовержца, букв. — 'Перкунаса пуля' (в первом случае) и 'Перкунаса камень' (во втором), но вместе с тем ср. и *vėlnio pištās* 'чортов палец', *kaūk(a)spenis, kaūkospenis* и т.п. (о *kulka, aktmens kirvis, aktiū* как оружию Громовержца см. Taut. darb. III, 1937, 181—185). Ряд фразеологизмов с ядерным словом *laūmė* относится к обозначению природных объектов, так или иначе подчеркивающих идею плодородия, роста, прироста (иногда их символов); отсюда — нередкое отнесение таких сочетаний и сложных слов к растениям разных видов, отмеченных с точки зрения этой идеи, ср. *laumāberžis, laumagaurė, laumakikė, laumakytė, laūmaračiai, laumārykštis, -ė, laumašluotis, -ė, laum(a)šluotis, laūmatilčiai, laumavietis, laumazŭnas, laumiabulvis, laumiapėdžiai, laūm(ia)riešutis, laumpapartis; laūmės grūdās, laūmės karoliūkai, laūmės kaulas, laūmės spiaudalas, laūmės, šluota* и т.п. (LKZ 7, 189—192, ср. еще *laūmės plaštakėlė* 'моль', *laūmės kója, laūmės kryžės, laūmės galvā, laūmės kultuvė* и т.п.). Но *laum*-словарь, в действительности, еще шире и включает в себя обозначения родственников Лаумы — *laumytis,*

laumytė, laumiukas, laumukas. — всё о детях Лаумы, *laumakis(-ys?)*, *lauminas* и под., Adj с корнем *laum-* (*laūminis* и др.), глаголы (ср. *laūminėti, laūminti, laumoti* и др.). Кроме LKŽ 7, s.vv. см. Šiaur. ryt. dūn. 169; Drusk.žod. 186 и др. — Латышские данные более скудны, чем литовские, но и их достаточно, чтобы подтвердить основные соображения о природе Лаумы и ряд важных деталей. *Laūma (laūme)* уже в старых текстах обозначало летающую колдунью, ведьму (Манцел.), ср.: "nach MSil. fliege die *laūma* in der Gestalt eines feurigen Streifens aus dem Giebelende heraus" (ME 2, 428); знахарку *pūšļuotāja*, у Манцеля, богиню земли у язычников-латышей (о вредоносности ее для тех, кто придет в четверг, см. у Манцеля). Но по другим данным могла Лаума выступать и как доброжелательное по отношению к людям мифологическое существо, но установленные ею запреты нужно было соблюдать (ср. запрет на пряжу в пятницу: *Lauma ikpiektdienas aplūkuoja meitu vēgrekli ... tāpēc piektdienām arī neviens meitu nevēgra*. ME 2, 429). К литовскому названию омелы *laūmės šluota* ср. лтш. *laumas sluota* *Asparagus officinalis*. В словаре Лангия *Laume (Raggana)* определяется как "eine fliegende Zauberin, oder Hexe" (LVV 136). В говоре куршских рыбаков Неринги отмечено выражение *laumes spied 'Alp drückt (eine böse Fee)*'. Kurisch. Wb. 47. В польско-являжском словарики соответствующее слово появляется дважды — *lauma* 31 как перевод польск. *szczęście* и *laume* 71, где против польск. *pogańskie* написано *Pjarkuŭ laume* (см. БСЛ. Иссл. 1983. 1984, 6, 14, 17). Если в первом случае можно думать о смешении *lauma* с *laima* 'счастье', то во втором скорее всего речь идет именно о *Laume* (о подобной последовательности — Лаума после имени Громовержца — см. выше). Впрочем, Карулис (БСЛ. Иссл. 1985. 1987, 137) предполагает, что и в первом случае нет смешения с именем Лаймы и соответственно с лит. *laima-*, *-ė* лтш. *laima, -e*, поскольку по значению слово отвечает латышскому обозначению лаумы как "божества, желающего людям добра" (наряду с обозначением ведьмы). — Таким образом, для балт. реконструируется имя *Lauma/*Laumė, представленное практически во всех языках этой группы. Более того, это имя предполагает единый мифологический женский образ, первоначально относившийся к высшему уровню пантеона и объясняемый из сюжета "основного" мифа, а позже снизившийся до уровня духов и приобретший чаще всего отрицательные черты (функция вредоносной ведьмы и т.п.). Из балт. это слово попало в соседние славянские языки — польский, белорусский, русский, причем обычно в территориально наиболее близкие к балт. ареалу говоры. Ср. польск. *lawta* 'русалка' (Baranowski Słow. w dziejach Eur. 1974, 321: август, дамбров., сейн., сувалк.); блр. *лаўма, лэўме* 'ведьма', 'колдунья' (Вяржбоўскі Весці АН Белар. Сер. грамадск. навук, 1960, № 3; Белар.-літоўск. ўзаема сув. 1960, s.v.); русск. *лаума* 'ведьма', 'колдунья' (*Полночь. Вот-вот к ним заглянет домовою, волкодлак, лаума, какая-нибудь нечистая сила. Добровольский* 1890; СРНГ 16, 293). См. ЭСР 2, 467; Vidugiris LKK 8, 1966, 237; Urbutis Baltist. 5, 1969, 64; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 31. —

По поводу этимологии этого слова были высказаны разные суждения. Предполагали связь с лит. *vėlės, vėlės; velionis* 'умерший', *vėlnias*; лтш. *veļi* 'духи умерших', *veļns*; др.-исл. *valr*, тох. А *wāl-* 'умирать' и т.п. (Mikkola BB 21, 223 сл.; ср. по этому поводу Fraenkel IF 50, 1932, 227; LEW 346: "Unwahrscheinlich"); с слав. **lovь, *loviti* (Solmsen KZ 34, 553—554; Usener Götternamen 1896, 94 сл.); с прусск. *au-lāut* 'умирать', лит. *liāutis* 'переставать', 'прекращать', лтш. *laūtiēs*, лит. *lavónas* 'труп' (это объяснение иногда приписывают Эндзелину ME 2, 429, что неверно, так как оно принадлежит Блесе Val. 1940, 231; впрочем, еще раньше это сближение было сделано Акелевичем Месяцослов 58). Более интересна этимология Гатерса (KZ 73, 1955, 52—57), который выводит балт. **Laum-* из и.-евр. **loudh-m-* (: **leudh-* 'расти', 'возрастать'; первоначальное значение *lauma*, по Гатерсу, "das auf die Welt Setzen; die schöpferische Kraft", соответственно "das Wachsen; Wachstum fördernde Kraft") и сравнивает **Laum-* с другими теоформными продолжениями этого и.-евр. корня — с венетск. *Louzerai* (Dat.), имя богини (см. Krahe Venet. 1950, 23 сл.), лат. *Liber*, др.-греч. Ἐλευθερος. В настоящее время это сопоставление нуждается в некоторых уточнениях и дополнениях. Что касается венетского примера, то речь идет о форме Dat. Sg. fem. из надписи 242 (Valle di Cadore) в следующем узком контексте *doto lo. u. dera. i kane. i* (Lejeune Manuel vénète 1974, 300—301). Лежен допускает варианты объяснения: если это имя, то оно может быть или теонимом (как, напр., в посвятительной латинской надписи из Аквилеи: LIBERO ET LIBERAE. CIL V, 793) или "идионимом (как в эпитафии из Эсте: ACVILLAE MATRI, LIBERAI FILIAI. CIL V, 2568). Но Лежен (Op. cit. 336) готов видеть здесь и апеллатив, толкуя *lo. u. dera. i kane. i* как "puellae cārae" (отчасти в пользу этого понимания могло бы свидетельствовать и *lo. u. derobo. s* (надпись 26). Dat. Pl. masc. 'pour ses enfants' (Manuel vénète 43, 205, 336). Итальянские факты очень существенны. Ср. прежде всего фалиск. апеллативы *loferta, loifirta* (: лат. *Liberta, -us*), *loifirtas, loifirtato* (Giacomelli Ling. fal. 1963, 249) и теоним *Loufir* (: *louf/ir/*), 236, выступающий в очень характерном контексте в надписи CIE 8079 (Civita Castellana — Necropoli delle Colonnate) : *ceres : farme[n]tom : lo[o]uf[ir]uinom : *kadeuios ... 'Ceres far, Liber vinum ferat (?)...'* (Ling. fal. 41). В пелигнском тоже отмечены слова этого корня — *loufir, lifar*, с одной стороны, отсылающие к и.-евр. **loudh-*, с другой, отчасти хотя бы объясняющие лат. *liber* (*Liber*), *ī* которого, как известно, составляет трудность. Вместе с тем для части примеров нельзя полностью исключать альтернативных решений (ср. предложение толковать оск. *loufir* = лат. 'vel' как форму 3. Sg. Praes. Indic. pass. *loufer от и.-евр. **leubh-* /: лат. *libet, lubet*, русск. *любо...любо..* и т.п./). Bottiglioni Man. dial. ital. 1954, 395). Однако в целом это не ставит под сомнение важность итальянских фактов, относящихся к продолжениям и.-евр. **leudh-/ *loudh-*. Особое значение приобретает в свете сказанного выше употребление слова этого корня в качестве имени божества или его классифицирующего эпитета. Оск. (*Iuveis*) *Luvfreis*

(= /*Iovis/ Liberi*) в этом отношении очень показательно даже независимо от того, идет ли речь о самостоятельной итальянской версии или приходится считаться с фактом древнегреческого влияния — от заимствования до своего рода интерференции. *Iuveis & *Luvfreis, которое в оскско-латинском коде надо понимать как обозначение свободного бога Неба, громовержца Юпитера, для более раннего периода могло бы быть истолковано как (плодо)родный (ср. **leudh-/ *loudh-* 'расти', 'родиться' и т.п.) бог Неба, Громовержец, поскольку свобода как преодоление несвободы, связанности и обречение несвязанности, т.е. снятия ограничений, и основана на идее максимального плодородия, рождения—порождения в высшей его форме, как бы не знающего препятствий. Но "(плодо)родный" Громовержец, обладающий максимальной по-рождающей силой (вся при-рода, по сути дела, его порождение), собственно, и выступает как развернутый вариант фрагмента списка *Perkūn- & Laum-*, т.е. "Громовержец порождающий". Сама же пара *Perkūn-* (masc.) и *Laum-* (fem.), оказывается изоморфной латинской паре *Liber* (masc.) и *Libera* (fem.), итальянскому богу оплодотворения и плодородия, позже отождествленному с Вакхом, и его жене, позже (Ливий, Цицерон) соотнесенной с Прозерпиной (или Ариадной), "земно-подземной" ипостасью "родительницы", функционально продолжающей супругу Громовержца, а по исходной форме имени (**Loudh-er-*) весьма близкой к *Laum-* (< **Laudm-* < и.-евр. **Loudh-m-*). Вольная атмосфера праздника, посвященного этой латинской паре (*Liberālia*), вариант — Вакху и Церере, и носившего особый характер (веселость, "распущенность", в частности, в половых отношениях, получение в этот день достигшими совершеннолетия юношами *toga virilis* и т.п), объясняется ориентацией на разыгрываемую в этот день функцию. Праздник отмечался в начале вегетативного цикла 17 марта. Задача состояла в массовом воспроизведении прецедента — нахождения плодородия, спрятанного в подземном царстве в виде плодоносительницы по преимуществу, спавшей зимой, между двумя, вегетативными циклами (ср. образ спящей Ариадны, супруги Диониса, на Наксосе); можно напомнить, что эти официальные празднества, допускавшие "неофициальные" формы поведения, как бы дублировались неофициальными ночными оргиями, носившими столь предосудительный характер, что римский сенат в 186 г. до н.э. вынужден был выступить против них со всей строгостью (Liv. 39, 8 сл.). Эта реконструируемая протоситуация (*Liber* перед началом вегетативного периода и для того именно, чтобы начать его, ищет *Libera*'у, наивысшую из "родительниц-роженниц", и находит ее, тем самым открывая новый цикл плодородия), воспроизводимая ежегодно в отмеченное время всеми "сниженными" и десакрализованными продолжателями Либера и Либеры, т.е. всеми способными к зачатию и порождению, находит отклик в известной игре "жмурки", представляющей собою вырожденный ритуал типа Либералии. В литовской традиции эта игра называется *laūminėjimas* или *laūminėsenā* (ср. *laūminėtojas* 'ищущий с

завязанными глазами при игре в жмурки', *laūminėti, lauminėti* 'играть в жмурки'). Связь с *laūma, laūmė*, очевидная и сама по себе, подтверждается и текстами. Ср.: *Vesti laumę laūminėjant reikia mokėti, nes, nemokėdamas vesti, pats paliksi laume.* LKŽ 7, 191; *Tarę ją (laumę) motrišką ir aklą esant, jos minavonei paliko iki šiai dienai lauminėjimas* (Daukantas); кстати, Даукантас сообщает кое-что и о характере "веселий для молодежи": *Kitos linksmybės jaunuomenės, apėi kurias jau didumą minavojau, buvo ritinis, pylinė, suopynė, stutės, tabalai, žiužis ir lauminė sena, kurios ne vien linksmo bet dar pratino juos gyvūman ir skudruman* (7, 191). В основе жмурок и Либералий оказывается не только общая схема (поиск вслепую или того, что "слепое", т.е. спрятано, скрыто от глаз, и нахождение его, и всё это в контексте достаточно прозрачных эротических ассоциаций), но и общий и.-евр. корень **ludh- : Liberālia* (< **Loudh-*) — *laūminė sena* (< **Loudh-*); более того, римские Либералии, как видно, из овидиевых "Фаст" (III, 713 сл. 17 марта. Либералии), отсылают к теме соития Юпитера и Семелы (III, 715—718), т.е. Громовержца, и женского персонажа, чье имя этимологически связано с и.-евр. названием земли, иначе говоря, к той же приблизительно ситуации, о которой шла речь в связи со смежностью в списках Громовержца *Perkūn-* и "земной" богини *Laum-*. — Принимая как естественную связь италийских фактов с др.-греч. ἑλευθερος 'свободный' и т.п. (ср. микенск. *ereutero*, у Гомера и т.п.), Шантрен признает соблазнительной, но недоказуемой связь этих италийско-греческих примеров с балто-слав. и герм. обозначением людей, в частности, и одного из них, как в случае др.-в.-нем. *liut* 'народ', *liuti* Pl., др.-англ. *lēod* и др. (ср. и глаголы типа готск. *liudan*, др.-в.-нем. *liotan*, др.-сакс. *liodan*, др.-англ. *lēodan* 'расти', др.-исл. *lodenn* и т.п.) и лтш. *ļaudis*, лит. *liūdis*, слав. *ludьje* и т.п. При этом французский исследователь подчеркивает как различие между герм. и балто-слав., с одной стороны, и др.-греч., с другой, социальную ориентированность ἑλευθερος; разумеется (хотя это и не высказано), ему остается неясной та протоситуация, которая могла бы быть общим источником и для значений, отраженных в др.-греч., и для значений, засвидетельствованных в герм., балт. и слав. С такой оценкой состояния вопроса согласиться трудно. Социальные значения и для герм. и для слав. продолжений и.-евр. **leudh-/*loudh-* бесспорны, и др.-русс. *люди, людие* прежде всего свободные люди; как ἑλευθερος с ранних пор противопоставлено δοῦλος, так и *люди* входит в подобный ряд противопоставлений (простые люди, слуги, челядь, рабы и т.п.), ср. и *людинь* и под. (к контекстам см. Слов. р. яз. XI—XVII вв. 8, 341—343 и др.). То же относится и к германским данным: помимо общеизвестных примеров ср. бургундск. *leudis* 'der Gemeinfrēie'. Что же касается общей исходной протоситуации, то и она представляется ясной: и социальное освобождение, обретение статуса свободного и приведение в состояние плодоношения, обретение урожая предполагают единый, по сути дела, процесс развязывания и, насколько можно судить по ряду традиций, соответ-

ствующий ритуал. Природу, силы которой "связаны" в зимний период, с началом вегетативного цикла "развязывают", освобождают от пут, и она, став несвязанной, свободной, развивает свои плодотворительные силы и приносит урожай (лишь как один из древнейших примеров ср. хеттские ритуалы, где две основных операции — связывание и развязывание). Впрочем, достаточно взглянуть на статью **leudh-* (Рок. 1, 684—685), чтобы увидеть органическое сочетание в продолжениях этого корня как социальных значений (ἑλευθερος, лат. *liber* 'свободный' и т.п.), так и "природных" специфически растительных в ряде случаев (при лат. *liberi* 'дети' /ср. лит. *laumytis* и под./ — др.-ирл. *luss* 'растение' /< **ludh-stu-*/, др.-корн. *les*, кимр. *llysiaw*, брет. *louzou* и т.п.). Кстати, и сами элевтерии (ἑλευθερία) при разнообразии конкретных поводов, давших основание учреждению праздника, обнаруживают еще и тему народа (народов), на-рождения как своего рода урожая, а также связь с Ζεὺς ἑλευθερίος, освобождающим Зевсом, сопоставимым с балт. **Perkūn & *Laum-*, в обоих случаях продолжения **leudh-/*loudh-* позволяют в освобождении видеть и плодородие, через него достигнутое благосостояние. Индо-иранские продолжения и.-евр. **leudh-/*loudh-*, подчеркивая "чистую" вегетативность ('расти', 'возрастание', 'росток', 'зародыш', 'побег', 'ветвь' и т.п., ср. др.-инд. *rōdhati/rudh-*, *rūh-*, *rōdhas*, авест. *raod-*, х.-сакск. *rvittā* /< **raudati*, перс. *rōyad*, *rustan* и др.), могут относиться и к обозначению народа, людей, человека, как в кховар. *roi* (: др.-инд. *rōdha-*). Вместе с тем во многих ведийских контекстах глагол *ruh-* (*rudh-*) указывает на связь земли и неба (ср.: *divī te nābhā paramō yā ādadē pṛthivyās te ruruhuḥ snavi kṣīpaḥ*. RV IX, 79, 4 'Du dessen höchster (Nabel) an den Nabel im Himmel geknüpft ist, deine Finger (Sprossen) sind auf dem Rücken der Erde gewachsen'), и сам Громовержец оказывается связанным с действием, обозначаемым этим глаголом в качестве объекта (*indram ... madacyūtam śatākratum jāvanī sunftāruhat*. RV. I, 51, 2), что, наряду с другими данными, дает основания для реконструкции мотива Индры, вызывающего (каузирующего) возрастание, рост, как и в случае *Perkūn- & Laum-*. Наконец, в этот же ряд продолжений и.-евр. **leudh-* относят (правда, лишь с известным вероятием, ср. Рок. 1, 685: "vielleicht") алб. *lind* 'рождать', *lindem* 'рождаться' и, что особенно важно, *polet* 'народ'; если это слово, действительно, восходит к и.-евр. **leudh-m-*, то именно оно ближайшая наряду со славянской /см. далее/ словообразовательная параллель к *Laum-* (< **loudh-m-*; о русск. диал. *люма* 'женщина-неряха'. СРНГ 17, 246 судить трудно: из **leudh-m-* (?), ср., однако, мотив раздерганности, включенности, беспорядочности в связи с *laum-* при обозначении ряда растений; зато правдоподобна связь с лит. *lauminėti*, см. выше, болг. *лумувам са/се/* 'баловаться', 'буйно шалить' /Изв. сем. слав. филол. 2, 1907, 199/, *лумна се, лумкам се* 'толкаться', 'втискиваться', 'втираться'; 'идти', предложенная Дуридановым Българ. ез. 18, 1968, 401; Българ. етим. речн. 3, 505—506); к этому же и.-евр. корню в албанском относят *vël(l)a* 'брат' (< и.-евр. **sue-loudhā*, ср. *свои*

люди), *kēlūsh* 'Geschlecht'. — Идея рода (народа) как результата роста, выращивания-выращивания, уже не раз возникавшая здесь, в связи с ее использованием как семантической мотивировки имени мифологического персонажа, особенно женского, как в случае Лаумы, относится к числу распространенных явлений. Достаточно ограничиться лишь одной (ареально близкой) типологической параллелью. В древнерусской традиции отмечено почитание персонифицированной идеи рода. Наиболее авторитетный источник — "Слово о том, како погани суще языци кланялися идоломъ" в т. наз. "Окончательной" редакции. В одной из "русских" интерполяций, где, собственно, и содержатся данные о русских мифо-ритуальных реалиях, сказано: *Оттоуда же ізвыкоша елени класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше роду и роженицѣ* (Аничков Языч. и Др. Русь 1914, 385). Род и Роженица (Рожаница) в реконструкции выступают как супружеская (очевидно) пара, ведающая рождением и выращиванием своих детей, которые в совокупности и составляют род, людей (*leudh-) рода. Супружество Рода и Рожаницы как бы повторяет подобный мотив в связи с Перкунасом и Лаумой. Подобно тому, как Лауме на высшем уровне соответствуют на уровне духов и, так сказать, жриц-исполнительниц лауме, ведьмы, составляющие целый класс, так и Рожанице соответствуют многочисленные роженицы, объект "слов против язычества". Ср., напр.: *Того ради не подобает хръстьяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, аще ли то не бракъ наричется нъ идолослужение. Иже есть пляска, гоудьба, пѣсни мирския, сопѣли, боубьни, и вся жертва идольска, иже молятся огневи подъ овиномъ, виламъ, Мокошью ... Пероуноу ... роду, рожаницамъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ* ("Слово некоего Христолюбца", там же, 377); *Не токо же простотою зло творимъ, нъ и смѣшаемъ нѣкыя чистыя молитвы с проклятымъ молениемъ идольскимъ, — трѣсвятая Богородица съ рожаницами, — иже ставятъ лише коутья, ины трепезы законнаго обѣда, иже нарѣцается беззаконная трапеза, мѣнимая роу и рожаницамъ...* (Там же, 378). Упоминаются *трапезы, нареченныя роду и рожаницамъ* и тенденция к совмещению их с Рождеством Богородицы (...*оуставиша трепарь прикладати Рожества Богородицы къ рожаничнѣмъ трапезѣ*, 386) и т. п., что напоминает сведения о трапезах, посвященных Лауме, в балтийской ритуальной традиции. Общеславянский характер рожениц подтверждается данными, относящимися к отдельным славянским традициям. Но особенно важно, что культ Рода, Рожаницы, рожаниц был теснейшим образом связан с культом земли (см. Комарович ТОДРЛ 16, 1960, 84—104; к типологии ср. Dieterich Mutter Erde и др.), и, следовательно, Рожаница и выступала как персонификация Земли рождающей, плодоносящей, как ее женское божество (ср. *Laume* как *Erdgöttin* и под.). — Все эти данные позволяют понять, какой мифо-ритуальный тип представляет собою балт. Лаума, каковы основы ее связи с человеком, людьми, родом, народом, с рождением и возвращением, ростом и урожаем, с землей как

лоном зачатия, рождения и смерти. О Лауме в мифологическом аспекте, кроме упомянутых выше ранних сведений и работ исследователей XIX в. (Нарбут, Даукантас, Юцявичюс, Гизевиус, Иордан, Акелевич, Басанавичюс, Кречинский, Межиньский и др.), см. Šliūpas Liet. Taut. Senov. 1904, 408—409; Liet. latv. prūs. myth. 1932, 84—85; Brückner Starož. Litwa 1904, 52—53 (ср. издание 1985 г.); Šmits Latv. mitol. 1935 (см. изд. 1926 г.); Latv. taut. tic. 2, 1940, 1024—1025; LPG 1936, s.v.; Vitauskas Gimt. krašt. 1937, № 2—4, 137—141; Balys Taut. darb. II, 1936, 245—247 (сказочные мотивы, связанные с Лауме, — №№ 3691—3710); Sagen. — Die Nachbarn I, 1948, 31—71; Jonynas Liet. taut. apybraiža 1963, 371—372; Liet. tautosaka IV, 1967, 46—48; Vēliuss Mitin. būtyb. 1977, 83—128; Laum. dovan. 1979, 13—34; Chton. pasaul. 1987, 155—161 и др.; Greimas Apie diev. 1979, 185—188 и др.; Gimbutas Balt. 1985, 159—160; Топоров БСЛ. Иссл. 1980. 1981, 296—297 и др. Ср. также ME 2, 428—429; LEW 345—346; St. OP 6.976. — Еще один косвенный источник, свидетельствующий о существовании Лаумы и лаум у пруссов — аналогичные персонажи в ряде немецких сказок, записанных в Восточной Пруссии.

[*laum- & *garb-], ср. *Laumygarbis*, 1339 (APON 85, ср. 234). — Сложное двучленное название в Натангии. К первому члену см. [*lauma, *laume], к второму — см. *garbis*, [*garb-]. В целом — 'гора Лаумы', элемент мифологизированной топографии, заслуживающий внимания, в частности, потому что представляет собой непосредственное и единственное совершенно надежное свидетельство о существовании апеллятива *laume*, который в свою очередь неотделим от Nom. pr. *Laume*. Показательно, что топографическим объектом Лаумы оказывается гора при том, что мифопоэтическое сознание обычно поселяет ее при воде, с чем связан и ряд мифологических и сказочных мотивов. В этом смысле "гора Лаумы" — бесовская гора, подобная т. наз. "Лысым горам", куда в определенное время собираются ведьмы и иная нечисть. Наличие такой горы может пониматься как отзвук некогда высокого ("верхнего") положения Лаумы — на небе. Вместе с тем и этимология имени *Laume* и — еще нагляднее — лежащего в ее основе апеллятива (от и.-евр. *leudh- 'расти', 'вырастать', 'подниматься' и т. п.) отсылают к идее верха и движения к нему. Ср. др.-инд. *rōha-* 'подъем', 'взбирание вверх', 'высота', *rōhas neut.* 'вершина' (и в RV), *rōhana-* и др.; глагол *rudh-*, *ruh-*, *rōh-* значит не только 'расти', но и 'взбираться', 'подниматься в верх'. Не исключено, что некогда *laume (< **laudh-m-*) означало некий нарост, подъем на фоне нейтрально ровного ландшафта. Во всяком случае связь имени Лаумы с холмом, горой и т. п. неслучайна и подтверждается вост.-балт. примерами. — Соединительный гласный *i(y)*, видимо, свидетельствует об исходной форме *laume* (а не *lauma*), см. Eckert ZfSl. 19, 1974, 230 (ср. 229—231); St. OP 6.976. К *Laumygarbis* ср. также *Būga RR II*, 384; LEW 346; *Sabalaiuskas LKK 8*, 1966, 39—40 и др. — К использованию *Laum-* в топонимии и гидронимии в других балтийских языках ср. лит. *Laūmės*, *Laumiai*, *Láumaičiai*, *Laumakė*,

Laumakiaī, Laūmekiai, Laumekiaī, Laumekiškiai, Laumālēs, Laumēnai, Laumēnai, Laumēnēliai, Laumēnka, Laumikōniai (LATSŽ 155); названия болот, впадин, котловин — *Laūmēs balā* (Vargēna), *Laūmēs daubā* (Žarēnai); названия гор и возвышенностей — *Laumēkalnis* (Varniai), *Laūmēs kálnas* (Kaltinēnai), *Laumiakálnis* (Utena); названия деревень — *Laumių kaimas* (Semeliškės), *Laumēnų kaimas* (Varniai) и др. (Vėlius Mitin. būtyb. 1977, 91); *Laūmis, Laūminas, Laumēlis, Laumenā, Laūmenas, Laumiakūys, Laumiakēlis; Laūmežeris, Laūmių ēžeras, Laūmupis, Laūmiaupelis* (LUEV 88; Liet. hidr. 64, 82, 114, 117, 123, 131, 132, 155, 238, 255, 263; LHEŽ 183—184); лтш. *Laūmas-dīķis, Laūmas-reņģe, Laumas-valks, Laumas-kalns; Lāumas, Laūmes; Laūmes-purvs, Laūmes-kalns, Lōms-kalns; Lāumeņa pl.* (LV I, 2, 273). Нельзя исключать, что балтизмами окажутся блр. Лумна (Слоўн. назв. Брэсц. 77), которое Жучкевич (Кратк. топон. слов. Белор. 212) предположительно считает финноязычным элементом (от финск. *lumī* 'снег'). Возможно, однако, это название (из *Лумьна, *Луми/е/на), как и топографические термины *лўміна* 'лужина, упадзіна, яма', 'нізіна з адным відам расліннасці', русск. *лўмина* 'прорубь' (СРНГ, 17, 193), русск. *лўмка, лўмки*, блр. *лўмка* 'паглыбленне ў зямлі', 'палонка' (см. Яшкін Белар. геагр. назвы, 108; Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 682), объясняются из балт. **laum-in-*, **laum-ik-*, рано усвоенными и основательно переработанными славянской речью. Впрочем, *лўмка* скорее всего вариант к *лўнка* (Фасмер допускает заимствование из нем. *Luhme* 'прорубь'. ЭСР 2, 533). К типу подобных урочищ ср. лит. *Laūmēs daubā, Laūmēs balā* и лтш. *Laūmes-purvs, Laūmas-dīķis* и т.п. — Показательно использование этого корня в личных именах, ср. ст.-лит. *Laumi* Gen. Sg., *Laumi*, совр. *Laumė, Laumėnis* (Liet. antrop. 164, 231). Возможно, что таково же происхождение польской фамилии *Łowmiański*.

{**laun-āt-*}, ср. *Lawnoten*, 1427, в Самландии (APON 85). — Образование с суф. *-āt-*, ср. прусск. *Peupatz, Poypote; Poyoten, Poyato* и др. (по Герулису; *-āt-*, *-ōt-*, 255; впрочем, он допускает здесь и суф. *-ut-*). С корневой частью названия Герулис готов (со знаком вопроса) сопоставить лит. *launys* 'безрогий', 'комолый', а среди топонимов — лит. *Launiaī* (ср. *Liaunai*. LATSŽ 159; не вполне ясно *Laūnica*, 155); к мене *l* твердого и мягкого ср. *Lunāitis* при *Liūnāitis* (LUEV 96; LHEŽ 199). В качестве более отдаленного резерва можно иметь в виду лит. *Liūnai, Liūnēliai, Liūniškės* (LATSŽ 164); *Liūnas, Liūnai, Liūnēliai, Liūnēlis, Liūnaitėlis, Liūnupys, Liūnų upālis* (LUEV 94; Liet. hidr. 36, 78, 114, 118, 237, 271; LHEŽ 194), восходящие к лит. *liūnas* 'трясина', 'топь', 'зыбун' и т.п. (см. LKŽ 7, 613, ср. русск. диал. балтизм *люны* 'зарастающие травой пруды'. СРНГ 17, 246; Ионавский р-н Литвы; *люн, лун* 'кусочек земли в болоте'; блр. *лунь* 'болото', 'топь'; польск. *lun, luń, liun* 'плохая заболоченная земля' и т.п., см. Jablonskis Liet. žodziai 1, 1941, 121—123; Вяржбоўскі Белар.-літоўск. лекс. ўзаемасув. 1960, 486—489; Немченко Уч. зап. Латв. гос. ун-та 1968, т. 92, 64; Толстой Лекс. балт. 1969, 46; Лаучюте Слов. балтизм. 32); к этимологии слова ср. LEW 380—381 (= *liūg/n/as*). В латышской топо-

нимии примеры на *Laun-* обычно объясняются из *laūnags* 'полдник', включая и *Launa-kalns* (< *Launag-kalns), *Laūnkalns* (таким же образом), *Launkalne; Lāunieki* Эндзелин (правда, с сомнением) выводит из *Lave-nieki* (?) LV I, 2, 273. Зато, как и в литовском, примеры на *Laun-* надежнее, ср. *Launais-kalns, Launā-sala, Launais purvs, Laundaru-ure, Launuma-šķūnis* и т.п. (LV I, 2, 359); неясно *Luņi* (I, 2, 348), *Lune pl.* (I, 2, 352), как и лтг. *Luņi, Луни*, 1784, *obrāb Luniow*, 1765; *Lūņi, Lēli Luņi, Mozī Luņi, Mazie Luņi, Videjī Luņi* (PN Latg. 293). Немецкая форма *Launingker Hütten Wald* (то же — *Sandener Wald*) имеет славянское соответствие в виде *Ołownicki Las* и *Piecuch* (Słown. nazw Mazur. II, 376). Отмечены и Nom.pr. типа лтш. *Loune Dabbe* (LVV 1, 295); куршск. *Launa*, 1590; *Loune*, 1582—1585; *Jurgis Loundabis*, 1584 (: *Loune Dabbe*), *Annusz Laundap*, 1579—1596 (KF 301—302: из *launs* 'злой', 'дурной' и *daba* 'природа', 'натура', 'характер', ср. *laundabīgs* 'злокачественный'). Очевидно, что между топонимическим и ономастическим *Laun-* подобие чисто внешнее. Блр. *Лаўна* (*Лавна*) и под. (ср., напр., Слоўн. назв. Грозд. 136) двусмысленны. — Учитывая вост.-балт. *Laun-*: *L'au-*, *Lun-*: *L'un-*, вост.-слав. *лун-*: *люн-* (ср. русск. *лунá* 'углубление', 'ямка', 'прорубь' и т.п. СРНГ 17, 193), м.б., лучше исходить из и.-евр. **leu-/lou-* 'отрезать', 'отделять', 'отпускать' (→ 'распускаться', 'становиться мягким, жидким' и т.п., к мотивировке обозначений топи, трясины, болота); кстати, этот же корень объясняет и лит. *launys* 'безрогий'; связанный с этим словом глагол *liūtis* не только подтверждает вероятность такой этимологии, но и дает повод думать о форме *liaunys* (Būga RR I, 298). Тем не менее единственность примера на *Laun-* в прусском и не вполне ясные отношения между разными морфонологическими (в лучшем случае) вариантами в вост.-балт. не позволяют настаивать на окончательном решении.

lauja (?) 'воля', ятвяжское слово из польско-ятвяжского словаря, 32 ('wola'). — В других балт. языках это понятие передается иными словами, правда, различными для каждого из этих языков. Зинквичюс (БСл. Иссл. 1983. 1984, 14—15) признает слово неясным, гипотетически все-таки связывая его с лит. *lāisvė* (: *léisti*), к и вм. *i* ср. *lauma* вм. *laima, или же с лтш. *ļaut* 'позволять' в таких контекстах, как лтш. *māte vaļas man neļāva*, или даже с лит. *(at)lauža* 'обломок', как нечто отделившееся от целого и ставшее свободным. Карулис (БСл. Иссл. 1985. 1987, 137) также считает, что лтш. *ļauja* 'разрешение', 'разрешение' семантически близко к понятию воли. Иное объяснение выдвигается Орлом и Хелимским (БСл. Иссл. 1985. 1987, 125; Хелимский Tagrt. balt. konf. 1985, 234—235; Orel IF 91, 1986, 270), видящими в этом слове возможное герм. заимствование — из *lausaz 'свободный' (ср. готск. *laus* 'пустой', 'незакрепленный', 'свободный' и т.п., *lausjan* 'освободить', др.-исл. *lauss*, др.-в.-нем. *lōs*, др.-сакс. *lōs*, др.-фриз. *lās*, др.-англ. *lēas*). По их мнению, фонетические соображения заставляют считать прямым источником ятвяжского слова, скорее всего, вост.-герм. (готский). Кстати, таким же заимствованием является прибалт. финск. *lausas: финск. *lausas, lausa* 'непрочный', 'слабый', 'мягкий',

'нежный', эст. *laus* 'открытый', 'свободный', 'беспрепятственный', 'ясный' (Suomen kielen etym. sanakirja 282). Возможны и другие попытки объяснения. В частности, *laufa* могло бы быть сопоставлено с лтш. *laūška* 'обломок', 'осколок', 'черепок', 'шелуха' (ME 2, 430: когда в сильный мороз слышен треск стен, деревьев, льда, говорят: *tur sit laūška puika ar pātadziņu*; ср.: *laūšks spē, sit : bija salts, lauskas spēra*), *lauskāt* 'шелушить', *laūškēt*, *laušķināt* 'стучать', 'колотить', 'грохотать', 'трещать', 'шелкать' и т.п. Формально точнее русск. диал. *лúса* (< *lousa) 'ломоть хлеба', 'большой кусок мяса' (У, какую лúсу отрезал), *лúсина*, *лúсúть* 'стучать', 'трещать', но и *лúск*, *лúскá*, *лузг(á)*, *лúскать*, *лúзкáть*, *лúзгáть*, *лúснуть*, *лúзнуть* 'ударить', 'стукнуть', 'лопнуть', 'треснуть', 'хрустнуть' и т.п. (СРНГ 17, 184, 204—205), *луцúть* 'шелушить', 'вышелушивать' (т.е. 'высвободить') и т.п. Эта идея высвобождения как отделения, откола, обособления могла стать ведущим мотивом обозначения воли; ср. русск. диал. *воля* 'настбище' (как выдел); 'отхожий промысел' (как откол от целого), *отрезать свою волю* (при принятии послуха) и т.п. при том, что сама воля — отрезание-отделение от целого.

{**lausk-*}, ср. Nom. pr. *Lawske; Lausce; Nicolais Lauske* (APN 51). — Вероятно, сюда же — *Lawsken*, ок. 1405, позже — *Lawsken* (как варианты к ранее засвидетельствованным *Lauchsen* 1286; *Lauxen*, 1299, но и *Lauken*, 1405). APON 84. — О возможных объяснениях дублетов *Lausk-*: *Lauks-* в топонимии см. {**lauks-*}. Спрогис Геогр. слов. 161 приводит местное название *Лавскас*. Оно может быть дополнено рядом других названий, ср. лтш. *Laūška, Laūski, Lauški, Laūškas, Laūškas, Lauskas-kalns, Lausku-kalni; Lauskinieki, Lauškāni* (LV I, 2, 274: *laūška, lauska*, соотв. — 'etwas Zerbrochenes', 'Splitter', 'Scherbe' и т.д. и 'etwas Verblichenes, Verschlussenes'. ME 2 430), ср. *Laūšķi, Laušķs* (LV I, 2, 275: *laušķis* 'Polterer'); м.б., латг. *Лаушки* 1784, *Ловушки/Лаушки* (PN Latg. 287). Блр. *Лаўскі Бор, Лаўскі Брод, Лаўскія* (все — гродненск., ср. Микратап. Белар. 138; Слоун. назв. Гродз. 136); *Лаўскі Брод* (Слоун. назв. Минск. 152); *Лаўская Вулька* (Слоун. назв. Брэст. 74) вполне могут объясняться и иначе; тем не менее они локализируются в сев.-зап. и зап. частях Белоруссии. Зато очень вероятно отнесение сюда славянских топонимов с элементом *Lusk-* (и *Luzg-, Lust-*) из **Lousk-*, которые, конечно, связаны с соответствующим глаголом, ср. русск. *лúскáть, лúзгáть, лúзкáть* (СРНГ 17, 184, 204), 'лушить', 'шелушить', 'издавать шелкающий звук' и т.п. В свою очередь эти слова неотделимы от лтш. *laūškēt* 'колотить', 'стучать', *laušķināt* 'шелкать', 'хрустеть' и т.п., *laūkšket* 'шелкать', 'трещать' (ср. лтш. *laūška* 'осколок', 'черепок', *lauskas* 'шелуха', 'перхоть', лит. *luskos* 'лохмотья', *lūkštas* 'кожура', *lūkštas* то же 'скорлупа', 'шелуха' и т.п.), см. BSW 152; ME 2, 430; LEW 393; ЭСР 2, 535; ЭССЯ 17, s.vv. и др. Поэтому наиболее вероятно, что прусск. {**lausk-*} и его вост.-балт. соответствия именно такого происхождения. Сказанное относится как к топонимам, так и к личным именам. Ср. ст.-лит. *Luska*, совр. *Luskevičius* (Liet. antrop. 169, 233); куршск. *Barttel Luske*, 1576 *Wylhelm Luszke*, 1540; *Peter*

Luszke, 1582—1585 и др. (KF 305; ср. топоним *Luskatzels*, 1525. KF 123: второй член идентичен с лтш. *ceļš* 'дорога'); лтш. *Peter Luszke* (LPV 1, 296: к лтш. *luska*); сюда же блр. *Луска, Лускин, Лузга, Лузгин* (Белар. антрап. 2, 258); русск. *Лузга, Лузгин* (Веселовский Ономаст. 186) и т.п., а также и продолжения слав. **Lust-* (< **Loust-*), балт. *Laust-*.

{**laust-en-*}, ср. Nom. pr. *Laustenne; Laustene*, 1339 (APN 51). — См. {**laust-in-*}, {**laust-ik-*}, {**laust-jāt-*}. — О корне *laust-* см. далее.

{**laust-jāt-*}, ср. Nom. pr. *Lawstioth; Laustiote* (SU 261); *Laustioth* (= *Laustiot*). APN 51. — См. {**laust-ik-*}, а также {**laust-en-*}, {**laust-in-*}.

{**laust-ik-*}, ср. Nom. pr. *Lawstico; Laustico; Lausticke* (PU 2, 374). APN 51. — См. {**laist-en-*}, {**laust-in-*}, {**laust-jāt-*}. — Из топонимических соответствий ср. лтш. *Laūstīki, Laūstīkis* (LV I, 2, 275; Dambe Baltist., 1 priedas 1972, 61); м.б., сюда же и формы с нулевым вокализмом — лтш. *Luste, Lustes, Lusti, Lustes-birze, Lustes-kalns, Lusts-kalns, Lust-kalniņš, Lustiņ-druva, Lustūzis, Lustūzi, Lustūž-kalns, Liēlluste* и др. (LV I, 2, 349: к *luste* 'lāčauza', 'медвежий овес'. ME 2, 434: с той же внутренней формой, что и эст. *karu-kaerad*). Но есть и точные ономастические соответствия, ср. лтш. *Lousticke* (Дундага). LPV 1, 295; куршск. *Lovstike*, 1355—1362; *Lousticke*, 1582—1585 (KF 3, 304). Важная прусско-куршская ономастическая параллель. С иным суфф. ср. лит. *Laustutis* (Liet. antrop. 249). Возможно, сюда же блр. *Лúста, Лúсцин* (Белар. антрап. 2, 258), *Лустáч* (там же, 258); русск. *Илья Лустин* (Веселовский Ономаст. 186) и др. Скорее всего того же происхождения, что {**lausk-*}, см. выше, но может оказаться и в связи с прусск. *laustineiti* и относящимися сюда же словами (правда, в зависимости от того, какое этимологическое решение выбирается для этих слов: **laud-*?).

{**laust-in-*}, ср. Nom. pr. *Laustyne* (APN 51). — См. {**laust-ik-*}, а также {**laust-en-*}, {**laust-jāt-*}, м.б., и *laustineiti* и т.п. — Ср. блр. *Лúсцин*, русск. *Лустин* и др.

laustineiti 'смирить(ся)' (Ig). K III, 61, 16 (Stessepaggan *laustineiti* wans teinu pōstan warewingin rānkan Deiwas 'So demütiget euch nun vnter die gewaltige Handt Gottes'). 2. Pl Imper. — Ср. в соответствующем месте у Вилента: *Passiβeminkiet tada po silinga ranka Diewa; в латышском Катехизисе 1586 г.: tha femtoyates yums nu appeskan to warrene dewe roke.* — См. также *laustingiskan, laustingins.* — Прусск. *laustineiti* принадлежит к вторичным тематическим глаголам на *-ina-*, представляющим собой обычно или каузативы или деноминативы; существенно, что вокализм корня — *o*. Наиболее четкое размежевание двух вариантов этого типа с помощью места ударения представлено в литовском (Vgl. Gr. 1966, 367—368). В латышском все глаголы на *-in-* образуют единый полутематический тип *-a-*презенса. В прусском же непосредственно сохраняются оба типа, обнаруживаемые прежде всего по форме 3. Praes.: *inaī* при корневом ударении и *-inna* (= *-ina*) при суффиксальном. То, что *laustineiti* не имеет в текстах форм Praes., усложняет ситуацию и в принципе открывает возможность для двоякого толкования этого глагола — как деноминатива (напр.,

от *laustas) или каузатива (от *lausti, по типу лит. *augti* 'расти' — *auginti* 'растить'). — Уже издавна существует решительно преобладающее и в истории изучения этого слова и тем более сейчас мнение о связи *laustineiti* с и.-евр. **leud-* 'наклоняться', 'сгибаться', 'умалиться', 'притворяться' и т.п. (Рок. 1, 684) и ближайшим образом с лит. *liūdnas* 'печальный', 'грустный', 'скорбный', *liūsti* 'печалиться', *liūdėti*; *liūdinti* 'печалить', 'огорчать' и т.п. Последняя версия принадлежит Мажюлису (РКР II, 190): *laustineiti*, должно быть, представляет **l'aust-in-* < **l'jaust-in-* 'делать низким', 'унижать', 'смирять' ('*nužeminti*', 'demütigen'), которое является производным от Adj. (или Subst.?) **l'jausta-* 'униженный', 'покорный', 'согбенный' (отсюда и прусск. Adj. *lāustingins*). Это же **l'jausta-* в свою очередь произведено от глагола **l'jaud-* 'унижать' (< 'опечаливать', '*nuliūdinti*'), ср. **ljūd-* > *liūdo* соотв. *liūsti*; к соотношению прусск. **l'jaud-*: лит. **ljūd-* ср. лит. *džiūti*: *džiūti* и т.п. Естественно, что этот внутрибалтийский список соответствий (правда, без латышского) дополняется примерами из других и.-евр. языков, прежде всего славянских и германских. Сюда относят праслав. *luditi (русск. *лудить* 'обманывать', блр. *лудзіць*, укр. *лудити*; с.-хорв. *лудити се* 'дурачиться', словен. *lūditi* 'одурачивать', 'заманивать' [ср. дублет *lōditi*, относительно которого см. Vaillant Slovo 2, 1953, 9; Etim. Sloven. 2, 155], мак. *лудува*, болг. *лудея*, *лудувам*; чеш. *louditi*, словц. *lūdit'*, польск. *łudzić*, в.-луж. *ludać* и т.п.) и *ludь (ц.-сл. *лудь* *μωρός*, болг., макед. *луд*, с.-хорв. *луд* 'сумасшедший', 'дурак', и т.п. *луда*, словен. *lūd*, *lūda*; чеш. *lud*; ср. румынск. славизм *lud*, *zālud* и т.п.); глагол *luditi является отименным (*ludь), чем, в частности, объясняется круг его значений ('дурак' → 'одурачивать' → 'обманывать' и т.п.), см. ЭССЯ 17, s.vv. Не менее показательны германские примеры, особенно имея в виду широкий спектр их значений. Ср. готск. *liutai*. Nom. Pl. *γόντες* (*liuts), *un-liuts* 'нелицемерный', 'искренний', *liuta* 'лицемер', *us-luton*; др.-сакс. *luttīl* 'маленький', 'жалкий', 'убогий', др.-в.-нем. *luz(z)il*, *liuzil*, др.-англ. *lytel* (: англ. *little*); др.-исл. *lūta*, др.-англ. *lūtan* 'склоняться', *lūtian* 'verborgen liegen', др.-в.-нем. *lūzēn*, *lōsken* 'укрывать', 'скрывать' и т.п. Но вместе с тем есть и неясности, ср. готск. *leitils* 'маленький', др.-исл. *litill*, др.-фриз. *litik* и т.п., о чем см. Krogmann IF 53, 1935, 45 и др. Из кельских ср. кимр. *lludded* 'усталость' (< *loudetā), ср.-ирл. *lūta* 'мизинец'. — Это этимологическое объяснение прусск. *laustineiti* в целом может быть признано удовлетворительным, хотя некоторые детали остаются или не вполне ясными или выпавшими из внимания исследователей; наконец, кое-что озадачивает. В частности, кажется странным, что в вост.-балт. языках не отмечены формы типа *laust-* или даже *laud-* (разумеется, в сопоставимых значениях); что для надежного сопоставления с лит. *liūdnas* и под. приходится допускать мягкость *l* в прусск. *laustineiti*, строго говоря, никакими внутренними данными не подтверждаемую; что некоторые формы, "смежные" с приводимыми, отсылают к несколько иным источникам; что сама семантическая структура и.-евр. **leud-* описана малоудовлетворительно. В этом же

контексте уместно упомянуть, что для некоторых исследователей общепринятая этимология все-таки не выглядит как окончательная. Недавно был предложен новый вариант объяснения: связь с лит. *láužti* 'ломать', *láuždinti* (: *laustinaite* [*lauzdinaite*]), ср. к семантике *to break a horse*, т.е. сделать ее послушной, покорной, подчиняющейся всаднику (ОР 188). — И при этой последней этимологии и при общепринятой исходят из того, что человеку (людям) ради получения милости, "положительного" (ср. в той же цитате из "Первого послания" Петра:... *δίδωσιν χάρις* или ...*dat gratiam*), надо совершить некое, по крайней мере, внешне, на поверхности, "отрицательное" в отношении самого себя действия — склониться, согнуться, умалиться, покориться и т.п. Эта схема описывает инвариант, а конкретные семантические мотивировки глагола, обозначающего это действие, могут быть различными. Нем. *demütigen*, переводом которого выступает *laustineiti*, относится к сфере христианской терминологии и значит 'бежать' (и.-евр. **tequ-* > др.-в.-нем. *dio-* и под.) смысла, духа, мужества (др.-в.-нем. *muoti*), т.е. примерно ту же идею отказа от ума-суетности, что и в слав. *ludь. Но внутренняя форма немецкого слова едва ли была ясна прусскому информанту-переводчику: он был свободен в своем выборе (по крайней мере, в этом отношении) и не пошел по пути калькирования. Соответствующий латинский текст обнаруживает совершенно иную мотивировку глагола: *Submittite vos igitur robustae manui Dei* ('посылать, отправлять вниз' → 'опускать', 'понижать'), а греческий текст — новую, третью мотивировку, подчеркивающую умаление, умерение, ослабление, унижение: *Ταπεινώθητε οὖν ὑπὸ τῆν κράταιαν χεῖρα τοῦ Θεοῦ*. Точно так же и слав. переводы обращаются к разным мотивировкам при выборе глагола (русск. *смириться*, болг. *смирете се*, польск. *uniżajciez*, чеш. *pokořtež* и т.п.). В этом контексте уместно подумать как о некоем возможно резерве объяснения *laustineiti* о продолжениях и.-евр. *leu : **lou-* : **lū-* 'отрезать', 'отделять', 'освободить' и т.п. (Рок. 1, 681—682), особенно распространенных в слав. и балт. языках с использованием разных расширений: *-s-*, *-sk-*, *-st-*, *-z-*, *-zg-*, *zd-*, *-t-*. Речь идет о примерах типа русск. *лускать*, *лүзкать*, *лузгать(ся)*, *лузжуть*, *лүснуть*, *лустерить*, *лүсуть*, *лузать*, *лүтуть* и т.п. (СРНГ 17, 183, 184, 185, 204, 205, 206) с такими значениями, как 'шелушить', 'очищать', 'освободить' (от шелухи, кожуры, внешнего покрова и т.п.), и о соответствующих многочисленных существительных — *луск*, *лүска́*, *луст*, *лүста́*, *лүса*, *лузг*, *лузга* и т.п. (17, s.vv.). Разумеется, к этой семье относятся и многочисленные примеры из других слав. языков и целый ряд балт. фактов, отчасти уже отмечавшихся выше, ср.: лит. *lūzganā* 'шелуха', 'кожура', *lūzgis*, *lusnā*, *nu-lūzges*, *lūskos* 'лохмотья', *lūskis*, *lūstas* 'ломать хлеба', *lūkštas* 'шелуха', 'скорлупа'; лтш. *laūska* 'осколок', 'черепок', *lauskas* 'перхоть', 'шелуха', возможно, и производные от лит. *láužti* (*láužas*, *láužis* и т.п.), лтш. *laūzt*, *laūzīt* (*laūza*, *laūzma*, *laūzne* и т.п.). Не исключено, что в этом же контексте получают свое объяснение и такие глаголы, как лит. *lūsti* (*luñta*, *lūto*)

'отвисать', 'оттопыриваться' (как бы 'отшелушиваться'), *nu-lūsti* (LKŽ 7, 710) или лтш. *lusītiēs* 'отлынивать', 'увиливать', *iz-lusītiēs; lusināt, iz-lusināt* при *lutināt* в значении 'очищать' (ср. *među lutināt*), *luīti* 'stibitzen' (ME 2, 516) и др., не говоря уж, конечно, о лит. *liūtis* с исходной идеей отделения, разрыва с целым (ср. также *lūtas, lūtis, lutėnti* и т.п., см. LEW 363), с одной стороны, и вторичных глаголах типа лит. *lukštėnti, lukštinti, lukšyti, lukšti* и т.п. 'лущить', 'шелушить' и т.д., с другой. Таким образом призыв к смирению (*laustineiti*) в этом месте мог бы быть понят как требование сбросить с себя инерционно-бытовое, поверхностное, совлечь с себя ветхого Адама, освободиться от лишнего, наносного (*лузга*), так сказать, "расшелушиться", "отскоблиться", "отскрестись" (кстати, ср. связь между слав. **skrběti, *skrbьль*, о скорби, печали, горе, и **skrebsti* 'скрести', 'скоблить' и т.п. в контексте лит. *liūdnas* 'печальный', 'скорбный', *liūsti* 'печалиться' и т.п.). Смирение, умаление, покорность как раз и означало бы в таком случае отказ от привязанностей к внешнему, освобождение. В таком случае, возможно, открывается связь между прусск. *lau-st-* и ятв. *laufa* (п.-ятв. слов. 32) 'воля', если это исконное слово, а если оно заимствовано, то с готск. *laus* 'свободный', 'пустой', др.-исл. *lauss*, др.-англ. *lēas* др.-фриз. *lās*, др.-в.-нем. *lōs*. Согласно Goth. ED 229, из прагерм. **lusa-* 'свободный' < и.-евр. **leu-s-* (ср. **fra-liusan*). Свобода от внешнего и конечного (ср. др.-исл. *enda-lauss*, др.-англ. *ende-lēas*, др.-сакс. *endi-lōs*, готск. **andi-laus*) открывает путь к подлинной свободе, освобождению (др.-исл. *ōr-lausn*, др.-в.-нем. *urlōsi* и т.п.). Глаголы, обозначающие это действие-переход того же корня — готск. *lausjan* ρύεσθαι, *ga-lausjan*, др.-исл. *leysa*, др.-англ. *lȳsan*, др.-фриз. *lēsa*, др.-сакс. *lōsian*, др.-в.-нем. *lōsen*. Во всяком случае это "резервное" и, по сути дела, гипотетическое объяснение не должно непременно рассматриваться как альтернатива общепринятому: оно может оказаться фрагментом более общей картины, не учтенным в "стандартном" объяснении.

— Лит.: Nesselmann Spr. alt. Preuss. 1845, 113; Thes. 1873, 92; Bezzenberger BVS 8, 1874, 366—367; Pr. Spr., s.v. APSpr. 369—370; BSW 151; Būga RR II, 545; Lewy IF 32, 1913, 163 (= Kleine Schriften 1961, 316); Leskien IF 34, 1914—1915, 319; WP II, 415, Krogmann IF 53, 1935, 45; SPV 202—203; ЭСР 2, 528; LEW 378—379; Pok. 1, 684; Argumaa Ursl. Gr. 1, 1964, 92; Vgl. Gr. 1966, 438; Urbutis Baltist. 3, 1967, 233; Петлева Этимол. 1968. 1971, 154; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 188; SEP 5, 295; Etim. Sloven. 2, 155; PKP II, 190, 294; Goth. ED. 236. — *{*laustineiti; *laustinaite; *lauzdinaite (?)}*.

lāustingins 'смиранный'. Adj. K III, 61, 15 (Adder steimans Lāustingins dast tans etnīstin 'Aber den dem ūtigen gibt er gnade'). Acc. Pl. masc. — К корню см. *laustineiti* (там же этимология слова); к суф. *-ing-* ср. прусск. *labbingis, aulāikings*, а также субстантивизированные Adj. типа *ragingis, paunings*. К тенденции вытеснения старых Adj. на *-i* прилагательными с суф. на *-(i)o-* см. Argumaa Mēl. Pedersen 1937, 432. Нужно отметить, что Acc. выступает здесь в сочетании с относящимся к нему Pron.

demonstr. в форме Dat. Pl., что отражает степень разрушения старой падежной системы. Та же ситуация в предшествующем фрагменте, где речь идет о том, что *Deiws emprīkistallaē steimans labbatīngins*. Следовательно, *steimans lāustingins*, т.е. смиренные, противопоставлены *steimans labbatīngins*, т.е. гордецам, через разное отношение к ним Бога. Ср. у Вилента: *Nesa Diewas puikiemufiems prieschtarauja a pakarniems ghis dūsti malone* (Enchiridion 43 = 24); в латышском Катехизисе 1586 г.: *aesto dewš šihawe prettibe tims grefnims, beth tims ņemmoškims dode thas ņzeeleštibe* (25).

— Лит.: см. в статье *laustineiti*, а также Argumaa Mēl. Pedersen 1937, 432; OP 92, 332. — *{*lāustingins; *laustingans}*.

lāustingiskan 'смирение'. K III, 61, 14 (Jous Maldai seiti poklusman steimans vraisins bhe powaidinciti en stesmu stan lāustingiskan '...vnd beweyset darinn die gemut'). Acc. Sg. fem. — Nomen abstr. от Adj. *lāusting(in)s*, образованный с помощью суф. *-isk-*, подобно *teisīw-ing-iskan, ginniskan, swintiskan* и под. (SPV 50). — Траутман APSpr. 370 предлагает чтение *lāustingiskan*. Согласно РКР II, 294 в этом слове, как и в *lāustingins* и *laustineiti*, предполагается начальное мягкое *l-* [*l'*], что не исключено, но едва ли обязательно. Характерно, что в коротком фрагменте K III, 61, 14—16 трижды повторяются слова с корнем *laust-* в трех разных грамматических классах — Subst., Adj., Vb.

— Лит.: См. в статьях *laustineiti* и *lāustingins*, а также OP 63. — *{*laustingiskan}*.

lāut, см. *aulāut* (Пр. яз. I, 154—156). — К литературе ср. еще: Bezlej Baltist. 10, 1974, 29 (с.-хорв. *uľūnūtu se* 'притвориться мертвым' [**u-lu-* < **ou-leu-*; прусск. *au-lau-*; можно добавить русск. диал. *лунуть* 'умереть', 'издохнуть'; ср. гипотетическое праслав. **u-lu-nu-ti*); Merlingen IF 83, 1978, 53.

{*laut-}, ср. *Lauwete*, 1263; *Lawte*, 1263 (SU 42); *Laute*, река, 1322 (SU 148); *Lavin*, место, 1379 (SU 349), позже — *Lauth*; — *Lauthe*, 1426, позже — *Lauth* (APON 85: "unklay"). — См. также *{*laut- & *kaim}*. — Не ясно, как толковать мазурск. *Ławta* при нем. *Lauter*. Целый ряд названий *Lauter See* (Słown. nazw Mazur II, 319, дважды, 371; HW 752, 753) объясняются из немецкого. То же относится к формам *in Lawtern*, 1536 (при *Lüter*, теперь — *Lutry*), *Lauttern*, 1701, *Lautern*, 1755, представляющим собой немецкую фамилию, связанную с епископскими войтами (Pospiszylowa Top. Warm. 1987, 92) или *Windiken* alias *Lauterwald*, 1564 (ibid. 92) при *Luterwald*, от ср.-в.-нем. *luter*; н.-нем. *lauter* 'ясный', 'чистый'. Но есть и случаи другого рода. На территории остродзск. повета отмечены формы *Lautens*, *Lautes*, 1515 (Döhrung Über Herk. Masur 1910, 102); *Lautte*, 1576 (Hartmann Kr. Oster. 1958, 288); *Lautens*, 1820 (Wald Topogr. Übersicht 1820, 198), *Lautens*, 1879 (Kętrzyński Nazwy miejsc. Prus 1879, 202); нем. *Lautens*, 1884 (Słown. geogr. Polski V, 834); *Lautens* (Słown. geogr. PZP 178) наряду с дублетами типа *Lutynowo* (совр.), *Lutens*, 1411, *Lutynowo*, 1820 и под. Предполагается, что в основе этих "собственнических" названий — прусск. Nom. pr., реконструируемое как **Lūtis* (Biolik Acta B-sl.

15, 1983, 290—291), ср. *Lute, Luthe, Lutyne, Lutyn* (APN 53). Милевский Sl. Occ. 18, 1947, 61 допускает, что корень *lūt-* мог быть заимствован пруссами из слав. личных имен типа *Lutobor, Lutogniew, Lutomir* и т.п. О **Lutens*, позже — *Lautensee*, теперь — *Jeziorno* см. Górniewicz TRG 1980, 94 и др. — В целом неясно. В вост.-балт. зоне названия на *laut-* практически отсутствуют или являются германизмами, как лтш. *Laüterbachs, Làuteris* (LV I, 2, 275). Аппеллятивов с корнем *laut-* также нет. Ориентация на редкие примеры типа лтш. *Łautenes pl.* (LV I, 2, 359) или лит. *Lūtupis* (LUEV 96; LHEŽ 200: к лит. *lutėnti, lutuoti, lūtis*) едва ли может пока вполне прояснить картину, как и редкие внешне близкие примеры типа иллир. *Leutuonum* в Нижней Паннонии (Spr. alt. Illyr. 208). Тем не менее наиболее целесообразным подступом к решению вопроса следует, пожалуй, считать проверку связи с многочисленными слав. названиями (прежде всего речными) на *Lut-*, ср. днепр. *Лутна, Лутня, Лутенка, Лутова, Лутовка* и др. (ЛАВП 219), вероятно, ошибочно или во всяком случае без должных оснований выводившихся из праслав. *lqt-* 'лыко', ср. русск. *лут, луть, лутье*, то же); а, м.б., и на *L'ut-* (*Лють, Лютня, Лютенка, Лютянка, Лютица, Лютина, Лютая*, разумеется, осмысляемые уже в связи с корнем *лют-* 'лютый'); окск. *Лутов, Лутовинка, Лутовка* и др. (Гидр. басс. Оки, 30, 61, 64, 74, 85, 112 и др.); укр. *Лутová, Лутáва, Лутавéць, Лутівка* (СГУ 331); висл. *Luta, Lute, Lutnia, Lutowa, Lutówka, Lutynia, Lutomia; Lutownia* и др. (HW, s. vv., ср. и *Luterka*, 255); чеш. *Ljutina* (Šmilauer Vodopis 1932, 501); полабск.-поморск. *Lutene, Lütow, Lütten* и т.п. (см. EOSON III, 1956, Register, 43, 120—121); с.-хорв. *Љута*; вардар. *Ljutica* (Duridanov Hydr. Vardarsyst. 1975, 81, 268) и др. Эти и подобные примеры восходят к праслав. **Lut-* и **L'ut-*, соответственно к более раннему **Lout-* и **Leut-*. В таком случае эти названия следовало бы, вероятно, связывать с **lutati, *lėviti (*l'utati ?)* с общей идеей ослабления, ухудшения, в частности, применительно к особой походке; ср. словен. *lūtati* 'медленно идти', 'с трудом разыскивать', 'безуспешно что-либо делать' (Pleteršnik I, 538), с.-хорв. *лутати* 'бродить', 'блуждать', о человеке больном и слабом, ходящем (или работающем) медленно, вяло, макед. *лута* 'бродить', 'блуждать', 'скитаться', болг. *лутам се*, то же и 'долго искать', ср. *лутам* 'бродить', 'шляться', русск. *лутать* 'лодырничать', 'лениться' и т.п. Эти значения, конечно, отсылают к лит. *lutėnti, lutuoti* 'итти переваливаясь, враскачку', ср. *lūtas, lūtis*, о коротконогости, о раскачивающейся, вразвалку походке (: *Lūt-upis*). В таком случае в гидронимии этот корень характеризует особенности течения реки. Другие продолжения этого корня еще более подчеркивают общую семантическую идею, ср. укр. *лівити* 'слабеть', 'уменьшаться', чеш. *leviti* 'облегчить', 'умерить', болг. (родопск.) *из-лєв'ам са* 'становиться плохим, дурным', 'обманываться', ср. *лєвя* 'ходить тихо', 'искать внимательно'; см. Куркина Этимол. 1973. 1975, 42—43; Петлева Этимол. 1983. 1985, 46—47; ЭССЯ s.vv. Особое внимание было уделено дублетам этого корня в праслав. **slut-/ *šl'ut-* и их рефлексам в отдельных слав. языках (ср. макед.

слута, болг. диал. *слутам се, слутник*; но и словен. *šljūtati, šljūta, -av*, с.-хорв. диал. /в Истрии/ *šljūtav, -ast, šljūtica*, чакав. *šljūtast, -av* и т.п. Подобное — Boryš RSlaw. 42, 1981, 25—27. — В таком случае балт. **laut-* гидронимический архаизм и раритет.

*laut- & *kaim-, ср. *Lautekaim*, ок. 1400 (APON 85). — Сложное двучленное название; к первому члену ср. *{*laut-}*; ко второму — *{*kaim-}*, *caymis*. Значение целого неясно.

*lava (?), реконструируется на основании названия реки *Lawa* в басс. Вислы (HW 465) и топонимов *Lawsk, Lawsko, Lawsko Male* в северном Мазовье. Большую или меньшую правдоподобность прусского происхождения этих названий отстаивают Zierhoffer (Nazwy Północn. Maz. 1957, 83; Wiśniewski Onomast. V, zesz. 2, 1959 (= 9), 518. В нижнем течении Вислы есть и ряд других названий с этим же корнем. В других случаях такие названия могут и не быть балтийскими. В целом далеко от ясности, несмотря на такие вост.-балт. факты, как лтш. *Lāvas-kalns, Lāvas-plava, Lavš-kalns; Lāvaiši, Lāveņu-kalns, Lavēn-plava, Lāvenieki, Lāviēna* (LV I, 2, 287); лит. *Loviāi* (LATSŽ 16); *Ilgōji Lōva, Lōvos, Lōvaičiai*; ср. *Loviāi* (LUEV 94; LHEŽ 196: от лит. *lovys* 'русло реки' и т.п.; названия с корнем *Лов-* засвидетельствованы и на русской территории (ср. *Лова, Ловать, Ловатица* и др. Гидр. басс. Оки 33; *Ловать*, река, впадающая в Ильмень, и др.), где их в последнее время (вопреки прежним взглядам или наряду с ними) все чаще трактуют как балтизмы. Мерлинген связывает лит. *lōva, lovys*, лтш. *lāva*, русск. *лава* и т.п. с и.-евр. **lāu-* 'углубление', 'ложить(ся)', ср. LEW 387: к прусск. *au-laūt* (IF 83, 1978, 53). В связи с вторым значением и.-евр. **lāu-* ср. скандинавский балтизм, обозначающий способ складывания тресты для сушки на жердях в бане или овине и соответственно то, что на эти жерди положено: финск. *lave*, швед. *lave* (из балт. **lav-*), см. Вишняускайте (Пробл. этн. ист. 1977, 90).

lauxnos 'звезды', 'созвездия'. Э 4 ('Gestirne'). Nom Pl. fem., в ряду небесных светил, ср. Э 3: *Dangus* ('Hemel'), Э 5: *Dejūnais* ('Morgenstn'), Э 6: *Paucoran* ('Sebengest'ne'), Э 7: *Saule* ('Sonne'), Э 8: *Menig* ('Monde'). — Относительно *-o* в флексии существуют две трактовки: *-os* понимается как графическая запись реального *-ās* или как отражение несокращенного *-ōs* (< *ās*), см. Брейдак LPosn. 23, 1980, 73. — Буквальное значение *lauxnos*, как оно определяется из внутренней реконструкции (ср. прусск. *laukīt* и *luckis* и даже *laucks*) и тем более из и.-евр. (см. ниже), — 'светила', 'светящие(ся)', 'сияющие'. Такая семантическая мотивировка при обозначении звезд является обычной, ср. в балт. языках лит. *žvaigždė* 'звезда', лтш. *zvai(g)zne* (ср. слав. **zvězda*) при прусск. *swāigstan* 'сияние', *po-swāigstinai* 'освещать', лтш. *zvidzēt* 'блестеть', 'сверкать', 'искриться', *zvidrīt, zvidrīt* и т.п. Возможно, что подобный принцип лежит и в основе обозначения звезды, созвездия в лат. *sīdus*, если верно сравнение с лит. *svidūs* 'блестящий', *svidėti* 'блестеть', *svlsti* и т.п. (правда, иногда считают надежнее сопоставлять латинское слово с *sīdo* 'садиться', 'оседать' и, следовательно, исходить из мотива фиксированных, неподвижных звезд, см. Pārvulesku KZ 91,

1977, 49). Вообще же и звезды и луна-месяц имеют отчетливую тенденцию в разных языковых и культурных традициях обозначаться описательно, в чем можно видеть проявление своего рода табу (см. Meillet BSL 32, 1931, 25 и др.) — тем более, что речь идет о ночных светилах, единственных источниках света, объятых сплошной тьмою, от которых, как полагают, зависит судьба людей. При этом, как свидетельствует обширный материал, в этом случае актуальнее аспекты безопасности от злого начала, чем аспекты положительного успеха, выигрыша, прибытка. — Прусс. *lauxnos* весьма важное с диагностической точки зрения слово и в балт., и в балто-слав. и в и.-евр. перспективе. С одной стороны, оно противопоставлено вост.-балт. и слав. обозначениям звезды (лит. *žvaigždė, žvaigždė, žvaizdė, žvaizdė, žvaizdė, žvaizdė, žvaizdris* и др., лтш. *zvaigzne, zvaizne, zvaigzna, zvaizla, zvaigzde, zvaigzde, zvaigznājs* 'das Gesirn', 'Sternbild' и т.п. ME 4, 762-763), слав. **gvězda, *zvězda* и др.). С другой стороны, *lauxnos* не имеет в вост.-балт. языках достаточно точного соответствия ни по форме, ни по отнесенности к объектам денотативной сферы. Зато оно обнаруживает точную формальную параллель в слав. языках, но со сдвигом по денотату. Речь идет о продолжениях праслав. *luna (и.-евр. **louk-snā: *leuk-* 'светить', 'сиять', 'блестеть'), причем в двух основных значениях — 'луна' (ночное светило, лат. *lūna*) и 'отблеск', 'заревое', 'мерцание', 'тусклый свет', 'освещенное небо', 'луч света' и т.п. Первое значение в настоящее время прочнее всего представлено в русском, белорусском и словенском с примыкающими к нему с.-хорв. говорами, т.е. на периферии, определяемой диагональю, пересекающей Слaviю с сев.-вост. на юго-зап. (можно напомнить, что эти два полюса сохраняют и ряд других архаизмов — как языковых, так и культурных). Ср. русск. *лунá*, блр. *лунá*, словен. *lūna*, с.-хорв. диал. *лунá* (Пунат. Крк). В других языках слова в этом значении стали принадлежностью поэтического, сугубо литературного языка, в целом же устарели или вовсе вышли из употребления, иногда вместе с соответствующими языками, ср. ст.-сл. лоуна *σελήνη* (лоуна недасть свѣта своего. Мф. 24, 29 [Мар., Ассем., Савв., Остром. при мѣсцѣ в Зогр.]; Мк. 13, 24 [Зогр., Мар.]; бжджть знамениѣ въ слъньци и лоунѣ. Лк. 21, 25 [Мар., Ассем., Савв., Остр. — при въ ...мѣсци. Зогр.] и т.п., см. Lex. linguae palaeoslov. 17, 139); то же в ц.-слав.; ср. полабск. *launa, lajna* (*Launa* 'Mond'. Генниг; *Leyna* 'La Lune'. Пфефф.; *Leina* 'der Mond'. Vocab. Vandal.), ср. *pauna launa, storo launa* (Słown. et. Drz. 2, 315—316; Olesch Thes. Drav.-Polab. I, 1983, 496). В других слав. ср. ст.-чеш. *luna* 'луна' (наряду с другими значениями), чеш. *luna* 'луна' (поэтич.) слвц. *luna* (поэтич.), ст.-польск. *luna* (в частности, и 'луна'), болг. *луна*. Второе значение слова *luna оказывается более устойчивым, между прочим, благодаря связи с соответствующим действием — освещением, сиянием, мерцанием. Ср. русск. диал. *луна* 'луч света', 'освещенное лучами света небо', 'заревое', 'зарница', 'отдаленный или слабый блеск на небе', *лунь* 'тусклый свет', 'отблеск'; 'смутное, неопределенное очертание предмета',

но и 'луна., 'лунный свет' (*поехал за белой лунью, за чистыми (так!) звездами*. СРНГ 17, 193, 197) при *лунить* 'рассветать', 'светить', 'освещать слабым светом', 'отражать свет', 'отсвечивать' и т.п. — вплоть до 'хлопать глазами' (17, 194—195), ср. *лунится* — свет луны проникает в глаз" (17, 195: *луниться*); блр. *луна* 'невялікая хмара' (*Луна цёмная ідзе; Нэвэлікую хмарку звут луною; Зайшоў місяц за луну*. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 682; ср. *лунь* 'воблака', 'хмара': *Лунь — хмара; Луні на небе неба луністая*; 'призрак', 'приведение': *Лунь ходзіць — начная цень*. 2, 683), *лунь* 'белый болотный туман' (Тлум, слоўн. блр. 3, 62) и др.; укр. *лунá, луно* 'отблеск', 'заревое' (и 'эхо'); с.-хорв. *луна* 'радуга', болг. *луна* 'веснушка', *луница*, то же, *лунавый, лунявый* (Геров Речн. бълг. 3, 24); ст.-чеш. *luna* 'луч' 'отблеск' и т.п., чеш. *luna* 'заревое'; ст.-польск. *luna* 'отблеск света на ночном небе' (Slavi splendorem lunae in nocte lucentis *luna* appellans, ок. 1250. Słown. Staropolski IV, z. 2(21), 129), польск. *luna* 'отблеск пламени', 'заревое', 'румянец', диал. *luna* 'отблеск', 'красное небо', 'радуга' (Słown. gwar polsk., s.v.); кушуб. *luna* 'отблеск огня', слов.-помор. 'но и вар. *lqna*) 'Feuerröte' (Pom. Wb. 1, 480) и др. — Эта картина уже дает основания подметить ряд особенностей и высказать ряд предположений. Прежде всего обычный фиксированный порядок слов в "небесном" фрагменте подобных словариков, в свое время весьма распространенных, как правило, строился так: небо, солнце, месяц (луна), звезды (затем — облака, ветер и т.п.), т.е. с сочетанием двух принципов — вместилище/вмещаемое и иерархия небесных объектов. В "небесном" фрагменте Э этот порядок нарушен (см. выше): первую часть "небесного" фрагмента составляет "звездный" подфрагмент. Соседство *lauxnos* (Э 4) и *Deynauno* (Э 5) 'Morgenstern' может считаться показательным как обозначение двух пределов, двух крайних состояний ночного неба с точки зрения его освещения (если это так, то вынесение главного созвездия — Большой Медведицы-*paucoran*. Э 6 — на следующую позицию, возможно подтверждает сказанное). *Deynauno* и своей этимологической связью с мотивом дня-света и своим денотатом — Morgenstern отсылает к окончанию ночи, к рассвету. Уместно напомнить, что Morgenstern в ряде случаев фактически неотделимо от Morgenlicht и даже Morgenschimmer, подобно тому, как русск. *денница* не только 'утренняя звезда', 'зорница', но и 'утренняя заря', 'рассвет', 'светание', 'брезг' (см. Даль I⁴, 1060). Поэтому нельзя исключать, что *lauxnos* относилось к началу ночи и ночного освещения, когда звезды зажигались на темнеющем небе (высыпали как сыпь или веснушки, ср. болг. *луна, луница, лунка* и т.п. в этом значении), или даже — по аналогии с денницей как утренней зарей — к вечерней зарнице, к закату, зареву. Во всяком случае, основа *lauxn-* скорее всего относилась к общей идее ночного свечения (ср. готск. *tuggl* 'Gestirn' при др.-иссл. *tungl* 'Mond', подобно прусск. *lauxnos* при слав. *luna, при готск. *tandjan* 'возжигать', *tundnan* 'жечь', нидерл. *tintelen* и т.п., см. Krogmann KZ 63, 1936, 258—260; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 38—39), возможно, к мерцающему эффекту, но, может быть, и к тому общему

световому колориту, который связан с луной как его главным источником. Отсутствие или неизвестность различия луны и месяца в прусском не позволяет категорически утверждать, что *lauxnos* не могло быть связано и с лунным светом, следовательно, и с луной. В денном случае снова уместно обратиться к сравнению прусской картины с вост.-балт. и слав. В славянских языках уже для праславянского периода было актуальным противопоставлением излучающей свет луны (или, иначе говоря, света, излучаемого луной) и измеряющего время месяца: *luna, но *měsęcь, соответственно *louksnā и **mē(n)s-en-ik-jos*. Та же схема представлена и в прусском, где правда, *lauxnos* относят к звездам, ср. *lauxnos*, но *menig*, соответственно *lauksna и *men-ik-is (или *men-in-s), хотя *lauxnos* в Э специализировано для обозначения звезд и лишь в реконструкции могло, видимо, относиться и к луне. В этом отношении славянская картина ближе к прусской, и они обе, хотя и в несколько разной степени противопоставлены вост.-балт. картине, где луна и месяц на корневом уровне не различаются, ср. лтш. *mēness* 'луна' и 'месяц', лит. *mėnulis* 'луна' — *mėnuo* 'месяц'. Вместе с тем и в прусском и в праславянском существует "астральное" *lauksna/*louksna (> *luna), тогда как в вост.-балт., во-первых, отсутствует вообще этот словообразовательный тип, а, во-вторых, даже корневые соответствия (ср. лит. *laũkas*, лтш. *lāuks*, *laũks*) не имеют "астрального" применения, обозначая в обоих случаях поле и белое пятно на лбу, объединяемые по принципу светлины. Таким образом, зап.-балт., вост.-балт. и слав. обладают лишь одним бесспорно общим элементом — названием месяца **mēn-/*mē(n)s-*. В последнее время к этому кругу лексики в балт. и слав. обратился Брозович (Baltist. 19, 1983, 10—14), беря его в лингвогеографическом аспекте. По данным Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) и "Atlas linguarum Europae" (ALE) в слав. и балт. ареалах слово *luna* как обозначение луны оказывается сильно оттесненным. В ALE на вопрос "как называется луна?" слово *luna* фигурирует в связи лишь с тремя языками — русским, белорусским и словенским, притом и в них это слово не является единственным или даже преобладающим. Так, блр. *луна* отмечено в 4 случаях из 10; русск. *луна* в 17 случаях из 52; словен. *luna* в 5 случаях из 11. Во всех остальных случаях, по данным ALE, в славянских языках выступают только рефлекс праслав. *měsęcь, если не говорить о новообразованиях — или совершенно окказиональных (типа русск. *mal'd'ik*, *ús'erp*, *tv'at'x* и под.), или регулярных, но все-таки уступающих по распространенности основному названию (ср. польск. *księżyc*). Балтийский ареал в связи с этим вопросом оказывается еще более унифицированным: *mėnuo* — 26 раз, *menas* — 2, *mėnesis* — 8, *mėnulis* — 21, *mėnukas* — 2, *mėnutis* — 1. На основании этих и подобных им данных Брозович делает вывод, что слово *luna существовало в праславянском, но означало не только луну. Этот вывод очевиден в отличие от следующего из него второго вывода: "следовательно, слово *měsęcь должно было иметь значение не

только 'месяц', но и 'луна' (указ. соч., 11). Однако опыт разных языков и практически всех мифоритуальных традиций свидетельствует, что неизбежны ситуации, когда месяц и луна должны различаться между собою и в языковом отношении (использование слов разных корней, разных словообразовательных типов, дифференциация месяца и луны с помощью соответствующих определений — растущий, убывающий, полная, круглая и т.п.), т.к. и сам образ этих двух ипостасей спутника Земли, и их функции, и прагматические аспекты, существенные для человека в его хозяйственной и ритуальной практике, слишком различны и весьма важны сами по себе. Но безусловно верно, что прусский и славянский совпадают в том, что один из двух классов ночных источников света они обозначают общим словообразовательным типом *lauksnā — звезды как "светила" или луна как "светило". Вероятно, нет смысла придавать слишком большое значение различию в денотатах. И.-евр. данные показывают, что определение "светящий", 'сияющий', 'блестящий' и т.п., восходящее к корню **leuk-(sn-)*, в отдельных языках могли окказионально относиться к разным объектам, в том числе и небесным, квалифицируемым как светлые. Лишь кое-где это определение институализировалось как своего рода "астрономический" термин и было зафиксировано достаточно жестко. Поэтому различия в денотатах, обозначаемых словом *lauksnā/*louksnā, отсылают не столько к языковым различиям, сколько к сфере культурных традиций. Вместе с тем есть основание говорить об определенном ареале, в котором и.-евр. **louk-sn-* проявило тенденцию к связи с обозначением небесных ночных светил (зап.-балт., слав., италийск.). По-видимому, нет достаточно надежных оснований считать, как это делает Мартынов (Яз. простр. 1983, 77; Этимол. 1982. 1985, 6; Прасл. зап.-балт. 1988, 31), что зап.-балт. *lauksna (и, следовательно, слав. *luna) представляет собой результат инфильтрации италийск. *lauksna (т.е. образования, предшествующего лат. *luna*, которое дало бы праслав. *luna). Но зато очень важно обратить внимание на две особенности, которые имеют существенное значение для определения пространственно-временных (по меньшей мере, относительно-хронологических) условий данных ареальных фактов. Прежде всего, зап.-балт. (слав.) и италийск. элемент в определенную эпоху (видимо, в конце I тысячел. до н.э.), действительно, занимали относительно единую и, видимо, довольно компактную территорию, возможно, вместе с иллирийцами и венетами. И тот факт, что здесь и только здесь и.-евр. *louksnā было применено к ночным светилам "терминологически", в таком случае не может быть случайностью. Далее. Внутри этого ареала существует, так сказать, особый, более узкий "подареал", в пределах которого наблюдается еще более специальное совпадение: только в этой зоне, у италийских и зап.-балтийских племен (точнее, у тех, кто занимал пространство внешнего зап.-балт. пояса, ориентированного на юго-запад, где позже конституировался славянский этнос и славянский язык в ранних своих формах), и.-евр. *louksnā специализировалось для обозначения луны. Возможно, этот тип, действительно,

был инновационным и "поэтическим" по преимуществу, поскольку и.-евр. *mēn- и под. (см. Рок. 1, 731—732) прочнее укоренено в индоевропейском ареале в целом и производит впечатление большей архаичности; несомненно, таковой же была и специализация этого и.-евр. типа *louksna- в значении 'звезды', 'созвездия' в прусском при вост.-балт. архаизме žvaigž�(d)-/zvaigz(n)-, прочно вросшем в морфонологическую микросистему слов этого корня, на фоне выглядящего изолированным праслав. *gvězda/*zvězda. — Следовательно, ближайшей и, очевидно, наиболее точной параллелью к прусск. *lauknoš* наряду с слав. *luna (< *louksnā через стадию *luxna/?/) нужно считать италийские факты. Наиболее архаичный из них — пренест. *Losna*, естественно продолжающее более древнюю форму *Louksnā (к *k* ср. и.-евр. *leuk-, лат. *lūceo* 'быть светлым', 'светить/ся/', ср. *stella lucet*, о сияющих звездах, у Цицерона или *lucet* 'рассвело', *impers.*; *o* < *ou*), и соответствующее ему лат. *Lūna*, богиня ночного света (ср. Macrobi. Sat. III, 8, 3) *lūna* 'луна', 'лунное сияние', 'лунная ночь', но и 'месяц' (*nova lūna*); ср. также 'луночка' (видимо, подобно русск. *лу́на* — *лу́нка* и т.д.); эти латинские слова, давшие многочисленны́е продолжения в романских языках, но также и за их пределами, обычно выводятся из и.-евр. *louksnā, с которым их связывает как промежуточная форма пренест. *Losna* (впрочем, предлагалось и иное объяснение: лат. *lūna* из *lukna : luceo). Формы с элементом -s- от и.-евр. *leuk-/*louk- засвидетельствованы, впрочем, и целым рядом других примеров. В языковом и мифологическом плане показательны сопоставление женских божеств ночного света (*Losna*, *Lūna*), обозначаемых как "светлые", "сияющие" — *Louk-s-nā, и мужского бога дневного небесного света Юпитера, чье имя в одном из самых ранних латинских текстов — "Carmina Saliaria" (видимо, VI в.) — кодируется тем же корнем с элементом -s-; ср. Divom em pa cante... Quonne tonas, Leucesie, prai tet tremonti... Обращение к Юпитеру Leucesie — уникальный архаизм того же корня (единственный случай сохранения дифтонга eu, откуда — ou > ū; интервокальное s не подверглось еще ротацизму), т.е. *Leuk-es- (ср. *Jupiter Lūcētius*, лат. и оск., и галльско-го Марса *Leucetius*, *Loucetius*). Другие латинские формы, предполагающие -s- — *lūmen* 'свет' (< *leuk-s-men), *lūstrum* 'искупительная жертва', 'пятилетие' (< *leuk-s-trom, букв. — 'освещение', ср. *lūstrō*, сочетающее в себе значения 'освещать', 'озарять' [ср. *sol cuncta suā luce lustrat. Cicero*] и 'освящать', 'очищать', 'искупать жертвоприношением'; *illūstrō*); ср. *lūcūbrum* 'слабый свет' < *leuk-os-rom (несомненно, в более далекой перспективе должны быть учтены и такие примеры, как лат. *lūcēre* 'светить', *lūcesco*, *lūcerna* 'свет', 'лампа', и под., которые в совокупности отсылают к суффиксальным -s- и -n-, т.е. к тем же элементам, которые составляют -sn- в *louk-sn-, см. DELL 1, 656—666). Есть и кельтские формы, намекающие на источник в виде *leuk-sno-; ср. ср.-ирл. *lūan* 'свет', 'луна' 'месяц', *dīa lūain* 'понеделник' при словообразовательных типах более или менее близких к италийским (ср. помимо уже упоминавшихся эпитетов

Марса — галльск. *Leucetius*, *Loucetius*, также др.-ирл. *lōcharn*, *luacharn*, кимр. *llugorn*, *llygorn*, корн. *lugarn*, брет. *lugern* 'блеск'; др.-ирл. *luchair*), не говоря уж о формах без *s* и *n*, ср. кимр. *llug* 'блеск', 'мерцание', *llwg* 'блестящий', 'черно-желтый' (что, возможно, объясняет и ирл. *lōn* 'черный дрозд', которое уже давно выводилось из и.-евр. *luksno-. Urkelt. 1894, 243), др.-ирл. *luach-te*, ср.-ирл. *lōch*, *lūach*, ср. др.-ирл. *lōchet* 'молния' (основа на -nt-) и т.п., о кельтск. Nom. рг. на *Luc-*, *Leuc*, *Louc-* помимо основных собраний по кельтской ономастике, ср. Lee Glotta 40, 1962, 178 и др. Не исключено, что близкие по словообразовательному типу имена могли быть и в других ареально или исторически близких к италийским языкам. Возможно, что Nom. рг. LOXINA в венецкой надписи № 116: SANTA. LOXINA (Lejeune Manuel vénète 236) допустимо толковать как *Louks-in-; кстати, в надписи № 33 (Op. cit. 206) встречается lo.g.sii, которое исправляется Леженом на lo.g.sii<a> и понимается как имя женщины-посвятительницы дара (*Louk-s-); вместе с тем *luk* и *luk.s* (см. 206, 254), возможно, латинские элементы. Мессапск. *lahona*, являющееся, видимо, именем божества, почитаемого женщинами, по мнению Хааса (Sprache 2, 1950—1952, 230; ср. Messap. Stud. 1962, s.v.), может быть сродни пренест. *Losna*, лат. *Lūna* (*lūna*) и прусск. *lauknoš*, причем *h* трактуется с известным вероятно как заполнитель зияния в дифтонге. Наконец, нельзя пройти и мимо иллир. *Dianae Lauci* (CIL III, 8405, ср. Mayer Spr. alt. Illyr. 1957, 206; Glotta 31, 1951, 236), где *Lauci* Dat. эпитета имени божества, соотносившегося с богиней Луной, возводится к *Lauks (: др.-инд. *rōcas-*, авест. *raočaḥ-*, лат. *lūna* и т.п.); к тому же коню ср. иллир. Nom. рг. Λεύκαρος объясняемое как 'исполненный блеска', см. Krahe Spr. d. Illyr. I, 1955, 67, 84. — Хотя внутри указанного ареала и соответственно среди круга относящихся сюда примеров зап.-балт.-слав.-италийск. факты образуют некую достаточно четкую очерченную группу, конечно, нельзя забывать, что и в других языках (как соседних, так и весьма удаленных) следы подобного словообразовательного типа от и.-евр. *leuk-/*louk- все-таки обнаружимы. Помимо уже названных кельтских примеров подобную же трактовку допускают некоторые германские факты, ср. др.-англ. *līexan* 'светить', 'сиять', др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *liehsen* 'светлый', 'сияющий' (< *leuhsna-), а отчасти и др.-исл. *ljós* 'свет' (< *leuhsa), н.-исл., фарер. *ljós*, норв. *ljós*, швед. *ljus*, датск. *lys* (ср. лапл. *liksi*, *lieksi*, заимствованное из герм.-сканд.). Altnord. EWb. 360; Qvigstad Nord. LW. 1893, 218 и др. Однако по поводу фрагмента -ksn- в этих герм. словах существует и иное мнение, видящее здесь результат вторичных вставок (см. Meid IF 69, 1964, 244); — др.-греч. λύχνοσ 'светильник' (иногда и в Pыr., как в прусск. *lauknoš*, ср. τὰ λύχνα; ср. также περὶ λύχνων ἀφᾶσ /Геродот/ 'когда зажигаются светильники', т.е. с наступлением ночи), возводимое обычно к *luk-sn- с нулевым вокализмом (: ирл. *lōn* < *luk-sn-), о котором см. GEW 2, 147—149; Dict. étym. 3, 652); сюда же глосса Гесихия, относящаяся к "техническим" терминам: λυχναῖος καὶ λυχνεύς ὁ διαυγῆς λιθός и т.п. при

λευκός, λεύσσω и т.п. (к нулевому вокализму ср. λυκό-φως, 'амфи-λύκη и др.); — арм. *lusin* 'луна', *lusn* 'бельмо', так же отсылающие к и.-евр. **louk-sn-*, как и прусск., слав. и итал. формы (ср. арм. *lusnkay* 'луна'), — при *lsnanam* 'белеть', *lučanem* 'возжигать', *loys* 'свет' (Gen. *lusoī*), см. Ачарян III, 253—254; Meillet Esq. arm. 1936, 21, 61, 63, 107; Solta Stell. Arm. 1960, 40—41; Джаукян Сравн. грамм. арм. 1982, 104, 121 и др. — Но особенно многочисленны и показательны иранские факты, продолжающие и.-евр. тип. **louk-sn-*. Наиболее древние примеры фиксируются авест. *raoxšna-* 'светлый', 'сияющий', *raoxšnā*, *raoxšnu-* 'свет', ср. *raoxšni-*, *raoxšnā* и под. при *raok-* 'светить', *raočaye'ti*, *raočah-* 'светильник', 'свет' (др.-перс. *raucah-* 'день' при Nom. gr. Ρωξάνη/ς / < **lauk-s-en-/?/*); скифск. Nom. gr. Ρωξάνη, женское имя, в частности, дочери бактрийского князя, ставшей женой Александра Македонского; ср. название столицы саков Ρωξανάκη (Ктесий) и даже Ρωξολανοί 'роксоланы' (Страбон, Птолемей), т.е. 'светлые аланы' (см. Justi Iran. NB 1985, s.vv.; Vasmer Iran. Südrußl. 1923, 49; Абаев Осет. яз. 1, 1949, 178; Ист.-этим. слов. II, 437 и др.). Среднеиранские языки также сохраняют этот тип, ср. пехл., ср.-перс. *rwšn* (*rōsan*, *rōšn*, *rōšnāk*; согд. *rwšn*, *rwšn*) 'светлый', 'светозарный', *roxšan* 'свет', восстановленное Хеннингом (см. Pulleyblank Background 1955, 15), ср. Nom. gr. Ρωξῆς (*Roxš) из документов, найденных на горе Муг (ср. Согд. док. II, 1962, 185: *rw'γ'šy'n*; иначе Согд. док. III, 1963, 98); х.-сакск. *rrundātā*, *rrūnattāti* 'блеск', 'сияние' (-n- < -xšn-) при *rrus-* 'сиять', *rrusana-* 'сияющий' и т.п.; парф. *rošn* 'светлый'. Продолжения этого словообразовательного типа хорошо известны и в новоиранских языках, в основном Памира и смежных территорий. Ср. ягноб. *rāxšīn* 'рассвет', 'заря', 'утро' (*rāxšīn kūn-* 'рассветать', *rāxšīn avū-* 'рассвело'); язгул. *roxn* 'белый', 'рассвет' (*roxn ded* 'рассвело'), *rōxni* в названиях растений (в частности, мифопоэтически отмеченных — что-то вроде подсолнуха, василька, облепихи); шугн. *tux* 'свет', 'рассвет'; 'светлый' (*tux dēd* 'рассветает'); руш., хуфск. *tux* 'рассвет' (*tux dēdōw* 'рассветать'); бартанг. *tuxn* 'свет', 'рассвет' (*tuxn dōd*); ишкаш. *rāšni*, *rušnoyi* 'свет', 'освещение' (ср. *rašt* 'раннее утро', 'рассвет', *rašt šuk* 'рассветать'); сангл. *šnāi*; вахан. *rexnig* 'огонь', *tuxn* 'белый'; сарык. *ry/išnugi*, *rišnugi* 'свет', 'сияние' (ср. *ryx-*, *riš-* в сложениях, *ryšt*, *rišt* 'красный' и т.п.); перс. *ruxš* 'блеск', 'сияние', *rūšan* 'светлый' (: *ruxšidan* 'сиять'), тадж.-кабули *rūšnōi*, *rūšnāi* 'свет', габри *ruš* 'светлый', орм. *rūn* 'огонь', парачи *rhine* афг. *rūn*, *rūna* 'яркий', 'сияющий' и т.п. (< **rauxšna-*), но и осет. *rūxš*, *roxš* 'свет', 'светлый' (*rūxš kənyu* 'светить'), *rūxšag* в формуле добропожелания покойнику, *roxšnæg* 'румяный', 'розовый' (в частности, о заре) и др. См. EVP 1927, 63—64; Абаев Ист.-этим. слов. II, 435—437; словари перечисленных иранских языков. Подавляющее большинство иранских примеров предполагает общеперсид. **rauxšna-* (< и.-евр. **louk-sn-*), и эта форма существенно отличается от др.-инд. *rūc-* 'блеск', 'свет', *rūcā-* 'светлый', *rūci*, *rōka-*, *rōcā-*, *rōcanā-*, *rōcas-*, *rōciš-* (*rōcate* 'светить', сиять); элемент s при этом корне отмечен лишь в *rukša-*, а *-sn-* — в *rocīṣṇu-* 'сияющий' (см. KEWAi. 3,

75—76). Это отличие от индо-арийского и теснейшая связь со слав. и зап.-балт. формами, в свою очередь соотносимыми с итальяскими и др., достаточно показательны в ареальном плане. Другая характерная особенность — наличие в авестийских текстах мест, которые, объясняя сияние звезд, месяца и солнца, дают возможность понять по аналогии, почему в прусском созвездии, звезды обозначены как "сияющие" (ср. авест. *strəušča mānhətša hvarəša raocā*); ср. также Y 44,3,5, и др. Наконец, приведенные выше иранск. Nom. gr., восходящие к **louk-sn-* (сюда в широком смысле относятся и этнонимы типа роксолан и топонимы типа названия Рушана в Припамирье — *Rūšōn* или *Rūxšnæg* в Осетии), перекликаются с итальяскими теофорными именами и дают повод думать, что и для пруссов, которые, по свидетельству старых источников, почитали светила, эти последние могли приближаться к статусу имен собственных. Достаточно широкое распространение и.-евр. типа **louk-sn-* не ослабляет существенно значения более узкого и монолитного ареала, образуемого зап.-балт. слав., итальяск. и иранск. языками, тем более что другие и.-евр. языки или относят сходный словообразовательный тип к несколько иной предметной сфере или вовсе не знают этого типа, сохраняя, однако, соответствующий корень. Об индо-арийских фактах уже говорилось (ср. также *lōkā* и под.); то же можно сказать о хеттск. *luk(k)-* 'светать', 'возжигать', *lukkāi-*, *lukkeš-*, *lukkatta*, *lukkatti*; палайск. *lukki-* 'освещать' и под., лувийск. *luḫa-* 'свет' (?), о других древних малоазийских формах см. Шеворошкин Иссл. карийск. 1965, 178, 238 и др.; Этимол. 1965, 1967, 232; тох. В *lyūke* 'свет', А *lkāç*; В *lak(u)tse* 'светящийся'; А *lukāçnu*, *lukçanu* и под., которые не имеют ничего общего с и.-евр. **leuk-sno-* (van Windekens Tokh. confr. 1976, 264, ср. 269; в отличие от Manessy-Guitton Rech. en sanscr. lat. 1963, 38), хотя и связаны, конечно, с тох. В *luk-*, *lyuk-*, *lauk-*, *lyauk-* и тох. А *luk-*, *lyok-*, *lyk-* 'светить', 'освещать' и т.п. Наконец, выделенность **louk-sn-* существует и в тех языках, где этот тип представлен, поскольку всегда в этих же языках присутствуют и образования с корнем **leuk-/louk-/luk-* без *-sn-*, но с другими суф. или даже в варианте, когда корень и основообразующий гласный равен основе, т.е. без специального суффикса. Помимо прусск. *luckis*, *laucks* и под., ср. слав. *lučь и т.п., др.-в.-нем. *lōh*, лат. *lucus* и др. Сам же суф. *-snā*, как и *-senā/-senis*, в прусск. языке обычно служит для выражения глагольного действия (ср. *biāsnan*, *dirbinsnan*, *teikūsnan*, *madlisna* и т.п., см. SPV 46—47; к литовск. и латышск. ср. LKŽD 219 и сл.; Otrębski GLit. II, 1964, 166 сл.; LVG 1951, 292—293, 296—298, 354—355 и др.); то же с известными основаниями можно сказать и о других и.-евр. языках, знающих этот тип, в частности, и о славянских. Поэтому и.-евр. *louk-snā скорее всего и означало именно лучение, сияние, блистание, и лишь потом в ряде случаев значение *nomen actionis* было оттеснено за счет выдвижения другого значения — *nomen agentis*.

— Лит.: Fick KZ 18, 416; Bugge KZ 20, 13—14; Thes. 1873, 92; Pr. Spr., s.v.; Urkelt. 1894, 243; APSpr. 370; BSW 152; Osten—Sacken IF 28,

1911, 410; EWD, s.v.; Meillet Études sur l'étym. 130, 177, 442, 444; Slave comm. 140, 352 (Общеслав. 113, 383); BSL 32, 1931, 25; Esq arm. 1936, 21, 61, 63, 107; Būga RR II, 257; WP II, 408—410; SPV 203; BVSF 33; Haas Sprache 2, 1950—1952, 230; DELL I, 665—666; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 38—39; LEW 343—345; ЭСР 2, 533; Pok. 1, 688; Solta Stell. Arm. 1960, 40—41; Eckert ZfSl. 8, 1963, 885; Meid IF 69, 1964, 244; Otrębski KZ 79, 1964, 80; Arumaa Ursl. Gr. I, 1964, 91; Scholz Slav. Etym. 1966, 69; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 27, 30, 44; Откупщиков Из ист. и.-евр. 1967, 234—236; ВЯ 1982, № 3, 20; Părvulescu KZ 91, 1977, 49; SEJP 314; Vaillant Gramm. comp. 1, 94; KEWAi. 3, 375; Etym. sl. č. 344; Etim. rječn. hrv. 2, 331; Etim. Sloven. 2, 156; SEP 5, 308—311; Брейдак LPosn. 23, 1980, 73; Брозович Baltist. 19, 1983, 10—12; Мартынов Этимол. 1982. 1985, 6—7; Яз. простр. 1983, 77; Прасл. зап.-балт. 1988, 31; Bader Sprache 30, 1984, 144; РКР II, 329; Karaliūnas V. kalb. bendr. 1987, 90; St. OP 3. 200; 6. 340; 6. 910. — {*lauksnās}.

lawe 'лодка'. Польско-ятв. словарь 95 ('lodź'). — Зинквичюс БСл. Иссл. 1983. 1984, 15 сравнивает с лит. *lāivė, lāivas*, лтш. *lāiva*, но допускает, что в данном случае речь может идти о финнизме; к монофтонгизации дифтонга (точнее — исчезновению неслоговой части его) ср. *šata* при лит. *saulė*. О *lawe* в прибалтийско-финском контексте см. Орел, Хелимский БСл. Иссл. 1985. 1987, 131. Карулис (Там же, 137) предлагает читать это слово как [lāve] и сравнивает его с лтш. *lāva*, обозначающим несколько связанных досок, откуда — 'полок', 'полати', 'парты'. Если ятв. *lawe* имело такое значение, то оно могло стать основой для формирования значения 'плот' → 'лодка'.

laxde, см. выше.

{*led-e/i/k- & *lauk- (?)}, ср. *Ledekelawken*, 1460 (APON 85; **Ledeikelawken?* ср. лит. Nom. рг. *Ledeikis* и *laucks*). — Сложное двучленное название; во втором члене — прусск. название поля, см. *laucks*, {**lauk-*}; в первом — неясный элемент, причем неясность относится и к корню (*led-*, *lad-*, *leid-*) и к суф. (*-ek-*, *-ak-*, *-eik-*); также не ясно, идет ли речь о Nom. рг. или об апеллятиве в первом члене. Только с учетом этих сложностей и можно оценивать предположительное объяснение Герулиса. Тем не менее есть некоторый смысл обозначить несколько иных возможностей объяснения. Если речь идет о Nom. рг., то в сфере внимания исследователя должны попасть не только фамилии типа совр. лит. *Lėd-as, Led-eikà, Led-auskas, Lėdžius*, но и ст.-лит. *Ledis (-ys?): *Ladi*. Gen. Sg.; *Ledziewicz*; м.б., **Ledinis, *Ledzinis: Ledβina*. Gen. Sg., ср. совр. лит. *Lėdinis* (Liet. antrop. 165: "Galėtu būti ir **Ladis,.. Lādas..*", из крестильного имени *Vladas* < *Vladislovas* ?). Не вполне ясно, как толковать ст.-лтш. *Margarete Ledsyn* (*Ledyn* ?), *Barbar Ledezzen* (LPV 1, 202—203; м.б., *Lodezen; lidaciņa* гесп. *lideciņa* ?). Нельзя полностью сбрасывать со счета и ст.-польск. имена типа *Lyed* (*Led, ср.: ...in quo resident kmethones *Lyed* et *Jakel*, 1499) и производных от них (см. Słown. starop. nazw III, z. 2, 238), имеющих, разумеется, и инославянские соответствия. О польских корнях можно было бы думать и при предложении о том, что в основе первой части названия

лежат лит. *ledėka, ledėkas* (*tėdekas*), связанные с отрицательными коннотациями, как и *ledāka, ledāka, ledākas* и т.п. (LKŽ 7, 221, 223, ср. также *ledekauti* и др.), и восходящие к польск. *ledaka, ledaco* (ср. русск. *ледáка* и т.п.) В таком случае прусское название обозначало бы некое плохое, бесполезное, бросовое поле (идея подобного заброшенного, запущенного поля могла бы возникнуть и при предположении, что за прусск. *led-* скрывается *leid-*: *léisti/leid-*, *lāidyti* и т.п.). Использование элемента *ledak-* известно и в гидронимии, ср. лит. *Ledaklėnė* (LUEV 89; Liet. hidr. 162; LHEŽ 184: ср. *Ledak-upis*). Но все-таки, пожалуй, наиболее вероятной представляется "ледовая" трактовка первого члена. Прежде всего она уже практически была намечена в связи с Nom. рг. Кроме того элемент с этим значением вообще нередок в топонимии и гидронимии. См. прусск. {**lad-ein-*}. Пр. яз. IV, 410, где приведены и вост.-балт. примеры с корнем *led-*; среди них, имея в виду суф., сто́ит особо напомнить лтш. *Lediķi* ("Ladiķķē"). LV I, 2, 288. Характерно также, что в названиях элемент *led-* нередко выступает в композитах в качестве первого члена, ср. лит. *Lėd-upis; Ledāmušiai* (LATSŽ 156); лтш. *Ļed-upe, Ledus-upīte, Ļeds-kalni, Ļedsala, Ļedgalis* и т.п. (LV I, 2, 288—289) и др. Наконец, важно, что среди апеллятивов отмечено лит. *lėdlaukis* 'ледовое поле' (LKŽ 7, 226: из словаря Серейского), в точности, не считая суффикса, соответствующее прусск. *Ledekelawken* и в то же время входящее в один ряд с другими апеллятивами этого рода, ср. *tėdkalnis, tėdjūris, tėdgrūdis, ledgalys, ledāmušis, tėdlauža, tėdmetis, tėdnešis, tėdrage* и многие другие (см. LKŽ 7, s. vv.); лтш. *Ļedgāle, Ļedgālis, Ļedlauzis, Ļedpuķe, Ļed(s)teka* и др. (ME 2, 445) и др.

{*leg-a (?)}, реконструируемое прусско-ятвяжск. название по мазурским данным. Ср. *Lega*, река, впадающая в озеро *Selmeł Wielki, Legen Fluss; Legja* (Słown. nazw Mazur II, 29, 58); к интерпретации ср. LHEŽ 184. — См. также {*leg-ja (?)}, {**leg-āt-* (?)}, {**leg-in-*}, {**leg-īt-*}. Ср. также *Lega* (Słown. geogr. PZP 1, 157); висл. *Lega* (вар. *Leg, Łeka* и т.п.); *Lega, Legen Fluss* (HW 436, 455); лит. *Legāi, Lėgāi, Legečiāi, Legečiāiai, Legiškis, Legōtė, Legōtiškė, -ės, Legūčiai, Legeniškis* (LATSŽ 156); *Lėgus, Lėgelė, Lėgōtė, Legetys, Legėikupis* (от Nom. рг. *Legeikà*). LUEV 89; Liet. hidr. 69, 115, 140, 190, 241; LHEŽ 184—185 (к лит. *lėgti, atlėgti* с общей идеей уменьшения, ослабления, *lėgti* 'вянуть', 'дрябнуть' < и.-евр. **legh-* 'лежать', 'укладывать' и т.п.); лтш. *Legga-tarra* (LV I, 2, 289), но и *Lagata pļ., Lagates-purvs, Lagātes-purvs, Lagāts, Lagāta-purvs, Lagāti, pļ., Lagātiņš pļ., Lagāthes-pļava, Lagātnīca pļ.* и др. (I, 2, 245—246). Возможно, сюда относятся и некоторые другие названия, в частности, в смежных частях Белоруссии. Мерлингген (IF 83, 1978, 53—55) постулирует в качестве исходного элемент **lėg-/lōg-/lėg-* в значениях 'течь', 'капать'; 'слабеть', 'стоячая вода', 'болото' и т.п. — Ср. также {**leig-ut-*}.

{*leg-ja (?)}, ср. *Legja* (Słown. nazw. Mazur II, 29, 58). — См. {*leg-a (?)}.

{**leg-āt-* (?)} — реконструируется на основании мазурск. *Legaty*,

Legat Wiesen, позднее — *Kranichwiesen* (Słown. nazw Mazur II, 282). Возможно, что сюда же относятся блр. *Лягаты/Легаты* (Слоўн. назв. Брэсц. 78), которые Жучкевич Кратк. топон. слов. Белор. 197 объясняет из латинского слова и относит к людям или поселению, перешедшему в собственность по завещательному письму. Однако наличие названий с тем же корнем, но другими суффиксами позволяет — хотя бы с известным вероятием — и {*leg-at-} считать прусским или ятвяжским элементом (ср., впрочем, лит. Nom. рг. *Legatowna*, *Legotas, совр. *Legotà*, топон. *Legōtė, -išké*. Liet. antrop. 165: из *legōtas). — См. {*leg-a (?)}, {*leg-ja (?)}, {*leg-in-}, {*leg-īt-}. — Ср. особо лит. *Legōtė, Legōtīškė, Legētėliai, Legėčiaĩ*, лтш. *Lagāts, Lagāti, Lagata* р| и т.п. Впрочем, не исключена и связь с лит. *legōti* (LKŽ 7, 231).

{*leg-in-}, ср. *Legynen*, 1359; *Laghinen*, 1361, позже — *Legienen* (APON 85). — Герулис сравнивает с лит. *Legāi* и Nom. рг. лит. *Lėgas*. — См. {*leg-a (?)}, {*leg-ja (?)}, {*leg-āt- (?)}. — Ср. мазурск. *Legińskie Jezioro, Legiener See; Legińska Struga* (Słown. nazw Mazur II, 306, 309), а также *Leginy (Legienen), Legińskie Jezioro* (Słown. geogr. PZP 1, 157—158); висл. *Legen Fluss, Lega* (HW 455); варм. *Leginis (нем. *Legienen*, теперь — *Leginy*, деревня); *villam nostram Legynen* (Cod. dipl. Warm. II, 285) *bona Laghinenen*, 1361 (II, 308); *Leginen*, 1370 (II, 443); *Legyn*, 1389 (III, 238); *Leginen*, 1404 (III, 396); *Legyn*, 1421 (III, 571); *Leginen*, 1576; *Leginen*, 1615; *Legienen*, 1656; *Leginen*, 1701; *Legienen*, ок. 1790; *Leginy* (Słown. geogr. V, 123), см. *Pospiszyłowa* Топон. połudn. Warm. 87, 183. — Ср. лит. *Legėniškis (leg-en-)*. LATSŽ 156; лтш. *Lagėni, Lagiene* и др. (LV, I, 2, 247).

{*leg-in-(-en)-īt-}, ср. Nom. рг. *Legnythe* (APN 51). — К сочетанию суфф. ср. *Schardinithin, Schardenithen, Sudeniten* и т.п. (APON 159, 175 и др.). К корню ср. {*leg-a (?)}, {*leg-ja (?)}, {*leg-āt- (?)}, {*leg-īt-*}, {*leg-ut- (?)}, {*leg-in-}.

{*leg-īt-}, ср. *Legitten*, 1395; *Leygiten*, 1400, позже — *Legitten* (APON 85: согласно Куршату Litt.-d. Wb., литовцы называют это место *Laigūčiai*; по этой причине предлагается исходить из *Laigitten и в том, что касается корня, сравнивать это название с *Lauge-garbes*, см. {*laig- & *garb-}). — Тем не менее, есть все основания исходить и из **Leg-it-*, см. {*leg-in-}, {*leg-āt- (?)}, {*leg-a (?)}, {*leg-ja (?)}.

{*leg-ut-* (?)}, см. {*leig-ut-}.

{*leib- (?)} — реконструируется на основании словин.-поморск. гидронима *Leba*, первая письменная фиксация которого восходит к 1140 г. (*Leba*), см. о нем Rzetelska-Feleszko, *Duma Nazwy rzecz. Pom.* 1977, 67—68; Udolph BNF 15, 1980, 34—35. Согласно Шмиду Baltist. 23, 1987, 7 и др., диалектные данные отсылают к источнику в виде *Lēba, *Lēiba. Ср. *Leba (Leba Fluß), Lebsko, Leba See; Lebski Kanał* (Słown. geogr. PZP 1, 173, 174); возможно, нуждаются в проверке некоторые другие названия в элементе *Leb-* к западу от Вислы вплоть до Мекленбурга и Гольштейна (*Leba, Lebsko, stagnum, Lebbin, Lebbus-See* и т.п., см. EOSON I, 43, 92; II, 72; III, s. vv.; MH 66, 91, 97, 98, 146 и др.). В качестве

ближайшего соответствия Шмид указывает лтш. *Leib-pļava* в латышско-куршск. зоне, около Дунда(н)ги. Сюда же можно присоединить лтш. *Lēibas, Lēibiņas, Leibe*, 1850, *Lēibi, Leībjī, Leīb; Leibene, Leībiš-pļava, Leībic* р|. (LV I, 2, 289), но и лит. *Leibynė, Lėibakalnis*. Шмид же полагает возможную связь *Leba* (< *Lēiba) с др.-греч. λείβω 'лить(ся)', 'струить(ся)' и балт. *lieti* (ср. слав. *liti), отвергая связь с лит. *laibas* 'тонкий' и т.п. Если форма **Leib-* надежна, то, пожалуй, ее уместнее сравнивать не с др.-греч. λείβω (Dict. étym. 3, 626—627; GEW 2, 96—97; Casabona Rech. vocab. sacrif. 1967, 277) и не с лат. *libāre* (: λιβηρός), но с лит. *leībti* 'слабеть', 'сомлевать', 'дрябнуть', 'становиться вялым', *leībėti* 'ухудшаться', *leībinti* 'волочиться', *leibinėti* (LKŽ 7, 232), лтш. *liēbt* 'бежать' (ME 2, 491; EH 751) и с праслав. **lěbavь-/jь/* (чеш. *lebavý* 'плешистый', 'лысый', диал. — 'поблекший', слов. диал. *lebavý* 'неуверенный', 'шаткий' и т.п.) и **libivь-/jь/* (см. ЭССЯ 14, 173—174; 15, s.v.: к значению ср. русск. *лѣбѣвый* 'тощий', 'слабый', *лебѣвоѣ, лебѣвый*. СРНГ 17, 40 и др.), которые, во-первых, позволяют реабилитировать отвергаемое Шмидом сравнение с лит. *laibas* (также *liebas, laibti, -ėti* и т.п., см. LEW 329—330), а, во-вторых, соотносят все эти факты с др.-англ. и др.-сакс. *lēf* 'слабый' (< **lei-bho-*), отсылая к и.-евр. корню **lei-* 'уменьшаться', 'худеть', 'сходить на нет' (Рок. 1, 662). — Таким образом, {*leib-} может оказаться очередным прутенизмом к западу от Вислы, но в ином ракурсе этот гидроним не противоречит и славянскому (или "балто-славянскому") его объяснению.

{*leid-}, ср. *Leyde*, 1341, позже — *Legden* (APON 85); ср. *Lejdy* (Słown. geogr. PZP 1, 158). — Герулис сопоставляет это название с *Leūdec* (Спрогис 164), именем литовца *Leid-uks* и высказывает сомнение в правильности сопоставления этого названия с лтш. *Liedes upe* у Буги (RR 1, 424). — См. также {*leid-en-}, {*leid-et-}, {*leid-īt-}. — Из вост.-балт. параллелей наиболее близкая параллель — лтш. *Leidi* р|. (LV I, 2, 290). Но нужно принимать во внимание и другие факты, — с одной стороны, лит. *Lėdikos*, название луга и заросшего кустарником болота (Бутримонис), а с другой, лит. *Liedėlė* (LATSŽ 160); *Lieda, Liedas, Liedaitis, Liedėlė, Liedėlis, Lėdis, Liedys*, видимо, *Lėda, Lėdà* (фактически — *Lėda, Liedà*) LUEV 89, 91; Liet. hidr. 76, 113, 114; LNEŽ 184, 189 (предполагается связь с лит. *liedyti* 'laistyti' LKŽ 7, 413, *laistyti, lieti*. LEW 368; Рок. 1, 664 и др.); лтш. *Liede*, река, *Liedes-likums, Liedes-kalns, Liedes-kruogs; Lėdites-pļava, Liednieki, Lėdūlieši* и т.п. (LV I, 2, 325). Конечно, в качестве резерва остаются и названия с нулевым вокализмом этого корня (правда, иногда не во всем ясные) типа лит. *Lydà, Lyduvà, Lyd-upiāi*, лтш. *Līdava, Līdas-kalns, Līdenūpurvs* ez. и т.п. — См. {*leid-en-}, {*leid-et-}, {*leid-īt-}. — Элемент {*leid-} представлен и в прусск. Nom. рг., см. {*pa- & *leid-}, {*sa(n) & *leid-}, м.б., {*al- & *leid-}, ср. *Alleicz*, 1389 (APN 12, 142). — Из Nom. рг. ср. *Lejda* в "Инвентаре кнышинского староства 1565 г. (Подлясье), см. Кондратюк Б.-сл. этнояз. отн. 1983, 29.

{*leid-āt- (?)}, см. {*leid-et-}.

{*leid-en-}, ср. *Leydene*, 1258; *Laydenn*, 1465, позже — *Lehden*

(на шрёттеровской карте). APON 86, с заключением: "скорее к *Layde*, чем к *Leyde*, т.к. прусск. *ai* часто в немецкой речи предстает как *ei*, наоборот — редко". — См. [**leid-*], но и [**laid-*], [**laid-en-*] и др. Суф. *-en-* при том же (или хотя бы формально подобном) корне в лтш. *Laidenš*, *Lidenupurvs* ez. Если это **leid-* связано с глаголом (лит. *lėisti*, диал. *lāisti/leid-*, *laid-/*, лтш. *laist* и т.п. 'пускать', 'отпускать', 'освобождать' и т.п.), то в сравнение включаются и лтш. *laidenis*, *laidene*, *laidenš* и т.п. (ME 2, 403: к *laist*), ср. *leidenieks* при *laidenīeks* (2, 403, 446), а также образования типа *laid-in-*, как и лит. *leidynė*, *laidynė* 'праща' (LKŽ 7, 17, 238) и т.п. Другие примеры, в частности, ряд белорусских, возможно, тоже относятся сюда, но они нуждаются в специальном истолковании. Поэтому общая схема, охватывающая все случаи, подозреваемые в родстве с прусск. **leid-en-*, поневоле реконструируется в виде набора вариантов и выглядит несколько абстрактно — **leid-/*laid-/*lid & -en-/-in-*.

[**leid-et-*], ср. *Leydete*, 1331, *Leydote*, лес (SU). APON 86: остается неясным, какое чтение является правильным; этимология Пирсона AM 7, 1870, 601 признается неудачной; соотносится Герулисом с тем же корнем, что и в *Leyde*, но выбор суф. неопределенен — *ēt*, соотв. *-ōt-* (= *-āt-*) или *-ut-*. — См. [**leid-*], [**leid-en-*], [**leid-āt-* (?)], [**leid-īt-*], [**laid-*] и др.; ср. *Būga RR I*, 424. — К образованиям с тем же (видимо) корнем и суф. *-t-* ср. лтш. *Liedītes*-рјава и лит. *Liedāitis*. В деталях ряд неясностей. Одна из них связана с формой *Leydote* (ср. *RR I*, 162) — является ли она одним из реальных вариантов или же опиской. То, что это название относится к лесу в Самбии, кажется, делает вероятной связь с прусскими словами, родственными лит. *lydimas* 'вырубка' (лесная), *lyda*, *lydas* 'пустой', 'голый', *lydyti* 'вырубать лес' и т.п. (LKŽ 7, 401, 406, 409), ср. *пустой* — *пуща*, но и *пустить* — *запущенный* (лес), *пуща*. См. Рымша Белар. лінгв. 1974, № 5, 68; LHEŽ 188 и др.

[**leid-īt-*], ср. *Leyditten*, 1515, в Самбии (APON 86). — К корню см. [**leid-*], [**leid-en-*], [**leid-et-*], [**leid-āt-*], [**laid-*]. — Возможно, неслучайно сосредоточение названий с корнем **leid-* именно в Самбии. Также привлекает к себе внимание использование суффиксов с элементом *-t-* (*-āt-*, *-et-*, *-īt-*). Если **leid-* окажется здесь привязанным по преимуществу (или хотя бы по своим истокам) к лесу, то могла бы идти речь о прусск. *lid-*, соответствующем вост.-балт. **lid-*, ср. лит. *lydyti* лтш. *līst*, (*līzu*, *līdu*), и, как это и ожидается, дифтонизировавшем *ī* (> *ei*). О связи этих глаголов с лит. *lėisti*, лтш. *laist* достаточно хорошо известно (ср. LEW 364), ср. конкретно FBR 7, 1927, 97, где Эндзелин проиллюстрировал эту связь такими примерами, как лит. *liedimas* = *vietà kur lėidžia medžiūs*, букв. — 'место, где валят (рубят) деревья', ср. лтш. *kokus laist zemē* 'валить (рубить) деревья на землю'; см. также Jēgers Verk. Bedeut. 1949, 46 сл. и др. Причины же такой вырубки леса могли быть разными — расчищение поля под пашню, устройство засек или, наоборот, прокладывание путей в глухие районы Самбии, куда доступ крестоносцев по началу был затруднен.

leygenton, см. *ligint*.

leiginwey, см. *ligint*.

[**leig-īt-* (?)], ср. *Leygiten*, 1400 при более раннем (1395) и более позднем *Legitten* (APON 85). — Этой единственной формой с дифтонгом в корне можно было бы пренебречь как случайным графическим вариантом, но указание Куршата Litt.-d. Wb., что литовцы произносят название этого места *Laigūčiai*, как и наличие прусск. *Layge-garbes*, *Laige-kaim*, *Laygayne* и т.п., позволяет допускать реальность прусск. **leig-īt-*. В таком случае см. [**laig-*] и под. Речь могла бы идти о связи с формами типа лит. *Liėgavietė* (LATSŽ 160); *Liėgus*, *Liėg-a-raistis* (LUEV 91; Liet. hidr. 48, 69; LHEŽ 189), если только это не германизм, как лтш. *liėgis* 'большой ровный луг, где растет тучная трава', с которым связывают лтш. *Liėgis*, *Liėgi*, *Lieģenieki*; *Liėgi*, *Liėģēji* и т.п. (LV I, 2, 325—326; лит. *Liegmėdžiai* и под.), но, как думает Френкель, относится к лит. *liėgus* как варианту более распространенного *lygus*. Ср. также блр. *Лейгабалі* (*Лейгоболе*), вар. *Лайгоболі* (Гродн. р-н), ошибочно толкуемое Кратк. топон. слов. Белор. 198.

[**leig-ut-*], ср. Nom. рг. *Mattis Leygut*, *M. Leguth* (APN 51). — Скорее всего верна форма с дифтонгом в корне, которая, видимо, морфологически связана с **laig-*, см. выше. В пользу этой реконструкции говорили бы и некоторые другие прусские топонимические факты, интерпретация которых, однако, допускает разные решения. Вместе с тем форма **leg-ut-* также не может считаться невероятной, поскольку в своей корневой части она подтверждается рядом вост.-балт. ономастических данных, ср. ст.-лит. *Legus*, совр. *Lėg-us*, *Lėg-as*, *Leg-aitis*, *Leg-iėnis*, *Leg-ūnas*, *Leg-ėnis*, *Leg-eikà*, *Leg-āvičius* и целый ряд топонимов того же корня (см. Liet antrop. 165). Ср. также блр. Nom. рг. *Легут или *Лягута, восстанавливаемые на основании *Легутоу* (Белар. антрап. 2, 249, тут же и *Лега*, *Легенка*, *Легов* при русск. *лега* 'лежебока' и т.п.).

[**leik-*], ср. Nom. рг. *Leyke*, шалав (APN 51). — Этот же корневой элемент отмечен и в других прусск. Nom. рг., см. [**leik-aut-*], [**leik-āt-(ot-)*], [**na-* & **leik-*]. Вместе с тем он присутствует и в прусской топонимике, см. [**leik-īt-*], [**leik-ant-im-*], [*leik-aut-im (?)], [**leik-uz-īt-(ij-)*]; [**pa-* & **leik-*], [**pa-* & **leik-* & **lauk-*]. Наконец, известны примеры, где этот корень представлен в нулевой ступени вокализма, см. [**lik-*], [**lik-āt-*], [**lik-ait-*], [**lik-ut-*], [**lik-ut-in-*], [**lik-aš-* (?)], [**lik-us-/-uz-*], [**lik-s-*]; [**lik-ain-*] и др. — К Nom. рг. ср. лит. *Leikūs*, *Lėikà*, *Leikūs*, *Leikàuskas*, ст.-лит. *Leikas: *Łaik*, *Leykowa*, *Łaykayciowna* (< *Leikaitis*). Liet. antrop. 165, 229; из документов XVIII в. — *Antoni Leykis*, *Leikus*, *Franciszek Leykszas* (Акты Вил. 25, 527, 529); лтш. *Lykuthē*, *Likul*, *Liken*, *Likas*, *Likays* [?/] (LPV 1, 205, 295, 331); куршск. *Layke*, 1355—1362 (KF 299). — К топонимическому **leik-* ср. *Lėikiškiai*; *Liėkiai* (LATSŽ 156, 160; ср. *Lāikiškiai* 151); *Likiškėliai*, *Likiškės*, *Likiškiai*, *Likiškiai*, *Likiškis*, *Likėnai*, *Likėnėliai*, *Likañčiai*, *Likaičiai*, *Likučiai* 161; *Leikà*, *Lėikupis*, *Liėkė*, *Liekė*, *Liekaitis*, *Liekaitė*, *Liekupis* (LUEV 89, 91; Liet. hidr. 46, 76, 241; LHEŽ 185, 189—190); *Likiškėlių ēžeras*, *Likupys*,

Likupis (LUEV 92; Liet. hidr. 241, 244, 263; LHEŽ 191); лтш. *Lēikas*; *Līēka*, *Līēkās-lankas* pl., *Līēk-mežs* pl., *Līēk-pļava*, *Liek-upe*, *Liek-upīte*; *Liekums* pl., *Liekam-kalns* и др. (LV I, 2, 290, 326, ср. *Laīka-jānītis*, *Laīki*, *Laīks*, *Laīk-pļava*, *Laīk-sāts*, *Laīk-upe*, *Laīkas-purvs*, *Laīkas-vaīks*, *Laīkes* и др. 248—249); *Liķene* pl., *Lik-purvs*, *Likauški* и т.п. (I, 2, 305, 306); лтг. *Leikumi*, *Likumī*, *Likumī* Лейкумы; Лукуп и др. (PN Latg. 269). Разумеется, эти примеры, как и некоторые другие, которыми можно было бы дополнить этот список (напр., лит. *Liekna*, *Lieknas*, *Lieknėlis*, *Līēkn-upis*; лтш. *Līēkna*, *Līēkna*, *Līēkna-upe*, *Līēkne* pl., *Līēknis*, *Līēkniņš* и т.п.; о последних см. Hirša Onom. arceģ. 1987, 61—62; ср. польск. *Lekno* и под.), не являются вполне однородными (в ряде случаев в основе топонимов или гидронимов находится Nom. pr.; в других — апеллятив и т.п.), а иногда и достаточно ясными. Список, приведенный здесь, претендует на указание общего круга фактов, внутри которого необходимо вести поиск, и на выделение бесспорного ядра ближайших параллелей к прусск. *leik-*. Это ядро, очевидно, отсылает к и.-евр. **leik-* 'гнуть', 'изгибать' (Рок. I, 669; Krahe Festschr. Vasmer 1956, 247; LHEŽ 190), ср. литовскую инфигированную форму *leikti*, *liikti* и, следовательно, подтверждает наличие соответствующего глагола и производных от него апеллятивов в прусском, во всяком случае в реконструкции. В центральноевропейской гидронимии, преимущественно в иллирийском ареале, отмечены названия типа *Lika*, река в Хорватии, иллир. *Epi.licus* (Tab. Peut.: *Portus*, но и ручей), см. Mayer Spr. alt. Illug. 140; *Pacco-licus* (Бруциум, река), кельт. (?) *Licus* (Бавария) и т.п. — Впрочем, эти названия, как и балтийские, иногда возводят к и.-евр. **leik-* 'низменный', 'низина' (Merlingen IF 83, 1978, 60).

{**leik-ant(-im-)* (?)}, *Leykantim*, 1338 (campus, qui dicitur *Pelekalxten*); *Leykanten* campus, 1338, в Самландии (APON 86). — Форма **leik-an t-im-* не вполне ясна. Суфф. *-im-* обычно для Nom. pr., см. APN; APON 86; *Būga* RR I, 428 (ср. *Scolim*, *Tessim*, *Runkim* и т.п.); когда же он встречается в топонимах, то чаще всего в сочетании *-im(-em)-it-* (ср. *Buzemith*, *Doythimiten*, *Karnymithen*, *Carnemithen* и др., см. APON 260). Сочетаний суфф. *-ant-im-* кроме этого примера нет. Наконец, суфф. *-ant-* сам по себе достаточно выразителен и тяготеет к употреблению без других суффиксов (ср. *Perwante*, *Babant*, *Ilantz*, *Iwanti* и т.п.). Траутман APN 51, 142 полагает, видимо, описку (мена *u* и *n* как результат неразличения писцом этих двух сходных букв), и по аналогии с Nom. pr. *Leykawte* приводит форму топонима в виде *Leikautum*. Возможно, что правильное решение, но и, принимая его, трудно избавиться от новых сомнений: суфф. *-aut-* (в отличие от *-ut-*) прусским топонимам в принципе чужд, хотя он хорошо известен вост.-балт. словообразовательной системе (ср. лит. *Einautas*, *Viešnautas*, *Karautė*, *Karautis* и т.п.), тогда как *-ant-* равно присущ и прусским и литовским примерам; существенно, что написание *-ant-* в этом случае не является "гапаксом" (ср. к тому же образование типа лит. *liek-ant-* или топоним *Likañčiai*. LATSŽ 161). Поэтому окончательный выбор в этой ситуации

был бы преждевременным. Учитывая прусск. Nom. pr. типа *Kantim*, 1389; *Cantim*, 1363; *Cantym*, 1295 и т.п., можно было бы поставить вопрос о возможности реконструкции первоисточника в виде **Lei(k)-* & **kant-im-*, но и эта возможность практически не может быть оценена с достаточной надежностью, хотя ср. лит. Nom. pr. *Lēikantas*. литуанизированное прусское имя LVKŽ 243 (*lei-* 'пусть' & *kant-*, ср. лит. *kantrus*, *pakantus*); ср. Nom. pr. *Lýkantas* : *lyg-* & *kant-*. Ibid., 250 и т.п. (при предлагаемом в прусском имени иногда чтение *-in-/-yn-/* вм. *-im-* последовательность суффиксов может иметь вид *-aut-in-*, реально засвидетельствованный, напр., в прусск. топониме *Wingr-awt-in-en*). Стоит, пожалуй, обратить внимание на то, что *Leykantim/Leykanten campus* на некоем уровне оказывается тавтологичным названием: и *Leik-* и лат. *campus*, вероятно, родственное прусск. {**kamp-*}, ср. др.-греч. καμπή 'изгиб', 'излучина' и т.п., отсылают к одной и той же идее изогнутости, определенного типа кривизны.

{**leik-āt(-ōt)-in-* (?)}, ср. Nom. pr. *Leycotin*, 1338 (SU). APN 51. — К корню см. Nom. pr. *Leyke*, *Leykawte* — {**leik-*}. Но возможна и реконструкция {**leik-ut-in-* (?)}, ср. *-ut-* : *-aut-*.

{**leik-aut-*}, ср. Nom. pr. *Leykawte*, 1301, 1305 (PU 2, 477). APN 51 — Сюда же и топоним *Leykantim*, если его понимать как *Leykautim*, см. {**leik-ant(-im-)* (?)}. — К корню см. {**leik-*}, {**leik-āt(-ōt)-*}, {**leik-īt-*}, {**leik-uz-īt-*} и др.; к суфф. *-aut-* ср. *Gedawte*, *Alsaute*, *Mynaute* и под. (APN 181; Smoczynski BPTJ 40, 1986, 180: к сосуществованию *-aut-* и *-ut-*: *Lik-utte* — *Leykawte*, *Alg-utte* — *Alg-autis* и т.п.; ср. прусск. *Leykawte*: лит. *Likučiai/*Lik-ut-*. — Ср. *Lecawco*, 1386, *Lecarth*, 1386, *Lecardus*, 1392 (?) при *Lecawth*, 1388, о чем см. Brückner ZfslPh. 6, 1929, 59; ср. также Brauer 1980, 4.

{**leik-īt-*}, ср. *Leykyten*, 1379; *Leykittenn*, 1379 (в одной из записей ошибочно *leynkyten*), в Самбии (APON 86). — К корню см. {**leik-*}, {**leik-aut-*}, {**leik-ant(-im-)* (?)}, {**leik-āt(-ōt)-in-*}, {**leik-uz-īt-*}. Подобно *-ut-* : *-aut-* ср. *-īt-* : *-ait-* (прусс. *Leykyten*: лит. *Liekaitis* и под.).

{**leik-uz-īt(-ij-)*}, ср. *Leykosithege*, 1261 (в Самбии). APON 86. — Согласно Герулису, от прусск. Nom. pr. *Leykusite с суфф. *-ij-* (так сказать, "Лейкузитово"); в свою очередь выделяются еще два суфф. *-uz-* (балт. *-už-*) и *-īt-*; сочетание *-īt-ij-* полностью отвечает — и по форме, и по значению, и по функции — слав. *-it-jo-*. К **leik-uz-* ср. прусск. *Lykusen*, см. {**lik-uz-*}. — К корню см. {**leik-*}, {**leik-ant(-im-)* (?)}, {**leik-āt(-ōt)-in-*}, {**leik-ūt-*}, {**leik-aut-*} и т.п.

{**leik-ut-in-* (?)}, см. {**leik-āt(-ōt)-in-*} и под.

{**leil-*}, ср. Nom. pr. *Leylla*, 1312 (Надравия). APN 51. — Тот же элемент присутствует в топонимах — прусск. *Leylisken* и *Leylauken*, см. {**leil-isk-*}, {**leil-*} & **lauk-*. — Наличие этих примеров позволяет восстановить для прусского важный элемент его словаря, фиксирующий вокализм *-e-*, во-первых, и форму первообразного прилагательного, во-вторых. Свое место {**leil-*} обретает на фоне Nom. pr. *Loyle*, *Lailicke*, *Laylithe* и под. (см. {**lail-*}, {**ail-ik-*}, {**lail-īt-*}), с одной стороны, и отглагольного существительного *lailisnan* 'мучение' (: *lail-īt), с дру-

гой. Ближайшие соответствия — в лит. *leilas* 'тонкий', 'высокий', 'стройный', *leilius* то же (: *leilėti* 'становиться тонким', 'быстро расти' и т.п. (LKŽ 7, 240, 241), но и *liėlas* 'большой' (напр., у Даукантаса, см. LKŽ 7, 420) и др.; лтш. *liėls* 'большой', *liėlīgs* (: *liėlīt*). ME 2, 499—502; теперь приходится считаться с ятв. *tefj* из польско-ятвяжск. словарика (130), в соответствии с польск. *wielki* (БСл. Иссл. 1983. 1984, 7, 15). Дальнейшее сопоставления см. в статье *laiſisnan*; там же семантическая мотивировка слова, о чем см. и РКР II, 277; LEW 329—330 и др. Однако значение прусск. **leil-* (как и **lail-*) остается не вполне ясным — ни семантика прусск. *laiſisnan*, ни семантические нюансы вост.-балт. продолжений **leil-* не могут вполне прояснить значение этого элемента в прусском, тем более что оно могло несколько варьироваться в связи с употреблением в качестве Nom. рг. или топонима, а также в разных апофонических вариантах корня (**leil-*: **lail-*). Но во всяком случае наличие прусск. *debīkan* 'большой' (даже при ятв. *tefj*) вынуждает предполагать иное значение. — Вост.-балт. параллели см. далее.

{**leil-isk-*}, ср. *Leylisken*, озеро, 1394; *Leyliske*, деревня, 1422, позже — *Lehlesker-See* и *-Ort* (в одной из записей ошибочно — *Laysilke* вм. *Layliske). APON 86. — Ср. мазурск. *Leleskie Jezioro*, *Leleski* (озеро и деревня), *Lehlesker See*; *Leliszke* (Hennenb. II, 14); — *Leleski*, *Lehlesker Wald*; — *Leleska Strużka* (Słown. nazw Mazur II, 341—342, 351); — *Leleskie Jezioro* (*Lehlesker See*), *Leleszki* (*Lehlesken*). Słown. geogr. PZP 1, 158. — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Leiliai*, *Leilėni*, *Leilėikos* (LATSŽ 156); *Liėlius*, *Lielėlė*, *Lielukas*, *Liėležeris*, *Liel-upis*, *Liėl-upė*, *Liėluvis* (вар. *Ieluva*, кажется, более поздний). LUEV 91; Liet. hidr. 68, 69, 102 (*Lielavà*, или *Lylavà* ?), 113, 196, 213, 248, 250; LHEŽ 190; лтш. *Liėl-upe*, *Lielupis*, *Liėl-upīte*, *Liėl-akmenis* рл., *Liėl-akmens*, *Liėlaūži*, *Liel-ezere*, *Liel-ezērs*, *Liėl-lauki*, *Liėl-lidumi*, *Liel-mežs*, *Liėl-lāma*; *Lielais-akacis*, *Lielais-bīrziš*, *Lielais-līcis*, *Lielais-līkums* рл., *Lielvārde*; *Lielā-apara*, *Lielā-aste* рл., *Lielā-bedre*, *Lielā-jugla* уре, *Lielā-lanka* рл., *Lielā-mala*, *Lielā-zāle*; *Liėlās-pļavas kaīns*, *Liėlās-priedes-tīrums*, *Lielās-bedres*; *Lielie-kaļni*, *Lielie-lauki*, *Lielie-purvi*; *Liels-zars*; *Liėlis*, *Lielnieki*, *Liėļi* и т.п. (LV I, 2, 328—334, сотни названий); лтг. *Lelais akmiņš*, *Lielais Akmens*, *Lielais ez.*, оз. *Лелойс*, *Lielais-gabals*, *Lielais-grāvis*, *Lielais-kaļns*, *Lielais mežs*, *Lelais peiss*, *Lelais pūrs*, *Лелайс-Пурвс*; *Lielakmeņi*, *Lielceļnieki*, *Lieldruvas*, *Lielmežnieki*, *Лельможник*, *Лылмежники*, *Лелмежники*, *Lielā-liekne*, *Lielā pļava*, *Leļōsola*, *Leļā-sala*, *Лела-Сола*, *Liėlā-veçaine*, *Lielupītes*, *Lielupes*, *Leļūzuli*, *Lielvārde* и др. (PN Latg. 272—273). Естественно, что слова этого же корня употребляются и в качестве Nom. рг. Ср. куршск. *Matz Leel*, 1540; *Wytkursch Leel*, 1540; *Herman Lehle*, 1583; *Matz Lele*, 1582—1585; *Martin Leele* (KF 302, с подчеркиванием ошибочности интерпретации Блесе LPV 1, 111: *Lele*); лтш. *Jaan Lelegal* (: *liėlgalvis*), 1526; *Margrete Lelegalwyn*, 1513; *Lelegalwes*, 1515; *Lele Galwe*, 1517; *Jurgen Lelekaye*, 1521; (: *liėlkājas*); ...de *Leelmeszen* hetten, 1544; *Andreas Lelemysse*, 1514; *Andreas Lelemess*, 1512 (: *liėlmeži*); *Jacup Lele uppe*, 1520; *Elsebe Lelewarsche* (: *liėlvārži*). LPV 1, 203 и др. — Из всего множества параллелей

точнее всего оказывается прусск. **leil-isk-*; лтш. *liėlīks* (ср. *liėlīski*, *liėlīskums* и др.). ME 2, 498; EH 754; Ērg'. izl. vārdn. 2, 223, что, пожалуй, также может рассматриваться как свидетельство преимущественных прусско-латышских связей в отношении этой лексемы. — См. {**leil-*}, {**leil- & *lauk-*}, {**lail-*} и др.

{**leil- & *lauk-*}, — восстанавливается на основании *Leylauken*, 1322, позже — *Grünheide* (APON 86). — См. также *Lejlawki Male* (*Klein Grünheide*), *Lejlawki Wielkie* (*Gross Grünheide*). Słown. geogr. PZP 1, 158 (браневск. повет). — Следует обратить внимание на то, что нем. *Grünheide* в известном смысле может пониматься как калька прусского названия: речь идет о некоей пустоши, заросшей, видимо, высокой зеленой травой (в немецком варианте подчеркнут зеленый колорит места, в прусском, возможно, высота травы, ее стройность — **leil- & *salē & *lauk-*). См. {**leil-*}, {**leil-isk-*}, {**lail-*}. — Наиболее точное соответствие этому прусскому сочетанию также обнаруживается в латышском. Ср. *Liėl-lauki*, *Lielie-lauki* (LV I, 2, 331, 333), с одной стороны, и *Lielā-zāle* (I, 2, 331), с другой, которые в совокупности дают *liel- & zāl- & lauk-*, совпадающее с реконструируемой последовательностью, предполагаемой в прусском названии.

{**lein-īt-*}, ср. *Leynithen*, 1405 (APON 86). — Герулис сопоставляет с лит. *leinas* 'тонкий', 'гибкий' и, следовательно, *leinūs*, *lāinas*, *lainus* и т.п. (LKŽ 7, 57, 241); лтш. *leins*, *leīns* 'schiefbeing', 'auswärts gedreht' (ME 2, 446; *liens* |2, 503| обычно рассматривается как диссимиляция *liėls*) и — более отдаленно — со всей семьей производных от и.-евр. **lei-/loi-* с разными расширителями корня, многочисленными в балт. языках (см. LEW 329—330). — Известную сложность составляет то обстоятельство, что долгое *ī* > прусск. *ei*, и двоякая природа дифтонга в **lein-īt-* ставит дополнительные препятствия (в частности, не всегда возможно провести границу между исконным **lein-* и **lein-* как вариантом **lin-*, ср. *Lynaw*, 1348 при варианте *Leynaw*, 1476, APON 89). По этой же причине остаются не до конца идентифицированными некоторые мазурские примеры типа *Linowskie Jezioro* при *Leinauer See* в контрасте с *Linowsie Jezioro* при *Linnauer See* (Słown. nazw. Mazur II, 45, 213 и др.). Не вполне надежны и вост.-балт. параллели: в литовском они практически отсутствуют, в латышском же их иногда относят с эстонскими названиями (ср. *Leina* ? LV I, 2, 290). Тем не менее именно латышские факты наиболее важны в связи с прусск. **lein-īt-*, ср. лтш. *Lēiņi* (ср., однако, *Hauzenberga* FBR 12, 1932, 129: из **Le/j/iņi*), *Lein-kauliņi*, *Lein*, 1858 (если не из *ī* > *ei*), *Lein-ure*; *Lēiņiški*, *Leinumi* (LV I, 2, 290—291; *Leynithem*); лтг. *Лейна*, *Лейнан*; *Lēiņiki*, *Лейники*, *Lejnieki*; *Lēiņiški*, *Лейники*; *Lēiņi*, *Лейни*, *Лейнова* и др. (PN Latg. 269—270). Ср. куршск. Nom. рг. *Joune Leine*, 1582—1585 (KF 302; ср., однако, финск. имя *Leino*).

{**leip-*}, ср. *Leipe*, 1508, позже — *Leip*; *Lepen*, лес, 1350 (APON 86, 87). — К прусск. названию липы — *leipo, см. реально засвидетельствованное *līpe*. — См. {**leip-īt-*}, {**leip-ain-*}, {**leip-en-ik-*}, {**leip- & *kaim-*}, {**leip- & *vang-*}. — Несмотря на то, что форма *leipo в

качестве апеллятива в прусском не засвидетельствована, сомневаться в ее наличии не приходится как из-за довольно многочисленных ее следов в прусской топонимии, так и из-за столь же отчетливых следов в вост. части прусских земель, на территории, занимаемой ятвягами, и даже к западу от Вислы. Вообще нужно иметь в виду, что современная картина лесов в Прибалтике и, в частности, в Вост. Пруссии решительно отличается от того, что было до XVII—XVIII вв. и тем более еще раньше, в период господства широколиственных лесов. От Балтики до Карпат липа играла значительную роль в смешанных лесах, и, более того, существовали обширные липовые леса. Престиж дуба был, конечно, выше: он был священным по преимуществу деревом (то же относится и к дубовым рощам), связанным с Громовержцем Перкунсом и с соответствующими ритуалами, о чем свидетельствуют многочисленные старые источники и пережитки почитания дуба вплоть до недавнего времени. Липа, как и другие деревья, в этом отношении сильно уступала дубу (ср. соответствующий мотив у Донелайтиса о дубе, который, *Su žaibais ir vėtrams daug jau buvo kariavęs, /... visados lažybą laimėjęs*, и потому *per miera didžiavos*; в силу этого он *Gluosnius ir egles, pušis ir liepų viršūnes/... laikė per nieką*. "Aužuols gerpelnys"; правда, в народных песнях оба этих дерева иногда как бы приравнены друг к другу, ср. *Ažuolas su liepelėle, abudu žaliūs, gražūs*). Но почитание дуба как священного дерева способствовало сохранению его в большей степени, чем липы. Последняя не только не охранялась по религиозно-табуистическим причинам, но, напротив, рано стала жертвой своих собственных промысловых преимуществ. Липовые леса безжалостно уничтожались из-за потребностей в лыке и древесине: плелись лапти и веревки (ср. глагол *liepauti*), делались корзины, изготовлялась мебель (*Vyžk vyžas iš lūnkų, plėkų, plėšų, karnų; Iš liepos lūnkų demblius drabužiui audė. Daukantas; Teks dar tau nors lūnkų kamanos; Pasiimk lūnkų ir nuvyk atvarslus; Siemet gerų lūnkų liepos turi — bus iš ko virvės vyti; Cierijant geriau rišti su lūnku и т.п. LKŽ 7, 688*). Из липы делали посуду, бочонки и иную тару (ср. *Ir į liepines ar koki kubilą krauja*. "Pričkaus pasaka apie lietuvišką svodbę"); кора липы шла на изготовление *liepinė* водки, и особой похлебки *liepynė* 'liepos žievių sriuba' (Кайштų liepų žieves virė ir valgė *liepynė*, LKŽ 7, 425); кора, листья липовый цвет использовались и в медицинских целях; ценился липовый мед и т.д. Но эта "полезность" липы, собственно, и вела к ее неумеренной эксплуатации и преждевременной гибели целых лесов. Даже специальные сторожа не могли предотвратить уничтожение липовых лесов. Сами же "буры"-крестьяне, приезжая в лес, привозят сторожу съестное и выпивку, и сторож *nės varts taipo prisisurbęs/Jau po tam ir prisiegos atmint užsimiršta, / O taip jam bekapanojant klastuodami vagys / Liepas uždraustas ... vagia ...* ("Metai". Ziemos rūpesčiai, 111—114). Донелайтис описывает литовскую жизнь XVIII в. в Вост. Пруссии, но то же, конечно, происходило несколько ранее чуть западнее, где еще сохранялось прусское население. — Форма *leip-* представле-

на в ряде ятвяжских названий, которые, собственно, и служат диагностическим средством для различения ятвяжского и литовского ареала. К таким названиям относятся *Léipalingis*, городок в Лаздийск. р-не, *Léipalingio žėzeras* (на их основании восстанавливается ятв. dimin. **leipala* 'липочка'), *Leipalótas*, поблизости находящийся лес (ранее — липовый); интересно, что польское название Лейпалингиса *Lejpony* (Лейпунны) отражает лит. **Leipūnai*, которое в свою очередь сохраняет ятвяжскую форму корня (см. Būga RR II, 100; III, 133, 140, 150, 610, 790, 857, 891; Loewenthal WS 10, 1927, 152; Otrębski Sprache 9, 1963, 160—161; ВСЯ 5, 1961, 3; Zinkevičius. Liet. k. kilme I, 1984, 285; Falk Ze stud. 1973, 22 и др.). В р-не Юрбаркаса засвидетельствовано название *Leipgiriai* (LATSŽ 156—157, ср. *Leipušė* (?) в Игналинск. р-не). Значительное количество "липовых" названий на Мазурах и в сев.-зап. частях Польши, где балтийский элемент, несомненно, присутствовал или мог присутствовать, двусмысленны, поскольку за слав. *Lip-* и под. может скрываться как зап.-балт. **Leip-*, так и слав. **Lip* (см. Słown. vazw. Mazur II, 464; Słown. geogr. PZP I, 162—164; Nazwy Północn. Maz. 1957, 240—241 и др. /индексы/; 1 Międz. konf. opom. 1961, 226). К западу от Вислы следы **leip-* в топонимии, кажется, также сохраняются, ср. *Lepitzer Land* (Brauer Pruß. Siedl. 1983, 72 и др.), но многое по указанным выше причинам двусмысленно и нуждается в особой интерпретации. Среди первоочередных случаев — *Leipe*, *Lepelowe*, *Leplow* (: ятв. **Leip-al-*), *Leppin* и т.п. (EOSON I, 28, 59, 92, 137, 157, 159; II, 104; MH 92, 93, 94 и др.). — Вост.-балт. факты многочисленны, но фиксируют отличный вокализм корня *ie*, хотя и восходящий к тому же дифтонгу *ei*, что и в зап.-балт. Ср. лит. *Liepos*, *Liepiei*, *Liepiei*, *Liepiekas*, *Liepiečiai*, *Liepalotai*, *Liepalótas*, *-ai*, *Liepalotėliai*, *Liepėliai*, *Liepėliškiai*, *Liepėvas*, *Liepėnai*, *Liepėnai*, *Liepėnė*, *Liepinė*, *Liepiniai*, *Liepinėškės*, *Liepiškė*, *-es*, *-iai*, *Liepėnys*, *Liepėkai*, *Liepėrai*, *Lieporiai*; *Liepėbūdis*, *Liep(a)giriai*, *Liepakojai*, *Liep(a)laukė*, *Lieplaukalė*, *Lieplaukis*, *Liepsalos* (LATSŽ 160—161); *Liepėlės*, *Liepėlė*, *Liepeikà*, *Liepėnė*, *Liepinis*, *Liepinys*, *Liepėnà*, *Lieporas*; *Liepakojis*, *Liepdaubis*, *Liepaupis*, *Liepupė*, *Liepupis*, *Liepūpis*, *Liepupys*, *Liepdegys*, *Lieplaukis*, *Liepėtvėžis*, *Liepėtvėdis* (?) (LUEV 91—92; Liet. hidr. 43, 87, 102, 107, 111, 116, 157, 164, 188, 189, 196, 221, 226, 227, 228, 248, 253, 255, 256; LHEZ 190) — при *Léipalingio žėzeras*; — лтш. *Liēpa*, *Liēpis*, *Liepas*-apara, *Liepas-dārzs*, *Liepas-dīķis*, *Liepas-grāvis*, *Liepas-kalns*, *Liepas-laīka* pl., *Liepas-lauks*, *Liepas-līcis* pl., *Liepas-līkums* pl., *Liepas-mežs*, *Liēpas-pagasts*, *Liepas-purvs*, *Liepas-sala*, *Liepas-upe*, *Liepas-straits*, *Liepas-tīrums*, *Liepi*, *Liepu-alas*, *Liepu-ceļš*, *Liepu-druva*, *Liepu-dzīra* pl., *Liepu-iela*, *Liepu-kalni*, *Liep-kalns*, *Liepu-kāja* pl., *Liepu-laīka* pl., *Liepu-māja*, *Liepu-mežs*, *Liepu-salas*; *Liēp-akmens*, *Liēp-arāji*, *Liēp-daīg-kalns*, *Liēp-ēzers*, *Liep-kakts*, *Liep-kalne*, *Liēp-kalns*, *Liep-kalnu-mežs*, *Liēpkāji*, *Liep-krasti*, *Liep-mežs*, *Liēp-muiža*, *Liep-pļavas*, *Liep-purvi*, *Liep-purvs*, *Liēp-sala*, *Liepsala-ēzers*, *Liepsils*, *Liēp-tīrums*, *Liēp-upe*, *Liēp-vads*, *Liēp-zemnieki*; *Liepaiņi*, *Liepalājs*, *Liepani*, *Liēpāja*, *Liēpājas-ēzers*, *Liepājs*, *Liēpājiņš* pl., *Liepāri*, *Liēpene* pl., *Liēpenes*, *Liēpenes* pl., *Liepeņi*, *Liepeņi*, *Liepenīca* pl., *Liēpenīte* pl., *Liepenieki*, *Liēpnieki*, *Liepi-*

niece, *Liepinieki*; *Liepinas-kalns* рл., *Liēpiņa*, *Liēpiņš*, *Liēpiņi*, *Liepiņu-lauks*, *Liepiņu-mežs*, *Liepiņu-valks*, *Liepiņ-leja*, *Liēpiņ-рlаvа*, *Liepiņ-sils*, *Liepiņēni*, *Liepiņe*, *Liēpiens*, *Liēpieni*, *Liēpēni*, *Liepna*, *Liepnēs* рл., *Liepiksnāja* рл. и др. (LV I, 2, 334—339); — лтш. *Līpas*, *Liepas*, *Liera*, *Lierani*, *Līrauka*, Липовка, Липовския, *Lipowscy*, *Līreņi*, *Castrum Lerepe*, *Лепин(ь)*, *Лупин(ь)*, *Liepiņš*, *Liepiņi*, *Liereņi*, *Lipiņi*, *Liepiņas*, *Liereņa*, *Lipinieki*, *Liernieki*, *Лупенек*, -ик, *Lipinīki*, *Lierinieki*, *Lipinieki*, *Луп(н)уники*, *Lipinišķi* с *Lipinišķi*, *Лупенишки*, *Лупинишки*, *Ļipki*, *Липки*, *Līrneiši*, *Līpnīki*, *Липниту*, *Лепай* *Lierāji*, *Lieraru* с., *Lierari*, *Līpori*, *Лупоры*, *Lierāres*, *Lierava*, *Липова Гора*, *Lipaviki*, *Lipušķi*, *Липушки*; *Lieracis*, *Lierdrivas*, *Līrenis-šņūris*, *Līreņis-t'ēirums*, *Лепинь-Салла*, *Lierkalniņi*, *Lierkalni*, *Лепоколн*, *Liposoļci*, *Липосольцы*, *Līrpūreņš*, *Liepsliņa*, *Liepsaļa ez.*, *Liepsalnieks*, *Līpsola*, *Liepsala*, *Лип(о)сола*, *Lieru-druva*, *Līpukoīns*, *Lierukalns*, *Липу-Колно*, *Līpusola*, *Lieru-sala*, *Лепу-Сола*, *Lipvaldi* и др. (PN Latg. 276—279); — куршск. Die wacke *Lepelnn*, 1581 (*Liēpnieku ciems*); strand *Lepen*, 1443 (UB I, 9, 649, 660); strand ... thor *Lepē*, 1443 (UB I, 9, 670); strand *Lepē*, 1444 (UB I, 10, 28 = *Lepenjeken*); *Leypiasseme*, 1253; *Leypiasme* (UB I, 327, 334); *Leipraseme*, 1503 (UB II, 2, 431); *Леплауки*, XVI в., *Лепловки*, *Леполовки*, *Лепаловки* (Спротис); *siip*, die hetet *Lepewalk*, 1338 (UB I, 2, 315); *Lepewalckene*, 1551; zwischen dem Suddrauen Berge unt dehr *Leppe-sirren*, 1425 (= *dziņa 'лес'*); *vleth*, gehetenn de *Lepuppe*, 1525 (KF 119—120; Bielenstein Grenz. 241, 446, 479; Salys TŽ 6, 1930, 12), но и *Lyra*, 1253, *Lipa* (UB I, 1, 321); *Lipe*, 1338 (UB I, 2, 317); *Lipa*, 1255—1362; *Lyppa*, 1503 (UB II, 2, 432 = *Lieren*); *Lyppoyen*, 1355—1362 (KF 121—122; Endzelīns FBR 13, 1933, 157; Blese FBR 13, 1933, 111); *Lippeten*, 1253; *Lippayten* (UB I, 1, 321); *Lippayten*, 1338 (UB I, 2, 317); *Lippayten*, 1355—1362; an *Lyppayten lande*, 1456 (UB I, 11, 478); *Lippeten*, 1503 (UB II, 2, 431); lande von *Lippaiten*, 1506 (UB II, 3, 42); *Liepaicken*, 1612 (согласно Блесе FBR 13, 1933, 111, к *lipa, в аблаутных отношениях к лтш. *liēpa*, лит. *liera*, слав. *lipa*; иначе — Endzelīns Op. cit. 157: ожидалось бы балт. *lipa; KF 195 не считает невозможным сосуществование форм с *i* и *ī*, примеры чему здесь же приводятся). Куршские примеры весьма показательны, поскольку фиксируют три разных варианта корневого гласного — *ei*, *e* и *i*. Формы *Leip-* ранее склонны были объяснять как фонетический "жемайтизм" (*ei* вм. *ie*); в настоящее время, особенно учитывая новый взгляд, согласно которому куршский принадлежал к зап.-балт. языкам, формы типа **Leip-* могли бы трактоваться как исконные, подобно прусским и ятвяжским. Более того, и формы с корневым *e* (*Lep-*) могут оказаться "жемайтской" трактовкой (*ei* > *e*) архаичного **Leip-*. В этой перспективе формы типа *Lip(p)-* представляют некоторое отклонение от основного типа, которое может объясняться по-разному, как, впрочем, и прусск. *Lippeniken* или лтш. *Lyppoyen*. В связи с совр. лтш. названиями типа *Liēpenes ciems*, *Liēpnieku ciems* и т.п. в Курземе к анализу куршских примеров возвращаются Hirš Opom. arser. 1987, 107 и Laumane Ibid. 153; о форме *l'ipa* 'liera', *Tilia cordata* см. Indāne Dign izl. 1986, 152; ср. также Ancītis

Ancītis. izl. 1977, 189: *l'ipa*, *l'ips* [lieps] и др. "Липовые" названия балт. происхождения кое-где сохраняются и на белорусской территории. В качестве такового еще Кочубинский ЖМНП 1897 янв., 60 и сл. определил *Лепель* (Витебск. губ.), *Лепельское озеро* (*Лепле*), ср. лтш. *Liēpāja* (см. также Кратк. топон. слов. Белор. 199—200); можно добавить, что в этом случае речь идет об образовании с суф. *-l*, подобном приведенным выше балт. примерам и нехарактерном в целом для славянских. — Из апеллятивной сферы ближайшие и совершенно точные параллели прусск. *leipo < *leipā обнаруживаются в вост.-балт. и слав. языках. Речь идет, по сути дела, о балто-слав. исходном типе, более того, о несомненной инновации в соответствующем ареале и.-евр. диалектного пространства, примененной в отношении к общему для этого ареала денотату. Частные различия минимальны и скорее углубляют перспективу, нежели затушевывают ее. Так, бросается в глаза, что в вост.-балт. языках название липы выступает не только в женском роде (обычно), но и мужском (иногда). Ср. лит. *liera* (ср. Širv. 3, 153: *liera*, *medus liepos*, *liepinis*), *lierė*, *lierė*, но и *lieras* (*lieras greit užauga*; *laibas kaip lieras*, *stiprus kaip ažuolas*; *Cia liera ė auga* и т.п.). LKŽ 7, 423; Laz. tarm. žod. 146 (*liero žydejū arbotà nog kósulio*); Drusk. žod. 191 (*šiltus l'ieras daū.g'i. šiñ.tu. tūri m'ė.tu*; но и *l'iera*); Siaur. ryt. dūn. žod. 175 (*lī'ps tē-biēr pri' pāt ū'li-čes br.va kerčūō suodñō.ka*); лтш. *liēpa*, *liepe* (ср. также *liēpalne*, *liēpājs*, *liepulē*, *liepulā*, *liēpāja*, *liēpene*, *liēpiēns* и т.п.), но и *lieps* (ME 504; EH 756: *liera galds*; *liera laivu*. BW 13595, 26, ср. FBR 9, 1929, 138); диал. курш. *lier* 'липа' — женск.р. (Kurisch. Wb. 48). Слав. факты более единообразны, ср. блр. *ліпа*, русск. *ліпа* (кстати, диал. *ліпа* 'дуб'. СРНГ 17, 52), укр. *ліпа*; польск. *lipa*, кашуб. *lëpa*, -ë (с предполагаемым противопоставлением дубу в поверье, где липа как бы выше дуба в иерархии "священного": *V lëpa nigdë porèn ñe udeři, bo lëpa to je svqte dřevo*; ср. примету: *Jim vqce kvatov na lëpe, tim lepe zbože rosëpe*, также свидетельствующую о липе как о символе плодородия, см. Sychta Słown. gwar kasz. 2, 355); слов.-помор. *lëpa* (Pom. Wb. 1, 456), *lëpā* (Slovinz. Wb. I, 553), полаб. *lajpo* (*Leypò*, *Leipo*, *Leipò*, *Leipò*, см. Słown. et. Drz. 2, 310; Olesch. Thes. Dr. 1, 499), в.-луж., н.-луж. *lipa*, чеш. *lipa*, словц. *lipa*; ц.-сл. липа, болг. *lipa* (диал. *lipa*, *lyna*, *lypñ*, *lypñ* и т.п.), макед. *lipa*, с.-хорв. *lipa*, словен. *lipa* (см. ЭССЯ 15, s.v. и др.). — Согласно ЭССЯ, наличие masc. *lieras* в литовском (и в латышском) и архаичного Adj. *lipyb 'липовый', позволяют говорить для балт. и слав. о нерасчлененной исходной форме Adj. — Subst., институализировавшейся как Subst. лишь позже. — Этимологические связи балт. и слав. обозначений липы довольно очевидны. Речь идет об и.-евр. **leip-* 'липнуть', 'приклеиваться' как исходной форме и соответствующих глаголах — лит. *lipti* (*limpi*, *lipai*) 'липнуть', 'прилипать' (ср. *lipai* 'клей'), лтш. *lipt* (*lipu*, *lipstu*), *lipināt*, слав. *lypěti, *lypnqti, *lipati и т.п. Особенно показательны сходство в Adj.: при лит. *lipus* 'клейкий', 'липкий', *lipnus* и под., лтш. *lipšus*, *lipns*, *lipšgs* и под. привлекает к себе внимание праслав. *lipyb (ср. русск. диал. *липый* 'лип-

кий' и т.п. СРНГ 17, 60), обозначающее, собственно, и 'липкий' и 'липовый', что позволяет определить семантическую мотивировку обозначения липы в балт. и слав. — липкость, липучесть как характерная особенность липового лыка и исходный прагматический интерес к липе как к сырьевому объекту. Но и слав. *lipъjъ (: *lipovъ) и тем более **lipъkъ(jъ)* (: *lipъkovъ), как и лит. *lipūs* (также и *lipnūs*, лтш. *lipšius* и т.п.), во-первых, с большим вероятием указывают на старое склонение Adj. с основой на -u-, а, во-вторых, по сути дела, отсылают к ситуации синонимичности ('липкий' = 'липовый', ср. русск. диал. *липчивый* 'прилипчивый' при *липча* 'липовая кора'. СРНГ 17, 60 и др.). Это соотношение, как и подобная мотивировка обозначения липы, характерна только для балт. и слав., несмотря на то, что глаголы этого корня и производные от них Subst. и Adj. хорошо известны и в других и.-евр. языках. Ср. др.-инд. *lip-* (*limpāti*, *lipyātē*), *rip-*, перс. *fī-rēftan*, осет. *fā-lēwun* (-*līwun*); др.-греч. ἀλείφω (λίπος, λιπαρός и др.), алб. *laparós*; лат. *lippus*; готск. *bi-leiban*, др.-англ. *be-līfan*, др.-в.-нем. *bi-līban*; др.-исл. *leifa*, др.-англ. *læfan*, др.-в.-нем. *leiben* и т.п.; тох. А *lip-*, хеттск. *lip-* (см. Рок. 1, 670—671; LEW 366, 375—376; BSW 155, 161—162 и др.). Еще два замечания представляются существенными. С одной стороны, (балто-) славянский ареал оказался центром иррадиации "липовых" названий вовне, ср. алб. *lipë*, аром. *lipă*, греч. λίπα, λιπία и др. (ср. и прусск. *līpe*). С другой стороны, балт. и слав. обозначение липы оказалось, видимо, более уникальным явлением среди и.-евр. языков, поскольку некоторые другие параллели в последнее время существенно потеряли в достоверности. Это относится к кимр. *llwyf* 'вяз', 'береза', которое, вероятно, должно корректироваться др.-ирл. *lem* (ср. Pedersen KZ 38, 319; Vgl. Gr. kelt. Spr. 1, 175; Vendryes MSL 13, 388; LEW 366; Machek Lfil. 75, 143; Etim. Sloven. 2, 142 и др.) или, по крайней мере, реконструироваться как *leipma (Etim. gječn. hrv. 2, 305). Что же касается др.-греч. ἀλίφαλος γένος δρυός (Hesych.), то теперь эту глоссу ставят под сомнения и исходят из ἀλίφλοῖς (Dict. étym. 1, 62; ср. ранее Cuny MSL 19, 199, 201 и др.). Естественно, что не принятыми оказались попытки Левенталя связать балт. и слав. название липы с лит. *liepsnà* 'пламя' (AfsIPh 37, 1920, 381) или придать исходному *leipā значение 'нечто мокрое' (WS 10, 1927, 152). — Многие сотни "липовых" названий в балт. и слав. ареале говорят о его единстве с этой точки зрения, а иные типы обозначения этого дерева в соседних ареалах (ср. нем. *Linde* и т.п.) подчеркивают контрастную выделенность балт.-слав. ареала.

{**leip-al-(āt-)* (?)}, см. {**leip-*}, {**leip-al-(ing-)* (?)}.

{**leip-al-(ing-)* (?)}, см. {**leip-*} и приведенные там образования с суф. -l-: лит. *Liepalotai*, *Liepalotas*, *Liepėliai*, *Liepelėškiai*, *Liepālės*, *Liepėlė*; лтш. *Liepalājs*; куршск. *Lepeln* и т.п., к зап. от Вислы *Lepelowe*, *Lep-low* и др.

{**leip-it-*}, ср. *Leypiten*, 1331, *Leypitten*, *Lepiten*, *Lepare*, гора в Самбии (SU 184). APON 86. — См. {**leip-*} и *līpe*. — К суф. -it- при этом

корне ср. лтш. *Liepīte*, *Liēpenīte* р., отчасти куршск. *Lippeten*, *Lippayten* и др.

{**leis-*}, см. *Lesin*, к зап. от Вислы, см. Brauer 1980, 46—47; Pruß. Siedl. 1983, 57—58. Не вполне ясно.

{**leisk-* & **vang-* (?)}, ср. *Leiskewangen*, 1419 (APON 86: ср. лит. *Leškaī* ? и *wangus*). — Сложное двучленное название; к второму члену см. *wangus*, {**vang-*} и т.п., к первому, вероятно, {**laisk-in-*}. В целом название могло бы относиться к месту вырубki лиственных деревьев или чему-то подобному. Впрочем, нельзя полностью исключать из сферы возможных параллелей и формы типа лтш. *Lėiskini* (LV 1, 2, 291) или даже лит. *Leiškōne* (LUEV 89; LHEŽ 185; к лит. *leiškus* 'вялый', 'сонливый или к *laiškūs* 'прогорклый' и т.п. LKŽ 7, 72, 297). Едва ли связано с куршск. Nom. рг. *Lesike*, *Lehsken*, *Lessken*, для которых KF 303 предлагает выбор, — или н.-нем. имя *Leske* или балт. **Leis-ik-* (лтш. *liēss*, ср. *Jacob Leesz*, 1540; *Jacaub Lesenn*, ок. 1585).

{**leit-*}, см. {**leit-en-(-in- /l/)*}.

{**leit-en-(-ln- /l/)*}, ср. *Leythen*, 1258; *Leythyn* (SU), позже — *Letthen* (APON 86: к Nom. рг. *Leitis*, букв. — 'литовец', с суф. -ēn- ?). — См. также {**leit-ik-*}. — К корневой части ср. лит. *Leitiškės*, *Leitiškiai*, *Leiciškiai*, *Leitgiriai*, *Leitmargiai* (LATSŽ 156, 157); *Leità*, *Leitālė*, *Leitė*, *Leitupalis*, *Lėičiškių žėžas* (LUEV 89; Liet. hidr. 86, 89, 102; LHEŽ 185; к *leti* 'лить', см. Kuzavinis Kalbot. 10, 1964, 15; Otrębski LPosn. 9, 1963, 27; Rimša Geogr. metrašt. 18, 1980, 191 и др.); лтш. *Lėitėni*, *Lėitėni*, *Lėitėni*, *Lėitėni*, *Lėitėni*, *Lėitėniškas*, *Ляксы-Лейтанишки*; *Lėitis* р., *Leits*, 1782, *Leiša-pļava*, *Lėiša-kalns*, *Lėiša-kalni*, *Leiši*, *Leit*; *Mežleiši*, *Leišu-ēzērs*, *Leišu-lauks*, *Leišu-leja*, *Leišu-mežs*, *Leišu-purvs* (или *Lėitene*); *Leišenieki*, *Lėitėli*, *Lėitene* р., *Kaspar-leitene* р., *Lėititis*, *Lėitīši*, *Lėitīža* (*Lėitīžu-upė*); *Leitu-mājas*; *Lėitīkis* и т.п. (LV 1, 2, 291—293); лтг. *Lėitėni*, *Lėitāni*, *Lėitāni*, *Лейтаны* (*Латышу*), *Лейтаны*; *Leitaniški*, *Лейтанишки*, *Leitaniški*; *Leitanovo*, *Лейтаны*; *Leitine*, *Lėitine*, *Leitiniški*; *Лейтова*; *Leitis*, *Leiši*, *Leyszowo*; *Leišupiši*, *Leišupji*, *Leišupe*, *Лейшуп*, *Лейша*, *Лейшу*; *Leišupnieki*, *Лейшупнек*; *Leišusiliņi*, *Leišu silēņš* и др. (PN Latg. 270—271); ЕН 731, 732; Fenzlau D. Form. lit. ON 101. — Обращают на себя внимание точные соответствия прусск. в лтш. и лтг. *Lėitėni*, *Lėitėni*, *Лейтаны* и т.п. и реже *Leitine* и др. Также примечательно, что во многих случаях эти названия или непосредственно относятся к водным объектам, или мотивированы этими последними. Согласно распространенному мнению, многие этнонимы по своему происхождению ориентированы на названия рек, в бассейне которых складывалась или в определенное время жила данная этническая общность. В этом контексте особое значение приобретает географическое распространение форм с звуковым видом *Leit-* (но не *Liet-*). Наиболее убедительные примеры относятся к самому юго-зап. углу Литвы (*Leità*, *Leitālė*, *Leitė* и т.п., Шилутск. р-н), наиболее выдвинутому в сторону прусских земель; изредка к южным окраинам литовской территории (Мариямполье, Тракай, Кайшядорис) и однажды

в Биржайском р-не, у границы с латышской этнической территорией, где некогда сидели селы (селоны). Сохранение неизменного дифтонга *ei* в этом корне свидетельствует, во-первых, об архаичности этих примеров и о том, что исходная форма должна реконструироваться в виде **Leitā* (она и легла в основу названия литовцев у большинства их соседей). Кроме того, учитывая сгущение названий на *Leit-* на самом юго-западе Литвы, в непосредственной близости (или соседстве) с надравско-шалавскими и ятвяжскими территориями, можно утверждать, что корнем **Leit-* пруссы и ятвяги обозначали этнических литовцев (стоит напомнить, что прусск. *Leythen* находилось в Кг. Labiau). То же можно сказать и о куршах, сидевших в тех же местах на взморье, от Немана и севернее. Не случайно сохранение имен, подобных куршск. *Merttin Leitte*, 1582; *Jurgen Leytte* (:лтш. *leītis* 'литовец'). КФ 302; ср. лтш. Nom. pr. *Hans Leyte*, 1517; *Katherina Leytyn*, 1523; *Katrine Leyten*, 1461; *Ilse Leytze*, 1516; *Hans Leyten*, 1456; *Katryn Leyten*, 1518; *Jurgen Laitys*, 1537; *Leitis*, 1538; *Leithe*, 1540; *Janis Leithe*, 1538; *Jane Leitis*, 1539; 1540; *Michel Leitis*, 1540; *Alleyt Leyten syn wyff*, 1453; *Leiten Martin u. Mathis*, 1607; *Mattys Leitzs*, 1520; *Marx, Beder Leyte, Leytze Jacob; Lejthan* (LPV 1, 203, 295, 331); ср. лит. Nom. Pr. *Jakub Leytis* (Акты Вил. 25, 534) и др., м.б., см. *{*lit-ik-}*, *{*lit-}*. Все эти факты имеют отношение к отражению этнического имени литовцев у соседних балтийских народов (см. Zinkevičius Liet. k. kilme 2, 1987, 12; ср. Непокупный Балт.-сев.-слав. 1976, 153—161 и др.) и в данном случае прежде всего у пруссов. Нет оснований сомневаться, что корнем **leit-* в прусском языке обозначались литовцы, вернее — определенная их часть, с которой пруссам приходилось иметь дело в первую очередь. Вероятно, тем же корнем называлась и территория, занимаемая литовцами. Поэтому целесообразно восстановление этнонимического элемента **leit-* для прусского языка. Форма **leit-ēn-* могла означать поселение, в котором существенную роль играл литовский этноязыковой элемент. Суф. *ēn-* мог обозначать как само поселение, так и его жителей, ср. лит. *rokiškėnas*, *kupiškėnas*, *tilžėnas*, *įsrutėnas* и т.п. при соответствующих названиях населенных пунктов, которые сами могут образовываться с помощью этого же суффикса (ср. *Babrungėnai*, *Darbėnai*, *Dirvėnai* и т.п.), см. LKŽD 238—239. Подобная функция *-ēn-* известна и в славянской этнонимии, ср. прежде всего **slověne*. — Еще один аспект проблемы состоит, пожалуй, в том, что особую роль в знакомстве (а далее и в распространении) с этнонимом **leit-* среди пруссов могли сыграть курши, имевшие в определенное время более прямые контакты с пруссами, нежели литовцы. Форма **leit-is*, усвоенная куршами от самих литовцев, как полагал Эндзелин, именно от куршей перешла в латышский язык, в частности, в фольклорную традицию (Розенберг, исследуя этноним *Leiši* латышских дайн в свете культурно-исторических взаимосвязей, установил, что этот этноним количественно уступает в дайнах лишь обозначению немцев и почти столь же част как обозначение русских, см. Пробл. этн. ист. балт. 1977, 153—158). Можно думать, что по-

добным же образом посредническая роль куршей и куршской земли осуществилась и в отношении передачи этнического названия литовцев (**leit-*) пруссам. — См. *{*leit-ik-}*.

{*leit-ik-}, ср. Nom. pr. *Leitike*, 1385 (APN 51). — См. *{*leit-}*, *{*leit(-in-/i/)}*, м.б., *{*lit-ik-}*, *{*lit-}*. — В основе этого Nom. pr., видимо, этнонимическое обозначение литовцев, с характерным в данном случае суф. *-ik-*. Ср. лтш. *Leitūkis* (LV 1, 2, 291); о топониме **Leitukai* см. Bezzenberger KZ 44, 306, а также Fenzlau Deutsch. Form 1936, 101; EH 731—732. — Суф. *-ik-* в данном случае мог иметь уменьшительное значение ('литовчик'), которое в принципе определяло два направления развития — в сторону ласкательности (как, вероятно, в прусск. *genno*, но *gannikan*, *wyrs*, но *wyrikan*, *Gaude*, но *Gaudike*, *Pene*, но *Peniko* и т.п.), но и уничижительности. Во всяком случае амплитуда "оценочных" возможностей в лтш. *leītis* примерно такова: с одной стороны, *leiši mani bāleliņi* (BW 26708 var.), а, с другой, *leitis* — символ тяжелодумия, неуклюжести, неудачливости (*Deviņi leiši gaili kauj; Pieci leiši nēs vienu auzu maisu; Par leiti sauc neizveicīgu cilvēku* и т.п. ME 2, 447).

{*leiv-īt- (?)}, см. *{*lev-īt-}*.

{*lek-}, см. *{*lek-āt(-ōt-)-īt-}*, *{*lek-en-ik-}*, *{*lek-en-īt-}*, *{*lek- & *garg(-garb-) /?/}*, *{*lek- & *lauk-}*, а также Nom. pr. *{*lek-āt(-ōt-)}*, *{*lek-s(?)}*, *{*po- & *lek-s-}*. — К топонимическим названиям с корнем **lek-* ср. лит. *Lekiaī*, *Lėkiškė*, *Lekėčiai*, *Lekėmė*; *Lėkiškė*, *Lėkiškis* (LATSŽ 157); *Lėkupis*, *Lėkutis*, *Lekmėnė*, *Lekinys*, *Lėkšta* (LUEV 89; Liet. hidr. 39, 50, 112, 165; LHEŽ 185); лтш. *Lėkuti*, *Lėkuši* или *Lekužas*; *Lekuzis*, *Lėkužamājas*, *Lėkuži*, *Lėki (?)*, *Lėkatas-kalns*; *Lekmenis*, *Lekmeni*; *Leksis*, *Lekša-ciems (?)*, *Lėkskaln-celš*; *Lėknas*, *Leknis pl.*, *Lekņa-purvs*; *Lėkainis pl.*, *Lėkan-kalns*, *Lėkavas-kalns*, *lėknāju*, *Lėkne pl.*, *Lėksnes*, *Lėkušs* (LV 1, 2, 296, 302—303); лтг. *Lekste*, *Lekši*, *Lekailas ez. (?)* (PN Latg. 272); куршск. *Letzime*, 1253; *Letsime* (UB I, 1, 327); *Letzime*, 1503 (UB II, 2, 431); **Lecime* > жемайт. *Lekmė*, около Плунге, ср. *Лекумяны*, *Лекемяны* (Спрогис), см. Būga RR III, 233; Bielenstein Grenz. 243; КФ 120; Hirša Onom. arcer. 1987, 53; более отдаленно ср. куршск. *Lexten*, 13326 (UB I, 2, N 857); *Villa Lexsten*, 1355—1362; *bii Leexsten*, 1513; *dorp Lexten*, 1526; *Lexten*, 1582—1583; *Lexten*, 1585 (КФ 119; м.б., к лтш. *lēgzda*, которое в немецких устах звучало [lekstə], или же субституция лтш. *lekša*, *lėkša*, *lėkškis* 'verwühlter Klumpen' и т.п.; согласно Буге LKŽod XCVII, из куршск. **Lekst(i)ai*: лит. *Lekstys*, местное название). — Ср. польск. *Lekity*, нем. *Lekitten*; *Leklawki*, *Leklowy (?)*, *Lekowo* (Słown. geogr. PZP 1, 158); *Lekowo*, *Lekowic* (Nazwy Północn. Maz. 238: от Nom. pr. *Lekart*) и т.п.; варм. *Lekity* (нем. *Lekitten*), из **Lekōtītai* (Pospiszyłowa Topon. połudn. Warm. 87—88); *Lekotyten*, 1351, *Lekotyten*, 1358 (Corp. dipl. Warm. II, 296); *in Campo Lecotiten*, 1364 (Ibid. II, 370); *in campo Lekotiten*, 1381 (Ibid. III, 123); *Lekitten*, 1597—1598; *Lokitten*, 1755; *Lekitten*, ок. 1790 (Srt. XI); *Lekitten*, *Leckitten*, *Lekkitten*, 1884 (Słown. geogr. Polsk. V, 129); ниже-висл. *Leklowy* из **Leklūns* (Górniewicz TPG 88); *Leclun*, 1385—1392; *Leclon*, 1398—1399; *Leclon*, ок. 1399; *Lecklun*,

1405; *Leklaw*, 1476; *Leklau*, 1510; *Leklau*, 1565; *Leklaw*, 1647; *Leklowo*, 1696; *Leklowy*, 1707; *Lecklau*, ок. 1790 (Srt. X); *Leklowy*, 1884 (Słown. geogr. Polsk. V, 129) и др. — Разумеется, это собрание разнородных и в ряде случаев, несомненно, различных по происхождению названий с вост.-балт. территорий и бывших зап.-балт. земель оправдано тремя соображениями. Во-первых, эта гетерогенность "параллелей" в известной степени отвечает подобной же гетерогенности реконструированных прусских форм с корневым элементом *lek- (точнее можно сказать, что в распоряжении исследователя пока нет надежных аргументов в пользу единого происхождения всех этих восстановленных форм). Во-вторых, внутри этой гетерогенной lek-совокупности, безусловно, есть примеры, которые совершенно точно отвечают реконструированным прусским формам. И, наконец, в-третьих, представленная совокупность параллелей должна пониматься и как некий потенциальный резерв, в котором могут быть обнаружены новые подлинные соответствия прусским формам. Известные основания для дифференциации этих примеров существуют, и, видимо, направляющим элементом являются Nom. рг. на Lek-, зафиксированные и сами по себе и отраженно в топонимических фактах. Так, прусск. Nom. рг. *Lekote*, 1334 (*lek-ā(-ōt-)) объясняет не только топонимы типа *Lekotiten*, *Lekeniken*, *Leke-lauke* и т.п., но и имеет соответствия в Nom. рг. лит. *Jerzy Lekis*, XVIII в. (Акты Вил. 25, 527), *Lekys*; м.б., лтш. *Leckane* (LPV 1, 69, 295); куршск. *Noudite Leckanne*, 1582—1585 (KF 302; лтш. *lėkans* 'bereit', 'willig'); лит. *Lėkiškė* также, видимо, отсылает к Nom. рг. *Lek- (ср. еще и *Lėkiškis*). Обычно это личное имя соотносят с лит. *lėkti* 'лететь', 'мчаться', 'нестись', лтш. *lėkt*, восходящих к и.-евр. *lėk-/lāk- (Рок. 1, 673; LEW 353), ср., особенно к семантике, блр. *Лятун*, *Летунóвич* (Белар. антрап. 2, 264), русск. *Летунов* и др. Впрочем, в конкретных случаях немало неясностей. — Иначе (в связи с лит. *lektėnė* и под.) — Merlingen IF 83, 1978, 69—70: к и.-евр. *lėk-/lok- 'низколежащий', 'плоский', 'болото' и т.п.

*lek-āt-(ōt-)), ср. Nom. рг. *Lekote*, 1334 (APN 52). — Корень lek- (ср. лит. Nom. рг. *Lekis*, -ys) с суф. -āt(-ōt-), ср. топонимы *Lekotyten* (APON 87) и под. — К -t- суф. в вост.-балт. ср. лит. *Lėkutis*, *Lėkėčiai*, лтш. *Lėkuti*. — Ср. также прусск. Nom. рг. [*lik-āt(-ōt-)].

*lek-āt(-ot-)-īt-, ср. *Lekotyten*, 1351, позже — *Lekitten* (APON 87; Pospiszylowa Topon. połudn. Warm. 87—88). — Корень lek- с двумя суф. — āt(-ōt-) и -īt-. — См. [*lek-], [*lek-īt-(?)], [*lek-āt(-ōt-)].

*lek-aut-, см. [*leik-aut-].

*lek-en-ik-, ср. *Lekeniken*, 1370—1374, позже — *Löcknicken* (APON 87; *Lekene как имя прусса, ср. *Leex*). — Корень lek- с двумя суф. — -en- и -ik-. — См. [*lek-], [*lek-en-īt-] и др.

*lek-en-īt-, ср. *Lekenithen*, 1427, в Самбии (APON 87). — Корень lek- с двумя суф. — -en- и -īt-. — См. [*lek-], [*lek-en-ik-], [*lek-īt-(?)].

*lek- & *garg-(garb-) /?/, ср. *Lekegarge*, 1331, в Самбии; *Letogarbe* (SU 194). APON 86. — Герулис замечает, что правильное чтение не установлено, и поэтому объяснения Пирсона AM 7, 1870, 602 по-

висают в воздухе. Это замечание, действительно, верно и ограничивает возможность правильного решения настолько, насколько многообразны варианты правильного чтения, — *lek- & *garg-, *lek- & *gar-ī-, *lek- & *garb-; *let- & *garg-, *let- & *gar-ī-, *let- & *garb, не говоря о некоторых других. М.б., некоторое предпочтение следует отдать чтению *Lek- & *garb- (-garbe могло бы измениться в -garge по ассимиляции). *Garb- принадлежит к числу довольно распространенных топонимических элементов, и само двучленное образование этого рода находит аналогию в прусск. [*lek- & *lauk-], см. Более того, [*lek- & *garb-] могло бы быть сопоставлено с сочетаниями сходного первого элемента с обозначением горы в таких примерах как лтш. *Lėkatas-kalns* или *Lėkan-kalns*, *Lėkavas-kalns* (LV I, 2, 296, 302). Впрочем, и [*let- & *garb-] нашло бы свои параллели в лтш. *Letes-kalni*, *Letikas-kalns* (I, 2, 301), а первый член — в прусск. [*let-], отраженном и в топониме, и в Nom. рг. В случае, если *let- скрывает в себе *leit- (примеров этого типа немало, и один из них — *Leythen*, 1258, позже — *Lethenen*), речь могла бы идти о некоей "Литовской горе" (подобно *Lettau See* — *Litewskie Jezioro*, на восток от деревни *Litwa*, см. Słown. nazw Mazur II, 144), ср. лтш. *Lėiša-kalns*, *Lėiš-kalns*, *Lėiš-kalni*, *Lėiš-kalniņš* (LV I, 2, 291—292).

*lek-īt-(?)], ср. немецк. название в Вост. Пруссии *Lekitten*, польск. *Lekity* (Słown. geogr. PZP 1, 158), ранее прусск. *Lekotyten*, 1351 (см. APON 87; Pospiszylowa Topon. połudn. Warm. 87—88). — См. [*lek-āt(-ōt-)-īt-], [*lek-], [*lek-en-īt-], некоторые вост.-балт. топонимы с корнем Lek- и -t-суф., приведенные выше.

*lek- & *lauk-], ср. *Lekelauke*, 1305, *Leklawken* (APON 87). — Сложное двучленное название, в первом члене которого Герулис видел Nom. рг. типа прусск. *Leex* или лит. *Lekys*, а во втором — прусск. *lauks* 'поле'. — См. [*lek-], [*lauk-], *lauks*. — В целом нечто вроде "Леково поле"; ср., м.б., лтш. *Lėku-lauks* (LV I, 2, 296). Вероятно, это прусское название с течением времени подверглось переразложению и дестимологизации в одних случаях и сохранение в других (ср. *Leklawki*. Słown. geogr. PZP 1, 158). — См. [*leklün-].

*leklün-(?) — реконструируется на основании старых свидетельств о названии деревни *Leklowy* (мальб. повет), см. Górniewicz Zesz. nauk. Wyzd. Human. Gd. Filologia Polska. Prace Jęz. 1975, № 3, 39; *Żuławy* 1976, 56; TPG 88; Brocki Baltist. 14, 1978, 130. — Ср.: *Leclun*, 1385—1392 (Semrau Siedl. Morein 1931, 92); *Leclon*, 1398—1399 (Ibid. 91); *Leklon*, ок. 1399 (ZHM 52); *Lecklun*, 1405 (Siedl. Morein 92); *Leklaw*, 1476 (в привилее Казимира Ягеллончика, см. Matricul. Regni Polon. I, N 1421); *Leklau*, 1510 (ZEM I, 53), *Leklau*, 1565 (LMC I 46), 1570 (LMC II, 22), 1590 (ZEM II, 34); *Leklaw*, 1647 (Fontes Tor. IV, 136); *Leklowo*, 1696 (ZEM IV, 183); *Leklowy*, 1707 (Ibid. 223); *Lecklau*, ок. 1790 (Srt. X); *Leklowy*, 1884 (Słown. geogr. Polsk. V, 129). — По Гурновичу, "владельческое" название от Nom. рг. прусск. *Leklüns, с которым предлагается сравнить прусск. *Lekelauke*, где первый член — Nom. рг. *Leex* (: лит. *Lekys*). Результатом онемечения прусского названия было

опущение конечного -s и расширение за счет -au, а результат полонизации уже этого онемеченного названия — суфф. -owo и плюрализация топонима (с XVII в.).

{*leks- (?)}, ср. Nom. рг. *Clawko Leex* (APN 51). — Ср. также *Polexe*, 1299 (PU 2, 449); *Polex*, 1338; *Pollex*, freier Preuße, ок. 1400 (APN 78), см. {*po- & *leks-}. — Видимо, тот же корень, что и в лит. Nom. рг. *Lekys* и соответствующих топонимах (см. {*lek-} и др.), но с расширением -s-, весьма обычным в прусском для образования "сигматического" типа личных имен. Помимо прусск. *Leke (ср. *Leke-lauken*): *Leex*, *Po-lexe*, ср. *Darge — Darxe*, *Page — Paxis*, *Rege — Rexa*, *Singe — Sinxe*, *Po-sinxe*, *Kicke — Kixe*, *Licke — Lixa* и т.п. (APN 178—179). Этот s-тип в личных именах известен и в вост.-балт.; в частности, ср. лит. *Lekšas* (: *Lekys*). В ряде ситуаций в связи с мнимыми параллелями к {*leks-} нужно помнить о влиянии "опрошенных" вариантов христианских имен типа *Алексей* и *Александр*. Ср. лтш. *Leksis*, *Lekša-ciems*, *Lekši*, *Lekšu-gals*, *Lekšu-kalns*, *Leksin* рļ. — от Nom. рг. *Leksis* (< *Aleksejs* или *Aleksandrs*). LV 1, 2, 296; ср. *Lekskaln-ceļš*; такая же ситуация и в ст.-польск. Nom. рг. *Leksa* (*Lixa*, *Leksha*, *Lexa* при *Aleksa* (Słown. starop. nazw III, z. 2, 239), ср. блр. *Лекса*, русск. *Лексей*, *Лекса(ндр)* и под.

lekkutones — название прусских жрецов, предсказывавших будущее по полету (*lek-* 'летать') птиц. Упоминаются Преториусом (Preuss. Schaubühne. IV. Idolatr. veter. Pruss) среди других жрецов, столь многочисленных у древних пруссов: ("Von den Priestern). Ние ist zu erwehnen, dass bey den Preussischen Scribenten noch andere Namen als Weydelutten den geistlichen Ministern gegeben, also da sind sie genennet worden Zygenotten, Tillusseji seu Tullüssünei, Lingussünei, Wurszkaitei, Burtoniei. Dazu gehören auch die jetziger Zeit sich noch befindenden Waszkones, Szwakones, Dumones, Puttones, Orones, Sweigdzurones, *Lekkutones*, Widdurones, Kraujutte, Pustones, Seitones, Sietones, Wejones, Nerutti, Szwalgonies, Zaltones, Kaukuczones, Sapnones etc. und vielleicht andere mehr, denn derer Reliquien findet man noch in Zamaiten und in den Gräntzen des Preussischen Landes, so an Littawen und Zamaiten stossen" (Kap. XIV, § 1, LPG 549). Если этот перечень важен для понимания функций каждой категории жрецов, структуры всего жреческого корпуса и состава сферы явлений, которыми ведают жрецы и на основании которых они делают предсказания или строят те или иные элементы ритуала, то более подробное описание "лекутонов" (Kap. XV, § 7 = LPG 551) бросает свет на занятия именно этой категории жрецов и на "мир птиц", существенных с точки зрения предсказаний этих жрецов. Ср.: "*Lekkutones* beobachten das Geschrei und den Flug der Vögel, und wahrsagen daraus von zweifelhaften und zukünftigen Dingen. An der Zamaitischen Grenze giebt es noch Viele, die aus dem Flug, Zug und Schreien der Vögel nicht nur die Veränderung des Gewitters, sondern auch Glück oder Unglück in Prozessachen vorhersagen. Sie werden auch *Pauksztučiei* genannt. Man hatte einen Unterschied der Vögel. Die Adler, Raben, Geyer sind Streitvögel; die Weihe

hat Brandschaden gebracht, wie auch die Schwalben, die Eulen, die Bienen mit ein solches bedeutet: dagegen die Storchen, Reiher, Nachtigall, Specht, Tauben sind ihnen Glücksbedeuterinnen gewesen". — Каким образом совершали свои ритуальные церемонии "лекутоны", сообщается во всей конкретности в том же сочинении Преториуса (Kap. XV, § 26): "Die Ceremonien der *Lekkutones* habe ich nicht eigentlich ausfragen können. Nur ein alter Zalavonier erzählte mir einstmals, wie ein solcher Vogeldeuter von einem Zamaitischen Bojaren berufen worden, ihm aus dem Vogelflug zu warsagen ob sein Sohn, den er in den Krieg gegen die Moskowiter geschickt, glücklich sein und mit Glück und Ehre wieder zu Hause kommen würde. Er zog sich des morgens weiss und reinlich an, nahm eine geheiligte *Krywule*, d.i. einen krummen Stab, in die Hand, ging auf einen *Pilluksztis*, d.i. aufgeworfenen Hügel, wandte sich mit dem Gesicht gegen Osten, mit der Rechten gegen Mittag, mit der Linken gegen Mitternacht, mit dem Rücken gegen Abend und betete eine gute Weile. Im währenden Gebet hatte er an dem Himmelshorizont oder *Plaga*, wo etwa der Krieg mit den Moscovitern vorging, einen *Circul* gemacht, worin er den ganzen Strich des Himmelsdach eingeschlossen, den er mit den Augen absehen konnte. Ние gab er Achtung, ob dass ein Vogel käme und wie derselbe sich gestalte, dessen Sang und Flug wäre. Es kam ein Vogel, seines Bedünkens ein Geier, mit einem Trauertone; nachher erschien ein anderer grosser Vogel, der den Geier verfolgte bis beide aus dem Gesicht verschwanden. Doch kam der erste Vogel wieder, woraus der Vogeldeuter prognosticierte, der Sohn des Bojaren würde unglücklich im Kriege sein. Er ist auch wirklich in Gefangenschaft geraten, durch Auswechslung aber später daraus wieder befreit worden" (LPG 557). — Это описание ритуала, проводимого "лекутонами" где-то на жемайтско-шалавском пограничье, т.е. в непосредственном соседстве со старыми землями пруссов, очень поучительно своей детальностью, хотя трудно отделаться от впечатления, что составитель текста хорошо представлял себе римскую авгурскую традицию. Одно из названий "лекутонов" — *Pauksztučiei* — по имени птицы ("птичники") — отсылает к имени авгуров — *augur*, того же корня, что и *avis* 'птица'; более раннее их название — *auspex*, т.е. 'смотрящие (*spec-*) [на полет] птиц (*avis*)', еще более подчеркивает связь с ними "лекутонов", которые то же "beobachten ... den Flug der Vögel". Описанная выше церемония "лекутонов", по сути дела, представляет собою именно ауспацию (*auspicium*), предполагающую те же профессиональные и институализированные знания (подобно *ius augurum* или *augurium*) и те же конечные цели — желательно благие (ср. *auspice clamore sonare* 'счастливы исход возвещать возгласами'. *Claudius Claudianis*, ср. *optimis auspiciis*. *Cicero*. 'при благоприятнейших предзнаменованиях'). Очень характерно и сходство в важнейших деталях: у "лекутонов" был кривой жезл (*Krywule*), подобно тому как у авгуров был изогнутый жезл *lituus*. Этим искривленным жезлом и те и другие очерчивали некий магический круг. В обеих традициях "птицегадательные" церемонии происходили на особом отмеченном месте, на

холме (*Pilluksztis*, Hügel в одном случае и *auguraculum* на Капитолии или одном из иных римских холмов — в другом), причем гадатели — "лекутоны" и авгуры — должны были особым образом ориентировать себя в отношении стран света (ср. у Преториуса: ... wandte sich mit dem Gesicht gegen Osten, mit der Rechten gegen Mittag, mit der Linken gegen Mitternacht... при обращении авгура лицом на восток, счастливую сторону света, находившуюся от авгура слева, откуда счастливые предзнаменования — *sinistra*, букв. 'левые', т.е. кривые, подобно жалу, а несчастливые — *dextra*, букв. 'правые', см. Verg. Aen. 2, 693; 9, 631; Ovid. Fast. 4, 833). Существенно, что различие "лекутонами" птиц в их вещих свойствах в зависимости от их полета или голоса—крика также воспроизводит соответствующее разделение птиц — на *alites* (орлы, коршуны) и *oscines* (вороны, совы, дятлы, птухи). Кстати, коршун выступает и как участник церемонии "лекутонов". Преследование им другой крупной птицы и порядок их появления в поле зрения "лекутона", в зависимости от чего происходит выбор между удачей и неудачей, имеет немало типологических параллелей в других традициях — и явных и точных и менее очевидных в силу разного рода трансформаций. Фрагмент "Слова о полку Игореве" *Тогда пуцащеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснь пояше...* в принципе отражает ту же тему. — Латинизированное *Lekkutones* позволяет, пожалуй, восстановить основу в виде прусск. **lek-ut-* (ср. лит. *lėkti* 'лететь', 'мчаться', лтш. *lėkt*, слав. **leiti* — при нередком допущении двух корней, обозначающих летание, — **lek-* и **pet-*, ср. также ЭССЯ 14, 145—148), которое отчасти может быть поддержано рядом прусских словообразовательных типов, см. наряду с *{*lek-}* такие основы, как *{*lek-āt-}* и особенно *{*lek-aut-}*: *{*lek-ut-}*. — О "лекутонах" см. также Fischer EDP 1937, 43 и др. Ритуальная роль "лекутонов", конечно, определяется не только тем, что по поведению птиц можно определить выбор судьбы, но и тем, что птицы, как и другие явления природы, обожествлялись пруссами в языческие времена и соответственно почитались ими, о чем писал и Дусбург. Ср.: *Et quia sic deum non cognoverunt, ideo contigit, quod errando omnem creaturam pro deo coluerunt, scilicet solem, lunam et stellas, tonitrua, volatilia, quadrupedia etiam, usque ad bufonem* (SRP 1, 53). Ср. фактическое повторение в "Кронике von Pruzinlant" Николая из Ерошина: *donre, sunne, stjerne, mân, vogle, tfr und ouch dī crotin/wârin in irkorn zu gotin* (V, 4006—4008. SRP 1, 348; ср. там же ... *inweiz waz vogils kegn in vlôc* ... V, 19388. SRP 1, 528: о литовских предсказателях судьбы по полету птиц). В этом смысле "лекутоны" вообще могут быть названы служителями культа птиц; они пользовались почтением и, возможно, были довольно многочисленны. Симон Грунау в своей "Хронике" в главе "Von ihrem irtumb und seltzam wan noch heutt in tagk" рассказывает о пережитках языческих верований у современных ему пруссов как раз в связи с темой выбора между злом (*ubel*) и добром (*gluck*) и ролью птиц — кукушки, анста, курицы (LPG 202—203). Адам Бременский, говоря

о куршах (*gens crudelissima*), замечает: *divinis auguribus atque nigromanticis omnes plene sunt* (LPG 12). Ритуально-мифологическая роль птиц и жрецов этого культа постоянно отмечается в старых источниках и в связи с другими балтийскими народами. Ср. в "Рифмованной хронике" (ок. 1290 г.), относящейся к Лифляндии: *in viel vil dicke wol ir spân, / ir vogel in vil wol sanc: / sô prûveten sie, daz in gelanc* (V, 7232—7234. LPG 78, 80). О роли "птичьих" оракулов говорит в своей "Хронике" и Иоганн фон Посильге, имея в виду дятла, в разных традициях почитаемого как вещая птица: "Des wolde der tuffel die Littowen schenden; und worin in deme ufsatze, das sie komen welden auf die vast nacht, so werin die cristin alte torecht und ungewarnit. Ir specht hatte nicht recht geflogen, das sie acht tage czu fru qwomen..." (LPG 126). Пауль Эйнгорн в "Wiederlegunge der Abgötterey" уже в XVII в. применительно к традиции на территории современной Латвии суммирует "птичью" науку древних балтов в том виде, как она еще существовала в его время. В 3-ей главе ("Von abergläubiger Deutunge künfftiger Dinge aus dem Vogelgeschrey") первой части он пишет: "... Insonderheit aber wird etlicher besonderer Vögel geschrey diese krafft vnd wirckunge zugeschrieben, alsz desz Raben vnd Kreen, aus welchem man böse Geschrey vnd Zeitungen vermuetet, alsz absterben guter Freunde, Kriege vnd dergleichen trawrige Meere. Der Eulen geschrey vnd heulen wird zugeschrieben, eine Seuche vnd absterben der Menschen, so darauff kürztlich erfolgen werde, item Fewrschaden etc. Dem Hegster geschrey wird zugemessen, das auff demselben frembde Leute oder Gäste kommen sollen; welches auch so gewiss sein muss, dass man sich auch darauff schicket, die Gäste zu empfangen. Dem Kuckuck wird dieses zugeschrieben, dass, wann er im Vorjahr anseheth zu schreyen, so offt er jemande anschreyet oder ankucket, so viele Jahre soll derselbe Mensch leben. Darumb dann mancher fleissig acht drauff hat vnd solch kucken des Kuckuckes gar fleissig zehlet: schreyet er nun zum ersten zwanzig, dreissig mahl etc., so lebet derselbe so es gehöret zwanzig oder dreissig Jahr. Ruffet er weniger, so lebet er auch weniger" (LPG 465, ср. 466). И, наконец, уже в конце XVIII в. Стендер подтверждает живучесть традиции: "Sihlneeki Wahrsager und Sihmlehmi Zeichendeuter... die aus dem Geschrey der Vögel und aus andern Zeichen Glück und Unglück, Fruchtbarkeit und Unfruchtbarkeit vorhersagen". Пережитки "высокого" знания "лекутонов" продолжают остаточное существовать в детских играх, в суевериях, в бытовом поведении, в паремийной мудрости, в языке.

{*lel(-ln-)}?, ср. *Lelin*, 1427; *Lenyn*; *Lelyn*, 1444 (APON 87). — На основании подобных примеров, относящихся к топониму на территории Ежэранского коморництва, реконструируется прусский источник в виде **Lelins* (Põspiszylowa Topon. połudn. Warm. 88). Герулис связывал это название с лит. *lėlė*, лтш. *lele* 'кукла' и с топонимами лит. *Lėliai* или *Lėlėnai*. Поспишилёва, видимо, предлагает более надежное соответствие — лит. *lėlis*, *lėlys*, *lėlė*, лтш. *lėlis* 'козодой' (*Caprimulgus europaeus*), 'лелёк', 'лилок' (см. LKZ 7, 318; ME 2, 449; EH 732). К

словообразовательному типу на *-in-* ср. лит. *leliniai*, Caprimulgiformes. Балт. этимологию см. Būga RR I, 452; II, 690; III, 653; BSW 157; LEW 354. Очень вероятно сюда же лтш. *lelināt, lēlināt, lellināt*, 'singen', 'jodeln', 'das Vieh zusammenrufen' (ср. *lelele*, призыв пастуха: *lelele, ciema ganī!* BW 28920), *leļļuōt, leļļuōt, leļļuōt, lēlēt* и т.п. (ME 2, 449); лит. *lelinti* 'говорить', 'шуметь', 'галдеть', 'гомонить'; *lelioti* 'бранить', 'орать', 'громко кричать', 'призывать', *leliuoti* и т.п. (LKŽ 7, 317—319). Элемент *lel'* применительно к козодою хорошо известен и в слав. языках, ср. праслав. **leľkъ, *leľakъ, *leľikъ* (см. ЭССЯ 14, 105—106): ст.-чеш. *lelek* 'козодой', 'кваква' (Gebauer Sl. stč. 2, 225), чеш., словц. *lelek*, ст.-польск., польск. *lelek*, словин.-помор. *leľek, -äkä, lélek*; ст.-русс. *лелекъ*, русск. *лелёк, лелёк*, ст.-блр. *лелек, блр. ляляк, леляк*, укр. *леляк, лёлик* и под., а также формы с вокализмом *-i-*: **liľkъ* (русс. *лилек, лилёк, лилók* и т.п.), см. SEW 1, 700; SEJP 294; ЭСР 2, 479; Etym. sl. č. 326; SEP IV, 139—141 и др. Обращает на себя внимание концентрация примеров этого рода в сев.-слав. ареале (ц.-сл. *лилиякъ* и под. относится не к козодою). В последнее время установилось мнение о связи этих балт. и слав. примеров с глаголами, обозначающими звукопроизводство не-нейтрального типа, ср. выше вост.-балт. глаголы и слав. типа с.-хорв. *lelekati* 'жаловаться', 'стонать' и под. О козодое-чурилке Даль⁴ 4, 1379 пишет, что она "пускает трель, сидя разинув пасть против ветру, откуда, вероятно, и кличка его" (ср. также Булаховский Изв. ОЛЯ VII, 1948, № 2, 104). В основе всех этих примеров — редуцированное и.-евр. **lē-* (**lā-*), которое — на достаточной глубине — едва ли стоит отделять от тех же образований, что зафиксированы в лит. *leliuoti* 'качать', 'колыхать', лтш. *leļliūt* и т.п., праслав. *leľeti, *leľejati* 'качать', 'волновать', 'колыхать', 'нежить', 'холить', 'успокаивать' (козодой, птица родственная ласточке, как не раз отмечали, действительно, обладает особым "колыхающимся" или "шныряющим" типом полета). В пользу объединения **leľ-* глаголов с двумя этими кругами значений говорит единство семантического комплекса, состоящего на первый взгляд из противоположных смысловых элементов, — 'колыхать', 'качать', 'волновать' и 'успокаивать', 'утишать', 'утешать'. В этих случаях **leľ-* как бы фиксирует начальную стадию процесса (внешние движения) как причину и завершающую стадию (внутреннее успокоение) как ее следствие. Слав. **leľejati, *leľeti*, собственно, и объединяет обе эти стадии. Этой "кинетической" схеме — движение & успокоение — отвечает подобная же "звукоизобразительная" — звук, тревожащий, побуждающий, призывающий & звук ласкающий, нежащий, холящий. В обоих случаях речь идет о таком движении или звукопроизводстве, которые имеют благой, успокаивающий, "лелеющий" эффект. Такое соотношение этих "разных" смыслов может быть продемонстрировано многими примерами. Лишь один из них — лтш. *leļliuoti, leļliūt, leļliūt, lēlēt*: 1) 'петь пастушескую песню, призывая скот'; 2) 'кричать', 'выть', 'лепетать'; 3) 'звать'; 4) 'напевать, чтобы усыплять ребенка' (с пояснением — "auf den Händen wiegen", т.е. 'баюкать' как своего рода семантическое произ-

ведение 'качать' и 'напевать определенным (успокаивающе-усыпляющим) образом' (ср., кстати, одно из названий козодоя — дремлюга). — Во всяком случае при наличии частных неясностей реконструкция названия козодоя для прусского — **lel(-in-)* (суф. *-in-* здесь может иметь адъективный характер и выступать как топонимический знак, ср. русск. *Лелекино, Лелякино, Лелякинское* и т.п.) или **leľ-*, с которым, видимо, совпадает и слав. **leľь, *leľ'a* (ср. русск. *Лель*, языческое божество любви, ласки или, по меньшей мере, припев соответствующей песни, а также *леля*, о спокойном, смирном человеке, см. СРНГ 16, 346 и др.), — факт, бесспорно, важный — тем более, что при соотнесении с соответствующими глаголами — **leľeti* и под. — существительное **leľ-is* выступает как *poen agentis* от исходного глагола (и тем самым может иметь и более широкое употребление, чем обозначение козодоя). Слав. **leľь, *leľ'a* вскрывают формы без ставшего со временем почти обязательным суф. *-ьk-, -ik-, -ak-* и, совпадая с балт. примерами, позволяют восстановить исходную балт.-слав. форму и существительного и соответствующего глагола. Впрочем, и в балт. при этом корне появляется суф. *-ik-*. Ср., напр., лит. *Lėlikoniai* (LATSZ 157); *Lėlykas* (LUEV 89; Liet. hidr. 151; LHEŽ 185) при *Lėl-iupis* (: лит. *leľeti* 'слабеть', *iš-letėti, nu-letėti*, ср. *leliušis*, о медленном, спокойном человеке, *lelyvas, lelyvas*); из других топонимов ср. еще лит. *Lėliakalnis*; лтш. *Lehle*, 1858; *Lėliņa-sils*; *Lėliņš ez.*, 1811; *Lėļa-saliņa pl.*, *Lėļa-kalns, Lėļu-ēzers, Lėļu-purvs, Lėļu-kalns, Lėļu-burzs; Lėļite* и др. (LV I, 2, 303). Формы типа лтш. *Lel-in-* подтверждают прусск. реконструкцию с тем же суф. — *{*lel-in-}*.

*leľ 'большой', в польско-являжск. словаре (130), см. БСл. Иссл. 1983. 1984, 7, 15. — См. *{*leil-}*.

lembtwey, см. *limtwey*.

lemlai, см. *limtwey*.

{*lemp- (?)} — вероятно, являжск. элемент, восстанавливаемый на основании названий озера в Сувалкии. Ср. *Ieziorko Łompi* (Regestr spis. ieziog, 1569), *Łympia*, 1558; *Wyszlempie*, 1679; *Łempis*, 1736; совр. *Łempis*; там же *Łempiuk*, на юго-зап. от *Łempis*; *Łempiszki* (Falk Ze stud. 1973, 23—24; Acta V.-sl. 10, 1976, 131—133). Элемент **lemp-* ср. также в *Лемпишки*, 1598 (Спрогис, 165, ср. 559: *сгножать Лемпи*, 1557), в лит. *Leĩp-ravis* (LUEV 89; LHEŽ 185); лтш. *Leĩpes, Leĩpes-likums pl.*, *Leĩpes-mežs, Leĩpes-upīte, Lėmpji, Lėmpju-ēzers, Lėmpu-kalniņš; Lėmpēni* (LV I, 2, 298); лтг. *Lempi, Lempij, Лемпы, Лимпы, wieľ Lempiowo* (PN Latg. 273). — Название с корнем **lemp-* Фальк объясняет илистыми берегами и дном озера и связывает с инфигированными продолжениями и.-евр. **leip-* 'mit Fett beschmieren', 'kleben', ср. лит. *limpūs* (: *lipūs*) при глаголе *lipti (liĩpa), liĩpinti* 'ходить с трудом' и т.п. (возможно, сюда же — кашуб. *Lera*, рассматриваемое как прутенизм, см. Labuda Konf. Pom. 1978, 26). — О возможных финноязычных связях (ср. финск. *lampi* 'лесное озеро', лит. *Lāmbis* и под., см. LHEŽ 179).

{*lend- & *gud-}, ср. *Lendegudien*, 1326, на бартско-натангском по-

границе (APON 87). — Герулис, учитывая натавский переход $i > e$ исходит из основной формы *Lindegudien, двучленного топонима, где в первом члене — прусск. *lindan* 'дол', 'долина', во втором — *gudde* 'куст', 'кустарник' ('подлесок'), см. Пр. яз. II, 323—329, а также *lindan* и {**lind-* & **gud-*}, {**lind-* & **lauk-*}, {**lind-* & **med-*}. — Хотя реально засвидетельствованные прусские формы — как апеллятив, так и топонимы — отсылают к нулевому вокализму корня — *lind-*, балтийский язык знает и вокализм *-e-* (и даже *-a-*). — Из вост.-балт. параллелей к первой части слова ср. лит. *Lindikai, Lindikai, Lindiniskes; Lėdimai* (LATSŽ 157, 162); *Lindė, Lindimas, Lindūkups; Lėdimas* (LUEV 89, 93; LHEŽ 185, 192, с существенными разъяснениями: *Lindė* имеет и другое название — *Uidė*, которое, вероятно, вторично и выводится из *Lindė*, относительно которого предполагается его ятвяжское происхождение; что касается *Lindimas*, то высказывается мнение о "вставном" характере *n* и, следовательно, выведении этой формы из *Lydimas*); лтш. *Liñdas, Liñdas-mājas, Liñde, Liñdes, Liñds-kalni, Linduīga, Liñdeiši, Liñdieši, Liñdene pl., Liñdenes pl., Lindēni, Liñdiņi; Liñdikū-ciems* и др.; *Leñdima-pļavas, Lendi-purvs* (LV I, 2, 298, 308; см. *Dambe Baltist. I priedas*, 1972, 59: предложение связывать ряд этих названий, особенно из южной Курземе, не с эстонскими или немецкими примерами типа *Linde*, как делал Эндзелин, а именно с прусскими); лтг. *Lindaši; Lindauka, Лундовка; Lendzēši, Ленджейши; Lendži, Ленджи* и др. (PN Latg. 274, 276); куршск. *Lindale*, 1253; *Lyndale* (UB I, 1, 321); *de Lyndal*, 1341; *Castellatura Lyndale*, 1355—1362; *van Lyndale* 1371; *van Lindale; rivulus Lindal* (Endzelīns Druva 629; Būga LKŽod. XCV; KF 195). — Многочисленные в Мазурах названия на *Lind-* сюда не относятся: в данном случае речь идет о немецких "липовых" названиях, что обычно подтверждают и польские варианты: *Lindenberg — Lipowa Góra, Lindenwerder* или *Lindeninsel — Lipowy Ostrów, Lindenhain — Lipniak* и т.п.

{**leng-*}, см. {**ling-*}, {**ling-ain-*}, *lingo*.

{**leng-ain-*}, см. {**lang-ain-*}.

{**lep-*} и др., см. {**leip-*} и др.

{**lep-un-*}, ср. Nom. рг. *Lepune* (в одной из записей — вар. *Laupune*). APN 52. — Случай неясен из-за неизвестности корневого вокализма. Выбор между **leip-un-* (и тогда см. **leip-*, **lip-* с идеей прилипчивости, клейкости и т.п.) и **lep-un-*. Но сам ономастический материал старых источников, который мог бы решить вопрос о выборе, часто оказывается двусмысленным. Ср. лтш. *Jane Lepun*, 1514, *Leping*, 1607, остающиеся не интерпретированными Блесе, при *Jaen Lepen*, 1511: *Peter Löpe*, 1664; *Magdalena Leppen*, 1521 (= *lepa*); *Jaen Lepaka*, 1508; *Jane Lepakayin*, 1512; *Anneke Lepakaysche*, 1461 и др. (: лит. *liepkójis*); *Michel Lepenech*, 1686 (= *liepnieks*); *Leppules, Liepalay* (= *liepulājs*) и т.п. LPV 1, 204; куршск. *Wilhelm Lepe*, 1590 (KF 303; лтш. *liēpa*); *Peter Leps*, 1540 (KF 303; лтш. *lepis*, лит. *lėpšis* или из ливск. *lāpš* 'ребенок' ?); ср. ст.-лит. Nom. рг. *Lepszis* (совр. *Lepšys*), *Lepsela* Gen. Sg. (*Lepšelis), *Lepšinowiczowa* (совр. *Lepšinis*). Liet antrop. 166. Но наря-

ду с этими двусмысленными, а иногда и определенно не относящимися к корню *lep-* примерами, существуют — в топонимии — и такие, которые недвусмысленно указывают именно на этот корень, который мог быть использован и в личных именах. Ср. лит. *Lepelišnyus* (LATSŽ 158), *Lepeliškiai*; лтш. *Lepes, Lepel*, 1826; *Lepenes-mežs, Lēpēni, Lepenieki; Lepeķis, Lpeku-birze* и т.п. (LV I, 2, 299—300). — Вместе с тем форма прусск. **lep-un-* очень близка (если не тождественна) славянским образованиям типа *lepunь/*lepunā* (ЭССЯ 14, 133), подтверждаемая такими примерами, как русск. диал. *лепун* 'ивовый прут', 'тонкие березовые деревца или ветки, связанные верхушками для укрепления укладок хлеба, сена и т.п.', 'мокрый снег, падающий густыми хлопьями'; 'муха с ярким брюшком и желтоватыми крыльями' (СРНГ 16, 366, 367; 17, 58), сюда же и *лупун*, а отчасти и *ляпун* 'о том, кто делает что-либо небрежно, наспех или плохо; 'о плохом маляре, живописце'; 'о пустомеле, болтуне'; 'об обманщике'; 'о жителях Сойдозера Олон. губ. (за то, что они говорят протяжно и с присвистом'; 'четыре ветки, связанные крестобразно верхушками на вершине стога сена', ср. *ляпунок* 'бабочка', 'мотылек', *ляпуньё* 'ветки кустов, деревьев, которыми закрывают сверху стог сена (зарод)' и т.п. (СРНГ 17, 281); с.-хорв. диал. *lèpūnja* 'шелуха от ягод или плодов' (: русск. диал. *лепуныц* 'Arcticum tomentosum'). Согласно ЭССЯ 14, 133, праслав. *lep-unь и под. представляет собой производное от глагола *lepati или существительного *lepa/*leрь*. Семантическое основание — действие обдирания, шелушения и его результат — то, что обдрано, обрывки, шелуха, кора, короста и т.п. В конкретных слав. языках, как, впрочем, уже и на праслав. уровне, обнаруживается тесная связь с глаголами "лепить" (*lepiti) и 'ляпать', чему способствует и большая формальная близость и возможность семантического пересмысления глагола *lepiti или *lepa/*leрь*: обдирается то, что прилипло, приклеилось и само не отпадает, т.е. обдирание представляется как от-лепление. Эта ситуация объясняет и многообразие значений продолжателей глаголов *lepiti и *lèpiti (*lèpunь), и их тесную взаимосвязь, как и взаимовлияние соответствующих именных образований. Наличие же экспрессивных ситуаций в употреблении этих слов подключает сюда и "сходный" глагол *lapati (русс. *ляпать*). В этом широком контексте в качестве параллели к прусск. **lep-un-* может быть, очевидно, подверстано и русск. *Ляпун, Ляпунёв* (Веселовский Ономастикон 190), и блр. *Лепа, Лёпин, Лупілаў, Лёпка, Лёпкин, Ляпкó, Ляпкóў, Ляпкóвич* и др. (Белар. антрап. 2, 250); *Ляпа, Ляпка, Ляпич* и др. (Там же, 263, ср. русск. *Ляпин, Ляпкин, Ляпичев*), и ст.-польск. *Lepiewicz, Lepel, Lep(i)arz, Lepus* (?) и т.п. (Słown. starop. nazw. III, 2, 246) и др.

lesuns, см. *lise, sammay lesuns, semmai lisuns, semmay lysons, semmailisons*.

*leschtis, см. *locutis*.

{**let-*}, ср. *Lethen*, 1285, позже — *Löthen* (APON 87). — Герулис сопоставляет этот элемент с реконструируемым им именем прусса **Lē-*

le (производным от него является реально засвидетельствованное Nom. рг. *Letyo, лит. Nom. рг. *Lèt-aitis* и т.п., от лит. *lėtas* 'медлительный', 'тихий' и т.п. — В прусск. ср. также еще два Nom. рг. — {**let-aud-* (?)} и {**let-av-*}. Лит. Nom. рг. *Lėtas*, *Letà* сюда, разумеется, не относятся, поскольку они заимствованы из латинского. Зато, видимо, с прусск. **let-* связаны Nom. рг. типа лтш. *Lettow* (LPV 1, 204, см. далее {**let-av-*}), м.б., *Michel Lettain*, 1464 (LPV 1, 204: *lietains* ?), а также топонимы лит. *Lėtėniai* (LATSŽ 158, ср. *Letūkaī*); м.б., лтш. *Letaužu-muiža* (: лит. *Letausai*), *Letes-kalni*, *Letikas-kalns*, *Letiķis* (LV I, 2, 301; *Lėtiža ure/1, 2, 304/* подозревается в исходном **Leit-*). — Наиболее близки к этому элементу, видимо, действительно, лит. *lėtas*, *lėtus*, лтш. *lėts* (и далее слав. *lěť, лат. *lētum*, *lassus*, готск. *lats* 'ленивый', алб. *loth* 'утомлять' и т.п.) и однокоренные им, но с иным расширителем корня, слова типа лит. *lėnas* 'медлительный', 'спокойный', 'тихий', 'мягкий', 'вялый', 'ленивый', 'слабый' и т.п., лтш. *lėns*, праслав. **lěнь(ь)* 'ленивый' и т.п., *lěнь и т.п. Все они восходят к и.-евр. корню **lē(-i)-* 'оставлять', 'отпускать', 'распускаться', 'ослабевать', 'утомляться' и т.п. (см. Рок. 1, 666; LEW 355; ЭССЯ 14, 209—211 и др.), соответственно — к **lē(i)-to-* и **lē(i)-no-*. Применительно к топониму речь могла идти об объекте, понимаемом как оставленный, заброшенный или же зыбком, вязком, трясиннообразном. В качестве Nom. рг. **Let-* скорее акцентировало значения мягкости, тихости, нежности или медлительности, вялости, лености. Но удовлетворительному решению вопроса препятствует в прусских примерах неясность количества корневого гласного: и.-евр. **lē(i)-* ориентирует на его долготу.

letan, *-letan*, см. *palletan*.

{**let-aud-*}, ср. Nom. рг. *Letaude*, 1257 (PU II, 14). APN 52. — Видимо, этот же элемент *let-* засвидетельствован еще в ряде прусских личных имен, см. {**let-i-*}, {**let-av-*}, а также в топониме *Lethen*, см. {**let-*}. — Суф. *-aud-* редок в прусск., но все-таки в нескольких примерах, помимо *Letaude*, отмечен, ср. *Ayskawde* при *Ayskut*, *Gvlaude* при *Pagawle* (см. APN 185); известен он и в литовской топонимике, ср. *Ragaudà* при *Raguvà*; *Giraudà*, *Giraudas* при *Girijà* и т.п. (Liet. hidr. 97—98; LKŽD 100), а также апеллятив *skeliáuda*.

{**let-av-*}, ср. Nom. рг. *Letauwe* (APN 52). — К корню *let-* см. {**let-*}, {**let-i-*}, {**let-aud-*}; к суф. *-av-* ср. *Gawdawe*, *Girdaw*, *Glandaw* и т.п.; характерно, что этот суф. появляется в разных графических вариантах: *-aw*, *-awe*, *-auwe* (в Nom. Sg. *-aus*), /и *-ow* даже *-ewe*; к *auwe* (как в *Letauwe*) ср. *Gedauwe*, *Geydauwe*, см. APN 165. — Кажется, прусск. **let-av-* находит довольно точные соответствия в латышском ономастиконе, ср. лтш. *Mattis Lettow*, 1523; *Jacob Lettouwe*, 1522; *Barbara Lettowesche*, 1507; *Kateryn Lettousz*, 1514; *Gerke Lettousche*, 1520; *Merten Lettow*, 1529 (LPV 1, 204). — Соотношение **Let-aud-*: **Let-av-* сильно напоминает уже приведенное лит. *Rag-audà*: *Rag-uvà* и вместе с тем отсылает к этнонимическому названию Литвы с суф. *-av-*, неоднократно засвидетельствованному в старых источниках; ср. формы *Litha uia* (1481, Краков,) *Литавия* у М. Смотрицкого, *Littavia* (1588—1619,

Вильнюс), *Littaviae* (в поэме И. Радвана "Радвилада", 1588, Вильнюс) и т.п., см. Kuzuavinis Kalbot. 10, 1964, 11—12; Непокупный Baltist. 7, 1971, 54; Балт.-сев.-слав. 1976, 157 и др. Поскольку же *Let-* не только теоретически, но, видимо, и практически может передавать и *Leit-*, и *Liet-* и даже при некоторых обстоятельствах *Lit-*, возникает соблазн видеть в прусск. **let-av-* нечто вроде *Leit-ava (*-ave*), т.е. землю, населенную соответствующей этнонимической группой, в первую очередь и во вторую — обозначение того, кто населяет ее, является выходцем оттуда и т.п. Ср. блр. Nom. рг. *Літвін*, *Літвінаў*, *Літвіно́віч*, *Літві́нка*, *Літвіню́к*, *Літві́нка*, *Літвінчу́к*, *Літвінчы́к*; *Ліцвін*, *Ліцві́наў*, *Ліцвіно́віч*, *Ліцвіно́к*; *Літві́нец* и т.п. (Белар. антрап. 2, 253—254), укр. *Литвин*, *Литвинович*, *Литвиненко*, русск. *Литвинов*, *Литвинцев*, *Литовцев*, *Литовченко*; польск. *Litawa*, 1485; *Litwa*, 1372; *Lythva Petrus*, 1472; *Matis Litpha de Wesselisko*, 1483; *Litwan*, 1441; ... *Andree Litwani*, 1335; *Pertus, Lythwanus gener cum uxore sua*, 1357; *Litwin*, 1389; *Litwinek*, 1487; *Litwiniec*, 1487; *Litwinowa*, 1399; *Litwinowicz*, 1374; *Litwinowska*, 1454; *Litwinowski*, 1452; *Litwińcowa*, 1441 и др. (Słown. starog. nazw III, z. 2, 271—274) и т.п. — Разумеется, предлагаемая здесь трактовка лишь из возможных гипотез, связанных с поиском возможных отражений этнонимических обозначений в прусских материалах. Она пока не может зачеркнуть объяснение (тоже отчасти гадательное), данное в связи с {**let-*}. —

{**let-i-*}, {**let-io-*}, ср. Nom. рг. *Letyo*, 1292 (PU 2, 368). APN 52, 164. — Названия с суф. *-io-* (как и *-iā*, *-ijā*) в прусской топонимике очень часты, ср. *Curtio*, *Bandyo*, *Blisio*, *Bursio*, *Glindio*, *Grawdio*, *Clausio*, *Spandio*, *Sclodio*, *Tasio*, *Windio* и т.п. Этот словообразовательный тип вообще глубоко укоренен в балт. языках. — Что касается корневого *let-*, то оно скорее всего связано с разобранными выше прусскими личными именами (см. {**let-aud-*}, {**let-av-*}) и топонимом (см. {**let-*}), и также чреват изложенными выше неясностями.

letj 'дождь', в польско-являжск. словарике (20: 'deszcz'), см. БСл. Иссл. 1983. 1984, 6, 15. — Характерно, что ближайшие соответствия в вост.-балт., ср. лит. *lietus*, лтш. *lietus*, тогда как в прусском в этом значении выступает *aglo* (Э 47), ср. также *suge*. Г 49 ('Reynen'). Но слово для дождя в самландском диалекте остается неизвестным, а наличие глагола *lieiton* 'лить' делает довольно вероятным предположение о возможном обозначении дождя словом этого корня. Вокализм *letj* отражает непоследовательность в передаче дифтонга *ei*.

{**leuk-en-ik-* (?)}, ср. *Leukeniken*, 1301 (PU 2, 477); *Lawkeniken*, ок. 1405, позже — *Lauknicken* (APON 87). — См. {**lauk-en-(-in-)-ik-*}, *laukinikis*. — Форму корня *Leuk-* нужно отнести скорее всего к числу графических случайностей.

{**lev-*}, ср. Nom. рг. *Lewe*, 1420 (APN 52). — См. также {**lev-it-*}, {**lev-it-ij-*}, {**lev-in-*}. — Траутман приводит в качестве параллели Nom. рг. лит. *Rimšis Levaitis* (*Lewojtis* см. Būga RR I, 204). В целом неясно, но едва ли возможно игнорировать широко распространенный в примыкающих к Вост. Пруссии ареалах типе имен на *Lev-*,

"льзиных" по происхождению (ср. *Leo*, Λεωντ-), но втянувших в свою орбиту и кое-что из того, что ранее сюда не относилось. Ср. ст.-польск. *Lew, Lewa, Lewe* (1396, 1402); *Lewek, Lewko, Lewk; Lewic, Jan Lewiz* (1427); *Lewic(s)ki, Lewiec, Lewiec(s)ki, Lewin, Lewinowa, Lewis(z), Lewita* (Stanislaus Jacobi Leuite de Lubin, 1495); *Lewka, Lewkow, Lewkowa, Lewkowicz(z), Lewkowski* и т.п. (Słown. starop. nazw III, z. 2, 252—255); блр. *Лев, Лёвы, Лявѣх, Лёвѣчаў; Ляўкó, Ляўкóў, Ляўковѣч, Ляўкѣвѣч, Ляўчóнак, Ляўчэня, Ляўчук; Левік; Левіт, Лявіцкі* (Белар. антрап. 2, 249 и др.); ст.-русск. и русск. *Левичев, Левков, Левкович, Левченко, Левчуков, Левитов, Левитин, Левитский, Левицкий, Левит* и т.п. Если прусск. *lev- связано с этим кругом примеров, то оно отражает поздний период культурных влияний, связанных уже с процессом христианизации. Отчасти это относилось бы и к топонимам, произведенным от личных имен (но оно в ряде случаев могло быть произведено и от слав. Adj. *lěvu*, см. Nazwy Póln. Maz. 1957, 240). Но вместе с тем (и это прежде всего касается топонимического и гидронимического материала) прусский, как и другие балт. языки, знает элемент *Lev-*, несомненно, иного происхождения. Речь идет прежде всего о таких примерах, как лит. *Lėvuõ, Lėvenėlis, Lėveñciupis* (LUEV 90: Liet. hidr. 125, 184, 143; LHEŽ 187; положение гидронима *Lėvas* не вполне ясно); ср. *Palėvenė* (трижды), *Palėvenis, Palėveniai, Palėvenėlė, Palėveniėčiai* (LATSŽ 220; Būga RR II, 297—298, с этимологическими разъяснениями); лтш. *Lėvies pl., Lėves-celite, Lehwes*, 1858; (LV I; 2, 304), и об апофонических вариантах этого же корня, представленных, напр., в лит. *Liūnai, Liūnėliai, Liūniškės* (LATSŽ 164); *Liūnai, Liūnas, Liūnėlis, Liūnėliai, Liūnaitis, Liūnaitėlis, Liūnupỹs, Liūnuj upėlis* (LUEV 94; Liet. hidr. 36, 78, 114, 118, 237, 271; LHEŽ 194); лтш. *Luņina pl.* (LV I, 2, 361); м.б., даже лит. *Liaunai* (LATSŽ 159); лтш. *Launais-kalns, Launā-sala, Launais-purvs* (LV I, 2, 359); лтш. *Lūne* (I, 2, 352); лтг. *Luņi, Луни* (PN Latg. 293), о {*Liv-in(-en-)*} см. далее. Несомненно, сюда же относятся и днепр. *Левень* в басс. Десны (ЛВБП 164, 192; м.б., и *Левочь*, южнее Припяти; ср. *Левачі, Левѣнка* и др. СГУ 311; о прусск. *Lewencz* (APON 90) см. {**liv-ent-*}. Ср. также польск. *Lewice, Lewiec, Lewicka Góra, Lewieńska Struga, Lewin, -o, Lewno, Lewkowo* и т.п. (Słown. geogr. PZP 1, 160—161); *Lewicy, Lewiczyn, Lewiczyno, Lewino* и т.п. (Zierhoffer Nazwy Póln. Maz. 240) и др. Это многообразие вариантов восходит к продолжениям и.-евр. **leu-/*lou-/*lū-*, разделенным у Покорного (I, 381—383) на несколько разных корней, однако без должной проработки материала каждой группы и без попытки установления связей между ними. В случае прусск. *lev-, особенно в топонимическом использовании, наиболее надежным проводником служат вост.-балт. апеллятивы, ср. лтш. *lėvenis, lėvenis* 'топь', 'трясина' (ME 2, 455, 463—464; EH 735, 739), *ra-lėvene*, лит. *liūnas* 'трясина', 'зыбун' (LKŽ 7, 613); ср. также лтш. *ļuvens, ļuvenis* и под. Когда речь идет об обозначении чего-то зыбкого, тонкого, неустойчивого, целесообразно иметь в виду и.-евр. **leu-* в значении 'оставлять', 'ослаблять', 'распускаться', 'становиться вялым' (Рок. I, 682—683; LEW 362—363, 380—

381; лит. *liūti/s/* 'переставать', лтш. *ļaut/iēs/*; лит. *liūnas* 'грязь', 'топь', 'болото', лтш. *ļūns, ļūnis, lėvenis* и т.п., но и *lėvenis, lėvenis, lėvenis* как обозначение кучи чего-то, собрания остатков, большого количества) или же и.-евр. **leu-* 1 'грязь', 'грязнить', 'пачкать' (Рок. I, 681). Очевидно, сюда же относится и русск. диал. *лѣва*, обозначающее "низкое, мокрое место в лесу или на острое; зыбкий островок, плавучую трясиину" (СРНГ 16, 219) и лтш. *lėvns* 'плоский', 'низменный', 'неглубокий' (*lėvi lauki*. EH 739), точно отвечающее прусск. *lev-. Но, собственно, и и.-евр. **leu-* 2 'отрезать', 'отделять', 'освобождать', 'отпускать' ('*loslösen*'), Рок. I, 681—682, в ряде случаев обнаруживает бесспорные связи с некоторыми формами и смыслами, указанными ранее или такими, которые могут быть сюда же отнесены, ср. Куркина Этимол, 1973. 1975, 42—43. — С некоторыми из этих балт. названий сравнивают фрак. -λεβας [**lev-*] в Αβρο-λεβας (Thr.-Dak. 1969, 14, 89: с реконструкцией фрак. **leva/s/* 'болотистое место', 'трясина'); кельтск. *Lev(-en)* зафиксировано в ряде "центрально-европейских" гидронимов, ср. *Leven* (многократно), *Leuen, Lyne* в Англии (Ekwall Engl. RN 1928, 250—252 и др.), ср. LHEŽ 187.

{**lev-ent-*}, см. {**liv-ent(-jo-)*}.

{**lev-in-*}, ср. *Lewin*, 1341, лес (APON 88). — См. {**lev-*}, {**lev-īt-jo-*}, м.б., {**lev-īt-*}, {**lev-ent-*}, {**liv-ent(-jo-)*}. — Ср. к зап. от Вислы *Lewinno* (Brauer Pruß. Siedl. 1983, 57); *Levin, Lewin, Lewinno, Lewino, Levenstorf* (EOSON I, 28, 92, 96, 129, 184; MH 93, 96), а также мазов. *Lewino* (hereditatem suam siue villam Leuingo, in dstrictam Wisnensi sitam, 1428. PPr. V, N 623; Nazwy Póln. Maz. 1957, 240: *Lewino*, "владельческое название от Nom. pr. *Lewa, которое само по себе не всегда и не вполне ясно; Halicka Nazwy Biał. 1976, 104); мазур. *Lieweniec*, озеро, ранние формы названия которого — *Levencz*, 1323 (PU 2, № 437), *Lewencz*, 1330 (APON 90; Słown. nazw. Mazur II, 326, см. {**lev-ent-jo-*}, {**liv-ent-jo-*}; *Lewin, Lewin Brzeski, Lewin Klodzki, Lewino (Levin See), Lewińska Czuba, Lewieńska Struga, Lewno* и др. (Słown. geogr. PZP 1, 160—161; эти названия, судя, в частности, по их немецким эквивалентам, могут быть и разного происхождения); висл. *Lewientyn (Läventin See), Lewencz* (HW 488, 794) и др. — Наличие суф. -in- (: -en-) отмечено в соответствующих (возможно, в случае, когда эти названия не от личного имени) апеллятивах, ср. лтш. *lėvins* "zum Trosknen ausgebreitetes Heu" (вм. *lėvenis*), *lėviņš* (к *lėvenis*) ME 2, 464; EH 739 (о двух значениях этих слов — 'трясина', 'топь' и т.п. и 'куча', 'набросанное', 'большое количество' см. выше), а также в слав. апеллятивах и гидронимах. Ср., с одной стороны, русск. диал. *левино* 'заливной луг' (*Левино* — значит водой заливається), которое, как и *лѣвень* 'ливень' (СРНГ 16, 307) связано с глаголом *лить*, (за)ливать, а, с другой, с окск. *Левинка, Левин* и др. (Гидр. басс. Оки 44, 216 и др.), которые, разумеется, могут объясняться по-разному.

{**lev-īt-*}, ср. Nom. pr. *Lewute*, 1401 (APN 52). — См. {**lev-*}, {**lev-īt-jo-*} и др., где указаны и личные имена типа *Lev-īt-*, остающиеся в том, что касается их происхождения, не вполне ясными. Следовательно,

нельзя быть уверенными и в характере их связи с топо-гидронимическими примерами.

{*lev-īt-(jo-)}, ср. *Lewytigen*, 1275; *Lewieten*, 1419; *Lewythen*, 1425, позже — *Lewitten* (APON 88). — Герулис сравнивает с прусск. Nom. рг. *Lewyte*, расширенным суф. -ij- (: -i-). — Наличие суф. -īt-ij- / -īt-jo- образует характерную общую черту балт. и слав. "владельческих" названий (ср. лит. *Barstyčiai* и под. LKŽD 355). В этом смысле *Lewytigen* точно соответствует польск. *Lewice*, *Lewicy* (*Leuicze*, 1357) и др. — и далее — *Lewiczyn*, *Lewiczyno* и под. (Nazwy Półn. Maz. 1957, 240). Этот патронимический тип, намеченный в прусском ареале (*Wope: Wopitigen* и под.), охватывает всю Славия вплоть до ее южных пределов (см. Rospond Południowosłow *-itj-. 1938 и др.). Другой функционально близкий способ топонимического словообразования объединяет также балт. ареал со Славией (-išk- / -isk-; -ьsk-, см. Rospond Słow. nazwy. -ьsk-. 1969 и др.), ср. прусск. *Leylisken*, *Bawsiske*, *Dobirsisken* при лит. *Lėviškiai* (LATSŽ159) и т.п. В обоих случаях наблюдается известное единство всего балто-слав. ареала в отношении типов его освоения с помощью поселений. Если исключить вполне институализированные названия (и соответственно тип поселений) на -išk- вдоль литовской этноязыковой границы (о чем см. Safarewicz Bull. Intern. Acad. Polon. 1940—1944, 1945, 7—8 и особенно Sprawozd. PAU 48, 1947, 45—46 = Studia językozn. 1967, 257—259, с картой, и др.), то окажется, что слав. ареал -īt-jo- и -ьsk- отличается от балт. не только в несколько раз превосходящей его обширностью, но и несравненно большей унифицированностью, — два признака, свидетельствующие о более позднем, более быстром и регулярном распространении типа.

Ībaj 'губы', в польско-являжск. словаре, 110 ('wargi'). — Зинкявичюс БСЛ. Иссл. 1983, 1984, 15 сопоставляет это являжское по идее слово с лит. *lūpos*, лтш. *lūpas*, подчеркивая, что прусский располагает для губ словом иного происхождения — *warsus*. Едва ли верно его объяснение корневого *i* при *u* в вост.-балт. по аналогии с *lauma* вместо *laima (о чем см. выше). Зато уместно предположение о том, что здесь речь идет скорее о германизме (ср. нем. *Lippen*). Необходимые разъяснения см. Schmid IF 91, 1986, 274, 276, 277. Конечное -ai, имеющее параллель в *barnaj* 'dzieci' (101, ср. лит. *bernai*), представляет собою флексию Nom. Pl. masc., известную в соответствующем типе основ в литовском. Отмечается характерное и в ряде других случаев расхождение по грамматическому роду. Польск. *warga*, нем. *die Lippe*, лит. *lūpa* — все fem. Флексию masc. -aj Шмид объясняет из литовского идиш *lup*, заимствованного из лит. *lūpa*. Но это *lup* не получило флексии Plur. -n (*lipn), как в немецком (см. Lemchenas Liet. įtaka žydu tarm. 1970, 97). Поэтому *Ībaj* предлагается рассматривать как "ложно литуанизированный Plural от идиш *lup*". К переходу *p > b* ср. польск. *łapa* > идиш *łabu* (см. Mieses Jidd. Spr. 1924, 58). Форма единств. числа *lip* отмечена в пинском идише (Beranek Pinsker Jidd.

1958, 21]. Утрата же конечного -a в *lup* / *lip* зафиксирована в словарице неоднократно, ср. *kaj 'noga'* (: лит. *kója*), *lapj 'lisa'* (: лтш. *lapsa*) и др. *lyda*, см. *liede*.

liede 'щука'. Э 561 ('Hecht'). Nom. Sg. fem., в довольно обширном словарице названий рыб (Э 560—585); — *lyda*. Гр.-Г 70 ('Hecht'); в других рукописях словарика Грунау — сильно испорченные формы: *meida*. Гр. (ркп. Кёнигсб. ун-та, см. APSpr.) 30 ('hechtt'); — *Meida*. Гр.-Кип. 21 ('Lucius'); — *ageida*. Гр. (ркп. С, копия Больша, ок. 1750 г.); — *heida*. Гр. (ркп. Н, опубликованная Харткнохом). Nom. Sg. fem. — Название щуки (*Esox lucius*) является одним из немногих общебалтийский терминов, известных из прусск., литовск. и латышск. языков. Но оно принадлежит и к еще более узкому кругу ихтиологических названий, которые в отличие от тоже общебалтийский наименований лосося, сома, линя, угря, уклейки и т.п. к тому же являются, так сказать, "эндемичными" названиями, не имеющими параллелей вне балтийских языков. — Графическое *ie* в *liede* фонетически обозначает *i* (см. Mikkola AfslPh. 39, 1925, 140; SPV 203 и др.). В испорченных обозначениях щуки из четырех рукописей Грунау фиксируется *ei* в корне, что может быть истолковано как результат дифтонгизации долгого *i* (> *ei*). Беценбергер GGA 1874, 1245 предложил для *meida* эмендацию в виде *lieda*. — При общебалтийском характере прусск. *liede* оно уникально принадлежностью к основам на -ē (подобно *addle*, *saule*, *same*, *riste*, *iuse*, *nadele* и т.п.); любопытно, что к этому же типу склонения относится и целый ряд названий животных (*alne*, *bitte*, *gerwe*, *caune*, *geguse*, *lape*). Другая важная особенность, выделяющая прусское название щуки среди других — отсутствие суф. -ka, который за редчайшими исключениями характеризует это слово в вост.-балт. языках (к суф. ср. Эндзелин СБЭ 1911, 93; Bugg RR I, 456; Specht Urspr. 203, 245). — Поэтому ближайшими соответствиями прусск. *liede* нужно признать бессуффиксальные литовские диалектные формы *lydys* (*Ly d ž i a i peršti pavasari*. LKŽ 7, 408) и *lydis* (в LKŽ не отмечено). В отличие от ряда выше проанализированных случаев подобных прусско-литовских параллелей, когда литовские соответствия группируются исключительно на юго-западе литовского языкового ареала, в данном случае положение иное, и литовские бессуффиксальные названия щуки расположены в полосе, идущей с юго-запада на северо-восток. Форма *lydys* записана в Шилутск., Шакайск., Вилкавишкск., Мариямп., Варенск. и Тракайск. р-нах вдоль юго-зап. и южн. границы Литвы; далее к сев.-вост. эта форма фиксируется в Кельмск., Расейняйск. р-нах, еще далее — в Укмергск., Аникшч., Молетск., Паневежисск., Пакруойск. р-нах (*lydis* — в Расейняйск. и Кайшядор. р-нах). См. Liet. k. atlas. I, 154, карта № 80. Но более обычны названия щуки с суф. -k. Среди них наиболее распространены *lydekà* (ср.: Per Juozapà lydekà su uodegà ledà pramuša), *lydėkas*; ср. также *lydėkė*, *lydėkis*, *lydakà*, *lydākas*; *lydekāitė*, *lydekāitis*, *lydekaītis*, *lydakaītis*, *liudakaītis*, *liudākas*, *lydōkas*, *ledōkas* (Užusaliai, Йонавск. р-н,

ср. выше сопряжение *lydeka* — *leda*), *laidōkas* 'большая щука' (Liet. k. atlas. I, 154 классифицируется как возможный шутливый окказионализм) и даже *laibōkas* (см. LKŽ 7, 24, 401, 402—403, 598; Širvyd. Dict. I, 164; 3, 434; Lex. Lith. 46a; Šiaur. ryt. dūn. žod. 174—175 [*i'dieje /vyskupas/ valōncos li'dē'kū'n rāide e palē'ida i' lū'ksta...*]; Laz. tarm. žod. 146; Liet. k. atlas. I, 154, карта № 80 и др.). Нужно также напомнить о литовских славизмах в обозначении щуки — *ščiurōkas*, *žčiurōkas*, *ščiurakas*, *(š)čipōkas*, *žčerōkas* и т.п. (при блр. *шчупак*, польск. *szczurak*), употребительных прежде всего в южной и восточной Литве по Невежис, лишь частично переходя его к западу (Liet. k. atlas. I, 154, карта № 80); в старолитовских источниках эти славизмы не засвидетельствованы (см. Skardžius LehnW. TŽ 7, 1931). — Латышские названия щуки не менее разнообразны, но бессуффиксальных среди них нет. Наиболее распространена форма *līdaka*, но употребительны и другие, прежде всего *līdaks* (Дундага, Вайнижи, Светциемс, Салацгрива), объясняемое иногда характерной чертой ливских говоров латышского языка, состоящей в вытеснении женского рода формами мужского рода (см. Endzelīns LVG 1951, 461—464; Rudzīte Latv. dial. 1959, 204—205; ср. Laumane Zivju nosauk. 1973, 121). Но наличие форм мужск. рода в верхнелатышск. (*leidaks*), куршск. (*līdaks*, см. Benecke Fisch. OWPpreuß. 1881, 165; ср. *līdaks*. Kurisch. Wb. 47) говорах, как и в литовск. языке, делает такое объяснение не обязательным, во всяком случае не при всех условиях. Широко используется в говорах форма *līdēka*, к которой существует и "мужское" соответствие — *līdēks* (соответственно употребляются и диминутивные образования — *līdecīņš*, *līdecīziņa* и *līdadziņa*, *līdecīņa* и *līdecīņš*; диминутивы, но иного типа нередки, в частности, в фольклорных текстах, и в литовском). В говорах известны формы обозначения щуки с иными вариантами суффиксов, напр., *līdacis*; *līdaga*, *līdags*; *līdekla*, *līdek-le*. С основанием реконструируется для прошлого и форма **līdecis* (ср. в Видземе *Līdecis ežers*, *Līdece upe*), ср. также лит. *lydēkis*, *lydēkė*. См. ME 2, 477; EH 745; FBR 3, 1923, 96; 14, 1934, 84; Matīss Rīgas Latv. biedr. Zin. 9, 1894, 94; Erg. izl. vārdn. 2, 216; Dign. izl. 24 (*l'ēf-dāka*); Dambe Dial. leks. 2, 1986, 125 и особенно Zivju nosauk. 120—125. Ранние источники фиксируют форму *līdēka* уже с XVII в. (Phræseol. Lettica Манцеля, 1638, 286; LVV Лангия, 1685, 142). Во второй половине XVIII в. зарегистрированы и формы мужск. рода — *līdēks* (Vollständ. D.-L. u. L.-D. Lex. Ланге, 1777, I, 303; II, 177; Lett. Lex. Стендера, 1789, I, 389. О других латышских названиях щуки см. подробнее в книге Лаумане (122—124); в некоторых из них присутствует элемент *līdēk-/līdak-*, ср. *lašaina līdaka*, *apriļa līdakas*, *māras (maru) līdakas*, *kūlas līdaka*, *lēpu līdakas*, *zāļu līdakas*, *vaļžu līdakas*, *vaļžlīdagi*, *vaļžlīdaki*, *kuņņu līdakas*, *kuņļlīdēka*, *pļosovās līdakas*, *līdaku mačka* (букв. — 'щучья матушка'), но особое внимание привлекают названия, в которых сопрягаются два мотива — щуки (*līd-*) и льда (*lēd-*), ср. *lēdaiņās līdakas*, *lēdus līdakas*, *lēdslīdagi*, *lēdslīdēkas*, *lēdlīdakas*, наконец, просто — *ledene* 'Hechte, die unterm Eise, also schon früh laichen, ledine, pa-

ledine, *pelēdne*, *paledē*, *zēmlēdne*, как и русские заимствования типа *podlodņica*, *podlēdnicas*, *podlēdniki*, *podlankas* (: *подлѣдница* и т.п.). Сочетание этих двух мотивов ("щука, пробивающая в определенный временной момент хвостом лед", ср. выше пример из литовского, а также в латышском, ср.: *tās lēdus līdakas jāu zēm lēdus iziētuoti*; *lēdus līdaka i tā, kas nāstruōjas zēm lēdus* и др. Erg. izl. vārdn. 2, 216 и др.), поддержанное в вост.-балт. фразеологизмах и предложениях, близких к паремиям, вполне вероятно имело место и в прусском (**līd-* & **lēd-*) — тем более, что в ряде славянских языковых традиций и поверий эта же микротема реализуется и без поддержки фактора звуковых притяжений (ср. русск. *Щука хвостом лед разбивает /весной/*. Даль⁴ 4, 1512). Менее надежны, хотя, возможно, и не менее вероятны, учитывая данные в смежных ареалах, и такие фразеологически-паремийные реконструкции, которые опираются на примеры типа лит. *Tam ir lydeka prūde, kad karosas nesnaustu*, лтш. *kad līdaka dīķī, tad karūsas nesnauž* или русск. *На то щука в море, чтоб карась не дремал* и т.п. — Дополнительный материал к "щучьей" теме может быть извлечен из вост.-балт. гидронимии и топонимии, ср. лит. *Lydėkiai* (дважды), *Lydėkininkai*, *Lydėkupė* (LATSŽ 159); *Lydėkis*, *Lydekėlis*, *Lydėkinė*, *Lydekiniš*, *Lydekupis*, *Lydėkžiogė*, *Lydėkžiogis* (LUEV 91; Liet. hidr. 65, 125, 158, 164, 229, 255; LHEŽ 188); лтш. *Līdaka*, *Līdakas*, *Līdaki*, *Līdaku-atvars*, *Līdaku-sala*, *Līdaku-tilts*, *Līdaku-straits*, *Līdaku-valks*, *Līdēku-ežers*, *Līdak-ežers*, *Līdak-purvs*, *Līdak-valks*, *Līdēk-kruogs*; *Līdacis ez.*, *Leidacis ez.*, *Līdači*, *Līdaces*, *Līdaču-ežers*, *Līdač-ežers*, *Līdecis ez.*; *Līdācene pl.*, *Līdecene pl.*, *Līdaciņa*, *Līdaciņa pl.*, *Līdēkājs* (LV I, 2, 317). Возможно, "щучьи" имена были известны и в балт. ономастике (ср. лтш. *Lidack Mathias*, *Liedeck Metz*. LPV I, 205); в соседних славянских традициях они были хорошо известны. — За пределами балт. языковой традиции сколько-нибудь надежных соответствий балт. **līd-* (*-ek-*, *-ak-*) нет. Предложенная недавно трактовка слова *лидиѣ* в фрагменте *А нине есеме к тобѣ рибоко послала. А во Шуѣ ни лидиѣ ни ловоу* из новгородской берестяной грамоты № 131 как обозначения щуки (автор грамоты, предполагается, прусс), см. Schmalstieg Baltist. 18, 1982, 58—60, не нашла поддержки: "возведение этого *лидиѣ* к древнепрусскому *līede* 'щука' представляется нереальным как из-за фонетических трудностей (конечное *-ия*), так и из-за странности предполагаемого смысла данного места" (Зализняк в кн. Новг. грам. берест. 1986, 191). — Поэтому определение этимологии слова *līede* должно опираться или на внутрибалтийские данные или сразу же на поиск и.-евр. этимона. Наконец, есть и третье, негативное, решение — отказ от этимологии и ограничение своих задач выстраиванием ряда балт. соответствий. Собственно, таким решением и ограничились авторы наиболее авторитетных собраний прусской лексики и этимологии (см. Thes. 1873, 93; APSprg. 370; SPV 203). Ориентация на и.-евр. этимон нашла отражение в попытке Левенталя WS 10, 1927, 150 возвести балт. название щуки к и.-евр. **līdīdā*, отраженному в готск. **wlaiton* περιβλέπεσθα, 'оглядывать(ся) вокруг', засви-

детельствованном в 3. Sg. Praet. *wlāitoda* (Mk. 5, 32), ср. *wlits* прощопов, ὄψις, μορφή, и в др.-англ. *wlātian* 'установиться' (= 'пристально смотреть'). Сюда можно бы было добавить др.-англ. *wlitan*, др.-сакс. *wliti*, др.-фриз. *wlīte*; др.-исл. *litr* (: *lita*, *leita*) и, конечно, готск. *andawleizn* прощопов. Согласно Левенталю, значение и.-евр. **ylēidjā* 'пристальное наблюдение', 'подстерегание', 'подкарауливание' ('Lauern') как отражение характерного свойства щуки-хищницы (примерно ту же семантическую мотивировку он видит и в русск. *щюка* < **skēu-kā*, ср. ср.-н.-нем. *schūlen* 'укрывать', 'подкарауливать' и т.п., ирл. *cúil* 'secessus', лат. *obscurus*), ср.: "... das ist eine Flosse vom Hecht. Wie er lautlos lauert..." (Böttiger. Erlebn. 1919, 225); в несколько ином плане ср. соотношение *щурёнок* (молодь щуки) и *щурить(ся)*. Если этимология Левенталья не была принята к сведению (о ней обычно даже и не упоминают) в связи с балт. названием щуки, то выявление хотя бы потенциальной семантической мотивировки обозначения этой рыбы представляется существенным — тем более, что мотив зрения отсылает и к мотиву зримого, т.е. цветовой характеристики щуки (отталкиваясь от лат. *obscurus*, можно конкретнее думать о **skeur-* > *щур-*). В народной традиции цвет щуки — важная ее характеристика. Мотив "пристального смотрения" щуки, смотрения до рябизны в глазах, напоминает о рябой, пестрой или серой щуке (даже темной, ср. *темная рыба* 'щука'. Слов. назв. рыб. 1972, 121 или, наоборот, лат. *lūcius* 'щука' /Авзоний/, т.е. 'светлая'), ср. лит. *Buvo mes-ti į upelę, į gilijį ežerelį; aš ten būčiau su žuvelėms, su margosėms lydekelėms; Kas būtų žvieję, būtų sužvieję per margą lydekėlę; Marga lydekėlė Minės upelėj — ta bėga be kojelių; Tame ežeraity marga lydekaitė* и т.п. (LKŽ 7, 402). Но, конечно, чаще название щуки мотивируется тем, что из речных рыб балто-славянского региона она — хищница по преимуществу, чему соответствуют и некоторые характерные физические черты — заостренность головы, острота зубов, резкая внезапность нападения на любую жертву и т.п. Этими чертами объясняется то, что англ. *pike* 'щука' семантически связано с острием наконечника, пикой, копьем и т.п.; нем. *Hecht* 'щука' с *hacken* 'колоть', 'рубить', *Hacke* 'кирка'; франц. *brochet* 'щука' с *broche* 'шило', 'вертел', 'спица' и т.п. И даже русск. *щучить*, *ущучить*, *прищучить*, производные от *щюка* как бы возвращают себе тот исходный смысл, который не прояснен в слове-основе, а именно — 'на-колоть', 'за-цепить', как бы 'поймать жертву на острие' (в отличие от лит. *lydekauti*, *lydekinėti* 'ловить щук' и не более). В этом контексте семантических мотивировок, пожалуй, и стоит рассматривать вопрос об этимологии прусск. *liede* и — шире — общебалтийского названия щуки. Пока в активе, по сути дела, лишь разъяснение Френкеля, очень важное в своем исходном пункте, но все-таки скорее лишь намеченное, чем доведенное до конца. Он предполагает (LEW 364, ср. и 363), что эти балтийские слова для щуки могли ("dürften") принадлежать к тому же ряду, что и лит. *lūdis*, о резком движении, скачке, броске, внезапной атаке (к значениям *lūdis* см. LKŽ 7, 408), ср. своего рода "этимологические фигуры" типа *lydžius laidyti* 'smarkiai bėgti' 'važinoti'; *paleisti lūdi* 'smarkiai varyti' (arklius); *atleisti lūdi* и т.п., причем само это *lūdis* связано и с глаголом *lydavoti* (суф. из слав., см. Fraenkel ZfsPh. 23, 1955, 335), который значит 'прыгать', 'гоняться' и т.п. В отношении *lydavoti* в связи с проблемой обозначения щуки Френкель считает диагностически важным контекст фольклорного происхождения *Mėlynasis karvelėli, kur tu lakinėjė? / Geltonasis karošėli, kur tu lydavojė?*, который снова неявным образом отсылает к теме щуки, причем двояко — *lydavojeje* ⊃ *lydekā* и *karošėlis* 'карасик' ⊃ *lydekā* 'щука', о связи которых в мотиве см. выше. Нужно только добавить, что во всей рассматриваемой зоне карась передается в принципе "единой" формой — лит. *karšas*, лтш. *karusa*, блр. *карас(ь)*, русск. *кара́с(ь)*, нем. *Karausche*, а щука — разными: прусск. *liede*, лит. *lydekā*, лтш. *līdaka* (-ēka), блр. *щупак*, русск. *щюка*, польск. *szczupak*, нем. *Hecht*. Нужно ли понимать Френкеля в том смысле, что обозначение щуки мотивируется ее агрессивностью, тем, что она бросается, прыгает (*līd-*) на свою жертву, делает это незамедлительно, как бы в один присест (ср. *vėnu lydžiū : leisti* [?], см. LEW 364; Zinkevičius Liet. k. kilmė 1, 1984, 230; прыжок карася — *kur tu lydavojėje* — как бы продолжение, в попытке спастись, прыжка щуки в сторону карася) или как-то иначе, — сказать с определенностью трудно. Тем не менее важно эксплицировать некоторые возможности, кроющиеся в сопоставлении Френкеля. Прежде всего нужно отметить, что, помимо "принципиально" именных образований на *-eka* и под. (ср. лит. *bernėkas*, *-ėkas*, *žmogėkas* и т.п.), существует и такой словообразовательный тип, где подобный суф. соотносится с глаголом (ср. *marmėti* — *marmākas*, *marmėklis*; *melėti* — **melekas*, откуда *melekėlis*; *pelėti* — *pelėkas* и т.п., см. LKŽD 125—127; Otrębski GLit. 2, 1965, 274—276 и др.). Принимая этот тип во внимание формы, подобные лит. *lydekā*, как бы производны не только от именного **līde* (прусс. *liede*), ср. лит. *lydys*, но и от глагольного *lydėti* (по крайней мере, соотносены с ним), которое наряду с значением 'проводить' имеет еще и специализированное значение 'следовать взглядом' (*lydėti akimis*), т.е. 'пристально, безотрывно следить', иначе говоря, совершать то действие, которое (по Левенталю) мотивирует само обозначение щуки. Но и сама щука — преследовательница, сопровождающая жертву до ее гибельного конца: от щуки не уйти, не спастись, ибо, как говорит опыт, *lydeka puola visus vandens gyventojus, kuriuos tik gali įveikti* — и еще — *Į lydekės gerklę pašliautina žuvis įein ir prieš neišein* (LKŽ 7, 402). Подстерегая свою жертву, карауля ее, то есть, оставаясь на месте, но следуя за нею взглядом (*lydėti*), щука до поры поджидает, как бы медлит, мешкает (*lydauti*, 1), уступает инициативу в действии (*lydauti*, 1, *nu-lėisti*), позволяет жертве спокойно прогуливаться (*lydauti*, 2, ср.: *Leisk, broleli, žirgelį in lygiają lankelę — tegul žirgas lydauna, o mergelė paauga*) на виду, но в нужный момент, вдруг щука резко оставляет (*ap-lėisti*) свое место наблюдения, напускается (*lėis-tis*) на жертву, бросается-кидается-прыгает (*lūdis*, *lėisti*) на нее (кстати, крыловс-

15. Зак. 466

кое *И Щуку бросили — в реку!* могло бы быть переведено на литовский как *Ir lydi (lydeką) leido — į upę!* с актуализацией внутренней формы балтийского обозначения щуки). Значения 'пустить(ся)', 'напустить(ся)', 'бросить(ся)', 'кинуть(ся)', 'метнуть(ся)' как раз и реализуются глаголами того же корня, что и (видимо) щука, — *léisti, láidyti* (ср. *strelės, akmenis láidyti, laidỹklė* 'праща' и т.п.). Разные глаголы этого корня и разные формы их в сумме своей описывают амбивалентную ситуацию: щука по-пускает жертве, временно отпускает ее, но и на-пускается на нее; бросаясь на нее, она пронизывает жертву, и, подвергшись этому действию, жертва становится пронизанной (*laidūs*), уничтоженной (ср. *lydyti, lydiuoti, lydriuoti* как обозначение сдирания, соскабливания, сгребания, корчевания и т.п.; ср. *lydimas* 'вырубка' и т.п.). Эта описанная "семантическим" языком в его литовском коде "основная" ситуация отношения щуки и ее жертвы постоянно апеллирует к элементу *lyd-* (в разных его апофонических вариантах: *leid-/laid-/lyd-* и под.), едва ли случайно воспроизводящему корень слова обозначающего щуку — прусск. *lid-*, лит. *lyd-*, лтш. *lid-*. В свете этой схемы целое представляется довольно ясным, и балт. обозначение щуки находит себе место в ряду родственных слов, но количество неясных деталей велико, и, главное, остается не выявленным тот решающий узел, который при его распутывании объяснил бы со всей конкретностью характер связи между словом для щуки и "основным" глаголом. — И в заключение — два замечания. Одно из них очевидно — название щуки в балтийских языках (**lid-*), если оно связано с балт. глаголом **leid-*, восходит к и.-евр. **lē(i)-, *lē(i)d-*; **lād-* 'nachlassen' и т.п. (Рок. 1, 666), хотя до сих пор не отмечалось, что с этим же корнем, вероятно, связано и и.-евр. **leid-* в значении 'играть', 'шутить', 'дразнить' (Рок. 1, 666), представленное лат. *lūdō* 'играть' (но и с оттенком поддразнивания; обдурачивания, заманивания, разыгрывания), *lūdus* (ст.-лат. *luidos*), др.-греч. *λίξει· παίξει; λίζουσι· παίζουσι* (Гесихий; из **λινδῖω*, ср. *λινδέσθαι· ἀμμιλλᾶσθαι* Гесихий), *λοίδωρος, λοιδωρέω* 'осыпать бранью', м.б., ср.-ирл. *laidid* 'treibt an, besingt' (**loid-*). Отношения щуки с карасем (или кошки с мышкой), как их представляет себе опыт народной мудрости, очень напоминают такую игру и, в частности, амбивалентность как ее главный нерв. Второе замечание относится к и.-евр. **lei-* 3 (Рок. 1, 662—663), которое обозначает нечто скользкое, слизистое (ср. поверхность щуки, ерша и т.п.) и используется при обозначении ряда рыб (прусск. *linis*, лит. *lynas*, лтш. *linis*, слав. **linь* и т.п.). Но балт. название щуки едва ли нуждается в соотнесении с этим **lei-* 3.

Лит.: Thes. 1873, 93; APSpr. 370; Mikkola AfsIPh. 39, 1925, 140; Loewenthal WS 10, 1927, 150; Эндзелин СБЭ 1911, 93; ME 2, 477; SPV 203; Specht Urspr. 203, 245; Hermann NAWG PlūI.-hist. Kl. 1949, № 6, 162; LEW 364; Vgl. Gr. 1966, 8; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 22; Laumane Zivju nosauk. 1973, 10, 39, 120—122; St. OP 4. 204; Baltist. 18, 1982, 58—60; Zinkevičiul Liet. k. kilme I, 1984, 230; PKP II, 57, 286. — *{*lidē; *lida; *leida ?}*.

lielton, -lielton, см. *palletan, pralleiton*.

{*lig-}, см. *{*lig-eik-}*, *{*lig-ein-}*, *{*lig-(en-) ?}*, *{*lig-en-ūt-}*, *{*lig-is}*, *{*li(g)- & *ged-}*, *{*lig- & *pan-}*, *lijgan, ligint*; *{*na- & *lig-}*. — Ср. Nom. pr. *Nalige* и реконструированное прусское личное имя **Līgis* на основании топонимического прутенизма, сохранившегося в топонимии бывш. острудзского повета (Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169). Ср. деревню *Ligi*: прусск. *Lygen*, 1400 (APON 88; *Liegen*, 1790 (Srt. XVI), от **Lig* (: прусск. *ligint/on-*, *lijgan*, лит. *lyginti, lygus*, лтш. *ligt, ligans, līdz/en/s*, см. LEW 370—371; APN 52, 146) при ст.-лит. Nom. pr. *Līga, Ligi*. Gen. Sg., совр. *Lyg-ys* (: **Lig-is* в прусском), *Lyg-aitis, Lyg-ionis; Lyg-mantas, Lyg-noras* (Liet. antrop. 166). Куршск. *Herman Liegutt*, 1582; *Ligudte Toyeke*, 1582—1585, KF 303 связывает не с прусск. *Ligeyke* или лит. *Lygaitis*, но с лтш. *ligūdt*, лит. *lingūoti* и т.п. из-за того, что есть Nom. pr. *Lyngute*, 1352—1362 (: лтш. *Liegutte*). KF 384. Объяснение допустимое, но не единственно возможное (в частности, остаются не вполне ясными лтш. *Līguti, Līgutu-muiža, Līguts, Līgutiņš pl.* LV 1, 2, 319; лит. *Lygūtės*, от *lygūtė* 'лесной жаворонок', *Lullula arborea, Alauda arborea*; однако можно напомнить, что есть и лит. *lygūtė*, обозначающее ровное место, ровную лужайку, см. LKŽ 7, 488, и даже особый сорт картофеля). — Ср. топонимы и гидронимы — лит. *Lygiai, Lyginiai, Lyginiškis, Lygiosios, Lygumai, Ligėnai, Lygainiai, Lygeikiai, Lygalaukiai, Lyglaukiai, Lygamiškis* и др. (LATSŽ 161); *Lygė, Lygenė, Lygūtis, Lygumà; Ligajà, Ligajai, Lygajykštis, Lygaikupis* (LUEV 92; Liet. hidr. 32, 36, 64, 80, 132, 152, 209; LHEŽ 191); лтш. *Līga, Ligasęzers, Lig-ciems, Lihges-plāva, Līg-upe; Līgaiņu-mežs, Līgaiņa-sils; Lidzēnais-kalniņš, Lidzēnais-lauks, Līdzenā-plāva; Lidziņu-plāva, Līdzums* и др. (LV 1, 2, 319); куршск. *bi der Ligen seehe*, 1419; *de Lygen seehe; Lygen beke; Dorff Liegen; Lygen*, 1462 (UB 1, 12, 88). KF 121; Endzelins TN 1, 166 (: лтш. *līdzs*, лит. *lygūs*). — Особый вопрос — трактовка *Lig-* на смежных территориях. Ср. *Ligi, Liegen* (Stown. geogr. PZP 1, 161); *Ligowo, Lügner See* (Stown. nazw Mazur II, 322); *Ligowo* (HW 756, ср. *Ligopane*. HW 530); блр. *Ligi* (Слоўн. ... Гродз. ... 138) — См. APON 88; APN 52, 143; Lewy Altpr. Pers. I, 1904, 52; Leskien IF 34, 1914—1915, 318 и др.

ligan, см. *lijgan*.

Ligaschones, латинизированная форма названия одной из основных категорий прусских жрецов. Упоминается в мирном договоре Орде на с пруссами от 7 февраля 1249 г. (см. Cod. dipl. Warm. I, № 19, 28—41; PUB I, 1, № 218; 160—164; LPG 42, 45; ср. Voigt Gesch. Preuß. 2, 620 сл., 671—682 и др.). Ср.: *Promiserunt eciam quod inter se non habebunt Tulissones vel Ligaschones, homines videlicet mendacissimos histriones, qui quasi gentilium sacerdotes in exequiis defunctorum ve tormentorum infernalium promerentur, dicentes malum et bonum et laudantes mortuos de suis furtis et spoliis immundiciis et rapinis ac aliis viciis et peccatis, que, dum viverent, perpetrarunt* (LGP 42). Упоминаются они и в более позднем источнике — у Преториуса (Idolatr. veter. Pruss. Kap. XIV, § 1), правда, под несколько измененным названием: "(Von den Priestern). Hie ist zu erwehnen, dass bey den Preussis-

chen Scribenten noch andere Namen als Weydelutten den geistlichen Ministren gegeben, also da sind sie gennenet worden Zygenotten, Tillusseji seu Tillussünei, Lingussünei, Wurszkaitei, Burtonei“ (LPG 549; ср. Būga I, 172, 180). В тексте договора 1249 г., выработанного с помощью папского легата, в связи с темой лигашонов обращают на себя внимание два факта. Первый из них касается темы суда и права — в результате общего совета новообращенные пруссы, жители Помезании, Вармии и Натангии, выбрали для себя польское право и судопроизводство, устранив из него, однако испытание раскаленным железом (...habito inter se consilio pecierunt et elegerunt legem mundanam et secularia iudicia Polonorum, vicinorum suorum. Et predicti fratres eis concesserunt benigne; et ad petitionem ipsorum cadentis iudicium, et ad mandatum nostrum omnia alia, si que sint in eadem lege contra deum vel Romanam ecclesiam sive contra libertatem ecclesiasticam, ab eadem lege penitus removerunt et concesserunt penitus non servari ...). Второй существенный факт состоит в том, что пережитки язычества у пруссов (как это следует из договора), от которых они обязуются отказаться, связаны прежде всего с похоронными обрядами (... deo et Romane ecclesie ac fratribus sepepredictis voluntate spontanea firmiter et fideliter promiserunt, quod ipsi vel heredes eorum in mortuis comburendis vel subterrands cum equis sive hominibus vel cum armis seu vestibus vel quibuscunque aliis preciosis, vel eciam in aliis quibuscunque ritus gentilem de cetero non servabunt, sed mortuos suos juxta morem christianorum in cymeteriis sepelient et non extra). Последовательность этих двух тем (суд, судопроизводство и похоронные обряды) и то, что за этим следует, еще одно обещание пруссов (promiserunt) — не иметь тулисонов и лигашонов, “лживейших лицедеев”, предсказывающих плохое и хорошее, позволяет более точно определить и функцию лигашонов и внутреннюю форму, — следовательно, и этимологию — их названия. Сам договор 1249 г., в результате которого пруссы выбрали один из локальных вариантов христианизированного права и судопроизводства, определяющего, кто прав, а кто виноват, что хорошо, а что плохо, как бы отменяет лигашонов, которые до договора (нужно думать, что в известной мере и после него) ведали именно этой функцией и осуществляли ее в ходе похоронного ритуала (по крайней мере). Поэтому можно думать, что лигашоны были чем-то вроде жрецов—судей, определявших статус покойника в загробном мире в зависимости от его места на шкале “хорошо — плохо” (о судейской функции лигашонов см. Brückner Staroż. Litwa 44), и в ритуал они вступали после того, как тулисоны (см. *Tulissones*) выполняли свою функцию. Эти соображения позволяют сравнивать название лигашонов с глаголом *ligint* ‘судить’, т.е. определять судьбу, жребий, ср. прусск. *lijgan* ‘решение’ [= ‘приговор’], *ligan* ‘суд’, ср. также *po-lijgu*. Внутри- и внебалтийские параллели см. в статье *ligint*. С этим же кругом функций связано имя божества упоминаемого Ласицким (*De diis Samagit.*) при том, что имя того же корня, что и в *Ligaschones* и родственных ему словах. Ср.: *Ligiczus is Deus esse putatur,*

que concordiae inter homines et auctor est et conservator (LPG 356). У Преториуса это божество выступает под именем *Lygiejus* (ср.: *Lygiejus* ein Gott der Eintracht und der Rechte. LPG 545). Форма *Ligiczus* и сама по себе и в контексте сходных имен божеств по соседству (*Kierpiczus, Siliniczus*) требует конъектуры. Известны разные предложения, в принципе сводящиеся к общему исходному пункту и различающиеся деталями (**Lygintojis, *Lygineyas* вместо *Lygiejus* у Преториуса и т.п.). Наиболее достоверное решение — **Lyginčius (*Lygintius, *Lygīčius)*. См. LPG 368, 374, 391—392, 521 и др.; Mierzyński Труды III археол. съезда в Росс. 1870, II, 58; Usener—Solmsen Lit. u. Lett. Göttername 1894, 95; Grienberger AfslPh. 18, 1896, 19 и др. Это **Lyginčius* непосредственно сопоставимо с прусск. *ligint* и лит. *lyginti*, в частности, ‘уравнивать (в правах)’, ‘сличать’ и т.п. Что же касается названия лигашонов, то это слово в разных вариантах появляется в литовских текстах, где оно оказывается вторичным, независимо от того, идет ли речь об архаизме, используемом как “историческое” слово, или о неологизме. Ср. лит. *ligašonis* (*Liepsnomis laužo aukštyn kylant, paminateji aukščiau tulisonys bei ligašonys garsino garbę velionio, gyrė jo vikalus, kuriuos jis kariaudamas svetiomsė šalyse arba gyvendamas kito kiu būdu padarė. Basanavičius Iš gyv. vėlių 1903, XXXI*); *ligusonis* (*Daukant., neol.*); *lydusonis* ‘senovės lietuvių kunigas’, *neol.* (*Tarp tų ... buvo tylusonys ir lygusonys, teisiaus sakant, lydusonys, nu žodžio lydėti, kurie palaidosena mirusiųjų rūpinos. Daukant.*), см. LPG 7, 411, 462, 488). Конъектура последнего примера, разумеется, принадлежит к числу аргументов мифопоэтического характера, как и предлагаемая здесь же “народно- /или учено-/этимологическая” версия объяснения слова. Характерно, что в центре объяснительной конструкции находится участие лигашонов в похоронном обряде. С призраками “народно-этимологической” стихии приходится встречаться не раз при рассмотрении слова *Ligaschones*. Так, само это название, в котором *-ones* естественно объясняется как результат латинизации балтийского имени, весьма подозрительно близко к лит. *lygiašōnis* ‘равнобокий’, ‘равносторонний’; *lygiašonis* ‘фигура с равными боками, сторонами’, *lygšoninis* (LPG 467, 480). Сама же основа, восстанавливаемая как **lig-aš-*, отсылает к литовским обозначениям подверженного болезням или постоянно болеющего человека — ср. *ligāšas, ligāšius* и под. (LKŽ 7, 463); кстати, название лигашонов уже предлагалось выводить от слова, сопоставимого с лит. *ligà* ‘болезнь’, а самих лигашонов понимать как “Bespreeher von Krankheit” (*Bertuleit Relig. alt. Preuss. 1924, 92*). Впрочем, корневое *i* в **lig-aš-* ‘лигашон’ должно быть долгим и встает вопрос о том, не было ли в прусском глагола с корнем *lig-*, но не типа *ligint*, о котором уже говорилось, а скорее типа лит. *lygti* ‘договариваться о цене’, ‘торговаться’, ‘выравниваться’ и т.п. (LKŽ 7, 481), но иного презентного спряжения (не как лит. *lygsta*, но как **lig-a-*), допускавшего образование, подобное **lig-aš-*, или некий тип причастия от **lig-a-*, который характеризовался элементом, осмысленным как *-asch-* в *Ligaschones*. Впрочем, не исключена связь

слова с названиями типа *Ligas*, *Ligaszc*, *Ligaszo*, о чем в свое время писалось (см. Kozirowski Sl. Осс. 3—4, 1925, 100). Написание *Lingussūnei* (Praetorius) и изображение лигашонов в договоре 1249 г. давало повод к сопоставлению их названия с балт. корнем *ling-: лит. *lingūoti* (*lingè*, *liñgè* и т.п.), лтш. *liñuōt* (ср. "лиго" как сезонный праздник ритуального происхождения и основные действия, его характеризующие), русск. *лягáть(ся)* и т.п. (см. LEW 330—331 и др.). Иногда внебалтийские параллели кажутся очень заманчивыми. О галльских *Lingones* ('les sauteurs') писал Guyonvarc'h Ogam II, 1959, 37—39 (: др.-ирл. *lingid* 'прыгает', *léimm* 'прыжок' и т.п.); ср. этноним *Lingones* (Caesar. De bello gall.; ср. о цизальпийских лингонах Polyb. II, 17, 7) и другие родственные слова, к которым названный исследователь относил и и.-евр. слово с значением 'легкий' (лит. *leng/v/-* и под., см. Pok. I, 660—661) и нем. *(ge)lingen* и т.п. Несомненно, что подобного рода ассоциации могли быть и достоянием тех пруссов, которые слышали о *liñd* в латышских песнях, распевавшихся в день Иоанна Крестителя (*Sv. Jānis*); тема огня (участие лигашонов в кремации покойников и образ *Jāņi uguns / Jāņuguns*) дополнительно способствовала расширению круга ассоциаций. Наличие пространственно-временных условий, в которых темы *Ligaschones* и *liñd* встречались друг с другом, особых сомнений не вызывает. И тем не менее эти ассоциации и предполагаемое ими родство сопоставляемых слов ошибочно: связь названия лигашонов с идеей посмертного суда—сравнения с целью определения судьбы умершего на том свете существенно фундаментальнее и несравненно лучше отвечает всему контексту обряда с участием тулисонов и лигашонов, о котором сообщается в тексте договора. Тот же языковой элемент, который лежит в основе названия лигашонов, обнаруживается в ряде местных и личных названий, но в них актуализировано первичное и "не-социальное" значение балт. *lig- 'ровный', 'гладкий', 'одинаковый', 'подобный'.

{*lig-elk-}, ср. Nom. рг. *Ligeuke. Legeuko, Llygeuke* (APN 52). — См. {*lig-} и т.п. — Наиболее точное соответствие лит. *Lygeikiai* (LATSŽ 161), ср. *Lygalkupis* (LUEV 92).

{*lig-ein-}, ср. *Ligeun*, 1423 (APON 88). — См. {*lig-} и др. — Наиболее близкие соответствия — лит. *Lýgainiai*, лтш. *Līgaina-sils, Līgainu-mežs* (LATSŽ 161; LV I, 2, 319). Известны и другие образования с суф. -n-, ср. лит. *Lygenė*, лтш. *Līdzēnā-pļava, Līdzēnais-kalniņš* и др.

{*lig(-en-) ?}, ср. реконструкцию Nom. рг. *Ligene на основании топонима *Ligenithen*, 1419 (APON 88). Насколько возможно в этой связи обращение к *Lygen*, ок. 1400, позже — *Liegen* (APON 88), сказать трудно. — См. {*lig-} и др. — Точные параллели — в вост.-балт., ср. лит. *Lygenė* (LUEV 92; Liet. hidr. 132; LHEŽ 191), лтш. *Līdzēnais-kalniņš* и т.п. (LV I, 2, 319); куршск. *Ligen, Lygen, Liegen* (KF 121), тождественные прусск. *Lygen*, видимо, должны и трактоваться соответствующим образом.

{*lig-en-it-}, ср. *Ligenithen*, 1419 (APON 88: лтш. *lidzens* 'ровный', 'плоский' и суф. -it-. — См. {*lig-}, {*lig(-en)- ?} и др. — Точных сло-

вообразовательных соответствий от этого корня в других балт. языках нет. Но существуют порознь примеры **Lig-* с суф. -n- (-en-), см. выше, и примеры **Lig-* с суф. -t-, ср. лит. Nom. рг. *Lygaitis*, возможно, некоторые примеры из латышской топонимии, точное истолкование которых не всегда возможно.

{*lig & *ged-}, ср. *Ligeden*, 1332 в Самландии (APON 88). — Согласно Герулису, "Wohl ein Personennamen mit -gede zusammengesetzt" (ср. *Tule-gede* и др.). — См. {*lig-} и др., а также {*ged-}. — Поскольку элемент *ged-* часто обозначает именно местность (ср. Пр. яз. II, 182—184), нет серьезных оснований отвергать реконструированное здесь двучленное сочетание, относящееся к ровному *ged-* месту. Это замечание имеет смысл, поскольку иногда на основании *Ligeden* и некоторых других примеров, о связи которых с этим названием с достоверностью говорить трудно, реконструируется форма **Li & *ged-* (Leskien IF 34, 1914—1915, 318; отчасти APN 143) со ссылкой в том, что касается первого члена, на лит. Nom. рг. *Lybartas, Li-gowdis (Li-gaudas), Li-kantas* и др. и даже на прусск. Nom. рг. *Laygede* (APN 50) и топонимы типа *Leykantim, Leykanten* и др. Отрицать наличие элемента *Li-/Lai-*, выступающего в качестве первого члена прежде всего в архаичном типе балтийской ономастики нет оснований, как нет их и для того, чтобы ставить под сомнение надежность элемента *Lig-*, выступающего, кстати, как в первом, так и во втором членах сложных имен. Сомнения в наличии элемента *Lig-* в *Ligeden* питаются прежде всего существованием личного имени *Laygede*. По этому поводу стоит сделать два разъяснения. Во-первых, как для *Li-* принимается ступень с дифтонгом (*Lai-, Lei-*), так и для *Lig-* существует вариант корня с дифтонгом, ср. лит. диал. *llegus*, жемайт. *lijgus* = лит. *lygus* 'ровный' и т.п. (возможно, сюда же и лит. *Llegus*, название реки), см. LKŽD 55; LEW 371 и др. Не приходится доказывать, что вариант с дифтонгом в этом корне индоевропейского происхождения, ср. готск. *galeiks* 'подобный' (: нем. *gleich*), *leikan, ga-leikan, leik* 'тело', 'плоть' и т.п., восходящие к и.-евр. **leig-* (Pok. I, 667). Во-вторых, понимание *Laygede* как **Layg- & *ged-* вполне правдоподобно. Сокращенные варианты полных двучленных имен, формируемые из первого члена и первого согласного второго члена, — давняя и.-евр. традиция, и **laig- & *ged-* (как и **lai- & *ged-*) должно было в этом случае дать **laig-*, которое, между прочим, реально сохраняется в лит. *Laigas, Laigė*, соответственно из *Laigedā* и под., *Laigedas* (LVKŽ 1987, 237: с возведением к **Lai- & *ged-*). В силу этих обстоятельств отдать предпочтение трактовке *Ligeden* как {**li- & *ged-*} нет надежных оснований, хотя полностью исключать эту возможность также едва ли стоит. Наличие же других сложных названий с *Lig-* в первом члене, подкрепляемых данными вост.-балт. языков, дополнительно свидетельствует об известной надежности предлагаемого здесь решения и даже его предпочтительности.

lijgan 'осуждение', 'приговор', 'суд'. К III, 57, 14 (Kas sien teinu priki stan Auktimmiskan sedinna stas empriki stallē Deiwās enteikūsnan Quai

adder emprīki stalle wīrst kerscha sien ainan lĭgan gauuns '... Die aber widerstreben werden vber sich ein Vrtheyl empfahen'); — *ligan*. К III, 73, 32 (Wissemusingis prābutskas deiws kas tuo assai prastan auskandinsnan switas notwaian drūcktawingiskan lĭgan stan nidruwintin Swītan perklantiuns... '... der du hast durch die Sündflut nach deinem gestrengen Gericht die vngleubige Welt verdampt...'). Acc. Sg.; хотя род, строго говоря, неизвестен, трудно сомневаться, что в данном случае — masc. — В фрагменте, соответствующем к III, 57, 14, в "Энхиридионе" Вилента — Bet kurie prieschtarau patis saw apsudima gaus; в "Катехизисе" Мажвидаса — betaigi kuri prištavijness, sau patis suda prijims; в латышском "Катехизисе" 1586 г. — vnde kas tur prettibe sthawe, tas bouwe tese dabuus. Все это в соответствии с qui autem obsistunt, ipsi sibi cōndemnationem auferent (Roman. 13, 2), ...κρίμα λήψονται греческого текста. К фрагменту К III, 73, 32 ср. у Вилента — pagalei tawa aschtrāghi suda...; в латышском "Катехизисе" — pectez touwe taisne szode... — Характерно, что в отличие от немецкого текста, где в обоих этих местах употребляются совершенно разные слова (*Urteil* и *Gericht*), связанные между собою тематически и логически (причинно-следственно), и в отличие от старых литовских и латышских текстов, где в этих же местах появляются, хотя и однокоренные, но все-таки разные слова, — в прусском в обоих случаях выступает одно и то же слово, и значение его, строго говоря, одно и то же — суд как его заключительная идея, конечный результат, суждение; поскольку и в одном и в другом фрагменте это "суждение" в отношении объекта суда отрицательное, значение *lĭgan* в этих случаях может быть сформулировано как 'суд-осуждение'. Впрочем, следует учитывать, что материальная форма судебного заключения, т.е. суда-осуждения, передается другим словом — *sundan* 'штраф' (из польск. *sąd*, как и литовские обозначения суда и осуждения в старых текстах, приведенные выше). — Каково было название суда как определенной социально-юридической институции у пруссов вообще, — сказать трудно. Самбия в этом отношении могла значительно отличаться от более удаленных, выдвинутых на юго-запад частей Пруссии, которые первыми столкнулись с полонизацией, а затем и с германизацией — от первых влияний до полного вытеснения прусского этноязыкового элемента. Христбургский (или Кишпоркский) договор Ордена с пруссами в 1249 г. свидетельствует о наличии обоих этих влияний. Сам характер прусского общества середины XIII в. (во всяком случае в Помезании, Погезании и Вармии), его сложность в социальном и экономическом отношении и тенденции развития этого общества были таковы, что предполагали достаточно развитые формы прусского неписанного права и суда, действовавшего в соответствии с этим правом (о характеристике прусского права см. приписку к статье I "Помезанской Правды", сделанную в мифопоэтическом духе, ср. о глубине, высоте и твердости этого права, соотносимой с подобными свойствами предметов-эталонов; показательно, что сомнений в этих качествах нет, но, видимо, писавшему не вполне ясно, к чему они относятся; отсюда — несколько необычная концовка — "es sey

recht oder unrecht"). Возможно, что для указанных областей право и суд не слишком сильно отличались от польских. Во всяком случае по договору пруссы добились введения в этих частях Пруссии суда по образцу польского (...habito inter se consilio pecierunt et elegerunt legem mundanam et secularia iudicia Polonorum, vicinorum suorum. Cod. dipl. Warm. I, N 19, ср. LPG 41). Не исключено, что здешние пруссы уже употребляли слово, заимствованное из польского, — если не во всех присущих ему значениях, то хотя бы в некоторых, где оно вытесняло прусск. *lĭgan*. О возможном типе распределения значений этих двух слов см. Milewski Sl. Occ 18, 1947, 28. — Суд, о котором можно составить себе представление по "Помезанской Правде", отражает тенденцию к преобразованию старых юридических норм в соответствии с требованиями времени, прежде всего с перестройкой старых социальных структур. Общинный суд еще существовал ("Wo die gemeine in eime dorffe bei einander sind vnd ein gespreche haben umb hirtelon...", статья 39), но уже, пожалуй, только как наследие предыдущего периода, оттесненное на периферию (также прослеживаются пережитки талиона). Ему были подведомственные только местные дела довольно частного характера. Зато увеличивается значение суда господина и вотчинного суда. Право упорядочивается, расширяет свою сферу, унифицируется и кодифицируется. Соответственно этому и сам суд сильно "технизруется": определяются состав преступлений и состав наказаний (кар), устанавливаются зависимости между членами первого и второго составов, выделяются некоторые нестандартные формы этой зависимости, имеющие своей целью "повышенно-устрашающим" наказанием подчеркнуть особую озабоченность тем, как предупредить и предотвратить социально опасные преступления. Состав таких особенно строго караемых преступлений указывает и направление развития социальной структуры и круг преимущественных интересов ведущих слоев прусского общества. Параллельно праву "технизруется" и суд: теперь он уже менее всего прежнее индивидуальное, особым вдохновением и интуицией определяемое сравнение (*lĭgint*), менее всего раскрытие плана судьбы, позволяющее сделать правильный выбор между правым и неправым, добром и злом, но судебный "процесс", в котором превалирует общес, стандартное, где уже не нужно судьи-жреца, судьи-провидца, и достаточен судья, знающий не судьбу, а законы и правила их применения. В статье 116 ("Von Clage leuckenen") "Помезанской Правды" есть даже не вполне ясное место, которое дает некоторое основание думать о ситуациях, когда суд и право могут оказаться в разъединении ("Ist das ein man von gerichte stehet und beclagt wirt einer sachen, und er der sachen leuckent, und wenn um sein recht zugeteilt wirt von dem gerichte, und denne bekennet der sachen: der sal verbüssen eine halbe marck der herschafft"), ср. отчасти статью 117 ("Vom Rechte"). О суде у пруссов по данным "Помезанской Правды" см. Пашуто Помез. 1955, 81—106. — Судя по прусским данным (*lĭgan*, *lĭgint*, *polijgu*), этимологии этих слов (о ней см. *lĭgint*),

некоторым сведениям о ритуалах, касающихся узнавания-отгадывания воли судьбы (ср. выше о лиганонах, чье название содержит тот же корень *līg-*), слова *līgan*, *līginti* не только обозначали суд-осуждение и действие сужения, но и более широкий круг понятий. Первоначальное и нетерминологическое значение прусск. *līg-* подчеркивало идею ровности, отсутствия отклонений, т.е. правильность, откуда и правота, справедливость, право. Весьма вероятно, что эти последние понятия, как и обозначение носителя этих качеств или того, кто знает их и умеет обнаруживать их, кодировались тем же корнем **līg-*. Наконец, и обвиняемый на суде, доказавший свою невинность, мог также обозначаться как "правый" (**līg*), правильный в отношении права, не отклоняющийся от него. Такие унифицированные в отношении корня комплексы хорошо известны в ряде языков, в частности, и в балтийских; ср., напр., лит. *teĩsmas* 'суд' (*teĩsena* 'судопроизводство'); *teĩsė* 'право'; *teĩsybė* 'правда', 'справедливость', *tiesà*, то же, *teĩsumas*, то же: *teĩsėjas* 'судья'; *teĩsūs* 'правый' (ср. еще *teĩsti* 'судить', *teĩsmingas* 'подсудный', *teĩsminis* 'судебный', *teĩstinas* 'подлежащий суду') при *tiesūs* 'прямой', *taĩsyti* 'исправлять' (*taĩsyklė* 'правило', *tiesiklis* и т.п.); ср. Būga RR I, 109—112. — Данные о прусском слове, обозначающем суд, осуждение, могут быть несколько расширены. Речь идет о некоторых данных, относящихся к старым литовским источникам из Малой Литвы, т.е. в непосредственной смежности со старыми прусскими землями. У Бреткунаса дважды встречается слово *lygus* в значении 'суд' — в Библии (Деяния 24, 25) *lygū*. Асс. Sg. и в Постилле II, 241, 22. Кроме того, в Евангелии от Иоанна (5, 27) Бреткунас употребляет глагол *lyginti* (= *lyginti*) в значении 'судить' (см. Bezenberger BGLS 1877, 298; Būga RR I, 111; Falkenhahn Der Übers. 1941, 204; LEW 370; Žulys Baltist. 1, 1966, 154—155). Но и в более поздних источниках из этих же мест отмечается близкий вариант этого слова — *lygius* (Ruhig Litt.-D. 1747, II, 237: *Landgericht*, *Lygius*, *gius*, m.). Нужно думать, что отсюда он попал и в некоторые другие словари, ориентировавшиеся на литовскую речь этих мест — Ruhig-Mielcke 1800, II, 316, s.v. *Landgericht*; Nesselmann Wb.d.Lit. Spr. 1851, 364; Kurschat Litt.-d. Wb. 1883, s.v. (в двух последних словарях — *lygus*); ср. Leskien Bild. 1891, 240 (сомнения в правильности этой формы высказаны Kasėtaitė Kalbot. 9, 1963, 117, но они разъяснены Жулисом, 154). Особый интерес представляет слово *lygus* из рукописного немецко-литовского словаря XVII в. из Вост. Пруссии. Ср.: *Landgericht lieggnycze* (*lygus*). Lex. Lith. 57 — при: *Gericht sudas, prowa*; *Gericht-buch sudo knygos*; *Gericht halten suditi*; *Gerichtschreiber sudo skribele*; *Gerichtstag sudna diena* (41, 41a), ср. также 71: *richten suditi* при *richten taĩsyti, rediti*; *Richter sudza*; *Richtthauß sudo nammai*; *Richtstul sudo krafe*, *richtig tiesus*; *Richtigk[eit] tiesummas*; *richt zu tiesog*; 102: *Urtheyl sudas*; *urtheilen suditi*. В этом же словаре отмечены *lygus*, *lygtis* и др., ср. *gleich lygus*; *gleichformig lygus*; *gleichen lygti* и др. (43, ср. также 4a, 26, 26a, 99a). Но слово *lygus* известно и из гораздо более позднего источника, относящегося к началу XX в. Оно несколько

раз появляется у анонимного автора "Ukiškasis Kalendorius metams 1907", вышедшего в Тильзите в 1907 г. (указано Жулисом): "Nereikia markių nė mokesčio... už raštus paduodamus į lygų (į sūdą) kriminališkuose dalykuose ... už visokius reikalus vedamus santaikos (miravuose) ir miestų lyguose (sūduose) arba žemės viršininkų raštinėse (kanceliarijoje). Отыскавший это место исследователь справедливо обращает внимание на то, что слово *lygus* было неизвестно крестьянам, на которых "Календарь" был рассчитан, и поэтому оно дублируется понятным заимствованным словом. Сам же автор этих строк взял, видимо, слово *lygus* из словаря Куршата. Словари, как по эстафете, донесли слово до начала нашего века, но оно уже давно не было живым. Даже в XVI—XVIII вв. это слово представляло собой узкий диалектизм, и многие литовцы его не знали. Тем не менее, словарная "эстафета" продолжается, и слово зафиксировано в LKŽ 7, 488, где оно уже иллюстрируется метатекстовым ("метасловарным") примером: *lygus* 2... 'teĩsmas': *Mūsų kalbos paminklai rodo, jog greta su tiesa "Gericht" seniaus buvo ir antras žodis — lygus*. K. Būga; ср. также *lygius* (7, 475). Этот тезис Буги о прабалтийском происхождении **līg-* в значении 'судить', 'суд' оспорен Фалькенханом Der Übers. 204 и Жулисом 155, которые видят в *lygus* (начиная с Бреткунаса) литовский прутенизм, видимо, не получивший в литовскоязычном ареале сколько-нибудь значительного распространения. В отличие от Фалькенхана, не приведшего аргументов в пользу своего мнения, Жулис, соглашаясь с Бугой, выдвигает ряд доводов против прабалтийского характера **līg-* 'судить', 'суд'. Он указывает, что в латышском нет слова этого корня, которым обозначались бы эти понятия. Название суда относится к слою социальной терминологии, и слово не могло возникнуть раньше самой соответствующей институции. "Нет никакого основания думать, что эта институция восходит к временам балтийского праязыка" (155). Исследователь указывает кроме того, что и значение лит. *lyginti* не легко связать с понятием суда, тогда как прусск. *līgan*, *līginti(on)* именно это понятие и обозначают, как и *lygus*, *lyginti* у Бреткунаса. Наличие прутенизма *lygius* в словаре Руига также не должно вызывать смущения, поскольку это не единственное заимствование из прусского в его словаре. Жившие по соседству с пруссами литовцы, видимо, усвоили больше прутенизмов, чем полагают обычно, и один из них попал в словарь Руига. — С мнением Фалькенхана и Жулиса в целом и в основном трудно спорить, и естественно к нему присоединиться. Но при этом есть потребность в разъяснении ряда деталей или хотя бы в постановке отдельных вопросов. Прежде всего обращает на себя внимание, что литовский прутенизм *lygus*, *lygius* принадлежит к склонению основ на -u, тогда как прусск. *līgan* реализует другой тип склонения (на -o- /?/). Предполагать при заимствовании именно такую (в таком направлении) мену основ довольно рискованно. Поэтому приходится думать о наличии в прусском иного слова с тем же корнем, но принадлежащего к склонению основ на -u. Намек на него можно видеть в u-основном

Adj. *polīgu* < *po-līgus (SPV 71), сопоставим с лит. *lygus*. Если в прусском такой Subst., действительно, существовал или если указанный Adj. *līg-us имел и субстантивизированное употребление, то именно такое слово могло быть источником *lygus* у Бреткунаса и Руинга. Впрочем, нельзя, конечно, исключать и того, что прусское слово (даже и не *и*-основное) могло приобрести свой окончательный вид в соответствии с конфигурацией форм слов этого корня в самом литовском. Пожалуй, самая неразработанная сторона вопроса о заимствовании *lygus* из прусского состоит в том, что не учитывается ситуация довольно странного сосуществования в соответствующем говоре литовского языка своего Adj. *lygus* (или *lygūs*) 'ровный' и т.п. и чужого Subst. *lygus* 'суд', что выглядит как некая грамматическая аномалия (наряду со своим *lyginti* 'равнять' и т.п. при чужом *liginti* / = *liginti* / 'судить'), при том, что для этого времени семантическая связь между значениями литовских и прусских слов с корнем *līg-* могла уже быть затемнена. — Совершенно особое место занимает вопрос о древности этого элемента *līg-* в балтийском и времени его связи с идеей суда. Что касается первой части вопроса, то этот элемент, безусловно, не только общепалтийский, но и прабалтийский (и в этом отношении Буга был прав). Прусс. *līgan* бесспорно родственно связано с лит. *lygus*, *lygūs*, *lygu*, *lyg*, *lygiai*; *lygė*, *lygtis*, *lyginys*, *lygis*, *lygybė*, *lygybė*, *lygmuo* и т.п. и с лтш. *līdzs*, *līdzens*, *līdzins*, *līdzīgs*, *līdzī*, *līdzā*, *līdzai*, *līdzu*, *līg*, *līga*, *līgu*, *līgans*; *līdzība*, *līdzīgums*, *līdzenums*, *līdzieniēks*, *līdzinieks*, *līgans*, *līganums*, *līgaste*, *līgums* и т.п. (см. LEW 370—371 и др.) и имеет отчетливую индоевропейскую родословную (см. *līginti*). Сложнее вопрос о том, когда и где (в каких языках) этот корень **līg-* связался с идеей суда, т.е. тот вопрос, на который по-разному отвечают Буга и Жулис. Возможно, кое-что станет яснее, если напомнить, что для индоевропейской древности суд, конечно, не только не *Landgericht*, но и не тот суд-осуждение, о котором говорится в "Энциклопедии" в связи с христианскими представлениями. Скорее всего речь должна идти о некоей институции, которая в определенных случаях практически реализует те или иные положения, составляющие основу того, что Жерне назвал "предправом" (*prédroit*, см. Gernet Anthrop. 1968) и что по сути дела имеет в виду Бенвенист при анализе им и.-евр. права (Vocab. Inst. II, 1969), т.е. о "предсуде", причем взятом в призме мифопоэтического сознания. Эта связь "предсуда" с "предправом" и главный смысл суда как такового особенно полно сохраняется в славянской и балтийской традиции (в отличие, напр., от романской, где акцент при определении понятия суда ставится на месте, где он происходит [франц. *cour* или *tribunal*, итальянск. *corte*, *tribunale*, румын. *curte*, *tribunal* и т.п.], или на участниках суда — собрании, сходке и т.п., как в германской традиции. См. Dict. Sel. Syn. 1426—1427 = 21.15), ср. выше литовские данные, относящиеся к *teis-/ties-/ tais-*, или проанализированные в другом месте славянские факты (в соответствии с правом и справедливостью суд выявляет виновного, т.е. неправого, или в случае взаимной

тяжбы, — кто прав и кто неправ). Само слово праслав. *sqdъ восходит к и.-евр. диал. сочетанию **som-* & **dh(ē)-*, обозначающему со-положение, со-поставление и т.п. (ср. ведийск. *sam-dhā-* или лит. *samdas*, *samdà* 'наем', *samdýti* 'нанимать' и т.п.). Эта идея соположения, по сути дела, то же, что сравнение (балт. **līg-*), т.е. сравнение-сличение "казуса" с правом и судебного правила-правила с тем же самым правом-справедливостью с целью выяснения искривления, отклонения от нормы как воплощения идеи ровности. Эта же идея определяет выбор такого наказания-возмездия, которое было бы таким же (ровным, подобным), как и преступление. Несомненно, что эта конструкция соположения-сравнения образует основу предправа и предсуда и отражается в них многообразно. Различие правого и неправого (виновного) как воплощающих соответственно правду и кривду (в русской мифопоэтической традиции они даже персонифицированы) снова отсылает к мотиву ровного-правого. Поэтому, если в славянской традиции ведущий мотив в обозначении суда — соположение, то в балтийской (как в связи с **līg-*, так и в связи с **teis-*) — сравнение, предполагающее выяснение правды и уклонения от нее, ее искривления, уничтожения нормальной (равной) ситуации. При таком взгляде в балт. словах с корнем **līg-* легко обнаруживаются значения и/или употребления, которые предполагают или делают весьма вероятным использование их как юридических ("пред-юридических") терминов. Прежде всего это касается обозначения с помощью *līg-* (*līdz-*) понятий, связанных с компенсацией, возмездием, оплатой, причем этот круг идей неизбежно возникает в связи с заключительным решением суда, т.е. осуждением как установлением эквивалента между степенью преступления и мздой, долгом, его покрывающим. Ср. лтш. *līdzība*, которое обозначает не только подобие, равенство, равную судьбу-жребий (ср. *dar/i/*, *dieviņ*, *kuo nedari*, *dar/i/*, *visiem līdzībiņ!* BW 9172), но и удовлетворение, вознаграждение, возмездие (*gan viņš dabūs savu līdzību*; *līdzību darīt*), счет, оплату (*līdzību turēt*; *es tuo negribu par velti, bet par savu līdzību*), см. ME 2, 481. Не менее показателен под этим углом зрения и глагол лтш. *līdzināt* — не только 'равнять', 'уравнивать', 'устанавливать равновесие', 'сравнивать', но и 'поровну распределять', 'считать', 'оценивать' (*dieveris dienu nelīdzina kā līdzina māsiņa*. BW 23799; *luopus zemi līdzināt*) и даже 'мирить', 'примирять'. Не менее поучительны и литовские данные; ср. *lyginti* — не только 'равнять', 'выравнивать', но и 'gražiai, lygiai taisyti' (: *tėisė, tiesà*), 'уничтожать различия', 'нивелировать', 'платить долг', 'расплачиваться', 'поквитаться', 'воздать' (должное) и т.п. (ср. к связи *lyg-* с судом: *Nelyginos geruoju, ir padavė i teigimą*. LKŽ 7, 470); ср. также *lyginti* 'согласовывать', сочетать (ср. *Ligiczus* как "Deus... qui concordiae inter homines ... auctor est et conservator. LPG 356); 'прилаживаться' и т.п. (LKŽ 7, 470—471 и др.). Сюда же, конечно, следует отнести и такие, по сути дела, договорно-юридические понятия, как лит. *atlyginti* 'отплатить', 'вознаградить', 'удовлетворить убытки', 'расплатиться', с одной сто-

роны, так и лит. *lygti* 'рядиться', 'договариваться', лтш. *līgi* 'нанимать', 'торговаться', *līgums* 'договор', с другой. И то и другое предполагает отношение равенства (планируемые или заново восстанавливаемые). Таким образом, общая идея выравнивания в балтийских языках вообще (не только в прусском) имела и специализированную семантическую версию компенсации, естественно выступающую в суде — от мифопоэтического "предсуда" до любого конкретного и полностью "технизированного" суда наших дней. Наличие такой версии — свидетельство использования *līg*-понятий в древней индоевропейской юридической практике, где эти понятия еще сохраняют прозрачность семантической структуры всего целого, которое они составляют: на одном полюсе ("специализированном") — "выравнивание" преступления, греха, ошибки, когда они уже совершены, путем "платы-возмездия", определяемой судом, или во избежание беды заранее, как своего рода предупредительная мзда (ср. *Lūgink, kad paskui bēdos nebūtū*. LKŽ 7, 470); на другом полюсе — "физическое" выравнивание, напр., дороги, пути и т.п. (ср. лтш. *līdzināi ceļu*, лит. *lyginti kėliai*). Впрочем, и в германских языках (только в них, согласно Pok. 1, 667, есть соответствия балт. **līg-*) можно обнаружить некоторые значения у слов этого корня, которые, если и не предполагают "юридических" употреблений, то во всяком случае располагают к ним (ср. др.-исл. *líknā* 'извинять', 'прощать'). Конечно, обращает на себя внимание отсутствие славянских соответствий в этом случае. Действительно, праслав. **līg-*, которое ожидалось бы при наличии в славянских языках слов этого корня, не может быть восстановлено на основании известных фактов. Тем не менее есть два круга данных, намекающих (хотя пока и слабо) на то, что этот вопрос все-таки не может считаться окончательно закрытым. Прежде всего праслав. Adj. **līgькъ*, которое формально довольно "неаккуратно" подверстывается к и.-евр. **leg^h-* 'легкий', **leng^h-* (Pok. 1, 660—661), "формально" же могло бы объясняться не из **lg^h-*, как принято, а из **līg-*, формы, которая очень близка балт. **līg-* (см. выше); правда, нужно заметить, что и значение 'легкий' в и.-евр. языках нередко передается и-основами (ср. др.-инд. *laghū-*, авест. *ragu-*, др.-греч. ἔλαχός, др.-кельт. *laigiu* (и *laugu*), лит. *lengvūs*, лат. *levis*, в конечном счете предполагающем **leg^h-*, иллир. *lembus* [?], которое может быть и о-основой). Далее, слав. **līgь(къ)* сильно напоминает и по словообразовательным типам, связанным с этим корнем, некоторые балтийские примеры (помимо **līgь*: лит. *lygus* ср. **līga*: лтш. *līdzā*; **po-* & **līga*: прусск. *po-līgu*; **līg-ostь* [русск. диал. *лѣгость*, *лѣгостно*, *лѣгостный* и т.п. СРНГ 16, 315]: лит. *lygastis*, лтш. *līgaste*; **līg-ut-* [русск. диал. *лѣготь*, *лѣготынь*, *лѣгоць* и т.п. 16, 316]: лит. *lygūtė*; **līg-ota*: балт. **līg-at-*; **līg-ov-* [русск. диал. *лѣговый*, *лѣговость*. 16, 134]: лит. *lygavimas, lygavimas*; м.б., **līg-ob-* [русск. диал. *лѣгоба* 'облегчение'. 16, 314]: лит. *lygýbė*, лтш. *līdzība* и т.п.), и семантически — слав. **līgькъ* обозначает не столько малый вес, сколько именно ровность, отсутствие препятствий, помех (ср. *лѣгкое дыхание*, т.е. прежде всего

ровное, ненарушаемое; *лѣгкий путь* при балт. **līg-* & **kel-*, примеры см. выше, и т.п.). Естественно, этих соображений недостаточно, чтобы поставить под сомнение связь слав. **līgькъ* с другими и.-евр. словами, близкими по форме и часто совпадающими по значению. Смысл сказанного в другом — в возможности объяснения специфических особенностей этого славянского слова влиянием, которое могло исходить из позже утраченного (в ряде случаев точнее сказать — слившегося) слав. **līg-* (< **līg-*), точно отвечавшего балтийским примерам с корнем **līg-*, на Adj. **līgькъ*, содержащий иной корень, отличный от **līg-*. Кстати, Безлай Ling. 8/1, 1966—1968, 65 связывает лит. *līg-*, *līgi*, *lyg*. Праер., восходящие к **līg* (см. LEW 371) с словен. диал. *lagom* 'ausser, mit Ausnahme' (Бел. Краина), из **līgь*; сюда же словен. *polagoma* 'постепенно', 'последовательно', 'медленно', а также такая группа слов, как словен. диал. *lāz* 'свободное время', 'досуг', 'бездеятельность', *laznō ča* < **līgь*, ср. русск. *нелъга*, *нелъзя*, чеш. *lhuta, lhota* и т.п. (из и.-евр. **leg^h-*). Но есть, видимо, еще одно и.-евр. соответствие балт. **līg-*, которое носит бесспорный характер и очень важно как в культурно-историческом, так и в ареальном плане, и тем не менее не учтено Покорным. Речь идет о данных албанского языка. Йокль WS 12, 1929, 83 обратил внимание на термины, относящиеся к взаимнообмену как правовой категории, ср. *me pėrligjė* 'выравнивать' ('aus-gleichen', 'aufwiegen', ср. *me pėrligjė me flori* 'mit Gold aufwiegen'), *pėrligjė* 'вознаграждение', 'удовлетворение', 'расплата', 'обязанность' и даже *ligjė* 'закон'. При этом Йокль связал эти слова с лит. *lygus, lyginti*, лтш. *līdzīgs, līdzināt*, прусск. *polijgu* и пришел к выводу, что значение 'подобный' ('gleich') не могло быть исходным значением ни для балт., ни для алб. Культурно-историческим локусом появления этого понятия была, по его мнению, сфера права, и этим происхождением объясняются многие частные детали в истории этих слов в отдельных и.-евр. языках. Особый вопрос — отношение к этой теме алб. *lidhė, lidhe, lidhje* 'узы', 'связь', 'соединение', 'союз'; 'заключение (договора)' и т.п., *lidh-* 'связывать', 'соединять'; 'договариваться', 'заключать (договор)'; 'определять', 'утверждать' и т.п. Раньше полагали, что эти слова в конечном счете сформировались на основе элемента, заимствованного из лат. *lig-* (*ligo* 'связывать', ср. *religio*). Проще, как это и делает Покорный (1, 668) возводить эти албанские слова к и.-евр. источнику как самостоятельную версию, т.е. непосредственно, хотя тот вид, в котором реконструируется этот источник (**leig-*, **leig-* 4 'связывать'), нужно признать весьма уязвимым. Элемент *lidh-* входит вторым элементом в сложное двучленное слово — алб. *besėlidhės* 'союз', 'связь', 'соглашение', 'слово чести' (ср. *besėlidhun*). Первый элемент этого слова — алб. *besė* 'вера', 'религия', 'согласие', 'обет', 'дружба' и т.п. (Mann Hist. Alb.-Engl. 1948, 26—28), ср. *besój* 'доверять', 'верить', 'веровать', 'надеяться' и т.п. и *bind-* 'убеждать', 'уговаривать' (*bindem* 'убеждаться', 'соглашаться'; 'присоединяться' и др.), *besnfk* 'верный', 'преданный', 'надежный' и т.п. Все они восходят к и.-евр.

**bhendh-* 'связывать' (Pok. 1, 127), согласно Meyer EWAlb. 1891, 33, 36. Сюда же следует отнести и имя-эпиклеса фракийской богини Βένδις · Βενδις, определяемой у Гесихия как ἡ Ἀρτεμις... и выступающей как "связывательница" (ср. ту же функцию у богини Ἥρα Ζυγία, покровительницы браков и охранительницы семейных устоев, мира в семье), а также упоминаемый Ласицким мифологический персонаж *Bentis* (надо читать: *Bendis), о котором сказано (в очень показательном контексте): "Dersintos pacem conciliat, ut et Bentis is creditur, qui efficit, ut duo vel plures simul iter aliquo instituant" (LPG 356—357). В этом контексте алб. *besëlidhje* обнаруживает исходный семантический комплекс, восстанавливаемый приблизительно как 'связь & равенство', т.е., видимо, тот вид союза-союзнничества, в основе которого лежит равный договор, согласие двух юридически равных элементов (ср. Acta B.-sl. 17, 1986, 291—293). Важно напомнить, что и в лат. *ligo* возникают "юридические" значения, довольно близкие тем, что характеризуют балт. **lig-*, ср. в лат. *ligo* не только 'вязать', 'связывать', 'запрягать' (ср. *ligāmen*, *ligātūra* и под.), но и 'заключать' (*pacta*. Propert., *conjugia*. Seneca и т.п., т.е. договор, брачный союз и т.д.), ср. также *ob-ligo* в таких его значениях, как 'обязывать', 'связывать' /договором, законом/ (ср.: *obligere* в таких контекстах, как *aliquem tribus milibus aeris*. Liv.; *cives novā lege*. Cicero.); 'вменить в вину', 'обвинять'; 'отдавать в залог'; 'торжественно обещать' (*obligere & fidem suam*. Cicero., *obligere & caput suum votis*. Horat.) и т.п.; сугубо юридическими терминами являются лат. *obligatio* 'обязательство' (*pecuniae*. Cicero.; *ex contractu*. Digesta); 'поручительство' (*pro aliquo*. Cicero.), *obligātorius* 'имеющий обязательную силу' (*mandatum*. Digesta), *obligāmentum* 'обязательность' (*legis*. Tertullian) и под. Реконструкция всего состава и.-евр. гнезда, к которому восходит балт. **lig-*, было бы сейчас, м.б., преждевременным, но все-таки нельзя исключать отнесение к нему и лат. *ligo*, взятого, напр., в такой семантической рамке, как "сопоставлять — сравнивать (делать равными в силу вхождения в одну и ту же конструкцию, в силу соположения-сопряжения) — связывать (наличием подобного равенства)". В любом случае можно, видимо, сказать с достаточной уверенностью, что круг фактов, на основании которых восстанавливается и.-евр. **leig-/lig-*, шире, чем обычно думают; что "юридический" слой в значениях этого элемента богаче и архаичнее, чем предполагают; что балтийские данные играют особую роль в истории этого элемента; что, наконец, прусские факты оказываются в этом отношении ключевыми.

Лит.: Thes. 1873, 93; Leskien Bild. 1891, 240; Pr. Spr. 1896, s.v.; APSpr. 370; Būga RR I, 111, Jokl WS 12, 1929, 83; ME 2, 479, 480; SPV 203; Falkenhahn Der Übers. 1941, 204; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 28; LEW 370—371; Pok. 1, 667; Žulys Baltist. 1, 1966, 155; Stang Lex. 1972, 32—33; OP 79; St. OP 3. 406; PKP II, 291, 294, 319; Топоров Acta B.-sl. 17, 1986, 291—293; ср. также Лит. к статье *ligint*. — [*ligan; *ligan (?)].

ligint 'судить' (I g). К III, 31, 18 (...isquendau tāns pergūbons wijrst prei ligint stans gijwans bhe aulausins '...von dannen er kommen wirdt

zu richten die Lebendigen vnd die Todten'); — *liginton*. К III, 79, 4 (Stwendau wirst pergūbons preiliginton stans geiwans bhe Aulausins '...zu Richten...'); — *leygenton*. К II, 11, 32 (в том же контексте, что и К III, 31, 18; 79, 4; '...zu richten...'); — *leiginwey*. К I, 5, 33 (preyleiginwey, в том же контексте, что и К II, 11, 32; К III. 31, 18; 79, 4; '...zu richten...'). Infin. — Фонетически исходной нужно считать форму с монофтонгом *i*; формы с *ei* в корне вторичны. Ударение накоренное. Все эти четыре формы относятся к одному и тому же контексту, все они разные, хотя представляют собою одну форму — инфинитив, практически исчерпывая все варианты инфинитивной флексии — *-t-*, *-ton (-tun)*, *-ivei*, см. об инфинитиве SPV 125—126; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 212; Vgl. Gr. 1966, 448—449; BL 1970, 141; OP 188 (здесь форма на *-ton* трактуется как Supin). Форма *leiginwey* — из *leigintwey (см. еще Lewy IF 32, 1913, 168 = Kleine Schriften 1961, 320). У Вилента в соответствующем месте "Энхиридиона" — Isch tē ateis suditu giwu ir nūmirusiu; в латышском "Катехизисе" 1586 г.: ...no thurrenes thas atees βodyt tōs cziwes vnde muergunnes. Выбор супина, соответствующего прусск. Infin., *suditu* не вызывает сомнения, поскольку словами того же корня у него (как и Мажвидаса) передаются и существительные, сопоставляемые с прусск. *ligan*, но лтш. *bodyt* вносит новый, несколько неожиданный элемент, поскольку в соответствии с прусск. *ligan*, *lijgan* в "Катехизисе" 1586 г. выступают *tese* [= *teise*] и *taisne szode*. — Прусск. *ligint* и под., находящее себе поддержку в именных образованиях типа *ligan* и само засвидетельствованное четырежды в прусских катехизисах, восстанавливается и по литовским прутенизмам в языке Бреткунаса (Библия), являющимся заимствованиями из прусского языка в говоре соседних литовцев из Малой Литвы. Так, в переводе фрагмента Евангелия от Иоанна 5, 27 ("И дал Ему власть производить и суд..." в соответствии с греч. καὶ ἐξουσίαν ἔδωκεν αὐτῷ κρίσιν ποιεῖν, ср. лат. Et auctoritatem ei dedit etiam iudicium exercendi...) Бреткунас употребляет форму *liginti* [= *lyginti*], тогда как в литовском переводе этого места выбирается обычно иной вариант — Ir davė jam valdžią, ir sudą daryt... (ср. лтш. Un tam aridzan varu devis, to tiesu turēt...). Лаукишский кунигас Gallus (D. Gaidys), сосед Бреткунаса, жившего в Лабгуве, исправляя текст перевода Библии вычеркнул *liginti*, вписав вместо него *juditi*. Фалькенхан Der Übers. 1941, 204, детально исследовавший бреткунасовские прутенизмы, дает "историческую" сводку: "Geschichte: Bretke übersetzt "richten" und "Gericht" Mitte März 1579: "sudiju" (VII 155' 5vu. Lc. 19, 22); so öfter bis 1. Mai 1580: "ligu" (VII 285' 9 vo, Act. 24, 25); 4. Mai 1580: "liginti" (siehe Beispiel, Joh. 5, 27), dies mitten unter Beispielen von "Sudas" und "suditi"; also sporadisch!". Из этих данных следует, что и перед Бреткунасом стояла проблема выбора между *sud-* и *lyg-*, во-первых, и что, во-вторых, случаи появления *lyg-*, пожалуй, нельзя считать окончательным его выбором: они отражают его колебания или, наоборот, сугубо волевые решения, но никогда не связаны со случайностью, с ослаб-

лением внутренней языковой цензуры. Вообще же похоже, что слово *līginti*, как и *lygus* (см. выше *līgan*), нравилось ему, и, каким бы было его окончательное решение, судить трудно. Тут же уместно напомнить, что в "Деяниях" (25, 17) также присутствуют и глагол и существительное с этим корнем, и выбор относится уже не к сфере лексики, но грамматических классов слов. Ср.: *Netrukdam antrā diena turėjau lygā [на полях: lygīnau] ir liepiau tą vyrą atvesti* (LKŽ 7, 470), причем сам перевод в этом месте очень не строг (ср. в латинском тексте: *sedens in tribunali*). Через три с лишним века такое же пристрастие к этому слову проявил Буга — "Reikia būtinai įvesti senobės pors ir užmiršti žodžiai — *lygus* — sud, *lyginti* — sudīt" (из неизвестного точнее источника, цит. по LKŽ 7, 470; ту же тему см. — RR I, 111). О *līginti* (= *lyginti*) у Бреткунаса см. Žulys Baltist. 1, 1966, 154. — В статье *līgan* (см. также *polijgu*) предложен вариант объяснения семантической эволюции балт. *līg-* (по внутренним данным), приведшей к "юридическим" значениям в прусск. *līgint*, *līgan* и т.п., а также факты других и.-евр. языков, свидетельствующие о сходном или отклоняющемся направлении развития и.-евр. **leig-/līg-* (Рок. 1, 667) по внешним данным. Отсылая к результатам семантической эволюции, здесь можно сосредоточиться на чисто формальной стороне соответствий прусск. *līgint*, помня, конечно, что семантически наиболее убедительны параллели из вост.-балт. языков и албанского, а формально — и из германских языков. — Самая наглядная параллель к прусск. *līgint* — лит. *lyginti* 'ровнять', 'выравнивать', 'сличать', 'сравнивать' и под., морфологическая семантика которого определяется со всею четкостью при соотнесении, с одной стороны, с Adj. *lygus* 'ровный', с другой, с Vb. *lygti* 'выравниваться'; 'торговаться' (ср. у Ширвида Dict.: *liginu* 3, 382 ('rownam so'); 1, 32 / = 42/, 157; *liginuosi* †, 35 и т.п. при *ligus* 1, 35, 157; 3, 4, 87, 298, 382, 468 и других словах этого корня; у Даукши Post.: *liginu* 293, 14; *ligindamas* 167b, 40; *ligindamas* 45, 52; *līginas* 203, 17; *līginas* 91, 33; 291, 17; *līgus*, passim и т.п., см. Indeks Daukš. 1, 415—416; у Донелайтиса Metai: *nesilygikim*. Rud. gėryb. 886, а также Šiaur. ryt. dūn. žod. 176; Laz. tarm. žod. 147; Drusk. tarm. žod. 192: *lygyti*, -ia(-ina) и т.п.); разумеется, сюда же и префиксальные образования с *ap-*, *at-*, *i-*, *iš-*, *nu-*, *pa*, *pri-*, *su-*, *už-* (см. LKŽ 7, 470—473), и все виды глагольных основ с корнем *lyg-* (включая и *lyginėti*. 7, 468). Обращает на себя внимание, что в немецко-литовском словаре XVII в. при наличии *lygus* 'суд' (Lex. Lith. 57) отсутствует глагол того же корня, но есть *sūdyti* (41, 71, 102), соотносимое с *sūdas* 'суд' (41, 102 и др.). В латышском нет столь точного соответствия прусск. *līgint*, как лит. *lyginti*. Тем не менее глагольные параллели достаточно разнообразны и некоторые из них весьма близки (отсутствие же глагола, в котором корень *līg-/līgz-* сочетался бы с презентным показателем *-in-*, объясняется спецификой развития этого типа в латышском, см. Endzelīns LVG 1951, 833—840; BVSF 199—201; Stang. Sl. u. balt. Vb. 1942, 177; Vgl. Gr. 1966, 369 и др.). Ср. прежде всего лтш. *līdzināt* 'равнять', 'уравнивать' и т.п. (ME 2, 481; EH 747;

sa-lihd[finnaht] у Лангия. LVV 142, ср. *sa-lihd[finna]schana* и под. 141—142; Ērg'. izl. vārdu. 2, 219—220; Laumane Dial. leks. 2, 1986, 145 и др.); *līdzēt* 'помогать', *pa-līdzēt*, то же, *līgt* 'нанимать'; 'объединяться' и др. Из других и.-евр. языков глагольные параллели несомненны в германских языках. Их глубинный и/или исходный смысл — идея подобия, равенства, то сильно затемненная, то довольно отчетливо проступающая. Ср. готск. **leikan* árēskeiv, с идеей улаживания, угождения, умиротворения — *leikaif*, *ga-leikan*: *galeikaida*, **faura-ga-leikan* protideodai: *faura-galeikaida* и др., но *ga-leikon* bmoūv, 'сравнивать', 'делать похожим', но и bmoūbđai (при *ga-leiks* 'подобный', **ga-leiki* 'подобие': **anparleikei* 'различие', 'разница' и т.п.); ср. также др.-исл. *líka* 'ровнять' и т.п., др.-англ. *līcian*, др.-фриз. *līkia*, др.-сакс. *likōn*; др.-в.-нем. *līchan*, *līhhēn* 'быть похожим', 'нравиться' и т.п. (см. Stang Lex. 1972, 32—33 ['gleich sein' > 'angemessen sein' > 'behagen']; Altnord. EWb. 356; Goth. ED 142, 230—231 и др.), но эксплуатация слов этого корня в сфере права практически, кажется, отсутствует, хотя некоторые основания для этого существуют. Совсем иную картину дает в этом отношении албанский. Уже Йокль WS 12, 1929, 83 обратил внимание на "Terminus des Verkehrs- und Rechtslebens" алб. *me përligjë* 'выравнивать' (*përligjë* 'вознаграждение', 'удовлетворение', 'расплата' и даже *ligjë* 'закон' и сравнил его с балтийскими параллелями и прежде всего с прусск. *līgint* (: *līgan*). В связи с этими же балт. словами Широков IV Viss. balt. konf. 1980, 204 привел алб. *ligjoj* 'умиротворяю', *ligjoj* 'присудение по покойнику', 'примирение' (также *me përligjë* — лит. *iš-lyginu*). Впрочем, нужно помнить, что и эти и некоторые другие албанские слова, дающие основания для рассмотрения их как независимых продолжателей и.-евр. **leig-/līg-*, объясняются иногда и иначе, вне прямой или вообще какой-либо связи с этим корнем. Но также можно думать и о некоторых пока еще не вскрытых рефлексах его в языках, где до сих пор следов **leig-/līg* не находили. Выше (см. *līgan*) было высказано предположение о возможности существования праслав. **lyg-* (< **līg-* : **līg-*), которое могло бы входить в состав и глагольных слов. Если верно одно из альтернативных допущений ван Виндекенса Tokh. conft. 1976, 260 и тох. AV *lek* 'внешний вид', 'телодвижение', 'жест' сопоставимо с готск. *leik* 'тело' (σῶμα), лит. *lygūs* (см. Lane Lang. 14, 1938, 24) и под., то оно может рассматриваться как еще один (правда, именной) рефлекс того же и.-евр. корня, но в *o*-огласовке — **lōig-* (вокализм *e* в *lek* склоняет исследователя к предположению, что тох. *lek* было заимствовано из тох. *A lek*). В связи с тохарским и германскими словами, обозначающими тело (готск. *leik*, др.-исл. *lík*, др.-англ. *līc*, др.-фриз. *līk*, др.-сакс. *līk*, др.-в.-нем. *līh*, нем. *Leiche* и т.п.) или внешний вид, облик, лицо, нужно указать типологически частое совмещение в одном слове двух кругов значений — 'тело' и т.п. и юридические термины. Ср. лат. *corpus* 'тело', 'туловище', 'труп' и т.п., но и 'личность' (*corpus liberum* 'свободная личность'), 'общественная организация', 'община' (ср. у Ли-

вия — *coalescere in unius populi corpore* или *corpus civitatis* как обозначение всех граждан, *totum corpus rei publice*. Cicer., о государстве в целом), 'сословие', 'звание', 'корпорация' и т.п., ср. также *corpus delicti* и т.п. — Но независимо от всего круга фактов, относящихся к и.-евр. **leig-*, **lig-*, связь с прусск. *ligint* и его вост.-балт. соответствий с этим корнем не вызывает сомнений. Недавно Мажюлис РКР II, 291 сделал попытку более глубокой реконструкции источника прусск. *lig-* в виде и.-евр. **li-* (: *lei-*), продолженного расширителем корня -g-. Сам корень обозначает процесс литья, размазывания, разравнивания (ликвидации неровностей, шероховатостей) — "liejant ką pors (glaistoma) lyginti". В широкой перспективе, согласно этому мнению, прусск. *lig-* оказывается в связи с прусск. *laydis*, *layso*, *laims*, *lišo*, *likuts*, лтш. *liēls*, лит. *liesas*, *laibas* и т.п. Выигрыш от единого объяснения многих разных и считавшихся до тех пор не связанными фактов при всей теоретической привлекательности нередко чреват опасностью упущения индивидуального и перехода на совсем иной уровень (хронологический) интерпретации, где требуются уже для подкрепления выдвинутой точки зрения данные других языковых макросемей, входящих в более обширную и древнюю общность. Согласно Илличу-Свитычу Опыт постр. [2] 1976, 32—33, исследовавшему рефлексы ностратич. **L/ä/jl* 'вода, лить(ся)', относящиеся сюда б.-слав. и др.-инд. факты указывают на и.-евр. **leiH-*, что делает необходимым учет дополнительных критериев при доказательстве связи балт. **lig-* со всем указанным выше кругом слов.

Лит. Thes. 1873, 93; Bezenberger BGLS 1877, 298; Pr. Spr. 1896, s.v.; APSpr. 370; Lewy IF 32, 1913, 168 (= Kleine Schriften 1961, 320); Būga RR I, 111; Egdzelin Lett. Gr. 1922, 508—509; ME 2, 479; SPV 203; Jokl WS 12, 1929, 83; WP II, 398—399; Falkenhahn Der Übers. 1941, 204; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 179; Vgl. Gr. 1966, 370; Lex. 1972, 32—33; LEW 370—371; Pok. 1, 667; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 46; Žulys Baltist. 1, 1966, 154; BL 1970, 141; OP 188; Широков IV. Viss. balt. konf. 1980, 204; РКР II, 291, 319; Топоров Acta V.-sl. 17, 1986 (1987), 292; Goth. EWb. 142. — [*ligint; *ligintun, **l'igintun*; *ligintvei, *ligintvei].

{*lig-is}, см. [**lig-*].

{**lig-* & **pan-*}, ср. *Ligopanie*, 1331—1335, болото (APON 88). — Ср. висл. *Ligopanie*, озеро (HW 530). — Сложное двучленное название. В первом члене — *lig-*, скорее всего к [**lig-*] в значении 'ровный' ('плоский', 'гладкий', м.б., и 'низменный'); во втором члене — обозначение болота, ср. прусск. *pannean*, см. также [**pan-*], представленное в названии болота — *Panyen*, 1267; *Panun*, 1339; *Panygen*, 1422; ср. *Pangen*, ок. 1405 (APON 114); *Campopanie*, 1326, топь, болото (APON 55), см. [**kamp-* & **pan-*] и др. Буга RR III, 126 локализует топоним *Ligopanie* в прусской Галиндии. В целом — что-то вроде 'ровное болото'. К типу словосложения см. прусск. [**lig-* & **ged-*] или лит. *Lýglaukiai*, *Lýgnugariškiai*, *Lýg-sodė* или даже скорее *Lýgalaukiai*, *Lýgialaukis*, *Lýgamiškis* (LATSŽ 161); несколько иной тип представлен лтш. *Līg-urē*, *Līg-upis*, *Līgas-ēzērs*, *Līg-ciems* и т.п. (LV I, 2, 319); более сложный тип — лит.

Lyg-aik-upis (LHEŽ 190). — Об иллирийских параллелях к *Ligopanie* см. Kasparsons FBR 18, 1938, 57.

{**lig-* & **sed-*}, ср. *Lixeden*, 1405, позже — *Lixeiden* (APON 90). — Сложное двучленное слово; к первому члену см. [**lig-*] и под.; к второму — [**sed-*], *sīdons*. В целом, видимо, обозначение ровной местности (поселения). Каждый из составных элементов входит и в другие двучленные слова — см., с одной стороны, [**lig-* & **pan-*], с другой, — [*garb & **sed-*].

lijcki, см. *polijcki*, *polāikt*, *laikūt*.

{**lik-*}, ср. Nom. pr. *Licke*, шалав, 1347 (APN 52, 143); — *Licke*, река (Foelich Flußn. Ostpreuß. 1930, 64). — А priori трудно решить, идет ли в данном случае речь об одном и том же корне или это корни-омонимы. — К личному имени *Licke* ср. еще прусск. *Na-licke* (см. [**na-* & **lik-*]), а также ряд суффиксальных образований от этого корня, см. [**lik-ait-*], [**lik-aš-*], [**lik-āt-(?)*], [**lik-us-(-uz-)?*], [**lik-ut-*], [**lik-ut-in-*], [**lik-s-*]. Из вост.-балт. Nom. pr. ср. лит. *Likas* (*Likáičiai*, ст.-лит. *Likelis*. Liet. antrop. 249); лтш. *Likas*, *Likays Tomas*; *Andres Liken* (LPV 1, 205: к *Liken* ср. *liķis* 'Schmeichler', *liķis* 'der Krumme'), *Likul* (1, 331) и др. Вероятно, эти имена отражают нулевую ступень того же корня, который используется в прусск. Nom. pr. *Leyke*, шалав (: *Licke*, шалав), *Na-leyks* (: *Na-licke*) и др. Обычно связывают с и.-евр. **leik^a* 'оставлять', 'оставаться' (Pok. 1, 669), ср. б.-сл. *leikō, *linkō (BSW 154—155), ср. прусск. *po-linka*. Но нельзя полностью исключать возможности связи отдельных имен с нулевой ступенью корня от и.-евр. **leik-* 'изгибаться(ся)', 'гнуть' и т.п. (Pok. 1, 669). — Об иллирийских ономастических параллелях *Licco*, *Licca*, *Lic(c)aus*, *Liccana* и др. (ср. Spr. alt. Illyr. 1957, 210—211) см. Krahe Festschr. Vasmer 1956, 250. — Относительно прусск. гидронима *Licke* теоретически можно было бы думать, что он связан с соответствующим Nom. pr. подобно тому, как лит. *Lik-upys* (LUEV 92; Liet. hidr. 331; LHEŽ 191) Ванагас связывает с лит. Nom. pr. *Likas* ('речка протекает через усадьбу Ликаса'). Но полная идентичность формы прусского Nom. pr. и гидронима (в отличие от литовской ситуации), не говоря уж о некоторых других соображениях, делает такое объяснение для прусского весьма сомнительным. Впрочем, и для лит. *Lik-upis* Ванагас (LHEŽ 191) считает связь с личным именем *Likas* сомнительной (правда, по той причине, что это имя в окрестностях Шилале, где протекает *Lik-upis*, теперь неизвестно) и, соотнося этот гидроним с прусск. *Licke*, говорит о возможности связи с лит. *likūtis*, об остатке, оставшейся части чего-то (LKŽ 7, 517), ср. *likti* 'оставаться'; если это объяснение верно, то гидронимическое *lik-* обозначает что-то вроде старицы, ср. лит. *sēnupė*, *sėnvagė*, *Sėnupė*, *Senāupis* и т.п. Ср. также лит. *Likiškis*, *Likiškiai*, *Likiškiai*, *Likiškės*, *Likiškėliai* (есть и *Likiškėlių ēžeras*), *Likáičiai*, *Likalaukiai*, но и далее — *Likenai*, *Likėnėliai* и т.п. (LATSŽ 161); лтш. *Likauški*, *Liķene*, *Lik-purvs* (LV I, 2, 305, 306; ср.: *liķis* уре, *liķi*; *liķene*, *liķens*: *liķis* 'der Krumme'. I, 2, 322); ср. куршск. *bit an de krumme der Vdera, dat dar genōmet ist de Lukumme*, 1422 (KF 121: к лтш. *likums*

'изгиб', 'излучина' и т.п., т.е. $\bar{i} < *in$). — Не вполне ясно, как объяснить висл. *Likies*, озеро, *Likieckie Jes.* (HW 581) и даже старые записи названия *Ehk*, *Lek* и т.п. в басс. Нарева, ср. *Licka*, 1326 (обычно предлагается читать как **Luka* по примеру ряда других форм), *Likke*, 1343; *Licke*, 1438; *Lick*, 1595 (Hennenb. III, 15); *Lyck Fluss* (см. APON 91—92; Słown. nazw. Mazur II, 30, 213; HW 436 и др.). Ср. также *Ликовка* (Слоўн. назв. Гродз. 138).

{*lik-ain-}, ср. *Lykaunen*, 1483 (APON 88). — По Герулису, от Nom. рг. *Licke* с помощью суф. -ain-. — См. {*lik-}, а также этот корень с разными суффиксами. — Обычная для прусск. модель словопроизводства с суф. -ain- — *Alkaune*; лит. *alkà*; *Lepaunen* : *lipe*. Буга RR I, 163 в связи с прусск. *Laykoth* приводит лтш. *Laiciene* (*Oppekaln*), которое в принципе могло бы служить другим источником для реконструкции типа **laik-(lik-)-ain-(-ein-)*. Но Эндзелин предлагает сравнивать *Laiciene* (как и *Laicani*, *Laicene*, *Laiciņi* и т.п.) с эст. *Laitse* или лтш. *lāicene* 'кувшинка', правда, со знаком вопроса (LV I, 2, 247).

{*lik-ait}, ср. Nom. рг. *Lycoyte*, 1350 (APN 52, 181). — См. {*lik-} и под. — Образовано с помощью суф. -ait-, подробно лит. *Likāičiai* (: *Likas*); ср. прусск. *Dykoyte* : *Dike*, *Wargoyte* : *Wargitte* и т.п. О балт. -ait- см. Leskien Bild. 1891, 574; Būga RR I, 177. — См. {*laik-āt-(-ōt-)}.

{*lik-aš-}, ср. Nom. рг. *Likasche* (APN 52, 143). — См. {*lik-} и под. — Образовано с помощью суф. -aš-. Траутман, рассматривая примеры с суф. -iš-, uš-, упоминает и *Likasche* в одном ряду с *Petrasch* (или польск. *Pietrasz*), *Beynassye* (ср. польск. *Bieniasz* ?), считая их "Nachbildungen" (APN 180). Об aš- ср. LKŽD 316 (*Bālašas*, *Rgbašius* в Nom. рг. и *Gerdāšiai*, *Gudāšiai* в топонимах); Liet. hidr. 96 (*Savašà*, *Savašà*, *Dumāšė*, *Gargāšius*, *Milāšius* и т.п. в гидронимии).

{*lik-āt-(-ōt-)}, ср. Nom. рг. *Lykocz*, 1340; *Lykotes*, 1403 = *Lekoth*, 1411; *Lykothe*, 1387; *Liccote*, 1349; *Licote*, 1346 (Mon. Hist. Warm. 2, 63; *Licoce*, 2, 87; *Licoke*). APN 52, 143. — См. {*lik-} и под. — Образовано с помощью суф. -āt-(-ōt-), ср. *Dabote*, *Daroth*, *Garbote* и т.п. (APN 182—183). Траутман, хотя и не без колебаний, относит *Lykothe*, как и *Baydot*, *Vyot*, *Daugoth*, *Gydoth* и т.п., к балт. -āt- (ср. прусск. *Meynote* при лтш. *Meinates*). — К формам с меной -t-: -cz- ср. прусск. *Ayto*: *Aucze*, *Thawte*: *Taucze* и т.п. Формы типа *Licoce*, вероятно, описки в результате графической ассимиляции — тем более, что соответствующий суффикс крайне редок (*Byocke*, *Kymoocke*): Траутман предпочитает выводить его из -uk-. Ср. Būga RR I, 163.

{*lik-s-}, ср. Nom. рг. *Lixa*, 1447 (APN 52, 178). — Образовано от {*lik-}, см., с помощью суф. -s- по образцу *Darxe*: *Darge*, *Paxis* : *Page*, *Rexa*: *Rege*, *Kixe* : *Kicke* и т.п. — Ср. лит. *Likšai* (LATSŽ 161); лтш. *Likši* (LV I, 2, 306) ?; *Lyxsche* (LPV 1,205 : *Liškis* ?). — Ср. еще польск. *Liksajny*, *Liksany*: *Lixainen* (Słown. geogr. PZP 1, 162). — Ср. слав. **lixъ* (< **leik²s-*), также используемое в Nom. рг.

{*liksd-un-} — реконструируется как ятвяжское слово на основании документа об орденско-литовской границе 1396 г. (Cod. dipl. Pruss. V, 106 сл., № 86), где упоминается речка *Lichsdune* (ср.: von dem see vort

uff eyn flis das heysset die *Lichsdune* und von der *Lichsdunen* obir die *Blosene*...). Налена Acta B.-sl. 3, 1966, 131—132 связывает это название с прусск. обозначением орешника *laxde* (см.) и соответствующей топонимией, см. {*laksd-}, но предполагает здесь иной вокализм, что само по себе имело бы некоторые основания. Казлаускас отвергает это объяснение, относя *Lichsdune* к лит. *lįzdas* 'гнездо' (Baltist 3, 1967, 243, ср. St. OP 2.302). Видимо, он прав, хотя это не опровергает, судя по всему ятвяжской принадлежности названия. Более того, это название дает основание для реконструкции ранее неизвестного обозначения гнезда в ятвяжском (и прусском) — **li(g)zd-* (?) Ср. лтш. *Ligxten*, 1858; *Ligzdin-masts*; *Lizdėni*, *Lizdėnieši*, *Lizdiki*, *Lizduole* и др. (LV I, 2, 305, 306, 313); лтг. *Lizdiki*, *Лиздику*, оз. *Лиздикуво* (PN Latg. 281); лит. *Lizdai*, *Lizdėikiai* (LATSŽ 164); *Lizdų žėzeras* (LUEV 94; LHEŽ 195). Вставное g в словах этого корня хорошо известно в латышских вариантах, ср. *li(g)zds*, *li(g)zda*, ср. в сочетании с метатезой и выпадением d — *lizgs* (ME 2, 466—467: и *ligzduōt* 'гнездиться'; ЕН 741; Ērg'. izl. vārdn. 2, 233 и др.). Суф. с носовым согласным нередки в словах этого корня, ср. лит. *lizdīnė*, *lizdėnė*, *lizdīnis* (LKŽ 7, 633—634); лтш. *ligzdaine* (ЕН 741), *lygzdenīeks* (ME 2, 466). К топонимическому -un- ср. прусск. *Scalune*, *Labune*, *Raudune*, *Dirsune* и т.п. (APON 254), лит. *Kāmuna*, *Akune*, *Ramūnis*, но и *Beržūna*, *Matrūnà*, *Augūne*, *Alsūne* и т.п. (Liet. hidr. 202—203) и др.

licte 'свеча' ['свет/ильник/]. Гр. 50 ('lichte'); — *lickte*. Гр.-Г. 25 ('Licht'); — *Licte*. Гр.-Кип. 50 ('Lucerna'). — Заимствовано из немецкого. Ср. лит. *liktis* 'свеча' (*Dumčiuks jo... skarbus sergēt tur, penkias liktis užsidegęs*, Donel.; *Dešimti likčių žibinau, ik bernelį pažinau* Jušk. Dain. 685. LKŽ 7, 513). — К соотношению значений 'свеча' (*licte*) и 'свет' (*Lichte*) ср. нем. *Wachlicht*.

— Лит.: APSpr. 370; SPV 203; Hermann NAWG. Phil.-hist. Kl. 1949, N 6, 152; Kiparsky Baltist. 6, 1970, 221; PKP II, 51. — {*likte}.

licke, см. *licte*.

{*lik-us-}, см. {*lik-uz-}.

{*lik-ut-}, ср. Nom. рг. *Lickucz*, *Likutte*, *Lickutte*; *Lickutte*, 1384; *Lykute*, 1354; *Lyckutte*, 1425 (APN 52, 143). — См. {*lik-}, {*lik-ut-in-}, *likuts*, *licuti*. — Формально образовано от *lik-* с помощью суф. -ut-, но, м.б., в данном Nom. рг. -ut- не является ономастическим показателем, и в качестве Nom. рг. выступает Adj. *likuts* 'малый', 'маленький', см. Kozierowski Sl. Occ. 3—4, 1925, 100; Brückner ZfslPh. 6, 1929, 57. — Из параллелей ср. лит. *Likūčiai* (LATSŽ 161); *Лукутушка* (Спрогис Геогр. слов. 168) и лит. *likūtis*, *likutys*, об остатке (см. LKŽ 7, 514), если, конечно, в этих Nom. рг. корень, действительно, *lik-*. Последнее предложение, кажется, подкрепляется некоторыми другими примерами, где вслед за -ut- следуют другие суффиксы. Среди Nom. рг. точное соответствие — ст.-лтш. *Lykutte* (LPV 1, 295).

licuti, см. *likuts*.

{*lik-ut-ij-ein-}, ср. *Liccutigeyn*, 1419 (APON 88). — См. {*lik-}, {*lik-ut-} и др. — Образовано от *lik-* с помощью цепочки суф. -ut-,

-ij-, -ein-; альтернатива — Adj. *likuts*, расширенное двумя суф. -ij-, -ein-. {*lik-ut-in-}, ср. Nom. рг. *Licutyne* (APN 52, 143); — *Licutyn*, озеро, 1364 (APON 88). — См. {*lik-}, {*lik-ut-}, {*lik-ut-ij-ein-}, *likuts*, *licuti*. — Возможно, что в обоих случаях и человек и озеро обозначаются по принципости "малости", ср. лит. Nom. рг. *Maželis, Mažėlis, Mažiukas, Mažeika* и т.п., но *Mažasāi ežerėlis, Mažūlis ež., Mažiūtis ež* и т.п. (LUEV 99). Вместе с тем нельзя исключать и производства этих имен от *lik-* с помощью суф. -ut- и -in-, как и разного (в пределах скорее всего этих двух указанных возможностей) происхождения каждого из примеров.

*licutkekers, см. *lituckekers*.

likuts 'малый'. Adj. К III, 19, 12 (Stas *Likuts Catechismus D.M.L. Mixkai bhe Prūsiskai... 'Der Kleine Catechismus Doctor Martin Luthers Deutsch vnd Preussisch...'*) Nom. Sg. masc.; — *licuti*. Гр. 66 ('klein'); — *Licuti*. Гр.-Г. 49 ('klein'); — *Licuti*. Гр.-Кип. 65 ('Parvus'). Форма не вполне ясна; возможно, Adv. от основ на -iō- или на -i- (типа *isarwi, reddi, teisingi, wesselingi* и т.п.) или Adj. Nom. Sg. fem. от основ на -iā или на -i (типа *ainaseilingi*), ср. в непосредственном соседстве *Debica*. Гр.-Г. 48 ('gros'), толкуемое с известной вероятностью (PKP II, 54) как Nom. Sg. neut.; другие интерпретации выглядят более натянутыми. — История изучения и истолкования этого слова не проста. Кажется, не обращали внимания на то обстоятельство, что в прусском языке идея малости выражалась еще элементом *mas-* [*maz-*], ср. *massais* Adv. Compar. 'меньше', который является (и именно в этом значении) общебалтийским — лит. *māžas*, лтш. *mazs* и, строго говоря, исключительно балтийским (см. LEW 422-423). Из этого факта следует с большим или меньшим вероятием, что *likuts* своего рода новообразование, возможно, более экспрессивное (во всяком случае менее нейтральное) и вошедшее в моду сначала лишь в ряде контекстов. Не исключено, что сначала основа *likut-* обозначала остаток, небольшое количество, чуточку, самую малость из оставшегося и лишь со временем была обобщена как главная носительница этого значения (см. ниже). В начале XX в. Беценбергер GGN 1905, 455 выдвинул точку зрения, согласно которой прусск. *likuts* представляет собой заимствование из н.-нем. *lütke, lütke* 'маленький'. Траутман APSrg 370 поддержал это объяснение, которое вполне соответствовало тогдашним представлениям о роли ниже-немецких заимствований в прусском (APSrg XV—XVI) и в латышском (Prellwitz Bestandteile 1891). Разумеется, прусская форма *likuts*, отличавшаяся от н.-нем. *lütke(e)* очередностью согласных в середине слова, объяснялась как "Umbildung" в направлении "балтизации" этого слова (ср. Smoczyński Jęz. asp. rogówn. 1986, 41). Правда, уже в ближайшее время Леви IF 32, 1913, 163 (= Kleine Schriften 1961, 316) высказал серьезное сомнение в правильности этого объяснения, но не на основании каких-либо изъянов в схеме н.-нем. *lütke(e)* > прусск. *likuts*, а по причине распространения этого элемента в прусских личных именах и названиях. В принципе сохранение точки зрения

Беценбергера—Траутмана было бы при этих обстоятельствах возможным при допущении очень раннего проникновения этого ниже-немецкого слова в прусский. В APN 143 Траутман вынужден был сопоставить прусск. *likutis* с лит. *pa-likūtis* 'Zurückgebliebener' (LKŽ 9, 264 указывает еще более "подходящее" значение — "kas menkas, užskurdęs, prastai auga", ср. *Palikutis gyvolis*), что, естественно, отсылало к прусск. *po-linka* 'остаётся', и, следовательно, фактически аннулировало прежнее объяснение Беценбергера. Пожалуй, оценивая эту новую ситуацию, Эндзелин SPV 204 лишь из вящей акрибии ставит вопрос о том, имело ли беспрефиксальное прусск. *likt значение 'zurückbleiben'. Представляется, что именно на этом пути был найден верный принцип разрешения проблемы прусск. *likuts*, в центре которой стояло определение семантической мотивировки слова. В результате утратила всякую актуальность старая точка зрения Лидена Arm. Stum. 1906, 97—98 (так или иначе принимавшаяся и по инерции уточнявшаяся WP II, 398; Krogmann IF 53, 1935, 47), согласно которой прусское слово сопоставлялось с лит. *liėknas* 'стройный', др.-ирл. *liach 'elenč'*, в чем Эндзелин усматривал семантическую неувязку. Тем не менее нахождение правильного ключевого принципа не вполне решало более частные вопросы, касавшиеся крайних ситуаций "снизу" и "сверху". Последняя относится к наиболее близким и точным соответствиям прусск. *likuts*. Таковым является лит. *likūtis, likutys*, обозначающее остаток, семантическая структура которого акцентирует малое количество (ср.: *Iš viso pilko tik likūčiai sugrižo namo; Ans likučius/menkus atlikusius gąstus/veža* и т.п. LKŽ 7, 514) и отвечает смыслу соответствующего глагола *likti* (ср. одну из основ презенса *liėka*. LKŽ 7, 497 и др., связывающую этот глагол с прусск. *po-linka*), главной его идее — не просто оставаться, но оставаться в условиях сильного количественного и качественного "утеснения", оставаться чему-то, хотя бы в ничтожном количестве, когда подавляющее большинство уже не осталось, исчезло; оставаться-выживать, когда это означает всего лишь удержаться, не исчезнуть полностью, не погибнуть окончательно (7, 497). В таком контексте и формировалось значение малости. Сама же малость понималась как результат своего рода отделения от целого части за частью, пока не осталось нечто немногое, малое. То, что прусск. *likuts* — Adj., а лит. *likūtis* — Subst., напоминает ситуацию польск. *malutki* — Adj. ('маленький') и русск. *малютка* — Subst. (с тем же значением). Аналогия усиливается родственной близостью балт. и слав. суффиксов, включая и такие балтийские образования, в которых семантическая и словообразовательная (суф. -ut-) идеи малости сочетаются, ср. лит. *mažūtis* 'мизинец', *mažutė, mažutė* 'младенчество', 'детство', так сказать 'малолетство' и т.п. (LKŽ 7, 978—979), ср. также лтш. *mazuotne* 'детство', *mazatne* (ME 2, 575: *mažiūtė, mažutnė* и др. LKŽ 7, 978—979). "Снизу" же, на индоевропейском уровне, речь идет как об уточнении круга фактов, образующих исходную семантическую ситуацию, так и о частностях, отсылающих к тому, что было до этой ситуации. Прежде всего

оказывается, что ближайшая параллель прусск. *likuts* среди других и.-евр. языков обнаруживается именно в славянском, где продолжатели и.-евр. *leik^u/*loik*^u- обнаруживают не только значение 'остаток' (как в ст.-сл. отьлькъ и т.п., см. подробнее *laikūt*), но и малости, малого количества. Здесь особенно следует выделить словен. *lek* 'немного', 'незначительное количество' (< *lěkь), ср. *niti za lek*, или *ólik* 'вообще ничего' (Etim. Sloven. 2, 132 и др.; ср. ЭССЯ 15, s.v. *lěkь и под.). Показательна и семантическая структура слав. *lišiti, **lišьнь(jь)* и под. При наличии отчетливых следов значения 'остаток' (ср. русск. диал. *лишняк* 'остаток' и т.п. и даже *лишáться* 'оставаться где-либо'. СРНГ 17, 90, 92 и др.) слова этого корня участвуют в реализации эантиосемической темы избытка — недостатка; с одной стороны, слишком много, излишек, сверх меры, с другой, — слишком мало или просто мало (*лишóк* 'немного', *лише*, *лишá*, *лишó*, *лишень* 'чуть', 'едва', так сказать, 'всего лишь', 'совсем немного', ср. СРНГ 17, 90—92). Собственно говоря, по идее оба эти семантических полюса сводятся к понятию предела — нижнего и верхнего и соответственно двух операционных приемов их определения, нахождения. Нижний предел выявляется через вычитание из того, что считается н о р м о й - м е р о й, через последовательное лишение ее элементов, которые ее составляют. Приближение к нижнему пределу означает уменьшение появления ситуации, определяемой малостью, немногочисленностью, остаточностью. Верхний предел, напротив, выявляется через прибавление, доведенное до той точки, когда присоединение лишнего элемента превышает меру, образуя излишек. С точки зрения нормы-меры и лишенность (отсутствие даже и малости) и излишек, даже минимальный, как бы равный той малости, что образуется в результате многократного применения к комплексу-норме операции лишения, одинаковы в том отношении, что нарушают — "снизу" или "сверху" — эту меру. Слав. *lix-/*liš-, обозначают ли они выход за верхний предел или за нижний, связаны поэтому обычно с отрицательными коннотациями: в первом случае — излишность, ненужность, во втором — лишенность, бедность, ущербность, пустота, плохость и т.п. (ср. др.-русск. *лихъ* 'лишенный', 'печальный', 'злой', 'плохой' и т.п.; чеш. *lichý* 'лишний', но и 'нечетный', 'лукавый', 'пустой', в.-луж. *lichí* 'голый', 'свободный', н.-луж. *lichy* 'холостой', польск. *lichy* 'нечетный', 'плохой', 'бедный'; словен. *lih* 'нечетный', 'непарный', с.-хорв. *lix* то же, и т.п.). — Эти факты и связанные с ними соображения позволяют оценить как ошибочное решение Покорного вывести прусск. *licuts* из гнезда *leik^u- 'lassen, zurück-, übriglassen' и "приписать" его к несколько странно формулируемому источнику — и.-евр. *leig- und *leik-, besser *oleig-/k- 'dürftig, elend'; 'Krankheit, schlechtes Ergehen' (Pok. 1, 667, 669—670; к этому и.-евр. корню возводились в свое время тох. А *lykäly*, В *lykaške*, *lkāške*. Duchesne-Guillemin BSL 41, 1940, 160—161; иначе — Windekens Tokh. confr. 1976, 273: *legh^u-*sko*- 'легкий'). Из сказанного, строго говоря, не следует, что параллели прусскому слову, помещаемые в гнезде *leig-/*leik-,

автоматически лишаются силы, но они, безусловно, нуждаются в пересмотре и, в случае признания их, в иной аранжировке (в частности, и хронологической). Подступы к ней можно найти уже у Шпехта Urspr. 1947, 125, 188, 192, 198, который исходит из корня *lei-, расширенного разными Wurzel-determinativ'ами. Поэтому прусск. *li-k-uts* оказывается по-прежнему, но на иных основаниях связанным и с лит. *li-gà* 'болезнь', и др.-греч. ὀλί-γος 'небольшой', 'малый', 'немногочисленный' и, м.б., λοι-γός 'гибель', 'уничтожение', 'беда' и 'губительный' и т.п., и арм. *atk'at* 'бедный', 'скудный', 'малый' (< **oli-k'o-*), др.-ирл. *llach* 'miser' (< **lei-k'o-*), и готск. *lei-tils* 'маленький', др.-сакс. *lu-tilil* (*u*-основа в отличие от *i*-основы в готском), др.-англ. *ly-tel* и т.п. Новый вариант такого же "лингвопалеонтологического" анализа, но более жестко ориентированного на балтийские данные, недавно предложил Мажюлис РКР II, 290—291. Согласно его точке зрения *likuts* (с вероятным ударением на первом слоге, ср. *k*, а не *ck*) произведено от глагола (или Adj. глагольного происхождения) *lik- 'уменьшаться', 'утончаться' < *li-k-, где *li- 'мазать', 'размазывать' ('*glaistytis*'), в свою очередь связанное с и.-евр. *lē i-/*li^z- 'лить', 'наливать' (откуда и 'наливая, размазывать по поверхности, выравнивать' и т.п.). Процедура, отраженная в подобной семантической эволюции глагола *lēi-/*li-, объясняет, по мнению исследователя и такие примеры, как прусск. *lig*- (лит. *lygus*), лтш. *liēls* прусск. *laims*, лит. *liesas* и т.п. Эта схема восходит в известной мере к Буге RR I, 332, который, однако, воздержался от разъяснений семантического характера. — См. также {**lik*-}, {**lik-ut*-} и под., с одной стороны, и *licutkekers, *lituckekers*, — с другой.

— Лит.: Thes. 1873, 93; Bezenberger GGN 1905, 455; Liden Arm. Stud. 1909, 97-98; APSpr. 370; APN 143; Lewy IF 32, 1913, 163 (= Kleine Schriften 1961, 316); Brückner KZ 45, 1913, 41; ZfslPh. 6, 1929, 57; Būga RR I, 163, 332; Kozierowski Sl. Occ. 3—4, 1925, 100; WP II, 398; Krogmann IF 53, 1935, 47; SPV 203—204; Specht Urspr. 1947, 125, 192, 198; Fowkes LPosn. 6, 1957, 109; Pok. 1, 667; OP 98; РКР II, 288, 291; Śmoczyński Jęz. asp. porówn. 1986, 41. — {**likuts*, **likut(a)s*; **li.kuti* (?)}

{**lik-uz(-us-)*}, ср. Nom. pr. *Lykuse*, 1356 [ср.: *contulimus fideli nostro Lykusen* — *mansos ad villam — locandam ac eodem nomine Lykusen nominandam*. Mon. Hist. Warm. 2, 234]; *Lykus*, 1372 (Döhning Über Herk. Masur. 1910, 45). APN 52, 143, ср. Pierson Altpr. NK 632; — *Likkosen*, 1353; *Lykusen*, 1358; *Lykoysen*, 1411—1419, позже — *Lykusen* (APON 88). — См. {**lik*-}, {**lik-us*-} и др. — Список примеров, приведенный у Герулиса, можно пополнить и продолжить: *Lykosen*, 1356 (см. выше); *Lykusen*, 1363 (Cod. dipl. Warm. II, 202, 233, 347); *Lycosen*, 1517, *Licosa* (дважды), 1521 (MKLO 82, 92); *Lekosen*, 1591—1603; *Likose*, 1597—1598; *Likossen*, 1615; *Likose*, 1625; *Likosen*, 1656; *Likusen*; *Likozen*, 1673—1674 (Bonk Gesch. Allenst. 1910, III, 439); *Likuzy* (Ibid. 449); *Likosen*, 1680—1685; *Likusen*, 1755, 1820; *Likusy* (нем. *Likussen*), 1879, 1884 (Słown. geogr. Polsk. V, 231); *Likuzy* 1947 (Słown. nazw. Mazur

I, 70; ср. *Likuski Las, Langseewald*, на сев.-зап. от Олыштына, в направлении деревни *Likus*. Ibid. II, 213); *Likusy* (Słown. geogr. PZP 1, 162); диал. *L'ikuzu*, см. также Górniewicz Kom. Maz.-Warm. 1965, № 2, 219; Pospiszylowa Acta B.-sl. 15, 1983, 261—262; Top. Warm. 89, 184, 208, 214. — В качестве первичного элемента выступает имя собственное *Likuse*, которое выводят из и.-евр. **leik*² с антропонимическим суф. -us/-os- (ср. *Trinkūs : *Trękus* и под.). Траутман признает *Lykuse, Lykose, Bandus* и др. не вполне ясными (APN 180). Конкретные записи, несомненно, отражают оба типа — и с глухим и со звонким свистящим в суф. — [*Likus-*] и [*Likuz-*]. Такая ситуация вполне возможна и реально наблюдается в чередовании сходных суффиксов при названиях одного и того же корня в литовском (ср. *Albūšis* : *Albūšis, Trimušis* : *Trimušis*). На основании совр. *Likusy*, предместье Олыштына (нем. *Likusen*) и других форм Поспишилёва восстанавливает прусскую форму Nom. Pl. *Likusai, которая в польской речи была усвоена как *Likusy*. Форма *Likuzu* может свидетельствовать как о прусск. суфф. -uz- (балт. -už-, см. APON 255 и др.), так и о результате немецкого посредничества (переход интервокального -s- в -z-). В отдельных конкретных ситуациях каждый из этих факторов мог вступать в игру. Можно также отметить известную предрасположенность корня *Lik-* к *u*-суффиксам (-ut-, -us- и под.), ср. также лит. *lykūs, lūkius, liekūs* и т.п. — Отрембский LPosn. 9, 1963, 117—118 восстанавливает *Льк-ушь как источник названия городка к сев.-вост. от Кракова *Olkusz* (в старых документах и *Ilkusz*) и сопоставляет эту реконструированную форму с лит. *Likuvà* (польск. *Likówka*), около Гродно; лит. *Likėnai* и т.п.

{*lim-}, ср. *Lima*, луг. 1394, Самбия (APON 88: ср. Daubaras Baltist. 17, 1981, 89); ср. также *Lima*, 1364 как вариант *Lymaio*, см. {*lim-aj-}. — См. {*lim-aj-}, {*lim-ang-}, {*lim-ij-ein-}, {*lim-īt-}. — Согласно Буге RR I, 312, 505 (ср. также 424) и, судя по всему, присоединяющемуся к нему Герулису, все эти названия восходят к и.-евр. корню **lei-/lī-* 'лить' (: прусск. -*leiton*, лит. *lėti*, лтш. *liēt*, слав. *liti и т.п.) с расширением -*m-*. В основе этих названий лежит, как считают, апеллятив, обозначающий топкую, болотистую местность (ср. др.-греч. *λειών, λίμνη*, соответственно — 'луг' и 'стоячая вода', 'болото'; 'озеро' и т.п., лат. *līmus* 'грязь', 'ил', 'тина' и т.п.; тох. *A lūdm* 'озеро', В *lūdm* и др.). — Ближайшие параллели — лит. *Liminas* (название 15 озер в вост. части Литвы), *Liminėlis* (6 озер в том же ареале), *Limenė, Liminė* (LUEV 92—93; Liet. hidr. 125, 155; LHEŽ 191; Пробл. б.-сл. отн. 1983, 21); *Liminas, Liminiai, Liminėlis, Liminiškės, Limónys, Limėikiai, Liminasėlis* (LATSŽ 162); лтш. *Limman*, 1782; *Limaņi, Aiz-limaņi, Limēni* (LV 1, 2, 306—307); *Limanu-, Limenu-ezers* (Dambe Onom. arser. 1986, 33—34); лтг. *Lėimaniški, Leimaniškas, Leimaniški, Лиманишки, Leimaniški ez., Лейманишки, Leumaniszki; Leimaņi, Лейманы, Lėimaņi, Лейман, Leimaniški/Mozī Leimaņi, Лейманы Малые* (PN Latg. 269). Буга RR II, 505 указал ряд подобных названий по соседству с балтоязычным ареалом, в смежных частях Белоруссии. Ср. *Limonia*,

приток Щары в Слонимск. у.: *Лемно* (< *Льмно), *Лемно*, деревня и *Леманка*, река в Дрисск. у. (Спис. насел. мест Витебск. губ., 153) и т.п. Но и еще дальше на восток и юго-восток встречаются неоднократно подобные названия. И не только в Белоруссии, где засвидетельствован и топографический термин *ліман*, который лишь в части своих значений может рассматриваться как заимствование ('расширение в устье реки'), а в других, возможно, продолжает балт. источники ('часть болота, где всегда стоит вода'), см. Яшкін Белар. географ. назвы 106, не говоря уж о топонимах и гидронимах, ср. *Лёмна, Лямна, Лёмница, Лямница* (Жучкевич Кратк. геогр. топон. слов. Белор. 198, с ошибочным объяснением); *Лёмнікі* (Слоўн. назв. Гродз. 137); *Лімень* (Слоўн. назв. Магіл. 103) и др. Ср. в Верхнем Поднепровье — *Лемна, Лямна, Лемница, Лемня* (вар. *Левна*). ЛАВП 192 (ср. также Вўга RR III, 529, 611, еще I, 424 и др.); в Поочье — *Леменка* (Гидр. басс. Оки 30, 90; ср. БСл. Иссл. 1987, 1990, s.v.), ср. *Лемна* в Тверск. губ. (Балто-слав. сб. 1972, 220). Отнесение этих названий к балт. (а не слав.) предпочтительнее в силу наличия бесспорных названий с основой *limin-* в балтийском ареале и особенностей их распространения к востоку. — Более поздние мазурские данные еще сохраняют старые прусские названия, ср. *Limajno*, озеро (*Leimangel See, Leinmangel*). Słown. nazw. Mazur II, 126; Słown. geogr. PZP 1, 162 ср. также *Limity*, нем. *Lemitten* в Олыштынск. воеводстве: **lim-īt-* ?); м.б., висл. *Lemańskie Jez* (HW 534, 730). — Эти балтийские названия принадлежат, видимо, к "центрально-европейскому" гидронимическому типу. Шмид в качестве параллелей указывает англ. *Limenan*, 956, *Leomanan*, 1033, теперь — *Leam; Lymenstream*, теперь — *Lemon; Limine, Limina* (XII—XIII вв.), теперь — *Lymn* и др. (Donum idg. Festg. Scherer 1971, 82—84; IF 77, 1972, 9). Шмид, как и его предшественники, также возводит балт. примеры с корнем *lim-* и их соответствия к и.-евр. **lei-/lī-* с суф. **-men-/mon-*. Покорный, рассматривая др.-греч. *λειών, λίμνη, λιμήν* и лат. *līmus* в ряду примеров, которые могли бы оказаться им родственными, предлагает разные комбинации других попыток объяснить эти слова на и.-евр. фоне (можно напомнить, что Шантрен Dict. étym. 3, 628 не считает этимологию др.-греч. слов ясной, полагая, однако, что они относились к обозначению стоячей воды; со ссылкой — Benveniste Origines 123). Покорный, по крайней мере в связи с балтийскими фактами, возможно, ближе к разгадке (Рок. 1, 308—309). Он в своем объяснении исходит из и.-евр. **lei-* 'изгибать(ся)' с расширителем корня -*m-*. В свою очередь это **lei-* он связывает с и.-евр. **el-* (ср. **el-eq-*, об изогнутых частях тела типа локтя). Но, вероятно, можно предложить еще одно решение, которое имеет преимущество в его "балтоцентричности", во-первых, и в лучшем учете характера топографических *lim-* объектов (болото, топь → стоячая вода → озеро), во-вторых. Видимо, стоит обратить внимание на то, что и.-евр. корень **lem-* 'ломать', 'разламывать'; 'мягкий' (Рок. 1, 674) в балтийских языках нередко сохраняет форму **lim-*, ср. прусск. *limtwey* 'ломать', лит. *limti* (: *lėmti*), лтш. *limt*,

limt (: *leñt*), см. LEW 354—355, 373, при праслав. *lemiti (только в в.-луж. *lemić* 'ломать'), др.-исл. *lemja* 'бить'. Учитывая многочисленные типологические параллели семантической связи обозначений болота и ломания (ср. нем. *Bruch* 'болото', 'топь': *brechen* 'ломать' или русск. диал. *лом* 'болото': *ломать*, слово того же корня, что и балтийские, только с вокализмом *o*; ср. ЭСР 2, 515—516; ЭССЯ, s.v.), целесообразно балт. названия с корнем *lim-* объяснять таким же образом.

{**lim-āj-*}, ср. *Lymaio*, озеро, 1362; *Lima*, 1364; *Lymange*, 1383, позже — *Leimangel-See* (APON 88). — Образовано от корня *lim* (см. {**lim-*}) с помощью суф. *-āj-*, ср. прусск. *Stabayen*, *Dadagen* (APON 247; SPV 43), лит. *Almajà* (: *Almè*), *Indrajà*, *Kamajà* и т.п. (Liet. hidr. 80—81; LKŽD 89). Следует обратить внимание на другое образование с элементом *-j-* от этого корня — {**lim-ij-ein-*}, с одной стороны, и на такие случаи, как польск. *nogaj* 'длинноногий' (: *noga*) — с другой. — Ср. мазур. *Limajno*, озеро (Słown. nazw. Mazur. II, 126)

{**lim-ang-*}, ср. *Lymange*, 1383, позже — *Leimangel* — *See* (APON 88). — Образовано от корня **lim-* (см.) с помощью суф. *-ang-*, ср. прусск. *Wadangen*, *Marang* и т.п. (APON 247; Daubaras Baltist. 17, 1981, 89). — Ср. мазур. *Limajno* в связи с немецким соответствием *Leimangel See* (но и *Leinmangel*). Słown. nazw. Mazur. II, 126; Słown. geogr. PZP 1, 162.

limatz, см. *limtwey*.

limauts, см. *limtwey*.

{**lim-ij-ein-*}, ср. *Lymeyeyn*, 1402—1408; *Limigein* 1411—1419 (APON 88). — Образовано от корня **lim-* (см.) с помощью суф. *-ij-* и *-ein-*. К *-ij-* ср. прусск. *Laysyen* (: *layso*), *Willekye* (: *wilkis*), *Pomedigen* (: *Pomede*) и т.п. (APON 248); лит. *Akijà*, *Ašvijà*, *Juodijà* и т.п. (Liet. hidr. 145—148). Ср. суф. *-ia* в балтийской гидронимии Поднепровья (*Турия*, *Орлия* и под.), см. ЛАВП 148, 239. Любопытно использование суф. *-ij-* при обозначении стран (*Lénkija*, *Lātvija*, *Rūsija*, *Vokietijà* и т.п., см. LKŽD 81) вместо другого используемого в этих случаях принципа — употребление Nom. Pl. соответствующего народа (*Prūsai*, *Žemāčiai* — при *Prūsija*, *Žemaitijà* и т.п.).

{**lim-it-*}, ср. *Lymiten*, 1292, позже — *Lemitten* (APON 88). — Образовано от корня **lim-* (см.) с помощью суф. *it-*. — Ср. *Limity*, нем. *Lemitten* в Ольштынск. воеводстве (Słown. geogr. PZP 1, 162).

{**lim-š(-s-)*}, ср. *Lymszen*, 1419 (APON 89). — Образование с помощью суф. *-š-* (или *-s-*), ср. прусск. *Paxis* (: лит. *Pakšys*), *Lixa* (: лит. *Likšas*), *Kixe* (: *Kicke*) и т.п. SPV 54; Liet. hidr. 192 и др. Корень **lim-* (см.), нужно думать, тот же, что и в указанных выше реконструкциях, см. также *limtwey* (: лит. *limti*, лтш. *limt*). — Практически точные соответствия в вост.-балт., ср. лит. *Limše*, луг; *Limšiūs* (вар. — *Limišiūs*), *Limšālė* (LUEV 93; Liet. hidr. 69, 155, 172; LHEŽ 191—192); лтш. *Līšis* (LV I, 2, 307). — Весьма вероятно, что родственно этим примерам и название речки *Ломша* в верховьях Днепра (ЛАВП 193), но с иным вокализмом корня; ср. и другие гидронимические

балтизмы в бассейне Верхнего Днепра с суф. *-ша* (*Домша*, *Сперша* и др.); думается, что нет необходимости выводить это *-ша* только из балт. *-usa* (ср. ЛАВП 156, 209); в ряде случаев целесообразно исходить из балт. *-š-* (ср. лит. *Gilšė* и т.п.). Возможно, сюда же следует отнести и окск. *Ломошка* (Гидр. басс. Оки 43: из *Ломша ?); сложнее ситуация с *Ламша* (Гидр. басс. Оки 130). Вместе с тем в широком контексте нельзя пройти и мимо таких названий, как *Limža*, *Limžański Las* (*Grosser Wald*). Słown. nazw. Mazur. II, 318; *Limža* (*Limbsee*). Słown. geogr. PZP 1, 162 и даже *Ломжа* (*Łomża*), объясняемое, впрочем, и иначе.

limtwei, см. *limtwey*.

limtwey 'ломать', 'нарушать' (Ia). К II, 11, 13 (Тou ni tur salobisquan *limtwey* 'Du solt nicht Ehbrechen'; — *limtwei*. К III, 25, 20 (Тou niturri Sallūbanlimtwei '...Ehebnechen' т.е. в том же контексте, что и К II, 11, 13); — *lembtwey*. К I, 5, 14 (... *pattiniskun lembtwey* '... Ehebnechen'; тот же контекст, что и в двух предыдущих случаях). Infin.; — *lemlai*. К III, 35, 29 (Kadden Deiws wissan wargan prātin bhe quāitan lemlai bhe kūmpinna quai noūmans... 'Wenn GOTT allen bösen Rath vnnd willen bricht vnd hindert so vns...'). 3. Sg. Cond.; по OP 170, — 3. Sg. Opt.; — *limauts*. К III, 49, 7 (... *imma tans stan geitin dīnkauts bhe limauts bhe dai swaimans maldaisimans...* '... Nam er das Brodt dancket vnnd brachs vnnd gabs seinen Jūngern...'); — *limatz*. К I, 7, 20 (... *bha limatz...* '... vnd brachs...', в том же контексте); — *lymuczt*. К II, 13, 21 (... *bhe lymuczt...* '...vnd brachs...', в том же контексте). 3. Sg. Praet. — В большинстве примеров корневой гласный находится на ступени редукции (*lim-* < *l_m); степень *e* засвидетельствована в *lemlai*; подобные аблаутные отношения характерны для основ с кратким гласным и исходом на носовой. Гласный *e* в *lembtwey*. К I (при *i* в аналогичных формах в К II и К III), возможно, объясняется из презентной основы (ср. *lemlai*), см. SPV 25; РКР II, 285. Различия в вокализме второго слога в претерите (*limauts*, *limatz*, *lymuczt*) объясняются обычно появлением *a* вместо *u* по аналогии. APSrg. 290 восстанавливает *limūts = *lymuczt* (и предлагает *limatz* читать как *limutz), считая, что *limū опирается на *limāje <*t*> и относится к *limtwei*, ка лит. *svyróju* к *svirti*; см. также Wijk Agr. St. 1918, 43; SPV 118; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 200; РКР II, 285; Скарджюс APhil. 3, 1932, 112 считал, что переход *ō* > *ū* не везде еще был осуществлен; OP 170 объясняет разноречивость гласных (*a*, *u*) в графике положением после губного. Графема *b* в *lembtwey*, т.е. в положении между *m* и *t*, выступает как стандартная "выставка". Дальнейшая интерпретация этого положения связана с трудностями. Согласно Смочиньскому ВРТJ 40, 1986, 178, остается не ясным, отражает ли эта графема фонетическую реальность или выступает как "писарский знак" для разграничения буквенных сочетаний *m + t*, *m + tw* и т.п. — О месте прусских форм с *lim-/lem-* в контексте апофонических связей балтийских продолжений слов этого корня см. Karaliūnas B. kalb. bendr. 1987, 179—180. — К морфологии

глагола ср. еще Vgl. Gr. 375, 397, 410, 460, 467. — Ближайшие параллели прусск. *limtwey* обнаруживаются в вост.-балт. языках, а также в славянских, хотя здесь они более скудны и/или менее точны в одних случаях, зато в других даже более показательны, чем вост.-балт. факты. Еще дальше отстоят германские факты, семантика которых довольно значительно отклоняется от исходных смыслов, засвидетельствованных в балт. и слав. Тем не менее есть известные основания говорить о некоем единстве продолжений и.-евр. **lem-/*lom-* в этих трех языковых группах, в известную эпоху занимавших смежные ареалы (см. Stang Lex. 1972, 33). Из вост.-балт. параллелей преимущественное значение имеют те, в которых корень представлен ступенью редукции или вокализмом *e*, т.е. *lim-* и *lem-*. Ср. прежде всего лит. *līmti*, определяемое в LKŽ 7, 518 как 'сгибаться', 'наклоняться вниз', 'никнуть' ('linkti', 'svirti žemyn'), но иногда — когда значение передается по-русски или по-немецки, — 'ломаться', 'надламываться', 'brechen'. То же относится и к префиксальным глаголам *ni-*, *pa-*, *su-līmti*. Во всяком случае важно заметить, что LKŽ не объясняет значение *līmti* через обычные обозначения действия ломания — *láužti*, *láužyti*, *daužyti*, *daūžti*, если не считать одного исключения ('/pa/lūžti'. 7, 518), значение которого в целом сильно ослабляется другими примерами, в которых противопоставляются ломание и сгибание (наклон вниз); ср., напр.: *Palūžo stiebelis ir pulimo* или *Palimeš, bet nenulūžęs ir neįtrūkęs*, но и, впрочем, *Rudenį stambrai visų žolių sulimo*, т. у. *sulūžo, sudribo*. Вместе с тем большинство примеров недвусмысленно свидетельствуют фазу, предшествующую с-лому, над-лому, ломанию, а именно — 'не удерживаться в прямом положении' ('neišlaikyti tiesiam'), 'изгибаться', 'наклоняться вниз', ср.: *Pilnos grūdų līmo varpos*; *Stimbrys plaskanių pradėjo līmti (dribti) nuo senumo rudeni* и т.п. (7, 518). Можно сказать решительнее: значение 'ломаться' возникает лишь как фиксация завершающей стадии всего процесса деформации — сгибания, склонения и, как правило, неотделимо от этих последних значений. Иначе говоря, то не ломается, что до этого не было согнуто и наклонено. Сказанное не имеет своей целью поставить под сомнение значение 'ломать' у лит. *līmti* в его прошлом и настоящем, но только установить ограничения этого значения и соответственно ограничения круга контекстов, в которых это слово выступает (о чем см. далее). Тем не менее нужно помнить об актуальности значения 'ломать' в словах с иным апофоническим вариантом этого корня; ср. лит. *lámdyti* или *laminti* (*Kam lám dai dviratį, kad nemoki važiuoti!*; *Kam lám dai stalą, jau ir taip jis kaip kibykla*. LKŽ 7, 109; *Aš lám ysu tave, — sako meška*. 7, 111), с одной стороны, и, с другой, такие слова, как лит. *lúoma*, *lúomas*, обозначающие результат ломания-слома, расчленения и внутренней новой организации расчлененных частей, установления ограничений, границ (пространственных, временных, социальных), см LKŽ 7, 691—692; Liet. k. bendr. 179—180 (ср. также соотношение прусск. *limtwei*, лит. *līmti* с лит. *lūmti* 'падать', 'опускаться', лтш. *lūmt* 'поскользнуться'. Чекман Аста

В.-сл. 9, 1976, 18). — В принципе такую же картину представляет и лтш. *līmt*, *līmt* 'сгибаться', 'гнуться'; 'полегать', 'опадать' и т.п. (ср.: *viņš jau sāk līmt nuo lielām pūlēm* ME 2, 470—471; EH 724). ср. также *līmt*, *līmt*, *līmt*. 2, 540; *līmdit* 'bewältigen' (к лит. *lámdyti*; ср.: *šuo vepri tikkuo trīs vīri spēja līmdit*. EH 773); с иным вокализмом ср. лтш. *lāma* 'низменное место', 'впадина', 'лужа' и т.п. (ME 2, 438) при лит. *lomà*, *lōmas*; и лтш. *luōms*, *luōma* как неологизм (начиная с Кронвальда, см. ME 2, 526—527) при лит. *lúomas*, *lúoma*. — Ограничиться только этим вост.-балт. фактами при осмыслении прусск. *limtwey* и истории слов того же корня было бы, конечно, ошибкой, заключающейся в отказе от введения всей проблемы в более широкий контекст, который позволяет увидеть и более глубокие семантические основания и.-евр. **lem-/*lom-*. В этой связи возникает необходимость обращения к рефлексам **lem-* в балтийском, открывающим "непривычный" круг значений. Ср. прежде всего лит. *lėmti* 'отделять', 'разъединять', 'определять', 'предопределять'; 'решать', 'устанавливать' и т.п. (см. подробнее LKŽ 7, 324—326). Этот глагол тяготеет к выражению довольно абстрактных значений, связанных с основным предикатом Судьбы — решать-устанавливать то, чему суждено (*lėmta*) быть; о мифопоэтическом аспекте проблемы см. выше (в частности, о **laime* & **lem-*). "Отдельно-обособляющее" значение у лит. *lėmti*, хотя оно и отмечается в LKŽ 7, 324 как первое 'iš anksto skirti' (наряду с другими, как бы растворяющими его в себе), по сути дела, отчасти является реконструкцией, объясняющей возникновение других значений (в диахроническом плане) и общий знаменатель смысла (в синхроническом плане, а также связь с соответствующими значениями в родственных словах, ср. лит. *lemėnti* 'ломать', *lamėnti*, *laminti*, *lámdyti* и др., причем иногда в специфическом употреблении (ср. Elena, Elena, vilkas ožką lámėna), см. LKŽ 7, 108, 110, 111, 321 и др. Сходная ситуация в лтш. *lemt* (*lemt*, *lėmt* ME 2, 450; EH 733), где, однако, идея разъединения завуалирована еще больше и о ней можно догадываться по "отрицательным" значениям (ср. 'Böses wünschen'. Fürecker I; *lemties* 'zwecklos, sinnlos oder erfolglos sich abmühen' и т.п.). Тем не менее именно разъединение, разрушение, деформация целого составляет главный мотив, который объединяет в вост.-балт. *lem-* с *lim-* (и, конечно, *lam-*). Этот мотив оказывается ведущим и в жертвоприношении, и в ситуации насильственной смерти (ср. в связи с медведем Эккерт Baltist. 16, 1980, 154—159; Пр. яз. IV, 76: *медведь пошел людей ломать при meškà/lokys & lam-*, восстанавливаемом на основании случаев типа *Aš lám ysu tave, — sako meška*; ср. также инвертированный вариант: *ломать медведя*), и в некоторых других сходных обстоятельствах. Акт разъединения целого для мифопоэтического сознания не является простым уничтожением, шагом к небытию, но он обозначает вычленение элементов, составляющих целое, их определение-установление с целью последующего соединения, приводящего к усилению формирующегося заново целого (такова, по крайней мере, идея операций расчленения жертвы на части,

отождествления их с частями космоса и последующего соединения в "новой жизни"). Жрец расчленяет (разламывает) жертву или ее образ; мудрец (нередко он совмещается с жрецом) расчленяет непонятное целое, задачу, решение которой неизвестно, определяет их отдельные элементы и приходит к необходимости такого установления, с помощью которого задача решается. Праслав. *rěšiti как раз и обозначает развязывание, освобождение, т.е. подлинное решение. Такова же ситуация и с балт. *lem-* (:lim- : lam-) притом, что решение может выражаться как суждение, предопределение, установление, в частности, в языковой (в устной форме), см. *lémti*, определяемое как 'iš anksto sakyti', 'nutarti', 'pasakyti', 'pranešti' и т.п. (7, 325). "Решение" как явление религиозно-провидческой сферы оказывается не отделимым от соответствующего "решению" казуса мифопоэтического "предправа" — нанесение ущерба целостности человека, вплоть до убийства. "Ломать голову" (*lomati & *golva. Obj. [ср. русск. диал. *ломíголова* 'сорванец'. СРНГ 17, 119], балт. **lam-* & *galva. Obj., где второй член — объект) как обозначение преступления, совершаемого "головником" (ср. укр. *головнік* 'убийца') и наказываемого в соответствии с уголовным правом, непосредственно отсылает к "ломанию головы" как обозначению внутренней структуры процесса нахождения сложного решения (ср. *головоломное решение, головоломка, поломать голову, прежде чем решить* и т.п.). Расчленение, разъединение целого и решение требуют от субъекта этих действий ("ломания") большой силы — физической или духовной — и отсылают к целому, общему, универсальному (ср. лит. *aplamāi* 'вообще', 'в целом', *āplamas* 'общий', лтш. *uz lama*; к идее силы ср. русск. диал. *лом, облом*, о сильном, здоровом, способном много работать человеке. СРНГ 17, 116; 22, 108, а также *лом* 'работа', 'труд'; 'тяжелая работа', *лѳмом ломіть* 'быстро, энергично работать' и т.п.). Прото-субъект действия ломания — божественный персонаж; он сделал это во благо другим, и это действие стало образцом и заповедью для людей. Именно поэтому страшно извращение этого действия, и попрание его исходного смысла — открытое преступление и прикровенное имитаторство. Поэтому праведный Иов в подтверждение своей приверженности этому благому смыслу свидетельствует: *Не ламав я Божого закону* (ср. *lémti* & *lemti* и *lémenti, lámdyti* и т.п.), ибо, как заповедует народная мудрость, *Хто ламає слово, той віру ламає* (Грінченко 2, 343; ср. русск. *Кто законы пишет, тот их и ломает*. Даль⁴ 2, 684). — Появление здесь славянских фактов, позволяющих реконструировать сочетания глагола *lomiti с такими абстрактными понятиями, как закон, вера, слово, с одной стороны, объединяет их с прусскими примерами, а, с другой, позволяет (несмотря на книжный и религиозно-христианский характер прусских данных) увидеть за ними глубокий региональный архаизм, имеющий свои соответствия (при других по форме глаголах) в ряде иных и.-евр. традиций. В этом контексте заслуживает внимания то, как передаются прусские контексты с глаголом *limtwey* в соответствующих местах

ранних литовских и латышских текстов. Так, *Tou niturri Sallūbanlimtwei*. К III, 25, 20 у Вилента и Мажвидаса передано совсем иначе: у первого — *Ne perßenk Wenczawones*, у второго — *Neiſſzaki svetimas materis*; столь же непохожее решение выбрано и в латышском "Катехизисе" 1586 г.: *Thoew nhe buus loulibe paerkaapt* (и *Töw nhe buus loulibe pārkaapt*). Но еще показательнее другое соответствие, где в принципе "однородно" передается один и тот же текст и центром расхождений является, строго говоря, только глагол. Прусскому *Kadden Deiws wissan wargan prātin bhe quāitan lemlai...* К III, 35, 29 у Вилента соответствует *kada Diewas wiſſokie pikta roda ir wale lauß...*, а в "Катехизисе" 1586 г. — *Kad dewš wueſſe loune paddome vnde prāte atwerſche* ... Однако самым диагностически важным контекстом должен быть признан последний, где глагол сочетается как раз с конкретным понятием (хлеб). Ср. прусск. ...*imma tans stan geitin dīnkauts bhe līmauts...* К III, 49, 7 при вилентовском варианте *Eme dūna dekawoia lauße...*, совпадающем с мажвидасовским — ...*eme dona, dekawaia, lauže...* В "Катехизисе" 1586 г. — ...*jeme thas to mayſe, patteitcze vnd parlouſe...* Впрочем, эвентуально ср. лит. *Nelamdyk (nelaupyk) tos duonos, dailiai raikyk* (LKŽ 7, 109). Славянские примеры в этом отношении реализуют те же языковые возможности и те же стилистические ходы, что и прусские тексты, противостоя вместе с ними литовско-латышским вариантам. Укорененность в христианской традиции и следование "евангельскому" коду в изображении этого мотива не должны скрывать более ранних архетипических истоков его (*Бог ламав, та й нам давав*, согласно народному речению, ср. Грінченко 2, 342). Но нужно помнить и о том, что соответствующие места евангельского текста в славянских традициях, как правило, включают в себя именно тот же глагол, что и в прусском, но в иной огласовке корня, — *lomiti. Ср. русск.: ...Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил... (Марк 14, 22); польск. ... *wziął Jezus chleb i błogosławiąc, łamał...*; чешск. ... *vzav Ježíš chléb, a dobrořečiv, lámal...*; болг. ...*взе Исус хляб, и като благослови преломи...* и т.п. (ср. также сходный микроконтекст — Лука 9, 16). Если учесть, что хлеб в данном мотиве уподобляется телу Христову (плоть моя за вы ломимама клѳмевов. Супр. 353, 8 и др.; ср. также: хлѳбъ, иже ломимъ не общению ли тѳла Хва юсть и т.п.) и, следовательно, жертве, то ритуальные истоки этого акта "ломания-преломления" и самого слова, его обозначающего, в качестве *terminus technicus*, не оставляют никакого сомнения. *Ломание хлеба* (ср. *ломать*, прежде всего применительно к хлебу, но и о пласте земли, отворачиваемом плугом. СРНГ 17, 124; ср. и земледельческую терминологию типа *жомать хлеб* 'перепаживать поле с посевами яровых' при *ломать пашню, ломать целину, ломать новь (новину)* 'вспахивать', 'поднимать целину'. СРНГ 17, 117 и др.) тождественно ломанию тела (ср. *ломота*), и это отождествление отсылает и к языческому прошлому (кровавая жертва) и к христианской идее бескровной жертвы и пресуществления; наконец, это отождествление хлеба и те-

ла через общее действие ("ломание"), на них направленное (ср. окончание Марк 14, 22: "дал [преломленный хлеб — В.Т.] им и сказал: примите и ядите; сие есть Тело Мое"), как бы и является заветом Христа, тем установлением-решением (ср. лит. *lēmīmas, lēmīmas, nulēmīmas, nulēmīmas*), которое выступает отныне как судьба (лит. *lēmītis*), которой связали себя люди через этот завет. Подобные примеры дают основание говорить о том, что, исходя из общих балтославянских оснований, прусский и славянский сформировали общий запас технических терминов и соответствующей фразеологии, существенно отличный от восточнобалтийской языковой традиции. В этом же контексте уместно обратиться и к двум (или даже трем) вариантам библейского запрета в прусских катехизисах — не должно *pattiniskun lem btwey* или *Sallūban limtwei* (*salobisquan limtwei*), т.е. нарушать брак, творить "прелюбы". Употребление здесь глагола *limtwei*, конечно, напоминает о чрезвычайно рельефно выступающей роли мотива "ломания-нарушения" в этой сфере (отношение полов, брак-свадьба, брачный союз-супружество) в славянской традиции. Ср. русск. *ломать целку* (предполагаемый источник праслав. **lomiti* & **cěly*, т.е. 'нарушать целостность' — здоровье, девическую невинность и т.п., дает повод, учитывая другие аналогии, поставить вопрос о возможности прусск. **limt-* & **kailūstiskan*) и *ломать целину* 'вспахивать новь', соответственно выступающие как технические термины половых отношений и земледелия, обозначающие идею пути к "новому" плодородию. Показательно, что выражение *ломать касарецкого* обозначает два акта — "еду чего-либо, специально приготовленного по случаю торжества, праздника... на Новый год в день святого Василия Кесарийского" и "лишение (девушки) невинности в первую брачную ночь" (СРНГ 17, 118). Ср. в связи со сферой брака, свадьбы и т.п. *ломать брак* (: *sallūban, pattiniskun limtwei*); *ломать руку* 'отказываться от соглашения на брак дочери'; *грех ломать* 'соглашаться на половинные уступки... в свадебных переговорах'; *ломаться на свадьбе* 'быть поезжанином, почетным гостем на свадьбе'; *ломаться в кумовьях* 'принимать участие в крещении ребенка в качестве отца или матери' (СРНГ 17, 118); "Сваха над головою молодых л о м а е т пирог" (Даль⁴ 2, 684), где ломание пирога (= хлеба) преобразует лишение целомудрия и мотивы еды и взятия-соития сопрягаются друг с другом. Характерен и фразеологизм *ломать башмаки* (*башмачки*), описывающий эпизод свадьбы, когда гость выходит из свадебного экипажа прежде, чем его встретят хозяева (СРНГ 17, 118), ср. в свадебном приговоре: ...*Сват и сватья! Давайте нам свою свахоньку. Наши свахоньки желают, Чтобы ваша свахонька встретила. Наши свахоньки спесивые и ломливые, Из повозки не вылазят, Башмаков не ломают*, — приговаривает дружка в доме родителей невесты. — Таким образом, и прусские и славянские факты отсылают к некоему знаково отмеченному и институционально закрепленному действию, обозначающему переход к новому благодатному состоянию. Это действие обозначается общим элементом, восходящим к **lem-/lom*, а

в балтийском и к вокализму на ступени редукции — **lim-*. Ср. праслав. **lemiti* (реконструируется на основании в.-луж. *lemić* 'ломать', '/zer/brechen'. Pfuhl 333; Jakubaš Horn.-serb. słown. 164; см. ЭССЯ 14, 113, 200; ср. также **lemex* : **lemešiti, *lemešь, -ežь, *leme, -en-, *lemina, *lemišče, *lemьсь, *lemьнь, *lemьnica* и т.п.; ступень удлинения представлена в **lēmati/se/* : с.-хорв. *lujēmati, lēmati, lūmati* 'бить', 'колотить'. ЭССЯ 14, 200; Ursl. Gr. 1, 1964, 165; Osten-Sacken IF 33, 1914, 224) и **lomiti* : ст.-сл. *ломити*, болг. *ломя*, макед. *ломи*, с.-хорв. *лѡмити*, чакав. *ломѡти*, словен. *lōmiti*; чеш. *lomiti*, словц. *lomit'*, н.-луж. *lomīš*, польск. *łomić*, кашуб. *łomjas*, полаб. *lūmēt* (*Limet* 'Brechen'); русск. *ломить*, укр. *ломити*, блр. диал. *ломіць* и т.п. — Германские соответствия, несомненно, беднее и иным образом специализированы не только по сравнению с прусскими и славянскими фактами, но и с восточнобалтийскими. На первое место выступает идея физического ущерба, искалеченности (в частности, хромоты), слабости, недостачи. Ср. др.-исл. *lami*. Adj. 'gelähmt', 'gebrechlich' (: ср. нем. *gebrechen, Gebrechen* : *brechen* как типологическая аналогия), н.-исл. *lami, laminn*, фарер. *lamin*, норв. *lamen*, швед., датск. *lam*; др.-англ. *lama*, др.-сакс. *lamo*, др.-фриз., др.-сакс., др.-в.-нем. *lam*, а среди глаголов — др.-исл. *lemja* 'расслаблять' и др., др.-англ. *lemman, lemian*, др.-сакс. *lemmian*, др.-фриз. *lemma*, др.-в.-нем. *lemmen, lemjan* (в частности, и 'ударить', что соответствует некоторым периферийным примерам в слав. и даже в литовск.); отмечены и формы с вокализмом *-o-* в значении 'расслабленный', 'вялый', 'утомленный' и т.п., ср. др.-исл. *luma*, др.-в.-нем. *luomi*, анем. *lumme*, вост.-фриз. *lōm* и т.п. — Другие параллели, приводимые в этой связи или неуверительны или — во всяком случае — не привносят новых нюансов ни в историю и.-евр. корня **lem-*, ни специально в исследование прусск. *limtwei*. Ср. др.-ирл. *ro-la(i)methar* 'wagt', кимр. *llafasu* и т.п.; м.б., ср.-ирл. *lem* 'fade', 'tōricht', 'impotent', ср.-кимр. *llyveithin* 'слабый' (**lemekt-*) и т.п.; впрочем, реконструкция кельтск. **lam(i)or* (ср. ирл. *lamair*. 3. Sg. Praet. и т.п., см. Vocab. V.Celt. Ogam. 1960, 134), как и особенно др.-ирл. *lamathir*, кажется, отсылают к оскск. глаголу *lamatir* (Tabula Bant. 20—21), значение которого, однако, не вполне ясно (Marstrander NTS 9, 1938, 318—320 предполагал, что *lamatir* — "verbum puniendi, aggreendi, invehendi"; в Tabula Bant. его переводят как "vencant", реже — "caedatur"). Иногда к той же семье относят алб. *lemë*, герск. *lamë* 'ток', 'гумно', и др. (см. Pok. 1, 674; здесь же указаны венетск. *Lemetor* и др.-греч. *ωλεμές* 'беспреданно', 'неустанно', по Покорному, из 'nicht zusammenbrechend', ср. также Chantraine Dict. étym. 3, 761). Недавно в связи с прусск. *limtwei* была предпринята попытка привести соответствующий тохарский материал (см. van Windekens Tokh. confr. 1976, 272: тох. А *lyäm*, В *lyam* 'озеро' < и.-евр. **lem-* — в развитие идеи Лэйна Lang. 21, 1945, 24 о связи этого слова с лтш. *lāma*. — См. также *{*lim-}* и под.

— Лит.: Thes. 1873, 93; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 285, 290, 370; BSW 162; SEW 1, 688; van Wijk Apr. St. 1918, 43; Osten-Sacken IF 33, 1914, 224;

WP II, 433—434; Skardžius APhil. 3, 1932, 112; SEJP 311—312; ME 2, 471; SPV 25, 118, 204; Marstrander NTS 9, 1938, 318—320; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 200; Vgl. Gr. 375, 397, 410, 460, 467; Lex. 1972, 33; HWASl. 1955, 263; ЭСР 2, 515; LEW 13, 338, 354—355, 373; Pok. 1, 674; Aruma'a Ursl. Gr. 1, 1964, 165; Otrębski Donum balt. 1970, 363; Schmalstieg BL 1970, 134; OP 163, 170; St. OP 8.303; Etym. sl. č. 339; Etim. rječn. hrv. 2, 316; Etim. Sloven. 2, 149; SEP 5, 165—169; van Windekens Tokh. confr. 1976, 272; Чекман Acta B.-sl. 9, 1976, 18; PKP II, 285; Smoczyński BPTJ 40, 1986, 178; Karaliūnas Balt. k. bendr. 1987, 179—180. — {*limtvei; *limlai; *lemlai; *limats; *limuts; *limāt(a)s}.

lymuczt, см. *limtwey*.

{*lin-āj(-ej-)}, ср. *Lynneuen*, местное название (около бывш. Либштадта, Kreis Elbing), см. *Matisevičiūtė* APhil. 8, 1939, 13. — К корню см. {*lin-av-}; суф., видимо, -āj- (см. APON 247), иногда передаваемый и как -ej-, ср. прусск. *Schudey* при более позднем *Skudayen* (*Schuday). — Видимо, относится к "линевым" названиям. Вост.-балт. параллели см. {*lin-av-}.

{*lin-av-}, ср. *Lynaw*, озеро, 1348; *Lynow*, 1388; *Leynaw*, 1476, позже — *Leynauer-See* (APON 89). — Согласно Герулицу, от прусск. *linis* 'линь', с суф. -av-. — См. {*lin-āj(-ej-)}. Дополнительная документация: *villa lynaw*, 1274 (Cod. dipl. Warm. II, 487); *Leynau*, 1517 (MKŁO 78); *Leinaw*, 1615, 1625; *Lenau*, *Linowo*, *Lynowo*, 1673—1674 (Bonk Gesch. Allenst. III, 449); *Leinaw*, 1755; *Launaw*, 1785; *Leynaw*, ок. 1790 (Schr. XVII), *Leinaw*, 1796; *Leinaw (Linowo)*, 1820; *Linowo* (нем. *Leinaw*). *Kętrzyński Nazwy miejsc. Prus Zach.* 1879, 196; *Słown. geogr. Polsk.* V, 245; *Słown. geogr. PZR* 1, 162; диал. *L'inovo*. См. *Pospiszyłowa Acta B.-sl.* 15, 1983, 253; *Top. połudn. Warm.* 1987, 89. — *Lynow*, 1345 (PUB III, 626), рукав дельты Вислы, см. *Górniewicz Żuławy* 1976, 62. Ср. также мазур. *Linowko*, *Linówko*, *Schlei See* (в продолжение *Lynaw*, 1426); *Linowskie Jez.*, *Linnawer*, *Linnauer See*; *Linowsko S.*, *Linówko*, *Ilsen See*; *Linowskie Jezioro* (в продолжение *Lynaw*, 1348), *Leynauer See*; *Linok*, *Liniak*, *Linock S.*, *Stiller See* (?); *Linowo*, *Linówek*, *Linowo S.*, *Linden See* (?); *Linówko*, *Linowko S.*, *Meitzen See* (?); *Linówko*, *Linowko See*, *Schlei See*; *Liniak*, *Schleien See*; *Liniak*, *Schleien See*; *Lynowskie Jezioro* (в продолжение *Leynaw*, 1476 и *Lynow*, 1388), *Linówko* (тут же деревня *Linowo*), *Kleiner See*; *Linowskie Bagno* (деревня *Linowo* тут же), *Leynauer Bruch*; *Linowiec*, *Linoziec*, *Linowiec S.*, *Heeselicht See* (*Słown. nazw Mazur* II, 45, 208, 213, 221, 244, 245, 289, 326, 339, 342); висл. *Linowie*, *Linowskie Jez.*, *Linówka*, *Linowka*, *Linowko See*, *Linowken See*, *Linowna*, *Linowiec See*, *Linowe Jez.*, *Lino See*, *Liniewskie Jez.*, *Linawa*, *Linaw*, *Liniak*, *Liny*, *Lińsko* (HW 382, 479, 497, 529, 625, 631, 635, 644, 663, 695, 760, 775, 800, 808); ср. также о *Līnaws в тезисах доклада М. Бёлик на Балто-славянской конференции (Супрасль, 1986). Реконструируемая прусск. форма *Līnaws была усвоена польским с заменой -av- на -owo; дифтонг -ei- (не -ai- l) появился уже на немецкой почве. — "Линёвые" названия хорошо представлены и в вост.-балт. ареале. Ср. лит. *Lynas*.

Lýnežeris, *Lynēlis*, *Lynūkas*, *Lyniukinis ež.*, *Lynupis*, возможно, *Linupis* (из *Lynupis, переосмысленного в соответствии в лит. *linas*, *linai*). LUEV 93 LATSŽ 162, Liet. hidr. 121, 122, 158, 193, 243; LHEŽ 192), лтш. *Līna-namelis*, *Līna-pļava*, *Līnis*, *Līna-kalns*, *Līns-purvs*, *Līnu-purvs*, *Līnes*, *Līnas*, *Līni*, *Liene*, 1858, *Linu-dīķis*, *Līni*, *Līnu-ēzērs*, *Līn-ēzērs*, *Līna-kakts*, *Linu-ēzērs*; *Līn-urpē*, *Līn-urpīte* (LV I, 2, 322—323); лтг. *Līna-pļava*, *Lynova*, *Linina*, *Линино*, *Linoks*, *Līnūži* /?/ (PN Latg. 276); м.б., куршск. *kleiner See genannt Treiden Lynnemarke* (UB II, 3, 335). KF 121: к Nom. pr. *Treide*, согласно Кипарскому, и лтш. *linu mārka* 'Flachsweweiche, Flachstauche' (лтш. *lini*. Pl. 'льны'). — Любопытно, что, как и в прусском (позже в польском и немецком), "линёвые" озера отмечены в Литве, Латвии. — Вероятно, балтизмами могут быть сочтены названия, подобные *Линова* и т.п. (см. Слоўн. назв. Брэсцк. 75 и др.), на территории Белоруссии. — О связях типа прусск. *Lynaw* с существенно более западными территориями ср. "северо-западно-славянское" *Lynow*, 1421 (Trautmann, MH 93), о чем см. Schall Atti VII Congr. Onom., vol. II, 1963, 387; *Baltist.* 2, 1966, 12 и др.; Топоров Acta Univ. Carol. Philologica 1—3 (= Slavica Pragensia VIII, 1966, 261), ср. *Witkowski Donum balt.* 1970, 566.

{*lind-}, см. {*lind- & *lauk}, {*lind- & *med-}, {*lind- & *gud-}, *lindan*.

lindan 'долина'. К III, 39, 16 (...bhe sen Etnīstan esse schan powargewingiskan lindan prēisien imlai en stan dangon '...von diesem jamer thal zu sich neme inn den Himel'). Acc. Sg. masc. — Речь идет о библейском образе земли как "долины слез (плача)", см. Псалт. 83, 7 и др.). — У Вилента опущено в переводе слово, соответствующее долине: ...*isch schio wargaw savep Danguma imtu*, а в латышском "Катехизисе" 1586 г. выбран обобщающий тип перевода этого места — ...*no scho bhedige passoule pu boew yempt exkan to debbes*. Следовательно, прусский "Энхиридион" в этом месте в наибольшей степени сохраняет специфику источника этого образа. Вместе с тем этот же элемент представлен и в собственно прусских топографических реалиях — в топонимах, в основе которых лежит обозначение урочищ; см. {*lind- & *gud-}, {*lind- & *lauk-}, {*lind- & *med-}. На основании этих последних данных в известной степени можно себе представить, какие реальные характеристики связывали пруссы с тем, что они обозначали элементом *lind-*. Дополнительные уточнения можно извлечь из данных родственных языков. При этом нужно отметить, что эти данные распределяются по отношению к прусскому слову весьма нетривиально. Если семантическая мотивировка *lindan* нагляднее всего выводится из вост.-балт. языков и отсылает к достаточно архаичному общему исходному состоянию, то наиболее точное и глубокое соответствие объединяет *lindan* с слав. *lęda/*lędy/*lędo и, видимо, позволяет говорить о едином типе природно-хозяйственных урочищ в актуальном плане. В этом последнем отношении прусское слово довольно четко отделяет прусский ареал от вост.-балтийского. — Судя по прусским данным, *lindan*, во-первых, обозначает долину, т.е. некую низменную (и одновременно неблаго-

приятную, полную бедствий) часть земли, а как поэтический образ самую землю в ее противопоставлении небу, и, во-вторых, элемент *lind-* каким-то образом характеризует поле (*lauk-*), кустарник (*gud-*), лес (*med-*). По аналогии с "плохой" характеристикой *lindan* в "Энхиридионе" можно думать, что и в топографическом употреблении *lind-* сигнализировало о некоей ущербности соответствующих урочищ.

Продолжения названных праславянских слов в высокой степени соответствуют картине, предполагаемой для прусск. *lind-*. Ср. ряд примеров, в которых актуализируются мотивы дольности ("низ") и кустарниково-лесной растительности, напр., русск. диал. *ляд* 'низкое болотистое место', 'заросшее кустарником болото', 'котловина'; *ляда* 'луг на низком месте'; 'неудобная земля, поросшая лесом или кустарником'; *ляда, ляда́* 'низкое, сырое место'; 'вырубка, заросшая кустарником', 'кустарник, выросший на запущенном участке земли', 'молодой кустарник'; 'лесные заросли', 'участок леса, состоящий из тонких, густо растущих берез', 'березняк с хвойным подлеском', 'молодые лиственные деревья, выросшие на месте вырубленного леса'; 'низкое, сырое место', 'низменное место возле реки или леса'; 'болотистое место, поросшее лесом или кустарником', 'низина', 'впадина'; *лядо* 'поле, заросшее кустарником', 'лес'; *ляди́на* 'большая заросль', 'участок земли, поросший травой, кустарником, лесом', 'пустошь с небольшим кустарником или леском'; 'лес, кустарник на месте заброшенной пашни'; 'кустарник', 'место, заросшее кустарником'; 'лесные заросли', 'густые заросли мелкого леса', 'частый, низкий лес', 'смешанный лес в низине', 'роща, состоящая из мелких берез', 'низкое, сырое место'; 'неглубокая впадина в земле', 'небольшое искусственное углубление, яма (в лесу, в поле)', 'овраг' и т.п. (см. СРНГ 17, 259—267), с одной стороны, и примеры, когда *ляд-* относится к полю (или даже пашне), с другой: *ляд, ляда* 'незапаханное место в поле', 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу' ("Ляда — разработанная земля, к пашке готовая, ляда сначала была лядиной [т.е. смешанным лесом], потом лес на ней вырубил, сожгли, распахали, получилась ляда". 17, 259—260), 'раскорчеванное в лесу место под посеvy' ("Ляды засевают обыкновенно яровыми хлебами"; *ляда* 'пашня, поле, луг на месте выкорчеванного леса, кустарника'; 'непаханная земля, новь, целина'; 'впервые вспаханное поле, целина', 'участок земли, поле, заросшее кустами'; 'свободное от деревьев место в лесу, которое или распахивается или на котором косится трава'; *лядо* 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу', 'поле на месте выкорчеванного леса', 'участок, отрезок пашни', 'большое земельное угодье', *ляди́на* 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу', 'участок леса, удобный для подсеки и распашки под новину', 'поле...'; 'участок пахотной или сенокосной земли', 'пахотный участок', 'обработанный участок земли', 'полоса пашни, принадлежащая одному хозяину', 'участок земли в поле'; 'мера пахотной земли' и т.п. (Там же, 259—267). Ср. данные об этих словах, собранные по программам атласов русского, белорусского и укра-

инского языков, а также Moszyński Uwagi term. topogr. 1921, 7—11; Порохова Проект СРНГ 1961, 179—197; Лекс. русск. нар. говоров 1966, 175—191; Толстой Слав. геогр. терм. 1969, 134—143 и др. Данные других славянских языков в целом подтверждают описанную ситуацию и, следовательно, соответствуют известному или с достаточной надежностью реконструируемому фрагменту семантической структуры прусск. *lind-*. Сам факт этих соответствий и их состав (ср. *lindan* — *ляда* 'низина, впадина...'; **lind-* & **gud-* 'кустарник' — *ляда* 'кустарник'; **lind-* & **med-* 'лес' — *ляда* 'лес...'; **lind-* & *lauk-* 'поле' — *ляда* 'поле...') очень важен, но не столько потому, что он вскрывает общие принципы в языковом кодировании соответствующих элементов ландшафта у пруссов и славян, сколько в силу того, что он отражает сходный взгляд на соотношение "природного" и "культурного" в операционном плане, конкретнее — на то, что и как среди природных угодий может быть использовано для хозяйственных целей — активных (земледелие) и пассивных (косьба сена, пастбищное использование), — но и — по достижении целей — отпущено обратно в сферу природы. Есть основания полагать, что прусск. *lindan* и слав. *leđa и т.п. фиксируют не только важное языковое соответствие, позволяющее говорить об общем источнике, но и отражают стоящее за этим соответствием единство хозяйственной практики — того типа подсечного земледелия, в котором *lindan* — *leđa/*leđь было главным понятием. Им, можно думать, обозначалось то место, тот участок "природы", который, по разумению и опыту человека, мог быть вовлечен и в сферу культуры, т.е. использован для более целенаправленного и интенсивного получения прибавка в виде земледельческого продукта. Но для этого нужно было к этому месту приложить труд, который, конечно, сильно отличался от труда, ориентированного на случай (собирачество) или на экстенсивность (животноводство). Этот труд тоже должен был быть целенаправленным, интенсивным, трудным. Здесь нужно было, действительно, *трудиться* — *страдать*, — опустив очи долу, в поте лица своего зарабатывать свой хлеб. Эта совершенно реальная ситуация, когда прусс или славянин выходили на их *lindan* — *leđa/*leđь, с высокой степенью точности отражала прецедент, то "первоначальное", которое назначил Бог согрешившему человеку: "Адаму же сказал: ...проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе... В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят" (Бытие 3, 17—19). И *lindan*—*ляда*, на которой нужно было вырубить кустарник или лес, выкорчевать пни, сжечь все уничтоженное, вспахать, посеять, вырастить и собрать урожай-хлеб, действительно, отвечала библейскому представлению о земле-пашне, на которой трудится первочеловек, как о долине печали, юдоли плача, передаваемой в прусском тем же словом *lindan* — *schan powargewingiskan lindan* ('Jammertal'), что и *ляда*, с которой тоже может и должен быть получен хлеб.

Об этой последней свидетельствуют не только топографические термины, но и топонимические обозначения с корнем **lind-/*leđ-*, на славянской территории (особенно по соседству с балтийским ареалом) весьма многочисленные, см. Жучкевич Кратк. топон. слов. Белор. 217—218 и особенно рис. 7; Слоўн. назв. Гомельск. 103; Слоўн. назв. Магіл. 108; Слоўн. назв. Мінск. 161; Слоўн. назв. Гродз. 144—145; Слоўн. назв. Брэсцк. 78; Мікрат. Белар. 146—147, ср. Белар. геогр. назвы 110 и др. Но, конечно, самое интересное явление в ареальном аспекте в связи с прусск. *lind-* — обозначение обширной территории, примыкающей к землям пруссов с юга, запада, а позже отчасти и с востока, как *лядская земля*, т.е. Польша (ср. др.-русск. *ляси*, *полядяться* 'оляшиться' [: *о-лядеть* 'оставить ляду без обработки', 'запустить'] и др.), понимаемая как земля тех, кто связан с лядой, для кого обработка ее — главное занятие (**leđēnīnъ*, ср. венг. *lengyel*; польск. **lech*, ср. русск. *лях*, образует уменьшительную форму от исходного обозначения).

Принятие факта институализации того, что обозначалось в прусском и славянском как *lind-/leđ-*, и, видимо, одинакового направления ее, не снимает остающихся трудностей в том, что касается исходного значения и.-евр. **lendh-* (или б.-слав. **lend-/*lnd-*), во-первых, и семантических мотивировок слова, во-вторых. Проблема исходного значения особенно сложна (хотя бы на формальном уровне), поскольку примеры, прежде всего славянские, продолжающие **leđ-* не только развертывают длинный, как бы градуированный ряд значений с едва заметными "количественными" переходами, но и постоянно реализуют антонимические отношения. В разных местах языкового пространства Славии и в разных ландшафтно-природных условиях слав. **leđ-* может означать места, различные по своим характеристикам и в том числе диаметрально противоположные: низменное (низкое) и возвышенное (приподнятое), влажное (мокрое) и сухое (твердое), болото (яму с водой) и сушу (песок), негодное для обработки и годное для нее, еще не культивируемое и уже культивируемое, пустошь (лишенность заполнения) и заполненное (деревьями, кустами, корчевьем, сучьями и т.п.) пространство и т.п. В этом отношении слав. **leđ-* не составляет исключения, но входит в группу тех топографических терминов, которые характеризуются легкой переносимостью с объекта на объект (по возможности смежный с ним или подобный ему — как формально, так и функционально), принципиальной "относительностью" (когда значение слова уточняется в зависимости от ситуации /внеязыковой/ и контекста /языкового/) и колебаниями между аспектами потенциальности и актуальности. В случае **leđ-* специфика состоит еще и в том, что оно обозначает (или может обозначать) некую изменяющуюся ситуацию — нечто до приложения сил к природному объекту и нечто после такого приложения сил, т.е. уже измененное. *Leđ-* место может быть пока не годно для земледельческих целей в его актуальном состоянии, но годно потенциально, при условии соответствующей его

обработки. Но это же *leđ-* место может уже оказаться негодным, хотя ранее оно было пашней, потому что было заброшено и из сферы культуры (в частности, земледельческой) перешло снова в сферу природы. — Сопоставление данных, относящихся к "микроскопии" слав. **leđ-*, с "макрофактами" славянских языков (ср. словен. *leđina* 'невозделанная земля', с.-хорв. *leđina* 'запущенное, необработанное поле', 'целина', макед. *leđina*, болг. *leđina*, *leđina* [ляда, лядина у Герова ставятся под сомнение], чеш. *lado* 'невозделанная, скудная земля', н.-луж. *leđo* 'необработанная земля', 'пустырь', в.-луж. *lado* 'пустынная земля', польск. *lada* 'новь, новина', диал. *leđzina* 'стерня', полаб. *l'ōdū* 'необработанная земля' [Szydlowska-Ceglowa Lud 48, 1963, 30—31] или 'обработанная земля' [Rost Sprachreste Dr.-Pol. 1907, s.v.; Olesch Thes. Drav.-Polab. I, 1983, 519—522 : *Lgundī* 'Acker', *Ljundi* и др. — **l'ōdū* < **leđo*], кашуб. *leżēna* 'Stoppelfeld', 'ściernisko, rżysko' [Słown. gwarg kasz. 2, 345], словин.-помор. *leżena*, *leżna*, *leżēna*, *leżēna* 'die Stoppeln auf dem Acker' [Pom. Wb. 1, 442, 454]; русск. *ляд*, *ляда*, *лядо*, *лядина* и т.п., др.-прусс. *ляда*, *лядо*, *лядина*. Слов. р. яз. XI—XVII вв., 349, блр. *ляда*, укр. *лядо* и др.) убеждает, по крайней мере, для праславянского, что элемент **leđ-* относился скорее всего к еще не освоенной, но перспективной с точки зрения ближайшего освоения земле, — так сказать, элиотовская "The Waiste Land", но *in spe*, потому что "заброшенность" понималась как инерция прошлого, наследие исходного хаотического начала, невовлеченность (за недостатком времени и сил) в сферу культуры. Во всяком случае сам элемент **leđ-* как бы фиксирует пограничность (во времени и в пространстве) природы и культуры, готовность и уместность первой подвергнуться действию последней — применительно к земле, — от *terra inculta* к *terra culta*. Не случайно, что в ряде случаев прослеживается четкое противопоставление слав. **leđ-* и под. таким понятиям развитой земледельческой культуры, как **orl'ja* (польск. *rola*) у западных славян или *нива* у восточных (ср., впрочем, др.-русск. *лядонива*. Слов. р. яз. XI—XVII вв., 350). — Данные других и.-евр. языков (а они относятся тоже к сев.-европейск. ареалу) также, видимо, подтверждают наличие в словах этого корня важного нюанса "пред-освоения". Речь идет о кельтских и германских соответствиях. Ср. др.-ирл. *land* 'открытое пространство', 'свободное место', корнск. *lan*, брет. *lann* 'пустошь', 'степь', ср.-кимр. *llan* 'area', галльск. **landā*, откуда франц. *lande*, итал. *landa* (Stokes Urkelt. 1894, 239; Holder Altcl. Spr., s.v.; Vocal. V.-Celt. Ogam 12, 1960, 267; Lane Lang. 9, 1933, 253 и др.), с одной стороны, и, с другой, швед. диал. *linda* 'поле под паром', др.-исл. *lundr* 'роща' и вообще др.-исл., др.-сакс., др.-англ., готск. *land* 'земля', др.-в.-нем. *lant*, др.-фриз. *lond* (ср. рунич. *lqt gotna* /Eggja/. Krause Runen. Futhark 1966, 1, 228—231) и т.п., причем это понятие земли приобретает (восстанавливает) смысл в ситуации захвата—освоения ее (ср. нем. *Landnahme* и под.), аналогичной той, которая рассматривалась в связи с слав. **leđ-* и под.: и там и здесь *terra inculta* становится "осваиваемой", хотя сам ха-

рактер освоения может быть различным: в одном случае подготовка земли к пахоте и поднятие целины, в другом — внешнее выделение земли, напр., огораживанием и иными способами. Есть точка зрения (Vries Altnord. EWb. 345), согласно которой сосуществование топонимов на *-land* и *-lundr* делает вероятным в обоих случаях одного исходного значения — 'огороженный участок земли' ('eingehertes Landstück'). Трип NAWG 1940, № 4, 88—89 указывал, что и прусское обозначение долины как *lindan* предполагает огороженность ее холмами ("Bergzüge"); по его же мнению (ZfdPh. 70, 1949, 345), тот же принцип плетенчатой огороженности ("Flechtzaun") определяет структуру и название архаичной "сковородки" — ирл. *lann* и горшка на треноге — др.-греч. λάσανα. Pl. (Dict. étym. 3, 621: "pas d'étymologie"); в обоих случаях имеется в виду обмазанная глиной и ограничивающая форму плетенка. Наряду с мнением, высказанным Трипом о внутренней форме прусск. *lindan* — долина как нечто огороженное возвышенностями. — стоит принять в расчет и другие предложения. В частности, Мажюлис считает возможным выводить прусск. *lindan* из глагольного корня **lind-* (: **lend-*) с значением 'впадать', 'оседать', 'вваливаться' ('dubti'); можно напомнить в этой связи, что лит. *dubiõ* равно означает и топографический термин — 'впадина', 'ложбина', 'котловина' и вид посуды — 'миска', 'блюдо'; исходным же значением этого корня было 'налезать', 'набиваться', 'напихиваться' ('/i/listi' = 'kimštis', 'terptis'), см. РКР II, 138, отчасти 169, а также *landan*. Идея "налезания" (лит. *l̥sti, leñda, liñdo*) как заполненности, естественно, отсылает к литовским примерам слов того же корня, что и *lindan* или слав. **leđ-*, но которые образовались в русле иных тенденций и, главное, с самого начала получили иной круг употреблений. В этой связи уместно привести ряд литовских параллелей с разными вариантами огласовки корня. Ср. *lindėti* 'торчать' (ср. 'tūnoti kur įsilindus') при кашуб. *lězëna* 'Stoppelfeld', словин.-помор. *lězëna* 'die Stoppeln auf dem Acker' (ср. нем. *Stoppel* 'торчок': *stoppeln* 'сбирать колосья'); *lindóti* (: *lūndoti* 'торчать'. Чекман Acta B.-sl. 9, 1976, 17); *lindikas* 'пролаза', 'проныра', *lindėjas, liñdžius, linda* 'landus žmogus', *liñdė, lindė* 'щель для пролезания пчел', *lindyklà, lindynė* 'лазейка', 'нора'; 'вертеп', *lindimas* и т.п. (LKŽ 7, 522—524: подобные примеры, кажется, дают основания для реабилитации южно-в.-русск. /из укр./ *лѣда* 'лаз в подполье', 'дверь на чердак', которые обычно объясняются заимствованием из нем. *Laden* 'лавка', 'ставень', *Lade* 'ларь', 'сундук', 'ящик', что сохраняет свою силу применительно к *лѣда* 'прилавок в магазине' и под.); — *lendė* 'щель для пролезания пчел', *lendynė* (= *landynė*), *lendonis* (= *landonis*), *lėdinėti* (7, 328—329); — *landà* 'лаз', 'лазейка'; 'нора'; 'вертеп', *landis, lañdė, landynė* 'щель для пролезания пчел', *landyklà, -yklė, landus* 'пролаза', 'пронырливый', *lañdžius, landnūs, landikas, landýtojas, landūnas, landuõlis; landėti, landýti* и т.п. (7, 117—122); ср. также лтш. *list* (*lienu, liedu, ližnu*. Praes.; *lidu*. Praet.) 'лезть', 'ползти', *liēdāt*, но и *luõdāt* 'лазить', 'ползать', *luõžņāt, luõžņēt, luõžņūt; luõža* 'пролаза', 'про-

ныра', *luõžņāt, luõžis, luožens, luožņīgs* и т.п. (ME 2, 490, 523, 529; EH 751, 768 и др.), см. LEW 377. — Егерс KZ 80, 1966, 50, 53, специально исследовавший обозначения корчевания (в частности, и вост.-балт., ср. лит. *lydimas*, лтш. *l̥dums, l̥st* [*l̥žu, l̥du*] и др., ср. о возможности связи лтш. *l̥st* 'корчевать' и *list* 'ползть' и т.п.), восстанавливая исходную балт. схему, исходит из того, что балт. *lind-/lend-*, возводимые к и.-евр. **lendh-*, должны толковаться как рефлекс инфигированного корня **lēid-* 'оставлять по себе' (ср. лит. *lysti* 'оставлять после себя', 'уступать' [ср. однако, значения этого глагола в LKŽ 7, 585]: лтш. *l̥st* 'корчевать'), ср.: *zemūt' laidu atmatā* BW 26859 'земельку я оставляю под паром'. Эти связи зап.-балт. и вост.-балт. языков в отношении слов указанного корня конкретизируются, будучи взяты в ареально-топографическом аспекте, — тем более, что они выступают как важные индексы процесса заселения этих территорий и перехода к подсечному земледелию. Прусско-славянским названиям на *Lind-/Leđ-* в вост.-балт. ареале соответствуют в основном наименования типа лит. *Lydimas* или *Lydimai* (по материалам топонимической картотеки и Литве 32 таких названия: в вост.-лит. /дзукск./ — 18, в зап.-лит. — 4, в жемайтск. — 13), лтш. *L̥dums, L̥dumi* и т.п. (см. ниже). Однако весьма существенно, что в Жемайтии названия типа *Lydimas* чередуются с распространенным здесь типом *Lėndimas, Lėndimai* (картотека свидетельствует 21 пример с вариантами — *Lendimas, Lindimas, Liñdimai*), см. Obrębska-Jablońska Stud. z. filol. polsk. i słow. 8, 1969, 261—270; Kondratiuk Elem. balt. 1985, 47, 133—136, 138; Б.Сл. Иссл. 1980. 1981, 186—187; ср. Невская Балт. геогр. термин. 1977, 48 и др. В этом широком контексте заслуживает внимания возвращение к вост.-прусск. регионализму *Lēde* 'wüst liegendes Land, namentlich in Niederungen' (Frischbier PW II, 1883, 17), из н.-нем. *Lehde*, с целью выяснения возможной интерференции с местными формами *lind-/lend-/leđ-*.

— Лит.: Thes. 1873, 94; Urkelt. 1894, 239; Pr. Spr., s.v.; SEW 1, 705; APSpr. 370; BSW 157; Būga Aist. Stud. 151; RR I, 311; III, 199; APON 89; Realex. idg. Alt. II, 264; Günfert WS 11, 1928, 138; EWD, s.v., WP II, 438—439; Lane Lang. 9, 1933, 253; SPV 204; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 63—64; LEW 377; Rudnicki BPTJ 15, 1956, 135; Zesz. nauk. Uniw. Mickiewicza. Filol. 1957, N 1; Prasłow.-Lech.-Polska 1, 1959, 81; 2, 1961, 248—251; ЭСР 2, 549; Pok. 1, 675; Vocab. V.-Celt. Ogam. 12, 1960, 267; Ср. грамм. герм. яз. I, 1962, 54; Jęgers KZ 80, 1966, 50, 53; Obrębska-Jablońska Stud. z. filol. polsk. słow. 8, 1969, 265—266; Stang Lex. 1972, 33; Dambe Baltist. 1 priedas, 1972, 59; Чекман Acta B.-sl. 9, 1976, 17; Campanile Prof. etim. Corn. 1974, 70; OP 46; St. OP 1. 191; 10.060; Kabelka BFJ 1982, 71; Etim. rječn. hrv. 2, 284; Etim. Sloven. 2, 130; SEP V, s.v.; РКР II, 138, 312; Merlingen IF 83, 1978, 71—72; ЭССЯ 15, s.v. — *{*lindan}*.

{*lind- & *gud-}, см. *{*lend- & *gud-}*.

{*lind- & *lauk-}, ср. *Lindelawke*, 1362, позже — *Linglack* (APON 89). — К *dl* > *gl* см. APON 222. — Сложное двучленное название;

к первому члену см. *lindan*; к второму — {*lauk-}, *laucks*. — См. также {*lind- & *gud-}, {*lend- & *gud-}, {*lind- & *med-}; {*land-av-}, ср. Graenke! Balt. Spr. 1950, 63—64. — На территории бывших прусских земель сохранилось большое количество "липовых" названий: *Lindenbergr, Linden Berg, Lindenbrunnen, Lindenhain, Lindeninsel, Linden See, Lindenwalder Berge, Lindenwerder* и т.п. В тех случаях, когда этим немецким названиям не соответствуют "липовые" славянские названия или когда можно предполагать, что последние появились на свет как переводы нем. *Lind-* 'липа', допустимо думать, что некоторые из "липовых" немецких названий могли иметь в своей основе прусск. *lind-* 'дол', 'ляда' и т.п. Названия типа нем. *Lindenthal* (см. о них Pospiszylowa Top. połudn. Warm. 67, 90, 128, 195) — при известных условиях и некотором воображении — могли бы пониматься как прусско-немецкий гибрид, состоящий из синонимических частей, которые находятся в отношении взаимопереводимости: прусск. *lind-* 'долина', нем. *Thal* 'долина'. — Ср. также Froelich Flußn. in Ostpr. 1930, 64. — В вост.-балт. ареале отмечен целый ряд названий — местных и водных, — которые реализуют тот же корень, что и в прусск. {*lind-}, *lindan*, причем зафиксированы разные варианты огласовки корня. Ср. лит. *Lindikai, Lindikai, Lindiniškės* (LATSŽ 162); *Lindė* (LUEV 93; LHEŽ 192: другое название этой реки в р-не Лаздияй — *Uidė*, — вероятно, результат развития *Lindė*; последняя форма рассматривается как предположительно ятвяжская, связанная с прусск. *Lind-*, *lindan*); *Lindūkupis, Lindimas* (LUEV 93; LHEŽ 192: в последнем названии предполагается вставное *n*, из *Lydimas), ср. микропонимы, обозначающие поля, нивы, пастбища, луга, кустарники и т.п.: *Lindimas, Lindimai* и т.п.; *Lýdymas* (LATSŽ 159); *Lýdimas* (LUEV 91; Liet. hidr. 42; LHEŽ 188 : к лит. *lydimas, lydimas*. LKŽ 7, 406); — *Léndimai* (LATSŽ 157); *Léndimas* (LUEV 89; Liet. hidr. 42; LHEŽ 185), ср. названия лугов, пашен, пастбищ *Léndimas, Léndimai*; — *Lañdžiai, Lañdiškės* (LATSŽ 152); *Lándė, Lándis, Landynė, Landžiupỹs, Landžiuravis* (LUEV 86; Liet. hidr. 43, 60, 252; LHEŽ 180), ср. *Lándeniai* и др. Названия типа *Lidim-*, *Lydim-*, *Lidzim-* и под., являясь отражением одного из основных терминов подсечного земледелия, выступают как важные свидетельства заселения территории Литвы и смежных (к югу и юго-востоку) районов, напр., в Белосточчизне, ср. *Lidzimy, Lidzima, Lidzimo, Lidzimko, Lidzimok, Lidzimy* и т.п. (см. Кондратюк БСл. Иссл. 1980. 1981, 186—187; Elem. bałt. 1985, 47, 133—136, 138; Obreńska-Jabłońska Stud. z. filol. polsk. i słow. 8, 1969, 261—270) и др.); ср. *Лідымó* (Слоўн. назв. Брэсцк. 75); *Лідзімэль, Лідзімьяль, Лідымо* (Мікратап. Белар. 139) и др. Обрембска-Яблоньска специально исследовала вопрос о распределении вариантов названий этого корня в Белосточчизне на фоне ситуации в Литве. По данным топонимической картотеки в Литве 32 названия типа *Lydimas* или *Lydimai*; в Жемайтии они сосуществуют с *Léndimas, Léndimai* (21 пример, среди которых есть и варианты *Liñdimai, Lin-*

dimas). — В топонимии Латвии не раз встречаются названия типа *Liñdas, Liñde, Liñdes, Lindes-mežs, Liñds-kalni, Lind-ufga, Liñdeiši, Liñdieši, Liñdene pl., Liñdenes pl., Liñdēni, Liñdiņi, Liñdiķu-ciems* (LV I, 2, 308), которые с сомнением сопоставляются с эст. *Lindi* или нем. *Linde*. Дамбе Baltist. I priedas 1972, 59 правдоподобно предположила, что часть этих названий, особенно те, что распространены в Южной Курземе, могут быть сопоставлены с прусскими топонимами на *Lind-* и, следовательно, с прусск. *lindan*. Во всяком случае это бесспорно в отношении куршк. *Lindale*, 1253; *Lyndale* (UB I, 1, 321); *de Lindal*, 1341; *Castellatura Lyndale*, 1355—1362; *van Lyndale*, 1371; *van Lindale; rivulus Lyndal*, 1390 (KF 195; Endzelins Druva 1912, 629; Būga RR III, 199). Но, конечно, наиболее стандартным топонимическим типом оказывается лтш. *Līdum-* : *Līdums, Līdumalauciņš, Līduma-lauks* (: прусск. *Lindelawke* /!/, *Līduma-pļava, Līduma-purvs, Līduma-uzkalns, Līdumi, Līdumene pl., Lagzdiņu-līdumi pl., Melnie-Līdumi, Līdumu-kalns* (к возможности понимания нем. *Lindenberg* на старых прусских территориях как транспонирование прусск. **Lind-* & **garb-*); *Līdum-kalns, Līdum-kalna-mežs, Līdum-kalņiņš, Līdum-lauks* (: прусск. *Lindelawke*), *Līdum-pļava, Līdum-vals; Līdumene pl., Līdumiņš pl., Leidumiene, Līdumnieki* (LV I, 2, 318). Остается не вполне ясным лтш. *Lēndi-purvs* (I, 2, 298). Формы с вокализмом *a* отмечены в таких названиях, как лтш. *Lānda, Lāndes-kalns; Landiņi* (I, 2, 256; лит. *Lándė* ?). Ср. также лтг. *Leidumi, Līdumi, Līdums; Leidumnieki, Līdumnieku s., Leidumnieku, Leidumnieku, Leidumnieki* (PN Latg. 267); можно подозревать в отражении этого же корня, но с иной огласовкой и ряд других названий, но достаточно надежных оснований для доказательства нет. — Балтийский ареал топонимов (и гидронимов), образованных от и.-евр. **lendh-*, не может считаться вполне изолированным. Во-первых, нужно считаться с возможностью обнаружения прутенизмов за непосредственными границами старых исторических земель Пруссии (см. Brauer Pruß. Siedl. Tuhl. 1982, 5). Во-вторых, существует исключительно обильный круг славянских названий с корнем *Leđ-*, непосредственно продолжающих прусский *Lind-* регион и тянувшихся далеко на запад, юг и восток. В-третьих, уместно иметь в виду германские и кельтские названия, отражающие тот же корень. Ср. др.-сакс. *Linda*, название реки, при обильном распространении элемента *Land-* и *-land-* в германских названиях; *Lívdov* в Британии; галльск. *Lindo-magus*, но и *Landini, Landeles vicus* в старых источниках и отражения элемента *Land(a)* в многочисленных названиях на старой кельтской территории. — Совокупность разных частей единого северно-европейского **Lendh-* ареала позволяет представить себе существенный этап "культурно-хозяйственного" освоения пространства, несколько различный у балтов и славян, с одной стороны, и германцев и кельтов, с другой, и уяснить место прусск. *Lind-* региона в этом целом. В более широкой (уже внеязыковой) перспективе эти данные конкретизируют как представления о при-

родных ландшафтах этих мест, физио- и топографических их характеристиках, так и о ранних типах земледельческой практики (см. Петров Язык и мышл. VI—VII, 1936 и др.).

{lind- & *med-}, ср. *Lindenmedie*, лес, 1245; *Lindemedie*, 1255; *Lindemeide*; *Lindenmeddie*, 1255; *Syncomedie* (!), 1326 (APON 89). — Сложное двучленное название. К первому члену см. {*lind-}, {*lind- & *gud-}, {*lind- & *lauk-}, {*lend- & *gud-}, {*land-av-}, *lindan*; к второму — {*gud-}, *gudde*. В целом отвечает славянским примерам, когда корень *lęd- обозначает лес, обычно молодой, нечастый, невысокий, мелкоколесье. Ср. лтш. *Lindes-mežs* (: *lind- & *med-). LV I, 2, 308 или — более отдаленно — *Līdum-(kalna-)mežs* (I, 2, 318).

{*lin-el-}, см. {*lin-āj(-ej-)}.

{*ling-}, см. {*ling- & *var-}.

*lingasaytan 'стременной ремень', ср. 'balnakilpēs diržas (saitas)'. РКР II, 260, Э 446 ('Sticledd'). Nom. Sg. neut. — Результат реконструкции-эмендации реально зафиксированной формы *largasaytan*, см. Речь идет о ремне, на котором держится стремя (*Sticledder* — *Steigleder*), см. Э 447: *Lingo* ('Stegerefe'), в ряду обозначений предметов конской упряжи и убранства. — Значение *lingasaytan следует и из места слова в словарном списке, и из значения немецкого слова, которое он переводит: ср.-в.-нем. *sticleder*. *Marienburgers Tresslerbuch* 489 *stygleder* 'Steigleder, die Riemen, an welchem die Steigbügel hängen'. — Уже Нессельманом *Thes.* 1873, 90 предложена конъектура — *Lingasaytan, которая всеми была принята по соображениям здравого смысла и семантики. Она относится к числу бесспорных, в частности, и потому, что элемент *ling-* передается нем. *Steig-* (*Steg-*, *Stic-*), ср. *Stegerefe* : *Lingo* = *x* : *Sticledd*, откуда *x* = *Ling-*. Этот же элемент повторяется еще раз в том же словаре конской упряжи: *No-lingo*. Э 453 ('Czogel'). Нужно сказать, что письменной фиксации этого слова явно не повезло. Помимо неверного написания первой части слова, основанной на прочтении 2-го и 3-го знака (правильное *in* было ошибочно переразложено: две левые вертикали были осмыслены как элементы буквы *a* с незамкнутой верхней частью, а третья вертикаль с предшествующей ей верхней частью, близкой к горизонтали */n/*, было понято как *r*), и вторая часть слова была записана неверно: в рукописи первоначально стояло *-yaytan*, которое было исправлено на *-saytan*. — *Lingasaytan — сложное слово, принадлежащее к разветвленной конской терминологии, продолжающей старую военно-аристократическую традицию балтийского и даже индоевропейского всадничества. В первом члене выступает название стремени, см. *lingo*; во втором же — название ремня, подвижной "несущей" связи (нем. *Tragband*), к концам которой прикреплялось стремя, — *saytan*. Это слово, в свободном употреблении в текстах не засвидетельствованное, несомненно, существовало в языке и с полной вероятностью должно быть реконструировано — *saitan. Оно имеет точные соответствия как в вост.-балт., так и в ряде других и.-евр. языков, в частности, в славянских. Ср. лит. *saitas* 'шнурок,

веревка для привязывания', 'веревка или цепочка для привязывания скота в хлеву' и т.п. (LKŽ 12, 15—16), с очень показательными контекстами, описывающими, в частности, и такую конструкцию, которая имеется в виду в Э 446; ср. напр.: *Jeį svarstyklį lekštės ir saiteliai vieno sunkumo, lingelė gulsčia guli* (речь идет о конструкции весов, обе тарелочки которых прикреплены связью к рычаг-рессоре), откуда — *ling- & sait-* (: *lingasaytan). Неслучайность подобного сочетания лексических элементов вытекает из другого контекста — *Prie lingės galų kabo pasietos dvi metalinės lekštės*, т.е. опять *ling- & siet-/sait-* (*lingė 'svarstyklį svirtis, svertas'*). Но в принципе та же конструкция присутствует и в люльке, колыбели, прикрепленной с помощью веревки или иной подвижной связи к жерды-рычагу. Поэтому в описании колыбели часто выступает элемент *ling-*: во-первых, сама колыбелька (*lopšelis*) нередко обозначается словом этого корня (ср. лит. (*lingynė*), и в этом "конструктивном" отношении она подобно стремени, и, во-вторых, основное действие и свойство колыбели — качаться, "качкость". Ср.: *lingelėj linguota*; — *Reiks vėlai gulti, reiks ankstie kelti, ... lingynelę linguoti*; — *O savo mergele liñgynė(je) linguosiu...* (а также: *Reikia pritaistyti lingė, kad būt kur lopšys pakabinti*; — *Lopšys pririšta kartim, i linguoja*; — *Greta lovos ant lingės, pakabintas lopšys* и т.п.). LKŽ 12, 15—16; 7, 525—527, 654—655. Эти примеры дают основания считать, что описываемая конструкция "работает" в обе стороны: рычаг-рессора-жердь (*ling-*) с привязанными к ним веревками раскачивают (*ling-*) колыбельку-люльку (*ling-*), но и последняя вызывает качательные (*ling-*) движения рессоры (*ling-*). Развитие этой параллели см. несколько далее, а пока следует напомнить еще один важный факт: в текстах лит. *saitas* связано не только с элементом *ling-*, но и с обозначением коня, ср.: *Už saitų vedėsi arklius* или *Užriš' arkliuo saita* (LKŽ 12, 16). В связи с *saitas* нужно назвать и форму множ.ч. — *saitai*, имеющую свой круг лексикализированных значений — 'цепи', 'узы', 'путы', 'оковы' и 'узилище', вообще 'несвобода' (12, 15), и они отмечаются уже в ранних текстах. Ср.: *Rankos [nedoros moteriškės] saita i yra*, *Bretk. Bibl. Pam.* 7, 27; — *Ižtrūkės iš saitų šatono, bėk gailėjimop*. *Dauš. Post.* 165; — *Įmetė jį saituosna, kolei užmokėtų skola*. *Ibid.* 359; — *... drin užmušimo žmogaus pasodintas buvo saituose*. *Ibid.* 168; ср. *Širvyd. Dict.* 3, 479; *saitay* — więzienie; *Saitay* — więзу, а также примеры несколько иначе оформленные — *saitė, saitis, pasaitas* (ср. блр. *nacojta*, из литовск.; см. Непокупный *Latv. vēst.* 1973, 2/302/); *siētas* 'привязь', жемайтск. *sijtas* (*Daukant. Būd.* 238), *siēti* 'связывать' и т.п., ср.: *Rišk karvę pri siēto ir eik milžti* (LKŽ 12, 531). Показательны и латышские примеры — *saitē* 'связка', 'шнур' и т.п., *sāite, saita, saita, saits* 'связка', 'завязка', 'шнур', 'узы' и т.п. (уже у Манцеля; ср. *saitis* у Глюка, *sait*, ein Band у Лангия (LVV 233) и др. ME 3, 637—638; EH 2, 413; Ērgl' izl. vārdn. 3, 252; Ancītis Aknīst. izl. 281 и др.; лтг. *saitē*, dimin. *saitēite* и др. Все эти слова связаны с глаголом со значением 'связывать' — лит. *siēti*, лтш. *siet* и т.п.,

а также с более широким кругом слов того же корня, но с разным вокализмом корня и разными словообразовательными типами. Ср. лит. *ātsaja, sijà, ātsailė, atseilis, saĩlas, seĩlas, stela, siėtas, siėna, -saja* и т.п., лтш. *saiklis, sėja, sija, siėna* 'стена' (< *sėinā) и др., см. LEW 756, 783. — Праслав. *sěť 'сеть', 'петля', 'ловушка', 'западня' и под. (ср. ст.-сл. *сѣтъ*; др.-чеш. *siet'*, чеш. *sít'*, слвц. *siet'*, в.-луж. *суć*, н.-луж. *seć*, польск. *sieć, siatka*; др.-русс. *сѣть*, русск. *сеть*, блр. *сець*, укр. *сімь*) весьма близко к балт. формам. Тем не менее оно несколько отлично по значению, ареально ограничено северной частью Славии и не соотносится с соответствующим глаголом, во всяком случае явно (ожидалось бы *siti < *sei-tei, ср. и.-евр. **sēi-* и под. Рок. 1, 891). Из-за этого обстоятельства менее очевидна связь между разными фрагментами словаря лексем с этим корнем, хотя, конечно, сюда же следует отнести и русск. *сит, сить* 'осока', *сита́* 'камыш', укр. *сітник*, блр. *сіта́*; ц.-сл. *ситик*, с.-хорв. *сіта*, словен. *sít, síta*; чеш. *sít, sítl*, слвц. *sitie*, польск. *sít*, в.-луж. *суćина*, н.-луж. *суße, суćина* и т.п. или русск. *силó, силóк*, укр. *сильце́*, блр. *сілó* (ср. *засіліць*, русск. диал. *засілить* 'привязать' [*Засіліть надо бы этот воз, а потом эту веревку вдоль за силим*. СРНГ 11, 32]; ст.-сл. *сило́* αυχόνη; чеш. *osídlo* 'ловушка', слвц. *osídlo*, польск. *siódlo* и др. Любопытно, что иногда в словах этого корня возникает "конский" (как в прусском, хотя и несколько иначе) мотив, ср. русск. диал. *сіло, сілья* 'хвостовой конский волос, из коего выют сілья и лёседы, лесы на уду" (Даль⁴ 155, ср. *сильё* и под., о малой петле из конского волосу, для ловли птиц). — Тот же и.-евр. корень с элементом *-t-* (нередко он выступает и с другими расширителями) представлен в германских языках. Наиболее близки к балт. фактам др.-в.-нем. *seita* 'веревка' 'петля', *seito*, нем. *Saite*; др.-исл. *seiðr* 'связь', 'пояс' (в поэзии в описаниях мирового змея), др.-англ. *sāda* 'веревка', но и со специфическим развитием — 'плести' → 'заплетать' → 'путать' → 'опутывать' → 'околдовывать', ср. герм. **saīpa-* 'колдовство' (*Saitchamimi/s/*. Dat. Pl., к *Saiþhamjōz 'die durch Zauber, ihre Gestalt ändern können'), др.-исл. *seið* 'колдовство', *siða* 'колдовать', др.-англ. *-siden*. Лат. *saeta*, о конском волосе, возвращает к семантике русск. диал. *сіло, сілья* (ср. *saeta equina*. Сисего; *saeta equi* 'конская грива'). Кельтские примеры представляют ту же специализацию значений, которая отмечена в германских языках, ср.: кимр., брет. *hud* 'колдовство', др.-корнск. *hudol* 'колдун', 'чародей' (< **soi-to-*). Более конкретная семантика (как в слав. **si/d/-lo*) обнаруживается в др.-исл. *seil*, др.-англ. *sāl*, др.-сакс., др.-фриз. *sēl*, др.-в.-нем. *seil* и др. Из индоиранских фактов ср. др.-инд. *sētu-* 'связывающий'; 'завязка', 'путы', 'мост', 'насыпь', 'пограничный знак' и т.п., авест. *haētu* 'насыпь', 'дамба' и др. (Рок. 1, 891—892). Все эти примеры (ср. еще др.-инд. *syāti, sināti, sinōti*, авест. *hā(y)-*; хеттск. *išhija-, išhāi-*, лувийск. *hišhija-*, а также приведенные выше балт. глаголы) восходят к и.-евр. **sē(i), *sai-* : *sī и **sei-* : **si-* 'связывать'.

Здесь уместно снова вернуться к прусск. *lingasaytan — сначала

в рамках более широкого мифопоэтического контекста с оглядкой на этнографические данные, а потом с точки зрения "конско-всаднического" комплекса и его отражения в истории древних пруссов. — Синтагму **ling-* & **sait-* (в отвлечении от темы стремени, подвижного, способного "раскачиваться" благодаря ремню, привязанному к нему, и специфическим движениям ноги всадника, вставленной в стремя) можно трактовать двояко — и как "качающееся привязанное" (то, что привязано, или сама привязь, веревка и т.п.), и как "привязанное качается". Выше было показано, что эта синтагма могла употребляться не только в связи со стременем, но и в связи с колыбелью. Действительно, одна из возможных и этнографическими фактами хорошо подтверждаемых ситуаций — качание (лит. *linguotí* или *supti*) привязанной (*pri-siėti, pri-rišti*) веревкой-привязью (*saĩtas*) к жерди (*lingynė*) колыбели (*lopšėlis*). Этот мотив, выраженный естественным образом средствами литовского словаря, обнаруживает свое ядро как бы продублированным, — *ling & **sait-*. Здесь важно обозначить главный из мотивов — качание колыбели или ребенка в колыбели). Он встречается и в "взрослых" песнях (ср.: *Puodelis kaisti, kuodelis verpti, lopišėlis linguoti*. Jušk. Dain. 1518 и др.), и в "детских", особенно в колыбельных — *lopšėnės : Aš tav pasūpėsiu, aš tav palinguosiu* (Liet. liaud dain. 1, 50, N 12); *Zuikis vaiką lingava, belingūdams užsnūda* (Ibid. 1, 68, № 62, ср. №№ 60, 63, 64, 67, 69, 70, 72 и др.); *Čiučia liūlia vaiką, lopišėlie laika, ėr vėvelės sėdabrėnės, auksa lingynelė* (Ibid. 1, 58, № 33, ср. №№ 32, 34 и др.). Особенно важен мотив качающейся жерди, к которой подвешена колыбель — *lingynė* (ср. вост.-аукшт. и дзукск. *lingė*, жемайтск. *lingynė, lingotė*, занеманск. *liumpa*). Не касаясь здесь вопроса о генетических связях такого рода жерди (ср. мировое дерево с качающимся в его ветвях первогероем, рождающимся к мудрости, как, напр., Один на дереве Иггдрасиле, см. "Старшую Эдду"), все-таки целесообразно подчеркнуть это своеобразное тождество колыбели и стремени. Речь идет в обоих случаях о единой, по сути дела, колеблющейся конструкции, опора которой является "несущей" и играющей главную роль, а привязь, веревка, петля позволяет этой опоре колебаться. Литовское название стремени, построенное как кеннинг (ср. *balnākilpė*, букв. — 'седла́ петля', или *balno kilpa*), весьма напоминает прусское название стременного ремня или привязи — *lingasaytan, букв. — 'стремени привязь' (причем стремя-*lingo* семантически мотивировано как "качающееся"). Этнографические описания устройства архаичной крестьянской колыбели (люльки) дают сходную картину — раскачивающаяся опора (колыбель, люлька, ср. обычный в литовских колыбельных песнях припев *liūlia, liūlia; liuliai, liuliai* и т.п.) как центр конструкции и привязь, веревка, петля, с помощью которой осуществляется само качание колыбели. Ср.: "Lopšys supamas, traukiant aukštyn ir žemyn ranka arba įsistojus koja į prie jo šono pritvirtintos vėvelės — apivaros — kilpą" (Liet etnogr. bruož. 1964, 453). Рисунки, изображающие такие колыбельные конструкции (ср. там же рис.

245, 1—6), и описательный комментарий к ним, подтверждают в очень высокой степени отмеченную параллель стремени и колыбели и уже под новым углом зрения снова отсылают к теме Одина на Иггдрасиле. Нужно напомнить, что при всех интерпретациях имени этого дерева ("лошадь бога Игга", т.е. виселица, и т.п.) бесспорным остается уподобление дерева лошади, обозначаемой "поэтическим" словом *drasill* (ср. *drasull*, конское имя) не вполне ясной этимологии (Altnord. EWb. 81, 676—677). Из этого же уподобления следует, что Один может быть описан не только как находящийся в колыбели (или в лоне), но и как привязанный к стремени лошади-дерева. Эддическая поэзия в этом случае создала удивительно емкий контекст, который сближает почти до отождествления (в логической реконструкции идеи) колыбель и стремя как "раскачивающиеся" части конструкции, несущие на себе главного персонажа-героя. Этнографические описания архаичных разновидностей колыбели — полотняных и сплетенных (*pintiniai lopšiai*) из прутьев, словых корней, ореховых лузин (дощатые колыбели появились позже) — актуализируют и структуру материала, из которого изготавливается колыбель: этот материал можно назвать тесно или более разреженно (с ячейками, как в сети) связанным по "сетевому" принципу (ткань относится к первому случаю, ср. *tъk-ati : *съ-tъk-ati; плетенка — ко второму), ср. Liet. etnogr. bŕuož. 452—455 и др. — Русский материал доставляет целый ряд подтверждений сказанному до сих пор, а иногда и дополнительно проясняет отдельные детали. Только два примера. Во-первых, обращает на себя внимание общая характеристика (через предикат) всадника на коне и ребенка в колыбели — *Уж как едет Алеша не по-старому... Он лягается на коне, как худа ворона* (Печора и Зимний берег), но и *Матка повалит в зыбку, ... ребенок лягается в зыбке* (Арханг.), см. СРНГ 17, 254 (ср. *лягач*, о жеребенке, коне, которые сильно лягаются, там же, 254), — при том, что глагол *лягáть(ся)*, как и лит. *linguoti*, прусск. *lingo* и т.п. (из и.-евр. **leng-* : **ling-* и т.п.), в части и.-евр. языков (балт., слав., др.-инд.) развил в себе качество быть обозначением знака (др.-инд. *liṅga-*) по преимуществу, как писалось об этом ранее. Для того, чтобы быть знаком, надо быть хорошо воспринимаемым, т.е. отчетливо выделяться среди всего другого. Это достигается или привлечением внимания особым, неслучайным движением — раскачиванием, размахиванием (ср. прусск. *lingo* 'стремя' и глагол с корнем *ling-* или русск. *лягáться* в таких "знаковых" контекстах, как *Три раза фонарем лягнул: парус снимать или флаг лягается*. СРНГ 17, 254; мотив раскачивания-колыхания существен в латышском празднике "Лиго" и подтверждается многими текстами /*līgo dziesmas*/, ср. *līgot/ies* 'колыхать/ся', 'покачивать/ся', но и *līgot* 'петь песни лиго' /покачиваясь/, *dziedāt līgo dziesmas*), или статической выделенностью, превосходством (ср. русск. *стрéмя* /и знаковый характер акта вступления в стремя/ при слав. *strǔmĕti : словен. *strmĕti* 'возвышаться', чеш. *strmĕti*, то же, словц. *strmiet'*, польск. *trzmieć* 'торчать', т.е. 'вы-

даваться'), к тому же часто целенаправленной (ср. *стремиться*, *стремление*, *устремление* и т.п.); можно также указать и на то, что лит. *balnas* 'седло', через которое строится определение стремени (*balnākilpė* 'седлá петля'), учитывая более архаичные формы этого слова, как, напр., *balgnas* (так, у Бреткунаса, у которого это слово — прутенизм, ср. прусск. *balgnan*, *balgninix*, см.) или родственно с ним связанные (ср. лит. *balžtena/s/* 'поперечина' у саней, бороны и т.п., ср. прусск. *balsinis*, *robalso*, русск. *бóлозень*, *бóлознó* и т.п.), также предполагает более значимую, ритуально-мифологически и поэтически отмеченную основу, о которой можно судить по вед. *bráhmaṇ*, обозначающему некий вариант универсальной организации, опоры, близкой по функции и структуре мировому дереву (Пробл. ист. яз. Инд. 1974, 20—74), причем слово *bráhmaṇ* (ср. и *brahmán*, как бы персонафикацию той же идеи) этимологически связано с упомянутыми балт. и слав. словами. Во-вторых, в связи с прусск. *-saytan* в *lingasaytan, лит. *saitas*, лтш. *saitē* и под. и в продолжение намеченной выше параллели "стремя" — "колыбель" стоит напомнить, что подвесные колыбели ("hängende Wiegen") восточных славян, а они пользовались только ими (см. Zelenin Russ. Volkskunde 1927, 300—302, см. рис. 230, 231), среди других типов могли иметь короб, сплетенный из ивовых прутьев, а основание колыбели-зыбки из переплетенных тонких бечевек с относительно крупными ячейками, т.е. фактически из сети (*сѣть* < **soi-t-* : прусск. *-saytan*, вост.-балт. *sai-t-*). Таким образом, и для этой ситуации теоретически мог бы быть восстановлен почти тот же контекст, что был отмечен для прусского *ling-* & *sait-* и литовского *ling-* & *sait-* (в одном случае применительно к стремени, в другом — к колыбели), а именно *ляг-* & *сѣть* (**leg-* & *sĕtĕ* < *ling & **soit-*), о раскачиваемой (*лягáть/ся*) зыбке-сетке (*сѣть*), привязанной веревкой с петлей (ср. петлю стремени, лит. *kilpa*) к деревянной конструкции-раме. При всех этих сходствах нужно отметить: то, что для вост.-балт. или русского восстанавливается по частям, на основании фрагментов текста, описаний реалий и других соображений, в прусском выражено одним цельнооформленным сложным словом *lingasaytan. И это, вероятно, еще один аргумент в пользу особой престижности "конско-всаднического" комплекса у пруссов и связанного с этим развития "конской" терминологии и фразеологии.

Довольно точные соответствия прусскому *-saytan*, обозначающему гибкую соединительную конструкцию, каждый из концов которой прикреплен к "своему" стремени, отсылают к позднему этапу воинской функции в своеобразном варианте "всаднической" идеологии, где всадник, конь, его снаряжение и украшения, его символика играли исключительную роль. При всех изменениях в культе коня (прежде всего боевого) нигде в индоевропейском мире так прочно и до столь позднего времени не сохранялись следы архаичного "всадничества", как у пруссов. На основании данных, относящихся к прусской истории, и на основании типологических параллелей, связанных со сход-

ными социально-политическими и хозяйственно-экономическими структурами, можно думать, что исключительный престиж всадничества, пережившего у пруссов свое время, определил их исторические упущения (отсутствие сильной централизованной власти, слабость тенденций объединительно-государственного характера, "негородской" тип цивилизации и т.п.). Приверженность "всадническим" идеалам пруссов напоминает сходное заострение военного режима в Спарте и подавление динамических начал. Показательно, что переход в Греции к полисной системе и выход из кризиса VIII—VII вв. до н.э. был непосредственно связан с оттеснением ἰπλεῖς, заменой их фалангой гоплитов, переносом акцента с героичности личной отваги на дисциплину. А это в свою очередь имело следствием формирование новых институтов власти, десакрализацию ее, создание новых концепций справедливости и гармонии и т.п. — одним словом, конец героической эпохи. Пруссы, видимо, пропустили этот момент, и с началом экспансии Ордена они вынуждены были встраивать свои социальные структуры в рамки общественных отношений, присущих европейскому Средневековью в его "орденском" варианте. Можно высказать предположение, что полученное по договору 1249 г. право посвящения наследственной прусской знати (*nobiles, edel*) в рыцарство, отчасти учитывало этот всаднический комплекс, объединявший индоевропейское наследие пруссов со средневеково-европейскими стандартами конного рыцаря. Не случайно, Вульфстан в своем сообщении о пруссах (самом раннем из относительно подробных) дважды выдвигает конскую тему, и оба раза в связи с знатными и богатыми людьми. Именно они и король пьют кобылье молоко в отличие от бедных и рабов, пьющих мед (*and se cyning and þa ricostan men drincað myran meolc, and þa unspedigan and þa þedwan drincað medo*). В описании деления имущества богатого человека после его смерти сообщается о ритуализованных конских соревнованиях, когда собираются все мужчины, имеющие наиболее быстрых лошадей (*þaet swifte hors*) в стране, и мчатся к разделенному на части имуществу покойного; и тот человек, который имеет быстрейшую лошадь, приходит к первой и крупнейшей части, и так один за другим, пока все не будет взято. И затем каждый едет своей дорогой с имуществом, и принадлежит оно им полностью; и потому там быстрые лошади чрезвычайно дороги (*and fordū þaer beoð þa swifstan hors ungefōge dyre*). Дороговизна коня определяется его воинско-соревновательными качествами, но они, конечно, отмечаются материальными символами этих качеств, в частности, особенно богатым и отмеченно престижным снаряжением и украшением боевого коня, о чем отчасти можно судить по развитому "конскому" фрагменту словаря. О роли конных вооруженных пруссов в орденскую эпоху и до нее известно достаточно хорошо, но и в периферийной по отношению к воинской функции сфере скотоводства, была роль лошади отмечена. По числу упоминаний в статьях "Помезанской Правды" она на безусловно первом месте среди домашних живот-

ных. Некоторые статьи упоминают не только о самой лошади, но и о ее седле, упряжи (ср. "Werden zwey ding mit einander verlorn als ein pferdt vnd ein sattel..." 52; "Eine frawe mag ure swigen behalden..." 62), причем некоторые, казалось бы, не вполне мотивированные частности этих статей могут произвести впечатление странностей, если не иметь в виду исконной престижной роли лошади. В наиболее обмирщенных ситуациях лошадь — то, что теряют или крадут, что охраняют от пропажи, увечья, заклада, чем возмещают потраву (статьи 30, 33а, 49, 115 и др.), но это уже лошадь "третьей" дюмезилевской функции, к которой сказанное выше имеет малое отношение. — И в заключение еще одно соображение о реальном предмете, обозначаемом как *lingasaytan и о вероятно связываемых с его частями свойствах. Если само "стабильное" стремя (см. *lingo*) внутренней формой обозначающего его слова отсылает к идее движения вперед (ср. *стремя* — *стремиться*), т.е. динамическому аспекту, то "подвижная" и гибкая связь (*saytan*), напротив, своей языковой формой актуализирует идею прочности, надежности, "статической" силы. Судя по этимологии этого слова и отдельным вещеведческим фактам, относящимся к снаряжению коня, семантическая мотивировка *saytan* связана не с тем, что эта часть соединена с *lingo*, но с внутренней характеристикой этой детали: надо полагать, что *saytan* реализовало собой "составной" тип несущей связи — шнур, полоса, ремень и т.п. скорее всего были многоэлементны и представляли собой или сплетение нескольких составных частей или сочетание их по "цепочному" принципу. Такая "составность", согласно мифопоэтическим представлениям, подчеркивала идею силы (праслав. слово *sila родственно прусск. *seilin* или лит. *siela, siēti* 'связывать' и т.п.), крепости, неразрывности. Разъединение — расчленение составного целого, наоборот, трактуется как уменьшение силы, ее деградация, хотя эти "высвобожденные" силы целого могут вступать в новые синтезы с новым возрастанием силы-крепости. В этом контексте и стремя (*ling-*) и то, к чему оно присоединено (*sait-*), элементы не только словаря профанических вещей: они принадлежат и системе ценностей, еще сохраняющих следы сакральной отмеченности.

— Лит.: Nesselmann AM 6, 1869, 318; AM 7, 1870, 583; Thes. 1873, 90; APSpr. 368—369, 370; BSW 253; WP II, 463—464; ME 3, 860; SPV 204; ЭСР 3, 164; LEW 756; Pok. 1, 892; Jēgers BL 1970, 84; Непокупный Latv. vēst. 1973, 2(302), 80—83; St. OP 6.950; 9.032; РКР II, 33, 260, а также Лит. к статьям *lingo, nolingo* и *-saytan*. — {*lingasaytan}.

lingo 'стремя'. Э 447 ('Stegerefe'). Nom. Sg. fem. — В фрагменте словарика принадлежностей конской упряжи, ср. Э 445: *Bugo* ('Satilbom'), Э 446: *Largasaytan* = *Lingasaytan ('Sticledd'), Э 448: *Tabo* ('Filcz') и т.п. — См. **lingasaytan, nolingo, {*ling-}, {*leng-ain-}* и др. — Прусское название стремени оригинально среди балтийских языков: оно не совпадает ни с лит. *balnākilpė*, ни с лтш. *kāpslis*, ни с русск. *стремя* и сходными названиями в других славянских языках. —

В основе этимологии прусского слова лежит обозначение движения особого вида, связанного с покачиванием, колыханием, ср. лит. *lingėti* (Brika llinga, žirgas žvengia, в связи с "конской" тематикой. LKŽ 7, 526), *liñginti* (Ko dar kaip senis llingini? 7, 527), *linguoti*, *lingti* (Sviro, lingo kviečių varpos, žirgų kojų daužė. 7, 528); лтш. *līguōt* 'качать', 'покачиваться', 'колыхаться', 'колебаться' и т.п., *līgāt*, ср. *lėgāt* 'шататься', *ludgāt*, *ludzēt* и др. (ME 2, 483, 484, 536, 546; EH 748, 770, 775 и т.п.; наконец. ср. *liñgāt*, *linguōt* 'укачиваться', 'убаюкиваться' и т.п. ME 2, 472: из куршск. или из литовск.; ср. Dambe Dial. leks. 2, 1986, 110); слав. **legati* (se), ср. русск. диал. *лягаться* 'двигать назад и вперед, сучить (ногами)'; 'качаться', 'колыхаться' (*Уж как едет Алеша не по-старому... Он лягается на коне, как худа ворона*). СРНГ 17, 254 и др. Внутренняя форма прусского слова для стремени ориентирована как раз на подобное характерное движение: стремя-*lingo* выступает как своего рода качалка, с помощью которой, в частности, всадник может добиться правильного ("нелягающего") хода лошади, ср. *взять лошадь в стремя, дать шенкеля лошади* (нем. *Schenkel* 'ляжка', 'бедро' при русск. *ляга* 'ляжка' < **leg-*); ср. *лягач*, о коне, жеребенке, который сильно лягается. Вместе с тем нужно помнить, что и балт. *ling-* и слав. **leg-* (как и реконструируемое и.-евр. **leng-*, см. Рок. 1, 676) передают еще и такие значения, как 'сгибать', 'изгибать', 'выгибать', 'гнуть' и т.п., ср. лит. *linguoti* (*Vejužis pūtė, gūtelės lingavo. Rėza Dain. 173; Nusiémė kepurę ir kloniojasi, linguoja ir linguoja* и др., см. LKŽ 7, 529) или словин.-помор. *lqāc* 'сгибать', 'искривлять' и т.п., а также примеры фиксации топографически изогнутых или прогнутых (по вертикали) урочищ, ср. лит. *lėngė* 'углубление' и т.п., русск. *ляга* 'лощина', 'впадина'; 'болото' и т.п. Разумеется, что прусск. *lingo* могло бы мотивироваться и идеей изгиба, предполагаемого и самой формой стремени и особенно "гибкой" связи, ср. лит. *balnākilpė*, где *kilpa* 'петля'. Как бы то ни было, материально прусск. *lingo*, несомненно, связано с лит. *lingė* 'гибкая жердь для подвешивания к ней колыбели', 'колыбель' (собств. — 'качалка') и т.п., см. LKŽ 7, 525—526; *lingė* 'изгиб' (*Lingiu lingėm eina kelias pagal Nemunėlį. 7, 526*); лтш. *liñga* 'праща', 'петля' (ср.: *viņš meta akmeni ar līngu. Манцель, хотя ME 2, 471* вслед за Thomsen Berögr. 266 предлагает объяснение из ливск. *liñga* или эст. *liñg* 'праща'). Учитывая знаковую функцию стремени, отмечающую важный переходный момент (ср. *вступить в стремя*, т.е. выйти из детского возраста и войти в возраст воина /*вступить в отцовское стремя*/), который в известном смысле может быть сопоставлен с инициацией, прусск. *lingo* могло бы быть соотнесено и с др.-инд. *liñga-*, обозначающим не только знак, но и *membrum virile*, т.е. знак пола и той грани, когда юноша приобретает право стать мужем (ср. характерный литовский *ling-* контекст: *Lingo, lingo ir sulingo /sumilo/ bernelis su mergele ir arsiženijo. LKŽ 7, 528*), мужчиной и воином. Стремя в ряде традиций, как и оружие, одежда и некоторые атрибуты, вы-

ступает материальным воплощением символа достижения нового состояния; ср., кстати, др.-инд. *liñgati* 'ходить' (нестандартным образом?; ср. такие слова, как *liñgika-*, *liñgita-*, обозначающие хромоту), отмечено только в "Dhātupāṭha" V, 48, и *liñgayati* 'расписывать красками' (видимо, разными). В этом контексте и славянские данные, связанные с **leg-*, занимают свое место. Такие примеры, как русск. диал. *Флаг лягается* (полотнище на древке или жерди, ср. лит. *lingė* или *Три раза фонарем лягнул: парус снимать, или лягнуть рукой* (т.е. махнуть, подавая знак, сигнал), см. СРНГ 17, 254, недвусмысленно фиксируют у глагола *лягаться* значение 'быть знаком', 'давать сигнал' и т.п., и в этом смысле они очень близки к др.-инд. *liñga-*. Более того, то, что становится знаком, выступает как сигнал в силу "колыхающе-размахивающих" движений, одним словом, то, что *лягается*, скорее всего могло и обозначаться отглагольным существительным типа *ляга* < **lega*, которое тоже точно отвечало бы прусск. *lingo*. Оба наиболее четко представленных в корне *ling-* семантических мотива — "раскачивание" (в динамическом аспекте) и "изгиб" (в статическом) — могут быть объединены в общем источнике, исходное значение которого — "отклонение от нормы, стандарта, от того, что признается правильным". Этот зазор между нормой и отклонением (*ling-*) образует ту легко схватываемую зрением черту, которая используется как знак. — Подробнее см. **lingasaytan*, а также *nolingo*.

— Лит.: Pauli BVS 7, 1873, 162; Thes. 1873, 94; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 370; BSW 157—158; SPW 204; PKP II, 285; Pospiszylowa Acta B.-sl. 15, 1983, 261; Топоров Этимол. 1982. 1985, 132—136; 139—140; Daunytė Tarpt. balt. konf. 1985, 24; Dambe Dial. leks. 2, 1986, 110. — *{*lingā}*.

{*ling- & *var-}, ср. *Lingwar*, 1343 (APON 89: неясна форма *Lingues*, 1249: неправильное ли написание названия *Lingwar* или правильная форма с не вполне ясным толкованием — **Ling- & *ves-*; этот элемент *ves-* может присутствовать в прусск. Nom. pr. *Wessemans*, 1359, см. *{*ves- & *man-}*, ср. также *{*ves-el-}*, *{*ves-el-in}*. — См. *{*ling-}* и *{*var-}*. — Гурнович Roczn. Elbl. 8, 1979, 101; TPG 1980, 11, 12, 15, 91, 367 реконструирует название **Lingwars* (ср. также Хинце Б.-сл. этнояз. отн. 1983, 65) для обозначения прусского поселения, позже называвшегося **Turmerins* и *Reichandre(a)s*, ныне — *Andrzejewo* (штумск., под Дзергонем). Первое по времени (1249 г.) сообщение об этом названии отмечает, что местные пруссы обязались построить храм "in loco, qui vocatur *Lingues*" (PUB I/1/, 162). В 1250 г. упоминается *plebanus de Lynguar* (Ibid. 172); далее — *Lingwar*, 1323 (Semrau Siedl. Morein 1931, III, 52). В 1343 г. сообщается, что прусс *Permaude* продал поселение *Lingwar* *Andrzejowi* *Tumeryn* (PUB III, 423). — Предполагается, что в основе этого названия Nom. pr. **Ling-wars*, т.е. сложное двучленное слово. К первому члену см. *{*ling-}* и под. и такие названия, как лит. *Lingės*, *Lingiai*, *Lingiškė*, *Lingiu Fėrmos*, *Lingėnai*, *Lingėniškė*, *Lingeniškės*, *Lingavà*, *Lingāviškis* (LATSŽ 162); *Lingis*, *Linga*,

Ling-a-raistis, Lingaučia, Liñgė, Lingià (LHEŽ 192; *Lingumà* трактуется как *Lygumà* с вставным *n*); лтш. *Liñga ez., Lingas-dīķis, Liñgas-kalns, Lingas-mežs, Liñgas, Liñgas, Linge, 1858, Linges; Linglauči, Lingulauči, Lingavas* (LV I, 2, 309), а также прусск. *{*leng-ain-}* и под. Этот же корень используется в ономастике. Ср. ст.-лит. *Lingis, Gen. Sg. Lingia, Lingiowa, Lingina; Linge, Lingie, Linge bowtußnik, Lingie Baltußnik, Lingia; Linga Bowtußnik*; лит. *Lingis, Lingys, Lingaitis, Lingėvičius, Lingauskas; Lingė* (Liet. antrop. 166—167, 238; ср. трактовку LVKŽ 251); куршск. Nom. pr. *Lyngute, 1355—1362* (KF 384; при лтш. Nom. pr. *Liegutte*; — ср. *Herman Liegutt, 1582; Ligudte Toyeke, 1582—1585, см. KF 303*). К лит. *linguoti*, лтш. *liñgūt*, ср. также прусск. *lingo*, лит. *lingė* 'изгиб', *lėngė* 'впадина', 'ложбина', 'склон', слав. **leg(a)* и т.п. К второму члену см. *{*var-}*, ср. прусск. *warein* 'сила', 'мощь', лит. *vāras*, лтш. *vara* и т.п. Гурнович TPG 91 указывает также на *Lingwarowen*, теперь — *Łęgarowo* (pod Węgorzewem), ср. Słown. geogr. PZP 1, 174; можно напомнить мазур. *Lingenauer See, Lingenausische See* при названии деревни *Łęgno* (при старых прусских обозначениях типа *Sauangyn, 1336, Sawange, озеро, 1347* и т.п., см. APON 153), см. Słown. nazw Mazur II, 127. — К древнебалканским параллелям ср. фрак. *Λίγγος*, название замка (Steph. Byz. 416, 5; Thr. 276), *Lincos*, гора в Эпире и Фессалии, ср. также малоаз. *Λίγγος* (Zgusta Kleinas. PN 272). См. Duridanov Thr.-Dak. 1969, 44; Език на трак. 1976, 40—41; Топоров Балк. сб. 1977, 62; ср. Rădulescu JIEST. 12, 1984, 95. — Этот корень, несомненно, входит в состав старого "центрально-европейского" фонда, ср. иллир. *Linguarium*, остров в Адриатическом море, около Коркиры (Spr. alt. Illyr. 211); кельтск. местное название *Lingius* (Holder Alt. Spr. II, 229—237), *Lingones*, название племени (Ibid.) и др., см. Нерознак Кельты 1974, 48. Об этом этнонимическом названии *Lingones* см. еще МН 160.

linis 'линь', *Tinca tinca* L. Э 571 ('Slye'). Nom. Sg. masc. — В ряду названий рыб; ср. по соседству — Э 569: *Kalis* ('Welz'), Э 570: *Seabre* ('Czerte'), Э 572: *Assegis* ('Persk') и т.п. — APSpr. 370 определяет вид как *Cyprinus tinca*. — См. также "линьевые" топонимы и гидронимы — *{*lin-av-}* и др. — Ближайшие параллели — в вост.-балт. и слав. Степень близости соответствующих слов в балт. и слав., дистанция, отделяющая их от других предполагаемых параллелей, наконец, данные о балт. интонации в этих словах свидетельствуют в пользу предположения об общем балто.-слав. названии этого вида рыб. Предположение Брюкнера *Fremd. Wört. 1877, 103; SEJP 299* о заимствовании слав. слова в балт. языка безосновательно. Впрочем, этот взгляд повторен в ЭССЯ 15, s.v. **linь*; оба приводимые в пользу старой точки зрения аргумента едва ли можно считать убедительными: первый — наличие дублетности твердых и мягких основ в балт. и слав. названиях линя; второй — "защитительный" ("наличие литовского акута противоречит этому [т.е. мнению Брюкнера. — В.Т.] недостаточно веско, как, впрочем, и в ряде других известных случаев"). — В литовском названии линя — *lynas* (*Lynas mėgsta sto-*

vinčius, ramius ir šiltus vandenį. Ivanausk. LKŽ 7, 521); ср. в старых источниках: *linas* — *Lin. Širvyd. Dict. 3, 153*; ср. *Lynas, ein Schley* (Ruhig 1747, I, 81); *Lynas* — *Schleihe* (Q 457, рукописн. словарь XVII в.) и др.; диал. *lynas* (Laz. tarm. žod. 148; Drusk. žod. 193 и др.). В латышском названия линя более разнообразны, ср. *līnis* как в литературном языке, так и в ряде говоров (*zirgi un guovis gludi kā līņi. ME 2, 489; EH 750; Ērg'. izl. vārdn. 2, 241*; ср. dimin. *līnic* и др.); *līns, līns; līna, līne* (о распространении этих форм по говорам см. Laumane Zivju posauk. 1973, 125). Уже в лексикографических источниках XVII в. зафиксированы разные формы обозначения линя. Ср. наряду с *līnis* у Манцеля форму с основой на *-ā*: *lihna* (Phraseol. 1638, 288); она же представлена и у Лангия: *Lihna, eine Schleye, piscis* (LLVV 144); форма *līne* дана Fischer Versuch 1778, 124; *līns* — MLLG, 13, 1863, 33; *līns* — Plāķis Kursen. val. 1927, 77 и др. Некоторые из этих форм и по своему характеру и по ареальным особенностям дают повод думать о влиянии литовских или куршских образцов или, по меньшей мере, о некоем единстве, перекрывающем межъязыковые различия и границы. Характерны в этом отношении данные, относящиеся к "линьевым" названиям в говоре курсеников. Они тем более интересны, что поражают многообразием и относятся к зоне, с которой пруссы имели непосредственные контакты. На фоне *lynas* (Benecke Fisch. OWPpreuß. 1881, 111) заслуживают внимания курсен. *līns* (Kursen. val. 1927, 45), *līnis* (Gen. *lina, 66*), *šleja* (84); *šleis* (Kurisch. Wb. 76), ср. нем. *Schleie*. Предполагается, что курсен. *līns* могло быть заимствовано из лит. *lynas* (жемайт. *l'ns*). Формы типа *šleja, šleis* представляют собой, конечно, германизмы; подобные им примеры известны и из говоров латышского языка (ср. *sleija, sleije*). Урбутис ВЕЕ 1981, 174—175, отмечая, что линь нередок в бухтах Куршского залива, но, главным образом, в восточной его части, а не вдоль Неринги, и что он не является самой важной промысловой рыбой, этими обстоятельствами предлагает объяснить исчезновение старого исконного названия линя и появление более поздних заимствований названий из литовского и немецкого. Беря юго-вост. Прибалтику в целом (бассейн Балтийского моря) под углом зрения "линьевой" проблемы, можно сказать, что характерными чертами этого ареала является распространенность и укорененность здесь элемента *lin-*; относительное многообразие вариантов этого корня, довольно четкая связь между центрами линевого промысла и лингвистической картиной (обозначения линя), наличие довольно легко осуществляющихся иррадиаций профилирующих названий этой рыбы в зависимости от географии линевого промысла, включая и заимствования — как межъязыковые, так и внутрдиалектные. — Славянские названия линя образуют ближайшее соответствие прусск. *linis* и другим балт. формам. Ср. ст.-польск., польск. *lin*, кашуб. *lin, lēñāk, liñc, linéc, linek* (Słown. gwar kasz. 2, 367 и др.; Sychta Słown. kociew. II, 108; Górniewicz Dial. malb. II, 1, 214), *l'in, l'inek* (Tomaszewski Gwara Łop. 1930, 147), словин.-помор. *lin, l'in* (Pom. Wb. 1, 459; Slovinz. Wb. I,

583), в.-луж., н.-луж. *lin*, ст.-чеш. *lín, líň*, чеш. *lín, líň*, словц. *lieň*; блр. *línь, lín, лын*, русск. *лннь, лнн, лень, лннэк, лннók, лннэк* и др. (СРНГ 16, 357—358; 17, 49, 50, 51), укр. *лнн, лень, лннь*; ц.-сл. *лннь*, болг. *лнн, лннец, лннац, лнар, лнче*, макед. *лнши, лнши*, с.-хорв. *лннь, лнн, лннь, лнньак, лннш, лнн*, словен. *línj, línják* и т.п. Славянские лине-вые названия нередко заимствовались соседними языками, ср. венг. *lín*, румын. *lín*, аром. *línitã*, н.-греч. *λινος*, турецк. *lín*, эст. *linnas-kalla, linnas-kala, Linask*, карел. *лнньку* и др. (в этом контексте ср. швед. *linnare, lindare(n)* и т.п.). Подробнее о славянских названиях линия (в частности, и на широком фоне соседних языков) см. Усачева Этимол. 1971, 1973, 174—177; Слов. назв. рыб 1972, 196—197, ср. также 96, 191; Коломиец Происх. назв. рыб 1983, 78—82. — Обычно к этим балт. и слав. обозначениям линия присоединяют и ареально близкие немецкие формы *Schlei, Schleie, Schlie, Sly, Schleiche* и т.п. с тем же значением и соответственно др.-в.-нем. *slīo*, ср.-в.-нем. *slī(ge), slīhe*, др.-англ. *slīw, slēo*, ср.-н.-нем. *slī*, голл. *slij* (ср. *slie*), а также др.-греч. *λινεύς*, морская рыба. Что касается др.-греч. слова, то его отнесение в эту группу сомнительно. Его значение (= κεστρεύς 'кефаль') и наиболее правдоподобная этимология (к *λινον* 'льняная леса или сеть'; *λινεύω* 'ловить рыбу с помощью подобной сети'; в этом случае *λινεύς* — "Rückbildung" от указанного глагола и мотивируется способом ловли, о чем см. Thompson Gloss. Fisch. 1947, 109; отсюда — напрашивающееся заключение о том, что *λινεύς* — название типовой промысловой рыбы, каковой, действительно, могла быть кефаль; см. GEW 2, 125), не говоря о некоторых других деталях, делают маловероятной связь с балто-слав. обозначением линия и, главное, др.-греч. слово не прибавляет ничего нового. Иная ситуация с немецким названием линия, обычно возводимым к и.-евр. **slei-/*lei-* 'слизистый', 'скользящий', 'гладкий' (Рок. 1, 662—663). С одной стороны, трудно пройти мимо того обстоятельства, что *Schlei*-ареал, во-первых, непосредственно примыкает к балт.-слав. ареалу линевого названия и, во-вторых, именно в кругу других германских языков этот способ обозначения линия оказывается исключительным, поскольку удержался только здесь, а в остальных местах был вытеснен другими словами (ср. англ. *tench* и т.п.); нужно, конечно, помнить и об употреблении этого корня в иных словах, ср. др.-исл. *slý* 'слизистое водное растение' (< герм. **slīwa*), н.-исл. *slý, slí*, фарер. *slíggj*, норв. *sly, sli* 'слизь', швед. диал. *sly, sli* 'заболоченное поле', датск. диал. *sli* (кстати, из герм. **slīwa* объясняется и финск., карельск. *liiva* 'ил', 'тина', откуда в свою очередь русск. диал. *лыва, лыва* 'болото', 'зыбь' и т.п.) или др.-исл. *slím* 'слизь', н.-исл., фарер. *slim*, норв., датск. *slim* и т.п. (ср. финск. германизм *lima, limo* 'слизь'), см. Altnord. EWb. 516. С другой стороны, структура немецкого слова и вышедших из употреблений его соответствий в других герм. языках в сравнении с балт.-слав. названиями линия обнаруживает слишком существенные отличия (*s-* в анлауте, отсутствие элемента *n*, вокализм *-ei-*), чтобы ставить его в соответствие балт. и слав. названиям, во

всяком случае в том же плане, в каком эти последние соотносятся друг с другом. Можно добавить, что восстановление источника названия линия в балто-слав. в виде **lei-no-*, т.е. с дифтонгом (см. Doroszewski Pr. Fil. 15, 1931, 428—429; Bezlai Jez. in slov. 6, 1959—1960, 172), не отвечает балтийским данным, а, скорее всего, и славянским. Следует согласиться с оценкой этой точки зрения ЭССЯ 15, с. vv. **línь, *línь*, добавить, что славянские, как и балтийские, обозначения линия фиксируют новообразование, существенно иное, чем немецкие примеры, даже если они в конце концов восходят к тому же слову. — Поэтому этимологическое решение названия линия в балт. и слав. может быть найдено именно в рамках этих языков и, что весьма важно, оно должно быть общим как для балт., так и для слав. названий. Полной ясности относительно этимологии этого слова нет, но есть два-три семантических мотива, которые особенно настойчиво повторяются при описании особенностей линия. Один из них — липкость линия, объясняемая его слизистостью. В свое время Уленбек KZ 39, 1906, 259—260 предлагал выводить название линия из **lipнь* (: и.-евр. **leip-* 'липнуть', 'лепить/ся/' и т.п.). В настоящее время эту этимологию можно считать оставленной (или, по меньшей мере, очень мало популярной), причем не из-за каких-либо принципиальных соображений, а скорее потому, что находят более обоснованным другое объяснение. Любопытно, что эта ситуация была уже описана С.Т. Аксаковым в его "Записках об уженье рыбы"; ср.: "Хотя можно имя его произвесть от глагола *лннуть*, потому что лннь, покрытый липкой слизью, лннет к рукам, но я решительно полагаю, что название линия происходит от глагола *лннять*: ибо пойманный лннь даже в ведре с водою или в кружке, особо если ему тесно, сейчас полиняет и по всему его телу пойдут большие темные пятна, да и вынутый прямо из воды имеет цвет двуличневый личиный. Без сомнения, народ заметил такую особенность линия и дал ему характерное имя". Подобные объяснения нередко повторяются у естествоиспытателей, ихтиологов, рыболовов, фенологов (ср., напр., Сабанеев. Жизнь пресноводн. рыб, 305; Ferienc Slov. nazv. ryb. 1948, 42 и др.), но и принимаются лингвистами-этимологами (ср. Etym. sl. č. 333—334; Коломиец Происх. назв. рыб, 78—82; ЭССЯ 15, с. vv. и др.) как основание для соответствующей этимологии. Можно было бы в качестве еще одного аргумента привести соответствия -- **línь : *lin'ati*, но **línь : *linati* (ср. русск. диал. *лннять* 'сбрасывать, менять в определенные периоды шерсть, перья, лннять'. СРНГ 17, 49 и др.), ср.: *Лнн вылнняет, а карася очешут* (нащупают). Даль⁴ 2, 653 и т.п. В связи с этим же глагольным корнем уместно заметить, что лннь обладает способностью незаметно исчезать, как бы теряться из поля зрения наблюдателя, что также объясняется особенностями его чешуи. Славянский же глагол **lin'ati* означает не только терминологизированное действие 'лннять', но и 'убывать', 'уменьшаться', 'исчезать из виду', 'незаметно пропадать' и т.п. (ср. русск. диал. *лннять*. СРНГ 17, 52; с.-хорв. *лннати* 'хиреть',

'чахнуть', 'исчезать', болг. *линѣя* и т.п.). Возможно, что в этом случае дополнительным аргументом может быть готск. **af-linnan* 'уходить', 'исчезать', 'αλοχωρεῖν (*af-linnip*) и параллели ему в других герм. языках — др.-исл. *linna*, др.-англ. *linnan*, др.-в.-нем. *bi-linnan* и т.п., которые предлагают возводить не к и.-евр. **lei-* 'слизистый' (ср. Pok. 1, 662—664), но к и.-евр. **lei-* 'исчезать' и т.п. (см. Goth. ED 6). Впрочем, в более широком контексте и линька ("линяние") и незаметное исчезновение линя (в частности, когда слизь отделяется от рыбы кусками, и она как бы пропадает) составляют разные аспекты одного и того же явления и вместе с тем снова отсылают к мотиву слизистости-скользкости (ср. *ускользать* 'исчезать' : *скользкий*), который и сейчас является наиболее эксплуатируемым при этимологических объяснениях слав. **linь*, **linь* (ср. Leder Russ. Fnamen 1968, 96—98; LEW 373; SEW 4, 261—262; Българ. етим. речн. 3, 408; Etim. Sloven. 2, 142; Etim. gječn. hrv. 2, 304 и т.п., не говоря о более ранних работах). Этот контекст мог бы, видимо, быть еще более расширен — как за счет реалий, связанных с особенностями линя: он обычно обитает в тинистых местах в речках и озерах и предпочитает оставаться на дне (*Ходи, как линь по-дну, и водой не замути; Линь по-дну, а щука по-верху* и т.п. Даль⁴ 2, 653), т.е. в обоих случаях незаметен или малозаметен, так и за счет более глубоких лингвистических реконструкций (ср. правдоподобную связь **lei-* 'слизистый' и т.п. с **lei-* 'лить' : *лить* — *сливаться*, т.е. совпадать с фоном, перестать выделяться, становиться незаметным). Учитывая этот широкий фон, пожалуй, осторожнее всего ограничиться предположением, что именно на нем — в зависимости от пространства, времени и внутренней языковой ситуации — не раз "писались" народно-этимологические версии мотивировок внутренней формы слова, обозначающего линя. — Балтийские данные позволяют говорить о еще одной оригинальной версии. При том, что принято различать два типа линей — "жирных" и "тощих" (соответственно — "поросычих" и "костистых", ср.: *Lynų buvo paršinių — riebių ir ašakinių — liesų*. Шатес, Скуодаск. р-н. LKŽ 7, 521), акцент делается, как правило, на первых: линь — некий стандарт жирности, понимаемой как набитость-налитость, отсюда — мотив гладкости, лоснящести. "Откормленный, как линь", — говорят о толстом человеке или домашнем животном (*Isišėres kaip lūnas*. LKŽ 7, 521; *Vaiksciauna karvės po itokią žolę, tai kaip lūnai*, с пояснением — очень жирные. 7, 521; *zirgi un guovis gludī kā līņi*. ME 2, 489 ["гладкость" линей и скота, сравниваемого с ними, — в духе русск. *гладкий*, т.е. не только 'разглаженный', 'ровный', но и 'толстый', 'тучный', 'жирный', 'мясистый' и т.п., о человеке или животном, см. СРНГ 6, 179—180; ср. также *гладкий, как линь*]; *kā līnis*, — говорят о хорошо откормленном и ухоженном животном, обычно домашнем; ср. *tās guovis bi tā nūoēdinātas kā līņi*. Ērg'. izl. vārpn. 2, 241 и т.п.). В этом смысле линь так относится к корове, как бычок (рыба) к быку и т.п. Мотив гладкости-налитости (ср. как *налитый*) передается словами и.-евр. корня **lei-* в раз-

ных языках, ср. др.-греч. *λεῖος, λῖτός*, лат. *lēvis* (< **leiuis*) и т.п., в частности, и примеры с *s-mobile* (см. Pok. 1, 663—664), также и с разными расширителями корня. Этот круг ассоциаций дает, кажется, известные основания вернуться не только к теме "жирных" и "тощих" линей, "налитости" как выделенности по сравнению с фоном и "слизистости" с фоном как утрате различий с ним, но и к амбивалентности и.-евр. корня **lei-*, о которой, по сути дела, писал и Мажюлис РКР II, 290—291: и.-евр. **lei-* 'лить' открывает перспективу — через 'разливать', т.е. распределять-распространять жидкую субстанцию по поверхности, — в обе стороны: 'разливать' → 'разливая, разглаживать' → 'гладить', 'выравнивать' → 'наращивать гладкость' (слой за слоем) → 'увеличивать', 'уплотнять' (так сказать, набивать, делать налитым), с одной стороны, и 'разливать' → 'разливая, разглаживать' → 'гладить', 'выравнивать' (за счет снятия неровностей) → 'утощать', 'уменьшать' и т.п., с другой. Первая схема реализуется и.-евр. **lei-l-* > балт. **leil-* (ср. лит. *leilas*, лтш. *liēls* 'большой' и т.п.; вторая — и.-евр. **lei-/*lī-s-* > балт. **leis-/*lis* (ср. лит. *liesas* 'тощий', лтш. *liēss*, лит. *lysti* 'тощать', 'худеть') или **lei-/*lī-k-* > балт. *lik-* (ср. прусск. *likuts* 'маленький') и т.п. В этом же диапазоне находят себе место и другие балт. соответствия — ср. лит. *lelmas* 'тонкий', 'гибкий', *lāinas, llebas, laibas*, ср. ц.-сл. *либѣвъ, либавь, либивь* и т.п.; при этом показательны два момента — аспект относительности, проявляющейся в амбивалентности подобных образований, и связь с мотивом изменения вида, сбрасывания кожи, линяния. И то и другое может быть проиллюстрировано словен. *liliti* 'сбрасывать кожу' при ближайшей параллели в лтш. *liēls* 'большой' или лит. *leilas* 'тонкий' (: лит. *leilėti*, лтш. *liēlit* и т.п.); лит. *leilėti* особенно четко фиксирует связь увеличения (роста) и уменьшения-утощения, напр., в связи с ростом растений в затененном месте (ср.: *Jau žinok : kur saulė neažeina, tai te neaug, tik leilės i leilės*. LKŽ 7, 240; ср. *nuleitėti* и др.). Другой словенский глагол с тем же значением (*leviti se*), при всех неясностях сопоставляемый с готск. **af-linnan* (см. выше), др.-инд. *lāyate, līyate, -ti*, лат. *linō (lēvi, līvi)* 'мазать', 'размазывать' и т.п., также, кажется, может быть отнесен к числу продолжателей и.-евр. **lei-* (см. Pok. 1, 662; Etim. Sloven. 2, 138 и др.). — В заключение следует подчеркнуть диагностически важную роль диалектного (?) и.-евр. названия линя, определяемую известным разрывом между ограниченностью ареала данного названия и гораздо более широким распространением этой рыбы (настоящее время она водится по всей Европе, исключая восточную Адриатику и крайний Север); впрочем, Мэллори JIE St. 11, 1983, 273 подчеркивает, что нет сведений о лине в Понто-Каспийской зоне в эпоху курганной культуры (неолит, энеолит); в настоящее время он распространен и здесь. Поскольку линь оказывается одной из немногих рыб, название которой реконструируется достаточно надежно для и.-евр. горизонта, это название должно рассматриваться как важное свидетельство "индоевропеизации" соответствующего ареала Европы.

— Лнт.: Thes. 1873, 94; Brückner Fremd. Wört. 1877, 103; SEJP 299; Pr. Spr., s.v.; Uhlenbeck KZ 39, 1906, 259—260; Hirt IF 22, 1907, 72; APSpr. 370—371; BSW 162—163; SEW 1, 722—723; Reallex. idg. Alt. 2, 320; ME 2, 489; SPV 204; WP II, 389—390; GEW 2, 125; EWD, s.v.; ЭСР 2, 498; LEW 373; Pok. 1, 663; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 22; Laumane Zivju posauk. 1973, 10, 125; Etym. j.č. 333—334; SEP 4, 261—262; Etim. rječn. hrv. 2, 304; Etim. Sloven. 2, 142—143; Българ. етим. речн. 3, 408—409; РКР II, 1981, 286; Urbutis ВЕЕ 1981, 174; Коломиец Происх. назв. рыб. 1983, 80; Меркулова Этимол. 1983, 1985, 194; Mallory JIEST. 11, 1983, 273; ЭССЯ 15, s.v. — {*linis}.

{*link-} ср. Nom. рг. *Linko*, 1271 (*Diwanus dictus Clekine capitaneus Barthorum et Linko Pogesanus cum magno exercitu intraverunt terram Colmensem...* SRP 1, 120); *bona filiorum Janusz dicti Lyncke*, 1323 (*Corp. dipl. Warm. 1, 367; APN 52*); *Hannos Lynkyn z Synami otrzymuje wieś Broiden*, 1330 (*PUB II, 453*); *Linke*, 1346; топонимы *Lynken*, 1330, позже — *Linken* (APON 89); *Linken*, 1385 (*Semrau Siedl. Morein, 53*), 1409, 1437, 1488; *Lynki*, 1526; *Lincken*, 1582; до *Link*, 1624; *Linki*, 1664; *Lincken*, ок. 1790 (*Srt. XVI*); *Linki*, 1884 (*Słown. geogr. Polsk. V, 240*); *Linki*, нем. *Linken*, устн. *Linki* (см. *Górniewicz TPG 91—92, 367; Zesz. Nauk. Wyzd. Human. Univ. Gdańsk. Filol. Polska. Prace Język. 1975, N 3, 38*). — Считается, что топоним произведен от Nom. рг., которое связано с лит. *liñkti* 'гнутья', 'наклоняться' (нем. *-en* выступает как субституция прусск. *-ai*). Гурнович реконструирует прусск. топоним **Linkai*, вытеснивший первоначальное название **Braidai*, также прусского происхождения (см. *TPG 38—39, {*braid-}*). — Таким образом, в качестве соответствий прусск. **link-*, топонимическому во всяком случае, выступают лит. *Linkai*, *Linkė*, *Linkos*, *Linkaičiai*, *Linkainys*, *Linkaučiai*, *Linkaučiai*, *Linkiškes*, *Linkiškiai*, *Linkonys*, *Liñkmenys*, *Linkiamiškis*, *Linkuvà* (*LATSŽ 162—163*); *Liñkė*, *Linka*, *Linkiai*, *Linkava*, *Linkavà*, *Linkavėlė*, *Linkaukėlė*, *Liñkmenas* (*LUEV 93; Liet. hidr. 36, 61, 102, 125, 184; LHEŽ 192—193*); лтш. *Linkas*, *Linkas-kruogs*, *Linke*; *Liñkulis* рл., *Liñkuļi* (*LV I, 2, 309*). — Многие названия в сев.-зап. Польше типа *Linki* (*Linken*), *Linki* (*Lienken*), *Linki* (*Linkenau*), *Linkowo* (*Linkow*) и т.п., см. *Słown. geogr. PZP 1, 162* и др.), остаются не вполне ясными с точки зрения их отношения к данному прусскому названию. То же можно сказать о белорусских *Лінкі* (Слоўн. назв. Гродз. 139; Слоўн. назв. Мінск. 154 и т.п.). — Что же касается *Link-* как Nom. рг., то оно может трактоваться таким же образом, как и топонимическое *Link-* и, следовательно, находится в аблаутных отношениях с прусск. *Lankut* и *Luncke* (Траутман APN 52 сопоставляет прусск. Nom. рг. *Linko* с лит. *Linka*). Но теоретически нельзя игнорировать и другой круг фактов, связанных с определенным культурным слоем. Речь идет об элементе *Link-*, выступающем в крестных именах и в именах—"отчествах", ср. лит. *Linkỹs*: ст.-лит. *Linkiewicz*; *Linkilia*. Gen. Sg. = *Linkilis* — лит. *Linās*, латинизированное греческое имя *Linus*; ср. *Линк-* (Белар. антрап. I, 109), см. *Liet antrop. 72, 85*. Ср. также ст.-польск. Nom. рг.

Link, *Linke*, *Lenk*, *Lenke*, *Lunk*, *Lunke* (*Link resignavit agros, 1402—1407; Joh. Linke, textor, 1387; Hannus Lynke, currifex de Paczkouia, 1438 и т.п.*), см. *Słown. starop. nazw III, z. 2, 262—263*.

linka, см. *polinka*.

{*link-ain-}, ср. *Lyncayn*, 1353, позже — *Linkehnen* (APON 89). — К корневому элементу см. {*link-} : *Lynken* и {*link-av-} : *Linkow*. — Наиболее точное соответствие — лит. *Linkainys*.

{*link-av-}, ср. *Linkow*, 1354; *Lynkaw*, 1438; *Linkowyn*, позже — *Linkau* (APON 89). — Герулис указывает, что форма *Linthowe* (SU 27, от 1258 г.) должна читаться **Lynchowe* (речь в данном случае может идти только о *Linkau*, ср. Thes. 1873, 94). — См. {*link-}, {*link-ain-}. — Наиболее близкая параллель — лит. *Linkuvà*. — Ср. *Būga RR I, 168; II, 383*.

{*link-st-}, ср. *Linxtō*, лес, 1331 (SU 191); *Lynckste*, 1447, в Самбии (APON 89: к лтш. *liksts* 'жердь, на которой подвешивается колыбель', ср. Pierson AM 7, 1870, 600). — Ср. также лтш. *likste* 'нечто кривое' — 'Bogen', 'der Bügel an der Gerstensense', 'der Henkel', 'der Reifen des aus einem Stück bestehenden Wagenrades', 'ein Teil des Hamens', 'die (elastische) Feder' и т.п. В этом случае несомненна связь с лтш. *likt* 'гнутья', 'сгибаться', *liekt* (ME 2, 486—487, 496 и др.), лит. *liñkti* и т.п. Но значение 'жердь' в лтш. *liksts* и отчасти в *likste* (ср. 'die Wiegenstange' : *šūpuola liksts dīkst* и т.п.) при том, что речь идет о гибкой подвижной жерди, к которой привязывается колыбель, заставляет исходить из связи с лтш. *liūōt* 'колыхать(ся)', 'качать(ся)', 'колебать(ся)' и т.п., лит. *lingūoti*, *lingti*, *lingėti* и т.п. В таком случае реконструированное **link-st-* должно толковаться как **ling-st-* и, следовательно, соотноситься с такими формами, как лит. *linkstis* 'lanksti kartis lopšiu rakabinti, lingė', *linkstis*, *linkstė*, *liñkstė* и т.п. (LKŽ 7, 545—546), которое, как и лтш. *likste* 'жердь', морфонологически реализуют тип [*ling-st-*], см. {*ling-} и под., *lingo*. К сожалению, выбор между двумя вариантами реконструкции — **link-st-* или **ling-st-* — в связи с обозначением леса затруднен: типологически лес нередко обозначается и в связи с кривизной (лес на холме, во впадине и т.п.), и в связи с мотивом раскачивания, колыхания стволов и особенно кроны. Показательно, впрочем, что и в лит. *linkstis* и под., как и в лтш. *likste*, соединяются два круга значений — относящиеся к кривизне и относящиеся к качанию. — Едва ли прав Левенталь (WS 10, 1927, 152), когда он связывает прусск. *Linxtō* с и.-евр. **lētā* : **lontā* 'лыко', 'луб', а точнее с производным от них **Intsthā* 'Baststand', 'Lindewald' (сюда же в конечном счете др.-исл., др.-англ. *lind* 'липа' и т.п., русск. *лут*, *лутóха*, польск. *łęt* и т.д.).

lynno 'лен'. Гр.-31 ('flox'), Гр.-Кип. 22: *Lynno* ('Linum'), Гр.-Г. *lino* ('flachs'). Форма слова не вполне ясна. Скорее — Nom. Pl. neut. (см. *Būga Aist. stud. 1908, 14, 34, 62*); менее вероятно — Nom. Sg. fem. (РКР II, 286). — См. APSpr. 95, 371; Hermann NAWG Phil.-hist. Kl. 1949, N 6, 152—153; Kiparsky Baltist. 6, 1970, 221; РКР II, 57. — Ближайшие соответствия в вост.-балт., слав., а также большинстве

других и.-евр. языков Европы. Ср. лит. *linas* 'лен', *Linum*, чаще — *linaī* Pl. Ср. в старых памятниках: *Taipo tara sumushti Linnai ir Mieszei, nesa mieszei buwa ischplāūke, ir Linnai Galwas gawę* (Bretk. Bibl. 2 Moz. 9, 31 = Bretk. Rinkt. gašt. 50; в описании одной из казней египетских, в очень характерном, в частности в связи с последующим /см. ниже/, контексте: Господь в наказание насыляет гром и град, лен и ячмень побиты, фараон просит Моисея и Аарона, *idant nustotų toke Perkune ir Læddai Diewo, tadda asch ius paleisiu, idant schicze ilgiaus nepassiliktumbit. 2. Moz. 9, 28*, из чего восстанавливается мотив побивания льна градом, громом, огнем [ср. 9, 23; *ir Ponas nugraude ir Læddais nupuldinoia, jog Vgnis ant Szemes pūle*] или — на языковом уровне — **Perkūn-* (Subj.) & **muš-* (Praed.) & **lin-* (Obj); ср. то же место в переводе Библии Хилинским — *Linaī tada ir miežiai buvo ramušti: miežiai nes buvo varpose, o linaī raže. 2. Moz. 9, 31*); — *Len, ziele, Linum* — *linay*; *Miedle len. Tundo, malleo* — *aš minu ļauzau linus; Kita lnu. Lini facti fascis* — *Griste [= grīžtē] linu* (Širv. Dict. 3, 103; 3, 151; 3, 170; в связи с реконструкциями на основании фрагмента из Бреткунаса существенны косвенные показания лат. *malleo* [: *malleus* 'молот', ср. молот как орудие Громовержца при том, что *malleus* того же корня, что прусск. *mealde* 'молния', лтш. *milna* 'молот Перконса', слав. **mьlniji* и т.п., ср. др.-исл. *Mjallnir* 'молот Тора'; к стреле-молнии Громовержца ср. сниженный образ — *malleolus*, в частности, 'зажигательная стрела': *malleolos ad inflammandam urbem comparare*. Сисего] и лат. *tundo* — не только 'бить', 'ударять', но и 'толочь', 'молоть' [*in farina* Plin. Major] и даже 'высекать /из камня/ [*tunditur Juppiter. August.*], что отчасти снова возвращает к реконструкции фрагмента с мотивом Громовержца, производящего свое основное действие); — *Palūžusios nendrės nedalauš, o rūkstančio lino neužgesys* (Bythner NTest. Mt. 12, 20); ср. об одежде из льна — *O vaiskai... ējo paskui jį ant baltų žirgų, arvilkti linais plonais, baltais ir čystais* (Ibid. Jono Apreišk. 19, 14); — *Flachs* — *linnai*; *Flachsknotten* — *lin-semenū galwa*; *Topfflachs* — *kytā* (gen. *os*) *linnu* (Lex. Lithuan. 36a, 88); примеры из Донелайтиса, фольклорных текстов, диалектные данные см. ниже (ср. также LKŽ 7, 520—521); нужно указать и ряд производных от названия льна — старых и новых, простых и сложных, исконно литовских и гибридных, ср. *lináuti* 'собирать лен', *linúoti* 'колоситься' /о льне/ (ср.: *Linavo lineliai linuose, ūliavo sesele broliuose*), *linė*, *linys*, *lininas*, *liniukas*, *lininukas*, *linelis*, *linavas*; *linamarka*, *-ė* (ср. *линморка*. Jablonskis Liet. žodž. 1, 1941, 117), *lināminė*, *-mynė*, *lināminis*, *lināmynis*, *lināmušis*, *linaplaūkis*, *linarautis*, *-ė*, *linārovė*, *linārovininkas*, *linārovis*, *linarūtė*, *-is*, *linarūtiškas*, *lināverpė*, *linažiėdis*, *linažiedinis*, *linažiedžiai*, *lināžolė*, *linabaždis*, *linbraukiai*, *-is*, *-os*, *linbrukė*, *-is*, *lingalviai*, *lingalvinis*, *lingalvójai*, *linkula*, *-ė*, *linkulstys*, *linmarka*, *-ė*, *-is*, *linminys*, *linmušis*, *linpeliai*, *linpelinis*, *linpešis*, *linpirkis*, *linplaūkis*, *linplūkys*, *linpuvys*, *linrautis*, *linravys*, *linryšis*, *linrovis*, *linsėmeniai*, *linsemenys*, *linskleidys*, *linšepetis*, *linšilkis*, *linšukės*, *-iai*, *-is*, *lintalkė*, *linvartė*, *linvertė*, *linžydris*, *linžiedinis*, *linžiedis*, *linžiediškis*, *-ai* и др. (LKŽ 7, 519—521,

524—525, 532—533, 551—554). Эти композиты с первым элементом *lin-*, иногда обозначающие предметы весьма недавнего происхождения (напр., машины для обработки льна или их составные части), в основе своей архаичны и представляют собой особую ценность как материал для реконструкции разных мотивов, связанных с льном и реализующих одну из трех структур: *лен* (Subj.) & *Praed.*; *N* (Subj.) & *Praed.* & *лен* (Obj.); *лен* & часть тела (льна). Эти реконструкции на основании сложных слов с элементом "лен" естественно смыкаются с элементарными дву- (и более) членными синтагмами. — В латышском для обозначения льна выступает слово того же корня: *lins*, когда речь идет об отдельном растении, но чаще — *lini* 'лен', букв. — 'льны'. Наряду с соответствующими глаголами (*linuōt*, *lināt*) и отглагольными образованиями (*linuōšana*, *linuōtājs*) представлены разные типы простых (*linišš*, *linītis*, *linīgs*, *linēni*, *linājs*, *linaita*, *linaite*, *lināte* и др.) и сложных слов. Среди последних ср. *linaudeklis*, *lināuts*, *linaleitis*, *linkuopis*, *linkuopība*, *liņdraki*, *lindrēki*, *liņdruōki*, *liņdruks*, *lindrūki*, *lindraks*, *lintraks* (ср. нем. диал. вост.-прусск. *lintrock* 'Rock mit Linten /leinenen Bändern/ besetzt'. Frischbier PW 2, 29), *linmatis*, *linmatafns*, *linmērcē*, *linpaisis*, *linpucis*, *linsēkla*, *linsēklas*, *linsēkles* и др. (ME 2, 471—473; EH 742—743; Ērg'. izl. vārdn. 2, 239—241, *kā linu leītis*, — говорят о небрежно одетом человеке; Ancītis Aknīst. izl. 179; Indāne Dign. izl. 163 : *lyūi*, *lyūc* и др.). Обильны данные относительно льна в словаре 1685 г. Я. Лангия. Ср.: *Linni*, *Flachs. Smalki*, (*plahnī*) *Linni*, *klein Flachs. rupji Linni*, *grob. dselteni Linni*, *gelb. also balti melni, pafalli, jahrkani-Linni. Linnus pluhkt*, *rauffen. Linnus mährzāht*, *weichen. *Mahrka* der Orth da mann Flachs oder Hanf weicht. *Linnus ar-Ackmineem in kohkeem labbe no-slohdsiht*, *nospeest*, *mit steinen vndt Holtz wohl abdrucken. Linnus schawāht*, *treugen. Linnus mihstiht* (*paissiht*), *flachs brachen [...]* **Spalli*, *Flachs schābe. Linnus tillinaht*, *bleichen. Linnus kulstiht*, *Flachs schwingen, ausschlagen. *Kullstecklis*, *das Schw[ing-]holtz damit mann Flachs schwinget. Linnus suckaht*, *hecheln. Nhelaid Linnus Packulahs*, *im Hecheln laß nicht das Flachs in die Heede. *Sussecklis* (*Ahkelis*) *eine Flachshechel. Linnus grihstohs* (*gurstohs*) *sagreest*, *das Flachs in knochen drehen. Uhs kohdel tiht*, *auf die Spindel winden. Linna-sauja* (*Linna grihsta*). *ein Handvoll Flachs. desmit Linn*, *zehen Handvoll. Linnus wāhrpt*, *spinnen. Linnus Aucklinā eewāhrpt*, *in ein Schnürlein ziehen. Winga brautz linnoht* (*Illgopaut lassidam*) *sie fährt flachsen, Flachs zo holen, Linnigs*, *flächsin* (LLVV 144—145). Слова (простые и сложные) и фразеологизмы с корнем *lin-* встречаются, разумеется, и в других старых лексикографических собраниях. Ср. у Стендера: *linni*, *Flachs. kuhū linni*, *Dreyband; linnulaukis*, *Flachsfeld; ward vormals in Liedern besungen; linnsehkla*, *Leinsaat* (Lett. Lexik. 1789, 1, 145) и др.; ср. курсен. *lins* (Kurisch. Wb. 48) и т.п. — Балт. формам с корнем *lin-* в точности соответствует праслав. **льнь* (< **lin-*), отраженное практически во всех славянских языках. Частичным исключением можно считать ст.-слав., где в каноническом составе текстов представлено только *льньнь* в Супр.

рки. 187, 4 сл. (облѣчена въ котыгж льнѣнж ѣвдедумѣнов колѣбѣиоv λινούv); слово же льнѣ в соответствии с λίνov встречается лишь в паримейшиках (ср.: ѡбрѣтъши вльнж и ленъ. створи бл<a>гопoтpябна ржкама своіа. Pr. 31, 13. Parim. Grig., Zach. Lex. linguae palaeoslov. 17, 147—148). Ср. также болг. *лен* (ср. диал. *лень*. Банат; ср.-болг. *леноплетень* и др. Хрон. Манасс.), макед. *лен*, с.-хорв. *лән*, словен. *län* (*lan*. Megiser; *len*, *lan*. Gutschmann); чеш. *len*, слвц. *l'an*, н.-луж. *lan*, в.-луж. *len*, польск. *len*, кашуб. *len*, словин.-помор. *len* (Pom. Wb. 1, 446), полаб. *l'än* (*Lion* 'Du lin'. Pfeff.; *Laang* 'Flachs'. An.; *Lion* 'Flachs'. Vand.; *Lgän* 'Flachs'. Henn.; *Igön* 'Flachs'. Henn.; *Igän* B₁B₂C; *Darsene Igön* 'Gehechelt Flachs'. Henn.; *Seist Igön* 'Rein Flachs'. Henn.; *Igän*. C; *Igän rawat* 'Flachs aufziehen. Sl. et Drz. 2, 342; Olesch Thes. Dr. Polab. I, 510); русск. *лѣн* (*льнѣ*. Pl., диал. *лѣны*), блр. *лѣн*, *льны*, *ильнѣ*. Pl., укр. *льон*. Разумеется, семья слов, в центре которой находится праслав. **льнъ*, весьма широка и по разнообразию типов не уступает балтийским языкам (если не считать, видимо, отсутствия *льн-* глаголов). Особенно показательна — и это существенным образом отделяет балт. и слав. языки от других, где представлены родственные слова для обозначения льна, — наличие общих типов "льняной" фразеологии, отсылающих к единому источнику, достаточно надежно реконструируемому; ср., напр., "сеять лен" (**sē-* & **lin-*), "рвать лен" (**rau-/rū* & **lin-*), "мять лен" (**min-* & **lin-*) "голова льна" (**galv-* & **lin-*), "долгий лен" (**/d/ilg-* & **lin-*) и т.п., не говоря уж о частичных и/или более завуалированных совпадениях и широкой сфере представлений, поверий, обычаев и типов "льняной" народной словесности, позволяющих в целом говорить о едином балто-славянском "льняном" комплексе. Его влияние в ряде случаев прослеживается и вне балто-слав. ареала, в соседних языках и традициях (ср. венг. *len*, *lenáros*, румын. *iniște* 'нива, заселенная льном' и др.). — Это единство становится тем более рельефным, что в ряде языковых групп, в частности, в германской, отражен корневой вокализм (*ī* и его рефлексy), иной, нежели в балт. и слав. и по-разному (в том числе и заимствованием) объясняемый. Поскольку речь идет о несомненно "культурном" слове, которое обозначает важную реалию не только земледельческой культуры, но и особого мифопоэтического и ритуального комплекса, проблема исконности ("прародства") и вторичности (в разных ее видах: непосредственное заимствование, "эстафетная" передача с более или менее известными этапами, "Wanderwörter" и т.п.) слова становится первостепенной. Конкретнее всего она реализуется в связи с пространственно-временными рамками появления слова, но именно они в данном случае оказываются особенно труднодоступными для исследователя. Отсюда — многочисленные неясности и необходимость сформулировать некий "стратегический" выбор в отношении (по крайней мере) "слабых" позиций. В недавнее время подобная альтернативная позиция нашла свое выражение. "Нет, однако, формальных оснований считать кельтские и германские формы (с долгим *ī*)

заимствованными из латинского при допущении исконного характера балто-славянских форм (с кратким *ī*). Допущение заимствования этих форм из латинского мотивируется скорее соображениями культурно-исторического характера, чем формально-лингвистическими данными" (ИИ II, 1984, 659). — Как бы то ни было, в связи с прусск. *linno* и подобными же балто-слав. формами должны быть учтены германские факты. Самый ранний из них — готск. *lein* σινδών, встречающийся в отрывке из Марка 15, 46, где речь идет о плащанице. Полотно же (льняное), но отчасти и сам лен передаются словами того же корня в других др.-герм. языках. Ср. др.-исл. *lin* (рунич.-норв. *lina*, см. Krause Runen. Futhark 1937, N 17, ср. Fløksand, 350), др.-англ., др.-сакс., др.-в.-нем. *līn*, не говоря о продолжениях в новых германских языках (исл., фарер. *līn*, норв., швед., датск. *lin*, нем. *Lein*, *Leinen*, ср.-в.-нем. *līnen*, *līnīn* (при *Flachs*), англ. *linen* (при *flax*) и т.п. Из сев.-герм., как считают, слово попало в ряд прибалт.-финск. языков, ср. финск. *liina*, эст., вотск., ливск. *lina*, 'лен', вепск. *līn* 'конопля' (Thomsen Samlede Afhandl. 2, 193), откуда оно попало и в лапл. *līdne*, *linne* (Qvigstad Nord. LW 216); впрочем, по крайней мере для части случаев не менее вероятно мнение о том, что эти прибалт.-финские слова суть балтизмы (см. Sabaliauskas Lit. ir. K. III, 1958, 460; Rimša Geogr. metr. XXII—XXIII, 1986, 90; кстати, и финск. *pellava* 'лен' явно балт. происхождения, ср. лит. *pelaĩ*; ср. также финск. *pelu* 'нарезанная солома' при лит. *pēlūs*, лтш. *pelus*, прусск. *pelwo*, русск. *полова* и т.п., см. LKK 6, 1963, 124). Хотя целый ряд специалистов считают эти германские примеры "прародственными" (во всяком случае в рамках и.-евр.), два последних по времени этимологических словаря вносят установку на ограничительность. Goth. ED 1986, 231 снова отсылает к возможности заимствования из лат. *linum* (как и др.-ирл. *līn*), которое само было получено из доиндоевропейского источника, а Altnord. EWb. 1977, 357 подчеркивает, что не скандинавское слово было заимствовано из латинского, но германское; более того, высказывается предположение, что заимствование могло иметь "догерманскую" хронологию ("aus dem Orient?"). Из других германских фактов, отражающих название льна, особенно интересны два — обозначение льняной повязки, головного платка (в поэтическом языке), шнура из волокон льна (ср. др.-исл. *līna* I, др.-англ., др.-фриз., ср.-н.-нем. *line*, др.-в.-нем. *līna* и др.) и поэтическое же название работника, поденщика в др.-исл. *līni*, букв. — 'работник по льну', 'льнодел', 'Flachsarbeiter' (см. Strömback Ark. nord. fil. 51, 1935, 114). — Из кельтских данных ср. др.-ирл. *līn* 'сеть' (из льняных нитей), ирл. *līon* 'лен', 'сеть', кимр. и др. *līn* 'лен', 'полотно' (из латинск.); в качестве "отклоняющихся" форм приводят кимр. *līain*, корн., брет. *lien* (с неопределенной исходной формой, см. Pedersen Vgl. Gr. kelt. Spr. II, 103; Pokorny KZ 45, 1912, 361—362; Pok. I, 691; однако, согласно Steinhauser Sprache 22, 1976, 31—35; кимр. *līain*, как и ирл. *lēine*, -ed, 'Leinenhemd', выводимо из и.-евр. **leinjā*, соотв. **leinjātā*, для которых восстанавливается

в качестве источника *leinos или *leinom). — Лат. *linum*, предполагаемый "ретранслятор" старого слова (исконного или заимствованного), в ряд языков Европы еще на достаточно ранней стадии, отражает широкий круг значений — 'лен' (ср. *lini semen*); 'нить', 'леса', 'невод', 'сеть' (охотничья); 'полотняная ткань или одежда из полотна' (*lino vestiri*, Mela); 'парус'; 'веревка', 'канат', 'фитиль', 'светильня'; 'льняные' значения ср. и в *linteum* 'полотно', 'занавес', 'завеса', *linteus* 'льняной', 'полотняный' (ср. *lintei libri*, о древнеримской летописи, записанной на полотне и хранившейся в храме Юноны Монеты), *linter* 'ткач', *lintermen* 'холст', 'полотно', *linterius (vestis)* и т.п. В частности, нередко заимствованием из лат. *linum* объясняют и албанское обозначение льна — гегск. *li*, *lini*, тоскск. *liri* (ср. *fārë liri* 'льняное семя') — предположение вероятное прежде всего по культурно-историческим аргументам, но, строго говоря, оставляющее возможность и для сомнений; во всяком случае пока полностью исключать мысль, если не об исконности, то о "независимости" албанских свидетельств, кажется, нельзя. — Последняя языковая группа, фиксирующая соответствующее слово для обозначения льна, — древнегреческая. Учитывая предельную среди других культурно-языковых традиций, сохранивших старое слово для льна, выдвинутость др.-греч. ареала на юго-восток, к предполагаемому "протоареалу" льна и его названия, а также весьма ранние, ко II тысячел. до н.э. относящиеся фиксации слова для льна и, наконец, форму его (краткое *l*), — можно говорить о ключевом значении др.-греч. фактов для решения вопросов, связанных с историей и.-евр. слова для льна в древнем европейском ареале. Речь идет о др.-греч. *λίνον* 'лен' (ср. *λίνοῦ σπέρμα*. Thuc.); 'льняная нить, пряжа'; 'нить судьбы' (ср.: ... ὄσπερον αὐτὲ τὰ λείσεται, ἄσσα οἱ Αἴσα | γεινομένῳ ἐπενήσε λίνοῦ, ὅτε μιν τέκε μήτηρ. II. 20, 127—128), 'судьба'; 'льняная леса', 'льняная сеть'; 'ткань' (льняная), 'одежда'; 'парус'; 'светильня' (степень соответствия значений др.-греч. и латинск. слов для льна ставит под сомнение тезис об их полной независимости). Это слово зафиксировано уже в документах на линейном В, т.е. в крито-микенский период. — *ri-no* 'лен' (KN L 693, Nr. 7423, Og. 5778, X. 7741, PY. Nn. 228; SA = *ri-no* 'лен'. PY Na 245, Ng. 319, 322, Nn 228, 831 и др.), ср. *ri-no re-po-to* 'из тонкого льна' (одежда), см. Предм. слов. греч. 1986, 69, 83, 192; ср. также *ri-ne-ja* (Gen. Pl.) 'женщины, обрабатывающие лен', *ri-na-ko-ro* (согласно Предм. слов. греч. 104, poss. *lināgoros* — мужская профессия, связанная с обработкой льна или *Linagroī* 'льняные поля'). О возможных ранних отражениях слов этого корня, но в иных значениях см. ниже. Ср. также *λίνεος*, *λίνοῦς* 'льняной', а также целый ряд *composita* типа *λίνο-γενής*, *λίνο-δεσμός*, *λίνο-δετός*, *λίνο-ζωστis*, *λίνο-θήρās*, *λίνο-θώρηξ*, *λίνο-κλωστός*, *λίνο-κροκός*, *λίνο-πεπλός*, *λίνο-πληκτός*, *λίνο-πόρος*, *λίνο-πτερός*, *λίνο-ρράφής*, *λίνο-στάσία*, *λίνο-στολία*, *λίνο-ουργός*, *λίνο-φθόρος* и др. (ср. еще *λίνο-οπτάομαι*, *λίνο-όπτης*). — Очень существенно, что никаких следов названий льна на *lin-* нет ни в индо-иранском, ни в анато-

лийских, ни в тохарском (отсутствие таких слов в "топономастических" европейских языках Европы или в языках с малым корпусом текстов менее показательны). Это обстоятельство в связи с тем, что "европоцентричность" подобных "льняных" названий еще более сужается на относительно северную полосу, протянувшуюся в широтном направлении от Ирландии на крайнем западе до Вост.-Европейской равнины на востоке и фиксирующую подавляющее большинство примеров, оказывается весьма показательным и для определенного ("северного") типа льноводства и для структуры языкового *lin-*ареала. Разумеется, есть известные основания вслед за Рок. I, 690 и некоторыми другими восстанавливать и.-евр. **lino-* 'лен' (?), но при этом нужно помнить об относительности этой реконструкции для и.-евр. языков — и не только в связи с кругом конкретных языков, но и в связи с тем (главным образом), что остается не ясным, обнаруживает ли эта реконструкция сам первоисточник или же просто некий промежуточный этап (соответственно — форму), который отсылает к чему-то предшествующему, но лежащему уже за пределами и.-евр. лингво-культурного комплекса. — Поскольку культурные формы льна заведомо возникли не в Европе и к тому же в "доиндоевропейскую" эпоху (около 9000 лет назад [?]), можно было бы думать о неиндоевропейском источнике и.-евр. обозначения льна, хотя такое предположение не более чем правдоподобное и достаточно вероятное. В этой связи взгляд, естественно, обращается к Египту, где в Фаюме и Бадари лен выращивали уже в неолите (культура *Linum usitatissimum* L.), где льняные ткани использовались уже с первых династий, а способы приготовления волокон льна для пряжи могли бы пониматься как образец для "льноводческих" технологий в старой Европе, или к юго-западной Азии, откуда, как полагают иногда, культура льна могла прийти и в Египет (кстати, "средиземноморский" тип льноводства рано получил значительное продолжение на восток — от Малой Азии до Индии; в индоевропейских языках этой широтной полосы следов корня **lin-* нет, как нет их (точнее, они неизвестны) ни в Египте, ни на Ближнем Востоке (к реалиям см. Hoops Wald. u. Kulturpfl. 1905, 293, 330ff., 349ff., 398, 454ff., 470—471, 648—649; Hirt Idg. 1, 654; Hehn Kulturpfl. u. Haustiere 1911, 164ff., 187ff., 595ff. = Cultiv. plants 1976; Schrader-Nehring Reallex. idg. Alt. 1, 323; Кларк Доисторич. Евр. 1953, 235 и сл.; Вавилов Избр. труды V, 42—54; Семенов Происх. землед. 1974, 29; ИИ II, 659—660 и др.). Это отсутствие (даже если считать его доказанным) могло бы объясняться разными обстоятельствами, кстати, достаточно вескими. Но и само это отсутствие тоже небезотчетно. Среди и.-евр.-сев.-казказских изоглосс Старостин (Балканы в конт. Средиз. 1986, 162) указывает на возможную связь между пра-и.-евр. *lino 'лен' и пра-сев.-кавк. *lwinʔi 'семя' (в частности, льняное) и видит в ней, как можно понять, отражение доисторических контактов, реализовавшихся в виде заимствованных слов. Другие указания на вне-и.-евр. истоки неизвестны, но некото-

рые предположения относительно направления поиска (разумеется, весьма гадательные) могли бы быть высказаны применительно к "ностратическому" горизонту. Речь в таком случае пошла бы о двух ностратических реконструкциях, которые Иллич-Свитыч (Опыт ностр. 1976, 26—27, 32—33, соответственно — №№ 258 и 267) дает раздельно. Прежде всего речь идет об элементе со значением 'литься' ('вода') — ностр. *L/ä/jl, точно зафиксированном в семито-хамитск. и и.-евр. языках и лишь со знаком вопроса в картвельских, уральских и алтайских (это распределение sub specie темы льна могло бы оказаться важным). Связь названия льна с действием "литься" не может быть признана необоснованной. И реалии приготовления льна для пряжи, и поэтическая топика "льняных" образов и, наконец, языковая типология (ср. др.-инд. *umā* 'лен' при лат. *ūteo* 'быть влажным, сырым', *ūtor* 'влага', 'влажность' и под.) ориентируют именно на связь льна с влагой, ее изливанием. Штейнхаузер Sprache 22, 1976, 31—35 и Трубачев Baltist. 16, 1980, 118—119; ЭССЯ 17, s.v. *льль привели ряд примеров подобной связи. В частности, др.-инд. *umā* 'лен' оказалось надежно связанным с и.-евр. обозначением сырого, намоченного (ср. необходимый этап в обработке льна — мочку) — **umō-* (ср. лит. жемайт. *ūmā* 'сырая' — при *ūmas* 'сырой'), находящимся в апофонических отношениях с и.-евр. **um-/uom-* (ср. др.-в.-нем. *wimi*. Pl., о пробившем источнике, др.-сакс. *wetmian* и т.п.). Показательно, что и другое, остававшееся непонятным, название льна — др.-инд. *kṣumā* — получило объяснение в свете этого мотива: из **kes-* & **um-*, т.е. 'чесать' & 'влага' (ср. чесание льна после его мочки и поэтический образ речных струй, как расчесанных волос, "волн": слово, равно относящееся и к волосам или шерсти — животной и растительной, как в случае льна, конкурирующего с шерстью, — и к водным струям). Наличие в др.-инд. элемента, отражающего и.-евр. **um-* 'сырой', 'влажный', отчасти объясняет и расхождение с "европейским" способом обозначения льна при вероятном единстве самого принципа. Более того, оно позволяет думать, что тот же способ, что в др.-инд. обозначении льна, мог использоваться кое-где в Европе. Так, уже было высказано предположение, что иллир. **ūmo-* в топониме *Imst*, 763 (*Humiste* могло означать 'льняное поле' или 'влажное поле' ('Naßfeld'), см. Steinhauser Ibid. Стоит, пожалуй, добавить, что такое поле уместно представлять как место с мочилами, специальными углублениями, ямами, в которых происходило замачивание льна, наподобие прусск. *Markelauke*, *Marken*, *Merkinen* и т.п. (APON 94—95, 98), ср. лит. *markā* 'мочило', *linų marka*, *lin-marka*, лтш. *lin-mērcē* (: лтш. *Linumērka*, *Linmārcis* и т.п.). С этими обозначениями и названиями связаны глаголы — лит. *mėkšti* 'мочить', 'замачивать' (в частности, *linus*), лтш. *mērcēt* и т.п., отсылающие к идее смягчения, размягчения, как ослабления сопротивления льна обработке. А эта идея в свою очередь могла бы ориентировать на другую реконструкцию — нострат. *lejna 'мягкий', 'слабый', отраженную в семито-хамитских,

индоевропейских и уральских языках. Сама связь двух идей "размочить" — "размягчить" не вызывает сомнения, но и приводимые в связи с *lejna и.-евр. примеры (лит. *leinas*, *leitas*, *lellas*, др.-исл. *linr* ('нежный', 'мягкий', 'слабый', др.-греч. λινό-σαρκος 'хрупкого сложения' и т.п., чтобы не расширять списка) уже в той или иной мере независимо сопоставлялись именно с и.-евр. **lei-* 'лить' (см. неоднократно выше). Учитывая, что лен после мочения в фольклорно-ритуальных текстах представляется (иногда даже в отчасти антропоморфном виде) как размякший, ослабелый, кроткий и т.п., можно с значительной вероятностью настаивать на указанной семантической мотивировке (и, следовательно, гипотетической связи и.-евр. названия льна с нострат. *lejna и **L/ä/jl*). В этом же контексте др.-греч. λινό-σαρκος 'хрупкотелый', 'с хрупкой плотью' в диахроническом плане могло бы быть понято как 'льнотелый', т.е. с плотью подобной льну по мягкости. — Эти рассуждения вплотную подводят к недавно выдвинутому объяснению балт., слав., шире — и.-евр. названия льна из и.-евр. корня **lei-* 'лить', 'быть влажным', конкретнее — из Partic. Praet. pass. от этого глагола — **līno-* (иногда сюда же подверстывают и праслав. *lajьno, ср. блр. *лайно́*, об отходах при обработке льна) или **lei-nos. -om* и **li-nós, -om*. Это этимологическое решение, кажущееся пока (по крайней мере) наиболее перспективным, — пусть с оттенком "народно-этимологического" подхода — представляет собой, как было недавно замечено, возвращение к очень старой идее Фика ("Zu **lei-* 'gießen', vom Wässern der Leinpflanze"), высказанной в Lat. etym Wb. 1, 811 и основательно затем забытой. В дополнение можно напомнить, что образ льющихся длинных прядей льна (**lei-/lī-* & **lin-*) не чужд ни балтийской, ни славянской поэтической образности, и это обстоятельство может расцениваться как лишний аргумент в пользу этой этимологии. Другие объяснения (напр., из и.-евр. */s/lī- 'синеватый', лат. *liveō* 'быть синева-серым) и т.п., см. Сапоу REGr. 71, 95; ср. Рок. 1, 965) сомнительны.

О роли льна в жизни пруссов известно из скупого упоминания у Дусбурга в главке о почитании богов и обрядах (любопытно, что перечисляемые занятия пруссов трактуются их описателем как знаки чести, оказываемые из угождения богам): *Aliqui omni die balneis utebantur ob reverenciam deorum suorum, aliqui balnea penitus detestabantur. Mulieres et viri solebant nere, aliqui linea, alii lanea, prout credebant diis suis complacere* (SRP 1, 55). Но эта скудость сведений в значительной степени восполняется данными, относящимися к теме льна и в изобилии имеющимися в связи с культурой льна у немецких крестьян Вост. Пруссии, значительная часть которых по происхождению была прусской, но особенно теми сведениями, которые относятся к литовцам Малой Литвы, ближайшим соседям пруссов в территориальном аспекте и ближайшим их родичам в генеалогическом плане. — Данные из Донелайтиса в этом отношении особенно ценны ("Metai"), и ряд примеров будет здесь вполне уместен

в связи с соответствующей темой у пруссов. Ср.: *Kas jums rūp linai bei brauktos pakulų grižtės* (Vas. darb. 643; ср. 637: *Pakulų bei linų grižtės pešinėdami*); *Irgi pačias kaip reik linų raut guikite greitas* (Vas. darb. 594); *Kam linų raut ir kaip reik iškaršt nesirengiat? / Ar ne gėda jums, kad vokiečių gaspadinės / Iškarštus linus į lauką jau nugabena / Ir, besidvydamos didei, jūsų tinginį peikia?* (Vas. darb. 570—573); *Taip po tam, su pačia kelias eiles nustekenęs. / Vėtyt skubinas ir, krepšus grūdų prisibėręs, / Tuo pasilinksmint ir prisikošt į karčemą bėga. / Bet moteriškė jo, linų grižtės nusinešus / Ir slaptoms pardavus, vis paragaudama surbia* (Rud. gėryb. 688—692); *Gryta savo linus gražius ir pakulas giria...* (Pričk. pasak. 63). И особенно, — сокрушаясь нерадивости и беззаботности крестьян, — *Sėk linų, kiek Gryta norės; minau nesivaidyk! / Juk žinai, kaip vis daugiaus nor moterų būdas, / Kad jos pradeda verpt ir jau prisiverpusios audžia. — / Ale nelepik, minau! permier tą moterų provą! / Ar ne smagu klausyt, kad viežlybos gaspadinės / Žiemą su mergoms vindus savo sukdamos ūžia? / Ar ne gražu žiurėt, kad Gryta, jau prisiverpus, / Skirsto verpalus aust ir audus baltina drobės? / O paskui, kas namui reik, rokuodama režia, / Taip kad ir dailiems anteliams gals pasilikty. / Ak! Kad visos moters taip kytriai padaryty. / Mislyk tiki, ar būty tiek nuogų nabagėlių?* Причкус признает, что советы эти разумны, но он, который в качестве шульца много разъезжает по крестьянским хозяйствам, рассказывает, сколь далекой оказывается подчас практика от должного: *Aš kaip šulčas per kiemus ilgai jodinėdams, / Daug išitėmijau, kaip daro mūs gaspadinės, / Kad žiemos čėse ką verpt krūvoms susisėda. / Juk radau gana tokių, kurios nesigėdi, / Kad joms kartais merdėdams vos sukasi vindas, / Nės, kad verpt reik, jos taip daugel pasakų vapa, / Kad jau ir ranka kuodelį pešt užsimiršta / Ir besijuokiant koja vindą sukt pasiliauja. / Taip šūtkas betaisant štai žiema pasibaigia; / Ogi pavasaris, atžengdams su vasara miela, / Atliktų žiemos darbų visur pasigenda. / Pimė rengias aust, o Jekė mest pasisiūlo. / O ką mes ar aus, kad verpt ir lenkt nenorėjo? / Taipgi namai visi paskiaus nuogi pasidaro, / Kad su buksvoms lopytoms vyrs vos užsidengia, / O vaikai ant ūlyčių nuogi bėginėja.* Но это — о бездельниках и вестовщицах, которые должны устыдиться, — тем более, что есть немало подлинных тружениц, честно исполняющих свой долг. И им — слава, честь: *Jums garbė, kad vindas jūsų, sukriai besisukdamas, / Pakulų ir linų kuodelį nupeša greitai; / Jums garbė, kad staklės prieš pavasari trinka / Ir šaudyklė su šeiva šokinėdama tarškia; / Jums garbė, kad audeklėliai, jūsų nuausti, / Ant margų lankų kaip sniegas pavasario blizga.* Но и этим растянувшимся на значительную часть года многообразным делом — от сеянья льна до изготовления полотна — не исчерпываются заботы женщин-крестьянок. Наступает час, и надо обращаться к другим трудам, отложив свои веретена и прялки: *Ant daržų pašaliai darbėlių lūkuria jūsų / Taigi padėkit jau vindėlių visą klapatą, / Ir stakles, iki vel reikės, į pašali kiškite! / Ogi nagan spatelius greitus bei lopetas imkite!* (Pavas. linksm. 596—642). Эта энциклопедия "льноводства", целая отрасль крестьянской мудрости ("льноведение") относится

к Малой Литве, к части той же Восточной Пруссии, где несколько ранее жили пруссы. Нет сомнений, что "прусский" Донелайтис изобразил бы весьма сходную картину, и поэтому описание, данное во "Временах года", в очень значительной степени может быть отнесено и к "льняным" заботам пруссов. В этом описании существенны не только детали, но и демонстрация значения льна в жизни литовского крестьянина в Вост. Пруссии; через эту тему как бы высвечиваются и достоинства и недостатки бураса, и лен, точнее — отношение к нему, чувство долга, заставляющее добросовестно выполнять все работы в течение годового "льняного" цикла, становятся своего рода моральными критериями для крестьянства.

Традиция разведения этой технической культуры в Прибалтике очень старая, и следы ее фиксируются уже в первые столетия нашей эры (см. Liet. arch. bruožai 1961, 251); об этнографическом аспекте темы см. Liet. etnogr. bruožai 1964, 51, 65; об изделиях из льна — 286—288; об операциях, связанных с обработкой льна, и используемых при них орудиях — 289—297 (с рисунками). Длительность этой традиции, ее устойчивость, известная ориентация на коллективность (ср., напр., привлечение толоки при ряде работ) привели к четкой технологии и институализации составных частей всего процесса. Более того, есть основания говорить о целом классе фольклорных текстов, посвященных льну и преследующих не только эстетические цели, но и операционно-технологические и, следовательно, информационно-учительные. Ср., в частности, литовские песенные тексты, построенные на одних и тех же конструкциях, практически на одном чрезвычайно узком лексическом круге и повторяющие эту схему во всех строфах. На фоне этого инерционного типа особенно контрастно выступают слова (в идеале — по одному новому слову в каждой строфе), которые как раз и обозначают впервые вводимые в "льняном" цикле операции. Так, в стандартной схеме *Viena linėlius... / Viena linėlius... / Liūlia, berneli mano, liūlia, / Liūlia, tinginėli mano, liūlia* на свободных местах (дважды в строфе) последовательно выступают обозначения действий девицы, ответственной за весь цикл (речь ведется от 1-го лица): *pasėjau, nuroviau, nukūliau, paklojau, pakėliau, išmyniau, šukavau, suverpiu, išaudžiau, išbalinau* (Liet. tautosak. 1, 99—100, N 83); ср. там же (1, 102—103, № 85) несколько отличный вариант набора операций при существенно отличной форме строфы (по сравнению с приведенной), во-первых, и появлении изредка формы Nom. Sg. *linelis* при обычном Acc. Sg. *linelį*, во-вторых (соответственно чередуются 3. Sg. и 1. Sg. глагола): *pasėjau, išdygo (linelis), užaugo (linelis), pražydėjo (linelis), nunoko (linelis), nuroviau, nukūliau, paklojau, parvežiau, padžioviau, išmyniau, išbrukau, iššukavau, suverpiu, išaudžiau* (ср.: *Linus braukti, rauti, šukuoti, verpti, įmerkti, išmerkti, pakratyti, parinkti, minti, išdžiovyti*. Brodowski Lex. Germ.-Lithv.). В латышских "льняных" дайнах, обычно очень кратких (чаще всего состоящих из одной строфы), каждая из операций становится единственной темой дайны, ср. такие типы, как. *Audziēt, mani gari lini,*

.... *Augat, mani gari lini, ...; Ziedi, mana linu druva, ...*; или даже: *Liniņš mani aicināja: / Nāc, meitiņa, mani plūkt!* и т.п. Но изредка встречаются и "составные" дайны, ср. последовательную цепь действий: *Zemīti ara — Zemīti ecē — Liniņus sēja — Liniņi auga — Liniņus plūce — Liniņus grieze — Liniņus cirte — Vezumu krāve — Liniņus mērcē — Liniņus sloga — Liniņus klāja — Liniņus paisa — Liniņus kulsta — Linus sukāja — Linus vērpe — Kamole tine — Audeklu mete — Audeklu riete — Audeklu saista — Audeklu aude — Audeklu grieze — Audeklu balina ...* и т.п. (Latv. Tautasdz. 1, 556—557, N 3821); ср.: *linus sēj, ravē, plūc* (или *rauj*), *savēd slitā, sukā* (*nuosukā puogaļas*), *mērcē, izklāj, tilina* (или *balina*), *mīsta, kulsta, sukā* (ME 2, 472). — Этот "операционный" аспект достаточно хорошо отражен и в соседних славянских языках, причем не обязательно в поэтических текстах (ср. белорусскую, польскую, специально кашубскую и словинско-поморскую традиции). Едва ли возможно допустить, что именно пруссы были в этом отношении исключением — тем более, что немецкие крестьяне Вост. Пруссии таким исключением не были. Но помимо "операционного" аспекта во всем этом ареале (и не только в нем), включающем и прусские земли, "льняная" тема получила и мифопоэтическую и ритуальную трактовку. Прежде всего речь здесь должна пойти о сюжете мук (мучений) или страданий льна. Он естественно возникает уже в текстах об операциях, совершаемых над льном. Когда лен созревает, его рвут, вяжут (в снопы), сдирают (т. наз. "головки"), бросают в воду и мочат в течение нескольких дней; вынув из мочила, лен разбрасывают и подвергают действию солнечного жара, засовывают в печь и сушат второй раз, потом трут, счищают, скоблят, расчесывают его и т.п. Стоит придать льну хотя бы отдаленную видимость живого существа и тем более слегка антропоморфизировать (ср. голову, волосы, бороду, сердце льна: *Lino širdis, tauķ draubužis*, о свече; *Linnai Galwas gaŗ. Bretk.* и т.п., а также русские загадки о льне, см. Загадки 1968, 75, №№ 2094—2105; 137, №№ 4595—4621), как все эти операции по обработке льна начинают восприниматься как описание мучений, через которые проходит лен (ср. лит. *lino/linū/kančia/mūka*). *Linū kančia baigēn*, — говорят при окончании рассказа об обработке льна. Эти мучения страшны, и даже черт не может их вытерпеть: *Nē velnias negali lino mūkos iškentēti* (Patarl. priežodž. 287); *Tas žmogus sako [velmiui]: "Galēsi [mane] imtie, ale da turi iškentēt lino mūkā* (Basanav. Pasak. IV, 59); *Lino mūkā iškentēti*, — значит испытать много страданий (*Jau ji lino mūkā iškentējo*. LKŽ 7, 521), ср. Drusk. žod. 193 и др. Этот же мотив известен и латышской традиции (ср. *linu tuokas*). Когда же лен рассказывает о своих муках от 1-го лица, как в кашубской загадке, напряженность мифопоэтических смыслов возрастает еще более. Ср.: *Хуец jem bēł bez vīnē, vēvlokļē mą z хēci ji na sħerc skēzelē. Ūŗvelē mē gļova, a caŗo v jezorē, ūŗtopilē. Z jezora vzqlē mēgve trūpa ji zaŗqlē gŗe rozcēgac, jak jem dlūŗi bēł, a tēj vŗūcēlē v pēc. Caŗi zēŗ ji caŗq noc leŗēł jem v pēcu, a tē vēcignqlē mą ji zaŗqlē tak mąŗēc,*

jaŗ mē vŗēŗē gnētē pŗetomelē. Na kyŗncū b'atēł vzqlē mą v raŗe ji zaŗqlē ze mē rob'ic pŗēŗezēvk dlē хŗorōv, zeci seb'e (Słown. gwar kasz. 2, 353). Кашубские данные представляют особую ценность, поскольку речь идет не только о смежном ареале, но и таком, где отмечены следы пребывания пруссов (в частности, ср. название *Paculent* ([Krahe Altpr. 8, 1943, 43—45], того же корня, что и лит. *pākulos*, лтш. *pakulas* и слав. названия пакли, т.е. льняных оческов, заимствованные из балт. языков, ср. блр. *пáкулле, пáкулля, пáкула*, русск. *пáкля*, польск. *pakuły* и т.п. См. Слов. балтизм 1982, 18—19; особенно показательно, что этот балтизм известен и немецким говорам Вост. Пруссии, ср. *Pakullas* 'веревка из отходов льна'. *Sabaliauskas LKK 8, 1966, 99*, а также идиш *pakales, pakeles*, на территории Литвы. *Lemchenas Liet. įtaka žydu tam. 105*). Несколько вырожденный вариант загадки, напоминающий кашубскую, известен и в русской традиции. Ср.: *Били меня, колотили, во все чины производили, на престол с царем посадили? — Лен* (Даль⁴², 638), с важным зато мотивом причастности после перенесенных страданий к царскому достоинству (несколько иной вариант — Загадки 1968, 75, № 2104; ср. там же: *Топили, сушили, колотили, рвали, крутили, ткали, на стол клали. 2105: Лен*). Из текстов, подобных указанным, частично извлекается и другая информация, благодаря которой конкретизируется сюжет "мучений льна". Выше приводились примеры, смысл которых в том, что эти муки — самые страшные и что их не может выдержать даже черт (*velnias*). Муки, испытываемые чертом, как и его диахроническим предшественником, мифологическим персонажем по имени *Vel-*, — не адские страдания, но результат неудачной для чорта или *Vel-*персонажа борьбы с Богом, который поражает его огнем и водой, камнем, расчленяет на части или растирает в прах (молния как небесная мельница-жернов; эти слова в и.-евр. иногда передаются одним и тем же элементом — **mel-* и под.). Так что источником мучений для противника Бог оказывается сам Бог. Предполагается, что именно он определяет и те муки, ту страстную жизнь, которые предстоит испытать льну. *Nedod, Dievs, tādas dienas, / Kādas dienas liniņam: / Plūc matiņus, cēŗ galviņū, / Mēŗc kauliņus ūdenī*, — поется в латышской дайне (Latv. Tautadz. 1, 543, № 3709; ср. варианты: *Nadūd, Dīvs, taidas dzeives, / Kaida dzeive lineņam...* или *Dievs, nedoda tādu mūŗu, / Kāds mūŗiņis lineņam...*); ср. еще: *Kaimiņš mani aicināja / Liniņam kaulu lauŗt; / Ka es ieŗu, salauŗiŗu / Deviņiem gabaliem* (Ibid. 1, 552, № 3781). Во всяком случае Бог оказывается как-то связанным с "льняными" страстями (ср. еще: *Dievs palīdz tev, māŗiņ, / Silā linus ravēŗot...* Ibid. 1, 510, N 3453, или: *Dievs palīdz, tautu dēłs, / Linu zemi ecēŗot!* Ibid. 1, 500, № 3385), хōŗя, конечно, нередко подчеркивается, что лен растет и созревает благодаря Богу (ср. *Lūŗzu Dievu, lai aug lini...* или *Audzē, Dieviņ, labus linus...* в латышской традиции или *Deryk, Dieve, linelius / Ant mergelēs dalełēs...* и под.) в литовской, что, впрочем, не отменяет сказанного выше: лен возрастает, созревает и начинает приносить пользу людям именно потому, что он претерпел все муки. В этом

контексте лен и *Vel*-персонаж (> *veln*- 'чорт') оказываются тождественными в четырех отношениях: они "хтоничны" по природе или по положению (загадки подчеркивают мотив пребывания льна в земле: *В Землю ушел...*; *...в сыру землю шел...*; *Из земли вырастаю...* и т.п. Загадки 1968, 75, №№ 2095—2097, 2103 и др.); они претерпевают целый ряд самых тяжелых мучений; эти мучения исходят от Бога; результатом их является достижение высшей плодородности, урожая, прибывка, условий продолжения жизни. Эти совпадения не могут быть случайными, и на их основании можно утверждать функциональное подобие льна и *Vel*-персонажа в некоей сюжетной схеме ритуально-мифологического характера. Такая схема наиболее полно воплощена в "основном" мифе, одной из версий которого и является рассказ о льне (ср. в этой же роли коноплю — Цивьян Слав. и балк. языкозн. 1977, 305—317, на балканском материале [конопля и лен часто находятся в отношении взаимодублирования] или шерсть-волну [**veln*-, элемент, объединяющий обозначение шерсти с именем *Vel*-персонажа и черта-*veln*-]). Ряд деталей расширяет и одновременно уточняет схему. Показательны следы в "льняных" песнях третьего персонажа — женского, который по идее мог бы соответствовать аналогичному персонажу в "основном" мифе (во-первых) и как-то соотноситься с девицей, выращивающей и обрабатывающей лен (во-вторых). Ср.: *Plūcat, meitas, lina laukus, / Atstājat pabīram: / Mīlā Māra dvieļus auda / No liniņa pabīram* (Latv. Tautasdz. 1, 547, № 3739) или *Es izgāju miežus sēt, / Laimes māti vaicādāmis; / Laimes māte tā sacīja: / Sēj liniņus līgavai* (Ibid. 1, 502, № 3396). Мотив матери Лайме-Счастья, советующей сеять лен для невесты, очень характерен и находит немало аналогий (ср. выше из литовской песни — "Выращивай, Боже, лен / На долюшку девицы", а также мотив льняного венка, украшающего девицу-невесту). Тема невесты возникает в "льняном" цикле песен неслучайно: от умения обрабатывать лен зависела возможность выйти замуж, о чем сообщают и балтийские факты и многочисленные примеры с соседних территорий (ср. кашуб. *Żévčq, co ne dávalo sob'e radě z Inq, ni mogło sq żeńic*. Kartuskie. Słown. gwar kasz. 2, 353 и др.). Лен и льняное поле опасны для девицы — *Ar aš nesakiau tavei, mergelė: / Neik par linių laukelį*. Jušk. Dain. 179, как и для льна онасна девица, совершающая над ним все "операции"-мучения. Их сходство отражено в песне, где лен жалуется: *Nesuspėjau aš žalias / Krasno stogelio išaugti / ... / Valaknelio ištaisyti / ... / Sėmenėlės sunokyti*. Но сходное говорит и девица пареньку: *Oi, berneli, berneli, / ... Nesuspėjau aš jauna / Krasno stogelio išaugti. / ... / Plonų drobelių išausti / ... / Balto šarvelio sukrauti* (Liet. liaud. dain. 137, № 32). Девица растилает *baltus linus* и, плача, обращается к сырой земле: зачем ты взяла моего отца и матушку — и предлагает ей взять и ее, сиротку. Землица отказывает ей в этом и дает две долишки (*dvi dalelės*) — борзого коня и *Antraq daliq — jauną berną* (Ibid. 138—139, № 33; ср. № 34: *Linielis roviau / Rankas mazgojau, / Nuskandinau žiedelį / Į marelių dugnelį*, Молодец пытается

достать кольцо и тонет. — *Oi, varge, varge / ... Kam man aukso žiedelis, / Nebėr mano bernelio*; ср. "Oi, aria, aria". Liet. tautosak. 1, 96—97, № 80 и др.). В связи с тенденцией антропоморфизировать лен (ср. части его тела при описании "мучений", перволичные "тексты льна", уподобления человеку и т.п.) и в связи с мотивом соотносительности льна и замужества девицы уместно привести наиболее значительный фрагмент из "льняной" мифологии и соответствующего ритуала в описании жемайтских богов Ласицким, имеющем, конечно, определенное отношение и к прусским реалиям. Речь идет об одном из ритуалов, называемом *Ilgės*: "Tertio post Ilgas die deum Vvaizganthos colunt virgines, ut illius beneficio tam lini quam cannabis habeant copiam. Ubi altissima illarum, impleto placentulis, quas Sikies vocant, sinu, et stans pede uno in sedili, manuque sinistra sursum elata, librum prolixum, vel tiliae vel ulmo detractum (ex quo etiam calceos contexunt) dextra vero craterem cervisiae, haec loquens, tenet: *Waizganthos deuaite auging mani linus teip ilgies ik mani, nie duok munus nogus eithi*. Waizganthos, inquit, produc nobis tam altum linum, quam ego nunc alta sum, neve nos nudos incedere permittas. Post haec craterem exhaurit (nam et foeminae bibaces sunt) impletumque rursum deo in terram effundit et placentas e sinu ejicit, a deastris, si qui sunt Waizgantho, comedendas. Si haec peragens firma perstet, bonum linum proventum anno sequenti futurum in animum inducit; si lapsa pede altero nitatur, dubitat de futura copia, fidemque effectus sequitur..." (LPG 358—359). Это имя встречается и в более поздних источниках, иногда относящихся и к Вост. Пруссии или смежным территориям, но не всегда надежных, а иногда и вовсе ненадежных. Несколько новых деталей сообщает о нем Преториус, пересказывая в основном Ласицкого и предлагая этимологическое объяснение этого имени в духе "народной" этимологии: "An dessen Stelle [речь идет о Надравии и жемайтском приграничье. — B.T.] scheint... geehrt zu werden den Waizgautis d.i. der Gott der Fruchtbarkeit, denn so woll Männer und Weiber ehren, dem zu Ehren sie ein Lamb oder Hahn schlachten, auch sonst einige Ceremonien beweisen. Kombt her von Wort waisus i.e. Vermehrung, Frucht, gauti bekommen, gleichsam der die Frucht bringet oder die Vermehrung schafft..." (Idolatr. veter. Pruss. = LPG 532; имя Вайжгантаса скорее связано с лит. *vūžti* 'плести' и т.п.). Для Гупеля *Weizgants* — бог обрученных и особенно невест; от него ожидают благополучия, и в свете этого мотива объясняется его имя — *gan weizahs, es gelingt wohl* (Topogr. Nachricht. = LPG 510); примерно то же говорят о нем Ланге (1, 288) и Стендер. О Вайжгантасе см. подробнее LPG 358—359, 368, 383—384, 398—399, 510, 521—522, 532, 620—621; Gimbutas Balt. 1985, 155; Greimas Apie diev. 1979, 61—62, ср. Vėlius Mitin. būtyb. 1977, 142; Мифы I, 1980, 210 и др. — Описание Ласицким ритуала, в котором сочетаются мотивы Вайжгантаса, девиц, длинного льна (лен-долгунец), несомненно, включает в себя, не называя его прямо, еще один мотив — смерти. "Ильгес" (*Ilgės, ilgės*) как праздник всех святых, приуроченный к 1 ноября (о его

характере ср.: *Ilgių šventė kaip atėjo, veselijos prasidėjo. Jušk. Dain. 210: veselija* — 'свадьба'), предшествует дню поминовения покойных, 2-го ноября, также именуемому *Ilgės* (о чем см., напр., у Даукантаса). LKŽ 4, 48 выделяет и третье значение слова — 'duoklė, valdžios mokestis, ančdelis'. Любопытно перечисление даров, в ряде важных деталей отсылающее к описанию обряда у Ласицкого и непосредственно к Вайжгантасу. Ср.: *Dovanos: ... gaidys, linai, verpalas .., kurius valščionys ponui duoda, vadinas iIlgės* (Юшкев. Лит. слов., s.v.). Мотив "Kloja merga baltus linus" в сочетании с мотивом смерти родителей девицы (и ее плача, в котором она просит землю взять и ее к себе) и финальным мотивом обретения суженого (ср. *Liet. liaud. dain. 138—139, № 33* и др.) также обозначает связь льна и смерти, царства усопших. Эта же связь существует между персонифицированными образами того и другого — Вайжгантасом и *Vel*-персонажами, ср. *Vielona* (*Deus animarum, cui tum oblatio offertur, cum mortui raskuntur* у Ласицкого. LPG 357), *Wels* у Стендера, лтш. *Veļu māte*, Мать усопших, лит. *vėlė* 'душа умершего', соответственно день поминовения — лтш. *Veļu laiks*, лит. *vėlinės, vėliaf* и т.п. (ср. также *Apie diev. 61—62*). В этом контексте легко представить себе Вайжгантаса в ряду типологически родственных ему персонажей, которые вяжут (прядут) нить судьбы — "вяжут" рождение, брак, смерть, новую жизнь. Выбор льна в качестве образа этих состояний вполне понятен: он сочетает в себе слабость, мягкость, податливость, но и силу, которая в его нерушимости как целого (при всех возможных деформациях), неуязвимости и, более того, в способности создавать из себя самую сложную субстанцию (веревка, пряжа и т.п.), прочность которой приобретает отмеченный, символический характер. В слабости льна — его сила. Подчиняясь насилию, он благодаря своей гибкости не дает последнему осилить себя до конца: он не только объект, на который многообразно воздействует внешняя сила, "вяжущая" его, но он и субъект, который сам способен "вязать" других и другое. Из этой ситуации объясняются крайние полюса мифопоэтического образа льна — его активность и сила, его пассивность, страдательность, слабость или, как определил недавно один исследователь соответствующее "льняное" божество, "Вайжгантас — бог, родившийся из земли в виде льна, претерпевший страдания, умерший и воскресший". Типология божеств с такой функцией давно и хорошо изучена. Дионис, Осирис, Аттис, Адонис и т.п. — наиболее известные представители этого типа, в Восточное Средиземноморье — основная арена, где выступают эти умирающие и воскресающие (здесь особенно важно отметить вариант — прорастающие /прежде всего Осирис — зеленью/) божества.

Этот усложненный образ льна, обнаруживающий явные антропоморфические тенденции (*Лен*) и "разыгрываемый" в широком круге текстов (прежде всего песен), действ, обрядов, праздников, семантически разнонаправленный и полифункциональный, как он восстанавливается по разным фактам балтийской (отчасти и славянской)

традиции должен привлечь внимание к двум древнегреческим словам-именам и стоящим за ними образом — *Λίνοϛ*, мифологический персонаж Лин, и *λίνοϛ*, название песни ('лин') о Лине или песни самого Лина — на фоне еще одного слова, а именно *λίνον* 'лен', на первый взгляд сюда не относящегося. Прежде всего уместно еще раз напомнить, что только в балто-слав. и др.-греч. из всех и.-евр. языков выступает краткий гласный в корне — **lin-*. Далее стоит указать, что только в прусск. и др.-греч. это слово среднего рода, и, следовательно, восстановимы две изоморфные пары — прусск. **linan* 'лэн' (Sg.): **lina* 'льны' (Pl.) и др.-греч. *λίνον* 'лэн' (Sg.): **λίνα* 'льны' (Pl., но также и *λίνον* как Pl.). Эти единственные в и.-евр. названиях льна сходства как бы обрамлены яркой пространственной доминантой: они лежат в долготной полосе между 20 и 25 градусами на разных полюсах; прусский у северного для этой части Европы моря — Балтийского, греческий — у южного моря, Средиземного. О роли Древней Греции как возможного реципиента "чужого" (не и.-евр.) названия льна говорилось выше. Для Балтийской традиции восстанавливается связь между льном-растением, льном-объектом земледельческих работ и всех тех занятий, которые из них следуют, и достаточно персонифицированным образом льна — льна-персонажа, льна-субъекта, так сказать, **Льна*. В духе старой идеи Мейе в такой ситуации можно было бы реконструировать оппозицию по грамматическому роду и/или пассивности-активности — **lino-m* : **lino-s* (применительно к и.-евр. уровню), т.е. лэн: Лен. Забегая вперед, можно сказать, что отношение др.-греч. *λίνον* 'лэн': *Λίνοϛ* 'Лин-Лэн' совершенно точно укладывается в эту же схему. О др.-греч. *λίνον* уже говорилось. Теперь речь о *Λίνοϛ* и *λίνοϛ*, мифологическом персонаже и песне о нем (или его), связь между которыми не ставится под сомнение. О Лине в древнегреческих источниках представлены несколько различные версии. Отметим лишь, что в генеалогии Лина подчеркиваются "небесные" (сын Урании; может быть, и "хтонические" — внук Посейдона) или "поэтические" (сын Аполлона, сын Каллиопы, брат Орфея, учитель Орфея, наставник Геракла в пении и игре на кифаре и т.п.) мотивы, стоит указать главное и объединяющее все версии — прекрасный юноша был разорван на части собаками. Не раз высказывалось (исходя из общих соображений) мнение, что Лин, подобно Гиацинту или Нарциссу, был олицетворением какого-то цветка (льна во время цветения?). Интересно, что среди всех мученически погибших др.-греч. мифологических персонажей Лин отмечен, пожалуй, особо, и сами его страдания стали поводом для учреждения праздника, посвященного Лину, где центральной и определяющей все темой стало воспоминание-переживание этого страдания в специально созданных для этого случая скорбных песнях (*λίνοϛ*) с последующим искупительным жертвоприношением собаки. Самое раннее упоминание такой песни — у Гомера, при описании сцен, изображенных на щите Ахилла. Ср.: *παρθενικαὶ δὲ καὶ ἡῖθεοὶ, ἀταλὰ φρονέοντες, | πλεκτοῖς ἐν θαλάροισι*

φέρων μελιθδέα καρπόν. | τοῖσιν δ' ἐν μέσσοισι πάϊς φόρμιγγι λιγείη | ἱμερόεν κιθάριζε. Λίνον δ' ὑπὸ καλὸν αἶδε | λεπταλέη φωνῆ· τοῖ δὲ ῥήσσοντες ἀμαρτῆ | μόλῃ τ' ἰγγμῶ τε ποσὶ σκαίροντες ἔποντο (II. 18, 567—572). Исполнение "лина" в контексте плетенных корзин с плодами, с одной стороны, и общего пения юношей и дев, криков, прыжков, пляски, с другой, достаточно показательно. Жалобный характер "лина" подчеркивает Геродот (2, 79), говоря о египтянах: "Среди других достопримечательных обычаев есть у них обычай исполнять одну песнь Лина, которую поют также в Финикии, на Кипре и в других местах. Хотя у разных народов она называется по-разному, но это как раз та же самая песнь, которую исполняют и в Элладе и называют Лином [...] откуда у них эта песнь Лина? Очевидно, они пели ее с давних пор. На египетском же языке Лин зовется Манерос [Осирис. — В.Т.]. По рассказам египтян, это был единственный сын первого египетского царя. Его безвременную кончину египтяне чествовали, [прославляя] жалобными песнями, и эта [песнь] была сначала их первой и единственной жалобной песнью" (о льне в Египте см. ранее); ср. также Pind. fr. 139 и далее. Важное обстоятельство состоит в том, что название песни и ее певца-автора (о нем см. Hes. fr. 192; Theog. 24, 105; Apollod. I, 3, 2; II, 4, 9) обозначается одним и тем же словом, которое (с минимальным изменением) составляет характернейшую черту песни — ее припев αἴλινοσ, выступающий как своего рода жалобное восклицание, особенно у трагиков (по этому припеву и сама жалобная песнь-причитание обозначалась тем же словом — αἴλινοσ; кстати, оно выступало и как Adj. — 'жалобный', 'скорбный'). Многие исследователи искали этимологическую разгадку этого слова — "ближнюю" (споры о том, произошло ли αἴλινοσ от λίνος или наоборот) и "дальнюю", где всегда был перевес на стороне тех, кто искал ее на Ближнем Востоке, т.е. не на и.-евр. почве. Две наиболее важные вехи в этом направлении — Diehl. Rhein. Mus. 89, 1940, 89, 106ff. (к вопросу о египетском происхождении) и Eissfeld Mél. Dussaud I, 161 — о происхождении Nom. гр. Λίνος из αἴλινοσ, которое могло бы отражать финик. 'ij *Alijan* 'плач по Алияне', что, впрочем, сейчас расценивается как устаревшая точка зрения (об *Alijan* как эпитете Ваала см. Sznyser Semitica 13, 1963, 26), см. об этом Chantraine Dict. étym. 3, 642, с заключением, согласно которому λίνος, αἴλινοσ и Nom. гр. Λίνος находятся в тесном отношении друг с другом и восточное происхождение всех этих слов правдоподобно ("est plausible"); об αἴλινοσ см. I, 34. В этих рассуждениях и предположениях, сколь бы гадательными они ни были, существенно, что языковые и культурные реалии, как правило, отсылают к Ближнему Востоку, как и приводившиеся выше данные о древних центрах зарождения и распространения культуры льна. Это совмещение двух ареалов может оказаться многозначительным и придать проблеме обозначения льна в ряде и.-евр. языков (*lin-) совсем другой вид. Можно пойти и еще дальше и отметить, ни на чем не настаивая, но и не упуская

из вида, что уже в древности предложенное Павсанием (9, 298) понимание αἴλινοσ как слова, построенного на восклицании, выражающем печаль, — αἴ λίνον как своего рода 'hélas pour Linos', нашло бы параллель (возможно, конечно, и мнимую и в любом случае не "прародственную") как в русск. ай, лен мой, лен; ах, ленок... и т.п., так и в разнообразных междометийных комплексах, предшествующих обозначению льна в балтийских "льняных" (так сказать, "линовых") песнях. Ср., напр.: *Ai lini, mani lini...* (Latv. tautasdz. 1, 514, N 3498); *Ai linīti, zilziedīti...* (Ibid. 1, 514, N 3504); *Ai linīti, pogainīti...* (Ibid. 1, 514, N 3510; 534, N 3662); *Oi lineni, man lineni...* (Ibid. 1, 521, N 3568); *Ai liniņi, sprogainīši...* (Ibid. 1, 544, N 3713). Другой частый тип "льняных" песен характеризуется одним из двух зачинов — или междометием *Ai, Oi* (ср. *Oi, kq kalba linelis...*; *Oi, aria, aria...*; *Ai māmiņa...*; *Ai bagāta linu druva...*; *Ai Dieviņi, labulīti...*; *Ai lācīti, plaikājīti...*; *Ai dzeltēna linu druva...*; ср. еще *Aiju manu lielū linu...* Latv. Tautasdz. 1, 537, № 3684) или словом, обозначающим лен (примеров этого рода очень много и приводить их здесь нет надобности). Думается, что в ряде случаев в этих "ай-линовых" (*Ai lin-*) зачинах можно видеть аналогию к поэтике др.-греч. "линов" (αἴ-λίνον). Точно так же с поэтикой балтийских "льняных" песен, перекликающихся с др.-греч. "линами", неразрывно связано построение таких звуковых цепей, особенно в отмеченном начальном стихе, которые обыгрывают разными способами само название льна. Ср. несколько примеров из Latv. tautasdz. 1: *Sēju lielū linu lauku...* (502, № 3401); *Lielū lauku linu sēju...* (505, № 3421); *Sēj, brālīti, linu lauku...* (507, № 3432); *Sēj, bāliņ, zilus linus...* (507, № 3433); *Nesēj linus, bālēliņi...* (508, № 3439); *Audzē, Dieviņ, labus linus, / Liniem labas pakaliņš* (516, № 3530); *Augat, mani labi lini, / Liniņš lina galiņā : / No viena liniņa...* (516, № 3535); *Linu lauks lieljās...* (546, № 3733) и т.п.; ср. лит. *Lilio, sesė liną, / Sesė liną, lilio...* или известный рефрен *lino* : *Užaugo linelis parēziuos, lyliai, rūta, lino, lyliai, rūta, lino...* и т.п. В др.-греч. "линах", судя по рефрену, отчетлива ориентация на имя персонажа, которому посвящены эти песни, и, возможно, на название растения, которое это имя представляет. Такая же схема сопряжения существует менее явно в балтийской традиции и более очевидно в русской, ср.: *Олёны длиннѣ льны* (4 июня); *На Олёну сей лён* (21 мая); *Сеян лён у семи Олён*; *Лёны Олёне, огурцы Константину*; *Матери Олёны, ранние льны и поздние овцы* и т.п. (Даль 42, 638; СРНГ 16, 350; ср.: "Посев льна приравнивают ко дню Елены по созвучию, ошибочно понимая, будто Алена (Елена), память которой празднуется 4 июня, заботится об льне". Даль. Пословицы; ср. звуковое обыгрывание названия льна в загадке о нем — *Сидят деды на току, полны сумки табаку*. Загадки 1968, 75, № 2094). В других случаях ассоциации более сложны (в связи с Мокошью и вытеснившей ее Параскевой Пятницей ср. обряд "мокрида", когда в колодец бросают пряжу, кудель, запреты на пряжу в определенное время, тему беления холстов и т.п.; ср. в загадке о чесании льна *Сухая пятница кости грызет*;

к сочетанию имени с обозначением льна ср. лит. *Marijos linėliai* 'Linaria vulgaris', см. *laukiniai linėliai*. LKŽ 7, 524 и др.). — Но и для тех ритуальных плясок, которые совершались, согласно античным источникам, во время ежегодных праздников, посвященных Лину, известны полноценные аналогии в обрядах, связанных с сеянием льна и другими операциями, относящимися к льну, как в балтийской, так и в славянской традиции. Ср., напр., старинный литовский танец-игру под названием *linėlis* или соответствующий жанр в русской традиции ("Уж мы сеяли, мы сеяли ленок..."). По данным кашубской традиции, лен некогда играл большую роль в масленичных обрядах. Так, *b'atk'i skđkatė vėsok, žebė jim len uros vėsok'i*. Считалось, что во время масленицы необходимы пляски для того, чтобы обеспечить урожай льна. Известно предание о больной женщине, много лет не встававшей с постели, которая на масленицу, собравши остатки сил, совлеклась с постели и, схватившись за *ložkowe nogi*, принялась плясать, выкликая: *Abo zvėčāj, abo zvėčāj, bėlēbė len rok vėsok'i*. Но наиболее распространенным был магический танец "na dobri len", исполняемый обычно старшей из женщин около льна или с льном за поясом (Sychta Słown. gwar kasz. 2, 353). Можно добавить, что в ряде традиций лен, пакля, кудель играют роль и в масленично-карнавальных театрализованных действиях (маски, фигуры символических персонажей, имеющих отношение к плодородию, знаки и атрибуты этого же типа и т.п.). Поражает исключительная полнота, детальность и последовательность в выборе условий места, времени и сопутствующих обстоятельств (напр., в Литве было принято начинать сев льна, когда на небе появлялись длинные полосы облаков, — чтобы лен вырос длинным, см. Liet. etnogr. bguož. 65 и др.) для определения того, когда нужно начинать сеять лен; обилие примет и суеверий, связанных с льном, толкований образов льна в сновидениях, запретов и т.п. (см. Šmiths Latv. taut. tic. II, 1083—1092); наличие магических и эзотерических (в реконструкции, ср., в частности, теснейшую связь льна с коноплей) элементов в "льняном" мифо-ритуальном комплексе. Можно с уверенностью сказать, что ни одно из культурных растений в северном и северо-восточном ареале Европы не может сравниться с льном в отношении его роли в "вегетативной" мифологии (во-первых), в схеме умирающего и воскрешающего бога или духа растительной силы (во-вторых), в сюжете "основного" мифа (в-третьих). В этом смысле материально-духовный "льняной" комплекс в балтийских, славянских, германских традициях отражает результаты переработки отдаленных во времени и в пространстве идей и образов древней Средиземноморской цивилизации и синтеза "чужого" и "своего", поисков местных эквивалентов и аналогий вегетативным символам иных, более ярких в этом отношении культурных зон.

— Лит.: Thes. 1873, 94; Pr. Spr., s.v.; Būga Aist. stud. 1908, 14, 34, 62; EWD, s.v.; APSpr. 371; BSW 162; SEW 1, 754; WP II, 440—441; ME 2, 472; SPV 204; SEJP 295; HWASl. 1955, 263; ЭСР 2, 481; LEW

373; Machek LPosn. 2, 1950, 158; Etym. sl. č. 326; Pok. 1, 691; Sabaliauskas L. ir. K III, 1958, 456; LKK 8, 1966, 25; Dict. étym., s.v.; Steinhauer Sprache 22, 1976, 31—35; SEP 4, 150; Etim. rječn. hrv. 2, 266; Etim. Sloven. 2, 123; PKP II, 57, 286; ИИ II, 1984, 659—660; Дягтярев Tarpt. balt. konf. 1985, 152; Rimša Geogr. metr. XXII—XXIII, 1986, 90; Старостин Балк. в конт. Средиземн. 1986, 162; ЭССЯ 17, s.v.; Българ. етим. речн. 3, 358—359. — {*linā}.

{*lip-}, ср. *Lipa*, 1338; *Lieppe*, 1446, позже — *Liep*; *Lypus*, 1340 в Нантангии (APON 89). — См. еще {*lip-on-ik-}, {*lip-it-i-}, {*lip- & *sad- (?)}; {*leip-}; *līpe*. — Из числа "липовых" названий, вероятно, прошедших через слав. влияние (слав. *lipa), отразившееся в корневом гласном, при обычном *leip-*; впрочем, иногда видят здесь отношение аблаута (нулевая ступень корневого гласного). — Ср. лит. *Līpa*, *Līpeskalns* (LV I, 2, 323; лит. *Lypālės ež.*, м.б., *Lypjaunis*); также ср. куршск. *Lypa*, 1253; *Lipa* (UB I, 1, 321); *Lipe*, 1338 (UB I, 2, 317); *Lipa*, 1355—1362; *Lypa*, 1503 (UB II, 2, 432). KF 121: пожалуй, к балт. *līpa [? ~ прусск. *līpe*], которое находится в аблаутных отношениях с *leipa.

līpe 'липа'. Э 601 ('Linde'). Nom. Sg. fem., в длинном ряду названий деревьев. — Ближайшие соответствия — в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *līpa*, *līpė*, *līpė*, *līpas* (особенно показательны формы с исходом — *ė*, ср.: *Līpės jau žydėjo*; *Bitės neša medų iš līpių*. LKŽ 7, 424); лтш. *līpa*, *līpe*, *līps* (ME 2, 503, 504; EH 765). — К мене -a/-e в исходе слова см. Daunytė Tarpt. balt. konf. 1985, 24, а в более широком плане Mažiulis Baltist. 20, 1984, 12—13. — В славянских языках отмечены формы только на -a (праслав. *lipa < *leipā), ср. болг., макед. *lipa*, с.-хорв. *lipa*, словен. *lipa*; чеш., слвц. *lipa*, н.-луж. *lipa*, в.-луж. *lipa*, польск. *lipa*, кашуб. *lępa*, *lępa*, словин.-помор. *lępa*, полаб. *lajpo* (*Leupò*, *Leipó*, *Leipò*); блр. *lipa*, русск., укр. *lipa*. Основной проблемой, возникающей в связи с прусск. *līpe*, нужно считать определение этого слова с точки зрения его происхождения. Своим конечным -e оно отсылает к балтийским параллелям: в обоих вост.-балт. языках отмечены формы на -e, хотя они и не являются основными; в славянских же языках в этом слове зафиксировано лишь окончание -a, которое, кстати, и в литовском и латышском является основным и явно преобладающим уже в ранних памятниках. И только в прусском (если, разумеется, можно судить по единственному примеру) известна форма на -e, при отсутствии формы на -a. Стоит отметить, что прусск. *līpe* и лит. диал. *līpė*, *līpė* разведены на предельное расстояние: у устья Вислы в первом случае, на крайнем востоке Литвы (дисн., тверечск. в Игналинском р-не) во втором. Возможно, речь идет о маргинальных явлениях — тем более, что есть известные основания говорить о существовании "липовых" названий на -a и в прусском. Второй частью проблемы аутентичности *līpe* нужно считать вопрос о корневом вокализме, где прусское слово ближе к славянским примерам. Еще в начале века Эндзелин полагал, что своим *i līpe* обязан славянскому влиянию (AfsIPh. 32, 1910, 293, в связи с APSpr. 139). Эта же задача занимала его и позже (SPV 204). По его мнению, в прус-

ском, судя по вост.-балт. и слав. данным, ожидалось бы *leipo или даже *leipe (кстати, Эндзелин, видимо, не заметил, что такая форма представлена в топониме (Leipe, 1508. APON 86). Если же пруссы заимствовали бы слово из слав., то прусская форма звучала бы как *lipo. Тем самым предположение о славянском влиянии ставится под известное сомнение. Оно возрастает еще больше при учете топонимов Lieppe и Lipeniken (APON 89), которые, по Эндзелину, свидетельствуют скорее о существовании балт. формы типа *lipē (ср. лит. klelė наряду с kylė) и делают ненужной эмендацию *leipe (к этому же вопросу обращался и Френкель Balt. Spr. 1950, 26, считавший, что ie в Lieppe едва ли отражает долгое ī в соответствии с немецкой орфографией и что нужно исходить из *Lip-). Показательно, что ни Милевский, ни Левин, специально исследовавшие славянские заимствования в прусском, слово lipe к ним не относят. — Другие параллели, обычно приводящиеся по этому случаю, существенно далее отстоят от балт. и слав. примеров, восходящих к общему источнику, и, более того, не могут быть признаны вполне надежными (ср. др.-греч. ἄλιφαλος 'дрв.Гесих, и кимр. llwyf 'липа', 'вяз'). Во всяком случае, Френкель категорически отвергает их, см. LEW 366. — Балт. и слав. формы восходят к и.-евр. *leip- 'липнуть', 'приклеиваться'. Подробнее об этимологии слова lipe, отражении этих слов в топонимастике, реалиях, связанных с липой в хозяйственной жизни и в духовной культуре, а также литературу вопроса см. в статье {*leip-}.

— Лит.: Thes. 1873, 94; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 139, 371; BSW 155; Endzelin AfslPh. 32, 1910, 293; ME 2, 503; FBR 11, 1931, 182; SPV 204; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 26; LEW 366; Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 103; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 22; Dambe Baltist. 1 priedas, 1972, 57, 58; Etim. rječn. hrv. 2, 305; Etim. Sloven. 2, 143; SEP 4, 271; Българ. речн. 3, 414; РКР II, 286; Urbutis ВЕЕ 1981, 14; Daunytė Tarpt. balt. konf. 1985, 24, а также лит. к ст. {*leip-}. — {*lipē}.

{*lip-en-ik-}, ср. Lippeniken, 1419; Lipeniken, 1420; Lipniken, ок. 1420 (APON 89). — Согласно Герулису, не относится к Lipa (см. {*lip-}), поскольку там в корне долгий гласный ī (ср. Lieppe), а здесь — краткий i (ср. Lipp-). Следовательно, речь идет о прусск. *Lipenikai (: лит. *Liépininkai), давшем нем. Löbenicht, название местечка, где умер Абель Вилль. — Суф. -en-ik-; к корню ср. форму lypē, приводимую Бугой (Aist. stud. 1908, 214: к "липовым" названиям), но отсутствующую в LKŽ. — Мнение Герулиса представляется несколько педантичным. — Ср. лтш. Lipinieki (LV I, 2, 311); лтг. Lipinieki, Liepnieki, Липнишки; Lipeņi, Liepeņi и т.п. (PN Latg. 277), мазурск. Lipinek (Kleiner Linden Berg), Lipnickie Łaki (Lipniker Wiesen), Lipniki (Lindenberg). Słown. nazw Mazur II, 102, 191, 263 и другие формы — балтийские или славянские (ср. лит. Lipnikai. LATSZ 163), — ориентирующиеся на близкую последовательность суффиксов — -in(-en)-ik-. — См. lipe, {*leip-}, {*lip-} и др.

{*lip-ik-}, ср. Nom. рг. Lippike (APN 52). — См. {*lip-in-}. Ср. ст.-лит. Nom. рг. Lipika. Gen. Sg.; Lipikowicz (Liet. antrop. 167: сюда же топо-

ним Lipikiškiai, от lipikas 'тот, кто липнет', 'подлипала' и т.п.: lipiti); ср. также Lipsky (Libski), Lipinsky и т.п.; совр. Lipas, Lipinas, Lipinys, Lipinavičius, Lipinuskas (ср. местное название Liputiškė); Lipeyka, Lipeyko; совр. Lipėika; Lepieykis (= *Lipeikis), совр. Lipėikis; Lepkowicz (к *Lipkus), Lipkowna; совр. Lipkà, Lipkus, Lipkėvičius (ср. местные и водные названия Lipkiškės, Lipkus: lipkus 'липкий'). Liet. antrop. 167, 240; м.б., лтш. Lipki (LV I, 2, 311), лтг. Lipki (PN Latg. 277). — Точным апеллятивным соответствием этому словообразовательному типу является лит. lipikas 'подмаренник' (ботан.) и т.п.; 'лепной горшок'; 'тот, кто липнет' и т.п.; полностью тождественно прусск. Lippike лит. lipikė (LKŽ 7, 562); ср. также лтш. lipikis 'льстец', 'подлипала' (ME 2, 489), не говоря уж о праслав. *lipьсь (ср. русск. липец 'подмаренник', 'лепчица', липец 'березовая почка' и т.п. СРНГ 17, 54).

{*lip-in-}, ср. Nom. рг. Johannes Lyppin (APN 52: к Nom. рг. *Lyppe). — См. {*lip-ik-}, там же и параллели. — К суф. -in- при корне lip- ср. Nom. рг. лит. Lipinas, Lipinys, ст.-лит. Lipinsky (Liet. antrop. 167); ст.-лтш. Lipin Блесе LPV 1, 331 относит к Liepiņš, хотя и допускает сравнение с лтш. lipins 'липкий', 'клейкий', кажущееся более вероятным. Среди топонимов ср. лит. Lipiniai; лтш. Lipina priedes (LV I, 2, 311); лтг. Lipines šnūres; Lipinieki, Liepnieki, Липенек (?); Lipinišku, Lipiniški, Lipiniszki, Липинишки (PN Latg. 277). Следует учитывать нередкую мену -in- и -en- в названии одного и того же места; поэтому в известном смысле сюда же относятся и такие формы, как прусск. {*lip-en-ik-}, лтш. Lipene рl. (LV I, 2, 311); лтг. Lipeņis-īširums, Lipenis-šnūris, Lipeņi и т.п. (PN Latg. 277). — Из апеллятивной лексики тот же словообразовательный тип представлен в лит. lipinė, lipynė, lipinės, lipynės и под. (LKŽ 7, 563—564); лтш. lipina, lipiņš; lipins (ME 2, 474, 490); ср. также продолжения слав. *lip-yn- (русск. диал. липняк, о тле на вишневых и сливовых кустарниках, см. СРНГ 17, 56 и др.).

{*lip-ing-}, ср. ятвяжск. Nom. рг. Liping, 1712 (Алове, Алитусск. р-н), см. Непокупный Этн. и лингв. асп. 1980, 144 (: к прусск. Lyppun). — Суф. -ing- распространен как в топонимах ятвяжского происхождения в Понеманье, сохраняющихся и сейчас в составе местных названий Литвы, так и в ятвяжской ономастике (Preisinges, Romeling, Wilginga, Czestinga и др., см. Nalera Acta В.-sl. 9, 1976, 84—85 и др.). — Тот же словообразовательный тип — в слав. *lip-eg- (< *lip-ing-), ср. русск. диал. липяга (СРНГ 17, 60), местное название Липяги и т.п.

{*lip-it-[-]}, ср. Lipz, 1231 (Прегель); Lipza, Lipze, 1246 (гавань в устье Прегеля). APON 90. — Отнесенность названия Lipz к Прегелю (прусс. Pregora, 1273; Prigora, 1302; Prelgoll, Pregel, 1331; Pregor, 1359; Pregill, 1460; позже — Pregel; лит. Prieglius) подтверждается уже наиболее ранним свидетельством: Prėgora sive Lipza, 1243 (PUB 1, 1, 108, N 143), см. о Прегеле у Дусбурга — в связи с разрушением моста через реку ("De destructione pontis quem Prutheni fecerant in flumine Prigore" — заглавие главки 103/98/ и в тексте ее: ... quod fieret pons super aquam Prigore. SRP 1, 106) и в связи с указанием, куда был перенесен город после его разрушения (Unde postea translatus fuit in vallem inter Priego-

ram et castrum, in eum locum, in quo usque in diem permanet hodiernum. SRP 1, 107: речь идет о Кёнигсберге). — В названиях *Lipz, Lipza, Lipze* выделяется корень *lip-* и суф. *-īt-* и *-ī-*. К корню см. {**lip-*}, {**lip-en-ik-*}, {**lip-ik-*}, {**lip-ing-*}, {**lip- & *sad-* (?)}; к суф. *-īt-* см. APON 257—258 (прусс. *Laukiten: laucks* 'поле', *Pelite:* лит. *pilis* 'замок', 'бург' и т.п.). — В конечном счете связано с прусск. {**leip-īt-*}, см., но только в том смысле, что в обоих случаях речь идет о продолжениях и.-евр. **leip-/*lip-* 'липнуть', 'прилипнуть'; 'липкий', 'клейкий' и т.п.; в то же время {**leip-īt-*} конкретно реализует "липовое" название в отличие от {**lip-īt-ī-*}. В свое время Левенталь (WS 10, 1927, 152), сопоставляя прусск. *Lipz* и *Leypitten* друг с другом, но и герм. Λίβης (= **LibēP* 'Besprenger'), др.-греч. λίψ'πέτρα, ἄφ ἧς ὕδωρ στάζει, фессал. 'Ελιπεύς, река, возводил все эти примеры к и.-евр. **lēipā* 'was man einwässert'. Несмотря на наличие неточностей (λίψ, конечно, соотносится к λειβω 'лить', 'проливать', 'струить') и сомнительность реконструкций типа и.-евр. **lēipā*, это сопоставление может натолкнуть на некоторые альтернативные варианты или продолжения. Прежде всего встает вопрос, почему река имеет два названия. Сколько-нибудь надежных и доказательных объяснений нет. Но обращение к прусск. названию *Pregora* и т.п., единственно уцелевшему, может содержать какие-то, хотя бы неясные указания. Обычно исходят из формы **Prei-garā*, которую сравнивают с лит. *pra-gorē* 'пропасть', 'бездна', *prā-garas* 'преисподняя'; 'жерло'; 'обжора', ср. также *pra-garmē* 'пропасть', *pra-garmē-ti* 'провалиться (сквозь землю)', 'пропасть' и т.п. (см. Būga RR I, 511; Savukynas LKK 6, 1963, 323; PKP I, 17; II, 241; Daubaras Baltist. 18, 1982, 171; Vėlius Senov. balt. 1983, 206—207; Batūra Prūs. žem. kron. 1985, 386 и др.; существует мнение о ливском происхождении этого гидронима, см. Froelich Flußnam. in Ostpr. 1932, 78). Известны и близкие гидронимические параллели, ср. лит. *Pragarinė* еж., урė (LHEŽ 264: к *prā-garas*, см. LKŽ 10, 499—500); *Пра-гора*, река (Спрогис, 261) и др. Возникающие здесь мотивы бездны, жерла, поглощающего воды реки, исчезновения их, возможно, отражают гидрофизические характеристики этой реки, связанные с резкими переходами от "минимума" к "максимуму", от "ухода" воды к быстрому увеличению ее количества, вздутию водной поверхности, поднятию уровня и разлитию ее с затоплением окружающей местности. Это непостоянство хорошо известно и не раз описывалось. Следует указать, что такой водный режим реки нередко вызывает ее обозначение словами примерно с той же семантической мотивировкой, что и *Pre-gora*. Также уместно напомнить, что неподалеку от устья Прегеля, в Кинигсберге, находился холм, который пруссы называли **Tvankstā* (ср. главку "De edificacione castris Kunigsbergk vel Tuwangste" у Дусбурга: ... *edificaverunt castrum Kunigsbergk, vocantes illud ob reverenciam regis de Bohemia castrum regis (apud Pruthenos dicitur Tuwangste a nomine silve, que fuit in dicto loco)*... SRP 1, 92, ср. *Twangste* Nic. Jerosch. — при лит. *Tvankstē*, деревня. LATSŽ 322; см. APON 189). По происхождению это имя, видимо, связано с лит. *tvank-* (: *Tvank-st-*), ср. *tvankā* 'запру-

да' (: *tvenkinys*), *tvankinti* 'запруживать' (→ 'поднимать воду'), *tvankstoti* 'стоять (разлившись)', о воде, *tvenkti* 'прудить' и т.п.; в этих словах *-k-* выступает как расширитель корня, ср. *tvānas* 'потоп', *tvanius* 'быстро разливающийся' (напр., о реке), ср. *tvanoti* и т.п. Нельзя поэтому исключать, что прусск. **Tvankstā* могло обозначать не только холм, лес, но и высокостоящую воду (**tvank- & *st-/stā-/*) и разлив ее, при выходе реки из берегов. Характерно, что слова этого корня могли использоваться в гидронимии, ср. лит. *Tvankā, Tvenktis, Tvanius* (LUEV 176; LHEŽ 351, ср. *tvinti* 'разливаться', 'выходить из берегов', 'прибывать', о воде). В этом контексте, м.б., уместно высказать сугубо гипотетическое предположение, что название *Lipz* могло, противостоя по семантической мотивировке названию *Pregora* ('исчезновение', 'поглощение', о воде), как бы дублировать название **Tvankstā* ('прибывать', 'подниматься' и т.п., о воде). В таком случае **Lip-īt-ī-* уместно было бы трактовать как производное от балт. **lip-*, совмещавшего в себе два значения, органически связанных друг с другом — 'липнуть', 'прилипнуть' и 'лезть', 'взлезать', 'взбираться', 'восходить', ср. лит. *lipiti*, передающее первый круг значений и лит. *lipiti*, передающее второй круг значений (к связи их см. LEW 375—376, а также выше). Если это так, то **Lip-īt-ī-* (о высокой, поднимающейся воде; применительно к названию гавани *Lipza, Lipze* можно было бы думать и о дополнительном семантическом мотиве [ср. *сходня, сходни, сходень* 'доска с набитыми на ней брусками.., для выхода из лодки, схода с судна' и т.п. Даль⁴ 4, 661 — из **всход-* < **вз-ход-*], часто реализуемом, напр., в названиях русских рек типа *Сходня*, ст.-прусс. *Всходня* и т.п.) так относится к **Lip-* (прусс. *Lipa*), как **Lauk-īt-* к **lauk-* и т.п. — Территориально совпадающие или смежные формы, существенно подобные прусск. *Lipz* (ср. нем.-вост.-прусс. провинциализм *Lippiz, Lippit, Lippitz* 'липовый мед'. Frischbier PW II, 29, ср. слав. **lipьсь*, русск. *липец*, с тем же значением. СРНГ 17, 54; или топонимы типа сев.-польск. *Луница*. Słown. geogr. PZP 1, 163; блр. *Лінічанка*. Слоўн. назв. Грозд. 139; *Луница*. ГБО 54, 106, 215 и т.п.), при наличии общих исходных элементов в корне, тем не менее имеют совсем иную историю и при сравнении практически выпадают. — Особо стоит вопрос о названиях места, которое в немецкие времена называлось *Lippitz* (Кг. Mohlungen), а в старых документах обозначается очень разнообразно и прихотливо. Ср.: *Lyopicz, 1249; Lepicz, 1285; Leupicz, ручей, 1329; Lowpicz, Luppocz, Loppicz, ок. 1400* (APON 89, с вопросом: preußisch?). Объяснение этой ситуации затруднительно.

{**lip-* & **sad-* (?)}, ср. *Lypsaden, 1389; Leypseyde, 1389; Lypseyde; Lipzayde, 1411—1419; Lipsein, 1428; Lipseiden* (APON 89). — Трудный случай. Герулис воздерживается от каких-либо объяснений. Савукинас (LKK 6, 1963, 323) членит слово *Lyps-aden*, сопоставляя первую часть с лтш. *Lipsa*, река, *Lipst-upe* (LV I, 1, 311), но лит. *Lipšys* еж. и далее лит. *Lip-kus, Lyp-artė*, прусск. *Lipz*. Можно добавить, что суф. *-ad-* известен в балт. топонимии, ср. прусск. *Langodis* (: лтш. *Lañga*), *Keytyode*, явтяжск. Nom. рг. *Анкад* (APON 247); лит. *Gaužadà* (: *Gaužà*),

Saladis (: *Salà*) и т.п., см. Liet. hidr. 71—72. Сложность оценки такого толкования, как и в предлагаемой (с сомнениями) здесь реконструкции, в том, что только первое (правда, самое раннее) свидетельство удовлетворяет предложенным объяснениям. Остальные же зафиксированные формы содержат фрагмент ...*seyde*, ...*seyden*, ...*zayde* и даже ...*seyn* и равным образом противоречат любому из имеющихся объяснений. Очевидно, что какие-то из этих свидетельств или результат ошибочной записи, или результат каких-то аттракций, аналогий, вторичных притяжений. Дополнительных материалов для оценки "аутентичности" этих форм нет. Поэтому можно лишь обозначить гипотетические объяснения для двух вариантов форм. В обоих случаях предлагается понимать эти названия как сложное слово, и в обоих случаях целесообразно исходить, кажется, из первого элемента **Lip-*, известного в прусской топонимии в простых названиях. Что же касается второго элемента, то в первом варианте им мог бы быть **sad-* (: лит. *sodà?* — см. APON 148: лит. *Sodáičiai* — при *Sōdai*, *Sodáičiai* и т.п., см. LATSŽ 269, 285—286; ср. также *sad-*: *sed-*: прусск. *Garp-seden* и под.), а во втором — **seid-* (ср. прусск. *Seyducken*, ок. 1400. APON 154: ср. Nom. pr. *Seyd-ike*).

līse 'ползать' (Ia). К III, 67, 13 (...*Bhe rikauite kirscha suckans en iūrin kirscha stans Pippalins pō Dagon bhe kirscha wissans swīrins kas posemmien līse '... vnd Herschet ... vber alles Thier das auff Erden kreucht'*). 3. Sg. Praes. — От этого глагола (с превербом *semmai*) засвидетельствованы также формы Partic. Praet. Act. Nom. Sg. masc. — *semmailisons*, *semmai lisuns*, *semmay lysons*, *sammay lesuns*, см. — В этом типе глаголов основа Infin. совпадает с корнем, как и основа Praes.; к морфологии *līse* см. Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 345 (прусск. *līse* трактуется как *lizie, заимствование из польск. *lezie* уже с новоакутовой интонацией, откуда в прусск. слове акут, объясняющий переход $\acute{e} > \dot{e}$ в качестве параллели приводится польск. диал. *lōže*. Bory Tucholskie); Vgl. Gr. 1966, 477 (прусск. *līse* в свете русск. *лѣзу* принадлежит к типу глаголов с постоянно накоренным ударением); BL 1970, 134; OP 169—170 и др. — В "Энхиридионе" Виленга — ... *rikaukite ... ant wissu βwerū krutanczuu ant βemes*; в латышском "Катехизисе" 1586 г. — ... *vnde waldeeth ... pār wuesseme βwerems, kattre wuerβon to semme lede*. — Ближайшая параллель (учитывая семантику слова) — в слав. *lězti 'ползти'; 'лазить'; 'лезть'; 'взбираться' и т.п., которое некоторые исследователи считали источником заимствования (разумеется, в прапольском или раннепольском варианте) прусского слова. В настоящее время такое объяснение не пользуется доверием, и прусск. *līse* рассматривается как исконное слово, родственное слав. **lěz-* и лтш. **lěz-*. Славянские параллели представлены практически всеми языками, ср. ст.-сл. възлѣсти, възлѣж и т.п. 'взойти', 'влезть', ἀνα-, ἐπιβαίνειν, болг. *лѣзя*, *лѣза*, *из-лѣза*, диал. *лѣзя* и т.п. (в частности, и 'лазить', 'ползать'), макед. *лѣза*, с.-хорв. (стар.) *лѣсти* (*лѣзем*) наряду с *лѣсти*, *лѣсти*, ср. *лѣзити*, словен. *lěsti* (*lězem*) 'лезть', 'ползать'; чеш. *lězti* (*lezu*) 'лезть', 'ползти', словц. *liest'*, луж. *lězc* (*lězu*), польск. *leść* (*le-*

zę), кашуб. *lezc* (*lèze*) 'leźć, iść, posuwać się wolno, wspinać się, pchać się, wciskać się'. Słown. gwar kac. 2, 365—366, ср. *lázec*. 3, 12), словин.-помор. *lezc* (*lèzq*) 'ползать', 'взбираться', 'итти', полаб. *lezě* 'ползти', 'лезть', 'взбираться' и т.п. (*Lehse*. Par.-Sch., *Löse*. Henn, *Lēse*, см. Sl. et. Drz. 2, 324—325; Olesch Thes. Drav.-Polab. I, 536—538; следует отметить, что форма *lezě* /*Lehse*/ в точности соответствует прусск. *līse*). Сходство слав. *lězti с прусск. *līse* тем больше, что оно распространяется на сферу употребления в определенных ситуациях и соответственно текстах (ср. *звери ползают по земле* и т.п. в связи с прусским текстом, переводящим подобное же немецкое сочетание). — Латышские примеры, если говорить о глаголах (ср. *lězēt, -zju* или 'langsam, lauernd gehen', *lězētiēs* 'auf lēzes /лыжах/ laufen', *lězēties* 'mit einem Schlittchen vom Berge fahren', *lězāt*, 'скользить', *lězūdt* 'sehr langsam gehen, sich schleppen' и т.п. ME 2, 464, 465; EH 740; Ērg'. izl. vārdn. 2, 216 и др.), отличаются принадлежностью к другим типам презентных основ и в семантическом отношении, хотя и в слав. языках в соответствующем глаголе периферийно фиксируются значения, связанные с особым видом движения и, в частности, со скольжением (при этом последнее значение характеризует и некоторые экспрессивные образования, как-то, видимо, связанные с **lěz-*, ср. слав. **lyzati/se* 'скользить', *lyzgati. ЭССЯ 17. s.vv., */s/lizgati se. SEP 4, 250—251 и др.). К словам того же корня принадлежат, конечно, и лтш. *lēzens*, *lēzns*, *lēzins*, *lēzs* 'ровный', 'плоский', 'пологий', 'низкий' и т.п. (ME 2, 465; EH 740). Литовские примеры отстоят от прусск. *līse* еще дальше и большей частью нуждаются в специальных разъяснениях. Ср. лит. *lažà* (чаще *lāžos*. Pl.), *lāžas* masc. 'барщина' (ср. *eiti lāžq* 'итти на барщину'), *lažýbos* 'заклад', 'спор', 'парн' (*lažintis*); *pālažas* с идеей полеглости, низа, утоптанной площины и т.п. (: лтш. *laža*. ME 2, 433—434, *ležna*. 2, 455 и др.), *lúožas*, *ložė* (: *ložėti* 'полегать', о колосьях, *lōžinti* 'сгибать' и т.п.), *lėkštas* 'плоский' из *lėštas и др., см. LEW 349. — Из других и.-евр. языков в связи с этими балт. и слав. словами приводят обычно только германские примеры, по значению также сильно отстоящие от них и особенно от прусско-славянского ядра — **lěz-*. Ср. др.-исл. *lāgr* 'низкий', 'мелкий' (< герм. **lēga-*), др.-фриз. *lēch*, ср.-н.-нем. *lēge*, *lēch*, ср.-в.-нем. *loege* (др.-англ. *lāh* — из др.-сканд.); ср. также др.-исл. *lægð* 'низменное место', 'понижение', ср.-н.-нем. *lēgede* и др.; др.-исл. *lægja* 'понижать' и т.п. (Altnor. EWb. 344, 371). — Все эти примеры обычно возводят к и.-евр. **lēg'h-*: **lēg'h-* 'ползать по земле'; 'низкий' (см. Pok. 1, 660). О реконструкции Вайяном (Gramm. comp. III, 79, 145—146, 182) б.-слав. **lěz-* см. ЭССЯ 15, s.v. Однако ряд примеров как бы занимает промежуточное пространство между продолжениями этого корня и корня **legh-* 'класть', 'быть положенным', 'лежать' (см. Pok. 1, 658—659). Неслучаен вопрос Покорного — "Ist **lēg'h-* eine Variante von **legh-* 'liegen'?" Об этом соотношении двух корней см. выше, в статьях *lasinna* и *lasto*. — Но как бы то ни было, только в славянских и части балтийских языков обнаруживаются факты, позволяющие говорить о новообразовании —

выработке общего глагола, обозначающего особый вид движения, которое осуществляется и по вертикали и по горизонтали, но характеризуется некоторой затрудненностью, с чем связаны дополнительные усилия субъекта действия, особая сопряженность его с поверхностью, по которой оно разворачивается (возможно такое понимание этого действия, при котором оно предполагается как бы ступенчатым, образующим некую череду преодолеваемых позиций). В данном случае речь идет об общем ядре, и это не исключает развития противоположных "периферийных" значений (быстрое движение, "скольжение" и т.п.).

— Лит.: Thes. 1873, 94; Pr. Spr., s.v.; Zubatý BB 17, 1891, 325 = Stud.a čl. I, 2, 1949, 130; APSpr. 371; BSW 161; Endzelin AfslPh. 32, 1910, 295; ME 2, 464; SPV 204; SEW 1, 715—716; SEJP 297; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 345; HWASl. 1955, 161; ЭСР 2, 476; LEW 349; Schmid IF 63, 1958, 224; Pok. 1, 660; Vaillant BSL 57, 1962, 53—54; Ср. грамм. герм. яз. I, 1962, 84; Варбот Этимол. 1964, 1965, 41—42; Vgl. Gr. 1966, 477; Jēgers KZ 80, 1966, 51, 53; Polomé I.-Eur. 1970, 67; Schmalstieg BL 1970, 134; OP 169—170; St. OP 10.061; Vaillant Gramm. comp. III, 79, 145—146, 182; SEP 4, s.v.; Etim. Sloven. 2, 136; Etim. rječn. hrv. 2, 279; Българ. етим. речн. 3, 348; Merlingen IF 83, 1978, 55; РКР II, 202, 316; ЭССЯ 15, s.v. — {*lize; *lēza ?}.

{*lls-lj-ein-}, ср. *Lysiein*, 1340, *Lysien* (APON 90: или к лит. *Lizai*, или к лит. *Liš-upis*, река?). — Теоретически допустимы оба варианта, хотя каждый из них мало что дает и не исключает многочисленных неясностей (ср. о *Lūš-upis* [в известных источниках приводится только эта форма] LHEŽ 193: предполагается *Lieš-upis < *Liež-upis, ср. *Liežūs: liēžti*; лит. *Lizai* тем более неясно; возможные латышские соответствия [см. LV 1, 2, 313] еще более затемняют ситуацию; ср., однако, белост. *Liza*, деревня, 1569, 1580; *Liza*, река. Halicka Nazwy Biał. 1978, 46; HW 418), но возможны и другие предположения, вероятность которых не меньше, чем в приведенных примерах. Во-первых, предложение сравнивать с лит. *Lizai* само по себе предполагает и сравнение с более распространенным типом — лит. *Ližai, Ližiai, Ližikai, Ližiškės* (LATSŽ 164), лтш. *Liži* (LV 1, 2, 313). Во-вторых, явно более вероятные соответствия могли бы выискиваться среди топонимов типа лит. *Lisynė*, лтш. *Lisina, Lisine, Lisines-ēzērs, Lisinis* (LV 1, 2, 312; связь с *Lisa, Lisa-upė, Lisa-purvs*, лит. *Lisaičiai* остается до поры не выясненной), мазур. *Lisunka*, ручей (*Lissuhner Bach, Lissuhner Fliess*), *Lisuńskie Jezioro* (*Lisuhner See*), *Lissuhner Seewiesen* (*Paprotka, Paprotko*). Słown. nazw. Mazur. II, 169; HW511 (если это не "лисы" названия) или апеллятивов такого круга, как лит. *lūsena* 'ливень' (от *lūti*). В-третьих, пожалуй, наиболее уместным могло бы оказаться сопоставление этого топонима с прусск. *lyso* 'грядка' (первоначально, вероятно полоса обработанной земли, кусок пашни, нивы и т.п.), лит. *lūsė, lūsė* (LKŽ 7, 576, 586), слав. **lěxa, *lěžina* (ср. русск. диал. *лешина* 'линия, проведенная сохой при разметке пашни'. СРНГ 17, 33) и т.п.; к суф. с -n- ср. лит. *lūsinis* 'atliekamas lūsėmis' (7, 576); и в

более отдаленной перспективе (см. ниже статью *lyso*, а также РКР II, 291) намечается и связь с лит. *liesas, liesėti, lūsti, lūsininti* и т.п., с идеей худения, тощания (ср. *lūsna* 'худой человек') и т.п. Суф. -ij- и -ein- (см. APON 248, 253) бросают луч света на возможный тип "категориальной" принадлежности этого топонима.

llslytyos 'станок дляковки лошадей'. Э 545 ('Notstal') Nom. Pl. fem., среди других названий предметов, непосредственно связанных с лошадью, ср. Э 542: *Panto* ('Vesser'); Э 543: *Lattako* ('Hufysen'); Э 544: *Sagis* ('Hufnagil'). — Реально речь идет об особом "стабилизирующем устройстве — крепких деревянных стойках (с ограничителем), между которыми помещают лошадей, чтобы они спокойно стояли в то время, когда их подковывают (ср. определение нем. *Notstall* в Grimm DWb. VII, 952). Что касается значения прусского слова, то Нессельман (Thes. 1873, 95) высказал интересное предположение, из которого могут быть извлечены некоторые важные сведения, даже если оно в данном случае не вполне верно. По его мнению нем. *Nothstall* в Э 545 "работает" как бы обоими своими значениями — 1) 'ein Schutzdach zum Aufbewahren der auf dem Felde gebrauchten Ackergeräthe' (в этом случае понятно, что за этим словом — *Notstal* — следуют названия инструментов — *Senze, Sichel, Spate* и т.п.) и 2) 'eine Vorkehrung in der Schmiede zum Beschlagen widerspenstiger Pferde' (ср. польск. *lesica kowalska* при *lesice* 'Schaafhürde'). Нужно заметить, что несколько неожиданное множ.ч. *llslytyos* может быть частичным аргументом в пользу того, что оно отражает именно *lesice*, т.е. первое из указанных здесь значений и отсюда было перенесено и слово, выступающее во втором значении). — Две точки зрения на происхождение этого слова борются между собой, и окончательное решение все-таки, пожалуй, не найдено. Уже с ранних пор возобладало мнение, что *llslytyos* заимствовано из слав. (ср. Pauli BVS 7, 1873, 181; Thes. 1873, 95; Brückner AfslPh. 20, 1898, 502; APSpr. 371 и др.). Его придерживались Эндзелин SPV 204; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 30, 51; LEW 383 и др. Уместно обратиться к двум последним опытам в этом направлении. В контексте исследования прусских славизмов и лексики кашубских и варминско-мазурских говоров Непокупный Baltist. 9, 1973, 175—176 еще раз возвращается к этому слову. Напоминая, что в основе прусского слова лежит польск. *lesica* 'решетка, препятствие при скачках' и что соотношение прусск. *t* — польск. *s* при заимствовании обычно (ср. прусск. *garkity* из польск. *gorczyca*), он указывает на ранние примеры фиксации термина *lesica* в памятниках польского языка (*leszycza, lyszycza*, ок. 1500 г. — 'корзинка, плетенка для выжимания и сушения сыра'; 'деревянные кандалы на руки'. Słown. Starop. IV, z, 1(20), 23) и на значения этого слова в кашубских говорах — *lesēca* 'переносный забор, которым на пастбище огораживают овец, в особенности на ночь'; 'движимая однокрылая стенка из соломы, которая в открытом поле защищает от ветра и дождя' (Słown. gwag kasz. 2, 358). Область употребления термина *lesica* из соседних к бывшему прусскому ареалу областей охватывает северно- и среднекашубские говоры (специально нужно под-

черкнуть словин.-помор. *leşäcä* 'ограда для скота' (Slovinz. Wb. 1, 577); *leşäca*, большей частью в множ.ч. — *leşäce* 1. Flechtwerk, geflöchtener Behälter, Strauchgeflecht zum Obsttrocknen; 2. versetzbare Umzäunung für weidendes Vieh, Hürden' (Pom. Wb. 1, 447: Nebenform *liša* ?). В XVI в. эта область доходила до Быдгоща (Popowska-Taborska JP 42, 4, 1962, 282). Указывая на то, что слово *leşica* известно в польском языке весьма широко (вплоть до польских говоров Чехословакии), Непокупный приходит к выводу, что в случае *lisytyos* нецелесообразно ставить вопрос о дифференциации возможных источников заимствования — поморские или польские говоры, но сама идея заимствования не ставится под сомнение. Действительно, наличие *lisytyos* именно в помезанском, т.е. наиболее славянизированном говоре, распространенном в непосредственном славянском окружении, при отсутствии такого слова в самландском говоре и в вост.-балт. языках является важным аргументом в пользу его заимствования. Другой важный аргумент — широкое распространение слова, восходящего к праслав. **leşica* в большей части Славии. Помимо польских, кашубских и словинско-поморских примеров ср. еще слов. *leşica* (*lesa*, *leşina*), *leşica*, *leşice*, в.-луж. *leşyca*; болг. *leşица* (Геров), диал. *leşици*, с.-хорв. *leşица*, *leşica*, *leşица*, *leşице*, словен. *leşica* (*lesa*); русск. диал. *leşица* (*leşка*, *leşка*, *lesa*) и т.п., см. ЭССЯ 14, 236—237. Следует подчеркнуть, что многие славянские факты дают основание думать, что исходное значение **leşica* и под. относилось не к конкретному сооружению или приспособлению, орудию и т.п., но к конструкции как таковой — к ее основному назначению ("удерживать-замыкать" → 'предохранять' и т.п.) и к ее фактуре ("плетеное"), см. **leşa*, **leşька*, **leşь*. ЭССЯ 14, 232—235, 249—253. Поэтому оказывается, что при обилии славянских примеров среди них, кажется, нигде не отмечено (включая и кашубские и польские говоры, см. Słown. gwar polsk. III, 28) то значение, которое выступает, если верить нем. *Notstall*, в прусск. *lisytyos*, хотя, в отдельных случаях, имеются в виду именно такого же типа "ограничительно-удерживающие" конструкции (ср. болг. диал. *leşици*, множ.ч. 'два бревна, загнутые с одного края, другим краем закрепленные у задней оси воза, а передние изогнутые края перекрещиваются и накладываются на передок воза', см. СБНУ 31, 292, ср. русск. диал. *leşа*, *leşы* и др. СРНГ 16, 368). Левин, специально исследовавший вопрос о славянских заимствованиях в Эльбингском словаре, помещает *lisytyos* в список "Disputed Borrowings" (LEEV 1974, 102). Позиция исследователя в целом колеблющаяся. Отношение прусск. *i* к ст.-польск. *e* смущает его. Но различия в трактовке *ě* в прусских славизмах *mestan*, *swetan* и *lisytyos* позволяют ему отнести заимствование последнего слова к довольно сжатому временному отрезку между X и XII вв. — Наряду с точкой зрения о славянском происхождении прусск. *lisytyos* существует и иное мнение, защищаемое единицами, но тем не менее заслуживающее серьезного внимания. Рассматривая происхождения лит. *z*, Буга (RR I, 286) анализирует лит. *lizdas* 'гнездо' лтш. *lizg(a)s* и сопос-

тавляет их с прусск. *liscis*, *Cauca-liskis* из *lis-ka*(; *lisytyos* из прабалт. **lis-ītjā*). Суть недавней попытки Мажюлиса доказать балтийское происхождение этого слова — в альтернативности решения. В обоих случаях речь идет об отглагольном (или Subst. < Vb.) производном с суф. *-īt-*. Далее предлагаются два варианта — 1) от **lis-* 'сужать', 'ограничивать', 'стеснять' (из **li-s-*, ср. лит. *lysti* 'утончаться', *leşas* и т.п., см. РКР II, 291) или 2) от **liz-* 'успокоить', 'унять' (прусск. *liscis* < **liz-kis* 'лагерь', т.е. место стоянки < 'остановка для отдыха' < "отдых, отвлечение от работы и т.п.": **liz-* 'отдыхать', 'отвлекаться', 'делать перерыв', ср. лит. */at)lyžti* 'уняться', 'смягчиться', 'успокоиться'). Эти гипотезы представляются менее конкретными, чем объяснение прусского слова славянским заимствованием. Более того, они игнорируют ту "конструктивность", которая объясняет целый класс употреблений слова **leşica* (и, возможно, *lisytyos*). Но, отдавая предпочтение первой точке зрения, не обязательно исключать поиск оригинальных элементов в том же слове. Несомненно, что слав. **leşica* подверглось "прутенизации" (*-ic-* > *īt-*); нельзя исключать и того, что корень **lis-* в языковом сознании пруссов как-то ориентировался на исконные прусские слова, но сколько-нибудь надежных доказательств нет в руках исследователей, и в целом "славянская" версия пока представляется более надежной и обладающей большей объяснительной силой.

— Лит.: Pauli BVS 7, 1873, 181; Thes. 1873, 95; Brückner AfslPh. 20, 1898, 502; APSpr. 371; AfslPh. 32, 1910, 284; SPV 204; BVSF 41; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 30, 51, 55, 79; LEW 383; Непокупный Baltist. 9, 1973, 175; Levin SEEV 1974, 102; РКР II, 257. — *{*lisitjas; *lišitjōs; *lišit'ās; *liz- ?}*. *{*lisk-}*, ср. *Liske*, лес (?) в Самбии, 1391, позже — *Liska* (Schaaken) ? APON 90. — См. *{*lisk-av(-ov-)}*, *{*lisk-ein}*, *liscis*. — Ср. мазур. *Liska*, ручей **Lisker Graben*; *Lisko* /?/ (*Leisken See*, *Lejsko*, *Lejssek*, *Leisen*). Słown. nazw Mazur II, 29, 322, ср. HW 447, 621, 628, 785; Słown. geogr. PZP 1, 165—166; Rzetelska, Duma. Nazwy rzeczne, s.v.; Labuda Konfer. Pomor. (1978), 1979, 24. — Вероятно, к прусск. *liscis*, хотя нельзя исключать попадания в список примеров отдельных "лисьих" названий; к тому же нужно считаться, что прусские наименования, связанные с *liscis*, не могли не вызывать у более позднего славянского населения ассоциаций с обозначением лисы. — Сюда же видимо, лтш. *Liska*, *Liskas*, *Lisku-liekne pl.*, *Lisk-upe*; *Liskāni*, *Lisken*, 1811 (LV I, 2, 312), но и, м.б., *Liškis*, *Liški* (2, 312). Nom. pr. куршк. *Liske*, 1585; *Liszke*, 1582—1585; *Bartelt Lischke*, 1579—1596 (KF 304) Кипарский выводит из апеллятива *liškis* 'Schmeichler, Lecker'.

{*lisk-av(-ov-)}, ср. *Lyskow*, 1397; *Liskaw*, 197; *Liskouwe*, 1405, позже — *Lischkau* (APON 90). — См. *{*lisk-}*, *{*lisk-ein-}*, *liscis*. — Возможно, к более точным параллелям нужно отнести лит. *Liškiavà* (LATSŽ 163); *Liškiavè*, *Liškiavis*, *Liškiavos upėlis* (LUEV 93; Liet. hidr. 63, 65, 267; LHEŽ 193); м.б., сев.-зап.-польск. *Liskowo* (Grünhof), но не *Liskowo* (Fuchs). Słown. geogr. PZP 1, 166. — Скорее всего к прусск. *liscis*. *{*lisk-ein-}*, ср. *Lysken*, 1419; *Lyskeyn*, 1423; *Liskeynen*, 1432, — поз-

же — *Liesken* (APON 90). — К корню см. {**lisk-*} и т.п.; суф. *-ein-*. — Скорее всего к прусск. *liscis*.

lyskenmole, мельница при одном из орденских поместий. Слово отмечено в орденском "Amtssprache", конкретнее в "Große Amterbuch des Deutschen Ordens" (hrsg. von W. Ziesemer. Danzig. 1921), где содержатся т. наз. "Inventaraufnahmen" всех орденских бургов, начиная с середины XIV в. — Сложное гибридное прусско-немецкое слово: к первому члену см. *liscis*, к второму — нем. *Mühle* (ср. нидерл. *molen*, н.-нем. *muel*, из позднелатинского *molina* и т.п., см. EWD, s.v.); в целом что-то вроде 'мельница при лагере'. Весьма вероятно, что в основе лежало прусское сложное слово (или таким словом пруссы обозначали подобный объект) типа **lisk-* & **malun-*. — См. {**lisk-* & **mol-*}.

— Лит.: Ziesemer JfDMd. 18, 1923, 149; Toerppen AM 4, 1867, 511—513.

liscis 'лагерь'. Э 421 ('Lêger'). Nom. Sg. masc. (?). — В словаре военных терминов, ср. Э 410: *Kragis* ('Heer'), Э 411: *Karyago* ('Reise'), Э 413: *Artwes* ('Schifreise') и т.п. — В грамотах орденского времени отмечены различные варианты слова — *liskis*; *liska*, *liske*, *lischke*. Nom. Sg. fem. В то же время это слово выступает в качестве основы ряда местных названий, ср. *Liske*, *Lysken*, *Lyskeyn*, *Lyskow* (см. {**lisk-*}, {**lisk-ein-*}, {**lisk-av-(-ov-)*}); *Kaucaliskis* (см. {**kauk-* & **lisk-*}), см. APON 58, 90, 231; *Lisca schaken*, *Liesken-dorf*, *Lisske inßula*, о-в на Висле около Торуня (Mon. hist. Warm. 1, s.v., см. Thes. 1872, 95). Этим словом обозначались расположенные неподалеку от замков Ордена поселения, которые еще не получили городского права. Ряд исследователей черпали дополнительные аргументы в этимологии слова, считая, что слово воспроизводит мотивировку аналогичную той, которая действительна для польск. *leże*, *legowisko*, в частности, и 'стоянка' (букв. — 'лежанка'), 'квартиры', ср. также русск. *логово*, *лежбище* и т.п. как обозначение некоего пристанища, причем оттенок временности, непостоянства его в этой или иной мере еще сохраняется в этих словах (особенно взятых в типичных для них контекстах, ср. *сезонное* /*летнее* и т.п./ *лежбище*, *зимнее логово* и др.); еще Траутманн выводил *liscis* из польск. *leżysko* 'лагерь', 'бивуак' и т.п. (APSprg. 371); ср. польск. *obóz* 'лагерь' при *leżec obozem*; к этимологии см. ниже. — Проблема *liscis* имеет прямое отношение к важнейшей для истории прусских земель теме заселения в связи с возникновением городов. Две существенные особенности, связанные друг с другом, определяют эти образования "предгородского" типа — территориальная близость, смежность, соседство с замком и ориентация на удовлетворения интересов замка (тех, кто там живет, кто приезжает в замок, имеет с ним какие-либо деловые отношения и т.п.). Этим объясняется в основном "обслуживающий" характер таких поселений. Выделяется ремесленная функция таких *liscis* и соответственно ремесленная деятельность. Вместе с тем известно, что в них процветает корчмарство, и наличие значительного количества корчм-постоялых дворов свидетельствует о роли *liscis* в обеспечении условий

связи с замком тех, кто находился от него на значительном расстоянии и нуждался в посещении замка на относительно протяженный срок. Об этом типе поселений см. Toerppen AM 4, 1867, 148 сл., 511 сл., 621 сл.; Gesch. Mas. 1870, 139; Hist.-comp. Geogr. 1858; Nesselmann AM 6, 1869, 317; Thes. 1873, 95; Weber Preuß. 1878, 467, 497, 500, 503, 506—510, 526, 530, 542 и др.); Mortensen Siedlungsgeographie des Samlandes (Forsch. DLV 22, 1923, 358 и др.); Fischer EDP 1937, 16; Pol-lakówna Pomorze średniow. 1958, 190 и др. Польская исследовательница Поллякувна обращает внимание на двукратное дополнительное определение таких поселений через польское название (*Burg Ortulzburg, dabei die Lischke, Ortulzburg polnisch Szitno; Lisca Seesten, polnisch Szitno*) и делает вывод, что эти поселения имели не-немецкий характер и предполагали польский элемент, выполнявший служебные функции; среди корчмарей были, несомненно, и немцы. Следовательно, пруссы в этих предгородских "интернациональных" *liscis* были, видимо, уже несколько потеснены и во всяком случае не обладали монополией, кроме может быть, отдельных особых случаев. Так, при замке *Schaaken* (на северном побережье Самбии) существовали два поселения, одно — ремесленное, другое — рыбацкое (*Lisca Schaaken* и *Schaksvitte*); последнее скорее всего было чисто прусским, во-первых, и, во-вторых, едва ли соответствовало даже "предгородской" стадии. Характерно, что будущие немецкие *Tapiau* и *Labiau* (соответственно прусск. *Tapiow* и *Labegow*) в Самбии еще в XVII в. обозначались как *Lischken*. Данные о прусском характере поселений при бургах сопоставлялись с известными фактами о наличии не-немецкого элемента в поселениях на территории пуши на Мазурах (Gollub Geschichtl. kult. Masur. 1926, 99), чем, напр., перекликаются прусские и литовские имена ремесленников в книге, касающейся получения городского права Лабиау (XVIII в.), см. Schulz Altpr. Geschl. 11, 1937). Предполагают, что они продолжают население давнего местечка типа *liscis*. — Попытки определения этимологии *liscis* практически сразу же направили исследователей в определенную сторону. Уже Паули (BVS 7, 1873, 186), предложивший конъектуру **listis* (оставшуюся непринятой), сопоставил прусское слово с лит. **lizdas* 'гнездо', лтш. *lizds*, что, конечно, предполагало включение сюда и других вариантов этих слов в балт. языках (ср. лтш. *ligzds*, *lizda*, *ligzda*, *lizgs* и т.п.) и соответствующих лексем в ряде других и.-евр. языков, ср. др.-инд. *nīḍa-* 'место отдыха', 'место пребывания', 'гнездо', лат. *nīdus*, 'ср.-ирл. *net*, др.-англ., др.-в.-нем. *nest*, арм. *nist*, но и слав. **gnězdo* и т.п. Все они восходят к и.-евр. **ni-zd-os (-om)*, см. Pok. 1, 887, где **ni-* выступает как префикс (< преверб), указывающий направление действия ('вниз', 'в' и т.п.), а *zd-* отражает нулевую ступень и.-евр. **sed-* 'сидеть', 'садиться'. Такое понимание подтверждается, по крайней мере, фактами двух родов: во-первых, наличием других префиксальных типов при этом корне (ср. **o-zdos*, **pi-s/e/d-*, примеры см. Pok. 1, 887); во-вторых, реально засвидетельствованными глаголами типа др.-инд. *ni-ṣīdati*, авест. *nīšīdatit*, др.-перс. *niyašādayam*,

ср. арм. *nstim* с соответствующими значениями. На этом фоне балт. и слав. примеры выглядят как результат неких "народно-этимологических" преобразований. Глубинным мотивом указанной выше конъектуры Паули было, конечно, приведение прусского слова в большее соответствие с вост.-балт. и и.-евр. обозначениями гнезда. Но и без этой конъектуры (она, очевидно, оказывается несостоятельной уже в свете топонимических данных, ср. названия на *Lisk-*), как признавал позже Эндзелин, сопоставление *liscis* с лит. *lizdas* и т.п. может быть правильным. Так как лит. *zd* < *žd*, то, по его мнению, лит. *lizdas* и прусск. *liscis* наряду с лтш. диал. *lizgs* и т.п. должно быть связано и с прусск. *lasinna*, *lasto*, лит. *pālažas*, *lūožas*, лтш. *lēz(n)s*, *lēzns* и т.п., т.е. словами, так или иначе соотносимыми с значением 'лежать', 'положить' и т.п. (формы *lisk-* и *lizg-* могли появиться лишь после того, как и.-евр. **g'(h)* перешло в *ž*). Шефтеловиц (KZ 56, 1929, 196), принимавший конъектуру *listis, непосредственно соотносил это прусское слово с *lasinna*, *lasto* и т.п., тогда как Френкель (LEW 383) в связи с лит. *lizdas* и т.п. предпочитал говорить "um eine Kreuzung" и.-евр. слова для гнезда с корнем **leg'h-*: **log'h-* 'лежать'; 'полагать' (лит. *la-žà* 3). В связи с значением 'лагерь' в *liscis* и идеей по-ложения можно было бы расширить круг приводимых примеров целым рядом других. Среди них — продолжения др.-кельтск. *legios 'лагерь'; 'могила' (ср. ирл. *laigim* 'я вытягиваюсь', 'простираюсь'); ирл. *lige* 'лагерь', *laige* 'concupitus', *luighe*, валл. *lle* 'место', корн. *lē*, *lēow*. Pl. 'место', брет. *lec'h*, *lec'hioù*. Pl.; галльск. *gwely*, брет. *gwelwe* 'кровать' (< *volegios < *upo-leghios). Эти примеры в свою очередь соотносимы с др.-греч. *λεχεται*, *λέχος*, *λεχώ* и др. (в прошлом прусск. *liscis* сопоставлялось с *λέσχη*), лат. *lectus*, тох. *A lake*, *B leke* 'лагерь' и т.п., ср. хеттск. *lagāri* 'лежит', готск. *ligan* (: *lagjan*) и др., слав. *ležati (: *lo-žiti) и т.п., см. Vocab. v.-celt. Ogam 14, 1962, 655—660. Оценка этих вариантов этимологии прусск. *liscis* сложна: несомненно, они в известной степени отвечают "внутреннеэтимологическим" интуициям не только специалистов, но и тех, кто некогда говорил на прусском языке (связь с мотивами гнезда, лежания и т.п.); но в этом одновременно и слабость подобных объяснений: то, что на самой поверхности здесь и теперь представляется очевидным, перекрывает путь к более вдумчивым этимологическим разысканиям. Поэтому можно одобрить недавнюю попытку Мажюлиса РКР II, 31 уйти от внешне относительно благополучной этимологии и выдвинуть новую. Это новое объясняется альтернативно (см. о нем выше, в статье *lisytyos*): в одном случае оно, по сути дела, как бы возвращается к конъектуре Паули — *liscis* < *liz-tis при *liz-* 'отдыхать', 'отвлекаться от чего-либо', 'делать перерыв' (: лит. /at/lyžiti); в другом случае имеется в виду тот же самый глагольный корень **liz-*, но с другим суффиксом *-ka-* (*-kis* < **-kas*): реконструируемое *liz-kis толкуется как результат следующего семантического развития — 'отвлечение от чего-либо, отдых' > 'остановка для отдыха' > 'место остановки', 'стоянка', 'лагерь' (стоит указать, что сходный тип представлен в лит. *ližkis* 'тот, кто хо-

чет всего попробовать, испытать на вкус", где *liž-*, однако, связано с *liežti* 'лизать', *laižyti*). Но к этому альтернативному объяснению может быть предложена еще одна альтернатива. Повод для нее дан как языковыми, так и, пожалуй, культурно-историческими данными из круга "Wörter und Sachen". Специалисты по истории материальной культуры пруссов утверждают, что "войско располагалось лагерем, называемым *liscis*, потому что оно достигало безопасности с помощью засек и плетней" (см. Fischer EDP 1937, 16; Clasen Ostpr., рис. 182 и др.). Здесь необходимо подчеркнуть два обстоятельства, обычно игнорируемых. Во-первых, то, что поселение неподалеку от орденского замка называется прусским словом *liscis*, целесообразнее всего истолковывать как свидетельство того, что такая форма поселения была известна в доорденское время, т.е. до того, как стали строиться замки ("привязка" *liscis* к замку состоялась позже и, возможно, была результатом переноса старой поселенческой формы в новые условия). Во-вторых, прусск. *liscis* [= *liskis*], *lisca*, *liske*, *lischke*, как "Ansiedelung um eine Ordensburg" (ср. "Lischke vor dem hause Labiau") не может быть отделено от нем.-вост.-прусск. провинциализма *lischke*, определяемого как "плетеное" изделие ("ein Kober oblonger Gestalt, aus Bast oder gespaltenen Weidenruthen geflochten, in welchem Feldarbeiter und Reisende ihren Mundvorrath mit sich zu führen pflegen; die Lischke wird an einer durch die hervorragenden Ränder des Hauptkörpers und des Deckels gezogenen Schnur über der Schulter getragen". Thes. 95, ср. производный от этого провинциализм *lischkenner* 'Postbote', т.к. письма и небольшие пакеты носились в таких корзинах; см. Frischbier PW II, 1883, 30—31; ср. также прусск.-литовск. *lėška*, о котором см. Bezenberger GGA 1885, 938, и лтш. *liska* 'die Tasche'; 'ein aus Stricken bestehendes Netz zum Heu und Strohtragen', *lisks* /Дунд./, см. ME 2, 475). Эти нем.-вост.-прусск. провинциализмы в данном случае представляют особую ценность в двух отношениях — они позволяют утверждать, что в самом прусском было особое слово для обозначения плетеного изделия (в данном случае корзины/, которое может быть реконструировано как *liske, и что это слово (нем.-вост.-прусск. *Lischke*) могло быть заимствовано исключительно из прусского, но не из славянского. Можно напомнить, что то же самое значение ('корзина-плетенка') отмечено и у зап.-слав. слов, послуживших источником для прусск. *lisytyos* (ср. польск. *lesica* и т.п.), см. выше статью *lisytyos*. Учитывая кроме семантического сходства еще и двустороннюю формальную близость *lisytyos* — с польск. *lesica* (также и кашубск. и словин.-помор.) и с прусск. *liscis* (и *lischke*), — приходится признать допустимым и новое объяснение (по крайней мере, как доведение до логического предела определенной совокупности исходных посылок), а именно — прусск. *liscis* как и провинциализм *lischke*, также должно рассматриваться или как славянское заимствование, или как исконное балтийское слово, кардинальным способом переработанное под славянским влиянием. Особенно важно, что эти же самые славянские слова и здесь, по сосед-

ству с прусскими землями или даже на них самих, имеют и такие значения, как 'плетень', 'плетеная ограда', 'переносный забор, которым на пастбище огораживают овец', 'решетка' и т.п. Похоже, что именно подобными плетнями в ответственных местах (напр., на дорогах, между засеками и т.п.) могло окружать население свои поселения типа *liscis*, ср. др.-чеш. *plotem oplesti* 'огородить плетнем, забором', др.-русск. *плоть* 'ограда', 'плетень', словен. *plôt*, то же, с.-хорв. *плот*; польск. *plot*, в.-луж. *plót*, н.-луж. *plot* и т.п. (: слав. *plesti и т.п.). Если сказанное верно, то *liscis* мотивируется приблизительно по тому же принципу, что и *górod* — *gorodítъ*, *ogoráживатъ*, *ográда* и др. При принятии гипотезы о славянском заимствовании *liscis* встает вопрос о непосредственном источнике. Им скорее всего могло бы быть польск. или кашубск. продолжение праслав. *lěsьka, см. ЭССЯ 14, 252—253. В разных славянских продолжениях этой лексемы фиксируются значения 'небольшой плетень', 'ограда, сплетенная из хвороста', 'ограда, состоящая из тонкого орешника, осинника или березняка, переплетенного рядом в стоячем положении', 'плетеная калитка в ограде' и т.п. Но если это так, то заимствование должно было совершиться довольно поздно (после падения слабого редуцированного гласного). Более серьезным препятствием для принятия гипотезы о заимствовании из слав. нужно считать наличие в прусском целого ряда топонимов с элементом *Lisk-* (см. выше), которые имеют соответствия и в вост.-балт. ареале, ср. лит. *Liska, Liskas, Liskāni* и др. (LV I, 2, 312; Dambe Baltist. I priedas 1972, 59). — Поэтому все-таки наиболее целесообразным приходится считать тезис об исконном происхождении прусск. *liscis*. Вероятно, это слово представляет собой элемент системы форм, связанных отношениями аблаута, ср. *lisk-(liscis): leisk-* (*Leiskewangen*): *laisk-* (*Layskynen*). Также надо полагать, что *-k-* выступает как расширитель корня (ср. **lis-*: **leis-*: **lais-*), тогда как в славянских предположительно соответствующих формах *-k-* входит в состав суф. —*ьk-* (*lěs-ьka), но, м.б., и является расширителем (ср. *lěska), если *lěska связано с *lěsь. Представляется вероятным, что прусск. *liscis* (как и формы с другим вокализмом корня) находит себе наиболее близкое соответствие в слав. *lěsь, *lěsьka, *lěsa. При этом речь идет не о лесе как элементе ландшафта, урочище, но о более архаичной семантике этого слова (значение 'лес', прежде всего лиственный [только он и растет на месте вырубki], ср. лит. *laĩškas* 'лист'), связанной, вероятно, с операциями, характерными для подсечного земледелия, — рвать (корчевать), плести и т.д. О связи (или, точнее, синкретизме) этих значений см. Трубачев Ремесл. терминолог. 1966, 245—250; ЭССЯ 14, 252. Главное же, что должно быть здесь отмечено, заключается в том, что *ě* в этих славянских лексемах происходит из дифтонга — **lois-*, **loisk-*, **lois-ьk-*. И.-евр. реконструкция *uloi-kos, от **uel-* 'рвать', 'драть', 'бить' (ЭССЯ 14, 252, ср. также 232—235, 239—241, 249—253) возможна, но производит впечатление некоторой переусложненности (элемент **u-* в анлауте; трактовка *oi* как находящегося вне корня и т.п.). Остается неясность

в отношении ряда деталей, иногда существенных, но сам семантический принцип эволюции, кажется, найден (молодая поросль, кустарник, тонкие лиственные деревья на месте вырубki → сплетение, переплетение → "плетенка" как элемент ограды, защиты от опасностей извне → то, что внутри этой ограды, поселение). К "лесному" компоненту в этой цепи семантических изменений ср. прусск. *Liske*, 1391, обозначающее лес в Самбии (ср. блр. *Лёски*. Мікратап. Белар. 138—139 и др.; из *Lěsьki). Типологические параллели к подобной семантической эволюции хорошо известны. Тем не менее это не исключает поиска и учета других возможностей объяснения. Одна из них связана с соотношением **lis-*: **lois-* (см. выше), зафиксированным в прусск. *lyso*, лит. *lysė* при слав. *lěxa (*lois-ā), которые, в частности, обозначают борозду и/или грядку, образующуюся при проведении борозды, или пространство между бороздами; ср. архаичный обычай проведения борозды вокруг поселения как символическая охранная мера, параллельная огораживанию (ср. древнеримскую жреческую практику). Разумеется, однако, что и эта трактовка определенным образом сопрягается с уже рассмотренными семантическими мотивами "рвать — драть — плести" и под. Ср. наряду с *liscis* — *Lysien campus* (Mon. hist. Warm. I, II).

— Лит.: Pauli BVS 7, 1873, 186; Nesselmann AM 6, 1869, 317; Thes. 1873, 95; Toppen AM 4, 1867, 148 сл., 511 сл., 621 сл.; Gesch. Mas. 1870, 139; Frischbier PW II, 1883, 30—31; APSpr. 371; Brugmann Grdr. I², 569; Būga RR I, 286; II, 528; Ziesemer ZfDMd. 18, 1923, 149; Schefelowitz KZ 56, 1929, 196; Fischer EDP 1937, 16; Endzelin ZfsIPh. 18, 1942, 122—123; SPV 204—205; Pollakówna Pomorze średniow. 1958, 190; LEW 383; Dambe Baltist. I priedas, 1972, 59; Stundžia Baltist. 14, 1978, 115; PKP II, 31, 313. — [*fiskis].

lyso 'грядка'. Э 242 ('Bete', см. ниже). Nom. Sg. fem., в характерном словаре земледельческих терминов, ср. Э 236: *Artoys* ('Ackerma'), Э 237: *Samyē* ('Ack'r'), Э 238: *Gasto* ('Stucke'), Э 239: *Moargis* ('Morgen'), Э 240: *Redo* ('Vorch'), Э 241: *Asy* ('Reen'), Э 243: *Plugis* ('Pflug') и т.п. — Из-за того, что нем. *Bete*, действительно, трактовалось как *Gartenbeet*, *Stück Gartenland*, утвердилась односторонняя, иногда даже приводящая к ошибкам тенденция именно так определять и значенье прусск. *lyso*, переводящего нем. *Bete* (отсюда — *lyso* 'садовая грядка', даже 'клумба' //). Корень ошибки — в естественных для условий перевода немецкой части Эльбингского словаря на прусский сдвигах и приблизительности, вытекающей, видимо, из особенностей реального комментирования значения указанием на близлежащую реалию (в данном случае — садовые грядки), и в дальнейшем обобщении такого "ситуационно-утилитарного" перевода. Место *lyso* в земледельческом "под-словаре" очень характерно. С одной стороны, оно продолжает линию обозначений земельных наделов-площадей (*Samyē* — *Gasto* — *Moargis* — ...*Lyso*), а с другой, *lyso* следует за другими обозначениями того, что может пониматься как межа, граница, предел (*Redo* — *Asy* — *Lyso*); наконец, существенно, что после

lyso непосредственно стоит обозначение плуга — *Plugis*, т.е. орудия обработки земли (в частности, видимо, и в форме *lyso*). Эти "внутренние" соображения, как и данные, относящиеся к соответствующим литовским словам, позволяют определить прусск. *lyso* в узком смысле как гряду вообще, а в широком — как некоторую часть, полосу предназначенного под вспашку пространства, определяемую пограничными грядками-бороздами (тесная связь этих понятий по смежности очень существенна: без одного нет другого и наоборот); при этом *lyso* может относиться и к вспахиваемой части сада и к такой же части поля (сходное соотношение действительно и для соответствующих литовских и славянских слов). — Прусск. *lyso*, несомненно, принадлежит к архаичной земледельческой терминологии, утвердившейся или сохранившейся именно в этом качестве в балтийском, славянском и италийском ареалах (о германском см. особо, ниже), которые в определенную эпоху (видимо, в середине — конце II тысячелетия до н.э.) составляли некое ареальное единство пространственно смежных частей. Во всяком случае ближайшие соответствия к *lyso* находятся в языках как раз этих самых ареалов. Нулевая ступень корневого гласного связывает прусское слово прежде всего с лит. *lyšė, lyšvė, lystė*, значения которых могут быть проиллюстрированы семантическими определениями *lyšvė* в LKŽ 7, 586 и рядом примеров — 'вспаханная узкая полоса нивы для посева злаков' (ср. также *užiuogana*, т.е. пахотный загон) и 'вскопанная или вспаханная межа для посадки овощей' ('*lōva*', т.е. ложе, грядка); ср. также: Rugin lysė (Clav. Germ.-Lith. I, 54); *lyšės darryti* — Furche ziehen; *lyše, wagga* — Furche (Lex. Lith. 38a), *lyše* — Beete (Ibid. 13a); Da *lyšės neartos rugiams sėti; I lyšės arti; Oi ariau, ariau lyselės, oi sėjau, sėjau rugelius, no i: Aš išisėčiau rūteles per viso daržo lysu žės* (LKŽ 7, 576); *Dirvos yra i lystes suartos* (577); *Reikėjo i lyšves dirvą suarti...* (586) и др.; ср. также русск. *лысва* 'грядка' (Немченко, см. Слов. балтизм. 119). Очень показательна география этих слов в литовском, насколько о ней можно судить по имеющимся данным (ср. Mažiulis Acta V.-sl. 9, 1976, 68). Судя по LKŽ, эти слова отмечены в компактной и характерной по ряду признаков полосе на юго-западе Литвы — районы с центрами Клайпеда, Шилале, Келме, Таураге, Юрбаркас, Вилкавишкис, Марьямполь, Приенай, Каунас (единственное исключение — Smilgiai, Паневеж. р-н). Продолжение этой полосы к юго-западу захватывает старые литовскоязычные территории в Вост. Пруссии (Рагайне и др.). Указанные слова отмечены в лексикографических источниках по Малой Литве. Помимо уже приведенных примеров ср. словари Ф. Руига и Куршата. Явное тяготение этих слов к юго-западно-литовской зоне, смыкающейся с литовским ареалом Малой Литвы и далее с областью распространения прусского языка в высшей степени показательна, как и — в негативном плане — симптоматично отсутствие соответствующих слов в латышском языке. — Наконец, также существенно широкое распространение слав. **lěxa* (< **loisā*) по всей Славии; правда, это слово (как и **lěxь*) отражает иной вокализм, нежели балтий-

ские слова в прусско-зап.-литовск. ареале. Среди продолжений этих праславянских форм ср. ст.-польск. *lecha* 'ареола', 'pulvinus', 'полоса', 'грядка' (Słown. staropolsk. IV, z. 1(20), 13: *Lecha aruetum*, ок. 1455), польск. *lecha* 'ряд', 'вереница' (редк.), диал. *lecha* 'полоса поля, которую каждый обязан сжать', *lecha*, о большом участке пахотного поля, *lech*, о широкой полосе, о грядке; *liecha*, о вспаханном участке поля; *lich* Pl., об обширных полях (Słown. gwar polsk. 3, 17—18); *lěxa* (Słown. kociew. II, 105: *jiśc lěxò* 'итти кратчайшим путем, через поля, лехою'), кашуб. *lěxa* 'грядка', 'борозда' (Słown. gwar kasz. 2, 347; ср. *isc lěxò*), *lěška*; в.-луж. *lěcha, lěška*, н.-луж. *lěcha* 'гряда', 'грядка', ст.-чеш. *lěcha* 'полоса поля', чеш. *lěcha, lěha* 'узкая полоса поля'; 'лесная полоска', 'поросль'; *lěcha, lěchu* 'поле', 'пашня' и т.п.; др.-русск. *лѣха, лѣха* 'гряда', 'полоса пашни', и т.п., русск. *лѣха* 'полоса земли'; 'мера площади земли'; 'борозда вдоль полосы, гряды на пашне, огороде'; 'межа', 'колея'; 'гряда на огороде'; 'огрех' и т.п. (СРНГ 17, 28, ср. *лешина* 'линия, проведенная сохой при разметке пашни', *лешить* 'делить пашню на лехи, отмечать /соломой, прутьями, бороздой и т.п./ границу падения зерна при ручном севе'; *лешить* 'проводить борозду между лехами' и т.п., 33—34; *лешка* и др.); *лех* 'узкая полоса пашни'; 'грядка'; 'огрех на пашне'; 'размер земельного надела в ширину'; 'какой-либо знак, указывающий границу засеваемой полосы' (17, 27—28), *лѣха* (17, 285); блр. диал. *лѣха, лѣха, лѣха* 'грядка', 'канавка на грядке', *лѣха* 'след, где ложится зерно при посеве, гряда' и т.п.; укр. *лѣха*, диал. *лѣха*; ст.-сл. *лѣха* 'ager', 'полоса', болг. *лѣха* 'ограниченная часть сада, засаженная чем-либо', 'часть поля при вспашке', *лѣха* 'гряда' (Гергов), макед. *леа* 'грядка', 'клумба', 'мера площади' (устар.), с.-хорв. *лѣха, леја; lijèha, lèha, lèha, lijèja, lija, léja* 'небольшой участок обрабатываемой земли'; 'грядка между бороздами', *lèha* 'гряда'; 'борозда', словен. *lèha* 'борозда'; 'грядка'; 'полоса'; 'огрех в поле, на лугу'; 'грязное пятно', *leha* 'гряда'; *lèh* 'участок пашни' и т.п. (см. ЭССЯ 14, 184—187 и др.). — Германские языки также фиксируют слова этого корня, причем с разным корневым вокализмом и разными словообразовательными элементами. В этом смысле германские данные более разнообразны, чем балтийские и славянские, и отражают более широкий круг значений, хотя — и это самое важное при оценке относительной близости балто-славянских и германских фактов — сколько-нибудь очевидных "земледельческих" значений здесь почти не отмечено. Смысловый центр германских продолжений и.-евр. **leis-*; **lois-*; **lis-* — в идее некоего знака, используемого в дальнейшем в положительных или отрицательных целях. Форма выражения знака — своего рода отпечаток определенного действия, в частности, и движения, т.е. след, колея, колодка как форма-эталон по преимуществу (в статических ситуациях) и торная дорога (в динамических). Ср. др.-в.-нем. *wagan-leisa* 'колея от повозки', ср.-в.-нем. *leis(e)* 'след', ср.-нидерл. *lese* (< **lis-*? 'след', 'борозда на лице', 'морщина'; вообще 'борозда', ср. др.-в.-нем. *lesa* 'морщина'. Значения 'след', 'колея' представлены и в образованиях на *-ti-* от и.-евр. **lais-* (: лит. *lys-tė*), ср.

готск. *laists ἵχνος 'след', 'колея' (Sk. 2, 24/II b.14), *ga-laista* и т.п. при др.-исл. *leistr*, др.-англ. *lāest*, *lāst*, др.-в.-нем. *leist*, ср.-н.-нем. *lēst(e)*. Замечать след, воспринимать его значит следовать, т.е. идти по следу, достигать некоей цели (ср. др.-англ. *lāestan*, др.-фриз. *lāsta*, *lēsta*, др.-сакс. *lēstian*, др.-в.-нем. *leisten*, готск. *laistjan*. Следование по следу в духовной области образует основу познания — 'знать', 'узнавать', 'учить', 'учиться', ср. готск. *lais oīða*, *laisjan* 'учить', др.-в.-нем. *lērnan*, *lēren*, др.-сакс. *lērian*, др.-англ. *lāeran* 'учить' (т.е. 'вести кого-нибудь по следу'); др.-в.-нем. *lirnēn*, *lērnen*, *lērnon*, др.-фриз. *lirna*, *lerna*, др.-англ. *leornian*, др.-сакс. *līnōn* и т.п. Осознание принципа познания, учения и учебы предполагает определенную умственную изоощренность, умение-ловкость, от которого недалеко и до хитрости, коварства и т.п. Ср. готск. *lists μεθοδεία (*listins*, Acc. Pl.), *listeigs. Adj.; др.-исл., др.-англ., др.-сакс., др.-фриз., др.-в.-нем. *list*; др.-исл. *listugr*, др.-в.-нем. *listig* (слав. *lьstь заимствовано из герм., ср. ст.-слав. *лѣсть*, русск. *лесть* и т.п.). Таким образом, в германских языках семантическое развитие общего и.-евр. элемента направилось в другую сторону, нежели в балт. и слав., хотя и в последних опознаются некоторые семантические параллели германскому развитию (ср. русск. диал. *лехá*, *лех* как полевой знак, указывающий границу участка: разграничение же и составляет первую ступень знания, обучения). "Земледельческие" же употребления в германских оказались в отличие от балт. и слав. оттесненными. — Латинские данные в этом отношении отсылают к обоим полюсам. С одной стороны, ср. лат. *fira* (< *leisā 'гряда', 'борозда' (Columella, ср. *fīrātīm serere* 'побороздно сеять'), *fīro* 'помещать семя в борону', 'бороновать' (*jugera*. Columella), а с другой, — *dē-fīro* 'отклоняться от прямой линии'; 'безумствовать', 'говорить вздор', *dēfīrus* 'безумный', 'помешанный' (*delira fari* 'говорить вздор', 'бредить'. Lucret.), *dēfīrium* 'безумие', но *dēfīrātio* — как 'безумие', 'помешательство'; 'бредни', 'вздор', так и 'отклонение от колеи (борозды)'; ср. умбр. *disleralinsust* 'inritum fecerit' (< *dis-leisa-li). Латинские данные представляют особую ценность не просто своей двойственностью, помогающей понять эволюцию и.-евр. **leis-* / **lois-* в отдельных языковых группах, и не удивительным совпадением с балтийскими данными, прежде всего с прусскими (о чем писал Кюни BSL 37, 1936, 2), но прозрачностью исходной ситуации. Нет сомнений, что здесь перед нами старый земледельческий термин, значение которого мало чем отличается от русск. диал. *леха* и родственных слав. или балт. примеров (ср.: "liras rustici vocant easdem porcas, cum sic aratum est ut inter duos latius distantes sulcos cumulus siccam sedem frumentis praebat". Colum. 2, 4, 8 или: "lira est ...fossa recta recta quae contra agros tuendos ducitur, et in quam uligo terrae decurrat". Nonius 17, 32), и что он первичен именно в своем "земледельческом" значении, которое, кстати, и стало основой для поэтической по своему происхождению метафоры безумца как сбившегося с борозды. Германские обозначения знания, учености, ума, хитрости и т.п. в этом свете также оказываются метафорами, языковой источник которых — то же и.-евр.

**leis-*, т.е. 'след' < 'колея' < 'борозда'. Эта идея "умственной", дух возвращающей борозды имсет и почтенную литературную традицию. Хорошо известна подобная образность в византийской литературе. Так или иначе она отразилась в кирилло-мефодиевском цикле, напр., в "Прогласе" Константина Философа (65 и сл.) и в "Житии Мефодия", когда перед смертью Константин обращается к нему: се, брате, вѣ соупроуга блховѣ, ѳединоу б р а з д о у тажаща, и язъ на лѣ сѣ падаю свои днѣ съкончавъ... Тот же образ борозды — буквенной строки в учающей книге присутствует в одном из самых ранних итальянских текстов (конец VIII — начало IX в.): *Boves se pareba / alla pratalia araba / et albo versorio tentaba / et negro semen* ("Indovinello veronese"). Прототекст, лежащий в основе подобных текстов, является своего рода картиной, состоящей из метафор сеянья семян и сбора урожая; образ вспахиваемой борозды оказывается источником той "умственной" борозды, с которой связан обильный духовный урожай. — Поскольку попытка Фасмера расширить круг примеров, продолжающих и.-евр. **leis-*, за счет авест. *raēša* 'трещина (в земле)' (см. ZfslPh. 1, 1925, 64) была ошибочной, что было признано и им самим (ЭСР 2, 490), можно говорить с основанием о "центральноевропейском" термине земледелия, сохраненном в разной степени в четырех указанных языковых группах. Дальнейший поиск корней прусск. *lyso* и соответствующих слов в этих языках сложен, и имеющиеся этимологические опыты гадательны. Наиболее интересный из них и последний по времени принадлежит Мажюлису (PKP II, 291): из и.-евр. **lei-s-*, где **lei-* 'лить' > 'размазывать', 'обмазывать' > 'уточнить', 'уменьшать', ср. лит. *lėsas* 'худой', 'тощий', *lysti* 'утончаться', 'тощать' и т.п., откуда *leis-ā 'tai, kas siauga' (применительно к борозде). Открывается и ряд других возможностей (особенно на уровне корневых этимологий) для объяснения, но осторожнее их пока не обсуждать.

Лит.: Fick KZ 18, 412—413; Thes. 1873, 95; Būga Aist. st. 1908, 214; APSpr. 371; BSW 163; SEW 1, 708—710; Меѳе Общеслав. яз. 27; DELL 1, 646; Vasmer ZfslPh. 1, 1924, 64; ЭСР 2, 490; Marstrander NTS 2, 1929, 99; Cuny BSL 37, 1936, 2; WP II, 404—405; SEJP 292; SPV 205; HWASl. 1955, 260; Fraenkel Lexis 2, 154; LEW 376; Pok. 1, 671; Сравн. грамм. герм. яз. 1, 1962, 68; Karaliūnas Baltist. 1, 1966, 123; Мажюлис Acta V.-sl. 9, 1976, 68; PKP II, 286, 291; Brauer Pruf. Siedl. 1983, 33; Etym. sl. č. 332; Etim. rječn.hrv. 2, 295; Etim. Sloven. 2, 132; SEP 4, 93; Българ. етим. речн. 3, 378. — {*līsā}.

lisons, см. *semmailisons*.

lysons, см. *semmai lysons*.

līsuns, см. *semmai līsuns*.

{*lit-}, ср. Nom. pr. *Litthe* (APN 52). — См. также {*lit-ik-}. — Возможна связь с Nom. pr. ст.-лтш. *Lithyn* (LPV 1, 330, ср. *Jurgen Littous, Anneke Lyttausche*, 205). Относятся ли сюда лит. *Lytà* (LATSŽ 163), лтш. *Litene, Litiena, Liitiniški, Lituški* и под. (LV I, 2, 312), сказать трудно. То же относится и к мазурск. *Litygajno* (*Litigaino See; Lickigin*).

Hennenb. II, 15). Słown. nazw Mazur II, 58; HW 440; Słown. geogr. PZP 1, 166; м.б., из *lit- & *gain-, ср. *Gajne, Gayner See* (HW 512)? Ср. Nom. рг. блр. *Літошык, Літашык, Літаш, Літош* и др. (Белар. антрап. 2, 253)?

liten, см. *praliten*.

{*lit-ik-}, ср. Nom. рг. *Littike; Litike* (APN 52). — Образование с помощью суф. -ik- от *Lit- (см.).

lituckekers 'чечевица'. Э 271 ('Linsen'). Nom. Sg. masc., в ряду Э 270: *Wickis* ('Wicken'); Э 272: *Tunclis* ('Raten'), Э 273: *Pure* ('Trepse') и т.п. — Естественная конъектура — *licutkekers, букв. — 'маленькая чечевица', см. *likuts* и *keckers*, а также *licutkekers, там же литература.

liuns, см. *islūns*.

{*liv-}, ср. *Lywa*, река, 1250; *Lyue*, 1320; *Libe*, 1324; *Liebe*, 1438, позже — *Liebe-Fluß* (APON 90: напоминает лит. *Lėvuõ, Lėveniõs*, лтш. *ļevens* 'болотистое место'). — См. также {*liv-ant(-int)-?}. — Речь идет о правом притоке Ногата, вытекающем из озера *Gaudy*; далее Лива протекает через озеро *Liwieniec*, делает изгиб около Квидзина и впадает после этого в Ногат под *Biafa Gõga* и, следовательно, течет в нижнем течении по старому руслу Ногата (ср. *Stary Nogat*). Название *Liwa* достаточно полно документировано, начиная с первой фиксации в 1250 г. (PUB I, 1, 172). Ср.: *lacus Liwencz ubi Lywa defluit*, 1260 (UBP 6); *Liua* 1287 (PUB I, 2, 325); *Lyva*, 1313 (PUB II, 157); *Liva*, 1323 (PUB II, 31); *dy Libe*, 1324 (PUB II, 333); *Lyvam*, 1325 (PUB II, 345); *Livam*, 1327 (PUB II, 389); *Libam*, 1328 (PUB II, 419); *Lyva*, 1330 (PUB II, 469); *Live*, 1334 (PUB II, 576); *dy Lybe*, 1335 (PUB III, 25); *Lyva*, 1340 (PUB III, 236); *rinulus Lyua*, 1363 (UBP 96); *Liwa*, 1373 (UBP 110); *Libe*, 1396 (UBP 153); *Liebe*, 1481 (UBP 246); *Liebe*, 1550 (UBP 327) и далее около 130 других подобных фиксаций — вплоть до *Liebe*, ок. 1790 (Srt XVI); *Liwna*, 1881 (Słown. geogr. Polsk. II, 284; V, 20; XIII, 586; Pomorze Polskie 530); Słown. geogr. PZP 1, 166); *Przewodn. Pom. Gdańsk*. 1959, 40; HW 276 (*Liwa* al. *Liwna*); диал. *Livna, Livña, Mñũynosna*, квидз. (см. TPG 252—253). — В связи с этим названием находится и *Liwencz*, озеро, 1260 (UBP 6, см. выше); *Lewencz* (UBP 7); *ubi Liva de lacu nostro Levencz defluit*, 1323 (PUB II, 311); *lacum Lewencz*, 1330 (PUB II, 457), 1342 (PUB III, 327); *Leuencz*, 1363 (UBP 96); *Liwieniec*, 1951 (Słown. geogr. PZP 1, 166), 1959 (*Przewodn. Pom. Gdańsk.*, 138), 1965 (HW 278), ср. также *Liwna, Liwnia* (TPG 253). — Эти водные названия с корнем *Liv- в последнее время привлекли внимание ряда ученых. Гурнович считал их принадлежностью доиндоевропейского слоя, конкретно — финно-угорского, производя их от того же корня, что эст. *liiv* 'песок' (ср. топон. *Liives; Livonia*, латинизированное название Латвии по имени ливов; *Liw*, деревня под Острудой; *Liw, Liwiec*, реки и связанные с ними местные названия на границе Мазовша и Подляша и т.д. (ср. *Rzetelska-Feleszko, Duma Nazwy rzecz. Pom.* 1977, 105 и др.). Напоминающая о мнении Герулиса, считавшего прусск. *Lywa, Liwencz* названиями балт. происхождения, Гурнович указывает, что приводимые Герулисом в поддержку своего мнения вост.-балт. соответствия вы-

глядят заимствованиями из финно-угорского;⁴⁴ более того, неподалеку от Ливы в Миколайках недавно были найдены предметы с гребенчатой керамикой (см. Okulicz Pradzieje ziem prusk. 1973, 78—80), традиционно связываемой с экспансией финноязычного элемента, который на рубеже IV—III тысячелетия до н.э., выйдя с территории Финляндии и Эстонии, достиг на южном побережье Балтики нижнего течения Одера и Шлезвиг-Гольштейна. Немецкие формы этих гидронимов были заимствованы у славян и балтов, причем произошло смешение *v* и *h*, чем и объясняется форма *Liebe*, отождествленная с немецким словом, обозначающим любовь. В свою очередь немецкая семантическая мотивировка названия этой реки отразилась в диалектной квидзинской версии названия — *Mitosna* (: *mitość* 'любовь'), являющейся калькой немецкого гидронима. Польский язык усвоил название реки в двух формах — *Liwa* и *Liwna*, т.е. с обычным для речных названий расширением корня с помощью *-na*. Гурнович, отмечая, что эта последняя форма отмечена впервые лишь в конце XIX в., считает, однако, что она существовала уже в XIII в., поскольку именно ею объясняется, по Гурновичу, форма *Liwencz*, 1260 и под. Впрочем, он не исключает, что в прусском это название могло быть образовано от апеллятива, некогда заимствованного из финноязычной среды. О подобных ситуациях см. Bednarczuk Acta V.-sl. 9, 1976, 39—63, причем именно в связи с языковой интеграцией финноязычного и балто-славянского элементов. — В рамках более широкого ареального контекста рассматривает проблему балт. *Liv- Ванагас (LHEŽ 194—195; IV Viss. balt. konf. 1980, 117—118; Baltist. 22, 1986, 43—51 и др.). Прежде всего встает вопрос о фактах, сюда относящихся, тем более что за сходной или одинаковой формой могут скрываться этимологически разные лексемы. Существенно, что следы Liv- представлены на территории Литвы — как в восточной ее части (ср. *Livė, Ljvė*, луг. Тракайск. р.-н, *Livintà*, река, Кайшядор. р.-н, *Livintal*, деревня, там же), так и на крайнем западе ее (*Livišas*, река Акмяне), см. LUEV 94; Liet. hidr. 169; LHEŽ 194—195; LATSŽ 164, ср. *Liveikiai*/?/ и др.; к Liv-int-, см. Skardžius Lituan. darb. III, 1, 1973, 26—27. Нужно иметь в виду и микротопонимы — *Lyvõs kálnas* (Luokė), *Liviškis dirva* (Joniškis), *Lyviškis kalnelis* (Vaškai), произведенные от Nom. рг. *Lýva, Livà; Liveikiai* (Leliūnai) — от *Liveikis; Ljviškiai* (Pagiriai) — от *Lýva* и т.п. (Vanagas Baltist. 22, 1986, 44—45; здесь же о Nom. рг. прусск. *Lywit, Lewyte*, лтш. *Lyvitte, Livite* и др.). В более отдаленной перспективе сюда иногда подверстывают названия с вокализмом *ē*, ср. лит. *Lėvuõ* (Gen. *Lėveñs*), *Leveñč-iupis* (ср. деревню *Leveñčiai*), *Lėvenis, Lėvenėlis* (LUEV 90; Liet. hidr. 125, 184, 243; LHEŽ 187; LATSŽ 159 и др.), а иногда и *Liuvýnas* (LUEV 94; LHEŽ 195; к лтш. *ļuvenis* 'болотистое непроходимое место'. ME 2, 545; LV 1, 2, 545; Невская Балт. геогр. термин. 1977, 162). Ситуация с названиями с корнем Liv- на территории Латвии сложнее: во-первых, их намного больше, чем в Литве или Вост. Пруссии; во-вторых, они могут восходить к разным источникам (чему отчасти соответствует и целый

ряд апеллятивов, с которыми эти названия связывают). К числу наиболее надежных примеров, составляющих особую группу, следует отнести лтш. *Līva, Līvas, Līve, Līv-bērze, Līv-bērzes pagasts, Līves-dīķis, Līves-pļava, Līves-kalni, Līves-miežs, Līves-pagasts, Līves, Līves, Līves, Līvu-pagasts* ("esot dzīvojuši lībieši"); *Līv-kalni, Līv-purvs, Līv-urpe, Lēiv-ūrga; Līvāni, Livāni, Līvene pļ., Līvenes, Līveni, Līvenu-kalns, Līvēni, Līvenis pļ., Līvenī-leja, Līvenī-purvs, Līvikas pļ., Līviņu-ceļene pļ.* (LV I, 2, 324: *līvis* 1. 'лив' или *līvis* 2. 'болотистое место'; *līvenis, līviņa, līviņas* или *līva?* Ср. лит. *Lyvā*, эст. *Liiva?*); ср. также Rudzīte Latv. leks. attīst. 1968, 187; Dambe Balist. I priedas 1972, 57; Schall Donum Balt. 1970, 452 и др., не говоря уж о старой работе Биленштейна (Grenzen, 1892, 269); куршск. *villa, quae dicitur Lyva*, 1253; *dat dorp, dat die Lyva ist genant* (UB I, 1, 321); *inter Lyvam et Zareykenbecke*, 1291; *ubi Lyva intrat mare* (UB I, 1, 677); *insula in Lyva sita*, 1300 (UB I, 1, 755); *under der Lybauschen seh unnde der Lybauschen beke*, 1384; *to der Lyva*, 1407; *Lyva*, 1411; *une ville nommee le Live, assise sur une riviere nomme le Live* (SRP 3, 446); *strandt und beche Liba*, 1429 (UB I, 8, 43); *van der Lyva*, 1451 (UB I, 11, 75); *Liba*, 1508; *der Liebauschen see*, 1518 (= *Libau* = *Иерāja*). KF 219—220, с рассуждениями об этимологических привязках этих названий. Несомненно, что среди приведенных названий и некоторых других, примыкающих к ним хотя бы формально, нет единства и многое остается неясным. Тем не менее, пожалуй, важно отметить особую роль латышского ареала и латышских данных. Именно они наиболее многочисленны, разнообразны и прозрачны во многих случаях в отношении мотивированности соответствующими апеллятивами. Исключая примеры, отсылающие к обозначению ливского этноязыкового элемента, уместно сосредоточиться на тех названиях, в основе которых лежат апеллятивы, характеризующие почву как болотистую, топкую, илистую, грязную (или, м.б., песчаную). Речь идет прежде всего о лтш. *līvenis, līvenis, līvis* (при том, что происхождение первых двух слов неясно, а третье обычно рассматривается как заимствование из русск. *лы́ва, лы́ва* 'зыбкое, топкое место в болоте', которое в свою очередь было взято из финских языков, ср. финск., карельск. *liiva* 'ил', 'тина', водск. *līva* 'песок', эст. *liiv*, то же, при финск. *liva* 'песок', ср. СРНГ 17, 216—218); *lēvenis, lēvenis* и, наконец, *lūvenis*, которые все обозначают топкое место. Каково отношение этих трех групп апеллятивов к лтш. *līvis* 'болото', являющемуся бесспорно финно-язычным элементом, хотя и опосредствованным русским языком, сказать трудно. Во всяком случае необходимо помнить, что для и.-евр. с уверенностью восстанавливается исходная форма **leu-*: **leu-*: **lū-* 'грязь'; 'грязнить', 'пачкать' и т.п. (Рок. I, 681), отраженная как в др.-греч. *λύμα, λύμη*, алб. *lum* (тоскск.), *lūm* (гегск.), лат. *polluō, lustrum, lutum*, др.-ирл. *loth* и т.п., так и в самих балт. языках — ср. лит. *liūtynas* 'грязь' и т.п., *liūtinas, liūtinas, liūtynė* (LKZ 7, 630), *liūnas* 'трясина', 'зыбун', лтш. *lūns, lūnis* 'болото' (вопреки LEW 380, подчеркивающему ономотопеичность этого слова), ср. **leu-g-*: **lu-g-* (Рок. I, 686), в частности, о бо-

лоте (лит. *liūg/n/as*) и т.п., а также, вероятно, и некоторые из названных выше латышских слов, не говоря о ряде гидронимов и топонимов "центрально-европейского" типа с этим корнем. В этой ситуации заслуживает внимания перенос поисков решения проблемы на постратический уровень, предложенный Ванагасом, опирающимся в данном случае на результаты реконструкции Иллича-Свитыча (Опыт пострат. яз. 1976, 27) — постр. **hwa* 'грязь', 'ил': и.-евр. **leu(H)-* 'грязь', 'ил': урал. **hwa* 'грязь', 'топь', 'песок'; со знаком вопроса Иллич-Свитыч помещает сюда и отдельные семито-хамитские и картвельские факты (ст.-вавил. *lu'u* 'загрязнять', *lu'tu, lūtu* 'грязь'; груз. *lia* 'ил', 'грязь', диал. 'лужа'). В этом же контексте нужно положительно оценить возражения Удольфа (BNF 16, 1981, 424—429) против сведения прусск. *Lywa* и под. к финноязычным источникам (речь не идет в данном случае о всех апеллятивах, которые в этой связи сопоставляются с гидронимом) и выдвижение новых аргументов в пользу индоевропейского происхождения *{*liv-}*. Два из них представляются особенно важными. Во-первых, ареал *Liv*-названий, распространяющийся на области, для которых финноязычное влияние исключено (ср. *Liwa* и *Livina* в юго-вост. Польше и Словакии). Во-вторых, прочная "встроенность" подобных названий в "центрально-европейскую" гидронимическую структуру (ср. *Leiwen*, 802, река в басс. Мозеля, *Lyue* и др., о чем см. Greule BNF 16, 1981, 59), если говорить о пространственном аспекте, и в систему словообразовательных типов (ср. **rei-no-s* 'Рейн': **lei-no-s* 'Лейне, Ленне'; **roi-kā* 'река', **(e)i-k²-os/-ā* 'Лех', 'Лика'; **rei-uo-s* 'ручей': **lei-ū-ā* 'Лива'), если говорить о собственно языковом аспекте. Эти словообразовательные типы, как бы дублирующие *Lywa*, отражены достаточно надежно в разных местах Европы (ср. еще в Англии *Leven*, многократно, *Lyue*, 1291, *Leuen*. Ekwall Engl. RN 1928, 250—252; фрак. -λεβας, ср. Αβρολέβας. Thg.-Dak. 1969, 14; днепр. *Левень, Левочь*. ЛАВП 192 и др.). Нужно напомнить, что Удольф определяет корень таких гидронимов, как и.-евр. **lēi-* 'лить', 'течь', 'капать', откуда — **Lei-ūā*. Вероятно, все-таки осторожнее учитывать не только обе возможности (**leu-* и **lei-/lū-*), но и неоднократно отмечаемые взаимодействия обеих этих форм, хотя, действительно, продолжения и.-евр. **lei-/lū-* представлены в разных языках (ср. русск. *лы́вень*, польск. *ulewa* и т.п.). См. также об и.-евр. **lēi-* 'ломать' в связи с лит. *Lėvuō, Palėvenė, Lėveris* и т.п. (: *paliduti, lavonas, lėveris*), лтш. *lėvenis, lėveris*, с одной стороны, и в связи с соотношением значений типа нем. *brechen* 'ломать': *Bruch* 'топь', с другой, Būga RR II, 297—298.

{*liv-ant-/-int-/?/}, ср. *Liwencz*, 1260, озеро; *Lewencz*, 1330, позже — *Schloß-See*, озеро Ризенбурга (APON 90). — Герулис реконструирует форму, производную от *Lywa* с помощью суф. *-ant-* или *-int-*, ссылаясь, в частности, на соотношение *Drav-anta* : *Drew-enz*. Вероятно, осторожнее в данном случае было бы исходить из **Livint(a)s*, ср. лит. *Livintā*, или **Livent(a)s*, о чем уже писали Скарджюс (Lituan. darb. III, I, 26—27) и Ванагас (Balist. 22, 1986, 48). — Более полный материал,

относящийся к фиксации *Livencz* в ранних источниках, а также сообщения о языковой принадлежности этого гидронима и возможной его этимологии см. {*liv-}, а также TPG 253.

{*liv-īt-}, ср. Nom. pr. *Lywit* (APN 52). — Ср. также {*lev-īt-}, *Lewyte* (APN 52) и топонимы типа прусск. *Lewitygen*, *Lewieten*, *Lewythen*. позже — *Lewitten* (APON 88); *Lewin*, лес и др. (APON 88). — Наиболее точное соответствие — Nom. pr. лтш. *Lyvitte*, *Livite* (LPV 1, 205: к *līvis* 'болото', *līvis*, *līve*, *līvens* 'ein Stoßnetz' или диминутив от нем. *Lyve* 'лив'). О возможностях связи с лтш. *Līvs*, *Līviņš*, лит. *Lýva*, *Livanas* (: лтш. *Līvens*), *Lýveris*, *Liveris* и т.п. см. Vanagas Baltist. 22, 1986, 44 ("связи с лтш. *līvis*, финск. *liiva* и под. практически немыслимы ни в одном случае"). Сложнее обстоит дело с происхождением лит. *Liveikis*. Ономастическое *Liv-* восстанавливается и по данным микро-топонимии, ср. лит. *Lyvōs kálnas*, *Liviškis dirva*, *Lyviškis kalnelis* и т.п.; сходная ситуация в латышском. — Возвращаясь к прусск. *Lywit*, *Lewyte* (в случае, если они отражают общий источник **Liv-īt-*) и подчеркивая, что "конечное" происхождение этих имен не может быть пока объяснено с должной надежностью, стоит все-таки выразить мнение, согласно которому *Lywit* и под., вероятно, связаны как с названием реки *Lywa*, так и с названием мест типа *Lewitygen*. Не исключено, что *Lyw-īt* как имя могло трактоваться как 'тот, кто живет по Ливе', а *Lewitygen* {*lev-īt-ij-} — как своего рода "Левичи"/"Ливичи". Возможны и иные варианты объяснения.

loase 'покрывало', 'одеяло'. Э 493 ('Decke'). Nom. Sg. fem., в "постельном" фрагменте словаря — Э 489: *Pobalso* ('Pfoł'); Э 490: *Balsinis* ('Kussen'); Э 491: *Ploaste* ('Lylach'); Э 492: *Lasto* ('Bette'); Э 494: *Pasto* ('Wepe') и т.п. — Буга, исходя из этимологических соображений, практически предлагал конъектуру — **lodse* (Aist. stud. 1908, 25—26; RR I, 312). Она позволяла ему принять в качестве первоисточника форму **lōd-s-ē*, этимологически связанную с лат. *lōdix* 'покрывало', 'одеяло' (такой же переход *-ds-* > *-s-* — предполагался и для *glosano*. Э 778, ср. лит. *gluodenà*, *glōdžiū* : *glōsti*), и даже вывести из нее заимствование в лапл. *loavda* 'Zeltdecke' (нужно сказать, что наиболее смелые выводы по этому слову относятся к ранней работе Буги и далее им не повторялись). Поскольку конъектура принята не была, соответствующая ей этимология более не повторялась. Брюкнер, как и во многих других подобных случаях, склонен был видеть здесь заимствование из польск. *łóże* 'кровать' (AfsIPh. 20, 1898, 500: *-oa-* < *-ā-*). Траутман APSpr. считал это решение наилучшим. Левин, поместивший *loase* в список "Disputed Borrowings" (SEEV 1974, 102—103), подчеркнул, что при допущении заимствования (оно могло иметь место после XII в.: *ō* вместо польск. *o*) остается не объясненной разница в значениях прусск. и польск. слов. Вместе с тем он ссылаясь на аналогичное заимствование: лит. *lažà* 'кровать' — из польск. и указывая, что при принятии перемены ("shift") значения открывается возможность связи с корнем **legʰ-* 'лежать', засвидетельствованным в лит. *lōžė*, *lūožas*, *pālažas*, *lāžintis*, лтш. *leža*, *ležna* и вместе с тем

известным в славянском. В целом эти объяснения производят впечатление неокончателности. Кроме того, они не учитывают тех изменений, которые произошли, начиная с конца 50-ых годов нашего века в трактовке других прусских слов того же корня, связанных с *loase*, а именно *lasto* и *lasinna*. Впрочем, и без этого мнение о *loase* как славянском заимствовании представляется неверным или, по крайней мере, маловероятным: при заимствовании из польск. *łóże* в прусском было бы **lase* с кратким *a*, тогда как *oa* обозначает долгое *ā* (см. Schmid IF 63, 1958, 226). Контекст, в котором следует решать вопрос о происхождении *loase*, набросан Шмидом (225—227). Следующие узловые моменты нуждаются в подчеркивании — прусск. *lasto* 'ложе', 'кровать' отсылает к факту наличия в прусском отражения и.-евр. **legʰ-* 'лежать' (с палатальным); лит. *lažà*, лтш. *laža* (ср. тох. A lake) так же относятся к прусск. *lasto*, как лит. *dálba* к прусск. *dalptan*; прусск. *lasinna* не может быть славянским заимствованием, но является отражением того же и.-евр. **legʰ-*, выступающим в функции каузатива; сосуществование лит. *pālažas* и *palėgys* свидетельствует о наличии мены палатального и веллярного в продолжениях этого и.-евр. корня в балтийском (**legʰ-*: **legʰ-*). Главная из остающихся трудностей — семантическая. Суть ее — в объяснении, почему ложе и одеяло передаются словами одного и того же корня. На самом деле семантическая типология доставляет не один аналогичный пример. Здесь достаточно двух. Ср. русск. *по-стель* 'ложе' и *стлань*, *слань*, определяемые Далем (4, 537) как "всё, что постлано, настлано, что стелется; всякая настилка и постилка: ...скатерть..., ковер, половик...") и — с тем же корнем, что и в прусск. — *лóже* при *пó-лог*, *пó-ложок* 'завеса, занавес у окна, дверей, кровати...; реденькое покрывало, иногда шатром над ложем" (ср. *серпянковые пологá* и т.п. Даль 3, 665). Шмид, выводивший прусск. *loase* из балт. **lōžē*, видит в этом слове "dehnstufige Entsprechung" к лтш. *palags* 'простыня', причем обе лексемы являются исконно балтийскими (в отличие от лит. *pālagas*, заимствованного из вост.-слав.). Если *pālagas* не может быть непосредственным языковым аргументом в вопросе происхождения прусск. *loase* и т.п., то своим значением (в частности, 'свадебная карета' [ср. Brautwagen *palagas*. Lax. Lith. 19a], 'навес', 'припуск', 'шатер', собств. — 'свадебная карета с таким припуском-покрывом', ср. 'karietos ar lovos užlaida'. LKŽ 9, 222) литовское слово отсылает к теме свадьбы, т.е. того локуса, в котором ложе (свадебное ложе) обретает свою сильную позицию и реализует свою ритуальную ценность. Именно ради этого локуса и этого момента существует ложе (в остальных ситуациях им обычно не пользуются). По отношению к каждодневному профаническому ложу свадебное ложе выступает как единственное и сакральное; с ним прежде всего связываются мотивы продолжения рода, плодородия, урожая; оно в центре "постельного" обряда: постель-ложе стелют так, как демиург приготавливает мир к тому, чтобы он мог стать вместилищем и хранилищем жизни; весь "состав" ложа и весь набор операций, связанных с его

приготовлением (расстиланием), ритуального отмечен. Описания приготовления ложа составляют тему особых "операционных" текстов, так или иначе отражающихся в фольклоре в песнях свадебного цикла. Большая по размеру дайна (BW 15705) построена на контрасте приготовления ложа молодому жениху и старому. Ср.: *precē mani preceniēki / pie jaūnā brūtģāniņa. / nu es iēšu, nu man tik, / pie jaūnā brūtģāniņa. / jaūnam gūltu patafsiju / mīkstiēm dūnu spilvģniēm, / divas kārtas pēl'u liku. / trešuo smalku palaidziņu. / es apsedzu jaūnu vīru / ar baļtām villānēm. / es pie jaūna pieguluōs, / kā ruōzģte ziēdģdama. / jaūnam liku pie siņģniņas / savu siltu baļtu ruoku...* Такую постель-ложе стелят, "ложат", рас-кладывают. Все начинается с покрывала-одеяла (ср. лит. *añt-klodė* : *klóti* 'постилать', 'покрывать', ср. *klóti lóvq*, слав. *klasti, *kladq) и кончается простыней (ср. лит. *pa-klōdė* : *pa-klóti* 'постилать' и т.п.). "Постельный" фрагмент Эльбингского словаря, собственно, и описывает полный "состав" ложа-постели, естественно начиная с самого ложа и первого (поверхностного) его покрова-одеяла, обозначаемого тем же корнем, что и само ложе. Таким образом, ложе, его покров и укладывание на ложе (: раскладывание ложа) оказываются связанными и в сфере реалий и в сфере языкового выражения — *lāzē 'одеяло', 'покров': *laz-tā (*lastā) 'ложе': *lazintvei, см. РКР II, 255. Значение этого фрагмента словаря для представлений о быте пруссов (хотя бы и в его ритуализованных, "праздничных" формах), несомненно, велико.

— Лит.: Thes. 1873, 95; Brückner AfsIPh. 20, 1898, 500; APSpr. 371; Būga Aist. stud. 1908, 26; SPV 205; Schmid IF 63, 1958, 226—227; Levin SEEV 1974, 102—103; St. OP 10.055; РКР II, 255. — {*lāzē; *lōzē}.

{**lob-*}, см. {**lob-in-*}, {**lob-* & **kaim-*}.

{**lob-in-*}, ср. *Lobyn*, озеро, 1346, позже — *Lobe-See* (APON 90: к лит. *lobas* 'котловина', 'русло реки', см. Būga Aist. stud. 1908, 171). — См. {**lob-*}, {**lob-* & **kaim-*}. — Более поздние фиксации этого гидронима — *Loben*, 1595 (Hennenb. II, 15); *Loby*, *Lobbe See* (Słown. nazw Mazur II, 244), ср. *Loby*, *Lobe See* (Słown. geogr. PZP I, 175). — Точное соответствие в лит. *Lobinis ež.*, ср. также *Lobà*, *Lóbas* (LUEV 94; Liet. hidr. 36, 160; LHEŽ 195); *Lóbinė*, *Lóbiniai*, *Lóbas*, *Lóbos*, *Lóbiškiai* (LATSŽ 164); лтш. *Lobiņi* (LV I, 2, 340: к эст. *Lobine*, деревня). Куршск. *Lobe*, 1253; *Loben*; *Lobe*, 1503 Кипарский (KF 122) сравнивает с лит. *Luobà* (: *luobà*, лтш. *luobs*) и, следовательно, исключает из числа соответствий, указанных выше. Многие названия за пределами современных балт. территорий трудны для идентификации, ср. *Lobentz*, *Löbnitz* (EOSON 1, 125); *Лобно* (ЛВВП 192); *Лобна*, *Лобня*, *Лобь* и др. (Гидр. басс. Оки, 66, 197 и др.; Б.-слав. сб. 1972, 232 и др.; Фасмер выводил *Лоба*, река в Волоколамск. у., из *Льба: лит. *Lubà*, Beitz.z.hist. Völkerk. Osteur. I, 1932 и др.).

-*lobis*, см. *arglobis*.

{**lob-* & **kaim-*}, см. *Lobekayme*, 1346 (APON 90). — Сложное двучленное слово; к первой части см. {**lob-*}, {**lob-in-*}; к второй — {**kaim-*}, *caymis*. См. Būga RR III, 142.

{**log-ād-*}, ср. Nom. рг. *Logado* (APN 52). — Несомненно выделяется суф. *-ād-* (о нем см. APN 184; APON 247 и др.), ср. *Log-ado* : *Log-ote*, а также *Mylade*, ятв. *Анкадь* и др. Корень **log-* не вполне ясен с точки зрения трактовки корневого вокализма. Во всяком случае уместно помнить о {**lag-ein-*}, {**lag-* & **garb-*}, {**lag-* & **mast-*}. Нужно иметь в виду также ряд сходных по форме старых латышских и куршских имен, хотя и их трактовка может быть различной и не всегда надежной. Тем не менее ср. ст.-лтш. *Lage* (LPV 1, 294); *Hans Loge* (м.б., *Laye*); *Gerde Logen* (LPV 1, 206; *Luogs?*); куршск. Nom. рг. *Pawll Lagy*, 1540 (KF 299: лтш. *lāģis /cilvķks/ = lāga /cilvķks/* 'tüchtiger, braver Mann'). Объяснение Кипарского представляется интересным с семантической точки зрения ("по-рядочность", см. далее мотив ряда, по-рядка и т.п.). В этом контексте заслуживает внимания лит. *logóti* 'приводить в порядок' (в LKŽ отсутствует), *logioti*, то же, 'складывать в одно место' (ср. *-logtis* : *į-si-lógti* 'įprasti'), *logà* 'куча'; 'очередь' (Dabar mano loga uga), 'раз' и др. LKŽ 7, 640, 641; *lāģinti* 'привлекать', 'приманивать'; лтш. *lāga* 'ряд', 'порядок' (ср. *lāga vīrs*. ME 2, 436—437) и т.п. Особое внимание должны привлечь к себе продолжения праслав. *lag-oda (с суф. *-od-*) — ср. русск. *лагóда* 'лад', 'мир', 'порядок', 'устройство'; 'кротость', 'доброта', укр. *лагóда*; ст.-польск. *lagoda* 'кротость', 'мягкость', кашуб. *lagoda*, в.-луж. *lahoda*, н.-луж. *lagoda*, чеш., слов. *lahoda*, *lahod*; словен. *lágoda* 'слабость', 'скверность', 'распущенность', *lágod* 'уютность', 'удобство', с.-хорв. *lāgoda* 'беззаботность', 'удовольствие', 'наслаждение'; 'благополучие', но и 'тревога' (ЭССЯ 14, 13—14). Ср. также ст.-польск. Nom. рг. *Łagoda*, *Łagodka*, с XV в. (Słown. starop. nazw III, z. 2, 307—308). Ср. также ст.-русск. *Лагода* (Слов. др.-р. имен, s.v.), блр. *Лагóда* (Белар. антрап. 2, 240) и др. Во всяком случае соотношение двух Nom. рг. — прусск. **Log-ad-* и слав. **Lag-od-* — заслуживает внимания даже независимо от корректности его в сравнительно-историческом плане. Нет необходимости подчеркивать сложности, связанные с объяснениями слав. *lagoda (-ъ, -б), *lagoditi. Важнее осознание того, что любое объяснение должно считаться с исключениями, нерегулярностями, круг которых, по возможности, должен быть учтен (связь с *goditi, *ladь, *laga и т.п.). Несмотря на отрицательное отношение ЭССЯ 14, 13—14 к идее Зубатого о связи между слав. **lag-* и лтш. *lāga* 'слой', 'порядок', лит. *lōga* (AfsIPh. 16, 1894, 397; LEW 328) и к реконструкции Махеком в качестве первоисточника **lago-god-* (Etym. sl. č. 318 и др.), а также предложение исходить в объяснении слав. слова из *la-goda, где **la-* — особый префикс местоименного происхождения, все-таки применительно к балто-славянскому горизонту представляется более убедительной исходящая б.-слав. форма **lag-* & **gad-* с общим приблизительным значением 'устанавливать, подготавливать, находить положение, порядок, согласие' и т.п. Из *laga-gada не только естественно объяснялось бы слав. *lagoda, но и компрессия этого общего значения и его перенос на каждую из составных частей слова: балт. **lag-* 'порядок', собств. — 'уложение', 'положение' усилено и как бы дове-

дено до конца смыслами, исходящими от *gad-, а слав. *god-, похоже, предполагает в качестве своей объектной сферы именно lag-, т.е. ряд, по-рядок, положение. В коде латышского *laga & *gadīt, собственно, и значило бы 'находить (приобретать) положение', т.е. ту устойчивость, которая и образует порядок, мир, удобство и т.п. Наконец, в связи с Nom. pr. уместно напоминать о преобразованиях-сокращениях второй части слова, приводивших к перераспределению морфологического состава слова (в этом смысле трактовка сегмента -od-/-ad-, строго говоря, могла меняться). То же, видимо, существенно и для апеллятива: *laga-gada вполне могло предполагать начальное образование типа *laga- & *da- (< *dhē), т.е. что-то вроде положения основы, утверждения уложения и т.п. (ср. слав. *laga: русск. лага 'поперечная [т.е. основная, т.наз. матица] балка в строении', блр. диал лага 'брус, к которому прибивается пол' и т.п.). Разумеется, гипотетично и имеет смысл лишь как материал для обсуждения. Другие соответствия "внешнего" типа (лит. lagėnti 'трусить', 'бежать трусцой' и т.п.) уводят в сферу еще менее контролируемых фактов. — См. {*log-ot-}.

{*log-ōt-}, ср. Nom. pr. Logot, 1296 (SU 87); Logote, 1299 (PU 2, 448). APON 52, ср. также Būga RR I, 163. — См. {*log- -ād-}. — Корень *log- и суф. -āt-/-ōt-; к корню ср. лит. logà, logiūoti, лтш. lāga, слав. *log-/*lag- и т.п. В отличие от соотношения прусск. *log-ād-: слав. *lag-od- связь прусск. *log-ot- и, напр., словен. lagóta 'резвость', 'шалость' или русск. диал. лаготина 'лакомства' вызывает большие сомнения, хотя Фасмер ЭСР 2, 446 и помещает эти слова заодно с продолжениями слав. *lagoda (во всяком случае словенское слово скорее восходит к слав. *lǫg- 'легкий'; высказываются аргументы и против отнесения сюда русск. лаготина). Как бы то ни было, оснований для реконструкции праслав. *lagota (параллельно *lagoda, с одной стороны, и в соответствии с прусск. *log-ot-, с другой) пока нет. — Связи с местными названиями типа лтш. Lagata р|., Lagates purvs, Lagāti р| и т.п., см. {*lag- & *garb-}. Пр. яз. IV, 416 или случайны или очень отдаленны.

{*loil- /?/}, ср. Nom. pr. Loyle, 1387 (надписано Lole = Lolo). APN 53. — См. {*lail-ik-}, {*lail-īt-}. Сюда же Niclos Loylite (APN 51), к прусск. lailīsnan.

{*loil-ik- /?/}, ср. Nom. pr. Lolike (APN 53: ср. топоним Loliken, лит. Nom. pr. Liūola). — Наряду с предлагаемым Траутманом объяснением допустимо видеть в Lolike опущение i, подобно Lole при Loyle (см. выше). Если последнее предложение верно, см. {*lail-ik-}, {*lail-īt-}, lailīsnan, но и {*lol-ik-}.

loyo, см. sloyo.

{*loisk- /?/}, ср. Loysken, ок. 1400; Loyseken, Loszeken (APON 90). — Вероятно, связано с Lauskynen, 1409 (APON 81: к прусск. laiskēn, лит. laiškas, с суф. -in-), см. {*laisk-in-}.

{*lok-en-ein-}, ср. Lockeneun, воды, 1484, позже — Löcknick (APON 90: *Lukneun, ср. лит. Lūknė, река и др.; суф. -en-ein; к дальнейшим

связям — лит. lūknė, водное растение, Nuphar). — Не вполне ясный случай: реконструкция *Lukn- (Герулис) вызывает известные сомнения. Если все-таки исходить из трактовки прусского названия как Lukn-, то открывается довольно широкий круг соответствий. Ср. прежде всего ятвяжск. Luknas (см. далее), а также лит. Luknà (несколько названий рек), Lūknas (озеро), Lūknė, Luknėlė, Luknėlis, Luknià, Lūknis, Luknālė (LUEV 95; Liet. hidr. 50, 59, 61, 86, 114, 116, 185, 219; LHEŽ 197—198); Luknà, Luknėnai, Lūknės, Lukniai (LATSŽ 165), ср. также Lakinà, река (LHEŽ 179), относительно которого высказывается предположение о поздней переделке из *Luknia; существенно учесть местное название Lūkėnai (LATSŽ 165) в связи с предполагаемым суф. -en- в Lockeneun. Из латышских примеров ср. Luknis ez., Lukna-ēzērs, Lukna-purvs, Luknas-ēzērs, Luknas-mežs, Lukne-muiža, Luknes-pļava, Lukni, Luknas, Luknu-ēzērs, Lukiņ-ēzērs, Lukiņ purvs, Lukiņkalns, Lukņu-pļavas; Luknāju-ēzērs, Luknīnieki (LV I, 2, 345), лтг. Luknais ez., оз. Клукны, 1784, Luknāju ez., Łukna, Lukna, Лукно, Łukno, Lukna-ēz., Luknas ez., Лукно, Лукна, Лукни, lacum Luthem, 1583, Lutken, 1519; Luknica, Лукница, Mozō Lukneiceņa, Малая Лукница (PN Latg. 292). В ряду этих примеров любопытны куршские, ср.: becke genant Luckkene, 1489; beke genant Luckenne, 1495; becke, genomet de Luckell, 1503 (UB II, 2, 418); Luckene beke, 1505 (KF, 123: пожалуй, к лтш. lukns 'изогнутый', 'гибкий' и т.п. и к лтш. lūknis 'Grasoder Haarbüschel samt den Wurzeln'). Значение этих примеров — в подтверждении словообразовательного типа *luk-en-, во-первых, и возможности ориентации на другой круг значений, во-вторых. — В связи с прусск. Lockeneun весьма показательны мазурские факты, ранее в этой связи не рассматривавшиеся. Ср.: Luckneinen, Lucknein, 1555; Luckanisch See, 1595 (Hennenb. II, 15); Lukniany, 1663; Lucknainer See; Łuknajno, Łuknajny, Łuknańskie, Łukniańskie Jez. (Słown. nazw Mazur II, 169); Łuknajno (Słown. geogr. PZP I, 178); висл. Łuknajno, -y-, Łuknańskie Jez., Łukniańskie Jez. (HW 485 — при Łoknica, 163). Топонимический и гидронимический элемент Lukn- отмечен и на старых балт. землях, напр., в басс. Верхнего Днепра, ср. несколько речек с названием Локна, Локнея, Локница, Локня, Локнянка (ЛВВП 193: из *Lьkn- < *Lukn-); в басс. Оки — Локна, М. Локна, Сух. Локна, Локнава, Локненский, Локнинской, Локнова Б., Локня, Сух. Локня, Черная Локня, Локонской, Локанской (Гидр. басс. Оки 25, 32, 37, 42, 72, 93, 97, 175, 227 и др.; Б.-Сл. Иссл. 1986, 1988, 170); ср. Локница, Локница, Локня, Локнянка (СГУ 325, вплоть до Сумской обл.) и др., ср. Локня, приток Ловати (Псковск. обл.). — Вост.-балт. названия, согласно Ванасу (LHEŽ 197) и Урбутису (Baltist. 8, 1972, 208), скорее всего связаны с лит. lūknos 'тот, у кого рога идут в разные стороны' (LKŽ 7, 678), lukniūoti 'liumpėti', 'būti klampiam' и т.п. — при том, что общее значение lukn- определяется как 'гнуть', 'изгибать(ся)' и т.п. и далее — 'вязнуть', 'грязнуть'; 'становиться мягким, вялым', 'дрябнуть', 'распускаться' и под.; этот семантический комплекс подтверждается и лтш. lukns 'гибкий', lukt, lukt 'дрябнуть' и т.п.;

lüks, lukas, lukains и др. Несомненно, что часть водных названий связана с обозначением водяной лилии (*Nymphaea, Nuphar*), ср. *lūknē, lūgnē*, построенные на *lūkn-* с указанным выше значением. Учет именно так (из названия водного растения) объясняемых гидронимов труден, но нет сомнения и в том, что значительная и при этом наиболее архаичная часть примеров непосредственно реализует идею изгиба, кривизны, склоненности (в частности, она присутствует в названии водяной лилии, основным признаком которой — склоненность к воде, обыгрываемый и в мифопоэтических образах этого растения вплоть до фетовского "Alter ego" с характерным мотивом связанности цветка и воды: *Как лилея глядится в нагорный ручей/... И была ли при этом победа и чья, / У ручья ль от цветка, у цветка от ручья?*). Признание этого обстоятельства дает основание для расширения круга соответствий, в частности, за счет примеров, где за корнем не следует *n* (ср. лит. *Lukójus, Lukója, Lūkinis, Lukālė, -is, Lūk-a-raistis*, л.б., *Lukà* и т.д. вплоть до прусск. *Лъкь, Лукь, Luk, Luko* и т.п. (см. LHEŽ 198), и для актуализации основы **Luk-en(-in-)*, предполагаемой для прусск. *Lockeneun* (ср. лит. *luk-én-ti* 'пить, глубоко погрузив клюв в воду', т.е. согнувшись, *lūk-in-ti* и др., см. LKŽ 7, 677, 678). Иная семантическая мотивировка выдвигается Трубачевым (Этимол. 1968, 1971, 24—32) в связи с слав. **lьkno* 'водяная лилия', см. о ней *Urbutis Baltist.* 8, 1972, 208—210. См. также *Būga RR I*, 460—461; II, 145; *LEW* 390; *Топоров Stud. ling.* 1966, 289; *St. OP* 2, 802; *Непокупный Балто-сев.-слав.* 1976, 35 и др.

{*lokst-et-/?/}, см. {*laukst-et-}.

locutis 'лещ'. Э 562 ('Bresme', *Cyprinus brama*). Nom. Sg. masc., в фрагменте словаря, посвященном названию рыб, — между щукой (Э 561: *Liede* 'Hecht') и лососем (Э 563: *Lalasso* 'Lachs'); неслучайность соседства названий этих трех рыб подтверждается и фольклорным материалом, ср.: (*Užmokės*) *ni karšūžėms, ni lašišušėms, vis margoms lydėkaitėms*. Jušk. Dain. 635 (следует отметить, что подобный текст на прусском языке носил бы следы еще большей звуковой отмеченности — все три названия рыбы начинаются с *-l-*; и вообще название леща часто тяготеет к контекстам с яркой звуковой организацией, ср. лит. *Ventos pašalė karšės peršėjo* или *Kašys peršėjo, starkai šokinėjo po žalią Krokų lankelę* и т.п.; LKŽ 7, 316, 319). Заключение Эндзелена (SPV 206) — "без надежной этимологии" — остается верным в связи с этим словом и сейчас. Трудности усугубляются и тем обстоятельством, что в вост.-балт. языках лещ обозначается иными словами — лит. *kafšis, karšis, kafšė, káršė*, лтш. *plaudis, breksis*. Среди имеющихся попыток объяснения происхождения прусского названия леща представлены самые разные и неожиданные решения, при чем ведущими мотивами оказывались или чисто внешние (звуковая близость) или имеющие отношение к контактам пруссов с их соседями — ближними или дальними. Первые (внешние) отчетливее всего выступают у Лескина, считавшего *locutis* уменьшительным образованием от названия медведя — *clokis* (Dekl. 1876, 577), и у Леви,

сопоставлявшего *locutis* с лат. *locusta* 'саранча', также название лангуста — *locusta marina* (Petron. *Arbiter*), см. IF 32, 1913, 163 (= *Kleine Schriften* 1961, 316). Второй круг мотивов (контакты с соседями) представлен у Микколы (Balt. u. Slav. 1902—1903, 28), сопоставлявшего прусское слово с финским названием леща *lahna* (ср. Берг СЭтн. 2, 1948, 64: русск. *лещ* — к эст. *lasna*, финск. *lahna*), и у тех ученых, которые видели в *locutis* заимствование из славянского. Первым, кто выдвинул эту идею, был Брюкнер (AfsI Ph. 20, 1898, 503), поддержанный через полвека Милевским (Sl. Occ. 18, 1947, 31, 42, 49, 54). Некоторым парадоксом было предложение видеть в качестве источника заимствования слав. название локтя — при том, что прусский имел для этого свое слово, и при том, что такой выбор ставил вопрос о семантической мотивировке названия "леща-локтя" (Левин, поместивший это слово в словарик "дискутируемых" заимствований из слав. в прусском, считал вопрос значения в данном случае особой проблемой); разумеется, помимо всего другого, и семантическая проблема остается пока не решенной в этом варианте объяснения прусск. *locutis*, хотя некоторые подступы к мотивировке могли бы быть обозначены (ср., во-первых, русск. диал. *локотник* 'мерная рыба величиной с локоть', обычно о щуке [*Локотник попался мне вчера. То-то рад уж был.* СРНГ 17, 114, ср. *локот, локот, локоток*, мера длины. 17, 113, 114; во-вторых, институализированные выражения типа *Поймал щуку с руку* с показом с помощью одной руки на другой, секущим движением, ее величины — по локоть). По Милевскому, формой-источником заимствования было прапольск. **lokъть*, практически точно воспроизводимое в прусск. *locutis*. Относительная хронология заимствования определялась бы в таком случае зазором между преобразованием **olk-* > **lok-* и падением редуцированных (после первого, до второго). Разумеется, остаются и другие проблемы и вопросы (в частности, почему вопреки обыкновению пруссы должны были заимствовать у славян название леща). Совершенно произвольна подвергшаяся справедливой критике этимология Левенталя (WS 10, 1927, 149): **lokutė* из **lā(i)kijā* (при слав. **lěščь* /так! — В.Т./ из **laikski-s*; другая его этимология этого слова — AfsI Ph. 37, 1920, 389), к и.-евр. **lāikā* 'плодоносность': др.-инд. *rākā*, имя богини плодородия, др.-греч. *λαϊκάς* 'развратница', *λεκώ* 'penis' (точнее — *λεκώ τὸ μόριον*. Гесих., ср. *λεκῶω* 'futurere', откуда намечаются связи с лат. *lacertus, locusta*. GEW 2, 115; Lat. etym. Wb., s. vv. и др.). Эта этимология вскрыла зыбкость и, так сказать, неприципиальность этого и предшествовавших ему объяснений прусск. *locutis*, передкую установку на решения ad hoc. В таких сложных ситуациях целесообразным оказывается по извлечении всей возможной информации из самого объясняемого слова, взятого в синхронно-актуальном (а не сравнительно-историческом) аспекте, обратиться к особенностям описываемой этим словом реалии, во-первых, и к типологии обозначения ее в разных языках, во-вторых (кстати, данные обоих этих "обращений" обычно в высокой степени совпадают друг

с другом. Что же касается извлечения дополнительной информации из самого слова, то в данном случае важно подчеркнуть обстоятельство, не отмечавшееся специально исследователями: суф. *-utis* в этом слове, как и в прусск. *nagutis* (ср. лит. *nagūtis*, dimin. от *nāgas*) при *nage*, позволяет достаточно надежно реконструировать "нейтральную" форму — **lok(a)s*, на фоне которой "исходным" значением прусск. *locutis* должно было бы быть что-то вроде 'лещик', 'лещенок', 'маленький лещ' и т.п. Эта информация при определенных обстоятельствах может оказаться весьма полезной. — Анализ названий леща в разных и.-евр. языках показывает, что они чаще всего реализуют одну из трех основных мотивировок смысла обозначения этой рыбы, которые действительно выглядят так, как если бы они были даны по Брему (см. *Brachsen*), ср. также Liet. žuv. 1956, s.v. Лещ обозначается или по цветовому признаку (ср. лит. *kařšis* 'лещ': *kėršas* 'с черно-белыми пятнами'; нем. *Brachsen*, из герм. **brehwan* 'блестеть', 'сиять' и т.п.), или по форме (ср. лтш. *plaudis*; готск. *flautjan* 'увеличиваться', первоначально — 'расширяться', ср. ME 3, 324, при *plaudeniski* 'auf der flachen Seite, auf dem Bauche liegend', см. *plaudus*: к *plaušt* / /; ср. описания, подчеркивающие широкость, уплощенность, напр.: *Karšio kūnas aukštas, iš šonų labai suplotas*. Ivanausk. LKŽ 5, 319 или *plūte* — *maza plata živs, plaudenis*. ME 3, 323, ср. *plaudis* I. ME 3, 323 и т.п.), или по характерному звуку-шуму, производимому лещами во время нереста (ср. описание нереста лещей у Л.П. Сабанесва: "...лещи каждый вечер... собираются... сотнями, тысячами, особенно в низовьях рек, и каждую ночь поднимают такой шум и плесканье, что его слышно на весьма далеком расстоянии...", см. также Усачева *Общесл. лингв. атл. Матер. и иссл.* 1975, 1977, 114—115; ЭССЯ 14, 142—143 и др.). Речь идет об особом "шлепающе-плескающем" звуковом эффекте, отчетливее всего выступающем при ударе предметом с широкой поверхностью по воде, по мокрому и т.п. (ср. *плесканье в воде; рыба плещется*, т.е. играет, плещет об воду; *расплескался, что сом; водой плеснуло; плеск волн; плеск, рыбий ошиб или хвост; По воде плескать, ладонь отбить, бить плашмя по воде, по жидкости, хлопать*. Даль 3, 312—313 и т.п.) или лишь вторично о звонко-хлопающем ударе (от *плеснуть по морде до фукоплескания*), часто метафорически выражаемом через образ леща. Ср. *лещ 'оплеуха', 'затрещина'; дай ему леща, слить леща*, то же, *леща изловить, леща поймать, леща купить, леща продавать* и т.п. — все в значении 'шлепнуться', 'упасть' (с определенным "шлепающим" звуком), *леща поймать, съест леща 'получить удар'* и т.п. (Даль 2, 646; СРНГ 17, 35 и др.). Наиболее интересным кажется в этих примерах соединение мотивов плоскостности, соответствующего звука-шума и связь их с образом леща. Соединение первых двух мотивов находит много языковых аналогий, ср. слав. **pleskati* и **ploskь(jь)*, соответственно — ст.-сл. *плескати*, болг. *пляскам*, макед. *плеска, пласка*, с.-хорв. *плѣскати*, словен. *pleskati*; чеш. *pleskati*, словц. *plieskat'*, н.-луж. *plaskaś, plaskotaś*, в.-луж. *pleskać*, польск.

pleszczeć; русск. *плескать*, блр. *плескаць*, укр. *плескати* и т.п. (но и словен. *plóskati* 'шлепать', 'бить') — при ст.-сл. *плоскъ*, болг. *плоскъ*, макед. *плоскаа*, с.-хорв. *плосан*, словен. *plòsk*; чеш., словц. *ploský*; русск. *плоский*, блр. *плоскі*, укр. *плоский* и т.п. (но и чеш. *pleskatý* и т.п.); соответственно и в балт. языках: лит. *pleskėti* 'щелкать', 'хлопать', лтш. *plekšēt, plakšēt* 'хлопать', 'шлепать' (лтш. *plaskata* 'хлоп, шлеп!', лит. *plaskuoti* 'хлопать' /в ладоши/ и т.п.), но лит. *plóksčias* 'плоский' (< **plašk-t-ias*), *pláštakà* 'ладонь', лтш. *plāskains* 'плоский', 'широкий' и т.п. Интересно, что и в балт. эти же мотивы соприкасаются с одним из обозначений леща, ср. лтш. *plekste* 'лещ', *plēkste* 'маленький лещ', 'подлещик' (Laumane Zivju posauk. 1973, 168). Этим же словом (*plekste*) обозначается и камбала (*Pleuronectes flesus trachurus*), для которой расплюсченность составляет наиболее бросающийся внешний признак; среди других обозначений камбалы — *plegzde, plekzde; pleksta, plekste, plēkste* и др. (ср. также *plece*), с идеей плоскостности-расплюсченности (Zivju posauk. 174—175); более сложна ситуация с лтш. *lekste, leste* 'камбала', для которых в одних случаях бесспорно притяжение или какой-то вид связи (вплоть до генетической) с лтш. *plekste* и, возможно, даже со слав. названием леща, см. Leder Russ. Fnamen 1968, 79—81), а в других случаях — тесная связь с ливск. *lještà*, эст. *leste*, о которых см. Kettunen Liv. Wb. 1938, 200; Zeps Latv. Finn. Conv. 1962, 145; ср. также Эндзелин Жив. Стар. III, 1899, 299; ME 2, 454; Zivju posauk. 172—173. Мнения о характере связей — прямо противоположны: по Томсену Berg. 1890, 265, эстонское и ливское слова — из балт., по Кеттунену, Зепсу и др., балт. слова — из ливск. и эстонск. Но в любом случае показательна связь этих слов с эст. *lest* 'Flaches, Plattes'. Та же связь мотивов формы, звука и обозначения леща четко выступает в русских диалектах, ср. *лещотка* 'маленький лещ' (ср. подобную же диминутивную трактовку прусск. *locutis*) при *лещотка* 'о каком-либо предмете плоской формы (веник лещоткой, дощечка лещоткой) и лещотка 'трещотка'; 'болтуня' (СРНГ 17, 38); можно напомнить, что более века назад слав. название леща уже сопоставлялось со словом *лещедь* на основании семантического мотива расщепленности-вилобразности хвостового плавника (Edlinger Erklär. Tiernam. 1886, 20, ср. *лещадь, лещедь* 2 и т.п. СРНГ 17, 36). — Из сказанного до сих пор вытекают два следствия, имеющие особое значение в связи с обозначением леща, — семантическая мотивировка его шумом, производимым во время нереста, и присутствие этой мотивировки в слав. **leščь, *dleščь, *kleščь*, не говоря уж об окказиональных "предельных" примерах типа словц. *pleskač* 'лещ' при **pleskati* (ср. Ferianc Slov. nazv ryb 53), ср. еще Machek Lfil. 73* 1949, 213; Etym. sl.č. 120—121; Leder Russ. Fnamen., 79—81; SEP IV. 173; Коломиец Пронсх. назв. рыб 1983, 67; Jakobson Select. Writ. II, 633—634; ЭССЯ 14, 143—144 и др. Эти названия леща в славянском с анлаутом *l-* (**leščь: лещ* и т.п.), *dl-* (ст.-чеш. *dlešč*. Slov. staročesk. 1, 256; чеш. *dlešec*), *kl-* (др.-русс. *клещ* 'лещ', дважды в новгор. берест. грамоте № 169 и, видимо, в гидрониме

Клешино озеро), *pl-* (слвц. *pleskač* 'лещ') соотнесены, во-первых, с соответствующими глаголами звукопроизводства — **leskati* (ср. русск. *лещать* 'бить плашмя рукой по воде'; 'хлопать, щелкать кнутом'; 'бить, хлестать, производя шум, громкие звуки'; словен. *leskati* 'щелкать', болг. диал. *лѣскам* 'шлепать по голому телу или поверхности жидкости'; 'плескать', 'выплескивать', слвц. *l'ěskat'*, из детской речи; см. ЭССЯ 14, 135—136), **dleskati* (ср. чеш. *tleskati*), **kleskati* (русск. *клещать* 'бить в ладоши', *клещать* 'бить по щекам', 'хлестать', *клещать* 'хлопать', 'колотить', *кляска* и т.п. СРНГ 13, 283, 335; ст.-польск. *kleskać*, польск. *klaskać*, *klekać*, словин.-помор. *klięskāc*, *klestac*, в.-луж. *kleskać*, н.-луж. *klaskać*. ЭССЯ 10, 13), **pleskati* (русск. *плещать* и т.п., см. выше); во-вторых, в ряде случаев с названиями птиц, мотивированными наличием сходного акустического эффекта (ср. такие примеры, как *Птица лещит*, *бьется крыльями на одном месте*. СРНГ 17, 36 или такие птичьи названия, как укр. *лїскоуха* 'иволга'; слав. **dleskь*: ст.-чеш. *dlesk*, *dlask* 'птица дубонос', чеш. *dlask*, *dlesek*, с.-хорв. *длеск*, словен. *dlěsk* и т.п.). Нужно подчеркнуть, что некоторые региональные славянские обозначения леща (точнее, подлещика) обнаруживают еще более тесную связь с глаголом, ср. **leskuxa*: блр. диал. *лещуха* (Тур. слоўн. 3, 24), *лещайка*, *лещайка* (Жыв. слова 116), см. ЭССЯ 14, 137; или русск. диал. *лѣскам*, рыба *Ambramis ballerus*, 'синец' при *лѣскам* 'пустая болтовня', *лѣскамá*, то же, 'болтун', *лѣскамá* и т.п. (СРНГ 17, 151—152). — Эта славянская перспектива в данном случае ценна в двух отношениях: она довольно бесспорно объясняет семантическую мотивировку слав. **leščь* (< **lesk-*, **lesk-j-*), и она демонстрирует широкий круг возможностей этой семьи слов, связанных не только закономерными аблаутными отношениями и относительно частыми (если не регулярными) вариантами исхода корня, но и типичной ономотопеической "непрерывностью", в ряде случаев накладывающейся и на первоначально ономотопеический материал (слова со значением 'широкий', 'плоский', 'расплющенный' и т.п.) — **lesk-* (: **lesk-ot-*): **lest-* (ср. **klesk-*, **klěsk-* : **klesk-*): **lek-* : **lek-t-*, но и **losk-* (: **losk-ot-*): **lost-* : **lok-* : **lok-t-*. В отличие от ЭССЯ 14, 144, где высказывается мнение о том, что данные о развитии **leščь* < **leskj* или **lesk-* "усиливают сомнения в возможности связи **leščь* с балт. названиями" (имеется в виду точка зрения, согласно которой слав. слово может трактоваться как заимствование из балт., см. Коломиец Происх. назв. рыб 67), представляется, что слав. **lesk-* в отнесении к лещу, напротив, усиливает аргументы в пользу возможной связи слав. **leščь* с прусск. *locutis*. Разумеется, эта связь мыслится не как заимствование **leščь* из прусск. (или форм типа лтш. *plekste*) и не как заимствование прусск. *locutis* из слав. (так думал Махек ZfslPh. 19, 1944, 64—65, допускавший "небрежное написание" с заменой *es* на *o* и *h* на *u*, в результате чего **leschtis* превратилось в *locutis*; нужно подчеркнуть, что это слово в факсимиле соответствующего фрагмента исключает какие-либо подозрения в возможности иного прочтения, и, следова-

тельно, предполагаемая ошибка могла совершиться лишь на более ранней стадии). — Близость прусск. *locutis* и слав. **leščь* базируется на иных основаниях. К аргументам в пользу этой близости помимо исходного комплекса **l-v-(s)k-* 'лещ' (**lok-* : **lesk-*) можно отнести еще некоторые: слав. название рыбы *Ambramis* имеет корневое *o* (*лѣскам*), как в прусск. *locutis*, поддержанное и соответствующими глаголами (ср. русск. диал. *лѣскамá*, *лѣскамá* 'ударять, шлепать по воде плашмя', 'шлепать', 'удариться при падении'; 'бить', 'наносить удары'; 'лязгать зубами' и т.п. СРНГ 17, 151; *лѣскамá* 'болтать', 'трещать без умолку'; 'браниться'; 'стучать', 'ударять'; 'лязгать зубами' и т.п. 17, 152); балт. языки обнаруживают элемент *lesk-*, родственный слав. **lesk-*, ср. лит. *lesketiúoti* 'бить', 'ударять' (с акустическими коннотациями); 'болтать' (*Nelesketuok teip, ba piena išpils. LKŽ 7, 378*), а в конечном счете и *leskinti* 'judinti' (ср. 'двинуть' > 'ударить'). 'lezinginti', *lėzinginti* (но и *lāzginginti*, *lazgėti* 'громко болтать', 'стучать', 'шуметь'. 7, 214—215), *laskātyti* 'болтать', *laskatúoti*, *laskúoti* 'много болтать', 'шуметь', 'петь', *laskióti* и т.п. (7, 162), вероятно, лтш. *leşkāt* (особенно ср. 'bei schmutzigen Wetter gehen', 'watend sich beschmutzen'. ME 2, 453) и т.п.; в балто-слав. обнаруживается корень **lak-* (ср. **lakō*. BSW 149), реконструируемый на основании лит. *lakti* 'лакать', 'хлебать', 'гавкать'; 'болтать' (ср. *lekúoti* 'пыхтеть', 'громко дышать', 'отдуваться' и т.п.), лтш. *lakti*, то же, *lakāt*, *lakatēt*, *laķīt* (см. LKŽ 7, 100—101; ME 2, 417—418; LEW 337—338), слав. **lokati* и под. (часто смешиваемое с рефлексом **olkati* и под., ср. лит. **álkti* и т.п.), где также прослеживается не просто мотив поглощения (обычно жадного) жидкой или полужидкой птицы, но и определенного акустического эффекта (хлюпанье языком по жидкости и т.п.), ср. к тому же формы типа русск. диал. *локотá* 'говорить невнятно, неотчетливо, бормотать' и т.п. (: *лѣскамá* 'лакать', 'жадно пить'), *локотá*, *лѣскамá* 'ворчать', 'брюзжать'; 'жевать, чавкая'; 'щелкать орехи' (СРНГ 17, 113—114; ср. *локшít* 'неумеренно пить'. 7, 115) и т.п. Таким образом, балт. **lak-*, выделяемое как корень в прусск. *locutis*, находит себе место в общей балто-славянской схеме, объединяющей разные аблаутные типы и разные ауслатные варианты корня **lesk-* : **lask-* и т.п. Разумеется, приведенные соображения не могут считаться доказательством, но они делают более пронцаемым, чреватым связями пространство, отделяющее слав. и прусск. названия леща, а также, возможно, и объясняют некоторые другие обозначения (напр., птиц), в основе которых лежит тот же семантический принцип. Наконец, существенно, что и в вост.-балт. обнаруживаются формы, которые в отдельных случаях подверстываются к слав. и прусск. обозначения леща. Семантическая мотивировка названия леща в славянском и, возможно, в прусском могла бы получить поддержку в некоторых образцах народной комки, подобной древнерусской повести о Ерше Ершовиче и ее фольклорных вариантах (стихотворных и сказочных), где на фоне всех рыб, так или иначе выступающих в сюжете "рыбьего суда", Лещ выступает как говорун-лещотун

(лоскотун), истец, которых своим искусством говорить убеждает суд "оправить" его и признать виноватым Ерша (ср. Афанасьев №№ 79, 80 и др.). Любопытна и загадка, записанная в Клайпедском крае: *Jakutis jokaya / viskutis sukava / numis prā langq išlindo* (Auflösung Fischnetz), где, по Беценбергеру KZ 44, 1911, 330, *jakutis* и *viskūtis* должны пониматься как названия рыб, а *jakutis*, возможно, стоит здесь вместо *locutis*. Более надежно, видимо, топонимическое соответствие прусскому *locutis* в Курземе — *Lākutis, Lākuči* (Руцава). LV 1, 2, 285 (Dambe Baltist. 1 priedas, 1972, 59); если это так, то перед нами еще один пример прусско-куршских параллелей.

Лит.: Thes. 1873, 96; Leskien Dekl. 1876, 577; Brückner AfslPh. 20, 1898, 503; Pr. Spr., s.v.; Mikkola Balt. u. Slav. 1902—1903, 28; APSpr. 371; Bezzenberger KZ 44, 1911, 330; Lewy IF 32, 1913, 163 (= Kleine Schriften 1961, 316); Loewenthal WS 10, 1927, 149; WP II, 421; SPV 206; Machek ZfslPh. 19, 1944, 64—65; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 31, 42, 49, 54; Dambe Baltist. 1 priedas 1972, 59; Levin SEEV 1974, 102; PKP II, 278; ЭССЯ 14, 143. — {*lākutis; *lokutis}.

{*lok-ik-}, ср. Nom. рг. *Lolike* (APN 53); — *Loliken*, 1508 (APON 91). — Речь может идти, видимо, или о корне *Lol-*, или о *Loil-* (ср. Nom. рг. *Loyle* при *Lole, Lolo*, см. {*loil-}, {*lail-}), расширенных суф. *-ik-*. Топоним, вероятно, назван по Nom. рг. Траутман и Герулис приводят имя литовца из-под Тильзита *Lúola*. См. {*loil-ik-}.

{*long-en-ik-}, ср. *Longnik*, ок. 1405; *Langenicken*, 1465 (в Самландии). APON 91. — Видимо, надо понимать как {*lang-en-ik-}, см. {*lang-en-}, {*lang-ein-/-ain-}.

lonix 'бык'. Э 671 ('Varre'). Nom. Sg. masc. — Открывает список крупных домашних животных, после чего следуют Э 672: *curwis* ('Ochze'), Э 673: *Klente* ('Kū'), Э 674: *Werstian* 'Kalb'. — Из трех названий быка (независимо от его возраста и наличия или отсутствия способности к оплодотворению) *lonix* выделяется не только тем, что занимает первое место в этом локальном словаре, но и по сути дела, которая восстанавливается довольно легко. Если *werstian* теленок ("минус-зрелость"), а *curwis* — вол ("минус-мужественность"), то *lonix* — именно бык ("плюс-зрелость и "плюс-мужественность"), о чем говорит и значение (и происхождение) переводимого нем. *Varre* (ср. ср.-в.-нем. *varre* 'Stier'), и элементарная логика идентификации трех "бычьих" обозначений. Следовательно, по половому признаку *lonix* связан с *klente*, которая в свою очередь как рабочая сила соотносится с *curwis*. Выше (см. Пр. яз. IV, 334—347: *curwis*) говорилось об "экспрессивно-ухудшенном" обозначении коровы и вола в прусском со сдвигами не только по роду (*curwis*, собственно, смоделировано по **karva* 'корова'; ср. ситуацию уничижительного обозначения мужчины или старика как "бабы"), но и по биологическому виду (*klente* по происхождению, видимо, обозначение лошади-клячи). *Werstian* 'теленка' и *lonix* 'быка' — вне этих "ухудшающих" сдвигов, но в отличие от надежной и.-евр. генеалогии прусск. *werstian* слово *lonix*, напротив, очень далеко от ясности, во-первых, и, похоже, не

может соперничать в родословной с *werstan*, во-вторых. — В связи с прусск. *lonix* внимание прежде всего, естественно, должно было обратиться к лит. *lōnė* 'самка оленя' (ср.: Balsas ... sujūdina lones. Реза. Библия. Псалм. 28, 9) и *lonià*, то же (ср.: Trys karvės kai lōnios: riebios, gražios, inšertos; Ji tokia riebi lyg lōnià. LKŽ 7, 647), ср. и название мужской особи *lonis*. Поэтому признание лит. *lōnė* заимствованием из польск. *łania* (Brückner Fremd. Wört. 1877, 104) практически означало ответ и на происхождение прусского слова, который с теми или иными вариациями чаще всего повторялся и в последующие годы. Впрочем, всегда присутствовала линия, пытавшаяся отстоять тезис об исконности этого слова в прусском и, следовательно, в литовском. Собственно, эта линия зародилась до выдвижения положения о заимствованном характере прусского слова. Так, Пирсон (AM 7, 1870, 583) считал, что прусск. *lonix*, лит. *lōnė* и ст.-сл. лани, русск. лань, польск. *łani, łania, łan* — родственные друг другу слова и.-евр. происхождения (при этом не учитывалось, что родственный ряд строится иначе: прусск. *alne* 'лань', лит. *álnė, élnė*, лтш. *alnīs* — слав. **olni*); см. также Thes. 1873, 96. Опираясь на Лескина Dekl. 1891, 513, Траутман в соответствии с прусск. *lonix* реконструировал лит. **lonikas* (APSpr. 371, ср. 124), хотя эту операцию нужно считать своего рода отсылкой "сложностей" на счет другого языка, сопровождаемой двумя принципиальными изъянами: **lonkas* еще менее достоверно и ясно, чем *lonix*, во-первых, а последнее слово было неясно Лескину и, следовательно, не давало оснований для реконструкции литовского слова, во-вторых. Тем не менее даже Эндзелин (SPV 206) в некоторой нерешительности сопоставляет *lonix* с лит. *lonė*, (прибавляя, правда, — "если оно не из русск. лань"). Известным препятствием в признании заимствованного характера прусск. *lonix* была разница в значениях ('бык', но 'лань' [видимо, — 'самец лани']), усугубляемая отсутствием примеров, когда этим элементом обозначалась бы мужская особь (впрочем, нужно помнить, что сдвиги такого рода все-таки существуют, и *alne*, напр., обозначала и дикого животного, зверя вообще). Поскольку в любых случаях (и при допущении исходного родства и при тезисе о заимствовании) прусск. *lonix* ориентировано исследователями прежде всего на лит. *lonė*, представляет интерес обращение к этому последнему. Оно стало предметом специального анализа со стороны Жулиса (Baltist. 1, 1966, 155—157), который не считает это слово литовским (т.е. исконным) по ряду причин, в частности, учитывая его историю в письменных источниках и географию связанных с ним слов *lonia, lonis*. Слово *lonė* обнаруживается только в литовских текстах из Вост. Пруссии. Ср. уже в бреткуновском переводе Библии: *Psalmas Dawido ... ape Lōne* (Ps. 22, 1; показательны сомнения, возникшие в этом месте: в тексте вычеркнуто *Stirnia*, надписано *Ellinē*, которое потом вычеркнуто и сверху надписано — *Lōne*); *Balsas Wieschpaties pakrutin [ischgandin] Lōnes* (Ps. 28, 9; и здесь вычеркнуто *stirnia* и надписано *ellinias / Lōnes*); *ir Lānes, kurios ant Lauka pawed, praftoŭ waikus, bolei ne augant*

(Jeg. 14, 5). Появление *loné* в этих примерах именно как последней версии перевода нужно признать показательным и по общим соображениям, и потому, что в окончательной версии Бреткунас чаще выбирал заимствованные слова, нежели исконные литовские. От Бреткунаса это слово попало в переводы псалмов, изданные Резой, откуда попало и в словари (Рунг. 1747, I, 33, 79; II, 204, 206; Бродовский 325, 701; Рунг 1800, I, 66, 152; II, 271, 274; Nesselmann 1851, N 372; *lónė*. Куршат I, 642, 651; II, 236; *lōnė* I, 642), додержавшись до XX в. Жулис отмечает, что слово и в наши дни употребляется в южных районах Литвы (Liškiava, Kučiūnai, Lazdijai, Krokialaukis), обычно в сравнении *karvė kaip lonia* (красивая, жирная и т.п.), откуда, надо думать, и вытекает сопоставление *корова* = *лань*, естественно продолжающееся в уравнении *бык* = *самец лани* (*lon-ik-*); кстати, форма *lónis*, *-io* записана в Пелесе; ср. также *lonià* (Drusk. targm. žod. 195) и др. По мнению Жулиса, одной из причин мнения об исконном характере лит. *lonė* было наличие в слове акута (в подобных случаях славизмы обычно имеют циркумфлекс); кстати, именно в этом отношении возникли расхождения и разногласия: Буга в RR II, 724 среди неправильных форм, употребляемых в научной литературе о литовском языке, помещает *lónė*, считая, что правильно — *lōnė*, однако Куршат в своем словаре трижды пишет *lónė* и лишь раз *lōnė*; поэтому исключать акут здесь нельзя (ср. пелясск. *lónis*). *Lonė*, *lonia*, *lonis*, предполагается, были заимствованы многократно — в разных местах, в разное время и даже из разных языков; по Жулису, пелясская форма взята из блр. *лань* или ст.-польск. *łani*; *lonė* и *lonia* же — из польск. *łania*; при этом высказывается соображение, что *lonia* попало в литовский язык в составе сравнения коровы с ланью, хорошо известного в польской традиции. Особенно важны выводы в связи с прусск. *lonix* и особенно первый из них — *lonix* нельзя связывать с *lonė*, но надо считать словом славянского происхождения; скорее всего оно построено на основе не засвидетельствованного в прусских текстах слова **lonis*, заимствованного из ст.-польск. *łani* 'самка оленя' (ср. *Scepan vsczal łania*, 1423; *Zbyezely szye zvyrzata kv Yesvszovy : loszovy, ...zabrovye, łanye, yelyenye*). Słown. Staropolsk. IV, 2(21), 96. Аналогичный суф. *-ik-* (как в *lonix* 'самец лани') отмечен в лит. *stirnikas* (= *stirninias*), зафиксированном также в Вост. Пруссии. Само же обозначение "сходных" по типу домашних и диких животных общими словами хорошо известно, однако, как правило, направление наименования обратное (ср. русск. *корова* 'самка оленя' или нем. *Hirschkuh*). Впрочем, польские источники все-таки знают и обратные случаи: в польских говорах известна кличка коров — *Łania* (Słown. gwar polsk. 3, 63); их называют *łanochy* (Ibid. 3, 63; Janasiński Zbiór wiad. X, 1886, 174); ср. также лтш. *alne*, 'серая корова' (EH 1, 67) при *alnis* 'олень'. Предполагается, что сходным образом могло измениться значение и в прусск. *lonix* 'бык' ('олень-самец' ← 'самка оленя, лань'). Что касается морфологических (тип основы) и словообразовательных характеристик этого слова см. Eckert ZfSl. 19, 1974, 231; St. OP 6.977. —

Здесь же уместно упомянуть еще две попытки объяснения *lonix*, разные по времени, но объединяемые известной изолированностью среди "стандартных" объяснений. В первом случае речь идет о стремлении расширить н.-свр. фон за счет кельтских фактов (ср. др.-ирл. *lon* < и.-свр. **lōn-*), подверстываемых к *lonix*, лит. *lonė* и т.п. (см. Osthoff Etym. Pag. 1, 298—300; Schmidt Vocal. II, 148 и др.). Во втором случае предлагается конъектура (Smoczyński Tarpt. balt. konf. 1985, 108; Jęz. P. 66, 1986, 227; Jęz. asp. porówn. 1986, 41; Atti VII Conv. Int. Ling. 1987, 528), снова отсылающая к слав. источнику, но совсем иному, нежели названные выше. По Смочиньскому, прусск. *lonix* следует читать как **ionix* (тот же тип, что в *luriay* = **iuriay*), которое нужно трактовать как **junik(i)s*. Эта форма представляет собою заимствование из ст.-польск. *juniec* 'junger Stier'. Субституция польск. суф. *-ec* (< слав. **ьсь*), обычна, ср. прусск. *maldenikis* из ст.-польск. *młodzieniec* и т.п. (здесь же возражения против объяснения Траутмана-Лескина и указание на то, что новейшее чтение Мажюлисом прусск. *lonix* как **lānīks* (PKP II, 262) является "необоснованным"). Признавая объяснение Смочиньского оригинальным, но, пожалуй, слишком смелым и поэтому недостаточно надежным, поскольку не исчерпаны возможности, предлагаемые традиционным решением, последним вариантом которого следует считать попытку Жулиса, нужно, видимо, именно ее считать наиболее проработанным (до настоящего времени) объяснением, что, конечно, не означает исчерпанности проблемы. Поэтому в заключение — еще одна гипотеза относительно прусск. *lonix*, также основанная на предположении о происхождении его из условной сев.-слав. формы типа **lonьсь* (< **lon-ik-*), от **loni* 'в прошлом году': ц.-слав. *лани* *лѣруси*, болг. *лани*, макед. *лани*, с.-хорв. *лани*, *лани*, словен. *lani*; чеш. *loni*, словц. *łani*, н.-луж., в.-луж., польск. *łoni*, кашуб. *łoni*, словин.-помор. *łoni*; русск. *лони*, *лани*, *лониць*, *ланиць*, блр. диал. *łoni*, *лани*, укр. диал. *лони* и т.п. — из прасл. **olnī/*olnei* (ср. ст.-лат. *ollī* 'тогда', *ollus* 'тот', *ollī*. Dat. Sg. и т.п.). Как известно, каждый из начальных годовых циклов для скота (особенно это относится к быкам) настолько важен, что сама принадлежность к такому циклу является существенной классифицирующей чертой, связанной с ролью животной особи в процессе воспроизведения потомства. Не случайно, что ведийское *vatsá-* 'теленки'; 'молодое животное', 'ребенок' восходит к и.-свр. **uet-es-* 'год', ср. вед. *vatsará-* 'год', *saṃ-vat-sarā*, *saṃ-vátsam*. Adv. 'протяженностью в год' и т.п. В славянской языковой и животноводческой традиции слова с элементом *lon-* использовались как классификаторы молодых животных на втором году их жизни (прошлогоднего рождения) и даже двухлетних. Для этого использовали прилагательные типы русск. *лонешний*, *лонешний*, *лонешной*, *лонешный*, *лонешный*; *лонский*, *лонский*, *лонской*, *лонской*, *ланской*; *лонецкий* и т.п. (см. СРНГ 17, 126—129) или польск. *łoński* и под. Ср., напр., др.-русск. *А лоньскихъ 2 быка, а однолѣтнихъ 5 быковъ* ("Русск. Правда"); *Три теленка лонские, теленок сегодней* и др. (Слов. русск. яз. XI—XVII вв. 8, 282);

ст.-польск. *Anna ... debet dare ... vaccam cum hynulo anni preteriti al. s. czyclaczyem lonskim*, 1447; ... *duo jalowata presentis anni al. *lathossach et alia duo jalowi(q)th lonszkych ...*, 1434 и др. (Słown. Staropolsk. IV, 2(21), 119) и др. Более того, существуют специальные существительные, производные от элемента **lon-* (**lon-ьsk-* и под.), обозначающие животное (в частности, теленка, точнее — молодого бычка) двухлетнего возраста (или на втором / иногда — на третьем / году его жизни, местами и годовалого). Ср. русск. *лончак* (*лончакъ*), *лоншак*, *лоньшак*; *лоншачок*, *лоньшачок*, *лон(ь)шйна*, *-ынка*, *лоншйна*; *ланчук* и т.п. (СРНГ 17, 129—130; ср. 16, 257 и др.), польск. *łośszczak* и др. Ср., напр.: *Четыре бычка маленьких, да бычок лоншакъ* (Слов. р. яз. XI—XVII вв. 8, 282), хотя чаще этим словом обозначают жеребенка или даже других животных (в русском языке конкретизация значения обязана сходству со словом *лошадь*, ср. *ланьшак* 'лошадь по третьему году'. Даль 2, 688, но и *лончак*, *лоншак*, "говорится и о теленке, олене", там же); *лоншак* 'теленка по третьему году'; 'олень по третьему году' и т.п. (СРНГ 17, 129). Количество таких примеров легко умножить, но в связи с сев.-слав. **lon-ьсь* (: ср. русск. диал. *лоньцкий* < **lon-ьсь-къ/ь/ь/*) как возможном источнике прусск. *lonix* первостепенной важности факт — обозначение словом этого корня теленка, молодого бычка в слав. языках, в частности, тех, с которыми пруссы могли быть в контакте. Второе немаловажное обстоятельство — подобно указанной выше связи между **lon-* (*лоншак* и под.) и *лошадь*, могло существовать притяжение и между **lon-* и лит. **lonė* 'самка оленя' (ср. русск. диал. *лоншак*, о трехгодовалом олене), прусск. *lonix* 'бык' (< 'самец лани', т.е. 'олень'), чему также способствовало звуковое подобие этих слов совершенно различного происхождения. И, наконец, последнее, не очень важное обстоятельство: фиксация с помощью корня **lon-* обозначения молодого бычка — как в прусск. *lonix*, так и в славянских примерах, о которых см. выше — актуализирует именно тот возраст (с полутора-двух лет), когда отмечается начало первых случек, и теленок становится молодым бычком, т.е. как бы переходит в следующий возрастной класс (где "мужское" /пол/ соединяется с "мужественным" /плодородные способности/) — "быков-производителей" (к связи быка и осеменения, ср. вед. *vṛṣan-* 'бык' и *vṛṣati* 'дождит' → 'оплодотворять', ср. *vṛṣanau* 'testicula' и т.п.). Разумеется, вступление в этот класс отмечает только начало осуществления производительных функций, расцвет которых будет иметь место через три—четыре года, но определение "годности" к осуществлению этих функций происходит именно в том возрасте, когда животное (бычок) квалифицируется как **lon-*. Нельзя исключать, что прусск. *lonix* представляет собой семантическую компрессию двучленного адъективного сочетания, состоящего из **lon-* Adj. и обозначения вида животного (вероятно, балтийского обозначения быка). Таким образом, слав.-балт. синтагма "сжалась" до славянского ядра, которое — с известным вероятием — предполагает и утраченный балтийский элемент (его

утрата, вообще говоря, не должна вызывать особого удивления, поскольку обозначения быка часто оказываются неустойчивыми, довольно легко поддающимися переменам). В это контексте показательно, что праслав. и общеслав. **bykь* образует резкий контраст с балтийскими обозначениями быка — разными в каждом языке и к тому же в значительной степени заимствованными (помимо прусск. *lonix* — из слав., ср. лтш. *bullis* 'бык', лит. *būlius*, как и эст. *pu'l'l'*, из ср.-н.-нем. *bulle*). Необходима дальнейшая проверка предлагаемого объяснения прусск. *lonix*.

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 583; Thes. 1873, 96; Leskien Dekl. 1891, 511, 513; Pr. Spr., s.v.; Osthoff Etym. Par. 1, 298—300; Schmidt Vocal. II, 148; APSpr. 124, 371—372; WP I, 154; SPV 206; Žulys Baltist. 1, 1966, 155—157; Eckert ZfSl. 19, 1974, 233; St. OP 6, 977; PKP II, 262; Euler KZ 98, 1985, 90; Smoczyński Tarpt. balt. konf. 1985, 108; Jęz. P. 66, 1986, 227; Jęz. asp. porówn. 1986, 41; Atti VII Conv. Ling. 1987, 528. — [**loniks*; **lāniks*; **joniks* (?)].

lonki 'тропинка'. Э 800 ('Styeg'). Nom. Sg. fem., среди обозначений частей структуры деревенского пространства, ср. Э 797: *Caymis* ('Dorf'), Э 798: *Sparyus* ('Anger'), Э 799: *Pintis* ('Weyk'), Э 801: *Posty* ('Weyde'), Э 802: *Sardis* ('Czūn'). — К семантике слова: можно полагать, что, если в *pintis* основной смысловой идеей является связь, соединение, возможность перехода между двумя точками в пространстве (чему соответствует и особая технология установления такой связи), то в *lonki*, напротив, актуализируется идея препятствий на пути, сложностей, непрямоты его. Нем. *Steig* (ср.-в.-нем. *stīc*), ориентирует на трудности пути, связанные с подъемом (нем. *steigen*), на непрямоту по вертикали или, точнее, при движении снизу вверх (ср. нем. *Steige* 'крутая тропинка', *Stiege* 'лестница'), на "вертикальную" кривизну (ср. *krumme Pfade wandeln* и т.п.). Но нет особых оснований считать, что и в прусск. *lonki* присутствует идея затрудненного поднимающегося пути; зато весьма правдоподобно предположение о наличии в этом слове идеи непрямого пути, связанного с обходными движениями. В этом смысле *lonki* равно противостоит и прямому пути-связи, пути как мосту, соединяющему начало и конец движения, и пути-затопу (ср. *Holzweg*), заставляющему путника ошибаться, заблуждаться (*auf dem Holzweg sein = sich irren*). — И Траутман и Эндзелин, говоря о прусск. *lonki*, предполагают переход *u > o*, а Мажюлис допускает (со знаком вопроса) в качестве исходной формы *lānkī* (PKP II, 317). Во всяком случае продолжение и.-евр. **lenk-*: **lonk-* отмечены и в прусском, ср. топонимы *Barbalenx*, 1331, но *Barbalanca*, *Barbalanke* (APON 16, см. [**barb-*] и [**lank-*] и т.п.), которые с известным основанием можно эксплицировать как некую непрямую связь с местом **Barb-*. Ср. у Дусбурга в главке "De morte plurium peregrinorum": *Eodem anno comes de Barbige venit Prussiam cum multa milicia, et intravit terram Sambie* (SRP I, 101). Балт. *lunk-* относится к этому же и.-евр. корню с нулевой ступенью гласного (**lenk-*). Идея связи *lonki* с балт. **lunk-* была выдвинута давно

("wäre wohl li. *lunke, vgl. *lunkis*". APSpr. 372) — тем более, что в прусском существует слово *lunkis* 'угол', *lanctis* 'ухват' (изогнутые "рога"), *lanckinan*, см. Однако Эндзелин, по сути дела, склонявшийся к этому сопоставлению, выражал свое недоумение по поводу того, как соотнести значения этих двух слов. Представляется, что оба слова объединены семантическим множителем "отклонение" (от положения, признаваемого за исходное, "стандартное"): *lonki* — непрямая тропинка (тропа), отклоняющаяся от идеально прямого пути; *lunkis* — угол (ср. угол отклонения), т.е. то же отклонение от "нулевого" положения плоскости или линии. Отсылая к статье *lunkis*, здесь достаточно лишь обозначить балтийские данные (разумеется, очень выборочно), относящиеся к идее отклонения как особого вида непрямоты, кривизны. Ср. лит. *lėnkti* 'сгибать', 'наклонять', 'гнуть', *lėnkti* 'с-, наклоняться', 'сгибаться', *lanckstyti*, *lanckas* 'дуга', *lanckà* 'nusizėminimas, nusilenkimas'; 'taš, kam reikia lenktis, nuolanka'; *lancka* (*lanckà*) 'kas nors sulenktas' (LKŽ 7, 126), но и *lanckà* 'заливной луг'; *lanckuoti*, *lanckoti* 'итти, деля дугу', *lanckyti*, *lanckauti*, *lanckčioti*, *lanckčiuoti* и т.п., а также *lanckuoti* 'итти согнувшись' (ср. 'итти изгибающейся дорогой, по дуге' и т.п.), *lancksnoti*, *lanckščioti*, *lancksterėti* и т.п. (LKŽ 7, 688), ср. *lanckė* (диал.) = *lanckė* 'полоз с изогнутыми концами' ('lenkta rogių ravaža'). 7, 128, 688; не менее показательны и латышские примеры, ср.: *lėnkt* 'гнуть', 'сгибать', 'наклонять', *lėnkt*, *lencēt* (куронизм), *lėkt* 'гнуть', 'склоняться', *lėciot*, *lēcīt*, *lėncināt* (куронизм) и т.п.; *līks* 'кривой', *līcis*, *lēcīca*, *lence*, *-is*, *luoks*, *lūokans*, *lūocis*, но и *lūnka* 'морской залив', 'заливной луг', *lūnk(an)s* и др., см. LEW 356—357 и др. — Славянские продолжения и.-евр. **lonk-*: **lenk-* также обильны и разнообразны, о них см. в связи с прусск. *lunkis*, *lanctis*, *lanckinan*, а также BSW 159—160; ЭССЯ, s. vv. и др. Здесь же только в связи с прусск. *lonki* уместно напомнить, что и в славянских языках, как и в прусском, слова, восходящие к **lqk-*, иногда применяются при обозначении дороги, *luka* 'дорога, огибающая залив' (СРНГ 17, 187) при *luka* 'залив'; 'берег излуцины реки'; 'поемный луг, огибаемый рекою'; 'лощина' и т.п., *излука*, *излуцина* 'крутой поворот или изгиб реки, а иногда и дороги' (Даль⁴ 2, 50), *излучистая тропа* 'извилистая тропа' и т.п. (ср. лит. *apylankomis* 'окольным путем', *apylanka*). Германские и дороманские (кельтские?) соответствия существенно отклоняются в целом от значений, которые наиболее актуальны в балт. и слав. продолжениях этого корня, и тем более от прусск. *lonki* и тех славянских примеров, где возникает идея непрямого пути, "кривой" тропки. Лишь некоторые факты (обычно composita) позволяют обнаружить идею кривизны в пространственном смысле или даже "несостоявшегося" (повернувшего назад) пути, ср. др.-в.-нем. *chrumbē-lingūn* 'in krummer Richtung', *hrucki-lingūn* 'назад', 'обратно', др.-англ. *bæc-ling*, то же и т.п. Поэтому есть основания говорить о более тесной связи балт. и слав. фактов среди индоевропейских и прусских и славянских среди балтославянских.

— Лит.: Thes. 1873, 96; APSpr. 372; WP II, 435; SPV 206; LEW 357;

Pok. 1, 676; Schmid Stud. z. balt. u. balt. u. idg. Vb. 1963, 17; PKP II, 317. — [*lunkī; *lānkī* ?].

-*lonx*, см. *stanulonx*.

-*lopyn* в топониме *Cattlopyn* (APON 58), на основании чего реконструируется [**katil-* & **lop-*]; см. *catils* 'котел'; к второй части см. лит. *lopūti* 'латать', 'чинить', лтш. *lāpīt* (ME 2, 439—440). См. SPV 206.

[**lop-in-*], ср. *Lopino*, 1312; *Loppino: Lapynas*, 1411—1419 (APON 91). — Видимо, к [**lap-ain-*], см. — В данном случае к корню *Lap-* присоединяется суф. *-in-*. — Точные соответствия в лит. *Lapynāi*, *Lapūnė*, *Lapūniškė* (LATSŽ 152); лтш. *Lapiņa*, *Lapiņš*, *Lapiņas*, *Lapiņi*, *Lapiņu-dīķis*, *Lapiņ-līcis* и др. (LV 1, 2, 261); лтг. *Lapiņas*, *Lapiņš*, *Lapiņi* и др. (PN Latg. 262). В еще большем числе случаев выступают несколько иные виды *n*-суффиксов. Целый ряд примеров (типа *Lapino* и под.) на территории Мазур и сев.-зап. Польши не могут истолкованы с достаточной надежностью.

lopis 'пламя'. Э 44 ('Flamme'). Nom. Sg., в "огненном" фрагменте словаря (Э 33: *Panno 'Vūr'* — Э 44: *Lopis*), ср. также Э 41: *Gorme* ('Ничдзе'), Э 42: *Goro 'Vuerstant'*, Э 43: *Sari 'Glut'*. — Весь состав словарика в этой части (Э 33—44) ориентирует на печь, очаг (а, напр., не на костер, пожар и т.п.), и это обстоятельство нужно признать существенным. — Ближайшие параллели — в вост.-балт., ср. лит. *lopis* 'связка смоляных лучин для освещения во тьме при рыбной ловле' (Geitler Lit. Stud. 1875, 95; ср. LKŽ 7, 651), полностью идентичное прусск. *lopis*; но и *lopė* 'свет', 'факел' (ср.: *Marijos pribuvimu... pati tėviškė dangujeji šviesiaus mergiškos lópės inspindimais apžiebta*. Daukš. Post. 616, 13); 'связка (пучок) лучин для растапливания или освещения' (*Praskaldyk pliauską ir padirbk gerą lorpę, tai prakursi pečių, įkursi malkas*. LKŽ 7, 648); лтш. *lāpa* 'факел', 'светец' (*lāpa jeb lākturis, kuo iesprauž laivas galā, lai ūdeni naktis apgaismuotu, lai dabūtu gulēt*. ME 2, 439), ср. *lāpīt* 'mit der Kienfackel das Wasser beleuchten und Fische stechen'. 2, 440), ср. также *lahpa*, eine Fackel у Лангия (LVV 130); *lāpa* (Ērg'. izl. vārds. 2, 197), *lāpēt* (2, 198) и др.; интересна форма *lāpte* = *lākte*, ср. *lāktis* 'светильник', 'факел'; 'ein brennender Pergel'; 'ein durch mehrere angezündete Pergel gemachtes Feuer'; 'ein helles Feuer', 'helle Flamme' (*skals deģ ar gaišu lākti*. ME 2, 437, 441). В балт. языках эти примеры выступают изолированно и мало что дают (во всяком случае на первый взгляд) для реконструкции истории слов этого корня; отсутствие первичного глагола тем более затрудняет поиск (как и расхождение значений между прусским словом, с одной стороны, и вост.-балт. соответствиями, с другой); семантическая мотивировка обозначения остается неясной. Обращение к данным других и.-евр. языков кое-что проясняет, в частности, благодаря наличию первичных глаголов. В этом отношении показательны хеттские факты, ср. *lap-* 'пламенеть', 'пылать' и т.п., *lappināi-*, *lapnu-* при ^{ois}*lappiia-* 'жар'; 'лучина' (HWb. 127), лувийск. *lappi(ya)-* (Dict.

louв. 63), а также др.-греч. λάμπω 'светить'; 'блистать', 'сверкать'; 'возжигать' (φέγγος) при λάμπη, λαμπάς, λαμπτήρ 'факел', 'светоч'; 'светец' и т.п.; λάμπρος 'светлый', 'сияющий' и др. (GEW 2, 79—80; Dict. étym. 3, s.v.); др.-ирл. *lassaim* (< *lapsami) 'гореть', 'пламенеть', ср. ср.-ирл. *lasaid ar lúth lánesci* 'она сияет в силу полной луны'; др.-ирл. *lassair* 'flamma' (< *lapsara), кимр. *llachar* 'сияющий', галльск. *llach* 'луч', *llachen* 'свет' и т.п. (Vocab. V.-celt. Ogam 13, 1961, 369—370). Сюда же присоединяли ср.-англ. *lēven*, *-in* 'молния', 'свет', 'пламя' (Holthausen IF 39, 1921, 62 и др.); осет. дигор. *læftnæ* 'яркий луч, свет' (Абаев Скиф.-евр. изол. 1965, 18; Ист.-этим. слов. 2, 19), см. Рок. 1, 652—653. Вместе с тем вызывает серьезное сомнение отнесение к этому кругу примеров таких слов, как лит. *liepsnà*, лтш. *liesma* 'пламя', *liesmuot* 'воспламенять'; лтш. *lipt* 'сиять', 'блестеть' (*kas tur lip, kas tur viz.* BW 5944); 'возжигать' (*lip jel uguni; skalu lipidama* BW 9335, 6; *aiz-lipīju ugunīņu.* BW 23221, 4; *ie-lipa māmina div vaska svecēs.* BW 33595, 5), лит. *lipst* 'жжет, палит', н.-луж. *lipotaš* 'блестеть'; др.-исл. *leiptr* 'Lichtglanz', 'молния', др.-инд. *lip-* 'возжигать' и т.п. То же можно сказать и о реконструкции и.-евр. **lā(i)p-*, **lāip-*, **lāp-* 'сиять', 'гореть', которая представляется некорректной, поскольку она суммирует два этимологически не связанных друг с другом круга слов: один — восходящий к и.-евр. **lop-/lep-*, другой — к и.-евр. **lip-* : **leip-* : **loip-*. Что касается этого последнего, то среди составляющих его лексем есть и такие, которые обозначают разного рода световые эффекты (блеск, сияние, мерцание) и возжигание. Однако семантическая близость таких слов к продолжениям и.-евр. **lip-* не должна вводить в заблуждения. Она у слов, восходящих к и.-евр. **lip-* вторична и развивается на периферии основного круга значений, определяемого комплексом "липнуть, прилипнуть — мазать — блестеть" и "липнуть, прилипнуть, прилепиться — лезть, взбираться вверх — возгонять, возвращать (в частности, огонь, пламя)". Внутренняя связь "огненно-световых" значений с 'липнуть', 'прилепиться'; 'влезать', 'взбираться', и т.п. довольно очевидна, напр., для лтш. *lipt* (см. ME 2, 474—475) или др.-инд. *lip-*. В других случаях она более завуалирована, хотя, как правило, и небезнадёжно (ср. нем. *anstecken* 'прилепиться(ся)', 'прикалывать', *ansteckend* 'прилипчивый' и т.п. при *Licht anstecken* 'зажигать'). Вместе с тем в таких ситуациях уместно помнить о том, что "сильный" смысловой локус, формирующий ключевые значения, в случае, подобном данному, соотносится с ритуальным локусом добывания огня: наряду с тем, что его добывают, кладут, правят, открывают, его возжигают, возгнетают, вздувают, берут (взять), вздымают, возвращают (всюду — идея движения огня снизу вверх — *вз-*). Огонь уподобляется растению (и по мифопоэтическим архаичным представлениям в них, прежде всего в дереве, он хранится и особым способом может быть открыт, вызван), его первое появление сравнивается с ростком, который возвращается жрецом до тех пор, пока он не становится самостоятельным и как бы самодостаточным, образуя пламя, отчетливо устремленное вверх. В этом контексте, видимо,

проще всего понять мотивировку "огненно-световых" значений у слов, восходящих к и.-евр. **lip-* (при ступенчатом добывании и/или распространении огня, когда он переходит /"переводится"/ с более "легких" горючих субстанций на более "тяжелые", трудные, о нем говорят: *огонь лепится, льнет, цепляется* и т.п.). В отношении ряда балт. слов, иногда относимых к этому кругу, существуют и специальные разъяснения: о лтш. *liesma* (ср. *celt & liesma* и др.) и лит. *liepsnà* см. ME 2, 366 (: ливск. *liesm*); LEW 366—367; неоднократно у Буги. Особенно интересны соображения последнего об этих словах (как и некоторых других, ср. лит. *laizdyti* 'находиться в огне, гореть' [*laizdau βioi liepsnoi* Daukš. Post. 358 и др.], из *laiz-dyti < **leis-d-:lēisti* 'жечь', 'зажигать' при *lēisti* 'пускать', ср. *пускать огонь* и др.), см. RR I, 286; III, 210. — Это обращение к формально и семантически подобным примерам, по сути дела сюда не относящимся, имеет целью более четкое определение ядра, в которое входит и прусск. *Iopis*. По этой же причине целесообразно не обсуждать лишней раз отдельные частные случаи (типа возможности отражения в др.-греч. λοφνίς и.-евр. *lopsnis) или опыты "палеонтологического" характера (ср. прусск. *lo-p-is* 'пламя', но оск. *lamatur* 'uratur' [ср. Niedermann JA 20, 176; Kuhnert Rhein. Mus. 49, 37 сл.], см. Specht KZ 69, 1951, 134), или далекие от надежности древнебалканские топонимические свидетельства (ср. фрак. *Lapepor*, Λαπελωρ. Nom. rg.; иллир.-мессап. *Laparedon* и под., см. Russu Limba tr.-dac. 1967, 109). — Предлагаемое ниже объяснение прусск. *Iopis* и связанных с ним родственных слов не может считаться альтернативным по отношению к "основному" решению вопроса. Скорее это объяснение (при всей его гипотетичности) имеет двойную цель — определить, так сказать, "реальный" субстрат слова и выявить более "интенсивную" и, следовательно, конкретную семантическую мотивировку этого слова. Материалом для объяснения служат данные, относящиеся к сфере мифопоэтических представлений и ритуальной практики, к языку и поэтически-языковой образности. Одним (но только одним, хотя и существенным) из импульсов служит "провал" в славянском материале, который мог бы обнаружить соответствия балтийским лексемам (кстати, такие "провалы", лакуны, сдвиги и т.п. чаще всего служат поводом и почвой для определения динамики балто-славянских процессов на уровне языковой инфраструктуры). — Прежде всего следует констатировать, что в ряду "очаг" — "жар" — *Iopis*, последнее слово, действительно, должно бы было обозначать именно пламя, даже если бы не был известен его немецкий эквивалент — *Flamme*. Появление пламени в бытовом "производстве" огня в печи (для приготовления пищи или для тепла) — необходимое условие для выполнения поставленных целей. В ритуальной практике — это тоже необходимое условие (без него жертва не дойдет к богам-небожителям, и контакт между людьми и ими, ради которого и совершается ритуальное жертвоприношение не будет установлен; о роли огня в ритуале сообщают и описания прусских обрядов, а индо-иранские ритуалы рисуют максимально

подробную и развитую "огненную" практику, с выявлением ее внутренних смыслов), но это не просто необходимое условие, а еще и такое, которое особо отмечено в системе ценностей, глубоко осознано и институализировано. Появление пламени означает границу между "предритуальной" частью и собственно ритуалом, условия для совершения которого как раз и созданы появлением пламени, большого по площади пространства, заполненного огненной субстанцией и уже как бы не зависящего от случайностей: пламя — это зрелость, сила и мужественность огня (хорошо известны сексуальные, специально мужские ассоциации, относящиеся к пламени, хотя такие же ассоциации — скрытый огненный жар — известны и в связи с женским началом). Вегетативные коннотации огня отчетливо обнаруживаются и в ритуале и мифопоэтической образности. Появление "нового", "живого" или "священного" огня (всегда архаичными способами, например трением, вызываемого) квалифицируется нередко в "растительных" терминах: росток проклюнулся, а вид этого только что возникшего "молодого" огня часто сравнивается с лепестком. К этому росту-лепестку жрец обращается с призывом расти выше и гуще. В определенный момент некоторая хаотичность (или, по меньшей мере, недостаточная концентрированность) огня преобразуется в более совершенную, "центрированную" форму: широкими полотнищами пламя взмывает кверху, как бы к одной невидимой точке-цели, по мере приближения к которой оно становится все более узким и жестко направленным. В таких случаях говорят о языках пламени (в частности, "лижущих"), и этот образ хорошо известен с ранних текстов (ср. у Вилента, 1579; *lieβuwius ...ugnimi laifdanczius* и др.) до настоящего времени, когда образность оказалась уже приглушенной (можно напомнить, что и на этом этапе, как и на предыдущем, когда огонь еще не получил отчетливо вертикальной доминанты и разнонаправлен, употребляются в его отношении образы соответственно огненного дерева и огненного куста; образ неопалимой купины ["И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает". Исход. 3, 2; ср. Марк 12, 26; Лука 20, 37] — лишь один из наиболее известных примеров). Но языки пламени лишь один из вариантов образа. Среди других — и здесь славянские, в частности, русские данные, оказываются важными не столько из-за поэтических, сколько из-за языковых мотивов, — уподобление языков пламени (или пламени в целом) лопастям, лапам и т.п. (ср. выше об огоньке-лепестке) в контекстах типа *Гигантскими лопастями взмывало пламя вверх; огненные лапы все ближе тянулись к стогам; как лапами, пламя охватило все строение* и т.п. Здесь существенна как образная основа сравнения (пламя — нечто широкое, вытянутое или тянущееся в длину и постольку, поскольку оно вытягивается вверх, уплощающееся), так и языковая сторона: *лопасть, лапа* (хотя относительно этого слова есть и иное мнение, см. ЭССЯ 14, 26—28), *лепесток*, как и *лопух, лопотье, лопоть, лопоть*,

лопотина, лепень, лепестень, лепесть, лепет ('лоскут', 'кусочек ткани' и т.п.) и др., как и их соответствия в инославянских языках принадлежат к одному и тому же общему корню, условно реконструируемому Покорным как **lēr-*, **lōr-*, **lār-* 'быть плоским'; 'плоскость руки и ноги' (т.е. ладонь, лапа, стопа); 'лопатка' (анат.), 'лопата' ('совок'), 'весло' (лопасть весла) и т.п., см. Рок. 1, 679. Круг примеров распространяется помимо слав. языков на германские (готск. *lōfa*, др.-исл. *lōfi* 'плоская рука', др.-в.-нем. *lappo* и т.п.) и, — что особенно важно — на балтийские, замыкая тем самым то, что начиналось с фрагмента прусск. *lopis*, лит. *lōpė*, лтш. *lāpa*, Ср. лишь несколько примеров — лит. *lōpas* 'заплата', 'лоскут'; 'площадь', 'участок', *lopinyš*, то же (: *lōpyti* 'ставить заплаты', 'латать'), *lopė* (= *lōpas*, ср. *lōpė* 'свещец', 'светильник' и т.п.), *lōpeta*, *lopeta* 'лопата', *lopikas*, *lopūklas*, *lopėkšnis*, *lopinis*, *lopini(u)otas* и т.п.; *lāpas* 'лист'; 'лепесток', *lapa* и др. (см. LKŽ 7, 139—141, 647—653); лтш. *lāps* 'заплата' (: *lāpīt* 'латать', 'ставить заплаты'), *lāpene*, *lāpikiš*, *lāpis*; *lāpa* 'лапа' (вост.-лтш. *liopa*), *lāpiņa*; *lāpsa* 'место', 'кусочек'; *lāpsta* 'лопата', *lāpstina* 'лопатка', 'лопасть', 'лопасть весла', *lāpusta*, *lāpsts*, *lapa* 'лист' и др. (ME 2, 439—441; ЕН 728—729); курсен. *lāps* 'заплата' (Kurisch. Wb. 47). Сюда же относятся и примеры с вокализмом *e* типа лит. *lėpė* 'водяная лилия', *lėpis* 'Calla palustris', *lepeta* 'стопа слона' и т.п.; лтш. *lēpa*, *lēpes*, *lēpene*, *ļepa*, *ļepata*, *ļepata*, *ļepsna* и т.п. (ME 2, s. vv.); тот же корневой вокализм и в ряде родственных слав. слов, ср. русск. *лепень* 'кусочек', 'лоскут', 'обрезок', *лепет* то же, *лепест*, *лепесток* (: *лепестить*) и др. Представляются возможным, что все эти и подобные им примеры соотносимы с прусск. *lopis* и его "узкими" соответствиями в вост.-балт. языках и что и в тех и в других случаях речь идет об определенной форме — расширенной (часто уплощенной) и вытянутой (по крайней мере, в части случаев). Пламя отвечало этой форме, и поэтому для его обозначения в балт. языках был выбран корень **lop-* как институализированная форма языкового выражения (в этом случае хеттск. *lap-*, *lappināi-*, *lapni* и т.п. означало нечто вроде "пламенеть", "гореть в виде пламени-языка" и т.п.; м.б., даже 'лизать языком-пламенем'), тогда как в славянских языковых традициях к тому же корню в связи с пламенем, огнем приходилось обращаться лишь в метафорическом плане. Если приведенные выше примеры, действительно, образуют некий единый контекст, то балт. названия пламени, восходящие к и.-евр. **lop-* выходят из изоляции и обретают свое место в целом этого контекста. — Но есть, видимо, еще один любопытный аргумент, который мог бы оказаться существенным в данном случае. В основе этого аргумента, с одной стороны, общий принцип некоего соответствия, гармонической "соприродности" стихии, материала, произведения природы и т.п. и инструмента, с помощью которого человек вступает в связь с ними, а, с другой, языковые свидетельства этой соотнесенности (ср., напр., *вода* : *ведро*; *семя* / *зерно* / : *просеивать* : *сито* и т.п.). То и другое обнаруживает свое присутствие в случае прусск. *lopis*. Огонь, пламя в печи (*lop-*) на известном этапе "строится",

управляется, корректируется таким печным ("огненным") инструментом, как кочерга: литовское название ее *žarstėklis* (: прусск. *trumpstis*) соотносится к *žarstyti* 'сгребать', 'загребать' (Frequent. от *žėrti*, см. LEW 1292, 1302), ср. *žarstyti, žarijās* 'сгребать жар'; иначе говоря, жар: орудие для жара (кочерга): действие этого оружия в отношении жара образуют не только некое единство "реального" контекста ("печного", "огненного"), но языковое единство, определяемое родством слов, обозначающих вступающие в игру реалии. Но еще интереснее, что слово для лопаты (а лопата — важнейший "огненно-печной" инструмент: на ней вдвигается в огонь хлеб и вынимается из него; в языческую эпоху лопата служила для сходных целей в связи с трупосожжением) — прусск. *lopto* — созвучно и, судя по всему, родственно обозначению пламени — *lopis*. То же соотношение и между лит. *lopeta, lopetà* и *lopis, lópė*, лтш. *lāpsta* и *lāpa*, хеттск. *lappa-* 'лопатка', 'щипцы', используемые при "огненных" ритуалах (ср. Sommer OLZ 1939, 681) и ^{uis}*lappiia-* 'жар' и даже русск. *лопата* и *лопасть пламени* (ср. специальную *загнеточную лопату* с богатым ритуальным прошлым). Это подтвержденное языковыми данными сродство не должно скрывать той "соприродности" стихии и инструмента, о которой говорилось выше, в этом случае — пламени (огня, жара) и лопаты: они подобны не только по названию, но и по форме (ср. выше о языке или языках пламени, но и лопата или, по крайней мере, ее основная, несущая часть, вдвигаемая в огонь, часто трактуется как язык, как "лизатель", ср. лит. *līžė* 'хлебная лопата' [: *līžti* 'лизать', см. LEW 383] и выражения типа *языки пламени уже лизали крышу избы*; ср. "народно-этимологическую" сопряженность *liežūvis līžia* и *līžė* — как первых двух элементов между собой, так и их обоих с *līžė* 'лопата'-"язык"). Но дело не только в подобии обозначений пламени и лопаты и их геометрической формы: главное, из которого объясняются оба указанные подобия, в том, что и пламя и лопата, вдвигаемая в него, выступают как соучастники в общем деле, в функционально единой ситуации, в которой одному без другого не обойтись, потому что эта ситуация порубежна между природой и культурой, и противоборство между ними в начале оборачивается в конце (в результате сотрудничества-соучастия) согласием. Подробнее см. статью *lopto* и указанную там литературу; см. также *lapinis* 'ложка'.

— Лит.: Thes. 1873, 372; Bezzenberger GGA 1874, 1245; Bugge BB 3, 1879, 104; APSpr. 372; BSW 149; Holthaisen IF 39, 1921, 61; Mudge Lang. 7, 1931, 252; Benveniste BSL 33, 1932, 140; WP II, 383, 431; ME 2, 439; SPV 206; LKŽD 1943, 74, 75; Thurneysen Gr. Old Irish 1946, 139; Specht KZ 69, 1951, 134; Pok. 1, 652—653; LEW 386; Vocab. V.-celt. Ogam 13, 1961, 369—370; Абаев Скиф.-евр. изогл. 1965, 18; Ист.-этим. слов. 2, 19; Russu Limba tr.-dac. 1967, 109; PKP II, 286; Smoczyński Jęz. asp. porówn. 1986, 28. — {*lāpis; *lopis}.

lopto 'лопата'. Э 548 ('Spate'). Nom. Sg. fem., в ряду Э 546: *Doalgis* ('Senze'); Э 547: *Piuclan* ('Sychel'), Э 549: *Kersle* ('Howe'). — Из ближай-

ших соответствий ср. лит. *lopeta, lopetà* 'лопата' и т.п. (LKŽ 7, 648), лтш. *lāpsta* 'лопата', *lāpstiņa, lāpusta* (ME 2, 440, 441; EH 728—729), *lāpstāt, lāpstēt* 'копать лопатой', 'сгребать' (ME 2, 440; EH 729) и др. Эти примеры хорошо известны и из старых текстов и из диалектов. Ср. лит. *lapeta, lopeta* Širv. Dict. 1, 73; 1, 160; 3, 393; *lopeta* — Schaufel (Lex. Lith. 74, но и *lapatka* — Schulterblatt, 77), *lopeta* (Руиг 1747; Руиг 1800; Куршат и др.); слово трижды отмечено у Донелайтиса: *Viens su hotkočiu jau Pričkaus nugarą taisė, / O kitsai su grėbliu, kits su lopeta bėgo* ("Pričk. pasaka", 210—211); *Ogi nagan spatelius greitus bei lopetas imkit* ("Pavasas. linksm.", 642); *O Laurienė su Pakuline lopetas ėmė* ("Vasar. darb.", 522); ср. Šiaur. ryt. dūn. 181; Laz. tarm. žod. 151; Drusk. žod. 196; Grinaveckis Žemaič. leks. pagrind. 1985, 97; Liet. k. atlas. 1, 105 (26a, карта № 45, преимущественно на востоке Литвы и к северу от Немана в р-не Каунаса; ср. также 21j, 21l, 26c, 33f; *lōpetos* 30e, *lopėdūtė* 21l, 33f, карта № 61; *lopėtėlė, lopėtėlė, lopėtūtė, lopėtūkė* и др., s. vv.). Ср. у Лангия лтш. *Lahpsta, eine Schaufel* (LVV 130); *lāpsta, lāpsfiņa* (Erg'. izl. vārdn. 2, 198; ср. *lāpsuōt* 199) и т.п. — Прусск. *lopto* рассматривается как исконное балт. слово (исключение — Brückner AfslPh. 20, 1898, 502; Милевский Sl. Осс. 18, 1947, 22, который исходит из альтернативы, — или из слав. *lopyta, указывая в качестве продолжения его русск. *лопта* 'лопата' [вслед за APSpr. 372, со ссылкой на Даля 2², 241—242, вызывающей серьезные сомнения], или из балт., с помощью суф. *-to-*). Оснований для предположения о заимствованном характере слова кроме сугубо теоретических, пожалуй, нет (к тому же и значение прусского слова оказывается отличным от слав. *lopyta, *lapyta). Зато оно естественно объясняется как Nom. instrum. от балт. **lop-* (< и.-евр. **lop-*: **lep-*), которое реализуется в лит. *lopsoti* 'быть открытым' (Duryš klėties atlapos lōpso. LKŽ 7, 654), ср. *lapoti* 'открывать', 'отворять' (Kam tu tuos langus, duris atlapojai? 7, 153—154), *atsilapoti* 'распахнуться', 'расстегнуться' (ср. LKŽD 514; LEW 386 и др.). Слово образовано с помощью суф. *-to-*, в конечном счете связанного с суф. *-eta-* (LKŽD 340), *-usta* и под.; ср. к суф. *dalptan, meltan* и т.п. (SPV 51), что характерно для Nom. instrum., хотя и не только для них. — Славянские соответствия столь же существенны, сколь и вост.-балт. Прежде всего речь идет, конечно, о праслав. *lopata (ср. лит. *lāp-at-as*): ст.-сл. лопата, болг. *лопата*, макед. *лопата* с.-хорв. *lopata*, словен. *lopata*; чеш., слов. *lopata*, в.-луж. *lopata*, н.-луж. *lopat*, польск. *lopata*, кабуш. *lopata*, словин.-помор. *lopata*, полаб. *lūpote* (*Lūhpōt* 'лопатка', анатом.); русск. *лопата*, блр. *лапата*, укр. *лопата* (см. ЭССЯ, s.v.); из слав. языков слово было заимствовано в ряде соседних языков, ср. румын. *lopata, lopațea, lopațică*, венг. *labla* = *lapta* (> с.-хорв. *labta*), алб. *lōpētē* и т.п. Другие слова того же корня, объединяемые идеей расширенности и т.п., названы в статье *lopis*, ср. *лапа, лопасть, лопух* и др.; сюда же, судя по многим данным, нужно отнести и праслав. *lapyta/*lopyta, ср. русск. *лантá, лоптá*, словен. *lāpta* 'дощечка', 'планка', с.-хорв. *lopta lopita* и др.; этой связи между *lapyta/*lopyta и *lopata не противоречит, вопреки ЭССЯ

14, 32, последующая эмфатизация первого из этих слов и вхождение его в иные семантические связи, ср. *lapyatī (к ланта : лопатка ср. русск. диал. лантá 'лопатка, обтянутая кожей, для игры в мяч'. СРНГ 17, 144 и др.). — Из других и.-евр. языков наиболее примечательные соответствия в германских языках (ср. др.-фриз. *lappe* 'лопата' [Holthausen BGDS 66, 266], готск. *lofa 'ладонь' [lofin Dat. Sg., lofam. Dat. Pl.], др.-исл. *lofi*, ср.-англ. *lof*, др.-в.-нем. *laffa*, *lappo* и т.п.), ср. также хеттск. *lappa-* 'лопата' (см. ниже) и, м.б., ирл. *lue* 'весло' (< *lop-et-), *lúí* (< *lopiúo-). Из и.-евр. источников слово попало в прибалт.-финск. и самодийск. языки (финск. *lapio*, *lapia*, карел. *labia*, вепск. *labid*, эст. *labidas*, немецк. *labea*, *lābe* 'весло', нганас *labaj*, энецк. *loba* (Thomßen Berög. 1891, 197; Mikkola Berühr. 1894, 1, 137 и др.). Покорный возводит все эти и.-евр. факты (включая в их число и курд. *lapk* 'лапа') к *lēr-, *lōr-, *lār- 'быть плоским'; 'плоская часть руки и ноги' ('ладонь', 'стопа'); 'лопатка' (анатом.); 'лопата'; 'весло' и т.п. (Рок I, 679). Следовательно, семантическая мотивировка обозначения лопаты в балт., слав. и хеттск. (спорадически, видимо, и в некоторых других языках, как показывает др.-фризский пример) довольно ясна и серьезных сомнений не вызывает. — Особый интерес вызывает определение того, какого рода реалией была лопата, каковы были ее функции и связи, конкретнее — в каких ситуациях она выступала по преимуществу. В других работах (БСл. Иссл. 1984. 1986, 80—89; БСл. Иссл. 1985. 1987, 20—28; Festschrift Rūķe-Draviņa) было показано, что по крайней мере две ситуации претендуют на то, чтобы быть "сильными" в отношении лопаты. Балт. и слав. данные прежде всего говорят о т.наз. "хлебной лопате", с помощью которой хлеб помещают ("суят") в печь, в огонь. На основании примеров типа лит. *Duona deda an lōpetos ir kiša in pečiū* или *Mūs lopetā jau visai susibaigė — nē duonos po pečiū negali pašaut* (LKŽ 7, 648) и под. реконструируются описания такой ситуации, в которой в качестве инструмента выступает (названная или неназванная) лопата, как лит. *šauti & *duona (Acc.) & *ugnīs, *krōsnis (i + Acc.); лтш. *šaut & *maize (Acc.) & *uguns, *krāsns (Los. direct.), ср.: *Atsargiai šauk duoną į pečiū; duona į pečiū (į krosnį) šauja* и т.п. (LKŽ 14, 584—586) или *šaut maizi krāsni; maizūt(i) šavu pašā krāsnes dibeņā* (BW 35606, ср. 6896; 8117, 2; 10723 и др.), ср. также русск. *совать хлеб в огонь, в печь* (то же и в других слав. языках). Каркас конструкции, описывающей эту ситуацию, может быть представлен в следующем виде — *šauti/šaut/sovati & ХЛЕБ & ugnīs/uduns/огнь √ krōsnis/krāsns (√ pečiū/pečь и т.п.);* при этом инструмент, с помощью которого совершается это действие "сования" — лопата (*lōpeta/lāpsta/lopata*, родственные прусск. *lopto*, которое, вне всякого сомнения, должно было тоже выступать в подобной ситуации). Печенье хлеба, конечно, было не просто принадлежностью ежедневных бытовых занятий, но действием, в достаточной степени сохраняющим свое ритуальное значение. Приготовление хлеба — одна из типичных реализаций мифа об испытании, страдании, смерти и обретении новой жизни, дающей жизнь человеку (стоит

напомнить, что прусск. *geits*, *geyto* 'хлеб', как и слав. *žito*, соотносится с *gijwan*, *giwei*, *giwato* 'жизнь', *gijwans* 'живой', *giwit* 'жить', ср. слав. *žizнь, *životь, živь/jь/, *žiti). Хлеб, прежде чем он становится средством, обеспечивающим человеку жизнь, проходит весь путь страданий — зерно мельт в муку, ее заливают водой, месят и трут, подвергают действию огня. Эта ситуация оказывается изоморфной как во всех основных составляющих ее чертах, так и в главном ее смысле, ситуации трупосожжения, основной формы погребального обряда для определенного периода язычества. Эта последняя ситуация еще более напряженно "разыгрывает" те смыслы, которые были названы в связи с печением хлеба (смерть — огонь — новая жизнь, мыслимая как вечная). Недавно было обращено внимание (см. указанные выше сочинения, а также Greimas Lacies 6, 41—58) на то, что имя *Совий*, выступающее во вставке, сделанной в 1261 г., к переводу "Хроника Иоанна Малалы", должно трактоваться как лит. *šovėjas* (: *šauti*), лтш. *šāvējs* (: *šaut*), ср. *сователь* (: *совать*), т.е. тот, кто сует нечто. Поскольку эта вставка представляет собой этиологический рассказ, объясняющий происхождение обряда трупосожжения (явно в балт. традиции), — Совий был первым покойником, сожженным на костре и, как нужно понимать, первым жрецом-учредителем этого обряда, — многое разъясняется само собой. Совию в этом ритуале трупосожжения в обряде хлебопечения соответствует лит. *šovėjas* (ср. определение *šovėjas* — "kas šauna, kiša duoną į krosnį". LKŽ 14, s.v. или *šovikas* — "kas duoną šauna į krosnį"), ср. русск. *взявши лопату, што хлеб сажают* (Афанасьев, № 109), ... *узяла лопату, що в пічку хліб сажать* (Там же, № 110) и др. Именно на такую лопату уговаривает сестра героя сказки Баба-Яга, чтобы засунуть его в печь (Афанасьев, №№ 107—111). Ранее писалось о такой же роли "старой женщины" мудрой жрицы ^{SALŠU} GI, выступающей в этой же функции в хеттских текстах, описывающих ритуал трупосожжения. В подобном архаическом ритуале возникает соответствующий инструмент — *lappa-*, которым берут кости умершего царя. Ср.: *ni ha-aš-ta-i IŠ-TU la-ap-pa* KUBABBAR *da-aš-kán-zi* 'и кости они берут на серебряную лопату' (KUB XXX 15 + KUB XXIX 19 Vs. 4), где *la-ap-pa* — директив. Обрядовая роль лопаты, употребляемой при трупосожжении, выступает и в новохеттском предсказании новорожденному, который должен пройти через реку, огонь и (испытание) лопатой, ср.: *TUR -aš ID! -az-X-X- an-ta-za IZI-za la-ap-pa-za i-ya-at-ta-ri* (KUB VIII 35 obv. 4—5), см. Иванов Этимол. 1983. 1985, 160—161, с заключением об общендоевропейском происхождении *lappa-* (не исключено, что и нетерминологический слой слов, относящихся к этому корню, мог бы быть расширен, напр., за счет таких слов, как др.-греч. *λοπός* 'кожица', 'шелуха' [уже у Гомера], *λέπος* 'оболочка', 'кожица', *λέπω* 'снимать оболочку', 'обдирать' [φύλλα τε καὶ φλοιόν. Гомер] и т.п.). — Не входя подробнее в анализ еще одной ситуации, описывающей метафорически акт соития, т.е. тоже имеющего отношение к возникновению новой жизни (фаллос-"сователь" & *совать* 'futurare' & *vagina*

-печь/жар и т.п.), причем — в "сильной" позиции — новобрачные выступают как своего рода заместители "иерогамической" божественной пары, целесообразно все-таки в связи с глаголом "совать", имплицитным образ лопаты-совка (: *совать*), ср. лит. *šauk-štas* 'ложка' (< *šauštas, собств. — 'совалка', Nom. instrum. от *šauti*, см. Sabaliauskas Baltist. 1, 1965, 83—84, указать еще одну, можно сказать, основоположную ситуацию. Речь идет о фрагменте т. наз. "основного" мифа, в котором громовержец Перкунас /Перконс/ Перун сам или (инструментально) молнией сжигает (поражает) своего противника, причем действие сжигания-поражения передается тем же глаголом *šauti /šaut/ sovati* (ср. ст.-сл. совати, определяемое в Супр. ркп. соотносительностью с *πιρίζειν πυρί* (значение глагола — 'раздувать' /огонь/, 'разжигать', 'жарить' и т.п.). Ср.: *Perkūnas šauna*; *Perkūnija grumen, grum, griaun, dunden, bild, trenk, šau n* (LKŽ 9, 834, ср.: *Tikt kai trečioji praslinko diena, šovimo liovė perkūnija*. Rėza. Dainos), а также в проклятиях: *kad tavė Perkūnas šaut!*; блр. *каб цябе Пярун сунуў!* Ср. также лтш. *Vēl pērkonš šāve stiprām speršanām* (в "Rāms laiks pēc pērkonš briesmas" Стендера (1753), представляющем собой перевод известной оды Брокеса "Die auf ein starkes Ungewitter erfolgte Stille"). — Этот мотив "сующего" огнем-молнией (во) врага Громовержца в широком контексте, конечно, отсылает к образу той же самой лопаты, засовываемой в огонь печи и восстанавливающей нормальное положение. В этом смысле лопата оказывается в том же ряду, что и молния, молот, палица, копьё Громовержца. Поскольку лит. *šauti (šaudyti)* обозначает еще и 'стрелять', то мотив "стреляния" (: "помещения в огонь") Перкунаса делает оправданным обращение к имени прусского божества врачевания, т.е. "от-стреливателя" болезней. — *Auschauts* 'der Gott der Gebrechen Kranken vnd Sunden', "der Gott der gebrechen der Kranken vnd gesunden" (по сообщению старых источников), по которому можно реконструировать прусск. **au-šaut-*, т.е. 'от-совывать', 'от-талкивать', 'от-стреливать' (о болезнях) (ср. лит. *nu-šauja, nu-šovėjas*. RR II, 98). На основании всех этих соображений, относящихся к реалиям ритуала трупосожжения и к конкретным синтагмам типа лит. *šauti & lōpeta*, русск. *сунуть & лопата*, с одной стороны, и лит. *Perkūnas & šauti*, лтш. *Pērkonš & šaut*, блр. *Пярун & сунуць*, с другой, есть веские основания допускать и для прусского сочетания **šaut-* & *lopto и **Perkūn-* & **šaut-*, что, кажется, позволяет предположить гипотетическую реконструкцию мотива — **Perkūn-* (Subj.) & **šaut-* (Praed.) & *lopto (Instr.), который не только отсылает к близким вост.-балт. и слав. фактам, но и очень близко воспроизводит приведенные выше фрагменты из хеттских обрядов трупосожжения (мотив сжигаемого на костре царя, чьи кости берутся серебряной лопатой (на нее), может быть понят как инверсия мотива "небесного царя"-Громовержца, насылающего смерть своему противнику с помощью огненного оружия того же типа, что и ритуальная лопата). Более того, этот мотив, "проработанный" в ряде ситуаций (помещение хлеба в печь, хлеба в рот, члена в лоно,

насылание огня на противника, положение покойного в огонь и т.п.), явный или тайный нерв которых — жизнь-смерть-новая жизнь, — позволяет не только представить себе реальные ситуации, когда употреблялась лопата, и, следовательно, ее функции, а отчасти (по функциям и на основании этимологии) и ее формы, см. о "подобии" лопаты-"языка" и языка пламени в статье *lopis*, но и восстановить важнейшую символическую роль лопаты. Ибо человек всегда помнил, что надо *глядеть под лопату* (готовиться умирать). Смутная память о лопате как чем-то большем, чем принято думать, как заместителе и/или представителе некоего божественного персонажа удерживается и до нашего времени — *В лесу живем, в кулак жнем, ненью кланяемся, лопате молимся или Когда гром гремит, выноси лопату на двор* (Даль 42, 689), ср. также лопатки животного в гаданиях, предсказаниях, профанизированных играх; то же было известно и в Вост. Пруссии (где, между прочим, в немецких говорах отмечено и слав. заимствование — *Lapatte, Lapatchen, Lapatke, Lopatke* 'Schulterblatt', 'Schulterstück' (Frischbier PW II, 1883, 9). "Nach dem Kulmischen Privilegio mußte eine *Lapatte* jedesmal an die Herrschaft gegeben werden. Die alten Litauer beurteilen aus den Knochen der Schweinelapatta das Wetter des künftigen Jahres" (Hennig, 1785); в свете сказанного выше о связи Громовержца и лопаты показательно, что по лопатке предсказывается погода, находящаяся в введении именно Громовержца. — См. *lapinis, lopis*.

— Лит.: Thes. 1873, 96; Brückner AfslPh. 20, 1898, 502; SEJP 312; APSpr. 372; BSW 149—150; SEW 1, 732—733; Būga RR I, 312—313; WP II, 428; ME 2, 440; SPV 206; Specht Urspr. 1947, 225, 246; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 22; ЭСР 2, 518; Pok. 1, 679; LEW 339—340; Stang Lex. 1971, 33; Etym. j. č. 339; Etim. Sloven. 2, 150; Българ. етим. речн. 3, 472; SEP, s.v.; PKP II, 286; Иванов Сл.-балт. глаг. 1981, 150; Falk Zborn. Skok 1985, 139—140; Этимол. 1983. 1985, 160—161; Топоров БСл. Иссл. 1985. 1987, 23; Goth. EW 327; ЭССЯ 16, s.v. — {*lāptā}.

los-* & **kalm-*, ср. *Loszekaymen*, 1419; *Losykaim*, 1423, позже — *Loschkeim* (APON 91). — Сложное двучленное образование; к второму члену см. {kaim-*}, *caymis*. Относительно первого члена существует неясность. Возможен выбор между *Las-/Laš*, с одной стороны, и *Lus-/Luš*, с другой. "Рысьи" названия (ср. прусск. *luysis*) нередко теряют йотовый элемент, но зато очень нечасто передают и через *o*, причем обычно это происходит позднее (в этом плане характерна форма *Loszeinen*, 1820 или нем. *Lossainen*, 1879, *Loszainen* (Nazwy miejsc. Póln. Maz. 97), см. {**luis-*}. Любопытно мазур. *Loschieinen* (Hennenb. II, 15) при совр. *Lusińskie Jęz* (Słown. nazw Mazur II, 67, ср. также *Loschune*, в басс. Лупавы (Lorentz Slaw. Hinterpomm. 1964, 89; Jurkowski Sl. Occ. 28—29, 1971, s.v.). Если речь идет о *Las-* то ср. {**las-*}, {**las-an-*}, {**las-un-*}, {**las-in-īt-*}, {**las-* & **lauk-*}, {**las-* & **vaj-*}; за этим *Las-*, разумеется, может стоять как то, что соответствует лит. *Laš-upė* (: *lašėti*) и т.п., так и то, что стоит в ряду с редкими и далеко не всегда ясными

случаями "чистого" *Las-* (лит. *Lasiāi* и под. LATSŽ 153), ср. двусмысленность лтш. и лтг. примеров с корнем *Las-*.

{*lub-} I, см. {*lub- & *kaim-}, {*lub-ain-}, {*lub-an-}, {*lub-av-/-ov-}, {*lub-en-} и др. — Возможно, в чистом виде этот элемент отражается в прусск. *Luben*, озеро, 1331—1335, (APON 91: "Grenze Elbing-Christburg"); о местном названии в острудзском повете, на основании которого восстанавливается Nom. рг. **Lub(i)s*, см. Biolik Acta V.-sl. 18, 1987, 169. О {*lub-} в Nom. рг. см. особую статью. — Из балт. соответствий ср. лит. *Lubēlis*, *Lubinis*, *Lūbupis*, *Lubakà*; *Lubōne*, м.б., *Liubēlis ež.*, *Liubiečius ež.*, *Liūbina* (LUEV 94—95; Liet. hidr. 81, 121, 164, 241; LHEŽ 196), ср. *Lubiāi*, *Lubakà* (LATSŽ 165, *Lubēnai*, *Lūbas*); лтш. *Lubas*, *Lubas-kalns*, *Lubes-muiža*, *Lubu-gārša*, *Lubu-sils*, *Lubu-kalni*; *Lub-ezere*, *Lub-kalns*, *Lub-mežs*; *Lubauši*, *Lubaž-kalns*, *Lubāns ež.*, *Lubāna*, *Lubāni*, *Lubānas-tīrums*, *Lubānes-kalns*, *Lubānes pl.*, *Lubāneņš ež.*, *Lubānieši*, *Lubāniša-ezers*, *Lubene pl.*, *Lubeņu-kalns*, *Lubeņu-purvs*, *Lubeniece pl.*, *Lubenieks*, *Lubenieki*, *Lubenieku-ciems*, *Lubija*, *Lubeja*, *Lubijas*, *Lubiķis*, *Lubine*, *Lubiņas*, *Lubīte*, *Lubņi*, *Lubūzis ež.* и др. (LV I, 2, 342—343: лтш. *luba*, *lubinieks*, *lubiķis*; в ряде случаев названия на *Lub-/Lub-* сюда не относятся и связаны с эстонск. или ливск. фактами, см. Dambe Dial. leks. 2, 1986, 123; ср. также Baltist. I priedas 1972, 60); лтг. *Lubōns*, *Lubōna az.*, *Lubānas ež.*, *Лубань*, *Łuban*, *Lubanische see*, *Lubanske see* (Blaeu, 1614, карта), *Luban* (Posevino, 1582, карта); *do Lubanskiego jeziora*, 1590; *a lacu Lubanensi*, 1583; *Lubōna klōni*, *Lubānas kanals*, *Lubōnas syls*, *Lubōni*, *Lubāni*, *Рубаны*, *Лубаны*, *Любанова*; *Lubānes к.*, *Лубань*, *Łubany*, *Lubani*, *Лубань-Пурва*; *Lubāneņš*, *Лубанчик*, *Lubāniša ež.*, *Лубинчик*, *Лубань*, *Lubāneņš*, *Lubāniņš*; *Lubōniši* (PN Latg. 289); куршск. *im dorpe tho Lebenesk*, 1531; *Lubbessemen*, 1582—1583; *Lubbeβemen*, 1585 (= *Lubben* = *lubs* [ciems]), *lubeniēk* (по Эндзелину TN I, 164, к прусск. *Lubekaut*, лит. *Lubēnai*; к лтш. *luba* 'дранка', 'гонт'; KF 123). — Ср. мазур *Lubajn*, *Lubainer See*; *Lubano*, *Lubenno*; более спорны *Lubian* (*Lauben*, 1595; Hennenb. II, 14; *Laubnische See*, 1572; *Laubener See*, ср. *Lubiana*, *Lubzionskie Jez.*); *Lubiański Borek* (*Laubner waldt*, 1572; *Klein Laubener Wald*). Słown. nazw Mazur II, 242—244, 285, 298; висл. *Łuba* (HW 590); *Łubie Jezioro* (*Lūbbe See*), *Łubno*, *Łubowo*, *Łubówko*, *Łubowicie* и др. (Słown. geogr. PZP I, 177); белост. *Lubejki*, *Lubiejki* (Kondratiuk Nazwy Białost. 1974, 114: от Nom. рг. *Lubiejko, ср. лит. *Liubis*), более ранние свидетельства — *Lub(i)ejki*, 1558, 1676, 1744, 1784, 1808 и др.; *Lubiejski*, диал. *Lubėjki* (Kondratiuk Elem. balt. 1985, 48: из лит. *Liubeikà*, к суф. ср. Бірыла, Ванагас Літоўск. элем. блр. 1968, 67—72); *Lubiejewo* (Halicka Nazwy Biał. 1976, 105: от Nom. рг. *Lubiej), *Łubin Kościelny*, *Lubino* и т.п. (свидетельства с 1528, там же 109: от Nom. рг. *Luba* или *Luba*, ср.: *Pena vallata inter Bolesthy et [Luby]*, 1468); брестск. *Любейкі* (Слоун. назв. Брэсцк. 78) и др. — Предполагается связь с лит. *lūbos* (LKŽ 7, 670), *lubà*, *lūbena*, лтш. *luba*, прусск. *lubbo* 'доска', см. более общее значение балт. *lub-* (< и.-евр. **leub-*, **leubh-* и под.) — 'сдирать', 'облуплять', 'соскабливать' (см. Pok. I, 690; Karaliūnas LKK 14, 1973, 79; LHEŽ 196), развившиеся из еще более ранних значе-

ний — 'отделять', 'отрывать' и т.п. (ср. лит. *laūbti*, LKŽ 7, 176); к подобному соотношению значений в связи с тем же корнем *lub-* см. Варбот Этимол. 1982. 1985, 24—25; Трубачев Этимол. 1982. 1985, 165. Хотя балт. ядро названий с корнем *Lub-* несомненно, существует переходная зона, в которой провести различие между балт. и слав. фактами очень трудно. — Буга относил сюда же русск. *Лобно*, озеро (< *Льбно: балт. *Lubina : *Luba и т.п.). RR III, 528—529.

{*lub-} II, ср. Nom. рг. *Lube* (APN 53, ср. Lewy Altpr. Pers. 1904, 52); — *Luben* (Matusevičiūtė APhil. 8, 1939, 13. Ср. также ятв. Nom. рг. *Wailubo* (Грунау), см. Gerullis Festschr. Bezzenberger 1921, 48: *Na-lubo*; *San-lobe*, 1374; Būga RR III, 142. — Сюда же — реконструированное по местному названию Nom. рг. **Lub(i)s*, см. Biolik Acta V.-sl. 18, 1987, 169. Этот же корень выступает в целом ряде других "ономастических" словообразовательных типов. см. {*lub-an-}, {*lub-en-}, {*lub-in-}, {*lub-ik-}, {*na- & *lub-}, {*na- & *lub-in-}. По Траутману APN 143, этот исконно балтийский элемент рано стал вытесняться чужими названиями (прежде всего слав., отчасти немецк.). — Ближайшие соответствия — в вост.-балт. именослове. Ср. ст.-лит. *Luban* (*Lubonis, от *Lubys: острудзск.-пруссск. *Lubis); совр. лит. *Lubys* (как и гидронимы и топонимы типа *Lubiāi*, *Lubēlis*, *Lubinis* и т.п. — к *lubà* (Liet. antrop. 168 : допускается, что сюда же относятся и Nom. рг. лит. *Liubys*, *-ėnas*, *-eikà*, *-āvičius*, *-el-iōnis*, как и топонимы *Liub-iškiai*, *Liub-ėlis*, *Liub-ina* и т.п.); ст.-лтш. *Yacob Lubbane*, *Lubanetens*; *Martyn Lwbbe*, *Lubbe*, *Peter Lubbe*, *Lubbe Jahn*, *Lubbe Bartholmāus*; *Mette Lwbbene* (LPV 1, 206, ср. *Lubbausz Peter*: *Lubauši*); *Lubenick* (Ibid. 295). Ср. в соседних слав. ареалах Nom. рг. ст.-польск. *Łuba* (*Luba*), *Łubek* (*Lubek*), *Łubka* (*Lubka*), *Łubko* (*Lubko*), *Łubkowski*, *Łubkowiec*, *Łubowski*, *Łubno* и т.п. (Słown. starop. nazw III, z. 2, 337—338); блр. *Лубка*, *Лубко́*, *Лубачка*, *Лубяка*, *Лубенька*, *Лубянец* и т.п. (Белар. антрап. 2, 257); ст.-руссск. *Лубька*, русск. *Лубкин*, *Лубков* и т.п. — По-видимому, родственно топонимическому {*lub-} I. В отдельных случаях, кажется, можно допустить влияние слав. Nom. рг. или апеллятивов с корнем **l'ub-*, восходящих к и.-евр. **leubh-* 'любить' (см. Pok. I, 690), см. ниже. Традиция использования этого элемента в ономастике достаточно древняя, ср. кельтские данные — огам. *Lubbais*, континент. *Lubicus*, *Lubia*, кельт.-ибер. *Lubianus* (см. Королев Древн. пам. ирл. 1984, 170: предлагается также соотнесение с др.-ирл. *luib* 'трава', 'зелье', этнонимом *Lubet-rige*), слав. *Lubo-mirь, **L'ubo-slavь* и т.п.

{*lub-ain-}, ср. *Lubayn*, 1317, в Самбии (APON 91). — См. {*lub-} и др., там же соответствия, в частности, с суффиксами, содержащими *-n-*. См. Būga RR I, 424.

{*lub-an-} I, ср. *Lubano*, река, 1331—1335; — *Lubenno*, приток Писсы на прусско-мазурской границе (APON 91). Как прусское наследие рассматривает Брауэр лежащие к зап. от Вислы *Lubahn* (около Турмберга) и *Lubaniskie-See* (около *Lubahn*), см. Pruß. Siedl. 33, 52—53 (от Nom. рг. *Lube*), ср. также *Lubahn*, *Lubon*, *Lubanowe* и др. (EOSON I, 124). См. {*lub-} I и др. — Из точных соответствий ср. лтш.

Lubāns ez., Lubāna, Lubāni; лтг. *Lubōns, Lubōna az., Lubānas ez., Luban, Лубань* и т.п.; ср. также словообразовательные типы, где при корне *Lub-* выступают другие *n*-суффиксы.

{*lub-an-} II, ср. Nom. рг. *Luban*, 1361, 1388; *Lyban; Loban* (APN 53). — См. {*lub-} II, а также {*lub-an-} I и др.

{lu- & *bart-}, ср. Nom. рг. *Lubarth; Lubart*, 1420; *Lubert* (APN 53). — Имя хорошо известно в литовском ономастиконе, ср. *Любарть*, 1350 (дважды, см. Снимки грамот, № 46), *Lubart*, 1401 (Cod. epist. Vitoldi 1882, 72), см. Būga RR I, 229, 230, 244; III, 46; *Lupart, Lupartaycia*. Gen. (Liet. antrop. 167: *Liupartas* → *Liupartaitis*, скорее всего вместо *Liubartas*); ср. также топонимы *Liubartaĩ, Liubartiškės* (LATSŽ 163); лтш. *Lubartiški, Lubert*, 1811 (LV I, 2, 342, 343); лтг. *po Lubarcie* (PN Latg. 298); сев.-зап.-польск. *Lubartów* (Słown. geogr. PZP 1, 167); блр. *Любарты* (Кратк. топон. слов. Белор. 216; Слоўн. назв. Гродз. 143 и др.) при Nom. рг. блр. *Любарт*, русск. *Любартов*, ст.-польск. *Lubart, Lubard, Lubhart, Lubhard* (*Lubard*, 1397; *Lubart et vocatur Mazowita*, 1397), *Lubartowa, Lubartowicz* (Słown. starop. nazw. III, z. 2, 281). — Это имя интерпретируется как сложный двучленный словообразовательный тип, где *Lu-* первого члена должно пониматься как *L'u-* (ср. лит. *liáuti* 'переставать', 'кончать', ср. *liūvis*; к и.-евр. **leu-*), а во втором члене находится элемент *bart-*, часто используемый в прусском именослове и отдельно (ср. *Barthenne, Bartiko, Bartucke, Bartuths*, см. {*bart-}), см. APN 133; Leskien IF 34, 1914—1915, 302; LVKŽ 91—92, 251 (ср. параллелизм *Liu-bart-* : *Liu-bar-* в литовском при наличии *Bar-* и в прусских. Nom. рг.).

{*lub-av-/-ov-}, ср. *Lubowe*, 1240; *Lubouw*, 1243; *Lobow*, 1400, позже — *Löbau* (APON 91: "пожалуй, польское"). — Действительно, в ряде случаев различие прусских и славянских (польских, поморских) примеров, отвечающих этой структуре, затруднительно (ср. *Łubowo, Lubówko*. Słown. geogr. PZP 1, 177 и др.). В любом случае следует считаться с довольно насыщенным ареалом этого названия, ср. еще *Lubowisko-See* (земля Pirsna). Brauer Pruß. Siedl. 1983, 27; *Lubow, Lübbow, Lubowe, Lubowo* и т.п. (EOSON I, 36, 80, 92; II, 37; MH 10, 98, 165 и др.). Серьезных оснований, чтобы не считать балтийскими те примеры, которые расположены на прусских землях, и отделять их от других словообразовательных типов с корнем *lub-*, вероятно, все-таки нет. И дело не только в реальности **lub-av-/-ov-* для прусской территории, но и в практически неразрешимой задаче отделения "исконного" балт. **lub-av-/-ov-* от балтийского же **lub-* с неким другим суффиксом, который в порядке субституции заменяется слав. суф. *-ov-*, трактуемым как вариант прусск. *-av-*.

{*lub-ein-/?/}, ср. *Lubeyn*, 1477 (Döhring Über Herk. Masur. 1910, 102; Būga RR III, 677). — Название отсутствует у Герулиса. — Возможно, к {*lub-ain-}.

{*lub-en-}, ср. Nom. рг. *Lubenne*, 1384; *Lubene*, 1331 (PU 2, 204); *Wopin Lubeyn*, 1417 (APN 53); ср.: *Wissegaude und Lubenne, sie wonen im Brandenburgschen gebite* ("Wegeberichte". SRP 2, 697), см.

Steponavičienė Baltist. 10, 1974, 164. — См. {*lub-} II и др., там же соответствия. — Не вполне ясно, как нужно определять основу в Nom. рг. *Luben* (APhil. 8, 1939, 13) и в гидрониме *Luben*. — Ср. лтш. *Lwbene, Lubetick*. — В связи с отражением {*lub-en-} в гидронимии см. Būga RR III, 528—529.

lūbeniks 'духовное лицо, совершающее обряд обручения'. К III, 63, 8 (*Stai Salūbsna pirschau Kirkin. N. Quoi tu N: prei twaian Salubiskan Salūbin turrit. Kaden stai abbai ia ettrai Tīt turri stas Lūbeniks steimans tals gerdant titeļ 'Die Trewung vor der Kirchen. N. N wiltu N.N. zu einem Eheligen Gemahel haben. Wenn sie antworten Ja So sol der Priester jnen weiter sagen Also'*); III, 67, 34 (*Nostan turei stas Lūbeniks tittet kirscha stans Madlit '... sol er ...'*); — *lūbnigs*. К III, 67, 20 (*Pansdau turei stas Lūbnigs prei Grandan billit Gerbais pomien titet 'Darnach spreche er ...'*. Nom. Sg. masc. — К значению см. объяснение APSpr. 372: "'Priester', d.i. 'der Kopulierer der die Trauung vollzieht'. — Соответствующие фрагменты у Вилента и в латышском Катехизисе 1586 г. построены иначе (ср.: *Jons N. ir Margeta N nor pagal Diewa jstatima y schwenta fuluba Wenczawonistes ieiti...; ...ing fuluba wenczawonities* и т.п., в сходных контекстах). — Фрагмент К III, 63, 6—8 диагностичен в том смысле, что он построен на связях, выявляемых соположением или соседством *Salūbsna ... Salubiskan Salūbin ... Lūbeniks*, и отсылает к лит. *suluba* и под. у Вилента. Литовский перевод этого прусского фрагмента (PKP II, 194) актуализирует общность ключевых элементов переводимого текста, ср.: *Tas sutuokimas priešais bažnyčią. Nori tu N. (prie) tava santuokine sutuoktine turėti ... tai turi tas sutuokėjas jiems toliau sakyti šitaip*". Лит. *sutuokėjas* и лтш. *laulātājs* как смысловые эквиваленты прусск. *lūbeniks* четко определяют функции того, кто обозначается этими словами и вместе подтверждают связь *lūbeniks* с обозначением брака в прусском, ср. *salūban, sallūban* 'Ehe' (: лит. *saľuba, suluba* < *san-lūban), *sallūban, salūbin* 'Gemahl', *sallaūbiskan, sallubai busennis* 'Ehestand' и т.п., см., которые заимствованы в конечном счете из польск. *ślub* (Brückner AfslPh. 20, 1898, 489) < слав. *сь-лубь, ср. *ślubić*. Прусск. *lūbeniks*, как и *lūbi*, см., с ним связанное, актуализируют вторичную основу (*lūb-*, что, кажется, может быть понято как свидетельство сознательного отношения к словообразовательной структуре заимствуемого славянского слова ([*сь-лубьникъ]). Более того (и это отчасти вытекает из только что сказанного), не отвергая бесспорного славянского влияния как на *salūban* и т.п., так и на *lūbeniks*, можно все-таки поставить вопрос о возможном наличии в прусском продолжателей и.-евр. **leubh-* 'любить', которые в известный период сильного старопольского влияния были перекрыты практически идентичной славянской формой. Словообразовательное разнообразие основ с корнем **lub-* в прусском, как и наличие Nom. рг. с корнем *Lub-*, могли бы быть некоторым аргументом в пользу возможного существования *lub* в балтийском (ср. лит. *liaupsė, lidupsinti* и под.), прежде всего в прусском. Наконец, существование ономастических типов

**lub-en-* и **lub-ik-* в известной мере предопределяет и возможность суммирования суффиксов — **lub-en-ik-* (: *lūbeniks*), форма, совпадающая с кашуб. *lub'ėnc* 'влюбленный во что-либо', 'любитель' и т.п. (Słown. gwar kasz. 2, 374, ср. *lub'ėnica*). Если бы допущение продолжений корня **leubh-* в прусском оказалось доказанным, то они оказались бы в том же ряду, что и др.-инд. *lūbhyati*, лат. *lubens*, *libens*, оск. *loufir*, готск. *liufs.*, др.-исл. *liūfr*, др.-англ. *lēof*, др.-в.-нем. *liob*, слав. *lūbiti, *lūb и т.п. В этом контексте приходится обратить внимание и на некоторые балт. лексемы, которые могли бы оказаться интересными под данным углом зрения, но остаются неудовлетворительно исследованными как с этимологической точки зрения, так и с точки зрения их семантической эволюции (ср., напр., лит. *liaubýti*. LKŽ 7, 389—390, которое слишком элементарно подверстывают к *liáuti*, см. LKŽD 534; LEW 362 и др.; речь идет не столько о характерных дуплетах типа *liaubsė*. Daukant. при *liaupsė* или *liaubsinti* [Tuо kartu lietuviai ir su jais kartu žemaičiai tebeliaub-sino dar perūnā ir kitus dievaičius... [Valanč.] при *liáupsinti*, сколько о тех расхождениях в значениях с *liáuti*, которые наблюдаются в ряде употреблений глагола *liaubýti* и могут оказаться основанием для более глубоких семантических, а затем и этимологических реконструкций). Нессельман Thes. 97, Фришбир PW II, 14 возводили нем.-прусс. провинциализм *Lāwe*, *Lāwd*, *Lōbe*, *Lōbde*, *Lōwd* к прусск. *lūbeniks*, *lūbnigs*, что представляется ошибочным; но учет каких-то связей прусск. *lūbeniks* с нем. *Ge-lūbde* 'обет' и его местными вариантами может составить отдаленный резерв всей этой проблемы. — По устному предложению Сабалюскаса (см. St. OP 331), *labonache* (BPT) могло бы пониматься как испорченное слово *lūbeniks*. См. Пр. яз. IV, 401.

— Лит.: Thes. 1873, 97; APSpr. 372; SPV 206; Vaillant RESI. 22, 1946, 34; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 37, 43, 57; Levin Baltist. 12, 1976, 17; St. OP 9, 400 (изложение текста доклада Левина на III конференции по балт. языкознанию. Вильнюс, 1975, в частности, о соотношении *lūbeniks*—*lūbnigs*), 241, 331; PKP II, 314. — {**lūb(e)niks*; **lūb(e)niks*}.

lūbi 'брак', 'обручение', 'венчание' (см. ниже). К III, 19, 19 (Preistesmu stas *Lūbi bhe Crixtisnālaiskas kāigi stas subs en stesmu kīrkis teikūsnan tēnti en Prūsiskan tautan laikūts wīrst 'Darneben das Trew- vnd Tauffbūchlein...'*). Целым, в котором *lūbi* обретает свое место, является фрагмент *stas Lūbi bhe Crixtisnālaiskas* 'эта книжечка бракосочетаний и крещений', на основании чего наряду с *Crixtisnālaiskas* выделяется и другое сложное слово — *Lūbilaiskas* (в развернутом виде ожидалось бы — *Lūbilaiskas bhe Crixtisnālaiskas*, хотя, по сути дела, это "развертывание" породило бы иллюзию относительно двух книжек, тогда как реально существовала одна, в которой отмечались и браки и крещения. Кенигсбергский экземпляр К III точно передает отношения элементов в этом фрагменте с помощью дефиса — *das Trew- vnd Tauffbūchlein* (тогда как в Дрезденском экземпляре дефис-штрих

отсутствует). — Следовательно, *lūbi-* должно трактоваться как первая часть сложного слова. Вероятно, это сложное слово имело реальное употребление и помимо заглавия "Энхиридиона", в котором оно находится. В этом смысле это не только, как писал Герулис (APON 242) о подобных композитах в прусском, "ad hoc gemachte theologische Neubildungen", но и реальный факт языка, а отнюдь не фантом, обнаруживающий себя только в книжном тексте. Элемент *-i-* в исходе первого члена появляется в трех случаях — в случае *i-*основ (ср. *dantimax*), вместо ожидаемого *ē* в *ē*-основах (ср. *apisorx*, *lapiwarto*), в случае мены *-a* и *-i* (ср. *Milagede* при *Miligede* и даже *Mylegede*), см. SPV 42. В данном случае выбор может идти между первыми двумя случаями; из этого следуют два вывода — при любом из этих решений приходится исходить из финала основы *-i/-i-* и, значит, тем самым *lub-* оказывается более глубоко укорененным в системе морфологических и словообразовательных связей, чем это обычно свойственно заимствованиям (ср. также *salūbin*, *sallūbi gennāmans*). Это прусск. *lūbi-* может, видимо, трактоваться и как заимствованный элемент, но и — этого нельзя исключать полностью — как исконно прусский, довольно точно отвечающий слав. *lūbь (ср. русск. диал. *любь* : *Еще кто со женой в совете живет, / Кто с душечкой в великой любе; в/о/ любé /люби/ : А мы с тобою, друг любезный, в любви наживемся; ср. к мотиву брака: Брал неровню, нездорову, я не буду в любях жить; То-то не по любви не надо брать и не по любви не надо давать* и т.п. СРНГ 17, 241 и др.). Но при любом выводе относительно происхождения прусск. *lūbi* роль славянского влияния и по существу и в том, как оно определяет языковое сознание и восприятие языковых фактов с точки зрения различия между "своим" и "чужим", остается неотменимой. Такого рода явления представляют собой значительный интерес в перспективе "вторичных" унифицирующих тенденций в балто-славянском ареале.

— Лит.: Thes. 1873, 97; APSpr. 372; SPV 206; PKP II, 314. — {**lūbi-*}.

{**lub-ik-*}, ср. Nom. рг. *Lubike* = *Lubbike*, *Lubeke* (APN 53). — См. {**lub-*} II и др. — Суф. *-ik-* выступает при этом корне (правда, в соседстве с другим суф.) в ст.-лтш. Nom. рг. *Lubenick*; ср. также ст.-прусс. *Лубька*.

{**lub-in-*}, ср. *Lubynen*, 1317; *Bubynen* (sic!), см. APON 91; — Nom. рг. *Lubin* (APN 53). — См. {**lub-*} I, {**lub-*} II и др. — Суф. *-in-*. — Наиболее точные соответствия — лит. *Lubinis*, лтш. *Lubine*, белост. *Lubin*, *Lubino*, см. выше. — См. {*lub-is}.

{*lub-is*}, Nom. рг., восстановленное на основании топонима в острудзск. повете, см. Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169, и литовских соответствий.

{**lub- & *kaim-*}, ср. *Lubekaym*, 1427 (APON 91). — Сложное двучленное слово; к первому члену см. {**lub-*} I, {**lub-*} II и др.; к второму — {**kaim-*}, *caymis*. — Ср. лтш. *Lubinieku-ciems* или *Lubes-muiža* и под.

lūbnigs, см. *lūbeniks*.

lubbo 'доска', см. ниже. Э 206 ('Bret'). Nom. Sg. fem., среди конструктивных составляющих дома — Э 204: *Stogis* ('Dach'); Э 205: *Riclis* ('Suller'); Э 207: *Talus* ('Bōne'); Э 208: *Kamerco* ('Kammer'). — О том, какую реалию обозначает прусск. *lubbo*, можно судить прежде всего по положению этого слова в данном фрагменте словаря — между обозначениями крыши и пола или — более узко и показательно — между обозначениями чердака и пола. Следовательно, соответствующая реалия принадлежит дому, во-первых, и относится к числу его конструктивных (неотъемлемых, по крайней мере, для данного типа дома) элементов. Сказанное, конечно, не означает, что *lubbo* не имело и значения просто 'доска' вне связи с домом и тем более его основными частями. Наоборот, можно утверждать, что такое значение, действительно, присутствовало в слове *lubbo* и, более того, оно было исходным в пределах некоего отрезка семантической эволюции. Но в случае Э 206 соответствие между переводимым и переводящим, *Brett* и *lubo* дано формально, в его "семантическом" минимуме, как бы вне всего "домового" контекста (разумеется, если только *Brett* в диалекте составителя немецкой части Эльбингского словаря не означало нечто принципиально иное, нежели доску; вообще говоря, известное тяготение к расширению значения слова и, видимо, к тому, чтобы обозначать им нечто более широкое, чем одна доска [ср. 'полка', 'стол', 'подмости' и т.п.], существует и не считаться с ним нельзя). Исходя из ряда соображений, среди которых не последнее место занимает и логика "здорового смысла", можно утверждать, что *lubbo* в прусском означало и потолок, так сказать, *Brett-decke*, *bretterne Decke* (ср. нем. *brettern* 'настилать доски, тес'). Собственно говоря, это заключение можно было бы сделать уже из факта наличия в указанном словарном фрагменте лексемы, обозначающей чердак. Кроме редких, явно периферийных случаев наличие чердака объясняет появление потолка и наоборот; взаимосвязанность этих элементов домовой конструкции первична, так как она "конструктивна" по преимуществу, коренится в структуре ее. Вместе с тем здесь необходимо сделать несколько замечаний уточняюще-ограничительного свойства. Прежде всего наличие потолка отражает важнейший этап в эволюции типа домовых построек и вообще и особенно в Прибалтике (в частности, в ее юго-вост. ареале). Потолок, — как, кстати, и дощатый пол, отсутствовал в первых вариантах надземных срубных домовых конструкций, т. наз. "намасах" (лит.-аукшт. *namas*, жемайтск. *nomis*, *nims*), использовавшихся и для жилья и в качестве хлева. По историческим описаниям (Длугош, Герберштейн, Гванини, Ласицкий и др.), по этнографическим и археологическим данным, по научным исследованиям, начинающимся с середины XVIII в. (ср. Lepner Preuß. Litt.; Paszkiewicz Dzienn. Warsz. 1829, N 44, 41; Daukantas Liet. būd., 34; Tumaš Kalend. Nadbalt. 1905) и вплоть до последних серьезных работ (Čerbulėnas Iš liet. kult. istor. I, 1958, 104;

Liet. etnogr. bruož. 1964, 210—213, ср. рис. 106 и др.), фиксируется именно такая "беспотолочная" ситуация. На территории Литвы, где "намасы-пумасы" были распространены до XVI в., когда, с одной стороны, он стал менять свои функции, отчасти и форму, а с другой, вытесняться другим типом жилых домов, уже имевших потолок (как в курных избах — *dūminė pirkia*, ср. Liet. etnogr. bruož. 223, рис. 116), *lūbos* 'потолок' появляется, видимо, только в это время (в жилых постройках деревенского типа). В прусском ареале, особенно в тех его частях, которые, как Помезания, рано подверглись влиянию польской и немецкой традиций, это произошло, очевидно, существенно раньше, скорее всего в XIII—XIV вв. И поэтому естественно, что немецкая часть Эльбингского словаря (и соответственно переводящая ее прусская часть) отражает уже эту более современную "потолочную" конструкцию жилого дома, которая со временем начала распространяться на сев.-вост. (есть мнение и о других источниках ее). — Встает вопрос о том, что в таком случае реально обозначалось словом *lubbo* (не говоря об общем значении 'потолок'). Очевидно, что речь идет о ряде тесанных досок, примыкающих друг к другу и опирающихся на основную несущую конструкцию потолка — балку, брус, матицу. Этот элемент потолочной структуры, видимо, назывался в прусском *grandico*, но в Эльбингском словаре это слово (Э 632: 'Vole') помещено не среди названий частей дома, но среди обозначений частей дерева (см. Пр. яз. II, 285—288, с убедительными слав. параллелями). Поэтому напрашивается заключение, что *lubbo* обозначало в узком смысле именно эту совокупность досок, лежащих на бруссе и образующих как потолочную плоскость, так и основу для чердачного "пола"; характерно в этом отношении лит. *lūbos* 'потолок', собств. — 'доски' (ср. *lūbà*) при *lūbū sijà* 'потолочная балка', *lūbóti* 'настилать потолок'. Связь потолка и пола несомненна. Отчасти это отражается в языке, причем разными способами (ср. "перевернутость", хотя бы отчасти, прусской и славянской, в данном случае русской, конструкций: прусск. *grandico* → 'потолок', собств. — 'потолочный брус' при *talus* 'пол', тогда как в русском *по-толо́к* [; *talus*], но *грѣдка*, в частности, деревянный настил на полу, плот; русск. *пáлуба*, равно относимое как к обозначению пола, так и потолка, и т.п.); к соотношению пол — потолок ср. Афанасьев Религ.-языч. знач. избы слав. Но эта же связь отражается и в иных аспектах — семиотическом (ср. знаковую, иногда типа "зеркальной" связь потолка и пола — от воспроизведения потолочного орнамента на полу в интерьере дворцовых или особняковых помещений до актуализации симметрии пола и потолка в конструктивных приемах их устройства в крестьянских жилых постройках) и причинно-следственном (появление потолка имплицитно подразумевает появление пола, и именно потолок становится некоторой моделью для пола — тем более, что, как потолок для жилья является "полом" для чердака, так пол для жилья служит как бы потолком для подпольного погреба). Несомненно, что космологические ассо-

циации дома и его частей с элементами Вселенной очень устойчивы и легко обнаруживаются в образности балт. и слав. традиций (ср. потолок-небо и пол-земля). В этом контексте следует особенно подчеркнуть, что эти две горизонтальные плоскости (потолок и пол) противопоставлены совокупно вертикальной доминанте, связывающей их — печи, печеному столбу, отчасти повторяющему их путь дыму (ср. в литовских "курных избах" т.наз. "aukštiniš" в потолке, через который "вверху" выходит дым от огня очага, находящегося внизу; в языковом плане обозначения несущей основы — бруса потолка (прусск. *grandico*) и пола (лит. *grindis*) перекликаются; ср. определение *grindis* как деревянного пола, доски его и т.п. (см. 'medinēs aslos lenta'; 'medinē asla'; 'padlagas'. LKŽ 3, 610, ср. там же *grindis* = *grandis*). — Наиболее точные соответствия прусск. *lubbo* находит в вост.-балт. Ср. лит. *lubà* 'потолочная доска' и др., Pl. *lūbos* 'потолок комнаты или другого жилого помещения' (ср. Ant *ažuolinių baldų laikėsi storos lubos*; Bus *lentų visomi lubomis uždėt*. LKŽ 7, 670), ср. *lubóti* 'делать потолок', *aplubóti* и др.; но и *lūbena*, *lubená* (: *lūpena*) 'кора', 'кожура', 'лыко', 'луб', *lūoba*, то же *lūobas* 'луб', 'древесная кора' и т.п. (в связи с последним словом высказывается предположение о метатонии "циркумфлекс" [с.-хорв. *lūb*: лит. *lubà*] → 'акут', происходившей, вероятно, не раньше той эпохи, в которую лит.-лтш. [но не прусск.] знает монофтонгизированный *uo* [из *u*-дифтонга], т.е. в сравнительно позднюю эпоху", см. Мажюлис *Baltist.* 3, 1967, 31); уже в старых памятниках ср. *lubos* (*lubás*). *Daukš. Post.* 350, 9; *Izdabintas lubas* — *Strop. wytworny*. *Širv. Dūct.* 3, 425; *luobas* (*luobas*) 3, 121; *luobay* 3, 158 (Pl. *luobay ant palauštos koios*); *lubbos* Bod[en], *Decke eines Gemachs lubbos*, *Decke des Hauses lubbos*; *Estarich asla, lubbos*. *Lex. Lith.* 19, 23 (дважды), 33; эти последние данные ценны и потому, что они относятся к вост.-прусск. ареалу (то же относится к Донелайтису, ср.: *Tuo jam ji kelias kruopas ant luobo užpylė*. "Lap.gandr. česnis", 22; ...*Ir ant luobų ar lentelių pameta stukiais*. "Pričk. pasak.", 49), ср. диал. *Šiaur. ryt. dūn. žod.* 181, 182; *Laz. tarm. žod.* 151—152 (*Atnešė namo ir padėjo jį un pirkiōs, un lubū*); *Drusk. tarm. žod.* 197 и др.; к более широкому фону аблаутных связей ср. лит. *laūbti* 'копать', 'рыть', *laubėnė* и т.п. Среди латышских примеров особенно существенны *luba* 'Linden-oder Tannenrinde'; 'die lange Dachschindel' (см. *Bielenstein Holzb.* 341); 'das Brett', 'ein Ablegebrett an der Wand' (*liek zu lubu* [вар. *plauktu*] *krūt zemē*. BW 13010) и др., *lubene*, *lubikis*, *lubiniēks*, *lubiene*, *lubt* 'крыть драпкой (*lubas*) крышу'; *luobs* 'кожура', 'кора', *luōbt* 'лушить', 'шелушить', 'облупливать', *luōbīt* и т.п. (ME 2, 509, 521—522; EH 759, 765); показательно свидетельство из словаря Лангия 1685 г.: 'Lubbos, Nāis ar Lubbams jumts, Bretter zu Dächern gerissen' (LLVV 147), ср. также *Ērg'. izl. vārdn.* 2, 246 и др. — Близкие параллели доставляют славянские языки, усвоившие, однако, как правило, форму мужск. рода *lubъ (впрочем, есть основание говорить и о периферийном диал. слав. *luba, ср. SEP 5, 270; Българ. етим. речн. 3, 484; болгар. *лѹба* и т.п.),

во-первых, и, во-вторых, концентрирующие значения этого слова в основном в кругу коры, лыка, изделий из них. Однако в отдельных случаях *lubъ употребляется и как обозначение материала, применяющегося при изготовлении кровли, ср. русск. *луб*, *лубок* 'подкорье, исподняя кора, покрывающая блонь; особ. липовое, идущее на кровли (под тес)...' (Даль⁴ 2, 700; как свидетельство прочности-крепости луба ср. *луб лубом* 'твердо, толсто, прочно', *лубью*, *лубом* 'плотно', 'крепко', *луботь*, (*за*)*лубенеть*, *лубянеть* и т.п. 'твердеть', 'скорузнуть' и т.п.; ср. также блр. *луб*, укр. *луб*; болг., макед. *луб*, с.-хорв. *лѹб*, словен. *lūb*; чеш., слвц. *lub*, в.-луж., н.-луж. *hub*, польск. *hub* (в частности, навес экипажа). Но с семантической точки зрения особый интерес представляют продолжения от производного от **lub-* словообразовательного типа — *pa-luba (ср. **po-1ol-*). Ср. русск. диал. *палуба* 'крыша', 'кровля'; 'потолок'; 'накат', 'настилка' (но и 'пол и потолок'; 'помост'; 'настилки'; 'временная тесовая, округлая крыша на лодках, для защиты кладки'). Даль⁴ 3, 23 (с разъяснением: *па* и *луб* 'лубяная крыша'); укр. *палуба* 'повозочная крыша', 'повозка с верхом'; 'крыша улья', *палуб* (Гринченко 3, 89); польск. *pałuba* 'крытая повозка' при *pałub* 'ствол дерева', 'туловище' и др. (чеш. *pałuba* объясняется из русского, см. *Etym. j. č.* 430). Значительное сходство между балт. и слав. формами как в формальном отношении (балт. *luba : слав. *luba, *lubъ), так и в семантическом ('потолок') не должно затушевывать существенного (хотя и вторичного) различия, имеющего связь с технологически-строительными особенностями, — у балтов речь идет о досках, у славян о лубе, лыке; в первом случае — то, что остается по снятии лыка, т.е. тесина, во втором — то, что содрано, т.е. лыко. Разница между доской и лыком в конструктивных свойствах и прежде всего в прочности объясняет расхождение в реалиях, которые могут быть затушеваны общим приблизительным обозначением того и другого как крыши-кровли-покрытия. Несомненно, что прусск. или лит. *lub-* 'потолок' относится к более прочной конструкции, оказывающейся не только защитой для того, что ниже ее, но и несущей поверхностью для того, что над и на ней — чердака, а слав. *lub-* выступает (когда оно обозначает покрытие сверху) в первой из названных функций — предохранительной: покрыть нечто сверху лубом как раз и значит сделать укрытие, реально во многих случаях — защититься от дождя, воды (см. Махек, указ. соч., 430 и др.). Еще одно направление в развитии праслав. **lub-* достойно внимания; речь идет о словах с нулевым вокализмом, в ряде случаев получающем продолжение: и.-евр. **lub-* > **lyb-* (: **lyb-*); сюда относится обозначение лба-черепа, к семантике которого см. ЭСР 4, 160 (дополнение); Куркина *Этимол.* 1980. 1982, 22; Варбот. *Этимол.* 1982. 1985, 24—25; ЭССЯ, s.v. и др.; ср. также трактовку лба-черепа как чердак, потолок при балт. *lub-* 'потолок' (☐ 'чердак'). — Из других и.-евр. параллелей внимания заслуживают прежде всего факты германских языков, свидетельствующие двоякое направление в семантическом развитии. Ср., с одной

стороны, др.-исл. *laupr* 'корзина' (откуда не только соответствующие слова в совр. сканд. языках, но и финск. *louppi*, лапл. *laupa*, *lupa*), др.-англ. *leap*, ср.-н.-нем. *lōp* 'маленький деревянный сосуд', ср.-нидерл. *loop*, др.-фриз. *lēpen* и т.п., а с другой стороны, др.-исл. *loft* также *loft* 'Obergemach im Haus', также 'воздух', 'небо' (см. выше о "космологичности" частей жилого помещения; о семантическом переносе с обозначения подобия портика в германском жилом строении "мегагонного" типа на небесное жилище или пространство см. Meringer *Mittelländ. Palast* 1916, 57 сл.); совр. исл., фарер., норв., швед., датск. *loft* 'Dachstube', откуда ср.-англ., н.-англ. *loft* 'Dachboden', 'Galerie' и т.д. (это слово также проникло вовне, ср. финск. *luhti* 'верхний этаж' и т.п.). Altnord. EWb. 348, 366, ср. др.-исл. *lypta* 'подниматься вверх' и т.п. (370); естественно, сюда же готск. *luftus* 'воздух', др.-англ. *lyft*, др.-сакс., др.-в.-нем. *luft* (Stang Lex. 1971, 34); ср. норв. диал. *himling* в значении 'Zimmerdecke'. Иногда этот ряд дополняют продолжениями и.-евр. **leubh-* (а не **leub-*, как в случае предыдущих примеров) — готск. *lubja-leis*, др.-исл. *lyf* 'Heilkraut', др.-англ. *lybb* 'дар', 'колдовство', др.-сакс. *lubbi*, др.-в.-нем. *luppi* и даже готск. *laufs* 'листа', др.-англ. *léaf*, др.-в.-нем. *loub*, *louba*, нем. *Laube* (Pok. 1, 690). Еще необходимо учесть алб. *labë* 'кора' (< **loubh-*), др.-ирл. *luib*, ирл. *luibh* 'трава', др.-ирл. *lub-gort* 'сад', др.-кимр. *luird* 'сады'. Р. Видимо, сюда же нужно отнести и лат. *liber* 'луб', 'лыко', 'свиток', 'книга' и т.п., хотя иногда значение этого примера ограничивают на том основании, что отсутствуют формы типа **luber* и тем самым реконструкция источника лат. *liber* в виде **luber*, **lubh-ro-s* якобы ставится под сомнение. Надо думать, что на общем фоне отсутствие формы **luber* не более чем частность. Важнее, что римляне, как и русские (ср. *лубок*, *лубочная картинка*, исстари вырезавшаяся на липовых досках по снятии луба), использовали и.-евр. **leubh-/loubh-* в духовно-культурной сфере, причем обозначали с его помощью материальное воплощение этой сферы — свиток, книга, картина, тогда как балты, германцы и др. (впрочем, конечно, и славяне) ориентировали использование этого элемента на сферу домостроения, производства разных видов плетеной утвари и т.п. Луч света на технологию соответствующих процессов бросает, пожалуй, и.-евр. **leup-*, выступающее как дублет **leubh-*, **leub-* (и/или как реализация исходного **leu-* с другим губным расширителем), ср. лит. *lūpti* 'обдирать', лтш. *lupt* (соотв. — лит. *laupyti*, лтш. *laupit*), слав. **lupiti*, др.-инд. *lōpāyati*, *lumpāti*, др.-греч. *λύπη* 'скорбь', 'печаль'; 'страдание', 'мука': *λύπέω* 'беспокоить', 'мучить', 'огорчать', 'терзать' и т.п. Прусск. *lubbo* помогает уточнить объем и характер той "липовой" индустрии, о которой см. выше *{*leip-}*, *līpe*. Фришбир PW II, 1883, 12 считает, что нем.-прусск. провинциализм *Laube*, *Lēwde* 'bedeckter, vorn und an den Seiten offener Vorbau, von Säulen getragen' представляет собой слово, которое было "schlecht verhochdeutsch" из прусск. *lubbo*. — Элемент *lub-* отражается, видимо, в ряде топонимических и гидронимических названий. Ср. выше о *{*lub-}*, *{*lub-ain-}*, *{*lub-an-}*,

{*lub-in-}, *{*lub- & *kaim-}* и др., а также см. Dambe Baltist. 1 priedas 1972, 60.

Лит.: Thes. 1873, 96—97; APSpr. 372; BB 29, 1905, 308; BSW 150—151; Jokl Stud. zur alban. Etym. 1911, 44; Būga Aist. stud. 1908, 96; RR I, 212; II, 157, 164, 452; SEW 1, 741; ME 2, 509; SPV 206; Bonfante St. balt. 1, 1931, 87; WP II, 418; LKŽD 43; ЭСР 2, 526—527; Pok. 1, 690—691; LEW 388; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 33; Мажюлис Baltist. 3, 1967, 31; PKP II, 286; Stang Lex. 1972, 34; Dambe Baltist. 1 priedas 1972, 60; Altnord. EWb. 366; Etim. Sloven. 2, 153; Goth. ED 228; ЭССЯ 16, s.v.; — *{*lubā}*.

{lud-ek(-ik)-in /?/}, см. *{*lud-ik-}*.

{lud-en-ij-}, ср. *Ludenien*, 1274, в Самбии (APON 91). — От корня *Lud-* с помощью двух суф. — *-en-* и *-ij-*. — См. *{*lud-ik}* и *{*lud-in-}*.

{lud-ik-}, ср. Nom. рг. *Ludicke*; *Ludike*, 1419 (APN 53). — Согласно Траутману, из нем. *Ludike*. — Сюда же *Andres Ludekyn*, 1419. — Ср. ст.-лтш. *Katherina Ludenix*; *Anna Ludenix* (LPV 1, 206). — Лтш. *Lūdiņi*, *Lūdiņi*-урс Эндзелин (LV I, 2, 343) выводит, с знаком вопроса из dimin. *Ludis* (< нем. *Ludwig*); неясно лтш. *Ludi* (: эст. *Ludu-niidu*. I, 2, 343 /?/). Ср., однако, прусск. *Ludin* (APN 91)? — Недавно, в связи с анализом обстановки, предшествовавшей созданию латышского Катехизиса 1585, было обращено внимание на семинар переводчиков, состоявшийся в Дерпте в 1583 г. Им руководил иезуит Феликс Лидикис (*Līdikis*) или Лудикис (*Lūdikis*, *Lūdigk*) из Пруссии. Вероятно, он был пруссом. Согласно Карулису (Valod. aktual. 1986, 42), нем. *gk* скорее всего отражает суф. *-ik(is)*, а корень *lud-* (ср. *laud-*) мог бы быть соотнесен с прусск. *ludis*. Эта намечающаяся новую интерпретацию *{*lud-ik-}* попытка тем более интересна, что об этом персонаже сохранился ряд конкретных сведений. — Лтш. *Lūdiķi* (I, 2, 350: с *-ī-* < *-uo*?).

{*lud-in- (?)}, ср. *Ludin*, 1330 (APON 91). — По Герулису, к прусск. *ludis* 'хозяин дома'. Брюкнер AfsIPh. 20, 1898, 487 видел здесь заимствование из слав.

ludini 'хозяйка дома'. Э 186 ('Wirtyne'). Nom. Sg. fem., с предыдущим Э 185: *Ludis* ('Wirt') и с последующими Э 187: *Smoy* ('Man'), Э 188: *Genno* ('Wip'), Э 189: *Maldenikis* ('Kint') и т.п. — Соотнесено с *ludis* как fem. с masc. на грамматическом уровне, но характер этого соотнесения, способы его реализации определяются по-разному. Траутман (APSpr. 372), Эндзелин (SPV 45), Милевский (Sl. Occ. 18, 1947, 25, 34) исходят из того, что *ludini* произведено с помощью суф. *-in-* (ср. прусск. *plauxdine* при лит. *plāuzdinis*, прусск. *aulinis*, *sompisinis* и т.п.) от *ludis*. В основе же и *ludini* и *ludis* лежит заимствованное польск. *ludzie* (*lud-*). Более убедительна, однако, трактовка *ludini* у Левина (SEEV 1974, 58). Учитывая значение и засвидетельствованные формы источником заимствования должна была быть слав. форма сопоставимая с ст.-сл. *людинь* или др.-русск. *людинь* (ср. значения ст.-славянск. слова — 'простой человек', 'простолоудин', 'деревенский житель'. Euch.Sin., Nomocan, и др., см. Lex. linguae palaeoslov. 17, 165;

те же значения в др.-русск. *людинь*, но также и 'человек', 'народ', ср. *людинь* Adj. 'человеческий'. Слов. ряз. XI—XVII вв. 8, 343). Левин исходит из того, что *ludinь в значении 'свободный человек' было первоначально воспринято прусским в виде *ludinis, к которому было подстроено слово женск. рода, принадлежащее к -*īā*-основам. Но это первоначальное положение было переосмыслено из-за того, что элемент -*in*- был понят как суф. и поддержан такими примерами, как *wijrinan* 'жена' (Acc.), как бы 'мужняя', при *wijrs* 'муж' (ср. лит. *vyrie-nė* при *vūras*, *vilkienė* при *vilkas* и т.п.). Одним из результатов такой переинтерпретации и было "back-formation" *ludis* из *ludinis (можно добавить — и/или *ludini* fem., которое в известном отношении выступает как базовая форма для *ludis*). — Заслуживает внимания тот факт, что в балт. языках от этого же корня имеются и исконные образования, относящиеся к женщине, ср. лтш. *ļaudava*, *ļaiūdava* 'жена', 'молодая женщина', *ļaiūduva* и т.п.; особенно часты диминутивы от этого корня в дайнах, ср. *ļaudaviņa*, *ļaudavīte*, *ļaudeviņa*, *ļauduviņa*, *ļauduvīte* и т.п. (ME 2, 530—531; EH 769 и др.). — Лит. см. в статье *ludis*. — {*lūdinī; *lūdini}.

ludis 'домохозяин', 'хозяин дома'. Э 185 ('Wirt'); 'человек'; — *Ludis*. Гр.-Г.4 ('mensch'), *ludysz*. Гр. 40 ('mensch'), *Ludysz*. Гр.-Кип. 60 ('Номо'). Nom. Sg. masc. — Ср. соотношение *ludis*: *ludini* (masc.: fem.). — Характерно место в Эльбингском словаре и словарице Грунау, где появляется это слово. В первом случае оно открывает (после слов, обозначающих родство, начиная с *Towis* 'Vater' и *Mothe* 'Muter', см. Э 169—184) небольшой список слов (Э 185—192), обозначающих "домашне-семейные" функции, ориентированные на два "природно-биологических" критерия — возрастной и половой. Положение *ludis* (и следующего за ним *ludinis*) отвечает максимальному значению того, кто обозначается как *ludis*, в домашней, семейной жизни. Во втором случае, где *ludis/ludysz* обозначает человека, его место между обозначениями ангела (*engil*) и животных (лошади — *camnet*), см. Гр. в наиболее чистом виде и более завуалировано в Гр.-Г. (Бог, ангел, город, человек, деревня, лошадь, корова и т.п.); в этом последнем случае заслуживает внимания тенденция к связи человека с городом, а скота с деревней, что, видимо, нужно понимать как указание на наиболее престижный, социально-ценностный локус жизни и деятельности человека — на город (ср. в Гр. характерное начало — Бог, город, деревня, корова и т.п.); при этом, конечно, нельзя забывать ни известную относительность понятия "город" применительно к прусским условиям, ни того, что последовательность введения прусских слов определяется порядком немецкой части словаря. Оба эти наблюдения составляют лишь часть фактов, относящихся к социальной истории этого термина в балт. языках. Кое-какие данные о том, что представлял собою домохозяин, можно извлечь из старых документов, относящихся к пруссам. Так, в описании Галлом Анонимом (XI в.) пруссов Галиндии и смежных земель, т.е., пожалуй, наиболее отсталой части прусских земель, сообщается совокупность любопытных

фактов, — что там нет городов или крепостей, что земля там распределена "per sortes hereditarios" (по наследственным жребиям) между земледельцами (*ruricolis*) и жителями (*habitoribus*), что в этой области есть села и постройки, которые были сожжены Болеславом, наконец, что им же было взято в плен большое количество пруссов, а именно — *viros et mulieres, pueros et puellas, servos et ancillas* (MPH 1, 478). Этот перечень, где *viros* понимается обычно как обозначение "свободных" мужчин, довольно точно воспроизводит фрагмент Э 185—192: *Ludis, Ludini, Smoy, Genno, Maldenikis, Wayklis, Gewineis, Mergo*. И там и здесь своего рода стандартный список, номенклатурная "домашне-семейная" парадигма, после которой сразу же вводится тема дома — Э 193: *Buttan* ('Hūs'), далее следуют хозяйственные постройки и т.д. Одна из "логик" чтения словаря состоит в соотношении "первых" членов каждого "подсловарика", и она нередко приносит нетривиальные результаты или же подтверждает бесспорное. Следуя этому принципу, можно получить характерное сочетание *Ludis (Ludini) & Buttan*, т.е. букв. — 'человек (муж), хозяин дома' (соответственно — хозяйка), или, говоря в терминах Галла Анонима, *vi-res*, соотв. — *mulieres* тех жилищ-домов в селах, которые были сожжены Болеславом. В этом плане домохозяин — *ludis*, видимо, понимался как раз как "свободный" человек (ср. слав. *ludinь), а домохозяйка — *ludini* соответствовала этому статусу. Наличие "наследственных жребиев" у таких "свободных" мужей предполагало уже определенный уровень развития частной собственности, который в свою очередь как бы гарантировал статут "свободного" человека. Некоторые статьи "Помезанской Правды", несомненно, имеют в виду *ludis*'а который, судя по всему, трактуется в немецком тексте как *Herr* (или *Mann*), а зависящие от него люди обозначаются или как *Leute* 'люди' (слово того же корня, что и *ludis*), или более дифференцированно (*Knecht, Dienstbote* и т.п.; впрочем, в нейтральных случаях они также могут обозначаться как *Mann*). Ср.: *Werden leute gewundt, die vonn yrem oder zu yrem herren erbeyten gehen, das sal man zwefeldig richten* (28); *Ist ein man an seiner herren dienste und ym wirt urlaub gegeben heym zugehen ...* (95; k *wirt*, ср. *ludis* 'Wirt'); *Ab ein man einen knecht hette oder einen dienstbotten, sendte der man den dienstbotten in seym gescheffe, breche der dienstbotte under des seinen hals, da sal der herre seine schult an haben* (109) и т.п. — Практически все, кто высказывал свое мнение относительно происхождения прусск. *ludis* (как и *ludini*), видели в нем заимствование из слав. (ср. Brückner *AfslPh.* 20, 1898, 487; *APSpr.* 372; *SPV* 206; Milewski *Sl. Occ.* 18, 1947, 25, 34; Fraenkel *LPosn.* 2, 1950, 101; Levin *SEEV* 1974, 58, 88, 97 и др.). Спорить против этого утверждения трудно, а в каких-то случаях (*ludysz*), видимо, невозможно, и, если бы речь шла о выборе — совершенно неукоснительном — между да и нет, следовало бы ответить положительно на этот вопрос: славянские следы в *ludis* и *ludini* бесспорны. И все-таки современная теория заимствований предусматривает более сложные случаи, особенно в примерах типа описы-

ваемого здесь (исходная ситуация — близкородственные языки, расположенные на смежных, а несколько позже и на одной и той же территории; более поздняя ситуация — сочетание усиленных процессов заимствования с переработкой их по прусским морфонологическим моделям [иногда с персеверирующими архаизирующими тенденциями] с явлениями, свойственными зонам языковых союзов). Во всех смежных и ближайше соседних областях — балтийских, славянских и даже германских достаточно широко и разнообразно представлены рефлексы и.-свр. **leudh-*, и предположение, что только в прусском их не было, кажется очень мало вероятным. Эта самая общая посылка, ориентирующая на более осторожное и взвешенное решение вопроса о происхождении *ludis*, *ludini*, отчасти поддерживается и более конкретными аргументами. В частности, все имеющиеся предположения о слав. (др.-польск.) форме источника заимствования все-таки не могут считаться достаточно убедительными, а иногда и вовсе сомнительными (*ludzie* и т.п.). Формально прусск. *ludis* могло бы быть удовлетворительно объяснено или из слав. *ludь (→ *ludas → *ludis = *ludis) или из *ludь (ср. русск. диал. *людь*, собир. 'люди', 'масса людей' [Ой, какая людь здесь!]; ср. *людье*, но особенно *людь* 'человек' [Один людь. Казан., Вост. Перм.]. СРНГ 17, 244), но грамматически, а отчасти и семантически такое объяснение сопряжено с определенными трудностями в деталях; что же касается *людь* 'человек', то это явление редкое в слав. языках, и пока, кажется, нет данных, чтобы доказать наличие подобной формы там и тогда, где и когда могло быть реально заимствовано это слово (наконец, надо помнить, что этого корня слово в един.ч. известно, напр., и в лит. *liáudis* 'народ' и т.п.). Также и отношение *ludis* — *ludini* в словообразовательном плане, кажется, вполне могло бы объясняться и на прусск. почве, ср. *stabis* — *stabni* (< *stab-inē), *grauwus* — *graw-une* и т.п. (Smoczyński ВРТ 40, 1986, 175). Если учесть, что в семантическом отношении ряд вост.-балт. слов этого корня не только не уступают славянским в близости к *ludis*, но иногда и превосходят их (см. ниже), а также особую престижную отмеченность понятия, передаваемого в словах этого корня, и использование его в архаических типах личных двучленных имен (ср. *Vý-liaudis* = *Wilawde ... czu Erogeln*, 1390. Cod. Vit. 23 [ср. *Вилевды*, село Ойрагол. вол.]; *Лявд-гину*, Видукл. вол: *Liáud-ginas*. Būga RR I, 156; Liet. antrop. 140, 217; LVKŽ 246—248; *Liáuda*, *Liáudè*, *Liáudas*, *Liaudys*, сокращ. формы; *Liaudginà, *Liáudgina*, -è; *Liáudgintà, *Liáudginta*, -è; *Liáudgintas; *Liáudmantas, *Liáudmantè; *Liaudminà, *Liáudmina*, -è; *Liáudminas; *Liaudvydà, *Liáudvyda*, -è; *Liáudvydas*; *Liáudvilas, *Liáudvilè, *Liaudvilè*; *Liaudbaras*), — то кажется весьма вероятным заключение, что слав. **lud-*, четко соотносившееся с исконным элементом (им могли быть как **lud-*, так даже и **lud-*, ср. выше ряд примеров, где при *au* в вост.-балт., в прусск. выступает *u*, как и в славянском, при отсутствии убежденности в заимствованности таких примеров), было как бы встроено в балт. (прусс.) нишу, впитав в себя ее содержание и тем самым как бы

стерев прежнюю "пруссость" этого элемента (видимо, не случайно уклонение SPV 206 и LEW 361 от выражения мнения по поводу точки зрения о заимствованном характере прусск. *ludis*). Поэтому обращение к фактам вост.-балт. языков в данном случае ("заимствование") достаточно оправдано: оно может осветить ту страничку истории этого важного социального термина в балт. языках, которая была, возможно, существенна и для прусского предшественника *ludis* (и *lidini*). В этом отношении внимание должно быть обращено не столько на лит. *liáudis* 'народ', 'люди' и лтш. *ļaudis* 'люди', 'народ' (или даже их специализированные, как правило с "ухудшением" значения, варианты типа лит. *liáudis* 'простые люди', 'работники', 'крестьяне'; 'необразованная толпа' [дусятск.], ср. *liaudis* 'chłop', 'мужик' [: прусск. *ludis* !] из рукописного словаря Юмского, см. Kossarzewski Litvanica 39, ркп.: *tokià liáudis (fem.)*, *mat, ne išjuoks!*; ср. у Даукши *liaudis*. Post. 22, 38, 77, 258, 268, 505, где слово нередко выступает для обозначения "простого" народа, низкого его слоя [характерно отсутствие слова у Ширвидаса Dict., в Lex. Lith., у Донелайтиса и т.п.] при лтш. *tuižas ļaudis* 'дворовые люди', 'челядь', 'работники' и т.п.), сколько на те случаи, когда с этим корнем связываются "домашние" и "семейно-родственные" значения (включая сюда и категорию прислуги, помощников, работников), т.е. то, что еще раз отсылает к фрагменту Э 185—192. Ср., напр., лит. *liaudžià* 'все домашние, как свои, так и наемные' (ср. отчасти противопоставление лтш. *savi ļaudis: sveši ļaudis*. ME 2, 531) в таких контекстах, как *Didelè jo liaudžià* или *su tokiu liaudziu* (sic!), *tai, žinoma, duonos grāitai netenka* (LKŽ 7, 391; Būga RR I, 382; Валькининкас, Родуне). В жемайтск. говоре Варняй отмечена форма *liaude* 'familia' (*Tava visa liaude tokia 'twoja cała familja taka'*. RR I, 382; Skardžius Daukš. акс. 116; LKŽD 51, 70; LEW 361). LKŽ 7, 390 определяет *liaudè* как 'родня' ('giminė'), комментируя это значение такими примерами, как *Liaudè uga sugimimas į kits kitą; Tokia anų liaudè, kad jie į kits kitą linkę* и т.п., но иногда слова этого корня, наоборот, акцентируют внимание или на "чужести" внутри семьи-дома (см. выше о прислуге и т.п. — "наемные", со стороны) или на "чужести", связанной с иным локусом (ср.: "in Lubahn heissen in einem Dorfe die Bewohner der Nachbargesinde ļaudis". ME 2, 531). — В подобном контексте стоит подумать о возможности понимания прусск. *ludis*, домохозяина, главы дома, семьи, домашнего хозяйства как своего рода верховного воплощения двух главных функций — "семейно-родственной" и "наемно-служилой"; каждая из них может в лице своих конкретных представителей обозначаться тем же самым корнем, что и *ludis*, ср. лит. *liaudè*, *liaudžià* применительно к первой функции и *liáudis* (в "ухудшенных" значениях) и то же *liaudžià* (в связи с челядью, слугами, работниками) применительно ко второй функции. Ср. соотношение *Wirt* (*Wirtin*) и *Wirtschaft* в немецком. — Таким образом, сопоставление прусск. *ludis*, *ludini* с тем же кругом слов в вост.-балт. (*liaud-*, *ļaud-*) позволяет, кажется, сделать два важных заключения: первое — обозначения целого (семья, домашние,

родственники и челядь) и его персонифицированного представителя (хозяин дома, хозяйка) могут быть построены с помощью общего корневого элемента, что само собой отсылает к перспективной идее связи этих двух сущностей, подтверждаемой очень большим числом примеров; второе — профилирующий корень, обозначающий дом-семью, может применяться как к максимальной (власть в доме), так и к минимальной (подчинение в доме или, как сказано у поэта, *Были мы люди, а стали людье...*) ситуациям; корень *lud-*, *liaud-*, *ɫaud-*, следовательно, в известном смысле амбивалентен, применим к описанию разонаправленных процессов — роста, возвышения и понижения; пути к освобождению и к лишению свободы, закабалению. Расширение круга слов, которые, хотя бы потенциально, могли считаться родственными анализируемым словам, видимо, позволит вскрыть некоторые важные интимные мотивы "печали-страдания", неизбежно связанные с ростом (и.-евр. **leudh-* 'расти') и неизбежными при этом процессами синтеза-анализа, индивидуации новых общностей — от семьи до народа — и их локусов — от дома до страны (ср. соотношения типа *liáudis* — *liūdēti*, *liūsti* 'печалиться', 'грустить', 'скорбеть', 'горевать', сюда же и прусск. *laustinti*, при *tautà* — *taūsti* 'тосковать', 'скорбеть' и т.п., см. Karaliūnas Baltist. 12, 1976, 88—90; Покорный, правда относит *liūdēti*, *liūsti* к продолжениям и.-евр. **leud-*, см. 1, 684). Связь природно-вегетативных и культурно-социальных факторов в эволюции корня **leudh-* в разных и.-евр. языках, в частности, и в балтийских, несомненна; более того, именно она определяет ту тонкую игру смыслов и сам характер символики, которые придают специфичность всей истории этого корня. — История слов этого происхождения в литовском (*liáudis* 'люди', 'народ', *liaudžia* 'большая семья', 'челядь') в контексте больших и меньших социальных общностей исследована Карацеюсом (LKK 19, 1979, 126—127; Истор. соц. терм. 1987, 19). В связи с прусск. *ludis*, пожалуй, наиболее интересным представляется вывод об очень существенной оттесненности *liáudis* уже в древнейших памятниках литовской письменности: лишь несколько раз он встречается в "Постилле" Даукши (см. выше), а на территории Вост. Пруссии отмечен всего один пример ("Margarita Theologica", 1600). Как бы ни объяснять эту оттесненность конкретно (а она, несомненно, обнаруживается и в более поздних текстах, вплоть до настоящего времени, если не говорить о результатах стандартизации в определенных ситуациях), сам факт ее вводит в ситуацию, которая некогда, видимо, была знакома и прусскому языку, вынужденному подкрепить балт. **l'aud-*, прибегнув к слав. **l'ud-*. — Слова этого корня широко распространены и в других и.-евр. языках — как в "растительных", так и в "социальных" значениях, как в именных, так и в глагольных образованиях. Ср. прежде всего слав. **l'udь*, **l'udinь*, **l'udьje*: ст.-сл. *людинь*, др.-русск. *людинь* 'свободный человек' и др. (ср. укр. *людина* 'человек'); ц.-сл. *людь*, болг. *люд*, словен. *ljūd*; ст.-чеш. *lud*, чеш. *lid*, словц. *lud*, в.-луж., н.-луж., польск. *lud*, кашуб. *lud* (: *lěze*), словин.-помор. *lud*, полаб. *l'audi* (*lgaudl*, *Ljaudl* и

т.п.); др.-русск. *людь*, русск. *люд* и т.п. (см. ЭССЯ s.vv. и др.) и герм.: готск. *liudan*, др.-в.-нем. *liotan*, др.-сакс. *liodan*, др.-англ. *lēodan* 'расти'; готск. *laudi*, *ludja*, др.-сакс. *lud*, др.-в.-нем. *ant-lutti*; *liut*, др.-англ. *lēod* 'народ', ср.-в.-нем. *liute*, нем. *Leute*; др.-англ. *lēode* и т.п.; весьма показательно бургунд. *leudis* 'свободный муж (человек)'. Кельтские данные (др.-ирл. *luss* 'растение', др.-корн. *les*, кимр. *llysiaw*, брет. *louzou* и др.) менее интересны, зато очень важны др.-греч. и итальянск. данные. Ср. ἐλεύθερος 'свободный' (< **leudh-er-*), фалиск. *loferta*, лат. *liber* 'свободный' (*Liber*, бог растительности, рождения, *liberi* 'дети', ср. оск. *Lúvfreis*. Gen.). Сюда же — и венецкое теофорное имя *Louzera* (: лат. *Libera*, относящаяся к *Liber*, как прусск. *ludini* к *ludis*). Впрочем, иногда возражают против связи др.-греч. и латинск. слов; из и.-евр. **leudh-* в латинском ожидалось бы **lüber*; *liber* же скорее говорит как об источнике об и.-евр. **leidh-er-* (Peters IF 81, 1976, 32; ср. также Duhoux Folk Life 6, 1973, 146—151). Интересны и албанские факты, не часто в этом контексте упоминаемые; ср., возможно, *lenj* 'werde geboren, entstehe' (< **leudh-n-*), *lind-* 'gebäre', но *polet* 'народ' (**leudh-m-*), *vëla* 'брат' (из **sye-loudhā* 'Sippengenosse', ср. лтш. *savi laudis*). Индо-иранские примеры подчеркивают вегетативные мотивы — др.-инд. *rōdhati*(*rōhati*) 'расти', 'взбираться' (: *rōha-*, *ava-rōdha* и др.), авест. *raodaiti* (: *raoda*) и т.п., см. Pok. 1, 684—685 и др. — Последняя по времени попытка семантического истолкования всех этих фактов — от исключительно "вегетативных" до максимально "социальных" — была предложена Бенвенистом Vocab. Inst. I, 1969, 322—323 (ср. Szemefenyi Stud. kinsh. term. 1977, 116). Исходя из соотношения типа готск. *liudan* 'расти': *laudi* 'облик' (ср. также *jugga-lauþs* 'по-молодому статный', *sama-lauþs* 'того же роста', 'равный') или др.-инд. *rudh-*, авест. *raod-*: авест. *raodah-* 'рост', 'телосложение', 'облик', он рассматривает первые члены в этих парах как обозначение процесса роста, а вторые — как его результаты, завершение роста, которые могут транспонироваться в сферу обозначений внешнего вида человека или в сферу этно-социальных категорий, характеризующихся "общим ростом" — родством (ср. *на-род* : *родить*, *люди* : готск. *liudan* и т.п.). Следовательно, понятие "свобода" складывается на основе понятия роста, выступая как своего рода его метафора. Свобода, конечно, может быть определена как результат роста, достижение стадии "плодоношения", т.е. полноты и завершенности, но это определение не было бы наиболее "сильным" и интенсивным выявлением глубинной семантики. Главное, видимо, состоит в мотиве "свой", точнее, совместной принадлежности к своему (ср. слав. **svoboda*, в котором присутствует этот элемент **sv-*): свободный тот, кто прошел процесс совместного роста в своей общности — народе, племени, роде, семье; свобода не избавление, освобождение от чего-то тяготящего и обременительного, но обретение состояния завершенного "свойства", т.е. бытия своим (значит, самостоятельным, полноправным, равным) в той социальной общности, к которой ты принадлежишь. Если вернуться к балтийским, в частности, прусским реалиям, то "ос-

военные" в социуме было сопряжено с домом, определенной формой личной собственности, гарантирующей независимость, статусом домохозяина, обеспечивающего процветание дома, рост всего, что к дому относится (урожай, скот, потомство, богатство). В этом смысле прусск. *ludis* (и тем более его предшественник, чье обозначение кодируется балт. корнем) не отделим от Либера (как и *ludini* от Либеры, Лоузеры и т.п.), и те весенние обряды плодородия, о которых известно по источникам, относящимся к древним пруссам, по сути дела, варианты таких римских земледельческих праздников, как *Liber, Libera, Liberalia* — 17 марта, день, когда совершеннолетние юноши получают *toga virilis* (см. Dumézil *Rel. rom. arch.* 1966, 216, 370—371; Иванов *Этимол.* 1973, 1975, 18; ИИ II, 477 и др.). С течением времени отдельные члены описанной схемы изменялись и связи между ними получали несколько различный вид, но все-таки и в прусск. *ludis-Liber* и *ludini-Libera* в их жизни в семье-доме и в их хозяйственно-социальной деятельности еще просвечивают индоевропейские истоки института "свободного" человека и связь его с вегетативной топикой, образностью, символикой. Этот широкий контекст позволяет понять коллективный характер такой свободы-роста и мотив мучений-страданий, сопровождающих разные этапы вегетативного цикла (ср. лит. *liūdis: liūdėti* в связи с темой страдающего Диониса; ср. Διόνυσος Ἐλευθερέυς, о чем см. Puhvel *Analecta IE* 1981, 164—165; Szemerényi *Arch. ling.* 4, 1952, 38). — Иногда считают, что в некоторых балт. топонимах и антропонимах содержится то же *lud-*, что и в прусск. *ludis*. Так, Дамбе (*Baltist. 1 priedas* 1972, 58) не исключает, что такой случай — *Ludi* (Дундага), *Ludini* (в Элее, Земгале; в Нице, Курземе; в Катвари, Видземе): прусск. *ludis, ludini*; она же, впрочем, допускает, что *Ludini* — диминутив от Nom. pr. лтш. *Ludis* (LV I, 2, 343). Недавно было выдвинуто предположение, что тот же корень присутствует в Nom. pr. *Lūdikis*, см. *{*lud-ik-}*. Корень **leudh-* используется в топонимике и других ареалах, прежде всего в Средиземноморье. Кроме таких случаев, как Ἐλευθερίς (пэтра), Ἐλευθήρ в Беотии (Геснод), *Liber* и под., заслуживают внимания примеры, приводимые Шмоллем и относимые им к догреческому слою на Сицилии — Λευτέρνιοι, Λευτερνία παραλία, Λευταρνία ἄρουρα, Λατέρνιοι (α из мессапск. *ev*), Ἐλεύτιοι, *Liternus*, -um и т.д. (ср. этрусск. *lautn* 'libertus'. Ribezzo *RIGI* 12, 1928, 189, 193; 15, 1931, 153; 16, 1932, 29, 32; 21, 1937, 37; Olzscha *Glotta* 46, 1968, 212—227). Schmolll *Vorgr. Spr.* 1958, 82—83. Руссу предложил объяснять название фракийского племени в зап. части Малой Азии *Lydoi* (ср. *Lydia*) из и.-евр. **leudh-*, ср. Λυδίας и др. (Tomaschek *Thr.* II, 2, 96; Detschew *Thr.* 277—278 и др.), см. Limba *tr.-dac.* 1967, 110 и др. Существует и еще ряд названий, в которых можно подозревать продолжение и.-евр. **leudh-*. Учет их (и в топонимии и в ономастике) многое бы дал для конкретизации пространственно-временных рамок понятия "свободного" человека в древности.

— Лит.: Thes. 1873, 97; Brückner *AfsiPh.* 20, 1898, 487; APSpr. 372; BSW 160—161; WP II, 417; Endzelin *ZfslPh.* 18, 1942, 123; SPV 203; Mi-

lewski *Sl. Occ.* 18, 1947, 25, 34; Fraenkel *LPosn.* 2, 1950, 101; LEW 360—361; Pok. 1, 684—685; Szemerényi *Arch. ling.* 4, 1952, 38; Sabaliuskas *LKK* 8, 1966, 15; Dambe *Baltist. 1 priedas* 1972, 58; St. OP 3.405; 10. 062; Levin *SEEV* 1974, 58, 88, 97; PKP II, 315, 329; Karulis *Valod. aktual.* 1986, 42; Smoczyński *BPTJ* 40, 1986, 175; Karaciejus *LKK* 19, 1979, 126—127; *Истор. соц. терм.* 1987, 6—7, 19. — *{*lūdis}*.

ludysz, см. *ludis*.

{*lug-}, ср. Nom. pr. *Michil Lugge* (APN 53). — Связь с гидронимом *Lügelgen* (см. *{*lug-el-lj-}*) представляется сомнительной. Зато, видимо, бесспорно, совпадение с ст.-лтш. Nom. pr. *Vyldes Lugghe*, также *Peter Luggenete, Peter Luggenick, Gertke Lwggersche* (LPV 1, 206: от *lug'es*, см. § 19, ср. также *lug'is* 'ein grosses Transportboot'). Не вполне ясно отнесение сюда топонимов с элементом *Lug-*, ср. *LATSŽ* 165: LV I, 2, 344: лит. *Lūgiai, Lūgėliai, Lūginė*; лтш. *Lugaži, Lugi, Luguži, Lug'a-kalns, Lug'ene pl.* и др. Но лит. *Lūgariškis* и лтш. *Lugariški*, похоже, отсылают к Nom. pr. *Lwggersche*, тогда как ряд других едва ли относятся сюда.

{*lug-}, реконструируемый на основании субстратного кашубск. *lug'j* 'ciegi, lanie, baty' (*Słown. gwar. kasz.* 2, 374) и коцевск. *lug'i* прусский корневой элемент, см. Labuda *Konf. Pomorska* (1978) 1979, 27. Не вполне ясно.

{*lug-el-lj-}, ср. *Lügelgen*, озеро, 1384 (APON 91). — По Герулису, к лит. *lūgai* 'лу́жа' и т.п., с суф. *-el-lj-*. — Ближайшее соответствие в вост.-балт. ареале — лит. *Lūgėliai*, дважды, при *Lūginė* и т.п. (*LATSŽ* 165); *Lūgaī, Lūgas, Lūgnas, -ai-*, м.б., *Lūginas* (*LUEV* 95; *Liet. hidr.* 36, 155; *LHEŽ* 196); лтш. *Lugi, Lugna, Ludza ez.* (< **Lug-jā*), *Ludzi, Ludze ure, Ludzes, Ludzēns, Ludzenieki* и др. (LV I, 2, 343—344); лтг. *Lugi, Lugu* (PN *Latg.* 291). Не вполне ясно происхождение многочисленных польских названий с корнем *Ług-*, находящихся на бывших прусских землях или в непосредственном соседстве с ними. На старых славянских территориях к югу, востоку и западу достаточно часты названия с корнем *Luž-* (иногда и *Lž-* < **Lьž-*, ср. ст.-сл. лъжа 'канавка' или *Лжа*, приток Великой, если только это не из балт., ср. лтш. *Ludza*) и *Lug-*, но последние двусмысленны там, где рефлекс праслав. **g* и **u* совпадают. Там же, где эти названия, действительно, восходят к **Lug-/ *Luz-*, они не отделимы от слав. **luža* и его балт. соответствий типа лит. *lūgas, lūgas, liūgas* 'слякоть', 'трясина', *liūgnas, liūginas, liūgynas, liūgnas, lūgnas, lūgne* и т.п. (*LKŽ* 7, 602—603, 672); лтш. *luga, luga, lucka* (< **ludz/i/ka*). ME 2, 509—510 и др. Существенно, что ближайшие параллели этим апеллятивам обнаруживаются на Балканах, прежде всего в их "иллирийской" части, ср. алб. *lëgatë* 'лу́жа', 'болото' (*ljëgatë, ljigatë*) и восстанавливаемые для иллирийского апеллятивы **luga, *lugas* (проблема отношения указанного албанского слова и его балто-слав. соответствий к протоалб. **lug-*, представленному разными словообразовательными типами и исследованному Десницкой ['углубление', 'выдолбленность'], см. В чест Георгиев 1980, 187; *Сравн. язык.* 1984, 198 и др., заслуживает особого рассмотрения). —

Этим апеллятивам на Балканах (впрочем, возможно, не только там; ср. галльск. *lobūos* 'ворон', с помощью которого обычно объясняется *Lugu-dunon*, название древнего Лиона, допускающее, видимо, и иное объяснение элемента *Lug-*) соответствуют топо- и гидронимические факты типа иллир. *Lugione* (It. Ant. 244, 2; Tab. Peut.; *Lugione*. Rav. IV, 20); Λουγίωνον (Ptol. II, 15, 3); ср. Λούγεον ἔλος (Strab. VII, 314: ὁμοίως δὲ καὶ ἐκ Τεργέστε Κώμης Καρνικῆς ὑπέρθεσις ἐστὶ διὰ τῆς Ὀχρας εἰς ἔλος Λούγεον καλούμενον), болотистое озеро в области иллирийских яподов. В этот же ряд, видимо, относится дак. *Lúgīnos*, река (Arg. Anab. I, 2, 1), о чем см. Duridanov Thg.-Dak. 1969, 44; Топоров Балк. лингв. сб. 1977, 62. — В более широком плане см. Basanavičius Liet. Taut. III, 541; Loewenthal WS 10, 1927, 169; Krahe IF 49, 1931, 273; Spr. u. Vorz. 1954, 109; Spr. d. Illyr. 1, 1955, s.v.; Vorgesch. Sprachbez. 1957, 11; Mayer Spr. alt. Illyr. 1957, 213; Kurcalts Arheol. un etnogr. 8, 1968, 126; Urbutis Baltist. 8, 1972, 208—209; ЭСР 2, 529—530; LEW 370, 388—389; Pok. 1, 686; LHEŽ 196; Merlingen IF 83, 1978, 68; Мартынов Балт.-слав.-итал. изогл. 1978, 29; Яз. простр. 1983, 36—37, 75—76; Широков Baltist. 20, 1984, 17; Топоров Acta B.-sl. 17, 1986 (1987), 285; Dambe Onom. arcer. 1987, 42; Rădulescu JIESt. 12, 1984, s.v. и др. — К истории отражения и.-евр. **leug(h)-* на пространстве между Балтикой и Средиземноморьем см. Hamp Ponto-Balt. 2—3, 1982—1983, 7—8 (с введением ряда не привлекавшихся ранее албанских данных), ср. Stundžia Baltist. 23, 1987, 207.

lugis 'пирог'. Э 341 ('Kuche'). Nom. Sg. masc. (?), среди выпеченных изделий из теста. Ср. Э 339: *Geytye* ('Brot'), Э 340: *Sompisinis* ('Gropbrot'), Э 342: *Plinxne* ('Pletcze'), Э 343: *troskeilis* ('Stroczel'), Э 344: *Solthe* ('Wecke'), Э 345: *Kalso* ('Vlade'). — Слово, остающееся не изученным с этимологической точки зрения. Единственное объяснение (сопоставление со ст.-лтш. *lagone* 'пирог') было предложено Беценбергером BB 23, 1898, 32. На него сослались Траутманн APSpr. 372 и Эндзелин SPV 206, причем последний указал на несоответствие *lug-* и *lag-*. Действительно, это сопоставление никак нельзя считать ни решением вопроса, ни даже серьезной заявкой на это: по сути дела, ситуация продолжает оставаться "запертой". — Начинать приходится с "пустого" места. В целом логика этого фрагмента словаря ясна: хлеб вообще, выпечные изделия класса "пирогов", блины. Соседство *lugis* 'пирог' (Э 341) и *plinxne* 'круглое, плоское хлебное изделие' (Э 342) может дать некий начальный импульс к решению проблемы, если обратить внимание на мотив плоскостности в *Plinxne*, которое переводит нем. *Pletcze* (нем.-вост.-прусс. *platz* 'Fladen, flacher düpner Kuchen'. Frischbier II, 154); можно обратить внимание и на соседство *lugis* 'пирог' и *solthe* (какой-то) 'пирожок', но из этого последнего соотношения трудно извлечь что-то существенное в отличие от предыдущего — *lugis* : *plinxne*. Естественно предположить, что плоскому, т.е. с ровной поверхностью, *plinxne* могло бы соответствовать нечто неплоское, а, наоборот, загнутое, причем сама эта загнуто́сть обычно выступает в двух вариантах: 1) на раскатанный

круг теста, в середину его помещают начинку, а края, оставшиеся свободными, загибают кверху; 2) на такой же круг теста с начинкой накладывают сверху другой кусок раскатанного теста и, чтобы соединить два этих куса, подгибают кверху края нижнего куса, как бы защищая их за обращенные книзу части верхнего куса (ср. тип русских "защищенных" или глухих пирогов, противопоставляемых "незащищенным" или растегаем). Можно добавить, что случай слоеного пирога, связанного с повторяющимися операциями загибания, относится сюда же. Если исходные посылки верны, то, во-первых, можно с известным вероятием представить себе вид этого *lugis*-пирога (возможно, существенна и родовая оппозиция названий "загнутого" — masc. и "плоского" — fem. пирогов), а, во-вторых, предположить, что корень *lug-* и передавал как раз значение "загнуто́сти". Выдвигаемая здесь точка зрения состоит именно в том, что внутренняя форма слова *lugis* мотивируется идеей "загнуто́сти". Два обстоятельства нуждаются в этом случае в проверке: предусматривает ли семантическая типология обозначений пирога мотивировку их этой идеей и связано ли это значение с балт. корнем **lug-*? Ответ на первый вопрос, бесспорно, положительный, и мотив загнуто́сти хлебного выпечного изделия (в частности, ритуального пирога) так или иначе выступает (иногда ему не придается должного значения при этом) в ряде основных работ, где поднимается тема изделий из теста (ср.: Сумцов Хлеб 1881; О свад. обрядах 1881; Обряд. употр. хлеба 1885; Krauss Sitte u. Brauch 1885; Schneeweis Feste u. Volksbr. 1953; Serbokroat. Volksk. 1961; Zelenin Russ. Volksk. 1927; Иванов, Топоров Исслед. слав. древн. 1974 и др.). Кроме того, есть немало примеров, когда именно языковая форма реализует идею загнуто́сти выпечного изделия из теста. Ср., напр., слав. **gybanica* : болг. диал. *gibānīca* 'слоеный пирог', с.-хорв. *gībanića*, то же, *gibānica*, диал. *gibānaц* 'лепешка на масле', *gībānka*; словен. стар., диал. *gibānica* 'печеное изделие из теста', *gibānica* 'слоеный пирог с сыром, творогом'; русск. диал. *gībanića* 'род кренделя', *gībaneц* и т.п. — при слав. **gybati*; весьма характерны и такие употребления глагола, которые восходят, возможно, к праслав. **gybati* & **korvajь*: укр. *gibāt* 'коровају' 'месить тесто для коровай', блр. диал. *gibāць каравай* 'месить коровай' и др., см. ЭССЯ 7, 216—217 и др. И на второй вопрос должен быть дан положительный ответ. Балто-слав. корень **lug-* реализуется в виде праслав. **lǫgati* (: **lǫзь*) — ст.-сл. *лѣгати* ψεύδεσθαι, болг. *лѣжа*, с.-хорв. *lǫgatu*, словен. *lagāti*, диал. *legāti*; чеш., словц. *lhati*, в.-луж. *lhać*, н.-луж. *lgaś*, польск. *lgać*, кашуб. *lgac*, полаб. *lǫzēs*; др.-русс. *лѣгати*, русск. *лгать*, блр. *лгаць*, укр. *lgati* и т.п. В этимологическом плане это **lǫgati* должно трактоваться как загибать, т.е. отступать от прямого, истинного, правильного-правдивого пути, избирая кривые, ложные, извилистые, обходные (ср. русск. *загибать* 'обманывать', 'лгать': ну, и загнул же ты...!; ср. продленный вариант нулевой ступени корня — **lygati*, русск. *залыгаться*, *облыжный*; диал. *лыга* 'лживый человек'. СРНГ 17, 218, из **lyga* < **lǫg-ā*: прусск. *lǫg-*

is). В балт. языках значения рефлексов б.-слав. *lug- несколько иное. Ср. лит. *lūgóti* 'просить' (но и 'желать', см. далее), *luginti* 'манить', 'заманивать', 'прельщать', 'соблазнять', 'увлекать'; 'ластиться', 'подольщаться', 'обхаживать'; лтш. *lūgt* 'просить', 'молить' и т.п. (ср. LKŽ 7, 672; ME 2, 517—518 и др.). Значение изогнутости, непрямоты, связанных с нею обходных путей выступают здесь или довольно непосредственно (*luginti*) или завуалированно, проявляясь лишь при обращении к зрительному образу движения, сопровождающего действие, описываемое глаголом, — просьбу, мольбу, желание; ср. лит. *linkėti* 'желать' (кому-нибудь чего) при *līkkti* 'гнуться', 'сгибаться', 'склоняться', *leikkti* 'гнуть', 'сгибать', 'клонить' (Bezzenberger KZ 50, 1922, 73: к параллелизму *linkėti kam geros sveikatos* и *kloniotis* [из блр. *кланяцца*, польск. *klaniać się kam geros sveikatos* ср. соответствующее польск. *klaniać się komu o co*, ср. LEW 374). Пожелание-поздравление, просьба, мольба-молитва как бы предполагают ситуацию внешнего (изменение положения фигуры) и внутреннего (в помыслах) изгиба-склонения: ...для власти, для ливреи/ Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи., — сказано поэтом об этом соответствии-соотнесенности двух изгибов. Эти наблюдения подтверждаются и многими другими; ср. лит. *lūnginti(s)*, *luīgurti* и т.п. 'вилять хвостом' и проч.; тем более оснований связывать значение изгиба-отклонения "противо-клонения" с обозначением акта измены-предательства (ср. о предательском поцелуе — *luginaiė pabuczėwimas* в соответствии с польск. *zdradliwe pocałowanie*; эмендация Шпехта — *luginajie pabuczėwimai*, Отрембского — *luginaitė pabuczėwimas*, см. KZ 68, 1941, 36; LPosp. 1, 1949, 138; KZ 69, 1948—1949, 93 сл.; LEW 388; Indeks Daukš. 1, 422); именные образования от глаголов с корнем *lug-* подтверждают именно такой семантический акцент этих слов; более того, в глубокой перспективе все эти факты делают не отделыми эти примеры от таких, как лит. *lūgnas* 'гибкий', *palugnūs* 'склонный'; 'льстивый'; *lūginti(s)* и т.п. (ср. BSW 163 и др.). В свете этих и некоторых других данных слишком резкое отделение и.-евр. *leug- 'гнуть', 'сгибать' (где, между прочими примерами, и лит. *lūgnas*) от и.-евр. *leugh- 1. 'лгать' (лит. *lūgóti*, лтш. *lūgt*) и и.-евр. *leugh- 2. 'клятва', 'присяга' (ср. др.-ирл. *lu/i/ge*, готск. *liugan* 'жениться' и др.), см. Pok. 1, 685—687, представляется или излишне категоричным или нуждающимся в дополнительных разъяснениях. Можно привести и еще пример использования корня *lug- для обозначения "загнутых" по краям предметов — слав. *lъž-ьka/ *lъž-ica 'ложка' и *lъža (< *lūg-īā) 'лыжа', особенно в свете новых соображений об этимологической связи этих слов и об их семантической мотивировке, см. выше (там же литература); возможно, сюда же относится и название лыж в латышском, ср. *lug'es* (ар *lug' ēt kājās apceļuoja visu zemi*), но и *ludes* (< *lug'es ?), *lužas*, *lužikas*. ME 2, 510, 517. В ряду этих фактов могло бы, кажется, найти свое место и прусск. *lugis* 'пирог', букв. — "загнутый" ("гибень"; реально, м.б., речь идет о слоеном пироге), на основании чего можно восстановить и прусский глагол с корнем *lug-, как можно это сде-

лать, опираясь и на инобалтийские факты, в отношении и других существительных типа *stogis*, *wackis*, *kugis* и т.п.

— Лит.: Thes. 1873, 97; APSpr. 372; Bezzenberger BB 23, 1898, 320; SPV 206; PKP II, 303. — {*lūgis}.

{*luis-}, ср. *Luysen*, 1378; *Lusen*; *Lussin*, 1411—1419; *Lueszen*, 1419; *Luyssen*, 1423; *Lusyom* (sic!), позже — *Loschen* (APON 91). — К прусск. *luysis* 'рысь'. — Топонимические соответствия лит. *Līšė* (: *līšis* 'рысь'), *Līšė*, *Lūšis*, *Lūšial*, *Lūšys*, *Lūš-upis*, *Lūšykštis* (LUEV 96; Liet. hidr. 31, 67, 152, 185, 208, 229; LHEŽ 200); менее ясны лит. *Lušinė*, *Lušinis*, *Lušnotė*, *Lūš-ravis*, для которых Ванагас допускает связь с *Lūš-*; вместе с тем, несмотря на предлагаемые возможные объяснения гидронимов *Lūšnà*, *Lūšnė*, *Lūšnėlė*, *Lūšnis*, *Lūšnys* тем же автором (LHEŽ 200), нельзя, кажется, исключать, что и эти названия некогда были отчетливо "рысьими" (*Lūš-in-* : *Lūš-n-* по образцу некоторых других подобных типов). Латышские примеры более обильны, ср.: *Lūsa*, *Lūsa-ezeriņš*, *Lūses*, *Lūsi*, *Lūši*, *Lūša-kalns*, *Lūša-krūmi*, *Lūša-kruogs*, *Lūšapurvš*, *Lūšu ceļš*, *Lūšu-sils*, *Lūšu-kalns*, *Lūš-masts* pl., *Lūš-upe* pl., *Lūš-upes-purvš*; *Lūsene*, *Lūsenes* pl., *Lūseņi*, *Lūsēņi*, *Lūsiņi*, *Lūsišu-purvš*, *Lūšene*, *Lūšineica* pl. и др. (LV I, 2, 352—353: лтш. *lūsis* 'рысь'); лтг. *Lūši*, *Lūšubirze*, *Lujušineica*, *Lyusineica*, *Lūšene* (PN Latg. 294—295). — Достаточно хорошо известны и "рысьи" личные имена и прозвища. Ср. ст.-лит. *Lufis*, *Łufajcis* (= *Luš-aitis*), совр. *Līšis* (Liet. antrop. 169, 231); ст.-лтш. *Jost Lusze*, *Luhsen* (LPV 1, 296); куршск. *Jost Lusze*, 1582—1585; *Matze Lust*, 1582—1583; *Matze Lusz*, 1585 (KF 305). — Поскольку название рыси в прусском, судя по всему (см. ниже), произносилось и [*lūsis*], сюда же нужно отнести и некоторые названия, передающиеся с помощью элемента *Lus-* (ср. выше — *Luysen* при *Lusen*, *Lussin* и т.п.), ср. *Luselauke*, *Lusewithe*, *Lusygeynen*, *Lusinemedien*, см. соответственно {*lus- & *lauk-}, {*lus-ev-īt-}, {*lus-ij-ein-}, {*lus-in- & *median}. — Значительное количество "рысьих" наименований на старых прусских землях хорошо засвидетельствованы источниками и сохраняются до сих пор уже в составе польской топонимии. Ср. факты, относящиеся к южной Вармии и позволяющие реконструировать *Lūsije-ins: 1. неизвестная теперь местность — ... inter locum Sayn et bona ciuitatis Resil, *lusygenen*, siluam Crakotin ... 1338 (Cod. dipl. Warm I, 292); de *lusien*, 1359 (Ibid. II, 275); villa *lusyeyn*, 1364 (Ibid. 377); *Lusieyn*, 1381 (Ibid. III, 125), 1400 (Ibid. III, 317), 1402 (Ibid. III, 352), 1404 (Ibid. III, 407); *Lusigein*, 1435 (Ibid. IV, 599); — 2. теперь — *Troksy* (см. Cod. dipl. Warm. IV, 612, где в сообщении под 1435 г. сказано, что Троксы ранее назывались *Lusigen antiqua* или *Alt/Gross Lossainen*, ср. в других документах то же место именуется *Klein Lusiein*, 1615; *Klein Losienen*, 1656; *Truchsen oder Klein Losgehnen*, 1785; — 3. совр. — *Łężanya*; ранее — *Newe Lusien* = *Lossainen*; *Lusienen*, 1701; *Lusainen*, 1755; *Gross Lozeinen*, ок. 1790; *Loszeinen*, 1820; *Luzajny* al. *Łędzajny*, 1879, 1884; *Luzjany*, 1941; *Łężany* al. *Łężajna/Luzjany*, 1947 (Słown. nazw Mazur II, 97; Słown. geogr. PZR 1, 172; Pospiszylowa Top. połudn. Warm. 91—92, ср. также 158, 186, 213). — Согласно Поспишилёвой,

или от личного имени, или от названия рыси (в обоих случаях несомненно прусское происхождение; суф. *-ij-* — топонимический или антропонимический, *-ein-* — топонимический; двойной суф., по мнению автора, заставляет предпочитать тут "nazwę odosobową" (прусс. Nom. рг. *Lūsis восстанавливается и на основании топонимов бывш. острудзского повета, см. Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169). Несколько иная судьба того же названия — в р-не Олыштына. Ср.: *Leissen, Łajsy; Luysen*, 1378 (Cod. dipl. Warm. III, 54); *Leissen*, 1656, 1673, см. Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 261: от прусск. названия рыси с помощью структурного суф. *-en-* или "немецкого" оформления; переход *ui > ei* объясняется автором влиянием нем. *leis(e)* 'тихий', 'слабый' или функционированием польского соответствия *Lisy*, в котором *i* на почве немецких говоров дало *ei*. В старом острудзском повете сохраняется название *Lusajny* (< *Lūseinis), ср. его ранние фиксации — *Luceyn*, 1540; *Gr. Luceinen*, 1600; *Gr. Luzeinen*, 1796; *Gr. Loceynen*, 1820; *Luzeinen Gross*, 1884; *Luzeinen Gross, Loceinen, Locajny* (Słown. nazw Mazur II, 77); *Lusajny, Luzeinen* (Słown. geogr. PZR 1, 170), см. Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290: единственное название, в котором сохранился дифтонг *-ui-* (= *ū*), ср. APN 145. — Ср. многочисленные "рысьи" названия на соседних польских территориях или на бывших прусских землях типа *Rysia Góra (Luchs Berg)*, *Rysia Struga (Otterfliess /!)*, *Rysianka, Rysiowice, Rysiówka (Luchsloch)*; *Rysie Bagno (Lusznica, Luschnitz /!)*, см. Słown. geogr. PZR 1, 281; Słown. nazw Mazur II, 372 и др. — См. *luysis*.

{**luis-ev-īt-*}, см. {**lus-ev-īt-*}.

{*luis-ij-ein-* (?)}, см. {**lus-ij-ein-*}.

luysis 'рысь'. Lynx lynx. Э 666 ('Luchs'). Nom. Sg. masc., среди названий диких животных — Э 665: *Paustocatto* ('Wildekatz'), Э 667: *Vdro* ('Otter'), Э 668: *Bebrus* ('Bewer') и т.п. — Одна из основных проблем фонетическое значение *luysis*, оцениваемое по-разному. На основании внешнего фактора (вост.-балт. соответствия с *ū*) и ряда топонимов, уже с ранних документов фиксирующих *Lus-*, многие склонны безоговорочно понимать это слово как [*lūsis*]; в этом случае *u* трактуется как графический способ передачи *ū* (а иногда и как эпентеза *u* после *i*); действительно, в прусском есть несомненные случаи появления неорганического *u*, но они обычно имеют некие объяснения (ср. *cautoys* = *kamais, где первое *u* обязано своим появлением в графике второму *u*). Некоторые, в их числе и Буга (RR I, 305, 306), считают написание *luysis* опиской и предлагают конъектуру *lunsis. В этом Буга исходил как из негативных аргументов (крайняя редкость *u* и, главное, его "странность"), так и из позитивных; среди последних нужно различать аргументы внешнего характера (напр., др.-греч. λύξ 'рысь') и внутреннего; к числу последних можно отнести произношение в юго-вост.-жемайтск. говорах этого слова с носовым (*lūšis*), а также сходные по типу примеры в прусской графике. Буга отсылает к прусск. *geeyse* вместо предполагаемого им *geense и, наоборот, к прусск.

droanse, понимаемому им как **drā'izē* (ср. лит. *driež-lė*), ср. Urbutis BEE 1981, 24. Серьезных оснований для восстановления *i* в слове для рыси в прусском все-таки нет, но, что касается вокалического центра слова, то, учитывая и разные письменные фиксации обозначения рыси в топонимии, и ряд других подобных случаев (в частности, и в связи с *-u-* : *-ui-*, ср. прусск. *Thuythen* : *Thuthin* при лит. *Tuītai*, но и прусск. *pleynis* при лит. *plėnis* и т.п.), приходится признать наиболее целесообразной позицию Эндзелина, сформулировавшего альтернативу *-u-* = *ū* и *-uy-* = *ui* (FBR 12, 1932, 148; FBR 15, 1935, 101; ср. также APON 218; Stang Ugl. Gr. 1966, 46 и др.). Пожалуй, стоит лишь добавить, что обе версии, составляющие эту альтернативу, в разное время и в разных местах выступали как несомненная реальность, подтверждаемая, по крайней мере, топонимическими свидетельствами (об *ui* как дифтонге в помезанском диалекте см. SEEV 1974, 5). Однако апелляция *luysis*, выступающий в прусских текстах лишь однажды, действительно, составляет проблему, едва ли пока разрешимую. Поэтому приходится считаться с обеими возможностями [*lūsis*] и [*luīsis* или *lušis*]; в связи со второй из них уместно высказать предположение о возможном влиянии слав. *u* в этом слове, воспринимавшегося как *ui* (ср. литовские заимствования типа *muilas, kuilys* и т.п.); для прусса ст.-польск. *ryś* < *ryś воспринималось, конечно (как и для вост. балтов или немцев), как [*ruisi/s*]. Вообще сосуществование в определенное время и в определенном месте прусск. [*lūsis*], [*luīsis*], нем. *Luchs*, польск. *ryś* (< *rūś < *rūsis) само по себе составляет интересный эпизод в истории межъязыковых интерференций на старых прусских землях. — Ближайшие соответствия прусск. *luysis* — в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *lūšis* (Gen. *lūšies* и *lūšio*), *lūšys* 'рысь' (Lūšis panaši i katę, tik daug didesnis; Lūšis turi odą marga, pilną margybių kaip akių kokių. Šyrv. Punkt. sakim. I, 273; Lūšys yra mažesnis už vilką, didesnis už lapę. LKŽ 7, 711; уместно напомнить, что это слово могло обозначать и других хищных животных — леопарда, ср. *Lámpart. Leopardus. lušis*. Šyrv. Dict. 3, 148 при *Ryś/Panthera, pardus. lušis*. Ibid. 3, 393, *Ryśi/Pantherinus, lušinis*. 3, 393, ср. 1, 161; — тигра. Ruhig 1800, 471; Kurschat II, 229), диал. *lunšis, lunši* (= *-é*); ср. *Luchs lušis*. Lex. Lith. 59a. Слово этого же корня представлено и в латышском, ср. *lūsis* 'рысь', *lūsa, lūse* то же (ME 2, 520; EH 764; также *lūsene, lūšine, lūšite*, ср. *kaķīte, lūšite*. BW 2242; Ērg'. izl. vārdn. 2, 255); *lōušš* (Gen. *lōušša*). Indāne Dign. izl. 180 и др.; ср. у Лангия — *Luhfa, ein Luchß* (LVV 148). Безусловно, сюда же относятся и слав. факты, восходящие к праслав. *ryś (*rūsis), где один плавный заменен другим. Ср. польск. *ryś*, чеш. слвц. *rys*, н.-луж. *rys*; болг., макед. *pic*, с.-хорв. *pić* (с.-хорв. ц.-сл. *рысь*); русск. *рысь*, блр. *рыся*, укр. *рысь* и др. Иногда предпринимаются попытки оторвать это славянское слово от балт. примеров, связывая его генетически с цветовыми обозначениями типа чеш. *rysý, rysavý* 'рыжеватый' (но и *ryšý, ryšavý*), слвц. *rysý, rysavý*, польск. *rysawy*, в.-луж., н.-луж. *rysu* и т.п. (к **ryd-* < **rūd-*, ср. *pydá, pđetъ, pyśyй* и т.п.), или с глаголом *rvati (в ряде

случаев речь идет только об объяснении *r*- в анлауте, ср. Брандт РФВ 24, 145 : под влиянием *rykati и т.п.), подробнее см. ЭСР 3, 530—531. Довольно давно начало складываться мнение, согласно которому *ryсь имеет иранские истоки. Как иранское заимствование понимали это слово Зубатый (устное сообщение Фасмеру, см. ЭСР 3, 531), Коржинек (Lfil. 67, 289), а еще раньше Янко (Lfil. 40, 302), хотя соответствующее ираноязычное слово остается неизвестным. Из-за этого последнего обстоятельства сторонники мнения об иранском происхождении слав. слова позже предпочитали более осторожные формулировки, чем "заимствование". Так, для Мошиньского (Zasiąg 1957, 132—133), это не "pożyczka w ścisłym znaczeniu słowa, wzięta od Iranów, ... lecz tylko wpływ irański"; по мнению польского исследователя, славяне, поставившие скифам рысьи шкурки, могли передать им свое слово *lyсь, которое было преобразовано в их языке в том, что касается анлаута, и возвращено в уже переделанном виде (*ryсь*). Довольно близкую позицию занимает Абаев. Согласно ему, в данном случае речь идет не о заимствовании из иранского, а об единичном "вторжении" процесса арийского ротацизма (*l > r*), когда слав. *lyсь (м.б., еще *lūsь) фонетически "иранизировалось" (*rūsь-), см. Этимол. 1966, 1968, 261; ВЯ 1982, № 2, 22. Некоторые другие разъяснения см. ниже. Но одно уточнение уместно сделать уже сейчас. Поскольку названия рыси, родственные *luysis* и под., обычно возводят к и.-евр. *leuk- (: *leuk-) и считается, что в силу табуистических мотивов *ryсь* обозначалась как 'светлая', 'белая', 'сияющая' и т.п., т.е. по свето-цветовому признаку, то, строго говоря, иранское слов. родственное слав. *ryсь, в принципе известно, — ср. х.-сакск. *rrusana*- 'яркий', 'блестящий' (см. Kopow Saka Stud. 1932, 175a и др.) при др.-инд. *rūśan*-, то же (уже в RV и AV), ср. авест. *raoḥšnav*- 'свет', 'сияние света', *raośah*- (: *raok*-) и т.п.; это свойство рыси связывают или с ее шкурой (по пословице — *Рысь пестра снаружи, а человек внутри*. Даль) или с ее глазами, а его обозначение в слав. должно было бы быть *lyсь, что и засвидетельствовано русск. *лысь* и т.п. (ср. также обозначения отдельных видов животных с помощью этого корня — русск. диал. *лысь*, о животных из семейства ластоногих [: *рысь*], *лыска*, *лысан*, *лысуха*, *лысушка*, *лысёна* и т.п., клички животных, прежде всего коров — *лысёна*, *-ёнка*, *-ёнок*, *лысёха*, *лысуха*, *лыська*, *лысанка*, *лысатка* и т.п. СРНГ 17, 223—225, а также глагол *лыситься* 'проясняться' /о небе/ : *Небо лысится*: 17, 224). — Из других соответствий внимания заслуживают, с одной стороны, "северные" и.-евр. примеры (ср. германское: др.-в.-нем. *luhs*, др.-англ. *lox*, ст.-швед. *lō* < *luha- [о параллелизме обозначений лисы и рыси — *Fuchs* : *Luchs* — см. Krogmann KZ 76, 1960, 176] и кельтские: ср.-ирл. *lug*, ср. кимр. *lloer*, *loar* < *lugrā, впрочем, с рядом неясностей), с другой стороны, "южные" и.-евр. факты (ср. др.-греч. *λύξ*, *λυκο-λυξ*, *Λυκεύς*, имя одного из аргонавтов с исключительно острым /"рысьим"/ зрением; возможно, *Λύκος*, главный город той области, которую населяли *Λυκῆσταί*, букв. —

'рысьи (люди)', в Македонии, и т.п., см. GEW 2, 141—142; Dict. etym. 3, s.v.; Katičić BNF 13, 1962, 126—143; арм. *lusanunk* Nom. Pl. 'рыси' /*haxax legomenon*/, см. Ачарян III, 281; Petersson Stud. idg. Heterokl. 1921, 21; Solta Stell. Arm. 1960, 161—162; Krogmann KZ 65, 1960, 176 и др.). — Все эти примеры возводят к и.-евр. *leuk-, которое в связи с субъектом значит 'сиять', 'блестеть' и под., а в связи с объектом — 'видеть' (само видение не что иное как восприятие сияния). Махек Etym. j.č. 527 полагал, что *Lynx* обозначался как *ryсь или *lus- именно из-за остроты зрения (ср. др.-греч. *λεύσσω* 'видеть') и что первоначально название рыси было двучленным (что-то вроде "островид"; *ryсь* видит и ночью), но в языке охотников из-за табуистических соображений первая часть слова была опущена; этими же соображениями объясняются Махеком и другие нерегулярности (*u > i*, *l > r*, появление носового в др.-греч. и т.п.). *Рысь* как наиболее хищный, жестокий, коварный зверь, превосходящий в этом отношении более сильных медведя или волка, пользовался особым вниманием, и поэтому табуизация его названия все время увеличивалась (ср. Otrębski GLit. 1, 331—332). В частности, давно уже было замечено, что в старых русских текстах, как и в "охотничьем" языке, названия *рысь* старались не употреблять, заменяя его сочетанием *лютый зверь*. То, что это название применялось к разным видам хищных зверей, не может зачеркнуть того факта, что в целом ряде ответственных и причем ранних текстов *лютый зверь* относилось именно к рыси (по-видимому, от "Поучения Владимира Мономаха" и "Слова о полку Игореве" до "Парижского словаря московитов" 1586 г.) или к семейству кошачьих — леопард, лев, тигр — разные виды которого могли обозначаться словом *рысь* (подробнее см. Миллер О лютот звере 1877; Ларин Памяти Щербы 1951, 191—200; Мавродин Сб. Валк 1964; Шарлемань Зоолог. журн. 43, вып. 2, 1964; Лобачев Охота 1981; Сумникова БСл. Иссл. 1984, 1986, 59—77; Топоров БСл. Иссл. 1986, 1988, 249—258 и др.). Очень похоже, что в этом случае *лютый* своим началом как бы отсылает к наполовину анаграммируемому обозначению рыси в его старой форме (*лютый* → *лысь, т.е. *lu- → *lū); при этом существенно, что явно лютым выступают муж, конь, зверь, лань, осел, крокодил, серна, пардус, свинья, змей, волк, лев, медведь, но никогда не *рысь*: ее обозначение всегда тайно укрыто в сочетании *лютый зверь*, хотя, как уже было сказано, не всегда это сочетание относится к рыси. Та "смягчающе-йотовая" артикуляция, которая выступает в *lut*-, табуистической замене названия рыси, возможно, обнаруживает себя и в прусск. *luysis* (ср. прусск. *luj*- : слав. *lju*-); кстати, опираясь на некоторые "рысьи" топонимы, нельзя исключать, что анлаут прусского слова мог в отдельных случаях выглядеть как *lju*- (*lu*-). Вообще нужно сказать, что звуковая "влажность" (если пользоваться терминологией Лермонтова) не только сама связана с йотовой артикуляцией (и конкретно с *l* и *ju*-), но и способствует подвижности ее в пределах соответствующего слова — прусск. *luysis*, похоже, из таких слов

(ср. *l, u, j, i, s* при полном отсутствии смычных, аффрикат, раскатистого *r*), ср., напр., *Luk* при *Luuck* (АРОН 91—92). — "В мифологическом и ритуальном отношениях роль рыси в большинстве древних и.-евр. традиций минимальна. В некоторых северных традициях 'рысь' замещает функционально отсутствующих в соответствующей экологической среде крупных хищников... Она появляется только в тех традициях, где по разным причинам более крупные хищники выпадают из общей системы мифологических и ритуальных представлений, уступая тем самым место более мелким животным (ср. роль 'рыси' в позднейших балтийских и славянских традициях)". ИИ II, 1984, 512. Эта характеристика оказывается еще более рельефной при сравнении мифоритуальной роли "крупных" родственников рыси из кошачьих в культурах, расположенных на юге и востоке (леопард, барс, тигр, лев). Разумеется, по сравнению с этими последними рысь занимает скромное место и может отражать известную дегенерацию прежнего мифоритуального образа. И все-таки существует опасность недооценки образа рыси в культурах, распространенных к югу и ю.-вост. от Балтийского моря, т.е. у балтов и славян прежде всего, и, главное, возможностей реконструкции этого образа. Методологически важным следует считать различие между характером культа льва, леопарда, барса, тигра, с одной стороны, и рыси, с другой. Первые всегда объект официального, царского, государственного и т.п. и, главное, явного культа. Он торжествен, разработан, развернут, описан, и табуизация названий хищников, когда она имеет место, в большей степени определяется "риторическими" заданиями, нежели священным ужасом. Культовая и мифологическая роль образа рыси совсем иная: она скрыта (ср. отсутствие этого образа в балт. и слав. сказках, загадках и т.п.), как скрыто и ее имя, и знание культа, его практика — удел узкого круга профессионалов-охотников и соответствующих жрецов. Тем не менее, из-за различий в степени открытости—закрытости культа и его масштабов было бы ошибкой пройти мимо перекличек между обрядовой функцией рыси и ее знаменитых родичей. Эти переклички начинаются с языкового уровня. Если рысь — *лютый зверь* $\supset$ **lus-/*luis-* и т.п., то то же сочетание отсылает и к довольно старому и.-евр. наименованию *льва*, о чем не раз писалось (см. ИИ II, 507—509), что воссоставляет не только былое единство формы наименования (или известную "сближенность" его вариантов), но и вероятность функциональных связей этих образов. Ритуальные тексты и изобразительное искусство Древнего Востока свидетельствуют о ряде существенных мотивов, связанных с леопардом, львом, барсом и т.п., — ср. связь с царем и царским тронном, с мировым деревом, с идеей плодородия; особо важную роль играет шкура такого зверя (ср. "Витязя в барсовой шкуре" Руставели, не говоря о всей, предшествующей традиции, см. ИИ II, 500—507) и сам зверь, часто выступающий как зверь по преимуществу, "все-зверь" — $\lambda\alpha\nu\text{-}\vartheta\eta\rho$, о пантере или барсе. В этом контексте приобретает значение и осо-

бая отмеченность "рысей шкуры" в латышских народных песнях, где ее прославляют ("Im Volksliede werden die *lūšu kažuociņi*, Luchspelze gerühmt". ME 2, 520; и даже *lūša spalvas zirgs* 'luchsbuntes Pferd' как бы связывает рысь с лошадей в обычном мотиве нападения первой на всадника на лошади, ср. "Поучение" Мономаха). "Лютый зверь", рысь поджидает свою добычу, сидя на дереве, и нападает на охотника или конного всадника, очутившегося в лесу (в случае Мономаха — великого князя, так сказать, "царя"). Эта ситуация, описания которой известны применительно к балто-славянскому региону, конечно, соотносима и с мотивом льва, леопарда, барса, тигра у мирового дерева, и с мотивом, отчасти обнаруживаемым, а отчасти реконструируемым, поединка царя, витязя, рыцаря, героя с этим хищником, убийство которого и снятие с него шкуры (знак победы и залог плодородия и богатства), составляет кульминацию сюжета. Как ни различны масштабы, в основе обеих версий лежит единая схема. Как известно, сакрально и обрядово отмеченной была не только рысья шкура (кажется, она использовалась как средство от бесплодия, судя по некоторым поздним и вторичным источникам "народно-медицинского" характера), но и "рысьи когти". В балт. и вост.-слав. княжеских погребальных обрядах они приносились в жертву (как и, напр., медвежьи когти). В проанализированном в другом месте (Балто-слав. этнояз. конт. 1980, 17 и сл.) цикле литовских легенд, связанных с предысторией Вильнюса, рассматривались некоторые любопытные детали кремации Швинторога его сыном Скирмонтом, который *вчинил жглищо і там же тѣло оца своего сожег. і коня ег на котором еждивал ... и хорта его зъжог. і от тых часов прозвано Швинтогоро ... і коли которого великого князя Литовского albo пана сожжано тело, тогда при них кладывали когти рыси або медвежи для того иж веру тую мели их судныи днь мел быти і так знаменали собе иж бы Бгъ мел приити і седети на горѣ високои. і судити живым и мертвым, на которую будет гору трудно взыти без тых ногтеи рысих. або медвежих, и для того тьи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти* (версия списка Археологич. общ., см. ПСРЛ XVII). О том же сообщает и Стрыйковский в своей "Хронике" (I, 308—311): *... rysie zaś i niedźwiedzie paznogcie, panowie i bojarowie około stojąc w ogoń mitali ... na którą górę trudno wierzyli wleść bez paznogci rysich albo niedźwiedzich...* Таким образом, и эти описания обряда княжеского трупосожжения отсылают к образу рыси: мотив рыси, с помощью своих когтей влезавшей на дерево (ср. барс и т.п. при мировом дереве), сопрягается с посмертным влезанием князя на высокую гору, к богу, с помощью тех же рысьих когтей. Наличие этих ритуально-мифологических мотивов у литовцев и славян позволяет думать, что примерно такая же роль отводилась рыси и пруссами, во всякое время в языческую эпоху. Такое заключение имеет большую цену, чем просто предположение о возможности, поскольку известно, что и сама рысь и тем более "рысьи"

обряды и мифология все время были предметом отчетливо сознаваемого табуирования.

— Лит.: Thes. 1873, 97; APSpr. 372; BSW 164; Būga RR I, 305, 306; EWD s.v.; Jonval BSL 33, 1932, 161; Endzelīns FBR 12, 1932, 148; FBR 15, 1935, 101; ME 2, 520; SPV 206; WP II, 411—412; ЭСР 2, 530—531; LEW 392—393; Pok. 1, 690; Георгиев Иссл. 1958, 52; Krogmann KZ 76, 1960, 176; Solta Stell. Arm. 1960, 161—162; Katičić BNF 13, 1962, 133; Arumaa Ursl. Gr. I, 1964, 138; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 17; Абаев Этимол. 1966. 1968, 261; ВЯ 1982, № 2, 22; Stang. Vgl. Gr. 1966, 46; Etym. j.č. 527; Urbutis BEE 1981, 24; PKP II, 287; Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 261; Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290; ИИ II, 1984, 511—512; Euler KZ 98, 1985, 91. — {*lūsis}.

{*luis- & *lauk- (?)}, см. {*lus- & *lauk-}.

{*luk-}, ср. Лукъ, рѣкоу Лѣкъ, 1251 (Ипат. летоп., 813); Licka, река, 1326 (читать: *Luka); Luko, река, 1331—1335; Luk, 'место, озеро, река, 1343; Luyc, озеро, 1524, позже — Lyck, город и река (APON 91—92). — См. Sembritzki AM 28, 76 сл.; Gerullis Festschr. Bezzenberger 1921, 49; Būga RR III, 145. — Это ятвяжское название притока Бебжи реконструируется в виде *Luk(a)s, откуда — слав. Лѣкъ > польск. Łęka (Łka. Gen., откуда совр. Ełk) : прусск. Luko, приток Омудева. — Ближайшие параллели — лит. Lukója, Lukójus, Lūkinis; Lukālė, Lukālis, Lūk-a-raistis и др. (LUEV 95; Liet. hidr. 185; LHEŽ 198; не исключено, что сюда же относится и Lukā, озеро в Тракайск. р-не. LHEŽ 197), ср. Lūkėnai, Lukā, Lukaī, Lukāičiai, Lukainis, Lūknas (: Luckan/isch/, озеро на Мазурах. 1595, см. RR III, 145), Luknojai (: luknė), LATSŽ 165); лтш. Lukas, Lukas-muiža, Luki, Lucke, 1858, Lukokts (< *luk-kakts?) или Lukots purvs, Lucken-krug, 1816; Lukkaischa-mahjas, 1825, Lukaiši, Lukaiži, Lukāzis; Lukažas, Lukaž-mežs и др. (LV I, 2, 345), ср. PN Latg. 291, 292; куршк. becke genant Luckkene, 1489; becke genant Luckenne, 1495; becke, genomet de Luckell (UB II, 2, 418); Luckene beke, 1505 (KF 123:пожалуй, к лтш. lukns 'гибкий', 'изогнутый' или к lūkns 'Gras- oder Haarbuschel samt den Wurzeln'. — Не все эти примеры достаточно надежны, и не всегда можно с уверенностью определить этимологические связи Luk- в этих случаях. Отрембский GLit. 2, 1966, 73 предлагает связывать это Luk- с лит. lukėnti 'пить, глубоко погрузив клюв в воду'. Более надежным представляется мнение Урбутиса Baltist. 8, 1972, 208: связь с лтш. lukt, lukt 'дрябнуть', 'сгибаться', 'гнуть', lūks, lūkas, lūkains; лит. lūknas 'у кого рога расходятся в разные стороны', Lūknė и т.п. — Ср. мазурские свидетельства: Licka, 1326; Luk, 1343; Likke, 1343; Licke, 1438; Lick, 1595 (Hennenb. II, 15); Ełk, Łęka, Lyck Fluss; — Luk, озеро, 1343; Luyc, 1524; Ełckie Jezioro, Łeckie Jezioro, Lycker S., Lyck See; — Lückische grosse heyden, 1614; Ełcki Bór, Łeckie Bor, Łeckie Lasy, Lycker Forst; — Luko, 1331—1335, Luka; — Lucke, Locke (см. *luk-t-); — Luckneinen, 1555, Lucknein; Luckanisch See, 1595 (Hennenb. II, 15), Lukniany, 1663; Łuknajno, Łuknajny, Łuknańskie, Łukniańskie Jez., Łukniany, Lucknainer See и др. (Słown. nazw Mazur II, 30, 169, 244, 351;

о названиях на Lukn- см выше); висл. Luk, Luko, Luckanisch See и др. (HW 451, 485, 536); ср. также многочисленные названия на Luk- к западу от Вислы — Słown. geogr. PZR 1, 178; EOSON III (индексы), 43, 120 и др. Названия с подобным элементом продолжают и в Белоруссии, в особенности в местах с балтийским прошлым. — О названии Лукъ, Лѣкъ, Ełk и т.п. см. также Rozwadowski Stud. wód słow. 1948, 154—156 и др.; ср. также Куркина Диалектогр. русск. яз. 1986, 188—189.

Lukas 'Лука', имя евангелиста. К III, 49, 3 (Tit peisāi Swintai Euangelistai Matteus Marcus, Lukas bhe Swints Paulus 'Lucas'); — Lucas. К III, 55, 23 (Lucas en dessimton palasinsnon 'Luce 10'). Nom. Sg. masc.

-luke, см. kāimaluke (Пр. яз. III, 147—149), laukīt. — 3 Sg. Praes. — Согласно Милевскому Acta B.-sl. 3, 1966, 120, глагол относится к четвертому акцентному классу с подвижной циркумфлексной парадигмой. По классификации BL 1970, 144 — класс II (презентная основа на -ī-, инфинитивная основа на -ē-). По Заброцкому Sl. Oss. 18, 1947, 357, luke из *lukē < *lukē-ja (: *lukē-ti). — К этимологии -luke см. laukīt. Стоит отметить в связи с семантической преемственностью 'смотреть' — 'ждать' (о ней см., в частности, PKP II, 172) интересные славянские параллели, о которых см. Варбот Этимол. 1972. 1974, 48—49. Речь идет о праслав. *lykati, которое этимологически и по морфонологической структуре корня (*lūk-) тождественно лит. lūkėti 'поджидать' и лтш. lūkoties 'смотреть', 'глядеть' (ср. любопытные вариации — lūkojas ūs vienas sievas Рейтера при usskatās vienu sievu у Глюка, см. Karulis Jān. Reiters 1986, 129). Прямым продолжением этого *lykati выступает н.-луж. lūkaś 'подкарауливать', 'подстергать', 'подглядывать' (Muka Słown. dolnoserb. I, 797). Значение lūkaś, как справедливо замечает исследовательница, соответствует древнейшему значению, реконструируемому для слав. гнезда — 'смотреть за чем-либо', 'выжидать' (ср. лит. lūkti 'ждать', lūkėti 'поджидать' при лтш. lūkoties); ср. также н.-луж. lūknūs (основа на -nq-), с одной стороны, а с другой, — продолжения реконструируемых праслав. лексем *pri-lyka и *lykadlo. В первом случае речь идет об отглагольном имени с префиксом -pri-, к ступени -o- того же корня ср. *lučiti 'попадать', 'достигать', 'получать' (ст.-сл. лоучити τυχάειν, болг. луча 'целиться', с.-хорв. slučiti se 'случиться', 'очутиться', словен. lučiti 'бросать', 'кидать'; чеш. lučiti, слвц. lučit', польск. luzyc 'метить', 'попадать', н.-луж. luzyc se 'случаться', 'встречаться'; русск. лучить, прилучить, получить, залучить, случиться и т.п., блр. лучыць, укр. лучити 'метить', 'попадать') и *pri-lučiti. Такое имя реально засвидетельствовано в польск. przyłyka 'женщина, прибывшая с мужем из другой местности' (Варш. слов. V, 319), т.е. букв. — 'при-лученная' ('залученная'), ср. русск. прилука 'привораживание', 'приваживание', собств. — 'прилучение' (ср. прилука 'зазнобушка'). Во втором случае речь идет о том же корне, с той же нулевой продленной ступенью, отраженном в чеш. lykadlo 'веревка,

которую натягивали через дорогу перед свадебными гостями' (с целью их задержания — залучения для получения выкупа). Комплекс "высвечивать — метить — замечать — смотреть — искать — поджидать" и т.п., разные стадии которого фиксируются в балт. и в слав. языках, создает благоприятные условия для истолкования прусск. *-luke*, с одной стороны, и для определения его места внутри всего этого комплекса.

— Лит.: см. статьи *kāimaluke*, *laukīt*, а также Zabrocki Sl. Oss. 18, 1947, 357; РКР II, 118, 172, 258. — {*lūke}.

{**luk-en-ein-*}, ср. *Lockeneyn*, 1484 (водное название), где позже находилось — *Löcknick* (APON 90). — По Герулицу, — *Lukneyn, ср. лит. *lūkne*, *Lūknas*; лтш. *Lukna* (из апеллятивов — лит. *luknė* 'Nuphar' и т.п., ср. LHEŽ 197—198; Būga RR I, 460—461; RR III, 145; LEW 390; Urbutis Baltist 8, 1972, 208 и др., см. выше). — Тем не менее, есть основание для восстановления исходной формы в виде **luk-en-ein-* (ср. лит. *Lūkėnai*, куршск. *Luckken(n)e* и т.п.) и для соотнесения этого словообразовательного типа с {**luk-*}, см. Разумеется, нуждается в дальнейшей проверке.

luckis 'полено'. Э 640 ('Schyt'). Nom. Sg. masc., в ряду обозначений разных частей дерева или изделий из него — Э 630: *Wipis* ('Ast'), Э 631: *Saxto* ('Rone'), Э 632: *Grandico* ('Bole'), Э 633: *Kalmus* ('Stock'), Э 634: *Trupis* ('Klocz'), Э 635: *Queke* ('Stecle'), Э 636: *Kartano* ('Stange'), Э 637: *Kirno* ('Struch'), Э 638: *Dagoaugis* ('Somirlatte'), Э 639: *Riste* ('Rute'), Э 641: *Stolwo* ('Spon'), Э 642: *Spelanxtis* ('Splitt') и т.п. — Прусск. *luckis* как обозначение полена, т.е. колотого кругляка или чурбана (ср.: *Из долготья три чурбана, из чурбана по четыре полена*. Даль⁴³, 692 и др.), расходится с вост.-балт. обозначениями полена, ср. лит. *pagalys* (также *pliauskà*), лтш. *pagale*, зато довольно точно соответствует слав. фактам. Ср. праслав. *lučь 'щепа', 'лучина', 'светильник', точно воспроизводящее ту же и.-евр. форму, к которой восходит и прусск. *luckis*, с тем уже не раз в подобных ситуациях возникающим различием, что в слав. формах выступает вокализм на ступени *-o-*, а в прусском — нулевой (*luckis*, при ожидаемом *laukis). Не вдаваясь здесь в поиски причин подобной ситуации, нужно все-таки отметить, что это соотношение в некоем ином контексте могло бы оказаться очень важным диагностическим элементом, позволяющим ориентироваться в сложностях прусско-славянских взаимодействий в конкретном времени и пространстве (встраивание "образа" славянского монофтонгизированного дифтона /ou > u/ в прусскую "рамку" /?/; захват некоей части прусского языка и/или прусского пространства тенденцией к монофтонгизации, подобной славянской /?/; нечто иное — вплоть до игры случая /?/). Сам факт сосуществования на смежных территориях, а потом и на едином, но двуязычном пространстве прусск. *luckis* [lukis] и слав. *lučь (< *loučь < *louk-is), несомненно, очень важен, по крайней мере, в двух отношениях — как указание на единый общий источник, очень недалеко отстоящий во времени от этих реально засвидетельствованных форм (этому соответствует и

минимум различий между ними), и как наличие минимальной двуединой парадигмы, на материале которой как раз и формируются правила соответствий и взаимоперехода от одного языка к другому на данном лексемном фрагменте. В связи с прусск. *luckis* ср. русск. *луч*, *луча́*, *лучи́на*, *луче́й* и т.п. 'щепа', 'щепка', 'лучина', 'светильник' (СРНГ 17, 209—211), блр. *лучы́на*, *луч* 'луч', укр. *лучи́на*, *луч*; ст.-сл. *лоуца* 'лучина', 'факел'; 'луч', ц.-сл. *лоучь*, болг. *луч*, *луча́*, с.-хорв. *лѹч*, *лѹча*, словен *lúč*, *lúč*; чеш. *louč* 'лучина' (ст.-чеш. *lúč*), словц. *lúč*, в.-луж. *húčwo*, н.-луж. *huciwo*, *hucuwo*, польск. *huczuwo* 'лучина' (ст.-польск. *huczuwo*, *luczuwo* 'кусочек смолистого дерева, предназначенный для освещения': *Solent* [sc. kmetones] *ducere ligna pinatica al. luczuwo, dum eis mandatur*, 1499. *Słown. Staropolsk. IV*, z. 2(21), 128), словин.-помор. *lěčaw^o* 'Kien', 'Kienspan', *lěčavk^o*, *lěčivk^o* и т.п. Естественно, что наибольшее внимание должны привлечь те продолжения слав. **luč-*, которые сохранили значение щепки, щепы, т.е. того, что образовалось в результате расщепления, раскалывания (ср. нем. *Scheit*, переводимое как прусск. *luckis*, при др.-в.-нем. *scīt*, др.-фриз. *skīd*, др.-англ. *scīde*, др.-исл. *skīd*, ср. нем. *scheiden*; или лит. *skiedrà* 'щепка'). Это общее действие, лежащее в основе возникновения полена, щепки, лучины, объясняет единый способ их кодирования в одних случаях и наличие общей внутренней формы (семантической мотивировки) даже при различных типах кодирования. Группировка в одном фрагменте Эльбингского словаря (ср. *luckis*, *stolwo*, *spelanxtis*) имеет, видимо, ту же самую причину; Мартынов (Этимол. 1982.1985, 7) считает даже, что расположенные по соседству *lucki* и *stolwo* (*scolwo*) суть синонимы. Расщепление (или отщепление), раскол кругляка с семантической точки зрения важны в двух отношениях: во-первых, образующаяся в результате этих действий часть имеет, по крайней мере, одну плоскую сторону, и эта плоскость становится нередко семантической мотивировкой полена (как это иногда принимают для лит. *pliauskà* или русск. *плаха*); во-вторых, название полена в отдельных случаях мотивируется белизной, светлостью, блеском раскрываемой при расщеплении древесины (ср. обозначение белой сердцевины еловой древесины др.-греч. *λοβσσον*). Поэтому кажется излишне категорическим мнение Мартынова, согласно которому прусск. *luckis* не характеризует дерево по белому цвету (ср. др.-греч. *λευκός* 'белый'), что подтверждается наличием другого слова в прусском для обозначения белого цвета — *gaylis*. Дело в том, что и.-евр. **leuk-*, как и балто-слав. **lauk-*/**luk-* : *luč; по происхождению своему не цветное, а световое обозначение, кое-где вторично переосмысленное как белый цвет, наиболее близкий среди цветов эквивалент света. Этот языковой элемент скорее всего обозначал исходящее от предмета сияние (оно могло быть и несильным), лучистость-излучение, испускание (ср. и.-евр. **leu-* в значении 'пускать', 'оставлять' и т.п.) света, светолучение. Это свойство "светлых" предметов — светлых и самих по себе и по способности к отражению внешнего света — неоднократно использовалось, напр., в крестьянском

быту, в ночное время, когда не принято было вообще зажигать некий возможный источник света; в избе или на дворе для самой приблизительной ориентации укладывались белые камешки, дранка, щепка, лучина, березовая кора и т.п. Этнографические данные заставляют с серьезностью отнестись к пассивному использованию подобных предметов в качестве источников освещения или, точнее, источников ориентации, основанной на различении тьмы — не-тьмы (некоего излучения). Активное использование освещения составило следующий шаг в визуальном освоении тьмы, предполагающий более раннюю пассивную стадию. Пространственно-временные и ситуационные ограничения на пользование лучиной, светильником, факелом, фонарем и т.п. в ряде традиций были весьма велики и жестки, и они косвенным образом указывают на предполагаемое ритуальное происхождение (не говоря, разумеется, о природном, иногда случайном характере, ср. луна, молния, пожар и т.п.) активного освещения и на строгий контроль над ним. В этом смысле едва ли можно игнорировать то обстоятельство, что зажигание лучины представляет собой усиление исходных "пассивных" ее особенностей, актуализацию и активизацию ее потенциалов, которые проявляют себя и независимо от действий человека. Сказанное, разумеется, не исключает предположений о том, что название полена-*luckis* или лучины семантически мотивируются их способностью к освещению. В отношении лучины можно даже утверждать, что с тех пор, как она стала использоваться для освещения (исторически относительно поздний этап), образ горячей-светящейся лучины скорее всего стал основным источником семантической мотивировки ее названия. Но в отношении прусск. *luckis* у нас таких данных нет, и, если *luckis*, действительно, обозначало полено (а не щепу, лучину и под.), то осуществление "ответительной" функции должно было сильно отличаться от того, как это происходит с лучиной. — Есть и еще одна языком открываемая перспектива, которая способствует уяснению и подобных обозначений и некоего внеязыкового контекста, выступающего как субстрат языковых фактов. Как известно, слав. *lučь и под. (и, следовательно, и прусск. *luckis*) связано с глаголом *lučiti, откуда русские префиксальные формы — *получить*, *улучить*, *прилучить*, *отлучить*, *случиться*, *залучить* и т.п. — и их соответствия в других слав. языках. Определение семантики таких глаголов представляет определенные трудности из-за излишней "ситуативности" подобных общих примеров, когда значение в большей степени возникает из ситуации, нежели из семантической парадигмы самого глагола. Но, к счастью, существует и некий пласт более конкретных и специализированно-технологических значений, которые в ряде языков (в их числе и русский) или оттесняются на периферию и становятся достоянием не-литературной речи, или перекрываются более общими значениями. Этот пласт определяется слав. глаголом *lučiti (< **louk-*), круг значений которого приблизительно таков — 'метить', 'целить', 'попадать', 'ударять' (: 'бить'), 'бросать', ср. *lučiti как обозначение одного из подобных

действий производимых их субъектом в отношении некоего объекта (или объектов) и *po-lučiti как обозначение того же самого действия, как оно оценивается объектом на противоположном, "принимающем" конце связи: метили и попали, ударили и поразили, бросили и достигли (получили) и т.п. Лишь несколько таких "конкретных" примеров — русск. *лучить*, *лучать* 'целить', 'метить' (*коли Бог лучит*, приблизительно соответствующее смыслу 'если Бог даст', конкретнее означает 'если Бог наметит, поставит себе целью' и т.п.), практически и 'бить', значение, возникающее в таких контекстах, как *бить лучину* 'готовить ее для освещения', *лучить рыбу*, *лучом лучить* 'бить рыбу острогой при лучинном огне'; *лучить* 'бить щук на луч, с лучом', *лучом лучить*, *лучевать* (*Раньше лучевали с острогой, ночью с огнем щук били, вилы такие, палки на конце с головкой, в яну вбит гвозди...*). СРНГ 17, 209—211; Даль⁴ 2, 711—712 и др.; укр. *лучити* 'метить'; 'попадать', блр. *лучыць* 'целить', 'попадать', 'угодить'; болг. *луча* 'мера, целя се във'; 'гадая', 'замервам', 'улучам с нещо хвърлено'; 'прицелвам се', 'улучвам', словен. *lučiti* 'бросать', 'метить'; чеш. *lučiti* 'бросать', 'попадать', польск. *luczyć* 'метить', 'попадать' и т.п. (ЭССЯ s.v.). Отсюда и стандартные ситуации, описываемые как *луч ударяет (метит, целит) в глаза, в окно, в линзу* (обычно речь идет о луче солнца, но также и светильника и т.п.). Удар Митры по камню, раскалывает его и освобождает солнце, одну из ипостасей и/или функций самого Митры; луч, вызванный ударом, как бы повторяет в обратном направлении этот же путь (метят, целят, наконец, ударяют, чтобы извлечь из тьмы луч, но то же делает и освобожденный ударом, расколом, расщепом луч [характерно ирл. *lúche* 'молния', ср. мотив молнии, раскалывающей камень], получивший теперь направленность вовне, и взгляд, глаза, которые метят теперь освещенные лучом предметы, т.е. начинают их видеть, ср. *метить взглядом, нацелить глаз, бросить взгляд* и т.п.). И совсем в ином применении, отражающем, однако, прото-схему, — *Моя страна... меня, как очевидца, / Заметила — и вдруг, как чечевица, / Адмиралтейским лучиком зажгла* (Мандельштам). Существует много и других примеров, начиная с описания рассветной образности (луч, ударяющий в тьму ночи и разгоняющий ее), в которых реализуется мотив "ударяющего луча" как кульминации освещения и предшествующего ему "на-меченного" удара как начала освещения, "открытия луча" (ср. к идее нацеленности, связываемой с балто-слав. **lauk-/*luk*, лтш. *niuo-lūks* 'цель', 'намерение' и т.п.). При такой перспективе многое меняется в представлениях об истории и.-евр. корня **leuk-*, и, возможно, новая языковая конфигурация окажется в большем соответствии (и, главное, оно будет, вероятно, более конкретным по своему характеру) с архаичными мифопоэтическими представлениями о свете и огне, хранимых в лучине, полене, дереве, которые способны светить и гореть именно потому, что свет и огонь были в них всегда. Известная переаранжировка этапов семантического развития, связанная с подобными предложениями (в другом варианте

речь шла бы не о переаранжировке этапов, но о переоформлении семантической структуры и.-евр. *leuk-* в ходе диахронической эволюции всего этого комплекса), не исключает некоторых более конкретных и ранее выдвигавшихся параллелей к прусск. *luckis-* слав. **lučь*, **lučina*, но ограничивает отчасти их значение, заставляя рассматривать их в более взвешенном виде. Так, видимо, нужно относиться и к "культурным" по происхождению "осветительным" значениям, которые могли возникать на очень разных этапах семантического развития этого корня (и даже, возможно, в разной последовательности в различных языковых традициях), ср. русск. *луч*, *лучина* 'зажженная щепка', 'свещец', 'светильник', 'огонь костра' (даже 'цвет', см. СРНГ 17, 209), лат. *lumen* (< **luksmen*) 'свет', 'светильник', 'факел'; *lucerna* 'свеча', 'светильник' (: *lūx* 'свет': *lūceō*) и т.п., и к "природным" световым ("абсолютно-световым") значениям, частным случаем которых могут быть и некоторые "цветовые" примеры (белый, золотой, серебряный и под.). Поэтому *luckis* — **lučь* конечно, входят и в ту общую сеть соответствий, которая намечается в связи с и.-евр. **leuk-* (Рок. 1, 687—689). Ср.: др.-инд. *rōcatē* 'сиять', 'светить', *rōsanā-* 'сияющий', *rōkā* 'свет', *rōcī*, *rucā* 'светлый' (ср. *lōkā-* 'мир' как светлое пространство, *svet* 'мир', высвеченный лучами Солнца); авест. *raočayēiti*, *raočan-*, *raočan-*, др.-перс. *raučan-*; арм. *lois* 'свет', *lusin* 'месяц', *lučanem* 'возжигать'; др.-греч. *λευκός* 'светлый', 'сияющий', 'белый', *λύσσα* 'ярость' (по "горящим" глазам), ср. *ἀμφι-λύκη*, *λύχο-φως*, *μωμο-λύκη*, любопытные с точки зрения нулевой ступени вокализма корня; лат. *lūx*, *lūceō* (ср. *Jupiter Lūcetius* в связи с вышеуказанным мотивом луча-молнии [ирл. *lóche*], раскалывающего камень-тьму; ср. оскские данные и галльск. *Mars Leucetius*), *lūcus* (при др.-лат. *loucom* 'роща'. Асс.), оск. *lūvkeī* 'in lūcō'; м.б., умбрск. *Vuvčis* 'Lūcius'; лит. *lūmen*, *lūna* (< **louksnā*, пренест. *Losna*: прусск. *lauxnos*, авест. *raočšnā* и др.), *lūstrum*, *lūstrō*; кимр. *llug* 'мерцание', 'блеск'; др.-ирл. *luchair*, *lōchann*, *luachann*, кимр. *llugorn* (*llygorn*), корн. *lugarn*, брет. *lugern*; галльск. *Leucetius*, *Loucetius*, о Марсе и др.; готск. *liuhaf* 'свет', др.-сакс., др.-в.-нем. *liohht*, др.-англ. *lēohht*; готск. *lauhatjan* 'светить', 'блестеть' и др.; тох. АВ *luk-* 'светить', 'сиять'; хеттск. *luk(k)-* 'светить', *lukkāi* 'зажигать'; *lukkata*, *lukkati* 'на следующее утро' (собств. — 'при свете'), *lukkeš-* 'светлеть'; лув. *luha-* 'свет' (?) и т.п.; лит. *laūkas* 'с белой отметиной на лбу', *laūkas* 'поле' (собств. — чистое, открытое, светлое поле); слав. **lučь*, **luča*, **lučina*, **luna* (< **louk-snā*) и т.п. — На этом фоне соотношение-соответствие прусск. *luckis* и слав. **lučь*, действительно, выигрывает в точности и конкретности и может быть названо, вслед за Мартыновым, "эксклюзивным". Впрочем, категорически настаивать на этом едва ли стоит. Во всяком случае нужно помнить о ближайшем возможном "резерве", прежде всего о лат. *lignum* 'древесина' (преимущественно как топливо, в отличие от *materia* как строительный материал), 'полено', 'бревно'; 'дрова' (Pl.), ср. *fascis lignorum* (к мотиву "метить-целить-ударять-бить-раскалывать-рубить" в связи с корнем **leuk-/luk-*, о чем выше, ср. лат. *lignor* 'рубить

лес'; 'доставлять дрова' «[*lignum lignāri*], *lignatio* 'рубка леса', 'колка дров'; 'место рубки', 'лесосека'. Если прав Пизани (Stud. class. Pagliaro III, 1969, 166—167) и лат. *lignum* восходит к **lugn-* (ср. *lumpa* и *limpa*, *lubet* и *libet* и т.п.), которое в свою очередь продолжает **luk-no-* (: **leuk-*), то *lignum* оказывается довольно близким соседом прусск. *luckis* и слав. **lučь*, во всяком случае семантически более близким, чем приводимые Пизани германские факты — др.-исл. *loga* 'пламя', 'свеча', *logi* 'пламя', др.-англ. *līg*, др.-в.-нем. *lauc*, *loug* и т.п. Но в свете балто-славянской и прежде всего прусско-славянской перспективы соответствие *luckis* — **lučь* играет, конечно, особую роль.

Лит.: Burda BVS, 6, 1868, 397; Thes. 1873, 97; Zupitza Germ. Gutt. 1896, 134; Brugmann Grdr. II, 1, 167; Pr. Spr., s.v.; APSpr. 372; BSW 152; WP II, 408; SPV 206; ЭСР 2, 537; LEW 344, 388; Pisani Stud. class. Pagliaro III, 1969, 166—167; KEWAi III, 76; Мартынов Б.-сл. этнояз. отн. 1983, 33; Этимол. 1982. 1985, 7; ВЯ 1985, № 6, 49; Zinkevičius Liet. k. kilmė I, 1984, 245; Българ. етим. речн. 3, 528; Etim. rječn. hrv. 2, 324; PKP II, 303. — *{*lukis}*.

{*lukn-}, см. *{*luk-en-ein-}* и под., ср. также RR III, 145; LHEŽ 197—198; Агеева Этн. и лингв. асп. 1980, 149; Kolbuszewski LPosn. 25, 1982, 155—156; Hamp RSlaw. 45, 1985, 81—82 и др.

{*luksn-ein-}, ср. *Luxneunen*, 1443 (APON 93). — Герулис (со знаком вопроса) сопоставил это название с прусск. *lauxnos*, см., а из соответствий указал лит. *Lauksnėnai*. — Точнее, видимо, сравнивать с лит. *Luksnėnai* (LATSŽ 166), Алитусск. р-н; *Luksnėnų ėžeras* (LUEV 95; Liet. hidr. 263; LHEŽ 198). Ср., м.б., лит. *luksnōti* 'качаться', 'колыхаться'; 'лениво бежать' или *lukšnā* 'шелуха', 'скорлупа', *lukšnas* 'лыко', 'луб' (LKŽ 7, 679, 680) ?

{*lukt-}, ср. *Lukte*, ручей, 1340; *Lucten*, место, 1384, позже — *Locken* (APON 91). — На основании этих названий, а также лит. *lūkštas* 'вейник' (ботан.) Герулис восстанавливает прусск. апеллятив **luktis* 'Rohrgras'. В качестве гидронимических соответствий водятся лит. *Lūkštas* и лтш. *Lukste*. Ср. еще лит. *Lukštā*, *Lūkštas*, *Lukštėlė*, *-is*, *Lukštynas*, *Lukštīnė*, *-ynė*, Liet. hidr. 30, 43, 117, 129, 157, 227, 267; LHEŽ 198); *Lukstai*, *Lukstes*, *Lukštynė*, *Lukštīniai*, *Lukštinka* (LATSŽ 166); лтш. *Luksts* pl., *Luksta-ēzērs*, *Lukštīnēlis*, *Lūkstinis*, *Lukštīnis*, *Lūkštupis*, *Lukštū upēlis* (LUEV 95); *Luksta-pļava*, *Luksta-upe*, *Luksti*, *Lukstu-ēzērs*, *Lukstu-kalns*, *Lukstu-leja*; *Lukstārkalns*; *Lukste upe*; *Lukstenieki*, *Lukstinieki*, *Lukstija* pl., *Luksteņi*, *Lukstiņas*, *Lukstiņš*, *Lukstiņa-pļava*, *Lukstiņi* и др. (LV I, 2, 345—346); лтг. *Lukstiņi*, *Лукстуны*, *Lukstiņš*, *Luksteņi*; *Luksti*, *Луксту*; *Lukstineica*; *Lukstinīki*, *Lukstinieki*, *Лукстеники*, *Лукуштыники*; *Lukstukrogs*, *Лукушта*, *Lukstūmaja*, *Лукстуне*; *Lukštāni*, *Лукуштаны*, *Лукуштаны*, *Lukštānu ez.*, *Лукуштаново*; *Lukszy* и др. (PN Latg. 292—293). — Следует отметить, что известны и Nom. рг. типа ст.-лтш. *Brūen luxte*, *Grohte luxte*, *Saddyn luxte*; *Mickels Lwcksstings* (LPV 1, 206), ст.-лит. **Lukštis*, **Lukščionis*, ср. лит. *Lūkštas* (Liet. antrop. 163, 250). — Отсутствие названий с основой *Lukt-* в вост.-балт. несколько настораживает (ср., однако, лтш. *Lukkute*, 1858, *Lukkut*; *Luktur*-kalns, ср. лтш. *lukturis* 'der Leuchtner', эст.

lühter. ME 2, 511 — из ср.-н.-нем. *luchter*? LV I, 2, 347). Тем более, что практически отсутствуют и апеллятивы этой формы, которые могли бы объяснить подобные названия (ср. *luktas* 'riedarba ārdi'. Augšz. dial. 1983, 166; *lukta*, *lukts* 'der Bodenraum über der Dreschtemne, bestehend aus Brettern, die auf den Querbalken liegen'; 'die Hühnerstange' /= *laktis*/'ein Gerüst, darauf man auf Bären lauert' и т.п. ME 2, 511: из ср.-н.-нем. *lucht*; *lukte*, *lukts* 'фонарь', 'факел' и т.п., у Манцел., Фюрек., Глюка, тоже из ср.-н.-нем. *luchte*). Вместе с тем реальность прусск. *Lukte* подтверждается совр. польск. *Lukta* (*Locken*), в острудзск. повете (Słown. geogr. PZP 1, 178); характерно, что *Lukte* (APON 91) в 1630 г. называется уже *Lucke*, позже — нем. *Locke*, но наряду с этим сохраняется *Lukcianka*, *Lukcionka*, ручей, правый приток Маронга, впадающего слева в Паслэнку (Słown. nazw Mazur II, 244). Зато весьма правдоподобный след балт. *Lukt-i-/i-* обнаруживается в басс. Днепра — ср. Б. Локчъ, п.п. Нерусы, л.п. Десны; М. Локчъ, вар. Локна (Б. и М.); вероятно, Локоть, п.п. Клевени, п.п. Сейма, как народно-экологическое переосмысление балт. *Luktis* (> *Lokt > Локоть), см. ЛАВП 193. Можно ли сказать то же об окских Локотец/Локодец, Локотня, Локотцы, Локотовка, Локтевка, расположенных в ареале старой балт. гидронимии (см. Гидр. басс. Оки 86, 97, 105, 121, 126), решить трудно, как, впрочем, и настаивать на связи с русск. диал. *локтáть*, *локчить*, *локчить* (СРНГ 17, 114). — Во всяком случае, кажется, осторожнее всего думать о дублетности прусск. *Luk-t-* и вост.-балт. *Luk-st-*, во-первых, и о связи корня с балт. *Luk-*, см. {**luk-*}, {**luk-n-*}.

{**lul-*} 1, ср. Nom. рг. *Lule* (APN 53). — Ср. ст.-лит. *Jakub Lulis* (Акты Вил. 25, 1898, 533; XVIII в.); ст.-лтш. *Lule Jurgen*, *Lule Jane Pinke*, *Lule Gouszen*, *Lule Pumpe*, *Lule Pullex*, *Lulle*; *Lorentz Lulle* (LPV 1, 295—296: *lulis* 'ein verwöhntes Kind, ein einfältiger Mensch' и *lūļa* 'der Tölpel, Dummkopf', ср. *Lulke* /?/); куршск. *Mertem Lull*, 1540; *Jhan Lull*, 1541; *Herman Lull*; *Lulle Pullex* 1582—1585; *Lule Jurgen*, 1582—1585; *Lule Resze*, 1582—1585; *Lule Jane Pinke*, 1582—1585; *Lule Pumpe*; *Lule Gouszen*, 1582—1583; *Lule Gouszin* 1585; *Lule Goudin*; *Mayle Lule*; *Lulle*, 1582—1585; *Gesinde im Landbuch Pawel Willems*, auch sonst mit dem gemeinen namen Lule oder Grentzen Andres genont, 1578 (KF 304: 'Tölpel, Dummkopf, Trödler'). — Ср. также топонимическое прусск. {**lul-*} 2, по крайней мере, в части случаев общее с ономастическим {**lul-*} 1. — Нужно отметить также значительное присутствие элемента *Lul-* на Белосточчизне. Кондратюк (Acta B.-sl. 16, 1984, 169; Elem. balt. 1985, 48, 138—139, 149 и др.) приводит местные топонимические названия, построенные на основе балт. Nom. рг. на *Lul-*, таких как *Lul*, *Lula* (Bystroń Nazw. polsk. 1936, 281; Kozierowski Nazw., przewz. 1938, 79), ср. также лит. Nom. рг. *Liūlis*, *Liulys*, *Liūlis*, *Liūlys* (картотека литовских имен в И-те литовск. яз. и литер.). Подобные имена, несомненно, экспрессивные по своему характеру (независимо от их происхождения), отмечены и в других соседних ономастических традициях, ср. ст.-польск. *Lula*, *Lulya* (Present/e/... Stiborio dicto Lula de Tlubice, 1404 и др.), *Lulic(z)*, *Lulik*, *Luliński* (*Woysech Lulinski*, 1393) и др.,

Słown. starop. nazw III, z. 2, 295; блр. *Люля*, *Люлевич*, *Люлька*, *Люльчык*, *Люлькин*, *Люляк* (Белар. антрап. 2, 262, ср. *Лулоў*, 258); русск. *Люлька*, *Люлькин*, *Люлин*, *Люляков*; *Люлюшка*, *Люль*, *Лула* и др.

{**lul-*} 2, ср. *Lulen*, 1356 (в Самбии); — *Lulegarbis*, 1331, *Lulegarbs*, *Kalegarbs*, *Kilegarbs*, *Lugegarbs* (SU 188), в Самбии, см. Pierson AM 7, 1870, 600; APON 92. — По Герулису, первый случай отсылает к Nom. рг. лит. *Lule*, соотносимо с лит. *liulys* 'ein Tölpel', с одной стороны, и с топонимом лит. *Liulidī*, с другой; второй случай — в том, что касается элемента *Lul-*, — еще Пирсон соотносил с лит. *Liulynas* 'quebbiger Wiesen- oder Moorgrund' (Герулис не отвергает этой связи, но указывает на недостаточную надежность чтения *Lule-*, поскольку оригинал отсутствует). — В широком плане круг соответствий этим прусским названиям нужно искать в лит. *Liūliai*, *Liūlinė*, *Liūliškiai*, *Liūliškiai*, *Liūliškis* (LATSŽ 164); *Liūlys*, *Liūliupis*, *Liūlenčia* (LUEV 94; Liet. hidr. 66, 134; LHEŽ 194: ср. лит. *liulėti* 'качаться', 'колыхаться' [LKŽ 7, 605], *liulynas*, *liūlynas* 'зыбь', 'трясина', 'болото', 'вязкое место'; ср. также лит. *liūliūoti* 'волноваться', 'колыхаться', 'качаться' и т.п. [LKŽ 7, 608—609]; лтш. *Lūļa*, *Lūļi*, *Lūļas-pļava*, *Lūļas*, *Mež-lūļas*, *Lūļ-azars*, *Lūļājas pļ.*, *Lūļākas*, *Lūļēkas*, *Lūļāni*, *Lūļēni*, *Lūļenes-pļava* (LV I, 2, 362; ср. *Luhle*, 1858, *Lūles*, *Lūles*, *Lūļi*, *Lūlenes pļ.*, *Luhleine* 1816; *Lūliki*, *Lūļi*. I, 2, 351; *Luleņi*, *Lulleij*, *Lul(l)īši* /?/ I, 2, 347); лтг. *Luliški*, *Люлишки*; *Люлевицина*, *Lulevščino* (PN Latg. 299); куршск. *an den lulmeschen [lulumsschen?] wech*, 1470; *in unser wacken Lullum*, 1553; *Lullum*, 1582—1583; *Lullum*, 1585 (= *Lūļ*). KF 123: к лтш. *lūļa* в первом члене и, вероятно, к лтш. *mežs* во втором. Более поздняя форма *Lullum*, по Кипарскому, могла ориентироваться как на образец на такие названия, как *Tuckum* и под. — Балтизмы на *Lul-/Lul'*-распространены в топонимии Белосточчизны, где они нередко основаны на личных именах с тем же корнем. Ср.: *Lule*, 1795; *Lule*, *w Lulach*, 1784; *Lul* (Gen.), 1744; диал. *L'ule*, старое поселение, теперь поле и луг; *Lulewiczka Działka*, болото; *Lulin*, *na Lul'iñe*, поле (Kondratiuk Acta B.-sl. 16, 1984, 169; Elem. balt. 1985, 48, 138—139, 149 и др.). Учитывая характер урочищ, обозначаемых корнем *Lul-*, приходится признать, что их физиографические и топографические характеристики, действительно, в высокой степени отвечают тем смыслам, которые присутствуют в лит. *liūlynas*, *liulynas*, *liūlyne* (ср. также *liulėti*, *liūliūoti* и т.п.), — нечто зыбкое, вязкое, топкое, неустойчивое, колыхающееся. — Ср. *Lulemino*, *Lulewice*, *Lulewiczi* (Słown. geogr. PZP 1, 170).

{**lul-* & **garb-*}, ср. *Lulegarbis*, 1331; *Lulegarbs*, *Kalegarbs*, *Kilegarbs*, *Lugegarbs* (SU 188), в Самбии (APON 92; ср. Pierson AM 7, 1870, 600). — См. {**lul-*} 2, к первому члену этого сложного слова, и {**garb-*}, *garbis*, к второму члену.

{**lump-*}, ср. *Lumpe*, 1411—1419, позже — *Lomp* (APON 92). — Ближайшие соответствия — лит. *Lumpe* (LUEV 95; LHEŽ 199); *Lumpėnai* (LATSŽ 166); лтш. *Lumpe-vēris* (LV I, 2, 347: ?). — Ср. *Lumpe*, 1395 (SRP 2, 674). — Согласно Ванасу, не исключена связь с лит. *lūmpra*

'трясина', 'зыбун', *liūtra*, то же, *liūtrūnē* 'место, где зыблется почва' и т.п. (LKŽ 7, 611—612, 684; Skardžius Lituan. darb. 3, 1973, 26; ср. LEW 380). — Интересно, что прусск. *Lumpe* сохраняет и теперь свое название, ср. *Lumpia* (Słown. geogr. PZP 1, 178). В "Реестре описания озер" (1569) на бывшей ятвяжской территории упоминается *Ieziorko Łompi* (см. Falk Acta B.-sl. 10, 1976, 95: I, 5, 19), название которого могло бы привлечь внимание в связи с прусск. *Lumpe*. Но другие засвидетельствованные варианты (ср. *Lumpia*, 1558, *Wyszlempie*, *Lempis*, 1736, совр. *Lempis*) затрудняют установление подобной связи. Фальк (Op. cit. 131—132; Ze stud. 1973, 23—24) исходит из того, что *Łompi* представляет собой славянизированную форму южноаукшт. *Lampis (с *e* > *a* после отвердения *l*, см. Zinkevičius Liet. dial. 158 и карта № 74) и что оно связано с литовскими названиями типа *Lešpravis*, *Palempis*, *Лемпишки*, 1598, *сеножать Лемпи*, 1557 (Спрогис), лтш. *Lēmpju-ēzērs*, *Lešprji*, *Lešpes-līkums* (LV I, 2, 298) и т.п. См. LHEŽ 185. — По Фальку, к лит. *lpti* (*liūtra*, *lešpra*) 'прилепляться', 'приклеиваться' (от **lei-p-* с инфиксом), *līmpūs* 'клейкий' (: *lipūs*), *liūpinti* и т.п. — Ср. лтш. *lōmpa* '(koka) šķemba, skaida', *lōmpuot* 'sisties (par atrautu koka skaidu). Augšz dial. 1983, 166 (?).

{**lumps-*}, ср. *Lumpsin*, 1469 (APON 92: "Erinnert an das Königsberger Stadviertel "Die Lomse", da *Lumpsin* wohl auf *Lumsin zurückgeht"). — Не вполне ясно. Выбор остается между элементом *Lump-* (см. {**lump-*}), расширенным элементом *-s-*, и формами без *-p-*, что в свою очередь открывает несколько возможностей, которые, однако, могли быть поддержаны в основном со стороны апеллативов; ср., напр., лит. *lūmza* 'kas nevikrus, tinginys, ištižes; slunkius' или *lūmšis*, *lūmšis* 'kas apsilaidęs, žioplas; nevykėlis', *lūmšas* (: *lūmšenti*, *lūmšinti*, *lūmšinėti* 'nerangiai vaikščioti' (LKŽ 7, 685). Но на этих путях может обнаружиться связь с формами, представляющими варианты с *p* и без него; ср. лит. *lumpsóti* 'зевать', 'ротозейничать' (Nelumpsók kaip lūmra...); 'итти ковыляя, спотыкаясь', но и *lumsóti* с теми же значениями (ср. Jes lūmso, lūpa paleidęs).

{**lums-*}, см. {**lumps-*}.

{**lun-*}, ср. *Lun*, 1297; *Lunen*, 1326 (недалеко от *Leunenburg*); *Lunen*, 1355, позже — *Launau* (APON 92). — По Герулицу, к лит. *liūnas* 'трясина', 'зыбун', ср. *Liūnai*, — Ближайшие соответствия — лит. *Liūnai* (несколько раз), *Liūnėliai*, *Liūniškės* (LATSŽ 164); *Liūnas*, *Liūnai*, *Liūnėliai*, *Liūnėlis*, *Liūnaitėlis*, *Liūnupys*, *Liūnų upėlis*, *Liūnaitis* (LUEV 94; Liet. nidr. 36, 78, 114, 118, 237, 271; LHEŽ 194), но и *Linaitis* (LUEV 96; LHEŽ 199); лтш. *Lūnas*, *Lūnis* рл., *Lūns* рл., *Lūna-pūriņš* (LV I, 2, 362; к лтш. *lūnis*, *lūns*, ср. также *nūoūt*, *atlūt*; *lūvens* 'мягкий', 'болотистый', *lūvenis*, о зыбком, неустойчивом месте, *lūvenēt*); ср. лтш. *Lūne* рл. (I, 2, 352); лтг. *Luņi* Луни, *obrāb Lūniow*; *Lūņi*, *karczma Lūniowska*, *Leļi Luņi*, *Lielie Luņi*, *Mozī Luņi*, *Videfī Luņi* /?/ (PN Latg. 293). — В качестве не вполне ясного резерва остаются сев.-зап.-польск. *Lunowo* (*Lunau*), *Luniewo* (*Lunow See*) и еще дальше к западу вплоть до Мекленбурга и Гольштейна — *Lunau*, *Lunow*, *Lunow*, *Lunowe* (EOSON II,

62; МН 99 и др.). Еще более не ясны окск. *Луненка*, *Луња*, *Лунево болото* и др. на территории, где отмечены балтизмы. Ср. блр. *Луні* и под. (Кратк. топон. слов. Белор. 212—213: к *лунь* 'окно, яма в болоте', ср. лит. *liūnas*, или от названия птицы *лунь*; см. Яшкін Белар. геогр. назвы 109). Более бесспорно блр. *Люн* 'поле' (Мікратап. Белар. 146: к *liūnas*), ср. также *Лунянка*, полевая дорога (там же, 144) и днепр. *Луния* (ЛАВП 194). — См. LEW 380—381.

{**lun-av-/ov-*}, ср. Nom. рг. *Johannes Lunow*, 1323 (APN 53: ср. топоним *Lunau*). — Ср. ст.-лит. Nom. рг. *Lunaucis*, *Lunowicza* (Gen.), совр. *Lunys*, *Lunià*, *Lunėvičius*, *Lūnius* (Liet. antrop. 168); ср. блр. Nom. рг. *Луніс* /?/ (Белар. антр. 2, 258: иное дело *Лунь*, *Лунёу*, *Лунёвіч*, ср. в XVII в. *Лунь* и *Лун* и т.п.; ср. также польск. *Luń*, *Lunow*, *Luniowicz(z)*, *Luniewski*, *Lunak* и др. Słown. starop. nazw. III, z, 2, 345—346). — Происхождение неясно. М.б., к лит. *lūnis* 'вялый человек', 'зевака' и т.п. (LKŽ 7, 687); ср. русск. *от-лынивать*, диал. *лынять* 'уклоняться от работы', 'шататься без дела', 'слоняться', 'бездельничать', 'бить баклуши', *лынь* 'лентяй', *лында*, то же, *лыняло*, *лындать*, то же, что и *лынять* и т.п. (СРНГ 17, 221—222). — Ср. RR I, 168.

{**lunk-*} 1, ср. Nom. рг. *Luncke* (APON 53). — По Траутману, в отношениях аблаута с *Lankut*, *Linko*. — См. {**lunk-īt-*}, а также {**lunk-*}2 и др.

{**lunk-*} 2, ср. *Lunkos*, поле, 1289, что, весьма, неочевидно, учитываемая и тип урочища (поле), и варианты названия — *Laukis*, 1289, *Lawkusz*, *Lininkos* (PU II, 308), — и общую ненадежность формы *Lunkos*; естественно, что в данном случае проще было бы исходить из *Lauk-*. Однако сказанное не исключает реконструкцию прусского топонимического {**lunk-*} 2, о чем см. {**lunk-en-ik-*}, {**lunk-īt-*}, {**lunk-uk-*}, которые поддерживаны и вост.-балт. параллелями, ср. лит. *Lūnkiškės* (LATSŽ 166); лтш. *Lunka*, *Luņkas* рл., *Lunkas-līcis*, *Lunkas* (Gen. Sg. ?) *ēzērs* (LV I, 2, 348: к лит. *Lunkà*, болото). Лаумане Zvejv. posauk. 1987, 59, 60, 62—63, 117 приводит в качестве параллели вторую часть названия *Zāmelūņka*: лексема *luņka* 'залив' связывается с Adj. *lunks* 'гибкий' (ср. *lunkans*, то же); ср. также Onom. arcer. 1987, 191—193. Это латышск. или куршск. слово было заимствовано в ливск. язык, ср. ливск. *m¹e¹r-lūnkka* 'морская бухта'. Kettunen Liv. Wb. 210 (ср. Reñš-lūnkka. Liv. Wb. 333). Ср. также *Krusdelunka* (Bezenberger Kur. Nehrung 1889, 292), лит. *Skruzdžių įlanka* (Гуделис Список Куршо Марес 1959, 545). — См. *lunkis* 'угол'.

luncka 'поле', 'пашня'. Гр. 29 ('acker'); *luncka* Гр.-Г. ('Felt'); *Luncka* Гр.-Кип. 20 ('Ager'); *laucka*. Гр., вар. С — Все эти написания сильно испорчены. Наименьшая порча — в вар. С, хотя и здесь исход слова ошибочен. См. *laucks*. — Возможно, что причина неправильных описаний не исчерпывается только графическим уровнем, но предполагает и семантическую ошибку.

lunkan 'лыко'. Э 644 ('Bast'). Nom. Sg. neut., в ряду Э 642: *Spelanxtis* ('Splitt'), Э 643: *Saxtis* ('Rinde'), Э 645: *Wims* ('Maser') и др. — Тот же корень отражен во второй части двучленного сложного слова *stanu-*

lonx. Э 623 ('Kellershals'), т.е. 'волчье лыко', 'волчник', 'Daphne mezereum L.'; обычно предлагается чтение с поправкой — *scanulonx [*skanu-lunks, к первому члену см. лит. *skanūs*, м.б., лтш. *skāns*], ср., однако, РКР II, 327: [*stanu-lunks (*stanu-* ?)]. Возможно, что прямо или косвенно тот же элемент представлен и в топонимике, см. [**lunk-*] 1, [**lunk-*] 2 и производные от них. — Прусс. *lunkan* возвращает снова к не раз уже поднимавшейся теме "липово-лыково-лубяного" комплекса и его роли в быту и в хозяйстве пруссов. Речь идет в данном случае о достаточно арахичном комплексе первичной обработки дерева, восходящей к примитивным формам операции плетения, не требующим сколько-нибудь специализированных и, главное, сложных инструментов. Древность этой операции свидетельствуется рядом фактов, в том числе и языковых. Трир и друг., а применительно к славянскому материалу Трубачев Ремесл. термиол. 1966, убедительно показали, что ряд существенных терминов гончарства вторичны в том смысле, что предполагают операцию плетения, возникшую, естественно, в другом производственно-технологическом локусе. В ряду других операций, связанных с примитивной обработкой дерева, плетение занимает свое особое место. Оно отличается как от того, что можно было бы назвать "собирательством" естественных древесных форм "отмеченного" характера (согнутые, вилообразные, крючкообразные, лопатовидные и т.п.), требующих, по сути дела, лишь элементарного прилаживания к тем или иным хозяйственно-бытовым потребностям, так и от операций плотничного характера (рубка, обтесывание, долбление, сверление, соединение воедино и т.п.). Вместе с тем "лыковая" технология предполагает операцию, отчасти сходную с операцией известной и в двух других, только что обозначенных технологиях. Суть ее состоит в переходе от естественно-природных форм к искусственно-культурным. Два крайних полюса, соединяемых подобной операцией, таковы — природное бытие как части живого дерева, куста, травы и т.п. и "культурное" бытие как вещи — инструмента, утвари, посуды, объемахранилища, обуви, игрушки и т.п. Чтобы первое соединить с вторым, нужно, необходимую часть отделить от природного ее носителя, в данном случае — отодрать, оторвать, отслоить (в "плотничьих" операциях — отрубить, отрезать, отколоть, отпилить и т.п., в "собираТЕЛЬСКИХ" иногда просто отломать или найти в уже отломанном виде). И это составляет первый этап решения задачи. Второй состоит в осуществлении идеи соединения на основе этого изъятых из природы материала или полуфабриката, подвергнувшегося самой примитивной обработке-подготовке. В этом случае соединение решается через со-плетение частей, основанное на свойствах лыка, "молодого луба; волокнистого, неокрепшего подкорья со всякого дерева" (см. Даль⁴ 2, 714–715): лыко как молодой луб, в силу своей гибкости легко поддающийся разным операциям (сгибание, вязка, плетение и т.п.), противопоставит старому ("залубеневшему") лубу, обладающему преимуществами "строительного" материала "твердого" типа. О пре-

смственности операций "резания", "рубки", "отрывания" и "плетения", где последняя обусловлена первыми, см., хотя и в несколько ином плане, Ремесл. термиол. 1966, 144 и сл., 390. Этот "лыковый" комплекс в достаточной полноте обнаруживается по архаическим образцам "лыкового" (и иных видов) плетения у балтов и славян, по крайней мере, в "ядерной" части их общего двуединого ареала. Любопытно, что и германское население Прибалтики в целом пользовалось этой архаичной технологией первичной обработки дерева, в частности, в связи с лыком, см. Rosenfeld Urtüml. Holzbearb. Ostsee 1956, 147–148, что в известной мере отличало его от общего направления развития этой технологии у других германцев и от соотношения "лыкового" комплекса (в частности, ср. его влияние на романские культуры, нем. *Bast* — итал. *basta* и т.п.) с другими технологиями примитивной обработки дерева. Языковые свидетельства в еще большей степени подчеркивают выделенности балто-слав. "лыкового" ареала, о чем см. несколько ниже. — Дыбо (ВЯ 1958, № 6, 55–56) и Иллич-Свитыч (Именн. акцент. 1963, 154–155) отмечают, что в ряде основ на -o средн. рода с акутированным корнем наблюдается расхождение между латышскими данными, где прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму, и славянскими фактами, предлагающими баритонированную парадигму; фиксированное корневое ударение выступает в более архаичных литовских и славянских типах. Ср. лтш. *lūks* — лит. *lūnkas*, прусск. *lunkan*, русск. *лы́ко*, с.-хорв. *лы́ко* и т.п. (слав. *lyko). Иллич-Свитыч (Указ. соч. 81–82) выдвинул предположение, согласно которому латышская прерывистая интонация в таких именах появилась в результате обобщения во всей парадигме интонации, развившейся фонетически в окситонированной форме Nom.-Acc. Pl. имен средн. рода, баритонированных в един. ч.; в литовском и славянском же была, видимо, обобщена баритонеза падежей един. ч. (ср. также Kortlandt Baltist. 18, 1982, 5–6). Вообще балто-славянская картина обозначений лыка характеризуется сочетанием бесспорного единства в целом, резко отличным от его названий в других группах и.-евр. языков, и разнообразием в деталях. Последнее, в частности, проявляется в родовых характеристиках и способах их выражения. Если прусск. *lunkan*, как и слав. *lyko, представляют собой средн. род, причем флексия Nom.-Acc. Sg. в прусском точно, а в славянском практически точно восходит к и.-евр. *-om, то в вост.-балт. языках слова для лыка мужск. рода, хотя некогда, до утраты средн. рода, также относились к нему. Об этом отчасти можно судить по данным заимствований в прибалт.-финских языках из вост.-балт. Как известно, вост.-балт. o-основы средн. рода при заимствовании в прибалт.-финские языки давали конечное -a (o-основы мужск. рода давали в подобных случаях -as), ср. финск. *lunka* 'отставание коры от дерева'. Лит. *lūnkas* и под., видимо, не может в силу этих причин считаться непосредственным источником заимствования. В качестве такового приходится постулировать -a (конечное -an, как в прусск. *lunkan*, должно было бы

сохраниться в финском). Ряд других примеров также говорят в пользу того, что флексией Nom.-Acc. Sg. *o*-основ средн. рода было *-a* — при прусск. *-an* (< **-om*) и слав. *-o* (< *-om*). Есть и иные аргументы, подтверждающие сказанное (*-a* в Adj. neut. в литовском, ср. *gēra* при прусск. *labban*; *-a* в лит. *lizdà* fem. [см. Gerullis, Stang Liet. žv. tarm. 1933, 28: в окраинном говоре рыбаков Прусской Литвы! — при обычном лит. *lizdas* masc.; т.е. *lizdà* < **lizda*, neut. < н.-евр. **nizd-om*]; гипотеза о вытеснении средн. рода в балт., позволяющая объяснить замену имен средн. рода в *o*-основах существительными мужск. рода в вост.-балт., см. Nieminen Uridg. Ausg. 1922, 2—3; Иллич-Свитыч Указ. соч. 42—43 и др.). — Помня об этих частных расхождениях (как и о том, что именно прусск. и слав. сохранили слово для обозначения лыка в средн. роде, следует признать, что ближайшие соответствия прусск. *lunkan* (строго говоря, они же и единственные) представлены в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *lūnkas, luñkas* — *lyko z drzewá darte* / Liber, Philyra. *Karna* / *lūnkas*. Szygw. Dict. 3, 160; ср. *Ratahunkis*, 3, 233; *Obrecz* / *Circulus, lūnkas*, 3, 235; *Pusehunko*, 3, 321 (Gen. Sg.); *lunkays*, 3, 303; *lūnkas iz muro*, 3, 63 и др.; Clav. Germ-Lith. I, 236; *Baſt lunkas, plaußai, winkßnas, karnai*. Lex. Lith. 13, Beutnerstrick geinis, id (lunku wirwe) fu kur[e] y medi kopa. Lex. Lith. 16a; Ruhig 1800 (Plěšk lunka, kad plyšta — kad prikeps nespėsi); Kaip lunko mazgą išmezgęs, džiaugiaus (Valanč. Patarl. Žem. 21); Lunka vogęs, su šikšna užmokesnį gausi (Ibid. 28); Iš liepos lunkų demblius drabužiui audė (Daukant.); Karna be juodymo bus lūnkas (Юшк. Лит. слов.); Vyžk vyžas iš lūnkų, plėkų, plėšų, karnų (Ibid.); Pasiimk lunkų ir nuvyk atvarslus; Šiomet gerų lūnkų liepos turi — bus iš ko virvės vyti; Kad apmest, tada no[rs] lūnkais apvarstysim — vis bus audeklas и т.п. (LKŽ 7, 688; ср. *lūnka*, fem. 7, 687); лтш. *lūks* 'der Bast, die Linden-, Weidenrinde' (*lūkus plēst* 'den Bast schälen'; *tev, alksnīti, trapja miza, tu nederi lūkā plēst*. BW 11841; *kad laivai virves trūka, tēk pie liepas lūkus plēst*. BW 30795; *teci, manu kumeliņ, ar lūciņa pavadiņ!* BW 29989; *lūku pametis, meklē siksni* или *lūciņu paņem, atduod siksniņu*. ME 2, 518—519 (ср.: Der Bast als Bild des Biegsamen, Haltlosen, Schlaffen: *piezēris kā lūks; nuo kruoga viņš pārnāca kā lūks; tik pat kā lūks*, о людях, которых легко можно согнуть, и т.п.; EH 764); *Luhka*, der Bast vom Baum; *Luhk'-plāh[is]*, ein Bastreisser; *Luhk' plāh[st]*, abschälen (LLVV 147); *lūks*, dimin. *lūcīc, lūcīņa* (*lūks i liēpām, nuo kāklīm jāu a plēš*; ср. *piezēriēs kā lūks* — *loti piezēries*. Ērg'. izl. vārdn. 2, 248) и др. Вост.-балт. примеры показательны и с точки зрения использования лыка. Не менее интересны и славянские примеры. Прежде всего часть из них относится к женск. роду, ср. русск. диал. *лыка* 'лыко' (ср.: *Ступни и пещуры из березовой лыки; Из лыки-то вязка мало держится; дать лыку убежать, уйти*. СРНГ 17, 220); блр. *лыка* (*Лыка — гэто садрана з ліны кара*. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 695—696); болг. *лыка* (Геров), диал. *лыка* (Бълг. диал. II, 200), макед. *лика*, с.-хорв. *лыка*, словен. *lka*; чеш. *lyka*, ср. ст.-польск. Nom. pr. *Lyka* /?/ (Słown. starop. nazw III, z. 2, 348), на основании чего, несомненно, реконструируется

праслав. **lyka*, fem. Возможно, речь могла бы идти и о праслав. **lykь*, masc. (: лит. *lūnkas*, лтш. *lūks*), восстанавливаемом на основании таких примеров, как с.-хорв. *лук*, словен. *lka*, кашуб. *lėk* II (Słown. gwar kasz. 3, 16), коцевск. *fik* (Sychta Słown. kociew, s.v.), русск. диал. *лычок* (*Быть бычку на лычку*. СРНГ 17, 228 при более обычном *лычка* и даже *лычко*) и т.п. Но, конечно, более обширную и полную коллекцию примеров составляют продолжения праслав. **lyko*, neut. Ср. ц.-сл. *лыко*, болг. *лыко, ликò, лыко* (Геров), макед. *лѹко*, с.-хорв. *лѹко*, словен. *lko*; ст.-чеш. *lyko* (Slovn. staroč. II, 298), чеш. *lyko*, словц. *lyko*, в.-луж., н.-луж. *lyko*, польск. *lyko*, словин.-помор. *lāke* (Rom. Wb. 1, 474); русск. *лыко*, блр. *лыка*, укр. *лыко*, см. ЭССЯ 17, s.v. Разумеется, этот круг ближайших параллелей расширяется за счет производных (некоторые из них достаточно интересны, ср. русск. диал. *лыч, лыча*. СРНГ 16, 227), включая и глаголы (ср. праслав. **lykati, *lyčiti*), а также получает ряд существенных уточнений за счет фразеологических сочетаний (ср. русск. диал. *лыкать* 'пить с жадностью', 'выпивать' /о спиртном/; *лыка лыку не несет*, о степени сильного опьянения, *лычить* 'пить жадно и много', 'пьянствовать' [но и "сдирать с дерева лыко" и т.п.], см. СРНГ 17, 220, 228 — при уже приводившемся лтш. *piezēriēs kā lūks* и т.п.). — Но все-таки, говоря о слав. **lyko* как ближайшем соответствии балт. **lunk-* на первое место выдвигаются не семантические или словообразовательные темы (сходство в них между балт. и слав. языками в принципе не вызывает сомнения), но фонетические, связанные с источником *u* в слав. **lyko*. Традиционная точка зрения, и по сей пору сохраняющая за собой решительное большинство голосов, состоит в том, что в качестве источника слав. **lyko* реконструируется **lunk-om*, т.е. форма, основа которой **lunk-* в точности совпадает с балт. **lunk-*. То, что корневое *un* не является автоматическим соответствием слав. *u* (или, в иной формулировке, слав. *u* не может рассматриваться, как "нормальный" рефлекс *un*), в отличие от *ū* (*ū > u*), было, разумеется, хорошо известно, но этой "несогласованностью" пренебрегали по двум (если говорить в самых общих чертах) причинам — абсолютное семантическое тождество и очень значительное фонетическое подобие (балт. **lunk-* при слав. **lūk-*, даже если принять "стандартный" вариант автономной реконструкции) балт. и слав. форм слова, обозначающего лыко (с одной стороны), и целый ряд аргументов в пользу возможности иного происхождения слав. *u* в этом слове, нежели из *ū* (с другой стороны). Именно этот последний вопрос и должен был стать центральным. Какие общие и частные аргументы приводились (или могут быть приведены) в пользу возможности возведения *u* в **lyko* к *-un-* (**lunk-*: балт. **lunk-*)? Самым общим аргументом, обычно как раз в связи с темой **lyko* < **lunk-* игнорируемым, нужно считать особенности возникновения звука *u*, фонологизации его и распространения в языке. Прежде всего делабиализация **ū* в *u* относится к числу позднейших процессов, пережитых праславянским языком (Шевелов Prehist. Slav. 1964, 634

относит этот переход к VIII—IX вв.), о чем свидетельствует и внутренняя реконструкция последовательности основных фонетических процессов в праславянском, и данные ранних славянских заимствований слов с *y* (< *ū*) в соседние языки (кстати, и в балтийские, о чем в свое время не раз писал Буга, см. RR III, 741—742 = Streitberg-Festgabe 1924). По сути дела, возникновение *y* как бы подвело черту в формировании инвентаря праславянского вокализма известного периода, и эта фонема оказалась экспансивной в том смысле, что она реализовала через себя и целый ряд других разнородных элементов, не успевших выбрать для себя самостоятельный путь развития. Следует напомнить, что заканчивавшийся в это время процесс открытия закрытых слогов настоятельно требовал ликвидации случаев, где еще сохранялась закрытость слогов. Праслав. *y* как раз и представляло такую возможность. И хотя она использовалась прежде всего в флексиях, где благодаря указанной "канализации" разных звуковых элементов в *y* произошел решительный разрыв с и.-евр. флексивным наследием, подвергшимся коренному преобразованию, которое, в частности, сильно развело слав. и балт. инвентари флексий, — все-таки сама эта возможность нерегулярного, к многим источникам восходящего происхождения *y* не могла остаться беспоследственной и в более широком плане — для праслав. *y* в любой позиции. Впрочем, исследователи выдвигали и более конкретные аргументы в пользу связи *lyko с балт. **lunk-*. Так, Мейе Slave comm. 64 (= Общеслав. 53); Mém. Mikkola 1931, 158—159 обратил внимание на то, что дифтонги типа *un*, *um*, *in*, *im*, допускавшиеся в и.-евр. лишь в виде исключения, в ряде и.-евр. языков реализовались (особенно в презентных основах) в виде носового инфикса, но в слав. языках такая трактовка "почти не представлена" (характерно и следующее за этим несколько неясное, но существенное замечание — "При этом следует принять во внимание также древние заимствования из неизвестных языков"). Конкретное соответствие между лит. *un* с акутом и слав. *y* объясняет, по Мейе, и случай *lyko (с.-хорв. *lyko*): лит. *lunkas*, прусск. *lunkan* (как и *vyknq при лит. *junkstu*); ср. также Fortunatov AfslPh. 11, 572; Uhlenbeck KZ 39, 1906, 260; SEW 1, 751; APSpr. 373; BSW 163—164; Эндзелин СБЭ 195; Milewski RSlaw. 10, 1931, 96 сл. и др. Мейе кроме того подчеркивает, что отсутствие назализации в подобных случаях в слав. согласуется с поведением *ь* в *ъn, *ъm из и.-евр. *n, *m. Методологически важны наблюдения над праслав. *i*, *u* + N (носовой) + T (согласный), сделанные Агумаа Ursl. Gr. I, 1964, 129—130, ибо они обрисовывают тот фон, который позволяет с достаточными основаниями отвести "негативистскую" концепцию, отклоняющую связь слав. *lyko с балт. формами (о ней см. ниже). Понятно, что многое в указанной проблеме остается неясным и для Арумаа. Но самым важным и, видимо, бесспорным оказывается вывод, который напрашивается из рассуждений и фактов, приводимых исследователем, — крайняя нерегулярность в трактовке сочетаний *i*, *u* + N + T в слав. Арумма указы-

вает, что в ряде случаев носовой элемент (N) в таких сочетаниях является вторичной вставкой и что инфигирование носового согласного более характерно для балт., нежели для слав. Существенно и другое указание, отсылающее, в частности, к проблеме хронологии: новые дифтонги типа *i*, *u* + N + T дают иные результаты по сравнению со старым праславянским типом, отвечающим этой же последовательности и восходящим к и.-евр. "Tiefstufe" с *n*, *m*, соотв. *n, *m перед согласным. Ср., с одной стороны, слав. *gnida (*gnūda*) при лит. *glinda* (из *gninda), а, с другой, слав. *gręda (русск. *грядá*, польск. *gręda*) при лит. *grīdōs*. Другой пример "подавленной" назальности в слав. — *isto (ст.-сл., др.-русск. *исто*, *истесе*. Gen.) при прусск. *inxcze* (вместе *inxte*), лит. *inkstas* (< *inst-*), лтш. *ikstis*. Pl. Нельзя забывать и о более сложных случаях типа русского гидронимического балтизма *Истра* при лит. *Is(t)rà*, лтш. *Istis* или вост.-прусс. *Insterburg*: отсутствие *n* в *Истра* (< *Instr-*) может объясняться как слав. (русск.) фонетическим развитием, так и срабатыванием этого звука еще в балт. говорах Поочья и специально Подмоскovie, где фиксируется это название (подобно тому, что имело место в ряде литовских диалектов и в латышском языке). Наконец, нужно помнить о целом классе явлений в славянских языках, которых Славский обозначил как "oboczność *q* : *u*" (Sl. Occ. 18, 1947, 246—290; из более ранних работ на эту тему, помимо отчасти указанных выше, ср. Начов Zborn. Jagić 1908, 466—494; Brückner KZ 42, 1909, 332—369; Lehr-Splawiński Mém. Pedersen 1937, 379—384 и др.) и в который могло входить и слав. *lyko (< **lūk-* < **lunk-*). Впрочем, Славский, кажется, вполне справедливо, возводит *lyko к праслав. **lęk-/lqk* и видит в нем точное соответствие лит. *lunkas* и прусск. *lunkan*. Но сам корень **lqk-* имеет и дублет без носового — **luk-* (ср. польск. *rafuki*, если это не заимствование, и т.п. — при слав. *lqka : *lqčiti, ср. ст.-сл. сълакъ, сълаши и т.п. Sl. Occ. 18, 277). — Эта, по сути дела, единодушная позиция в отношении корректности соответствия балт. **lunk-* и слав. *lyko при признании неясностей в деталях становления последней формы, была оспорена Трубачевым Ремесл. терминолог. 1966, 164—166. Не подвергая сомнению тождество значения этих слав. и балт. слов (и, надо полагать, фонетической близости во всем кроме вокалического центра), исследователь выделяет как слабое место в традиционных объяснениях нерегулярность и изолированность развития *un* > *y* в середине слова. Именно это слабое место побуждает исследователя к проверке соответствия. "Потребность в проверке мотивируется недостаточной выясненностью связей данных балт. слов в кругу балт. лексики, — пишет он. — Давно известно, что лит. *lunkas* и др.-прусс. *lunkan* родственны лит. *leikti* 'гнуть' и другим балт. словам с этой основой; следовательно, ... лит. *-un-* и др.-прусс. *-un-* в этих названиях лыка представляется не как нечто извечно существующее само по себе, а как одно из звеньев акцентно-апофонической глагольно-именной парадигмы соответствующей основы: *lenkiū* — *linkstū* — *laikās* — *lunkas*. Последнее — название

лыка — может отражать лексикализованную эволюцию первоначального *lankas или *lankan... Это объяснение мы распространяем и на др.-прусс. *lunkan* 'лыко' < *lankan. Ср. др.-прусс. *lunkis* 'угол' < *lankis. Балт. **lanka-*, полученное в результате внутренней реконструкции для лит. *lunkas* 'лыко', можно сравнивать только с праслав. *lqkь, *lqka, но ни в коем случае не с праслав. *lyko, чему противились бы самые либеральные представления об исторической фонетике. Наше мнение, прямо противоположное общепринятой точке зрения, заключается в том, что праслав. *lyko не имеет ничего общего ни с праслав. *lqkьno..., ни с балт. названиями лыка — лит. *lunkas*, др.-прусс. *lunkan*. При всем подкупающем подобии последних, их близость нужно объяснять как угодно, но только не генетическим родством и не этимологическим тождеством" (Ремесл. терминолог. 165, ср. также ЭССЯ 17, s.v., где избран более взвешенный вариант оценки проблемы). Далее Трубачевым предлагается объяснение *lyko из праслав. **lūko-* (ср. *lučь, *lučina, *luка < **loukjo-*, *louksnā [видимо, сюда можно было бы добавить и слово с рефлексом *ū* — русск. диал. *лычь* 'огонь, с которым ездят на ночную рыбалку'. СРНГ 17, 229, из *lučь < **lūk-jo-*: *луч*, *лучина* и т.п.], имеющего параллели в нем. *Lohe* 'дубильная кора', *lohen* 'пылать', 'пламенеть' (герм. **lauha-*), др.-греч. *λοβσον* (< *loukjom) 'белая часть древесины', лат. *lūx* 'свет'. Германской параллели придается особое значение. Надо отметить, что из и.-евр. **leuk-* 'сиять', 'блестеть', 'светить' при объяснении названия лыка исходили и раньше, ср. Wood *AjPh*. 23, 1902, 203 (сюда же относивший и лит. *laukas* 'поле', лат. *lūcus* 'роща'). Основа **lūko-* реконструировалась для слав. названия лыка и Микколой *Ursl. Gramm. I*, 1913, 71, хотя корень **lū-* (-*ko-* выделяется как суф.) интерпретируется иначе, ср. герм. **lawā-* 'оторванная древесная кора': др.-в.-нем. *lō*, нем. *Lohe* 'см., однако, ЭСР 2, 541). — Конечно, в этих предложениях, отрывающих от балт. фактов слав. *lyko, есть привлекательные мотивы; более того, попытка мотивировать название лыка световым или цветовым принципом не только подкрепляется целым рядом типологических параллелей, но и, возможно, для определенного периода соответствовала бы "народно-этимологическому" осмыслению слова *lyko (: **luč-* < **luk-*). И тем не менее при оценке этой ситуации особенно важно следовать постулату разумной трезвости, который определяет важное качество исследователя-этимолога. Оно, строго говоря, не открывает с необходимостью пути к "верной", тем более "последней" этимологии, но позволяет этимологу контролировать свою позицию по отношению к исследуемому слову, сохранять ту дистанцию и ту степень определенности выводов, которые он считает — по крайней мере пока — достаточными. Этот критерий по самой своей идее настолько позитивный (хотя практически именно он чаще всего приводит к позитивным результатам), сколько ограничительно-контролирующий, позволяющий бороться с фантомами и соблазнами, не вступать на те *Holzwege*, где этимологическая картина может подвергнуться необра-

тимому смещению. Смысл этого критерия в том, чтобы удержаться на относительно ясной и проверяемой позиции, контролирующей связи данного слова с его максимальным внутри- и межъязыковым контекстом, чтобы не фетишизировать роль случайности — случая. Отчасти об этом критерии и его назначении можно сказать словами пословицы: "Тише едешь, дальше будешь". Возвращаясь к соотношению балт. **lunk-*: слав. **lyk-*, нужно сказать достаточно категорично: разъединение этих двух элементов в их родстве связано с несравненно большим риском (и последующими сложностями в объяснении деталей), нежели принятие или, говоря осторожнее, сохранение точки зрения на них как на отражение общего для них исходного прототипа. В самом деле, достаточно бегло напомнить лишь основные общие черты и указать, в какой мере расхождения объяснимы внутри общей "родственной" ситуации. Семантическое тождество балт. и слав. слов, обозначающих лыко, бесспорно, и более того, именно эти слова являются основными носителями этого значения в каждой из традиций. Обращает на себя внимание, что и в балт. и в слав. языках основной формой — актуально или в реконструкции — является слово в среднем роде (*lunkan* : *lyko*), но отмечены и другие родовые варианты — мужск. и женск.: лит. *lunkas*, лтш. *lūks* и лит. *lunka* при слав. *lykь и *lyka (см. выше). Денотатная сфера в принципе является общей для обеих традиций; хозяйственно-бытовое применение "лыковой" образности, ее, так сказать, мифопоэтический аспект обнаруживает несомненные общие черты, засвидетельствованные и в фразеологизмах и в реконструируемых на их основании мотивах. Ср. "черт и лыко" (*Ir pririšo ant lunkų tą veinį. LKŽ 7, 687* при русск. *Кричит, будто чорт с него лыка дерет; Кликали черти с лыками, о незванном госте; Их сам чорт лычком связал. Даль⁴ 2, 715; СРНГ 17, 221; ср. связь чорта с лыковой мочалкой и т.п.), "черт и мифологически отмеченное животное" в связи с названием определенного ("отрицательного") растения (лит. *žalčio lunkas* при русск. *волчье лыко*, польск. *wilczełyko* и т.п.), "напиваться до лык, как лыко", (см. выше), "лукодёр дерет лыко" (ср., с одной стороны, лит. *lūnkaplėšis* 'Daphne mezereum', 'gaudonžiedis žalčialunkis', лтш. *lūkplėšis* и т.п., с другой, частые сочетания типа лит. *plėšti & lunkas*, лтш. *plēst & lūks* при русск. *драть & лыко* и т.п. — как в плане специальной технической фразеологии, относящейся к обработке дерева, так и в плане мифологической топики) и т.п., ср. Загадки 1968, №№ 1889—1891; Latv. taut. tic. 2, №№ 18036—18038 и др.; ср. русскую игру "в лычки". В этих условиях особое, можно сказать, "почти доказательное" значение приобретает фонетическая близость балт. и слав. слов. Реально засвидетельствованные и тем более реконструируемые балт. и слав. формы очень близки: соответственно — *lunk-om (поскольку *n* рассматривается обычно как инфикс, то нужно помнить и о "резервной" форме типа **luk-*) и *lunk-om или, если быть предельно осторожным, то*

**lu^xk-om*, где *x* — некий элемент (возможно, и просодический), который в соединении с предшествующим ему *u* дает *y* (или *ū > y*), или *un > y*). Зная все те условия, перечисленные выше, в соответствии с которыми подчеркнутости *n* в балт. противопоставляется "смазанность" (нерегулярность) исходного корневого вокализма в слав. (*q : u* и т.п.), а также учитывая многочисленные случаи деназализации с заменительным удлинением как в слав., так и в балт. (в этом случае лтш. *lūks < *lunks < *lunk-om* принципиально ничем не отличается от слав. *lyko < *lūko < *lunk-om*), — приходится считать, что допущение различного происхождения балт. **lunk-* и слав. **lyk-*, отрицание их родства обозначало бы признание невероятной игры случая, имевшей место в едином (или — позже — двуедином) ареале генетически ближайшим образом связанных между собой языков и только в нем одном. При этом нужно помнить, что балт. и слав. факты очень четко выделяются на фоне всех других и.-евр. языков (даже и германских, если др.-в.-нем. *lō* все-таки относится сюда же). Наконец, существенно и то, что предлагаемые объяснения балт. фактов с помощью "акцентно-апофонической" парадигмы точно так же могут быть применены и к слав. **lyko* и тому кругу слов, который выявляется при допущении **lunk-om* как источника слав. **lyko* (что, конечно, не исключает и других вариантов объяснения, напр., влияния балт. слова на славянское, заимствование и т.п.). Поэтому связь балт. и слав. форм с и.-евр. **lenk-/ *lonk-/ *lnk-* с идеей изгиба, сгибания, кривизны (см. Pok. 1, 676—677) нужно считать вполне вероятной. При этом можно, видимо, допустить развитие значений типа "отогнуть" → "оторвать", "отодрать" (полосу [ср. лыко как полоса, лента при др.-исл. *lengja* 'Riemen', 'Streifen', датск. *længe* 'Seilstrippe', др.-англ. *lōh* 'Riemen' и т.п.]), что соответствовало бы наиболее характерной особенности лыка (то, что дерут, отдирают; ср. *драть лыко*), обыгрываемой на разных уровнях — от языковых до мотивных. В этом контексте целесообразно еще раз вернуться к проблеме др.-инд. *luñcati* 'рвать', 'вырывать', 'обдирать', несмотря на сложности, связанные с проблемой *r : l* (ср. лат. *runcare*, др.-греч. ῥύσσω), и на то, что эта др.-инд. форма известна в основном из Dhātupāṭha (ср., однако, *luluñcih*, эпич.; *luñcita-*, классич.). К сосуществованию инфигированной формы и формы без инфикса ср. др.-инд. *luk* 'Abfall, Schwund'. Более глубокая этимология, предложенная для *luñc-*, связывает это слово с и.-евр. **leu(ə)*, расширенным с помощью "Wurzeldeterminativ" а (ср. также др.-инд. *luñāti*, *lu-p-* : *lump-*, *lu-bh-*, *lu-ṣ-*), см. Burgow JRAS 1956, 198. — Из балт. языков слово для обозначения лыка было заимствовано в финские языки, ср. финск. *lunka* (Jacobsohn ZfdA 66, 1929, 241—242; Kalima Festschr. Hirt. 2, 1936, 208; Itäm. 1936, 135; Toivonen Suom. Etym. II, 1955, 309—310; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 122). Относительно связи морд. *lenga*, *leñgä* 'лыко' с прусск. *lunkan*, лит. *lūnkas* см. из последней литературы Mägiste Virittäjä 1962; 244—247; Joki Ural. u. Idg. 1973, 60 (в связи с Томашеком); Ваба Tarpt. balt. konf. 1985, 140. — См. *lunkis*, *lanctis*.

— Лит.: Thes. 1873, 97; Fortunatov AfslPh 11, 1887, 572; Mikkola BB 22, 1897, 248; Ursl. Gramm. I, 1913, 71; Wood AjPh. 23, 1902, 203; Uhlenbeck KZ 39, 1906—1907, 260; SEW 1, 751; APSpr. 373; BSW 163—164; Эндзелин СБЭ 1911, 195; ME 2, 518—519; SPV 206; Būga RR II, 157; Meillet Slave comm. 65 (= Общеслав. 53); Miel. Mikkola 1931, 158—159; WP II, 353; Sławski Sl. Occ. 18, 1947, 277; SEP 5, 403—404; Etym. sl. česk. 1952, 213; Falk Sc.-Slav. 4, 1958, 268—269; ЭСР 2, 540—541; Mägiste Virittäjä 1962, 244—247; LEW 390—391; Иллич-Свитыч Именн. акцент. 1963, 42; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 122; Arumaa Ursl. Gr. 1, 130; Stang Vgl. Gr. 1966, 188; Трубочев Ремесл. терминолог. 1966, 164—166; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 121, 123; Куркина Этимол. 1971. 1973, 65; Joki Ural. u. Idg. 1973, 60; Etym. j.č. 345; Etim. rječn. hrv. 2, 301; Etim. Sloven. 2, 141; Българ. етим. речн. 3, 400; РКР II, 287, 327; St. OP 6.100; Kortlandt Baltist. 18, 1982, 6; Ваба Tarpt. balt. konf. 1985, 140; ЭССЯ 17, s.v. — *{*lunkan}*.

{*lunk-en-ik-}, ср. *Lunckeniken*, 1472 (APON 92). — Образование с помощью суф. *-en-ik-* от корня *lunk-*, см. *{*lunk-}*, *{*lunk-īt-}*, *{*lunk-uk-}*. Там же параллели.

lunkis 'угол'. Э 199 ('Winkel'). Nom. Sg. masc., в ряду обозначений конструктивных элементов помещения, дома, ср. Э 195: *Pocorto* ('Swell'), Э 196: *Sulis* ('Stend'), Э 197: *Stacle* ('Stucce'), Э 198: *Seydis* ('Want'), Э 200: *Sando* ('Balke'), Э 201: *Sparis* ('Sparge'). — Говоря в общем, *lunkis* относится к тому же кругу, к которому относится и ряд других прусских слов, фиксирующих и иной тип корневого вокализма, см. *lanctis*, *perlānkei*, *perlānki*, *lānkinan*, но также и *lunkan*, ср. *(stanu-)lonx*. Естественнее всего связывать все эти формы, как и их соответствия в вост.-балт. и иных и.-евр. языках, через и.-евр. **lenk-/ *lonk-* (Pok. 1, 676—677). Однако природа вокалического центра слова *-un-* дала повод для различных ее трактовок и соответственно для разных объяснений исходной формы. Именно это определило формирование первых альтернативных решений проблемы. Траутман APSpr. 373 исходил из связи прусск. *lunkis* с и.-евр. **lenk-* 'гнуть', 'сгибать' и, очевидно, считал, что *lunkis* отражает и.-евр. **lnko-s* (о принадлежности *lunkis* к основам на *-o* см. Leskien Bild., 1891, 189). Иную позицию занял Буга RR I, 369 и др. Он утверждал, что и.-евр. **lnko-s* дало бы балт. **linkis* (ср. лтш. *liks* 'кривой'), а не *lunkis*. Балтийское же *un-*, по его мнению, в большинстве случаев отражает и.-евр. *un-*. Поэтому в прусск. *lunkis* Буга видел инфигированный вариант и.-евр. корня **leuk-* : **lu-k-* 'гнуть', 'сгибать', сохранившегося в таких формах, как лтш. *lukn(a)s* 'гибкий' или в водных названиях типа лит. *Luknā*, *Lūknas*, *Lukōjus*, прусск. *Luko*, см. *{*luk-}*. Сам же корень **luk-* : **lu-n-k-*, по Буге, возник в результате распространения с помощью детерминатива *-k-* корня *lev(e)* : *lu-*, который, впрочем, выступает в балтийских языках и с другими расширениями — с *-n-* (ср. лит. *liaū-na-s* 'гибкий', лтш. *ļaiūns* 'злой'), *-t-* (лтш. *lu-t-ausis* = *lu-k-ausis*), *-g-* (лит. *lū-g-nas* 'гибкий') и др., ср. также лит. *liumpėti* 'колебаться', 'трястись', *lūng-inti*, лтш. *lumsīties* и т.п. Более осторожен в своих заключениях

был Эндзелин ME 2, 514, допускавший, что прусск. *lunkis* и лтш. *luñka* 'морской залив' (куронизм) представляют собой результат контаминации и.-евр. **luk-* и **lenk-* (в SPV 206 — отсылка к этой точке зрения). Покорный видит в прусск. *lunkis* отражение ступени редукции гласного корня, а само *lunkis* возводит к и.-евр. **lenk-*, **lonk-* (Рок. 1, 676—677, ср. LEW 357 и др.). Более обстоятельно общий фон проблемы — балто-слав. слоговые сонаты — был исследован Куриловичем (BPTJ 16, 1957, 85; ВСЯ 3, 1958, 27 — специально о *lunkis*), доказавшим, что балто-славянская оппозиция *iR : uR* не результат унаследования подобных противопоставлений в и.-евр., но бесспорная балто-славянская инновация, резко выделяющая эти языки среди других и.-евр. языков (ср. отчасти BSW V; Slavia 2, 1923—1924, 2; Vailant Gramm. comp. 1, 171 и др.). Ему же в ряде случаев удалось уточнить условия появления заднего или переднего тембра в рефлексках слоговых сонантов в балт. и слав. Впрочем, сложности в деталях сохраняются и в настоящее время; некоторые из них (возможность влияния со стороны продолжений корня **luk-*) имеют существенное значение, но время ответственного, достаточно дифференцированного и относительно надежного ответа пока, видимо, не наступило. — Поэтому наиболее осторожным и, видимо, менее всего связывающим шагом является указание ближайших соответствий прусск. *lunkis* прежде всего в вост.-балт. языках, но также и в других и.-евр. языках. Предварительно следует лишь заметить, что идея сгибания, согнутости, изгиба, связываемая с и.-евр. **lenk-* / **lonk-*, предполагает, строго говоря, изменение направления, а не указание на характер линии в данном ее фрагменте. И.-евр. **lenk-* / **lonk-* выступает как символ, кодирующий отклонение от прямизны, кривизну, но только как итог сравнения начала и конца движения. Что же касается конкретных денотатов, то этот корень равно описывает, по крайней мере, две категории случаев — и более или менее плавную дугу, и резкий слом, который может быть образован двумя прямыми линиями (случай угла). Впрочем, образ угла может формироваться и на путях сильно схематизированной идеализации дуги, как и обратно, — дуга как приближительный, "ослабленный" образ угла. — В вост.-балт. языках тот же тип вокализма корня, что и в прусск. *lunkis* представлен в лит. *luñkanas* 'гибкий' (*Lunkanas medis*; *Kam tokį luñka pa šakės kotą uždėjai?* LKŽ 7, 687—688), *lunkausis*, *lunkausis*, 'вислоухий', *lunkausė* (7, 688) и др.; лтш. *luñka* 'морской залив', 'низменный луг, заливаемый водою', *lunks*, *lunkans* 'гибкий', *lunkains*, *lunkanība*, *lunkāt* 'schwerfällig gehen' и т.п., *luncināt* 'wedeln'; 'wie eine Katze mit krummen Rücken sich schmiegen' /refl./ (*Kas ap mani luncijās...* BW 11341; *kaķeniņš ... asti vien luncināja*. BW 19300; *cūka ... ausis ... luncenāja*. BW 22832), *lunkan-kājis* (BW 14517, 11), представляющие собою куронизмы (см. ME 2, 513—514; EH 761—762; Būga RR III, 194; Laumane Onom. arcer. 1987, 191—193 и др.); в частности, на их основании реконструируется куршск. *luñka 'залив' (см. FUF 12, 69; RR III, 194), подтверждаемое целым рядом топонимов на быв-

шей куршской территории (ср. о физиографических апеллятивах в Леяскурземе, проанализированных Лаумане, на фоне местных названий типа *Lunkas līcis* и т.п.); собственно лтш. (не из куршск.) *lūoks* (*loks*) 'нечто изогнутое', 'дуга', 'арка', 'круг', *lūokans*, *lūōks* 'гибкий', 'изогнутый', *lūokains*, то же, *lūokanība*, *lūokanums*, *lūokāmība*, *lūoktānis*, *lūokne*, *lūōkns*, *lūoksnē*, *lūokums*, *lūokumains*, *lūokumiōts*, *lūokvēlve* и др., включая глаголы *lūokāt*, freq. к *liekt* 'гнуть', 'сгибать'; 'клонить', *lūokņātīēs*, freq. к *liektiēs* 'sich hin- und herbiegen, sich hin- und herwenden' (ср. русск. диал. *лыкаться* 'бродить', 'мыкаться': *Лыкался, лыкался, а все пришел в батькин угол*. СРНГ 17, 220, ср. *лыкаться* — угол '*lunkis*'); *lūocīt*, ср. *lūocis*, *lūoceklis*, *lūocīgs* (уже у Эльгера) и др.; *luñkans*, *lunkausis*, *lunkāt* и др. см. ME 2, 522—526; EH 765—767; LLVV 146: *Lohks*, *Lokha rittings*, *Lohkt*, *Lohziht* и т.п.; Ērg'. izl. vārdn. 2, 249—251: *luñcināt*, *-iēs*, *luncītiēs*; *lūocīt*, *-iēs*; *lūoks*, *lūokāns*, *lūōksne* и т.п.). Эти примеры, конечно, являются лишь частью (иногда с лексикализированным типом корневого вокализма) целой системы апофонически связанных между собою форм, из которых здесь достаточно указать лишь ключевые точки, существенные для представления целого. Ср. лит. *leñkti* 'сгибать', 'гнуть', 'клонить' (*lėnkė* 'лужайка', *lenkmiū*, *lenkmenė*, *lenktynės* и др.), *liñtki* 'гнуть', 'клониться' (*liñkis* 'сгиб', *linkmiū*, то же, *linkmė* 'направление', *linkà*, *linkis* 'изгиб реки', *liñk*, *linkaĩ*, *liñui*, *linkaĩ/s/* и др.), *lankóti* 'склоняться', 'искривляться', *lankýti* 'посещать' (*lankà* 'луг у реки', *lañkas* 'дуга', 'обруч', 'лук', *lañkstas*, *lankūs*, *lankstūs*, *lañkanas*, *lañktis*, *lankėtas*; *lanka* 'залив', *apylanka* и др.); лтш. *liekt* (*leñca*, *leñce*, *leñcis*; *liks* 'кривой', *līcis* /ср. *jūgas līcis*/, *likt*; *lāncīt*; лит. *lankýti*, ср. *lañka*, *lañtis* и т.п.), см. LEW 356—357. — Слав. примеры несколько дальше отстоят от прусск. *lunkis*, нежели вост.-балт. (если не считать спорадически встречающихся и не всегда достаточно надежных фактов типа русск. диал. *лыкаться*: балт. **lunkat-*, лтш. *lūokāt* и т.п.), но они дают представление скорее об общем фоне (вокализм *e* и *o*), чем о тех специфических образованиях, которые связаны с балт. **lunk-*. Ср. ст.-сл. -лакж, -лаци, лачж, лачати (ср. русск. *лякый* 'кривой'); лжкь 'лук', тóѡв, лжа 'обман', съ-лжкь, лжчж, лжчтити, русск. *лукá* 'изгиб', 'луг в излучине реки. и т.п., см. ЭСР 2, 531—532; ЭССЯ 17, s.v. и многое другое. Из германских примеров ср. др.-исл. *lyng* 'вереск', *endi-langr* Adj. 'in seiner ganzen Ausdehnung', др.-англ. *and-lang*, др.-фриз. *ond-ling*, нем. *entlang*; др.-англ. *bæc-ling* 'rückwärts', др.-в.-нем. *hrucki-lingūn* и др.; ср. также др.-англ. *lōh* (< **laŋha-*), др.-исл. *lengja* 'ремень', 'полоса' и т.п. Для определенного ограниченного ареала (южн. Франция, зап. Швейцария, сев. Италия) реконструируют дороманск. (кельтск.?) *lankā 'углубление', 'русло реки' и т.п. Иногда в этот же ряд вводят и лат. *lanx* 'миска', 'чаша'. — Подобно предполагаемому взаимодействию **lenk-* / **lonk-* и **luk-* в балт., там же наблюдаются и примеры сосуществования (с вытекающими из этого следствиями) **lenk-* / **link-* с **leik-* и **lik-*, о чем см. Fraenkel REI 1, 1938, 405 сл.; LEW 357, 364—365. Эти взаимодействия многое определяют в истории слов, груп-

пирующихся вокруг и.-евр. *lenk- и под. — См. топонимические данные {*lunk-} и др.

— Лит.: Thes. 1873, 97; Schmidt BVS 7, 1873, 245—246; Leskien Bild. 1891, 189; APSpr. 373; BSV 159—160; Slavia 2, 1923—1924, 2—3; Būga RR I, 369; II, 262; III, 194, 205; ME 2, 513—514; SPV 206; Pok. 1, 676—677; LEW 356—357, 390; Kuryłowicz BPTJ 16, 1957, 85; ВСЯ 1958, № 3, 27; РКР II, 277; Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290; Ambrazas Baltist. 23, 1987, 174; Laumane Onom. apcer. 1987, 191—193. — {*lunkis}.

{*lunk-it-} 1, ср. Nom. рг. *Lvnkite*, 1299 (PU 2, 449). APN 53. — См., с одной стороны, {*lunk-} 1, с другой, {*lunk-it-} 2.

{*lunk-it-} 2, ср. *Lunkiten*, 1407, в Самбии (APON 92). — По Герулису, или к Nom. рг. *Lvnkite*, или к прусск. *Lunkis* 'угол' с суф. -it-. — Вероятно, в основе *lunk-it- 1 и *lunk-it- 2 (как и *lunk- 1 и *lunk- 2) — идея изогнутости, кривизны, ср. лит. *lunk-* : *lank-* : *link-* : *lenk-* : *luñkanas* = *lankstūs*, лтш. *lūnks*, *lūnkans*, *luñkans*, *lūnkāt* и т.п.; ср. прусск. *lunkis* 'угол' (< 'изгиб'), см. LEW 390.

{lunk-uk-}, ср. *Lunkucke*, лес, 1343, позже — *Lenkuk* (APON 92 : к прусск. *lunkis* 'угол' или прусск. *lunkan* 'лыко' с суф. -uk-). — См. {*lunk-} 1, {*lunk-} 2 и др. — Из других фиксаций этого навания ср. *Lunkucken*, 1340; *Langkuck*; 1595 (Hennenb. II, 14); *Wielki Łekuk*, *Duzy Łekuk*, *Grosser Lenkuk See* (Słown. nazw Mazur II, 367).

{lup-in-}, ср. *Luppin*, 1280; *Lowpin*, ок. 1400; *Leupin*, *Loypin*, *Luppin* (APON 92: "undurchsichtig"). — "Непрозрачность" связана прежде всего с наличием форм, указывающих на дифтонг в корне (*ow*, *eu*, *ou*); правда, эти формы более позднего происхождения; тем не менее выводить *Lowp-* (**Loup-*) из **Lūp-* нет сколько-нибудь достаточных оснований. — Скорее всего к балт. корню *lup-* 'драть', 'сдирать', 'обдирать'; 'лупить', 'бить' и т.д. (ср. лит. *lūpti*, лтш. *lupt*, слав. *lupiti : *лупить* и т.п.), см. LEW 391—392, откуда и многочисленные именны образования ('кожа', 'шелуха', 'скорлупа' и т.п.), ср. лит. *lūpena*, *lūpūs*, *lūpimas*, *lūpikas*, *lūpata*, *lūpyklà*, лтш. *lupis*, *lupa*, *lupsna*, *lupata*, *lupikī* и т.п. (с иным вокализмом ср. лит. *laupūti*, лтш. *lāupīt* и др.). — Вероятно, сюда относятся лит. *Lupōniai*, *Lupikāi* (LATSŽ 166); *Lupynà*, *Lupōnè* (LUEV 96; Liet. hidr. 188; LHEŽ 200); лтш. *Lupatas*, *Lupati*; *Lupelēni*, *Lūpalāni*, *Luppik* (= *Lupiks*, ср. *Lupiciene* рл. /?/). LV I, 2, 348, 352—361; лтг. *Lupiki*, *Lupika*, *Лупикова* и др. (PN Latg. 293). Названия с корнем *Lup-* на смежных польских и белорусских территориях иногда двусмысленны. Не всегда ясны старые свидетельства типа *Luprow*, *Luppath* (Рюген); *Lupana* и под. (см. EOSON II, 26, 62, 77, 109; ME 65 и др.). Днепр. *Лун(н)а* соотнесена с прусск. *Luppin* в ЛАВП 194, ср. также Turnwald Arheol. un etnogr. 8, 1968, 139. *Luppenow* на польском Поморье (к сев.-вост. от Слупска), как и *Lupia*, днепр. *Луна*, *Луля*, Рудницкий (Sl. Oss. 18, 436—437; Praslów.-Lech.-Polska I, 128, 222) и Милевский (Slav. ant. 11, 1964. 50—51) объясняет из польского, тогда как другие связывают их с "древнеевропейской" гидронимией типа кельтск. *Lupia*, п.п. Рена (Вестфалия, теперь — *Lippe*), *Lupiae* (Калабрия), *Lupitia* (Апулия) и др., ср. Pokorny Urgesch. 1938, 115; Lehr-

Splawiński O poch. Słow. 1946, 71, 184 и др. Трубачев (Baltist. 4, 1968, 41; НПУ 154—155, 256) относится праводнепр. *Луна* (~ *Luna*), как и польск. *Lupia*, приток Бзуры, *Lupawa* (нем. *Lupow*), впадает в Балтийское море и т.д., к дославянскому слою; в частности, он видит в *Луна* старый иллирийский элемент на правобережье Украины (*Луна* объясняется при принятии иллир. *ū* > *i*, ср. Mayer Spr. alt. Illyr. 1, 1957, 139).

{lups-an- (?)}, ср. Nom. рг. *Lupsan*, 1459 (APN 53). — Единичность примера вынуждает воздержаться от каких-либо определенных заключений (расширение с помощью элемента -s- корня *lup-*, ср. лит. *lupsnis*, *lūpsnè*, *lupšnis*, лтш. *lupsna*, *lupsnis*, т.е. **lup-s/a/n-*?; ср. лит. *lūpsena* 'lupimas', 'mušimas', *lupsenti* 'жадно есть', 'лупить' /о еде/, см. LKŽ 7, 701 и т.п.). К суф. -an- ср. *Ardan* (: *Ardete*), *Dywan* (: *Dywitte*), *Gaystan* (: *Gaystut* и т.п.). APN 167; APON 252.

lurlay 'море'. Э 66 ('Mer'). Nom. Pl., в ряду обозначений вод (Э 59 — Э 66). — Конъектура *jurīay, предложенная еще Поттом BVS 6, 1868, 114, является общепризнанной, во всяком случае в отношении анлаута (теоретически мыслимое отражение в / звука /, который мог бы возникнуть в результате гиперкоррекции в условиях "сладкоязычия", практически едва ли может быть обосновано). Но исход слова может дать основания для иных толкований. Недавно Смочиньский Tarpt. balt. konf. 1985, 107—108 предложил (со знаком вопроса) два альтернативных новых чтения: *iurīey* 'jūrè' (по образцу прусск. *Plieynis* при лит. *plėnys*) или *iuriya*? — Подробнее см. *iūrin* (Пр. яз. III, 93—97); там же литература, ср. еще РКР II, i7, 276. — {**jur'ai*}.

luse 'повреждение, ранение головы', 'пролом черепа' ('Kopfverletzung', 'Schädelbruch'). Praetorius, ркп. о помезанском праве, см. Thes. 1873, 97; SPV 206. — К лит. *lūžis* 'пролом', 'перелом', *lūžti* 'ломаться', *lāužti* 'ломать' (ср. LKŽ 7, 717—718 и др.); лтш. *lūzt*, *lāužt* и особенно в том, что касается формы, *lūze* 'трещина' (: прусск. *luse*); *lūze*, *lūza* 'eine Schwache', 'Hinfällige' (ME 2, 520: к *lūzt*), *lāuža* 'Bruch', 'Brechen' и т.д. Другие параллели см. LEW 347; Pok. 1, 686 (: **leug-*). Остается незамеченной слав. параллель — *luzь, ср. русск. диал. *лузь*, *лузья*, *лүзю*, *лүзина*, о низком, болотистом месте (семантическая параллель — нем. *Bruch* : *brechen*, *лузь* — *лүзнуть* 'ударить', лит. *lāužti* и т.п.), см. СРНГ 17, 184, 185. Русск. *лүзнуть* 'ударить' (17, 220) отсылает к слав. **lūz-* (ср. *лүзь*, *лүзь), которое точно отвечает балт. **lūz-* / *lūž — {*lūze}.

{*lus-ev-it-}, см. {**luis-ev-it-*}.

{*lus-ij-ein-}, см. {**luis-ij-ein-*} — Ср. Даубарас Baltist. 14, 1978, 136. — Неясна связь с др.-европ. гидронимами типа калабр. *Lusias*, см. Rohlf's BNf4, 1969, 117, 118.

{*lus-in-}, см. Nom. рг. *Peter Lüssyn* = *P.Lüssyn*, шалав (APN 53). — Вероятно, "рысь" имя. Ср. ст.-лит. *Lūsis*, *Łuśaycis* < *Lūš-aitis*, совр. *Lūšis* (Liet. antr. 169, 231; здесь и топонимические факты); ст.-лтш. *Jost Lusze* (LPV 1, 296); куршск. *Jost Lusze*, 1582—1585; *Matze Lust*, 1582—1583; *Mate Lusz*, 1585 (KF 305: к лтш. *lūsis* 'рысь'). — Ср. прусск. *Lūsis, Nom. рг., восстановленное на основании топонима в острудзск.

повете, см. Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169. — См. *luysis*, {**luis-*} и др.

{*lus-in-* & *median}, ср. *Lusinemedien*, 1326, на барто-натангск. границе; *Lusine*, 1401, позже — *Leißienen* (APON 93). — Сложное двучленное слово; к первому члену ср. *luysis* 'рысь', {**luis-*}; к второму — *median* 'лес'. Букв. — 'Рысий лес', ср. лтш. *Lūšu-sils* (LV I, 2, 352), букв. — 'Рысий бор' и т. п.; — ср. *Lusin*, к зап. от Вислы (Кг. Neustadt, Зап. Прусс.). Brauer Pruß. Siedl. 1983, 84.

{*lus-* & **lauk-*}, ср. *Luselauke*, 1374 (APON 92). — Сложное двучленное название. К первому члену см. *luysis*, {**luis-*}; к второму — *lauks*, {**lauk-*}. В целом — 'Рысье поле'. — См. {**luis-* & **lauk-*}.

{*lut-*}, ср. Nom. pr. *Luthe*, 1339; *Lute*, 1305; — *Lutho*; *Lute* (APN 53). — См. также {**lut-en-*}, {**lut-in-*}, {**lut-* & **mer-*}, {**lut-* & **mod-*}, {**vis-* & **lut-*}, см. APN 143. — По Траутману, переделка из заимствованного имени (ср. поморск. *Lutomir*, *Lutemar*, польск. *Lutek* и т. п.). В таком случае анлаут должен пониматься как *l'*-, что, кстати, открывает путь к сравнению с ст.-лит. Nom. pr. типа *Lutwicz*, *Lutowic*, совр. *Liūt-ikas* и др. (Liet. antr. 168). Зинкявичюс не исключает и трактовки этих фактов в свете совр. *Liūta* (: *liūtas* 'лев') или *Lūtas*, ср. совр. *Lūtas*, *Lūtužis*, *Lūtāvičius* и др. (: *lutėnti* 'трусить', 'семенить', *lūtas* 'коротконогий'); ср. ст.-лтш. *Lutte* (LPV 1, 296: *lutis* 'ein verwöhntes Kind'). Ср. ст.-польск. *Lut*, *Lutek*, *Luta* и т. п., -*lut* (Słown. starop. nazw III, 2, 297 и сл.), блр. *Люцік*, *Лютко́*, *Люціч*, *Лютаў* и др. (Белар. антрап. 2, 262); ст.-русс. *Лютый*, *Лютик* и др. — К "дальним" (др.-малоазятск.) параллелям см. Rimša IV Viss. balt. konf. 1980, 68 (Λουττας).

{*lut-en-*}, ср. *Lutens, позже — нем. *Lautensee*, совр. *Jeziorno* (штумск.); из старых документов — *Luthense*, 1308 (PUB I, 2, 556); *Luwtenzee*, 1434; *Lawtensche*, 1437; *Lawtensee*, 1411; *Lautensee*, 1582, 1632; *Leitensy*, 1647; *Lautensee*, ок. 1790 (Srt. X) и т. п. — От прусск. Nom. pr. *Lutens, ср. *Luthen*, *Lutyn*, 1312 (из Ст. Дзергоня), см. Semgau Siedl. Mojein, III, 1931, 51. — По Гурновичу, корень *Lut-* заимствован из польских имен типа *Lutomir*, а *Lutens могло трактоваться как гипористическое образование от двучленных имен типа *Lut-modus*. — Прусс. элемент *Luten* в речи немцев был расширен элементом *-see*, имеющим чисто структурную функцию (отсутствие здесь какого-либо озера). См. Górniewicz Zesz. Nauk. Wyzd. Human. Uniw. Gdąnsk. Filol. polska. Prace jęz. 1975, N 3, 42; Rocz. Eibl. 8, 1979, 101; TPG 94, 364, 367; Broski Baltist. 14, 1978, 130, 131 и др. — По старым данным, относящимся к остродзскому повету, реконструируется *Lūtis (Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290—291), совр. *Łutynowo*, ср. также: *Lautens*, 1501; *Lutens*, 1411; *Lautes*, 1515; *Lautte*, 1576; *Lautens*, *Lutynowo*, 1820; *Lautens*, *Łutynowo*, 1879; *Lautens*, 1884 (Słown. nazw Mazur II, 76; Słown. geogr. PZP 1, 178). Первичное владельческое название от прусск. Nom. pr. *Lūtis, см. {**lut-*} : *Luthe*, *Lute* и др. Согласно Бёлик, основу *lūt-* пруссы могли заимствовать у славян (ср. *Lutobor*, *Lutogniew*, *Lutomir*, *Lutosław*), см. также Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169—170.

{**lut-in-*}, ср. Nom. pr. *Lutynę*; *Lutyn* (APN 53). — См. {**lut-*}, {**lut-* &

& **mer-*}, {**lut-* & **mod-*}, {**vis-* & **lut-*}; — *lutyn*, топоним (Matusievičiūtē APhil. 8, 1939, 14); ср. лтш. *Lutēņēni* (LV I, 2, 349).

{*lūt-is*}, Nom. pr., восстановленное на основании топонима в остродзск. повете, см. Biolik Acta B.-sl. 18, 1987, 169—170, и литовских параллелей.

{**lut-* & **mer-*}, ср. Nom. pr. *Luthymer*, 1274 (PU 2, 217). APN 53, 143. — Это имя, принадлежавшее пруссу ("Pruthenus"), представляет собой попытку усвоения элементов слав. именослова (**Lut-* & **mēr-*), причем первый член *Lut-* подвергся видоизменению, видимо, к {**lut-*}, {**lut-in-*} и т. п., использовавшимся в личных именах, возможно, прусского происхождения. См. Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 59; из польск. *Luto-mir*. Первый элемент используется и в *Wisseluth*, 1328; *Wissalute*, 1361; *Wisselut*, 1407 (из польск. *Wysze-lut); второй же — из числа весьма нередких, ср. такие славянские имена в прусском ономастиконе, как *Myssilmir*, 1399; *Woldemyr*, 1400; *Woymir*; *Tvngemyr*, *Tongemyr*, 1396, *Tongemers*, 1347; *Wissemyrs*, 1340 и т. п. (ср. также *Miroslaw*, 1323).

{**lut-* & **mod-*}, ср. Nom. pr. *Heinricus Lutmodus*, 1292, из Вармии (латинская грамота). APN 53, 143. — Сложное двучленное имя; к первому члену см. {**lut-*}, {**lut-in-*}, {**lut-en-*} и др.; к второму — {**mod-*}, отраженное, вероятно, в прусск. *Mōde*, 1394 (SRP 2, 680, ср. топоним *Modien*, 1426. APON 100); *Modot(h)*, 1410 (APN 61); не вполне ясно отношение к ст.-лтш. *Made*, *Madis* (LPV 1, 207; к лтш. *mādīt* 'herveischaffen'; 'mit der Hand winken' и т. д., см. ME 2, 576—577). См. также Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 72.

Дополнения к предыдущим (I—IV) томам

К Bartha см. Ochmański. Skotwa i Borcie. — Z polsk. stud. slav. Ser. 4. Historia 1972, 83—89; БСЛ. Иссл. 1980, 1981, 123—125; Судник Б.-сл. этнояз. конт. 1980, 187. На территории совр. Литвы 11 насел. пунктов с названиями типа *Barčiai*. Охманский видит в них следы тех "бортей", которых Тройден во второй полов. XIII в. посадил в Гродно, Слониме, Волковыске (ср. в Волынк. летоп. под 1276 г.: *Придоша Проуси ко Тройденеви и(з) своеи земли неволею перед Немци*) и из-за которых шли военные действия между Галицким княжеством и Литвой (в 1278 г.: *Проуси же и Бортеве выехавше из города [Волковыск?] оударюша на не ночь и избиша е все а другие изоимаша*). Słown. geogr. Polsk. I, 106, 329; XV, 84, 85, 87, 199, 200, 216 указывает на старой литовской этнографич. территории не менее 21 названия типа *Borcie/Bortele*. Ср.: *Bortelė*, *Borcie*, *Borciele*, *Borciany*, *Borciszki*, *Barciuny*, *Borteliszki*, *Barteniszki*, *Borc-Turejsk*, *Borciaki*, *Bartele* (некоторые из них встречаются по несколько раз), ср. также две не отмеченных в Словаре деревни *Barčiai* около Лаздияй. Характерно, что этих названий нет к югу от Немана, на Руси. Их средоточие — средний Неман и нижняя Виля (Нерис). В бывш. Сейн. пов. было 4 селения *Borcie*, в Трокск. — 4, в Лидск. — 3, Ошмянск. — 3. Крайний западный пример — *Borcie*, ок. Шаукенай, в Жемайтии;

крайний восточный — под Рубеживичами (зап. Минска). Источники XV — начала XVI в. сообщают о ряде бортыанских деревень под Кернаве, Медининкай. Видимо, литовские борты существуют здесь с конца XIII в. в силу распоряжения о них Тройдена. Один из наиболее интересных фактов — существование целой "бортыанской волости", "бортыанского повета" над рекой Пелясой, о чем сообщают источники 1494 и 1503 г. В 1493 г. упоминается особый "наместник бортыанский". Продолжением этой волости можно считать известное по инвентарю 1765 г. "староство бортыанское", состоявшее из 4 войтовств. Бортыанским по преимуществу было пелясское воеводство. Борты были поселены в южной наднеманской и надвилейской Литве, где несколько позже нашли себе прибежище и ятвяги, они пользовались известными привилегиями ("Ustawa na wołoki" Сигизмунда Августа от 1557 г. указывает, что борты "розность в роботах от инших подданных наших мели"); они, видимо, платили только чинш и дякло, будучи освобожденными от барщины и иных повинностей. В указанном документе объясняется и причина этих привилегий: *а коли им на войну ити кажем, мают мети тот рок вольный ото всих платов, а мосты им неповинные мосты и мают, а за то им фолькгу в чиншох наших делати кажем подле воли наше* (РИБ ХХХ, 1914, 543—544). Видимо, мощение мостов ("неповинных" и "повинных") издавна было обязанностью бортыан. В грамоте Казимира Ягеллончика 1486 г. говорится: *Сыну Копачевича казали есьмо: мает робити в Ковне людем нашим Борте м городу. Про то ж штобы еси тым людем дали дерева на мост до Ковна в пушчах своих подле Немна, колько будет потреба* (Акты Литовск. Метрики I, 1, 1896, 16). "Устава господарска" от 1547 г. снова упоминает бортыан в связи с мостами: *boгсzi, ktorzy przed wojskiem czasu wojny mosty czupią* (РИБ ХХХ, 616). Видимо, в это время этническое значение слова *борты* уступает место профессиональному (строитель мостов). Кое-где (напр., в окрестностях Радуня, неподалеку от Пелясы) слова *борць*, *барць* употребляются белоруссами для обозначения жителей лесных мест (см. Гринблат *Вопр. этн. ист. Прибалт.* 1959, 541). Пеляса и ее окрестности до сих пор сохраняют свидетельства этого названия, употребляемого для обозначения несколько обособленной (по крайней мере, в своем языке) этнографической группы. Белорусы окрестных деревень так говорят о пелясцах: *barc'ak šv'apatlvy; barc'akl g'arg'ėčuc', uz'au žonku barc'anku i sám zbarc'acėy; us'ė bōrci pavylāzili, adny gudų astall's'a u autōbus'e; bylō u vāv'arce l'udnōs'ci — i barc'ėi i nāsųx l'uz'ėi*. Язык пелясцев называют "барцяньским": *jā us'ėn'ki jīx jazųk panimāju, tyl'ko javarųc' pa barc'anskū ni maųi* (примеры Т.М. Судник). Характерно и прежнее название этой деревни — *Бортыанская Пеляса*. Однако в актуальном сознании местных жителей их обозначение как бортыан связывают с их бортыанством, которое, однако, никогда не было преимущественным занятием жителей Пелясы, отличавшим их от окрестного населения. Несомненно, что известность бортыан в старое время имела другие основания. "В экономической и, надо полагать,

военной истории Литвы борты сыграли заметную роль, принеся свое, несомненно, высокое профессиональное мастерство на службу новой, милостивой к ним родине" (Охманский, 125).

{*Bruten-}, имя одного из братьев-близнецов прусской мифологизированной исторической традиции, который вместе со своим братом Видевутом, согласно источникам XVI в. (см. "Хронику" Грунау) прибыл по морю в Пруссию, в устье Вислы, и стал организатором первого прусского культового центра в Ромове и первым верховным жрецом криве-кривайтисом, воздвигшим "жилище" для божественной триады. Возможно, что Брутен и Видевут были обожествлены. Во всяком случае пруссы поклонялись кумирам этих близнецов, парным столбам, один из которых назывался *Worskaito, Wurskait, Wurschaito*, а другой *Iszwambrato*, толкуемое как *swais brati* [?! 'его брат' (этот столб был посвящен Брутену)]. См. LPG 192—195, 224—225, а также БСЛ. Иссл. 1982, 1983 и др. С этим именем Брауер *Peuß. Siedl.* 1980, 22—25; *Apparatus II*, 1982, 71 и др. (также письмо от 1 апр. 1981 г. автору) связывает название деревни *Brutinino* к зап. от Вислы, между Полленшином и Турмбергом, упоминаемой уже в грамоте 1255 г., когда померанский герцог Самбор II даровал монастырю Лекно две деревни — *Brutinino* и *Pelasino*. По мнению Брауэра, название деревне могло быть дано по некогда находившемуся поблизости святилищу. Это предположение может оказаться правдоподобным, учитывая сильно мифологизированный топонимический контекст этой местности. Ср. неподалеко местечко *Patull*, совпадающее по названию с именем прусского бога преисподней.

{*il-av-ing-}. — Эта форма восстанавливается для названия современной реки *Elbląg*, текущей из озера Друзно в Вислинский залив, и для названия замка и центра комтурства уже в Орденское время. Предполагается (с достаточными основаниями), что некогда это название относилось к какой-то другой реке, которая, начинаясь на Эльбингской возвышенности, впадала в дельту Вислы. Изменения в дельте Вислы (XI и XIII вв.) привели к образованию оз. Друзно, которое узким руслом было соединено с Вислинским заливом. Именно на него и было перенесено германизированное название прежней реки — *Elwing* или *Elbing*. Эта исчезнувшая река упоминается уже в сообщении Вульфстана ок. 890 г., где говорится о реке *Ilfing*, впадающей с востока в море эстов, на берегу которого находится Трусо, и о Висле, впадающей в то же море с юга из края венедов и берущей у Ильфинга его имя (*Thonne cymedh Ilfing eastan in Estmare of dhaem mere, dhe Truso standeth in stadhe, ond cumadh ut samod in Estmere, Ilfing eastan of Estlande ond Wisle sudhan of Winodlande. Ond thonne benimidh Wisle Ilfing hire paman*). Через три с половиной века зафиксировано уже название места *Elbinc*, 1238; *in Elbinge*, 1246 (PUB I, 131). О переносе его с названия реки на замок сообщает Дусбург в своей "Хронике": *Castrum de Elbingo quod a nomine fluminis Elbingum appellavit* (SRP I, 60—61). В дальнейшем в орденских записях преобладают записи этого названия с *b*, рас-

смаатриваемые как результат ср.-в.-нем. субституции $w > b$. Тем не менее время от времени фиксируются и записи этого названия с w . Ср.: *Elwing*, 1354; *in Elwingo*, 1389 (KDP 771); *Elwing*, 1410 (Ausg. Marienb.); *czum Elwinge*, 1412 (Ibid. 53). В дальнейшем германизированная форма названия подверглась полонизации; сначала появились записи типа *Elbyang* (до 1454 г.), см. Ketrzyński O ludn. polsk. w Prus. 1882, 103, а потом записи с b после l ; в качестве самой ранней из известных ему Гурнович приводит *Elblag* 1661 (Fontes Tor. LVIII, 37). В объяснении происхождения этого названия преобладала та точка зрения, которая связывала его с герм. источником. В частности, Буга *Šviet. darb.* 1921, № 5—6, 19 восстанавливал этот источник в виде готск. *Ilbingaz; Рудницкий *Sl. Осс.* 13, 1934, 153—154; 15, 1936, 167 — из прагерм. *Albingaz (при предположении, что Висла называлась *Albis), ср. его же *Prasłow.-Lech.-Polska* 1959 (где уже не исключается и возможность объяснения из прусского); Экблом (*Der Name Elbing.-Festkr. Sahlgren* 1944, 209) — от викингов; Роппель *Nautologia* 4, 1969, № 3—4 — из герм. *Alf, Alp, Elf, ALv* с суф. *-ing* (мифологическая параллель — существа, жившие у воды) и т.п. Гурнович. *Roczn. Elbl.* 8, 1979, 99—100 справедливо указывает слабые стороны этих германских объяснений (первая запись названия относится к концу IX в., тогда как первыми германцами, пришедшими сюда, были крестоносцы — 30-е годы XIII в.; суф. *-ing* выполнял в ст.-немецк. топонимии прежде всего патронимическую функцию и, следовательно, не мог быть у речного названия; к XIII в. формант *-ing* уже не был продуктивен даже на старых немецких территориях; он sporadически использовался на слав. землях для структурной германизации слав. названий с суф. *-in-*) и, видимо, готов присоединиться к тем, кто объясняет это название из балт. источника. Кажется первым эту точку зрения выдвинул Герулис *APON* 48—49, который, однако, считал, что *Ilfing* Вульфстана—результат субституции прусск. *Elbing*. Дальнейший прогресс в этом направлении связан с предложением Заброцкого *Warm. Maz.* 1953, 273 видеть в этом названии балт. корень **il-* 'черный' (: слав. *ilь), расширенный суф. *-av-*, и исходить как из источника из формы *Il-av-ing-s, прусской по происхождению; ср. *Ilawia* (теперь *Ilawa*), а также ряд прусских названий с корнем *il-*, см. *Пр. яз.* III, 38—39 (в том числе — **il-av-*). Ср. также Górniewicz *Żuławy* 1976, 55—56 и др. — Древнее название Эльбинга, датируемое концом IX в., относится к самым ранним свидетельствам (наряду с *Truso*) наличия здесь прусского элемента.

Опыты в реконструкции новопрусского языка (см.: *Палмайтис М.Л., Топоров В.Н.* // *БСл. Иссл.* 1983. 1984, 36—63; *Palmitis M.L.* *Prusa* 1990. *Kaunas*, 1990) могут отныне рассматриваться как "третичный" и искусственный ("бумеранговый") источник "старопрусской" лексики.